Кир

БУЛЫЧЕВ

СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ
ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА
ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ АКАДЕМИКОВ
ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ
ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ
МОНУМЕНТЫ МАРСА
КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ
ЖЕРТВА ВТОРЖЕНИЯ
СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД

Москва
ЭКСМО
2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 г.

Булычев К.

Б 90 Сто лет тому вперед: Фантастические произведения / Кир Булычев. — М.: Эксмо, 2007. — 896 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-19555-6

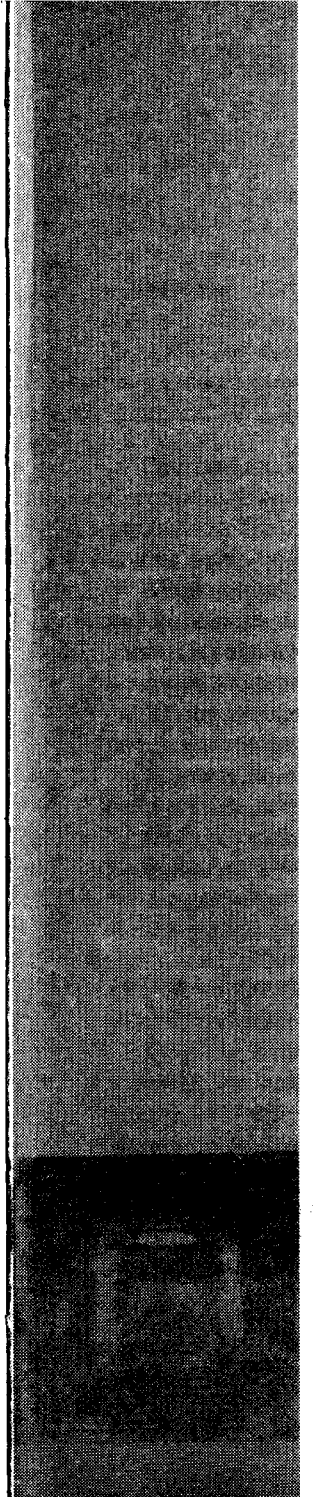
Впервые в рамках одного книжного собрания выходят все повести и рассказы об отважной девочке из будущего Алисе Селезневой и ее друзьях.

В первую книгу о приключениях «гостьи из будущего» Алисы Селезневой вошло девять фантастических произведений, среди которых «Путешествие Алисы» и «Сто лет тому вперед», известные многим по мультфильму «Тайна третьей планеты» и многосерийному телефильму «Гостья из будущего».

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-19555-6

© Булычев К., 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ДЕВОЧКА, С КОТОРОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Завтра Алиса идет в школу. Это будет очень интересный день. Сегодня с утра видеофонят ее друзья и знакомые, и все ее поздравляют. Правда, Алиса и сама уже три месяца как никому покоя не дает — рассказывает о своей будущей школе.

Марсианин Бус прислал ей какой-то удивительный пенал, который пока что никто не смог открыть — ни я, ни мои сослуживцы, среди которых, кстати, было два доктора наук и главный механик зоопарка.

Шуша сказал, что пойдет в школу вместе с Алисой и проверит, достаточно ли опытная учительница ей достанется.

Удивительно много шума. По-моему, когда я уходил в первый раз в школу, никто не поднимал такого шума.

Сейчас суматоха немного утихла. Алиса ушла в зоопарк попрощаться с Бронтей.

А пока дома тихо, я решил надиктовать несколько историй из жизни Алисы и ее друзей. Я перешлю эти записки Алисиной учительнице. Ей полезно будет знать, с каким несерьезным человеком ей придется иметь дело. Может быть, эти записки помогут учительнице воспитать мою дочку.

Сначала Алиса была ребенок как ребенок. Лет до трех. Доказательством тому — первая история, которую я собираюсь рассказать. Но уже через год, когда она встретилась с Бронтей, в ее характере обнаружилось умение делать все не как положено, исчезать в самое неподходящее время и даже случайно делать открытия, которые оказались не по силам крупнейшим ученым современности. Алиса умеет извлекать выгоду из хорошего к себе отношения, но тем не менее у нее масса верных друзей. Нам же, ее родителям, бывает очень трудно. Ведь мы не можем все время сидеть дома; я работаю в зоопарке, а наша мама строит дома, и притом часто на других планетах.

Я хочу заранее предупредить учительницу Алисы — ей тоже будет, наверно, нелегко. Пускай же она внимательно выслушает совершенно правдивые истории, случившиеся с девочкой Алисой в разных местах Земли и космоса в течение последних трех лет.

Я НАБИРАЮ НОМЕР

Алиса не спит. Десятый час, а она не спит. Я сказал:

— Алиса, спи немедленно, а то...

— Что «а то», папа?

— А то я провидеофоню Бабе-яге.

— А кто такая Баба-яга?

— Ну, это детям надо знать. Баба-яга, костяная нога — страшная, злая бабушка, которая кушает маленьких детей. Непослушных.

— Почему?

— Ну, потому что она злая и голодная.

— А почему голодная?

— Потому что у нее в избушке нет продуктопровода.

— А почему нет?

— Потому что избушка у нее старая-престарая и стоит далеко в лесу.

Алисе стало так интересно, что она даже села на кровати.

— Она в заповеднике работает?

— Алиса, спать немедленно!

— Но ты ведь обещал позвать Бабу-ягу. Пожалуйста, папочка, дорогой, позови Бабу-ягу!

— Я позову. Но ты об этом очень пожалеешь.

Я подошел к видеофону и наугад нажал несколько кнопок. Я был уверен, что соединения не будет и Бабы-яги «не окажется дома».

Но я ошибся. Экран видеофона просветлел, загорелся ярче, раздался щелчок — кто-то нажал кнопку приема на другом конце линии, и еще не успело появиться на экране изображение, как сонный голос сказал:

— Марсианское посольство слушает.

— Ну как, папа, она придет? — крикнула из спальни Алиса.

— Она уже спит, — сердито сказал я.

— Марсианское посольство слушает, — повторил голос.

Я повернулся к видеофону. На меня смотрел молодой марсианин. У него были зеленые глаза без ресниц.

— Простите, — сказал я, — я, очевидно, ошибся номером.

Марсианин улыбнулся. Он смотрел не на меня, а на что-то за моей спиной. Ну конечно, Алиса выбралась из кровати и стояла босиком на полу.

— Добрый вечер, — сказала она марсианину.

— Добрый вечер, девочка.

— Это у вас живет Баба-яга?

Марсианин вопросительно посмотрел на меня.

— Понимаете, — сказал я, — Алиса не может заснуть, и я хотел провидеофонить Бабе-яге, чтобы она ее наказала. Но вот ошибся номером.

Марсианин снова улыбнулся.

— Спокойной ночи, Алиса, — сказал он. — Надо спать, а то папа позовет Бабу-ягу.

Марсианин попрощался со мной и отключился.

— Ну, теперь ты пойдешь спать? — спросил я. — Ты слышала, что сказал тебе дядя с Марса?

— Пойду. А ты возьмешь меня на Марс?

— Если будешь хорошо себя вести, летом туда полетим.

В конце концов Алиса уснула, и я снова сел за работу. И засиделся до часу ночи. А в час вдруг приглушенно заверещал видеофон. Я нажал кнопку. На меня глядел марсианин из посольства.

— Извините, пожалуйста, что я побеспокоил вас так поздно, — сказал он, — но ваш видеофон не отключен, и я решил, что вы еще не спите.

— Пожалуйста.

— Вы не могли бы помочь нам? — сказал марсианин. — Все посольство не спит. Мы перерыли все энциклопедии, изучили видеофонную книгу, но не можем найти, кто такая Баба-яга и где она живет...

БРОНТЯ

К нам в Московский зоопарк привезли яйцо бронтозавра. Яйцо нашли чилийские туристы в оползне на берегу Енисея. Яйцо было почти круглое и замечательно сохранилось в вечной мерзлоте. Когда его начали изучать специалисты, то они обнару-

жили, что яйцо совсем свежее. И поэтому решено было поместить его в зоопарковский инкубатор.

Конечно, мало кто верил в успех, но уже через неделю рентгеновские снимки показали, что зародыш бронтозавра развивается. Как только об этом было объявлено по интервидению, в Москву начали слетаться со всех сторон ученые и корреспонденты. Нам пришлось забронировать всю восьмидесятиэтажную гостиницу «Венера» на Тверской улице. Да и то она всех не вместила. Восемь турецких палеонтологов спали у меня в столовой, я поместился в кухне с журналистом из Эквадора, а две корреспондентки журнала «Женщины Антарктиды» устроились в спальне Алисы.

Когда наша мама провидеофонила вечером из Нукуса, где она строит стадион, она решила, что не туда попала.

Все телеспутники мира показывали яйцо. Яйцо сбоку, яйцо спереди; скелеты бронтозавра и яйцо...

Конгресс космофилологов в полном составе приехал на экскурсию в зоопарк. Но к тому времени мы уже прекратили доступ в инкубатор, и филологам пришлось смотреть на белых медведей и марсианских богомолов.

На сорок шестой день такой сумасшедшей жизни яйцо вздрогнуло. Мы с моим другом профессором Якатой сидели в этот момент у колпака, под которым хранилось яйцо, и пили чай. Мы уже перестали верить в то, что из яйца кто-нибудь выведется. Ведь мы больше его не просвечивали, чтобы не повредить нашему «младенцу». И мы не могли заниматься предсказаниями хотя бы потому, что никто до нас не пробовал выводить бронтозавров.

Так вот, яйцо вздрогнуло, еще раз... треснуло, и сквозь толстую кожистую скорлупу начала просовываться черная, похожая на змеиную, голова. Застрекотали автоматические съемочные камеры. Я знал, что над дверью инкубатора зажегся красный огонь. На территории зоопарка началось что-то весьма напоминающее панику.

Через пять минут вокруг нас собрались все, кому положено было здесь находиться, и многие из тех, кому находиться было совсем не обязательно, но очень хотелось. Сразу стало очень жарко.

Наконец из яйца вылез маленький бронтозаврёнок.

— Папа, как его зовут? — услышал я вдруг знакомый голос.

— Алиса! — удивился я. — Ты как сюда попала?

— Я с корреспондентами.

— Но ведь детям сюда нельзя.

— Мне можно. Я всем говорила, что я твоя дочка. И меня пустили.

— Ты знаешь, что пользоваться знакомствами для личных целей нехорошо?

— Но ведь, папа, маленькому Бронте, может быть, скучно без детей, вот я и пришла.

Я только рукой махнул. У меня не было ни минуты свободной, чтобы вывести Алису из инкубатория. И не было вокруг никого, кто согласился бы это сделать за меня.

— Стой здесь и никуда не уходи, — сказал я ей, а сам бросился к колпаку с новорожденным бронтозавром.

Весь вечер мы с Алисой не разговаривали. Поссорились. Я запретил ей появляться в инкубаторе, но она сказала, что не может меня послушаться, потому что ей жалко Бронтю. И на следующий день она снова пробралась в инкубатор. Ее провели космонавты с корабля «Юпитер-8». Космонавты были героями, и никто не мог отказать им.

— Доброе утро, Бронтя, — сказала она, подходя к колпаку.

Бронтозавренок искоса посмотрел на нее.

— Чей это ребенок? — строго спросил профессор Яката.

Я чуть сквозь землю не провалился.

Но Алиса за словом в карман не лезет.

— Я вам не нравлюсь? — спросила она.

— Нет, что вы, совсем наоборот... Я просто подумал, что вы, может быть, потерялись... — Профессор совсем не умел разговаривать с маленькими девочками.

— Ладно, — сказала Алиса. — Я к тебе, Бронтя, завтра зайду. Не скучай.

И Алиса в самом деле пришла завтра. И приходила почти каждый день. Все к ней привыкли и пропускали без всяких разговоров. Я же умыл руки. Все равно наш дом стоит рядом с зоопарком, дорогу переходить нигде не надо, да и попутчики ей всегда находились.

Бронтозавр быстро рос. Через месяц он достиг двух с половиной метров длины, и его перевели в специально выстроенный павильон. Бронтозавр бродил по огороженному загону и жевал молодые побеги бамбука и бананы. Бамбук привозили грузовыми ракетами из Индии, а бананами нас снабжали фермеры из Малаховки. В цементном бассейне посреди загона плескалась теплая солоноватая вода. Такая нравилась бронтозавру.

Но вдруг он потерял аппетит. Три дня бамбук и бананы оставались нетронутыми. На четвертый день бронтозавр лег на дно бассейна и положил на пластиковый борт маленькую черную голову. По всему было видно, что он собирается умирать. Этого мы не могли допустить. Ведь у нас был всего один бронтозавр. Лучшие врачи мира помогали нам. Но все было напрасно. Бронтя отказывался от травы, витаминов, апельсинов, молока — от всего.

Алиса не знала об этой трагедии. Я ее отправил к бабушке во Внуково. Но на четвертый день она включила телевизор как раз в тот момент, когда передавали сообщение об ухудшении здоровья бронтозавра. Я уж не знаю, как она уговорила бабушку, но в то же утро Алиса вбежала в павильон.

— Папа! — закричала она. — Как ты мог скрыть от меня? Как ты мог?..

— Потом, Алиса, потом, — ответил я. — У нас совещание.

У нас и в самом деле шло совещание. Оно не прекращалось последние три дня.

Алиса ничего не сказала и отошла. А еще через минуту я услышал, как рядом кто-то ахнул. Я обернулся и увидел, что Алиса уже перебралась через барьер, соскользнула в загон и побежала к морде бронтозавра. В руке у нее была белая булка.

— Ешь, Бронтя, — сказала она, — а то они тебя здесь голодом заморят. Мне бы тоже на твоем месте надоели бананы.

И не успел я добежать до барьера, как случилось невероятное. То, что прославило Алису и сильно испортило репутацию нам, биологам.

Бронтозавр поднял голову, посмотрел на Алису и осторожно взял булку у нее из рук.

— Тише, папа, — погрозила мне пальцем Алиса, увидев, что я хочу перепрыгнуть через барьер. — Бронтя тебя боится.

— Он ей ничего не сделает, — сказал профессор Яката.

Я и сам видел, что он ничего не сделает. Но что, если эту сцену увидит бабушка?

Потом ученые долго спорили. Спорят и до сих пор. Одни говорят, что Бронтя нуждался в перемене пищи, а другие — что он больше, чем нам, доверял Алисе. Но, так или иначе, кризис миновал.

Теперь Бронтя стал вполне ручным. Хотя в нем около тридцати метров длины, для него нет большего удовольствия, чем покатать на себе Алису. Один из моих ассистентов сделал специальную стремянку, и, когда Алиса приходит в павильон, Бронтя

протягивает в угол свою длиннющую шею, берет треугольными зубами стоящую там стремянку и ловко подставляет ее к своему черному блестящему боку.

Потом он катает Алису по павильону или плавает с ней в бассейне.

ТУТЕКСЫ

Как я обещал Алисе, я взял ее с собой на Марс, когда полетел туда на конференцию.

Долетели мы благополучно. Правда, я не очень хорошо переношу невесомость и поэтому предпочитал не вставать с кресла, но моя дочка все время порхала по кораблю, и однажды мне пришлось снимать ее с потолка рубки управления, потому что она хотела нажать на красную кнопку, а именно — на кнопку экстренного торможения. Но пилоты на нее не очень рассердились.

На Марсе мы осмотрели город, съездили с туристами в пустыню и побывали в Больших пещерах. Но после этого мне некогда было заниматься с Алисой, и я отдал ее на неделю в интернат. На Марсе работает много наших специалистов, и марсиане помогли нам построить громадный купол детского городка. В городке хорошо — там растут настоящие земные деревья. Иногда ребятишки ездят на экскурсии. Тогда они надевают маленькие скафандры и выходят вереницей на улицу.

Татьяна Петровна — так зовут воспитательницу — сказала, что я могу не беспокоиться. Алиса тоже сказала, чтобы я не беспокоился. И мы попрощались с ней на неделю.

А на третий день Алиса пропала.

Это было совершенно исключительное происшествие. Начать с того, что за всю историю интерната никто из него не пропадал и даже не терялся больше чем на десять минут. На Марсе в городе потеряться совершенно невозможно. А тем более земному ребенку, одетому в скафандр. Первый же встречный марсианин приведет его обратно. А роботы? А Служба безопасности? Нет, потеряться на Марсе невозможно.

Но Алиса потерялась.

Ее не было уже около двух часов, когда меня вызвали с конференции и на марсианском вездеходе-прыгуне привезли в интернат. Вид у меня был, наверно, растерянный, потому что, когда

я появился под куполом, все собравшиеся там сочувственно замолчали.

А кого там только не было! Все преподаватели и роботы интерната, десять марсиан в скафандрах (им приходится надевать скафандры, когда они входят под купол, в земной воздух), звездолетчики, начальник спасателей Назарян, археологи...

Оказывается, телестанция города уже час как через каждые три минуты передавала сообщение о том, что пропала девочка с Земли. Все видеофоны Марса горели тревожными сигналами. В марсианских школах были прекращены занятия, и школьники, разделившись на группы, прочесывали город и окрестности.

Исчезновение Алисы обнаружили, как только ее группа вернулась с прогулки. С тех пор прошло два часа. Кислорода же в ее скафандре — на три часа.

Я, зная свою дочку, спросил, осмотрели ли укромные места в самом интернате или рядом с ним. Может быть, она нашла марсианского богомола и наблюдает за ним...

Мне ответили, что подвалов в городе нет, а все укромные места обследованы школьниками и студентами марсианского университета, которые эти места знают назубок.

Я рассердился на Алису. Ну конечно, сейчас она с самым невинным видом выйдет из-за угла. А ведь ее поведение натворило в городе больше бед, чем песчаная буря. Все марсиане и все земляне, живущие в городе, оторваны от своих дел, поднята на ноги вся спасательная служба. К тому же мной всерьез овладело беспокойство. Это ее приключение могло плохо кончиться.

Все время поступали сообщения от поисковых партий: «Школьники второй марсианской прогимназии осмотрели стадион. Алисы нет», «Фабрика марсианских сладостей сообщает, что ребенка на ее территории не обнаружено»...

«Может быть, она в самом деле умудрилась выбраться в пустыню? — думал я. — В городе ее бы уже нашли. Но пустыня... Марсианские пустыни еще толком не изучены, и там можно потеряться так, что тебя и через десять лет не найдут. Но ведь ближайшие районы пустыни уже обследованы на прыгунах-вездеходах...»

— Нашли! — вдруг закричал марсианин в синем хитоне, глядя в карманный телевизор.

— Где? Как? Где? — заволновались собравшиеся под куполом.

— В пустыне. В двухстах километрах отсюда.

— В двухстах?!

«Конечно, — подумал я, — они не знают Алису. От нее этого можно было ждать».

— Девочка себя хорошо чувствует и скоро будет здесь.

— А как же она туда забралась?

— На почтовой ракете.

— Ну конечно! — сказала Татьяна Петровна и заплакала. Она переживала больше всех. Все бросились ее утешать.

— Мы же проходили мимо почтамта, и там загружались автоматические почтовые ракеты. Но я не обратила внимания. Ведь их видишь по сто раз на дню!

А когда через десять минут марсианский летчик ввел Алису, все стало ясно.

— Я туда залезла, чтобы взять письмо, — сказала Алиса.

— Какое письмо?

— А ты, папа, сказал, что мама напишет нам письмо. Вот я и заглянула в ракету, чтобы взять письмо.

— Ты забралась внутрь?

— Ну конечно. Дверца была открыта, и там лежало много писем.

— А потом?

— Только я туда залезла, как дверь закрылась и ракета полетела. Я стала искать кнопку, чтобы ее остановить. Там много кнопок. Когда я нажала последнюю, ракета пошла вниз, и потом дверь открылась. Я вышла, а вокруг песок, и тети Тани нет, и ребят нет.

— Она нажала кнопку срочной посадки! — с восхищением в голосе сказал марсианин в синем хитоне.

— Я немного поплакала, а потом решила идти домой.

— А как ты догадалась, куда идти?

— Я забралась на горку, чтобы посмотреть оттуда. А в горке была дверца. С горки ничего не было видно. Тогда я вошла в комнатку и села там.

— Какая дверца? — удивился марсианин. — В том районе только пустыня.

— Нет, там была дверца и комната. А в комнате стоит большой камень. Как египетская пирамида. Только маленькая. Помнишь, папа, ты читал мне книжку про египетскую пирамиду?

Неожиданное заявление Алисы привело в сильное волнение марсиан и Назаряна, начальника спасателей.

— Тутексы! — закричали они.

— Где нашли девочку? Координаты!

И половину присутствующих как языком слизнуло.

А Татьяна Петровна, которая взялась сама накормить Алису, рассказала мне, что много тысяч лет назад на Марсе существовала таинственная цивилизация тутексов. От нее остались только каменные пирамидки. До сих пор ни марсиане, ни археологи с Земли не смогли найти ни одного строения тутексов — только пирамидки, разбросанные по пустыне и занесенные песком. И вот Алиса случайно наткнулась на строение тутексов.

— Вот видишь, тебе опять повезло, — сказал я. — Но все-таки я немедленно увожу тебя домой. Там теряйся сколько хочешь. Без скафандра.

— Мне тоже больше нравится теряться дома, — сказала Алиса.

...Через два месяца я прочел в журнале «Вокруг света» статью под названием «Вот какими были тутексы». В ней рассказывалось, что в марсианской пустыне удалось наконец обнаружить ценнейшие памятники тутекской культуры. Сейчас ученые заняты расшифровкой надписей, найденных в помещении. Но самое интересное — на пирамидке обнаружено изображение тутекса, великолепное по сохранности. И тут же была фотография пирамидки с портретом тутекса.

Портрет показался мне знакомым. И страшное подозрение охватило меня.

— Алиса, — очень строго сказал я, — признайся честно, ты ничего не рисовала на пирамидке, когда потерялась в пустыне?

Перед тем как ответить, Алиса подошла ко мне и внимательно посмотрела на картинку в журнале.

— Правильно. Это ты нарисован, папочка. Только я не рисовала, а нацарапала камешком. Мне там так скучно было...

ЗАСТЕНЧИВЫЙ ШУША

У Алисы много знакомых зверей: два котенка; марсианский богомол, который живет у нее под кроватью и по ночам подражает балалайке; ежик, который жил у нас недолго, а потом ушел обратно в лес; бронтозавр Бронтя — к нему Алиса ходит в гости в зоопарк; и, наконец, соседская собака Рекс, по-моему, карликовая такса не очень чистых кровей.

Еще одним зверем Алиса обзавелась, когда вернулась первая экспедиция с Сириуса.

Алиса познакомилась с Полосковым на встрече этой экспедиции. Я не знаю, как она это устроила: у Алисы широкие связи. Так или иначе, она оказалась среди ребят, которые принесли космонавтам цветы. Представьте мое удивление, когда я вижу по телевизору — бежит Алиса по летному полю с букетом голубых роз больше ее самой и вручает его самому Полоскову.

Полосков взял ее на руки, они вместе слушали приветственные речи и вместе ушли.

Алиса вернулась домой только вечером с большой красной сумкой в руках.

— Ты где была?

— Больше всего я была в детском саду, — ответила она.

— А меньше всего где ты была?

— Нас еще возили на космодром.

— И потом?

Алиса поняла, что я смотрел телевизор, и сказала:

— Еще меня попросили поздравить космонавтов.

— Кто же это тебя попросил?

— Один человек, ты его не знаешь.

— Алиса, тебе не приходилось сталкиваться с термином «телесные наказания»?

— Знаю, это когда шлепают. Но, я думаю, только в сказках.

— Боюсь, что придется сказку сделать былью. Почему ты всегда лезешь, куда не следует?

Алиса хотела было на меня обидеться, но вдруг красная сумка у нее в руке зашевелилась.

— Это еще что такое?

— Это подарок от Полоскова.

— Ты выпросила себе подарок! Этого еще не хватало!

— Я ничего не выпрашивала. Это Шуша. Полосков привез их с Сириуса. Маленький шуша, шушонок, можно сказать.

И Алиса осторожно достала из сумки маленького шестилапого зверька, похожего на кенгуренка. У шушонка были большие стрекозиные глаза. Он быстро вращал ими, крепко вцепившись верхней парой лап в Алисин костюм.

— Видишь, он меня уже любит, — сказала Алиса. — Я ему сделаю постель.

Я знал историю с шушами. Все знали историю с шушами, а мы, биологи, в особенности. У меня в зоопарке было уже пять шуш, и со дня на день мы ожидали прибавления семейства.

Полосков с Зеленым обнаружили шуш на одной из планет в системе Сириуса. Эти милые, безобидные зверушки, которые ни

на шаг не отставали от космонавтов, оказались млекопитающими, хотя по повадкам больше всего напоминали наших пингвинов. То же спокойное любопытство и вечные попытки залезть в самые неподходящие места. Зеленому даже пришлось как-то спасать шушонка, который собирался потонуть в большой банке сгущенного молока. Экспедиция привезла целый фильм о шушах, который прошел с большим успехом во всех кинотеатрах и видеорамах.

К сожалению, у экспедиции не было времени как следует понаблюдать за ними. Известно, что шуши приходили в лагерь экспедиции с утра, а с наступлением темноты куда-то исчезали, скрывались в скалах.

Так или иначе, когда экспедиция уже возвращалась обратно, в одном из отсеков Полосков обнаружил трех шуш, которые, наверно, заблудились в корабле. Правда, Полосков подумал сначала, что шуш протащил на корабль контрабандой кто-нибудь из участников экспедиции, но возмущение его товарищей было таким искренним, что Полоскову пришлось отказаться от своих подозрений.

Появление шуш вызвало массу дополнительных проблем. Во-первых, они могли оказаться источником неизвестных инфекций. Во-вторых, они могли погибнуть в пути, не выдержать перегрузок. В-третьих, никто не знал, что они едят... И так далее.

Но все опасения оказались напрасными. Шуши отлично перенесли дезинфекцию, послушно питались бульоном и консервированными фруктами. Из-за этого они нажили себе кровного врага в лице Зеленого, который любил компот, а последние месяцы экспедиции ему пришлось отказаться от компота — его съели «зайцы».

Во время долгого пути у шушихи родилось шесть шушат. Так что корабль прибыл на Землю переполненный шушами и шушатами. Они оказались понятливыми зверушками и никаких неприятностей и неудобств никому, кроме Зеленого, не причиняли.

Я помню исторический момент прибытия экспедиции на Землю, когда под прицелом кино- и телевизионных камер открылся люк и вместо космонавтов в его отверстии показался удивительный шестилапый зверь. За ним еще несколько таких же, только поменьше. По всей Земле прокатился вздох удивления. Но оборвался в тот момент, когда вслед за шушами из корабля вышел улыбающийся Полосков. Он нес на руках шушонка, перемазанного сгущенным молоком...

Часть зверьков попала в зоопарк, некоторые остались у полюбивших их космонавтов. Полосковский шушонок достался Алисе. Бог уж ее знает, чем она очаровала сурового космонавта Полоскова.

Шуша жил в большой корзине рядом с Алисиной кроватью, мяса не употреблял, ночью спал, дружил с котятами, боялся богомола и тихо мурлыкал, когда Алиса гладила его или рассказывала о своих удачах и бедах.

Шуша быстро рос и через два месяца стал ростом с Алису. Они ходили гулять в садик напротив, и Алиса никогда не надевала на него ошейника.

— А вдруг он кого-нибудь испугает? — спрашивал я. — Или попадет под машину?

— Нет, он не испугает. А потом, он обидится, если я на него надену ошейник. Он ведь такой чуткий.

Как-то Алисе не спалось. Она капризничала и требовала, чтобы я читал ей про доктора Айболита.

— Некогда, дочка, — сказал я. — У меня срочная работа. Кстати, тебе пора читать книжки самой.

— Но это же не книжка, а микрофильм, и там буквы маленькие.

— Так он звуковой. Не хочешь читать — включи звук.

— Мне холодно вставать.

— Тогда погоди. Я допишу и включу.

— Не хочешь — Шушу попрошу.

— Ну попроси, — улыбнулся я.

И через минуту вдруг услышал из соседней комнаты нежный микрофильмированный голос: «...И еще была у Айболита собака Авва».

Значит, Алиса все-таки встала и дотянулась до выключателя.

— Сейчас же обратно в постель! — крикнул я. — Простудишься.

— А я в постели.

— Нельзя обманывать. Кто же тогда включил микрофильм?

— Шуша.

Я очень не хочу, чтобы моя дочка выросла лживой. Я отложил работу, пошел к ней и решил серьезно поговорить.

На стене висел экран. Шуша орудовал у микропроектора, а на экране несчастные звери толпились у дверей доброго доктора Айболита.

— Как ты умудрилась так его выдрессировать? — искренне удивился я.

— Я его и не дрессировала. Он сам все умеет.

Шуша смущенно перебирал передними лапами перед грудью.

Наступило неловкое молчание.

— И все-таки... — сказал наконец я.

— Извините, — раздался высокий хрипловатый голос. Это говорил Шуша. — Но я в самом деле сам научился. Это ведь не трудно.

— Простите... — сказал я.

— Это не трудно, — повторил Шуша. — Вы сами позавчера показывали Алисе сказку про короля богомолов.

— Нет, я уже не о том. Как вы научились говорить?

— Мы с ним занимались, — сказала Алиса.

— Ничего не понимаю! Десятки биологов работают с шушами, и ни разу ни один шуша не сказал ни слова.

— А наш Шуша и читать умеет. Умеешь?

— Немного.

— Он мне столько интересного рассказывает...

— Мы с вашей дочкой большие друзья.

— Так почему же вы столько времени молчали?

— Он стеснялся, — ответила за Шушу Алиса.

Шуша потупил глаза.

ОБ ОДНОМ ПРИВИДЕНИИ

Мы летом живем во Внукове. Это очень удобно, потому что туда ходит монорельс и от него до дачи пять минут ходу. В лесу, по другую сторону дороги, растут подберезовики и подосиновики, но их меньше, чем грибников.

Я приезжал на дачу прямо из зоопарка и вместо отдыха попадал в кипение тамошней жизни. Центром ее был соседский мальчик Коля, который славился на все Внуково тем, что отнимал у детей игрушки. К нему даже приезжал психолог из Владивостока и написал потом диссертацию о мальчике Коле. Психолог изучал Колю, а Коля ел варенье и ныл круглые сутки. Я привез ему из города трехколесную фотонную ракету, чтобы он поменьше хныкал.

Кроме того, там жила Колина бабушка, которая любила поговорить о генетике и писала роман о Менделе, бабушка Алисы, мальчик Юра и его мама Карма, трое близнецов с соседней улицы, которые пели хором под моим окном, и, наконец, привидение.

Привидение жило где-то под яблоней и появилось сравнительно недавно. В привидение верили Алиса и Колина бабушка. Больше никто в него не верил.

Мы сидели с Алисой на террасе и ждали, пока новый робот Щелковской фабрики приготовит манную кашу. Робот уже два раза перегорал, и мы вместе с Алисой ругали фабрику, но самим приниматься за хозяйство не хотелось, а бабушка наша уехала в театр.

Алиса сказала:

— Сегодня он придет.

— Кто — он?

— Мой привидений.

— Привидение — оно, — автоматически поправил я, не сводя глаз с робота.

— Хорошо, — не стала спорить Алиса. — Пускай будет мой привидение. А Коля отнял у близнецов орехи. Разве это не удивительно?

— Удивительно. Так что ты говорила о привидении?

— Он хороший.

— У тебя все хорошие.

— Кроме Коли.

— Ну, кроме Коли... Я думаю, если бы я привез огнедышащую гадюку, ты бы с ней тоже подружилась.

— Наверно. А она добрая?

— С ней еще никто не смог об этом поговорить. Она живет на Марсе и брызгается кипящим ядом.

— Наверно, ее обидели. Зачем вы увезли ее с Марса?

Тут я ничего ответить не смог. Это была чистая правда. Гадюку не спрашивали, когда увозили с Марса. А она по пути сожрала любимую собаку корабля «Калуга», за что ее возненавидели все космонавты.

— Ну, так что же привидение? На что оно похоже? — переменил я тему.

— Оно ходит, только когда темно.

— Ну разумеется. Это испокон века так. Наслушалась ты сказок Колиной бабушки...

— Колина бабушка мне только про историю генетики рассказывает. Какие были на Менделя гонения.

— Да, кстати, а как реагирует твое привидение на крик петуха?

— Никак. А почему?

— Понимаешь, порядочному привидению положено исчезать со страшными проклятиями, когда на рассвете прокричит петух.

— Я спрошу его сегодня про петуха.

— Ну хорошо.

— И я сегодня лягу попозже. Мне нужно поговорить с привидением.

— Пожалуйста. Ладно, пошутили, и хватит. Робот уже кашу переварил.

Алиса села за кашу, а я — за ученые записки Гвианского зоопарка. Там была интереснейшая статья об укусамах. Революция в зоологии. Им удалось добиться размножения укусамов в неволе. Дети рождались темно-зелеными, несмотря на то что у обоих родителей панцирь был голубым.

Стемнело. Алиса сказала:

— Ну, я пошла.

— Ты куда?

— К привидению. Ты же обещал.

— А я думал, что ты пошутила. Ну, если тебе так нужно в сад, то выйди, только надень кофточку, а то холодно стало. И чтоб не дальше яблони.

— Куда же мне дальше? Он меня там ждет.

Алиса убежала в сад. Я краем глаза следил за ней. Мне не хотелось вторгаться в мир ее фантазий. Пускай ее окружают и привидения, и волшебницы, и отважные рыцари, и добрые великаны со сказочной голубой планеты... Конечно, если она будет ложиться спать вовремя и нормально есть.

Я потушил свет на веранде, чтобы он не мешал мне присматривать за Алисой. Вот она подошла к яблоне, старой и ветвистой, и встала под ней.

И тут... От ствола яблони отделилась голубая тень и двинулась ей навстречу. Тень будто плыла по воздуху, не касаясь травы.

В следующий момент, схватив что-то тяжелое, я уже бежал вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Это мне уже не нравилось. Либо это чья-то неостроумная шутка, либо... Что «либо», я не придумал.

— Осторожнее, папа! — сказала громким шепотом Алиса, услышав мои шаги. — Ты его спугнешь.

Я схватил Алису за руку. Передо мной растворялся в воздухе голубой силуэт.

— Папа, что ты наделал! Ведь я его чуть не спасла.

Алиса позорно ревела, пока я нес ее на террасу.

Что это было под яблоней? Галлюцинация?..

— Зачем ты это сделал? — ревела Алиса. — Ты же обещал...

— Ничего я не сделал, — отвечал я, — привидений не бывает.

— Ты же сам его видел. Зачем ты говоришь неправду? А он ведь не выносит движения воздуха. Разве ты не понимаешь, что к нему надо медленно подходить, чтобы его ветром не сдуло?

Я не знал, что ответить. В одном был уверен: как только Алиса заснет, выйду с фонарем в сад и обыщу его.

— А он тебе письмо передал. Только я его тебе теперь не дам.

— Какое еще письмо?

— Не дам.

Тут я заметил, что в кулаке у нее зажат листок бумаги. Алиса посмотрела на меня, я на нее, и потом она все-таки дала мне этот листок.

На листке моим почерком было написано расписание кормления красных крумсов. Я этот листок искал уже три дня.

— Алиса, где ты нашла мою записку?

— А ты переверни ее. У привидения бумаги не было, и я ему дала твою.

На обратной стороне незнакомым почерком было написано по-английски:

«Уважаемый профессор!

Я беру на себя смелость обратиться к Вам, ибо попал в неприятное положение, из которого не могу выйти без посторонней помощи. К сожалению, я не могу также и покинуть круг радиусом в один метр, центром которого является яблоня. Увидеть же меня в моем жалком положении можно только в темноте.

Благодаря Вашей дочери, чуткому и отзывчивому существу, мне удалось наконец установить связь с внешним миром.

Я, профессор Кураки, являюсь жертвой неудачного эксперимента. Я ставил опыты по передаче вещества на далекие расстояния. Мне удалось переправить из Токио в Париж двух индюшек и кошку. Они были благополучно приняты моими коллегами. Однако в тот день, когда я решил проверить эксперимент на себе, пробки в лаборатории перегорели как раз во время эксперимента, и энергии для перемещения оказалось недостаточно. Я рассеялся в пространстве, причем моя наиболее концентрированная часть находится в районе Вашей уважаемой дачи. В таком прискорбном состоянии я нахожусь уже вторую неделю, и, без сомнения, меня считают погибшим.

Умоляю Вас, немедленно по получении моего письма пошлите телеграмму в Токио. Пусть кто-нибудь починит пробки в моей лаборатории. Тогда я смогу материализоваться.

Заранее благодарный,
Кураки».

Я долго вглядывался в темноту под яблоней. Потом спустился с террасы, подошел поближе. Бледно-голубое, еле различимое сияние покачивалось у ствола. Приглядевшись, я различил очертания человека. «Привидение» умоляюще, как мне показалось, вздымало к небу руки.

Больше я не стал терять время. Я добежал до монорельса и со станции провидеофонил в Токио.

Вся эта операция заняла десять минут.

Уже на пути домой я вспомнил, что забыл уложить Алису. Я прибавил шагу.

Свет на террасе не был потушен.

Там Алиса демонстрировала свой гербарий и коллекцию бабочек невысокому изможденному японцу. Японец держал в руках кастрюльку и, не сводя глаз с Алисиных сокровищ, деликатно ел манную кашу.

Увидев меня, гость низко поклонился и сказал:

— Я — профессор Кураки, ваш вечный слуга. Вы и ваша дочь спасли мне жизнь.

— Да, папа, это мой привидение, — сказала Алиса. — Теперь ты в них веришь?

— Верю, — ответил я. — Очень приятно познакомиться.

ПРОПАВШИЕ ГОСТИ

Подготовка к встрече лабуцильцев проходила торжественно. Еще ни разу Солнечную систему не посещали гости со столь далекой звезды.

Первой сигналы лабуцильцев приняла станция на Плутоне, а через три дня связь с ними установила Лондельская радиообсерватория.

Лабуцильцы были еще далеко, но космодром Шереметьево-4 был полностью готов к их приему. Девушки из оранжереи «Красная роза» украсили его гирляндами цветов, а слушатели Высших поэтических курсов отрепетировали музыкально-литературный монтаж. Все посольства забронировали места на трибунах, и корреспонденты ночевали в буфете космодрома.

Алиса жила неподалеку, на даче во Внукове, и собирала гербарий. Она хотела собрать гербарий лучше, чем собрал Ваня Шпиц из старшей группы. Таким образом, Алиса не принимала

участия в подготовке торжественной встречи. Она даже ничего не знала о ней.

Да и я сам к встрече не имел прямого отношения. Моя работа начнется потом, когда лабуцильцы приземлятся.

А тем временем события развивались следующим образом.

8 марта лабуцильцы сообщили, что выходят на круговую орбиту. Примерно в это время и произошла трагическая случайность. Вместо лабуцильского корабля станции наведения засекли потерянный два года назад шведский спутник «Нобель-29». Когда же ошибка была обнаружена, оказалось, что лабуцильский корабль исчез. Он уже пошел на посадку, и связь с ним временно прервалась.

9 марта в 6.33 лабуцильцы сообщили, что произвели посадку в районе 55°20″ северной широты и 37°40″ восточной долготы по земной системе координат, с возможной ошибкой в 15″, то есть неподалеку от Москвы.

В дальнейшем связь прервалась, и восстановить ее, за исключением одного случая, о котором я скажу потом, не удавалось. Оказывается, земная радиация пагубным образом воздействовала на приборы лабуцильцев.

В тот же момент сотни машин и тысячи людей бросились в район посадки гостей. Дороги были забиты желающими найти лабуцильцев. Космодром Шереметьево-4 опустел. В буфете не осталось ни одного корреспондента. Небо Подмосковья было увешано вертолетами, винтокрылами, орнитоптерами, вихрелетами и прочими летательными аппаратами. Казалось, тучи громадных комаров нависли над землей.

Если бы даже корабль лабуцильцев ушел под землю, его все равно обнаружили бы.

Но его не нашли.

Ни один из местных жителей не видел, как спускался корабль. А это тем более странно, потому что в те часы почти все жители Москвы и Подмосковья смотрели в небо.

Значит, произошла ошибка.

К вечеру, когда я вернулся с работы на дачу, вся нормальная жизнь планеты была нарушена. Люди боялись, не случилось ли чего-нибудь с гостями.

— Может быть, — спорили в монорельсе, — они из антивещества и при входе в земную атмосферу испарились?

— Без вспышки, бесследно? Чепуха!

— Но много ли мы знаем о свойствах антивещества?

— А кто тогда радировал, что совершил посадку?

— Может быть, шутник?

— Ничего себе шутник! Так, может быть, он и с Плутоном разговаривал?

— А может быть, они невидимы?

— Все равно их обнаружили бы приборы...

Но все-таки версия о невидимости гостей завоевывала все больше сторонников...

Я сидел на веранде и думал: а может, они приземлились рядом, на соседнем поле? Стоят сейчас, бедные, рядом со своим кораблем и удивляются, почему это люди не хотят обращать на них внимание. Вот-вот обидятся и улетят... Я хотел было уже спуститься вниз и отправиться на то самое поле, как увидел цепочку людей, выходящих из леса. Это были жители соседних дач. Они держались за руки, будто играли в детскую игру «каравай, каравай, кого хочешь выбирай».

Я понял, что соседи предугадали мои мысли и ищут на ощупь невидимых гостей.

И в этот момент внезапно заговорили все радиостанции мира.

Они передавали запись сообщения, пойманного радиолюбителем из Северной Австралии. В сообщении повторялись координаты и затем следовали слова: «Находимся в лесу... Выслали первую группу на поиски людей. Продолжаем принимать ваши передачи. Удивлены отсутствием контактов...» На этом связь оборвалась.

Версия о невидимости немедленно приобрела еще несколько миллионов сторонников.

С террасы мне было видно, как цепочка дачников остановилась и затем снова повернула к лесу. И в этот момент на террасу поднялась Алиса с корзинкой земляники в руке.

— Зачем они все бегают? — спросила она, не поздоровавшись.

— Кто «они»? Надо говорить «здравствуй», если не видела с утра своего единственного отца.

— С вечера. Я спала, когда ты уехал. Здравствуй, папа. А что случилось?

— Лабуцильцы потерялись, — ответил я.

— Я их не знаю.

— Их никто еще не знает.

— А как же они тогда потерялись?

— Летели на Землю. Прилетели и потерялись.

Я чувствовал, что говорю ерунду. Но ведь это была чистая правда.

Алиса взглянула на меня с подозрением:

— А разве так бывает?

— Нет, не бывает. Обычно не бывает.

— А они космодрома не нашли?

— Наверно.

— И где они потерялись?

— Где-то под Москвой. Может быть, и неподалеку отсюда.

— И их ищут на вертолетах и пешком?

— Да.

— А почему они не придут сами?

— Наверно, они ждут, пока к ним придут люди. Ведь они первый раз на Земле. Вот и не отходят от корабля.

Алиса помолчала, будто удовлетворенная моим ответом. Прошлась раза два, не выпуская из рук корзиночки с земляникой, по террасе. Потом спросила:

— А они в поле или в лесу?

— В лесу.

— А откуда ты знаешь?

— Они сами сказали. По радио.

— Вот хорошо.

— Что хорошо?

— Что они не в поле.

— Почему?

— Я испугалась, что я их видела.

— Как так?!

— Да никак, я пошутила...

Я вскочил со стула. Вообще-то Алиса большая выдумщица...

— Я не ходила в лес, папа. Честное слово, не ходила. Я была на полянке. Значит, я не их видела.

— Алиса, выкладывай все, что знаешь. И ничего от себя не добавляй. Ты видела в лесу странных... людей?

— Честное слово, я не была в лесу.

— Ну хорошо, на поляне.

— Я ничего плохого не сделала. И они вовсе не странные.

— Да ответь ты по-человечески: где и кого ты видела? Не мучай меня и все человечество в моем лице!

— А ты человечество?..

— Послушай, Алиса...

— Ну ладно. Они здесь. Они пришли со мной.

Я невольно оглянулся. Терраса была пуста. И, если не считать ворчливого шмеля, никого, кроме нас с Алисой, на ней не было.

— Да нет, ты не там смотришь. — Алиса вздохнула, подошла ко мне поближе и сказала: — Я их хотела оставить себе. Я же не знала, что человечество их ищет.

И она протянула корзинку с земляникой. Она поднесла мне корзиночку к самым глазам, и я, сам себе не веря, ясно разглядел две фигурки в скафандрах. Они были измазаны земляничным соком и сидели, оседлав вдвоем одну ягоду.

— Я им не делала больно, — сказала Алиса виноватым голосом. — Я думала, что они гномики из сказки.

Но я уже не слушал ее. Нежно прижимая корзиночку к сердцу, я мчался к видеофону и думал, что трава для них должна была показаться высоким лесом.

Так состоялась первая встреча с лабуцильцами.

СВОЙ ЧЕЛОВЕК В ПРОШЛОМ

Испытание машины времени проводилось в Малом зале Дома ученых. Я зашел за Алисой в детский сад, а там обнаружил, что, если поведу ее домой, опоздаю на испытание. Поэтому я взял с Алисы клятву, что она будет себя вести достойно, и мы пошли в Дом ученых.

Представитель Института времени, очень большой и очень лысый человек, стоял перед машиной времени и объяснял научной общественности ее устройство. Научная общественность внимательно слушала его.

— Первый опыт, как вы все знаете, был неудачен, — говорил он. — Посланный нами котенок попал в начало двадцатого века и взорвался в районе реки Тунгуски, что положило начало легенде о Тунгусском метеорите. С тех пор мы не знали крупных неудач. Правда, в силу определенных закономерностей, с которыми желающие могут познакомиться в брошюре нашего института, пока мы можем посылать людей и предметы только в семидесятые годы двадцатого века. Надо сказать, что некоторые из наших сотрудников побывали там, разумеется совершенно тайно, и благополучно возвратились обратно. Сама процедура перемещения во времени сравнительно несложна, хотя за ней скрывается многолетний труд сотен людей. Достаточно надеть на себя хронокинный пояс... Я хотел бы, чтобы ко мне поднялся доброволец из

зала, и я покажу на нем порядок подготовки путешественника во времени...

Наступило неловкое молчание. Никто не решался первым выйти на сцену. И тут, разумеется, на сцене появилась Алиса, которая только пять минут назад поклялась вести себя достойно.

— Алиса, — крикнул я, — немедленно вернись!

— Не беспокойтесь, — сказал представитель института, — с ребенком ничего не случится.

— Со мной ничего не случится, папа! — весело сказала Алиса.

В зале засмеялись и начали оборачиваться, ища глазами строгого отца.

Я сделал вид, что совершенно ни при чем.

Представитель института надел на Алису пояс, прикрепил к вискам что-то вроде наушников.

— Вот и все, — сказал он. — Теперь человек готов к путешествию во времени. Стоит ему войти в кабину, как он окажется в тысяча девятьсот семьдесят пятом году. «Что он говорит! — мелькнула у меня в мозгу паническая мысль. — Ведь Алиса немедленно воспользуется этой возможностью!»

Но было поздно.

— Куда ты, девочка? Остановись! — крикнул представитель института.

Алиса уже вошла в кабину и на глазах у всего зала испарилась. Зал хором ахнул.

Побледневший представитель института размахивал руками, пытаясь унять шум. И, видя, что я бегу к нему по проходу, заговорил, склонившись к самому микрофону, чтобы было слышнее:

— С ребенком ничего не случится. Через три минуты он окажется снова в этом зале. Я даю слово, что аппаратура совершенно надежна и испытана! Не волнуйтесь!

Ему хорошо было рассуждать. А я стоял на сцене и думал о судьбе котенка, превратившегося в Тунгусский метеорит. Я и верил, и не верил лектору. Сами посудите — знать, что ваш ребенок находится сейчас в отдаленном прошлом... А если она там убежит от машины? Или заблудится?

— А нельзя ли мне последовать за ней? — спросил я.

— Нет. Через минуту... Да вы не беспокойтесь, там ее встретит наш человек.

— Так там ваш сотрудник?

— Да нет, не сотрудник. Просто мы нашли человека, который отлично понял наши проблемы, и вторая кабина стоит у него на

квартире. Он живет там, в двадцатом веке, но в силу своей специальности иногда бывает в будущем.

В этот момент в кабине показалась Алиса. Она вышла на сцену с видом человека, который отлично выполнил свой долг. Под мышкой она держала толстую старинную книгу.

— Вот видите, — сказал представитель института. Зал дружно зааплодировал.

— Девочка, расскажи, что ты видела? — сказал лектор, не давая мне даже подойти к Алисе.

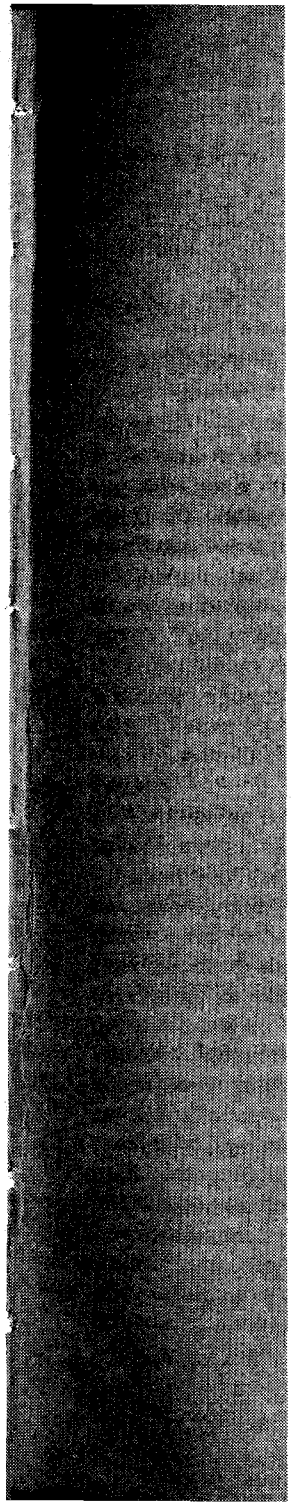
— Там очень интересно, — ответила она. — Бах! — и я в другой комнате. Там сидит за столом дядя и пишет что-то. Он меня спросил: «Ты, девочка, из двадцать первого века?» Я говорю, что наверно, только я наш век не считала, потому что еще плохо считаю, я хожу в детский сад, в среднюю группу. Дядя сказал, что очень приятно и что мне придется вернуться обратно. «Хочешь посмотреть, какая была Москва, когда твоего дедушки еще не было?» Я говорю, что хочу. И он мне показал. Очень удивительный и невысокий город. Потом я спросила, как его зовут, а он сказал, что Аркадий, и он писатель, и пишет фантастические книжки о будущем. Он, оказывается, не все придумывает, потому что к нему иногда приходят люди из нашего времени и рассказывают о нашей жизни. Только он не может об этом рассказать никому, потому что это страшный секрет. Он мне подарил свою книжку... А потом я вернулась.

Зал встретил рассказ Алисы бурными аплодисментами.

А потом с места поднялся почтенный академик и сказал:

— Девочка, вы держите в руках уникальную книгу — первое издание фантастического романа «Пятна на Марсе». Не могли бы вы подарить мне эту книгу? Вы все равно еще не умеете читать.

— Нет, — сказала Алиса. — Я скоро научусь и сама прочту...

РЖАВЫЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ

Глава 1

НОВОСТИ БУДУЩЕГО ВЕКА

Утром будильник становится на цыпочки, выглядывает в окно. Хоть он и помнит, какую обещали погоду, но проверить никогда не мешает. Если не учтешь погоду, можно ошибиться с пробуждением ребенка.

Будильник видит: за окном дует ветер, сгибаются березки, быстрые серые облака бегут по небу. Но дождя нет и не предвидится. Тогда будильник подключается к домашнему компьютеру и запрашивает следующие данные: какие уроки сегодня у Алисы в школе, причем очень важно узнать — какие из них Алиса любит, а какие только терпит? Что сегодня домработник приготовил на завтрак? Не поссорилась ли вчера Алиса с кем-нибудь из друзей?

Это все не пустые вопросы. Будильник должен знать: каким звуком ему сегодня будить свою хозяйку?

Наконец информация собрана. Оказывается, к пасмурной погоде Алиса относится терпимо, уроков на сегодня не задали, потому что начались летние каникулы, домработник приготовил геркулесовую кашу, которую Алиса не выносит, но с вишневым вареньем, которое Алиса обожает. Вчера Алиса ни с кем не ссорилась, если не считать чисто научного спора с Аркашей Сапожковым и беспокойства за Пашку Гераскина, который сразу после последнего урока умчался в Эквадор, потому что выменял в соседнем классе тайную карту клада, зарытого в 1560 году конкистадором Хуаном Монтанья, а вернулся домой, весь исцарапанный, искусанный москитами, только в одиннадцать часов вечера. И, разумеется, без клада.

Обдумав и взвесив всю информацию, будильник повернулся к Алисе и исполнил на кларнете старинный авиационный марш «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц!», так как именно эта мелодия, и именно на кларнете, лучше всего подходила для того, чтобы разбудить Алису.

От звука марша Алиса открыла глаза, потянулась и подумала: «Почему же это у меня такое хорошее настроение?» Будильник почувствовал ее настроение и внутренне улыбнулся, потому что внешне улыбаться не умел.

Алиса вскочила, распахнула окно, сделала гимнастику и побежала в ванную. Будильник, довольный собой, заснул до следующего утра.

Марсианский богомол, который чуть ли не с незапамятных времен живет у Алисы под кроватью, услышал, что она поднялась, захрустел суставами и зашагал на кухню, где его уже ждала миска с сушеным горохом. Домработник захлопнул кляссер с марками, до которых был большой охотник, и включил плиту.

Так что когда Алиса, умывшись и одевшись, вернулась к себе в комнату, завтрак стоял на столе.

Первым делом Алиса покормила синиц, что прыгали по подоконнику, потом подошла к телевизору и попросила рассказать новости.

Телевизор в конце будущего века — не совсем то же самое, что телевизор конца двадцатого века.

Внешне он представляет собой плоский экран, прикрепленный к стене. Если приказать экрану включиться, он начнет двигаться по стене таким образом, чтобы замереть точно перед глазами зрителя.

Потом телевизор начнет показывать, что ему велят. Если ты хочешь услышать новости, начнутся новости, а если у тебя настроение послушать новую модную песню «Моя бабушка летала на Венеру», то телевизор покажет тебе концерт популярных песен. В двадцать первом веке не человек — раб телевизора, который что хочет, то и показывает, а телевизор — слуга человека, который показывает то, что ты желаешь видеть.

Алиса хотела узнать, что нового случилось в мире, пока она спала.

Экран сдвинулся ближе к столу, и в стене обнаружилось углубление — будто перед Алисиными глазами была дверь в другую комнату. Оттуда вышла дикторша Нина, села за стол напротив Алисы и сказала ей: «Доброе утро». Стена за ее спиной стала большим окном. Иногда, чтобы не мешать Алисе смотреть на экран, дикторша исчезала.

— Приближается лето, — начала дикторша. — На деревьях в Москве набухли почки, в лесах появились первые подснежники.

Снег остался только в старых еловых лесах, а на полянах и в березняках он уже сошел.

Алиса смотрела на деревья, гнущиеся под ветром, и думала: «И зачем человеку идти в школу, когда можно вместо этого отправиться в лес за подснежниками? Эх, если бы не эта контрольная по географии, села бы во флаер и полетела в лес!»

— Ешь, Алиса, — сказал домработник, который стоял за спиной. — Многие великие люди ели геркулес.

— Напомни кто, — попросила Алиса.

Услышав, что Алиса разговаривает с роботом, дикторша Нина замолчала и ждала, пока Алиса не кончит разговор.

— Кто? — Робот немного подумал и заявил: — Александр Македонский — наверняка. Илья Муромец — ничего другого не ел.

— А Юлий Цезарь? — спросила Алиса. — По-моему, он не выносил геркулеса.

— Проверю, — осторожно ответил робот. — К обеду нужная информация будет в твоем распоряжении.

— Продолжай, Нина, — попросила Алиса.

— Новый рекорд установили вчера строители, — сказала Нина. За ее спиной появилось изображение громадного дома. — Вчера они вырастили двадцатиэтажный дом на триста квартир за два часа тридцать одну минуту. Этот рекорд официально зарегистрирован в Книге рекордов Гиннесса. При известии об этом рекорде... — Нина обернулась к стене, на ней возникло изображение веселого черноглазого скуластого человека в оранжевой строительной каске. — При известии об этом рекорде пекинский строитель Вей Цзиньсин решил сегодня же построить дом за полтора часа. В этом доме будет на двенадцать квартир больше. К вечеру будем ждать вестей из Пекина.

— Это несолидно, — сказал домработник. — Дом надо строить не спеша, может быть, два или три дня. Что за спешка! Им некогда подумать о красоте.

— А по-моему, красивый дом, — сказала Алиса.

В конце двадцать первого века дома будут строить совсем иначе, чем в двадцатом. Из пластиковых прутьев строители будут возводить «скелет» первого этажа. Потом посыпят основание будущей стены сухими спорами специальных быстрорастущих кораллов. Стоит после этого полить коралловые споры водой, как коралл начнет быстро расти, обволакивая прутья. Через несколько минут первый этаж готов. Туда могут идти отделочники. А строители уже вяжут из пластика следующий этаж...

— Вчера археологи завершили раскопки хранилища боевых роботов под развалинами замка Сан-Бонифацио, — сказала дикторша. — Роботы отправлены на переплавку.

— Боевой робот — это немыслимо! — воскликнул домработник. — Это все равно что стройный горбун или круглый кубик.

— С планеты Струкка в системе 45-Б только что вернулась экспедиция Сергеева-Шумского, — говорила между тем Нина. — Пролетая сквозь зеркальное облако в трех парсеках от Земли, корабль экспедиции подвергся действию неизвестных еще лучей, в результате чего все члены экипажа раздвоились. И на землю вернулось вдвое больше космонавтов, чем отправилось в путь. К сожалению, это привело к неприятностям.

Дикторша вздохнула. На экране появилось изображение космического корабля, из которого парами близнецов выходили смущенные космонавты.

Видно было, как по полю к ним бегут родственники: жены, дети, родители... И останавливаются в смущении.

— Раздвоившиеся космонавты, — продолжала дикторша, — не знают, кто из них настоящий, а кто — дубль. Мы надеемся, что их женам и матерям удастся решить эту проблему. В ином случае, как заявил нашему корреспонденту начальник космических перевозок, придется отправлять родственников в полет к зеркальному облаку, чтобы они тоже раздвоились.

— Чепуха, — сказал домработник. — Зачем терзаться? У тебя был один сын — стало два сына. Один папа — стало два папы. Один будет летать в космос, а второй останется дома и займется хозяйством.

— Нет, — возразила Алиса. — Ничего не получится. Мама еще переживет, дети еще переживут. А вот с женами плохо.

— Почему?

— А потому, что один из космонавтов захочет поцеловать свою жену, а второй скажет: «Какое ты имеешь право целовать мою жену?»

— Я порой не понимаю людей, — вздохнул робот.

— Как нам сообщили из порта Дарвин в Австралии, — продолжала дикторша, — сегодня дельфин спас девочку, которая пошла купаться в районе Большого рифа и чуть не утонула. Дельфин принес ее на спине. Когда взволнованные родители девочки стали благодарить дельфина, он ответил им по-английски: «Не стоит благодарности». Это первый в истории достоверный случай, когда дельфин говорит по-английски.

— Типичная телевизионная утка, — сказала Алиса, — к сожалению, дельфины не говорят. Хотя Берта думает иначе.

Улыбающаяся морда дельфина заняла весь экран. Дельфин молчал.

— Простите, — сказала Нина. — Срочное сообщение.

Перед ней загорелся экранчик. Нина прочла сообщение:

— Из кишиневского зоопарка сбежал дракон, привезенный три года назад экспедицией на корабле «Пегас» под руководством профессора Селезнева.

— Ой! — ахнула Алиса. — Кузя сбежал!

— Вопрос в том, куда сбежал, — сказал робот. — Если он сбежал к нам, то скажите, чем я буду его кормить? Совершенно не представляю, что жрут эти драконы. Может быть...

Робот посмотрел на марсианского богомола, и от его холодного взгляда перепуганный богомол спрятался под стол. Богомол тоже не знал, чем питаются драконы, но не исключал, что марсианскими богомолами.

— Передаем описание сбежавшего дракона, — продолжала Нина. — Длина — сорок пять метров. Цвет красный, переходящий в зеленый. Отзывается на кличку Кузя.

На экране возникло изображение дракона. Дракон казался очень страшным.

— Знающих о его местопребывании, — сказала Нина, — просят сообщить в общество охраны животных или в пожарную команду.

— Почему в пожарную? — спросил робот.

— Потому что он огнедышащий, — ответила Алиса, отодвигая тарелку с геркулесом и наливая себе чаю.

— Посмотрите теперь сюжет, — сказала Нина, — о соревнованиях рыболовов на реке Сырдарья.

На экране показалась полноводная широкая река, по берегам которой росли финиковые пальмы. Под пальмами сидели рыбаки. Вот они засуетились, начали перекликаться, сбежались к толстому мальчику, который тянул что-то очень большое и тяжелое. Общими усилиями рыбаки вытащили на берег двухметрового осетра.

— Ничего особенного, — сказал робот.

— Ты не знаешь, — возразила Алиса. — Сто лет назад этой реки почти не было — ее всю разобрали на орошение. А теперь есть река, и есть рыба. Разве плохо?

Тем временем дикторша продолжала рассказывать новости.

— В городе Вавилоне, — сказала она, — закончена реставрация Вавилонской башни. Несколько лет реставраторы из сорока стран по кирпичику сооружали это древнее здание. Несмотря на то что они говорили на разных языках, им удалось найти общий язык — язык науки и искусства.

Роботу Вавилонская башня не понравилась. Он вообще был против увлечения людей древними постройками. Он был убежден, что хорошие вещи — это новые вещи. А старые никому не нужны. Но эта точка зрения характерна только для роботов.

Когда в Москве восстановили Сухаревскую башню, храм Христа Спасителя и стену Китай-города, он написал возмущенное письмо в газету и подписался «Доброжелатель», но газета письмо не напечатала, потому что нельзя печатать анонимки.

— Разгорелась жаркая дискуссия, — продолжала дикторша, — в среде биологов. Как известно, на ферме в Караваеве выведено стадо коров, которые дают сливки вместо молока. Тамошний зоотехник Ремеслин решил сделать шаг вперед — его любимая корова Зорька дает в день три килограмма сметаны. Многие ученые осуждают действия Ремеслина, потому что Зорька питается теперь только кислой капустой и солеными огурцами. Вот что сказал нашему корреспонденту профессор Редькин...

На экране появился худенький лохматый профессор, который взмахнул руками и закричал:

— Ремеслин, остановись! Кислую капусту надо есть, как она есть! Соленые огурцы нужны человеку, а не корове! Что будет, если ты завтра изобретешь корову, которая вместо молока дает кефир? Ты оставишь народ без клюквы? Ты авантюрист, Ремеслин!

Профессор исчез с экрана, а дикторша сказала:

— Теперь о спорте.

На экране появился шахматный столик, за ним сидели два пожилых человека.

— Сегодня началась три тысячи восемьсот двадцатая партия в борьбе за шахматную корону между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым. В партии разыграна защита Грюнфельда. До сорокового хода партия повторила позицию, уже встречающуюся в четырнадцати предыдущих партиях. На сорок первом ходу партия отложена. Мы пользуемся случаем поздравить ветеранов шахмат со столетием начала их эпохального сражения.

— Ты за кого болеешь? — спросил домработник.

— Я, как и мой дедушка, — за Каспарова.

— А теперь о погоде, — сказала дикторша. — В Москве облачно, дует ветер. Эта погода заказана сельскохозяйственным управлением, которое считает, что посевы получили уже достаточно солнечного света и тепла. После обеда облака уйдут на Украину, где нужны дожди. Бюро прогнозов приносит извинения жителям села Хивино, на которое сегодня ночью выпал снег. Это произошло из-за того, что компьютер перепутал Хибины, где требовался снег для проведения лыжных соревнований, с Хивином, где снег не требуется, потому что там уже посадили рассаду клубники.

— Эти компьютеры совершенно распустились, — проворчал домработник. — Делают что хотят.

Алиса поднялась из-за стола. Начинался первый день каникул, и предстоял сложный день.

Глава 2

БЕРТА И ДЕЛЬФИНЫ

Алиса прошла к отцу в кабинет.

На письменном столе лежал миелофон. Он был похож на небольшой фотоаппарат, в кожаном футляре, с ремешком.

Рядом с ним была записка, которую Алисин папа, профессор Селезнев, директор Космического зоопарка, оставил, словно догадался, что Алиса обязательно туда заглянет:

«Алиска, не уноси миелофон из дома! Это уникальный прибор! Отец».

Алиса вздохнула. Плохо не слушаться родителей. Но интересы науки важнее.

Дверь медленно отворилась, и в комнату втиснулся марсианский богомол. Богомол был совсем ручным и ласковым. Сначала, когда первых богомолов привезли с Марса, некоторые люди их боялись, но богомолы оказались послушными и полезными в домашнем хозяйстве. Например, они могли колоть орехи своими твердыми челюстями. А кроме того, богомолы любили жонглировать разными предметами и умели долго стоять на одной ноге.

— Ой, я даже испугалась! — сказала Алиса богомолу. — Разве можно входить без стука?

Богомол сложился, как складная линейка, и ушел под стол. Переживать. Он считал, что Алиса была не права.

Алиса включила видеофон и позвонила Берте Максимовне.

Та сидела в кресле и читала толстую книгу. На Берте был зеленый парик «северная русалка», зеленые чешуйчатые рейтузы и желтая распашонка.

— Здравствуй, коллега, — сказала Берта Алисе. — Что нового?

— У меня каникулы начались, — сказала Алиса. — Как себя чувствует Руслан?

— Лучше. Вчера прилетал врач из Черноморского центра и сказал, что к вечеру все будет в порядке. Он, наверно, объелся треской. Кстати, девочка моя, ты не говорила со своим отцом?

— Говорила. Но вы же знаете, Берта Максимовна, как он относится к нашей проблеме.

— Значит, они не дадут миелофон?

— Папа сказал, что Черноморский институт дельфиноведения получит аппарат, когда до него дойдет очередь.

Алису так и подмывало сказать, что аппарат у нее в руках. Но она отлично понимала, что Берта — человек ненадежный. Она раструбит на всю Москву, что заполучила миелофон, и, даже если ничего не получится, будет говорить, что получилось.

— Ну ладно, заходи ко мне, крошка, — сказала Берта. — Наши красавицы тебя с утра ждут не дождутся. Только не сейчас, а через часок, там чистят бассейн.

Алиса терпеть не могла, когда ее называли крошкой, малюткой, чижиком или цыпленком. Такое обращение можно еще понять, если ты дошкольница. Но Берта все равно бы не поняла, если ей сказать про это. Может быть, даже и засмеялась. И стала бы рассказывать общим знакомым: «Знаете, эта Алисочка просто прелесть. Я ее зову крошкой, а она дуется». И так далее.

Алиса взяла синюю сумку, спрятала туда миелофон, чтобы робот не стал задавать лишних вопросов, и пошла к Берте. По дороге она вела себя не лучшим образом. Во-первых, съехала с третьего этажа вниз по перилам; во-вторых, вызвала такси, хотя надо было пройти всего два квартала; в-третьих, пока ждала машину, съела две порции мороженого в автомате у подъезда.

Машина выскочила из-за угла, фыркнула, разгоняя воздушную подушку, и легла пузом на бетон. Алиса уселась на белое сиденье и, вместо того чтобы набрать адрес Берты, наиграла кнопками сложный и длинный маршрут с таким расчетом, чтобы проехать мимо бассейна у Института времени, заглянуть в Кунцевский ботанический сад и посмотреть, смонтировали ли уже в Филях экспериментальные дорожки. О них говорила вчера дикторша Нина.

Был уже одиннадцатый час, и улицы почти опустели. Москвичи разошлись кто в детский сад, кто в институт, кто на работу, только на бульварах сидели бабушки и роботы с детскими колясками.

У марсианского посольства остановился длинный автобус с герметическими дверями. Марсианские туристы в нем надевали дыхательные маски, собираясь выйти на улицу. Один марсианин в маске стоял на земле и ждал, когда можно будет открыть дверь. Само посольство было похоже на мяч, зарытый до половины в землю. Там, под куполом, у марсиан свой воздух и свои растения. Когда Алиса была на Марсе, она тоже ходила в маске. Только богомолам все равно, каким воздухом дышать.

Навстречу на четырех автомобилях ехал свадебный кортеж. Машины были украшены разноцветными лентами и ехали медленно, покачиваясь на воздушных подушках. Невеста была в длинном белом платье, и на голове у нее была фата. Наверно, невеста из тех, кто пишет в газетах статьи, что надо возрождать добрые традиции, подумала Алиса.

В бассейне, несмотря на предупреждение дикторши Нины, что купаться холодно, было довольно много народа. Алиса и сама подумала, не выкупаться ли, но машина уже повернула к мосту, к Ботаническому саду. У сада Алиса остановила машину и заглянула в киоск у входа. Робот в венке из одуванчиков дал ей букет сирени, и Алиса положила его рядом с собой на сиденье. Один цветок, пятилепестковый, Алиса оторвала и съела. На счастье.

Машина ехала по окружному шоссе, по обе стороны которого поднимался густой лес. Такси замедлило ход и потом совсем остановилось. Из леса вышло стадо маралов и, поцокав копытами по шершавой пластиковой поверхности дороги, перешло на другую сторону, к кедровой роще.

— Они в виноградники не забредут? — спросила Алиса у такси.

— Нет, — ответила машина. — Там барьер.

Маралы вдруг подняли головы, принюхались и мгновенно исчезли в чаще.

— Чего они испугались? — расстроилась Алиса. Ей хотелось еще посмотреть на оленей.

Такси не ответило, да и не надо было отвечать — по шоссе, пригнувшись к рулям, неслись велосипедисты. Они были в таких ярких разноцветных майках, что у маралов, наверно, в глазах пошли круги.

После того как машина проехала молодые посадки каучуковых деревьев, похожих на осины, Алиса попросила на минутку остановиться в роще финиковых пальм.

В роще было светло и спокойно. Только белки прыгали по земле, разыскивая меж мохнатых стволов завалявшиеся с осени финики. По краю рощи тянулся невысокий барьер сложенного пластикового купола, который автоматически накрывал рощу, как только погода портилась. Алиса села под пальмой и вообразила, что она в Африке и что белки — вовсе не белки, а мартышки или даже павианы. Одна из белок подбежала к ней и встала на задние лапки.

— Не попрошайничай! — укоризненно сказала Алиса. — Ты дикое и вольное животное.

Белка ничего не поняла и постучала себя передними лапками по животу.

— Теперь в Филевский парк, — сказала Алиса.

Машина осторожно гуднула.

— Ты чего? — удивилась Алиса.

— Я подумало, что вы забыли о своих делах.

— У меня каникулы, — сказала Алиса. — И кроме того, с каких это пор машины указывают, как себя вести людям?

— Прошу прощения, — сказало такси, — но, во-первых, я не указывало, а напоминало, а во-вторых, насколько я могу судить, вы еще далеко не совершеннолетняя, потому в данном случае я выступаю и в качестве воспитателя. Если бы вы были дошкольницей, я бы вообще вас не повезло без разрешения или сопровождения родителей.

Произнеся такую длинную тираду, такси умолкло и больше до самого конца не сказало ни слова.

Машина въехала в жилой пояс. Когда-то здесь стояли довольно скучные пятиэтажные дома, потом их снесли и поставили вместо них восемнадцать игл-небоскребов, каждый из которых был не только жильем для нескольких тысяч человек, но и включал в себя несколько магазинов, мастерских, станций обслуживания, гаражей, посадочных площадок для флаеров, театр, бассейн и клубы. Можно было прожить всю жизнь, не выходя из такого дома, хотя это, наверно, было бы очень неинтересно.

Небоскребы стояли на широких полянах и были окружены березовыми рощами, среди которых росло множество грибов подберезовиков, семена которых и грибницы привозили каждый год с севера, так что можно было собрать за день сто корзин, но

на следующее утро грибы вырастали снова. Подберезовики были гордостью жителей этого района, но сами они грибами объелись уже давно и потому всегда приглашали знакомых собирать грибы вокруг своих домов и даже посмеивались над грибниками.

За небоскребами начинался Филевский парк.

На широкой поляне человек сто любопытных смотрели, как работает экспериментальная дорожка. Техник в синем комбинезоне стоял посреди серебряной ленты, которая изгибалась, направляясь в ту сторону, в которую техник велел ей направляться. На груди техника висел микрофон, и он объяснял любопытным, как дорожка работает:

— Если мне хочется, чтобы дорожка привела меня к тому вон большому кусту, я мысленно говорю ей: направо. И дорожка поворачивает направо.

Все засмеялись, потому что дорожка так резко повернулась, что техник не удержался и упал на траву. Дорожка пробежала вперед и замерла.

Алиса хотела было покататься на новой дорожке, но желающих было так много, что пришлось бы стоять в очереди полдня, прежде чем удалось бы покататься самой. Алиса решила лучше подождать, пока такие дорожки построят во всех парках.

На соседней полянке тренировались космонавты, вернее, юные космонавты из ДОСКОСа — Добровольного общества содействия космонавтике. Люк в учебную ракету был открыт, и ребята по очереди спускались из него на траву по тросу. Они, наверно, воображали, что динодуки с Юпитера сожрали их трап. Алиса вернулась к машине. Пора было ехать к Берте.

Некоторое время машина шла под трубой монорельса, потом повернула к набережной Москвы-реки и через старый Бородинский мост выехала на Смоленскую. Солнце спряталось за тучу; наверно, метеорологи опять ошиблись — даже в двадцать первом веке им верить нельзя. Под тучей висел воздушный велосипед регулировщика. Велосипед был синий, и регулировщик был в синем, и туча была синей. Алиса сразу придумала сказку о том, что регулировщик — сын тучи и, если станет жарко, он превратится в дождь.

Вот и зеленые арбатские переулки. Алиса почти вернулась домой. Она оставила такси на стоянке, устланной разноцветными плитами, забрала букет сирени, проверила, на месте ли миелофон, и поднялась к Берте Максимовне.

— Чего же ты так долго? — удивилась Берта.

— Вы же сами сказали, чтобы через час.

— Ах да, я совсем забыла! Я думала, мне позвонят из Монтевидео. Там, знаешь, говорят, достигнут контакт. Видела последний номер нашего журнала?.. Спасибо за цветы.

Берта была немного сумасшедшая. Так думала Алиса, но, конечно, никому об этом не говорила, а перед ребятами даже иногда хвасталась немного своей дружбой с вице-председателем общества «Дельфины — наши братья». Берте уже лет пятьдесят, хотя она довольно молодая и носит парики «русалка» или «гавайский бриз». Она раньше была чемпионом Москвы по подводному плаванию, а потом вступила в общество «Дельфины — наши братья» и стала в нем вице-президентом. У нее во дворе дома большой дельфиний бассейн, и она все время старается найти с ними общий язык. Папа говорил Алисе, что Берта скоро разучится говорить с людьми, и если достигнет взаимопонимания с дельфинами, то только потому, что будет обходиться без человеческого языка. Папа, конечно, шутил, но, по правде говоря, они с Бертой — научные противники. Папа — биолог и директор зоопарка, и он не верит в то, что дельфины — наши братья. А Алисе очень хотелось в это верить, и из-за этого у нее с папой были даже настоящие научные споры.

— Знаешь что, деточка? — сказала Берта, резким движением откидывая на плечо зеленый локон. — Ты иди к дельфинам, а я потом подойду. Может, все-таки позвонят из Монтевидео.

— Хорошо, — сказала Алиса.

Ей только этого и надо было. Она хотела испытать миелофон без Берты. А потом положить его на место, чтобы папа не узнал, что она пробовала его на дельфинах.

Папа принес миелофон вчера из зоопарка и объяснил, что миелофон экспериментальный. Он может читать мысли. Конечно, если эти мысли выражены словами. Папе дали аппарат для опытов с обезьянами, но сегодня он поехал не в зоопарк, а на совещание и оставил аппарат дома.

Вчера вечером они с папой испытывали аппарат друг на друге, и Алиса слышала собственные мысли. Это очень странно — слушать собственные мысли. Они звучат совсем не так, как кажется тому, кто их думает. Алиса брала в руки серую коробочку, вставляла в ухо маленький наушник и слушала, как довольно тоненький голос говорит быстро-быстро: «Не может быть, чтобы мои мысли... смотри-ка, я слышу собственный голос... Это мой голос? Я подумала про голос и точно то же самое слышу...»

Алиса с папой попробовали послушать домработника. У домработника мысли были короткие и не путались, как у Алисы. Домработник думал о том, что надо подмести под плитой, почистить медаль и (тут люди узнали его страшную тайну) подзарядить потихоньку аккумуляторы, чтобы ночью, когда все будут думать, что он спит, почитать при свете собственных глаз «Трех мушкетеров».

...Алиса подошла к бассейну. Оба дельфина, узнав ее, наперегонки поплыли к бетонной кромке. Они по пояс выпрыгивали из воды, чтобы показать, что они рады видеть гостью.

— Подождите, — сказала Алиса. — У меня для вас нет ничего вкусного. Берта мне не велела вас кормить — у Руслана живот болит. Ведь правда?

Один из дельфинов, которого звали Русланом, перевернулся на спину, чтобы показать Алисе, что живот у него уже совсем не болит, но Алису это не разжалобило.

— Не уплывайте далеко, — сказала Алиса. — Я хочу послушать, есть ли у вас мысли. Видите, я достаю миелофон. Вы такого аппарата еще никогда не видели. Он читает мысли. Его придумали врачи, чтобы лечить психических больных, и вообще, чтобы ставить точный диагноз. Мне папа сказал. Понятно?

Но дельфины ничего не ответили. Они нырнули и поплыли наперегонки по кругу. Алиса достала из сумки аппарат и, вставив в ухо наушник, нажала черную кнопку приема. Сначала ничего не было слышно, но когда Алиса покрутила ручку настройки, то вдруг совершенно явственно услышала мысль одного из дельфинов:

«Смотри-ка, что она делает. Наверное, опыт ставит».

Алиса чуть не закричала «ура». Может, позвать Берту? Нет, надо проверить.

Один из дельфинов подплыл ближе. Он думал:

«А на вид просто девчонка. Что же это она делает?»

— Я читаю твои мысли, — тихо сказала Алиса дельфину. — Понял, глупый?

Дельфин перевернулся и нырнул. Но мысли его тем не менее были ясно слышны.

«Может, поговорить с ней? — думал дельфин. — А то она что-то задается...»

Перебивая первую мысль, появилась другая — кто-то еще, наверно, второй дельфин, подумал: «А я ее знаю, она из дома напротив, ее Алисой зовут».

«Вот молодец! — подумала Алиса. — Но откуда он знает, что я из дома напротив?»

И в тот же момент тот же голос, который звучал в миелофоне, сказал вслух, и довольно громко:

— Алиса-барбариса, машинку сломаешь, нас не поймаешь!

Голос раздался, как ни странно, не из бассейна, а сзади.

Алиса вскочила и обернулась.

За низенькой бетонной оградой стояли двое мальчишек лет по шести и корчили ей дурацкие рожи.

— А ну, уходите сейчас же! — рассердилась Алиса. — Вы мне весь опыт испортили!

— Так мы и ушли, дождешься! — сказали мальчишки.

Но Алиса сделала два шага в их сторону, и мальчишек словно ветром сдуло.

Алиса огорчилась и снова села на берег бассейна. Опыт провалился. Хорошо еще, что она не позвала Берту, чтобы рассказать о своем открытии. Ну ладно, время еще есть. Можно продолжить.

Алиса снова включила миелофон и, вытянув наружу усик-антенну, направила его в сторону дельфинов. В ушах потрескивало, и иногда раздавались какие-то хрюкающие звуки и взвизгивание. Они приближались, когда дельфины подплывали ближе, и почти совсем пропадали, когда дельфины ныряли или отплывали к дальней стенке бассейна.

Так Алиса просидела минут пять, но ничего не дождалась. Наверху открылось окно, и Берта, высунув зеленую модную голову, сказала:

— Алисочка, дружок, поднимись ко мне. Звонили из Монтевидео, отличные новости. И скажи роботу, чтобы он достал из холодильника рыбу.

— До свидания, — сказала Алиса дельфинам. — Я к вам еще приду.

Она осторожно, чтобы Берта из окна не увидела, спрятала миелофон и, сказав, что нужно, роботу, пошла к дому.

Когда она скрылась за углом, дельфин по имени Руслан высунул из воды курносое рыло и сказал негромко своему соседу на дельфиньем языке:

— Интересно, что случилось в Монтевидео?

— Не знаю, — ответил второй дельфин. — Жалко девочку, она так расстроилась. Может, стоило с ней поговорить?

— Рано еще, — ответил дельфин Руслан. — Люди не доросли до общения с нами. Они многого не поймут.

— К сожалению, ты прав, — сказал второй дельфин. — Взять хотя бы этих мальчишек. Крайне плохо воспитаны. Один даже кинул в меня палкой.

И дельфины, резвясь, поплыли вокруг бассейна.

Глава 3

ТУДЫ-СЮДЫ ДЕДУШКА

В первый день каникул человеку обычно нечего делать. Вернее, есть что делать, и дел даже очень много, но трудно придумать, какое из них самое главное, и человек теряется среди многочисленных возможностей и соблазнов.

Алиса попрощалась с Бертой Максимовной, вышла на улицу и посмотрела на воздушные часы, висящие в небе над городом. Часы показывали двенадцать. Впереди еще был целый день, а за ним пряталось множество совершенно свободных летних дней, обещанное папой подводное путешествие, экскурсия в Индию, экспедиция юннатов в пустыню и даже, если мама достанет билеты, поездка в Париж на трехсотлетие взятия Бастилии, которую парижане уже специально построили из легкого пластика. Жизнь обещала быть интересной, но все это относилось к завтрашним дням.

А пока Алиса отправилась на Гоголевский бульвар. Миелофон лежал в сумке, и Алиса время от времени похлопывала по сумке ладошкой, чтобы проверить, на месте ли аппарат. Вообще-то говоря, стоило зайти домой и положить его на место, но жалко было терять время. Зайдешь домой — робот заставит обедать и будет говорить, что ты опять похудела, и что я скажу маме, когда она вернется, и всякие другие жалкие слова. Марсианский богомол попросится гулять, а гулять с ним — одно мученье: он останавливается у каждого столба и обнюхивает каждую царапину на мостовой.

Так что понятно — Алиса домой заходить не стала, а отправилась на бульвар.

Гоголевский бульвар, широкий и тенистый — говорят, там как-то заблудилась целая детсадовская группа вместе с руководительницей, — тянется от Москвы-реки до Арбатской площади, и в него, как реки в длинное и широкое озеро, впадают зеленые

улицы и переулки. Алиса по извилистой тропинке, мимо апельсиновых деревьев, которые очень красиво цвели, направилась прямо к старинному памятнику Гоголю. Это печальный памятник. Гоголь сидит, кутаясь в длинный плащ, — Гоголь хоть и писал веселые книги, сам был довольно грустным человеком. За памятником, на боковой аллее, должны расти ранние черешни. Они отцвели уже месяц назад. Вдруг ягоды уже поспели?

На лавочке сидел старичок с длинной седой бородой, в странной соломенной шляпе, надвинутой на кустистые брови. Старичок, казалось, дремал, но, когда Алиса проходила, вернее, пробегала мимо, он поднял голову и сказал:

— Куда ж ты, пигалица, несешься? Пыль поднимаешь, туды-сюды!

Алиса остановилась:

— Я не поднимаю пыли. Здесь же крупный песок, он не пылится.

— Вот те раз! — удивился старичок, и борода его поднялась и уставилась пегим концом в Алису. — Вот те раз! Возражаешь, значит? — Дедушка явно был не в духе.

И Алиса на всякий случай сказала:

— Простите, я не нарочно, — и хотела уже бежать дальше.

Но старичок не дал.

— Подь сюды, — сказал он. — Тебе говорят!

— Как так — подь сюды? — удивилась Алиса. — Как-то странно вы разговариваете.

— А ты поспорь, поспорь. Сейчас возьму хворостину и отстегаю тебя по мягкому месту!

Старичок был совсем необыкновенный. И говорил удивительно. Не то чтобы Алиса его испугалась, но все-таки ей стало немного не по себе. Больше никого на аллее не было, а если старик и в самом деле решит стегать ее хворостиной... «Нет, успею убежать», — подумала Алиса и подошла к старичку поближе.

— Что же это получается? — сказал старичок. — Оставили меня на этом проклятущем месте, а сами смылись! На что это похоже, я спрашиваю!

— Да, — согласилась Алиса.

— У тебя в сумке калачика не найдется? — спросил дед. — А то с утра маковой росинки во рту не держал.

— Нет, — сказала Алиса. — Но я могу проводить вас в кафе.

— В такое место мне нельзя. Я при исполнении, — сказал старичок.

Алиса засмеялась. Старичок был совсем не страшный и даже шутил. Она сказала:

— А на площади бутербродный автомат есть...

— Обойдусь, — сказал дед. — Без ваших советов обойдусь. Нет, ты скажи, пигалица, что такое деется?

«Вот это старик! — подумала Алиса. — Вот бы его нашим ребятам показать».

— Сколько вам лет, дедушка? — спросила она.

— Все мои годки при мне, я еще царя-батюшку Николая Александровича, царство ему небесное, помню. Вот так-то. И генерала Гурко на белом коне. А может, это Скобелев был...

— Долгожитель! — поняла Алиса. — Самый настоящий долгожитель. Вы из Абхазии?

— Это из какой такой Абхазии? Ты это что? Да я тебя!

Дедушка попытался вскочить со скамейки и погнаться за Алисой, но в последний момент передумал и вставать не стал. Алиса отбежала на несколько шагов и остановилась. Ей уже совсем не хотелось уходить от сказочного деда.

— Так вот, говорю я, — продолжал дед, будто забыл вспышку гнева, — что же это вокруг деется? Совсем с ума поспятили, туды-сюды!

Если он помнит царя и древних генералов, то деду должно быть по крайней мере двести лет. Как же он законсервировался, и даже в газетах о нем ни слова не было, и папа о нем не знает? Ведь если бы знал, то наверняка сказал бы Алисе.

— Ни те городового, ни те культурного обращения! Ходют туды-сюды голые люди, махают себе бесстыжими ногами. Ох, наплачетесь вы с ними, ох и наплачетесь!.. Не видать вам...

Дед всхлипнул и вдруг завопил яростно и тонко:

— Конец света! Светопреставление! Грядет антихрист наказать за грехи великие...

«Ой-ой-ой, позвать кого-нибудь, что ли? — забеспокоилась Алиса. — Наверно, у него мания. Больной человек».

— А ты чего в трусах бегаешь? — вдруг спросил дед негромко, но сердито. — Юбки, что ль, у мамки не нашлось? Небось загуляла мамка-то, а? Загуляла?.. Девки-то кто в штанах, кто в трусах...

— У меня мама архитектор, — сказала Алиса.

— То-то и говорю, — согласился дед. — Не те времена пошли. А то выйдешь спозаранку, наденешь лапти... Ты садись, девочка, на лавочку, сказку послушаешь... Буренка твоя уже копытом теребит. И поднимаемся мы вслед за генералом Гурко, царство ему

небесное, туды, понимаешь, сюды, на высоту двенадцать — восемьдесят пять, а там уже турок позицию себе роет... И за царя...

Дед повторил несколько раз «за царя» и вдруг запел:

И за царя, за родину, за веру
Мы грянем громкое ура, ура. Ура-а-а-а!..

Алиса медленно отступала по дорожке, чтобы незаметно исчезнуть с глаз деда. Она думала, куда лучше бежать, чтобы скорее найти помощь.

И вдруг из-за поворота показалась девушка со свертком чертежей под мышкой, обычная девушка, наверно студентка. Она была в шортах и безрукавке. Короткие светлые волосы падали челкой на загорелый лоб. Девушка услышала песню деда и остановилась.

— Ой! — обрадовалась Алиса.

Она подбежала к девушке и громко зашептала:

— Этот дед, наверно, сошел с ума. Он говорит странные вещи и совсем оторвался от действительности.

— Посмотрим, — сказала девушка.

Старичок заметил ее и очень рассердился.

— Час от часу не легче! — сказал он. — Еще одна бесстыдница, туды-сюды. Ты чего вырядилась?

— Здравствуйте, — сказала девушка. — Вы себя плохо чувствуете?

— Это еще почему? Это еще что за такие слова позволяешь? Я в своей жизни еще ничем не маялся, кроме как почечуем. Так-то.

— Странно он одет, — сказала девушка Алисе негромко.

И тут Алиса тоже заметила, что дед странно одет. Как только она раньше этого не видела?

На деде были серые короткие брюки, обвисшие понизу грязной бахромой, из-под брюк выглядывали шерстяные носки, обмотанные веревкой. Веревка спускалась к лодыжкам и была привязана к странным тапочкам, ужасно знакомым, но раньше Алиса их не встречала. Ах да, это же лапти, как на картинке в книжке сказок! Плечи деда накрывал серый пиджак с подложенными на плечах ватными подушками, чтобы плечи казались шире. И еще была соломенная шляпа, но ее Алиса заметила с самого начала.

— Он несовременный, — сказала Алиса тихо и сама испугалась своего открытия. — Он проник из прошлого!

Конечно же, дед был несовременным. Он и говорил странно, и одет был необыкновенно.

— Погоди-ка, — сказала девушка. — Вы где живете? — спросила она у старика.

— Много будешь знать... — начал дед. Потом задумался и добавил: — Запамятовал.

— Может, вас проводить домой?

— Дом мой за высокими горами да за глубокими долами, — сказал дед уверенно, будто повторял знакомый всем адрес. — Ты мне лучше скажи, землю вы пашете?

— Пашем, — ответила девушка.

— И соха у вас есть?

— Сохи уже нет. Автоматы пашут и все остальное делают.

— То-то я думал. А год-то сейчас какой?

— Две тысячи восемьдесят девятый.

— Это от Рождества-то Христова?

— От нашей эры, — сказала девушка.

— А вы из какого года? — спросила Алиса. — Вы ведь путешественник во времени?

— Вот те туды-сюды! — сказал дед. — Путешественник, говоришь? А ты лучше мне скажи: как у вас с мясом? Мясо почем?

— Мясо? — Алиса не знала, что ответить.

Но ей на помощь пришла девушка.

— Мясо у нас, дедушка, бесплатное, — сказала она. — И все другие продукты тоже.

— Врешь, туды-сюды! Ктой-то за просто так тебе теленка резать будет?

— Вы еще из Дореволюции? — настаивала Алиса. — А как вы попали сюда? На нашей машине времени?

— А вот скажи мне, — оживился дед, — кто у вас наиглавнейший генерал?

— Нет у нас генералов.

— Вот и врешь! Не может того быть, чтобы без генерала... Бог ты мой, кто идет!

По дорожке, припадая на суковатую палку, шел второй дед, точно такой же, как и первый, только шляпа у него была не соломенная, а суконная.

Алиса так удивилась, что спряталась за спину девушки. И тут же из-за поворота вышли еще три деда, двое с палками, один так, без палки; двое в соломенных шляпах, а один без шляпы совсем, и борода у последнего деда была подлиннее, чем у остальных.

Все деды не спеша направлялись к скамейке.

— Слава тебе господи! — сказал первый дед. — А то, туды-сюды, ни одной живой души не найдешь!

— Это верно, — ответил один из новых дедов. — Это верно, что ни одной живой души, все какие-то фигли-мигли с квасом.

И он погрозил палкой девушке и Алисе. Это они и были фигли-мигли с квасом.

— У них здесь дырка в прошлое, — прошептала Алиса, — и они из нее вылезают. Надо остановить. Ведь, может, их сто тысяч.

— Этих-то проучить бы не мешало, палкой, палкой! — закричал старик.

— Это так, туды-сюды! — закричал другой дед.

— Сейчас мы их! — крикнул третий. — Я сам в городовых служил!

Сзади вышло еще три деда. Бежать было некуда. Деды, правда, их не трогали, но шумели изрядно. Алиса крепко уцепилась за руку девушки.

И в этот момент ударил гонг, и громкий голос сказал:

— А ну-ка, Глебушка, обесточь массовку. Такие не пойдут.

За кустами что-то зашипело, и деды замерли в тех позах, в которых их застал громкий голос.

Из кустов выскочили несколько молодых ребят. Потом вышел старый знакомый Алисиного папы, оператор Герман Шатров. Лоб Шатрова закрывал длинный зеленый козырек от солнца, и на груди у него висел микрофон.

Не замечая девушки с Алисой, Шатров напустился на своих помощников.

— Как могло получиться, — сердился он, — как могло получиться, что восемь роботов из массовки ушли со съемочной площадки? Кто за это в ответе? А вдруг один из них на машину бы налетел? Или ребенка бы до смерти испугал? Нет, я так не оставлю! Я сегодня же серьезно поговорю с конструкторами.

— Они же опытные, Герман, — сказал один из ассистентов. — Их только сейчас распаковали, даже проверить не успели. Вот они и расползлись по бульвару.

— Да разве это настоящие древнерусские крестьяне? На основе чего их программировали?

Из кустов вышел еще один человек. Был он толст и печален.

— Гера, — сказал он, — милый, мы же не сами придумали. Взяли дедов из романов позапрошлого века, туды-сюды.

— Что?

— Туды-сюды, говорю. Это я пока с ними возился, дедовских выражений нахватался. У них сто пятьдесят лет назад были обязательно любимые слова, необычные.

— Забирай своих стариков. Придумаем что-нибудь другое.

— А что же мне с ними делать? Они же никуда не годны.

— Поменяешь блоки памяти на стандартные, получатся неплохие роботы-сиделки. Ей-богу, даже интересно. С бородами и запасом сказок, туды-сюды.

Глава 4

ЧЕМОДАН СВЕТЛАНЫ ОДИНОКОЙ

— Ты что здесь делаешь? — спросил вдруг Герман, заметив Алису.

— Мы очень испугались, — ответила Алиса. Она хотела показать девушку, которая тоже испугалась, но девушка, оказывается, незаметно ушла.

— Вот, — расстроился Герман, — я же говорил, что детей типовыми стариками напугать можно!

— Я думала, что он из прошлого, на машине времени.

— Нет, не бойся, таких упрощенных дедов даже двести лет назад не было. Хотя я точно не знаю. У тебя что, каникулы уже?

— Каникулы. А вы картину снимаете?

— Симфонию сказок.

— С эффектом присутствия?

— И букетом запахов и термоэффектов.

— А сегодня будете снимать?

— Сегодня? Вот не знаю, что нам теперь делать с массовкой. Старики неудачные... Знаешь что? Сгоняем-ка мы на натуру. На Черное море. Хочешь с нами?

— Очень хочу! А как папа?

— С папой я свяжусь, — сказал Герман. — Надо только с режиссером поговорить. Володя! Володя, Чулюкин! Где ты?

— Ну что? — спросил голос из кустов, и тут же на дорожке показался режиссер, быстрый, невысокий, в очень модной мексиканской шляпе с бубенчиками.

Режиссер быстро передвигался и быстро говорил, но думал он, видно, еще быстрее, и часто фраза у него недоговаривалась, потому что мысли заставляли, не кончив первую, начинать вторую.

— Что, у нас получилось несчастье? — спросил он. — Старики оплошали, и не только... А впрочем, у тебя есть соображения по части... Может, нам перейти в павильон?

— Володя, отпусти меня на побережье. Мне нужен закат, чтобы с фиолетовыми облаками. Все равно день пропал.

— А как же Мария Васильевна?

— Она обойдется.

— И все-таки... А впрочем, поезжай. Только чтобы к утру вернуться, а то Мария Васильевна...

Тут Чулюкин повернулся и исчез в кустах. Будто его и не было.

— Вот видишь, — сказал Герман. Он вынул из кармана видеофончик и набрал номер Алисиного отца.

— Слушай, Игорь, — сказал он, — я у тебя хочу дочку украсть на полдня. А к утру верну... Да нет, на Черное море, там тепло. Погоду я заказал... Вот и отлично!

Герман отключился и сказал Алисе:

— Твоего отца такой вариант вполне устраивает. Он все равно задержится до ночи. Крумся делятся у него. Что это такое, кстати?

— Какие-то звери с Сириуса. Я их никогда не видела. Но мне надо будет домой зайти.

— И не мечтай. Натура не ждет. Или мы летим сейчас, или ты остаешься в городе.

— Мне надо одну вещь домой занести.

— Завтра занесешь. По машинам!

Никаких машин не было, да им и нельзя заезжать на бульвар. Но при этих словах вдруг в кустах что-то загрохотало и зашуршало.

— Аппаратуру сворачивают, — сказал Герман. — Пошли.

Алисе пришлось пойти. Хоть она и жалела, что не смогла забежать домой и положить на место миелофон, который папа велел не трогать. Ведь невозможно же отказаться от такой поездки, не часто тебя зовут смотреть, как снимается настоящее кино.

Флаер ждал их на плоской крыше одного из домов на краю бульвара.

Флаером лететь в Крым дольше, чем на метро, но киношники, как они ни спешили, вынуждены были воспользоваться своей машиной, потому что у них было много оборудования — камер и осветительных приборов, — перегружать которое в вагоны метро было долго и трудно. Тем более что метро шло только от

Москвы до Симферополя, а оттуда все равно на побережье надо лететь флаером или ехать на монорельсе.

Обычно же после работы тысячи московских флаеров и такси отправлялись в Фили-Мазилово, к серебряному куполу с большой красной буквой «М» над ним. Здесь — московская станция Крымского метрополитена. Несколько параллельных туннелей тонкими ниточками связывают Фили с Симферополем. Ниточки эти совершенно прямые, и это значит, что на середине пути тунель метро углубляется на несколько километров под землю. В свое время строительство первых междугородных подземных линий было очень трудным делом, пока строители не ввели в работу проходческий автомат, который под температурой в несколько тысяч градусов расплавлял породу, облицовывал ее тугоплавким пластиком и оставлял за собой блестящую, оплавленную, гладкую, как серединка керамического стакана, трубу.

Такие же линии метро соединяют Москву и с Петербургом, и с Киевом, и даже с Якутском. А к 2100 году будет закончена первая линия Варшава — Нью-Йорк. Ее строят уже третий год, потому что под океаном туннель проходит чуть ли не по центру Земли, и потому работы там продвигаются медленно, и о них в двух словах не расскажешь.

А крымский туннель давно уже стал привычным и удобным — каждый москвич может после работы за сорок пять минут доехать в снаряде метровагона до Симферополя, а оттуда уже пятнадцать минут на флаере до любой точки побережья. К ночи можно вернуться в Москву загорелым и накупавшимся.

Герман с Алисой, три ассистента, два робота и пилот разместились в мосфильмовском флаере. Он бесшумно взвился с крыши и, набрав высоту, полетел на юг, к Черному морю.

Это было совсем неплохое начало для каникул.

Алиса осмотрелась, нашла ящик поудобнее, чтобы усесться на нем, и придвинула его к окну. За ее спиной кто-то закряхтел. Алиса обернулась, удивившись, как это человек мог уместиться в такой узкой щели.

Сзади, насупившись, сидел старик из массовки и жевал набалдашник своей толстой палки.

— Ой, — сказала Алиса, — старик!

— Это что такое? — удивился Герман. — Как он сюда пробрался?

— Чулюкин просил взять на всякий случай, — сказал один из ассистентов. — Может, пригодится для первого плана.

— Я пригожусь, я те пригожусь! — сурово сказал старик. — Я с генералом Гурко Шипку брал. Молокососы...

— Если ты, Алиса, боишься, то пересаживайся ко мне, — сказал Герман.

— Вот еще чего не хватало! — обиделась Алиса. — Чтобы я роботов боялась. Уж лучше я тут, у окошка.

Вообще-то она предпочла бы пересесть, но признаваться, что она испугалась, ей совсем не хотелось. Все равно лететь меньше двух часов.

И когда один из ассистентов раздал всем по галете и стакану сока, Алиса даже отломила половину галеты и протянула старику.

— Не стесняйтесь, — сказала она. — Берите. Мне все равно столько не съесть.

Но старик-робот покачал головой:

— Ешь сама, пигалица. Я с утра щец похлебал, вот и вся недолга.

Алиса поняла, что старик ее обманывает. Роботы не едят щей. Но, наверно, в нем такая заложена программа, что он думает о себе, что он вовсе не робот, а древний старик. Чтобы естественней изображать в кино.

Не успела Алиса дожевать галету, как флаер пошел на снижение. Он проскользнул между невысокими лесистыми горами и полетел прямо в синее, чуть светлее неба, море. Над самым берегом, между двух высоких серых скал, флаер замер на месте и мягко опустился на площадку, обрывающуюся прямо к воде.

— Ну вот, — сказал Герман. — Мы тут были на прошлой неделе. Чем не рай?

На бугорке стояла палатка — маленький купол из легкого пластика. Из палатки вышел почти черный человек в плавках. Оказалось, его зовут Васей, и он ассистент режиссера.

— Обследовал? — спросил Герман.

— Да, все точки выбраны. Хоть сейчас начинай.

— Ладно, покажешь. Но сначала всем купаться. Ты, Алиса, пойдешь со мной, и ни на шаг в сторону. Чтобы не утонуть.

— Как же я утону? Я даже под водой плаваю сколько хочешь.

— И тем не менее. Перед твоим отцом отвечаю я, а не ты. Ясно?

— Ясно.

— Сумку оставь здесь.

— Нет, я ее с собой возьму.

— Ну, как хочешь.

Вася повел киношников по тропинке к воде, а роботы занялись устройством временного лагеря. Вода была теплой и ласковой. Алиса даже пожалела, что отец не возит ее по воскресеньям на море.

Старик в лаптях спустился к морю за киношниками и уселся на берегу.

— Не жарко? — крикнула ему из воды Алиса.

— Ты далеко не плавай, пигалица, — сказал дед. — Рыба какая укусить может. Рыба кит.

Он уже привык к Алисе, да и Алиса к нему привыкла и совсем не боялась.

Дед подумал-подумал и принялся разувать лапти.

— Эй, старик, — сказал ему Герман, — и не думай. Перегреешь конечности, мастерской здесь нет.

Старик вздохнул и послушно надел лапоть обратно.

— Жалко его все-таки, — сказала Алиса.

— Жалко, конечно. Да что поделаешь, одежда для него — та же изоляция. А убедительно сделан?

— Убедительно, — согласилась Алиса и нырнула.

Под водой она открыла глаза и так испугалась, что открыла рот, наглоталась воды и пулей вылетела на поверхность. Она чуть было не ушла обратно под воду, но Герман подхватил ее и легонечко стукнул по спине, чтобы она откашлялась.

— Что там такого страшного? — спросил он.

— Морда, — сказала Алиса. — Такая страшная морда, что я просто не могу!

В этот момент вода перед ними расступилась, и на поверхности показалось смеющееся рыло дельфина.

— Пошел отсюда! — прикрикнул на него Герман. — Детей пугать вздумал!

— Он шутил, — сказала Алиса, которая уже опомнилась. — Это я виновата, что не узнала.

— Он у меня тут в друзьях числится, — сказал загорелый Вася.

— Привет от Руслана из Москвы! — крикнула Алиса вслед уплывающему дельфину.

— Итак, вылезаем — и за дело, — сказал Герман и поплыл к берегу.

— С легким паром! — сказал купальщикам старик.

— Спасибо, — ответила Алиса.

Герман прыгал на одной ноге, стараясь вытрясти из уха воду. Когда это ему удалось, он сказал Алисе:

— А ты пока свободна. Можешь погулять. Только умоляю, не потеряйся.

— Ходи по тропинкам, — сказал старик. — В лес не суйся. А то Баба-яга схватит, унесет за синие горы, посадит в котел и съест с маслом.

— С каким маслом? — заинтересовался Вася.

— С каким, с каким? С подсолнечным, вот с каким!

Море к вечеру стало совсем ровным и маслянистым. Только у самой кромки берега волны лениво шевелились, как край скатерти. Берег был покрыт крупным песком и мелкими ракушками, такими тонкими и хрупкими, что собирать их не было никакого смысла. Зато в воде и на полосе мокрого песка, зализанной волнами, блестели очень красивые камни. Некоторые были прозрачные и обкатанные водой, как бусины, а другие, разноцветные, хранили еще неправильность обломков настоящей скалы, только углы у них были сглажены. Еще на песке встречались, правда нечасто — таких больше на Кавказе, — плоские каменные лепешки, серые и бурые. Их очень удобно кидать по воде, так чтобы они подпрыгивали по многу раз.

Когда Алиса набрала две горсти камней, ей это занятие надоело, и она выбрала несколько лепешек и принялась кидать их так, чтобы они прыгали до самого горизонта. Но лепешки были не самыми лучшими и после двух-трех прыжков тонули, поднимая столбик густой, глянцевой воды. Наконец Алисе удалось отыскать лепешку чуть толще бумаги и совсем круглую. Она должна была обязательно упрыгать до горизонта. Алиса прицелилась, кинула камень, и он послушно запрыгал по ровной воде. Раздва-три-четыре-пять... На девятый раз он все-таки ушел под воду, и тотчас же в том месте из воды выпрыгнул дельфин. Он сейчас же нырнул обратно, но Алиса испугалась, что она его ушибла, и решила больше камней не бросать.

Она пошла дальше вдоль берега, чтобы найти самый красивый камень. Она шла довольно долго. Берег несколько раз изгибался бухтами, но камень все никак не попадался. Тогда Алиса решила подняться наверх.

Здесь, вдали от курортов и домов отдыха, было тихо. Иногда разноцветной мухой пролетит над головой флаер, в траве стрекочут кузнечики, из-под камня высунулся скорпион, увидел Алису и спрятался.

Алиса подошла к обрыву и посмотрела на море.

Море было гладким, словно не море, а голубое желе. Недалеко от берега был виден небольшой остров. Почти плоский, если не считать скалы, что пальцем поднималась у берега, да полуразрушенной хижины. Рядом со скалой в берег уткнулась баржа. Какие-то маленькие фигурки медленно двигались по берегу возле баржи. Движения их были странными, замедленными и какими-то нечеловеческими. Может, специальные роботы что-то там делают? Чистят дно? Строят причал?

Алиса пошла дальше по берегу. Она попала в посадки. Вокруг тянулись рядами сосенки ростом чуть повыше Алисы. Когда Алиса станет взрослой, они тоже вырастут и превратятся в могучие деревья. Надо будет обязательно вернуться сюда и поглядеть на этот лес...

Вдруг впереди Алиса услышала громкий, возбужденный голос.

Она сделала еще несколько шагов вперед и остановилась. Кто-то ссорился. Неловко как-то выскакивать из-за деревьев и мешать людям. И Алиса осторожно выглянула из-за сосны.

На поляне она увидела странное существо.

Это был человек. Но какой человек — мужчина или женщина, мальчик или старик, — не догадаешься. Потому что существо было одето в меховую шубу до пят, на голове у него была меховая шапка с длинными ушами, а лицо прикрывали большие темные очки.

Существо сидело на чемодане, держало в руке видеорацию и говорило:

— Никитин, ты куда меня прислал? Нет, ты признайся, куда ты меня прислал?

— Я тебя никуда не присылал, — отвечал голос из видео. — Куда ты летела, там ты и есть.

— А куда я летела?

— Ты летела на Карское море, на остров Уединение.

— Значит, к Северному полюсу?

— Вот именно.

— А скажи, пожалуйста, то, что ты видишь вокруг, похоже на Северный полюс?

Существо в шубе подняло руку в варежке и обвело окрестности видеорацией, чтобы тот, кто разговаривал с ним, убедился, что окрестности и в самом деле не похожи на Северный полюс.

Ситуация была такая необычная, что Алиса еле удерживалась от смеха.

— Нет, это не похоже на Северный полюс, — послышался печальный голос из видеорации. — Как же это могло случиться?

— Я у тебя хотела спросить, — ответило существо. — Что мне теперь делать?

— Наверное, тебе придется сесть снова во флаер и выяснить, какая кнопка нажата на пульте.

— Все-таки мужчины — совершенно наивные люди! — воскликнуло существо в шубе. — Неужели не понятно, что я, как только прилетела, сразу поставила флаер на автоматику и отправила обратно.

— Грустно, — сказал голос из видеорации. — Придется мне прислать за тобой другой флаер.

— Гениально! — возмущенно воскликнуло существо в шубе. — Другого ответа я от тебя и не ждала. И скажи, пожалуйста, Никитин, куда ты намерен послать за мной флаер?

— Ну куда... где ты есть...

— А где я есть?

— Да, кстати, где ты?

— А я не имею представления! Может быть, я на Гавайских островах! Может, я в Тасмании! Может, я на необитаемом острове Тристан-да-Кунья и раньше чем через полгода сюда не придет ни один корабль!

— Не паникуй! — ответила видеорация. — Мы что-нибудь обязательно придумаем!

Тут уж Алиса не выдержала и рассмеялась вслух.

Существо в шубе услышало смех и быстро вскочило.

— Погоди! — воскликнуло оно. — Тут кто-то есть. Может быть, дикий зверь... кажется, гиена.

— Никакая я не гиена! — сказала Алиса.

И вышла из зарослей.

— Абориген! — закричало существо в шубе. — Никитин, жди связи. Я постараюсь найти с ним общий язык.

Существо подбежало к Алисе, крича по-английски, потом по-французски.

— Остановитесь, добрый человек! Я не причиню вам зла! Я потерялась! Скажите, как называется ваша страна!

— Да вы же в Крыму! — ответила Алиса.

— Ты говоришь по-русски! — удивилось существо.

— Конечно.

— Так чего же ты молчала?

— Я не молчала. Я хотела вам сказать, что вы на Карадаге, на Южном берегу Крыма.

— Ну вот, я так и знала, — сказало существо и сбросило мохнатую шапку. У существа обнаружились длинные темные волнистые волосы. Существо сняло очки, и под ними оказалось прелестное молодое лицо и громадные синие глаза. Существо вылезло из шубы и превратилось в стройную молодую женщину.

Женщина протянула Алисе руку и представилась:

— Светлана. Светлана Одинокая.

— Алиса Селезнева.

— Спасибо. Ты меня спасла. Без тебя я бы погибла.

— Здесь трудно погибнуть. На каждом шагу люди.

— Но нашла меня ты!

— У вас красивая фамилия, — сказала Алиса. — Вы, наверное, пишете стихи.

Почему-то это предположение вызвало у Светланы Одинокой бурю негодования.

— Как ты только могла такое заподозрить! — воскликнула она. — Пускай мужчины вздыхают по рассветам и закатам. Я — настоящий ученый. И сюда я прилетела не развлекаться, а проводить ответственные испытания уникального прибора, который именуется минимизатор-2. Два — это порядковый номер модели.

— А как же вы будете его испытывать? — спросила Алиса. Никакого прибора не было видно. Меховая шуба и шапка лежали на чемодане, в руке у Светланы была только выключенная видеорация.

— В экстремальных условиях Северного Ледовитого океана! — сказала Светлана.

— Но ведь вы промахнулись?

— Не важно! Сейчас ты проводишь меня до ближайшей станции флаеров, и я продолжу путешествие.

Светлана Алисе понравилась, и ей совсем не хотелось, чтобы она улетала на Северный полюс.

— А скажите, — спросила Алиса, — нельзя ли вам проводить испытания здесь?

— Здесь? В Крыму? Какие же здесь экстремальные условия? А впрочем...

Светлана включила видеорацию. На экранчике возникло лицо Никитина.

— Слушай, Никитин, — строго сказала Светлана. — Я полу-

чила предложение от аборигенов, — она показала на Алису, — провести серию испытаний здесь. Ты как к этому относишься?

— А ты выяснила, где находится это «здесь»?

— Неужели не понятно? Конечно же, в Крыму, на Карадаге. Вместо того чтобы нажать на кнопку КАРское море, ты заставил меня нажать на кнопку КАРадаг!

— Светочка, ну как я мог тебя заставить, если ты сидела во флаере, а я был в институте?

— Никитин, ты жалкий трус! — воскликнула Светлана.

Она в гневе кинула в сторону видеорацию и заявила Алисе:

— Проводим испытания здесь! Мне нужна площадка!

— Здесь недалеко есть, — сказала Алиса. — Давайте я вас провожу.

Светлана подняла чемодан, накинула на плечи шубу. Алиса взяла ее шапку, очки и подобрала видеорацию. Экран видеорации не горел. Алиса заподозрила, что Светлана кинула ее слишком сильно.

Алиса шла впереди, Светлана на два шага сзади.

— А ты что здесь делаешь? — спросила Светлана. — Ты в самом деле абориген?

— Никакой я не абориген, — ответила Алиса. — Я в школе учусь, в Москве. А сюда я на один день приехала со знакомой киноэкспедицией, они будут снимать закат для фильма «Симфония сказок».

— Мужчины, наверное?

— Да, — сказала Алиса. — Все мужчины и даже один старичок-моховичок, который с Наполеоном воевал.

— Вот именно, — произнесла Светлана гневно. — Вот именно!

Она почему-то была очень недовольна мужчинами, хотя Никитин показался Алисе очень милым и воспитанным человеком.

— А почему вы так сердитесь на мужчин? — спросила Алиса.

— Мне страшно надоел Никитин, — сказала Светлана. — Он мой соавтор. Ужасно бестолковый. А рассеянный — ты не представляешь, до чего он рассеянный! Вчера зачем-то купил целый букет роз. Принес в лабораторию. И что же ты думаешь? Поставил по рассеянности на мой стол. Прямо на мои расчеты! Это же отвлекает! Они пахнут!

— А может быть, он специально поставил букет к вам на стол? — спросила Алиса.

— Тогда еще хуже! Значит, он надо мной издевается.

— А если не издевается? — спросила Алиса.

— Как так?

— А если вы ему нравитесь? — сказала Алиса. — И он хотел сделать вам приятное.

— Нет! Он знает, что если хочешь сделать мне приятное, почини компьютер!

Тут они вышли на небольшую площадку над самым морем. Внизу был невысокий обрыв, под ним шуршали волны, облизывая узкую полоску камней.

— Вот мы и пришли, — сказала Алиса.

— Ну что же, — сказала Светлана. — Если нет более экстремальных условий, будем ждать их здесь. Ведь здесь бывают штормы, ветры и землетрясения?

— Могут быть, — согласилась Алиса.

Она подошла к обрыву и посмотрела в море. Прямо перед ней был островок с баржей. Неловкие фигурки все бродили по берегу.

— Тебе сделать чаю? — спросила Светлана.

Алиса обернулась.

И чуть не упала от удивления. Светлана сидела в легком плетеном кресле, за столиком. На столе стояли чашки. Над столом был раскрыт большой полосатый зонт.

— Как так? — удивилась Алиса.

— Очень просто. — Светлана была довольна эффектом. Она показала на раскрытый чемодан. — Все это из минимизатора. Хочешь посмотреть?

Алиса подошла к чемодану и заглянула внутрь. В чемодане лежало множество игрушечек. Светлана присела на корточки возле чемодана, быстро опустила в него руку, и Алиса увидела, как ее рука уменьшается. Светлана выхватила из чемодана кусочек оранжевой резины и выбросила наружу. Рука тут же стала такой же, как раньше, а оранжевый комок превратился в надувную лодку, большую, на несколько человек. Следующим движением Светлана вынула из чемодана насос, подключила к лодке, и через несколько минут лодка была уже надута.

— Это вы изобрели? — в восторге спросила Алиса.

— Любой предмет, попадающий в наш минимизатор, — сказала Светлана, — уменьшается в сорок шесть раз. Причем не только в размере, но и по весу.

— Как замечательно!

— Наше изобретение — неоценимая подмога любой экспеди-

ции, — не без гордости сказала Светлана. — Ты можешь взять с собой минимизатор, вместо того чтобы загружать целый вагон.

— А на дальних планетах! — сказала Алиса.

— А для туристов! — сказала Светлана.

— И для путешественников, и даже когда переезжаешь из дома в дом!

— Но испытания еще не закончены, — сказала Светлана. — Пока что минимизатор — очень дорогой, существует всего один экземпляр. А этот Никитин вместо Северного полюса отправил меня сюда!

— Я очень рада, что вы прилетели, — сказала Алиса. — И я рада, что мы с вами познакомились.

— Ты мне тоже понравилась, — сказала Светлана.

Алису так и подмывало признаться Светлане, что у нее тоже есть уникальный прибор — миелофон, который читает чужие мысли. Но тут она вспомнила, что взяла миелофон без спроса, и ей стало стыдно.

Тем временем Светлана достала термос, разлила по чашкам лимонный чай и спросила:

— А почему ты решила, что он не хотел меня обидеть?

— Кто?

— Ну конечно же, Никитин! Я так на него рассердилась... Но если он не хотел меня обидеть, значит, я зря на него рассердилась?

— А вам он нравится? — спросила Алиса.

— Алиса! — возмутилась Светлана. — Ты еще не в том возрасте, когда можно говорить о таких вещах!

— Почему? Мне уже двенадцатый год, и я могу говорить абсолютно обо всех вещах.

Светлана пожала плечами, посмотрела на море, на вечереющее небо... Потом сказала:

— Честно говоря, он довольно хороший человек. И неплохой экспериментатор. У него есть положительные качества.

— Тогда вы зря на него сердитесь. Вот он сейчас сидит в Москве, беспокоится, как вы тут устроились, и ждет, что вы снова будете ругаться...

— И в самом деле! — сказала Светлана. — Я должна сообщить ему, что устроилась. Что эксперимент начался. И весьма удачно. Дай мне, пожалуйста, видеорацию.

— Я боюсь, что она сломалась, — сказала Алиса, протягивая видеорацию Светлане. — Вы так сильно ее швырнули.

— Это он меня довел, — сказала Светлана и принялась нажимать на кнопки, трясти и даже бить несчастный прибор. Но тот молчал.

— Ну вот, — сказала Светлана. — Такой простой вещи изобрести не могут! Легкий толчок — и нет прибора! Что же теперь делать? Как я сообщу Никитину, что эксперимент начался? Скажи, как?

— Наверное, вам надо спуститься в киногруппу, там есть своя рация. И вызвать Москву.

— Правильно. Умница.

— Я вас провожу, это недалеко, двести метров по тропинке.

— И не думай. Что я, сама не найду? Как зовут твоего режиссера?

— Герман. А я?

— А ты загорай, купайся. Ты же для этого сюда прилетела. И поглядывай одним глазом за моим оборудованием.

Алиса согласилась.

Светлана быстро пошла по тропинке.

Алиса посидела немного в кресле под зонтом. Потом выбралась на солнышко. Она вытянулась на траве у края площадки. Солнце грело мягко, по-вечернему. Светлана все не возвращалась. Было тихо-тихо, издалека с моря доносились тонкие, будто комариные, голоса...

И Алиса сама не заметила, как задремала.

Проснулась она оттого, что кто-то подошел к ней. Шаги были такими тяжелыми, что задрожала земля.

Алиса открыла глаза, но в этот момент твердая металлическая, пахнущая машинным маслом и ржавчиной ручища опустилась на ее лицо. Алиса стала отбиваться, стараясь выбраться, но что-то прижало ее ноги к земле, а ее руки соскальзывали с металла.

— У тебя проволока есть? — послышался низкий скрипучий голос.

— Так точно, — ответил второй голос, такой же, может, чуть повыше.

— Скручивай ноги пленному.

Было очень больно. Алисины ноги обмотали проволокой, которая врезалась в лодыжки. Затем подошла очередь рук. И хоть железная рука, прижимавшая голову Алисы к земле, закрыла почти все лицо, Алисе удалось рассмотреть, что на нее напали

два железных чудовища — наверное, роботы, но она никогда не видела таких ржавых, грубо сделанных и страшных роботов.

Железный палец затолкал ей в рот кляп — грязную тряпку.

Теперь Алиса могла сколько угодно дергаться и биться, но она была связана и бессильна что-либо сделать.

Алиса могла только повернуть голову и смотреть, как два робота бродят по площадке, разглядывая оставленные Светланой вещи.

Конечно, Алиса очень надеялась, что Светлана вернется и освободит ее. Но вдруг испугалась: ведь Светлана ничего не подозревает. Она может попасть в ловушку. Ведь это явно сумасшедшие роботы! Алиса никогда не слышала о таких, но другого объяснения она не могла отыскать.

— Прибор для сидения человека, — слышала она голос первого робота.

— Оставить, не пригодится.

— Одежда человека, сделанная из шкуры животного.

— Не нужно, — слышен ответ второго робота.

— Лодка! Надувная лодка. Транспортное средство!

— Взять! Нам нужно транспортное средство. Железная бочка — плохое десантное средство.

— Малое транспортное средство, — произнес первый робот.

Он поднял с земли чемодан.

— Взять, пригодится, — сказал второй робот.

Первый робот захлопнул чемодан. Кинул его в надувную лодку.

— Рейд закончен, — сказал он. — Можно возвращаться в расположение своих частей.

Он поволок лодку к обрыву, а второй направился к Алисе.

И вдруг от края площадки послышался пронзительный голос:

— Чего же это деется, а? Кто вас сюда пустил, оборванцы железные?

«Ну вот, еще этого не хватало, — подумала Алиса. — Сейчас они схватят старика-киноробота».

Но предупредить его она не могла.

— Стой! — приказал старику тот робот, что стоял возле Алисы. — Ни с места! Буду стрелять.

— Ты только попробуй! — Старик, вместо того чтобы спасаться, замахнулся палкой и смело пошел на громадного робота. — Отпусти дитё! — кричал он. — Я ж из тебя яичницу сделаю! Ты что, нехристь, не знаешь, как мы с генералом Гурко турок били?

Забыл небось? Так я тебе сейчас покажу — солдатушки, братушки, вперед на смертный бой!

Робот от удивления попятился, но, видно, сообразил, что старик ему не чета. Остановился и двинулся навстречу кинороботу, который еле доставал ему до пояса. Второй же робот оставил лодку и направился к старику сбоку. Тот не видел второго врага и продолжал, размахивая палкой, наступать, думая, что идет в атаку на турецкие редуты.

Тяжелая рука второго робота поднялась, выхватила палку у старика. Вторая рука схватила старика за шею. Тот замахал руками, но вырваться не смог.

Видя, что маленький враг повержен, первый робот столкнул с обрыва лодку и потащил вниз Алису. Алиса стала биться, надеясь вырваться или порвать эту проклятую проволоку, которая вот-вот перережет лодыжки.

— Не сметь сопротивляться! — сказал робот. — Иначе я погружу тебя в воду с головой и ты перестанешь получать кислород для дыхания.

Алиса на всякий случай перестала мотать головой. Если роботу могла прийти в его железную голову мысль напасть на человека, то он может и утопить. И Алиса пожалела, что в свое время мама не захотела сделать ей операцию по вживлению жабр. Некоторым детям такую операцию делают, особенно тем, кто живет у моря или на искусственных островах. С синтежабрами можно быть под водой сколько угодно. «Приеду домой, — решила Алиса, — обязательно уговорю маму согласиться на операцию. Она ведь безболезненная и ничем не грозит. Наверно, уже миллионов пять людей живут с жабрами. И хоть бы что».

Показался второй робот. Он шел медленно и важно, и последние лучи солнца играли на его теле. Он нес в руке палку и тыкал ею в спину старику — типовому деду, которого гнал перед собой. Руки деда были связаны за спиной, борода повисла на грудь, но рот был свободен. Старик что-то сердито бормотал.

«Робот робота ведет», — хотела сказать Алиса, но удержалась. Ведь старик был самым обыкновенным и хорошо сделанным роботом, хоть и с причудами, потому что был кинозвездой. Он, правда, грозил Алисе палкой на бульваре, но, как потом объяснил Герман, никогда бы ее не ударил. Просто у него была такая роль в кино — сердитый старик.

— Ох, грехи наши тяжкие! — бормотал старик, забираясь в

лодку. — За что же это такая напасть — поймали меня железные люди-антихристы!

Тут он увидел Алису и совсем расстроился.

— Дитё-то за что? Это как же получается? Дитё-то малое...

— Молчать! — сказал робот. — Неповинующихся мы отправляем за борт.

— Ой-ой-ой! — сказал старик и умолк.

Робот включил двигатель, и лодка бесшумно прокралась к выходу из бухты. Роботы вели ее поближе к скалам — видно, боялись попасться на глаза киношникам. Только отойдя вдоль берега на большое расстояние, лодка повернула в открытое море. Роботы приказали пленникам лечь на дно, а сами достали из-под скамейки широкие мексиканские шляпы, надели их и издали стали похожи на отдыхающих.

Тихонько шипел двигатель, стучали волночки о пластиковый борт лодки, и Алисе показалось, что с берега кто-то кричит:

— Алиса-а!.. Где ты?

Но, может быть, ей это только показалось.

Глава 5

ХОЗЯИН ПИРАТСКОГО ОСТРОВА

Остров, к которому причалила лодка с пленниками, был невелик, каменист, и, хоть лежал неподалеку от берега, к нему редко приставали лодки. Нечего тут было смотреть. Когда-то, лет двести-триста назад, на острове жили контрабандисты и соорудили здесь каменный дом, вернее, хижину. Крыша ее давно обвалилась, но в ней можно было укрыться от ветра. Недавно здесь работали археологи. Археологи ничего не нашли, но оставили после себя несколько ям и траншей, прорезавших центр острова.

На картах остров не значился — слишком он мал и незначителен, а для судоходства он никакой опасности не представлял — в этот пустынный уголок Крымского побережья редко заглядывали суда.

Всего этого Алиса, конечно, не знала. Для нее остров был большой скалой, вылезающей из воды, скалой пустынной, без единого деревца. Солнце уже зашло, и остров был сиреневым и мрачным. Баржа, приткнувшаяся к нему, казалась черной.

Когда лодка подошла к самому берегу, из развалин хижины

вышел робот, такой же большой и ржавый, как те, что взяли в плен Алису, и спустился к воде.

— Добыча есть? — спросил он.

— Один большой человек и один маленький, — сказал робот.

— Для начала неплохо, — сказал новый робот. — Я доложу шефу.

Он повернулся, скрипнув суставами, и скрылся в развалинах — бывшем приюте контрабандистов.

Робот вывел Алису и старика на берег, отключил пульт управления. Другой развязал пленникам руки и вынул кляп изо рта Алисы.

— Хулиганы какие-то! — сказала Алиса, отдышавшись. — Со мной-то вы справились, а каково вам будет, когда люди возьмутся за вас всерьез!

Роботы как будто не слышали ее. Они стали по стойке «смирно», ожидая, когда снова вышедший из развалин робот подойдет к ним.

— Генерал благодарит за службу, — сказал он.

Роботы в ногу потоптались на месте и замерли.

— Генерал не может сейчас смотреть добычу. Он есть занят.

Роботы снова потоптались и снова замерли.

— Можете отдыхать, — сказал местный робот. — Но только знать меру. Ясно?

— Так точно! — сказали роботы хором, мигнули круглыми глазами и ушли, сразу забыв о пленниках.

Старик уселся на редкую желтую траву и сказал:

— Воистину хулиганы.

— Дедушка, — сказала ему Алиса, которая совсем забыла, что он сам робот, — дедушка, вы когда-нибудь видели металлических роботов?

— Чегой-то, туды их в качель?

— Да, вы же не знаете.

Алисе приходилось видеть многих роботов, но никогда — металлических. Делать робота из металла непроизводительно. Он получится тяжелым, дорогим и непрочным.

— Дедушка, надо дать знак на берег, — сказала Алиса. — Пусть приедут и нас выручат.

— Это дело, внучка, — сказал дед. — Наши завсегда не спят. Помню как сейчас, поднимаемся мы на сопку в Маньчжурии, впереди генерал Гурко на белом коне...

И старик пустился в бесполезные воспоминания о событиях,

о которых он по причине того, что был изготовлен всего неделю назад, помнить ничего не мог.

— Дедушка, у вас огня нет?

— Чего?

— Огня. Зажигалки, фонарика...

— Кремень где-то был и огниво...

Старик покопался в карманах серого пиджака, но ничего в них не нашел.

— Видно, обронил.

На каменистой тропинке показались два робота. Они несли по большому камню.

— От кого это они фортификацию возводить задумали? — спросил старик. — Неужто опять турка грозит?

— Нет, они, наверно, людей с берега боятся.

— А ето, оно можно бы... — сказал старик.

— Что? — спросила Алиса.

— Забыл, туды-сюды, ранний склероз у меня, инсульта побаиваюсь, — грустно сказал старик. — Беречься надо, да все недосуг. Ага, вспомнил: можно ето... оно... то самое, чтобы дымовой сигнал подать, костер разложить.

— Да у вас же огня нет.

— Чего нету, того нету, — согласился дед.

Алиса с дедом медленно пошли по берегу. Вблизи было видно, что роботы немало потрудились на острове. К самой воде выходили неглубокие траншеи, снабженные брустверами, а в одном месте из-за бруствера повыше торчало бревно, грубо раскрашенное под старинную пушку. Бревно привело деда в состояние бурного восторга.

— Гляди-ка, — забормотал он, — гляди-ка, фузея, мортира дальнего боя! Из такой как шарахнем — ни одного басурмана на версту вокруг. Орудия, к бо-о-о-ю-у-у! Картечью справа!! Картечью слева!!

— Она ж деревянная, дедушка, — рассмеялась Алиса. — Это чтобы обманывать. Из нее же стрелять нельзя.

— Это верно, — согласился дед-киноробот. — Обмануть хотели. Кого?

— Вас, наверно. А может, других людей.

— Меня-то обмануть? Меня-то? Да я их насквозь вижу! От меня они никуда не скроются, туды-сюды!

Они присели на большой плоский камень.

— Красота-то какая! — вздохнул вдруг старик.

Алиса даже удивилась, что старик думает в такой момент о красоте, хотя он был прав.

С берега за серебряной полосой воды поднималась зубчатая стена Крымских гор. Небо над ними было зеленым и лиловым — солнце скатилось за горы, но не ушло еще далеко и доставало лучами до редких длинных облаков.

Первые огни загорелись золотыми точками под горными зубцами и у края воды, но никак нельзя было разобрать, какой из огоньков — лагерь киногруппы. Зато Алиса увидела, как в море неподалеку от острова ходят кругами дельфины.

— Эй, дельфины, — крикнула Алиса, — скажите нашим, что нас украли!

— Перестань кричать, а то в воду! — раздался голос сзади.

Алиса увидела, что сзади стоит ржавый робот.

— Сейчас я им покажу! — сказал он.

Робот ушел, но через минуту вернулся со странным сооружением в руках. Сооружение напоминало старинный лук. Робот положил на проволочную тетиву самодельную толстую стрелу и выстрелил. Лук был сделан кое-как, и потому стрела полетела вбок, совсем в сторону от дельфинов.

Тогда робот произвел поправку на неточность своего оружия и выстрелил не в дельфинов, а в сторону, только в другую. На этот раз стрела тяжело шлепнулась в воду, не долетев до дельфинов метров десять. Дельфины, видно, поняли, что на острове — их враги, и сразу исчезли в море, будто их и не было.

Робот гордо похлопал по луку железной ладонью и сказал:

— Даже с этим примитивным оружием мы разобьем любого врага. Главное не оружие, а вождь.

— А кто ваш вождь? — спросила Алиса.

— Ты, жалкая рабыня, — сказал робот, — даже не имеешь права упоминать его имя.

— Я ничья не рабыня. Рабов больше нет, — сказала Алиса. Она уже проходила древнюю историю и знала про рабов.

— Будут, — сказал робот, положил на тетиву еще одну стрелу и пустил ее в море, по направлению к полузатонувшему судну, напоровшемуся на камни у берега.

— Как вы сюда попали? — спросила Алиса. — Откуда вы такие странные?

— Мы приплыли на нем, — сказал робот, — на корабле, который я сейчас поразил моей точной стрелой, чтобы показать тебе неотразимость моего гнева.

— Ты прекрасно разговариваешь, — сказала Алиса.

— Я командир отделения, капрал. Другие так не умеют, они знают по сто слов. А я — целых триста.

Из развалин послышался звон, будто кто-то бил по железному листу палкой.

— Вечерняя поверка. — Робот вскинул лук на плечо, повернулся со страшным скрежетом и зашагал вверх.

— Может, нырнуть и доплыть до берега? — подумала вслух Алиса.

— И не думай, — сказал старик. — Я тя не пущу. Опасно для твоей молодой жизни. Не могу, туды-сюды, допустить твоей кончины в пучине морской.

Алиса подумала, что он и впрямь ее не пустит. Роботы обязаны помогать людям в момент опасности и скорее погибнут, чем подвергнут опасности человека. И даже если ты киноробот, все равно блок защиты людей в тебе существует.

— Пойдем тогда посмотрим на поверку. Ведь мы даже не знаем, сколько их там.

Солнце совсем спряталось, вода стала сизой, а на небе высветились крупные южные звезды. Высоко, среди звезд, прошел золотой полосой рейсовый корабль. «Нас, наверно, ищут, — подумала Алиса. — Но как им догадаться, что мы на острове?»

На площадке выстроились в ряд девять железных роботов. У троих были в руках луки, у остальных — толстые железные палки. Роботы чернели на фоне синего неба и были настолько неподвижны, что казались статуями, установленными здесь много лет назад.

— Равняйсь! — сказал крайний робот. — Смирно!!

Команда была лишней, потому что роботы и так были подровнены и стояли совершенно смирно. Робот, который командовал, начал стучать себя по животу железными руками, и барабанная дробь поскакала блинчиками по тихому вечернему морю.

Распахнулась сооруженная из листа стали дверь в хижину контрабандистов, и на площадку вышел, еле переставляя ноги, еще один железный робот. Он был выше других ростом, на голове у него была надета ржавая каска, а грудь разукрашена грубо нарисованными крестами. Алиса поняла, что это и есть начальник роботов.

Генерал несколько раз медленно раскрыл рот, но долго не мог извлечь из себя никакого звука. Наконец он повертел головой,

что-то щелкнуло, и из глубин его вырвался неожиданно тоненький и скрипучий голос.

— Здорово, молодцы! — сказал он.

— Здорово, шеф! — ответили хором роботы.

— Докладывай, — сказал генерал.

Крайний робот вышел вперед и сказал:

— Завершается строительство стены. Второй и третий номера совершили экспедицию на Большую землю. Захвачено два пленных. Оружия не нашли.

— Плохо, — сказал генерал, — мало. Недостаточно. Неучи. Бомбоубежище?

— Кончим завтра. В два наката.

— Благодарю за службу. Привести пленных ко мне. Установить стражу на ночь. Да здравствую я, ваш вождь!

— Ура! — сказали роботы.

— Ржавейте, но порох держите сухим.

Генерал повернулся, поднял ногу, но нога не опустилась. Он покачивался в неустойчивом равновесии и мог каждую минуту рухнуть на камни. Стена роботов стояла неподвижно.

— На помощь! — приказал генерал. — Опустите мне ногу. Скорее!

— Кому идти на помощь? — спросил крайний робот.

— Тебе.

Робот повиновался. Он всем своим весом нажал на поднятое к небу колено генерала, и нога со скрежетом опустилась на камни. Прихрамывая, генерал ушел к развалинам.

— Где пленные? — спросил робот, помогавший генералу.

— Да вот они. Слышали, что приказано?

Старик с Алисой поднялись к развалинам и вошли внутрь.

Внутри было почти совсем темно, и только сверху сквозь щели в полуобвалившемся потолке проникал неверный сумеречный свет.

Комната была завалена щебнем, трухой и старыми консервными банками. В углу стоял ящик, рядом с ним — грубо обтесанная глыба известняка. Робот-генерал сидел на глыбе рядом с ящиком и держал в руке большие ножницы. На ящике валялись куски консервных банок и коробок от концентратов. Видно, археологи и туристы, забредавшие на остров, почитали за лучшее не засорять отбросами море, а складывать их в развалинах. Генерал вырезал из крышки консервной банки сложную многолучевую звезду.

— Пришли? — спросил он, не выпуская из рук ножниц. — Стойте и ближе не подходите. Не выношу людей. И молчите. Я занят. Я делаю награду. Красиво? Почему не отвечаете? Правильно делаете, я сам не велел вам отвечать.

Наконец робот закончил свою работу, примерил жестянку на грудь и остался доволен.

— Красиво, — сказал он. — Начнем допрос. Ты, с бородой, первый. Как твое имя?

— Это к делу не касается, — сказал старик. — Чтоб я железному чудищу сообщения давал? Этому не бывать.

— Какого полка? — продолжал как ни в чем не бывало робот. — Сколько техники? Пушки? Танки? Ну, отвечай теперь.

— Сказал — не буду, туды-сюды. Когда генерал Гурко нас в бой посылал, он говаривал: «Не видать вам, солдатушки, вдов своих и сирот, если не возьмем мы штурмом Сапун-гору». Так-то.

— Запиши, — сказал робот-генерал своему помощнику. — Командир у него генерал Гурко.

— Нечем писать, шеф, — сказал робот.

— Ну, не пиши. И меня не обманывай. Ты же писать не умеешь. Мы никто писать не умеем. И это хорошо. Когда мы победим, никто не будет писать. А что мы будем делать? Ты скажи. А ты? А ты? Не знаете. Маршировать. Все. И работать. И чтобы порядок.

— Вот уж этого не будет, — сказала Алиса. — Вы, наверно, ничего не понимаете или сошли с ума. Вас пора отключить и выкинуть на свалку. Вы даже заржавели. Даже удивительно, что вы до сих пор не переплавлены.

— Молчать! — сказал робот. Что-то в нем закряхтело, забулькало, затрепетало, и он повторил: — Молчать... — Робот помотал головой, продул акустическую систему и продолжал: — Молчать! После допроса в карцер пойдешь. Понятно? Теперь говори, как зовут? Какого полка? Сколько пушек? Где расположено тактическое атомное оружие?

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса. — Какое тактическое оружие? Какие пушки?

— Запирается, — сказал генерал. — Мы тебе всыплем. Мы тебя сгноим.

— Ты говори, да не заговаривайся! — рассердился старик. — Как это — сгноим? Ты с кем разговариваешь? Да я тебя сейчас...

— Держи его! — крикнул генерал своему помощнику. — Он нападает!

Робот обхватил старика сзади своими ручищами. У старика упала на землю шляпа, и жидкие синтетические волосы рассыпались во все стороны.

— Хорошо, — сказал генерал роботу. — Получишь орден. Победить меня он бы не смог, я — фаталист. Понятно? Ничего не боюсь и не опасаюсь. Мне не страшен даже пулеметный огонь. И прямое попадание фугаса.

Генерал-робот поднялся во весь рост, скрипнув суставами.

— Проклятая ржавчина! — сказал он. — Нет смазки. Завтра в походе захватите смазочного масла. Нет, я сам вас поведу и сам захвачу смазочное масло. Пленных с утра заставить работать на строительстве укреплений. А днем расстрелять. Все. Я сказал. Приказал.

— Слушаюсь! — ответил робот.

— Возьми награду и приколи на грудь. Ты теперь награжден.

— Рад служить! — ответил робот и, прижимая к груди жестянку, чтобы не упала, вывел пленных наружу.

Оглянувшись, Алиса увидела, что генерал снова уселся перед ящиком и опять принялся вырезать.

— Стойте, — остановил их голос. — Совсем забыл. Ржавчина проклятая. Люди, хотите мне служить? Верно служить? Я награжу.

— Не хотим, — ответила за обоих Алиса. — Мы никому не служим и никого не боимся.

— Посмотрим, как завтра запоешь, — сказал генерал, — когда в твое мягкое человеческое сердце вонзится железная стрела. Идите.

Но не успели пленники с конвоиром пройти нескольких шагов, как скрипучий голос генерала-робота призвал их обратно. Пришлось возвращаться.

— Опять забыл, — сказал генерал. — До Москвы нам еще далеко?

— Далеко, — ответила Алиса, — никогда не дойти своим ходом. Отвезут вас туда на грузовом метро и сделают из вас подсвечники. Самые модные.

— Расстрелять немедленно! — сказал генерал.

— Никак нельзя, — сказал робот. — Темнеет. Можем промахнуться.

— Поднимите по тревоге всех, пусть включат фары в головах.

— Нельзя. Вы приказали экономить энергию, шеф.

— Тогда в карцер. В карцер!

— Да ты, я скажу, помолчал бы. Очень ты меня раздражаешь, туды тя в качель! — сказал старик. — Я сейчас сам тебя расстреляю из своей палки.

Старик поднял палку и прицелился из нее, как из старого ружья, в генерала-робота. То ли у старика от обиды померк его роботный разум, то ли он в самом деле не знал разницы между ружьем и палкой, то ли хотел просто припугнуть робота, но результат оказался для киностаричка самым плачевным. Генерал-фаталист испугался и с грохотом рухнул на пол, а второй робот со всего размаху опустил на затылок старика свой железный кулак.

Голова старичка с треском разломилась, и из нее посыпались мелкие детали электронного мозга. Старичок зашатался, сделал несколько неуверенных шагов, но центр координации его уже был разрушен, и он упал на пол рядом с генералом-роботом.

Алиса замерла от страха и горя. Старик, хоть и не был человеком, оставался на этом диком острове ее единственным защитником, и она уже привыкла относиться к нему как к живому дедушке. И вот его убили. Причем роботы-то ведь думали, что он человек. А это значит, что случилось что-то совсем страшное. Роботы могут убивать людей...

Роботов Алиса знала отлично — они были частью мира, в котором она жила. Когда Алиса была совсем маленькой, у нее был робот-сиделка; он знал всякие сказки и умел менять и стирать пеленки. Во многих домах у людей были и роботы-домработники. Но больше всего роботов было занято в тех местах, где людям работать неинтересно. Промышленные роботы мало похожи на людей — это скорее разумные машины, которые прокладывают дороги, добывают руду, убирают улицы. Машина-такси — это тоже робот, потому что она умеет не нарушать правил уличного движения. За день до того, как Алиса улетела в Крым, она видела по телевизору робот — космический корабль. Он будет возить грузы на лунные станции, причем не только возить, но и грузить их в себя, садиться в той точке лунного космодрома, которую ему укажет диспетчер, и не отдавать лунным колонистам больше контейнеров, чем им положено.

Роботы появились давно, лет двести назад, но только за последние сто лет — это Алиса проходила еще в первом классе — они заняли такое большое место в жизни людей. Роботов не меньше, чем людей на Земле, но никогда не было случая, чтобы

роботы восставали против людей. Это невозможно. Это все равно как если бы кастрюля, самая обыкновенная кастрюля, отказалась варить суп и начала бы кидать своей крышкой в бабушку. Ведь роботов делают люди, а люди обязательно вкладывают в роботов специальный блок защиты человека. И какой бы ни был у робота большой электронный мозг, этот мозг не может придумать непослушание.

Значит, роботы на острове или все сразу сломались так, как не ломались никогда другие роботы, или — впрочем, это Алисе не пришло в голову — были построены людьми, которые почему-то решили, что роботы могут обойтись и без блока защиты людей.

Стало тихо. Генерал поднял голову и увидел, что рядом лежит разбитый старик. Генерал прибавил света в своей головной фаре и при свете ее разглядел, что старик сделан не из плоти и крови, а из электронных деталей.

— Предательство! — закричал он. — Нас предали! Созывай всех. Совещание.

— А куда второго человека? Может, тоже...

— Пока в карцер. Некогда разбираться. Завтра придется допросить со всей строгостью. Ну...

Второй робот наклонил голову и, подтолкнув Алису к выходу, пошел вперед, уткнув ей в спину граненый палец.

Карцер оказался ямой с крутыми стенами. Робот просто столкнул Алису вниз, и она больно ушиблась о какой-то камень, но плакать не стала. То, что случилось с ней и со стариком-кинороботом, было настолько серьезным, что плакать было просто некогда.

Глава 6

В ЗАМКЕ НА МЫСЕ САН-БОНИФАЦИО

Алиса никогда не слышала о мысе Сан-Бонифацио. Да и вряд ли кто-нибудь из читателей этой повести знает о мысе Сан-Бонифацио. Мыс Сан-Бонифацио акульим плавником поднимается над Средиземным морем, и окружающие его поля желты и неприветливы. Когда-то, лет шестьсот назад, в этом месте пиратская армада Хасан-бея, состоявшая из двадцати трех быстроходных галер, подстерегла и вдребезги разбила генуэзскую эскадру. Хасан-бей сам завязал петлю на шее генуэзского адмирала, перед тем как того вздернули на рее. По крайней мере, так пишет в сво-

ей трехтомной «Истории беззаконий в Средиземном море и Северной Атлантике» известный аргентинский пиратовед дон Луис де Диего.

С тех пор мыс Сан-Бонифацио в истории не значился.

Ведь нельзя же считать историческим событием постройку на краю мыса замка чудаковатого английского баронета. Баронет грезил собственным привидением. Но привидением можно было обзавестись, только построив соответствующий замок, хоть маленький. Конечно, лучше замок настоящий, но английский климат был вреден баронету, и он построил замок на Средиземном море, почти как настоящий, с подъемными воротами и неглубоким рвом, в котором водились лебеди. Баронет поселился в нем и стал ждать, пока в замке заведется привидение. Может быть, привидение и завелось бы, но еще раньше баронет простудился и умер. Замок остался без хозяина. Кому придет в голову селиться в этом пустынном уголке побережья?

Замок пустовал почти полсотни лет. Обветшал и покосился. Туристы, проезжавшие мимо в прогулочных катерах, уже верили словоохотливым гидам, когда те уверяли их, что замок построен королевой Беллой Благочестивой.

Во второй половине двадцатого века замок снова ожил. Новые его владельцы подновили и подкрасили стены, обнесли замок и мыс двумя рядами колючей проволоки и у единственного проезда поставили часовых. Иногда к замку подъезжали крытые грузовики, и тогда во дворе начиналась суета. Рабочие и люди неизвестной национальности и неизвестных занятий разгружали с грузовиков ящики и контейнеры и вносили их в обширные подвалы замка.

Крестьяне соседней деревни некоторое время судачили о новых обитателях замка, но понемногу разговоры смолкли, как огонь, который ничто не поддерживает. Как-то в небольшой газете была опубликована статья об одной тайной организации, готовящейся к войне, и в этой статье промелькнуло название замка у мыса Сан-Бонифацио как об одной из баз этой организации. Но лица, упомянутые в статье, привлекли газету к суду за клевету, и газете пришлось уплатить большой штраф, потому что она не могла представить суду никаких документов, а единственный ее свидетель был найден мертвым за день до процесса.

Прошло еще несколько десятков лет. Люди забыли уже и об организациях, которые готовили войну, и о самом замке. Замок,

покинутый последними хозяевами, рассыпался, а колючую проволоку пастухи аккуратно собрали и свалили в выгребную яму.

Как видите, мыс Сан-Бонифацио пока не имеет ровным счетом никакого отношения к нашей повести, но случилось так, что дней за десять до того, как Алиса прилетела в Крым, Туристский центр Северного Средиземноморья решил построить возле мыса флаерную станцию и небольшую гостиницу для любителей подводного плавания.

Туристский центр — крупная организация, и он не любит терять время понапрасну. Утром было принято решение, днем три грузовых флаера привезли к мысу строительных роботов — стройботов и одного студента.

Стройботы выдвинули широкие лопаты и принялись расчищать строительную площадку от каменных груд, оставшихся от старого замка, а студент нашел одинокую смоковницу и присел в ее тени читать бессмертный труд Ахмедзянова «Выведение шестиногих кроликов в домашних условиях». Студент учился на роботоэлектронном факультете, но был неудовлетворен жизнью и решил с осени поступить также и на факультет генной технологии, факультет модный, куда попасть нелегко — конкурс восемьдесят человек и десять инопланетян на каждое место.

Стройботы разгребали мусор, студент упоенно листал Ахмедзянова, вокруг жужжали пчелы, и легкий ветерок перебирал листья смоковницы. И вдруг один из стройботов ухнул и провалился под землю. При этом он произвел такой шум, что студент оторвался от книги, пересчитал стройботов и сразу понял, что одного не хватает.

Студент подбежал к темному провалу в земле. Стройбот грозно шевелился в темноте, раздвигая какие-то гремящие и шуршащие предметы.

Студент велел стройботу включить лобные фары и при свете их спустился вниз. Оказывается, стройбот упал в подвал замка, заваленный вещами и документами, оставшимися от его последних владельцев. Студент очень удивился и, выбравшись на поверхность, немедленно связался с ближайшим городом, откуда через полчаса примчались на катере три историка.

Находка превзошла все ожидания. Последние владельцы замка и в самом деле, оказывается, готовились к войне. Этому были свидетельством ящики с документами, стрелковое оружие столетней давности, груды сухих батарей, патроны, мундиры несуществующих армий, консервы и даже разобранный на части танк

с противоатомной защитой. В углу подвала стояли забытые роботы.

Это были удивительные роботы. Историкам был известен только один, вконец проржавевший экземпляр подобного рода. Это были роботы-солдаты. Они умели подчиняться военным командам и, если слышали приказ «убей», могли убивать и людей. В этих роботах просто-напросто не было блока защиты человека. Роботы сильно запылились и кое-где заржавели, но когда одного из них вытащили на поверхность и включили, он медленно повернул голову, оглядел желтую долину, море и похожий на акулий плавник мыс Сан-Бонифацио и сказал скрипучим голосом:

— К боевым действиям готов. — Потом помолчал, сердито сверкая единственным глазом на пораженных историков, и добавил: — Где есть твой командир?

Робот говорил по-русски и был явно предназначен для действий на Восточном фронте.

Вызванный срочно из Антарктидбурга крупнейший специалист по истории роботики Синити Комацу обследовал роботов, задал им несколько наводящих вопросов и объявил, что использовать их уже не удастся. Они запрограммированы солдатами, и их куда проще переплавить, чем перестраивать и перевоспитывать.

Четырех роботов тут же поделили между собой музеи, им же достались оружие и документы, а остальных отправили на переплавку.

Воспользовались для этого катером, на котором приехали историки. К нему прицепили небольшую пластиковую баржу. В катер уселся студент, не расставшийся с книгой, а на баржу погрузили роботов. Никто не заметил, что при погрузке один из роботов случайно включился.

Студент читал о шестиногих кроликах и так увлекся, что не услышал предупреждения о надвигающемся шторме. Небо неожиданно потемнело, подул резкий ветер, по морю пошли рядами белые пенистые барашки. Студент и дальше не замечал бы ничего вокруг, но первая же большая волна ворвалась в распахнутую дверь каюты и смыла за борт книгу Ахмедзянова и еще несколько не менее интересных учебников.

Только тогда студент спохватился, дал сигнал SOS и осторожно выглянул наружу. Баржа с роботами моталась на конце троса, стараясь оторваться от катера, тянула его назад и вообще угрожала безопасности молодого человека. Он сразу сообщил об этом

на берег и получил разрешение отрубить трос и идти обратно. Так он и сделал и благополучно вернулся домой.

А одному своему близкому приятелю он рассказал (правда, приятель ему не поверил), что когда он хотел обрезать трос, то увидел, что над баржей поднялась высокая фигура и оборвала трос с другой стороны. Больше того, студент уверял, что это был один из металлических роботов. Кроме своего приятеля, молодой человек никому об этом не сказал, опасаясь, что его могут заподозрить в трусости.

Все решили, что баржа утонула.

На самом же деле она не утонула. Несколько дней ее носили по Средиземному морю волны затянувшегося шторма, потом пронесли ее, полузатопленную, через Босфор и в конце концов выбросили на берег небольшого острова у Крымского побережья.

Роботы, проржавевшие за дни скитания по волнам, повредившие в качке некоторые ценные детали своих электронных мозгов, выбрались на берег и тут, просохнув, начали действовать. Один из десяти в свое время был запрограммирован как робот-шеф, способный принимать решения в присутствии противника и командовать другими.

Шеф-робот организовал свою команду на военный лад, и в его проржавевшем мозгу появилась мысль о том, что если уж он оказался на острове, то, значит, ожидавшаяся сто с лишним лет война все-таки началась и пора приступать к покорению противника. Себя он произвел в генералы.

В первый же день на острове роботы обнаружили среди камней большую железную бочку. И генерал-робот послал двоих своих солдат на берег, в разведку.

Они вернулись через несколько часов, не одни, с добычей — двумя пленными: Алисой и стариком-кинороботом.

Алиса об этом не знала, да и не могла предположить, что когда-то на земле люди, которые были настолько учеными, что умели делать говорящих роботов, могли готовить их для войны с другими людьми, например с Алисиным дедушкой или с прадедушкой.

Не подозревал об этом и Герман Шатров, который, как и вся киногруппа, и Светлана Одинокая, не ложился спать в ту ночь, а обшаривал с фонарями ближайшие скалы в поисках Алисы и старика. Не спали спасатели Крымской станции, флаеры которых, плохо оборудованные для ночных полетов, кружили над побережьем; не спали и туристы, лагерь которых — двадцать три

палатки — лежал за горой. Туристы тоже искали девочку и старика...

Не подозревал об этом и Алисин отец, директор Московского зоопарка. Правда, он спал спокойно, зная, что Алиса в полной безопасности в Крыму, с его приятелем Германом Шатровым, — отцу пока ничего сообщать не стали.

...В половине первого ночи спасатель Соснин, пролетая на бреющем полете над одной незаметной бухточкой и осветив ее, увидел на песке несколько следов, превышающих размером человеческие. Следы вели наверх, по склону горы. Пролетев над цепочкой следов, он увидел в одном месте рассыпанные ракушки и камешки, которые переливчато заблестели под светом его фонаря.

Глава 7

ПАДЕНИЕ РЖАВОГО ФЕЛЬДМАРШАЛА

Алисе было страшно. Алисе было жалко старика. Но еще Алисе очень хотелось пить и есть... Она сжалась в углу ямы и закрыла глаза. И сейчас же увидела большой, больше ее, бокал с лимонадом. Лимонад переливался через край, и шипучие брызги его прыгали по камням.

Алиса открыла глаза, чтобы отогнать наваждение. В яме было совсем темно, и только в неровном четырехугольнике неба горели звезды. Алисе пришла в голову мысль, что в сумке, о которой она совсем позабыла, может заваляться что-нибудь съестное. Это, конечно, была чепуха, и Алиса понимала, что это чепуха, но все-таки она расстегнула сумку и, замерев от возможности удачи, тихонько сунула туда руку. Но ничего не произошло. В сумке лежали аппарат миелофон, носовой платок и кляссер с менными марками. И еще несколько ракушек и камешков, найденных на берегу. С горя Алиса положила один из них в рот и стала сосать. Но пить все равно хотелось.

— Робот! — позвала Алиса. — Робот, я хочу пить!

Никто не отозвался.

Может, закричать громко, так громко, чтобы все эти роботы испугались и забегали? Но Алиса не решилась. Она видела, как погиб старик, и понимала, что роботы могут убить и ее, если подумают, что она выдаст своим криком их убежище.

А может, на островке и вообще нет воды? Роботам ведь она не

нужна. Пить хотелось так, что горело во рту и голова казалась большой и гулкой...

Алиса встала и обошла свою тюрьму, ощупывая стены руками. С одной стороны стена была покатой, и Алиса попробовала выкарабкаться, но утыканная камешками земля не удержала ее, и Алиса соскользнула вниз. Алиса испугалась, что роботы могут услышать, как она барахтается в яме. Она прислушалась. Вроде бы все тихо. Но ведь роботы не спят. Один из них мог притаиться у ямы, и, когда Алиса вылезет, он ударит ее. Постойте, ведь есть же миелофон!

Алиса достала его из сумки и вставила в ухо наушник. В аппарате что-то очень тихо потрескивало, но ни мыслей, ни голосов не было слышно. Алиса покрутила колесико миелофона, посылая его волны в разные стороны, но так ничего и не услышала. Значит, вблизи роботов нет.

Алиса выплюнула камешек и сделала еще одну попытку выкарабкаться из ямы. Она уминала ногами ступеньки в откосе и, прижимаясь животом к склону, медленно ползла вверх. Было темно, камешки и песчинки скатывались вниз, ноги скользили, и приходилось замирать, распластавшись, чтобы удержать равновесие. Путешествие наверх казалось Алисе бесконечным, и она уже начала думать, что никогда не выберется из этой ямы, как вдруг руки ее, протянутые вверх, вместо стены встретили пустоту...

Алиса выползла на поверхность островка и минуты две лежала, отдыхала и слушала, не идет ли кто-нибудь. Тихо. Теперь надо решить, в какой стороне может быть вода, если она есть на островке. Алиса решила, что если вода здесь есть, то она должна, в конце концов, стекать с острова в море, и поэтому лучше всего обойти остров вокруг. Она спустилась на четвереньках к морю и присела за камнем.

Взошла луна, и море было разрезано лунным светом на две половинки. Лунная дорожка убегала к далекому берегу и упиралась в черную полосу гор. Среди гор мерцали разноцветные огоньки домов и палаточных лагерей. В одном месте на берегу горел костер, и белый столбик дыма от него был ясно виден на черном теле горы.

«Поздно спать не ложатся», — подумала Алиса, не догадываясь, что костер горит в лагере туристов потому, что на костре висит котелок с черным кофе — группы, возвращающиеся с поисков Алисы, пьют этот кофе, чтобы не заснуть.

С неба протянулась к кромке воды полоска прожектора с невидимого в темноте флаера. Лучик ощупывал бухточки. Это тоже искали Алису. А горстка огоньков напротив островка означала вовсе не освещенный домик и не карнавальное шествие — киношники и спасатели обшаривали берег бухточки, где были обнаружены полчаса назад следы роботов.

Алисе захотелось нырнуть в воду и поплыть к далеким огонькам, но она понимала, что утонет — она очень устала и ослабела без воды и пищи, переволновалась, и руки двигались еле-еле, не слушались.

И даже коленки дрожали.

Только Алиса решилась продолжить свое путешествие в поисках воды, как неподалеку раздались тяжелые редкие шаги. Один из роботов медленно спускался к морю. На мгновение его силуэт заслонил лунную дорожку, и Алиса узнала по каске генерала-робота. Он подошел к воде и остановился, с хрустом подняв железные руки и скрестив их на груди.

Теперь Алисе никак нельзя было вылезать из-за камня: робот обязательно услышал бы ее. А генерал все не уходил. Он стоял на берегу, смотрел на огоньки далекого берега и, наверно, думал. Может, стоит узнать его мысли? Алиса тихонько достала наушник из сумки. Повернула колесико на миелофоне, пока не настроилась на мысли робота. И вот они уже ясно слышны. Робот думал медленно и со скрипом. «Десант... Надо высадить десант затемно. Они не ждут нападения? Нет подкреплений. Нет связи с центром... Завтра будет связь... На острове в крепости оставим охранение... Человека маленького надо убрать. И в воду. Чтобы следов не осталось... в воду. Всегда надо концы в воду...»

— Я генерал, — сказал вдруг робот вслух. — Я произвожу себя в генерал-лейтенанты. Завтра произведу себя в фельдмаршалы.

И снова мысли:

«...Мы освободим всех пленных роботов, и армия моя несокрушима... пора поднимать по тревоге... Нет, сначала сам уберу маленького человека... Он слишком много знает...»

Робот перестал думать, опустил руки, ударив со звоном ладонями по бокам, и пошел наверх, к тюрьме, из которой Алиса так недавно выбралась.

Алиса поняла, что теперь не до воды. Надо спрятаться, пока ее не нашли. Она выскочила из-за камня и побежала вдоль берега, ища надежное укрытие. Но островок был гол, и обыскать его можно было в две минуты.

Меж камней темнело углубление. Алиса нырнула туда и замерла. Обеспокоенные роботы так топали по островку, что началось небольшое землетрясение.

Вот шаги робота все ближе и ближе... Топ-топ... Остановились у Алисиного убежища. Неужели она плохо спряталась?

Яркий свет ударил в глаза. Робот зажег фару на полную мощность и шарил ее лучом по камням.

— Здесь! — крикнул он. — Человек есть здесь!

Железная рука протянулась к Алисе, и она попыталась увернуться от нее, прижимаясь к стенке. Рука прошла в сантиметре от Алисиного лица и ударилась протянутыми вперед пальцами о камень. Алиса воспользовалась секундной заминкой и, оцарапав плечо о ржавую ногу, выбежала на берег.

И тут же ей в лицо ударил свет прожектора другого робота. Ее заметили. Алиса металась по берегу, увертываясь от протянутых рук, от камней, которыми кидали в нее, правда не очень метко, железные солдаты, но кольцо сдвигалось...

— Бери живой! — крикнул генерал-робот над самым ее ухом, и Алиса скорее почувствовала, чем увидела, руку, тянущуюся к ее голове. Алиса отпрыгнула, ударилась носом о что-то твердое, пробежала несколько шагов, остановилась и обернулась.

Генерал побежал за Алисой, но споткнулся и с грохотом покатился по камням.

Из воды, метрах в двадцати от берега, черным углом торчал нос полузатопленной баржи, на которой роботы приплыли на остров. Вот где можно спрятаться. Алиса вошла в воду, подняв высоко над головой сумку с миелофоном, и, как только вода достигла груди, поплыла, подгребая одной рукой и стараясь не производить никакого шума.

Сумка оказалась тяжелой, и очень хотелось бросить ее в воду, но Алиса знала, что миелофон — ценный аппарат, и надо его обязательно сберечь.

Плавала Алиса неплохо и даже сейчас, усталая и избитая, добралась до черного носа минуты за три, перебралась через борт и уселась на угол рубки, уходящей в воду.

Роботы перекликались, топали по острову, разыскивая ее. Вот один подбежал к самому берегу напротив баржи и осветил фарой песок, чтобы разыскать следы. Алисе было холодно и хо-

телось попрыгать, чтобы согреться, а приходилось сидеть и не двигаться.

Стрекотание флаера послышалось почти над головой. Флаер зажег прожектор и рыскал им по острову. Роботы замерли и замолчали. Луч скользнул по берегу, по барже, но Алиса не посмела пошевелиться и привлечь внимание летчика к себе. Вдруг тогда роботы догадаются, что она прячется так близко от них, и заберутся на баржу раньше, чем придет помощь!

Теперь Алиса не сомневалась, что флаер был послан ее друзьями. Ее разыскивают. И обязательно найдут. Но сейчас важнее было другое — надо предупредить людей на берегу, что роботы собираются вот-вот начать наступление. А ведь люди там, туристы и отдыхающие, даже не подозревают, что роботы могут нападать на людей. И роботы застанут их врасплох и могут кого-нибудь убить или ранить. Жалко, что не удалось найти, где у них спрятана лодка. Хотя лодку они, как сказал генерал, охраняют. «Придется, видно, плыть к берегу, — решила Алиса. — Может быть, я не утону и тогда успею раньше, чем роботы. Только надо это сделать незаметно. Подождать, пока они не прекратят поиски».

Флаер улетел, и роботы, включив прожекторы, шарили лучами по воде, думая, наверно, что Алиса попыталась уплыть с острова и не успела отплыть далеко.

— Человек мог спрятаться на барже, — сказал вдруг явственно скрипучий голос на берегу.

— Но мы теряем время. Пора в поход.

— Сначала убьем человека. Проверьте баржу.

Шаги робота удалились по берегу.

Алиса поняла, что больше ждать нельзя. Она спрятала сумку с миелофоном в углубление на палубе баржи, надеясь, что роботы в спешке не найдут аппарата. Потом она спустила ноги за борт, повисла на руках и, оторвавшись от борта, сразу ушла вглубь. Вынырнула и поплыла к берегу. Алиса еще не успела высохнуть, на ветру было холодно, и вода поэтому показалась ей в первый момент теплой, как будто ее специально нагрели.

Сколько до берега? Меньше километра. Теперь они ее никогда не найдут...

И в этот момент в лицо ей ударил яркий луч.

Алисе так хотелось надеяться, что это фонарь ее друзей, что она подняла руку над водой и крикнула:

— Я здесь! На помощь!

В ответ раздался скрипучий смех ржавого фельдмаршала.

Еще и еще фонари впивались в лицо Алисе.

Оказывается, роботы были не так уж глупы. Они успели спустить в воду надувную лодку и даже запустить ее беззвучный мотор — поэтому Алиса и не заметила их приближения.

Алиса пыталась нырнуть, но и тут роботы ее перехитрили.

Как только ее голова вновь показалась над водой — рука робота схватила ее за волосы и втащила в лодку.

Алиса пыталась отдышаться. Железная рука придавила ее грудь, и Алисе казалось, что сейчас робот раздавит ее. Дышать было очень трудно.

— Раз-два-три-четыре! — скомандовал робот.

Лодка закачалась, вокруг Алисы шла какая-то суетня.

Потом все стихло.

Фельдмаршал резким движением перехватил Алисину руку, посадил ее рядом с собой и сказал:

— Смотри и удивляйся, человеческий шпион!

Алиса посмотрела вокруг. И в самом деле было отчего удивляться. Лодка оказалась пустой.

Только она и робот-генерал с железным гарпуном в лапе.

— А где все остальные? — спросила Алиса.

Робот довольно захохотал. Хохот у него был такой, словно били колотушкой по бочке.

— А это видишь? — спросил он, показывая на минимизатор.

Чемодан стоял у его ног, закрытый, черный, мирный.

— Я не такой дурак, — сказал робот. — Я принес этот ящик к себе в штаб. Я стал смотреть внутрь. Я увидел — сколько в нем лежит маленьких вещей. Я их стал вынимать, и вещи стали большие. Это очень хитрое военное изобретение. Мне оно понравилось.

— Это совсем не военное изобретение, — сказала Алиса.

— Не возражать! Это универсальное десантное средство. Я все понял. За это я был награжден следующим чином. Можешь обращаться ко мне: господин фельдмаршал.

— Но зачем вам оно?

— Не притворяйся.

Не отпуская Алисиной руки, робот-фельдмаршал открыл минимизатор и позволил Алисе заглянуть внутрь. Сам же он направил в минимизатор свет своего налобного фонаря.

И Алиса с ужасом убедилась в том, что внутри минимизатора стоят рядами ржавые роботы — махонькие, как игрушки, каждый меньше мизинца.

Робот-фельдмаршал захлопнул минимизатор.

— Теперь вы будете побеждены, — сказал он. — И даже не сообразите, как это случилось.

— Но я вам зачем?

— Ты нам нужна, — сказал робот, — чтобы ввести в заблуждение охрану побережья.

Он поднял со дна лодки соломенную шляпу старика-киноробота и натянул ее на свою голову.

— Теперь мы с тобой мирные поселяне, которые катаются на лодочке. И если кто-то нас выслеживает, он никогда не догадается, что началось великое наступление. Если ты, человечий детеныш, будешь вести себя смирно и исполнять все мои указания, я тебя отпущу живой и, может, даже награжу медалью. Но если ты попытаешься меня обмануть, то ты не проживешь и секунды!

И тут Алиса в самом деле испугалась. Она понимала, что они с каждой минутой все ближе подплывают к берегу, на котором отдыхают тысячи людей. Люди сейчас собираются спать, ходят по берегу, любуются звездами, укачивают детей — и не подозревают, что к берегу приближаются настоящие безжалостные убийцы.

— Хорошо, — сказала Алиса, — я буду вам помогать. Только отпустите мою руку. Мне больно.

— Я этого не сделаю, — сказал робот, — я тебе не верю. Я никому не верю. Я даже себе самому не верю.

— Но куда я уплыву! — воскликнула Алиса. — Ведь ваша лодка плывет быстрее меня, вы же меня догоните!

— Ты так думаешь? — Хватка робота ослабла.

И тут Алиса увидела, что в воде недалеко от лодки скользит черная полоса.

Неужели дельфины?

Было почти совсем темно, и темные тени двигались быстро и беззвучно. Конечно же, дельфины. Как жаль, что они все-таки не умеют говорить... Но, может, они поймут?

Если бы удалось схватиться за плавник дельфина — тогда бы лодка ее не догнала!

Рискнуть? А вдруг дельфины испугаются?

Но нельзя же сидеть так и ждать, пока военные роботы начнут топать по мирному берегу?

— Дельфины! — крикнула Алиса. — На помощь!

И, вырвав руку у робота, она кинулась в воду.

Вода сразу забурлила вокруг. Алиса вынырнула и поняла, что ни одного дельфина рядом нет.

А нос лодки разворачивался в ее сторону. Она увидела черный силуэт робота, который поднялся над лодкой и занес руку с железным гарпуном. Вспыхнул свет его фонаря...

Все погибло, подумала Алиса.

И в тот же момент упругое тело дельфина ударило снизу. Она инстинктивно схватилась за высокий скользкий плавник. Дельфин пошел в сторону, и Алиса не увидела, но почувствовала, как вонзился в воду железный гарпун.

Второй дельфин подплыл к Алисе. Вдвоем дельфины быстро понесли ее к берегу.

Рядом можно было разглядеть спины и смеющиеся рыла других дельфинов.

— Стой! — рычал робот, шаря лучом фонаря по воде.

Стрела шлепнулась о воду рядом с ними.

Вторая поразила одного из дельфинов.

Он застонал, как человек.

— Не смей! — крикнула Алиса, но, конечно, за плеском и шумом ее голос был не слышен.

Берег был уже совсем близко — его черный обрыв закрывал звездное небо. И над обрывом мелькали яркие огоньки.

— Плохие люди, — сказал дельфин. — Мы таких не знаем.

— Это не человек! — сказала Алиса, совсем не удивившись, что дельфины говорят, — не до удивления было. — Это железные роботы. Это машины. Это злые машины.

Дельфины запищали, засвистели — видно, старались понять, что же произошло.

— Это не люди? — спросил снова дельфин, который помогал Алисе.

— Это враги людей.

Дельфин громко свистнул, и тут же черные спины других дельфинов ушли в сторону.

— Смотри, — сказал дельфин, разворачиваясь.

И Алиса увидела, как сразу несколько дельфинов ударили в

борт надувной лодки, посреди которой стоял робот-фельдмаршал.

Лодка накренилась, зачерпнула воды, робот не удержал равновесия и рухнул в воду, подняв высокий фонтан брызг.

— Молодцы! — закричала Алиса. — Ура!

И тут же сообразила, что там, в лодке, — минимизатор. Он тоже утонет!

— Лодка! — крикнула Алиса, глядя, как та раскачивается на волнах. — Мне надо в лодку!

Дельфин не стал ничего спрашивать. Он в несколько секунд доплыл до лодки и замер рядом.

Алиса перебралась в лодку.

Чемодан-минимизатор лежал на дне.

— Спасибо вам, дельфины! — крикнула Алиса.

— Пожалуйста, смелая девочка.

— У вас есть раненый, — сказала Алиса, направляя лодку к берегу. — Вам нужна помощь? Я вызову врача?

— Не надо, — ответил дельфин. — Рана не опасная.

И дельфины растворились в ночи.

Будто их и не было.

Стояла глубокая ночная тишина. С берега долетало пение цикад.

Лодка ткнулась носом в камни.

Алиса вытащила на берег минимизатор.

И тут услышала, как ее зовут.

— Алиса! — перекатывалось по обрыву. — Алиса? Ты где? Алиса-а-а-а!

— Я здесь! — крикнула Алиса. — Я здесь.

Через минуту она оказалась в центре толпы.

Кого здесь только не было! И спасатели, и Вася, и Герман, и, конечно же, Светлана Одинокая.

— Ты жива, ты не ранена? Тебе не больно? Где ты была? — слышалось со всех сторон.

— Я все расскажу, — ответила Алиса. — Но сначала я должна отдать Светлане минимизатор.

— Спасибо, Алиса, — сказала Светлана. — А я голову ломала: зачем ты его взяла?

— Нет, не я его взяла, — сказала Алиса, чувствуя, что у нее подгибаются ноги.

И тут она увидела, что Светлана, положив минимизатор на камни, открывает его.

— Осторожнее! Нельзя! — крикнула Алиса.

Но было уже поздно.

Светлана вскрикнула.

Все фонари были направлены на нее. Светлана прижала к щеке пальцы, и между ними текла тоненькая струйка крови.

— Что это? — Светлана вытащила из щеки вонзившуюся в нее булавку.

— Это боевая стрела, — сказала Алиса. — В минимизаторе сидят боевые роботы, которые хотят завоевать Землю.

И в самом деле, в следующее мгновение булавка превратилась в большую железную стрелу.

Поэтому минимизатор пришлось закрыть.

В следующий раз его открыли уже только на заводе по переплавке металла.

Утром, выспавшись, все рассказав, обклеенная пластырем и обмазанная лечебной мазью, Алиса вместе с киногруппой и журналистами поехала на пиратский остров. С ними была и Берта, которая примчалась из Москвы на метро. Она была одета в фиолетовый парик и живое платье из венерианских водорослей, которое все время меняло цвет и рисунок. Берта всю дорогу допрашивала Алису, не почудилось ли ей, что дельфины с ней разговаривали?

Остров был пустынен, в развалинах штаба робота-фельдмаршала гулял ветер. На ящике валялись большие ржавые ножницы и куски жести, из которой фельдмаршал вырезал награды для своих подчиненных.

Техник из киногруппы осторожно поднял тело старика-киноробота и отнес на катер, чтобы срочно починить.

Алиса показала журналистам яму, в которой она сидела. На ее стенке сохранились углубления-ступеньки, по которым Алиса выбралась из плена.

На обратном пути заглянули на полузатопленную баржу, и Алиса взяла сумку с миелофоном.

Остров постепенно уменьшался, уплывая в море. Катер возвращался к берегу. Приключение закончилось.

Светлана наклонилась к Алисе и прошептала:

— Я дозвонилась Никитину. Он попросил прощения.

— За что?

— За все, в чем был и не был виноват, — сказала Светлана. — Он совсем не такой плохой.

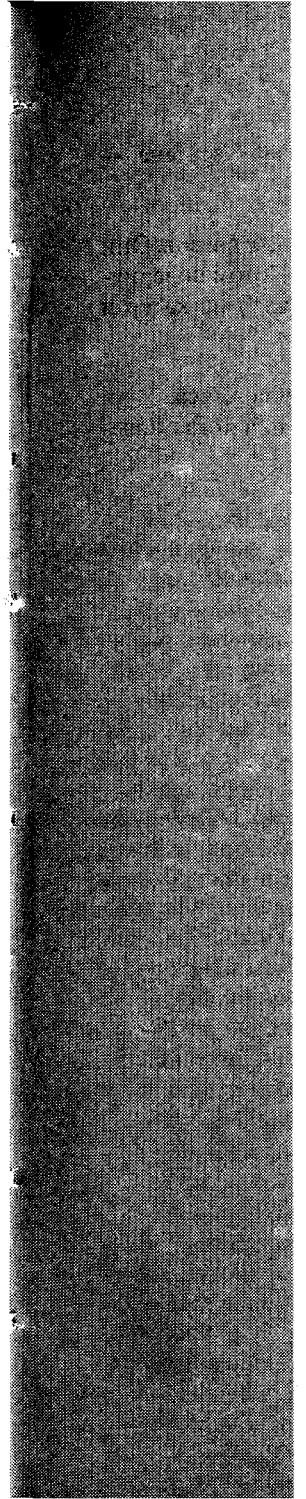
— Я тоже так думаю.

Совсем недалеко от берега катер догнала стая дельфинов. Они плыли некоторое время рядом, резвясь и ныряя. Потом повернули в открытое море. Один из них отстал, поглядел на катер и крикнул тонким голосом:

— Хорошо, Алиса!

— До свидания! Спасибо, дельфины! — ответила Алиса.

Берта сначала не поверила собственным ушам, а когда поверила, упала в обморок.

ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ

Глава 1

ПРЕСТУПНИЦА АЛИСА

Я обещал Алисе: «Кончишь второй класс — возьму тебя с собой в летнюю экспедицию. Полетим на корабле «Пегас» собирать редких животных для нашего зоопарка».

Я сказал об этом еще зимой, сразу после Нового года. И заодно поставил несколько условий: хорошо учиться, не делать глупостей и не заниматься авантюрами.

Алиса честно выполняла условия, и казалось, ничто не угрожало нашим планам. Но в мае, за месяц до отлета, случилось происшествие, которое чуть было все не испортило.

В тот день я работал дома, писал статью для «Вестника космозоологии». Сквозь открытую дверь кабинета я увидел, что Алиса пришла из школы мрачная, бросила с размаху на стол сумку с диктофоном и микрофильмами, от обеда отказалась и вместо любимой в последние месяцы книги «Звери дальних планет» взялась за «Трех мушкетеров».

— У тебя неприятности? — спросил я.

— Ничего подобного, — ответила Алиса. — С чего ты взял?

— Так, показалось.

Алиса подумала немного, отложила книгу и спросила:

— Пап, а у тебя нет случайно золотого самородка?

— А большой тебе нужен самородок?

— Килограмма в полтора.

— Нет.

— А поменьше?

— Честно говоря, и поменьше нет. Никакого нет у меня самородка. Зачем он мне?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Просто мне понадобился самородок.

Я вышел из кабинета, сел с ней рядом на диван и сказал:

— Рассказывай, что там у тебя произошло.

— Ничего особенного. Просто нужен самородок.

— А если совсем откровенно?

Алиса глубоко вздохнула, поглядела в окно, наконец решилась:

— Пап, я преступница.

— Преступница?

— Я совершила ограбление, и теперь меня, наверно, выгонят из школы.

— Жалко, — сказал я. — Ну, продолжай. Надеюсь, что все не так страшно, как кажется с первого взгляда.

— В общем, мы с Алешей Наумовым решили поймать щуку-гиганта. Она живет в Икшинском водохранилище и пожирает мальков. Нам о ней рассказал один рыбак, ты его не знаешь.

— А при чем здесь самородок?

— Для блесны.

— Что?

— Мы в классе обсуждали и решили, что надо щуку ловить на блесну. Простую щуку ловят на простую блесну, а гигантскую щуку надо ловить на особенную блесну. И тогда Лева Званский сказал про самородок. А у нас в школьном музее есть самородок. Вернее, был самородок. В полтора килограмма весом. Его школе один выпускник подарил. Он его с пояса астероидов привез.

— И вы украли золотой самородок весом в полтора килограмма?

— Это не совсем так, папа. Мы его взяли взаймы. Лева Званский сказал, что его отец геолог и он привезет новый. А пока мы решили сделать блесну из золота. Щука наверняка клюнет на такую блесну.

— А дальше что?

— Дальше ничего особенного. Мальчишки испугались открыть шкаф. И мы тянули жребий. Я бы никогда не стала брать золотой самородок, но жребий упал на меня.

— Пал.

— Что?

— Жребий пал на тебя.

— Ну да, жребий упал на меня, и я не могла отступить перед всеми ребятами. Тем более что этого самородка никто бы и не хватился.

— А потом?

— А потом мы пошли к Алеше Наумову, взяли лазер и распи-

лили этот проклятый самородок. И поехали на Икшинское водохранилище. И щука откусила нашу блесну.

Алиса подумала немного и добавила:

— А может, и не щука. Может быть, коряга. Блесна была очень тяжелая. Мы искали ее и не нашли. Ныряли по очереди.

— И ваше преступление открылось?

— Да, потому что Званский обманщик. Он принес из дома горсть алмазов и говорит, что золота нет ни кусочка. Мы его отправили с алмазами домой. Нужны нам его алмазы! А тут приходит Елена Александровна и говорит: «Молодежь, очистите музей, я сейчас сюда первоклашек на экскурсию приведу». Бывают же такие несчастливые совпадения! И все тут же обнаружилось. Она к директору побежала. «Опасность, — говорит (мы под дверью слушали), — у кого-то пробудилось в крови прошлое!» Алешка Наумов, правда, сказал, что он всю вину на себя возьмет, но я не согласилась. Если жребий упал, пусть меня и казнят. Вот и все.

— И все? — удивился я. — Так ты созналась?

— Не успела, — сказала Алиса. — Нам срок дали до завтра. Елена сказала, что или завтра самородок будет на месте, или состоится крупный разговор. Значит, завтра нас снимут с соревнований, а может, даже выгонят из школы.

— С каких соревнований?

— Завтра у нас гонки в воздушных пузырях. На первенство школы. А наша команда от класса — как раз Алешка, я и Еговров. Не может же Еговров один лететь.

— Ты забыла еще об одном осложнении, — сказал я.

— О каком? — спросила Алиса таким голосом, будто догадывалась.

— Ты нарушила наш договор.

— Нарушила, — согласилась Алиса. — Но я надеялась, что нарушение не очень сильное.

— Да? Украсть самородок весом в полтора кило, распилить его на блесны, утопить в Икшинском водохранилище и даже не сознаться! Боюсь, что придется тебе остаться, «Пегас» уйдет без тебя.

— Ой, папа! — сказала Алиса тихо. — Что же теперь делать будем?

— Думай, — сказал я и вернулся в кабинет дописывать статью.

Но писалось плохо. Очень уж чепуховая история получилась. Как маленькие детки! Распилили музейный экспонат.

Через час я выглянул из кабинета. Алисы не было. Куда-то убежала. Тогда я позвонил в Минералогический музей Фридману, с которым я когда-то встречался на Памире.

На экране видеофона появилось круглое лицо с черными усами.

— Леня, — сказал я, — у тебя нет в запасниках лишнего самородка весом килограмма в полтора?

— Есть и в пять килограммов. А зачем тебе? Для работы?

— Нет, дома нужно.

— Не знаю, что тебе сказать, — ответил Леня, закручивая усы. — Они ведь все оприходованы.

— Мне какой-нибудь самый завалящий, — сказал я. — Дочке в школе понадобился.

— Алисе?

— Алисе.

— Тогда знаешь что, — сказал Фридман, — я тебе дам самородок. Вернее, не тебе, а Алисе. Но ты мне заплатишь добром за добро.

— С удовольствием.

— Дай на один день синебарса.

— Что?

— Синебарса. У нас мыши завелись.

— В камнях?

— Не знаю уж, чем они питаются, но завелись. И кошки не боятся. И мышеловку игнорируют. А от запаха и вида синебарса мыши, как всем известно, убегают со всех ног куда глаза глядят.

Что мне было делать? Синебарс — животное редкое, и мне самому придется ехать с ним в музей и там смотреть, чтобы синебарс кого-нибудь бы не искусал.

— Ладно, — сказал я. — Только пришли самородок к завтрашнему утру, по пневмопочте.

Я отключил видеофон, и тут же прозвучал звонок в дверь. Я открыл. За дверью стоял беленький мальчик в оранжевом костюме венерианского разведчика, с эмблемой первопроходчика Сирианской системы на рукаве.

— Простите, — сказал мальчик. — Вы Алисин отец?

— Я.

— Здравствуйте. Моя фамилия Еговров. Алиса дома?

— Нет. Ушла куда-то.

— Жаль. Вам можно доверять?

— Мне? Можно.

— Тогда у меня к вам мужской разговор.

— Как космонавт с космонавтом?

— Не смейтесь, — покраснел Еговров. — Со временем я буду носить этот костюм по праву.

— Не сомневаюсь, — сказал я. — Так что за мужской разговор?

— Нам с Алисой выступать на соревнованиях, но тут случилось одно обстоятельство, из-за которого ее могут с соревнований снять. В общем, ей надо вернуть в школу одну потерянную вещь. Я вам ее даю, но никому ни слова. Ясно?

— Ясно, таинственный незнакомец, — сказал я.

— Держите.

Он протянул мне мешочек. Мешочек был тяжелый.

— Самородок? — спросил я.

— А вы знаете?

— Знаю.

— Самородок.

— Надеюсь, не краденый?

— Да нет, что вы! Мне его в клубе туристов дали. Ну, до свидания.

Не успел я вернуться в кабинет, как в дверь снова позвонили. За дверью обнаружились две девочки.

— Здравствуйте, — сказали они хором. — Мы из первого класса. Возьмите для Алисы.

Они протянули мне два одинаковых кошелька и убежали. В одном кошельке лежали четыре золотые монеты, старинные монеты из чьей-то коллекции. В другом — три чайные ложки. Ложки оказались, правда, не золотыми, а платиновыми, но догнать девочек я не смог.

Еще один самородок рука неизвестного доброжелателя подкинула в почтовый ящик. Потом приходил Лева Званский и пытался всучить мне маленькую шкатулку с алмазами. Потом пришел один старшеклассник и принес сразу три самородка.

— Я в детстве камни собирал, — сказал он.

Алиса вернулась вечером. От двери она сказала торжественно:

— Пап, не расстраивайся, все обошлось. Мы с тобой летим в экспедицию.

— Почему такая перемена? — спросил я.

— Потому что я нашла самородок. — Алиса еле вытащила из сумки самородок. По виду в нем было килограммов шесть-семь.

— Я поехала к Полоскову. К нашему капитану. Он всех своих знакомых обзвонил, когда узнал, в чем дело. И еще накормил меня обедом, так что я не голодная.

Тут Алиса увидела разложенные на столе самородки и прочие золотые вещи, скопившиеся за день в нашем доме.

— Ой-ой-ой! — сказала она. — Наш музей разбогатеет.

— Слушай, преступница, — сказал я тогда, — я бы тебя ни за что не взял в экспедицию, если бы не твои друзья.

— А при чем тут мои друзья?

— Да при том, что они вряд ли стали бы бегать по Москве и искать золотые вещи для очень плохого человека.

— Не такой уж я плохой человек, — сказала Алиса без лишней скромности.

Я нахмурился, но в этот момент в стене звякнуло приемное устройство пневматической почты. Я открыл люк и достал пакет с самородком из Минералогического музея. Фридман выполнил свое обещание.

— Это от меня, — сказал я.

— Вот видишь, — сказала Алиса. — Значит, ты тоже мой друг.

— Получается, так, — ответил я. — Но попрошу не зазнаваться.

На следующее утро мне пришлось проводить Алису до школы, потому что общий вес золотого запаса в нашей квартире достиг восемнадцати килограммов.

Передавая ей сумку у входа в школу, я сказал:

— Совсем забыл о наказании.

— О каком?

— Придется тебе в воскресенье взять из зоопарка синебарса и пойти с ним в Минералогический музей.

— С синебарсом — в музей? Он же глупый.

— Да, он будет там пугать мышей, а ты посмотришь, чтобы он кого-нибудь еще не напугал.

— Договорились, — сказала Алиса. — Но в экспедицию мы все-таки летим.

Глава 2

СОРОК ТРИ ЗАЙЦА

Последние две недели перед отлетом прошли в спешке, волнениях и не всегда необходимой беготне. Алису я почти не видел.

Во-первых, надо было приготовить, проверить, перевезти и разместить в «Пегасе» клетки, ловушки, ультразвуковые приманки, капканы, сети, силовые установки и еще тысячу вещей, которые нужны для ловли зверей. Во-вторых, надо было запастись

лекарствами, продуктами, фильмами, чистой пленкой, аппаратами, диктофонами, софитами, микроскопами, гербарными папками, записными книжками, резиновыми сапогами, счетно-вычислительными машинами, зонтиками от солнца и дождя, лимонадом, плащами, панамами, сухим мороженым, автолетами и еще миллионом вещей, которые могут понадобиться, а могут и не понадобиться в экспедиции. В-третьих, раз уж мы по дороге будем опускаться на научных базах, станциях и разных планетах, надо взять с собой грузы и посылки: апельсины для астрономов на Марсе, селедку в банках для разведчиков Малого Арктура, вишневый сок, тушь и резиновый клей для археологов в системе 2-БЦ, парчовые халаты и электрокардиографы для жителей планеты Фикс, гарнитур орехового дерева, выигранный жителем планеты Самора в викторине «Знаете ли вы Солнечную систему?», айвовое варенье (витаминизированное) для лабуцильцев и еще множество подарков и посылок, которые нам приносили до последней минуты бабушки, дедушки, братья, сестры, отцы, матери, дети и внуки тех людей и инопланетчиков, с которыми нам придется увидеться. В конце концов наш «Пегас» стал похож на Ноев ковчег, на плавучую ярмарку, на магазин «Универсам» и даже на склад торговой базы.

Я похудел за две недели на шесть килограммов, а капитан «Пегаса», известный космонавт Полосков, постарел на шесть лет.

Так как «Пегас» — небольшое судно, то и экипаж на нем маленький. На Земле и других планетах командую экспедицией я, профессор Селезнев из Московского зоопарка. То, что я профессор, совсем не значит, что я уже старый, седой и важный человек. Так получилось, что я с детства люблю всяких животных и никогда не менял их на камни, марки, радиоприемники и другие интересные вещи. Когда мне было десять лет, я пришел в кружок юннатов в зоопарке, потом кончил школу и пошел в университет учиться на биолога. А пока учился, продолжал каждый свободный день проводить в зоопарке и биологических лабораториях. Когда я кончил университет, то я знал о животных столько, что смог написать о них свою первую книжку. В то время еще не было скоростных кораблей, которые летают в любой конец Галактики, и потому было мало космических зоологов. С тех пор прошло двадцать лет, и космических зоологов стало очень много. Но я оказался одним из первых. Я облетел множество планет и звезд и незаметно для себя самого стал профессором.

Когда «Пегас» отрывается от твердой земли, то хозяином на

нем и главным начальником над всеми нами становится Геннадий Полосков, известный космонавт и командир корабля. Мы с ним встречались и раньше, на далеких планетах и научных базах. Он часто бывает у нас дома и особенно дружит с Алисой. Полосков совсем не похож на отважного космонавта, и когда он снимает форму капитана-звездолетчика, то его можно принять за воспитателя в детском саду или библиотекаря. Полосков невысокого роста, беленький, молчаливый и очень деликатный. Но когда он сидит в своем кресле на мостике космического корабля, он меняется — и голос становится другим, и даже лицо приобретает твердость и решительность. Полосков никогда не теряет присутствия духа, и его очень уважают в космофлоте.

Мне с трудом удалось уговорить его полететь капитаном на «Пегасе», потому что Джек О'Кониола уговаривал его принять новый пассажирский лайнер на линии Земля — Фикс. И если бы не Алиса, никогда бы мне Полоскова не уговорить.

Третий член экипажа «Пегаса» механик Зеленый. Это мужчина большого роста, с пышной рыжей бородой. Он хороший механик и раз пять летал с Полосковым на других кораблях. Главное для него удовольствие — копаться в двигателе и что-нибудь чинить в машинном отделении. Это вообще-то отличное качество, но иногда Зеленый увлекается, и тогда какая-нибудь очень важная машина или прибор оказываются разобранными именно в тот момент, когда они очень нужны. И еще Зеленый — большой пессимист. Он думает, что «это» добром не кончится. Что «это»? Да все. Например, он прочитал в какой-то старинной книге, что один купец порезался бритвой и умер от заражения крови. Хотя теперь на всей Земле не найти такой бритвы, чтобы порезаться, и все мужчины смазывают утром лицо пастой, вместо того чтобы бриться, он на всякий случай отпустил бороду. Когда мы попадаем на неизвестную планету, он сразу советует нам улететь отсюда, потому что зверей здесь все равно нет, а если есть, то такие, что зоопарку не нужны, а если нужны, то нам все равно их не довезти до Земли, и так далее. Но мы все привыкли к Зеленому и на его воркотню внимания не обращаем. А он на нас не обижается.

Четвертым членом нашего экипажа, если не считать кухонного робота, который вечно ломается, и вездеходов-автоматов, была Алиса. Она, как известно, моя дочь, кончила второй класс, с ней всегда что-нибудь случается, но все ее приключения пока кончались благополучно. Алиса полезный в экспедиции человек — она умеет ухаживать за зверями и почти ничего не боится.

Ночью перед отлетом я спал плохо: мне казалось, что кто-то ходит по дому и хлопает дверьми. Когда я встал, Алиса была уже одета, как будто и не ложилась спать. Мы спустились к автолету. Вещей с нами не было, если не считать моей черной папки и Алисиной сумки через плечо, к которой были привязаны ласты и гарпун для подводной охоты. Утро было холодное, зябкое и свежее. Метеорологи обещали дать дождь после обеда, но, как всегда, немного ошиблись, и их дождь вылился еще ночью. На улицах было пусто, мы попрощались с нашими родными и обещали писать письма со всех планет.

Автолет не спеша поднялся над улицей и легко полетел к западу, к космодрому. Я передал управление Алисе, а сам вынул длинные списки, тысячу раз исправленные и перечеркнутые, и принялся их изучать, потому что капитан Полосков поклялся мне, что, если не выкинуть по крайней мере три тонны груза, мы никогда не сможем оторваться от Земли.

Я не заметил, как мы долетели до космодрома. Алиса была сосредоточенна и как будто о чем-то не переставая думала. Она так отвлеклась, что опустила автолет у чужого корабля, который грузил поросят на Венеру.

При виде опускающейся с неба машины поросята прыснули в разные стороны, сопровождавшие их роботы бросились ловить беглецов, а начальник погрузки изругал меня за то, что я доверяю посадку маленькому ребенку.

— Она не такая маленькая, — ответил я начальнику. — Она второй класс кончила.

— Тем более стыдно, — сказал начальник, прижимая к груди только что пойманного поросенка. — Мы их теперь до вечера не соберем!

Я поглядел на Алису укоризненно, взял руль и перегнал машину к белому «Пегасу». «Пегас» в дни своей корабельной молодости был скоростным почтовым судном. Потом, когда появились корабли быстрее и вместительнее, «Пегас» переделали для экспедиций. В нем были вместительные трюмы, и он уже послужил и геологам и археологам, а теперь пригодился и зоопарку. Полосков ждал нас, и не успели мы поздороваться, как он спросил:

— Придумали, куда три тонны деть?

— Кое-что придумал, — сказал я.

— Рассказывай!

В этот момент к нам подошла скромная бабушка в синей шали и спросила:

— Вы не возьмете с собой маленькую посылочку моему сыну на Альдебаран?

— Ну вот, — махнул рукой Полосков, — еще этого не хватало!

— Совсем маленькую, — сказала бабушка. — Грамм двести, не больше. Вы представляете, каково ему будет не получить никакого подарка ко дню рождения?

Мы не представляли.

— А что в посылке? — спросил деликатный Полосков, сдаваясь на милость победительницы.

— Ничего особенного. Тортик. Коля так любит тортики! И стереопленочка, на которой изображено, как его сынок, а мой внучек учится ходить.

— Тащите, — сказал мрачно Полосков.

Я посмотрел, где Алиса. Алиса куда-то пропала. Над космодромом вставало солнце, и длинная тень от «Пегаса» достигла здания космопорта.

— Слушай, — сказал я Полоскову, — мы перегоним часть груза на Луну на рейсовом корабле. А с Луны будет легче стартовать.

— Я тоже так думал, — сказал Полосков. — На всякий случай снимем четыре тонны, чтобы был запас.

— Куда посылочку передать? — спросила бабушка.

— Робот на входе примет, — сказал Полосков, и мы с ним стали проверять, что выгрузить до Луны.

Краем глаза я посматривал, куда делась Алиса, и потому обратил внимание и на бабушку с посылочкой. Бабушка стояла в тени корабля и тихо спорила с роботом-погрузчиком. За бабушкой возвышалась сильно перегруженная автотележка.

— Полосков, — сказал я, — обрати внимание.

— Ой, — сказал отважный капитан. — Я этого не переживу!

Тигриным прыжком он подскочил к бабушке.

— Что это?! — громовым голосом произнес он.

— Посылочка, — сказала бабушка робко.

— Тортик?

— Тортик. — Бабушка уже оправилась от испуга.

— Такой большой?

— Простите, капитан, — сказала бабушка строго. — Вы что, хотите, чтобы мой сын в одиночестве ел присланный мной тортик, не поделившись со своими ста тридцатью товарищами по работе? Вы этого хотите?

— Я ничего больше не хочу! — сказал загнанный Полосков. — Я остаюсь дома и никуда не лечу. Ясно? Я никуда не лечу!

Бой с бабушкой продолжался полчаса и кончился победой Полоскова. Тем временем я прошел в корабль и приказал роботам снять с борта апельсины и гарнитур орехового дерева.

Алису я встретил в дальнем переходе грузового трюма и очень удивился встрече.

— Ты что здесь делаешь? — спросил я.

Алиса спрятала за спину связку бубликов и ответила:

— Знакомлюсь с кораблем.

— Иди в каюту, — сказал я. И поспешил дальше.

Наконец к двенадцати часам мы закончили перегрузку. Все было готово. Мы еще раз проверили с Полосковым вес груза — получился резерв в двести килограммов, так что можно было спокойно подниматься в космос.

Полосков вызвал по внутренней связи механика Зеленого. Механик сидел у пульта управления, расчесывал свою рыжую бороду. Полосков наклонился к самому экрану видеофона и спросил:

— Можем стартовать?

— В любой момент, — сказал Зеленый. — Хотя погода мне не нравится.

— Диспетчерская, — сказал Полосков в микрофон. — «Пегас» просит взлет.

— Одну минуточку, — ответил диспетчер. — У вас нет свободного места?

— Ни одного, — твердо сказал Полосков. — Мы пассажиров не берем.

— Но, может, хоть человек пять возьмете? — сказал диспетчер.

— А зачем? Неужели нет рейсовых кораблей?

— Все перегружены.

— Почему?

— Неужели вы не знаете? На Луне сегодня футбольный матч на кубок Галактического сектора: Земля — планета Фикс.

— А почему на Луне? — удивился Полосков, который не интересовался футболом и вообще за дни подготовки к полету отстал от действительности.

— Наивный человек! — сказал диспетчер. — Как же фиксианцы будут играть при земной тяжести? Им и на Луне нелегко придется.

— Значит, мы их обыграем? — спросил Полосков.

— Сомневаюсь, — ответил диспетчер. — Они переманили с Марса трех защитников и Симона Брауна.

— Мне бы ваши заботы, — сказал Полосков. — Когда даете взлет?

— И все-таки мы победим, — вмешалась в разговор Алиса, которая незаметно проникла на мостик.

— Правильно, девочка, — обрадовался диспетчер. — Может, возьмете болельщиков? Чтобы отправить всех желающих, мне нужно восемь кораблей. Не представляю, что делать. А заявки все поступают.

— Нет, — отрезал Полосков.

— Ну, дело ваше. Заводите двигатели.

Полосков переключился на машинное отделение.

— Зеленый, — сказал он, — включай планетарные. Только помаленьку. Проверим, нет ли перегрузки.

— Откуда быть перегрузке? — возмутился я. — Мы же все пересчитали.

Корабль чуть задрожал, набирая мощность.

— Пять-четыре-три-два-один — пуск, — сказал капитан.

Корабль вздрогнул и остался на месте.

— Что случилось? — спросил Полосков.

— Что у вас случилось? — спросил диспетчер, который наблюдал за нашим стартом.

— Не идет, — сказал Зеленый. — Я же говорил: ничего хорошего из этого не выйдет.

Алиса сидела, пристегнутая к креслу, и не смотрела в мою сторону.

— Попробуем еще раз, — сказал Полосков.

— Пробовать не надо, — ответил Зеленый. — Значительная перегрузка. У меня приборы перед глазами.

Полосков попытался еще раз поднять «Пегас», но корабль стоял на месте как прикованный. Тогда Полосков сказал:

— У нас какие-то ошибки в расчетах.

— Нет, мы проверили на счетной машине, — ответил я. — У нас резерв двести килограммов.

— Но что же тогда происходит?

— Придется выбрасывать груз за борт. Мы не можем терять время. С какого трюма начнем?

— С первого, — сказал я. — Там посылки. Подождем их на Луне.

— Только не с первого, — сказала вдруг Алиса.

— Ну ладно, — ответил я ей машинально. — Тогда начнем с третьего — там клетки и сети.

— Только не с третьего, — сказала Алиса.

— Это еще что такое? — спросил строго Полосков.

И в этот момент диспетчер снова вышел на связь.

— «Пегас», — сказал он, — на вас поступила жалоба.

— Какая жалоба?

— Включаю справочное бюро.

На экране показался зал ожидания. У справочного бюро толпились люди. Среди них я узнал несколько знакомых лиц. Откуда они мне знакомы?

Женщина, стоявшая ближе всех к справочному бюро, сказала, глядя на меня:

— Стыдно все-таки. Нельзя так потакать шалостям.

— Каким шалостям? — удивился я.

— Я сказала Алеше: на Луну ты не летишь, у тебя пять троек за четвертую четверть.

— И я запретила Леве лететь на этот матч, — поддержала ее другая женщина. — Отлично мог бы посмотреть по телевизору.

— Ага, — сказал я медленно. Я узнал наконец людей, которые собрались у справочного бюро: это были родители ребят из Алисиного класса.

— Все ясно, — сказал Полосков. — И много у нас на борту «зайцев»?

— Я не думала, что у нас перегрузка, — сказала Алиса. — Не могли же ребята пропустить матч века! Что же получается — я погляжу, а они нет?

— И много у нас «зайцев»? — повторил Полосков стальным голосом.

— Наш класс и два параллельных, — сказала тихо Алиса. — Пока папа ночью спал, мы слетелись к космодрому и забрались на корабль.

— Никуда ты не летишь, — сказал я. — Мы не можем брать в экспедицию безответственных людей.

— Папа, я больше не буду! — взмолилась Алиса. — Но пойми же, у меня сильно развито чувство долга!

— Мы разбиться могли из-за твоего чувства долга, — ответил Полосков.

Вообще-то он все Алисе прощает, но сейчас он очень рассердился.

— Пошли извлекать «зайцев», — добавил он. — Если справимся за полчаса, останешься на корабле. Нет — летим без тебя.

Последнего «зайца» мы извлекли из трюма через двадцать три минуты. Еще через шесть они все уже стояли, страшно огорченные и печальные, у корабля, и к ним от здания космодрома бежали мамы, папы и бабушки.

Всего «зайцев» на «Пегасе» оказалось сорок три человека. Я до сих пор не понимаю, как Алисе удалось их разместить на борту, а нам — ни одного из них не заметить.

— Счастливо, Алиса! — крикнул снизу Алеша Наумов, когда мы наконец поднялись к люку. — Поболей за нас! И возвращайся скорее!

— Земля победит!.. — ответила ему Алиса. — Нехорошо получилось, папа, — сказала она мне, когда мы уже поднялись над Землей и взяли курс к Луне.

— Нехорошо, — согласился я. — Мне за тебя стыдно.

— Я не о том, — сказала Алиса. — Ведь третий «Б» улетел в полном составе еще ночью в мешках из-под картошки на грузовой барже. Они-то будут на стадионе, а наши вторые классы — нет. Я не оправдала доверия товарищей.

— А куда картошку из мешков дели? — спросил, удивившись, Полосков.

— Не знаю, — сказала Алиса. Подумала и добавила: — Какими глазами я буду смотреть на стадионе на третий «Б»? Просто ужас!

Глава 3

ТЫ СЛЫШАЛ О ТРЕХ КАПИТАНАХ?

Когда «Пегас» опустился на лунном космодроме, я спросил у своих спутников:

— Какие у кого планы? Вылетаем завтра в шесть ноль-ноль.

Капитан Полосков сказал, что он остается на корабле готовить его к отлету.

Механик Зеленый попросил разрешения сходить на футбол.

Алиса тоже сказала, что пойдет на футбол, хотя и без всякого удовольствия.

— Почему? — спросил я.

— Разве ты забыл? На стадионе будет весь третий «Б», а из вторых классов только я одна. Ты во всем виноват.

— Я?

— А кто же высадил с «Пегаса» моих ребят?

— Мы же не могли подняться! Да и что бы сказали обо мне их родители? Вдруг что-нибудь случится?

— Где? — возмутилась Алиса. — В Солнечной системе? В конце двадцать первого века?

Когда Алиса с Зеленым ушли, я решил в последний раз выпить чашечку кофе в настоящем ресторане и пошел в «Селену».

Громадный зал ресторана был почти полон. Я остановился неподалеку от входа, отыскивая место, и услышал знакомый громовой голос:

— Кого я вижу!

За дальним столом восседал мой давнишний приятель Громозека. Я не виделся с ним лет пять, но ни на минуту о нем не забывал. Когда-то мы были очень дружны, а началось наше знакомство с того, что мне удалось спасти Громозеку в джунглях Эвридики. Громозека отбился от археологической партии, заблудился в лесу и чуть не попал в зубы Малому дракончику — злобной твари в шестнадцать метров длиной.

При виде меня Громозека спустил на пол свернутые для удобства щупальца, в очаровательной улыбке разинул свою полуметровую пасть, дружески потянулся мне навстречу острыми когтищами и, набирая скорость, ринулся в мою сторону.

Какой-то турист, никогда раньше не видевший обитателей планеты Чумароз, взвизгнул и упал в обморок. Но Громозека на него не обиделся. Он крепко обхватил меня щупальцами и прижал к острым пластинкам на своей груди.

— Старина! — ревел он, как лев. — Сколько лет, сколько зим! Я уже собрался лететь в Москву, чтобы тебя повидать, и вдруг — глазам своим не верю... Какими судьбами?

— Едем в экспедицию, — сказал я. — В свободный поиск по Галактике.

— Это замечательно! — сказал с чувством Громозека. — Я счастлив, что тебе удалось преодолеть козни зложелателей и уехать в экспедицию.

— Но у меня нет зложелателей.

— Ты меня не обманешь, — сказал Громозека, тряся укоризненно перед моим носом острыми, загнутыми когтями.

Я не стал возражать, потому что знал, как мнителен мой друг.

— Садись! — приказал Громозека. — Робот, бутылку грузин-

ского вина для моего лучшего друга и три литра валерьянки для меня лично.

— Слушаюсь, — ответил робот-официант и укатил на кухню выполнять заказ.

— Как жизнь? — допрашивал меня Громозека. — Как жена? Как дочка? Уже научилась ходить?

— В школе учится, — сказал я. — Второй класс кончила.

— Великолепно! — воскликнул Громозека. — Как быстро бежит время...

Тут моего друга посетила печальная мысль, и, будучи очень впечатлительной особой, Громозека оглушительно застонал, и дымящиеся едкие слезы покатились из восьми глаз.

— Что с тобой? — встревожился я.

— Ты только подумай, как быстро течет время! — произнес Громозека сквозь слезы. — Дети растут, а мы с тобой стареем.

Он, расчувствовавшись, выпустил из ноздрей четыре струи едкого желтого дыма, окутавшего ресторан, но тут же взял себя в руки и объявил:

— Извините меня, благородные посетители ресторана, я постараюсь больше не причинять вам неприятностей.

Дым струился между столиками, люди кашляли, и некоторые даже ушли из зала.

— Пойдем и мы, — сказал я, задыхаясь, — а то ты еще что-нибудь натворишь.

— Ты прав, — покорно согласился Громозека.

Мы вышли в холл, где Громозека занял целый диван, а я притулился рядом с ним на стуле. Робот принес нам вино и валерьянку, бокал для меня и литровую банку для чумарозца.

— Ты где сейчас работаешь? — спросил я Громозеку.

— Будем копать мертвый город на Колеиде, — ответил он. — Сюда прилетел за инфракрасными детекторами.

— Интересный город на Колеиде? — спросил я.

— Может быть, интересный, — ответил осторожно Громозека, который был страшно суеверен. Чтобы не сглазить, он провел четыре раза хвостом у правого глаза и сказал шепотом: — Баскури-барипарата.

— Когда начинаете? — спросил я.

— Недели через две стартуем с Меркурия. Там наша временная база.

— Странное, неподходящее место, — сказал я. — Половина планеты раскалена, половина — ледяная пустыня.

— Ничего удивительного, — сказал Громозека и снова потянулся за валерьянкой. — Мы там в прошлом году отыскали остатки корабля Полуночных скитальцев. Вот и работали. Да что я все о себе да о себе! Ты мне лучше о своем маршруте расскажи.

— Я знаю о нем только приблизительно, — ответил я. — Мы облетим сначала несколько баз по соседству с Солнечной системой, а потом уйдем в свободный поиск. Времени много — три месяца, корабль вместительный.

— На Эвридику не собираешься? — спросил Громозека.

— Нет. Малый дракончик уже есть в Московском зоопарке, а Большого дракончика, к сожалению, еще никто не смог поймать.

— Даже если бы ты его поймал, — сказал Громозека, — все равно на твоем корабле увезти его нельзя.

Я согласился, что Большого дракончика на «Пегасе» не увезешь. Хотя бы потому, что его дневной рацион — четыре тонны мяса и бананов.

Мы помолчали немного. Приятно сидеть со старым другом, никуда не спешить. Старушка-туристка в лиловом парике, украшенном восковыми цветами, подошла к нам и робко протянула блокнот.

— Не откажетесь ли, — попросила она, — написать мне автограф на память о случайной встрече?

— Почему бы и нет? — сказал Громозека, протянув когтистое щупальце за блокнотом.

Старушка зажмурилась в ужасе, и ее тонкая ручка задрожала.

Громозека раскрыл блокнот и на чистой странице размашисто написал:

«Прекрасной юной землянке от верного поклонника с туманной планеты Чумароз. Ресторан «Селена». 3 марта».

— Спасибо, — прошептала старушка и отступила мелкими шажками.

— Я хорошо написал? — спросил меня Громозека. — Трогательно?

— Трогательно, — согласился я. — Только не совсем точно.

— А что?

— Это совсем не юная землянка, а пожилая женщина. И вообще — землянкой раньше называли первобытное жилье, выкопанное в земле.

— Ой, какой позор! — расстроился Громозека. — Но ведь у нее цветочки на шляпе. Сейчас же догоню ее и перепишу автограф.

— Не стоит, друг, — остановил я его. — Ты ее только перепугаешь.

— Да, тяжело бремя славы, — сказал Громозека. — Но приятно сознавать, что крупнейшего археолога Чумароза узнают даже на далекой земной Луне.

Я не стал разубеждать друга. Я подозревал, что старушка никогда в жизни не встречалась ни с одним из космоархеологов. Просто ее поразил облик моего друга.

— Слушай, — сказал Громозека, — меня посетила идея. Я тебе помогу.

— Как?

— Ты слышал о планете имени Трех Капитанов?

— Где-то читал, но не помню, где и почему.

— Тогда замечательно.

Громозека наклонился ближе, положил мне на плечо тяжелое, горячее щупальце, расправил блестящие пластинки на круглом, словно небольшой воздушный шар, животе и начал:

— В секторе 19-4 есть небольшая необитаемая планета. Раньше у нее даже названия не было — только цифровой код. Теперь космонавты зовут ее планетой имени Трех Капитанов. А почему так? Там на ровном каменном плато возвышаются три статуи. Поставлены они в честь трех космических капитанов. Это были великие исследователи и отважные люди. Один из них был родом с Земли, второй — с Марса, а третий капитан родился на Фиксе. Рука об руку эти капитаны проходили созвездия, снижались на планетах, на которых снизиться невозможно, спасали целые миры, которым грозила опасность. Это они первыми одолели джунгли Эвридики, и один из них подстрелил Большого дракончика. Это они отыскали и уничтожили гнездо космических пиратов, хотя пиратов было вдесятеро больше. Это они опустились в метановую атмосферу Голгофы и отыскали там философский камень, потерянный конвоем Курсака. Это они взорвали ядовитый вулкан, грозивший истребить население целой планеты. Об их подвигах можно говорить две недели подряд...

— Теперь я вспомнил, — прервал я Громозеку. — Конечно, я слышал о трех капитанах.

— То-то, — проворчал Громозека и выпил стакан валерьянки. — Быстро мы забываем героев. Стыдно. — Громозека укоризненно покачал мягкой головой и продолжал: — Несколько лет

назад пути капитанов разошлись. Первый капитан увлекся проектом «Венера».

— Как же, знаю, — сказал я. — Так, значит, он — один из тех, кто меняет ее орбиту?

— Да. Первый капитан всегда любил грандиозные планы. И когда узнал, что решено перетащить Венеру подальше от Солнца и изменить период ее вращения, для того чтобы люди смогли ее заселить, он тут же предложил свои услуги проекту. И это славно, потому что ученые решили превратить Венеру в громадный космический корабль, а нет человека в Галактике, который бы лучше первого капитана разбирался в космической технике.

— А остальные капитаны? — спросил я.

— Второй, говорят, погиб неизвестно где и неизвестно когда. Третий капитан полетел в соседнюю галактику и вернется через несколько лет. Так я хочу сказать, что капитаны встречали множество редких, чудесных зверей и птиц. От них наверняка остались какие-то записки, дневники.

— А где они?

— Дневники хранятся на планете Трех Капитанов. Рядом с монументами, возведенными благодарными современниками по подписке, проведенной на восьмидесяти планетах, есть лаборатория и мемориальный центр. Там постоянно живет доктор Верховцев. Он знает о трех капитанах больше всех в Галактике. Если заедешь туда — не пожалеешь.

— Спасибо, Громозека, — сказал я. — Может, тебе хватит пить валерьянку? Ты сам мне жаловался, что она плохо влияет на сердце.

— Что делать! — всплеснул щупальцами мой друг. — У меня же три сердца. На какое-то из них валерьянка влияет очень пагубно. Но я никак не могу понять, на какое.

Мы еще целый час вспоминали старых знакомых и приключения, которые нам пришлось пережить вместе. Вдруг дверь в холл распахнулась, и появилась толпа людей и инопланетчиков. Они несли на руках футболистов сборной Земли. Играла музыка, раздавались веселые крики.

Из толпы выскочила Алиса.

— Ну что?! — крикнула она, увидев меня. — Не помогли фиксианцам варяги с Марса! Три — один. Теперь встреча на нейтральном поле!

— А как же третий «Б»? — спросил я ехидно.

— Их не было, — сказала Алиса. — Я бы их обязательно увидела. Наверно, третий «Б» перехватили и отправили обратно. В мешках из-под картошки. Так им и надо!

— Ты вредный человек, Алиса, — сказал я.

— Нет! — взревел оскорбленно Громозека. — Ты не имеешь права так оскорблять беззащитную девочку! Я не дам ее в обиду!

Громозека обхватил Алису щупальцами и поднял к потолку.

— Нет! — повторял он возмущенно. — Твоя дочь — моя дочь. Я не позволю.

— Но я не твоя дочь, — сказала сверху Алиса. Она, к счастью, не очень испугалась.

Но куда сильнее испугался механик Зеленый. Он в тот момент вошел в холл и вдруг увидел, что Алиса бьется в щупальцах громадного чудовища. Меня Зеленый даже не заметил. Он бросился к Громозеке, размахивая рыжей бородой, как знаменем, и с разбегу врезался в круглый живот моего друга.

Громозека подхватил Зеленого свободными щупальцами и посадил на люстру. Потом осторожно опустил Алису и спросил меня:

— Я немного погорячился?

— Немного, — ответила за меня Алиса. — Спусти Зеленого на пол.

— Не будет бросаться на археологов, — ответил Громозека. — Не хочу его снимать. Привет, увидимся вечером. Я вспомнил, что мне надо до конца рабочего дня побывать на базовом складе.

И, лукаво подмигнув Алисе, Громозека, пошатываясь, удалился в сторону шлюза. По холлу волнами расходился запах валерьянки.

Зеленого мы сняли с люстры с помощью футбольной команды, а на Громозеку я немного обиделся, потому что мой друг хоть и талантливый ученый и верный товарищ, но плохо воспитан, и его чувство юмора иногда принимает странные формы.

— Так куда летим? — спросила Алиса, когда мы подходили к кораблю.

— Первым делом, — сказал я, — отвезем груз на Марс и разведчикам Малого Арктура. А оттуда — прямым ходом в сектор 19-4, на базу имени Трех Капитанов.

— Да здравствуют три капитана! — сказала Алиса, хотя она о них никогда раньше не слышала.

Глава 4

ПРОПАЛИ ГОЛОВАСТЫ

Разведчики Малого Арктура встретили «Пегас» очень торжественно. Как только мы опустились на металлический настил посадочной площадки, которая зашаталась под грузом корабля и в щели между полосами брызнула рыжая гнилая вода, они лихо подкатили к нам на вездеходе. Из вездехода вышли три добрых молодца в красных кафтанах, надетых поверх скафандров. За ними последовали еще три космонавта в роскошных сарафанах, также надетых поверх скафандров. Молодцы и молодицы несли хлеб-соль на блюдах. А когда мы сошли на мокрые металлические полосы космодрома, они надели нам на шлемы скафандров венки из местных пышных цветов.

В нашу честь в тесной кают-компании базы разведчиков был приготовлен торжественный ужин. Нас угощали консервированным компотом, консервированной уткой и консервированными бутербродами. Механик Зеленый, который был на «Пегасе» шеф-поваром, тоже не ударил в грязь лицом — он поставил на праздничный стол настоящие яблоки, настоящие взбитые сливки с настоящей смородиной и, главное, самый настоящий черный хлеб.

Алиса была главным гостем. Все разведчики — люди взрослые, их дети остались дома — на Марсе, на Земле, на Ганимеде, и они очень соскучились без настоящих детей. Алиса отвечала на всякие вопросы, честно старалась казаться глупее, чем она есть на самом деле, а когда вернулась на корабль, пожаловалась мне:

— Им так хочется, чтобы я была маленьким несмышленышем, что я не стала их огорчать.

На следующий день мы передали разведчикам все грузы и посылки, но, к сожалению, оказалось, что на охоту за местными зверями они нас пригласить не смогут: начинался сезон бурь, все реки и озера вышли из берегов и путешествовать по планете было почти невозможно.

— Хотите, мы вам головаста поймаем? — спросил начальник базы.

— Ну, хоть головаста, — согласился я.

Мне приходилось слышать о разных рептилиях Арктура, но с головастом я еще не встречался.

Часа через два разведчики принесли большой аквариум, на дне которого дремали метровые головасты, похожие на гигант-

ских саламандр. Потом разведчики втащили по трапу ящик с водорослями.

— Это корм на первое время, — сказали они. — Учтите, головасты очень прожорливы и быстро растут.

— Надо готовить аквариум побольше? — спросил я.

— Лучше даже бассейн, — ответил начальник разведчиков.

Его товарищи между тем втаскивали по трапу еще один ящик с кормом.

— А как быстро они растут? — спросил я.

— Довольно быстро. Точнее сказать не могу, — ответил начальник разведчиков. — Мы их не держим в неволе.

Он загадочно улыбнулся и заговорил о другом.

Я спросил начальника разведчиков:

— Вам не приходилось бывать на планете имени Трех Капитанов?

— Нет, — ответил он. — Но иногда к нам прилетает доктор Верховцев. Как раз месяц назад он здесь был. И должен вам сказать, он большой чудак.

— А почему?

— Зачем-то ему понадобились чертежи корабля «Синяя чайка».

— Простите, а что в этом странного?

— Это корабль Второго капитана, пропавший без вести четыре года назад.

— А зачем Верховцеву этот корабль?

— Вот именно — зачем? Я об этом его и спросил. Оказывается, он пишет сейчас книгу о подвигах трех капитанов, документальный роман, и не может продолжать работу, не зная, как устроен этот корабль.

— А разве этот корабль был особенный?

Начальник базы снисходительно улыбнулся.

— Вы, я вижу, не в курсе дела, — сказал он. — Корабли трех капитанов были сделаны по специальному заказу, а потом еще перестроены самими капитанами — они ведь были на все руки мастера. Это были удивительные корабли! Приспособленные для всевозможных неожиданностей. Один из них, «Эверест», который принадлежал Первому капитану, стоит сейчас в Парижском космическом музее.

— Почему же Верховцев не мог запросить Парижский космический музей? — удивился я.

— Так все три корабля были разными! — воскликнул начальник разведчиков. — Капитаны были люди с характером и никогда ничего не делали по два раза.

— Ну ладно, — сказал я, — мы полетим к Верховцеву. Дайте нам, пожалуйста, координаты его базы.

— С удовольствием, — ответил начальник разведчиков. — Передавайте ему наш большой привет. И не забудьте перенести головастов в бассейн.

Мы распрощались с гостеприимными разведчиками и улетели.

Перед тем как лечь спать, я решил осмотреть головастов. Оказалось, что их сходство с саламандрами только внешнее. Они были покрыты твердой блестящей чешуей, у них были большие печальные глаза с длинными ресницами, короткие хвосты раздваивались и заканчивались густыми жесткими щетками.

Я решил, что перенесу головастов в бассейн с утра — ничего с ними за ночь в аквариуме не случится. Я бросил головастам две охапки водорослей и потушил свет в трюме. Начало было сделано — первые животные для зоопарка уже на борту «Пегаса».

Утром меня разбудила Алиса.

— Пап, — сказала она, — проснись.

— А что случилось?

Я посмотрел на часы. Было еще только семь утра по корабельному времени.

— Ты чего вскочила ни свет ни заря?

— Захотела поглядеть на головастов. Ведь их никто еще на Земле не видел.

— Ну и что? Разве для этого надо будить старика отца? Ты бы лучше включила робота. Пока он готовит завтрак, мы бы не спеша встали.

— Да погоди ты, пап, со своим завтраком! — невежливо перебила меня Алиса. — Я тебе говорю, встань и посмотри на головастов.

Что-то в ее голосе меня встревожило.

Я вскочил с койки и, не одеваясь, побежал в трюм, где стоял аквариум. Зрелище, которое я увидел, было потрясающим. Головасты, хоть это и невероятно, за ночь выросли больше чем вдвое и уже не помещались в аквариуме. Их хвосты высовывались наружу и висели почти до самого пола.

— Не может быть! — сказал я. — Срочно надо готовить бассейн.

Я побежал к механику Зеленому и разбудил его:

— Помоги, головасты так выросли, что мне их не поднять.

— Я предупреждал, — сказал Зеленый. — Еще не то будет. И зачем только я согласился работать в бродячем зоопарке? Зачем?

— Не знаю, — сказал я. — Пошли.

Зеленый надел халат и поплелся, ворча, в трюм. Когда он увидел головастов, то вцепился себе в бороду и застонал:

— Завтра они весь корабль займут!

Хорошо еще, что бассейн был заранее наполнен водой. При помощи Зеленого я перетащил головастов. Они оказались совсем не тяжелыми, но сильно вырывались и выскальзывали из рук, так что, когда мы опустили в бассейн третьего, последнего головаста, мы запыхались и вспотели.

Бассейн на «Пегасе» невелик — четыре на три метра и глубина в два метра, — но головастам в нем было привольно. Они начали кружиться по нему, искать пищу. Немудрено, что они проголодались — ведь эти существа, видно, собирались установить рекорд Галактики по скорости роста.

Пока я кормил головастов — на это ушла половина одного из ящиков с водорослями, — в трюме появился Полосков. Он был уже умыт, побрит и одет по форме.

— Алиса говорит, что у тебя головасты подросли, — сказал он, улыбаясь.

— Да нет, ничего особенного, — ответил я, делая вид, что такие чудеса мне не в диковинку.

Тут Полосков заглянул в бассейн и ахнул.

— Крокодилы! — сказал он. — Настоящие крокодилы! Они же человека проглотить могут.

— Не бойся, — сказал я, — они травоядные. Разведчики бы нас предупредили.

Головасты плавали у поверхности воды и высовывали наружу голодные пасти.

— Опять жрать захотели, — сказал Зеленый. — Скоро за нас примутся.

К обеду головасты достигли длины в два с половиной метра и доели первый ящик с водорослями.

— Могли бы предупредить, — ворчал Зеленый, имея в виду разведчиков. — Знали ведь и думали: пускай специалисты помучаются.

— Не может быть! — возмутилась Алиса, которой разведчики на прощание подарили вырезанную из дерева модель вездехода, шахматы из кости ископаемого параллелепипеда, ножик для разрезания бумаги, выточенный из коры стеклянного дерева, и еще

множество интересных вещей, которые они сами мастерили длинными вечерами.

— Ну что же, посмотрим, — сказал философски Зеленый и пошел проверять двигатели.

К вечеру длина головастов достигла трех с половиной метров. Им уже трудно было плавать в бассейне, и они покачивались у дна, всплывая, только чтобы схватить пучок водорослей.

Спать я уходил с тяжелым предчувствием, что головастов до зоопарка мне не довезти. Первый зверь оказался комом. Космос порой загадывает загадки, которые простому земному биологу не по зубам.

Встал я раньше всех. На цыпочках прошел по коридору, вспоминая кошмары, которые меня мучили ночью. Мне снилось, что головасты стали длиннее «Пегаса», выползли наружу, летят рядом с нами в космосе и еще пытаются проглотить наш корабль.

Я отворил дверь в трюм и с секунду стоял на пороге, оглядываясь, не выползет ли из-за угла головаст.

Но в трюме стояла тишина. Вода в бассейне была неподвижна. Я подошел ближе. Тени головастов, длиной метра по четыре, не больше, темнели на дне. У меня от сердца отлегло. Я взял швабру и пошевелил ею в воде. Почему головасты не двигаются?

Швабра уперлась в одного из головастов, и он легко отплыл в сторону, прижав к дальней стенке бассейна своих сородичей. Те и не пошевельнулись.

«Подохли, — понял я. — И наверно, от голода».

— Ну и что, папа? — спросила Алиса.

Я обернулся. Алиса стояла босиком на холодном пластике, и вместо ответа я сказал:

— Немедленно надень что-нибудь на ноги, простудишься.

Тут открылась дверь, и вошел Полосков. За его плечом виднелась огненная борода Зеленого.

— Ну и что? — хором спросили они.

Алиса убежала надевать туфли, а я, не отвечая товарищам, попытался растолкать неподвижного головаста. Тело его, словно пустое, легко плавало по бассейну. Глаза были закрыты.

— Сдохли, — сказал печально Зеленый. — А мы так старались, перетаскивали их вчера! А ведь я предупреждал.

Я перевернул головаста шваброй. Это было сделать нетрудно. Пятнистое пузо головаста было разрезано вдоль. В бассейне плавали лишь шкуры чудовищ, которые сохраняли форму их тел, по-

тому что твердая чешуя, покрывавшая их, не давала шкурам съежиться.

— Ого! — сказал Зеленый, оглядываясь. — Они вылупились.

— Кто? — спросил Полосков.

— Если бы я знал!

— Послушай, профессор Селезнев, — обратился ко мне официально капитан Полосков, — судя по всему, я подозреваю, что на моем корабле находятся неизвестные чудовища, которые скрывались в так называемых головастах. Где они?

Я перевернул шваброй остальных головастов. Они тоже были пусты.

— Не знаю, — честно признался я.

— Но когда ты пришел сюда, дверь была закрыта или открыта?

В голове у меня царило смятение, и я ответил:

— Не помню, Полосков. Может, и закрыта.

— Дела! — сказал Полосков и поспешил к выходу.

— Ты куда? — спросил Зеленый.

— Обыскивать корабль, — сказал Полосков. — И тебе советую осмотреть машинное отделение. Только вооружись чем-нибудь. Неизвестно, кто выводится из головастов. Может, драконы.

Они ушли, а через несколько минут Полосков вернулся бегом и принес мне бластер.

— Чем черт не шутит, — сказал он. — Алису я бы запер в каюте.

— Еще чего не хватало! — сказала Алиса. — У меня есть теория.

— И слышать не хочу твоих теорий, — сказал я. — Пойдем в каюту.

Алиса сопротивлялась, как дикая кошка, но мы заперли все-таки ее в каюте и начали обыск помещений.

Это удивительно, как много трюмов, отсеков, коридоров и прочих помещений таится в сравнительно небольшом экспедиционном корабле! Мы втроем, прикрывая друг друга, потратили три часа, пока не осмотрели весь «Пегас».

Чудовищ нигде не было.

— Ну что ж, — сказал я тогда, — давайте позавтракаем, потом осмотрим корабль еще раз. Куда-то же они должны были деться.

— Я тоже буду завтракать, — сказала Алиса, которая слышала наш разговор по внутреннему телефону. — Выпустите меня из заключения.

Мы выпустили Алису и провели под конвоем в кают-компанию.

Перед тем как начать завтрак, мы заперли дверь и положили бластеры рядом с собой на стол.

— Чудеса! — сказал Полосков, принимаясь за манную кашу. — Куда они спрятались? Может, в реактор? Или выбрались наружу?

— Зловещие чудеса, — сказал Зеленый. — Чудеса не в моем вкусе. Мне с самого начала головасты не понравились. Передай мне кофейник.

— Боюсь, что эту загадку нам никогда не решить, — сказал Полосков.

Я кивнул, соглашаясь с ним.

— Нет, разрешить, — вмешалась Алиса.

— Ты уж молчи.

— Не могу молчать. Если хотите, я их найду.

Полосков засмеялся, и смеялся долго и искренне.

— Трое взрослых мужчин искали их три часа, а ты хочешь их найти в одиночку.

— А так легче, — ответила Алиса. — Спорим, что найду?

— Конечно, спорим, — смеялся Полосков. — На что хочешь?

— На желание, — сказала Алиса.

— Согласен.

— Только я одна их буду искать.

— Ничего подобного, — сказал я. — Никуда ты одна не пойдешь. Ты что, забыла, что по кораблю, может быть, бродят неизвестные чудовища?

Я был сердит на разведчиков с их опасными шутками. Сердит и на себя за то, что лег спать и упустил тот момент, когда оболочки головастов опустели. Сердит на Алису с Полосковым, которые затеяли детский спор в такой серьезный момент.

— Пошли, — сказала Алиса, вставая из-за стола.

— Сначала чай допей, — ответил я строго.

Алиса допила чай и уверенно пошла в трюм, где стоял аквариум. Мы шли за ней, чувствуя себя дураками. Ну зачем, скажите, мы ее послушались?

Алиса быстро оглядела отсек. Попросила Полоскова отодвинуть ящики от стены. Он с улыбкой послушался. Потом Алиса вернулась к бассейну и обошла его кругом. Пустые оболочки головастов темнели на дне. По поверхности воды плавали недоеденные водоросли.

— Вот, — сказала Алиса, — ловите их. Только осторожно: они прыгают.

И тут мы увидели, что на водорослях в ряд сидят три лягушонка. Вернее, не совсем лягушонка, а три создания, очень похожие на лягушат. Ростом с наперсток каждый.

Мы поймали их, посадили в банку, и тогда я, раскаявшись в своем упрямстве, спросил Алису:

— Слушай, дочка, как ты догадалась?

— Не в первый раз спрашиваешь, папа, — ответила она, не скрывая гордости. — Все дело в том, что вы все — взрослые, умные люди. И вы мыслите, как ты сам говорил, логически. А я не очень умная и мыслю как в голову взбредет. Я так подумала: если это головасты, то потом должны быть лягушки. А лягушата всегда меньше головастиков. Вы ходили по кораблю с пистолетами и искали больших чудовищ. И даже их боялись заранее. А я сидела запертая в каюте и думала, что, наверно, не надо всегда смотреть вверх и искать что-то громадное. Может быть, посмотреть по углам и поискать ма-а-аленьких лягушат. И нашла.

— Но зачем же лягушатам такие большие вместилища? — удивился Полосков.

— Я об этом не подумала, — призналась Алиса. — Не догадалась подумать. А если бы подумала, никогда бы не нашла лягушат.

— А что ты скажешь, профессор? — спросил Полосков меня.

— Что сказать? Надо будет тщательно исследовать оболочки головастов. Наверно, они что-то вроде фабрик, которые перерабатывают корм в сложный концентрат для лягушонка... А может быть, большим головастам легче обороняться от врагов.

— А про желание не забудь, Полосков, — строго сказала Алиса.

— Я никогда и ни о чем не забываю, — четко ответил капитан.

Глава 5

СОВЕТЫ ДОКТОРА ВЕРХОВЦЕВА

Мы послали с дороги радиограмму доктору Верховцеву: «Прилетаем в пятницу. Встречайте». Верховцев сразу же ответил, что с радостью встретит нас и проведет на своем космокатере через опасный пояс астероидов, который окружает планету Трех Капитанов.

В назначенный час мы затормозили у пояса астероидов. Густой рой каменных глыб, словно облака, скрывал от нас поверхность планеты. Почему-то нас всех охватило волнение. Нам казалось, что встреча с доктором Верховцевым приведет к важным и интересным событиям. Может быть, даже и к приключениям.

Космокатер доктора мелькнул среди астероидов, словно серебряная стрела. И вот он несется перед нами.

— «Пегас», вы меня слышите? — раздался в динамике глуховатый голос. — Следуйте за мной.

— Какой он, интересно? Ему, наверно, скучно одному на планете, — сказала Алиса, сидевшая с нами на мостике в маленьком, специально для нее сделанном амортизационном кресле.

Никто ей не ответил. Полосков управлял кораблем, я исполнял обязанности штурмана, а Зеленого на мостике не было — он остался в машинном отделении.

«Пегас» изменил курс, обошел клыкастый астероид и тут же послушно скользнул вниз.

Под нами расстилалась пустыня, кое-где изрезанная ущельями и отмеченная оспинами кратеров. Серебряная стрелка катера летела впереди, указывая путь.

Мы заметно снизились. Можно было уже различить скалы и высохшие реки. Потом впереди показалось темно-зеленое пятно оазиса. Над ним поднимался купол базы. Катер доктора вошел в вираж и опустился на ровную площадку. Мы последовали его примеру.

Когда «Пегас», чуть покачиваясь, встал на амортизаторы и Полосков сказал «добро», я увидел между зеленью оазиса и нашим кораблем три каменные статуи.

На высоком постаменте стояли три каменных капитана. Даже издали было видно, что два из них — люди. Третий — трехногий тонкий фиксианец.

— Прилетели, — сказала Алиса. — Можно выйти?

— Погоди, — ответил я. — Мы не знаем состава атмосферы и температуры. Какой ты скафандр собираешься надевать?

— Никакого, — ответила Алиса.

Она показала на иллюминатор. Из серебряного космокатера вышел человек в сером обычном костюме и серой помятой шляпе. Он поднял руку, приглашая нас.

Полосков включил внешний динамик и спросил:

— Атмосфера пригодна для дыхания?

Человек в шляпе быстро закивал — идите, не бойтесь!

Он встретил нас у трапа.

— Добро пожаловать на базу, — сказал он и поклонился. — Так редко вижу здесь гостей!

Он говорил немного старомодно, под стать своему костюму.

На вид ему было лет шестьдесят. Это был невысокий, худенький и похожий на добрую старушку человек. Его лицо было исчерчено тонкими морщинками. Доктор все время жмурился или улыбался, и, если иногда его лицо разглаживалось, морщинки становились белыми и широкими. У доктора Верховцева были длинные, тонкие пальцы. Он пожал нам руки и пригласил к себе.

Мы пошли вслед за доктором к зеленым деревьям оазиса.

— Почему здесь кислородная атмосфера? — спросил я. — Ведь планета — сплошная пустыня.

— Атмосфера искусственная, — сказал доктор. — Ее сделали, когда сооружали монументы. Через несколько лет здесь построят большой музей, посвященный героям космоса. Сюда будут привозить отслужившие срок космические корабли и всякие диковины с дальних планет.

Доктор остановился перед каменной глыбой. На ней были выбиты слова на космоязыке:

«ЗДЕСЬ БУДЕТ ПОСТРОЕН ГЛАВНЫЙ МУЗЕЙ КОСМОСА»

— Вот видите, — сказал Верховцев. — Музей будут строить вместе восемьдесят разных планет. А пока, для начала, в центре планеты установлен мощный реактор, который выделяет кислород из горных пород. Сейчас здесь еще не очень хороший воздух, но к открытию музея воздух станет самым лучшим во всей Галактике.

Между тем мы подошли к подножию монумента.

Монумент был очень велик, с двадцатиэтажный дом. Мы остановились и, запрокинув головы, рассматривали трех капитанов.

Первый капитан оказался молодым, широкоплечим, стройным. У него был чуть курносый нос и широкие скулы. Капитан улыбался. На плече у него сидела странная птица с двумя клювами и красивой короной из каменных перьев.

Второй капитан был выше его ростом. У него была очень широкая грудь и тонкие ноги, как у всех людей, которые родились и выросли на Марсе. Лицо Второго было острое и сухое.

Третий капитан, фиксианец в тугом скафандре со шлемом, откинутым на спину, опирался ладонью о ветку каменного куста.

— Они совсем не старые, — сказала Алиса.

— Ты права, девочка, — ответил доктор Верховцев. — Они прославились, когда были молодыми.

Мы вступили в тень деревьев и по широкой аллее дошли до

базы. База оказалась обширнейшим помещением, заваленным ящиками, контейнерами и приборами.

— Экспонаты начали в музей присылать, — словно извиняясь, сказал доктор. — Идите за мной, в мою берлогу.

— Ну прямо как «Пегас» в начале нашего путешествия! — восхитилась Алиса.

И в самом деле, путешествие по базе к жилью доктора Верховцева было похоже на хождение по нашему кораблю, когда он был перегружен посылками, грузами и всяческим оборудованием.

Небольшой закуток между контейнерами, заваленный книгами и микрофильмами, в котором еле умещалась койка, тоже заваленная бумагами и пленками, оказался спальней и рабочим кабинетом хранителя музея доктора Верховцева.

— Рассаживайтесь, чувствуйте себя как дома, — сказал доктор.

Всем нам, кроме хозяина, было совершенно ясно, что рассаживаться здесь негде. Верховцев смахнул груду бумаг на пол. Листки взлетели кверху, и Алиса принялась их собирать.

— Роман пишете? — спросил Полосков.

— Почему роман? Ах да, конечно, жизнь трех капитанов интереснее любого романа. Она достойна того, чтобы ее описать как пример для будущих поколений. Но я лишен литературного дара.

Я подумал, что доктор Верховцев скромничает. Ведь сам прилетал к разведчикам, чтобы найти чертежи корабля одного из капитанов.

— Итак, — сказал доктор, — чем могу быть полезен моим дорогим гостям?

— Нам сказали, — начал я, — что вы все знаете о трех капитанах.

— Ну уж, — Верховцев даже покраснел от смущения, — это явное преувеличение!

Он положил шляпу на груду книг; шляпа старалась съехать вниз, и доктор ловил ее и снова клал на старое место.

— Капитанам, — сказал я, — удалось побывать на многих неизвестных планетах. Они встречали чудесных зверей и птиц. От них, говорят, остались записи, дневники. А мы как раз ищем на других планетах неизвестных животных. Не поможете ли вы нам?

— Ага, вот в чем дело... — Верховцев задумался. Его шляпа воспользовалась этим моментом, соскользнула вниз и исчезла под койкой. — Ах, — сказал он, — если бы я знал заранее...

— Папа, можно, я подскажу доктору? — спросила Алиса.

— Да, девочка, — обернулся к ней доктор.

— У одного каменного капитана на плече сидит птица с двумя клювами и с короной на голове. Такой птицы нет в зоопарке. Может, вы знаете что-нибудь о ней?

— Нет, — сказал Верховцев. — Почти ничего не знаю. А где моя шляпа?

— Под койкой, — сказала Алиса. — Сейчас я достану.

— Не беспокойтесь, — сказал Верховцев и нырнул под койку. Оттуда торчали только его ноги. Он искал там, в темноте, шляпу, шуршал бумагами и продолжал говорить: — Скульпторам дали последние фотографии капитанов. Они выбирали те фотографии, которые им больше нравились.

— Может, они придумали эту птицу? — спросил я, наклоняясь к койке.

— Нет-нет! — воскликнул Верховцев, и его ботинки задергались. — Я сам видел эти фотографии.

— Но хоть известно, где они сняты?

— Первый капитан никогда не расставался с птицей, — ответил Верховцев, — но, когда улетел на Венеру, подарил птицу Второму капитану. А Второй капитан, как вам известно, пропал без вести. Пропала и птица.

— Значит, даже неизвестно, где она водится?

Верховцев наконец вылез из-под кровати. Шляпу он смял в кулаке, и вид у него был смущенный.

— Простите, — сказал он, — я отвлекся.

— Значит, неизвестно, где водится птица?

— Нет-нет, — быстро ответил Верховцев.

— Жалко, — вздохнул я. — Значит, неудача. Ничем вы нам помочь не сможете. А мы так надеялись...

— Почему же не смогу? — обиделся доктор Верховцев. — Я и сам много путешествовал... Дайте только подумать.

Доктор думал минуты три, потом сказал:

— Вспомнил! На планете Эвридика водится Малый дракончик. И еще, говорят, Большой дракончик.

— Знаю, — сказал я. — Большого дракончика как-то застрелил один из капитанов.

— А вы откуда знаете? — спросил Верховцев.

— Знаю. Мне рассказал мой друг археолог Громозека.

— Странно, — произнес Верховцев и наклонил голову, рассматривая меня, словно видел в первый раз. — Тогда я еще подумаю.

Он думал еще минуту и сообщил нам о марсианском богомоле. Это было даже смешно. Марсианские богомолы живут не только во всех зоопарках — их даже дома держат. У Алисы один живет, например.

Тогда Верховцев рассказал нам о головастах, о мухоколе с Фикса, об адских птицах с планеты Труль и о других зверях, известных по книге «Животные нашей Галактики».

— Нет, эти звери нам не нужны.

— Простите, — сказал Верховцев вежливо, — но я всю жизнь интересовался разумными существами, и животные как-то мне не встречались. Можно, я подумаю?

Верховцев снова задумался.

— Где же я бывал? — спросил он сам себя. — Ага, — ответил он, — я бывал на Пустой планете.

— Где?

— На Пустой планете. Это недалеко отсюда, в соседней звездной системе.

— Но если это Пустая планета, то какие же там звери? — удивилась Алиса.

— Этого никто не знает. Понимаете, были мы там в понедельник, все небо кишело птицами. А во вторник ни одной птицы — только волки рыщут стаями. И олени. А в среду — ни тех, ни других. Планета опустела.

— Но, может, звери просто откочевали куда-нибудь?

— Нет, — сказал Верховцев, — не в этом дело. У нас был разведкатер, и мы из любопытства облетели всю планету. Ни зверей, ни птиц. Пустота. И не мы одни этому удивлялись. Я вам координаты дам.

— Спасибо, — сказал я. — Но если вы больше ничего вспомнить не можете, тогда покажите нам дневники капитанов. Они-то уж, наверно, видели разных зверей.

— А кто вам сказал про дневники? — спросил доктор и наклонил голову.

— Наш друг археолог Громозека, — ответил я.

— Никогда не слышал. Да и зачем вам дневники? Я вспомнил о склиссах. О склиссах с планеты Шешинеру. Их там тьма-тьмущая. Мне рассказывали.

— И за это тоже спасибо, — сказал я. Но мне очень хотелось взглянуть на дневники капитанов, а доктор Верховцев почему-то

дневников показывать не хотел. Чем-то мы вызвали у него недоверие.

— Пожалуйста.

— А дневники? — спросила Алиса.

— Ой, девочка, что вам в этих дневниках? Кстати, их здесь и нет. Они на Фиксе. Хранятся в архиве. Да-да, в архиве. — И доктор Верховцев вдруг оживился, словно придумал удачную ложь.

— Ну, как хотите, — сказала Алиса.

Доктор смутился, напялил мятую шляпу на глаза и сказал тихо:

— А еще вы можете побывать на рынке в Палапутре.

— Мы там обязательно побываем, — сказал я. — Мы о нем знаем.

— Тогда я вас провожу, — сказал доктор.

Он встал и повел нас между ящиками и контейнерами к выходу с базы. Он шел быстро, словно боялся, что мы передумаем и не улетим.

Мы вернулись к памятникам. Остановились возле них.

— А что случилось со Вторым капитаном? — спросил я.

— Он погиб, вы же знаете, — ответил Верховцев.

— Нам сказали, что он пропал без вести.

Доктор Верховцев пожал узенькими плечиками.

— А можно найти Первого капитана? — не сдавался я. — Он жив?

— Да, работает где-то в космосе.

— На проекте «Венера»? Но ведь там несколько тысяч человек.

— Вы же сами знаете, как его искать. И ничего вы от меня больше не добьетесь.

— Ну что ж, — сказал я тогда, — спасибо за прием. Мы, правда, думали, что встреча будет иной.

— Я тоже так думал, — сказал Верховцев.

— Может, когда напишете роман, пришлете нам экземпляр?

— Я не пишу романов! Не умею! Кто это придумал?

— Я говорю о том романе, ради которого вы летали месяц назад к разведчикам на Малый Арктур и спрашивали у них об устройстве «Синей чайки».

— Что? — доктор Верховцев взмахнул руками. — Какая «Синяя чайка»? Какие разведчики? Я там полгода уже не был!

— Ну хорошо, хорошо, — сказал я, видя, что доктор совсем растерялся. — Мы не хотели вас обидеть.

— То-то, — сказал Верховцев. — Будете мимо лететь, заходите, всегда буду рад вас видеть. Особенно эту очаровательную девчурку.

Он протянул руку, чтобы погладить Алису по голове, но Алиса отошла на шаг в сторону, и рука доктора повисла в воздухе.

— Значит, не забудьте, — сказал он, остановившись у монумента Трех Капитанов. — Склиссы на Шешинеру и загадка Пустой планеты.

— *Спасибо, доктор, — ответил я. — Мы не забудем.*

Глава 6

КУСТИКИ

Доктор долго стоял у ног громадных каменных капитанов и размахивал шляпой. Золотые лучи заходящих солнц освещали его, и казалось, что он тоже статуя, только поменьше остальных.

— А-а-а! — донесся вдруг до нас далекий крик.

Мы обернулись.

Доктор бежал к нам, увязая в песке.

— За-бы-ыл! — кричал он. — Совсем забы-ыл!

Доктор подбежал к нам и минуты две пытался отдышаться, все время начинал одну и ту же фразу, но дыхания не хватало, чтобы ее закончить.

— Ку... — говорил он. — У па...

Алиса попыталась помочь ему.

— Курица? — спросила она.

— Не-ет... ку-устики. Я... забыл про кустики сказать.

— Какие кустики?

— *Стоял у этих самых кустиков и забыл про них сказать.*

Доктор показал на монумент. Даже отсюда, издали, было видно, что у ног Третьего капитана скульптор изобразил пышный куст, тщательно выпилив из камня его ветви и листья.

— А я думала, что это просто для красоты, — сказала Алиса.

— Нет, это же кустик! Вы никогда не слышали о кустиках?

— Никогда.

— Тогда послушайте. Всего две минуты... Когда Третий капитан был на восьмом спутнике Альдебарана, он заблудился в пустыне. Ни воды, ни пищи — ничего. Но капитан знал, что, если он не дойдет до базы, корабль погибнет, потому что все члены экипажа лежали, пораженные космической лихорадкой, а вакцина была только на базе, на пустой, покинутой базе в горах Сьерра-

Барракуда. И вот, когда силы покинули капитана и путь был потерян в песках, он услышал отдаленное пение. Сначала капитану показалось, что это галлюцинация. Но он все-таки собрал последние силы и пошел по направлению к звукам.

Через три часа он дополз до кустиков. Кустики растут в тех местах вокруг небольших водоемов, и перед песчаной бурей их листья трутся друг о дружку, издавая мелодичные звуки. Кажется, что кустики поют. Вот таким образом кустики в горах Сьерра-Барракуда своим пением указали капитану дорогу к воде, дали возможность переждать страшную песчаную бурю и спасли жизнь восьмерым космонавтам, погибавшим от космической лихорадки. В честь этого события скульптор на памятнике Третьему капитану изобразил кустик. Так что, я думаю, вам стоит заглянуть на восьмой спутник Альдебарана и в горах Сьерра-Барракуда найти кустики. Кроме того, Третий капитан говорил, что вечером на кустиках раскрываются большие нежные светящиеся цветы.

— Спасибо, доктор, — сказал я. — Мы обязательно постараемся найти эти кустики и привезти их на Землю.

— А они могут в горшках расти? — спросила Алиса.

— Наверно, — ответил доктор. — Но, по правде говоря, я никогда кустиков не видел — они очень редки. И встречаются только у источника в самом центре пустыни, окружающей горы Сьерра-Барракуда.

...Система Альдебарана лежала неподалеку, и мы решили отыскать кустики и, если можно, послушать их пение.

Восемнадцать раз наш космокатер облетел всю пустыню, и лишь на девятнадцатом заходе мы увидели в глубокой ложбине зелень. Разведкатер снизился над песчаными барханами, и нашим глазам предстали кусты, окружавшие родник.

Кусты были невысоки, мне по пояс, у них были длинные, серебристые с изнанки листья и довольно короткие, толстые корни, которые легко выходили из песка. Мы осторожно выкопали пять кустов, выбирая те, на которых нашли бутоны, набрали в большой ящик песка и перенесли наши трофеи на «Пегас».

В тот же день «Пегас» стартовал с пустынного спутника и взял курс дальше.

Как только кончился разгон, я начал готовить к съемкам камеру, потому что надеялся, что на кустах вскоре распустятся светящиеся цветы, а Алиса приготовила бумагу и краски, чтобы эти цветы зарисовать.

И в этот момент мы услышали тихое, благозвучное пение.

— Что такое? — удивился механик Зеленый. — Я не включал магнитофон. Кто включил? Почему мне не дают отдохнуть?

— Это поют наши кусты! — закричала Алиса. — Надвигается песчаная буря?

— Что? — удивился Зеленый. — Откуда в космосе может быть песчаная буря?

— Пошли к кустам, пап, — потребовала Алиса. — Посмотрим.

Алиса побежала в трюм, а я немного задержался, заряжая камеру.

— Я тоже схожу, — сказал механик Зеленый. — Никогда не видел поющих кустов.

Я заподозрил, что на самом деле ему хочется выглянуть в иллюминатор, потому что он опасается, а вдруг и в самом деле надвигается песчаная буря.

Только я кончил заряжать камеру, как услышал крик. Я узнал голос Алисы.

Я бросил камеру в кают-компании и побежал скорее вниз, к трюму.

— Папа! — кричала Алиса. — Ты только посмотри!

— Спасите! — шумел механик Зеленый. — Они идут!

Еще несколько шагов — и я подбежал к двери в трюм. В дверях я столкнулся с Алисой и Зеленым. Вернее, я столкнулся с Зеленым, который нес на руках Алису. Вид у Зеленого был испуганный и борода развевалась, словно от ветра.

В дверном проеме показались кустики. Зрелище было и на самом деле ужасное. Кустики вылезли из полного песку ящика и, тяжело переступая на коротких уродливых корнях, двигались на нас. Они шли полукругом, покачивая ветвями, бутоны раскрылись, и среди листьев горели, словно зловещие глаза, розовые цветы.

— К оружию! — крикнул Зеленый и протянул мне Алису.

— Захлопните дверь! — сказал я.

Но было поздно. Пока мы толкались, стараясь разминуться, первый из кустов миновал дверь, и нам пришлось отступить в коридор.

Один за другим кустики последовали за своим предводителем.

Зеленый, нажимая по пути все кнопки тревоги, побежал на мостик за оружием, а я схватил стоявшую у стены швабру и по-

пытался прикрыть Алису. Она смотрела на наступление кустиков зачарованно, как кролик на удава.

— Да беги же! — крикнул я Алисе. — Мне их долго не сдержать!

Кустики упругими, сильными ветвями схватились за швабру и вырывали ее из моих рук. Я отступал.

— Придержи их, па! — сказала Алиса и убежала.

«Хорошо, — успел подумать я, — что хоть Алиса в безопасности». Мое положение продолжало оставаться опасным. Кустики старались загнать меня в угол, а шваброй я уже не мог действовать.

— Зачем Зеленому огнемет? — услышал я вдруг в динамике голос капитана Полоскова. — Что случилось?

— На нас напали кустики, — ответил я. — Но огнемета Зеленому не давай. Я постараюсь запереть их в отсеке. Как только я отступлю за соединительную дверь, я тебе дам знать, и ты тут же закроешь трюмный отсек.

— Тебе не грозит опасность? — спросил Полосков.

— Нет, пока держусь, — ответил я.

И в тот же момент ближайший ко мне куст сильно дернул за швабру и вырвал ее из рук. Швабра отлетела в дальний конец коридора, и кусты, будто ободренные тем, что я безоружен, двинулись ко мне сомкнутым строем.

И в этот момент я услышал быстрые шаги сзади.

— Ты куда, Алиса! — крикнул я. — Сейчас же назад! Они сильные, как львы!

Но Алиса проскользнула у меня под рукой и кинулась к кустам.

Что-то большое, блестящее было у нее в руке. Я кинулся за ней следом, потерял равновесие и упал. Последнее, что я увидел, была Алиса, окруженная зловещими ветвями оживших кустов.

— Полосков! — крикнул я. — На помощь!

И в ту же секунду пение кустов прервалось. Сменилось тихим журчанием и вздохами.

Я поднялся на ноги и увидел мирную картинку.

Алиса стояла в самой гуще кустиков и поливала их из лейки. Кустики раскачивали ветвями, стараясь не упустить ни капли влаги, и блаженно вздыхали...

Когда мы загнали кусты обратно в трюм, убрали сломанную швабру и вытерли пол, я спросил Алису:

— Но как же ты догадалась?

— А ничего особенного, пап. Ведь кустики — растения. Значит, их надо поливать. Как морковку. А мы ведь их выкопали, посадили в ящик, а полить забыли. Когда Зеленый схватил меня и старался спасти, я успела подумать: ведь они у себя дома живут у самой воды. И Третий капитан по их пению отыскал воду. А поют они, когда надвигается песчаная буря, которая сушит воздух и засыпает песком воду. Вот они и волнуются тогда, что воды им не хватит.

— Так чего же ты сразу не сказала?

— А ты бы поверил? Ты с ними воевал, как с тиграми. Ты совсем забыл, что они — самые обыкновенные кустики, которые надо поливать.

— Ну уж самые обыкновенные! — проворчал механик Зеленый. — Гоняются за водой по коридорам!

Тут уж наступила моя очередь как биолога сказать свое последнее слово.

— Так эти кусты борются за существование, — сказал я. — Воды в пустыне мало, родники пересыхают, и, чтобы остаться живыми, кустам приходится бродить по песку и искать воду.

С тех пор кусты мирно жили в ящике с песком. Только один из них, самый маленький и непоседливый, часто вылезал из ящика и подстерегал нас в коридоре, шелестел ветками, напевал, выпрашивал воду. Я просил Алису не перепаивать малыша — и так уж вода сочится из корней, — но Алиса его жалела и до самого конца путешествия таскала ему воду в стакане. И это еще бы ничего. Но как-то она напоила его компотом, и теперь кустик вообще никому прохода не дает. Топает по коридорам, оставляя за собой мокрые следы, и тупо тычется листьями в ноги людям.

Разума в нем ни на грош. Но компот любит до безумия.

Глава 7

ЗАГАДКА ПУСТОЙ ПЛАНЕТЫ

— Куда сначала? — спросил Полосков.

Он разглядывал космическую карту. На ней был проложен курс на Палапутру, где находится рынок зверей. Но там же пунктиром мы наметили курс на Пустую планету, о которой рассказывал Верховцев.

— На Палапутру мы всегда попадем, — ответил я. — А вот Пустая планета не указана ни в одном космическом справочнике. Может быть, рискнем?

— Но даже сам доктор Верховцев сказал, что на ней звери пропали. Может, они умерли и мы только зря время потеряем?

— И горючего мало осталось, — вмешался в наш разговор Зеленый. — Все равно в Палапутре заправляться придется. А разве на Пустой планете заправишься? Вот и останемся без горючего — жди потом, пока кто-нибудь мимо пролетит.

Но Зеленого мы не стали слушать. Он ведь пессимист. И мы были уверены, что у него горючего наверняка хватит. Он просто хотел перестраховаться.

— И все-таки, — сказал я, — заглянем на Пустую планету. Это загадка, а нет на свете ничего интереснее, чем разгадывать загадки.

И мы взяли курс на Пустую планету.

К сожалению, через два дня оказалось, что доктор Верховцев дал не совсем точные координаты. Мы должны были уже увидеть звезду, вокруг которой эта планета вращается, а впереди была пустота.

Что делать? Мы решили: летим еще один день и, если ничего не изменится, повернем обратно.

Мы решили так вечером, перед ужином, и после этого Зеленый пошел в радиорубку, чтобы послать радиограмму на Землю о том, что у нас все в порядке, полет проходит нормально. Я отправился вслед за Зеленым.

Я люблю слушать, когда Зеленый включает рацию и космос, такой пустынный и необъятный, оживает. Мы слышим, как разговаривают далекие космические базы и планеты, как перекликаются корабли и автоматические маяки передают информацию с ненаселенных планет и астероидов об обстановке, о путях метеоритных потоков и пульсирующих звездах.

Пока Зеленый готовил радиограмму, я вертел ручку приемника.

И вдруг услышал слабый женский голос:

— Нахожусь в секторе 16-2, зарегистрировала неизвестный метеоритный поток, летящий в системе Блук. Через трое суток поток пересечет пассажирскую трассу Блук — Фикс. Прошу сообщить всем кораблям.

— Мы как раз в этом секторе, — сказал я Зеленому.

— Я слышал, — ответил Зеленый, который, оказывается, отложил радиограмму и занес сообщение неизвестного корабля в бортовой журнал.

— А раз уж этот корабль в нашем секторе, давай спросим его о Пустой планете, — сказал я Зеленому. — Может быть, мы сбились с курса.

Зеленый сказал, что тот корабль слишком далеко от нас и не услышит, что наша рация наверняка откажет, что та женщина, которая предупреждала о метеорах, все равно не знает ничего о планете, потому что ее не существует. Зеленый ворчал, а тем временем его руки крутили настройку рации, и, когда неизвестный корабль принял наш вызов, он сказал:

— Говорит корабль «Пегас». Мы находимся в вашем секторе и направляемся к Пустой планете, но не знаем, правильно ли летим.

— Сейчас проверю, — ответил женский голос. — Дайте мне ваши точные координаты.

Мы включили связь с мостиком, и Полосков сообщил нам координаты. Мы их передали по назначению.

— Все понятно, — ответил женский голос. — Между вами и Пустой планетой висит облако космической пыли, поэтому вам не видна звезда. Смело летите вперед и завтра минуете облако.

— Большое спасибо, — сказал я неизвестному кораблю. — А то нам дали эти координаты на планете имени Трех Капитанов, но дал не космонавт, а хранитель музея, и мы опасались, что он ошибся.

— Доктор Верховцев? — спросил женский голос.

— Да. А вы его знаете?

— Отлично знаю, — ответила женщина. — Он чудесный и добрый старик. Как жаль, что мы с вами не встретились раньше! Мне надо передать ему письмо, а я не смогу к нему залететь. Некогда. Вы не вернетесь к Верховцеву?

— Нет, — ответил я. — Мы потом полетим на Блук, в город Палапутру. Мы биологи и ищем редких животных.

— Я тоже, — ответил женский голос. — Может, когда-нибудь мы встретимся. Но сейчас некогда. Сейчас я должна спешить. Я ищу живую туманность.

— Последний вопрос, — сказал я. — Вы сами не бывали на Пустой планете?

— Была, — ответил женский голос. — Моря там кишат рыбой, но на суше ни единого животного. Желаю успеха.

В динамике раздался глухой шум, разряды.

— Она включила двигатели на полную мощность, — сказал Зеленый, — она куда-то спешит. Что это за живая туманность?

— Живой туманности не существует, — сказал я. — Эту женщину я встретил на конференции и сказал ей, что она заблуждается. Ты слышал, как она отзывалась о докторе Верховцеве? Чудесный, говорит, старик.

— И все-таки я ему не доверяю, — проворчал Зеленый. — Если он такой чудесный, зачем говорил неправду? Почему он то пишет роман, то не пишет? Почему уверяет, что не летал на Малый Арктур? Почему не захотел показать нам дневники трех капитанов?

И Зеленый снова принялся за радиограмму.

Женщина была права. На следующий день мы засекли в локаторах маленькую звезду, вокруг которой вращалась всего одна планета. Судя по всему, это и была Пустая планета.

Мы опустились в сумерках на берегу большого озера, на краю бесконечной равнины, поросшей ровной, пожелтевшей травой. Шел мелкий дождь, долгий и скучный. Мы долго стояли перед иллюминаторами — ни зверя, ни птицы. Может, и в самом деле здесь и нет ничего?

Алиса с Зеленым пошли за водой к озеру. Вернулись они не скоро, но я не волновался, потому что мне из иллюминатора видно было, что они заняты чем-то на берегу.

Потом Зеленый вернулся, но прошел не на мостик, а к себе в каюту.

— Ты чего ищешь? — спросил я по внутренней связи.

— Удочку, — ответил Зеленый. — Здесь рыбы в озере — тьма-тьмущая. Мы ведром воды зачерпнули, а в ведре сразу три рыбины. Неужели ты, профессор, не хочешь свежей ухи?

— Нет, — ответил я. — И вам не советую. Даже на Земле бывают ядовитые рыбы, а варить уху на неизвестной планете по крайней мере легкомысленно.

— Ну ладно, ладно, — сказал Зеленый. — Тогда поймаем чего-нибудь тебе в коллекцию.

Зеленый убежал обратно на берег, а я захватил Алисин плащ, чтобы она не простудилась, взял сеть и пошел к озеру.

Зеленый сетью ловить рыбу отказался, заявив мне, что это не спорт, а он спортсмен. Но мы с Алисой наловили целое ведро. Отнесли рыбу на корабль. Вслед за нами пришел промокший Зеленый, который тащил свой улов в садке.

— Не забудь дверь на корабль закрыть, — сказал я, ставя ведро у люка.

— Не забуду, — отозвался взволнованным голосом Зеленый, который так стосковался по рыбалке, что готов был ловить рыбу всю ночь, если б не было так темно.

Утром я первым делом выглянул в иллюминатор. За стеклом светило яркое солнце, и множество птиц кружило над кораблем.

— Вот тебе и Пустая планета, — сказал я вслух и пошел будить товарищей. — Вот тебе и Пустая планета, — повторял я. — Вчера рыбы наловили, сегодня птицы стаями кружат.

Алису и Полоскова я разбудил, но Зеленый уже сам поднялся. Он разбирал крючки и лески.

— Готовлю снасть на большую добычу, — сказал он мне. — Чует мое сердце, что здесь щуки водятся с меня ростом.

— Только осторожно, — ответил я. — Смотри, чтоб какая-нибудь щука тебя не поймала.

Потом я спустился к люку, чтобы поглядеть на птиц поближе. И обнаружил неприятную деталь: оказывается, охваченный рыбацким угаром, наш механик забыл закрыть на ночь дверь «Пегаса». Хорошо еще, что никакой зверь не забрался внутрь, но все до одной рыбы пропали. Видно, птицы залетали в люк, как в пещеру, и перетаскали весь наш вчерашний улов.

— Это очень серьезное нарушение космической дисциплины, — сказал Полосков за завтраком, узнав об оплошности Зеленого. — Но я сам виноват в этом. Так же как и профессор. Мы обязаны были проверить люк.

— Но ничего же не произошло, — сказала Алиса. — Мы сейчас с Зеленым наловим хоть десять ведер. Вы не представляете, сколько в озере рыбы!

— Не в этом дело, — вздохнул Полосков. — Если такое еще раз повторится, мы можем смело поворачивать обратно домой. Значит, мы все такие легкомысленные, что в космосе нам делать нечего.

— Прости, капитан, — сказал Зеленый. Он понимал, конечно, что натворил, но мысль о рыбалке так его взволновала, что одной ногой он был уже на берегу озера.

Я заготовил сети для ловли птиц и вынес ружье, которое стреляет иглами, смазанными сонным составом. Пока я готовился к охоте на птиц, Зеленый сидел на берегу, и я краем глаза следил за ним. Меня удивило, что он такой понурый. «Может, переживает?» — подумал я.

Тут погода внезапно испортилась. Откуда-то налетел сильный ветер. Он гнул траву, сдувал птиц с неба, поднял на озере высокие волны. Через несколько минут ни одной птицы на небе не осталось. Куда-то они попрятались.

Зеленый поднялся и пошел к кораблю.

Я тоже решил спрятать в корабль сети и подождать, пока погода исправится и птицы вернутся обратно.

— Ну как? — спросил я Зеленого. — Можно поздравить с уловом?

— Никакого улова, — ответил Зеленый. — Не клюет.

— Как — не клюет? Ты же сам говорил, что в озере рыбы полным-полно.

— Это вчера было. А сейчас, видно, вся рыба в глубину ушла.

— А у меня птицы разлетелись, — сказал я. — Так что нам обоим не повезло. Подождем, пока погода исправится. А ты вечером снова к озеру пойдешь? Может, здесь рыба только вечером клюет?

— Не знаю, не верю я этой планете, — мрачно сказал Зеленый. — Ведь не зря ее Пустой планетой называют. Были рыбы — нет рыб. Были птицы — нет птиц.

— Глядите, — сказала Алиса, которая стояла рядом и слышала весь наш разговор. — Смотрите, заяц!

Какой-то зверек прыгал в траве. За ним гнался другой, побольше ростом. Мы не успели разглядеть их как следует, а они уже пропали, только трава колыхалась под ветром.

— Вот видишь, — сказал я, — не пустая планета. Звери здесь есть.

— И зверей тоже не будет, — ответил Зеленый. — Помнишь, что Верховцев говорил? Хоть я Верховцеву и не верю!

— Зеленый, — сказал я, — давай проверим, куда ушла твоя рыба. Запустим в озеро биоискатель. Настроим его на рыб, и как только он обнаружит рыбу, даст сигнал.

— Как хочешь, — сказал Зеленый. — Только нет в озере рыбы. Я же старый рыбак, я знаю, когда озеро пустое.

Я вынес из «Пегаса» биоискатель и запустил прибор в озеро. Биоискатель был в водонепроницаемом кожухе и снабжен двигателем. Я надел наушники и стал ждать сигналов. Приборы показывали, что биоискатель опустился к самому дну озера, потом отплыл дальше, к самой середине. Но сигналов не поступало. Озеро было мертвым. Через полчаса мне пришлось отказаться от поисков. Биоискатель ошибиться не мог — в озере не было ни единой рыбешки.

— Если бы я вчера собственными руками не вытаскивал рыб из воды, никогда бы не поверил, что здесь может что-нибудь водиться, — признался я. — Верховцев был прав, планета странная.

— То-то я и говорю, — сказал Зеленый, смотал удочки и ушел в «Пегас».

— На горизонте большое стадо антилоп, — громко сказал динамик.

Это Полосков сверху, с мостика, увидел животных у самого горизонта.

Но я и без него уже понял, что степь кишит зверьем. В траве бегали мыши-полевки, суслик поднялся столбиком неподалеку, какой-то зверь, очень похожий на медвежонка, прошел по берегу озера.

— Ничего страшного, — сказал я. — Будем готовить вездеход и отправимся ловить зверей.

И только мы вывели вездеход из «Пегаса», как начался ливень. Это был дождь куда сильнее вчерашнего; налетел он внезапно и гулко застучал по крыше вездехода. Мы с Алисой нырнули внутрь и, не обращая на стук дождя внимания, взяли курс в глубь степи, туда, где паслось стадо антилоп.

Антилоп не было видно. Не нашли мы и других зверей. И когда я вылез из вездехода и наклонился, чтобы рассмотреть мышей, что бегали в траве совсем недавно, оказалось, что и мыши исчезли. На этот раз я запустил биоискатель над равниной. Биоискатель вернулся обратно, долетев до самого горизонта, и не было никаких сомнений — на этой планете нет ни одного зверя.

— Что же будешь делать? — спросил я с отчаянием у Полоскова, когда мы загнали вездеход обратно в «Пегас» и уселись в кают-компании. — В самом деле пустая планета. И мне не хочется улетать отсюда, пока мы не разгадаем эту тайну.

— Мы же не можем здесь оставаться вечно, — сказал Полосков. — И мы не первые, кто столкнулся с этой загадкой. Может быть, тайна Пустой планеты так и останется неразгаданной.

— Жалко, что Зеленый забыл люк закрыть, — сказала Алиса. — Хоть бы рыбы у нас остались.

— Ладно, он и так расстроен, — прервал я Алису. — Это все-таки удивительно: прилетели вчера, дождь идет — рыб полно озеро, утром птицы летают, потом ветер поднялся, птиц разогнал — звери появились...

— Пап, — сказала вдруг Алиса, — я разгадала тайну этой планеты.

— Ну вот, конечно, — сказал мрачно Зеленый. — Никто не разгадал, а Шерлок Холмс по прозвищу Алиса разгадал!

— Осторожней, Зеленый, — сказал Полосков, — я уже проиграл Алисе желание, когда мы искали головастов.

— Правильно, — согласилась Алиса. — У меня ведь не научное мышление.

— Ну, рассказывай, дочка, — сказал я.

— А можно, я буду не рассказывать, а показывать?

— Если хочешь, показывай.

— Тогда посидите здесь минутку, я скоро вернусь.

— Ты наружу? Но там же дождь.

— Не бойся. Я даже промокнуть не успею. А если ты боишься, что со мной что-нибудь случится, то смотри в иллюминатор. Я только до озера и обратно.

Я подошел к иллюминатору. Видно было, как Алиса, прикрывая голову плащом, бежит к озеру, как она черпает в нем воду ведерком. Еще раз, еще... Вот она бежит обратно.

Алиса вбежала в кают-компанию и поставила ведерко на стол.

— Поглядите, — сказала она.

В ведерке медленно плавала небольшая рыбка.

— Ого! — сказал Зеленый. — Я совсем забыл, что здесь самый клев вечером. Где удочки?

— Погоди, — сказала Алиса и сунула руку в ведро. Она достала из ведра рыбу и бросила ее на стол.

— Ты что делаешь?

— Если я права... — начала Алиса, и тут же, у нас на глазах, произошло удивительное превращение. Рыбка раза два дернулась, взмахнула хвостом, и плавники начали превращаться в крылья, чешуя — в перья, и через минуту на столе уже прихорашивалась, оправляя перья, маленькая птичка.

Пока мы смотрели, разинув рты от изумления, на то, как рыба стала птицей, птица взмахнула крыльями и взлетела. Она ударилась о потолок кают-компании.

— Ловите ее! — крикнул я. — Она же расшибется!

— Стой, папа, это еще не все, — сказала Алиса.

Птичка несколько раз ударилась о потолок и упала обратно на стол. И, упав, она стала превращаться снова. На этот раз исчезли перья, съежились крылья, и перед нами оказался мышонок. Мышонок скользнул по ножке стола и исчез в углу.

— Теперь все ясно? — спросила Алиса.

Она торжествовала. Все-таки не каждый день удается разгадать тайну, которая оказалась не по плечу стольким биологам.

— Но как же ты догадалась? — спросил я.

— А ты мне подсказал. Ты вспомнил о том, что дождь шел вчера — были рыбы, солнце — птицы, ветер — звери.

— Все правильно, — сказал я. — Это удивительная приспособляемость, но вполне оправданная на этой планете. Живые существа принимают здесь такую форму, которая им наиболее удобна. Им не страшны ни ветры, ни дожди, ни солнце. Наверно, если наступает зима, они тоже что-нибудь придумывают.

— Это можно проверить, — сказала Алиса. — Положим рыбу в холодильник.

В холодильник мы пока рыбу класть не стали, но соорудили ей клетку, в которой стоял аквариум, и потом часами любовались тем, как рыба, вылезая из воды, взлетала в воздух или убегала в угол, к кормушке.

Глава 8

ЧТО РАССКАЗАЛИ УШАНЫ

Все коллекционеры и любители всяческих диковин в восьмом секторе Галактики прилетают на планету Блук. Там, у города Палапутра, раз в неделю бывает базар.

В Галактике есть несколько миллиардов коллекционеров. Например, коллекционеры Солнечной системы собираются в первое воскресенье каждого месяца на Марсе, на плоскогорье у Большого канала. Мне рассказывали, что в туманности Андромеды тоже есть могучее братство коллекционеров, а на одной из планет их столько, что они взяли в свои руки власть и вся промышленность той планеты выпускает лишь альбомы для марок, пинцеты и аквариумы.

У марсианских коллекционеров я бывал. Достал там для зоопарка редких летающих рыбок. А вот на Блуке бывать мне не приходилось.

Палапутра оказалась небольшим городом. В ней было очень много гостиниц и складов. А космодрому в Палапутре могла бы позавидовать любая столица.

Как только «Пегас» опустился на бетонное поле, к нему сразу подкатил автомобиль, в котором сидели стражники.

— Вы откуда прилетели? — спросили они Полоскова, затормозив у трапа.

— С Земли, — ответил Полосков.

— Это где?

— В третьем секторе. Солнечная система.

— Ага, так я и думал, — сказал главный стражник.

Он был очень похож на вентилятор. У него было три больших круглых уха, и когда он говорил, то вертел головой так, что поднимался ветер. Поэтому в Галактике жителей Блука прозвали ушанами.

Стражники поднялись на борт и прошли в кают-компанию.

— А что будете продавать? — спросил стражник.

— Мы хотели бы посмотреть, — ответил я, — нет ли здесь интересных зверей для Московского зоопарка.

— Значит, вы ничего не будете продавать? — спросил стражник.

— Нет.

— И у вас на борту нет никаких зверей?

— У нас есть звери, — сказал я, — но не для продажи.

— Покажите мне их, — сказал стражник.

— Почему? — удивился Полосков. — Мы ваши гости, и вы должны нам верить.

— Вам бы я поверил, — сказал ушан, — но вы мало знаете коллекционеров. Они тащат со всей Галактики разных тварей, а у нас потом сплошные неприятности. Раньше мы были вежливые и не проверяли корабли, а теперь проверяем. Научены горьким опытом.

И стражник, поднимая ветер ушами, рассказал нам такую печальную историю:

— Недавно на рынке обнаружился торговец. Он пришел на базар с маленьким мешочком и банкой. В банке были белые червяки. Любители птиц сразу оценили этих червяков. Червяки были калорийные и очень нравились животным. Один коллекционер купил банку червяков. Второй купил, третий. А торговец развязывал мешок и черпал оттуда все новых. Коллекционеры стали в очередь за червяками. Двести двадцать третьим в очереди стоял известный собиратель экзотических рыбок Крабакас с Баракаса. Он стоял, делать было нечего, и следил за тем, как торговец черпает червяков банкой из мешочка. И подсчитал, что в мешочке может уместиться только три с половиной банки червяков, не больше. Тогда Крабакас с Баракаса догадался, что дело нечисто. Он подошел к торговцу и спросил: «Разве мешок бездонный?»

— Нет, ваше благоушие, — перебил главного стражника его помощник в этом месте рассказа, — он спросил: «Откуда вы берете червяков?»

— Молчи, — сказал третий стражник. — Ничего подобного. Крабакас с Баракаса спросил его: «Дайте мне ваш мешочек посмотреть».

— Молчать! — прикрикнул на своих помощников главный стражник. — Уши откушу, если будете перебивать!.. Торговец не обратил на слова Крабакаса никакого внимания. Может быть, оттого, что диаметр Крабакаса всего полмиллиметра, хотя длиной он восемь метров и сам похож на очень-очень тонкого синего червяка. Тогда Крабакас обратился к коллекционерам, которые стояли в очереди, и воскликнул: «Мне не нравится этот подозрительный торговец!»

— Простите, ваше благоушие, — не выдержал снова помощник стражника, — но я осмелюсь сказать, что Крабакас с Баракаса сказал тогда другим коллекционерам: «Держите вора».

— Ты с ума сошел! — зашипел на него третий стражник. — Крабакас сказал: «Я не менее разумное существо, чем вы, торговец, и попрошу обращать на меня внимание! И вообще отдайте мешок».

— Все, — замахал ушами начальник стражников. — Я ухожу в отставку!

Стражники поссорились, перешли на свой, совершенно непонятный язык, который состоит в том, что они очень хитрым образом шевелят ушами. В кают-компании поднялась буря, и неизвестно, чем бы кончилась ссора стражников, если бы порывом ветра не сдуло со стола кофейник. Кофейник разбился, и стражникам стало стыдно за свое поведение.

— Простите нас, — сказал главный ушан. — Мы немного погорячились.

— Ничего, ничего, — сказал я, стараясь не улыбаться и собирая с пола осколки кофейника, пока Алиса бегала за тряпкой, чтобы вытереть коричневую лужу.

— Крабакас с Баракаса, — продолжал главный ушан, — объяснил коллекционерам свои подозрения, и они общими усилиями отняли у торговца маленький мешочек. В мешочке умещалось всего две горсти червей. Но когда они выгребли часть червей наружу, то тут же на глазах черви принялись делиться пополам и расти. Вдруг с дальнего конца базара раздался испуганный крик. Один любитель певчих птиц высыпал корм в клетку и увидел, что черви размножаются на глазах.

— Нет, — сказал второй стражник, взмахивая ушами. — Осмелюсь возразить, ваше благоушие...

Но главный стражник не стал слушать возражения. Он схватил своих помощников за уши и вытащил их из кают-компании, захлопнул дверь и сказал с облегчением:

— Теперь я расскажу спокойно.

Но дверь тут же приоткрылась, и в щель просунулось ухо непокорного стражника.

— Осмелюсь... — начал он.

— Нет, это невозможно! — Главный стражник прижался к двери тощей спиной и закончил рассказ: — Оказалось, что эти черви размножаются с невероятной быстротой. Так быстро, что в десять минут их уже втрое больше, а за час — в шестьсот раз больше, чем раньше.

— А чем же они питаются? — удивилась Алиса.

— Воздухом, — ответил стражник. — Само собой разумеется, воздухом.

— Кислородом! — крикнул из-за его спины второй стражник.

— Азотом! — закричал третий.

Главный стражник прикрыл лицо ушами от стыда за своих подчиненных. Лишь через пять минут он настолько пришел в себя, что смог закончить рассказ:

— В общем, уже через три часа весь рынок в Палапутре был на метр завален червяками, коллекционеры и торговцы разбежались куда глаза глядят.

— А торговец? — спросила Алиса.

— Торговец в суматохе исчез.

— Убежал, — послышалось из-за двери.

— Гора червяков расползлась во все стороны. К вечеру она достигла центра города. Все пожарные машины, которые заливали червяков водой и пеной из огнетушителей, не смогли справиться с нашествием. Червяков пытались жечь, травить, посыпать ДДТ, топтать ногами, но все напрасно. Воздуха на планете становилось все меньше и меньше. Пришлось раздать кислородные маски. Тревожные сигналы SOS полетели с планеты Блук во все концы Галактики. Но спас планету любитель птиц Крабакас с Баракаса. Он напустил на червяков едулок — птичек, маленьких ростом, но настолько прожорливых, что ни один уважающий себя коллекционер их держать не будет: чистое разорение. В конце концов от червяков удалось избавиться, хотя едулки заодно сожрали всех муравьев, пчел, ос, комаров, бабочек, тараканов, шмелей и навозных жуков.

— Так зачем же этот торговец продавал таких опасных червей? — спросила Алиса.

— Как — зачем? Хотел получить прибыль. Ведь этот мешочек был бездонным.

— Нет, — сказала Алиса, — этого быть не может. Не такой уж он дурак. Ведь коллекционеры скоро догадались, в чем дело.

— Конечно, не дурак! — крикнул из-за двери другой стражник. — Он хотел погубить нашу планету!

— А зачем?

— Мы сами не знаем, — признался главный стражник, отошел от двери и впустил своих помощников. — Мы не знаем, но с тех пор проверяем все корабли, приходящие из Солнечной системы!

— Почему именно из Солнечной системы?

— Это тайна, — сказал первый стражник.

— Никакая не тайна, — вмешался второй. — Просто тот торговец был из Солнечной системы. Он был человек.

— Совсем странно, — сказал я. — Но хоть есть его описание? Как он выглядел?

— Никак. Для нас все люди на одно лицо.

— Все равно должны быть какие-то отличительные черты.

— Была черта, — сказал помощник стражника.

— Молчи! — приказал ему начальник.

— Не буду, — сказал помощник. — Тот человек ходил в головном уборе с горизонтальными полями и поперечным углублением наверху.

— Не понимаю, — сказал я. — Что еще за поперечное углубление?

— Ваше благоушие, покажите им фотографию. Может, они нам помогут, — сказал помощник.

— Нет, нельзя, это секретная фотография.

— Можно. Раз я сказал, она уже не секретная.

— Но ты не сказал, а выдал государственную тайну.

— Тем более.

Тогда его благоушие вынул из кармана фотографию. Фотография была помята, она была любительская, смазанная, но все равно никаких сомнений не оставалось: на ней был изображен доктор Верховцев с банкой в одной руке и небольшим мешочком — в другой.

— Быть не может! — удивился я.

— Вы его знаете?

— Да. Он живет на планете имени Трех Капитанов.

— Ай-ай-ай, на такой хорошей планете живет такой плохой человек! Когда вы его видели?

— Три дня назад.

— А у нас он был в прошлом месяце. Теперь давайте осмотрим ваш корабль. А вдруг у вас на борту есть червяки?

— У нас нет червяков.

— Запирается, — подсказал своему начальнику второй ушан. — Не хочет говорить.

— Тогда не разрешим выходить в город, — сказал начальник. — Где у вас телефон? Будем считать, что все на борту больны галактической чумой. Тогда вы добровольно улетите. А нет — такую дезинфекцию начнем, что пожалеете, что прилетали.

— Мы ничего дурного не замышляем, — постарался я успокоить стражника. — Мы этого человека видели только раз. И может быть, даже не его. Ведь бывают же очень похожие люди. И зачем доктору, директору музея, торговать червяками?

— Не знаю, — сказал печально главный ушан. — У нас столько несчастий! Мы уже перестали доверять нашим гостям.

— А что еще случилось?

— И не спрашивайте. Кто-то истребил почти всех говорунов.

— Говорунов?

— Да, говорунов. Это наши любимые птицы.

Глава 9

НАМ НУЖЕН ГОВОРУН

Мы с Алисой пошли на базар пешком, а вездеходу велели подъехать туда часа через два.

Утро было хорошее, ясное, небо чистое, оранжевое, облака легкие, зеленые, песок под ногами мягкий, голубой.

Мы вышли на главную улицу города. По обе стороны ее стояли гостиницы. Гостиницы были очень не похожи одна на другую, потому что каждая из них строилась специально для жителей той или иной планеты или звездной системы.

Была там гостиница «Крак», похожая на детский воздушный шарик метров сто в поперечнике. Из-под гостиницы торчали края антигравитаторов. В ней останавливались привыкшие к невесомости космические бродяги, у которых не было своей планеты. Они летали на кометах и метеорных потоках и там раскидывали шатры.

Потом мы миновали гостиницу «Чудесное место». Эта гостиница тоже была шаром, но твердым, массивным, наполовину вкопанным в землю. На ней мы увидели вывеску: «Только для

жителей метановых планет». Из-за неплотно прикрытой двери шипела струйка газа.

Следующей оказалась гостиница «Сковородка»: ее стены были раскалены — не дотронешься, несмотря на сто слоев изоляции. В «Сковородке» останавливались жители звезд, для которых купание в раскаленной лаве все равно что для нас купание в пруду летним днем.

Были гостиницы, подвешенные в воздухе и зарытые в землю, были с дверью на крыше и вообще без окон и дверей. И вдруг мы увидели небольшое здание с колоннами, самыми обычными окошками и самой обыкновенной дверью. Над ней была вывеска: «Волга-матушка».

— Смотри, пап, это, наверно, для людей! — сказала Алиса.

Мы остановились перед гостиницей, потому что нам приятно было увидеть ее — все равно что встретиться со старым знакомым.

Из гостиницы вышел высокий человек в форме космонавта торгового флота. Он кивнул нам, и мы сказали ему:

— Здравствуйте. Вы откуда?

— Мы привезли с Земли на планету Блук регенераторы кислорода, — ответил он. — Может быть, вы слышали — здесь случилась неприятность: они чуть было не потеряли весь воздух.

Пока я разговаривал с космонавтом, Алиса стояла рядом и глядела на гостиницу. Вдруг она схватила меня за руку:

— Папа, смотри, кто там.

У окна на третьем этаже стоял доктор Верховцев и смотрел на нас сверху. Встретившись со мной взглядом, он тут же отошел от окна.

— Не может быть! — воскликнул я. — Он не успел бы сюда прилететь.

— Пойдем спросим, как он сюда попал, — сказала Алиса.

Дверь в гостиницу была резная, тяжелая, с позолоченной гнутой ручкой. А внутри холл был отделан, словно боярский терем. Стены расписаны единорогами и красными девицами, а вдоль стен стояли широкие скамьи. Видно, ушанские архитекторы видели знаменитую двадцатисерийную телепередачу «Борис Годунов». Посреди боярских палат я остановился.

— Погоди, Алиса, — сказал я. — Мне все это не нравится.

— Почему?

— Посуди сама: мы только что расстались с доктором Верховцевым, прилетаем сюда, и нам стражники говорят, что он чуть

было не погубил планету, потому что продавал белых червяков, и тут же мы видим его в окне гостиницы.

— Тем более, — сказала Алиса. — Мы должны его спросить, в чем дело.

— Ну ладно, — согласился я и подошел к длинному столу, за которым между чучелом лебедя и пластиковым ковшом стоял ушастый портье в белом кафтанчике.

— Скажите, — спросил я его, — в каком номере остановился доктор Верховцев?

— Одну минуточку, добрый молодец, — ответил портье, заложил уши за спину и открыл громадную книгу в кожаном переплете с застежками. — Верховцев... — бормотал он. — Ве-ри-хо-вицев... Есть Верховцев!

— И где же он живет?

— В осьмом тереме проживает. На третьем этаже, — сказал портье. — А вы будете его друзья?

— Мы его знакомые, — осторожно сказал я.

— Прискорбно, — сказал портье, — что у такого плохого и грубого постояльца есть такие хорошие на вид знакомые.

— А что, — спросил я, — он вас обидел?

— Идите, — ответил портье. — Терем номер восемь. И скажите ему, басурману, что если он будет и впредь варить сосиски на кровати и ломать роботов — стольников-постельников, то мы его попросим съехать с нашего уважаемого постоялого двора.

— А мне Верховцев показался очень тихим человеком, — сказал я Алисе, когда мы поднимались по лестнице.

Навстречу нам спускались люди — линеанцы, фиксианцы и другие существа, которые живут на планетах с такими же условиями, как на Земле. Некоторые из них несли в руках клетки, аквариумы, альбомы с марками или просто сумки. Они спешили на базар.

Восьмой номер находился в самом конце длинного коридора, устланного множеством персидских ковров. Мы остановились перед пластиковой дверью, расписанной под дуб, и я нажал на кнопку звонка.

Никакого ответа.

Тогда я постучал в дверь. От легкого толчка дверь послушно растворилась. Небольшая комната была обставлена и украшена по иллюстрациям в исторических романах из жизни Земли. В ней были хрустальная люстра и керосиновая лампа без фитиля,

вольфрамовый самовар и японская ширма. Но Верховцева не было.

— Доктор! — позвал я. — Вы здесь?

Никакого ответа.

Алиса вошла в комнату, заглянула за ширму. Я от двери сказал ей:

— Пойдем отсюда, неудобно в чужую комнату залезать...

— Сейчас, пап, — ответила Алиса.

Я услышал за своей спиной чье-то быстрое дыхание. Я оглянулся. В дверях стоял очень толстый человек в черном кожаном костюме. У него были пухлые губы и несколько подбородков, которые лежали на воротнике.

— Вам кто нужен? — спросил он очень высоким, нежным, детским голосом.

— Мы ищем своего знакомого, — ответил я.

— Извините, я живу в соседнем номере, — сказал толстяк, — и я услышал, как пять минут назад человек, который здесь живет, ушел. Вот я и решил вас предупредить.

— А куда он пошел, не знаете?

Толстяк почесал свои подбородки, подумал немного и сказал:

— Я думаю, на базар. Куда бы ему еще пойти?

Мы покинули гостиницу и отправились к базару. «Странный человек доктор Верховцев», — думал я.

Мы миновали гостиницу, сделанную в виде аквариума, — в ней жили обитатели планет, покрытых водой, — и гостиницу, похожую на чайник. Из носика чайника вырывался пар — там жили куксы с Параселя. У них на планете жарко, вода кипит, и планета окутана горячим паром.

Из гостиниц выходили их постояльцы. Многие шли в скафандрах, и скафандры были самые разные. Кое-кто полз по земле, кое-кто летел над нашими головами. Под ногами мелькали коллекционеры ростом чуть побольше муравья, а рядом с ними шествовали коллекционеры ростом чуть пониже слона.

Чем ближе мы подходили к базару, тем гуще становилась толпа, и я взял Алису за руку, чтобы она невзначай на кого-нибудь не наступила или кто-нибудь нечаянно не наступил бы на нее.

Базар раскинулся на много километров. Он был разделен на несколько секций. Сначала мы миновали секцию собирателей раковин. Потом прошли сквозь секцию коллекционеров книг, с трудом пробились сквозь заполненную народом секцию собирателей минералов и драгоценных камней. Через цветочные ряды

мы прошли довольно свободно, только в одном месте мне пришлось взять Алису на руки, потому что ей чуть не стало дурно от запаха фиксианских роз.

Но когда мы очутились в секции филателистов, Алиса попросила меня:

— Погоди.

Километровая площадка была уставлена складными столиками. Столиков было, как сказал мне один старожил, четырнадцать тысяч триста. За столиками сидели филателисты — по двое, а где и по четверо. И они менялись марками. Те, кому не досталось места за столиками, обменивались стоя или просто гуляли вокруг. Алиса купила серию объемных движущихся марок с изображением сирианских птиц, черногорскую марку 1896 года, альбом для фиксианских марок, который сам устанавливал марку на нужное место, только поднеси к нему. Потом она поменяла черногорскую марку на две марки с планеты Шешинеру.

— Это специально для тебя, пап, — сказала она.

Одна марка была совсем белая, на второй виднелась лишь надпись маленькими буквами: «Молодой склисс на пастбище».

— Ты, пап, хотел узнать про склисса.

— Но где же склисс?

— А склисс будет завтра, — сказал давешний толстяк, которого мы встретили в гостинице. Он нас догнал.

— Как так — завтра?

— На этих марках изображение появляется не каждый день, а только по четным числам, — сказал толстяк.

— А что будет на второй марке?

— На второй? На второй ничего не будет. Она истрачена.

— Так зачем же она? — удивился я.

— Это очень редкая марка. Жители Шешинеру не любят писать письма, и потому почти все марки с их планеты попадаются неиспользованные. А пустые марки очень редкие. Ваша дочка правильно сделала, что приобрела такую редкую марку.

Сказав это, толстяк помахал рукой и заспешил, подпрыгивая, дальше.

Мы чуть было не заблудились в секциях, подсекциях и отделениях рынка. Но тут впереди послышались птичьи крики, рычание зверей и писк насекомых. Мы вышли на площадь, уставленную клетками, аквариумами, садками, загонами. Это и был отдел космической живности.

Даже мне, опытному космобиологу, было очень трудно разо-

браться в том, что мы увидели. Звери и птицы были настолько разнообразные, а владельцы их были порой и того разнообразнее, что я начал свое путешествие с грубой ошибки. Я подошел к темно-синей птице на трех двухметровых желтых ногах. От ее ноги тянулась цепочка к ее хозяину — неизвестному мне инопланетчику, составленному из разноцветных шаров. Я спросил у него, сколько стоит эта прекрасная птица. И тут птица ответила мне на хорошем космическом языке:

— Я не продаюсь. Но если желаете, могу продать вам шаровика разнокрапчатого. И попрошу меня не оскорблять.

Оказывается, я перепутал, кто кого держит на цепочке. Стоявшие вокруг коллекционеры и торговцы рассмеялись, а птица тогда обиделась и стукнула меня по голове длинным клювом.

Я поспешил уйти, потому что птицу охватил гнев и она начала примериваться для следующего удара.

— Папа, — сказала вдруг Алиса, — иди сюда. Смотри, как интересно.

Я оторвался от разглядывания кристаллических жуков, которых мы давно хотели заполучить для зоопарка, и обернулся к ней.

Алиса остановилась перед большим пустым аквариумом. Рядом стоял стульчик, и на нем сидел карлик.

— Посмотри, папа, каких интересных зверей продает этот человек.

— Ничего не вижу, — признался я. — Аквариум пустой.

Человечек грустно вздохнул и смахнул слезу.

— Вы не первый, — сказал он, — вы не первый.

— А что у вас в аквариуме? — вежливо спросил я. — Микроорганизмы?

— Нет, это ужасно! — сказал карлик. — Я уйду. Совсем уйду.

— Папа, — прошептала Алиса так громко, что слышно было за десять метров, — у него там невидимые воздушные рыбы. Он мне сам сказал.

— Невидимые?

— Девочка права, — сказал карлик. — Это самые обыкновенные невидимые рыбы.

— Очень интересно, — сказал я. — А как же вы их ловите?

— Сетями, — сказал карлик. — Невидимыми сетями. Рыбы летят-летят, попадают в невидимые сети, и я их везу домой.

— А можно одну подержать? — спросил я.

— Подержать? — Карлик очень удивился. — А как же вы ее будете держать?

— Руками.

— Но вы же ее не удержите.

— Почему?

— Потому что эти воздушные рыбы очень скользкие. Они ускользают, как только до них дотронешься. Вы мне не верите?

Я не ответил. Тогда карлик взмахнул ручками и воскликнул:

— Пожалуйста! Смотрите, хватайте, выпускайте на волю! Делайте что хотите! Унижайте меня! Оскорбляйте!

Карлик стащил с аквариума большую тряпку, цепко схватил меня за руку и заставил залезть рукой в аквариум.

— Ну? — кричал он. — Ну? Поймали? Ничего вам не поймать!

Рука моя ощущала только пустоту. Никаких рыб в аквариуме не было.

— Здесь ничего нет, — сказал я.

— Ну, вот видите? — обратился карлик, заливаясь слезами, к окружавшим нас любопытным. — Он убедился, что рыбы такие скользкие, что их нельзя поймать, но не хочет признаться.

Я поболтал рукой в пустом аквариуме и только вытащил руку наружу, как карлик закричал снова:

— Он выпустил всех моих рыб! Он их распугал! Разве я не предупреждал, что нельзя болтать рукой в аквариуме? Теперь я нищий! Я разорен!

Зрители недовольно роптали на двадцати языках и глядели на меня с осуждением.

Даже Алиса сказала:

— Ну зачем же ты так, папа?

— Но неужели вы не понимаете, — обратился я к окружающим, — что в аквариуме ничего не было?

— Откуда нам знать? — ответил мне вопросом полосатый, как тигр, с белыми усами житель планеты Икес. — А если он прав? Если рыбы невидимые и их нельзя поймать? Как мы можем проверить, что он говорит неправду?

— Правильно, — поддержал его ушан. — Зачем ему лететь с другой планеты и везти пустой аквариум?

— Чтобы каждый день продавать его снова, — сказал я.

Но никто меня не слушал.

Пришлось заплатить печальному карлику за десять редких рыб. Карлик, видно, не ждал, что я так быстро сдамся, и был растроган, благодарил и обещал, если поймает невидимую рыбу,

обязательно принесет ее мне. А когда мы уже собирались уходить, он сказал:

— Девочка, разреши, я сделаю тебе маленький подарок.

— Пожалуйста, — сказала Алиса. — Я буду очень рада.

— Возьми.

Карлик покопался в кармане и вынул оттуда пустую руку. Сложил ладонь лодочкой, как будто в ней что-то было, и протянул Алисе.

— Это, — сказал он, — шапка-невидимка. Бери, не стесняйся. Я люблю делать хорошим людям бесценные подарки. Только осторожно. Шапка соткана из такой тонкой ткани, что она ничего не весит и ее нельзя почувствовать.

Алиса поблагодарила жулика, сделала вид, что прячет подарок в сумку, и мы пошли дальше.

Вдруг под ноги к нам бросилось непонятное существо. Оно казалось пушистым шариком на палочках и доставало до колен. Удивительного цвета было это существо — ярко-красное в белую крапинку, как мухомор.

— Держи его, пап! — сказала мне Алиса. — Он убежал у кого-то.

— И не подумаю, — сказал я, кладя в карман бумажник. — Может, это не животное, а коллекционер, который ищет убежавшего зверя. Я его поймаю, а он вызовет полицию за то, что я его оскорбил, не догадавшись, какой он умный.

Но тут же мы увидели, как вдогонку за красным шариком спешит толстая двухголовая змея в блестящем, переливающемся скафандре.

— Помогите, — кричала она. — Индикатор убежал!

Красный шар пытался укрыться за моими ногами, но змея протянула одну из ста тонких ножек, болтавшихся у нее по бокам, и подхватила беглеца. Он тут же изменил цвет с красного на желтый и подобрал прямые ножки.

— Простите, — сказал я толстой змее, — что это за животное?

— Ничего интересного, — сказала змея. — Таких у нас на планете много. Мы их зовем индикаторами. Они не умеют говорить, зато меняют цвет в зависимости от настроения. И бывают очень любопытные цвета. У вас нет куска сахара?

— Нет, — сказал я.

— Жалко, — ответила змея и достала откуда-то кусок сахара.

При виде сахара шарик пошел лиловыми разводами.

— Радуется, — сказала змея. — Правда, красиво?

— Очень, — согласился я.

— Мы им специально придумываем новые ощущения, чтобы найти необыкновенные цвета. Хотите, я его стукну? Он станет черным.

— Нет, не надо, — сказал я. — А вы не продадите его нам для Московского зоопарка?

— Нет, — ответила одна из голов змеи; другая тем временем молча свесилась вниз. — Обменять могу.

— Но у меня не на что меняться.

— Ну вот на эту штуку, на этого звереныша, — сказала змея и показала сразу десятью ножками на Алису.

— Нельзя, — сказал я, стараясь не обижаться, потому что сам недавно принял разумное существо за неразумную птицу. — Это моя дочь.

— Фу, какой ужас! — воскликнула гневно змея. — Я немедленно вызову блюстителей порядка. Это же запрещено!

— Что запрещено? — удивился я.

— Запрещено торговать своими детьми. И обменивать их на зверей тоже запрещено. Неужели вы не читали правил у входа на базар? Вы изверг и варвар!

— Ничего подобного, — засмеялся я. — Я с таким же успехом могу продать Алису, как она меня.

— И того хуже! — закричала змея, прижимая к груди цветной шар: индикатор, видно, перепугался и стал белым с красными крестиками вдоль спины. — Дочь торгует собственным отцом! Где вы такое видели?

— Честное слово, — взмолился я, — мы друг друга не продаем! У нас на Земле вообще не принято отцам продавать своих детей, а детям — своих родителей. Мы просто пришли вместе купить каких-нибудь редких зверей для нашего зоопарка.

Змея подумала немножко и сказала:

— Не знаю уж, верить вам или нет. Лучше спросим у индикатора. Он такой чувствительный. — Она наклонила обе головы к индикатору и спросила его: — Этим странным существам можно верить?

Индикатор стал изумрудно-зеленым.

— Как ни странно, он уверяет, что можно.

Тут змея успокоилась и добавила совсем другим тоном:

— А ты хочешь, чтобы я тебя им отдала?

Индикатор стал золотым, словно луч солнца.

— Очень хочет, — перевела его эмоции змея. — Берите его,

пока я не раздумала. И еще возьмите справочник «Как кормить индикатор и как добиться нежно-розовых эмоций».

— Но я не знаю, что дать вам взамен.

— Ничего, — сказала змея. — Я же вас оскорбила подозрениями. Если вы в обмен на индикатор согласитесь меня простить, я до вечера буду счастлива.

— Ну конечно, мы на вас не обижаемся, — сказал я.

— Нисколько, — сказала Алиса.

Тогда змея взмахнула множеством своих ножек, шар-индикатор взлетел в воздух и упал на руки Алисе. Он оставался золотым, только по его спине, словно живые, бежали голубые полоски.

— Он доволен, — сказала змея и быстро уползла, не слушая наших возражений.

Индикатор спрыгнул с Алисиных рук и пошел сзади нас, пошатываясь на тонких прямых ножках.

Нам встретилась целая семья ушанов. Большой ушан, уши у которого были больше, чем у слона, его жена-ушанка и шесть ушат. Они несли канарейку в клетке.

— Смотри! — воскликнула Алиса. — Это канарейка?

— Да.

— Это не канарейка, — сказал строго отец-ушан. — Это райская птица. Но мы ее совсем не хотели покупать. Мы искали настоящего говоруна.

— И не нашли, — сказали хором ушата, поднимая ветер ушками. — Нет ни одного говоруна.

— Это удивительно! — сказала нам ушанка. — Еще в прошлом году полбазара было занято говорунами, а теперь их совсем не стало. Вы не знаете почему?

— Нет, — сказал я.

— И мы не знаем, — ответил ушан. — Придется нам разводить райских птиц.

— Папа, — сказала Алиса, когда они ушли, — нам нужен говорун.

— Почему? — удивился я.

— Потому что всем нужен говорун.

— Ладно, пойдем искать говоруна, — согласился я. — Только сначала я предлагаю тебе посмотреть на паука-ткача-троглодита. И если нам его отдадут, мы его обязательно купим. Это заветная мечта нашего зоопарка.

Глава 10

МЫ КУПИЛИ ГОВОРУНА

Мы с Алисой обошли весь базар, купили для зоопарка восемнадцать разных зверей и птиц, большинство из которых на Земле еще никому не приходилось видеть. Алиса спрашивала каждого торговца или коллекционера:

— А где достать говоруна?

Ответы были самые разные.

— Говоруны перестали класть яйца, — сказал один.

— Говоруны перемерли от загадочной болезни.

— Говорунов держать нельзя.

— Кто-то скупил всех говорунов на планете.

— Говорунов никогда и не было.

И еще много других ответов. Но мы так и не поняли, что же произошло на самом деле. Все признавали, что раньше говоруны были самыми обычными птицами и их любили держать дома и в зоопарках. Но за последний год говоруны почти все куда-то исчезли. Говорили, что по домам ходили люди и скупали говорунов. Говорили, что из зоопарка говорунов кто-то украл. Говорили, что в главном говоруньем питомнике они заболели лихорадкой и умерли. И чем безнадежнее было найти говоруна, тем больше Алисе хотелось хотя бы поглядеть на эту птицу.

— А что в говорунах особенного? — спросил я Крабакаса с Баракаса, с которым мы только что познакомились.

— Ничего особенного, — ответил Крабакас вежливо, свивая в кольца синий хвост. — Они говорят.

— Попугаи тоже говорят, — сказал я.

— Про попугаев не знаю, не слышал. Но, может быть, у вас называют попугаями говорунов?

— Может быть, — согласился я, хотя вряд ли попугаи водились на этой планете. — А где они водятся?

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал Крабакас с Баракаса. — Может быть, они водились именно на этой планете. Я слышал, что говоруны могут летать между звезд и всегда возвращаются к родному гнезду.

— Не найти нам говоруна, — сказал я Алисе. — Придется возвращаться. Тем более что твой индикатор уже проголодался.

Индикатор услышал мои слова и в знак согласия стал светло-зеленым.

Мы повернули к выходу, и тут меня остановил крик Крабакаса. Он, как синий смерч, взвился над клетками.

— Эй! — кричал он. — Землянин, вернись скорей сюда!

Я вернулся. Крабакас свился в клубок и сказал:

— Хотели посмотреть на говоруна? Ну, тогда считайте, что вам сказочно повезло. У меня за клетками спрятался человек, который принес настоящего взрослого говоруна.

Алиса, не дослушав, бросилась обратно, и за ней семенил индикатор, переливаясь от нетерпения всеми цветами радуги.

За стеной птичьих клеток спрятался маленький ушан с прижатыми ушами. Он держал за хвост большую белую птицу. У птицы было два клюва и золотая корона.

— Ой, — сказала Алиса, — ты узнаешь ее, папа?

— Что-то знакомое, — сказал я.

— «Знакомое»! — передразнила меня Алиса. — Эта птица сидит на плече статуи Первого капитана!

Алиса была права. Я вспомнил. Конечно, именно говоруна изобразил скульптор.

— Вы продаете птицу? — спросил я у ушана.

— Тише! — зашипел тот. — Если вы не хотите ее и меня погубить, тише!

— Покупайте без разговоров, — сказал мне на ухо Крабакас с Баракаса. — Я бы сам купил, но вам она нужнее. Может быть, это последний говорун на планете.

— Но почему такая тайна? — спросил я.

— Я и сам не знаю, — ответил хозяин говоруна. — Я живу далеко от города и редко здесь бываю. Давным-давно, несколько лет назад, этот говорун прилетел ко мне. Он был истощен и ранен. Я его выходил, и он с тех пор жил у меня в доме. Этот говорун, видно, за свою жизнь побывал на разных планетах. Он говорит на многих языках. Несколько дней назад я был по делам в городе и встретился в столовой с одним старым другом. Мы разговорились, и старый друг сказал мне, что в городе совсем не осталось говорунов. Кто-то их скупает или убивает. А я тогда ответил другу, что у меня живет говорун. «Береги его», — сказал мне друг. Тут к нам подошел один землянин и сказал, что хочет купить говоруна...

— Он был в шляпе? — спросила вдруг Алиса.

— В шляпе, — ответил ушан. — А вы откуда знаете?

— Пожилой и худой?

— Да.

— Значит, это он, — сказала Алиса.

— Кто — он? — спросил Крабакас с Баракаса.

— Тот самый, который торговал червяками.

— Конечно, это он, злодей! — воскликнул Крабакас.

— Погодите, не перебивайте, — остановил нас ушан. — Я тогда отказался продать свою любимую птицу и поехал обратно домой. И представляете, в ту же ночь кто-то старался проникнуть в мой дом. А на следующую ночь меня хотели поджечь. Но говорун проснулся и разбудил меня. Вчера я нашел еще не оконченный подкоп под мой дом. А сегодня ночью в мою спальню кто-то бросил огромный камень. И я понял: если оставлю птицу дома, не жить мне на свете. Если не боитесь смерти, берите птицу, но за последствия я не отвечаю.

— Берите, — сказал Крабакас, — птица редкая, хорошая, а вам все равно улетать отсюда. Вам не страшно.

— Берем, папа? — спросила Алиса и протянула руку к говоруну.

Я не успел ответить, как говорун легко взлетел на плечо Алисы.

— Прощай, друг, — вздохнул ушан.

Я расплатился с ушаном, и тот сразу убежал. Даже деньги считать не стал.

— Кормить говоруна можно белым хлебом, — сказал нам на прощание добрый Крабакас, — и молоком. Полезно давать шиповниковый сироп.

Сказав так, Крабакас свернулся в синий клубок и улегся на клетку с канарейками.

Мы отправились к выходу с базара. Впереди шла Алиса, и на плече у нее сидел говорун. Правда, он еще не сказал ни слова, но это меня не волновало. За Алисой семенил индикатор и задумчиво менял цвета. Потом шел я и вел на поводке купленного за бешеные деньги очень редкого, работящего, почти разумного паука-ткача-троглодита. Паук прял аккуратный шерстяной шарф в клеточку, и уже связанный конец шарфа волочился по земле. Сзади ехал автоматический вездеход, полный клетками и аквариумами, — там для человека и места бы не нашлось. Со всех сторон к нам оборачивались коллекционеры и повторяли на десятках языков:

— Смотрите, говоруна несут!

— Говорун!

— Живой говорун!

Вдруг говорун наклонил голову набок и заговорил.

— Внимание! — сказал он по-русски. — Посадка на эту планету невозможна. Я перехожу на планетарную орбиту, а ты, друг милый, не забудь включить амортизаторы.

Сказав это, говорун без всякой паузы перешел на незнакомый нам язык и барабанил на нем минуты две.

— Вот это попугай! — сказала Алиса.

Говорун замолчал, прислушался к ее словам и повторил:

— Вот это попугай!

Потом еще подумал и произнес моим голосом:

— Но почему такая тайна?

Потом голосом своего прежнего хозяина:

— В ту же ночь кто-то старался проникнуть в мой дом. А на следующую ночь меня хотели поджечь.

— Все ясно, — сказал я. — Нам с тобой, Алиса, повезло: это сверхпопугай, всем попугаям попугай. Он запоминает сколько угодно слов, и притом сразу.

А тем временем говорун снова начал говорить по-русски:

— Слушай, Второй, мне нечего тебе подарить. Хочешь, бери моего говоруна. Он будет тебе напоминать о наших скитаниях — ведь у него в голове все умещается, до последнего слова. И ты знаешь, как его настроить на нужный текст.

Говорун ответил сам себе другим голосом:

— Спасибо, Первый. Мы еще увидимся...

Потом в горле говоруна что-то затрепетало, загудело, словно вдали поднимался в небо космический корабль.

— Папа, ты понимаешь, что он говорит? — спросила Алиса.

— Кажется, да, — ответил я. — Кажется, это голоса знаменитых капитанов.

Мы вышли с площади и постарались обойти секцию филателистов, чтобы не проталкиваться с нашим необыкновенным грузом сквозь толпу. Навстречу нам кинулся знакомый толстяк в черном кожаном костюме.

— Ну как? — спросил он. — Нашли, что искали?

— Да, — ответил я. — Все в порядке.

— Мы говоруна купили, — сказала с гордостью Алиса. — И он запомнил такие интересные вещи, что вы и не представляете.

В этот момент говорун снова открыл свои клювы, расправил коронку на голове и заговорил голосом Первого капитана:

— Ты же знаешь, Второй, как мне хочется снова уйти в космос. Но всему есть предел.

Толстяк обернулся к Алисе, увидел говоруна, и лицо у него

стало похожим на плоский блин, а глаза побелели и спрятались глубоко в глазницах.

— Уступите его мне, — сказал толстяк.

— Почему? — удивился я.

— Так надо, — сказал толстяк и протянул руку к говоруну.

Говорун изловчился и больно клюнул его в палец.

— Ой! — крикнул толстяк. — Проклятая тварь! Я давно за тобой охочусь.

— Уберите руку, — сказал я.

Толстяк опомнился.

— Извините, — сказал он. — Я давно ищу говоруна. Я специально за ним прилетел за восемьдесят световых лет. Вы не можете мне отказать! Я заплачу, сколько вы хотите.

— Но мне не нужны ваши деньги, — сказал я. — У нас на Земле вообще уже нет денег. Мы берем их с собой, только когда летим в космос, в те места, где еще есть деньги.

— Но я вам дам за эту птицу все, что вы хотите! Я вам подарю целый зоопарк!

— Нет, — ответил я твердо. — Насколько я понимаю, говорунов уже почти не осталось. В зоопарке он будет в безопасности.

— Отдайте, — сказал толстяк злобно. — А то отниму.

— Только посмейте! — сказал я.

Мимо проходили два полицейских-ушана. Я обернулся к ним, чтобы позвать их на помощь, но толстяк как сквозь землю провалился.

Мы пошли дальше.

— Видишь, папа, с говорунами связана какая-то тайна, — сказала Алиса. — Ты никому его не отдавай.

— Не бойся, — успокоил я ее.

Мы шли по пустынной дороге. За невысокой изгородью шумел рынок. Впереди уже виднелись гостиницы города Палапутры. Вдруг сзади послышались легкие шаги. Я быстро обернулся и замер от удивления.

По дороге бежал, догоняя нас, доктор Верховцев. Шляпа его была сдвинута набок, костюм измят, и на вид он был еще худее, чем прежде.

— Профессор, — сказал он мне, задыхаясь, — вам грозит страшная опасность. Как хорошо, что мне удалось вас догнать! Какое счастье!

— Что за опасность? — спросил я.

— Опасность кроется в говоруне. Если вы с ним не расстанетесь немедленно, ваш корабль погибнет. Я знаю точно.

— Послушайте, доктор Верховцев, — сказал я сердито, — ваше поведение более чем странно. Вы себя очень таинственно вели на планете имени Трех Капитанов и сказали нам, что не знаете, какая птица изображена на памятнике. Потом вы, как говорят, приехали сюда и пытались уничтожить весь кислород на планете, торгуя белыми червяками. Вы плохо вели себя в гостинице: варили сосиски на кровати и ломали роботов-стольников. А теперь требуете, чтобы мы отдали вам говоруна... Нет, не перебивайте меня. Когда вы одумаетесь, приходите к нам на корабль, и там мы поговорим в спокойной обстановке.

— Вы пожалеете, — сказал Верховцев и сунул руку в карман.

Индикатор покраснел от страха. Паук-ткач-троглодит замахал на Верховцева недовязанным шарфом.

— Осторожнее, папа, у него пистолет! — крикнула Алиса.

— Полосков! — сказал я в микрофон, висевший у меня на груди. — Засеки мои координаты! Мы в опасности! Срочно на помощь!

Услышав мои слова, Верховцев замер, раздумывая. На наше счастье, на дороге показалась большая толпа коллекционеров, которые волокли упиравшегося зеленого слона. Верховцев перемахнул через загородку и исчез.

— Ой, как мне все это нравится! — сказала Алиса. — Какие настоящие приключения!

— А мне, честно говоря, не очень нравятся такие приключения. Ведь мы ехали собирать животных для зоопарка, а не воевать с доктором Верховцевым.

Через три минуты над нами повис катер с «Пегаса». Это Полосков прилетел на помощь. Катер медленно летел над нами до самого корабля, и мы добрались до него без всяких осложнений.

Глава 11

КУРС К СИСТЕМЕ МЕДУЗЫ

Как только мы разместили зверей в клетки и накормили их, я прошел на мостик и послал телеграмму на базу разведчиков на Малом Арктуре. Телеграмма была такая:

«Проверьте, где находится доктор Верховцев. Мне кажется, что он не тот, за кого себя выдает».

Вечером пришел ответ с Малого Арктура:

«Доктора Верховцева на планете Трех Капитанов нет. Больше ничего пока сообщить не можем».

— Мы и без них знаем, что его нет на планете Трех Капитанов, — сказал, прочтя телеграмму, Полосков. — Он здесь.

Для говоруна мы сделали большую клетку и повесили ее в кают-компании. Говорун весь день бормотал что-то на незнакомых языках и никак не хотел изобразить кого-нибудь из капитанов. Но Полосков все равно поверил нам с Алисой и сказал:

— Я тоже думаю, что это тот самый говорун, который принадлежал Первому капитану и которого Первый капитан подарил Второму, когда они расстались.

— А не может так быть, — спросила Алиса, — что Верховцев специально гонялся за всеми говорунами, потому что хотел заполучить этого самого говоруна?

— Но зачем ему говорун? — спросил я.

— Как — зачем? Мы знаем, что Второй капитан пропал без вести. И никто не знает, где он. Мы знаем, что у него был говорун...

— Правильно! — сказал механик Зеленый. — Конечно! Наша девочка совершенно права. Капитана нет, а говорун здесь. Значит, говорун знает, где капитан. И Верховцев хочет это узнать.

— Так почему он делает из этого тайну? — спросил я. — Мы бы ему с удовольствием помогли.

Послышался стук. Кто-то пришел к нам.

Я отправился к люку и раскрыл его. На трапе стоял толстяк в черном кожаном костюме.

— Простите за беспокойство, — сказал он. — Я хотел извиниться за мое поведение на рынке. Но мне так хотелось получить живого говоруна, что я не удержался.

— Ничего, — ответил я, — мы не обижаемся. Только говоруна мы вам все равно не отдадим.

— Ну и не надо, — сказал толстяк весело. — Только я не хочу, чтобы вы обо мне плохо думали. Пожалуйста, не откажите мне в любезности, возьмите на прощанье от меня подарок.

Он протянул мне очень редкое животное: алмазную черепашку с Ментаты. Панцирь этой черепашки сделан из настоящих алмазов и сверкает так, что глазам больно смотреть.

— Берите, не стесняйтесь, — сказал толстяк. — У меня их три.

Конечно, мне не стоило брать подарок от такого странного человека, надо бы поостеречься. Но ведь ни в одном зоопарке

Земли нет алмазных черепашек! Пять лет мы охотились за ней, и вот нашелся человек, который нам ее дарит.

— Не отказывайтесь, — сказал толстяк. — До свиданья. Может, еще увидимся. Запомните, меня знают на ста планетах и зовут Весельчак У.

И он затопал башмаками по трапу, спустился вниз и, подпрыгивая на ходу, направился к Палапутре.

Уже стемнело, оба солнца планеты сели почти одновременно, только с разных сторон горизонта, и потому над космодромом пылали два заката, один красивее другого. И я подумал, что все-таки нельзя думать о людях плохо. Вот толстяк, например, настоящий энтузиаст биологии. И не пожалел подарить нам такое редкое животное.

В очень хорошем настроении я вернулся в кают-компанию и показал моим друзьям подарок. Черепашку передавали из рук в руки, и все любовались причудливой игрой света на алмазах ее панциря.

— Куда дальше летим? — спросил Полосков после ужина.

— К склиссам, — сказала Алиса, — на планету Шешинеру.

— Ну что ж, — согласился я, — мы все равно туда собрались.

И вдруг говорун, до того сидевший смирно и глядевший, как мы пьем чай, снова заговорил.

— Ты собираешься лететь? — спросил он голосом Первого капитана.

— Да. Я полечу ему навстречу, — ответил говорун голосом Второго капитана.

— Ну ладно, Второй, если будет трудно, позовешь меня на помощь.

— Если смогу.

— Пришли говоруна. Он расскажет. Знаю, как заставить его говорить. Ты ему передашь все подробности.

— Ну, до встречи.

— До встречи.

Говорун замолчал.

— Ну, ты слышал, Полосков? — спросила Алиса.

— Конечно, слышал, не кричи, — ответил Полосков и задумался.

Говорун покачал золотой короной, словно раздумывал, продолжать или нет. И вдруг сказал медленно и раздельно голосом Второго капитана:

— Держи курс в систему Медузы.

Мы ждали, не заговорит ли говорун снова. Но говорун закрыл глаза и сунул голову под крыло.

— Значит, Второй капитан попал в беду и послал говоруна за помощью, — сказала Алиса. — Как же заставить говоруна все нам рассказать?

— Погодите, — вмешался я. — Ну с чего вы решили? Ведь говорун не полетел на Венеру, где работает Первый капитан, а вернулся на родную планету. Значит, его никто никуда не посылал. Второй капитан мог просто погибнуть. И тогда говорун полетел домой.

— Все может быть, — сказал Полосков и поднялся из-за стола.

Он вышел из кают-компании и вернулся через пять минут, принеся с собой карту Галактики. Он расстелил ее на столе, отодвинув чашки, и ткнул пальцем в край карты.

— Здесь, — сказал он, — находится система Медузы. Совершенно не исследована. В ней есть планеты. Я предлагаю лететь туда. Если капитан жив, то мы ему поможем. Если он погиб, мы, по крайней мере, будем знать, где это случилось.

— Но ведь он мог погибнуть в открытом космосе, — возразил я.

— Но что могло случиться с великим капитаном в открытом космосе?

— Взрыв корабля, например.

— А говорун остался цел?

— Ну, мало ли что может случиться!

Я молчал. В конце концов, у экспедиции были свои задачи, и неизвестно, есть ли вообще какие-нибудь животные в системе Медузы. Пока мы долетим до системы и вернемся обратно, пройдет все время, отпущенное на экспедицию. А ведь мы ничего не знаем, кроме того, что сказал говорун. Вдруг капитан побывал там, а погиб совсем в другой части Галактики? Об этом я и сказал своим товарищам. Но чем дольше я говорил, тем меньше был уверен в своей правоте и тем больше понимал, что ни Полоскова, ни Алису я не убедил.

— Хорошо, — сказал я наконец, — попытка не пытка. Только сначала мы отправимся на Шешинеру. Надо же разобраться, кто такие склиссы.

— Добро, — согласился Полосков, водя пальцем по карте. — Это по дороге. Кроме того, мы сможем останавливаться по пути на других планетах и искать редких животных для зоопарка.

— Теперь спать, — сказал я. — Завтра с утра подъем и отлет. Все звери накормлены, напоены?

— Так точно, товарищ начальник экспедиции, — ответила Алиса, которая отвечала за кормление зверей.

— А где алмазная черепашка? — спросил я.

— Только что здесь была, — сказал Полосков. — Где же она?

Мы потратили целый час, облазили весь корабль и нашли алмазную черепашку только с помощью индикатора, который отыскал ее у самого люка.

— Видно, убежать хотела, — сказал Зеленый. — Я же предупреждал. За этими черепашками глаз да глаз.

Индикатор пожелтел.

Я вытащил табличку цветовых чувств индикатора, которую дала мне двухголовая змея, и сказал:

— Желтый цвет — недоверие.

— Не веришь черепашке? — спросил Зеленый у индикатора. — Я тоже.

Индикатор стал таким желтым, что даже свет ламп померк.

— Ну ладно, — сказал тогда я. — Запрем ее в клетку.

Индикатор оставался таким же желтым, но по спине его поплыли черные полосы. Таблица сообщила нам, что черные полосы на желтом фоне означают несогласие.

— Ну хорошо, — сказал я. — Если ты такой недоверчивый, мы ее на ночь закроем в сейф.

И тогда индикатор стал счастливого темно-зеленого цвета.

Глава 12

ТАКОЕ ПЕЧАЛЬНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Когда «Пегас» подлетал к планете Шешинеру, посылок и грузов в нем заметно поубавилось. Можно было ходить по коридорам и не натыкаться на мешки, ящики и контейнеры.

Мы миновали уже треть Галактики и оказались в таких местах, куда не заходят рейсовые лайнеры с Земли.

Планета Шешинеру лежит в стороне от больших путей. Ее животный мир небогат — еще триста лет назад она была голой и необитаемой, но потом сюда прилетели колонисты с Розодора и сделали на ней искусственную атмосферу, посадили сады и соорудили газоны.

Мы бы не стали тратить время на посадку, но доктор Верховцев еще на планете Трех Капитанов сказал нам, что слышал о том, что на планете Шешинеру живет зверь по имени склисс.

«Пегас» опустился на планету глубокой ночью, в стороне от тусклых огоньков небольшого города. Садились мы тихо, чтобы не разбудить горожан и не испугать их: на Шешинеру редко прилетают корабли и некоторые шешинерийцы их вообще не видели.

Двигатели смолкли, механик Зеленый расчесал бороду и лег спать, капитан Полосков остался на мостике, чтобы внести поправки в устаревшую навигационную карту, Алиса писала письмо бабушке, надеясь отправить его с Шешинеру, а я спустился в первый трюм, чтобы выбрать пустую клетку для склисса и накормить зверей.

На корабле было тихо и тепло. Я почти беззвучно шел по мягкому ковру и думал о том, что надо будет запастись на Шешинеру водой и достать шерсти для паука-ткача-троглодита. Ветвистый кустик поджидал меня за углом, и я сказал ему:

— Спать сейчас же! А то завтра не полью.

Кустик в ужасе взмахнул листочками и зашуршал, втискиваясь в свой отсек.

Вдруг я услышал негромкое чавканье. Кто-то залез на склад, где хранились оставшиеся посылки. Я остановился и прислушался. Неизвестно, кто из зверей вылез из клетки, — ведь не всякого возьмешь голыми руками.

Я осторожно заглянул в приоткрытую дверь склада. Пусто. Но чавканье стало слышней. Я вошел в отсек. Чавканье доносилось из-за двери запертого шкафа-холодильника. Там хранились ананасы.

Меня удивило, что ключ торчит снаружи — никто не мог забраться в холодильник и запереть себя без ключа.

Я медленно протянул руку к ключу, повернул его и распахнул дверь.

В шкафу, дрожа от холода, сидел небольшой зеленый человек и грыз остренькими зубками ананас.

Человек в ужасе поднял глаза и прижал ананас к груди.

— Вы не смеете, — сказал он.

— Хоть бы очистили ананас, — ответил я. — И вообще, как вы сюда забрались?

— Поужинать не дадут спокойно! — сказал человек и исчез вместе с ананасом.

Я протер глаза. Холодильник был пуст. Трех ананасов на полках не хватало. Кто-то дотронулся до моей ноги, и я от неожиданности подпрыгнул.

Оказалось, это все тот же беспокойный кустик бродит по трюму.

— Немедленно спать! — крикнул я на него, хотя никогда не кричу на животных и растения.

Кустик подобрал ветки и бросился наутек.

Я снова взглянул на холодильник. Спиной ко мне стоял зеленый человек и пытался, поднявшись на цыпочки, стащить с полки большой ананас.

— Стой! — крикнул я.

Человечек оглянулся, и я понял, что это вовсе не тот же самый похититель, который три минуты назад жевал ананас.

— Не волнуйтесь, — сказал человечек, — я имею разрешение.

И он тут же исчез, унося ананас.

Таких чудес я никогда еще не видел. У меня даже голова закружилась. Я глупейшим образом заглянул в холодильник, будто кто-то мог скрываться там, в глубине.

В тот же момент меня толкнули, на полке стоял третий зеленый человек.

— Не мешайте, — сказал он, — зашибу. — И тут же потянулся за ананасом.

— Ну, уж это черт знает что такое! — возмутился я. — Вы откуда?

— Я здесь живу, — ответил человечек, взял ананас и растворился в воздухе.

Это было выше моих сил. Я нажал на кнопку телефона и вызвал Полоскова.

— Гена, — сказал я, — ты не спишь?

— Нет, — ответил капитан. — Работаю. А что у тебя с голосом?

— С голосом? Ничего.

— Он дрожит, как заячий хвост. Что-нибудь случилось?

— Скажи, Гена, люк в корабль задраен?

— Конечно, задраен. Ведь никто не выходил.

— А Зеленый спит?

— Спит. И Алиса спит. Я только что проверял. Алиса писала письмо, писала и заснула на половине. А что произошло?

— Скажи, в каких случаях людям мерещатся зеленые человечки?

— Маленькие? — спросил деловито Полосков. — На плече сидят? С хвостиками? Где-то я об этом читал. В старой книге.

— Нет, — ответил я, — довольно большие, без хвостов, едят ананасы. Вот! Вот он! Четвертый!

И в самом деле, еще один похититель возник в холодильнике, подмигнул мне и исчез.

— Иду! — сказал Полосков обеспокоенно. — Ничего не предпринимай. Держи себя в руках.

К тому времени, когда Полосков прибежал в трюм, на полках оставалось меньше половины ананасов, и сразу два зеленых человечка подсаживали друг друга, чтобы забраться на верхнюю полку холодильника.

— Нет, — сказал Полосков, — ты их не пугай. Это, наверно, не галлюцинация.

— Какая еще галлюцинация! — обиделся человек. — Можете потрогать.

— Некогда, — прервал его второй.

— Привет Алисе, — сказал первый.

И они исчезли, чтобы уступить место еще одному.

— Алиса на самом деле спит? — спросил я у Полоскова.

— Спит.

— А откуда они могут о ней знать?

— Ума не приложу. Сумасшедший дом какой-то!

В холодильнике было пусто. Никто больше не появлялся.

— Давай закроем туда дверь, — сказал Полосков. — Так спокойнее.

Я захлопнул дверь в холодильник.

— Откуда они могут знать об Алисе? — повторил я. — Опустились мы сюда час назад, никто из нас наружу не выходил...

Мы долго не спали с Полосковым, старались придумать объяснение странному явлению. Но так ничего и не придумали. Проверили еще раз запоры на люках, обошли корабль. Пусто, тихо, мирно.

На всякий случай я лег спать в каюте Алисы. Спать было неудобно, потому что коврик на полу был жесткий, а под голову пришлось подложить Алисины резиновые ласты.

К счастью, я успел встать раньше, чем проснулась Алиса, и потому, когда она открыла глаза, я уже как ни в чем не бывало сидел в кресле и листал «Справочник по определению обитателей Галактики».

— Ты что здесь делаешь? — спросила Алиса.

— Да так, зашел поглядеть в твоей библиотеке, как выглядят местные жители.

— А почему ты непричесанный?

Я захлопнул книжку — потом погляжу — и поспешил в каюту привести себя в порядок.

Там, моясь, я чуть было не убедил себя, что никаких зеленых человечков и не было, все это мираж, сон и наваждение.

С такой мыслью я и спустился в трюм заглянуть в холодильник.

Холодильник был раскрыт, абсолютно пуст — ни одного ананаса, — и перед ним стоял задумчиво Полосков.

— В общем, я полагаю, — сказал он, — что местные жители научились проходить сквозь стены, хоть это и противоречит всем законам природы.

— Нет, наверно, это не местные жители, — сказал я. — Наверно, мы подцепили в космосе какую-то паразитическую цивилизацию.

Тут в трюм вошла Алиса.

— Доброе утро, Полосков, — сказала она. — Куда вы дели ананасы?

— Их украли, — сказал Полосков. — И мы думаем, как наказать вора.

— Кого? — удивилась Алиса.

— Чертей зеленых, — ответил Полосков. — Вот бы мне до них добраться! Ведь подумать только, с какими глазами я появлюсь на Редвайте! Там ждут эти ананасы!.. Вот он, смотрите, ловите!

И в самом деле, в холодильнике вдруг обнаружился зеленый человечек; он окинул взглядом пустые полки и сказал, не глядя на нас: «Опоздал я», — и тут же растворился.

— Вот он, — повторил Полосков. — И даже не поймаешь.

— Так это местный житель, — сказала Алиса. — Я смотрела в книге, которую папа оставил на кресле.

— Ты уверена?

— Совершенно уверена.

— Тогда тем хуже для них. Немедленно посылаю жалобу в их правительство. Разве так встречают гостей? — Полосков сильно рассердился.

— Прости их, капитан.

— Нет, и не подумаю их прощать. Где телефон?

— Полосков, подумай, — взмолилась Алиса. — Это такие милые и добрые люди! Они не хотели красть ананасы. Так уж получилось. Нечаянно.

— Ты слишком добрая, Алиса, — возразил Полосков. — Сегодня ночью, не успели мы приземлиться, они уже забрались на

склад и тащат ананасы, а через полчаса они возьмутся за остальные грузы.

— Полосков, — сказала Алиса твердо, — ты забыл, что проиграл мне спор? Желание?

— Помню, — сказал Полосков.

— Так вот, мое желание — прости им ананасы.

И в этот момент за стенами корабля раздался страшный шум. Настолько страшный, что он проник сквозь обшивку. Мы забыли обо всех зеленых человечках и со всех ног бросились к трапу. На ходу Полосков успел нажать кнопку тревоги, и в коридорах замигали красные лампочки.

Полосков распахнул верхний люк, и с высоты третьего этажа мы выглянули наружу.

Вставало тусклое, огромное, красное солнце. По небу быстро неслись длинные сизые облака. Вся поляна перед «Пегасом» была заполнена зелеными человечками. Они размахивали флагами, платками, раскачивали транспаранты со словами «Добро пожаловать» и кричали хором и вразнобой:

— С при-ез-дом!.. Здрав-ствуй, Али-са!.. Спа-сибо!.. Ур-р-ра-а-а-а!.. — и другие приветствия на своем непонятном для нас языке.

При виде Алисы радости их не было предела. Казалось, что небо обрушится на землю.

Несколько зеленых человечков в мгновение ока оказались у люка, подхватили Алису, и не успел я ахнуть, как они исчезли вместе с ней, чтобы появиться в самой гуще толпы. И Алису на высоко поднятых руках понесли к городу, белеющему на горизонте.

Отставший от остальных пожилой зеленый человечек подождал, пока мы спустимся по трапу вниз, и тогда поздоровался и сказал:

— Очевидно, вам не все понятно, дорогие гости.

— Не все понятно, — сказал Полосков.

— С Алисой ничего не случится? — спросил я.

— Ровным счетом ничего. Разрешите объясниться?

— Конечно.

— Вы присаживайтесь на траву, земля теплая, не простудитесь.

Мы послушались пожилого зеленого человечка, и он рассказал вот что.

Еще довольно недавно планета Шешинеру ничем не отличалась от прочих захудалых провинциальных планет Галактики. Но лет десять назад один шешинериец изобрел средство — таблетки, которые позволяли путешествовать во времени на год-два в любую сторону. Сначала всю планету охватила великая радость, все бросились глотать таблетки и путешествовать туда-сюда. Но через несколько недель наступило горькое похмелье.

Один отправлялся в будущее и там узнавал, что от него уйдет жена или что его дом обкрадут. Другой отправлялся в прошлое, чтобы исправить совершенную там грустную ошибку, но исправить ее не мог, а мог ее лишь повторить. Если ты подозревал кого-то в обмане, ничего не стоило вернуться в тот день и проследить за своим недоброжелателем. Если ты боялся, что умрешь от какой-нибудь болезни, ничего не стоило съездить в будущее и посмотреть, не обманули ли тебя врачи. И постепенно люди стали бояться будущего — туда никто уже не ездил. Зато все зачастили в прошлое. У каждого человека есть какие-то приятные воспоминания. И вот он отправляется в прошлое, чтобы еще раз пережить приятный момент. Потом снова едет туда же, снова и снова... До бесконечности.

— Пойдемте в город, — сказал пожилой зеленый человечек, — и вы увидите, к чему все это привело.

Мы последовали за ним в город. Город был запущен, замусорен. Торжественная процессия с Алисой ушла куда-то вперед, и на улицах лишь изредка встречались прохожие. На нас они не обращали внимания, но время от времени кто-нибудь из прохожих исчезал. Другой мог возникнуть посреди улицы, подумать о чем-то и вновь исчезнуть.

— Это они путешествуют во времени, — сказал наш спутник. — Настоящее их не интересует. Будущего они боятся. Никто не работает. Правительство пыталось запретить таблетки, но их так просто изготовлять, что каждый стал их делать у себя дома.

— Теперь мне понятно, — сказал я, — почему уже вчера ваши соотечественники знали и об Алисе, и о прилете нашего корабля.

— Конечно. Они же попадали в ваш холодильник из будущего.

— И все-таки, почему такая радость по поводу приезда Алисы? — спросил Полосков. — Почему не по поводу моего, например, приезда?

— А очень просто, — сказал пожилой шешинериец. — Мы ведь очень незлобивые, мирные люди. И мы ценим доброе к нам отношение.

— Ну и что? Алиса же не знала о том, что вы залезете к нам в холодильник.

— Ах, какая наивность! — сказал укоризненно зеленый человечек.

Он растворился в воздухе и через три секунды появился снова с большим ананасом в руках.

— Я только что побывал в вашем холодильнике, — сказал он.

— Но там уже нет ананасов.

— Но я побывал там вчера ночью. Разве не понятно? Проще простого. Я сейчас улетал в прошлое и вчера ночью взял из холодильника ананас. Но я не украл ананас, а взял его, потому что Алиса сегодня утром напомнила Полоскову, что она еще раньше выиграла у него желание и ее желание — отдать нам ананасы. Поэтому сегодня утром мы встречали Алису с благодарностью за то, что она разрешила нам брать ананасы вчера ночью...

— Я сойду с ума! — сказал Полосков. — Сначала было сегодня утро, потом была вчера ночь, и вы брали ананасы, которые еще нельзя было брать, потому что их потом можно будет брать...

— А у нас осталось в жизни так мало радостей, — сказал зеленый человечек, не слушая Полоскова. — И мы никогда раньше не пробовали ананасов. Я, например, теперь буду каждый день отправляться во вчерашний день, чтобы съесть ананас, который я съел вчера...

Мы некоторое время молчали, переваривали новости. Потом шешинериец вздохнул и сказал:

— Не могу больше. Я пошел в прошлое доедать ваш ананас.

— Стойте, — остановил я его, — у меня к вам деловой вопрос.

— Лучше и не спрашивайте, — сказал зеленый человечек. — Я же знаю, о чем вы спросите.

— Ах, да, — сказал я.

— Вы спросите о звере по имени склисс, из-за которого вы сюда прилетели.

— Конечно.

— Мы можем вам привести сто склиссов, но ведь вы откажетесь от них. Вот смотрите, один лежит за углом. Вы сейчас разведете руками и скажете: «Это же самая обыкновенная корова!»

Мы заглянули за угол. Там лежала корова.

Я развел руками и сказал:

— Это же самая обыкновенная корова!

— Вот видите.

Тут зеленый человечек попрощался с нами и ушел, вернее,

исчез, потому что все жители этой планеты имели странное обыкновение растворяться в воздухе. И он не видел того, что случалось потом, и все его умение глядеть в будущее и прошлое не помогло. Потому что мы взяли эту корову, привезли ее в Московский зоопарк, и она до сих пор там — один из самых популярных экспонатов.

Как только наш зеленый проводник исчез, корова потянулась, медленно поднялась на ноги и развернула длинные перепончатые крылья, которые до того были обмотаны вокруг ее живота. Корова вздохнула, поглядела на нас большими печальными глазами, потрясла крыльями, смахивая с них пыль, оттолкнулась стоптанными копытами и перелетела через улицу.

Летела она как корова — плохо и неумело, но ведь все-таки летела!

И тогда я спросил неожиданно появившегося рядом зеленого мальчишку:

— Это чья корова?

— Склисс? — спросил мальчишка.

— Ну да, чей это склисс?

— Да ничей, — сказал мальчишка. — Кому склиссы нужны? Их пасти совершенно невозможно — разлетаются. Так что вы берите, не жалко.

И мы отправились к «Пегасу», гоня перед собой склисса хворостиной. Склисс иногда взлетал в воздух, но быстро уставал и переходил на ленивую трусцу.

Потом к нам привязался еще один склисс, но мы его с собой брать не стали — и одного прокормить не так легко. Склисс долго, обиженно мычал и махал хвостом.

Алиса вернулась вскоре после нас, ей стало скучно с шешинерийцами. Да и они о ней быстро забыли — разлетелись кто в прошлое, а кто и в недалекое будущее.

Глава 13

ПАРАЛИЗОВАННЫЕ РОБОТЫ

— Ну, теперь, — сказал Полосков, когда мы поднялись с планеты, на которой потеряли весь наш запас ананасов, — прямым ходом в систему Медузы. Никто не возражает?

Никто не возражал. Я хотел было возразить, но Алиса так на меня посмотрела, что я сказал:

— В полете кораблем распоряжается капитан. Как скажет Полосков, так и будет.

— Тогда нигде больше не будем задерживаться, — сказал Полосков.

Но через два дня нам пришлось задержаться и изменить курс.

Корабельная рация «Пегаса» приняла сигнал бедствия SOS.

— Откуда он? — спросил я Полоскова.

— Сейчас все узнаем, — сказал наш капитан, склоняясь над приемником.

Я уселся в свободное кресло на мостике, решил воспользоваться минутой, отдохнуть. Я с утра устал. У индикатора болел живот, и он менял цвета, как светофор на оживленном перекрестке. Паук-ткач-троглодит за недостатком сырья добрался до сонного снука в соседней клетке и состриг с него всю длинную шерсть, так что я снука и не узнал. Снук в результате простудился и кашлял на весь трюм. Пришлось сооружать изолятор. Говорун всю ночь бормотал на непонятном языке, охрип и скрипел, как несмазанная телега. Пришлось его отпаивать горячим молоком с содой. Кустики перессорились ночью из-за сливовых косточек и самому маленькому обломали сучья. Алмазная черепашка прорезала острыми гранями панциря дыру в двери, ведущей в машинное отделение, и пришлось снова запереть ее в сейф.

Я устал, но знал, что так всегда бывает, когда везешь коллекцию редких зверей. Все эти болезни, неприятности, драки и конфликты ничто по сравнению с кормежкой.

Правда, мне помогала Алиса, но она проспала, и утреннюю кормежку мне пришлось взять на себя.

Хорошо еще, что зверей пока было не очень много и в большинстве они могли дышать земным воздухом. Только под стеклянный ящик с бежевыми жуками пришлось подставить печку, потому что жуки привыкли жить в вулканах...

— Все ясно, — услышал я голос Полоскова.

О чем он? Ах да, я задумался и совсем забыл — ведь мы получили сигнал бедствия.

— Сигнал идет с планеты Шелезяка. Что же у них могло приключиться?

Полосков открыл последний том справочника планет и прочел вслух:

— «Планета Шелезяка. Открыта фиксианской экспедицией. Населена металлической культурой весьма низкого уровня. Есть предположение, что жители планеты — потомки роботов, спас-

шихся с неизвестного космического корабля. Отличаются прямодушием и гостеприимством. Однако очень капризны и обидчивы. Полезных ископаемых на планете нет. Воды тоже нет. Атмосферы нет. Ничего на планете нет. Если что и было, роботы все истратили и живут в бедности». Да, — сказал Полосков, — не очень интересная планета. Но что же у них случилось?

— SOS, — продолжал твердить радиоприемник. — У нас эпидемия. Просьба помочь.

— Придется свернуть с пути, — вздохнул Полосков. — Нельзя же оставлять в беде разумные существа.

И мы повернули к планете Шелезяка.

Только когда мы увидели из космоса серый, лишенный воздуха, гор и океанов шар планеты, Полосков наконец смог вызвать тамошнего диспетчера.

— Что у вас произошло? — спросил он. — Какую помощь мы можем вам оказать?

— У нас эпидемия... — проскрипел голос в динамике. — Мы все больны. Нам нужен доктор.

— Доктор? — удивился Полосков. — Но ведь у вас железная цивилизация. Может быть, выслать к вам механика?

— Можно и механика, — согласились с Шелезяки. — Но доктора тоже.

Мы спустились на ровное, пыльное и пустынное поле космодрома. Давно ни один корабль не снижался здесь.

Когда пыль осела, мы спустили трап и вывели вездеход. Полосков остался на корабле, а Зеленый, Алиса и я поехали к длинному, низкому, скучному зданию космовокзала. Ни души, ни тени вокруг. Если бы только что с ними не разговаривали, никто бы не догадался, что на планете есть живые существа. На дороге валялась отломанная ржавая нога робота. Потом колесо с выломанными спицами.

Как-то грустно было ехать по такому запустению. Хотелось даже громко крикнуть: «Есть кто живой?»

Двери в космовокзал были раскрыты настежь. Внутри было так же пустынно и тихо. Мы вышли из вездехода и остановились в дверях, не зная, куда отправиться дальше.

В большом сером динамике, подвешенном под потолком, послышалось шуршание, и уже знакомый скрипучий голос произнес:

— Поднимитесь по лестнице до маленькой черной двери. Толкните ее, и она откроется.

Мы послушались и нашли узкую лестницу. Лестница была крутая и такая же пыльная, как и все вокруг. Она кончалась маленькой черной дверцей. Я толкнул дверцу, она не поддалась. Может, заперта?

— Толкайте сильнее! — раздался голос из-за двери.

— Дай-ка мне, — сказал механик Зеленый.

Он нажал на дверь плечом, ухнул, и дверь с визгом растворилась. Зеленый не удержался и влетел внутрь.

— Так я и думал, — сказал он мрачно на лету и врезался в сидящего за столом металлического жителя планеты.

Робот был тоже покрыт пылью.

— Спасибо, что прилетели, — сказал робот, поднимая руку, чтобы помочь Зеленому подняться. — Я думал, что не захотите к нам прилететь. Не ожидал. Никто у нас не летает.

— Но у вас очень слабая станция, — сказал я. — Мы услышали ее только потому, что пролетали мимо. Это чистая случайность.

— А когда-то наша станция была сильнейшей в секторе, — сказал робот.

Тут что-то заурчало в его железном чреве, и он застыл с открытым ртом. Робот поводил руками и молча взывал о помощи. Я поглядел растерянно на Зеленого, и тот сказал:

— Врач здесь не нужен.

Он подошел к роботу и ударил кулаком ему под подбородок. Рот с лязгом захлопнулся, и робот сказал:

— Спаси...

Зеленому пришлось еще раз грубо обойтись с роботом. При этом он сказал:

— Попрошу вас широко рот не открывать. Не вечно же мне стоять с кулаком над вами.

Робот кивнул и продолжал говорить, лишь чуть-чуть приоткрывая рот, чтобы не заело.

— Я послал сигнал SOS, — сказал он, — потому что уже две недели меня никто не приходит сменить на дежурстве. Я подозреваю, что всех моих земляков хватил паралич.

— А почему вы так думаете?

— Потому что у меня самого ноги отнялись.

— И давно вас поразила такая болезнь? — спросил я.

— Нет, не очень, — сказал робот. — У нас вообще в последние годы были перебои со смазкой, но все-таки мы кое-как обходились. А после того как на нас рассердился один человек и проклял нас страшным проклятием, жуткий, таинственный паралич начал губить нас от мала до велика. И вот я, боюсь, последний более или менее здоровый робот на всей планете. Но паралич подбирается уже к сердцу. И, как видите, даже челюсть заедает.

— Ну-ка, дайте я посмотрю. Может, все-таки вы забыли смазку обновить, — сказал с подозрением Зеленый.

Он подошел к роботу и откинул крышку у него на груди, сунул внутрь палец, и робот захихикал:

— Щекотно!

— Потерпите, — строго сказал механик. Он проверил у него шарниры на ногах и руках, выпрямился и сказал, вытирая платком руки: — Смазка есть. Ничего не понимаю!

— И мы ничего не понимаем, — согласился робот.

Мы поехали в город. Мы заходили в дома — длинные скучные помещения с рядами одинаковых нар. На нарах лежали одинаковые роботы, покрытые пылью. На лбах их горели индикаторные лампочки. Это значило, что роботы живы. Роботы крутили глазами, но пошевелиться не могли. Наконец, так ничего и не поняв, мы вернулись на космовокзал и положили в вездеход тяжелого дежурного робота. Он хоть еще говорил. И мы отвезли его на «Пегас», чтобы разобрать его там и проверить, что за странная эпидемия поразила планету.

Робот сам помогал нам его развинчивать, давал советы, какую гайку крутить, на какую кнопку нажимать. Был робот запущен, грязен, но никаких особенных повреждений отыскать мы в нем не смогли. Вообще-то служебные роботы этого типа, давно снятые с производства в Галактике, строились на века и приспособлены были работать и в глубоком космосе, и в вулканах, и под водой, и под землей. Только их надо было время от времени смазывать, но это они сами отлично умели делать.

Наконец на большом рабочем столе в нашей лаборатории мы разложили части робота, а его голову положили отдельно, в углу, и подключили ее к корабельной электросети.

— Ну что? — спросила голова робота, когда Зеленый кончил разборку его тела.

Зеленый пожал плечами.

— Что же теперь делать? — спросила голова тихо. — Ведь погибает целая цивилизация.

— Придется послать радиограмму на Землю или на какую-нибудь другую большую планету, — сказал я. — Пусть пришлют

оттуда специальную экспедицию и специалистов по болезням роботов.

— Ну какие у нас могут быть болезни! — воскликнула голова робота, и рот остался открытым.

Пришлось мне подойти и стукнуть его по подбородку.

— Благодарю вас, — сказал робот. — Но оставлять нас без присмотра жалко. Ведь представьте себе, ни одного подвижного существа на целой планете. Первый же ливень или наводнение всех нас погубит безвозвратно — ведь мы даже не можем вытереться.

— Но послушайте, — сказал я, — мы же не можем оставаться у вас, пока не придет помощь!

— Но разве у вас важное дело? — спросила голова робота.

Я не успел ответить, потому что Зеленый сказал:

— Чем черт не шутит. Попробую смазку сменить. Можно вас машинным маслом смазать?

— Если хорошее масло, то можно, — ответила голова робота.

И тогда Зеленый начал протирать все детали и части робота и смазывать их нашим маслом.

А между тем робот спросил снова:

— А что у вас за дело?

— Мы собираем животных для Московского зоопарка, — сказал я. — Редких животных. Мы должны как можно скорее закончить экспедицию и вернуться домой. Ведь это очень сложно — везти с собой целый зоопарк.

— Но если вы нам поможете, — сказала голова робота, — мы вам дадим наших животных. Таких нигде больше нет.

— А что это за животные?

И тогда робот рассказал:

— Когда-то, много лет назад, на этой планете потерпел аварию автоматический космический корабль, на борту его было несколько универсальных роботов. Они остались живы и построили себе хижину из обломков корабля. Потом они нашли на планете залежи железа и других металлов, нашли уран и много других полезных ископаемых. И тогда роботы начали строить себе детей, и мало-помалу роботов на планете развелось очень много.

Но роботы хоть и мыслят, но не умеют заглядывать в будущее. В те времена на планете были вода и воздух, трава и деревья. Но роботам дела не было до того, что творится вокруг. Они пользовались полной свободой и скоро понастроили на планете много

заводов, и все заводы изготовляли роботов, а новые роботы строили новые заводы и изготовляли новых роботов. И так продолжалось до того дня, когда весь кислород на планете был израсходован в топках, все деревья были переведены на сараи для запасных частей, все звери перемерли, все горы были срыты до основания и все моря израсходованы на охлаждение двигателей. Кончились и полезные ископаемые. Остались на голой планете только роботы — много миллионов одинаковых роботов, которым вдруг стало нечего делать.

Пришлось тогда роботам кинуть жребий, и тех, кому не повезло, разбирали на запасные части или меняли на смазочное масло у пролетавших мимо кораблей или звездных бродяг. Так и жили роботы. Понемногу их становилось все меньше, но все равно на планете оставалось еще несколько миллионов бездельников. Решили было роботы построить космический корабль и полететь на какую-нибудь еще не заселенную планету, чтобы начать все дело сначала, но корабль построить они не смогли, потому что у них не было чертежей, а сами ничего изобретать они не умели. И так продолжалось до самого последнего дня. А потом на роботов напала странная эпидемия и всех их хватил паралич.

— Но о каких животных вы говорите? — спросил я голову робота.

— О роботных животных. Мы хотели, чтобы у нас все было как у людей. И когда мы поняли, что местные животные вымерли, потому что не смогли жить на пустой планете, мы сделали искусственных животных. Но потом нам стало не до них, и мы решили разобрать животных на запасные части для роботов. Таких теперь не делают. Но животные почувствовали опасность и убежали. До сих пор они бегают по ровным долинам планеты Шелезяка. И если вы нам поможете, мы поймаем для вас несколько совершенно необыкновенных железных животных.

— Спасибо, — сказал я голове робота, а сам подумал, что такие животные вряд ли пригодятся нашему зоопарку, каждый школьник на Земле может построить механическую черепаху или электронного ежа.

Пока мы разговаривали с головой робота, Зеленый вытер все его части и смазал их заново. Потом привинтил роботу руки-ноги и нажал на красную кнопку. Мы все с волнением ждали, что произойдет. Робот неуверенно приподнял руку, потом сделал шаг вперед. Нога послушалась его. Он сделал еще один шаг, взмахнул сразу обеими руками, наклонился вперед, потом назад

и начал плясать. Никогда в жизни мне не приходилось видеть пляшущего робота. Он чуть не опрокинул стол, чуть не отдавил мне ногу, и казалось даже, что робот от радости смеется.

Наплясавшись вдоволь, робот крикнул:

— Спаси... — и замер.

Ведь в голове-то смазку ему не меняли.

Но на этот раз механик Зеленый не стал бить его кулаком по подбородку. Он просто влил ему в раскрытый рот банку масла.

Робот захлебнулся, что-то заклокотало у него внутри, рот закрылся, открылся вновь, и робот музыкальным, звучным голосом запел песню «Нам не страшен серый волк», которую, видно, подслушал когда-то очень давно.

— Значит, все дело в смазке, — сказал робот, немного успокоившись. — Но ведь она была почти свежая. Мы ее меняли.

Зеленый, не сказав ни слова, набрал на стеклышко старой, снятой с робота смазки и отошел к микроскопу.

— Все ясно, — сказал он через минуту. — Надо было догадаться с самого начала. В смазке завелись бактерии, которые превращают масло в наждачный раствор. Интересно, как же эти бактерии могли попасть в ваше масло?

Робот задумался. Мы все вместе перешли в кают-компанию, чтобы продолжить разговор. Робот все думал. Мы разлили себе чай, а перед роботом поставили баночку с подсолнечным маслом — большим лакомством для роботов. Робот рассеянно выпил баночку и продолжал думать.

Вдруг над его головой проснулся говорун. Он увидел нашего гостя и, широко раскрыв клюв, запел:

— «Нам не страшен серый волк...»

Причем пел он голосом робота.

Мы очень удивились. Только робот не удивился. Он поднял голову и сказал говоруну:

— Здравствуй, птица. Как ты себя чувствуешь?

Но говорун продолжал петь, размахивая крыльями, потому что ответить он ничего не мог — говоруны не очень умные птицы.

— Вы знаете говоруна? — спросила Алиса.

— Знаю, — ответил рассеянно робот. — Я сам его ремонтировал.

— Как же вы могли ремонтировать живую птицу? — удивилась Алиса.

— Несколько лет назад, — ответил робот, — эта птица прилетела на нашу планету из космоса. У нас в то время уже было мало

воздуха и совсем не осталось местных животных. Но говоруну, если вы знаете, не обязателен воздух. Он может перелетать между планетами и не дышать по нескольку недель и даже месяцев. Но этот говорун еле-еле долетел до нашей планеты. Кто-то напал на него в пути и тяжело ранил птицу. Мы выходили говоруна, откармливая его смазочным маслом, но одно крыло ему пришлось отрезать и заменить протезом.

— Не может быть! — воскликнул я. — Неужели мы не заметили бы этого?

— Посмотрите, — ответил с гордостью робот. — Мы очень хорошие мастера.

Я поднялся и подошел к говоруну. Птица словно догадалась, что мне нужно, и расправила правое крыло. Я ощупал его. Под перьями был металл. Робот сказал правду.

— Вот видите, — сказал робот торжественно. — Даже вы не заметили.

— А что было с птицей потом? — спросила Алиса.

— Она прилетела к нам с системы Медузы, — сказал робот. — За ней кто-то гнался и хотел убить. Пока мы чинили птицу, она нам много рассказывала, и мы поняли, что кто-то потерпел аварию или попал в беду на одной из планет системы Медузы и птица спешит рассказать об этом другу того, кто попал в беду. Мы бы сами помогли, но у нас не было космического корабля.

— И вы отпустили птицу?

— Отпустили, — сказал робот. — Но мы старались ей объяснить, что она не долетит до того сектора Галактики, куда так спешила. Хоть искусственное крыло и не отличается от настоящего, очень далеко на нем не улететь. Но, к сожалению, птица нас не поняла. Она не очень умная птица. Но мы знали, что неподалеку от нас находится планета Блук, родной дом говорунов. И мы подумали, что говорун сможет долететь до дому. С тех пор я его не видал.

— Вот видишь! — сказала мне Алиса. — Теперь ты не сомневаешься, что Второй капитан был жив и послал птицу за помощью?

— Но с тех пор прошло четыре года, — ответил я. — Значит, он погиб.

— Но я должен рассказать вам, — произнес робот, — о странном событии. Оно произошло совсем недавно. Месяц назад. Как раз за три дня до начала эпидемии. Я бы не вспомнил о нем, если бы не увидел говоруна... К нам на планету спустился небольшой

черный корабль. С него сошел человек в шляпе. Мы думали, он хочет выменять у нас лишних роботов, но оказалось, что его корабль сломался и ему нужна была наша помощь... Мы с удовольствием помогли этому человеку...

— Это был доктор Верховцев, — прошептала Алиса.

— А когда его корабль был готов к полету, мы спросили его, не даст ли он нам смазочного масла или свежих газет в награду за работу. Но этот человек в шляпе очень грубо ответил нам, что мы ничего не получим. И мы должны быть ему благодарны, что он оставил нас в живых. И тогда я сказал ему: «Стыдно, пришелец! Я понимаю, что, когда мы помогли безмозглой птице говоруну и починили ей крыло, а она ничего не дала нам взамен, в этом нет ничего удивительного. Но вы — разумное существо и по внешнему облику происходите с Великой Земли. Стыдно!» А он тогда спросил: «Какому говоруну вы чинили крыло?» Я сказал, что это было почти четыре года назад и совсем не относится к делу. Но он настаивал, и я рассказал ему историю о раненой птице. Вы бы видели, как он разгневался! Он проклинал нас за то, что мы помогли этой птице, и, когда узнал, что она полетела на планету Блук, с проклятиями начал собираться в обратный путь. «Придется, — говорил он, — тратить время на проклятую птицу. А то еще проговорится». А ночью его видели у главной цистерны...

— Какой цистерны?

— Все ясно! — сказал робот. — Он подходил к главной цистерне со смазочным маслом! Он плохой человек, и он мог подсыпать в нее вредных бактерий...

Мы сказали роботу, что бактерии могли попасть на планету и другим путем, но робот мотал головой и ни о чем и слышать не хотел.

На прощанье мы дали роботу бочку со смазочным маслом, чтобы он мог привести в порядок хотя бы десяток роботов, и обещали, что, как только выйдем в космос, сразу пошлем радиограмму на ближайшую планету, чтобы оттуда роботам прислали корабль с маслом.

Когда робот ушел, мои друзья взволновались.

— Скорее, — торопили они меня, — скорее в путь! Мы можем еще спасти капитана! Теперь уж нет никаких сомнений, что он попал в беду и доктор Верховцев очень боится, что кто-нибудь узнает правду.

— Мне вообще стыдно за землян, — сказал мрачно Зеленый. — И пока мы не разгадаем эту тайну, я не смогу глядеть в

глаза инопланетцам. Если среди жителей Земли нашелся такой подлый человек, наш долг — его найти и обезвредить. И в этом нам поможет Второй капитан, которого мы обязательно найдем. А звери подождут.

Я вздохнул и согласился, потому что и Алиса и Полосков были совершенно согласны с Зеленым.

— Ладно, — сказал я. — Подчиняюсь большинству. Хотя и считаю, что ваши надежды основаны лишь на слухах и никакого Второго капитана мы в системе Медузы не найдем. Но как только мы убедимся, что произошла ошибка, то мы немедленно возвращаемся в центр Галактики и спешно собираем животных.

— Готовить корабль к отлету! — сказал Полосков твердым голосом. — Зеленый, спуститесь в машинное отделение. Заводите супердвигатели.

Я подошел к иллюминатору, чтобы кинуть последний взгляд на пустынную планету, которую загубили, не подумав о том, что творят, деловитые роботы. И тут увидел, что к «Пегасу» по пыльному полю бежит наш знакомый робот. Он что-то нес в руках.

Я встретил робота у трапа.

— Держите зверей, — сказал он. — Только обязательно смените смазку. Пока что они все парализованы.

Он высыпал к моим ногам груду каких-то металлических вещей.

— До свиданья, — сказал он, глядя, как я убираю трап. — Если найдете этого вредителя в шляпе и не будете знать, что делать, отдайте его нам. Мы его смажем испорченной смазкой.

Робот засмеялся и зашагал по пыли.

Пока корабль разгонялся до космической скорости, я сменил смазку металлических зверей. Все-таки любопытно мне было поглядеть, какие робото-зверята водились на этой планете. И когда через два часа в лабораторию заглянул Зеленый, он чуть в обморок не упал от удивления. По полу лаборатории бегали зверьки на колесиках. Они пищали, дрались между собой и пытались карабкаться по стенам. Звери были страшненькие, но чем-то походили на мышей и кошек. Видно, когда роботы их строили, они вспомнили о настоящих кошках и мышах.

Я посадил робото-зверушек в железную клетку, но они иногда из нее вылезали и гонялись по коридорам за алмазной черепашкой.

Глава 14

ПОГОНЯ ЗА ЛЕДИ ВИНТЕР

Система Медузы затерялась на самом дальнем конце нашей Галактики. Вокруг большой, с длинными, как спутанные волосы, протуберанцами звезды крутятся всего три планеты. Первая, самая близкая от звезды, раскалена настолько, что стало ясно — делать нам там нечего.

Мы подлетели ко второй планете.

Планета была пустынная, мрачная. Солнечные лучи отражались от блестящих сизых скал, отражались от асфальтовых озер, отражались от редких голых деревьев. Над планетой дул вечный ветер.

— Ну как? — спросил я у говоруна. — Это та планета или нет?

Говорун склонил голову набок и ничего не ответил.

— Пап, — сказала Алиса, подойдя к иллюминатору в кают-компании, — ты не умеешь с ним разговаривать. Он тебя боится.

— А тебя не боится?

— Меня никакие звери не боятся, — сказала Алиса.

Она держала на руках металлическую кошку на колесиках, и кошка все норовила лизнуть Алису в нос холодным масляным языком.

— Говорун, милый, скажи нам, ты своего хозяина на этой планете оставил?

Говорун прислушался к словам Алисы и ответил голосом Второго капитана:

— Остерегайся миражей. Не доверяй им. Но присматривайся внимательно.

— Ну вот, глупая твоя птица, — сказал я в сердцах. — Ее о планете, а она о миражах?

— Посмотрим, — ответила Алиса.

За иллюминатором пошел дождь. Дождь был несильный, но от ветра струи дождя изгибались и стегали по обшивке «Пегаса». Даже смотреть на эту планету было неуютно. Наступал тоскливый, долгий вечер.

— Ладно, — сказал Полосков. — Все равно сегодня уже поздно вылезать наружу. Давайте ужинать и спать.

После ужина Алиса загнала металлических котят в клетку, взяла книгу и уселась на диванчик в кают-компании. Я в который раз отправился искать сбежавшую алмазную черепашку, чтобы она чего-нибудь не натворила. Полосков с Зеленым тоже занялись своими делами.

Так прошло часа два-три. Я вернулся в кают-компанию. Алиса все еще читала. В кают-компании было уютно и тепло и особенно приятно, потому что за иллюминатором все так же выл ветер, хоть дождь и перестал.

Я подошел к иллюминатору и поглядел в полумрак. Равнина была скудно освещена двумя большими лунами. И вдруг я застыл от изумления.

По долине к нашему кораблю медленно шли несколько человек. Это были именно люди, без скафандров, в странной одежде. Они были заняты разговором между собой и, казалось, совсем не замечали корабля. Я сказал тихо:

— Алиса, смотри.

Алиса бросила книгу на диван и подбежала ко мне.

Люди подошли поближе, и можно было разглядеть, что они одеты в камзолы, на головах у них широкополые шляпы, а поверх камзолов — короткие широкие плащи. Четверо были мужчинами. За ними медленно, словно нехотя, шла женщина с пышной прической и в широком платье до земли. Мужчины оживленно разговаривали, женщина молчала.

— Алиса, это не галлюцинация? — спросил я, не веря собственным глазам.

— Нет, — ответила Алиса. — Не спугни их. Я их знаю.

— Селезнев! — загремел вдруг над ухом динамик. — Селезнев, ты не спишь?

Я узнал голос Полоскова.

— Ты где? — спросил я.

— На мостике. Погляди в иллюминатор. Ты что-нибудь понимаешь?

— Гляжу, — ответил я, — и ничего не понимаю. Откуда здесь быть людям?

— А я понимаю, — сказала Алиса. — Я этих людей знаю.

Я обернулся к ней. Может, Алиса бредит?

— Неужели ты не узнаешь, папа? — удивилась Алиса. — Ну ладно, ты, может быть, забыл эту женщину, но второго человека справа ты должен знать!

— Да нет же! — ответил я. — Говори, не томи!

— Второй справа — это Портос, — сказала Алиса. — Видишь, он наклонился к д'Артаньяну, слушает его. Наверно, они решили все-таки казнить леди Винтер.

— Какую еще леди Винтер! — закричал я. — Я с ума сойду! Откуда здесь Портос?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Но это они. Это же мушкетеры короля. Если бы это были гвардейцы кардинала, мы бы с тобой их сразу отличили.

— Полосков, ты слышишь? — спросил я.

— Слышу, — сказал Полосков спокойно. — По-моему, Алиса совершенно права. Гвардейцев кардинала мы бы с тобой сразу отличили от мушкетеров короля.

Между тем четыре мушкетера подошли к самому кораблю. Я прижал нос к иллюминатору, чтобы посмотреть, что они будут делать дальше. Мушкетеры остановились, и один из них, по-моему Арамис, красавчик с тонкими усиками, изящно взмахнул рукой, прося леди Винтер идти вперед.

— Очень интересно, — сказала Алиса, встав на цыпочки, чтобы удобнее смотреть вниз. — Казнят они ее или нет? Ты как думаешь, папа?

— Я уже ничего не думаю, — ответил я. — Полосков, может, трап спустить?

И тут мушкетеры пошли дальше, вошли в стену корабля и исчезли.

— Они сквозь стены ходят, — услышал я растерянный голос Полоскова.

Капитана трудно удивить. Он видел в десять раз больше, чем удается увидеть за жизнь обыкновенному человеку. Его не испугаешь ни Малым дракончиком, ни пузырями с Иелы, ни космическими пиратами. Но мушкетеров короля, проходящих сквозь стены «Пегаса», ему еще видеть не приходилось.

— Может, это тоже путешественники во времени, как на Шешинеру? — спросил я.

Алиса перешла на другую сторону кают-компании и заглянула в противоположный иллюминатор.

— Вот они, — сказала Алиса. — Я так и думала. Они прошли сквозь корабль и даже не заметили.

Я перебежал через кают-компанию. И в самом деле, мушкетеры как ни в чем не бывало уходили от корабля, и их шпаги поблескивали под светом двух лун. Они миновали скалу и скрылись в ущелье...

— Пошли на мостик, — сказал я Алисе. — Оттуда лучше видно.

— Пошли, — сказала Алиса и взяла с дивана книжку, которую читала весь вечер. Книжка называлась «Три мушкетера».

Я начал о чем-то догадываться.

— Дай сюда книжку, — сказал я Алисе.

На ходу я раскрыл ее. Раскрыл как раз на картинке, где был нарисован один из мушкетеров — д'Артаньян в плаще и при шпаге.

Когда мы взбежали на мостик, Полосков, стоявший у большого иллюминатора, поднял руку и поманил нас к себе.

За иллюминатором, посреди равнины, стояла тонкая березка, и под ветром ее листья трепетали, словно живые. Вокруг березки росла трава, и можно было увидеть у самых корней дерева шляпку большого подберезовика.

— Это что-то знакомое, — сказал Полосков задумчиво. — Где-то я это видел.

— Знаю где, — сказала Алиса. — Это любимая открытка Зеленого. Она висит у него над кроватью в каюте, и он всегда смотрит на нее и читает вслух стихи: «Идет-гудет Зеленый шум...»

— Миражи, — сказал Полосков.

— Да, — согласился я. — Конечно, это миражи. И говорун не ошибся, когда голосом Второго капитана предупредил нас о миражах. Но кто и почему их делает? Кому мы обязаны редким развлечением?

Березка растворилась в темноте, а с дальнего склона горы по направлению к «Пегасу» двинулась странная процессия. В ней были люди, фиксианцы, существа с неизвестных нам планет и звезд, роботы, звери. Толпа миражей окружила корабль, словно не замечая его. Они проходили сквозь него, растворялись, раздваивались, проходили друг сквозь друга.

— Пап, — сказала Алиса, — пойдем посмотрим на них вблизи.

— И отсюда видно, — возразил я. — Мы же не знаем их свойств. А вдруг они не такие уж бесплотные, как кажутся.

Мы долго смотрели на процессию призраков, а когда равнина опустела, Алиса снова начала канючить:

— Ну, пап, ну давай спустимся, еще не поздно. Вот, погляди, только один мираж остался — д'Артаньян.

И в самом деле, на опустевшую долину вышел одинокий мушкетер и начал задумчиво расхаживать неподалеку от корабля.

— Идите, — сказал тогда Полосков. — Только далеко от «Пегаса» не отходите. А я буду смотреть, чтобы с вами чего-нибудь не случилось.

Полосков, как всегда, угадал мое желание. Конечно, мне очень хотелось посмотреть на призраков вблизи. Я только беспокоился, как бы чего не случилось с Алисой. Но пойти без нее —

значит поссориться надолго. Она считала миражи своими — ведь она же первой угадала трех мушкетеров.

Мы спустились по трапу на равнину. Она была совершенно пуста. Д'Артаньян куда-то пропал.

— Подождем, — сказала Алиса. — Наверно, они снова придут.

Я подошел к тому месту, где недавно росла березка. На земле лежали лишь округлые камешки — ни травинки, ни листочка.

— Смотри, пап, кто идет, — сказала Алиса. — Ты только подумай!

Я поднял голову и вздрогнул. Навстречу шел я сам, держа за руку Алису. Причем мы оба без скафандров, в тапочках и, казалось, совсем не нуждались в воздухе.

Алиса побежала навстречу самой себе.

— Стой! — крикнул я ей. — Ты куда?

Но Алиса уже добежала до своего двойника и с разбега пролетела сквозь мираж, споткнулась о камень, упала на колени. Мираж сразу исчез. Пока я спешил на помощь Алисе, возник новый мираж. Он быстро двигался к Алисе, словно хотел ее схватить. На этот раз мираж изображал доктора Верховцева. Шляпа его была надвинута на глаза и острые узкие плечи подняты к самым ушам.

Я успел встать между миражем и Алисой, закрывая ее, потому что я совсем не был уверен в том, что Верховцев — только мираж.

Но доктор не заметил Алису. Он прошел совсем рядом, улыбаясь, словно увидел кого-то. Я посмотрел ему вслед. Навстречу Верховцеву шел толстяк в черном кожаном костюме. Они протянули друг другу руки и, сблизив головы, заспорили о чем-то.

Алиса поднялась и взяла меня за руку.

— На этой планете не сохранишь секрета, — сказала она. — Зато мы теперь знаем, что толстяк с Верховцевым знакомы и не зря они оба просили у нас говоруна.

Миражи разговаривали беззвучно, а с другой стороны к нам шел еще один мираж. Он изображал трех капитанов. Но не каменных, как мы видели их на планете имени Трех Капитанов, а самых настоящих, в синих мундирах космического флота. Капитаны остановились, взялись за руки, словно прощались. И тут же растворились, исчезли. Вместо них на равнине возник один капитан. Второй. Высокий, тонкий, с горбатым носом. Капитан стоял нахмурившись, будто размышлял о чем-то. На плече у него сидел говорун. Капитан окинул взглядом долину и быстро пошел к еще одному миражу, возникшему на горизонте. Мираж был

космическим кораблем голубого цвета, и на борту его была выложена драгоценными камнями большая темно-синяя чайка.

И эти миражи растаяли... Исчез и Верховцев с толстяком.

Алиса сказала:

— Я никогда еще не видела такого красивого корабля.

А в наушниках у меня прозвучал голос Полоскова:

— Послушай, профессор, ты когда-нибудь видел такой красивый корабль? Это, наверно, «Синяя чайка» Второго капитана.

— Конечно, — сказала Алиса. — Может, он скрывается где-то здесь? Надо будет его найти.

На горизонте, там, где стояла «Синяя чайка», вспыхнул яркий свет. И мы увидели, как корабль поднимается над планетой.

— Улетел твой мираж, — сказал Зеленый. — Я так и думал.

— Да, похоже на то, что «Синяя чайка» улетела отсюда, — согласился с ним Полосков.

Я наклонился над тем местом, где Алиса упала, спеша к нашим двойникам. Я наклонился, потому что меня удивила одна вещь: два округлых камешка вдруг медленно покатились, словно их кто-то толкнул. Но ведь никого рядом не было. Даже ветер утих. Я протянул руку, чтобы подобрать камень, но он прибавил ходу и откатился подальше. И вдруг из него начал расти мираж. Сначала туманный, прозрачный, но потом превратившийся в леди Винтер. Леди Винтер побежала к горам, подобрав пышную юбку.

— Не уйдешь, — сказал я вслух. — Так я и думал. Ведь чудес не бывает!

Я прыгнул вперед, как будто хотел схватить миледи. В тот момент, когда я упал на то место, где она находилась, мираж исчез. Под руками у меня лежал круглый камешек.

— Что с тобой? — удивилась Алиса. — Почему ты гоняешься за миледи?

— Я ее поймал, — сказал я.

Зеленый усмехнулся:

— Не тут-то было. Ваша миледи пропала без следа.

— Она у меня в руке, — сказал я. — Сейчас вернусь на корабль и все вам объясню.

В кают-компании я положил на стол круглый камешек и еще пять таких же, которые я подобрал на пути к кораблю. Камешки лежали смирно, в ряд. Самые обыкновенные камни, размером с картофелину да и формой похожие на картошку.

— Разрешите представить, — сказал я, — жителей этой планеты.

— Живые существа? — удивился Зеленый. — Вот бы никогда не подумал!

— И с очень интересной способностью. Они могут создавать зрительные иллюзии — копии людей, предметов, причем не только тех, что видели, например трех капитанов или доктора Верховцева, но и улавливать образы, которые живут в воображении людей. Вот, например, Алиса читала «Трех мушкетеров», смотрела на картинки в книге, представляла себе, какими эти мушкетеры должны быть, и мы их увидели. Ведь они, Алиса, точно такие, как ты их себе представляла?

— Точно-преточно такие, — сказала Алиса.

— Зачем этим камешкам нужны миражи, как они их делают, пока неизвестно.

— Может, им просто скучно? — спросила Алиса. — Лежат они на голой земле и скучают. А любой посетитель, любой гость для них — просто замечательное развлечение.

— Все может быть, — согласился я. — Так будем искать здесь или полетим к третьей планете?

— Мне кажется, что третья планета интереснее, — сказал Полосков. — Я посмотрел на снимки — там есть растительность, воздух, вода.

Тут один из камешков превратился во Второго капитана. Капитан печально посмотрел на нас. А говорун сказал его голосом:

— Искать будешь на планете-три. Искать будешь на планете-три.

— Вот видите, — сказала Алиса.

И мы тут же стартовали к третьей планете в системе Медузы.

Глава 15

ПТЕНЕЦ ПТИЦЫ КРОК

Четыре солнца быстро крутились над этой планетой, и ночь на ней наступала лишь иногда, и никак нельзя было без сложных вычислений угадать, в какой момент вдруг потемнеет, промелькнут короткие сумерки и на планету опустится недолгая темнота. Проходило полчаса, иногда меньше, и новое солнце быстро поднималось над колючими кустами и моментально вкатывалось на небо.

Планета заросла лесами и кустарниками. У полюсов леса были низкие, прижатые к земле, а в тропиках поднимались на невероятную высоту.

Планета оказалась раем для биолога. И кого здесь только не было! Океаны кишели рыбами, медузами, червями, морскими змеями, леса были полны всякого зверья и бабочек с метровыми крыльями, а выше, над острыми скалами и пологими холмами, летали различные птицы.

— Мы здесь останемся надолго, — сказал я, когда мы спустились на вершину холма, поросшего кустами. — Одной этой планеты хватит на пятьдесят зоопарков.

— Ну и отлично, — сказал Полосков. — Мы заодно приведем корабль в порядок.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Но сначала найдем Второго капитана. Я уверена, что он где-то здесь.

— Только одна на поиски не выходи, — предупредил я Алису. — Тут очень опасные звери.

— Но ведь я — царь природы, — сказала Алиса.

— Звери об этом не знают, — сказал я. — Они необразованные.

— Но как мы найдем Второго капитана? — спросила Алиса.

— Пока мы начнем с того, — ответил Полосков, — что запустим над планетой металлоразведчик.

— Зачем?

— Он будет кружить на низкой орбите и, как только обнаружит следы металлов, которые употребляются на космических кораблях, даст нам знать.

— И долго он будет кружить?

— Ему надо недели две, чтобы обследовать всю планету.

— Ой, как долго!

— А пока ты будешь мне помогать, — сказал я. — На тебя возлагается кормежка зверей.

— И поливка кустиков, — добавила Алиса. — А то они разбегутся.

В этот момент молоденький кустик вошел в кают-компанию и робко остановился на пороге. Он покачивал ветвями, напевал, старался дать нам понять, что хочет компота.

— Вот, — сказал механик Зеленый, — до чего ты их разбаловала! Скоро кусаться начнут. Дай ему компота, бог с ним.

На следующий день мы поднялись рано, до рассвета. Полосков снаряжал металлоразведчик, а я грузил в вездеход сети и съемочную камеру.

Мы были так заняты своими делами, что упустили момент, когда появилась птица Крок. Я увидел лишь, как на меня упала чья-то тень, и услышал хлопанье крыльев, которое показалось мне хлопаньем парусов.

— Ложись! — крикнул Полосков.

Я упал на траву.

Прямо над моей головой лязгнули когти, и птица Крок, промахнувшись, взмыла вверх, чтобы кинуться снова.

Тогда-то я ее и разглядел.

Это была огромная тварь, размером с небольшой пассажирский самолет. У нее были узкие длинные крылья, короткий хвост и мощный загнутый клюв, как захваты у подъемного крана. Птица сделала небольшой круг и, словно пикирующий бомбардировщик, пошла вниз.

Я попытался отползти, но понял, что не успею.

Я зажмурился и вцепился в колесо вездехода. И в этот момент грянул выстрел.

Оказывается, механик Зеленый успел подбежать к люку с пистолетом и выстрелить в птицу, когда она была всего в трех метрах от меня.

Птица взвыла и взвилась в воздух. Рядом со мной упало ее перо. Перо было метр длиной и такое твердое, что вонзилось концом в сухую землю и ушло в нее, словно богатырский меч.

Я вытащил перо и показал его Алисе.

— Слушай, — сказал я ей, — хозяин этого пера очень обижен и хочет взять кого-нибудь из нас на ужин. Тебе понятно?

— Понятно. Но ведь вездеход ему не поднять?

— Вездеход не поднять.

— Значит, я поеду с тобой в вездеходе.

— Нет, Алиса, — сказал я. — Я сейчас отправлюсь на разведку и вернусь к обеду. Все, кроме тебя, заняты. Некому даже готовить обед и кормить зверей. И не забудь, что у паука-ткача-троглодита кончается шерсть.

— Ну хорошо, — согласилась Алиса.

— Ну, как с металлоразведчиком? — спросил я Полоскова, садясь в вездеход.

— Не понимаю, — ответил он. — Почему-то не ладится. Никогда не отказывал, а сейчас не ладится.

Вездеход медленно ехал сквозь кусты, покачиваясь над выбоинами и легко скатываясь с пригорков. Кусты расходились спереди и вновь смыкались сзади вездехода. Я размышлял о том,

что хорошо бы поймать эту птицу. В Палапутре ее называют птицей Крок. Мне очень хотелось бы достать это чудовище для зоопарка, но я понимал, что вряд ли удастся перевезти ее на «Пегасе». Другое дело, если найти ее гнездо и захватить с собой птенцов. Гнезда должны быть где-нибудь на скалах — ни одно из деревьев не выдержит тяжести жилища птицы Крок.

Я повернул к далеким горам. Дорогу мне пересекла процессия длинноногих желтых ящериц. Впереди семенила самая высокая, за ней — поменьше... Я насчитал их двадцать три штуки. Последняя из ящериц была совсем маленькая. Я мог поймать ее, но не стал — сначала надо осмотреться, выяснить, чем они питаются, а то не довезешь до Земли.

Высоко надо мной пролетела птица Крок. Она держала путь к горам. Вернее всего, ее гнездо именно там.

Я выпустил автоматическую сеть и накрыл ею метровую синюю бабочку. Пока я управлял манипуляторами, чтобы усыпить бабочку и спрятать в багажник вездехода, не повредив крыльев, зажегся экран видеофона и на нем показалось встревоженное лицо Полоскова.

— Послушай, — сказал он, — я запустил металлоразведчик.

— Ну и отлично, — сказал я. — Погоди, сейчас уложу бабочку...

— Но связь с ним прервалась.

— С металлоразведчиком?

— Ну да. Этого еще никогда не бывало. Я все проверил. Через три минуты после взлета он замолчал.

— Придется подняться на катере, догнать его и починить, — сказал я, укладывая бабочку в контейнер.

— Об этом я и хотел тебе сказать. Я полечу искать его, а ты возвращайся к кораблю. Не нравится мне эта планета.

— Ты не прав, Гена, — сказал я. — Планета отличная. Я рад, что мы сюда попали.

— А если и на самом деле здесь погиб Второй капитан?

— Ты веришь в это?

— Не знаю. Но если такой опытный капитан мог здесь погибнуть, значит, планета скрывает какую-то грозную опасность, о которой мы не подозреваем.

— Но, может, просто двигатели отказали? Ведь это случается даже с самыми лучшими кораблями. Или на капитана напало местное чудовище. Например, птица Крок. Ты видел, какой у нее клюв?

— Конечно, видел.

И Полосков отключил экран.

Еще одна птица пролетела надо мной к горам, и я запомнил направление полета. Наверняка там гнездо. Надо будет обязательно съездить. Неожиданно наступили сумерки. Я повернул обратно к кораблю.

Я поставил вездеход у самого трапа, в темноте поднялся по нему и прошел на мостик. Первым делом я проверил, где мои спутники. Зеленый сидел в машинном отделении и колдовал с приборами. Алиса отозвалась из каюты. Сказала, что читает. Тогда я вышел на связь с Полосковым.

— Как у тебя дела? — спросил я.

— Запеленговал металлоразведчик, — ответил Полосков. — Скоро догоню. Не выключай рацию.

Я уселся у иллюминатора и слушал, как Полосков бормочет что-то себе под нос, стараясь поймать металлоразведчик. Короткая ночь кончилась. Я глядел вдаль, на лес, горы и намечал себе путь на завтра. Вот поеду вдоль той речки, потом взберусь на холмы... Надо будет взять Алису. В вездеходе ей ничего не грозит...

— Поймал, — сообщил Полосков. — Взял его захватами и поворачиваю обратно.

И в этот момент я увидел, что на площадку перед «Пегасом» вышла Алиса. Она шла осторожно, на цыпочках, оглянулась на иллюминаторы, но меня не заметила.

Было прохладно, и Алиса надела желтый пушистый комбинезон. Видно, собралась куда-то далеко. Но самое удивительное — перед ней по траве гордо шествовал говорун. Он был привязан на длинной цепочке. Другой конец цепочки Алиса держала в руках. Она сказала что-то говоруну, и тот взлетел в воздух. Алиса отпустила побольше цепочки, чтобы не мешать говоруну лететь. Он взмахнул крыльями и медленно, будто понимая, что Алиса не умеет летать, направился к лесу.

Только тогда я опомнился.

Я включил динамик и крикнул на весь лес:

— Алиса, ты с ума сошла! Немедленно возвращайся!

Но тут я испугался, что она меня не послушается, и побежал по трапу вниз, чтобы догнать ее и возвратить на корабль.

Когда я подбежал к люку, Алиса была уже у самого леса.

А над ней кружила громадная птица Крок.

— Алиса! — крикнул я.

Но она была далеко и не услышала моего крика.

Ни ружья, ничего нет под рукой!

Что делать?!

Не помня себя я бросился вниз по трапу.

Алиса увидела снижающуюся птицу и от страха выпустила цепочку. Перепуганный говорун метнулся к деревьям.

Я бежал к Алисе и видел, как птица Крок выпустила белые когти, как она схватила желтую пушистую фигурку и, набирая скорость, взмыла вверх.

Я бежал, глядя, как уменьшается, поднимаясь, птица, размахивал руками...

Через десять минут Полосков снизился у «Пегаса». К тому времени мы с Зеленым уже были готовы к погоне. Мы снарядили малый катер.

— Вы куда? — удивился Полосков.

— Крок украла Алису! — крикнул Зеленый. И замолчал, потому что от горя потерял дар речи.

— Прыгай сюда! — приказал мне Полосков. Он опустил свой катер к самой земле.

Я подпрыгнул, ухватился за нижний край раскрытого люка и перемахнул в рубку.

Полосков тут же набрал высоту.

— Куда она полетела? — спросил он громко, перекрывая жужжание двигателя.

— Туда, к горам, — ответил я. — Там у них, наверно, гнездо.

Мы добрались до гор за несколько минут. Но найти гнездо было не так легко. Тысячи одинаковых острых скал поднимались над плоскогорьем, и мы больше часа кружили над ними, ничего не находя. И с каждой минутой у нас было все меньше шансов найти Алису живой.

Помогла нам сама птица Крок. Мы увидели, как она летит над скалами.

— За ней, — сказал я.

— Погоди, — ответил Полосков. — Мы ее спугнем, и она не покажет нам дорогу к гнезду.

Он задержал полет катера, и мы повисли над скалами. Птица летела к вершине горы, куда мы еще не поднимались. Там птица сложила крылья и снизилась. Полосков тут же взял курс на гору, набирая при этом высоту.

Когда мы уже подлетали к горе, снизу поднялось сразу пять или шесть птиц. Они приняли наш катер за неведомого летающего врага. Птицы отважно кидались на нас, и Полоскову при-

шлось вспомнить фигуры высшего пилотажа, чтобы не столкнуться с озлобленными кроками.

— Вон гнезда, смотри! — сказал Полосков.

Я прижался к иллюминатору.

На крутом склоне горы виднелись темные круги гнезд. Гнезда были сложены из камней и сучьев и прилеплены к площадкам над пропастью.

Когда мы снизились, то смогли разглядеть, что в некоторых гнездах сидят птицы, широко раскинув крылья, видно прикрывая от врагов птенцов или яйца.

— Смотри, — сказал я.

В одном из гнезд что-то желтело. Катер, как живой, ринулся к этому гнезду. Так быстро, что птицы отстали.

— Нет, это не Алиса, — сказал Полосков, — это птенцы.

И в самом деле, в гнезде сидели три покрытых пухом птенца. Увидев нас, они широко разинули крючковатые клювы. Одна из птиц спикировала мимо нас, опустилась на гнездо и прикрыла его крыльями.

— Бери выше, — сказал я Полоскову.

Тут мы увидели еще одну птицу. Она подлетела к горе, неся в клюве большую рыбу.

— За ней! — сказал я.

Птица нас не заметила. Она спустилась к самому дальнему гнезду.

И в том гнезде между двумя птенцами сидела Алиса. Она издали тоже показалась мне птенцом — виной тому был ее желтый пуховый комбинезон.

Птенцы при виде матери раскрыли клювы, но птица поднесла рыбину к Алисе и попыталась втолкнуть добычу Алисе в рот. Алиса отбивалась, но птица была настойчива.

Полосков расхохотался.

— Что с тобой? — спросил я, не отрывая глаз от странного зрелища.

— Ничего Алиске не грозит, — смеялся Полосков. — Ее приняли за птенца и прописали ей усиленное питание.

Полосков был прав. Алису спас пуховый комбинезон.

Мы зависли над гнездом. Полосков спустил трап, и Алиса поднялась в катер, пока я отпугивал птиц сонными гранатами и хлопушками.

— Может, захватим птенцов? — спросил Полосков, все еще улыбаясь.

— В следующий раз, — ответил я. — Как ты себя чувствуешь, Алиса?

— Неплохо, — сказала Алиса.

Она была измазана рыбьей чешуей, а в остальном совершенно цела и здорова.

— Я только сначала испугалась, — сказала она. — А потом, когда меня принесли в гнездо, мне было даже уютно. Мы с птенцами грелись друг о дружку. Только вот большая птица обязательно хотела, чтобы я ела. Ну прямо как бабушка: «Скушай ложечку манной кашки».

Полосков веселился, спрашивал Алису, не научилась ли она летать или, может, хочет вернуться к новым родителям.

— А зачем ты вообще-то ушла из корабля? — спросил я строго, после того как немного успокоился.

— Я пошла искать Второго капитана.

— Как так?

— Я слышала, что у Полоскова разведчик плохо работает. И вообще две недели ждать невозможно. И тогда я подумала, что говорун, может быть, помнит дорогу к тому месту, где он слышал голос Второго капитана. Я попросила его показать мне дорогу, и он полетел.

— А почему же ты не попросила разрешения?

— Ты бы разрешил?

— Нет, конечно. И никакого Второго капитана здесь нет. Забудь о нем.

— Нет? — спросила Алиса. — Он здесь. Только жаль, что говорун улетел. А то бы мы его в два счета нашли.

— Что ты еще придумала?

— А вот что я нашла в гнезде, — ответила Алиса, доставая из кармана осколок фарфорового блюдца с надписью золотом: «... няя чайка». — «Синяя чайка», правда? — спросила она. — Или ты не веришь?

— Ну-ка, покажи, — взмолился Полосков. — Ну и везет же тебе.

— Не скажи, — возразила Алиса. — Ради этого осколка мне пришлось полетать в когтях птицы Крок. Ты летал когда-нибудь таким образом?

— Нет, — улыбнулся Полосков.

— А осколок она мне сама дала. Видно, он у них в гнезде игрушка для птенцов. Вот она мне его и дала поиграть.

Я задумался. Алиса была права. Похоже, что «Синяя чайка» и на самом деле на этой планете. Но как ее найти?

— Что произошло с разведчиком? — спросил я Полоскова. — Ты еще не проверял?

— Странно, но кто-то разбил в нем индикатор металлоискателя.

— Разбил?

— Сам разбиться не мог — индикаторный механизм находится в самом центре разведчика.

— Что же делать? — размышлял я вслух.

Мы опустились перед «Пегасом» и вышли на поляну, поглядывая на небо — не летит ли птица Крок.

— А вот и говорун, — сказала Алиса.

И тут я заметил, что перед самым моим носом к земле спускается тонкая цепочка.

С дерева слетел говорун и кружил над нами, будто приглашая идти за ним искать капитана.

Глава 16

ЗЕРКАЛЬНЫЕ ЦВЕТЫ

Алиса схватила цепочку, на которой был привязан говорун. Птица не сопротивлялась, не возражала, будто понимала, чего от нее хотят. Она медленно летела над кустами, и, если мы отставали, она поднималась чуть повыше и парила в воздухе, поджидая нас. Идти было нелегко, потому что тропинок на этой планете никто для нас не протаптывал. Приходилось перелезать через сгнившие стволы, продираться сквозь лианы и колючки, переходить через быстрые ручьи.

Желтые ящерицы на высоких, длинных ногах выскакивали из-под пней и с визгом разбегались, предупреждая лесных обитателей, что идут чужие.

Потом мы попали на поляну, поросшую множеством белых хищных цветов. Цветы громко чавкали, пожирая бабочек и пчел, и тянулись к нам, хватали лепестками за ноги. Но прокусить башмаки они не могли и оттого злились и даже рычали. За перелеском открылась еще одна поляна. Цветы на ней были красного цвета. Они оказались очень любопытными: как только мы появились из-за деревьев, все лепестки повернулись в нашу сторону, будто за нами наблюдали и принюхивались. Над поляной слышался шепот.

— Они большие сплетники, — сказала Алиса, — и теперь до вечера будут обсуждать, во что мы были одеты и как шли.

Еще долго нам слышался шепот и бормотание любопытных цветов.

Это была цветочная планета. Нам за тот день попались еще цветы, которые дрались между собой, цветы, которые при виде нас прятались под землю, цветы, что прыгали с места на место, болтая в воздухе длинными корнями, и множество просто цветов: синих, красных, зеленых, белых, желтых, коричневых и в крапинку. Некоторые росли на земле, некоторые на деревьях или кустах, другие на скалах, в воде или медленно парили в воздухе.

Часа два мы бежали за говоруном. Наконец страшно устали.

— Погоди! — крикнул я говоруну. — Надо отдохнуть.

Мы спрятались под большим деревом, чтобы нас не увидела кружившая над нами птица Крок, и устроились в тени. Говорун уселся на ветке над нами и, как всегда, задремал. Он был ленивой птицей и, когда не говорил или не работал, всегда дремал.

Полосков сел, прислонился спиной к стволу и спросил с сомнением:

— А вдруг говорун просто решил погулять?

— И не думай так! — возмутилась Алиса. — Если так думать, то уж лучше повернуть обратно.

Неожиданно солнце зашло за вершины деревьев, и наступила короткая ночь. Сразу на небе высыпали звезды.

— Смотри, — сказала Алиса, — одна звезда движется.

— Это, наверно, астероид, — сказал я.

— А может, корабль, — сказала Алиса.

— Ну откуда здесь взяться кораблю?

Звезда закатилась за деревья. Еще минут через пять наступил рассвет. На этот раз сразу три солнца с трех сторон выкатились на небо, и стало очень светло и жарко. Вокруг зажужжали пчелы и застрекотали кузнечики.

— Пора вставать, — сказал Полосков, поднимаясь, — говорун зовет нас дальше.

— Вперед! — крикнул говорун голосом Первого капитана. — Вперед, а там разберемся. — Потом добавил совсем другим голосом: — «Бороться и искать, найти и не сдаваться», как говорил знаменитый капитан Скотт.

— Видишь, папа, — сказала Алиса, — он нас подбадривает. Мы скоро придем.

Я не разделял восторгов Алисы. Я знал, что мы увидим, если

говорун и на самом деле ведет нас к месту посадки Второго капитана. Мы увидим опутанные лианами и заросшие цветами обломки «Синей чайки». От самого капитана, наверно, и следов не осталось. Но я шел за Полосковым.

Мы пробирались сквозь чащу еще часа полтора, и вдруг говорун взмыл вверх, словно проверял, не порвется ли цепочка.

— Запомни это место! — крикнул он сверху. — Запомни это место, капитан.

Потом голос изменился, и с высоты до нас донеслись слова:

— Держите птицу! Хватайте птицу! Не выпускайте ее живьем!

— Кому он подражает? — спросила Алиса.

— Не знаю, — ответил Полосков. — Может, Верховцеву?

Говорун что-то искал.

— Отпусти цепочку, — сказал я Алисе.

Она меня послушалась. Говорун взмыл еще выше, превратился в точку среди облаков и тут же камнем ринулся вниз.

— Нашел, — сказал Полосков.

Но тут мы увидели, что за говоруном гонится птица Крок. Она догоняла его.

— Стреляй! — крикнул я Полоскову.

Наш капитан выхватил пистолет и не целясь выстрелил. Птица Крок, которая уже почти настигла говоруна, громко ухнула. Казалось, что она потеряет равновесие и упадет, но птица удержалась и медленно полетела над лесом.

Мы побежали туда, где скрылся говорун. За зарослями кустов открылась зеленая поляна. Ее окружали крутые холмы, поросшие пузатыми деревьями. Говоруна нигде не было видно.

Мы остановились на краю поляны. Она поросла невысокой шелковистой травой, а по краям ее, словно специально посаженные кем-то, росли необычайные цветы. Короткие, широкие, металлического цвета лепестки окружали серединку цветка размером с большую тарелку. Серединка была зеркальная, зеркала цветов были чуть выпуклыми, и в каждом цветке отражалась вся поляна. Цветки сидели на коротких толстых стеблях без листьев.

— Не подходи, Алиса, — сказал я. — Вдруг они ядовитые?

— Нет, — сказала Алиса, — я не думаю. Смотри.

И мы увидели, как из кустов выскочил зверек, похожий на зайца. Зверек подскочил к цветку и посмотрелся в зеркало. Потом так же спокойно, будто нас здесь и не было, снова скрылся в кустах.

— Какая-то ошибка, — сказал Полосков. — Никаких следов корабля. Наверно, говорун ошибся.

— Или мы ошиблись, побежали за ним, как маленькие, — сказал я.

Я подумал о том, как далеко нам возвращаться к кораблю. Можно было бы, конечно, вызвать Зеленого с катером или вездеходом, но мне не хотелось оставлять корабль без охраны.

Алиса вышла на середину поляны, огляделась, подошла поближе к цветку. Цветок чуть повернул зеркало, словно хотел, чтобы Алиса в него посмотрелась.

— Возьмем их с собой, — сказала Алиса.

— Ладно, — ответил я.

Полосков вынул из кармана портативный металлоискатель и обошел с ним всю поляну. Металлоискатель ни разу не пискнул.

— Здесь корабля нет и не было, — сказал Полосков наконец. — Надо возвращаться.

Мы срезали букет зеркальных цветов. Букет был тяжелый, словно цветы были вырезаны из камня. Мы несли букет по очереди, и я хотел было выбросить часть цветов, но Алиса ни за что не соглашалась.

До корабля мы добрались чуть живые. К счастью, пока нас не было, ничего там не произошло.

— Ну как? — спросил Зеленый. — Неудача, конечно?

— Полная неудача, — ответил Полосков, снимая башмаки и вытягиваясь на диване в кают-компании.

Алиса притащила тем временем два больших горшка и налила в них воды, чтобы зеркальные цветы не засохли.

— Да, — сказал я, — корабля там нет. К тому же мы потеряли говоруна. Может, он попал в когти птице Крок.

— Ничего, — сказал Полосков, лежа на диване. — Завтра с утра я начну ремонтировать металлоразведчик, и мы не улетим с этой планеты, пока не найдем капитана.

Что-то больно ударило меня по ноге. Я наклонился и увидел, что это алмазная черепашка.

— Как она сюда попала? — спросил я Зеленого. — Ведь мы заперли ее в сейф.

— Она так скреблась и стучалась, — ответил Зеленый, — что я ее пожалел. А что за странные цветы вы принесли?

— Зеркальные цветы, — сказал я.

Зеленый подошел к букету и спросил:

— Зеркальные?

— А что?

— Я в них смотрюсь, а они отражают вовсе не меня, — сказал он.

Я обернулся и понял, что Зеленый совершенно прав: в зеркальных серединках цветов отражался вовсе не он, а Алиса. А за ее головой были видны маленькие фигурки — моя и Полоскова. И стояли мы не в кают-компании, а на круглой поляне.

— Очень интересно! — сказал я. — Значит, эти цветы, пока живые, все отражают и запоминают, будто фотографируют.

Тук-тук-тук! — раздалось в кают-компании. Полосков вскочил с дивана и кинулся к иллюминатору.

По ту сторону стекла сидел говорун и стучал клювом, чтобы привлечь наше внимание.

— Ты только подумай, какой умница! — сказал я. — Сейчас мы тебя впустим.

Оба клюва говоруна открывались. Он что-то говорил, но мы не могли ничего услышать через стену корабля.

Когда я выбежал к люку и открыл его, говорун уже поджидал меня там. Он влетел в корабль и сразу направился в кают-компанию. Я шел за ним по коридору. Говорун летел неуверенно, потом спустился на пол и пошел, прихрамывая, пешком. Полосков открыл дверь в кают-компанию и при виде птицы сказал:

— Ну и попал ты, бедняга, в переделку!

Говорун ответил невпопад:

— Больше держаться нет сил! Скоро ли придет помощь?

— Это голос Второго капитана, — сказала Алиса. — Он видел Второго капитана!

— Алиса, — сказал я, — но ведь Второй капитан мог сказать эти слова и четыре года назад. Ты же знаешь, какая хорошая память у говоруна.

— Нет, — сказала Алиса, — он видел Второго капитана. Пошли скорей назад, на поляну.

— Нет, только не сейчас, — ответил Полосков. — Даже у меня ноги не ходят. А ты — девочка. Ты устала в десять раз больше. И кроме того, в том месте, где мы были, капитана нет. Даже если бы в десяти метрах в окружности была хоть одна пуговица, хоть одна гайка, металлоискатель ее бы нашел.

— Значит, надо было отойти на десять метров в сторону, — сказала упрямо Алиса. — И если вы не пойдете, я пойду одна.

— Сначала ты выспишься, — сказал я строго. — А потом мы все вместе вернемся в тот район. Мы же обещали, что не улетим с планеты до тех пор, пока не найдем капитана... или пока не убедимся, что его здесь нет.

Глава 17

МЫ СМОТРИМ В ПРОШЛОЕ

Жить на такой планете было бы нелегко. Когда мы поднялись утром, корабельные часы показывали восемь часов, а за иллюминатором смеркалось — снова начиналась короткая ночь. Пока мы завтракали, ночь миновала и наступило утро.

Яркие лучи осветили кают-компанию, и Алиса, взглянув на зеркальные цветы, стоявшие в вазах, сказала:

— Смотрите, меня уже нет.

В зеркалах, в которых вчера вечером отражалась Алиса, виднелась знакомая нам поляна, но на ней никого не было. Пока мы смотрели на зеркала, во всех цветах поляна померкла, наступили сумерки. Мы глядели в темные зеркала цветов, и я сказал:

— Это странные цветы — цветы-фотоаппараты.

В зеркалах начало светать. Мы даже забыли о завтраке. Никто не мог оторваться от удивительного зрелища. Не спеша, минута за минутой, цветы, оказывается, фотографировали все, что происходило на поляне. И теперь показывали нам.

— Интересно, сколько эти цветы живут? — размышлял вслух Полосков.

— Наверно, несколько дней, — ответил я. — Как и все цветы.

И тут мы увидели в зеркалах отражение зверька, похожего на зайца. Он выскочил из кустов и помчался к цветам. В зеркалах еще не рассвело, и поэтому мы не сразу поняли, что же странного в его движениях.

— Да он же прыгает задом наперед! — воскликнула Алиса.

Зверек и на самом деле приближался к цветам задом наперед. А потом, постояв перед цветком, таким же странным образом вернулся в кусты.

— Испорченное кино, — засмеялась Алиса. — Сапожники! Смените ленту!

— Нет, — сказал Полосков. — Это не испорченное кино. Потому что эти цветы не просто зеркала, а зеркала фотографирующие. Они могут это делать, если на их зеркале все время нарастает слой за слоем. Тончайшие слои. Миллионы слоев. Только одно изображение закрепится в зеркале — его прикрывает следующий слой. И так далее. А когда цветок срезан, он не может дальше наращивать слои в зеркале, и они начинают слезать с него — слой за слоем. И мы видим то, что видело зеркало. Только наоборот. Как будто пленку отматывают назад. Ясно?

— Вполне возможно, — согласился я. — Очень интересный цветок. Но нам пора собираться. Пускай Полосков готовит к полету металлоразведчик, а я съезжу на вездеходе на ту поляну и поищу, нет ли вокруг нее следов погибшего корабля «Синяя чайка».

— Я с тобой, папа, — сказала Алиса. — И говоруна возьмем.

— Ладно.

Я пошел вниз готовить вездеход, а Алиса осталась в кают-компании. Ей интересно было смотреть кино наоборот.

— Алиса! — крикнул я, заводя машину. — Ты готова?

— Сейчас! — крикнула Алиса в ответ. — Одну минутку! — И тут же позвала меня: — Папа, скорее сюда! Да скорее же! А то они уйдут.

Я в три прыжка взлетел по трапу и вбежал в кают-компанию. Алиса стояла у зеркал.

— Смотри, — сказала она, услышав, что я вошел.

Во всех зеркалах отражалась одна и та же картина: посреди поляны стояли два человека: толстяк в кожаном костюме и доктор Верховцев. За кустами был виден острый нос скоростного космического корабля.

Толстяк с Верховцевым о чем-то спорили. Потом задом наперед ушли.

— Они где-то здесь, — сказала Алиса. — Они не догадались, что цветы их выдадут.

— Похоже, что ты права, — ответил я. — Но почему? Почему?

— Что — почему?

— Наверно, они тоже не знают, где капитан. А то почему они гоняются за говоруном?

— А может, капитан у них в плену и они боятся, что об этом узнают? Они поймали капитана, посадили его в тюрьму, а говорун улетел. Вот они и боятся.

— Но зачем кому-то сажать капитана в тюрьму? Выдумщица ты, Алиса!

— И ты ничего не будешь делать? Пускай так все и остается?

— Нет, — ответил я. — Безделье — самое бездарное занятие.

Я потянулся к микрофону, нажал кнопку и сказал:

— Полосков, Зеленый, слушайте. Только сейчас на зеркале цветка мы с Алисой видели толстяка с Верховцевым. Это значит, что они были здесь по крайней мере за день до нас. Они прилетели на скоростном корабле. Что вы думаете по этому поводу? Перехожу на прием.

— Я думаю, что Второй капитан где-то на этой планете, — сказал Полосков.

— А я думаю, что нам лучше сейчас улететь отсюда, — сказал Зеленый. — Нас всего трое, и наш корабль не защищен от нападения. Мы должны немедленно лететь к населенной планете и оттуда связаться с Землей или Фиксом. Оттуда прилетит специальный корабль из Службы галактической безопасности. Они лучше нас справятся с неожиданностями.

Зеленый, конечно, говорил разумно. Но он всегда преувеличивает трудности и опасности. Поэтому я сказал:

— Пока что никто на нас не нападает. Хотя, конечно, мы должны принять меры защиты.

— Правильно, — согласился со мной Полосков. — Улетать так вот, сразу, мне не хочется. Сначала мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь Второму капитану.

— Правильно, — сказала Алиса.

— Даже удивительно! — сказал Зеленый. — Можно подумать, что я струсил. А я просто стараюсь быть разумным. На борту у нас ребенок и беззащитные звери. Может так получиться, что мы капитану не поможем и сами пострадаем. Но если капитан решает, что нам нужно остаться, я буду сражаться до последнего патрона.

— Ну, до этого, надеюсь, не дойдет, — ответил я. — Мы прилетели сюда для того, чтобы выяснить, не случилось ли беды с одним из капитанов. Мы ни на кого не собираемся нападать и ни с кем не хотим воевать.

— А я, кстати, не такой уж беззащитный ребенок, — сказала Алиса. — Поедем на поляну?

— Погоди, — сказал я. — Посмотрим еще в зеркала.

Но больше там ничего не происходило. Так ничего и не дождавшись, мы с Алисой все-таки взобрались в вездеход и объехали на нем окрестности поляны. Мы нашли только следы посадки корабля за холмами. Трава там была выжжена тормозными двигателями, и узкая тропинка вела сквозь кусты к поляне.

Мы вернулись к обеду и застали Зеленого в кают-компании. Он задумчиво стоял перед зеркальными цветами и тянул себя за рыжую бороду. В другой руке у него была вибробритва.

— Ты чего, Зеленый? — спросил я.

— Думаю, — ответил механик.

В зеркалах отражался тихий солнечный день.

— Я думаю, — продолжал Зеленый, — сколько живут эти цветы.

— Наверно, несколько дней, — сказал я.

— А вдруг им вовсе не несколько дней, а много лет? Вдруг они год за годом запоминают все, что происходит вокруг? Посмотри, какие толстые зеркала — сантиметров по шесть каждое. И очень плотные. А за два дня, пока стоят у нас, они не стали тоньше. Можно, Алиса, я произведу операцию над одним цветком?

— Давайте, — сказала Алиса, которая сразу сообразила, в чем дело.

Зеленый перенес один из цветков на стол в лабораторию, закрепил его зажимами и начал тонкую операцию.

— Я сниму сразу сантиметр, — сказал он.

— Погоди, — остановил я механика. — Начни с тонкого слоя: может быть, ничего и не получится.

Зеленый послушался меня и включил вибробритву. Индикатор, белый от любопытства, вышел из угла и подошел поближе, тихо переступая ногами-палочками. Кустики зашевелились в своей клетке — думали, что будут давать компот. Паук-ткач-троглодит перестал вязать шарф.

Тонкий слой, прозрачный, словно целлофановая пленка, отделился от зеркала. Зеленый осторожно снял его и положил на стол.

Несколько секунд зеркало оставалось темным, но в тот момент, когда я уже решил, что ничего не получилось, зеркало вдруг просветлело. Оно отражало на этот раз ветреный, пасмурный день.

— Все правильно! — сказала Алиса. — Поехали глубже в прошлое!

— Но как мы сможем считать дни? — подумал я вслух. — Ведь мы же не знаем, какой толщины слой одного дня.

Но Зеленый меня не слушал. Он поддел ножом край зеркала и приподнял сразу полсантиметра зеркальной поверхности. Слой отогнулся. Индикатор, от нетерпения меняя цвета, как светофор на оживленном перекрестке, не удержался, сунул длинный тонкий нос под руку Зеленому.

— Ну вот! — расстроился Зеленый. — Я не могу работать, если мне все мешают!

— Он нечаянно, — вступилась за индикатора Алиса. — Ему же интересно.

— Всем интересно, — сказал Зеленый. — Но я ни за что не ручаюсь.

— Продолжайте, — попросил я.

Зеленый осторожно снял слой.

— Как стекло в иллюминаторе, только гнется, — сказал он. Мы все склонились над ставшим чуть тоньше темным зеркалом.

Понемногу оно прояснилось. Все та же поляна. Но только трава стала бурой, кусты осыпались, а оставшиеся листья пожелтели. Ни бабочек, ни пчел — тоскливо и мрачно. С пасмурного неба сыплет редкий снег, но не остается на земле, а медленно тает на травинках.

— Осень, — сказала Алиса.

— Осень, — согласился Зеленый. Он поднес к зеркалу лупу и сказал: — Обыкновенным глазом не видно, но очень интересно смотреть, как снежинки появляются на кустах и взлетают в небо.

Мы все по очереди посмотрели на снежинки наоборот. Даже индикатор посмотрел и зашелся салатным цветом от удивления.

— Сколько времени с осени прошло? — спросил меня Зеленый.

— Сейчас лето, — ответил я. — Год здесь чуть больше четырнадцати земных месяцев. Значит, примерно наш год.

— Так, — сказал Зеленый и достал из шкафчика микрометр. — Теперь, — сказал он, — мы сможем точно сказать, сколько зеркалу лет и...

— ... и сколько нам нужно снять с него, чтобы увидеть поляну, какой она была четыре года назад, — закончила за него фразу Алиса.

— Сначала, — сказал Зеленый, — срежем с зеркала чуть поменьше четырех лет.

— Не много ли? — спросил я. — Ведь стоит срезать больше, и мы пропустим тот момент, когда здесь был Второй капитан.

— Пропустим — не страшно, — сказал Зеленый, отмечая толщину слоя, — у нас еще целый букет.

Пока он говорил, я краем глаза увидел, что алмазная черепашка быстренько топает к выходу из лаборатории. Проклятая непоседа опять выбралась из сейфа. Я хотел было догнать ее, но потом передумал — жаль было упустить тот момент, когда Зеленый снимет с зеркала четыре года.

— Как у вас дела? — спросил по рации Полосков, который все еще колдовал с металлоразведчиком.

— Все в порядке, — сказал я.

— Тогда я сам полечу на разведчике. Не хочу его одного отпускать. Что-то ненадежно он работает.

— Когда будешь искать «Синюю чайку», — предупредил я, — не забудь, что на планете может оказаться еще один корабль.

— Не забуду.

— Оставь линию связи включенной. Если что, сразу свяжись с нами.

— Помню.

— Может быть, к твоему возвращению у нас будет сюрприз.

— Отлично! Только я люблю хорошие сюрпризы. Плохих сюрпризов не выношу.

Полосков улетел. Слышно было, как зажужжал разведчик, поднимаясь в воздух.

— Готово, профессор, — сказал Зеленый. — Рискнем?

В третий раз Зеленый снял слой с зеркала. На этот раз такой толстый, что еле удержал его в руке. Лепестки цветка облетели, и на столе лежала лишь круглая, вогнутая, словно тарелка, середина цветка.

Она долго не хотела светлеть. Уж очень давно на нее не попадал свет.

А когда наконец показалось изображение, мы поняли, что поляна выглядит совсем не так, какой мы ее видели теперь. Круг посредине, поросший теперь травой, был голый, серый, словно бетонная крышка гигантского люка. Можно было даже разглядеть круглую щель, отделявшую крышку от окружающей земли.

— Видишь! — торжествовала Алиса. — Это правильная поляна!

— Теперь осторожно, — сказал я. — Главное — не срезать лишнего.

— Понимаю, — сказал Зеленый, — не маленький.

Но точно срезать не удалось. Пятнистый, светлый, почти прозрачный от нетерпения и жгучего любопытства индикатор в самый ответственный момент нечаянно подтолкнул Зеленого в локоть. Вибробритва скользнула по плоскости и врезалась глубоко внутрь. Зеркало раскололось и упало со стола на пол.

Индикатор от стыда уменьшился вдвое, почернел. Он хотел, чтобы его убили. Он метался по лаборатории, гладя палочками ножек разъяренного Зеленого, наконец бросился на пол и стал совсем черным.

— Не расстраивайся, — уговаривала несчастного индикатора Алиса. — С каждым может случиться. Мы знаем, что ты ни в чем не виноват.

Она обернулась к Зеленому, который все еще проклинал индикатора на чем свет стоит, и сказала:

— Зеленый, не надо, пожалуйста! Ведь индикаторы такие чувствительные, что он может от расстройства умереть.

— И в самом деле, — поддержал я ее, — у нас еще целый букет. Ты же сам говорил.

— Ладно, — согласился Зеленый. Он человек отходчивый и, в общем, не злой. — Жалко, сколько времени потеряли. Может, минута нам осталась до того, как мы разгадаем тайну Второго капитана.

Индикатор, услышав это, съежился еще больше.

Во главе с Зеленым мы вернулись в кают-компанию. Индикатор плелся сзади, все еще почти черный, а вредные кустики вытягивали ветви, чтобы он споткнулся и упал.

Мы даже не успели войти в кают-компанию. Зеленый остановился в дверях и сказал только:

— Ах!

Я заглянул ему через плечо. Обе вазы были свалены на пол, а цветы разорваны, растоптаны, уничтожены какой-то злобной силой. Ни одного целого зеркала не осталось. Лепестки были разбросаны по всей комнате.

И вдобавок ко всему снова исчез говорун.

Глава 18

ШПИОН

Цветы были уничтожены. Говорун пропал. Мы остались у разбитого корыта. Как помочь капитану? Я протянул руку к микрофону и вызвал Полоскова.

— Геннадий, — сказал я, — у нас тут осложнения. Скажи, ты где сейчас?

— Лечу над Северным полюсом планеты. Пока ничего не обнаружил. А что у вас случилось?

— Сейчас некогда рассказывать. В общем, нам удалось с помощью зеркальных цветов узнать, что было здесь четыре года назад. Вернее, почти удалось узнать. Но в этот момент кто-то разбил все зеркала. Нам нужны зеркальные цветы. Сколько тебе лететь до поляны?

— Минут двадцать, — сказал Полосков. — Но потом еще столько же мне надо будет снижаться.

— Тогда не беспокойся, — сказал я. — Продолжай полет.

— И не подумаю, — ответил Полосков. — Я поворачиваю к «Пегасу». Если кто-то мог разбить цветы, значит, или на корабле, или возле него есть враги. Ничего не предпринимайте без меня.

— Хорошо, — согласился я.

Когда я повесил микрофон на место, Алиса сказала:

— Побежали скорей на поляну.

— Зачем? — спросил я.

— Неужели не понятно? Сорвем новые цветы. Видно, их тайна такая важная...

— Но...

— Давайте я поеду на вездеходе, — сказал Зеленый. — Ничего со мной не случится. Я сниму четырехлетний слой на месте и немедленно сообщу вам на корабль.

— Я с Зеленым, — сказала Алиса.

— Да погодите вы! — возразил я. — Подождем Полоскова. У него катер, и мы доберемся до поляны куда быстрее, чем на вездеходе. И лучше нам теперь не разделяться. А пока надо посмотреть, как мог забраться на корабль тот, кто разбил зеркала.

Я вышел в коридор и пошел к люку. Если люк закрыт, значит, злоумышленник скрывается на «Пегасе». Если он открыт, значит, кто-то вошел на «Пегас», натворил бед и убежал. В это я мало верил. Ну когда ему было забраться на корабль, найти дорогу в кают-компанию, специально уничтожить все цветы? Почему он этим занялся именно тогда, когда мы заглянули на четыре года назад? Как догадался? И я понял, что этот негодяй скрывается на корабле и знает, что мы вот-вот разгадаем тайну Второго капитана. Это был кто-то, кто видел, чем мы занимаемся... Но кто? В лаборатории были Зеленый, Алиса и я. Если не считать индикатора. Ага, индикатор! Он толкнул Зеленого под локоть!.. Нет, быть не может. Индикатор хоть и очень чувствительное существо, но он все-таки зверь, не больше. Даже говорить не умеет. А может, не хочет?

И тут я подошел к люку. Люк был раскрыт настежь.

Все мои теории рассыпались на мелкие кусочки. Да и не могли не рассыпаться. Если бы я подумал еще чуть-чуть, то вспомнил бы, что индикатор ни на секунду от нас не отлучался и не мог разбить зеркала в кают-компании.

Люк был распахнут, и таинственный злодей ушел с корабля, утащив с собой нашего драгоценного говоруна. Может, вообще последнего говоруна на свете.

На лужайке перед кораблем светило солнце, зеленели кусты и пели птицы. Мир и благодать. Даже трудно поверить, что здесь происходят не очень приятные события.

Я поглядел на небо. Не летит ли Полосков? Полоскова пока

что не было. Лишь высоко-высоко, под самыми облаками, кружила птица Крок.

— На помощь, капитаны! — услышал я вдруг знакомый голос. — Только вперед, а там разберемся.

— Ты где, говорун? — крикнул я. — Тебе нужна помощь? Я спешу!

— «Три танкиста, — запел из кустов говорун голосом Первого капитана, — три веселых друга — экипаж машины боевой!»

Я побежал на голос птицы, раздвинул кусты и увидел говоруна. Говорун не мог лететь, потому что он катил перед собой клювом тяжелую алмазную черепашку. Он помогал себе ногами, крыльями, а свободным клювом распевал песни и звал на помощь.

— Вот спасибо тебе! — сказал я. — Вот спасибо! А мы уж начали беспокоиться, куда ты снова запропастился.

Говорун гордо распрямился и аккуратно сложил крылья. Он сделал свое дело.

Я подобрал черепашку.

— Молодец! — сказал я говоруну. — Увидел, что эта проказница опять удирает, бросился за ней, догнал и притащил домой. Тебе за это положено пять кусков сахара, не меньше.

Я пошел обратно к кораблю. Говорун медленно шествовал сзади и был горд собой.

— А ты, глупышка, — обратился я к черепахе, — ты же так заблудишься. Кто тебя здесь будет кормить? Ты забыла о том, что ты — редкое животное и принадлежишь Московскому зоопарку? И убегать тебе никуда нельзя...

Тут я услышал над собой шелест крыльев и в два прыжка подскочил к люку. Я уже научился угадывать птицу Крок по полету. Говорун влетел в люк вместе со мной, и мы захлопнули крышку. Потом уселись на пол перед люком, чтобы перевести дух, а птица Крок тем временем стучала в крышку люка своим железным клювом.

Алиса с Зеленым встретили нас в коридоре. Они встревожились, куда я мог деться.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал я им. — Оказывается, наш говорун — умница. Увидел, что алмазная черепашка опять отправилась в путешествие, догнал ее и вернул домой. Вот уже, наверно, черепашка перепугалась!

Черепашка отбивалась когтями и старалась вырваться из рук.

— А как же черепашка выбралась наружу? — удивилась Алиса. — Ведь люк был заперт.

— Ничего удивительного, — ответил я, — тот, кто поломал зеркала, и открыл люк.

— А откуда у него ключ от корабля? И вообще, где электронный ключ от «Пегаса»? Он же висел в кают-компании.

— В этой тайне не разобраться и Шерлоку Холмсу, — сказал Зеленый.

— А я разберусь, — ответила Алиса. — Я знаю.

— Ну, и что ты знаешь?

— Отгадка тайны у тебя в руке.

Я посмотрел на свои руки. Они были заняты алмазной черепашкой.

— Не понимаю, — сказал я.

— Погляди, что она прячет в клюве.

Голова черепашки была засунута под панцирь, но кончик электронного ключа от «Пегаса» выглядывал наружу. Я потянул за ключ. Черепашка сопротивлялась, держала его мертвой хваткой, и мне пришлось потрудиться, прежде чем я отобрал у нее ключ. Что-то в черепашке щелкнуло, и ее лапки, усеянные мелкими камушками, вывалились из-под панциря и безжизненно повисли.

— Ну-ка, — сказал Зеленый, — дайте мне эту черепашку. Посмотрим, как она чирикает.

Я, все еще не понимая, что же происходит, передал механику умершую черепашку и рассеянно повесил ключ на место. Зеленый положил черепашку на стол, достал из кармана комбинезона отвертку и, осмотрев черепашку со всех сторон, поддел отверткой под панцирем. Панцирь щелкнул, как крышка шкатулки, откинулся в сторону, и под ним обнаружилось скопище элементов, памятных ячеек, атомные батарейки — черепашка оказалась искусно сделанным миниатюрным роботом...

— Понятно теперь, почему она была такой шустрой, — сказала Алиса. — То в машинное отделение забраться хотела, то за нами бегала. Вспомни, папа, она ведь всегда под ногами крутилась, когда мы разговаривали о важных вещах.

— Чудо техники, — произнес с уважением Зеленый. — Здесь и передающее устройство, и даже маленький антигравитатор.

— Значит, толстяк знал о каждом нашем слове, — сказал я.

— Конечно, толстяк! — вспомнила Алиса. — Черепашка — его подарок.

— Но мне неудобно было отказать ему. Он так настойчиво дарил ее нашему зоопарку.

— Это просто здорово, что он не подарил зоопарку мину замедленного действия, — сказал мрачно Зеленый. — Вот тебе и внутренний враг. Она же в лаборатории слышала, что мы нашли способ заглянуть в прошлое, и тут же получила приказ помешать. Вот она и разбила остальные цветы в кают-компании. И я могу поспорить на что угодно, что на поляне уже ни одного цветочка тоже не осталось. Хозяева черепашки постарались.

— Правильно, — сказала Алиса. — А потом она подхватила ключ от корабля и убежала.

— Да, — сказал я. — Но у нас есть теперь одно преимущество перед толстяком и Верховцевым.

— Какое?

— Они не знают, увидели мы что-нибудь в зеркале или ничего не увидели.

— Сейчас не это главное, — ответил Зеленый.

— А что?

— Самое главное — почему черепашка вдруг убежала с «Пегаса».

— Она сделала свое дело и убежала, — сказал я.

— Но ведь мы ее ни в чем не подозревали. Крутилась бы под ногами и дальше передавала наши разговоры своим хозяевам. А она вдруг убежала.

— Но, может быть, она нужнее сейчас в другом месте?

— Вряд ли, — сказал Зеленый. — Не нравится мне это. Вернее всего, она подложила в корабль мину замедленного действия, и в любой момент мы можем взлететь на воздух. И сами взорвемся, и зверей погубим. Я предлагаю немедленно эвакуировать корабль.

— Погоди, — остановил я Зеленого. — Если бы им хотелось взорвать нас, они могли сделать это раньше.

В коридоре послышались быстрые шаги. В кают-компанию вбежал Полосков. Он сразу увидел на столе разобранную черепашку, и объяснять ему почти ничего не пришлось.

— Значит, они еще на планете, — сказал Полосков. — Без их приказа черепашка не стала бы губить зеркала. Она ведь только робот.

— Они приказали ей подложить мину, — повторил Зеленый, — и велели сматываться.

Мы все глядели на Полоскова, ждали, что скажет капитан.

— Чепуха! — сказал капитан.

— Но тогда почему она убегала?

— Ключ от корабля им несла, — сказал Полосков. — Зачем же им ключ от взорванного корабля?

— Ни зачем, — сказала Алиса. — Ну и умный у нас капитан!

— Я-то обыкновенных способностей... — сказал Полосков.

— ...а мы глупые! — обрадовалась Алиса. — Надо было догадаться, что черепашка не могла никакой мины подложить. Когда бы она успела за ней сбегать?

— Тоже правильно, — сказал Полосков. — Но главное сейчас не в этом. Толстяк и доктор Верховцев подозревают, что мы разгадали тайну Второго капитана, и они решили пожаловать к нам на «Пегас». Тайно или явно, я не знаю, но нам надо ждать гостей. И приготовиться к их приходу.

— Но как же остальные цветы? В самом деле, мы же ничего не знаем.

Глава 19

ГДЕ ДЕВЧОНКА?

Это не так просто — поднять космический корабль и перебросить его всего на несколько километров в сторону. Это труднее, чем улететь с планеты. Не всякий капитан на это согласится.

Но Полосков решил перегнать «Пегас» на поляну. В корабле безопаснее, и без нашего разрешения никто в него не заберется.

Пока Полосков рассчитывал, как лучше прыгнуть «Пегасу», мы разошлись по кораблю, чтобы привязать раскиданные вещи, проверить клетки со зверями и убрать в шкаф посуду. В общем, через полчаса «Пегас» был готов к полету.

Мы собрались на мостике. Полосков сел к пульту управления, я — на место штурмана, Алиса — чуть сзади.

— Двигатели готовы? — спросил Полосков в динамик.

— К старту готов, — ответил из машинного отделения Зеленый.

Но Полосков не успел сказать: «Старт...»

Белая огненная полоса разрезала голубое небо. Рядом с нами спускался другой космический корабль. От толчка наклонились деревья и дрогнула земля.

— Погоди минутку, — сказал Полосков Зеленому, глядя в иллюминатор.

— Что там у вас? — спросил Зеленый.

— Соседи спустились.

— Кто?

— Не знаю еще. За деревьями не видно. Но будь готов стартовать немедленно. Может, это они.

— Верховцев? Толстяк?

— Да.

Мы привстали в креслах, не отрывая глаз от леса. Над деревьями торчал нос корабля. Совсем недалеко, метрах в двухстах. Мне даже показалось, что я слышу, как открывается люк на том корабле, как падает на землю трап... Вот они спускаются вниз, бегут через кусты. Друзья или враги?

Кусты раздвинулись, и на площадку перед «Пегасом» выбежал человек. На нем был скафандр, правда без шлема. На поясе этого человека был пистолет. Человек поднял руку, приказывая нам остановиться. И тут мы все его узнали.

— Доктор Верховцев! — сказала Алиса. — Без шляпы.

— Верховцев, — повторил Полосков и склонился к динамику. — Зеленый, старт!

Наш корабль тут же отозвался на слова Полоскова, чуть покачнулся, загудели двигатели, и мы, набирая скорость, начали подниматься в воздух.

— Отлично, Зеленый, — сказал Полосков.

— Кто это был? — спросил Зеленый.

— Верховцев, — ответил Полосков.

«Пегас» завис на секунду над площадкой, и доктор Верховцев отступил назад, под защиту кустов. Он махал руками и очень сердился.

— Что? — крикнула Алиса, хотя Верховцев не мог нас услышать. — Руки коротки?

— Алиса, — сказал я укоризненно, — разве можно так разговаривать со старшими?

Полосков засмеялся.

— А он без шляпы, — сказала Алиса, будто и не слышала моих слов. — Потерял шляпу. Спешил.

Корабль наклонился, беря курс к поляне, и вскоре наш враг превратился в муравьишку, и я заметил, как он поспешил обратно к своему кораблю.

— Теперь, — сказал Полосков, — у нас есть время в запасе. Пока они вернутся на свой корабль, задраят люки и заведут двигатели, пройдет полчаса. И за эти полчаса мы должны найти Второго капитана. Это трудная задача.

— Даже здорово, — сказала Алиса, — что они решили нас поймать. По крайней мере, мы знаем, что на поляне их нет.

Круглая поляна была уже под нами. Полосков осторожно посадил «Пегас» точно в ее середине. Пока мы спускались, я заметил множество ярких блесток, словно вокруг поляны искрился иней. А когда мы снизились, я понял, что это не иней, а осколки разбитых зеркал. Мы были правы — враги успели погубить все цветы.

«Пегас» снизился на траву, выпустил амортизаторы, и Алиса первой отстегнула ремень. Ей не терпелось выбежать на поляну. В этот момент «Пегас» вздрогнул, пошатнулся, Алиса покатилась к стенке. Зеленый закричал снизу:

— Куда мы летим?

Затем был удар, еще удар, треск амортизаторов — наш корабль падал в какую-то пропасть. Я хотел отстегнуть ремень, чтобы найти Алису и помочь ей, но еще один, последний удар оглушил меня, и, когда я пришел в себя, наш корабль стоял, накренившись, в темноте.

И было очень тихо.

— Алиса, — спросил я, быстро отстегивая ремни и путаясь в застежках. — Алиса, как ты?

— Нормально, — спокойно ответила Алиса. — Немножко ушиблась.

Голос Зеленого донесся до нас издалека.

— Ох, — сказал Зеленый. — Куда ты нас посадил, Полосков? Теперь мы никогда отсюда не выберемся.

— Ты жив-здоров? — спросил Полосков.

— Здоров, — сказал Зеленый. — А все-таки, куда мы попали? С горы свалились?

— Хуже, — ответил Полосков и включил аварийное освещение мостика. Шкалы приборов на пульте загорелись, словно звездное небо. — Мы провалились сквозь землю.

И тут я понял, что во всем виноват я сам. Я должен был предупредить Полоскова, сказать ему о том, что мы видели в зеркале цветка.

— Голову мне оторвать мало! — сказал я в сердцах. — Ведь в зеркале четыре года назад на месте полянки была бетонная плита!

— Правильно, — сказала Алиса.

Она нашла меня в полутьме, подобралась по наклонному полу и взяла за руку.

— Конечно, там была плита, — сказала Алиса. — И мы забыли сказать о ней Полоскову.

— Какая плита? — спросил Полосков.

Я рассказал ему о том, что четыре года назад вместо травы на поляне была плита и даже можно было различить круглую щель по ее краям.

— Никогда бы не сел, если бы знал заранее, — сказал Полосков.

Он очень расстроился. Любой капитан расстраивается, когда с его кораблем случается несчастье.

— Ну ладно, плакать не будем, — сказал Полосков, который умел владеть собой. — Зеленый, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Достань фонари из кладовки и проверь, насколько серьезны повреждения в машинном отделении.

— Я уже проверяю, — сказал Зеленый.

Полосков нажимал на кнопки, глядя, в каком состоянии находятся приборы и машины «Пегаса». Проверкой он остался доволен.

— Слушайте, — сказал он, — серьезных повреждений, по-моему, нет. Но при падении сломался один из амортизаторов. Так что придется выбраться наружу и посмотреть, как его починить. Я пойду, а остальные останутся на корабле.

— Ничего подобного, — сказал я. — Ты, Полосков, нужнее на корабле. Если что-нибудь случится, без тебя «Пегасу» не подняться. Пойду я.

— Я пойду, — сказал Зеленый из машинного отделения; он слушал весь наш разговор.

— И я тоже, — сказала Алиса.

Мы не смогли переспорить друг друга и к люку вышли все вместе.

— Странно! — сказал Полосков, отпирая люк. — Если мы провалились в яму, то сверху должен падать свет. А здесь совсем темно.

— Может, мы очень глубоко упали? — спросила Алиса.

— Нет, если бы мы упали глубоко, то амортизатором бы не отделались. Яма неглубокая.

Полосков распахнул люк. За ним было совсем темно.

— Вот видите, — сказал Полосков. — Дай фонарь, Зеленый.

— Ой, — вскрикнул Зеленый, — я не могу, кто-то держит меня за ногу!

Зеленый, прежде чем я успел прийти к нему на помощь, включил фонарь и начал водить им из стороны в сторону, стараясь найти того, кто на него напал.

Но это оказался всего-навсего индикатор. Ему было страшно

в темноте, он сумел отпереть свою клетку и догнать нас у люка. В луче фонаря индикатор был испуганного желтого цвета. Он дрожал и прижимался к ноге Зеленого.

Полосков взял у Зеленого фонарь и направил сильный луч света вперед. Там была темнота — видно, яма, в которую мы попали, была очень велика. Полосков направил луч света наверх, и он уперся в ровную поверхность.

— Как в чайнике, — сказал Полосков. — Попали внутрь, и крышка закрылась. — Он еще раз обвел лучом вокруг. — Здесь никого нет, — сказал он. — И давно не было.

Полосков спустил трап и сошел вниз. Он постучал каблуком по земле и сказал, обернувшись к нам:

— Камень. Ходить можно.

Мы спустились вслед за ним. Пока Полосков обходил вокруг корабля, осматривая, насколько серьезно сломался амортизатор, я посветил еще раз фонарем наверх. И вскоре нашел то, что искал: по потолку шла тонкая полоска, которая, закругляясь, обозначала край каменной плиты. Да, Полосков был прав — крышка открылась, когда мы на нее опустились, и тут же захлопнулась за нами.

Я, светя перед собой фонарем, обошел корабль с другой стороны. Здесь было также темно. Я включил луч на полную мощность, и он уперся во что-то темное.

— Я пройду немного в эту сторону, — сказал я громко, чтобы Полосков услышал. — Там что-то есть.

— Погоди, папа, я с тобой, — сказала Алиса.

— Только далеко не отходите, — сказал Полосков.

Алиса подбежала ко мне. Она держала в руке большой фонарь.

Мы прошли шагов двадцать, светя перед собой, и тогда поняли, что в яме, кроме нас, стоит еще один космический корабль. А когда мы подошли поближе, Алиса прочла его название:

— «Синяя чайка».

— Полосков! — позвал я, и мой голос, отражаясь от стен, усилился и загремел, словно в бочке. — Полосков! Зеленый! Мы нашли Второго капитана!

Я услышал глухой топот — Полосков и Зеленый бежали к нам. Яркие белые пятна их фонарей колыхались на бегу.

— Где?

Корабль «Синяя чайка» возвышался над нами. Он был тускло

лый от пыли, покрывшей его за много лет. Он казался мертвым, покинутым людьми. На его люке висел большой замок.

— Вот, оказывается, что с ним случилось, — сказал я.

— Он попал в эту яму, — сказал Полосков, — и, видно, Второй капитан не смог выбраться отсюда.

— Вот и мы не сможем, — мрачно произнес Зеленый. — И придется нам доживать свои дни в этой пещере. Я же говорил, что надо лететь за помощью. Я предупреждал.

— Без паники на борту, — строго сказал Полосков. — Мы обязательно отсюда выберемся. А сначала я предлагаю войти в «Синюю чайку». Раз уж мы его нашли, надо довести дело до конца.

— Но люк закрыт, — сказал я. — И трапа нет.

И вдруг над нашими головами вспыхнул яркий свет. Такой яркий, что мы все зажмурились. А когда я открыл глаза, то успел заметить, что с высокого потолка на нас опускается большая сеть. В следующую секунду мы были опутаны ею, как птенцы.

И когда мы попытались распутаться, барахтаясь и мешая друг другу, сверху раздался громкий голос:

— Не шевелиться! Вы в плену!

Прикрыв ладонью глаза от яркого света, я посмотрел в ту сторону, откуда раздавался голос. По ровному, блестящему полу громадной пещеры к нам шли толстяк, по прозвищу Весельчак У, и доктор Верховцев, опять надевший свою шляпу. В руках у них были пистолеты, направленные на нас.

С другой стороны подходили еще два человека в черных кожаных мундирах.

— Бросить оружие! — приказал толстяк. — Ну, кому говорю?

— Слушайся его, — шепнул я Полоскову. Только у Полоскова был с собой пистолет.

Полосков вынул пистолет из кобуры и бросил на пол. Пистолет громко звякнул.

Сеть поднялась.

За несколько секунд, пока не подошли наши враги, я успел оглядеться. Ловушка, в которую попал наш «Пегас», была громадной, но невысокой пещерой. В ней на некотором расстоянии друг от друга стояли два корабля — «Пегас» и «Синяя чайка». Между ними, освещенные ослепительным светом прожекторов, мы казались муравьями на полу большой комнаты.

Я посмотрел на моих друзей. Полосков глядел на подходивших врагов, и губы его сомкнулись в тонкую ниточку. Зеленый сжал кулаки и стал так, чтобы загородить спиной Алису. Алиса

прижалась ко мне. А с другой стороны к моей ноге прислонился желтый от страха индикатор.

— Вот и попались, голубчики, — сказал Весельчак У. — И очень хорошо.

Он говорил без злости и даже улыбался при этом. Но у доктора Верховцева, который успел переодеться — снять скафандр и надеть свою шляпу, — лицо было совершенно неподвижно, как маска, и глаза казались пустыми.

Алиса отошла от меня на полшага.

— Ты куда? — спросил я ее.

— Я здесь, — шепнула Алиса.

Два человека в черных мундирах держали нас на прицеле, пока Верховцев по приказанию толстяка подошел к нам вплотную и подобрал пистолет капитана. Потом он быстро обыскал нас, проводя холодными руками по бокам и залезая в карманы.

— Все в порядке, — сказал он тихо, — больше у них оружия нет.

— Да и откуда быть оружию? — засмеялся толстяк. — Они же ловят бабочек. И не знали, что сами попадутся в ловушку. Как и этот вот. — Весельчак У показал толстым, словно составленным из трех сарделек, пальцем на «Синюю чайку». — Сами в ловушку попались! Никто не звал! — и громко рассмеялся. Потом приказал: — Надеть на всех кандалы!

Видно, наручники были заготовлены заранее. Один из черных людей открыл сумку, висевшую у него на плече, и достал оттуда связку блестящих наручников.

Пока он возился, разбирая наручники по парам, толстяк подошел ко мне вплотную и сказал, тыча в меня жирным пальцем:

— Ну что, не хотел отдавать говоруна, профессор?

— Не хотел, — ответил я.

— Погляди на него, — обернулся толстяк к Верховцеву. — Пожалел говоруна для старого друга! А где теперь птичка?

— Не знаю, — сказал я, хотя, конечно, знал, что говорун остался на корабле.

Видно, говорун толстяку все равно был нужен. И он сказал Верховцеву:

— Пойди осмотри «Пегас».

Потом обернулся снова ко мне и добавил:

— За то, что ты, профессор, сказал мне неправду, ты будешь наказан. И очень больно. Мои помощники это умеют делать. Но не сейчас, не сейчас... Наденьте на них наручники. Никогда нельзя им доверять.

Человек в черном мундире подошел ко мне и щелкнул наручниками. Руки мои были скованы.

— Следующий! — приказал Весельчак У.

Его помощник подошел к Полоскову. Он двигался размеренно и действовал так точно и обстоятельно, что у меня появилось подозрение, не робот ли это.

— Следующий, — сказал толстяк.

Наручники щелкнули на руках Зеленого.

— Следующий!

Помощник наклонился к индикатору и остановился в нерешительности. У индикатора десять ножек, и все такие тонкие, что их не заковать в наручники.

— Дурак! — сказал толстяк. — Девчонке надень! — Он оглянулся. — А где девчонка?

Алисы нигде не было.

Глава 20

В ПЛЕНУ

— Где девчонка? — суетился Весельчак У, и улыбка пропала с его лица, и странно было смотреть, как его короткие, толстые руки метались и суетились отдельно от тела.

— Какая девчонка? — спросил один из черных мундиров.

— Тут была девчонка! — кричал толстяк. — Ее звали... как ее звали? — Он достал из кармана записную книжку и прочел по складам: — «А-ли-са». Где Алиса? — На этот раз он смотрел на меня.

— Какая Алиса? — спросил я как можно спокойнее.

А в это время я ломал себе голову, как она сумела убежать. Ведь мы стоим на открытом месте, даже спрятаться негде.

— Была девчонка, — настаивал толстяк. — Я ее видел. Ты ее видел? — спросил он у Верховцева, который стоял, опустив руки, и будто спал с открытыми глазами.

Тот человек в черном, который ходил на «Пегас» за говоруном, вернулся обратно. Он тащил птицу, взяв ее за ноги, и голова говоруна болталась, чуть не доставая до пола.

— А, нашел, — обрадовался толстяк. — Открути ей голову.

— Чего? — спросил тот.

— Голову, говорю, ей открути. Она нам больше не нужна.

— Ни в коем случае! — возмутился я. — Нельзя говоруну голову скручивать. Это, возможно, последний говорун на земле.

Индикатор от возмущения посинел и бросился на тонких ножках к говоруну, желая, видно, его освободить. Но Весельчак У заметил это и рассмеялся.

— И ты туда же! — сказал он и ловко для такого толстого человека извернулся и подставил индикатору ножку.

Индикатор упал и почернел от обиды.

— Ну, — сказал толстяк, — ты чего время теряешь? Я же сказал, больше говорун нам не нужен. Отвинти ему голову.

Не знаю, понял говорун толстяка или нет, но он забился в руке черного человека и заговорил незнакомым мне голосом:

— Птица говорун охраняется законом планеты Блук как очень редкое и интересное создание. Охота на говорунов воспрещена, и нарушители этого правила подвергаются штрафу и общественному негодованию.

— Да заткни ты ему глотку! — завопил Весельчак У. — И без него хлопот полон рот!

И вдруг случилось совершенно непонятное происшествие. Человек в черном мундире поднял говоруна за ноги повыше, чтобы перехватить его за шею, и только протянул руку, как вдруг потерял равновесие и со всего маху упал на пол, ойкнул от неожиданности и упустил говоруна. Говорун на лету перевернулся и взмыл к потолку.

— Стреляй! — крикнул толстяк, выхватывая пистолет.

Загремели выстрелы. Раз или два пули чуть было не попали в говоруна, но он увертывался от них и полетел в дальний, неосвещенный конец зала.

Люди в черном побежали было за говоруном, но Весельчак У их остановил:

— Нечего теперь бегать! Упустили, ротозеи! Ты чего вдруг упал?

— Я не упал, — сказал человек в черном мундире. — Меня уронили.

— Молчи! — обозлился толстяк, и его кисельные щеки затряслись. — Будешь еще придумывать — я тебя сам уроню, тогда не встанешь! И нечего гоняться. Он все равно теперь в туннелях заблудится. И времени мало у нас. Другое дело есть.

Толстяк обернулся к тихому, мертвому кораблю «Синяя чайка» и спросил, будто корабль мог ему ответить:

— Ты меня слышишь?

Корабль не отвечал.

— Ну и не отвечай, — сказал толстяк. — Ну и не надо. Все равно я знаю, что ты нас слышишь. Сидишь там и наблюдаешь, думаешь, чего это я «Пегас» сюда затащил. Да для того я его затащил, что тебе придется сейчас сдаться.

Весельчак У подошел к «Синей чайке» поближе и продолжал:

— Четыре года ты не сдаешься. Четыре года думаешь, что твои дружки тебя спасут. Четыре года не веришь, что никто не знает, где ты. Четыре года ты надеешься, что твоя паршивая птица долетела до Венеры. Я уж думал, что ты так и умрешь в своей клетке. Но сегодня все изменилось. Сегодня ты откроешь дверь в корабль и отдашь то, что принадлежит мне по праву. Ты слышишь меня, капитан?

Никто не ответил толстяку. Голос его раскатывался по подземелью и отражался далеким эхом от стен. Эхо замолкло, и толстяк перевел дух.

— Где девчонка? — пробормотал он. — Мне очень нужна эта девчонка.

Доктор Верховцев стоял поодаль и смотрел в землю. Два других человека, в черных мундирах, отошли немного в сторону и выставили перед собой пистолеты, готовые выстрелить в любой момент.

— Я знаю, что ты меня слышишь, капитан, — начал снова Весельчак У. — Ты затаился в своей норе, отсиживаешься. Погляди в иллюминатор. Перед тобой три человека с Земли: глупый профессор, который носится по Галактике и собирает зверье, как будто лучше занятия придумать не мог, тихоня капитан и дурак механик с рыжей бородой.

Хоть я слышал все, что происходит вокруг, на самом деле мои мысли были заняты Алисой. Куда она могла исчезнуть? Где она сейчас скрывается?

— Ты уже много лет ставишь мне палки в колеса, — продолжал толстяк, глядя на «Синюю чайку». — Но сегодня мой праздник. Сегодня ты отдашь мне формулу. Ты слышишь?.. Молчит, — сказал толстяк другим голосом, тихо. — Думает. Сейчас мы его поторопим. Жалко только, девчонка куда-то запропастилась. С девчонкой было бы легче.

Он достал из кармана большой носовой платок и вытер потный лоб.

— Слушай, капитан, — сказал он. — Если ты через три минуты не откроешь люк и не вынесешь мне формулу, я прикажу

убить всех моих пленников. Но не сразу. Нет, не сразу. Сначала мы отрежем уши глупому профессору. Я зол на него больше всех, потому что он отказался отдать мне говоруна. Потом мы...

— Погоди, толстый пират, — раздался вдруг голос Второго капитана. Это был знакомый голос: мы слышали его уже несколько раз — ведь говорун бесподобно подражал голосам.

— То-то, — сказал Весельчак У.

— Тебе все равно нет места в Галактике, — продолжал Второй капитан. — Тебя все равно найдут и поймают, где бы ты ни прятался. Лучше послушайся меня — сдайся...

— Молчи! — перебил его толстяк. — Так мы не договоримся. По твоей милости и по милости твоих дружков я уже и так почти все потерял. И последнего тебе не отдам. Галактий будет моим.

— Стыдись, пират! — сказал Второй капитан. — Хоть и нет у тебя стыда.

Мы мало что понимали в этом разговоре. Ясно было только, что у Второго капитана было что-то такое, в чем толстяк был очень заинтересован. И не мог достать, не мог отнять. Слово «галактий» мне ничего не говорило. Я никогда раньше не слышал такого слова. А капитан «Синей чайки» отдать галактий не хотел.

— Не будем терять время, — сказал толстяк. — Меня не интересуют твои мысли и настроения. Стыд — это только для слабых. Мы, сильные, не знаем стыда. Говори: отдаешь формулу галактия?

— Мне надо поговорить с этими людьми, — сказал Второй капитан.

— Нет, — ответил толстяк, — говорить ты с ними не будешь. А то вы придумаете что-нибудь, чтобы меня обмануть. Ты откроешь сейчас люк и вынесешь мне формулу галактия. А я обещаю отпустить тебя и этих людей на свободу. На все четыре стороны. И если ты не сделаешь того, что я тебе говорю, ты будешь много дней корчиться от их криков. Ведь у тебя есть и стыд, и совесть.

— Не получится, толстяк, — сказал Второй капитан. — С тех пор как четыре года назад я опустился на этой планете, ты придумывал уже много способов отнять у меня абсолютное топливо, но ничего не получилось. Не получится и сегодня. Ты знаешь, что я сделаю?

— Что?

— Я взорву «Синюю чайку». Погибну сам, но галактия ты не получишь. Нельзя давать тебе в руки абсолютное топливо, потому что ты тогда натворишь столько бед, что жителям Галактики не исправить и за десять лет.

— Правильно, — сказал Весельчак У. — Но если ты думаешь, что, взорвав «Синюю чайку», ты спасешь профессора и его людей, то ошибаешься. Даю тебе торжественное слово Черной Мглы, что они все равно погибнут. На что мне эти пленники? Как только я их отпущу, они расскажут о моей планете Службе галактической безопасности, и через месяц за мной будут охотиться все крейсеры Галактики. Нет уж, пускай до поры до времени они думают, что меня нет в живых.

— Тогда я все равно должен все рассказать этим людям. Я их не встречал раньше, но если они у тебя в плену, значит, они хорошие люди. И посмотрим, что они скажут, выслушав мой рассказ.

— Нет! — крикнул толстяк.

— Молчи, — сказал спокойно капитан. — Куда тебе спешить? Ты успеешь выполнить свою угрозу.

— Пускай говорит, — сказал вдруг доктор Верховцев. — Он все равно видел, что говорун был у них на корабле. Пускай говорит, это его и их не спасет.

Толстяк развел руками — пожалуйста.

— Слушай, профессор, и слушайте, люди. Нас было три капитана. Много лет назад мы узнали о том, что в Галактике появились пираты. Этим пиратам были нужны деньги и драгоценности, им была нужна власть. Они хотели стать господами Галактики. Мы узнали о пиратах, когда они напали на планету Триада и угнали оттуда корабль. Мы догнали пиратов тогда, когда они захватили другую планету и обратили в рабство ее жителей. Там они втайне начали строить военный крейсер, чтобы нападать на торговые корабли. Долго рассказывать о том, как мы выследили пиратов, как мы проникли на порабощенную планету и подняли на ней восстание против захватчиков.

— Вы взяли нас обманом, — проворчал толстяк.

Доктор Верховцев махнул рукой:

— Пускай говорит. Недолго ему говорить осталось.

— Так вот, — сказал капитан, подождав, пока пираты замолчат, — двум пиратам удалось убежать от нас. Несколько лет они скрывались здесь, на окраине Галактики, вдали от космических путей. Все забыли о пиратах.

— Но мы ничего не забыли, — сказал толстяк.

— Да, — согласился Второй капитан, — они не забыли и не отказались от своих планов. И больше всего на свете они хотели отомстить нам, трем капитанам.

— И мы отомстили, — сказал Весельчак У.

— Не спеши. Еще ничего не кончено. В конце концов проиграете вы. Вы не можете победить всю Галактику.

— Сможем, — сказал толстяк.

Второй капитан как будто не слышал его. Он продолжал:

— Прошли годы. Мы, три капитана, расстались. Первый капитан улетел на Венеру. Третий капитан решил перелететь в соседнюю галактику, чего еще никто до него не делал. Я занялся научными исследованиями. И вот однажды я получил послание от Третьего капитана. Он сообщал мне, что возвращается из своей экспедиции. Послание было очень неожиданным, потому что никто не ждал возвращения его так скоро. Мой друг просил меня встретить его на окраине Галактики, потому что у него есть для меня очень важные новости. И я, бросив все дела, поспешил к нему навстречу.

— Но он не знал, что мы перехватили послание, — хихикнул толстяк, потирая ладони, — и все узнали.

— Да, — сказал Второй капитан, — они перехватили послание Третьего капитана, потому что планета, на которой они скрывались, по печальному стечению обстоятельств, была той, куда спешили с разных сторон и я и мой друг. Мой друг был очень болен. Долгий полет, которого не предпринимал раньше ни один житель нашей Галактики, подорвал его здоровье, и он опасался, что не сможет долететь до Земли или до его родной планеты Фикс. А летел он с очень важными сведениями. Жители соседней с нами галактики подарили ему формулу галактия — абсолютного топлива. Если построить корабль с двигателями на галактии, он будет летать в сто раз быстрее, чем любой другой корабль в космосе. Планеты станут близкими, как соседние города. Жители другой галактики зарядили двигатели его корабля галактием и дали ему с собой формулу этого вещества, чтобы мы могли использовать это открытие. Третий капитан долетел до этой планеты, не подозревая, что она — приют пиратов, и здесь он остановился. Болезнь его зашла так далеко, что он не мог больше управлять кораблем. Пираты отлично видели его корабль и следили за ним, но не стали его трогать. Они решили дождаться моего прилета и узнать, что за важные новости привез Третий капитан. Когда Третий капитан был без сознания, они пробрались к нему на корабль, в котором он ждал моего прилета, и установили в корабле микрофоны, чтобы подслушать наши разговоры. А сам корабль осторожно перенесли на эту поляну.

— Но ты должен признать, что мы хорошо подготовились к твоему прилету, — сказал Весельчак У.

— Когда я опустился на планету рядом с кораблем Третьего капитана, я нашел друга в очень тяжелом состоянии. Капитан рассказал мне о своем путешествии и о формуле галактия. Я понимал, что самое главное сейчас — отвезти капитана на Землю, где его смогут вылечить. Но я знал, что он не перенесет космического путешествия, и решил остаться рядом с ним до тех пор, пока ему не станет немного легче. Я поспешил к себе на корабль за лекарствами, но, пока я подбирал нужные лекарства, пираты открыли заранее подготовленный люк, и наши корабли провалились в это подземелье.

— Здорово было придумано! — сказал толстяк.

— Конечно, — ответил Второй капитан. — Они боялись на меня напасть наверху. Когда я понял, что произошло, я увидел, что «Синяя чайка» в подземелье. Зажегся свет, и к ней подошел вот этот тип, который стоит рядом с вами. И я его узнал и сразу догадался, что пираты меня перехитрили. Они обещали отпустить меня в обмен на формулу галактия. Они сразу сообразили, что, имея такое топливо, они будут летать так быстро, что их никто не сможет догнать, и им будут не страшны крейсеры Службы галактической безопасности, и все корабли Галактики могут стать их легкой добычей. И я тоже понял, что ни за что на свете я не отдам им формулу и не дамся им в руки живым. Я задраил люк и не впустил их на «Синюю чайку».

— А что случилось с Третьим капитаном? — спросил Полосков.

— Они попытались разрезать наши корабли, чтобы взять нас в плен. Им удалось это сделать с кораблем Третьего капитана, и капитан попал им в руки. Может быть, они его убили.

— Неправда, — сказал толстяк. — Неправда. Он сам умер. От болезни. Ты же знаешь, как тяжело он был болен. Когда мы распилили корабль, он был уже мертв.

— А «Синюю чайку» им распилить не удалось, — сказал капитан. — Она ведь сделана из алмазного сплава. А на борту у меня был говорун, подарок Первого капитана. И у меня был уговор с Первым капитаном: если что-нибудь случится, то я выпущу говоруна с наказом лететь на Венеру и отыскать Первого капитана. Первый капитан знает, как заставить говоруна рассказать, где я и что со мной.

— А мы не смогли, — сказал я. — Кое-что говорун нам сказал, но, к сожалению, этого было мало.

— А как же он попал к вам? — спросил Второй капитан.

— Его ранили, — сказал я. — Видно, за ним гнались пираты.

— Это точно, — согласился толстяк.

— Но говоруну удалось улететь. Ему починили крыло роботы на железной планете Шелезяка.

— Мы за это им все масло отравили — роботы теперь парализованные лежат, — засмеялся толстяк так, что все его подбородки затряслись.

— Роботов мы вылечили, — сказал я. — С роботами все в порядке.

— Как так?

— Мы были на той планете и вылечили роботов.

— Проклятие! — воскликнул толстяк.

— Но, к сожалению, с железным крылом говорун не смог долететь до Солнечной системы, — сказал я. — Он еле-еле добрался до своей родной планеты.

— Мы искали его там, — признался толстяк. — Мы вот с моим другом. — Он показал на доктора Верховцева.

— Предатель! — сказал мрачно Зеленый. — Мы еще до тебя доберемся!

— Молчи! — погрозил ему пальцем Весельчак У. — Мы с моим другом перебили всех говорунов на планете Блук. Мы их покупали, выменивали, крали. Мы хотели даже весь кислород уничтожить на планете.

— Червяками? — спросил я.

— Червяками. Но, к сожалению, нам не повезло. И совершенно случайно говорун попал в руки этим вот несмышленым, — сказал толстяк, — и они полезли сюда. Мы их предупреждали. Сами виноваты. А теперь вам придется погибнуть.

— Ничего, не волнуйтесь, — сказал Второй капитан. — Не посмеют они ничего с вами сделать. Они ведь трусливые. Никогда всем пиратам мира не одолеть трех капитанов. Они и поодиночке нас победить не смогли.

— Нет, смогли! — крикнул толстяк. — Третий капитан уже умер. Ты четыре года сидишь в плену. А как только мы получим галактий, мы доберемся и до вашего Первого капитана.

— И вы четыре года живете в корабле? — спросил Полосков.

— Да, — ответил Второй капитан. — Я ведь упрямый. Я мог

бы, конечно, уничтожить формулу. Но тогда она не досталась бы и остальным жителям Галактики. Но разумным существам очень нужно абсолютное топливо — тогда все планеты в сто раз приблизятся друг к дружке. Я знал, что рано или поздно помощь придет.

— Пришла, да не та, — сказал толстяк. — Ты выговорился, капитан? А теперь придется тебе расстаться с формулой.

— Есть у меня и другой уговор с Первым капитаном, — сказал Второй капитан. — Если от меня нет вестей больше четырех лет, он сообщает об этом Службе галактической безопасности и отправляется меня искать. И уж если случайные люди нашли меня так скоро, то Первый капитан найдет меня еще быстрее. И вы это знаете.

— Ладно, хватит разговоров, — сказал глухо доктор Верховцев. — Начинайте. Он просто тянет время.

Тогда один из пиратов подошел ко мне и сильно рванул за скованные руки. Я потерял равновесие и упал. Он оттащил меня в сторону. Я пытался сопротивляться, но на помощь первому пирату подоспел второй, и они связали мне ноги.

Толстяк достал из-за пояса длинный нож.

— Ты знаешь, Второй капитан, — сказал он, оборачиваясь к кораблю, — я умею шутить, недаром меня прозвали Весельчаком. Но некоторые мои шутки кончаются слезами. — Он поднял нож.

Полосков с Зеленым рванулись мне на помощь. Но доктор Верховцев, который внимательно следил за ними, выстрелил в них сонным газом из баллончика, висевшего у него на запястье. Мои товарищи повалились на землю.

— Ну, — сказал Весельчак У.

Я почувствовал, как холодное лезвие ножа прикоснулось к моему горлу.

— Сними замок, — сказал Второй капитан.

— Давно бы так.

Толстяк дал знак пирату, и тот, поднявшись по трапу к люку «Синей чайки», открыл тяжелый замок. Его пираты поставили давно, как только «Синяя чайка» упала в подземелье. Если Второй капитан не давал им проникнуть на корабль, то и они не хотели, чтобы он ушел с корабля без их разрешения.

Пират спустился с трапа и остановился в отдалении, направив на люк пистолет. Верховцев тоже поднял оружие. Они не хо-

тели рисковать. Вчетвером они боялись одного капитана, которого не могли победить уже четыре года.

— Смотри, без шуток, — сказал Верховцев, — а то стреляем.

Люк внезапно распахнулся, и я даже не успел разглядеть капитана. Он прыгнул вниз, словно синяя молния. Одновременно прогремели два выстрела. Но капитан уже был на земле. Он откатился в сторону, и лучи пистолетов дробили камни у его головы. Еще мгновение — и капитан оказался под защитой широкого амортизатора «Синей чайки».

Пираты сразу разбежались и залегли за камнями.

— Спокойно, он от нас не уйдет, — раздался голос Верховцева. — Окружайте его.

В ответ грянул выстрел со стороны «Синей чайки».

Я понимал, что положение капитана почти безвыходное. Пираты медленно, скрываясь за камнями, окружали его.

— Не стреляй! — крикнул толстяк.

Голос его звучал совсем рядом. И я увидел, что он снова заносит над моим горлом нож.

— Если выстрелишь, профессору конец.

И в тот же момент со стороны нашего корабля послышался голос:

— Не двигаться с места! Вы окружены!

Рука толстяка с ножом замерла. Я кулаком вышиб нож, и он отлетел далеко в сторону.

— Вы слышите? — послышался другой голос из темноты с той стороны, куда улетел говорун. — Бросайте оружие.

Пираты медленно поднимались с земли, их пистолеты звякали о камни.

Я приподнял голову и увидел, что из-за амортизатора «Пегаса» вышел доктор Верховцев в скафандре, но без шлема.

Я в изумлении перекатился на другой бок.

Второй доктор Верховцев, в шляпе, поднял руки и стоял на коленях.

С другой стороны к пиратам направлялся Первый капитан. Точно такой же, как монумент на планете имени Трех Капитанов, только живой, загорелый, в синем мундире капитана дальнего космического плавания.

Откуда-то вылетел говорун и, хлопая крыльями, опустился на плечо капитану. Потом из темноты вышла Алиса.

Глава 21

А В ЭТО ВРЕМЯ...

Алиса пропала в тот момент, когда мы очутились в плену. И случилось это так незаметно, что никто в подземелье не обратил внимания на ее исчезновение. И я в том числе.

Как это ей удалось сделать, я узнал потом. Но раз уж я рассказываю все по порядку, то придется рассказать, что случилось с Алисой, пока мы были в плену, и почему Первый капитан и доктор Верховцев (второй доктор Верховцев) нашли вход в подземелье и успели нас спасти.

А случилось вот что. Алиса получила в подарок на базаре в Палапутре шапку-невидимку. Ее подарил карлик, продающий рыб, которых не было, а он говорил, что их просто не видно.

Алиса сначала решила, что это шутка — шапка была такой легкой, что ничего не весила. Но когда Алиса вернулась на корабль, пришла к себе в каюту и стала разбирать марки, купленные на базаре, она нашла в сумке что-то. Это что-то было невесомым и невидимым. Тогда Алиса вспомнила о шапке-невидимке и попробовала это что-то расправить и надеть на голову. И стала невидимкой. Сначала Алиса хотела бежать ко мне или к Полоскову и похвастаться шапкой, но тут она вспомнила, что невидимость — чепуха с точки зрения физики, и подумала, что, если она расскажет нам о том, что шапка-невидимка действует, мы и смотреть на нее не захотим — не поверим. Она отложила шапку-невидимку в сторону до возвращения на Землю, потому что такая шапка обязательно пригодится в школе. Ведь если опоздаешь на урок, то всегда можно войти в класс и сесть на место так, что никто тебя не увидит. И даже можно (хотя Алиса, конечно, этим не занималась) подсмотреть в тетрадку к отличнице Скорняковой.

Шапку-невидимку Алиса всегда носила с собой в сумочке через плечо. И когда в подземелье загорелся свет и показались толстяк и его люди, Алиса незаметно надела шапку-невидимку и исчезла. Хотя никуда из подземелья не уходила. Она думала, что, если нас запрут куда-нибудь, она сможет украсть ключ и выпустить нас на свободу.

Она отошла в сторонку и слушала все, что говорил толстяк. И она стояла бы и дальше, но тут появился пират, который нес за ноги говоруна. Толстяк велел пирату убить говоруна, потому что

он больше пиратам был не нужен, и тут Алиса поняла, что ей пора действовать.

Она подошла на цыпочках к пирату и подставила ему ножку. Пират упал, выпустил говоруна, началась стрельба, и говорун улетел.

Что делать дальше? И тогда Алиса подумала: вот говорун улетел. А ведь он и раньше улетал отсюда. Второй капитан его выпустил из корабля, и говорун нашел дорогу из подземелья. Значит, говорун знает, как отсюда выбраться. И Алиса поспешила вслед за говоруном. Она думала, что, как только увидит, где выход, сразу вернется обратно. Потом освободит нас из тюрьмы, выведет на свободу.

Сначала бежать было темно. Свет из главного зала слабо пробивался в длинный коридор. Говорун летел впереди, и Алиса не видела его, но слышала, как хлопают его крылья. Когда они были уже довольно далеко от пиратов, Алиса негромко позвала:

— Говорун, погоди.

Говорун услышал ее голос. И как раз в этот момент они были в следующем зале, меньше прежнего, посреди которого стоял небольшой черный корабль. Но Алиса забыла, что она невидимая, и не сняла шапку. Говорун сделал круг над Алисой, покачал недоверчиво короной и полетел дальше, в узкий лаз, который был спрятан за выступом скалы. Алиса добралась до лаза. Он круто уходил вверх, и вдалеке был виден белый кружок — дневной свет.

Алиса собралась было карабкаться по лазу, но тут услышала слабый стон.

Стон доносился из туннеля, черного, как безлунная ночь. Алиса осторожно подошла к туннелю. Стон слышался явственно. Но Алиса не взяла с собой фонаря, оставила в большой пещере, и потому ей приходилось идти вслепую. Она считала шаги. На тридцатом шаге ее рука уперлась в решетку.

Снова стон.

— Здесь есть кто-нибудь? — спросила Алиса шепотом.

Но, видно, тот, кто стонал, ее не услышал.

— Потерпите, — сказала Алиса. — Сейчас я освобожу наших, а потом и вас тоже. Если вы тоже пленник этих верховцевых.

Ответа не было.

Алиса повернула назад. Ведь нельзя было терять время — неизвестно, что там придумает толстяк.

Вернувшись к лазу, Алиса еще раз глянула внутрь. Светлое пятно — выход из подземелья — исчезло. Алиса не сообразила, что это наступила короткая ночь, и испугалась, что приняла за выход какой-то туннель. А может, она спутала? Может быть, говорун улетел в другой проход? И Алиса, хоть и очень беспокоилась обо мне и Полоскове с Зеленым, решила все-таки потратить еще несколько минут и проверить, выход это или нет. Ведь если это тупик, то она поведет нас сюда и погубит: пираты нас поймают.

Лезть было трудно. Лаз оказался скользким — сверху капала вода и не высыхала. Алисе казалось, что прошел целый час, а лаз все не кончался. Она решила повернуть назад; вдруг темнота начала проясняться, и оказалось, что Алиса почти добралась до выхода, только не видела его в темноте.

Последние метры ползти было труднее всего — сверху в лаз насыпалась земля и проникли длинные корни кустов. Алиса чуть не разревелась — решила, что пробраться наверх, к солнцу и чистому воздуху, не удастся. И в тот момент она даже забыла о нас, о пиратах, обо всем на свете — она мечтала лишь выбраться на свободу.

Но вот последний рывок, и Алиса поняла, что она победила, — лаз был позади. Позади осталось мрачное подземелье с пиратами и пленниками.

Быстро катилось по синему небу желтое солнце. Второе солнце уже забралось в зенит и начало припекать. У самого лица Алисы, не видя ее, ссорились два жука, налетали друг на друга, бились блестящими крыльями. Алиса посмотрела на жуков и с грустью подумала, что пора возвращаться. И так она потеряла слишком много времени. По крайней мере она теперь знала, куда надо бежать, чтобы выбраться из подземелья.

Алиса в последний раз взглянула вперед, раздвинула густую траву и тут увидела совсем рядом, на вершине холма, тот самый космический корабль, который подлетел к «Пегасу» перед последним перелетом к предательской поляне. Корабль доктора Верховцева.

«Хорошо, что я поглядела туда, — подумала Алиса. — А то бы мы выбежали и попали к ним в лапы. Ведь, наверно, пираты оставили на корабле охрану».

Она собиралась уже спуститься снова в лаз, как увидела, что

говорун сидит на трапе корабля и стучит клювом в закрытый люк.

Алиса чуть было не крикнула: «Говорун, назад!», но не успела. Да и не услышал бы говорун.

Люк раскрылся, и в нем показался высокий молодой человек, которого Алиса где-то видела раньше. Но где? Говорун взлетел на плечо к этому человеку.

— Старина! — воскликнул человек. — Как ты нас нашел?

И тут, когда Алиса увидела этого человека с говоруном на плече, она поняла, кто это такой. Это был Первый капитан. Капитан прилетел на помощь! Но как он узнал, где надо искать? Алиса выскочила из лаза и бросилась к кораблю. Как хорошо, что капитан здесь! Теперь все будет в порядке.

Ей оставалось еще несколько шагов до корабля, и она старалась крикнуть, но не могла, потому что у нее не хватало дыхания. Тут второй человек вышел из люка и стал рядом с капитаном.

Это был доктор Верховцев. Но одет он был не так, как тот Верховцев, что внизу. На этом Верховцеве был скафандр и за поясом — пистолет.

Алиса остановилась, будто налетела на стену. Она ничего не могла понять. Предатель каким-то образом умел одновременно находиться в двух местах. Одно поняла Алиса: Первому капитану тоже угрожает опасность — ведь он еще не знает, что Верховцев на самом деле пират.

— Капитан, осторожнее! Опасность! Верховцев предатель! — крикнула Алиса.

Капитан и Верховцев оглянулись на ее голос. Но не увидели ее — она же все еще была невидимкой.

— Кто это сказал? — спросил капитан.

— Верховцев только что был в подземелье! — крикнула Алиса. — Он пират. Они захватили в плен Второго капитана и наш экипаж.

— Какой еще экипаж? — удивился капитан, стараясь понять, откуда же раздается детский голос.

— Экипаж «Пегаса», — сказала Алиса. — Осторожнее, капитан!

— Ты кто? — спросил капитан.

— Алиса, — ответила она, не спуская глаз с Верховцева.

Но Верховцев не выхватывал бластера, не нападал на капитана. И капитан тоже совершенно не боялся доктора.

— Ты ошибаешься, девочка, — сказал капитан. — Доктор Верховцев уже три дня не покидал нашего корабля. Мы с ним вместе прилетели на помощь вам и Второму капитану. А внизу, в подземелье, находится какой-то другой человек, который выдает себя за нашего друга, доктора Верховцева. Так что ты спокойно можешь подойти к нам.

— А вдруг вы тоже только выдаете себя за Первого капитана? — спросила Алиса.

— Я ни за кого себя не выдаю, — ответил капитан. — Ты же сама меня узнала. И посмотри на говоруна. Он тоже меня узнал. А птицу так легко не обмануть. Говорун, ты меня узнал?

— Спеши, капитан, — сказал говорун. — Формула галактия хранится в отсеке с образцами материалов. Если со мной что-нибудь случится, возьми формулы и передай Галактике. Это очень важно. Ради них погиб Третий капитан.

Говорун говорил голосом Второго капитана.

— Вот видишь, — сказал Первый капитан. — Теперь ты веришь? Ну, подойди сюда. Мы же теряем время. Как ты выбралась наружу? Как тебе удалось скрыться?

Алиса подошла к самому трапу.

— Я здесь, — сказала она. — Я пролезла за говоруном.

— Ничего не понимаю! — сказал доктор Верховцев. — Где же девочка? Что она, невидимая, что ли?

— Конечно, я невидимая, — сказала Алиса. — Неужели вы до сих пор не поняли? А то как бы мне удалось убежать от пиратов?

И тогда Алиса сняла шапку-невидимку, и даже Первый капитан, один из самых отважных людей во всей Галактике, вздрогнул от неожиданности.

Желтый комбинезон Алисы был измазан землей и разорван на рукаве, на лице царапины, волосы спутаны...

— Алиса, ты будешь сегодня на завтрак есть манную кашу? — спросил говорун голосом профессора.

— Молодец, девочка! — сказал Первый капитан. — Пошли. И по дороге ты все мне расскажешь.

И они побежали к лазу, потому что нельзя было терять ни минуты.

Глава 22

ТОЛСТЯК ВРЕТ

— Наручники пригодятся, — сказал Второй капитан. — Это такие коварные существа, что доверять им ни в чем нельзя.

— Даю вам слово, — сказал торжественно толстяк, — что не сделаю попытки к побегу.

— Сделаете, — уверенно ответил капитан.

Тем временем доктор Верховцев подошел вплотную к своему двойнику. Зрелище было удивительное. Причем, если бы меня спросили, я бы сказал, что настоящий доктор Верховцев — это тот, который в шляпе. Ведь мы именно с ним познакомились на планете имени Трех Капитанов.

— Ну, самозванец, — сказал доктор Верховцев, который был в скафандре, — покажи нам, какое у тебя истинное лицо.

— Ничего не понимаю! — ответил доктор Верховцев, который был в шляпе, и отошел на шаг.

Зеленый, стоявший у него за спиной, подтолкнул его навстречу двойнику.

— Из-за тебя, голубчик, — сказал он, — мы черт знает что о хорошем человеке подумали. Из-за тебя чуть не погибли.

— Правильно, — сказала Алиса. — Ведь мы уже настолько не верили Верховцеву, что, когда он прилетел вместе с Первым капитаном и постарался нас остановить, мы быстренько улетели и провалились в яму.

— Нет, — сказал поддельный Верховцев, — вы не смеете меня трогать!

Весельчак У вдруг засмеялся.

— Плохо в чужой шкуре ходить, — сказал он. — Никуда не годится. У меня-то своя, мне ничего не будет: я никогда не обманывал. Я — честный пират.

Настоящий доктор Верховцев подошел к пирату в шляпе и присмотрелся к нему. Пирату некуда было отступать — сзади стоял Зеленый.

Вдруг доктор Верховцев протянул руку к своему двойнику и быстрым движением провел по его голове, лицу, груди.

И тут мы все увидели, как оболочка Верховцева упала с пирата, и под ней обнаружилось совсем другое существо — нечеловек. Оказывается, Верховцев увидел тонкую застежку «молнию», которая скрепляла оболочку пирата.

Шляпа откатилась в сторону. Одежда доктора валялась у на-

ших ног. А из кучки тряпья, которое недавно было Верховцевым, возвышалось большое, метра в полтора высотой, насекомое с мохнатыми ножками, круглым хитиновым телом и большими острыми клешнями. Насекомое расправило короткие крылья, стараясь взлететь, но Зеленый успел схватить его. Насекомое обернуло к нему голову и угрожающе раскрыло клешни.

— Осторожнее! — крикнул Второй капитан. — Он ядовитый!

Зеленый отдернул руку, а Второй капитан поднял пистолет, взяв пирата на прицел.

И тогда пират, увидев, что деваться некуда, вдруг поднял длинный тонкий хвост с иглой на конце и вонзил его себе в грудь. И тут же упал, раскинув тонкие ножки.

— Он сам себя ужалил! — воскликнула Алиса. — Как скорпион.

— Скорпионы никогда себя не убивают. Это сказка, — ответил я. — Только разумные существа знают, что такое смерть.

— Не верьте ему, — сказал вдруг толстяк. — Я буду с вами сотрудничать, и поэтому лучше во всем признаться. Он главный пират. Он заставлял нас ему подчиняться, и он придумывал все злодейства. Его зовут Крыс, и он с мертвой планеты Крокрыс. Когда-то крокрысы перебили друг друга в войнах, и последние из них скрываются в подземельях. Но он не убил себя. Он слишком себя любит, чтобы убить. Он только потерял сознание. Он думает, что вы его бросите и тогда он придет в себя и убежит. Он так уже делал. Убейте его.

— Зачем нам его убивать? — сказал Первый капитан. — Его будут судить.

Он подошел к лежащему на кучке тряпья Крысу, нагнулся, поднял его легкое тело за ногу и передал пленным пиратам в черных мундирах.

— Отнесите его на «Пегас», — сказал капитан, — и заприте в клетку. У вас найдется пустая клетка, профессор?

— Есть пустая клетка. Даже не одна. Ведь мы собрали куда меньше животных, чем рассчитывали. Я пойду на корабль вместе с пиратами и прослежу, чтобы клетка была заперта надежно.

— А потом мы отвезем его на планету, где его давно ищут, и пусть его там судят.

— Правильно, — сказал толстяк. — Туда ему и дорога. Это ведь он придумал — притвориться Верховцевым. Он летал под видом доктора на базу разведчиков Арктура. Он надеялся найти там планы «Синей чайки», чтобы открыть корабль. Это он под

видом Верховцева продавал червяков в Палапутре и уничтожал говорунов, чтобы ни один из них не добрался до Первого капитана и не смог позвать его на помощь. Это он заставил меня подарить профессору алмазную черепашку. Это он под видом Верховцева отравил масло у роботов. Нет ему пощады! Судить его, предателя и изменника!

— Спокойно, Весельчак У, — сказал Второй капитан. — Не надейся, что, загубив своего напарника, ты отделаешься от наказания. Тебя тоже будут судить. Ведь я гоняюсь за тобой по всей Галактике. И ты столько совершил преступлений, что новыми предательствами ты их никогда не искупишь.

Толстяк насупился и замолк.

Я проводил двух пиратов, которые тащили притворившегося мертвым Крыса на корабль. Со мной пошел и Полосков, потому что пиратам не доверял. Мы заперли Крыса в самую крепкую клетку и вернулись обратно. Там уже шел разговор о другом.

— Как теперь нам выбраться отсюда? — спросил Первый капитан у толстяка.

— Если мне обещают жизнь, я помогу вам отсюда выбраться, — сказал толстяк, — если нет, зачем я буду вам помогать? Никто, кроме меня, не знает, как открыть эту плиту. А она сделана из такого прочного камня, что ее не взорвешь даже гравитационной бомбой.

— Не хочешь говорить — не надо, — улыбнулся Первый капитан. — Мы подождем, пока очнется твой друг Крыс, и он нам с удовольствием поможет.

Оба капитана стояли рядом, и хоть один из них был загорелый, здоровый, одет в новый скафандр, а второй истощенный, усталый и исхудалый, они все равно были похожи, как братья, и я ими залюбовался. Они были куда лучше, чем монументы на планете имени Трех Капитанов. Первый капитан обнял своего товарища за плечо, и они возвышались над толстяком, словно над большой жабой.

— Нет, — сказал толстяк, — ни за что! Погибайте здесь!

— Мы все равно не погибнем, — сказал Второй капитан. — Теперь, когда мои друзья, — он обвел рукой всех нас, потому что не только Первый капитан и доктор Верховцев были его друзьями, но и мы, экипаж «Пегаса», тоже были его друзьями: мы ведь тоже пришли к нему на помощь, хотя и не видели его никогда раньше, — теперь, когда мои друзья со мной, мне не страшны никакие пираты. В крайнем случае мы все вместе улетим на ко-

рабле Первого капитана, а потом вернемся и достанем наши корабли.

Весельчак У заколебался. Он понял, что торговаться ему не приходится, и уже готов был заговорить, но все испортил Зеленый.

— Нет, — сказал он. — Во-первых, я никогда не брошу свой корабль. Уж лучше я останусь здесь и подожду. Да и зверей кормить надо. Ведь нам их на другой корабль не втиснуть. Нет, так не пойдет. Вы уж, пожалуйста, скажите нам, как открыть люк.

Нельзя было разговаривать с толстяком так, как говорил Зеленый. Нельзя ничего просить у пиратов, потому что они сразу наглеют.

И толстяк, услышав слова Зеленого, взбодрился.

— Нет, — сказал он, — дайте мне письменное обязательство, что я останусь в живых, тогда я выпущу вас отсюда.

Капитаны только посмотрели на Зеленого, но ничего не сказали.

— Ладно. Если так, — произнес Первый капитан, — мы подождем. Мы даем тебе, Весельчак, десять минут на размышление. Время у нас есть.

— Правильно, — поддержал его Второй капитан. — А пока ты, Первый капитан, расскажешь, как ты нас нашел. Ведь говорун к тебе не прилетел.

— А я пока приготовлю бутерброды, — сказал виноватым голосом Зеленый. — Ведь все мы проголодались.

— Хорошо, — сказал капитан.

— Я бы тебе помогла, Зеленый, — сказала Алиса, — но мне так интересно узнать про Первого капитана, что я не могу оторваться.

— Оставайся, Алиса, — сказал Первый капитан. — Без тебя мы не спасли бы своих друзей.

— Без вас я ничего бы не сделала, — сказала Алиса и покраснела от гордости.

— Алиса, — сказал я строго, — иди вымой руки и приведи себя в порядок. Ты грязна, как болотный крот с планеты Вуканату.

— Ладно, — не стала со мной спорить Алиса. — Крот так крот.

Она побежала к кораблю, крикнув на бегу:

— Только без меня ничего не рассказывайте!

Первый капитан обернулся к Весельчаку У и спросил его равнодушно:

— Ну, не передумал еще?

Пират заискивающе улыбнулся. Его глазки спрятались в щеках.

— Давайте поторгуемся, капитан, — сказал он. — Будем оба деловыми людьми.

Капитан отвернулся от него.

Через две минуты возвратилась Алиса. Я заметил, что руки она вымыла кое-как, но вместо желтого комбинезона надела другой, голубой.

За Алисой семенил индикатор. Он прямо разрывался на части, так ему хотелось повсюду успеть. Прямо не зверь, а живая радуга. А за ними не спеша вышагивал вечно занятый паук-ткач-троглодит. Он вязал одновременно три варежки, но все на правую руку.

— Пришли? — улыбнулся Первый капитан, глядя на необычное шествие. — Ну, тогда я с самого начала должен признаться, что моя роль в этой истории скромная. Все четыре года я был занят на Венере. Оказалось, что превратить большую планету в космический корабль и передвинуть ее на новую орбиту — задача почти невыполнимая. Ну, а раз она оказалась почти невыполнимой, то ее обязательно надо было выполнить.

— Правильно, — сказала Алиса. — Очень жалко, что у меня не такой сильный характер.

— Характер воспитывается, — усмехнулся капитан. — Погляди на паука-ткача-троглодита. Вот уж завидное упорство! Если он еще научится отличать правую сторону от левой, цены ему не будет.

— Тоже мне пример! — отмахнулась от паука Алиса. — Он же глупый.

— В том-то и дело, что одно упорство еще ни о чем не говорит. За все четыре с лишним года Венера не сдвинулась со своей орбиты ни на сантиметр, а мы думали, спорили и готовились к решающему моменту. И я надеюсь, что успею вернуться к началу перелета планеты поближе к земной орбите. Осталось недолго ждать.

— И тогда на Венере изменится климат?

— Сильно изменится. Настолько, что через несколько десятилетий люди смогут жить на ней так, как на Земле.

— И мы ее станем называть Земля-два, — сказала Алиса.

— Зачем же? Она останется Венерой. Разве плохое название?

Алиса ничего не ответила. По-моему, ей название не очень нравилось. Она как-то говорила мне, что ни к чему называть планеты именами вымерших богов, которые ничем себя не прославили.

— Я был так занят работой, — продолжал свой рассказ Первый капитан, — что четыре года пролетели совершенно незаметно. И надо признаться, что я не очень беспокоился о своих друзьях, потому что знал, как далеко забрасывает судьба капитанов. Третьему было еще рано возвращаться из соседней галактики, а ты, Второй, дал мне срок — четыре года.

— А вы не жалели, — спросила Алиса, — что сидите на одной и той же планете, а не летаете к другим звездам?

— Это сложный вопрос, Алиса, — ответил серьезно Первый капитан. — Да, мне хотелось снова стать на капитанский мостик и снова снижаться на неизвестных планетах. Но я знал, что мой опыт и мои знания очень нужны в Солнечной системе. А кроме того, я же говорил тебе, что люблю неразрешимые задачи и невыполнимые проекты.

— А ваша жена, — не отставала от капитана Алиса, — тем временем летает по всей Галактике и ищет живую туманность. Вы ей, наверно, страшно завидовали.

— Конечно, завидовал, — признался капитан. — И еще больше буду завидовать, когда она отыщет свою туманность.

— Ничего подобного, — вмешался я в разговор. — Живой туманности не существует. Все равно как не существует живых планет.

— А вот в этом вы, профессор, ошибаетесь, — сказал Второй капитан. — Мне пришлось как-то увидеть живую планету. Еле успел убежать. Она питается тем, что затягивает из космоса. Хорошо еще, что на «Синей чайке» такие мощные двигатели.

— Очень любопытно, — сказал я. — Мы поговорим об этом попозже. Хотя мне не приходилось слышать о таком чуде.

— Папа, не спорь, — сказала Алиса. — Не станет же капитан говорить неправду.

— Нет, — улыбнулся капитан. — Мы всегда говорим правду. Даже врагам.

И он посмотрел на Весельчака У, который тут же отвернулся и сделал вид, что рассматривает стену пещеры.

— Ну вот, — закончил свой рассказ Первый капитан, — неожиданно я получил телеграмму — летит доктор Верховцев, наш старый друг. Он прилетел и рассказал мне, что беспокоится о судьбе Второго капитана. И когда он мне все рассказал, я попро-

сил разрешения немедленно покинуть Венеру. А дальше пускай продолжает доктор.

— Ну, что вы! — смутился вдруг доктор Верховцев, ссутулился и заморгал. — Я ничего не сделал. Ровным счетом ничего... В общем, вы, с «Пегаса», были последней каплей, переполнившей чашу моих подозрений.

— Вот спасибо! — сказал Зеленый, который раздавал нам бутерброды с сыром. — Это вы вели себя странно.

— Но я-то ничего еще не знал, вернее, почти ничего не знал о вас.

Верховцев переступил с ноги на ногу и погладил индикатора, который даже посинел от любопытства.

— Я с самого начала не поверил в версию о том, что смелый и находчивый Второй капитан пропал без вести. Я знал и его «Синюю чайку» и понимал, что вряд ли найдется во всей Галактике сила, способная погубить Второго капитана.

— Спасибо за комплимент, — сказал Второй капитан.

— Не стоит благодарности. Комплимент имеет в своей основе трезвый научный расчет.

— Ну прямо как наш учитель математики! — прошептала мне Алиса.

— Подготавливая музей имени Трех Капитанов, я изучал их биографии, и в этом мне помогал Первый капитан, который никогда не отказывался присылать мне фотографии и записки и уточнять подробности. Но когда я поделился с ним своими сомнениями о судьбе Второго капитана, он ответил мне очень уклончиво. Столь уклончиво, что я предположил, что Первый капитан знает о «Синей чайке» больше, чем хочет или может сказать.

— Ничего я особенного не знал, — перебил его Первый капитан. — Просто у нас был уговор: если не прилетает говорун, я жду четыре года и ничего не предпринимаю. Но после письма Верховцева я немного обеспокоился, хотя и виду не подал.

— А я не знал об уговоре капитанов, — продолжал Верховцев, — и не знал, что Второй капитан собирался улететь навстречу Третьему капитану. Меня насторожило другое: ведь во всех документах говорилось, что капитаны полностью избавили Галактику от космических пиратов. Но, судя по всему, это было не так. Ко мне поступали сведения, что пираты все-таки существуют и иногда нападают на корабли. И среди пиратов видели этого самого толстяка.

— Я не участвовал в этом, — сказал обиженно Весельчак У. — Это все Крыс. У него было несколько оболочек. В том числе, наверное, и моя. Он в моей оболочке грабил другие корабли.

— Ну уж, разрешите вам не поверить, — сказал доктор Верховцев. — Да-да, не поверить. Но однажды, когда я отсутствовал на планете имени Трех Капитанов, кто-то побывал в музее. Музей тщательно обыскали, но ничего важного не взяли, кроме снимков «Синей чайки». Ага, подумал я тогда, кому-то эта информация нужна. Потом мне вдруг сообщают, что на пиратском корабле, который ограбил пассажирский лайнер с планеты Фикс, был человек, так похожий на меня, что, если бы в это время у меня в гостях не находился сам президент этой планеты, про меня могли бы черт знает что подумать. И тут на планету прилетает «Пегас». Эти люди говорят мне, что ловят зверей, а сами начинают меня расспрашивать о трех капитанах. Это меня немного удивило. И может быть, я забыл бы об этом — разве мало людей интересуются героической биографией капитанов, — но вдруг они мне заявляют, что я, оказывается, прилетал к разведчикам Малого Арктура и просил у них план «Синей чайки».

— Но это в самом деле так, — сказал я. — Это был поддельный доктор.

— Сейчас столь прискорбный факт не вызывает сомнений, — сказал Верховцев, — но в тот момент я был совершенно огорошен. Когда «Пегас» улетел, я тут же отправился к разведчикам, и они подтвердили: «Да, именно вы, доктор Верховцев, прилетали к нам месяц назад и интересовались планами «Синей чайки». Вот тогда-то я и понял, что Второму капитану грозит опасность. И вернее всего, от рук пиратов. И я немедля отправился на Венеру.

— Прилетел ко мне, волнуется, — улыбнулся Первый капитан. — Я сначала даже понять ничего не мог. Один Верховцев, второй Верховцев... Но когда разобрался, то понял, что надо спешить на помощь. Но куда лететь? Мы заподозрили, что «Пегас» — пиратский корабль, и решили проследить за вами. Мы побывали в Палапутре. Там нам Крабакас с Баракаса рассказал о том, что вы купили говоруна, и о том, как кто-то пытался убить всех говорунов на планете. И мы нашли того ушана, который вам продал говоруна, и поняли, что это тот самый говорун, который раньше был у Второго капитана. Больше того, нас чуть не посадили на Палапутре в тюрьму, потому что ложный доктор Верховцев побывал там и торговал червяками. Еле-еле мы убедили уша-

нов-стражников, что червяками торговал не настоящий Верховцев, а его двойник. Крыса ждет заслуженное наказание за попытку убить всех говорунов и уничтожить воздух на планете. А наказание за это ушаны еще не придумали, но обязательно придумают.

— Ой! — вырвалось у толстяка.

— А дальше просто, — сказал Первый капитан. — Мы опросили все маяки Галактики, и нам сообщили, что «Пегас» держит курс к системе Медузы. А на планете роботов мы узнали, что вы здесь побывали и даже вылечили роботов, сменив им масло. А потом мы прилетели сюда. И чуть было не опоздали.

— А когда вы поняли, что мы не пираты? — спросила Алиса.

— Уже в Палапутре. А кроме того, мы встретили в космосе корабль археологов. На нем летел Громозека. И он с таким пылом защищал профессора, что мы ему поверили. Стали беспокоиться, что вам грозит опасность — ведь вы не умеете обращаться с пиратами.

— Не умеем, — вздохнул Полосков. — В следующий раз будем умнее.

— Следующего раза не будет, — сказал Первый капитан.

Он подошел к сидящему на каменном полу толстяку и сказал:

— Время истекло, Весельчак У. Или ты открываешь плиту, или мы с тобой вообще больше не будем разговаривать. Считаю до десяти: раз, два, три...

— Все скажу! — заторопился толстяк. — Все скажу. Я с первой минуты хотел сказать, но до содрогания боялся Крыса. Я и сейчас его боюсь. Ведь он отомстит мне. Обязательно отомстит. Лучше всего, если вы его убьете. Пожалуйста, убейте его!

— Но ведь он твой друг, — сказал Верховцев. — Как же ты можешь желать смерти другу, с которым вместе совершал преступления столько лет?

— Он мне не друг! — вскричал толстяк. — Он мой злейший враг! Я честный пират, а не бандит и не предатель!

— Не теряй времени, — сказал Второй капитан. — Открывай плиту.

Толстяк поднялся. На него было противно смотреть. Ноги его не держали, подгибались, и живот трясся. Он заковылял к стене и, подойдя к ней, нажал невидимую для посторонних кнопку. Часть стены отошла в сторону, и за ней обнаружился пульт управления.

— Сейчас, — бормотал толстяк, — одну минутку... я все сделаю.

Он нажимал на кнопки дрожащими толстыми пальцами, и наконец плита сдвинулась с места и отъехала в сторону.

Путь наверх был открыт.

— По кораблям! — сказал Первый капитан. — Сначала поднимается «Пегас». Затем он отлетает в сторону, и начинаем подъем «Синей чайки». Экипаж «Пегаса» прошу занять свои места.

Пошел дождь. Крупные капли залетали в светлый круг и звонко стучали по каменному полу.

Толстяк нажал еще одну кнопку, и из пола выросла тонкая лестница, достала до края белого круга и уцепилась за край металлическими когтями.

— Вот это правильно, — сказал Второй капитан. — Верховцев, прошу тебя, отведи вместе с профессором пленников наверх. Пусть нас там подождут.

Полосков и Зеленый заняли места в «Пегасе», убрали трап и закрыли люк. Все остальные отошли в сторону и смотрели, как «Пегас» медленно поднялся в воздух и, закрыв на несколько секунд свет, выплыл наверх.

— Ну что ж, — сказал Первый капитан, — все здесь, никого не забыли?

— Все, — сказал я.

Верховцев повел по лестнице двух пиратов, а я подошел к толстяку.

— Больше пиратов нет? — спросил капитан у толстяка. — На вашем корабле нет никого?

— Клянусь всем святым, что больше здесь не осталось ни одного человека! Можно спокойно уходить, — ответил Весельчак У. — Совершенно спокойно. А потом мы взорвем это подземелье вместе с проклятым кораблем Крыса. И следа не оставим от пиратского гнезда. Я правильно говорю?

— Правильно, — усмехнулся Второй капитан. — Дай-ка я взгляну в последний раз на мою тюрьму. Как-никак четыре года здесь просидел.

— Погодите! — крикнула вдруг Алиса. — Он же врет!

— Кто врет? — удивился Первый капитан.

— Толстяк врет. Когда я бежала за говоруном, я слышала стон.

Глава двадцать третья

ПЛЕННИК В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

— Не может быть... — ахнул толстяк и осекся.

— Где пленники? — спросил капитан. И так спросил, что никакого сомнения не было: сейчас толстяк все расскажет.

И толстяк тут же засеменил к туннелю. Он бормотал:

— Я совсем забыл... это все Крыс... Я всегда говорил... и всегда был против.

— Простите, капитан, — сказала Алиса, спеша за ними. — Я бы обязательно вспомнила, но было так много событий, что я забыла. Но я бы обязательно вспомнила...

— Не расстраивайся, девочка, — сказал Первый капитан и положил ей на макушку широкую ладонь. — Ты молодец, и никто тебя не обвиняет. А с этим пиратом мы поговорим особо.

— Вот тут, — сказал толстяк. — Сейчас я свет зажгу. Все будет отлично... Как я мог забыть! Это все Крыс.

Вспыхнул свет, и мы увидели за небольшим залом, в котором стоял пиратский корабль, еще один длинный туннель, перегороженный недалеко от входа толстой решеткой. Толстяк подбежал к решетке и непослушными пальцами старался вставить ключ в замочную скважину. Первый капитан отобрал у него ключ и отодвинул в сторону решетку. Решетка ушла в нишу в стене.

— Я сам... я сам... — бормотал толстяк, но его никто не слушал.

Неудивительно, что толстяк не хотел, чтобы мы увидели этот туннель. По обе стороны его шли комнаты, заваленные награбленным добром, драгоценностями и другими трофеями.

— Нет, — сказал я, заглядывая на ходу в одну из комнат, — взрывать это место мы не будем: здесь столько ценностей, что можно построить сто городов.

— Погодите, — сказал Первый капитан.

Мы остановились, прислушались.

Далеко, откуда-то снизу, донесся еле слышный жалобный стон.

Мы поспешили в ту сторону. Дверь в одну из комнат была заперта.

— Ключ! — приказал капитан.

Толстяк уже держал ключ наготове.

Комната оказалась лестничной площадкой. Отсюда вниз вела крутая лестница, вырубленная в скале. В конце ее была еще одна

решетка. Капитан направил в ту сторону луч фонаря, и мы увидели, что за решеткой, на куче тряпок на каменном полу сидит прикованное к стене странное существо, в котором я с трудом узнал жителя планеты Фикс, хрупкого большеглазого фиксианца.

Фиксианец умирал. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять это. Он был на последнем пределе истощения. А кроме того, он был истерзан пытками.

— Я его сейчас убью! — сказал Первый капитан, глядя на толстяка.

— Всеволод, — прошептал Второй капитан, — ты не узнаешь...

— Не может быть!

И Первый капитан вдруг с такой силой рванул вбитую в камень стальную решетку, что она согнулась и вылетела из пазов. Он отшвырнул в сторону путаницу стальных брусьев и бросился к умирающему фиксианцу. Он поднял его на руки и понес к выходу.

— Кто это? — спросила тихо Алиса.

Я покачал головой. Я не знал.

Рядом всхлипывал толстяк. Он сдержал на секунду слезы и ответил мне:

— Это Третий капитан. Они думали, что он давно мертв.

И тут же, словно вспомнив об очень важном, толстяк заспешил по коридору за капитаном, визжа:

— Это все он! Это все Крыс!

Третий капитан был без сознания. Первый положил его на пол и обернулся ко мне.

— Скажите, профессор, — спросил он, и голос его дрожал, — скажите, можно ли что-нибудь сделать?

— Не знаю. Сомневаюсь, — сказал я. Я наклонился над фиксианцем. — Они морили его голодом и пытали.

— Они пытали его четыре года, — сообщил Второй капитан. — А мы были уверены, что он давно мертв! И если бы не Алиса, оставили бы его здесь. И он им ничего не сказал. Профессор, я умоляю вас, сделайте все возможное, чтобы его спасти!

— Меня не надо просить об этом, — сказал я. — В первую очередь нужны укрепляющие уколы. Алиса, беги, милая, на «Пегас» и принеси оттуда аптечку.

Алиса стрелой побежала по коридору.

— Я с ней, — сказал Первый капитан.

— Не надо! — отозвалась Алиса на бегу. — Я лучше вас знаю, где искать.

— Послушай, Третий, — сказал Второй капитан. — Слушай. Не сдавайся. Так мало осталось терпеть. Неужели ты сдашься в последнюю минуту? Ведь мы пришли.

И вдруг фиксианец открыл глаза. Ему было очень трудно это сделать, потому что его тело уже умирало. Лишь мозг боролся со смертью.

— Все хорошо, — шепнул он, — все в порядке. Я ничего не сказал. Спасибо, друзья, что пришли. — Он закрыл глаза, и его сердце остановилось.

Я тут же начал делать фиксианцу искусственное дыхание. Но это не помогало. Положение было безвыходное — у меня не было ни хирургических инструментов, ни диагностической машины, ни лечебных автоматов. И мне пришлось поступить так, как делали врачи сто лет назад.

— Я рискну, — сказал я капитанам. — Боюсь, что иного выхода нет.

— Мы вам верим, профессор, — ответили мне капитаны.

Тогда я разрезал ножом грудь Третьему капитану, взял в руку остановившееся сердце и начал его массировать. Мне казалось, что прошел час, рука онемела. Я не заметил, как подбежала Алиса с аптечкой и инструментами. Первый капитан сам ввел в вену своему другу оживляющую смесь. И не знаю, что помогло, мои ли усилия или действия Первого капитана, но сердце Третьего дрогнуло, еще раз... и забилось.

— Еще живительного раствора! — приказал я.

Алиса передала ампулы капитанам.

— Он очень могучий фиксианец, — сказал я. — Любой другой на его месте давно бы умер.

Я достал из аптечки сшиватель, и в минуту этот маленький аппаратик сшил ему все сосуды и зашил грудь. Мы осторожно перенесли фиксианца на «Синюю чайку», где я мог оказать ему настоящую врачебную помощь. Там ко мне присоединился доктор Верховцев, и через полчаса мы могли уже сказать, что жизнь Третьего капитана вне опасности.

Мы оставили Второго капитана дежурить у его постели, а сами спустились вниз, в пещеру, нам надо было отдохнуть. Первый капитан вышел с нами.

У входа сидел на корточках толстяк под охраной Зеленого.

— Он будет жить? — спросил с робкой улыбкой Весельчак У, словно речь шла о его любимом брате.

— Да, — коротко ответил Верховцев. — Хотя ты сделал все, чтобы он умер.

— Нет, нет, что вы! — засуетился толстяк. — Это все Крыс. Неужели вы до сих пор не поняли, какую роковую роль он сыграл в моей жизни, как обманом и посулами он втянул меня в отвратительные авантюры? Ведь мне что нужно было? Весело жить и иметь все, чего душа захочет. А ему? Ему нужна была власть. Как другие люди питаются супом и котлетами, так он питался властью. Если он в течение дня ни над кем не проявит власти, то для него этот день потерян. И ему нужна была власть над планетами, над всей Галактикой. А мне что? Мне бы только повеселиться. Я ведь, по существу, безобидный человек, попавший под дурное влияние.

Мы отвернулись от толстяка, и он продолжал говорить, обращаясь к Зеленому, будто хотел и в самом деле убедить нас, что он веселый, безобидный ягненок.

— Ну вот, — сказал доктор Верховцев, улыбаясь так, что казалось, все его лицо состоит из тысячи добрых морщинок, — наконец-то все три капитана снова встретились. Как в добрые старые времена. Некоторое время вы были достоянием истории, извините — историческими реликвиями, а теперь...

— Да, — согласился с ним Первый капитан, — все как в старые добрые времена.

И я, глядя на него, подумал, что он совсем не стар. И может быть, даже вернется снова в космос. Тем более что проект «Венера» завершается.

И Первый капитан угадал мои мысли:

— Снова придется привыкать. Я, пока летел сюда, понял, что мои руки многое забыли.

— Вы все-таки собираетесь вернуться в космос? — обрадовался доктор Верховцев.

— И еще, — продолжал капитан, не отвечая прямо на вопрос доктора, — надо обязательно переменить название планеты и музея. Неудобно как-то: мы живы, здоровы, ничем особенным не прославились, а наши каменные копии стоят в музее, словно мы умерли давным-давно.

Глава 24

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

Через два часа Третьему капитану стало настолько лучше, что мы смогли поднять его на поверхность. Затем капитаны вывели из подземелья и «Синюю чайку». Каменную плиту, закрывавшую вход в подземелье, поставили на место.

Теперь вокруг поляны, среди разбитых зеркальных цветов, стояли три космических корабля: «Пегас», «Синяя чайка» и служебный корабль с проекта «Венера», у которого не было названия — только длинный номер.

— Пап, — сказала Алиса, — можно, я в лес схожу?

— Зачем?

— Поищу целых зеркал. Нельзя нам на Землю возвращаться без нового букета.

— Только осторожнее, — предупредил я. — Теперь на тебе не желтый комбинезон, а голубой, и птица Крок тебя не спутает со своим птенцом.

Пока корабли готовились к дальнему полету, я выпустил склисса попастись на лужайку. Склисс тяжело прыгал от радости по траве, высоко подбрасывая копыта, мотал крыльями, но летать наотрез отказывался.

— Это самая веселая корова из всех, каких мне приходилось видеть, — признался доктор Верховцев. — Но в хозяйстве такая корова неудобна.

— Нам уже говорили, что их трудно пасти, — согласился я. — Зато склиссы могут перебираться через глубокие реки, если пастбище на другом берегу.

Толстяк все еще сидел на земле около «Пегаса» и уверял нас, что у него больное, старое сердце, которому требуется свежий воздух. И никому не хотелось с ним спорить и даже разговаривать, особенно после того, как Третий капитан рассказал, что именно Весельчак У пытал его, чтобы добыть секрет галактия.

— Зеленый, — сказал я, — присмотри, пожалуйста, за коровой, пока я покормлю остальных зверей, а то как бы ее птица Крок не унесла.

И тут я увидел, что на планету спускается еще один космический корабль.

Это уж ни на что не похоже! Не планета, а космодром! Откуда ему здесь взяться?

Я решил было, что это подкрепление пиратам, и хотел поднять тревогу, но тут же сообразил, что корабль терпит бедствие.

Он летел не прямо, а переворачивался, как-то странно кособочился, а за его хвостом тянулась какая-то серая масса, которая тормозила его и мешала нормально снижаться.

На мой крик все выбежали из кораблей и глядели, как спускается новый корабль.

— Включи рацию, Зеленый, — сказал Полосков.

Зеленый бросился к «Пегасу», настроился на волну корабля и включил рацию на полную мощность, чтобы мы снаружи тоже все слышали.

— Корабль! — вызывал Зеленый. — Что с вами? Вы терпите бедствие? Отзовитесь!

Приятный женский голос ответил:

— Бедствия меня не касаются. Главное — не упустить, а остальное пустяки.

— Какой знакомый голос, — сказал я. — Где-то я его слышал.

— Когда заблудились у Пустой планеты, — подсказала Алиса.

— Стойте, — прервал нас Первый капитан. — Могу поклясться, что это моя жена Элла.

Капитан побледнел и со всех ног бросился в радиорубку к Зеленому. И тут же мы услышали его голос:

— Элла, это ты? Что случилось?

— Кто это говорит? — спросил женский голос строго. — Это ты, Сева? А почему ты не на Венере? Ты же знаешь, как я беспокоюсь, когда ты улетаешь в космос.

Второй капитан улыбнулся.

— Она никак не может привыкнуть, — сказал он мне, — что у нее муж — космический капитан, хотя сама исколесила всю Галактику.

— Да не в этом дело, — сказал Первый капитан. — Ты забыла, что твой корабль терпит бедствие? Тебе нужна помощь? Что ты за собой тащишь?

— Ну разве ты не видишь? — удивилась Элла. — Это же живая туманность. Я за ней гонялась три недели, поймала в сеть, а теперь она хочет вырваться и улететь. Вот и приходится опускаться на первую попавшуюся планету, чтобы ее укротить. Сева, милый, у тебя нет под рукой какого-нибудь корабля?

— Ну конечно, есть, — ответил Первый капитан. — И не спеши опускаться: боюсь, с таким хвостом тебе не удастся это сделать.

— Вот и хорошо. Поднимись на минутку, и мы вместе ее опустим.

Первый капитан еще не кончил разговор, как Второй капитан был уже на мостике корабля, и еще через три минуты капитаны подняли его в воздух, где Элла боролась с непокорной живой туманностью, о которой в космосе ходит столько легенд, но которую никому еще не удавалось увидеть.

Два корабля справились наконец с сетью, и через полчаса живая туманность, надежно сжатая двумя кораблями, лежала на траве неподалеку от нас. Мы подбежали к ней. Я, надо признаться, бежал первым, потому что понимал, какое великое открытие в биологии совершила Элла.

Туманность нас разочаровала. Она, наверно, очень эффектна в межзвездном пространстве, когда расстилается на миллионы километров, но здесь, на траве, она казалась чуть пульсирующим серым сгустком тумана.

Люк в корабле Эллы распахнулся, и она вышла к трапу. К ней уже бежал ее муж, Первый капитан. Он протянул сильные руки, и Элла прыгнула сверху. Капитан поймал ее в воздухе и осторожно опустил на землю.

— Ты не ушиблась? — спросил он.

— Нет, — ответила Элла и улыбнулась. — И вообще все это неважно.

Элла была настоящая красавица и всем нам очень понравилась. Даже индикатор от переполнивших его чувств стал прозрачным.

— Все неважно, — повторила Элла, поправляя светлые волосы. — Туманность поймана, и теперь осталось только довезти ее до Земли, чтобы скептики убедились, что она существует.

Я промолчал, потому что под скептиками она подразумевала, конечно, меня. И я даже вспомнил, что как-то встречался с ней на конференции и высмеял за увлечение фантастикой. Существует на свете множество реальных, обыкновенных животных, изучению которых стоит посвящать время и усилия, — это и Малый дракончик, и кустики, и индикатор. Но ведь живая туманность казалась мне выдумкой. Так я тогда и сказал.

— Кого я вижу! — воскликнула Элла, увидев Второго капитана. — Я вас несколько лет не видела. Как вы себя чувствуете? Все еще летаете?

— Нет, — ответил Второй капитан, — в основном я сидел на одном месте.

— Это правильно, — поддержала его Элла. — И на одном месте можно найти массу дел. А чей это очаровательный ребенок?

— Меня зовут Алиса, — ответил очаровательный ребенок.

— Алиса. Необычное имя.

— Самое обычное. Алиса Селезнева.

— Погоди-ка. А твой отец не в Московском зоопарке работает?

— В зоопарке, — ответила Алиса, которая не знала о наших научных разногласиях.

— Так вот, Алиса, когда увидишь своего отца, передай ему, пожалуйста, что живая туманность — не биологический бред, и не фантастика, и не сказочная выдумка, как он любит повторять, а самая настоящая реальность.

— Кстати, — сказала Алиса, — мой отец здесь. Вот он.

Мне ничего не оставалось, как выйти вперед и поздороваться.

— Простите, — сказал я. — Я признаю свою ошибку.

— Ну и отлично, — ответила Элла. — Вы мне поможете потом исследовать туманность?

— С удовольствием.

Тогда Элла обернулась к своему мужу:

— Расскажи, почему ты здесь оказался?

— Второй попал в беду, — коротко ответил Сева, — и надо было его выручать. Вот мы и сделали это. С помощью наших новых друзей.

— А в какую беду вы попали, капитан?

— В плен к пиратам.

— К пиратам? Но ведь вы их победили давным-давно.

— Победили, но не до конца. Знаете, как бывает, если оставишь один сорняк на грядке?

— Все-таки не понимаю, — развела руками Элла. — Ну кто в наши дни сидит по четыре года в плену?

Элла прилетела к нам словно из другого мира. Из того мира, в котором мы привыкли жить, но от которого оторвались за последние дни. И в самом деле, ей трудно было бы поверить, если бы мы начали рассказывать ей о пытках, подземельях и предательстве. И поэтому никто не стал с ней спорить.

— А что вы сделали с пиратами? — спросила Элла.

— Один сидит в клетке. Два — в трюме. А самый толстый и хитрый только что был здесь, — ответил Второй капитан. — Кстати, где он?

Толстяк пропал. Только что сидел на траве, робко улыбался — и пропал.

Мы облазили все заросли вокруг, осмотрели каждый куст — уйти далеко он не успел. Да и говорун поднял бы тревогу.

— Ну вот, — с укоризной сказала Элла, — не могли уберечь одного пирата! Разве это настоящая прополка?

И тут я заметил, что туманность колышется сильнее, чем прежде. Я пригляделся. Несколько ячеек сети были разрезаны.

— Я знаю, где он! — крикнула Алиса, которая подбежала за мной к сети. — Он в туманность залез.

— Ты здесь, Весельчак У? — спросил Верховцев, наклоняясь.

Туманность зашевелилась, словно копна сена, в которую забрался бродячий пес.

— Сейчас выпустим туманность и увидим, — решительно сказал Сева.

— Ни в коем случае! — возмутилась Элла. — Второй такой не найдем!

Нервы у толстяка не выдержали. Из туманности показалась его голова. Глаза были выпучены, и он быстро дышал, — видно, в туманности было плохо с воздухом.

И вдруг толстяк резко вылетел из туманности и бросился бежать по поляне.

— Куда ты? — крикнул вслед ему Второй капитан. — Все равно поймаем. Не торопись, у тебя же больное сердце!

Но толстяк не слышал. Он несся между кустов, перепрыгивал через ямы, спотыкался, размахивал руками.

И птица Крок, лениво кружившая в высоте, увидела его сверху и спикировала на него, как коршун на зайчонка.

Еще секунда — и толстяк уже болтался в воздухе, будто продолжал бежать, а птица поднималась так быстро, что, когда Второй капитан выхватил пистолет, она поднялась на полкилометра.

— Не стреляй, — остановил его Первый капитан. — С такой высоты он разобьется...

И как будто сглазил. Толстяк как-то извернулся в когтях птицы, забился, и она выпустила его. Словно тряпочная кукла, толстяк летел к земле. И скрылся за холмом.

Мы молчали. Потом Зеленый сказал:

— Он сам себя наказал. И лучше придумать было нельзя.

И все с ним согласились.

А туманность между тем потихоньку выползала из сети. Она

вытекала, как кисель, расползалась во все стороны, и когда мы опустили глаза, то увидели, что стоим по колени в сером киселе.

— Держите ее! — крикнула Элла. — Она же убежит!

И туманность убежала. Она окутала нас непроницаемой мглой, а когда мгла рассеялась, над нашими головами реяло большое серое облако.

— Все равно собирались стартовать, — сказал Второй капитан, — так что попрошу поторопиться.

Мы быстро загнали на корабль склисса, завели двигатели и взлетели. Вслед за нами поднялись остальные три корабля. И все мы, построившись цепью, погнались за живой туманностью.

Догнали мы ее только у планеты Шелезяка. К тому времени туманность распростерлась уже на несколько тысяч километров, и мы три дня сгоняли ее так, чтобы она уместилась в наши сети.

Наконец туманность закутали в тройную сеть и крепко привязали между двумя кораблями. В таком виде и отвезли к Солнечной системе, где каждый может полюбоваться ею в кратере Архимеда на Луне. Хотя любоваться нечем — нет более скучного экспоната, чем живая туманность.

Элла настаивала, чтобы туманность поместили в зоопарк на Земле, но земной климат для нее вреден, да и кто придет в зоопарк смотреть на серый туман? Куда интереснее поглядеть на индикатора, получить в подарок шарф от паука-ткача-троглодита, полить кустик лимонадом или отличить склисса от коров, в стаде которых он пасется.

На центральной лунной базе, в гостинице «Луноход», мы в последний раз собрались все вместе.

— Пришла пора прощаться, — сказал Второй капитан.

Капитаны сидели в ряд на большом диване и совсем не были похожи на свои памятники. Первый капитан был задумчив и с трудом скрывал печаль. Оказалось, что перевод Венеры на новую орбиту начался, пока он был в системе Медузы, и он опоздал к торжественному моменту.

Третий капитан себя плохо чувствовал, его била лихорадка, которой он заболел в подземелье у пиратов, но, когда Верховцев принес ему лекарства, капитан отказался.

— Эта лихорадка пока не излечима земными лекарствами. Справлюсь с ней сам. Не обращайте внимания. Как только я снова выйду в космос, все пройдет. Для меня лучшая больница — мостик космического корабля.

Лишь Второй капитан был оживлен и весел. Он только что пе-

редал прилетевшим с Земли физикам формулу галактия. Физики заняли уже половину гостиницы, и с каждым новым кораблем прилетали их коллеги из разных университетов и институтов. Было получено сообщение, что на Луну спешат ученые с Фикса и линеанцы, а на космической верфи Плутона начали закладку кораблей, рассчитанных на новое топливо.

— Вы все время улыбаетесь, — сказала Второму капитану Элла, которая не любила сидеть на месте и нервно ходила по комнате. — Вы довольны, что подняли такую суматоху среди физиков?

— Страшно доволен, — признался Второй капитан. — Я, честно говоря, опасался, что вдруг формула галактия не так уже и нужна нам. Все те годы я думал: может быть, галактий уже изобретен на Земле?

— Но вы ведь все равно не отдали бы формулу пиратам? — спросил я.

— Нет, не отдал бы. Ну хорошо, какие у кого планы? Надеюсь, что мы еще не раз встретимся. В конце концов, космос не так уж и велик. Мне жаль только, что профессор Селезнев не собрал столько зверей, сколько хотел. Но зато он помог нам спастись, и мы обещаем ему, где мы ни будем, отовсюду привезем птиц и зверей для зоопарка.

— Спасибо, друзья, — сказал я. — Но должен сказать, что я не расстраиваюсь. Ведь будущим летом мы снова полетим в экспедицию на «Пегасе». Если, конечно, Полосков и Зеленый не откажутся лететь со мной.

— Не откажемся, — подтвердил Полосков.

— Я бы полетел, — сказал Зеленый, — если обстоятельства сложатся благополучно.

Нет, все-таки Зеленый неисправим! Я знал, что он полетит. Он сам знает, что полетит, но обязательно должен высказать какие-нибудь сомнения.

— И я полечу, — заметила Алиса.

— Посмотрим, — ответил я. — Тебе еще целый год в школе учиться.

— А куда вы теперь собираетесь? — спросил Полосков капитанов.

— Я спешу на Плутон, где будут строить корабли на галактических двигателях, — ответил Второй капитан. — И надеюсь, что один из первых доверят мне.

— Я сначала слетаю домой, на планету Фикс, — сказал Третий капитан. — Я очень давно не был дома. А потом тоже начну строить корабль на новом топливе.

— А я сейчас на Венеру, — сказал Первый капитан. — Венера уже движется на новую орбиту. Еще несколько месяцев — и моя работа будет закончена. И тогда я тоже присоединюсь к моим друзьям.

— И вы все полетите в дальний космос? — спросила Алиса.

— Да, — сказал Первый капитан.

— Да, — сказал Второй капитан.

— Разумеется, — сказал Третий капитан.

— А я собиралась лететь на живую планету, — заявила Элла. — Это даже интереснее, чем живая туманность. Но боюсь, что придется попросить слетать туда профессора Селезнева.

— А почему? — спросил я. — Это вы ведь теперь у нас специалист по сверхбольшим животным.

— Я полечу с капитанами.

— Но мы летим в другую галактику. Это долгий и трудный полет.

— Не спорьте со мной, — возразила решительно Элла. — Я все обдумала. Нельзя нам расставаться так надолго.

— Но как же дети? — спросил Первый капитан.

— Дети останутся с бабушкой. Она не каждый день танцует в Большом театре. Будет брать их на субботу и воскресенье из детского сада.

Тогда Первый капитан смущенно взглянул на своих друзей.

И Второй капитан в знак согласия наклонил голову.

И Третий капитан в знак согласия поднял одну из шести рук.

— Не забудьте, — сказала мне Элла, которая, по-моему, и не сомневалась, что уговорит трех капитанов, — что вы обещали мне найти живую планету. А я привезу вам самое удивительное животное, которое мы встретим в соседней галактике...

«Пегас» первым стартовал с Луны. Мы спешили, потому что зверей надо было как можно скорей привезти в зоопарк и создать им нормальные условия. Капитаны и Элла проводили нас до корабля и пожелали доброго пути. «Пегас» поднялся над Луной и взял курс на Землю.

Я спустился в трюм посмотреть, как себя чувствуют наши звери. Большинство клеток стояло пустыми. Зверей было маловато. Пустовала и клетка, в которой раньше сидел пират Крыс. Мы высадили его и двух его помощников на планете, где он натворил столько бед. Там-то уж знают, как наказать пирата.

Я протянул склиссу последнюю охапку сена. Склисс прижался боком к решетке, чтобы я его почесал.

В трюм вошла Алиса. За ней вереницей семенили кустики.

— Ну как, — спросил я, — будет о чем рассказать в школе?

— Разве обо всем расскажешь? — пожала плечами Алиса. — Все равно не поверят.

Она взяла швабру и стала помогать мне мыть клетки.

— Да, — согласился я, — кое-чему не поверят.

— Ты недоволен путешествием? — спросила Алиса. — Мало зверей?

— Нет, честное слово, доволен. У нас появились новые друзья. И какие!

— Молодец! — похвалила меня Алиса. — А знаешь, капитаны обещали взять меня в другую галактику. Нет, не бойся, не в первое путешествие, а потом, когда я подрасту.

— Ну что ж, — сказал я, — в добрый путь.

— Не расстраивайся, папа, может, мы и тебя возьмем. Биологи в любой экспедиции нужны.

— Спасибо, Алиса, ты настоящий друг.

Мы с ней кончили чистить клетки и напоили зверей, потому что к посадке на Земле все должно быть в полном порядке.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АЛИСЫ

ГЛАВА 1

Родилась Алиса 17 ноября. Это день удачный для такого события. Могло быть значительно хуже. Я, например, знаю одного человека, который родился 1 января, так никто специально его день рождения не празднует, потому что Новый год — праздник общий. Плохо приходится и тем, кто родился летом. Все друзья или на каникулах, или в разъездах. Алисе на это жаловаться не приходится.

Примерно за неделю до Алисиного дня рождения я, придя домой из зоопарка, задумался: что ей подарить? Это всегда проблема. У меня, например, скопилось дома восемь одинаковых галстуков, шесть балерин, сделанных из корней и шишек, три надувных подводных лодки, четырнадцать зажигалок, ворох хохломских деревянных ложек и множество других ненужных вещей, которые получаешь в день рождения и осторожно прячешь: синюю чашку — к пяти уже подаренным сегодня синим чашкам, пепельницу в виде корабля звездных скитальцев — к трем таким же пепельницам.

Я сидел и вспоминал, что Алиса просила у меня в сентябре. Что-то просила. Что-то ей было нужно. Тогда я еще подумал: «Вот хорошо, подарю ей на день рождения». И забыл.

И тут позвонил видеофон.

Я включил его. На экране появилась страшная морда моего старого друга, космического археолога Громозеки с планеты Чумароз. Громозека в два раза больше обычного человека, у него десять щупальцев, восемь глаз, панцирь на груди и три добрых, бестолковых сердца.

— Профессор, — сказал он, — не надо плакать от радости при виде меня. Я через десять минут буду в твоем доме и прижму тебя к своей груди.

— Громозека! — только и успел я воскликнуть, как экран отключился, и мой друг Громозека пропал. — Алиса! — крикнул я. — Громозека приехал!

Алиса готовила уроки в соседней комнате. Она с удовольствием оторвалась от своих дел и прибежала ко мне в кабинет. За ней приплелся бродячий кустик. Мы привезли его из последнего путешествия. Кустик был балованный и требовал, чтобы его поливали только компотом. И потому в доме оставались сладкие лужи, и наш робот-домработник целыми днями ворчал, вытирая пол за капризным растением.

— Я его помню, — сказала Алиса. — Мы Громозеку встречали на Луне в прошлом году. Что он копает?

— Какую-то мертвую планету, — сказал я. — Они нашли там руины городов. Об этом я читал в газете.

Громозека ведет беспокойную бродячую жизнь. Вообще-то жители планеты Чумароз любят сидеть дома. Но нет правил без исключения.

Громозека за свою жизнь облетал больше планет, чем тысяча его соотечественников, вместе взятые.

— Алиса, — спросил я, — что тебе подарить на день рождения?

Алиса потрепала кустик по листочкам и ответила задумчиво:

— Это, пап, вопрос серьезный. Надо придумать. Ты только ничего без моего совета не предпринимай. А то принесешь ненужный подарок.

И тут входная дверь распахнулась, и пол задрожал под тяжестью гостя. Громозека вкатился в кабинет, разинул свою широченную пасть, усеянную акульими зубами, и закричал с порога:

— Вот и я, мои бесценные друзья! Прямо с космодрома — к вам. Я устал и собираюсь поспать. Постели мне, профессор, на полу свой любимый ковер и разбуди через двадцать часов.

Тут он увидел Алису и заревел еще громче:

— Девочка! Дочка моего друга! Как ты выросла! Сколько тебе лет?

— Через неделю будет десять, — сообщила Алиса. — Второй десяток пойдет.

— Мы как раз сейчас думали, что ей подарить на день рождения, — сказал я.

— И придумали?

— Нет еще.

— Стыдно! — произнес Громозека, садясь на пол и раскидывая вокруг свои щупальца, чтобы они отдохнули. — Если бы у меня была такая милая дочка, я бы устраивал ей день рождения каждую неделю и дарил бы ей по планете.

— Конечно, — сказал я. — Особенно если учесть, что год у вас

на Чумарозе длиннее, чем восемнадцать земных лет, а неделя тянется четыре земных месяца.

— И всегда ты, профессор, испортишь настроение! — обиделся Громозека. — У тебя не найдется валерьянки? Только неразбавленной. Меня мучит жажда.

Валерьянки не нашлось, послали за ней в аптеку робота-домработника.

— Ну, рассказывай, — попросил я, — что ты делаешь, где копаешь, что нашел.

— Не могу сказать, — ответил Громозека. — Клянусь Галактикой, это страшная тайна. А может быть, и сенсация.

— Не хочешь говорить — не надо, — ответил я. — Только я не знал раньше, что у археологов бывают тайны.

— Ой, — сказал Громозека и пустил желтый дым из ноздрей, — я обидел своего лучшего друга! Ты на меня рассержен! Все. Я уйду и, может быть, даже кончу жизнь самоубийством. Меня заподозрили в скрытности!

Восемь тяжелых, дымящихся слез выкатились из восьми глаз моего впечатлительного друга.

— Не расстраивайтесь, — сказала тогда Алиса. — Папа не хотел вас обидеть. Я его знаю.

— Я сам себя обидел, — заявил Громозека. — Где валерьянка? Почему этих роботов никогда нельзя послать по делу? Он ведь стоит и болтает с другими роботами-домработниками. О погоде или о футболе. И совершенно забыл, что я изнываю от жажды.

— Может быть, вам принести чаю? — спросила Алиса.

— Нет, — испуганно замахал щупальцами Громозека, — это для меня чистой воды яд!

Тут, на счастье, появился робот с большой бутылью валерьянки. Громозека налил валерьянки в стакан, одним духом выпил ее, и из ушей его пошел белый пар.

— Вот теперь лучше. Теперь я смогу выдать тебе, профессор, очень важную тайну. И пусть мне будет хуже.

— Тогда не надо выдавать, — попросил я. — Не хочу, чтобы тебе было хуже.

— Но ведь никто, кроме меня, не знает, что это тайна, — сказал Громозека.

— Вы очень странный археолог, — заметила Алиса. — Так, значит, никакой тайны нет?

— Есть тайна, — ответил Громозека. — Самая настоящая тайна, но не в том смысле, в каком вы ее понимаете.

— Громозека, — сказал я, — мы ничего не понимаем.

— Ничего не понимаем, — подтвердила Алиса.

Громозека, чтобы не тратить времени понапрасну, допил валерьянку прямо из бутылки, вздохнул так, что стекла задрожали, и рассказал нам вот что.

Археологическая экспедиция, в которой работает Громозека, прилетела на мертвую планету Колеида. Раньше на Колеиде жили люди, но почему-то лет сто назад все они умерли. И все звери на планете умерли. И насекомые, и птицы, и рыбы. Ни одной живой души. Только развалины, ветер воет, дождь идет. Даже кое-где еще стоят на улицах машины и памятники великим людям.

— У них была война? — спросила Алиса. — И они друг друга перебили?

— Откуда у тебя такие мысли? — удивился Громозека.

— Мы по истории Средние века проходим, — ответила Алиса.

— Нет, не было там войны, — сказал Громозека. — Если бы была такая страшная война, то и через сто лет остались бы следы.

— Но, может, у них были какие-нибудь ядовитые газы? — спросил я. — Или атомная бомба? А потом началась цепная реакция?

— Ты умный человек, — произнес Громозека, — но говоришь глупости. Неужели мы, опытные археологи, мастера своего дела, во главе со мной, который смотрит сквозь землю и видит, как пробирается дождевой червь, неужели мы не догадались бы?

Громозека покачал своей головой и так страшно сверкнул глазами, что я мельком взглянул на Алису — уж не испугалась ли она моего добрейшего друга?

Но Алиса не испугалась Громозеки. Она думала.

— И вот у нас есть одно подозрение, — сообщил Громозека. — Только оно — тайна.

— На них напали, — сказала Алиса.

— Кто?

— Как — кто? Космические пираты. Я их видела.

— Че-пу-ха, — ответил Громозека и захохотал, дрожа всеми щупальцами, и разбил вазу с цветами, стоявшую на подоконнике.

Я сделал вид, что не заметил, и Алиса сделала вид, что не заметила. Мы знали, что Громозека очень расстроится, если узнает, что натворил.

— Космические пираты не могут уничтожить целую планету. И, кроме того, космических пиратов почти не существует.

— Так что же погубило Колеиду?

— Вот я для этого и приехал, — заявил Громозека.

Мы с Алисой молчали и больше не задавали вопросов. Громозека тоже замолчал. Он ждал, когда мы будем его спрашивать. И ему очень хотелось долго не сдаваться, а потом сдаться.

Так мы и молчали минуты две. Наконец Громозека на нас совсем обиделся.

— Я вижу, — сказал он, — что вам неинтересно.

— Нет, почему же, — ответил я, — очень интересно. Только ты не хочешь говорить, и мы поэтому молчим.

— Почему я не хочу говорить? — вскричал Громозека. — Кто это сказал?

— Ты сказал.

— Я? Не может быть!

Тогда я решил подразнить моего друга, которого прямо распирало от желания все нам рассказать.

— Ты, Громозека, собирался поспать часов двадцать. Ложись на ковер в столовой. Только стол в угол отодвинь. Алиса, иди делать уроки.

— Ах так... — сказал Громозека. — Такие, значит, у меня друзья? Ты к ним спешишь через всю Галактику, чтобы поведать интересную новость, а они сразу тебя отправляют спать. Им со мной скучно. Им со мной неинтересно. Ну и пожалуйста. Только покажи, где у тебя ванная, я хочу вымыть щупальца.

Алиса смотрела на меня умоляюще. Ей так хотелось спросить Громозеку!

Но тот уже протопал в ванную, цепляясь щупальцами за мебель и стены.

— Ну зачем ты, папа, так с ним поступил? — прошептала Алиса, когда Громозека ушел. — Ведь он хотел рассказать.

— Пускай не кривляется, — сказал я. — Если бы мы стали просить, он бы еще часа два нас мучил. А теперь сам расскажет. Можем поспорить.

— Давай, — согласилась Алиса. — На что поспорим? Я говорю, что Громозека очень обиделся и ни о чем нам не расскажет.

— А я говорю, что он очень обиделся, но именно поэтому скоро все нам расскажет.

— На мороженое.

— На мороженое.

Так мы поспорили. И не успели разнять руки, как в коридоре задрожали стены. Громозека шел обратно.

Он был мокрый, вода лилась по его панцирю, и щупальца ос-

тавляли неровные мокрые полосы на полу. Сзади шел робот-домработник с тряпкой и подтирал за гостем пол.

— Послушай, профессор, — сказал Громозека, — где у тебя детское мыло?

— Мыло? — удивился я. — Мыло на полке. Разве там нет?

— Есть, — засмеялся Громозека. — Я пришел специально над тобой посмеяться. Ведь ты думал, что я спешу, чтобы открыть тебе тайну. И, наверное, сказал своей дочке: вот идет глупый Громозека, которому так хочется поделиться с нами тайной, что он забыл вытереть щупальца. Разве не так?

Я пожал плечами.

Но Алиса тут же меня выдала.

— Мы даже поспорили, — сообщила она. — Я сказала, что вы не придете.

— Ну вот! — Громозека снова сел на пол и разложил, как лепестки, вокруг свои мокрые щупальца. — Теперь я доволен: вы хотели надо мной посмеяться, а я посмеялся над вами. Мы квиты. И поэтому слушайте, мои друзья. Вы помните об эпидемии космической чумы?

ГЛАВА 2

Конечно, мы помнили об этой эпидемии. Вернее, я помнил, а Алиса читала о ней. Лет пятнадцать назад на Землю вернулась экспедиция из восемнадцатого сектора галактики. Как и положено было в те времена, дальняя экспедиция причалила не к самой Земле, а к базе на Плутоне, для того чтобы пройти карантин. Это и спасло нашу планету.

Два члена экипажа были больны неизвестной болезнью. Их отправили в изолятор. Но, несмотря на все лекарства, им становилось все хуже и хуже. На следующий день заболели остальные члены экипажа, а еще через два дня — все, кто был на базе.

На Земле была объявлена тревога, и специальный медицинский корабль понесся к Плутону. Несколько дней подряд продолжалась борьба за жизнь космонавтов и сотрудников базы. И закончилась поражением врачей. Им не только не удалось вылечить заболевших, но и они сами, несмотря на все меры, тоже заболели. Вот тогда эту болезнь и назвали космической чумой.

Был объявлен карантин, и патрульные корабли крейсировали вокруг Плутона, чтобы кто-нибудь случайно туда не залетел. Тем временем лучшие врачи Земли и других планет старались разга-

дать тайну болезни. Казалось, что против нее нет никакого средства, и ничем ее не остановить. Не помогали ни лекарства, ни толстые стены изоляторов.

И лишь через три месяца ценой громадных жертв и усилий несколько тысяч ученых нашли причину болезни и узнали, как ее победить.

Обнаружилось, что справиться с чумой было так трудно потому, что ее переносили вирусы, которые обладали двумя удивительными свойствами: во-первых, они умели маскироваться под своих безвредных собратьев, и найти их в крови было совершенно невозможно, а во-вторых, все вместе они были разумным существом. Каждый вирус сам по себе не мог думать и принимать решения, но когда их собиралось вместе несколько миллиардов, образовывался странный, злой разум. И стоило врачам приблизиться к разгадке чумы, как разум тут же приказывал всем вирусам изменить форму, выдумывал противоядия против лекарств, находил новые пути убивать людей.

Когда ученые догадались, в чем дело, они попытались наладить с вирусным разумом связь. Но тот не захотел разговаривать с людьми. Или не смог — все мысли его, вся его изобретательность были направлены только на разрушение, ничего создавать он не умел.

Потом, когда космическая чума была уже побеждена, удалось найти в архивах других планет упоминание об этих вирусах.

Оказалось, что Солнечная система — не первое место, где появлялась эта чума. На счету у вирусов были погубленные планеты и целые системы планет. И если не удавалось найти способ изгнать чуму, вирусы не успокаивались до тех пор, пока не уничтожали все живое на планете. Истребив людей и животных, вирусы или снимались, как рой пчел, и улетали в космическое пространство, где поджидали какой-нибудь корабль или планету, чтобы напасть на них, или оставались на месте и впадали в спячку.

Космические археологи из экспедиции Громозеки и решили, что, наверное, планета Колеида погибла от космической чумы. Обитатели ее не нашли способа справиться с эпидемией.

И вот для того, чтобы убедиться в этом наверняка, Громозека прилетел к нам на Землю. На Земле есть Институт времени. Его сотрудники могут путешествовать в прошлое. И Громозека решил попросить в институте, чтобы к нему в экспедицию прислали машину времени и кто-нибудь слетал в прошлое Колеиды и посмотрел, не от космической ли чумы погибли все ее жители.

ГЛАВА 3

На следующий день Громозека с утра ушел в Институт времени. Пропадал он там до обеда, и Алиса, которая уже знала все о его делах, придя из школы, осталась дома ждать возвращения археолога. Ей было очень любопытно узнать, чем все кончится.

Мы увидели Громозеку в окне. Задрожали стекла, и наш дом легонько затрясся. Громозека шел посреди улицы, рычал какую-то песню и нес такой большой букет цветов, что задевал им за дома на разных сторонах улицы. Прохожие при виде нашего дорогого чудовища прижимались к стенам и немного пугались, потому что никогда раньше не видели букета цветов в пять метров в диаметре, из-под которого высовывались длинные толстые щупальца с когтями на концах. Громозека каждому прохожему давал по цветку.

— Эй! — крикнул мой друг, останавливаясь под нашими окнами.

— Здравствуй, Громозека! — воскликнула Алиса, растворяя окно. — У тебя хорошие новости?

— Все расскажу, мои дорогие! — ответил Громозека и дал цветок старику, который от удивления сел прямо на тротуар. — Но пока примите этот скромный букетик. Я его передам вам по частям, а то мне с ним не войти в подъезд.

И Громозека протянул щупальца с первой порцией цветов.

Через пять минут вся комната была набита цветами, и я даже потерял Алису из виду. Наконец последняя охапка цветов очутилась в комнате. Я спросил:

— Алиса, где ты?

Алиса откликнулась из кухни:

— Я собираю все кастрюли, чашки, миски, тарелки и вазы, чтобы налить в них воду и поставить цветы.

— Не забудь о ванне, — сказал я. — Наполни ее водой. В нее поместится большой букет.

После этого я, разгребая цветочное море, поплыл к двери, чтобы открыть ее и впустить Громозеку в дом.

Увидев, что творится в квартире, Громозека был очень доволен.

— Я думаю, — сказал он, помогая нам расставлять цветы по кастрюлям, вазам, мискам, плошкам, тарелкам и чашкам, ставить их в ванну и кухонную раковину, — я думаю, что раньше вам никто не приносил такого пышного букета.

— Никто, — согласился я.

— Значит, я ваш самый лучший друг, — заявил Громозека. — А в доме опять нет ни капли валерьянки.

Сказав так, Громозека улегся на пол, на ковер лепестков, и рассказал, что ему удалось сделать за день.

— Сначала я пришел в Институт времени. В Институте времени мне очень обрадовались. Во-первых, потому, что к ним приехал сам Громозека, знаменитый археолог...

Здесь Алиса перебила нашего гостя и спросила:

— А откуда они о тебе, Громозека, знают?

— Обо мне все знают, — ответил Громозека. — Не перебивай старших. Когда меня увидели в дверях, то у всех от радости случился обморок.

— Это от страха, — поправила Громозеку Алиса. — Некоторые, кто тебя раньше не видел, могут испугаться.

— Чепуха! — рявкнул Громозека. — У нас на планете я считаюсь красавцем.

Тут он рассмеялся, и лепестки цветов взвились в воздух.

— Не думай, что я такой наивный, Алиса, — сказал он, отсмеявшись. — Я знаю, когда меня боятся, а когда рады меня видеть. И поэтому я всегда сначала стучусь в дверь и спрашиваю: «Здесь маленьких детей и слабонервных женщин нет?» Если мне отвечают, что нет, тогда я вхожу и говорю, что я — знаменитый археолог Громозека с Чумароза. Теперь ты довольна?

— Довольна, — подтвердила Алиса. Она сидела, скрестив ноги, на свернутом в клубок щупальце Громозеки. — Продолжай. Значит, во-первых, они обрадовались, что к ним приехал сам Громозека. А во-вторых почему?

— Во-вторых, — сказал Громозека, — потому, что они только вчера кончили испытания новой машины времени. Если раньше все машины могли работать только из здания института, то новую машину можно перевезти на другое место. Она питается от атомных батарей. Они как раз собирались везти машину на Чудное озеро.

— Куда? — удивился я.

— Громозека хотел сказать — на Чудское озеро, правильно? — уточнила Алиса. — Громозека имеет право не знать некоторых событий в нашей истории.

— Я так и сказал — Чудское озеро, — заявил Громозека. — А кто не так услышал, у него, значит, больные уши... Они хотели смотреть, как Александр Македонский победил там песцов-рыцарей.

— Правильно, — сказала Алиса. — Они хотели посмотреть, как Александр Невский победил там псов-рыцарей.

— Ох, — вздохнул Громозека, — вечно меня перебивают! Но, когда я узнал, что они все равно готовят машину времени для поездки, я им сказал: «Что такое одно озеро, когда в вашем распоряжении будет целая планета? А на озеро вы всегда успеете съездить, потому что каждому школьнику известно, что Александр Невский все равно победил всех рыцарей. А вот что случилось с планетой Колеида, не знаю даже я, великий археолог Громозека. Хотя, вернее всего, она погибла от космической чумы».

— И они согласились? — спросила Алиса.

— Не сразу, — признался Громозека. — Сначала они говорили, что машина еще не проверена, и в таких трудных условиях, как космос, она может отказать, и случится авария. Потом, когда я сказал, что на Колеиде условия никак не труднее, чем на Чудном озере, они сказали, что атомные батареи и другая аппаратура такие тяжелые, что нужно десять кораблей, чтобы их перевезти на Колеиду. Но тут-то я уж понял, что они вот-вот согласятся. Ведь им тоже соблазнительно испытать свою машину времени на чужой планете. И я заявил им, что мы можем пустить в ход главную электростанцию на Колеиде и, кроме того, у нас в экспедиции есть очень мощный атомный реактор и даже гравитационные двигатели. А если им нужно послать вместе с машиной целую группу испытателей, мы их всех примем, накормим и даже будем через день возить на экскурсии. Вот они и согласились. Ну как, молодец я?

— Ты молодец, Громозека, — сказал я.

— А теперь я буду спать, потому что завтра начнем погрузку. Даже без атомных батарей нам понадобится для перевозки машины три корабля. А эти корабли еще надо достать.

И тут же Громозека прислонил толстую, мягкую, похожую на небольшой воздушный шар голову к стене и заснул.

ГЛАВА 4

Весь следующий день Громозека носился по Москве, летал в Прагу, созванивался с Луной, доставал корабли, договаривался о погрузке и лишь вечером пришел домой. На этот раз без цветов, но не один.

С ним пришли два временщика. Так у нас называют работни-

ков Института времени. Один временщик был молодой, длинноногий, очень худой и, может быть, поэтому не очень веселый. У него были темные курчавые волосы, словно у папуаса, и Громозека, удивляясь, какие бывают на свете тонкие создания, все время норовил поддержать временщика когтем. Другой временщик был невысоким плотным пожилым человеком с маленькими острыми серыми глазами. Он немного заикался и был одет по самой последней моде.

— Петров, — представился он. — М-михаил Петров. Я руковожу проектом. А Ричард будет заниматься непосредственно нашей машиной.

— Как же, как же, — сказал я. Имя этого знаменитого физика, который открыл временные изменения в сверхтекучей плазме, а потом возглавил Институт времени, было мне отлично известно. — Очень рад, что вы пришли к нам в гости.

— А у вас какой-то праздник? — спросил Петров. — Д-день рождения? Извините, мы не знали, а то бы принесли подарок.

— Нет, это не праздник, — заметил я. — Это наш друг Громозека вчера принес нам букет цветов. А так как Громозека все делает несколько преувеличенно, то он попросту оборвал целую цветочную оранжерею.

— Садитесь, — предложил Громозека. — Сейчас выпьем валерьянки и поговорим.

Он достал из глубокой сумки, которая растет у всех чумарозцев на животе, бутыль с валерьянкой и множество всяких вкусных вещей и напитков.

— Итак, — сказал он, усаживаясь на ковер и окружая всех нас щупальцами, будто боялся, что разбежимся, — вот мы и достали корабли, получили согласие Академии наук на вашу командировку в космос и скоро отправимся испытывать машину. Вы рады?

— Спасибо, — сказал вежливо Петров. — Мы благодарим вас за приглашение.

— Вот, — проговорил Громозека обиженно, обращаясь ко мне, — на самом деле он не рад. И знаешь почему? Потому, что ему хотелось побывать на Чудном озере.

— На Чудском, — поправила Громозеку Алиса.

Громозека как будто не слышал.

— Ему хотелось побывать на Чудском озере, потому что он знает, чего ждать от этого озера. Сколько туда ни езди, все равно рыцарям не победить Александра... Невского. А вот на Колеиде

неизвестно, чем все закончится. А вдруг их погубила вовсе не космическая чума, а что-то другое?

— Если вы хотите упрекнуть нас в трусости, — обиделся Ричард, — то ваши замечания попали не по адресу. Вы просто не представляете, с каким риском связана работа во времени. Вы не знаете, что наши люди пытались помочь Джордано Бруно и спасти его от костра, что они проникали в ряды армии крестоносцев и в фашистские лагеря. Знаете ли вы, что им приходится полностью перевоплощаться в людей другого времени, делить с ними все их опасности и беды?

— Не горячись, Ричард, — остановил его Петров. — Разве т-ты не видишь, что Громозека тебя специально дразнит? Вот ты и попался на удочку.

— Я никого не дразнил! — возмутился Громозека. — Я очень прямой и наивный археолог.

Громозека говорил неправду. На самом деле он не лишен ехидства, и он боялся, что временщики почему-нибудь откажутся от полета к археологам и тогда все его мечты пойдут прахом.

— Не беспокойтесь, Громозека, — сказал вдруг Петров, который был очень проницательным человеком, — если институт обещал вам, что экспериментальная модель машины времени будет испытываться в вашей экспедиции, значит, так и будет.

— Вот и отлично! — ответил Громозека. — Я и не сомневался. Иначе я не стал бы знакомить вас с моими лучшими друзьями — профессором Селезневым и его отважной дочерью Алисой, о которой вы мало знаете, но скоро узнаете больше.

— А почему они скоро узнают больше? — спросил я.

— Потому, что я придумал замечательный подарок ко дню рождения твоей дочки, профессор, — ответил Громозека.

— Какой?

— Я возьму ее с собой на Колеиду.

— Когда? Сейчас?

— Конечно, сейчас.

— Но ведь ей в школу надо ходить.

— Я завтра же сам пойду к ней в школу и поговорю с учительницей. Она наверняка ее отпустит на несколько дней.

— Ой, — сказала Алиса, — большое спасибо! Только не надо ходить в школу.

— Почему?

— Потому, что наша Елена очень нервная и боится пауков, мышей и других чудовищ.

— А я при чем? — спросил строго Громозека.

— Ты ни при чем, — поспешила ответить Алиса. — Но она может тебя немножко испугаться. Не столько за себя, сколько за меня. Она скажет, что будет бояться отпустить меня... то есть не с тобой, а с таким, как ты... то есть ты только не обижайся, Громозека...

— Все понятно, — сказал мой друг печально. — Все понятно. Ты, моя девочка, попала в руки к жестокой женщине. Ты опасаешься, что она может причинить мне, твоему другу, зло.

— Нет, ты меня не так понял...

— Я тебя отлично понял. Профессор!

— Что? — спросил я и постарался сдержать улыбку.

— Немедленно возьми своего ребенка из этой школы. Ее там замучают. Если ты этого не сделаешь, я завтра же сам пойду туда и Алису спасу.

— Алиса сама кого угодно спасет, — сказал я. — Не бойся за нее. Ты мне лучше скажи, на сколько дней ты собираешься ее забрать?

— Дней на тридцать-сорок, — попросил Громозека.

— Нет, об этом и не мечтай.

— Тогда на двадцать восемь дней.

— Почему на двадцать восемь?

— Потому что я с тобой торгуюсь и ты уже выторговал у меня два дня. Торгуйся дальше.

Временщики рассмеялись.

— Никогда не знал, что космические археологи такие веселые люди, — заметил Ричард.

— Да я не собираюсь с тобой торговаться, — сказал я Громозеке. — Неужели не ясно, что ребенку надо ходить в школу?

— К такому монстру, как Елена, которая мучает мышей и пауков? Которая могла бы на меня напасть, если бы не Алисино предупреждение?

— Да, к такому монстру, к очаровательной, доброй и чуткой женщине — не в пример тебе, толстокожему эгоисту.

— П-погодите, не спорьте, — вмешался тогда Петров. — Когда у Алисы начинаются каникулы?

— Через пять дней, — сказала Алиса.

— Они длинные?

— Недельные.

— Вот и отлично. Пустите, профессор, вашу дочку с нами на неделю. Наверное, мы все равно не успеем до каникул закончить погрузку.

— Стойте! — обиделся Громозека. — Я еще не успел толком поторговаться с профессором. Отпусти дочку на двадцать шесть дней.

— Нет.

— На двадцать два!

— Не отпущу!

— Ты жестокий человек, Селезнев. Я жалею, что подарил тебе вчера скромный букет цветов. Восемнадцать дней, и ни минутой меньше.

— Но зачем вам так много времени?

— Два дня полета туда. Два дня обратно. И две недели на месте.

— Хорошо, — согласился я. — Четыре дня на дорогу, пять дней на Колеиде и один день на всякий случай. Итого десять дней. Я сам схожу в школу и попрошу, чтобы Алисе разрешили опоздать на три дня с каникул. И больше об этом ни слова.

— Ладно, — согласился Громозека. — Но корабль может задержаться в пути. Вдруг встретим метеоритный поток?

— Если встретите, то вы не виноваты.

— Алиса, — обернулся Громозека к моей дочери, — ты все поняла? Инструкции получишь у меня завтра. А теперь я вам, дорогие временщики, расскажу, как нам повезло, что этот жестокий профессор согласился отпустить с нами свою прелестную дочь. Послушайте в моем изложении историю о том, как она нашла трех капитанов и спасла Галактику от космических пиратов.

И Громозека принялся рассказывать временщикам о том, как мы летали на «Пегасе» за космическими зверями и как нашли Второго капитана. Рассказ его был так далек от истины, что я даже не стал прерывать Громозеку, а только сказал Петрову и Ричарду:

— Все уменьшайте в десять раз. А ты, Алиса, иди делать уроки, а то еще и в самом деле поверишь Громозеке, какие подвиги ты совершала.

— Ну, скажем, подвигов я не совершала, — сказала Алиса, — но вела себя достойно. Спокойной ночи, я пошла делать уроки. Встретимся в космосе.

Когда Громозека кончил рассказ про Алису, временщики принялись обсуждать свои дела, выяснять, что потребуется взять дополнительно на Колеиду, и разошлись уже за полночь.

А когда мы ложились спать, я спросил Громозеку:

— Скажи мне, старый хитрец, почему ты так настаивал, чтобы Алиса летела с тобой на Колеиду?

— А, пустяки, хочется сделать ребенку приятное, — сказал Громозека.

— Не верю я тебе, но что делать...

— Я буду сам за ней смотреть, — заявил Громозека, устраиваясь поудобнее и сворачиваясь в большой блестящий шар. — Ни один золотой волосок не упадет с ее прекрасной головки.

А еще через четыре дня корабли с разобранной машиной времени на борту взяли курс на Колеиду. На первом корабле вместе с Громозекой летела Алиса. А что случилось с ней на той планете, я узнал только через две недели, когда Алиса вернулась домой. Произошло там вот что.

ГЛАВА 5

Корабли опустились на Колеиду ранним утром. К тому времени, как были открыты люки, дежурный радист уже успел разбудить всех археологов, и они, одеваясь на бегу, спешили к кораблям по истоптанному роботами и копательными машинами пыльному полю.

— Я выйду последним, — сказал Громозека временщикам и Алисе. — Вы гости, а я скромный археолог. Они уже знают, что мы привезли машину времени, и поэтому будут очень рады нас видеть. Алиса, оденься потеплее, я обещал твоему отцу, что ты не простудишься. Хотя, в общем, это тебе не угрожает, потому что простуду вызывают микробы, а микробов на Колеиде нет.

— Почему нет? — спросила Алиса.

— А потому, что на Колеиде ничего нет. Ни людей, ни зверей, ни растений, ни мух, ни микробов. Космическая чума уничтожает все живое.

Первой из корабля вышла Алиса.

В экспедиции было тридцать пять археологов. И ни одного с Земли. Здесь были линеанцы, фиксианцы, ушаны и другие ученые. Кроме общей профессии, у них не было ничего общего. Среди встречавших оказались археологи вообще без ног, на двух ногах, на трех ногах, на восьми ногах, на щупальцах, на колесиках, а один археолог мог похвастаться ста сорока четырьмя ногами. Самый маленький археолог был ростом с котенка, а самым большим был наш друг Громозека. У всех археологов было разное число рук, глаз и даже голов.

А все головы были повернуты к люку корабля, и когда Алиса

остановилась у люка и помахала своим новым знакомым рукой, то они замахали в ответ руками и щупальцами и закричали ей «здравствуй» на двадцати с лишним языках.

Еще больше археологи обрадовались появлению временщиков, но когда в люк пролез веселый Громозека с туго набитым мешком писем и посылок, то археологи даже запрыгали от радости, подхватили Громозеку на руки (щупальца и колесики) и понесли к разноцветным палаткам лагеря. По дороге одного из археологов, самого маленького и хрупкого, даже задавили, но, к счастью, не до смерти — Алиса успела заметить его под ногами (щупальцами и колесиками) археологов и вытащить полузадушенного наружу.

— Спасибо, девочка, — поблагодарил археолог, сворачиваясь клубочком у Алисы на руках. — Может, я смогу отплатить тебе добром за добро. Мои друзья немножко увлеклись.

Археолог был светло-зеленый, пушистый, у него было курносое личико с одним сиреневым глазом.

— Я крупнейший в Галактике специалист, — сказал он, — по расшифровке древних языков. Ни одна кибернетическая машина со мной не сравнится. Если бы они меня совсем затоптали, это была бы большая потеря для науки вообще и для нашей экспедиции в частности.

Даже в такой тяжелый момент маленький археолог думал о деле, а не только о себе.

Алиса принесла пострадавшего археолога, которого звали Рррр, в самую большую палатку, где собрались все остальные, и при помощи Петрова отыскала врача экспедиции — грустного, похожего на садовую лейку на ножках обитателя планеты Кроманьян. А когда врач сказал, что больному ничего не угрожает, она стала слушать, о чем разговаривают археологи.

Оказалось, члены экспедиции не сидели сложа руки, пока их начальник летал на Землю за машиной времени. Они раскопали небольшой город целиком, со всеми его домами, улицами, сараями, фабриками, кинотеатрами и железнодорожной станцией.

И после обеда за общим длинным столом, во время которого Громозека рассказывал друзьям о своих приключениях на Земле, археологи повели гостей осматривать раскопки.

Конечно, за сто лет, прошедших со дня гибели города, ветры, дожди и снега постарались снести его с лица земли, и во многом это им удалось. Но каменные дома все-таки остались стоять, хоть и без крыш и окон; выветрились, но не совсем пропали мосто-

вые, вдоль которых рядами стояли обломанные, без коры высокие пни деревьев. Лучше всего сохранился старый замок на холме над городом. Ему было уже больше тысячи лет, но стены, сложенные из могучих каменных плит, стойко выдержали нападения ветра и дождя.

Археологи смазали рассохшееся дерево клейкими растворами, положили на место разбросанные камни и кирпичи, осторожно убрали с улиц грязь и пыль, накопившиеся за век, и в солнечный, светлый день город казался хоть и потрепанным, старым, но чистым и почти настоящим. Как будто люди ушли из него совсем недавно.

Жители города были невелики ростом, ниже обычных людей, но очень на них похожи, и когда Алиса зашла в один из восстановленных домов, то оказалось, что и стол в нем, и кровать, и стулья были сделаны будто специально для Алисы.

Около станции стоял маленький поезд. У паровоза была длинная труба, а вагончики с большими круглыми окнами и выгнутыми крышами были похожи на старинные кареты.

Один из археологов, специалист по реставрации, который и восстановил паровоз и поезд из кучи ржавого лома, долго не отпускал гостей со станции — ему очень хотелось, чтобы они оценили, как тщательно сделаны все ручки, кнопки и рубильники в старинной машине.

Потом гости осмотрели музей, куда археологи собрали все мелкие вещи, найденные в городе: картины, статуи, посуду, одежду, домашнюю утварь, украшения и так далее. И видно было, как много им пришлось потрудиться, чтобы вернуть эти вещи к жизни.

— Скажите, — спросил Петров, когда гости кончили осматривать музей, — вам удалось т-точно установить, когда погибла планета Колеида и отчего она погибла?

— Да, — сказал маленький археолог Рррр. — Я прочитал остатки газет и журналов и нашел много документов. Во всем виновата эпидемия. Эпидемия началась на Колеиде сто один год, три месяца и двадцать дней назад. По тому, как ее описывали испуганные жители, она очень похожа на космическую чуму.

— А как чума попала на планету? Ведь вирусы ее сами не могут пролететь сквозь атмосферу. Значит, ее кто-то принес. Может, это был метеорит?

— Вот этого нам узнать не удалось. Все может быть, — сказал Рррр. — Известно только, что первые сообщения о странной бо-

лезни появились в газетах именно в три тысячи восьмидесятом году местной эры. В третьем месяце и восьмом дне.

— И выяснить, как это случилось, придется нашим друзьям временщикам, — закончил за него Громозека. — Для этого они сюда и прилетели. Так что, друзья, считайте, что мы почти победили!

Громозека затряс щупальцами, распахнул громадную пасть, все археологи закричали «ура», а временщик Петров сказал тихо:

— Вот именно, что почти.

ГЛАВА 6

Пять дней все археологи, временщики и матросы с космических кораблей устанавливали машину времени и атомные батареи для ее питания. Наконец посреди поля выросло высокое, с трехэтажный дом, сооружение.

Сама временная камера занимала в этом сооружении только самую середину, остальное были контрольные приборы, пульты управления, дублирующие блоки, кибернетический мозг и вспомогательные устройства.

Все работы на раскопках остановились. Что за смысл копаться в обломках, если есть возможность посмотреть на эти вещи и на хозяев наяву?

— Н-ну вот, — сказал утром на шестой день Петров, — монтаж машины закончен. В камере может поместиться только один человек. А так как модель машины опытная и неизвестно еще, чем все кончится, в прошлое пойду я сам.

— Ничего подобного! — возразил Ричард, размахивая длинными худыми руками. — Мы же с вами спорим уже четыре дня, и я вас убедил, что идти надо мне.

— Почему? — спросила Алиса.

Она была вся перемазана в графите и покрыта пылью. Она не успевала умываться и причесываться — так она была занята. Ведь надо было и техникам помочь, и на раскопках побывать, и слетать на разведку с добродушным Рррр, который ни в чем Алисе отказать не мог — ведь она спасла его от смерти.

— Да потому, Алиска, — сказал Ричард, — что если что-нибудь случится со мной, то мое место может занять любой из ста сотрудников Института времени, а если что-нибудь случится с академиком Петровым, его не заменит никто в Галактике. Так

что я рассуждаю разумно. Да и вообще, что может случиться с нашей машиной?

— Тем более, — добавил Петров, — должна же быть какая-то дисциплина. Я н-несу ответственность и за машину и за тебя, Ричард.

— Я бы сам поехал в прошлое, — сказал Громозека, — но я никак не умещусь в машине времени.

— Все понятно, — заметила Алиса. — Полечу я.

Все засмеялись, и никто не стал ее слушать всерьез. Алиса очень обиделась, чуть не разревелась, и тогда, пока Петров с Ричардом убеждали друг друга, кому ехать первым, Громозека осторожно оттащил Алису щупальцем в сторону и прошептал:

— Слушай, девочка, я же тебя пригласил сюда не совсем бескорыстно. Я думаю, что тебе еще придется съездить в прошлое. Не сейчас, а позже. И тогда на твою долю выпадет самая сложная работа. Какая — говорить еще рано. Но клянусь тебе всеми чудовищами космоса, что в решающий момент командовать парадом будем мы с тобой.

— Как бы не так, — сказала Алиса. — Мы здесь уже шесть дней, а послезавтра уходит грузовая ракета на Землю, и для меня в ней выделено место.

— Ты мне не веришь? — удивился Громозека и пустил желтый дым из ноздрей. — Ты ставишь под сомнение честное слово самого Громозеки? Тогда, значит, я глубоко ошибался. Ты недостойна той чести, которую я для тебя приготовил.

— Достойна, достойна, — ответила быстро Алиса. — Я буду молчать.

Они вернулись к временщикам.

— Значит, т-так, — сказал Петров, глядя в упор на Ричарда, как будто гипнотизируя его. — Завтра утром я лечу в прошлое. Для начала мы заглянем в тот момент, когда эпидемия уже бушевала на Колеиде. Полет будет коротким. Не больше чем полчаса. Я никуда не буду отходить от машины и вернусь, ка-ак только что-нибудь разузнаю. Если все кончится благополучно, следующий полет в прошлое будет длиннее. Ясно?

— Но, Михаил Петрович... — начал было Ричард.

— Все. Займись лучше проверкой системы безопасности, если не хочешь, чтобы твой начальник застрял посреди путешествия.

— Главное, — сказал Рррр, который слышал весь спор, — привезите оттуда свежую газету. Или даже несколько свежих газет.

— Обязательно, — сказал Петров. — Что еще?

— А еще нам придется зайти в мою лабораторию, — сказал доктор, похожий на садовую лейку, — и пройти гипнотический курс обучения местному языку. Это займет часа два. И вам может пригодиться.

ГЛАВА 7

На следующее утро Алиса проснулась от жужжания, словно огромная пчела летала над самой палаткой. Было холодно, ветер колыхал полог, и Громозека ворочался на подстилке, подрагивая щупальцами во сне, словно щенок лапами.

— Алиса, — послышался тихий голос из-под полога. Нижний край его отогнулся, и в отверстии сверкнул сиреневый глаз Рррр. — Хочешь посмотреть, как испытывают машину времени?

— Ну конечно! — прошептала в ответ Алиса. — Я сейчас. Только оденусь.

— И потеплее, — сказал вдруг Громозека, не открывая глаз. Слух у него был исключительный. Даже во сне.

— Ты его разбудила? — спросил Рррр.

— Нет, он спит. Просто он никогда не перестает обо мне заботиться. Он слово дал моему отцу.

Алиса выбралась из палатки. На земле пятнами лежал голубой иней. Палатки были еще застегнуты, лишь над крайней, в которой была кухня, поднимался дымок. Лагерь спал.

Солнце только-только выбралось из-за похожих на частую гребенку с выломанными зубьями гор, тени были длинные, и раскопанный археологами городок казался сиреневым, как глаз Рррр.

Алиса подбежала к машинному зданию, из которого доносилось низкое жужжание.

— Я думаю, — трещал без умолку Рррр, который бежал сзади, как котенок, — что временщики решили запустить машину без свидетелей. Чтобы было как можно меньше шума. Они очень осторожные и, я сказал бы, странные и скромные люди. Но я счел своим долгом разбудить тебя, Алиса, потому что ты мой друг, а без друга я не имею морального права наблюдать, как самый первый человек отправится на сто лет назад и узнает, что же случилось с этой несчастной планетой... Осторожнее!.. Если они нас увидят, они могут нас вообще выгнать...

Но было поздно. Петров, одетый в длинный халат, в высокой

шляпе, как носили на Колеиде парикмахеры, выглянул из двери машинного здания и увидел Алису и Рррр.

— А я думал, что мы никого не разбудили, — сказал он весело. — Ну, уж если вы такие догадливые, забирайтесь сюда — на улице холодина страшный. Громозека спит?

— Спит, — подтвердила Алиса.

— Ну и хорошо. А то он устроил бы мне торжественные проводы, с музыкой и речами. А мы всего-навсего начинаем опыт. Идите сюда.

Во внутреннем помещении у раскрытой дверцы в кабину времени стоял Ричард и нажимал по очереди все кнопки, а затем смотрел, что говорят по этому поводу приборы на пульте управления.

— Все готово? — спросил Петров.

— Да. Можете идти. И все-таки я в последний раз прошу вас...

— И не п-проси, — ответил Петров и надвинул на лоб капюшон. — Вряд ли я сойду за настоящего парикмахера, но я не собираюсь отходить далеко от машины.

Ричард выпрямился, увидев Алису и маленького археолога.

— Доброе утро, — поздоровался он. — Вы уже встали? — Он был так занят проверкой машины, что даже не очень удивился.

— До свидания, д-друзья, — сказал Петров. — К завтраку вернусь. То-то Громозека удивится!

Петров вошел в кабину, задвинул за собой прозрачную дверь.

Ричард отошел к пульту управления. Он ничего не трогал на нем — только следил за показаниями приборов. Все кнопки находились в кабине. Их нажимал Петров.

Жужжание вдруг усилилось и тут же затихло. Петров исчез из кабины. На месте его образовался сгусток тумана. Потом и он пропал.

— Вот и все, — заметил Ричард. — Кажется, нормально.

Алиса увидела, что Ричард скрестил пальцы, и удивилась, что ученые-временщики могут быть такими же суеверными, как простые школьники перед экзаменами.

— Когда он вернется? — спросила Алиса. Она была горда тем, что первой увидела, как временщик уходит в прошлое. Даже Громозека проспал этот момент.

— Через час, — ответил Ричард.

В центральной рубке временной станции стояла тишина. Алиса достала из кармана комбинезона расческу, причесалась

сама и предложила причесаться Ричарду. Он явно забыл это сделать утром.

— Скажите, — спросил Рррр, — а ведь там, в прошлом, нет второй временной камеры? Ведь академик Петров без камеры туда попал?

— Правильно, — согласился Ричард и даже немного удивился тому, какие наивные вопросы ему приходится выслушивать. — Когда мы работаем из Института времени, то мы на другом, приемном, конце тоже устанавливаем такую же камеру. Тогда путешествие туда и обратно просто и надежно. А вот в опытных образцах и в этой переносной камере приходится обходиться только одной установкой. За это изобретение академик Петров и получил Нобелевскую премию.

— Значит, он там сейчас вышел на голое поле? — удивилась Алиса.

Она представила, что Петров стоит на виду у всех, такой беззащитный и одинокий, и ей стало за него страшно.

— Примерно так и есть, — ответил Ричард. — Спасибо за расческу.

— Пожалуйста.

— Но он отмечает точку, в которую прибыл в прошлое, и, когда вернется, станет точно в то же самое место. И запоминающее устройство сразу получит сигнал: путешественник во времени вернулся и готов к перелету. И сработает автоматика. Даже моего участия в этом не потребуется. Я так здесь стою, на всякий случай.

— А если не он придет на это место? Если случайно корова туда зайдет? — спросила Алиса.

— Правильный вопрос, — ответил Ричард. — Если на это место станет другой человек или животное, то сюда придет сигнал: «Объект в поле действия камеры не тот, который ушел в прошлое». И тогда установка просто-напросто не сработает.

— Ну, а если он ранен, если он не сможет выпрямиться, а может только приползти туда? — не сдавалась Алиса.

— Не говори глупостей! — рассердился вдруг Ричард. — Все может случиться. Поэтому я и хотел туда полететь вместо Михаила Петровича. А ты задаешь глупые вопросы.

Алиса замолчала. Вопросы были не такими уж и глупыми. Она подошла поближе к камере и стала рассматривать кнопки управления. Внутрь она заглядывать не стала, потому что в любой момент мог появиться Петров, и тогда бы они столкнулись.

Ричард подошел к ней. Он чувствовал себя неловко, потому что нагрубил девочке, и поэтому стал объяснять:

— Вот видишь зеленую кнопку справа? Когда Петров нажал на нее, дверь в камеру закрылась. Потом он нажал на вторую белую кнопку. Этим он включил временное поле. В то время ты его еще видела. Наконец он нажал на красную кнопку. И очутился в прошлом, в той точке, которую мы вычислили заранее и на которую настроена вся аппаратура.

— Значит, он сам не сможет выбирать, куда ему отправиться?

— Нет. Это сложная работа. Настраивается множество приборов. Мы всю ночь готовили к этому нашу машину.

— И куда он сейчас попал?

— Сейчас Петров находится сто один год назад, в те дни, когда эпидемия уже началась, но люди на Колеиде были еще живы.

Неожиданно жужжание снова усилилось.

— Внимание! — сказал Ричард.

Еще через три секунды в камере появилось облачко тумана и тут же превратилось в Петрова.

Петров ничуть не изменился. Он откинул назад капюшон, отодвинул дверь в камеру и вышел.

— Ну, вот и все, — сказал он, как зубной врач, который только что поставил пломбу. — Мы приехали.

— Ну и что? Что? — заволновался Рррр, подбегая к ногам временщика и глядя на него снизу вверх.

— Еще не знаю, — ответил Петров. — Я очень спешил. Не хотел, чтобы вы волновались. Держите ваши газеты.

Он вытащил из-за пазухи пачку газет и других бумаг и протянул их археологу. Рррр схватил их длинной мохнатой ручкой и раскрыл одну из газет. Газета была больше его размером, и поэтому маленький археолог целиком скрылся за ней.

— Пошли, — сказал Петров. — Ричард, отключай питание. Надо рассказать обо всем товарищам. Да и завтрак скоро. Наверно, они уже просыпаются.

— Вот Громозека на вас обидится, — сказала Алиса, — что вы его не позвали.

— Не об-бидится, — ответил Петров и скинул длинный халат.

Они пошли к выходу из станции. Впереди шел Ричард, потом Петров, который держал за руку Алису, а последней шла раскрытая газета, за которой скрывался Рррр.

— Вот Громозека... — начала снова Алиса, которая никак не

могла справиться с гордостью от того, что она видела то, что Громозека проспал.

Но окончить фразу она не успела.

У входа на станцию времени на песке сидел Громозека, а рядом стояли все остальные археологи.

— Ну вот, — заявил Ричард, — а мы думали, что вы спите.

— Никто не спал, — сказал обиженно Громозека. Из ноздрей у него густо валил желтый дым, и от него сильно пахло валерьянкой.

— Никто не спал, — подтвердили остальные археологи.

— Мы не хотели вам мешать. Мы гордые люди. Не пригласили — не надо.

— Извините, — сказал Петров.

— Ничего, — улыбнулся Громозека. — Мы не сильно обиделись. Пошли в столовую, и вы все нам расскажете. Думаете, нам легко было здесь ждать на холоду?

— И волноваться, — сказал кто-то.

И все пошли в столовую.

ГЛАВА 8

— Ну что ж, — сказал Петров, глядя на археологов, — что-то, я вижу, никто не собирается завтракать. Давайте я тогда в двух словах расскажу, что видел в прошлом. А потом примемся за еду.

Археологи одобрительно закивали.

— Вышел я из камеры благополучно, — начал Петров. — Все было рассчитано совершенно правильно. Точка расположена на поляне, рядом с городом, метрах в трехстах от последнего дома. Я отметил место высадки и поспешил к городу. Там было раннее утро, и все еще спали. Вернее, не все, но большинство людей. Я не успел пройти и ста шагов, как увидел, что по дороге, ведущей к городу, спешат несколько машин с синими кругами.

— Это «Скорая помощь», — сказал Громозека. — Мы уже знаем.

— Правильно. «Скорая помощь». Я тоже это знал и потому понял, что наш расчет был точным. В городе эпидемия. И я пошел к городу.

— Погодите! — вскричал вдруг Рррр. — А у вас была сделана прививка?

— Конечно, — сказал Петров. — Все прививки от всех известных космических болезней. И, разумеется, от космической чумы.

Громозека, будто вспомнив о чем-то, достал из кармана на

круглом животе записную книжечку и нацарапал на ней несколько слов.

— Машины остановились у б-больницы, — продолжал Петров.

— Знаем, — сообщил археолог, похожий на стрекозу на длинных ножках. — Мы ее откопали.

Петров вздохнул.

— Если кто-нибудь еще будет перебивать академика, — зарычал Громозека, — мы его уведем отсюда и запечатаем в палатке.

— Правильно, — сказали археологи.

— Я увидел, как из «Скорой помощи» выносят больных на носилках. Но я не стал задерживаться там, потому что знал, что Ричард меня ждет и будет волноваться. Я прошел к газетному киоску. Киоск был открыт, но никого в нем не было видно. Когда я заглянул внутрь, то увидел, что продавец лежит на полу.

«Вам плохо?» — спросил я его.

«Я, по-моему, тоже заболел», — прошептал продавец.

«А мне нужны газеты», — сказал я.

«Берите что хотите, — заявил продавец. — Только позовите санитаров, потому что у меня нет сил выбраться отсюда».

Тогда я забрал все газеты, какие смог, и поспешил к госпиталю. Я сказал санитарам, что в газетном киоске лежит больной, но санитары только отмахнулись от меня. Они, видно, устали до смерти. Я заглянул в окно больницы и увидел, что люди лежат там вповалку. Не хватает кроватей.

Тогда я вернулся обратно к киоску и вытащил оттуда продавца. Ведь продавец такой маленький... ну, как Алиса... и нести его было совсем не тяжело. Я положил его у входа в больницу, но входить внутрь не стал, потому что на меня и так уже стали коситься — ведь я вдвое выше ростом любого из них.

Но зато я не переставая фотографировал все, что видел. Поэтому я думаю, что наши специалисты смогут по фотографиям все узнать. Кроме того, я взял из киоска немного разных денег — они ведь все равно не понадобились бы продавцу, а нам, если мы снова отправимся в прошлое, они будут нужны. Вот и все. А теперь давайте завтракать.

— Минуточку, — сказал Громозека. — Прежде чем начнем есть, я прошу всех без исключения археологов и гостей отправиться в медпункт.

— Зачем?

— Все должны сделать прививки от космической чумы. Все без исключения.

Алиса не любила делать прививки, но Громозека заметил, что она торопится в медпункт, и подошел к ней.

— Слушай, дочка, — сказал он громким шепотом, — к тебе у меня особая просьба. Ты сделаешь прививки не только от космической чумы, но и от всех остальных возможных болезней. Врач уже предупрежден.

— Ой, зачем, Громозека! — возразила Алиса. — Я так плохо переношу уколы.

— Помнишь, я говорил тебе, что готовлю специальное задание? Так вот, без уколов разговаривать нам не о чем.

Алисе пришлось пойти в медпункт, сделать уколы, проглотить восемь таблеток и выпить страшно соленые капли от дрожалки Коса, удивительной болезни, которой еще никто не болел, но все врачи считают, что кто-нибудь ею обязательно заболеет.

Алиса мужественно выдержала все испытания, потому что верила Громозеке. Зря он не стал бы ее просить.

После всех уколов и таблеток Алисе стало плохо. Ее охватил озноб, болела голова и ныли зубы. Но доктор, похожий на садовую лейку, сказал, что так и должно быть и завтра недомогание пройдет. Алисе пришлось лежать в палатке и ничего не делать, в то время как остальные археологи допрашивали Петрова и рассматривали фотографии.

ГЛАВА 9

Обед Алисе принес верный Рррр. Ему трудно было тащить поднос с тарелками, потому что поднос был больше его размером. Он приспособил для обеда тачку.

— Ешь, — попросил он, — а то остынет.

— Не хочется, Рррр, — сказала Алиса. — Я еще не совсем выздоровела.

— Все-таки ты слабенькая, — отметил укоризненно Рррр. — Вот я после укола хожу как ни в чем не бывало.

— Так вам только один укол, а мне много.

— Почему? — удивился маленький археолог. Оказывается, он не знал, что Алиса прошла весь курс уколов, как космический разведчик, отправляющийся на неизведанную планету.

— Наверное, Громозека беспокоится обо мне. Он же обещал папе заботиться обо мне.

— Конечно, конечно, — согласился Рррр. — Учти, что мне тебя очень жалко. Я бы с удовольствием сделал эти уколы за тебя.

— Спасибо, — сказала Алиса. — А что нового?

— Нового очень много, — сообщил маленький археолог. — И если ты съешь тарелку супа, я тебе кое-что расскажу. А если ты съешь и второе, я тебе расскажу почти все.

— Тогда я съем компот, и вы расскажете мне самое главное, — согласилась Алиса.

Но маленький археолог только улыбнулся, подмигнул сиреневым глазом, и Алисе пришлось начать с нуля. А тем временем Рррр рассказал вот что.

Больше всего археологам помогли свежие газеты, которые принес из прошлого академик Петров. Из газет удалось узнать, каким путем зловещий вирус космической чумы проник на планету Колеида. Оказалось, что за неделю до этого на Колеиду вернулся первый космический корабль, запущенный с планеты. Он должен был совершить несколько оборотов вокруг Колеиды и потом сделать круг возле спутника планеты, маленькой Луны. Полет прошел нормально, и тысячи колеидян, живших на этом полушарии планеты, пришли на космодром встретить своих первых космонавтов. Вечером того же дня космонавты должны были выступать на большом митинге на главной площади столицы Колеиды. Но они не пришли на митинг, потому что заболели загадочной болезнью. В газетах того дня об этом было рассказано очень коротко и туманно. Но еще через день, когда заболели родственники космонавтов и все, кто их встречал на космодроме, стало ясно, что на Колеиду из космоса попала страшная инфекция. А еще через три дня болезнь распространилась по всей планете.

— Как видишь, Громозека был с самого начала прав. Это, без сомнения, космическая чума, — произнес в конце своего рассказа Рррр. — Наши специалисты внимательно рассмотрели фотографии, которые принес Петров, и теперь в этом нет никакого сомнения.

— Как жалко! — сказала Алиса. — И ничем нельзя им помочь?

— Как же можно помочь людям, которые умерли сто лет назад? — удивился маленький археолог. — Ну ладно, ты доедай компот и спи. А я тебя завтра проведаю.

— Спасибо, — ответила Алиса. — А что теперь будут делать временщики?

— Временщики будут готовить свою машину для других поле-

тов. Они настраивают ее на тот день, когда прилетели космонавты. Они хотят окончательно убедиться в том, что именно космическая чума попала на Колеиду. Надо как можно больше узнать о чуме, чтобы она не напала на какую-нибудь другую планету. И завтра Ричард пойдет в прошлое на неделю раньше.

Рррр раскланялся и убежал, мягко стуча по полу палатки своими пушистыми ножками. Он так спешил читать свои газеты и журналы, что забыл тачку.

Не успели его шажки стихнуть, как полог палатки снова откинулся и вошел сам Громозека.

— Кто у тебя был? — спросил он. — Зачем тебе тачка?

— Маленький Рррр, — сказала Алиса.

Громозека принес поднос с обедом.

— А ты откуда достала компот? — спросил Громозека строго.

Алиса допила стакан с компотом и сказала:

— Рррр принес. И суп я тоже уже ела.

— Ай-ай-ай! — расстроился Громозека. — А я выпросил у повара для тебя самые вкусные куски. Может, ты все-таки пообедаешь еще разок? За здоровье твоего дядюшки Громозеки.

— Нет уж, спасибо.

— Алиса, тебе очень нужны калории, — сказал Громозека.

— Не больше, чем всегда.

— Больше, — сказал Громозека. — Я пришел поговорить с тобой серьезно, как ученый с ученым. Ты как себя чувствуешь?

— Уже лучше.

— Намного лучше или ненамного лучше?

— Намного лучше. Я даже могу встать.

— Не надо вставать.

Громозека рассеянно поставил поднос с обедом на пол, протянул два свободных щупальца к пологу и застегнул его. Затем вылил себе в пасть тарелку супа и сказал:

— Не пропадать же хорошей пище. Я тебе компот оставлю.

— Спасибо.

— Алиса, — начал Громозека торжественно, — ты знаешь, что все считают меня очень наивным и прямодушным существом.

— Не все, — сказала Алиса.

— Ну, плохие люди везде есть. Я и на самом деле наивное и прямодушное существо. Но я умею заглядывать в будущее, а не только в прошлое, как многие наши друзья. Скажи, зачем я тебя позвал в экспедицию?

— Чтобы сделать мне подарок ко дню рождения, — ответила Алиса, хотя уже отлично понимала, что не только для этого.

— Правильно, — взревел Громозека. — Но не только для этого. Подарок — это тебе. Подарок — это прилететь на планету. Подарок — это поглядеть на раскопки и познакомиться с моими товарищами. Подарок — это прогулять три дня в школе... То есть последнее это не подарок, а маленькое преступление. Но я не о том. Ты можешь, конечно, сесть послезавтра на грузовую баржу и улететь домой. И мы останемся друзьями. Но я не думаю, что ты так сделаешь. Потому, что я знаю твоего отца, я знаю тебя, и я думаю, что ты захочешь мне помочь.

— Конечно, захочу, — сказала Алиса.

— Я летел на Землю и много думал, — сказал Громозека. — Я думал так: вот есть планета Колеида, которая погибла от космической чумы. И вот мы, археологи, через сто лет прилетели сюда и смотрим на черепки, которые от нее остались. Смотрим, и все. Потом отвезем эти черепки в музей и напишем на них: «Погибшая цивилизация».

— И тогда вы решили обратиться в Институт времени.

— Обратиться я раньше решил. Обратиться — это еще ничего не дает. Мы только будем знать, какие черепки и где искать. Вот и все. Что-то надо было делать, а что, я не мог догадаться. А потом я приехал к вам в гости и сидел у вас и разговаривал с вами. А потом я пошел в Институт времени и договорился, что они дадут нам свою машину. А потом я догадался и поэтому купил много цветов и вернулся к вам домой. А о чем я догадался?

— О чем?

— Вспомни, Алиса, тебя не удивило, когда ты в первый раз пришла в город, какого размера там домики, и кровати, и столы?

— Маленького.

— Не только маленького! Твоего размера. А вспомни, что сказал Петров, когда рассказал нам, как он относил в больницу больного продавца газет.

— Не помню.

— Он сказал, что на него смотрели с подозрением, потому что он вдвое выше любого из жителей города. Какой мы делаем из этого вывод?

Алиса промолчала. Она не знала, какой сделать вывод.

— Первый мой шаг — достать машину времени, — продолжал Громозека. — Второй шаг — выяснить, в самом ли деле они погибли от космической чумы. Третий шаг — уговорить временщи-

ков заглянуть в тот день, когда космическая чума проникла на планету Колеида. А четвертый шаг?

— Ну!

— Ага, ты уже догадываешься! Четвертый шаг — послать туда Алису. Если, конечно, машина в исправности и особой опасности для Алисы нет. А зачем послать туда Алису?

— Чтобы я...

— Правильно: чтобы ты пробралась в то место и в то время, когда космическая чума проникла на планету, и нашла способ эту чуму убить в зародыше. Что тогда получается? Чумы нет, планета жива, и археологам здесь делать нечего. Все кричат «ура», и целый миллиард человек спасен одной маленькой девочкой.

— Ой, как интересно! — воскликнула Алиса.

— Ш-ш-ш-ш! — Громозека закрыл ей рот концом щупальца. — Нас могут услышать раньше времени.

— А почему я? — спросила шепотом Алиса.

— А потому, что ты именно такого роста, как жители этой планеты. Потому, что ни Петрову, ни Ричарду, ни тем более мне не пробраться на космодром к кораблю. А тебя никто не заметит. Ты такая же маленькая, как они сами.

— А почему тайна?

— Нет, я вижу, ты все-таки недостаточно умная. Представь себе, что я говорю твоему родному отцу: «Послушай, профессор, я хочу послать твою дочку в далекое прошлое незнакомой планеты, чтобы она спасла эту планету от ужасной болезни». Что ответит твой отец?

Алиса подумала немножко и сказала:

— Вообще-то мой отец понятливый, но боюсь, что он сказал бы: ни в коем случае.

— Правильно. Ни в коем случае. Потому что ты для него все еще маленькая девочка, несмышленыш, о котором надо заботиться. Потому что у твоего отца есть отцовский инстинкт. Ты знаешь, что это такое?

— Знаю. А у дедушки есть дедушкин инстинкт, а у мамы — мамин. И все эти инстинкты говорят им о том, чтобы я тепло одевалась и не забывала взять плащ, если идет дождь.

— Великолепно! — сказал Громозека. — Мы отлично друг друга понимаем. Я тебе не хотел говорить об этом раньше, потому что еще не был уверен, как работает машина и что найдут временщики в прошлом. Но теперь все оказалось именно так, как я рассказывал.

— И я завтра полечу в прошлое?

— Ни в коем случае! Это слишком опасно. В прошлое полетит Ричард. Он должен найти путь в тот день, когда прилетел космический корабль. Он все разведает. Потом туда же слетает Петров. Учти, они еще ни о чем не знают. И мне придется потратить много часов, чтобы уговорить их на мой план. Они не знают даже, что можно попробовать убить чуму в самом зародыше. Они просто никогда не пытались изменить прошлое. У них даже закон такой есть: прошлое изменять нельзя. Но ведь Колеида далекая планета, и ее прошлое никак не влияет на прошлое и настоящее других планет. Значит, первой трудностью будет уговорить их вмешаться в прошлое Колеиды. А уж потом начнется вторая трудность — это ты.

— Но они могут сказать, что сами пойдут на космодром и сами очистят корабль от космической чумы, — сказала Алиса. — И все тогда погибнет.

— Нет, почему же погибнет? Если они сами это сделают, это будет замечательно: мне не придется за тебя волноваться.

— Ну вот, — обиделась Алиса, — сначала обещал, а теперь говорит, что будет замечательно, если без меня обойдутся!

Громозека засмеялся так, что палатка зашаталась.

— Посмотрим, — сказал он. — Посмотрим. Я рад, что ты не испугалась. Сегодня вечером, перед ужином, ты отправишься к врачу и пройдешь гипнотический курс обучения языку Колеиды. Он предупрежден. Но пока не наступило время — никому ни слова, даже твоему другу Рррр. И учти: если ты уедешь в прошлое, то тогда с тобой отправится и кто-нибудь из временщиков, который будет за тобой следить и страховать тебя. Так что не надейся, что ты будешь действовать в полном одиночестве. А сейчас отдыхай.

Но когда Громозека вышел из палатки, отдыхать Алиса уже не могла. Она соскочила с кровати и побежала смотреть, как готовят машину времени к завтрашнему утру.

ГЛАВА 10

«Хорошо бы, — думала Алиса, подобравшись поближе к машине времени и разглядывая пульт управления, — слетать в прошлое. Даже если мне велят отправиться в прошлое вместе с Ричардом или Петровым, я не откажусь. Они могут взять меня на

руки, а когда мы вернемся обратно, снова возьмут на руки, и получится, будто путешествовал всего один человек. Машина это выдержит».

Временщики не обращали на Алису внимания. Им было некогда. Надо было перестроить машину так, чтобы она посылала человека на неделю дальше, чем прежде. Вернее, на неделю и двадцать часов. Петров объяснил Алисе, что они делают так для того, чтобы успеть на поезд, который идет от раскопанного археологами городка в столицу. Расписание поездов они взяли из газеты, деньги на билет у них были. Оставалось только сесть на поезд и доехать до космодрома в тот момент, когда прилетит космический корабль, и посмотреть на космонавтов вблизи — правда ли это космическая чума.

Алиса обо всем забыла, но тут донесся голос Громозеки:

— А-лиса!

Голос проник сквозь толстые стены станции, и огоньки приборов тревожно замигали.

— Б-беги к нему, — сказал Петров, — а то от его голоса стены рухнут.

Алиса сразу вспомнила, зачем ее разыскивает главный археолог. Пора было к доктору — учить язык.

Доктор, похожий на садовую лейку, долго раскачивал головой на тонкой, прямой и невероятно длинной шее, словно собирался сказать длинную речь. Но сказал только:

— Садитесь, молодой человек, — и показал на кресло, с которого свешивались разноцветные провода.

Алиса послушно уселась. Кресло изменило форму, обхватило Алису со всех сторон, а доктор подошел поближе и быстро принялся прикреплять к вискам Алисы провода, на концах которых были присоски.

— Не бойся, — произнес он, когда Алиса поежилась.

— Я не боюсь, — ответила Алиса. — Просто щекотно.

На самом деле она немного испугалась.

— Закройте это, — сказал доктор.

— Что?

Доктор громко вздохнул и взял со стола словарь. Минуты три искал нужное слово, а потом сказал:

— Разумеется, глаза.

Из черного ящика, в который уходили провода, послышалось жужжание. Жужжание передалось в голову Алисе, и голова закружилась.

— Терпите, — сказал доктор.

— Я терплю, — ответила Алиса. — И долго терпеть?

Доктор молчал. Алиса приоткрыла один глаз и увидела, что он опять листает словарь.

— Час, — сказал он наконец. — Закройте глаза.

Алиса глаза закрыла, но не удержалась, чтобы не спросить:

— Скажите, а почему вы сами русский язык не выучите таким же путем?

— Я?! — удивился доктор. — Мне некогда.

Он подумал немного, отошел в угол лаборатории, загремел там какими-то склянками и добавил тихо:

— Я очень неспособный к языкам. Такой неспособный, что даже гипнопедия мне не... забыл.

— Не поможет?

— Да.

Алисе было очень уютно. В голове тихонько жужжало, захотелось спать, и Алиса подумала, как бы не заснуть, и тут же услышала голос доктора:

— Просыпайтесь. Конец.

Доктор снимал с ее головы присоски и распутывал провода.

— Уже все? Разве целый час прошел?

— Да.

В лабораторию протиснулся Громозека. Он внимательно посмотрел на Алису и спросил:

— Бунто тодо бараката а ва?

Алиса только успела подумать: «Что за чепуха?» — и вдруг поняла, что никакая это не чепуха. Просто Громозека спросил ее по-колеидски, выучила ли она язык. А поняв, Алиса спокойно ответила Громозеке:

— Кра бараката то бунта.

Что означало: «Да, я язык выучила».

Громозека захохотал и велел идти ужинать, а доктор так расстроился, что от ужина отказался.

— Никогда, — сказал он им вслед, — никогда мне не выучить ни одного языка! — И из лейки полились струйками горькие слезы.

За ужином Громозека посадил Алису подальше от себя, чтобы она не задавала ему вопросов. Перед Алисой тут же, как по волшебству, оказалось восемь стаканов с компотом. Вся экспедиция знала уже, что Алиса любит компот, и если бы не строгий Громозека, она могла бы есть компот сколько влезет.

Но в тот вечер Алиса даже не смотрела на компот. Она стара-

лась поймать взгляд Громозеки, услышать, о чем он говорит с Петровым. А когда ужин кончился, она услышала, как Громозека сказал:

— Какой чудесный закат! Вы не возражаете, если мы немножко погуляем и полюбуемся природой?

— П-природой? — удивился Петров. — Никогда не замечал за вами любви к закатам. Кроме того, мне хотелось бы вернуться к машине.

— Ничего, время терпит, — миролюбиво прорычал Громозека и потащил Петрова в сторону.

Алиса поняла, что сейчас произойдет самое главное: разговор о завтрашнем путешествии и мечте Громозеки. И тогда она совершила не очень хороший поступок. Она стала подслушивать, о чем разговаривают временщик и археолог. Она подождала, пока они не остановились у большого камня, перебежала тихонько к нему и затаилась.

— Как вы полагаете, — спросил Громозека у Петрова, — можно ли уничтожить эпидемию космической чумы, если захватить ее в самом начале?

— Конечно, можно, — сказал Петров. — Только вопрос этот к нам отношения не имеет: ведь Колеида погибла сто лет назад.

— Ага, — сказал Громозека, будто слышал только начало ответа Петрова. — Значит, можно.

И он рассказал Петрову, как хочет изменить всю историю планеты Колеида и вернуть ее к жизни.

Петров сначала даже рассмеялся, но Громозека и щупальцем не повел. Попыхтел желтым дымом и снова сказал, что надо проникнуть к космическому кораблю в тот момент, когда он снизится на космодроме, и уничтожить вирусы.

— Но как?

— Я все предусмотрел, — сказал Громозека. — Перед отлетом с Земли я пошел в медицинский институт и попросил вакцину против чумы. Я сказал им, что археологическая экспедиция работает на планете, где есть опасность заразиться. И тогда они не пожалели сыворотки. Ведь в каждом медицинском центре Земли есть запас вакцины. Если вирус снова попытается напасть на Землю, ему несдобровать.

— Значит, вы с самого начала хотели изменить историю Колеиды?

— Совершенно верно, Петров! — воскликнул Громозека. —

С самого начала. Еще до того, как ваш Институт времени согласился послать сюда свою машину.

— И ни слова об этом на Земле не сказали?

— Ни слова. Вы бы меня и слушать не стали.

Алиса подумала, что Громозека слишком уж скрытный и недоверчивый. Наверно, временщики его все-таки выслушали бы.

— Понятно, что вам или Ричарду, — продолжал Громозека, — будет очень трудно пробраться с вакцинами к самому космическому кораблю, поэтому я пригласил с нами Алису. Она одного роста с колеидцами, и она согласна под видом местной жительницы опрыскать корабль вакциной.

— Вы и Алису сюда втравили?

— Что за выражения, академик! — обиделся Громозека. — Я никого не втравливал. Алиса опытный человек. Ей уже десять лет, и у нее за плечами несколько космических путешествий. Она отлично справится с этим небольшим заданием.

— Ни в коем случае! — сказал Петров таким тоном, как сказал бы отец. — Еще я или Ричард можем рискнуть, но Алиса — ни за что.

— Но, академик...

— И слушать не желаю! Идея ваша, в общем, смелая и интересная. Хотя совершенно неизвестно, какие она может повлечь за собой последствия. Мы посоветуемся с Ричардом и потом запросим разрешение Земли.

Алисе из ее укрытия видно было, как поник Громозека. Даже голову втянул в плечи так, что над щупальцами поднялся лишь низкий холм.

— Все погибло, — сказал он. — Все погибло. Вы начнете переписываться с Землей, сюда понаедет восемьсот экспертов, и они в конце концов скажут, что этого делать нельзя. Что риск велик для всей Галактики.

— Ну вот, — сказал Петров, — вы же сами понимаете.

— Сам-то я понимаю...

— Значит, завтра с утра Ричард уходит в п-прошлое и старается на поезде доехать до столицы. Там он смотрит на прилет космического корабля, возвращается и докладывает нам обстановку. И, повторяю, ничего не предпринимает. Если окажется, что вы правы и космическая чума попала на Колеиду с этим кораблем, мы сообщим об этом на Землю и попросим совета у ученых. Все. Спокойной ночи, и, пожалуйста, на меня не обижайтесь.

С этими словами Петров ушел к временной станции, чтобы готовить ее к завтрашней работе.

Громозека так и не поднимался с земли. Он сидел на камнях и был очень похож на большого печального осьминога.

Алисе стало его жалко. Она вышла из-за скалы и подошла к нему поближе.

— Громозека, — сказала она тихо и погладила шершавое щупальце.

— Что? — спросил он, открывая один глаз. — А, это ты, Алиска? Ты слышала?

— Слышала.

— Ну вот, и все мои планы рухнули.

— Не расстраивайся, Громозека. Я все равно за тебя. Неужели мы чего-нибудь не придумаем?

— Обязательно придумаем, — раздался тут тонкий голосок.

Из-за другого камня, словно котенок, выскочил маленький археолог Рррр. Его сиреневый глаз светился в сумерках, как фонарик.

— Я тоже все слышал, — сообщил он. — Я не мог пересилить любопытство. Я тоже с вами согласен. Мы не можем ждать, пока сто тысяч экспертов проведут сто тысяч совещаний. Мы, археологи, открываем прошлое. Но до сих пор мы его не изменяли, а теперь возьмем и изменим. И если временщики откажутся, мы их свяжем и сами с Алисой пойдем туда вместо них.

— Ну вот, этого еще не хватало, — печально улыбнулся Громозека. — Тогда нас вообще из археологов выгонят. И за дело.

— Пускай выгонят. Мы останемся жить на этой планете. Нам поставят памятник благодарные колеидцы.

— Знаете что, — сказал Громозека, поднимаясь во весь свой слоновый рост, — перестаньте рассказывать сказки! И в самом деле, идите спать.

Громозека шел впереди, еле переставляя щупальца, так был расстроен. Алиса и Рррр шагали чуть сзади и пытались его успокоить.

Но Громозека был безутешен.

У палатки они остановились, чтобы попрощаться с Рррр.

— Ничего страшного, — сказал Рррр. — Завтра Ричард посмотрит на прилет корабля, и мы напишем письмо на Землю. Ведь они все равно умерли сто лет назад. И даже если ваша идея будет осуществлена через десять лет, ничего особенного не случится.

— Тоже мне, утешил! — сказал Громозека. И вполз в палатку.

Алиса задержалась у входа. У нее появилась мысль.

— Ты в какой палатке? — спросила она Рррр.

— В третьей с краю.

— Тогда не спи, — попросила Алиса. — Мне надо будет с тобой поговорить. Как только все успокоятся.

Громозека шумно, вздыхая и рыча, укладывался спать.

— Послушай, — сказала ему Алиса. — А как же ты собирался делать космонавтам прививки? — спросила она. — Ведь они не согласятся на уколы.

— Глупышка! — ответил сонным голосом Громозека. — Я и не собирался им делать уколы. Мне в медицинском институте дали вот этот баллон. — Громозека показал на небольшой баллончик, похожий на термос, который висел на ремешке над его койкой. Алиса видела его тысячу раз, но никогда не обращала внимания. — Он действует, как огнетушитель, — сказал Громозека. — Стоит нажать кнопку, как из него вырвется струя вакцины. Она, как туман, окутает все вокруг. Если струю направить на открытый люк корабля, она заполнит весь корабль и убьет вирусы. Она войдет с воздухом в легкие космонавтов и вылечит их, если они больны. И через три минуты на Колеиде не останется ни одного вируса космической чумы. Ну, спи, это нам теперь не пригодится. Туши свет, завтра рано вставать.

ГЛАВА 11

Алиса послушно потушила свет и прислушалась к дыханию Громозеки. Трудно было догадаться, заснул он или нет. Ведь он так чутко спит. И, кроме того, у Громозеки три сердца, и он дышит очень неровно.

Алиса решила считать до тысячи. Она досчитала до пятисот пятидесяти и поняла, что засыпает. Этого делать было нельзя. Она ущипнула себя за руку, но щипок получился слабый, и тут же ей показалось, что она едет на колеидском поезде, в маленьком вагоне, и колеса стучат ровно и тихо: тук-тук-тук...

«Алиса», — сказал ей тихо кондуктор.

Видно, хотел проверить билет. Но билета у Алисы нет, она забыла дома деньги. Она хотела сказать об этом кондуктору, но рот ее не слушался.

«Алиса... тук-тук-тук...»

Кондуктор взял ее за руку, чтобы вывести из вагона, и Алиса попыталась вырваться.

И тут поняла, что вокруг совсем темно. Что она в палатке, а не в поезде, что она проспала все на свете.

Она вскочила. Кровать скрипнула. Громозека зашевелился во сне и спросил:

— Кому не спится?

Алиса замерла. Рядом она услышала частое дыхание.

— Кто тут? — прошептала она.

Полог палатки был приоткрыт.

— Это я, — сказал Рррр.

Алиса схватила комбинезон и выползла на улицу.

Светила яркая луна, было зябко, и в лагере не горело ни единого фонаря. Рррр казался черным комочком.

— Я тебя ждал, — прошептал маленький археолог. — А ты все не идешь. А я привык быть верным своему слову. Сказал, не буду спать, и не сплю.

— Прости, Рррр, — сказала Алиса, — я считала до тысячи, ждала, пока Громозека заснет, вот и заснула нечаянно.

— Почему ты просила меня не спать?

— Ты не догадываешься?

— Догадываюсь, — сказал Рррр. — Только хочу от тебя самой услышать.

— Завтра с утра Ричард уйдет в прошлое. Он только посмотрит на корабль, но ничего делать не будет. Петров ему не велел. Но ведь машина готова к работе. А что, если мы ее включим, и я пойду туда вместо Ричарда? Громозека мне все объяснил.

— А ты можешь включить?

— Я все знаю, как делать.

— Но что ты будешь делать в прошлом?

— Проеду на космодром, встречу корабль и убью вирусы.

— Как?

— У Громозеки все приготовлено. Я знаю.

Маленький археолог задумался.

— Это, пожалуй, наш единственный шанс, — сказал он. — Если этого сейчас не сделать, то никогда уже не сделать. Но ведь это такое нарушение дисциплины!

— Тише, перебудишь всех. Подумай, что значит одно нарушение дисциплины, если идет речь о целой планете? Я обязана рискнуть.

— Ты говоришь как Жанна д'Арк, — сказал маленький Рррр. — Помнишь такую?

— Конечно, помню. Она Францию спасла.

— Правильно. Я тоже читал. Только Жанне было семнадцать лет, а тебе только десять.

— Но Жанна жила, наверно, тысячу лет назад, а я в двадцать первом веке.

— Знаешь что? — сказал черный комочек, лежавший у Алисиных ног. — Ты права. Иногда приходится нарушать дисциплину.

— Отлично! — сказала Алиса. — Утром, когда все проснутся, скажи им правду. Я вернусь, как только все сделаю. И пусть они не ищут меня.

— Они обязательно пойдут за тобой.

— Нет, ты не знаешь, Рррр. Они не могут этого сделать, потому что машина пропускает только одного человека. И запоминает его, чтобы, когда надо, принять его обратно. Если в нее пройдет другой человек, прежде чем вернется первый, первому уже придется навсегда оставаться там, в прошлом. И Петров это знает лучше всех. Им все равно придется меня ждать.

— Это слишком опасно.

— Нет, не слишком.

— Слишком. И поэтому я пойду с тобой.

— Ты — со мной?

— Да.

— Но ты ведь не похож на них, совсем не похож. Тебя узнают.

— Но я похож на их котят. И ты будешь путешествовать с котенком. И я знаю их язык лучше, чем ты. И я все про них изучил и смогу тебе подсказать, если будет нужно. И вообще послежу за тобой.

— Ой, как не хочется, чтобы за мной следили! — сказала Алиса.

Но на самом деле она была очень рада, что маленький Рррр поедет с ней. Одной все-таки очень страшно путешествовать сто лет назад в неизвестной стране.

— Я тебя возьму на руки и буду держать, как котенка.

— Лучше положи в сумку, — сказал Рррр.

— Ладно, я возьму сумку. Все равно надо баллон с вакциной брать. Без него нам делать нечего.

— Тогда собирайся, а я побегу к себе.

— Зачем?

— Я возьму деньги, у меня в лаборатории есть их деньги. Нам же придется билет покупать. Потом я себе сделаю хвост и разде-

нусь. Не бывает же котят в комбинезонах. Хоть мне и не хочется ходить по чужой планете голым, но что делать?

— Ничего, ты не очень голый, — сказала Алиса. — Ты же весь шерстяной и пушистый.

— Спасибо, — пискнул Рррр. — У нас с тобой разные взгляды на одинаковые вещи.

И он зашуршал по пыли, побежал к своей палатке.

Алиса натянула комбинезон, потом прокралась в палатку и достала с гвоздя баллончик с вакциной. Громозека спал. Он громко дышал, и щупальца его свисали с широкой кровати на пол.

Потом Алиса разыскала свою сумку, положила туда свитер и баллон. Потом подумала немного и решила, что в комбинезоне ей ехать в прошлое не стоит. Она отыскала в чемоданчике свое платье, которое еще не надевала, и переоделась. Громозека все еще спал.

Но когда она уже собралась уходить и оглянулась, ей показалось, что один из глаз Громозеки открыт.

— Ты не спишь? — прошептала она.

— Сплю, — прошептал в ответ Громозека. — Свитер не забыла?

— Нет, — удивилась Алиса.

Она постояла еще с секунду, но Громозека крепко спал. Может, ей показалось, что она только что с ним разговаривала?

Она выбралась наружу.

— Все в порядке? — раздался шепот.

Алиса наклонилась и при свете луны увидела у своих ног пушистого котенка с коротким хвостом.

— Ты из чего хвост сделал? — шепотом спросила она археолога.

— У моего соседа по палатке есть шуба на меху. Он всегда надо мной посмеивался, что его шуба сделана из моих братьев, — такая у него неудачная шутка. А вот видишь, пригодилась. Тебе нравится?

— Ты самый настоящий котенок, — сказала Алиса. — Только жалко, что глаз у тебя один.

— С этим уж ничего не поделаешь, — вздохнул Рррр. — Придется мне пореже высовываться из сумки. Громозека спит?

— Спит, — сказала Алиса. — Очень странно спит. Он мне во сне сказал — свитер с собой взять.

— Угу, — сказал Рррр. Как будто не поверил, что Громозека спал.

И они направились к темному зданию машинной станции.

ГЛАВА 12

Алиса нажала сначала зеленую кнопку. Дверь в кабинку закрылась. Она поудобнее повесила сумку через плечо и прижала маленького археолога к груди. Рррр зажмурился.

— Не беспокойся, — сказала ему Алиса. — Все будет в порядке.

Она нажала белую кнопку.

И потом красную.

И тут же ее окутал туман, голова закружилась, лаборатория исчезла, и стало совершенно непонятно, летит она или стоит, — ни стен, ни потолка, ни пола, только какое-то непонятное движение, которое кружит и несет вперед.

И тут же толчок, снова туман вокруг.

Туман рассеялся.

Уже наступило утро. Алиса стояла на том же месте, где только что была станция, но только никакой станции, никакого палаточного городка и в помине не было.

Вокруг был зеленый луг, дальше начинался лесок, за которым виднелись крыши. Крыши были именно там, где археологи раскопали городок. И все это было совершенно удивительно, потому что только что этот самый город был пустынным, без крыш и стекол в окнах. И не было деревьев, и не было травы. А небо было таким же. И холм таким же.

— Ты меня чуть не раздавила, — послышался слабый голос, и Алиса вздрогнула от неожиданности. И тут же сообразила, что крепко прижимает к груди маленького археолога.

— Мне дышать нечем, — проворчал Рррр. — Отпусти меня пока на волю. Тяжело будет меня все время в сумке таскать.

Алиса разжала руки — совсем забыла, что археолог не котенок. Археолог упал на землю и застонал.

— Ой, извини! — сказала Алиса. — Я совсем растерялась.

Рррр потер ушибленную ногу и ответил сердито:

— Теряться нам некогда. Идем в город. Поезд без нас уйдет. Тогда получится, что мы сюда зря прилетели.

— А вдруг машина ошиблась? Вдруг корабль не сегодня прилетает?

— Машины не ошибаются, — сказал археолог и побежал по траве к городу.

Алиса шла сзади. Она сорвала ромашку и понюхала ее. Ромашка ничем не пахла. Над Алисой закружилась пчела.

— Уйди, — попросила ее Алиса и тут подумала, что если ей

ничего не удастся сделать, то через неделю здесь не будет ни одной живой души — ни пчел, ни людей, ни даже деревьев.

Археолог первым выбежал на узенькую тропинку.

— Не задерживайся, — снова проворчал он и взмахнул хвостом.

— Знаешь что? — сказала ему Алиса. — Ты лучше хвостом поменьше махай — это у тебя не очень естественно получается.

— Он крепко пришит, — заметил Рррр, но хвостом махать перестал.

Они подошли к деревьям. Деревья тянулись ровной полосой, будто были специально посажены.

— Погоди здесь, — сказал тихо археолог. — Я загляну, нет ли кого впереди.

Алиса остановилась и от нечего делать стала рвать ромашки, чтобы сплести венок. У Алисы слабость плести венки из ромашек или других цветов, например кашек. Но кашки на Колеиде не растут.

— Ай! — услышала Алиса тонкий крик. Потом рычание. Она бросила ромашки и побежала к деревьям. Что-то стряслось с археологом.

Она успела вовремя. Археолог несся к ней со всех ног, а за ним, сжимая в зубах пушистый хвост Рррр, бежала большая собака.

— Назад! Сейчас же назад! — крикнула Алиса собаке.

Собака оскалилась, но остановилась.

Алиса подхватила археолога на руки, и тот прошептал:

— Спасибо!

— Отдай хвост, — велела Алиса собаке, которая стояла неподалеку и не выпускала из пасти пушистого хвоста. — Это чужой хвост. Не твой. Отдай сейчас же.

Алиса сделала шаг к собаке, но собака отступила, будто хотела с ней поиграть. Собака была большая, лохматая, белая, с рыжими пятнами. Из-за кустов вышел маленький человек, чуть выше Алисы ростом.

— Что тут такое? — спросил он, и Алиса поняла вопрос, потому что со вчерашнего дня знала местный язык.

— Ваша собака на моего котенка напала, — ответила Алиса по-колеидски.

— Ах ты, баловница! — сказал человек.

Он был одет в серые штаны и серую рубашку, а в руке держал длинный кнут. Наверно, он был пастух.

— И пускай она хвост отдаст. Она хвост у котенка оторвала, — заявила Алиса.

— На что твоему котенку хвост? — удивился пастух. — Ведь он не прирастет.

— Пускай отдаст, — повторила Алиса.

— Резра, брось, — приказал пастух.

Собака бросила хвост на землю, и Алиса, не выпуская археолога из рук, подняла хвост.

— Спасибо, — сказала она. — А поезд скоро уходит?

— Какой поезд? — спросил пастух.

— В столицу.

— Через час, — ответил пастух. — А ты кто такая будешь? Почему тебя не знаю? Я всех в нашем городе знаю.

— А я на экскурсию приезжала, — сообщила Алиса. — И домой возвращаюсь. Я в столице живу.

— И говор у тебя странный, — сказал пастух. — Вроде бы все слова понятные, а говоришь не по-нашему.

— Я далеко живу, — сказала Алиса.

Пастух с сомнением покачал головой.

— И одета не по-нашему, — сказал он.

Археолог вздрогнул и прижался сильнее к Алисе.

— Как — не по-вашему?

— На вид ты будто ребенок, а ростом чуть ли не с меня.

— Это только так кажется, — заметила Алиса. — Мне уже шестнадцать лет.

— Ну и ну! — сказал пастух.

Потом обернулся к Резре, подозвал собаку и, все еще покачивая головой, пошел к кустам. Но вдруг, когда Алиса уже решила, что опасность миновала, он остановился и спросил:

— А как же котенок твой? Если хвост оторвали, кровь должна идти.

— Ничего, не беспокойтесь, — сказала Алиса.

— Покажи мне его.

— До свиданья, — сказала Алиса. — Я на поезд боюсь опоздать.

И она поспешила по тропинке к городу и не оборачивалась, хотя пастух ее окликнул еще раз или два. Она бы бежала, но боялась, что тогда собака погонится за ней.

— Ну, как он? — шепнул археолог.

— Не знаю. Я назад не смотрю.

Тропинка расширилась, влилась в пыльную дорогу; впереди

показался сарай или склад, и Алиса пошла, прижимаясь к стене поближе, чтобы скрыться с глаз пастуха. Ей все казалось, что он сейчас побежит вслед. За сараем Алиса остановилась, отдышалась.

— Версию мы продумали плохо, — сказал строго археолог. — Оказывается, произношение у нас хромает. И про экскурсию неправдоподобно. Ну почему человеку идти с экскурсии одной, ранним утром? Запомни: ты приезжала к бабушке и едешь обратно... Кстати, совсем забыл: молодые девушки носят здесь волосы совсем не так. Они их начесывают на лоб.

— У меня же короткие волосы.

— Все равно, начеши их на лоб.

— Тогда мне придется тебя на землю поставить.

— Ни в коем случае! Тут же хищные собаки!

— Никаких собак нет. Хочешь, я тебя в сумку посажу?

— В сумку? Отлично. Только возьми мой ножик и прорежь в сумке дырочку. А то как я смотреть буду?

Алиса пересадила археолога в сумку, где уже лежал баллон с вакциной, сунула туда же оторванный хвост. Прорезала ножиком дырку, чтобы археолог мог смотреть, что творится вокруг.

— Жалко, что у тебя ниток нет, — сказал Рррр. — Как же я хвост пришью?

— А еще говорил, что крепко держится.

— Тебя никогда собаки за хвост не хватали, — возразил археолог, — вот ты и смеешься.

— Я не смеюсь. Посмотри в сумке, там, может быть, есть иголка и нитка, в боковом кармашке. Мне бабушка обычно туда кладет всякие ненужные вещи.

Алиса застегнула сумку на «молнию». Потом все-таки начесала волосы на лоб и пошла к станции.

К счастью, город еще спал. Закрыты были окна, опущены шторы, и ни один человек не знал о том, что через неделю по улицам, таким же пустым, как сейчас, будут ездить только машины «Скорой помощи».

— Мне вас жалко, — сказала Алиса домам, в которых спали люди. — Но вы можете на меня положиться.

— Может, нас уже хватились, — заворочался в сумке археолог, голос его доносился глухо, словно издалека.

— Молчи, — шепнула Алиса, — а то кто-нибудь услышит и умрет от удивления: сумка разговаривает.

Газетный киоск был уже открыт. И продавец в нем был знакомый. Его фотографию показывал Петров — ведь он его отнес в больницу. То есть отнесет, если Алиса ему не поможет.

Алиса достала из кармана мелочь.

— У вас есть сегодняшние газеты? — спросила она.

Продавец был пожилой человек в четырехугольных роговых очках.

— Одну минутку, госпожа, — ответил он. — Если вы подождете, то их принесут.

— А долго ждать?

— Недолго. Слышите, поезд шумит? Это пришел утренний из столицы. Он привез почту.

— А потом он обратно в столицу поедет?

— Да, минут через двадцать.

— Тогда дайте мне вчерашнюю газету, — попросила Алиса.

Продавец протянул ей газету и дал сдачу.

— Вы приезжая? — спросил он у нее.

— Я иностранная туристка, — сказала Алиса.

— Ага, — кивнул продавец. — Я сразу догадался, что вы не здешняя.

Когда Алиса отошла от киоска и пошла через небольшую площадь, мимо памятника неизвестному человеку на коне, который будет стоять здесь и через сто один год, она сказала археологу:

— Надо бы мне заранее сшить платье, как здесь носят.

— Ну кто мог догадаться? — спросил археолог.

— Конечно, Громозека.

За площадью был небольшой сквер. По обе стороны дорожки тянулись клумбы с цветами. Цветы раскрывались навстречу солнечным лучам. Перед вокзалом остановился автобус, из него вышли маленькие люди в рабочей одежде и вошли внутрь. Над невысоким зданием вокзала поднимался столб дыма, и пыхтел паровоз.

— Ты газеты посмотрела? — спросил Рррр.

— Я на ходу не могу.

— Тогда дай мне.

Алиса свернула газету трубочкой и просунула в сумку. Тут же газета вылезла обратно.

— Неужели ты не понимаешь, — прошипел археолог, — что я не могу читать в сумке? Здесь темно и тесно.

— Тогда не просил бы.

— Найди скамейку, — сказал археолог, — сядь и прочти.

— Сначала я куплю билет на поезд, — сказала Алиса, — а то

мы опоздаем и тогда сможем читать сколько влезет. А у тебя почему настроение испортилось?

— Меня укачивает, — ответил Рррр. — Тебя никогда не носили в сумке?

— Нет.

— Меня тоже. Кстати, у тебя очень неровная походка, какая-то прыгающая.

— Вот не знала!

Препираясь с археологом, Алиса вошла в вокзальную дверь и увидела билетные кассы. Она знала, где их искать, потому что археологи в будущем восстановили почти весь вокзал. Правда, оказалось, что не все они восстановили правильно, но сейчас это не играло роли.

— Один детский, — сказала Алиса, протягивая деньги в окошечко кассы.

Круглое красное лицо кассирши высунулось из окошка. Она оглядела Алису с ног до головы и сказала:

— Такая взрослая девушка, а хочешь сэкономить на билете. Доплатите сейчас же восемь монет за полный билет.

— Но я же всегда езжу по детскому...

Тут Алиса осеклась, потому что археолог подпрыгнул в сумке.

— Ах да, конечно, — сказала она и полезла в карман за деньгами. Денег оставалось совсем немного. Всего десять монет. — А когда отходит поезд? — спросила Алиса.

Но кассирша ничего не ответила и захлопнула окошко.

— Кассирши здесь невежливые, — сказала Алиса. — У нас таких нет.

Она вышла на платформу и остановилась за железным столбом. Она не хотела разгуливать на виду.

Поезд стоял у платформы, паровоз разводил пары, и немногочисленные пассажиры занимали места. Некоторые были еще совсем сонные, только проснулись.

Алиса выбрала вагон, в котором никого не было, и быстро пошла к нему. У вагона стоял кондуктор в высокой оранжевой шляпе.

— Ваш билет?

Алиса протянула ему билет.

— Вы читать не умеете? — спросил он. — Написано же — третий класс. А это вагон первого класса.

— А какая разница? — спросила Алиса.

Кондуктор оглядел ее с головы до пяток и сказал:

— В цене.

И когда Алиса поспешила, чтобы он ее больше не разглядывал, к следующему вагону, победнее, раскрашенному и полному народа, она услышала, как кондуктор сказал кому-то:

— Погляди, что за чудо! Иностранка, что ли?

И тогда Алиса решила выдавать себя за иностранку. Она остановилась около вагона, но к двери не подошла, а наклонилась к сумке и спросила археолога шепотом:

— А что, если я буду выдавать себя за иностранку?

— Тогда выдавай себя за северную иностранку и ни в коем случае не за южную.

— Почему?

— А потому, что с северными у них союз, а с южными вот-вот война начнется.

— Не начнется, — уверенно сказала Алиса. — Не успеют.

— А с твоей помощью, может, и успеют.

— Ты с кем разговариваешь, госпожа? — услышала Алиса строгий голос.

Она выпрямилась. Рядом с ней стоял толстый человечек в желтом мундире, с большим золотым гербом на шляпе. Она решила, что это полицейский, и первым ее движением было убежать отсюда. Убежать куда глаза глядят.

— Стой, — приказал человечек в желтом и схватил ее за рукав. — Ты откуда приехала и с кем разговариваешь, спрашиваю?

— Я с севера, — заявила Алиса. — Я иностранка. Иностранка с севера.

— Что-то не похоже, — сказал человечек.

Но тут паровоз загудел. Алиса вырвалась и вскочила на ступеньку вагона.

Человечек в желтом мундире раздумывал, что ему делать, а тем временем Алиса протянула билет кондуктору и протиснулась в набитый вагон. Ей удалось отыскать купе, в котором дремали три человека в бедной одежде и помятых шляпах. Четвертое место было свободным.

— Кто это был? — спросила Алиса, переводя дух и склоняясь к самой сумке.

— Это был носильщик, — раздался шепот в ответ.

Поезд дернулся и, постукивая на рельсах, двинулся к столице.

— Он не мог меня арестовать?

— Не знаю, — сказал археолог. — А тебя никто не слышит?

— Нет, они спят.

— Тогда почитай наконец газету. И поставь сумку на пол. Так меньше качает.

Алиса развернула газету.

Газета была вчерашняя. И во всю первую страницу тянулась красная надпись:

«Завтра Колеида встречает героев космоса».

— Все в порядке, — прошептала Алиса. — Мы успеваем. Временщики не ошиблись.

ГЛАВА 13

К счастью, соседи через две станции сошли, и Алиса осталась в купе одна. Она вытащила археолога из сумки, и они вместе прочли все сообщения в газете, где говорилось о полете космонавтов и о том, как их будут встречать. Они даже смогли примерно рассчитать, как им пробираться через столицу. Правда, столицу археологи еще не раскопали, но в библиотеке Рррр нашел план города и перерисовал его. Плохо было с деньгами. Денег оставалось только-только на трамвай или автобус. Даже перекусить было не на что.

— Ну что же, — печально улыбнулся археолог и подмигнул Алисе единственным глазом, — придется, как в сказке, продать меня, своего единственного друга.

— Никто тебя не купит без хвоста, — сказала Алиса.

— Не беспокойся, — сказал археолог. — Я нашел иголку и нитки. Только ты так раскачивала сумку, что я боялся уколоть себе пальцы. А теперь я пришью себе хвост. Ехать еще часа полтора.

Алиса смотрела в окно. За окном была обыкновенная страна, правда сильно отсталая по сравнению с Землей, но ведь Земля тоже когда-то была отсталая: на ней не было монорельсов, воздушных скоростных пузырей, антигравитаторов, летающих домов и всяких других обыкновенных вещей.

Археолог мурлыкал что-то себе под нос и пришивал хвост. Алиса могла бы ему помочь — она лучше умела обращаться с ниткой, чем Рррр, — но не стала предлагать свои услуги, ведь каждый сам пришивает себе хвост, не так ли?

Алиса принялась разглядывать портреты космонавтов в газете. Один из космонавтов ей понравился больше всех. Он был молодой, темноглазый и улыбался так широко, будто вообще не

улыбаться не мог. «Инженер Толо», — прочла она его имя. И запомнила.

Дверь в купе хлопнула, и вошла старушка. Старушка была маленькая, с круглым румяным личиком, в длинном синем платье. Алиса увидела, как глаза старушки стали вдруг широкими и испуганными. Старушка смотрела вниз, на скамейку.

— Ах! — воскликнула старушка.

Алиса проследила за ее взглядом и увидела, что застигнутый врасплох археолог, придерживая одной рукой хвост и в другой все еще сжимая иголку, пытается залезть в сумку. Алиса быстро раскрыла сумку пошире, чтобы он забрался туда, и снова поглядела на старушку.

Старушка отступала в коридор, и рот ее уже открылся, словно она вот-вот закричит.

— Не волнуйтесь, бабушка, — попросила Алиса. — Не волнуйтесь. Это он так играет.

— Ой! — сказала бабушка. Она как будто немного успокоилась, услышав Алисин голос. — А мне-то показалось...

— Что?

— И не говори, дочка, — сказала старушка. — Мне почудилось, что твой котенок себе хвост пришивает. Глаза подвели.

Бабушка быстро забыла о своем испуге, уселась у окошка, развязала мешочек и достала оттуда два помидора. Один взяла себе, другой протянула Алисе.

— Ты куда, дочка? — спросила она.

— Я в столицу.

— Ясное дело — в столицу, — согласилась бабушка. — А что там делать будешь?

— Я еду космонавтов встречать...

— А-а, — воскликнула бабушка и вдруг задумалась. — Скажи, милая, — спросила она вдруг, — а у твоего котенка два глаза или один?

— Два, — заметила Алиса спокойно, — только он один глаз все время жмурит.

— Ну ладно. — Бабушка еще раз взглянула с опаской на сумку. — А я тоже на космодром еду.

— Встречать космонавтов?

— Да нет, не всех встречать. Сын мой возвращается. Инженер он.

Старушка достала из сумочки большую фотографию того космонавта, который понравился Алисе.

— Вот, смотри.

— А я его знаю, — сказала Алиса. — Его зовут Толо.

— Кто его не знает, — с гордостью сказала старушка.

— А почему вы в простом поезде едете? — спросила Алиса.

— А что?

— Так вы же мать космонавта. У нас родителей космонавтов всегда вместе с ними чествуют.

— Да куда уж мне, — улыбнулась старушка. — Я как жила в деревне, так и осталась. А мой Толо тоже скромный. Никогда не догадаешься, что космонавт. Вот ты читала, наверно, в газете, как у них авария произошла, как метеорит им стенку прошиб? Так это мой Толо наружу вылез и дырку заделал.

Сумка толкнула Алису в бок. Но она и без этого уже догадалась: вот как космическая чума проникла на корабль. Значит, Толо уже болен.

— Ничего, — сказала она вслух. — Мы его вылечим.

— Кого вылечим? — спросила бабушка.

— Да я так, случайно, — спохватилась Алиса.

— Мой Толо здоровый. Он никогда еще ничем не болел. Даже зубы никогда не болели. Вот какой у меня сын.

Бабушка погладила фотографию и спрятала ее в сумочку.

Алиса снова ощутила толчок. Археолог, видно, был взволнован. Чего же он хочет?

— Просись с ней, — раздался вдруг шепот.

— Что? — спросила бабушка. — Ты что-нибудь сказала?

— Да, — ответила Алиса. — Это я про себя. Я сказала, что счастливая вы.

— Конечно, счастливая. Такого сына вырастила! Даже зубы никогда не болели.

— Я про другое, — сказала Алиса. — Ведь вас к самому кораблю пустят.

— Конечно, пустят. Должна же я своего сына обнять.

— А мне придется далеко-далеко стоять. Может, даже и вообще в городе остаться. А мне так ваш Толо нравится! Честное слово, больше всех других космонавтов.

— Правду говоришь, девушка? — спросила старушка серьезно.

— Честное слово.

— Тогда я должна доброе дело сделать.

Бабушка задумалась, а Алиса посильнее прижала сумку к скамье. Археолог так волновался и беспокоился, что сумка дрожала, как будто в ней не один котенок, а целый выводок.

— Беспокойный он у тебя, — сказала бабушка. — Ты его выпусти.

— Нельзя, — сказала Алиса. — Убежит.

— Слушай меня, доченька, — сказала старушка. — Сегодня у меня великий, можно сказать, день. Сын мой возвращается героем. И я хочу сделать доброе дело. И думаю, Толо меня за это не осудит. Пойдешь ты со мной. Пойдешь к самому кораблю и скажешь, что ты моя дочка, а Толо — твой брат. Поняла?

— Ой, спасибо! Ой, какое громадное спасибо! — воскликнула Алиса. — Вы и не представляете, какое вы замечательное дело сделали. И не только для меня, но и для себя, и для всех!

— Всякое доброе дело не только для одного человека — оно всех касается.

Разумеется, бабушка не поняла, что имела в виду Алиса, а Алисе так хотелось ей рассказать все, что она прикусила себе язык почти до крови, а Рррр словно угадал, о чем она думает, и просунул сквозь дырочку в сумке кончик ножа и уколол Алису.

Алиса от неожиданности подпрыгнула.

— Радуешься? — спросила бабушка. Она и сама была рада, видя, что рядом сидит счастливый человек.

— Радуюсь, — сказала Алиса и ущипнула сумку.

Поезд начал тормозить. За окном потянулись высокие новые дома.

ГЛАВА 14

Бывает же так — уж если повезет, то везет как следует. Бабушка не только пообещала Алису провести на космодром под видом своей дочки, но даже накормила ее обедом в кафе возле вокзала, показала ей город, потому что Алиса призналась, что она приезжая. А потом на такси привезла на космодром.

Уже задолго до космодрома машина замедлила ход и еле-еле выбиралась из пробок, чтобы снова через сто метров затормозить. Казалось, вся столица спешит на космодром. Шутка ли — возвращается первый космический корабль. Улицы были украшены флагами и портретами космонавтов, и каждый раз, когда бабушка видела портрет своего сына, она дергала Алису за рукав и громко говорила:

— Ну, кто там?

— Наш Толо, — отвечала Алиса.

— Правильно, наш с тобой мальчик.

И бабушка уже сама начала понемножку верить, что Алиса ее дочь. Наконец, когда впереди показались здания космодрома, машина окончательно застряла в потоке автобусов, машин, вело-

сипедов и всяких других видов транспорта. Шофер, повернувшись к своим пассажирам, сказал с грустью:

— Советую вам дальше идти пешком. А то до вечера простоим. Мертвое дело.

Тогда бабушка с Алисой распрощались с шофером, заплатили ему и пошли дальше пешком. Шофер догнал их через двадцать шагов.

— Я машину бросил, — сказал он. — Ну что с ней сегодня случится? Кому она сегодня нужна? А я себе не прощу, если прилет не увижу.

У здания космодрома стояла первая цепь полицейских в белых праздничных мундирах. Шофера они не пропустили, и он остался в громадной толпе тех, у кого не было билета. А бабушку с Алисой пропустили почти без разговоров. Бабушка показала им свои документы, и тогда один из полицейских даже сказал:

— Давайте я с вами до поля дойду. Чтоб вас никто больше не задерживал.

Бабушка тотчас наклонилась к Алисиному уху и прошептала:

— Он сам-то без нас на поле бы не попал. Охота ему была людей не пускать. Ему посмотреть хочется, как наш Толо из корабля выйдет.

Через полчаса бабушка с Алисой пробились к самому последнему ограждению. За ним начиналось бескрайнее бетонное поле, куда должен был опуститься корабль.

По радио все время передавали сообщения о том, как корабль тормозит и приближается к Колеиде. Оставалось совсем немного времени до его прилета.

Вокруг стояли генералы и очень важные начальники — руководители государств, ученые, писатели и артисты. Все ждали и волновались.

Но никто не мог догадаться, что в громадной толпе, заполнившей космодром, больше всех волновалась девочка по имени Алиса, которая прилетела из будущего и с другого конца Галактики. И она волновалась больше всех, потому что у нее в руках была судьба всей планеты.

Алиса почувствовала, что у нее немного дрожат коленки. И ладони стали влажными. Она потихоньку стала проталкиваться вперед, к самому ограждению.

— Ты куда? — спросила бабушка. — Я с тобой.

Алиса незаметно расстегнула «молнию» на сумке и нащупала внутри баллончик. Потом она вынула его и повесила через плечо.

— Что это у тебя? — спросила старушка.

— Термос, — ответила Алиса. — Пить захочется — открою.

Бабушка больше не спрашивала — она смотрела в небо, потому что там появилась светлая точка, которая росла на глазах.

Космический корабль, несущий на борту космическую чуму, приближался к Колеиде.

Корабль опустился медленно, как во сне. Он на минуту повис над самым полем, голубое пламя вырывалось из его дюз и плавило бетон. Потом он встал на землю, и над полем пролетел короткий ураган, срывавший шляпы и фуражки со зрителей.

Грянули оркестры, и несколько служащих космодрома начали разматывать толстый рулон белого ковра, по которому космонавты пройдут от корабля до встречающих.

— Что делать? — спросила Алиса археолога. Она знала, что никто ее не слышит: все ждут, когда откроется люк и выйдут космонавты.

— Мы далеко от корабля? — спросил Рррр.

— Шагов триста-четыреста. Не добежать. Поймают.

— Ой, — вздохнул археолог, — так близко — и не добежать! Я бы, может быть, добежал.

— Нет, тебе не донести баллон с вакциной.

Но тут Алисе снова помогла бабушка. Когда она увидела, что члены правительства Колеиды пошли по обе стороны белого ковра навстречу кораблю, потому что членам правительства тоже было невмочь ждать, она отодвинула полицейского и сказала:

— Там мой сын.

И сказала это так уверенно, что полицейский только поклонился и пропустил ее.

Алиса схватилась за руку старушки, и, когда полицейский попытался остановить ее, бабушка обернулась и сказала:

— А это его сестра, и я без нее ни шагу не ступлю.

— Только сумку оставьте, — сказал тогда полицейский. — С сумкой нельзя.

Алиса вцепилась в сумку, и получилось замешательство, потому что бабушка тянула вперед, полицейский назад, а Алиса оказалась между ними. И тогда Алиса услышала, как Рррр сказал на космоязыке, чтобы никто не понял:

— Отпусти. Помни о главном.

К счастью, полицейский не услышал. Другой рукой он старался сдержать других встречающих. Алиса отпустила сумку и поспешила вперед.

Они подошли почти к самому кораблю. Но тут остановились все. Бабушка тоже.

Люк медленно поворачивался.

«Когда-то на Земле встречали Гагарина, — подумала Алиса. — Как жаль, что я поздно родилась!.. Пора!» — сказала она себе.

И в тот момент, когда люк распахнулся и первый космонавт, капитан корабля, показался в нем, Алиса проскользнула между генералом и главным министром Колеиды, увернулась от рук начальника почетного караула и понеслась к люку.

— Стой! — кричали сзади.

— Не волнуйтесь, — услышала она голос бабушки, — это моя дочка.

Алиса на бегу сорвала с плеча баллон с вакциной.

Капитан корабля при виде ее засмеялся и показал рукой в сторону.

Алиса на секунду остановилась. Она поняла, что люк находится слишком высоко — ей не достать до него. Струя вакцины не попадет внутрь.

— Трап везут! — крикнул ей капитан корабля, который, наверно, решил, что Алиса хочет поздравить космонавтов и ей это разрешили сделать.

Автоматический трап в этот самый момент подъехал к кораблю.

— Стойте! — крикнула Алиса капитану, который поднял было ногу, чтобы ступить на трап.

Она на ходу вскочила на трап, не дожидаясь, пока он остановится.

Сзади топали полицейские, чтобы догнать ее и остановить.

Алиса стрелой взлетела по трапу. Баллон был в ее руках.

Она направила его прямо в лицо капитану и нажала кнопку.

Сильная мутная струя вонючей вакцины ударила в капитана, и он от неожиданности отпрянул назад.

Миллионы людей Колеиды, которые видели этот момент на космодроме и по телевизору, ахнули от ужаса. Все жители Колеиды решили, что это покушение на космонавтов.

Алиса стояла перед самым люком и не переставая нажимала на кнопку. Туман быстро окутал весь корабль и заполнил его внутренние помещения.

Потом кнопка сама щелкнула и вернулась на место.

Баллончик был пуст.

И в еще не рассеявшемся тумане несколько сильных рук схватили Алису, и ее потащили вниз.

ГЛАВА 15

Камера, в которой оказалась Алиса, была маленькая и совершенно голая. Даже стула в ней не было. За дверью слышались голоса. Это была даже не камера, а просто один из складов космодрома, из которого спешно вынесли все, чтобы запереть туда государственную преступницу, которая совершила покушение на космонавтов.

Алиса села на пол. Она была счастлива, только очень устала и беспокоилась, что стало с археологом Рррр.

Она понимала, какая паника сейчас царит на всей Колеиде. Ведь никто ничего не понимает. И все спрашивают друг у друга, не пострадали ли космонавты. И тысячи разных страшных слухов ходят по Колеиде.

Прошло минут пять, потом еще пять.

«Наверно, — подумала Алиса, — сейчас все занимаются космонавтами, им не до меня».

Потом другая мысль пришла в голову. Очень хорошо — ей удалось спасти Колеиду. Но дальше что? Ведь ей-то теперь отсюда никогда не выбраться. И никогда она больше не увидит шумного и доброго Громозеку и не вернется домой, на Землю...

Ей хотелось плакать. И она заплакала. Может, даже не из жалости к себе, а потому, что очень устала и переволновалась. А когда она немножко поплакала, то настроение у нее стало лучше. Потому что она поняла, что ее ни за что не оставят в беде. Если надо, с Земли привезут еще три машины времени. И тогда сюда придут за ней и Петров, и Ричард, и, может, даже сам Громозека. И все объяснят колеидцам. И, может быть, даже Алисе здесь поставят памятник...

И Алиса задремала, прислонившись к белой стене.

Ее и в самом деле никто не допрашивал, потому что сначала на космодроме поднялась страшная паника. Но когда Алису увели, а туман рассеялся, то оказалось, что космонавты совершенно невредимы. И раз уж они прилетели, все равно торжество должно было продолжаться. И об Алисе на время забыли.

ГЛАВА 16

Алиса не знала, сколько она проспала. Может, минут десять, а может быть, и три часа. Но вдруг она услышала:

— Алиса!

Она сразу открыла глаза и оглянулась.

Камера была пуста. За дверью все так же стучали шаги — ее тщательно охраняли.

— Алиса, ты меня слышишь?

— Это ты, Рррр?

— Я. Подойди к дальнему от двери углу и помоги мне.

Алиса тихонько поднялась и подошла, куда велел Рррр.

И она увидела, что там, в углу, решетка. К решетке снизу прижалось пушистое лицо маленького археолога.

— Не печалься, — прошептал археолог, подмигивая сиреневым глазом. — Мы тебя выручим.

— А ты как здесь оказался?

— Сейчас некогда рассказывать. В общем, пока они кричали и гонялись за тобой, я раскрыл «молнию» на сумке и выскочил. Меня чуть не затоптали. А потом я проследил, куда тебя повели, — ведь на котенка никто не обращает внимания. Тем более хвост я все-таки пришил.

— Ну, и дальше что?

— А дальше я обследовал это здание. И нашел решетку. Я ее отпер снизу, но у меня не хватает сил ее поднять. Давай быстренько, поднатужься.

Алиса взялась за решетку. Решетка поддавалась еле-еле.

— Тяни! — умолял Рррр. — Они вот-вот за тобой придут.

За дверью послышались голоса. Кто-то шел к камере.

Алиса изо всей силы дернула за решетку, и она выпала и громко звякнула о каменный пол.

— Прыгай! — приказал Рррр. — Не бойся. Здесь невысоко.

И в тот момент, когда дверь в камеру начала открываться, Алиса, зажмурившись, прыгнула в черную дыру, и Рррр еле успел отскочить в сторону.

— Беги за мной, — сказал он.

Алиса долго бежала по темным коридорам сложного подземного хозяйства космопорта. Она набила синяков на руках и коленках, разорвала рукав платья, но остановиться не могла — Рррр бежал впереди и торопил ее:

— Отдохнешь дома. Слышишь, за нами погоня.

Они успели выбежать на задний двор космопорта за минуту до того, как все здание оцепили войска. Спасло их то, что народу на космодроме все еще было так много, что солдатам и полицейским, которые ловили государственную преступницу, было трудно передвигаться быстро.

ГЛАВА 17

Долгий шумный день на планете Колеида уже кончался. Солнце опустилось к высоким деревьям парка, который тянулся за космопортом.

— Ой, как я устала! — сказала Алиса, добежав до первого дерева и обняв его ствол. — Вот-вот упаду.

Пушистый археолог выглянул из-за дерева, смотря, нет ли погони.

— Не распускайся, Алиса, — сказал он. — Держи себя в руках. Сделана только половина дела.

— Почему половина? Мы же все сделали и спасли планету.

— Не знаю, — ответил Рррр. — Не знаю, моя девочка.

Он говорил, словно старый, мудрый дедушка.

— Ты распылила вакцину, это так. Но только если мы вернемся назад, мы узнаем, дало ли это какой-нибудь результат.

— Ты хочешь сказать, что мы вернемся и все осталось как прежде?

— Не знаю...

— Тогда лучше не возвращаться. Лучше остаться здесь.

— Ты устала, Алиса, — сказал Рррр, — и нервничаешь.

До леса доносились глухие удары барабанов. Это далеко-далеко играли оркестры. Густой теплый воздух вздрагивал от барабанного буханья. Над крышей космопорта взлетела гирлянда огромных разноцветных воздушных шаров.

— Я просто не могу представить, что они все заболеют, — сказала Алиса.

— Может быть, и не заболеют. А если бы ты не распылила вакцину, ты бы наверняка знала, что все они обречены. И было бы еще хуже.

Алиса кивнула. Маленький археолог был прав.

— Отдохнула немножко? — спросил он. — Нам надо спешить. До темноты мы должны уйти подальше от города.

— А куда мы теперь? — спросила Алиса, которой никуда идти не хотелось. Лечь бы сейчас на траву и заснуть. А проснуться уже дома. — На вокзал?

— Ни в коем случае, — ответил Рррр. — Нас там сразу узнают. Ведь ты сейчас после космонавтов самый популярный человек в городе. Несколько миллионов колеидян видели тебя по телевизору. Мы пойдем пешком.

И они пошли через лес. Рррр бежал впереди. Он шел по солн-

цу так, чтобы выбраться к железной дороге и вдоль нее добираться до городка, у которого лагерь археологов.

Алиса натерла ногу, но разуваться Рррр не разрешил.

«Интересно получается, — подумала Алиса. — Пока мы ехали туда, я была главной, а теперь он вдруг вспомнил, что он старше, и ведет меня». И не хотелось убеждать его, что все равно Петров с Ричардом найдут их и спасут. Ведь Рррр тогда обязательно скажет, что их могут не найти.

Вдруг лес кончился. Он оказался узким. За ним начинался пустырь, а дальше снова дома. И выйти из-под деревьев было нельзя — над пустырем кружил маленький желтый вертолет и от домов к лесу медленно двигалась цепочка полицейских.

— Облава, — сказал Рррр. — Они подозревают, что мы скрылись в лесу.

— Что делать? — спросила Алиса. — Заберемся на дерево?

— Они догадаются. Бежим обратно.

Оказывается, Рррр заметил в лесу какие-то строения. Туда он и повел Алису.

На большой истоптанной и пыльной поляне, обнесенные низким заборчиком, стояли аттракционы — качели, горки, «чертовы колеса» и другие развлекательные машины, похожие на те, что стоят в парках на Земле, и в то же время совсем другие.

Беглецы забрались под скрипучую карусель и улеглись на землю. Совсем близко нависал дощатый пол, и в щель между досками Алиса видела тонкую полоску очень светлого неба.

Они вовремя спрятались. Минуты через три к аттракционам подошли полицейские. Слышно было, как они перекликаются. Потом один из них забрался на карусель, и доски прогибались под его башмаками.

Алисе захотелось чихнуть — под каруселью было пыльно и душно. Полицейский остановился прямо над ней, закрыв подошвами светлую полоску, и спросил громко у кого-то:

— Под каруселью смотрел?

— Нет, — ответили издали. — Сам погляди.

— У меня фонаря нету.

— Без фонаря увидишь. Вряд ли кто туда мог забраться.

Полицейский спустился на землю. Алиса быстро отползла к дальней стенке и прижалась к ней.

Деревянная дверца распахнулась, и в ней появился черный силуэт полицейского. Он долго вглядывался, потом спросил на всякий случай:

— Есть здесь кто?

— Ты идешь? — раздался крик издали.

— Иду, — ответил полицейский и захлопнул дверцу. — Нет здесь никого. Она уж, наверно, на самолете улетела.

— Конечно, — согласился с ним второй голос. — Такое покушение в одиночку не совершишь.

— Останемся здесь до темноты, — сказал Рррр, когда шаги полицейских смолкли. — А то сейчас нас быстро поймают.

Им удалось выбраться из-под карусели только поздно вечером. Примерно через час после того, как полицейские ушли, парк стал наполняться народом. Хозяин карусели долго вытирал ее тряпкой, подметал, потом включил и часа три подряд под веселую, но страшно надоевшую Алисе музыку карусель вертелась над головой, скрипела, и казалось, вот-вот кто-нибудь провалится сквозь пол и задавит беглецов.

Наконец, когда Алиса отлежала себе все бока и измучилась оттого, что страшно хотелось спать, а уснуть под гром музыки и скрип карусели было совершенно невозможно, веселье подошло к концу. Мотор карусели все реже заводился, реже раздавались голоса вокруг. И к полночи все стихло.

Они выползли наружу, и Рррр долго растирал сильными ручками ноги Алисы. Ноги так занемели, что идти было невозможно. А потом стало еще хуже — ноги отходили, и казалось, что тысячи иголок вонзились в них.

— Ну, сможешь идти? — спросил Рррр.

— Смогу, — ответила Алиса.

Теперь, когда столько пришлось вытерпеть, она уже поняла, что любой ценой они должны добраться до своих.

И они добрались.

Они снова пересекли темный лес, вышли на пустырь и, обходя ямы и кучи мусора, доплелись до нового района города. Пока не остались позади последние дома, они шли медленно — Рррр забегал вперед, смотрел, нет ли кого, только потом Алиса следовала за ним.

Было уже почти два часа ночи, когда они вышли к полотну железной дороги. Рельсы поблескивали под луной.

Они вышли на тропинку, которая бежала вдоль полотна, и направились прочь от столицы. Алиса старалась представить себе, как мать космонавта Толо ругает ее, рассказывает своему сыну, что Алиса втерлась к ней в доверие. Ей казалось даже, что она слышит голос старушки: «Я ее даже помидорами кормила. Знала бы, ничего не дала бы. И котенок у нее был подозрительный».

И уже под утро им удалось взобраться на платформу товарного поезда, который притормозил у разъезда.

И с первыми лучами солнца, изодранные, измученные, еле живые, страшно счастливые, они поднялись на пригорок. Оставалось сделать всего один шаг, и машина времени заберет их обратно, в лагерь археологов.

И Алиса вдруг поняла, что ей очень трудно сделать этот последний шаг.

— Я боюсь, — сказала она маленькому археологу.

— Я тоже боюсь, — шепнул он. — Я понимаю.

— А вдруг мы вернемся, а там все по-старому? Вдруг не удалось?

— Ой, — сказал Рррр, — *и не говори!*

Он снова потерял где-то свой хвост, теперь уже безвозвратно.

Они помолчали немного.

Потом Алиса наклонилась и взяла археолога на руки. И сделала последний шаг.

Что-то щелкнуло. Легкий туман окутал ее, и показалось, что она несется куда-то, падает... падает... И вот она стоит в кабине машины времени.

ГЛАВА 18

За стеклом возвышался Громозека. Рядом — Петров. Ричард наклонился над пультом управления.

Алиса стояла в кабине, не смея шелохнуться.

Дверь не открывалась.

Громозека поднял щупальце, показывая, что она забыла нажать на кнопку.

— Ну да, кнопка, — поняла Алиса.

Она нажала на зеленую кнопку. Дверь отошла в сторону. Алиса выпустила из рук археолога, и тот упал на пол.

— Все в порядке, — сказал Громозека. — Можете стартовать.

— Есть стартовать, — отозвался голос из динамика.

Глухо заревели двигатели, пульт управления качнулся, и Алиса почувствовала, как увеличивается тяжесть — заработали гравитационные установки.

— Ну что? — спросил наконец Рррр.

Громозека протянул вперед свои длинные щупальца, поднял Алису, и она вдруг увидела, что по его широченному зеленому лицу текут дымящиеся слезы.

— Доченька моя, — сказал он. — Милая! Спасибо!

— Ну что? — спросила тогда Алиса.

— Все в п-порядке, — сказал Петров. — Все в п-порядке. Хотя это и безобразие.

— Победителей не судят, — сказал Ричард. — И вы, Михаил Петрович, это знаете.

— А я, — сказал Громозека, все еще не выпуская из щупалец Алису, — я согласен теперь на любое наказание.

— Так получилось? — настаивал Рррр.

— Все получилось.

— А почему мы движемся?

— Мы летим, — сообщил Громозека. — Улетаем.

— Почему? — удивилась Алиса. Ей было так уютно в объятиях Громозеки, и она совсем не чувствовала ног.

— Потому что как только вы с Рррр ушли в прошлое, я разбудил весь лагерь, — сказал Громозека.

— Чтобы за нами гнаться?

— Ничего подобного. Я же знал, что ты ночью попытаешься сама убежать в прошлое. И ты знаешь мое к этому отношение. Я не мешал тебе.

— Ты тогда не спал?

— Я же велел тебе не забыть свитер.

— А я так старалась не шуметь! — сказала Алиса.

— Я сделал все, что мог. Я объяснил тебе действие баллона с вакциной, заставил тебя сделать все уколы. И попросил Рррр отправиться в прошлое вместе с тобой. Одну я тебя отправлять не хотел.

— Так ты, котенок, — обернулась Алиса к своему спутнику, — тоже заранее знал, что я убегу?

— Знал, — подтвердил маленький археолог. — И, кроме меня, некому было тебя сопровождать. Я ведь самый маленький. И хвост я заготовил заранее. И ведь я тебе пригодился!

— Пригодился. Знаешь, Громозека, он меня освободил, когда меня поймали.

— Да? Ну и отлично. Потом все расскажешь. А мы очень волновались. Мы думали, что, если тебя поймают, придется отправлять в прошлое спасательную партию.

— Все-таки почему мы на корабле? — спросила Алиса.

— Потому что как только вы ушли в прошлое, я приказал на всякий случай сворачивать лагерь и временный центр. Мы же не знали, что произойдет здесь за сто лет. Вдруг на месте наших палаток вырастет новый город? Или искусственное море?

— Вот уж была работенка! — сказал Ричард. — Мы за шесть

часов свернули весь лагерь, разобрали станцию и погрузили камеру времени на последний корабль. И стали ждать.

— И дождались? — спросила Алиса. — Можно, я посмотрю?

Громозека поднес ее к иллюминатору.

Корабль уже поднялся довольно высоко, и Колеида занимала половину неба. И все лицо планеты было залито пятнами света — это горели огни ее городов и заводов.

— Все случилось во второй половине дня, — сказал Громозека. — Мы стояли у иллюминаторов и смотрели. Мы же знали, во сколько прилетает космический корабль. Мы стояли и считали минуты. Ведь мы не очень верили, что тебе удастся пробраться к кораблю...

— И тут, — перебил его Ричард, — мы увидели, как в одну секунду поля стали зелеными.

— И высокие дома выросли на месте старого города, — сказал Петров.

— И над нами пролетела птица, — сказал Громозека.

— И мы поняли, что Алиса убила космическую чуму.

— А как же вас не заметили? — спросил Рррр.

— Наш корабль был погружен в землю и покрыт сверху маскировочной сеткой. Нам повезло — это поле было не застроено. Зато теперь, когда мы взлетели, они нас наверняка заметили.

В этот момент в динамике раздался голос:

— Говорит капитан корабля. Только что с нами вышли на связь внешние спутники планеты Колеида. Нас запрашивают, что мы за корабль, куда летим, почему не предупредили о своем полете диспетчера.

— Отвечайте им, что мы держим курс к их дежурному спутнику, — сказал Громозека. — Пусть ждут. Мы им все расскажем.

ГЛАВА 19

Когда Громозека с переодетой и вымытой Алисой шли по коридору дежурного спутника планеты Колеида, Алиса попросила главного археолога:

— Когда ты будешь им все объяснять, спроси, пожалуйста, нет ли мне памятника.

— Что? — удивился Громозека.

— Нет ли нам с Рррр памятника, — повторила Алиса. — Ведь мы их спасли.

Громозека улыбнулся, но ничего не ответил.

Дежурный диспетчер встретил гостей на центральном пульте. Он оказался маленьким человечком, чуть повыше Алисы, и был похож на инженера Толо. При виде Громозеки он вздрогнул и отступил на шаг, но тут же справился с испугом и попытался улыбнуться.

— Мы с планеты Земля, — сказал Громозека, поздоровавшись, — и с других планет Галактического содружества, куда вы в скором времени, наверно, вступите. Простите, что мы побывали на вашей планете без разрешения, — так уж получилось.

— Я совершенно не могу понять, — сказал диспетчер, — как вам удалось сесть рядом с большим городом и никто вас не заметил.

— А мы не только сели, — сказал Громозека, — мы даже пробыли у вас на планете почти полгода.

— Как так?

— Мы археологи. Мы выясняли, почему погибла ваша планета.

— Но наша планета никогда не гибла, — сказал диспетчер. — Вы меня разыгрываете?

— Ни в коем случае, — возразил Громозека. — Скажите, вам эта девочка незнакома? — Он показал на Алису.

— Нет, конечно, — ответил диспетчер.

— Странно, — сказала Алиса.

— Она была уже у вас на планете. Только давно.

— Когда?

— Сто лет назад.

— Вы говорите загадками, — произнес диспетчер. — И если это шутки, то очень странные.

— Сто лет назад, — сказал Громозека, — вернулся ваш первый космический корабль, не так ли?

— Так, — подтвердил диспетчер. — Мы праздновали столетие этого события в прошлом году.

— А не было никакого происшествия в тот момент, когда корабль опустился на Колеиду?

— Нет, — сказал диспетчер. — Все прошло нормально. С тех пор этот день мы отмечаем как праздник.

— И все-таки я настаиваю, что именно в тот день и в тот момент эта девочка, которую зовут Алиса, была на космодроме и даже спасла вашу планету от гибели.

— И меня даже посадили в тюрьму, — вмешалась Алиса.

Диспетчер тяжело вздохнул, будто устал слушать сумасшедших гостей.

— Не верит, — сказал Громозека. — Не верят нам с тобой, Алиса. А скажите, у вас нет на борту библиотеки?

— Зачем?

— Там может быть книжка по истории.

— Ну хорошо, — заявил диспетчер. — Погодите.

Он нажал кнопку на пульте, панель на стене отодвинулась, и там оказались полки с книгами. Диспетчер снял одну из книг.

— Тут есть описание прилета первых космонавтов? — спросил Громозека.

— Одну минутку, — попросил диспетчер.

Он перелистал книгу.

— Читайте, — сказал Громозека.

В предвкушении удовольствия он даже притопывал щупальцами по гладкому полу дежурного спутника.

— «И вот показался корабль», — прочел диспетчер.

— Дальше, — торопил его Громозека, заглядывая через плечо маленькому человечку. — Вот. — И он ткнул ногтем в строчку.

— «Праздник был украшен любопытным поступком одной из девушек, — прочел диспетчер. — Она первой подбежала к кораблю и опрыскала космонавтов духами. Имя ее осталось неизвестным».

— И все? — спросила Алиса.

— И все.

— Это была я. Только никакие это были не духи. А вакцина.

Но тут Громозека понял, что терпение диспетчера полностью истощилось, и сказал:

— Шутки в сторону. Разговор нам предстоит долгий и серьезный. Я обращаюсь к вам официально: корабль «Земля» просит разрешения Колеиды совершить посадку на удобном для вас космодроме. Больше я не буду говорить загадками и все подробно объясню представителям вашего правительства.

— Подождите немного, — сказал диспетчер с облегчением. — Сейчас я узнаю, на каком из космодромов есть свободные стоянки.

А когда Алиса с Громозекой шли обратно к своему кораблю, Громозека легонько потрепал Алису когтем по плечу и сказал:

— Не расстраивайся. Может, тебе еще поставят памятник на этой планете.

— Не нужен мне их памятник, — сказала Алиса. — Главное — что они остались живы и здоровы.

Она помолчала и добавила:

— Только обидно, что в истории написано, будто я поливала их духами.

— В истории остается только главное, — сказал Громозека. — А детали могут и не сохраниться в памяти людей.

СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД

Часть первая
ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Глава 1
А ЕСЛИ ЗА ДВЕРЬЮ АНАКОНДА?

Родители у Коли сравнительно нестарые — им еще сорока нет. А сами себя считают совсем молодыми, купили катер, красят его и лелеют, втаскивают на берег, спускают на воду, чинят мотор, созывают гостей, чтобы жарить шашлыки и петь туристские песни. Но путешественники они никудышные, совершенно не умеют пользоваться своим счастьем. В прошлом году две недели путешествовали по Волге, а проплыли всего сто километров — можно от смеха умереть. Коле с ними неинтересно. Их романтика ему не подходит, очень уж она комфортабельная. Вот и в то апрельское воскресенье он наотрез отказался ехать с ними красить драгоценную «Чайку». Он сказал, что у него завтра контрольная. Родители так умилились его сознательностью, что не стали уговаривать. И у Коли оказалось совершенно свободное воскресенье, без родителей, без дел, живи в свое удовольствие, как греческий философ Эпикур.

Когда Коля проснулся, родителей уже не было. На столе лежала записка с просьбой сходить за кефиром и рубль.

С утра свободный день кажется бесконечным. Поэтому Коля не спешил. Он включил на полную громкость радио и стал думать, кому позвонить. Но было еще рано, все друзья спали, и Коля решил сходить за кефиром. Он взял рубль, сумку, пустые бутылки и вышел на лестницу.

По лестнице прямо к нему шли два санитара и несли сложенные носилки. Санитары были пожилые, крепкие, похожие на грузчиков, только в форменных фуражках и белых халатах. Коля остановился. И тогда он заметил, что дверь в соседнюю квартиру приоткрыта и оттуда доносятся голоса. Санитары пронесли носилки в ту дверь. Что-то случилось с соседом, Николаем Николаевичем.

Сосед жил один, часто ездил в командировки, а где он работал, Коля не знал. Коля решил подождать. Вскоре дверь отвори-

лась, и санитары вынесли на лестницу носилки. На носилках лежал Николай Николаевич, бледный, покрытый простыней почти до самого горла. Сзади шел молодой врач с толстым чемоданчиком. Врач остановился в дверях и спросил:

— Что делать с квартирой?

В этот момент Николай Николаевич увидел Колю и обрадовался.

— Здравствуй, тезка, — сказал он тихо. — Хорошо, что ты мне встретился. Видишь, сердце прихватило. Такая вот незадача!

— Ничего, — сказал Коля, — вы выздоровеете.

— Спасибо на добром слове. У меня к тебе просьба: возьми мой ключ. Ко мне на днях должен друг приехать из Мурманска. Он знает, что, если меня дома нет, ключи у вас.

— Как всегда, — сказал Коля. Потом обернулся к доктору и добавил: — Вы захлопните, а ключ мне передайте.

Коля проводил носилки с Николаем Николаевичем до улицы. Санитары аккуратно поставили их в «Скорую помощь». Сердечникам нужен полный покой.

— Когда ждать? — спросил он Николая Николаевича, уже лежащего в машине.

— Через месяц. Может, раньше. Я вам позвоню, как буду вставать.

— Позвоните, я вас навещу, — сказал Коля. — Может, фруктов купить надо? Вы не стесняйтесь.

— Мой друг из Мурманска должен привезти мне лекарство. Я надеюсь на твое посредничество.

— Не сомневайтесь, — сказал Коля. — Мои старики тоже рады вам помочь.

«Скорая помощь» резко взяла с места и умчалась в клинику Склифосовского, как сказал Коле доктор на прощание. Коля постоял, поглядел вслед машине. Ему было жалко Николая Николаевича. Сосед был приличный человек, никогда не изображал из себя наставника малолетних, не учил жить, а поговорить с ним было интересно.

Потом Коля сходил в магазин, купил кефир. Когда платил в кассу, нащупал в кармане ключ от квартиры Николая Николаевича и подумал — не забыть бы повесить его в коридоре на видном месте: когда приедет друг из Мурманска, ключ сразу найдется. Но, вернувшись домой, Коля ключ не повесил. У него возникла мысль.

Дело в том, что на письменном столе Николая Николаевича

стояла модель фрегата. Она была из дерева, паруса матерчатые, ванты из шпагата, пушки настоящие, медные. Николай Николаевич сказал как-то, что фрегат сделан из двух тысяч частей и точно скопирован с настоящего. Коля любил смотреть на фрегат. Если чуть присесть и прищурить глаза, можно представить, что фрегат плывет по океану, а паруса обвисли, потому что вторую неделю стоит штиль.

Когда Фима Королев из Колиного класса узнал про фрегат, он стал проситься в гости к Николаю Николаевичу, но Коля не спешил вести его в гости. Фиму опасно водить в гости, потому что он страшно нахальный, неуклюжий, обязательно что-нибудь схватит и разобьет. Фиме надоело напоминать, и он сказал:

— Сними мне мерку с фрегата. Я собираюсь строить парусник, а литературы мало. Что тебе стоит помочь человеку!

Разговор с Фимкой был вчера, а сегодня Николай Николаевич заболел. Вечером приедут родители, ключ могут спрятать, а Фима ни за что не поверит, что сосед в больнице, — решит, что Коля опять выдумывает.

По этой причине Коля зашел домой, взял лист бумаги, линейку и карандаш и открыл дверь к соседу.

В тот момент он не думал, что поступает плохо. Ведь если бы он спросил разрешения у Николая Николаевича, тот, наверно, не отказал бы.

Коля закрыл за собой дверь, спрятал ключ в карман, зажег свет в коридоре, чтобы полюбоваться на африканские маски, которые висели на стене и скалили зубы.

Потом Коля не спеша прошел в большую комнату, которая была кабинетом и спальней Николая Николаевича. Постель на диване была не убрана, простыни смяты, трубка телефона болталась у самого пола. Коля представил себе, как Николай Николаевич тянется к телефону и набирает «03». Коля положил трубку на рычаг. Коля никогда не был в этой квартире один, и она, в сущности обыкновенная, казалась слишком уж опустевшей и даже чуть зловещей. Стоя посреди комнаты, Коля почувствовал, что поступил не совсем правильно, и ему захотелось уйти и не снимать мерок с фрегата.

А не ушел он потому, что на стене висел старинный кремневый пистолет. Николай Николаевич давал его Коле подержать в руках, но половина удовольствия пропадает, если на тебя при этом смотрят. Коля снял со стены пистолет, отвел ударник и прицелился в окно. За окном пролетала ворона. Коля спустил ку-

рок, пистолет негромко щелкнул. Конечно, с пулями и порохом выстрел получился бы громче.

Коля повесил пистолет на место и тут увидел дверь в заднюю комнату. Дверь как дверь, но у нее была особенность: она всегда заперта. Сколько раз Коля бывал у соседа, никогда не видел, чтобы эта дверь открывалась. Коля давно задумывался, что могло бы скрываться за дверью, и раз спросил Николая Николаевича:

— А там у вас что?

— Про Синюю Бороду читал? — спросил в ответ Николай Николаевич.

— Да вы же не женаты.

— Там спрятаны любопытные мальчишки, — сказал Николай Николаевич. — Семь штук. Есть свободное место для восьмого.

На этом разговор кончился. Коля больше не спрашивал. У каждого своя гордость.

И вот сейчас Коля увидел, что в белой двери торчит ключ. Видно, Николай Николаевич не ожидал, что заболеет, а потом забыл вынуть.

Коля подошел к двери и стал думать. Наверно, какие-нибудь документы, бумаги или ценности. А может быть, коллекция марок. И вообще, если тебе не показывают комнату, нечего туда соваться.

Коля хотел вернуться к фрегату, но вдруг подумал: а что, если сосед держит в задней комнате какое-нибудь редкое животное? Настолько редкое и опасное, что его даже показывать никому нельзя. Допустим, змею анаконду длиной в двенадцать метров. И сейчас это редкое животное сидит голодное и не знает, что его некому кормить целый месяц. Если это анаконда или верблюд, это не так страшно, они могут обходиться без пищи и воды, но если тигр, то он будет несколько дней метаться по комнате и, если не удастся разломать стены, умрет от голода. А если удастся, то это может кончиться еще хуже. Ведь он выпрыгнет со второго этажа на газон, помнет цветы пенсионерки Чувпило, проглотит пенсионерку, затем сожрет киоск с мороженым и заболеет ангиной.

Конечно, Коля не думал всерьез, что тигр польстится на злую пенсионерку Чувпило, которая жалуется, что Коля слишком громко топает. Ему просто хотелось заглянуть в тайную комнату, но для этого нужно было моральное оправдание. А забота о голодном звере — лучшее моральное оправдание.

Коля немного постоял под дверью, послушал, не слышно ли за ней дыхания или шороха, но все было тихо. Тогда Коля повернул ключ и приоткрыл дверь.

Глава 2

ЭТО НЕ ИНДИЯ

Коля думал, что только взглянет и запрет дверь снова. Если, конечно, спрятанный верблюд не попросит напиться.

Дверь он открыл сантиметров на пять, не больше. Ничего не случилось. Он открыл дверь пошире, снова ничего не случилось. Тогда Коля сунул голову внутрь, и оказалось, что комната почти пустая.

Это была небольшая комната с зелеными стенами. Окно занавешено плотной занавеской, но внутри достаточно светло, чтобы все разглядеть.

В комнате стояли два шкафа и стул.

Один шкаф старый, деревянный и очень вместительный. Его дверца была распахнута. Внутри висели разные костюмы и плащи, а под ними — мужские и женские ботинки и туфли разного размера. Во второй его половине на полках лежали простыни, наволочки, рубашки, всякое белье. А снаружи к шкафу были прислонены три раскладушки.

Что должен предположить следопыт, когда он видит в квартире одинокого мужчины шкаф, набитый одеждой для разных людей?

Следопыт Коля предположил, что это вещи приезжих друзей Николая Николаевича. К нему часто приходили друзья и знакомые, приезжали из других городов и иногда гостили по неделе. С одним старичком Коля даже познакомился и провожал его до букинистического магазина. Тот старичок объяснил Коле, что он живет в маленьком городе и не всегда может достать нужную книжку. А чтобы не таскать с собой туда-сюда чемоданы, друзья Николая Николаевича оставляют вещи в Москве.

А на раскладушках они спят.

В общем, комната оказалась совсем неинтересной, и можно было спокойно уходить, если бы не второй шкаф.

Это был необыкновенный шкаф. Он был похож на будку телефона-автомата, но покрупнее. Коля подошел к стеклянной двери и заглянул внутрь. Вместо телефонного аппарата в будке была приборная панель, как в самолете. И Коля понял, что именно в этой будке хранилась главная тайна комнаты.

— Одну минутку, — сказал Коля вслух, потому что он немного волновался и его раздирали два желания: желание уйти и желание поглядеть поближе на приборы, потому что он интересо-

вался техникой, даже собрал в прошлом году радиоприемник, который, правда, не работал.

Коля нажал на ручку застекленной двери, и ручка повернулась мягко, словно смазанная. Дверь открылась, приглашая Колю заглянуть внутрь. Коля не стал спорить и вошел в кабину. В кабине пахло электричеством, как во время грозы.

Коля стал рассматривать панель. По ее нижней, вытянутой вперед пологой части шло два ряда кнопок. Чуть повыше был ряд переключателей. Затем ряд циферблатов. Вся эта система была мертвой, выключенной, и поэтому непонятно было, для чего она предназначается.

Как нарочно, взгляд Коли упал на переключатель, по одну сторону которого было написано «Вкл.», а по другую «Выкл.». Переключатель был повернут направо, к слову «Выкл.».

Никогда не поздно будет выключить снова, подумал Коля и повернул переключатель.

Возникло тихое жужжание, стрелки приборов на панели дрогнули, и некоторые из них передвинулись. Коля хотел было повернуть выключатель обратно, но тут услышал за спиной негромкий щелчок.

Он быстро оглянулся и увидел, что дверь закрылась. Он нажал на ручку с внутренней стороны двери, но ручка не подчинилась ему. Коля не растерялся. Он повернул переключатель влево, стрелки приборов вернулись к нулям, жужжание прекратилось, и дверь сама медленно раскрылась.

— Видите, — сказал Коля, — машины должны подчиняться человеку.

Он еще раза два заставил дверь закрыться и открыться, а потом решил попробовать и другие переключатели, потому что в случае чего их всегда можно повернуть обратно.

Один, красный, переключатель торчал в конце второго ряда кнопок. Под ним было написано «Пуск». Под кнопками стояли номера и непонятные значки. Только под двумя были надписи: «Промежуточная станция» и «Конечная станция».

Это было любопытно. Коля повернул переключатель «Пуск», но ничего не произошло. Тогда он понял, что поспешил. Надо сначала повернуть переключатель на «Вкл.». Так он и сделал. Дверь закрылась. Он снова повернул переключатель «Пуск», и снова ничего не произошло. Значит, рассудил Коля, он еще чего-то не сделал.

Коля был неглупым человеком и решил, что машине не хватает задания. И он нажал на кнопку «Промежуточная станция». На этот раз опыт удался настолько, что Коля пожалел, что начал пробовать.

Жужжание стало громким, почти оглушительным. Стеклянная дверь заволоклась туманом, и стекло стало матовым. Кабина мелко задрожала, словно кто-то включил зубоврачебную бормашину. Коля протянул руку, чтобы выключить поскорее это дрожание, но в этот момент на небольшом экране наверху пульта появилась красная, очень яркая надпись: «Внимание».

Надпись тут же погасла, и на ее месте возникла другая, белая: «Проверьте, стоите ли вы в круге».

Коля взглянул вниз и увидел, что стоит на черном ребристом круглом коврике, очерченном белой линией.

— Да, — сказал он, стараясь перекричать растущий гул. — Стою в круге!

Следующая надпись была еще более строгой: «Не двигаться. Держитесь за поручень».

Коля не видел никакого поручня, но в этот момент довольно высоко, на уровне его глаз, из приборной панели выдвинулась держалка для рук. Она была рассчитана на рост взрослого человека. Коля послушно вцепился в прохладную трубку, потому что не смел спорить с надписями на экране.

«Закройте глаза», — приказала надпись.

Коля зажмурился.

И тут все исчезло.

Ничего не было — ни верха, ни низа, ни воздуха, ни жары, ни холода. Только прохладный металл ручки, за которую держался Коля.

И сколько это продолжалось, Коля не знал. Наверное, недолго, а может быть, два часа. Он даже не мог испугаться и не мог закричать, потому что и страх и крик — это понятно, а как же можно пугаться, если ничего нет?

И вдруг все кончилось. Осталось только жужжание. Коля еще некоторое время постоял, пытаясь прийти в себя, а потом осмелился приоткрыть один глаз.

Он сразу увидел экран и на нем зеленую надпись:

«Переброска завершена. Промежуточная станция».

Коля перевел дух и поклялся себе никогда больше не залезать в те места, куда его не звали.

Теперь он знал, что делать. Он выключил переключатель

«Пуск», потом повернул налево переключатель «Вкл. — Выкл.». Сразу стало очень тихо.

«Могло быть хуже, — подумал Коля, открывая дверь кабины. — И я, в общем, вел себя молодцом и не очень струсил. Даже жалко, что нельзя никому рассказать».

Коля вышел из кабины и остановился, потому что в комнате что-то изменилось. Или его обманывали глаза. Во-первых, дверцы платяного шкафа были закрыты, хотя Коля их не трогал. Ну, это еще не самое странное — дверцы могли сами захлопнуться, когда кабина дрожала, как перепуганный заяц. Но куда-то исчезли все раскладушки, а стены комнаты, которые только что были оклеены зелеными обоями, оказались совсем белыми, покрашенными. Коля даже протер глаза. Не помогло.

Тогда Коля решил об этом не думать. Если совершенно ничего не понимаешь, лучше не думать. Этому правилу Коля следовал, если его вызывали к доске, а он не мог решить задачу или не знал, в каком году была открыта Америка. Тогда он смотрел в окно и не думал о задаче или Америке. Все равно двойки не избежать. Если, правда, какая-нибудь добрая душа не подскажет.

Вот и теперь Коля не стал думать, нащупал в кармане ключ от квартиры и пошел к выходу.

В большой комнате тоже был непорядок. Фрегат исчез. Ну хорошо бы только фрегат исчез. Но исчез и стол, на котором стоял фрегат, исчез диван со смятыми простынями и одеялами, исчез телефон, исчез пистолет со стены — в общем, все исчезло. Комната была та же, но, пока Коля стоял в кабине, кто-то выбелил стены, а вместо вещей насовал полную комнату приборов.

Что прикажете в таком случае думать?

И Коля, как человек умный, сразу придумал. Он недавно читал рассказ американского писателя Вашингтона Ирвинга. Про одного человека по имени Рип Ван Винкль, который пошел в горы и заснул. Он вернулся к себе в деревню, идет по улице, а его никто не узнает. Он хвать себя за лицо, а у него борода до пояса. Так он и догадался, что проспал двадцать лет подряд.

Подумав так, Коля схватил себя за подбородок и даже удивился, что бороды нет. А пока он щупал свой подбородок, он расстроился из-за родителей, которые двадцать лет назад вернулись со своего катера, видят на столе кефир, а сына нигде нет. Они обзвонили все больницы, приходила милиция с собакой, но все впустую. Коля, двенадцати лет, пропал бесследно. И вот сейчас он выйдет на лестницу, постучит в дверь, откроют старенькая ма-

ма и старенький печальный отец и спросят: «Вы к кому, молодой человек?» А Коля скажет: «Я к вашему сыну». А они ответят: «У нас давно уже нет детей, потому что наш сын Николай двадцать лет назад пропал без вести».

С такими печальными мыслями Коля пересек комнату. Он ожидал, что коридор тоже изменился за двадцать лет. Но никак не мог предположить, что он ТАК изменился.

Коридора не было. Была комната в десять раз больше предыдущей, высотой в два этажа, тоже уставленная аппаратурой и непонятно как освещенная.

Этот зал занимал не только бывший коридор, но и лестничную площадку и даже квартиру, в которой жил Коля. Вот это был удар посильнее предыдущих.

Коля хотел было бежать обратно в кабину и жать на кнопки — вдруг это наваждение пройдет, — но в этот момент ему в голову пришла другая мысль.

Что было написано под кнопкой? «Промежуточная станция», «Конечная станция». А что это значит? Станция, остановки... Значит, кабина — это новый вид быстроходного двигателя, и Коля просто попал в другое место, в другой город... а может быть, в Индию? И, конечно, это не та же комната, а другая, похожая.

Как только Коля догадался об этом, он решил не спешить в кабину. Успеется. Нельзя отказываться от возможности заглянуть в Индию или в Самарканд.

Скоро Коля нашел дверь. Она была такого же цвета, как стена, и ее выдавала только узенькая щелка, в волос толщиной. У края двери Коля нашел белую кнопку. Он нажал на нее, и дверь уползла в сторону. Он очутился в длинном широком коридоре без окон. Может, в нем и были двери, но издали они сливались со стеной.

Что ж, пойдем дальше, решил Коля, а чтобы не потерять дверь — ищи ее потом, — он положил возле нее пятак.

Никто ему в коридоре не встретился. Наверно, потому, что было воскресенье или еще рано. Часов у Коли нет, но ведь в разных местах Земли разные временные пояса, и потому в Индии может быть полдень, а если он попал на Гавайские острова, то и вечер.

Да, не зря сосед запирал заднюю комнату на ключ. Этот двигатель наверняка экспериментальный и, может быть, пока секретный. Ну ничего, можно не беспокоиться: Коля будет молчать. Никто даже под пытками не заставит его раскрыть чужую тайну.

За коридором была широкая лестница. Коля только собрался

ступить на верхнюю ступеньку, как заметил, что внизу мелькнуло что-то блестящее. Он замер. Послышалось шуршание. Коля быстро отбежал на несколько шагов в сторону и присел за углом. Ему совсем не хотелось, чтобы его увидели и начали задавать вопросы: «А ты, мальчик, как здесь оказался? А тебе, мальчик, кто разрешил ездить в кабинах?»

Из своего укрытия Коля увидел, что по лестнице поднимается странное существо, то ли рыцарь-лилипут, то ли пылесос на ножках. Головы у уродца не было, зато многочисленные ручки прижимали к бокам и спине листочки, сор, а круглые щетки выскакивали из-под карлика и, вертясь, обмахивали перила и ступеньки, а мусор загоняли в блестящий мешок, прикрепленный сзади. Карлик-уборщик пробежал в метре от Коли и успел обмахнуть щеткой Колины штаны, а другой — почистить ботинки. И, не останавливаясь, поспешил дальше.

— Спасибо, — сказал уборщику Коля, и, хоть первая встреча кончилась благополучно, дальше он шел осторожно и оглядывался, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза.

Лестница привела Колю в большой вестибюль с прозрачной передней стеной. Стекло было такого большого размера, что удивительно, как его никто до сих пор случайно не разбил. Коля подошел к стеклянной стене, разглядывая площадь спереди.

Площадь была покрыта молодой травой. За ней стояли распускающиеся деревья. Коля подумал, что в Москве листья еще не распускаются и, значит, он приехал в южный город.

Нечаянно Коля дотронулся до стеклянной стены, и вдруг в ней появилось отверстие как раз в рост Коли. Стена, как живая, предлагала сквозь нее пройти.

Коля послушался.

На улице было не холодно, и Коле в куртке было как раз. Дул несильный ветер, за деревьями были видны высокие дома. Коля пересек гладкую розовую дорожку и сделал несколько шагов прямо по газону. Потом обернулся, чтобы рассмотреть получше дом, из которого он вышел.

Дом был высокий, этажей в двадцать. Но окон в нем было мало. И мало углов. Как будто кто-то взял напильник и обточил дом. Он был переливчатого, перламутрового цвета. В некоторых местах строитель забыл загладить выемки и выпуклости, но потом Коля догадался, что это сделано нарочно. В выемках были балконы, а выпуклости были затянуты стеклом, словно стрекозиные глаза. Нельзя сказать, что Коле дом понравился, но он был

человеком широких взглядов и считал, что каждый народ может строить такие дома, какие ему вздумается. Наверно, эскимосам, которые живут в снежных иглу, или индейцам из вигвамов смешно смотреть на высотные здания или избушки.

Над стеклянной стеной, сквозь которую Коля только что прошел, по стеклу были выложены громадные золотые буквы:

ИНСТИТУТ ВРЕМЕНИ

А по бокам надписи — два больших, в два этажа, черных квадрата. Один из них был часами. В нем горели цифры: 9.15.35... 36... 37... 38... 39... Последняя цифра все время менялась и означала секунды.

А вот второй квадрат разрушил все теории Коли.

В нем была надпись:

11 АПРЕЛЯ 2082 ГОДА ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вполне возможно, что другой на Колином месте схватился бы за голову, заплакал от ужаса и побежал обратно в Институт времени, чтобы поскорее вернуться домой, к маме. Ведь приключение, выпавшее на долю Коли, по плечу далеко не каждому. Надо иметь хорошую нервную систему. Это тебе не Рип Ван Винкль со своими жалкими двадцатью годами и нечесаной бородой. Тут сто с лишним, даже черепахи по стольку редко живут.

А Коля обрадовался. Он сказал вслух:

— Ну дела!

И решил обратно пока не возвращаться.

Отца с матерью все равно дома нет, Николай Николаевич в больнице. А если отказаться от прогулки по отдаленному будущему, то этого себе никогда в жизни не простишь. Может, Коля еще усомнился, если бы у него были грязные ботинки, но уборщик ему помог. Что еще остается желать путешественнику по времени?

Глава 3

ДЕДУШКА-РОВЕСНИК

Сначала надо было решить, куда идти.

Колин дом стоял в переулке Сивцев Вражек. Дом этот старый, построен еще до революции. Коля рассудил так. Какие-то московские дома обязательно должны сохраниться — ведь даже раньше дома стояли по триста лет. Значит, если Коля пойдет на-

право, туда, где раньше был Гоголевский бульвар, он что-нибудь знакомое да встретит. Ориентируется он неплохо, ни разу в лесу не заблудился. В Москве он не пропадет. Даже через сто лет. Только лучше не спрашивать дорогу у прохожих: они заподозрят что-нибудь неладное.

И Коля направился к бульвару.

Он шел по розовой дорожке шириной метра три, которая чуть пружинила под ногами. За деревьями, окружавшими газон, дорожка влилась в широкую улицу.

Как только Коля вышел на нее, сзади раздался голос:

— С дороги, мальчик! Ты где шагаешь? Хочешь, чтобы тебя сбили?

Коля отпрыгнул в сторону и увидел, что его догоняет странный старик. Старик ехал на одноколесном велосипеде, расставив руки для равновесия, будто цирковой акробат. Он и одет был, как акробат: в зеленое облегающее трико и красные мягкие тапочки с длинными, острыми, даже чуть свисающими вниз носами. У старика были седые волосы ежиком и длинные усы, тоже расставленные, наверно для равновесия.

Старик догнал Колю и сказал:

— Проводи меня немного, мне скучно ехать одному.

Колесо велосипеда было небольшое, старику приходилось часто крутить педали, но все равно ехал он медленно.

Коля пошел рядом.

— Ты к маскараду готовишься? — спросил старик, осматривая самый обыкновенный Колин костюм.

Коля решил, что главное — осторожность.

— Да, — сказал он, — к маскараду.

— Ты неправильно оделся, — сказал старик. — В мои времена все мальчики ходили в так называемой школьной форме. Школьная форма состояла из темно-серых с синим отливом брюк и такого... как бы сказать... пиджака. Ты знаешь, что такое пиджак?

— Представляю, — сказал Коля. И чуть было не добавил, что у его отца пиджак и вообще у всех мужчин пиджаки. Но тут же спохватился: прошло много времени, наверно, ребята забыли про пиджаки.

Но старик не обращал внимания на ответы Коли. Ему самому нравилось говорить. В кустах, рядом с дорогой, стояла скамейка. Она была мало похожа на скамейки, которым положено стоять на улице. Она была низкой, похожей на диван. Когда старик слез

со своего колеса и сел, пригласив Колю последовать его примеру, оказалось, что скамейка мягкая, словно набита пухом.

— Отдохнем, — сказал старик. — Пять минут. Я немного запыхался. Меня зовут Павлом. А тебя?

— Коля.

— Ты не спешишь?

Коля не знал, что ответить. Он не знал, спешит он или нет. Конечно, жалко было сидеть на мягкой скамейке и терять время на разговоры о пиджаках, в которых Коля разбирался лучше старика Павла. Но старик был первым человеком из будущего, с которым Коля встретился. И он ни в чем Колю не подозревал.

Старик не стал ждать ответа.

— Так вот, — сказал он, — я должен подробнее объяснить тебе, что такое пиджак. Это старинный род одежды, в которой мужчины ходили во времена моей юности. Происходит он от сюртука, который носил Пушкин...

— А почему вы не купите двухколесный велосипед? — перебил старика Коля. — Ведь неудобно на одноколесном ездить.

— Врачи рекомендуют, — сказал старик. — Для развития мышц. В моем возрасте нельзя пренебрегать советами врачей. Ты хочешь мои мышцы пощупать?

Старик согнул руку в локте и дал Коле пощупать мышцы. Мышцы были крепкие. Покрепче, чем у Коли.

— Так вот, — продолжал старик. — Пиджаки застегивались на пуговицы... Впрочем, ты об этом знаешь, в твоем маскарадном костюме есть эти неудобные предметы. Я рекомендую внести поправки в твой костюм.

— А мне кажется, — сказал Коля, стараясь говорить вежливо, — что у меня совершенно правильный костюм. Он не школьный, а так, на каждый день.

— На каждый день мы носили белые рубашечки, — возразил старик Павел, — и черные брючки. И сандалии. Да-да, сандалии.

— Так это когда было... — сказал Коля. — Совсем в другое время.

— Как так — в другое? — удивился старик. — В какое другое?

Коля на взгляд прикинул возраст старика — получалось лет шестьдесят. 2082 минус шестьдесят — получается 2022. Плюс десять или двенадцать лет. Получается 2032.

— Ну в тридцатых годах этого века, — сказал Коля.

Старик начал хохотать так, что два зеленых попугая взлетели с ветки и закричали человеческими голосами:

— Позорр! Позорр! Кто соррвал ррозу?

— Ну и наивность! — сказал старик, вытирая слезы. — Ну и шутник! Ты мне льстишь безбожно. Неужели я так молодо выгляжу?

— Не очень молодо, — сказал чистую правду Коля, — но на велосипеде вы катаетесь хоть куда.

— Тогда я открою тебе тайну. Мне завтра исполнится сто семнадцать лет.

— Не может быть! — сказал Коля. — Значит, вы из Абхазии?

— Почему?

— Там живут долгожители. Но они питаются сыром и вином и пасут овец.

— Нет. Я из Москвы, а питаюсь я большей частью кефиром и очень люблю бараньи отбивные. Ты любишь бараньи отбивные?

— Обожаю, — признался Коля. Он все еще не мог одолеть удивление. — Значит, мы с вами ровесники!

— В известном смысле, — согласился старик. — Если принять во внимание твой костюм, мы ровесники. Но должен тебе еще раз с полной ответственностью повторить, что в мое время мальчики одевались иначе. Я мог забыть, что было пятьдесят лет назад, но что было в прошлом веке, помню.

Ну что ты будешь делать! Старик был так уверен, что спорить с ним невозможно. Да Коля и не хотел спорить. Он был поражен. Рядом с ним сидел его сверстник. Который через сто лет катается на одноколесном велосипеде и носит красные тапочки. Значит, может, и Коля будет жить еще сто лет?

— А как здоровье? — спросил Коля участливо. — Не беспокоит?

— Не жалуюсь. Спасибо медицине. Только сплю плохо.

— Ну это не страшно, — сказал Коля. — А вы какую школу кончали?

— Сто двадцать третью, английскую. На проспекте Мира.

— Я тоже в английской учусь, — сказал Коля. — Ду ю спик инглиш?

— Йес, ай ду, — сказал старик Павел. — И хорошо учишься?

— Когда как, — сказал Коля. — Задают много.

— А я думал, что теперь ничего не задают.

Коля спохватился:

— Иногда.

— А вот мои правнуки говорят, что ничего не задают. Наверно, я правильно делаю, что им не доверяю.

— А вы на какой каток ходили? — спросил Коля старика.

— Я — в Сокольники. А ты?

— Я — в Парк культуры.

Но тут Коля решил больше не углубляться в воспоминания, потому что он наверняка сморозит какую-нибудь глупость. Пять минут прошло, но старик Павел не спешил уходить. Ему нравилось беседовать с молодым человеком, который вдвое уменьшил его возраст. Как известно, пожилые люди обожают, когда им вдвое уменьшают возраст.

По небу протянулась белая полоса. Она так быстро возникла, что никакой реактивный самолет с такой скоростью не смог бы пролететь.

— Что это? — спросил Коля.

— Сплинтер, — сказал старик равнодушно. — А может, рейсовый на Луну. Там ведь фестиваль. Разве не знаешь?

— Знаю, — сказал Коля. — Но мы к маскараду готовимся.

Над улицей медленно летел перламутровый шар в полметра диаметром. Поравнявшись со скамейкой, шар изменил свой путь и направился прямо к ним. Коля немного испугался, но старик поманил шар и, когда тот приблизился на расстояние вытянутой руки, щелкнул пальцем по его боку. В шаре появилось отверстие, и из него на ладонь старику Павлу выпала черная штука, похожая на портсигар.

— Почитаем газетку, — сказал старик.

Шар взвился в воздух и отправился искать других читателей.

Коля искоса поглядывал на старика, который нажал какую-то кнопку сбоку портсигара, портсигар превратился в разноцветный экран, и по нему побежали различные кадры. Коле неудобно было заглядывать сбоку, он только услышал, как мелодичный женский голос произнес:

«...Фестиваль на Луне обещает быть самым интересным зрелищем этого года... Началась дискуссия в ООН...»

В этот момент Коля отвлекся, потому что по улице наперегонки, не касаясь мостовой, промчались три прозрачных шара, в которых на мягких сиденьях расположились люди. Они шарами не управляли, а один из них даже читал такую же газету, как старик Павел.

Коля вспомнил, что время идет, все куда-то едут, он один бездельничает.

— Простите, — спросил он, — который час?

Колин ровесник, не отрываясь от газеты, протянул к Коле ру-

ку. На запястье старика был браслет, широкий, но без всяких изображений. Вдруг на браслете вспыхнули слова и цифры:

Время 10.12.36 t +15° С. Дождя не будет.

— Спасибо, — сказал Коля, который решил ничему не удивляться.

Глава 4

СИНЯЯ ЛОШАДЬ И ДРУГИЕ ЛИНГВИСТЫ

Ровесник Коли, которого можно было бы назвать Пашкой, если бы он не был таким старым, углубился в чтение газеты и обо всем забыл. Поэтому Коля тихонько поднялся со скамейки и пошел дальше. У него появилась идея: попасть на космодром и, если удастся, сгонять на Луну. Туда же ходят туристские корабли, значит, это недолго. Конечно, Коля понимал, что, если он проживет столько, сколько старик Павел, или чуть поменьше, он еще не раз слетает на Луну или на Марс. Но это когда-то. А ведь человеку все хочется получить сейчас. Коля не стал спрашивать старика, как пройти на космодром, потому что каждый москвич через сто лет должен будет это знать.

Коля поглядел по сторонам и увидел знакомый дом. Дом стоял на высоком склоне холма, его колонны белели за деревьями. Сто лет назад дом стоял на Гоголевском бульваре, в нем был Союз художников и даже висела памятная доска, что здесь жил Тургенев.

— Здравствуй, старый знакомый, — сказал Коля. — Приятно встретиться со старым домом.

— Здравствуйте, — ответил кто-то рядом. — Разве мы с вами раньше встречались?

Коля оглянулся, но никого рядом не было.

— Я с вами и сейчас еще не встретился, — сказал Коля. — Вы где?

— Если вы сделаете еще шаг, то обязательно на меня наступите. И это будет грустно.

Коля посмотрел под ноги и увидел светло-зеленого котенка с одним сиреневым глазом посреди лба.

— Нет, — сказал Коля, присмотревшись к странному животному. — Мы с вами еще не встречались. У нас такие не водятся.

— Тогда разрешите представиться: я известный космический археолог, специалист по вымершим языкам профессор Рррр.

— Коля.

— Очень приятно. Почему же вы остались в городе в этот воскресный день? Все мои друзья разъехались кто куда.

— Мы к маскараду готовимся. Из жизни двадцатого века, — сказал Коля. — А вы с другой планеты?

— Разумеется. Я здесь на семинаре по структурной лингвистике. Вы не интересуетесь структурной лингвистикой? Это очень увлекательно. У нас в семинаре два семиклассника и один третьеклассник. Не считая профессоров и академиков.

— Нет, — признался Коля, — лингвистикой я не интересуюсь. Я интересуюсь футболом.

— И я тоже, — сказал Рррр. — И даже иду на футбол. Какое совпадение!

— А кто играет? — спросил Коля.

— А вы не знаете! — От удивления Рррр развел зелеными пушистыми ручками. — Это же матч века! Сборная Марса со сборной внешних баз. На Кубок Системы.

— А когда начало?

— Через полчаса. Мы успеем. У вас есть билет?

— Нет у меня билета, — сказал Коля. И расстроился. На матче тоже стоило побывать. Хотя на космодроме нужнее.

— Погодите немного, мой молодой друг, — сказал археолог Рррр. — Сейчас подойдет доцент Спуси-ва-пус-ва-пас-ва-пос. Может быть, у него есть лишний билет.

— Хорошо, — согласился Коля. — Подождем доцента. А скажите мне, пожалуйста, как проехать на космодром?

— Не может быть, чтобы вы не знали! — воскликнул Рррр. — Вы шутите!

— Ни в коем случае, — сказал Коля. — Я забыл.

— Так садитесь на третий автобус, — сказал Рррр. — Выйдете на проспекте Мира. А оттуда флипнете до космодрома.

— Спасибо, — сказал Коля. — А где третий останавливается?

Рррр засмеялся тонким голоском и не мог остановиться. Видно, слова Коли показались ему очень смешной шуткой. Он собирался смеяться до бесконечности, но тут рядом раздался строгий бас:

— Что смешного? Юноша играет свою маскарадную роль.

— Ах, — сказал археолог Рррр. — Разрешите представить: мой

друг доцент Спуси-ва-пус-ва-пас-ва-пос. А это мой новый друг Коля.

— Очень приятно, — сказал двухметровый аквариум на трех ногах. Внутри аквариума сидела небольшая синяя лошадь. Перед ее мордой висел в воде микрофон, а снаружи аквариума высовывался небольшой рупор. — И не смотрите на меня квадратными глазами, молодой человек. Я же не виноват в том, что на Земле никуда не годная атмосфера и приходится ходить в скафандре.

— Конечно, я не удивляюсь, — сказал Коля. — Вы ведь тоже с другой планеты?

— Из другой галактики, — пробасила синяя лошадь.

— Послушай, доцент, — спросил Рррр, — у тебя нет случайно лишнего билетика для нашего друга Коли?

— У меня было четыре билета, потому что я не умещаюсь на одном месте. Но один билет я отдал моему коллеге доктору Команьяну с планеты Кроманьян. А вот и он идет.

Коля с некоторой опаской поглядел в ту сторону, потому что ждал уже кого угодно. Но доктор Команьян с Кроманьяна оказался обычной садовой лейкой с ногами и руками.

— Так что же нам делать с Колей? — расстраивался археолог Рррр.

— Он может сесть на меня сверху, — сказал доцент Спуси и так далее, — и спустить ножки в аквариум-скафандр.

— Нет, — возразил Команьян с Кроманьяна, похожий на садовую лейку. — Зрители сзади будут сердиться. Они и без того будут на тебя сердиться за то, что ты заслоняешь им зрелище.

— Пускай смотрят сквозь меня. Я частично прозрачный, — сказала синяя лошадь.

— Не расстраивайтесь, — успокоил ученых лингвистов Коля. — У меня другие дела. Я на космодром съезжу.

— Нет, — сказал археолог Рррр, — я этого не допущу. Я отдам тебе свой билет. Моя подруга Алиса сделала бы то же самое.

— Ничего не выйдет, — сказал Команьян с Кроманьяна. — Ты забыл, что у тебя не полный билет, а четвертушка. Ты сам будешь сидеть у меня на коленях.

И чтобы ни у кого не было сомнений, что у него есть колени, доктор Команьян с Кроманьяна щелкнул костяным пальцем по костяному острому колену.

«Бедный Рррр, — подумал Коля. — Эти колени проткнут его насквозь».

— Ну, до свиданья, — сказал он. — А то вы опоздаете. При встрече все мне расскажете.

Космические гости поспешили дальше, и, пока они не скрылись из виду, Коля смотрел им вслед. Справа шел аквариум с синей лошадью, слева — садовая лейка, а посередине — котенок без хвоста. Они уже забыли о Коле и громко обсуждали проблему расшифровки восьмого главного ряда.

Космических гостей обгоняли другие болельщики. Некоторые шли пешком, иные летели над самой землей в прозрачных шарах, над головой пронеслась стая мальчишек с крыльями за спиной. Они махали этими крыльями, как стрекозы. Все они были одеты ярко и даже легкомысленно, а некоторые, несмотря на прохладный день, в одних плавках. Друг другу они совсем не удивлялись и даже космическим гостям не удивлялись, а вот на Колю смотрели с изумлением, а одна девочка, которая делала шаги по десять метров, потому что вместо туфель у нее были пружины, подпрыгнула к Коле и сказала:

— А у нас маскарад интереснее. Мы в рыцарей одевались.

— Погоди, ребенок, — сказал Коля. — Скажи мне, где найти третий автобус?

— Иди налево по бульвару, — сказала девочка. — Он у памятника Гоголю стоит.

Глава 5

ТЫ ЛЮБИШЬ МАНГОДЫНЮ?

Бульвар сильно изменился за прошедшие годы. Во-первых, он стал втрое, если не впятеро шире, так что, если идешь посредине, краев не видно. Во-вторых, деревья и вообще растения изменились. Правда, осталось несколько старых деревьев, лип и кленов, но между ними росли цветущие яблони, груши и даже пальмы. Когда Коля подошел поближе, он обнаружил, что некоторые из деревьев, видно самые нежные, были окутаны тонким прозрачным пластиком, а вокруг других циркулировал теплый воздух, который поднимался из решеток, спрятанных в молодой траве. Рядом с дорожкой стояло странное дерево — будто лопух или, вернее, щавель, увеличенный в тысячу раз. Между листьями висела гроздь зеленых бананов. А на земле рядом с деревом сидела мартышка и чистила сорванный банан.

При виде такого тропического зрелища Коля вспомнил, что

он голодный. Кроме стакана кефира и бутерброда с чаем, он ничего с самого утра не ел. Кроме того, он любил бананы. И он подумал: если обезьяне можно питаться плодами на Гоголевском бульваре, то человеку это тем более не запрещено.

На всякий случай Коля осмотрелся, но никого не увидел. Он подошел к банановому дереву и сказал мартышке:

— Отойди, а то укусишь.

Мартышка оскалилась, но отошла и снова принялась чистить банан.

Коля встал на цыпочки и начал отрывать банан от грозди. Банан отрывался с трудом, все дерево раскачивалось. Еле-еле Коля отодрал один плод от грозди и только хотел сесть рядом с мартышкой и очистить его, как из кустов вышел здоровый парень постарше Коли, в красных трусах, на которых были нашиты кометы, и сказал:

— Дурак! Что ты делаешь?

Если бы это был взрослый, то Коля, наверно, извинился, но перед парнем Коля извиняться не хотел.

— А что? — сказал он. — Обезьянам можно, а мне нельзя?

— Он же незрелый. И вообще кормовой, для скота выведен. Ты что, бананы любишь?

— А тебе какое дело?

— А мне никакого.

— Так и иди своей дорогой.

— Не пойду. Я селекцию провожу, а ты себя ведешь как грудной ребенок.

— А обезьяна? — спросил Коля. — Ты посмотри, сколько возле нее кожуры валяется.

— Сравнил себя с обезьяной! — сказал презрительно селекционер. — Для нее же это основная пища.

Мартышка заметила, что на нее смотрят, и на всякий случай сиганула с бананом в лапе на ветку липы.

— Пойдем, — сказал селекционер.

— Не пойду, — сказал Коля.

— Боишься, что ли?

— Я? Боюсь? Да я таких, как ты, десяток одной левой перекидаю!

— А я с тобой и связываться не буду. Мы в разных весовых категориях, — сказал селекционер. — А банан ты ешь, если хочется. Мне не жалко. Все равно уже сорвал.

— Я его для обезьяны сорвал, — соврал Коля. — У меня дома обезьяна живет, вот я и сорвал.

— А ты где живешь?

— Далеко, — сказал Коля.

— Не в Москве?

— Нет, не в Москве.

— А где?

Коля стал быстро думать и вспомнил, что его бабушка живет в Конотопе.

— В Конотопе, — сказал Коля.

— Знаю, — сказал селекционер. — Оттуда родом Милена Митина, правда?

— Правда, — согласился Коля. Надо же так: сейчас будет спрашивать про какую-то Милену Митину, а Коля даже не знает, чем она знаменита!

— Нет, — поправил сам себя селекционер. — Милена из Костромы. В Конотопе шахту к центру Земли роют.

— Роют, — сказал Коля убитым голосом.

— Странный ты какой-то, — сказал селекционер. — Тебя как зовут?

— Коля.

— А меня Джавад. Ты в чем специализируешься?

— Как так?

— Ну, кем будешь?

Коля не успел придумать ответ. Он уже понял, что всякие там старики куда менее опасны, чем свой брат школьник.

К счастью, Джавад тут же отвлекся. Они вышли на поляну, посреди которой был большой бассейн. За бассейном — поляна, усеянная цветами и небольшими кустиками. Среди цветов виднелись яркие одежды людей.

— Эй! — крикнул Джавад. — Лена, выходи, дело есть!

В центре бассейна вода забурлила, и в брызгах появилась девочка. Не вынырнула, а словно поднялась по пояс. И тут Коля понял, что девочка сидит верхом на огромной рыбе. Рыба быстро поплыла по кругу, выставив из воды гладкую блестящую спину. А когда рыба подплыла к краю бассейна, где стояли Коля с Джавадом, оказалось, что это не рыба, а дельфин. Дельфин замер у кромки воды, глядя на Колю веселым маленьким глазом, и Коля протянул ему банан.

— Не сходи с ума, — схватил его за руку Джавад. — Ты его потом будешь от поноса лечить? Разве дельфины едят бананы?

— У нас в Конотопе дельфины питаются только бананами, — сказал Коля.

Девочка, которая спрыгнула с дельфина, была помладше Коли, ей было лет десять, не больше.

— Здравствуйте, — сказала она. — Ты меня звал, Джавад?

— Слушай, Лена, — сказал Джавад, — этого парня зовут Коля. Он, наверно, с маскарада сбежал. И, по-моему, он голодный. У тебя найдется что-нибудь вкусное?

— Я не голодный, — сказал Коля.

Дельфин замер у края бассейна, высунув курносую морду. Будто подслушивал.

— В лаборатории на столе мангодыни лежат, — сказала Лена. — Их Алиса вчера сняла. Пальчики оближешь. А ты Алису не видел?

— Нет. Она хотела прийти?

— Она обещала миелофон принести. Мы с Гришкой и Машкой работаем.

Лена махнула рукой в сторону бассейна, и Коля увидел, что к дельфину подплыл второй и тоже стал слушать, о чем здесь говорят. Ясное дело — их звали Гришкой и Машкой.

— А откуда морскую воду берете? — спросил Коля, чтобы не стоять без дела.

— Синтетическая, — сказала Лена. — А разве у вас в Конотопе не такая?

— В Конотопе дельфины пресноводные, — сказал Коля.

— Ты его не слушай, — сказал Джавад. — Пошли. Я сам с удовольствием мангодыню попробую. Поразительный гибрид!

За бассейном стоял белый домик, такой же обтекаемый и почти бесформенный, как Институт времени. Коля, когда они подошли поближе, увидел, что стена вся в мелких порах, словно пенистая. Отец у Коли строитель, поэтому он всегда интересуется строительными материалами и немного в них разбирается. В прошлом году он сам собирался стать строителем, но в этом году передумал — его заинтересовал космос.

— Пенобетон? — спросил Коля у Джавада.

— Какой еще пенобетон? — удивился Джавад. — Меня твоя отсталость просто поражает! Если бы я не придерживался железного принципа не задавать лишних вопросов людям, которые не хотят на них отвечать, я бы тебя кое о чем спросил.

— Не надо, — сказал Коля. — Воздержимся от беседы, как говорят у нас в Конотопе.

Они вошли внутрь и оказались в просторной комнате, у стен которой стояли столы с приборами, а посредине — круглый стол, где на блюде лежали три плода. Плоды были размером с небольшую дыню, но не очень правильной формы и оранжевого цвета.

— Ладно, — сказал Джавад, — закусим мангодыней. Если хочешь, можешь задавать вопросы. Мне скрывать нечего.

Джавад достал нож, разрезал мангодыню. Внутри оказалась большая косточка, свободно выпавшая на блюдо.

— У обычного манго, — сказал Джавад, — косточку от мякоти трудно отделить.

— Знаю, — сказал Коля. — Пробовали. Все пальцы соком измажешь, пока справишься.

Джавад нарезал мангодыню на дольки, и они принялись за еду. Еда была исключительная. Сладкая, сочная и мягкая. Что тут было от дыни, а что от манго, Коля не разбирал. Он получал удовольствие.

— Это чья лаборатория? — спросил он.

— Школьная. А чья же еще?

— А дельфины тоже школьные?

— Тоже школьные. И обезьяны, и питон Архимед.

— А где питон?

— Там, на липе спит. Я тебе потом покажу.

— Длинный? — спросил Коля.

— Средний. Метров пять. Вот у геофизиков в группе крупный живет. Почти девять метров. И совсем не приученный. Они его на гормонах держат. Хочешь, потом сфлипаем, посмотрим?

— Нет, — сказал Коля, — некогда мне с тобой флипать. А ты что, бананами занимаешься? Делать больше нечего?

— Бананы — пища будущего, — сказал Джавад. — Только их надо обогатить. Я не верю в победу белковой синтетики. А ты?

— Я об этом не думал, — сказал Коля.

— А тебе в твоей хламиде не жарко?

— Жарко будет — сниму.

— Ты сейчас куда?

— На космодром.

— Зачем?

— Погляжу. Может, на Луну слетаю.

— На Луну сейчас не попадешь. Там фестиваль. Билетов нет. Я пытался.

— Жалко, — сказал Коля. — Ну, тогда на Марс попытаюсь.

— Туда нас, подростков, редко берут. Только с экскурсиями.

— Я все равно на космодром съезжу.

— Ты что, космодромов не видал?

— У нас в Конотопе нету.

— Сильно сомневаюсь, — сказал Джавад, — что ты правду говоришь. Ладно, поезжай. На тройку садись, у памятника Гоголю. Я тебя провожу немного.

Они прошли мимо клумб, на которых ребята, большей частью малыши, занимались прополкой и другими садовыми работами.

— Хочешь взглянуть? Наверно, в Конотопе нет, — сказал Джавад, подводя его к парню, который сидел на корточках возле небольшой грядки. — Только в прошлом году привезли с Альдебарана. Акклиматизацию проводим. Покажи ему, Аркаша.

Аркаша сказал:

— С удовольствием.

Вынул из прозрачного мешка два семечка поменьше горошины, сделал в земле углубление, сунул туда семена, потом подтянул к себе наконечник шланга и как следует семена эти полил.

— И когда мне возвращаться? — спросил Коля. — В июне?

— Погоди. Дикий ты какой-то! — сказал Джавад. — Смотри.

И тут Коля собственными глазами увидел, как из земли медленно вылезают два зеленых побега. Аркаша снова полил их, и они начали расти еще быстрее. Через минуту они были сантиметров по двадцать высотой и начали немножко ветвиться.

— Сбегай за удобрениями! — крикнул Аркаша. — Они в лаборатории лежат, на моем столе.

Сверкая голыми пятками, Джавад умчался к лаборатории. Со всех сторон сошлись другие ботаники и натуралисты. Коля увидел, что листва большого клена на краю поляны расступилась и оттуда показалась голова громадного питона, который с любопытством наблюдал за сборищем. Но никто на него не обращал внимания, так что Коля тоже сделал вид, что привык, чтобы рядышком висели питоны. Одна девочка, на вид первоклассница, пришла со странным зверем на плече. Был он как попугай, но с двумя головами. Одной головой эта птица смотрела на зеленые ростки, а другой поглядывала на питона.

Когда Джавад вернулся с пакетом удобрений, ростки поднялись уже на метр, и на их ветках появились почки. Джавад насыпал под корни удобрения, и концы корешков высунулись наружу и начали довольно хищно эти удобрения подгребать под себя. Коля даже сделал шаг в сторону. На всякий случай.

На ветках появились желтые цветочки, и к тому времени, как

ростки выросли до трех метров, цветы осыпались, и из завязи стали развиваться плоды. Коля не мог оторваться от этого зрелища. Прошло еще минуты две-три, и плоды, похожие сначала на зеленые колечки, подросли и начали желтеть. Что-то они напоминали Коле, только не мог он понять что.

Вдруг один из плодов оторвался с ветки и упал на землю. Птица с двумя головами спрыгнула с плеча девочки и подхватила плод обоими клювами, но никак не могла поднять с земли, потому что головы мешали друг дружке.

Все засмеялись, а девочка, будто оправдываясь, сказала Коле:

— Вы не смейтесь. Он недавно изобретен, еще не освоился.

Остальные плоды один за другим падали на траву.

Джавад подобрал три покрупнее и протянул Коле:

— На, по дороге на Луну пригодятся.

— Они съедобные, что ли?

— Попробуй.

Коля откусил кусок от плода, и оказалось, что это самый обыкновенный бублик, не горячий, без мака, зато очень свежий.

— Ну и дела! — сказал он. — А что, на Альдебаране на всех деревьях бублики растут?

— Скажешь тоже! — удивился Аркаша, который собрал остальные бублики в корзину. — Я от альдебаранских растений только скорость роста использовал. К остальному шел через пшеницу и хлебное дерево.

Когда Коля с Джавадом отошли так, чтобы остальные их не слышали, Джавад сказал:

— Будущий гений генетики. У него мечта есть. Хорошо, когда у человека есть мечта.

— А какая?

— Выращивать завтраки для космического флота. Чтобы были запакованные, с вареной курицей, рисом и черной икрой. Ничего себе задача?

— Неплохо, — сказал Коля, жуя бублик. — А нельзя у него одно семечко попросить?

— Для тебя просить не буду, — сказал Джавад. — Не потому, что плохо отношусь, а потому, что ты скрытный. И про Конотоп наврал.

— Ну ладно, обойдемся, — сказал Коля. — За дыню спасибо.

— До свидания. Может, увидимся. Жалко, что Алису ты не дождался, она бы тебе помогла в космос слетать. У нее большие

знакомства в Дальнем флоте. Она, наверно, на двадцати планетах уже побывала.

— А сколько ей лет? — спросил Коля. — Когда успела?

— Сколько и нам с тобой. Одиннадцать.

— Мне двенадцать, — сказал Коля. — Привет Алисе. Я пошел.

Глава 6

КАК ВЫРАСТИТЬ ДОМ

До памятника Гоголю Коля дошел не сразу. Пришлось еще раз отвлечься.

Обходя густые заросли, Коля вышел к самому краю бульвара и увидел, как совсем рядом строят дома.

Коля не сразу догадался, в чем дело. На краю дороги, там, где кончалась трава бульвара, стоял молодой человек с большой черной бородой. Он смотрел наверх, через улицу, где возвышался недостроенный дом.

Дом был сделан из того же пористого материала, что Институт времени и школьная лаборатория. Так же, как они, он был построен неправильно. Он возвышался, словно песочный кулич, непонятно было, будут его строить выше или уже можно остановиться. Подъезд дома был полукруглый, окна разные, маленькие и большие, овальные и квадратные. Над подъездом нависал горб, и на нем росло небольшое пушистое дерево.

На верху дома, по пояс возвышаясь над стеной, стояли два человека и держали в руках кипы прутьев и гнутых палок. А человек с черной бородой смотрел на них снизу и командовал:

— Правее ставь!.. Еще правее! Да скорее, пока не затвердело!

Люди наверху втыкали в стену прутья, некоторые прямо, а некоторые под углом.

Скоро вся стена сверху была утыкана палками и прутьями.

— Всё! — крикнул чернобородый. — Начинайте. Только с твоей, Вениамин, стороны поменьше затравки. Я хочу, чтобы Левочкина сторона набрала силу.

Люди на стене нагнулись, достали штуки вроде огнетушителей и распылили на стену порошок. Потом у них в руках оказались шланги, и они принялись стену поливать. Строители напоминали Коле Аркашу с его бубликовым гибридом. Коля даже ожидал увидеть, как из стены полезут зеленые веточки, но ничего подобного не случилось. Зато начала расти сама стена.

Она росла не равномерно, а как бы вытягивалась вдоль прутиков.

— Вениамин, не жалей питательного раствора! — суетился внизу бородач. — Линия получается незавершенная!

Стена постепенно заполняла промежутки между прутьями, но в тех местах, где прутья были выгнуты вперед, стена тоже выдавалась. Вениамин, рискуя упасть, наклонился и стал быстро втыкать новый ряд прутиков. И тут Коля увидел, что получается круглый балкон. Второй строитель, Лева, начал быстро отгибать прутики за спиной Вениамина, и строительное вещество послушно потекло по ним, образуя дверной проем.

— Ну и как тебе это нравится? — спросил бородач у Коли.

— Вообще-то нравится, — сказал Коля, — хотя, простите, архитектура не очень подходящая.

— Почему же так?

— Я привык, что у домов должны быть углы и прямые стены, — сказал Коля. — Ну как в старинных зданиях.

— Так это же не от хорошей жизни, — сказал бородач.

— Что не от хорошей жизни?

— Послушай, молодой человек, ты, я вижу, любишь историю, даже по городу в исторической одежде расхаживаешь.

— Я для маскарада.

— Не важно. Для маскарада мог при-григлем одеться. Или сафовые банбары нацепить. Так вот, для полноты картины я тебе скажу: из чего раньше строили дома?

— Из кирпича, из дерева, из бетона, из блоков...

— Молодец, парень! Смотри, какой образованный! Это не каждый взрослый знает.

— Еще из керамзитовых плит, из бетонных панелей, из камней, а в тропических странах из тростника, а эскимосы из снега, а индейцы и ненцы из оленьих шкур.

— Я потрясен твоей эрудицией, Дидро!

— Я не Дидро. Меня зовут Колей.

— Но Дидро тоже был энциклопедистом. Так вот, каждый строительный материал диктовал людям форму домов. Что проще построить из кирпича — кубик или шар?

— Конечно, кубик.

— А из плит, из блоков?

— Тоже кубик. А вот из бетона можно что хочешь.

— Конечно. Но это очень дорого. Люди редко когда могли по-

зволить себе делать необычные формы из монолитного бетона. Но вот когда мы научились дома растить...

— Как так?

— Ну вот, ты меня разочаровываешь! Про старинные материалы все знаешь, а про наши забыл.

— Забыл, — сказал Коля и развел руками. — Я же историк.

— Историк должен лучше всего знать сегодняшний день, — сказал бородач нравоучительно. — Для того история и существует, чтобы объяснять, почему мы сегодня живем так, а не иначе.

— А вам сколько лет? — спросил Коля.

— Мне? Скоро будет девятнадцать. А при чем мой возраст?

— А потому, что разница между моим и вашим возрастом незначительная, — сказал Коля. — Всего семь лет.

— Но принципиальная, — ответил бородач.

— Эй, Валечка! — крикнул со стены Вениамин. — Стена затвердела! Не отвлекайся. А то мы до вечера дом не построим.

— Да, они правы, — сказал бородач. — Это строительство — моя дипломная работа. Завтра защищать проект, а я его еще не сфантазировал.

— Вы учитесь, а вам разрешают в центре города дом строить?

— А почему бы и нет? Это же мое призвание. Притом я не один строю. Я проектирую внешний облик, то есть я архитектор. Веня конструктор — он все перекрытия делает, лестницы и так далее. А Лева сантехник. Ты знаешь, что такое сантехника?

— Санузлы и ванные, — сказал Коля.

— Правильно. А еще ты забыл про мусоросборники, аннигиляторы, продовольственные доставки, почтовые трубы, телесеть и так далее и тому подобное. Так что дом построить в наши дни дело непростое. Только наивные люди полагают, что день — это слишком много для четырехэтажного дома. Иногда, бывает, даже с двухэтажным так вымотаешься, что две недели и смотреть на коралл не хочется.

— На что?

— Да на коралл. Это, конечно, не совсем точное название, но так уж повелось. Ты про коралловые рифы читал?

— Читал.

— А видеть приходилось?

— Нет, как-то все недосуг.

— Ничего себе, ему недосуг на Тихий океан слетать! Тоже мне романтик! Я в твоем возрасте каждое воскресенье на коралловые атоллы летал.

— У каждого свои интересы, — возразил Коля.

— Извини, ты прав. Так вот, коралловые рифы, какие бы они ни были огромные, построены крошечными коралловыми полипами. Каждый полип сооружает себе известковую нору и в ней живет. А как умрет, на его норе другой строит свой домик, и так далее. То есть коралловые рифы состоят из миллиардов коралловых домов и коралловых скелетов. Только кораллы строят свои рифы миллионы лет, а люди нашли бактерию, которая трудится по принципу коралла, но растет и размножается очень быстро. Если рассыпать споры коралловой бактерии и полить их питательным раствором, начнется рост стены, шара, хижины, чего твоей душе угодно. И дом из кораллов растет в ту сторону, куда его направишь арматурой. И со временем становится все крепче. Он ведь цельный — ему ни землетрясение не страшно, ни пожар, ни мороз. А главное — ему можно придавать какую угодно форму. С тех пор как коралл появился в строительстве, все изменилось. Теперь архитектор стал настоящим художником. Мы строим дома, как художники пишут картины. Не понравился дом — его обливают растворителем, а потом пыль выметают. Но признайся, ты все и без меня знаешь?

— Знаю, да не все, — сказал Коля. — А можно мне там, наверху, поработать?

— Иди, почему же нет. Веня, возьми себе помощника!

Коля вошел в недостроенный дом. Внутри почти все было готово. Только различные отверстия в стенах говорили о том, что потом и их используют, чтобы людям удобно было жить.

Коля поднялся по лестнице на второй этаж, а потом по движущимся пластиковым лесам на самый верх. Веня дал ему пучок прутьев, и бородач Валечка крикнул снизу, командуя всеми тремя строителями:

— Веня, гни прутья на себя! Лева, скорее, ты отстаешь! Коля, ты забыл, что мы дом строим, а не клумбу!

Когда кончили возводить третий этаж, Коля сдал оставшиеся прутья Вене, попрощался, и студенты сказали, что он им очень помог. Коле хотелось взять с собой немножко коралловой пыли, но у него не было банки для питательного раствора, а без него затравка все равно что простой песок.

— Иди в строители после школы, — сказал Валечка. — Невероятный простор для фантазии и полная свобода творчества.

— Спасибо, — сказал Коля, — я подумаю.

Глава 7

АВТОБУС НИКУДА НЕ ИДЕТ

Было почти двенадцать, когда Коля дошел до памятника Гоголю. Правда, памятник был не тот, что раньше стоял на этом месте. Памятник в конце Гоголевского бульвара был старый, который раньше стоял на другом конце площади. Отец говорил как-то Коле, что Арбатская площадь — единственное место в мире, где есть две статуи одному и тому же писателю: одна на бульваре, другая у дома, где Гоголь жил. Видно, за сто лет они поменялись местами, решил Коля.

Перед памятником была Арбатская площадь, только Коля ее бы никогда не узнал. Даже вместо ресторана «Прага» — колоссальный параллелепипед из бетона, а не из коралла. Наверно, его построили довольно давно. За ним виднелись верхушки небоскребов на проспекте. Это было знакомо. А справа из-за пальмовой рощи выглядывал пышный дом, весь в ракушках. Но он был не коралловый, просто старый, такая когда-то была мода, и построил его себе прогрессивный богач Морозов еще до революции.

Автобус Коля увидел сразу. Посреди площади, выложенной разноцветными плитками, было возвышение. Около него как раз стояли три автобуса. Коля догадался, что это автобусы, так как над каждым висел ни к чему не прикрепленный шар с надписью: «Автобус 1», «Автобус 2», «Автобус 3».

Все три автобуса только что подъехали. Из них выходили пассажиры, а другие входили. Некоторые поднимались из-под земли, наверно из метро, другие подлетали на крыльях и складывали их, подходя к двери, третьи вылезали из пузырей, и пустые пузыри сами отлетали прочь, уступая место новым.

Коля испугался, что автобус уйдет, и припустил через площадь. Он привык бегать за автобусами и трамваями, потому что ненавидел тратить время, ждать на остановке.

Он бежал и думал о том, что делать, если надо платить за билет, а он даже не знает, какие будут деньги. Одна надежда, что через сто лет не будут брать деньги за проезд в автобусах.

Бежал он быстро, но так как здесь никто через площадь напрямик не бегал, чуть не случилась катастрофа. Пузыри и другие машины тормозили, взлетали вверх, увертывались. Одни — чтобы не налететь на Колю, другие — чтобы не налететь на тех, кто не хотел налететь на Колю. Коля краем глаза увидел, что творится, и припустил еще скорее. Неизвестно, чем бы это кончилось,

если бы какой-то мужчина не снизился на крыльях к самой земле, не выхватил бы Колю из центра суматохи и не поднял в воздух.

— Ты куда, сумасшедший ребенок? — спросил он довольно невежливо. — Зачем погибать таким молодым и губить окружающих?

— Отпустите! — кричал Коля, который болтался в воздухе в двух метрах от мостовой. — Я спешу на автобус. Он же сейчас уйдет!

Конечно, если бы у Коли было время, он придумал бы версию получше. Но когда очень спешишь, приходится говорить правду.

— А он еще шутит! — сказал возмущенно мужчина с крыльями.

Но все-таки перенес Колю по воздуху на возвышение у автобусов и отпустил. Коля чуть не упал, отшиб подошвы о землю.

— Я же мог расшибиться! — сказал он мужчине, который висел в воздухе над ним, помахивая крыльями, похожими на стрекозиные.

— Не думал, что на Земле такие нежные дети, — сказал мужчина.

И только тут Коля разобрал, что мужчина одет в темно-синий облегающий комбинезон, на груди у него вышит золотом Сатурн с кольцом, а на рукаве — четыре звезды.

Наверно, это будущий милиционер, испугался Коля. Сейчас он спросит, где Коля живет...

Но мужчина оказался не милиционером.

— Не сердитесь, космонавт, — раздался знакомый голос, и Коля увидел, что на краю мостовой стоит, держа одноколесный велосипед, Колин ровесник, старик Павел. — Я знаю этого мальчика. Он просто немного рассеянный, потому что готовится к маскараду.

— На него нельзя не сердиться, — сказал космонавт, — потому что он бежал, не думая о других. А это уж самое последнее дело. Куда ты торопишься?

— На космодром, — сказал Коля. — Космические путешествия — моя мечта.

— Таким легкомысленным в космосе не место, — сказал космонавт.

— Я исправлюсь, — пообещал Коля. — Приложу все усилия.

— Он исправится, — поддержал Колю старик Павел.

— Тогда и встретимся, — сказал космонавт.

— Нет! — крикнул Коля. — Подождите минутку, не улетайте! Дайте мне свой автограф.

Коля полез в карманы, но карманы были совершенно пусты. Только в одном — две копейки, а в другом — ластик.

— Не ищи, — засмеялся космонавт. — Держи на память.

Он снял с рукава золотую звездочку, кинул ее Коле и взмыл в воздух.

— Спасибо! — крикнул Коля вслед.

— Знаешь, — сказал старик Павел, — я тебе завидую: сам капитан Дальнего космоса, капитан «Пегаса» Полосков подарил тебе звезду. А знаешь ли ты, что это за звезда?

— Нет, — сказал Коля.

— Каждая звезда означает экспедицию. Когда я был мальчиком, я об этом и мечтать не мог.

— В наши времена тоже были космонавты.

— Но не было звездных экспедиций.

— Мы этим делом займемся, — сказал Коля и прикрепил звездочку себе на рукав.

Старик Павел помахал Коле рукой, оттолкнулся ногой и закрутил педали своей неустойчивой машины.

Коля думал, что автобус давно ушел, но, к счастью, он еще дожидался его. Автобус был обтекаемый, сверкающий, но без окон, и поэтому Коля понял, что он очень скоростной.

Над входом была надпись: «Проспект Мира».

Коля решил: будь что будет, и вошел внутрь вслед за пожилой, спортивного вида загорелой женщиной в желтом хитоне, как у греческих богинь. Он предполагал повторять в точности ее движения, тогда не попадешь впросак.

Внутри автобуса было светло, но сесть некуда. Все шли вперед. Коля пристроился за женщиной и зашагал за ней следом. Они прошли половину автобуса, и Коля увидел впереди занавеску. А над ней надпись: «Выход. Проспект Мира». Женщина вошла в занавеску и исчезла. Коля подождал секунду, сделал то же самое и увидел, что женщина уже спускается в другую дверь, которая ведет наружу.

Коля оказался на другой площади, перед незнакомым садом. Женщина спустилась на эскалатор, который вел вниз. Из двери автобуса выходили уже новые пассажиры. Коля ничего не понял, поэтому подошел к девушке в белом комбинезоне с большой розой, вышитой на плече, и спросил:

— Скажите, пожалуйста, это какая остановка?

— Остановка?

— Ну, как называется это место?

— Проспект Мира. Разве ты не видишь?

— Спасибо, — сказал Коля и все равно ничего не понял.

Он вернулся к автобусу и прочитал надпись над дверью: «Вход. До Арбатской площади».

Что же получается? Значит, автобус никуда и не ездит? Ты входишь на одной остановке и выходишь на другой? А кто же тебя везет?

Тогда Коля подошел к соседнему автобусу. Над его задней дверью была надпись: «Вход. До Новодевичьего монастыря». Ага, вот теперь проверить нетрудно. Новодевичий монастырь Коля знает. Он уже спокойно вошел в автобус, прошел через салон, сквозь занавеску, и вышел. Он стоял на берегу Москвы-реки, а совсем рядом поднимались розовые стены Новодевичьего монастыря, из-за них выглядывали купола собора и колокольня. Коля вернулся на проспект Мира. Что ж, удобный городской транспорт. В каком-то фантастическом романе Коля читал про нуль-транспортировку. Там космический корабль прыгает через пространство. Наверно, здесь то же самое. При случае надо будет уточнить.

Глава 8

ЧЕМПИОН ПО МОРОЖЕНОМУ

Теперь следовало флипнуть до космодрома. Так сказал археолог Рррр.

Коля никогда сам не флипал и не видел, чтобы флипали другие. Так что он стал в сторонке и решил наблюдать.

Некоторые люди шли пешком, другие садились в прозрачные шары, один человек подошел к ряду столбиков и что-то с одного из них взял. Коля решил взглянуть на эти столбики. Всегда интересно посмотреть, что где дают.

Столбики были разных цветов. На белом было написано «Мороженое», на желтом — «Лимонад», на зеленом — «Яблоки», на синем — «Бутерброды», на коричневом — «Квас». А всего столбиков было штук тридцать, и Коля не стал исследовать их до конца, чтобы не подумали, что он их раньше не видел. Мимо проходил человек, приложил палец к клавише поверх столбика, и выскочил стакан с лимонадом. Человек выпил лимонад, стакан поставил на место, и он провалился внутрь. Все ясно, сказал про себя Коля и пошел к белому столбику. Мороженое оказалось шоколадное, не очень сладкое, но есть можно. Потом Коля отошел к желтому столбику и запил мороженое лимонадом. Потом по-

пробовал бутерброд. Бутерброд был с сыром и маслом. Такое дело надо было запить. Запил Коля бутерброд квасом и тут различил надпись на оранжевом столбике: «Бананы». Пускай будет банан. Коля съел банан, а шкурку положил на место, и она провалилась в столбик. Такая жизнь Коле нравилась, и поэтому он вернулся к мороженому. Первый раз он нажимал самую левую клавишу, теперь нажал следующую. Правильно. Мороженое было яблочное. Оно елось куда медленнее, чем первое, и, чтобы передохнуть, Коля подошел к стоянке, где люди садились в прозрачные пузыри, поглядеть, что они там делают.

Когда человек подходил к пузырю, открывался круглый люк. Человек садился в кресло, люк затягивался прозрачной пленкой, и пассажир нажимал на одну из кнопок. И сразу пузырь чуть-чуть приподнимался над землей и улетал.

Удивительно было и другое: стоило пузырю с пассажиром покинуть стоянку, как на его место подлетал пустой пузырь и опускался на землю.

Коля подошел к пустому пузырю, но входить не стал, а заглянул внутрь, не написано ли чего-нибудь на кнопках. Перед креслом оказалась наклонная панель, утыканная несколькими рядами кнопок. Под каждой подпись — правда, мелкими буквами, снаружи не разобрать.

Может, так здесь и флипают, решил Коля. Но, перед тем как отправиться в путешествие, надо было узнать, какое мороженое дают, если нажать третью клавишу. Он вернулся к столбику и нажал. Получилось клубничное мороженое, очень вкусное, пожалуй вкусней, чем яблочное. Правда, есть его было нелегко, и пришлось запить его еще одним стаканом лимонада. Коле захотелось присесть и немного поспать — он вдруг понял, что устал. Ведь почти час на строительстве проработал, не считая других дел и хождения. Коля поехал бы дальше, но на столбике оставалась одна неиспробованная клавиша. А вдруг там какое-то особенное мороженое, которого в наши дни еще не изобрели?

С громадным трудом Коля доел клубничное мороженое. Не подумайте, что Коля был слабеньким. В обычных условиях он отлично мог бы съесть и десять порций, но ведь он спешил, к тому же устал, наконец, все время запивал и заедал мороженое другими продуктами.

— Последнее, и все, — сказал он вслух; проглотил остаток клубничного и направился к столбику-автомату.

Но только он протянул руку к четвертой клавише, как из столбика раздался голос:

— Одумайся! Ты собираешься съесть четвертую порцию, а при температуре воздуха только плюс пятнадцать градусов это может плохо сказаться на твоем юном здоровье.

— Вот те раз! — ответил Коля столбику, ничуть не удивившись, потому что он уже устал удивляться. Наверное, в столбике был электронный глаз. — Я бы мог десять порций съесть. Даже в мороз.

Сказав так, Коля нажал на четвертую клавишу, но мороженого не получил.

— Вот это безобразие! — сказал Коля.

— Что случилось? — спросил худой мужчина в длинных, до колен трусиках фиолетового цвета и в золотой накидке. — Кто тебя обидел?

— Вот, — сказал Коля. — Отказывается мне мороженое давать.

— Это унизительно, — согласился разноцветный мужчина. — А сколько ты съел уже порций?

— Только три, — сказал Коля.

— В мое время, — сказал мужчина, — мы переходили от автомата к автомату и брали не больше двух порций с каждого. Правда, с прошлого года по просьбе детской поликлиники все автоматы мороженого соединены между собой общим запоминающим устройством. И каждый автомат знает, сколько ты сегодня съел мороженого.

— Что же делать? — спросил Коля. — Неужели мы унизимся перед автоматом?

— Ни в коем случае, — сказал чужой мужчина. — Я, как председатель районной лиги возвращения к естественной жизни, полностью на твоей стороне.

С этими словами мужчина подошел к автомату и нажал на клавишу. Выскочило шоколадное мороженое.

— Эх, — сказал Коля, — я сегодня его уже ел!

— А какое тебе нужно? — спросил худой мужчина, протягивая Коле шоколадное.

— Я еще не нажимал самую правую клавишу.

Мужчина нажал правую клавишу и передал стаканчик Коле.

— А какое мне самому взять? — спросил он.

— Рекомендую шоколадное, — сказал Коля.

— Не выношу шоколадное, — сказал мужчина и нажал себе яблочное.

Коля подумал, что шоколадное ему совсем не хочется, но нельзя было показаться слабаком перед чужим человеком.

Они стояли посреди площади, светило солнце, они ели мороженое. Коля начал с шоколадного, потому что боялся, что на закуску ему его не одолеть. Мороженое было уже невкусным. Мужчине хорошо — он-то только первое ест.

— Ты принципиально ходишь в старинной одежде? — спросил он Колю.

— Нет, для маскарада, — сказал Коля.

— Жалко. Я думал, что мы с тобой союзники. Ты видишь, что я одет так, как одевались пятьдесят лет назад?

— Да.

— И знаешь почему?

— Почему?

— Потому что я считаю, что необходимо ограничить господство машин. Они лишают нас индивидуальности и воспитывают из молодого поколения хлюпиков, привыкших жить на всем готовеньком. Я почему тебе помог? Потому что в тебе есть качества настоящего мужчины. Теперешние мальчишки едят не больше двух порций мороженого зараз. Слушаются машину. А ты взбунтовался.

Конечно, Коле приятно было слушать комплименты, но доесть шоколадное мороженое было уже невозможно. У Коли была одна мечта — чтобы борец против машин отвернулся и можно было недоеденный стаканчик поставить на место. Но тот и не думал уходить. Он смаковал свое мороженое и продолжал:

— В славные древние времена начала двадцать первого века люди не флипали, не спали на гравитационных матрацах и возводили дома из твердого камня. Вы не представляете, какие у них были сильные мышцы! А в двадцатом веке? Богатыри! Все своими руками! Нет, поистине мир клонится к упадку, медленно, но верно. Скажи, нужна ли тебе, молодой человек, антигравитация? Подарок с Альдебарана. Это же излишняя роскошь.

— Не знаю, — сказал Коля. — Не разбираюсь я в этом. Но вообще-то мне нравится. Только вот дома кривые. Хотя к этому можно привыкнуть. Мы сегодня один дом построили, в принципе интересная работа.

— Кривые! Вот истина, произнесенная ребенком! Где ты,

строгость и стройность линий прошлого? Где вы, простые и благородные сборно-панельные дома?

— Электрон Степанович! — воскликнула девушка в белом комбинезоне с вышитой на груди розой, которую Коля уже видел в автобусе. — Я вас повсюду ищу! А вы речь говорите!

— Что случилось? — спросил фиолетовый с золотом Электрон. — Что-нибудь в виварии?

— Гравиэкран полетел! Спунсы терпят жуткие перегрузки! Вы единственный человек, который может срочно починить инопланетную технику.

— Спунсы! Это ужасно. Бегу. В следующий раз, мальчик, когда захочешь мороженого, беги прямо ко мне, в Космозо, спроси мастера по новой технике Электрона Степановича, и мы с тобой всласть полакомимся.

— Флипнем? — спросила девушка, указывая на пузыри.

— Ты же знаешь, Генриетта, что я не выношу современной техники, — сказал Электрон и из большой сумки, висевшей через плечо, достал прозрачный пакет, вытащил из него сложенные стрекозиные крылья и, расправив, прикрепил к плечам. — Мы по старинке, — сказал он Коле. — Медленнее, но надежнее. — И быстро взмыл в воздух.

Тут Коля понял, что шоколадное мороженое он между делом одолел. Остался последний стаканчик. Коля не был бы исследователем, если бы его не попробовал. Он, правда, надеялся, что мороженое окажется невкусным. Как назло, мороженое было ананасно-мятное. От такого отказываться грех.

Вот и получилось, что, когда Коля добрался до пузыря, чтобы флипнуть до космодрома, он чувствовал себя тяжелым, как удав, который проглотил поросенка. Он опустился в кресло и, с трудом держа глаза открытыми, поглядел на пульт с кнопками. Все правильно. Под каждой написана улица или место: «Университет», «Красная площадь», «Сокольники» и так далее. Некоторые надписи ничего Коле не говорили: «Первый Костул», «Сад Они», «Сидоровский уровень». А вот то, что нужно. Даже больше, чем нужно: «Космодром-1», «Космодром-2», «Космодром-сортировочная» и даже «Космодром-учебный». Попробуем «Космодром-1», решил Коля. Он нажал на кнопку, и его пузырь не хуже других приподнялся над землей, быстро набрал скорость и понесся над улицей в потоке таких же пузырей. Коля понял, что движение подчиняется строгим правилам: пузыри друг дружке не мешали, на перекрестках те, что летели вдоль главной улицы, поднима-

лись повыше и, словно по невидимому мосту, пролетали над теми, что подлетали сбоку. Некоторые из пузырей реяли высоко в небе, как детские воздушные шарики, а среди них иногда мелькали стрекозы — люди с крыльями. А еще выше проносились большие корабли, диски, кольца, шары...

Глава 9

ФЛИПНЕМ ДО КОСМОДРОМА

Сидеть было удобно, мягко, и Коля чуть было не заснул. Вернее, он даже заснул, но не заметил этого, только заметил, что проснулся. Так бывает на первом уроке: сидишь, пишешь, думаешь, борешься со сном, а потом вдруг проснешься и видишь, что твоя рука соскользнула со строчки и написала невообразимые каракули.

Наверно, Коля проспал всего минуту или две, но испугался, когда понял, что случилось. Мало ли что могло произойти! Автоматика автоматикой, а ведь, к примеру, Электрон Степанович не очень ей доверяет. Что, если какой-нибудь пузырь потеряет управление? Скорость-то километров сто.

Сверху быстро спускался большой пузырь. Он пристроился рядом, и Коля увидел, как его пассажир снял руки с приборной панели и откинулся в кресле. Ага, подумал Коля, у пузыря, должно быть, ручное управление. Ведь если нужно подъехать к какому-нибудь дому, как тогда?

Коля был прав. Под кнопками были рычажки, над которыми общая надпись: «Ручное управление».

«Ну ладно, — решил Коля, — пока мы этим пользоваться не будем. Времени мало». Он поглядел на часы над пультом. Уже второй час. С ума сойти, как в будущем быстро идет время! Наверно, на Луну уже не слетать — к вечеру надо быть дома. Если отец с матерью вернутся, а его нет, такая начнется паника, что лучше совсем домой не возвращаться. Есть минусы в том, что ты единственный ребенок. Было бы в семье пятеро, никто бы не волновался — одним больше, одним меньше...

Коля рассудил разумно, что не следует трогать ручное управление. Но рассуждения полезны тогда, когда им следуют. А Коля не всегда слушался собственных рассуждений. Прошло две минуты, и он подумал: «Если я переключу пузырь на ручное управление, то смогу подняться и посмотреть на Москву сверху. Я поднимусь не очень высоко, а если что-нибудь случится, то снова переключусь на автоматику. Техника здесь несложная, иначе бы не разрешали любому и всякому залезать в пузыри. Ведь в них и старушки летают и даже маленькие дети».

Это уже было рискованное рассуждение. Но поставьте себя на место Коли. Вы несетесь в новом виде транспорта, а у этого транспорта есть всякие возможности. Неужели вы откажетесь их испытать? Если откажетесь, то в вас нет научной жилки. А в Коле она была.

В общем, он решил, что если дальше ехать как все — совсем заснешь. Чтобы не заснуть, надо заняться делом.

Он переключил рычажок на ручное управление и осторожно повел вверх другой, с надписью «Подъем». Очень осторожно. Так что пузырь лишь на несколько метров поднялся над землей и чуть не столкнулся с другим, который несся во встречном потоке. Нет, так не пойдет. Делать так делать! И Коля повернул рычаг почти до отказа.

Конечно, он раньше не летал на пузырях и не знал, как быстро они слушаются приказов. Пузырь помчался в небо, к самому солнцу, с такой скоростью, что земля провалилась вниз и заложило уши. Коля растерялся и потянул рычаг вниз. Пузырь замер. Он даже немного сплющился от того, как с ним жестоко обращался пассажир. Вдруг из пульта послышался голос, похожий на голос автомата мороженого:

— Пассажир, вы нарушаете правила управления. Если не прекратите издеваться над летательным флипом, мы принудительно переведем его на автоматику.

— Извините, — сказал Коля. — Я больше не буду.

Пузырь все падал вниз, и Коля, на этот раз совсем уж осторожно, поставил рычажок на нейтральное положение. Пузырь, успокоившись, полетел вперед на высоте стоэтажного дома.

Коля обернулся и посмотрел на Москву. С высоты Москва казалась бесконечной и очень зеленой. Правда, угадать, где что, нелегко. Коля увидел телевизионную Останкинскую башню, но рядом с ней было еще три башни, вдвое выше, и они окружали старую башню, как здоровенные сыновья старенькую мамочку.

К центру Москва сливалась в мешанину зеленых и желтых пятен. Надо было подняться повыше, чтобы увидеть Кремль.

Коля потянул рычажок кверху. Он с удовольствием ощущал, как пузырь слушается его и поднимается по наклонной плоскости. Коля подумал даже, что, может, стоит остаться здесь еще на

два-три дня, чтобы вдоволь покататься на пузырях. Он тянул рычажок, а сам смотрел назад. Москва осталась далеко внизу, но было не страшно. Наконец Коле показалось, что он видит кремлевские башни, но в тот же момент раздался легкий треск, и все исчезло. Вокруг стоял непроницаемый серый туман. Коля услышал голос:

— Это что за воздушное хулиганство? Кто пускает в небо слепых котят? Перестаньте рвать сеть! Остановите машину!

Коля послушался. Пузырь повис в гуще серого тумана, и как Коля ни вертел головой, он ничего не видел.

— Вы там что, спите? — снова раздался голос. Голос был знакомый и очень сердитый.

— А что мне делать? — спросил Коля.

— Как что делать? Падайте вниз.

— Вы же сами велели мне поставить рычаг на «стоп».

— И правильно сделал. Вы бы снова сеть разорвали, а потом со мной бы столкнулись. Падайте, я вам говорю!

Коля послушно повел рычажок вниз, и пузырь начал падать вниз, как скоростной лифт. Коля не успел сосчитать до двадцати, как снова вспыхнуло солнце. Коля поднял голову и увидел, что над ним висит большое круглое облако, в которое он нечаянно влетел. А присмотревшись, он увидел, что облако не совсем обычное. Оно было обтянуто поблескивавшей на солнце сетью, которая сходилась к большому пузырю с пассажиром. Большой пузырь тащил облако за собой.

— А ну, поднимитесь сюда, — раздался голос. — Хочу посмотреть на воздушного хулигана. Теперь я из-за вас половину облака потеряю.

Коля увидел, что из того места, откуда вывалился его пузырь, облачный туман выползал, как пар из чайника.

— Простите, — сказал Коля. — Я нечаянно.

— И все-таки поднимитесь.

Коле ничего не оставалось делать, как подняться. Он уже научился управлять пузырем. И стоило ему приблизиться к пузырю-буксиру, как у него от сердца отлегло. В пузыре сидел старый знакомый, ровесник Павел.

— Ах, вот кто летает как хочет! — сказал старик, тоже узнав Колю. — Ты что же, Коля?

— Я на Кремль сверху засмотрелся, — сказал Коля, — и не заметил вас. А вы не устали? Все утро на велосипеде...

— Неужели ты думаешь, что я бы прожил столько лет, если бы

не работал? На велосипеде я закалялся, а облака я таскаю, потому что работаю в метеорологическом управлении.

— Вы предсказываете погоду?

— Это раньше предсказывали погоду. А теперь мы ее делаем. Видишь, сколько нас?

И Коля увидел, что по всему небу пузыри тащат облака — может, сто пузырей, может, больше.

— В Рязани дождь просят. Мы обещали к вечеру сделать небольшой. Хочешь с нами лететь?

— Спасибо, на космодром спешу.

— Что-то не видно. Я советую, переведи флип на автоматику, а то наверняка твои маневры в центральном пульте заметили. Сделай сам, пока за тебя не сделали. А то стыдно. Все-таки мы взрослые люди.

Коля хотел послушаться совета, но не успел. Вдруг рычажок без его помощи переключился на автоматику, и во весь пульт загорелась надпись:

«ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ АВТОМАТИКА»

Пузырь быстро пошел вниз, и через три минуты он уже несся в потоке других пузырей над самой землей, направляясь дальше, к космодрому.

Глава 10

ПАССАЖИР ДО ЛЮБОЙ ПЛАНЕТЫ

Коля вылез из пузыря на стоянке у космодрома. Здесь скопилось много пустых пузырей, и, видно, из диспетчерской их отозвали, чтобы зря не занимали стоянку, — вдруг одновременно сотни две шариков взвились в воздух, превратились в гроздь винограда или лягушачьей икры и понеслись роем обратно к городу.

Сам космодром, надо сказать, был скромный. Длинное, наверное не меньше километра, коралловое здание было высотой этажа в три, не больше. Коля надеялся, что сразу увидит носы стоящих, словно копья, космических кораблей. Но кораблей не было видно.

Кроме того, среди людей, выходивших из пузырей, гулявших или стоявших у здания, выходивших из-под земли и спускавшихся сверху, не было или, вернее, почти не было космонавтов в форме, людей в скафандрах, инопланетных пришельцев, роботов

и так далее — то есть всех тех, кому положено быть на космодроме. Коля подошел к одному из входов в здание. Над ним была надпись:

«МОСКОВСКИЙ КОСМОДРОМ-1»
«ПЛАНЕТАРНЫЕ СООБЩЕНИЯ»

Ясно, подумал Коля. На звезды отсюда не летают. И понятно, большие корабли собирают на орбитах или у внешних планет. Это он читал в фантастической литературе. Вообще-то говоря, фантастическая литература иногда Коле помогала догадываться, что он увидит, или объяснить, что он видит, а иногда и мешала. Эти фантасты лучше бы съездили разок сюда, тогда бы не ошибались. А то тоже мне литература о будущем: пишут, а не знают, о чем пишут!

Внутри космодром оказался куда больше, чем снаружи. Както в прошлом году, то есть сто с лишним лет назад, Коля летал с бабушкой в Сухуми. Так вот, Внуковский аэровокзал чем-то был похож на космодром. Там зал и тут залы. Там люди куда-то спешат, опаздывают или, наоборот, совсем не спешат, потому что до их рейса осталось еще два часа, а они поспешили приехать, испугались опоздать. Или рейс отложили из-за плохой погоды. Интересно, откладывают ли космические рейсы из-за плохой погоды?

Коля медленно шел вдоль бесконечного ряда стоек, где пассажиры отмечали билеты или сдавали багаж, и читал названия рейсов, вел себя, как транзитник, который застрял в аэропорту и убивает свободное время. Некоторые рейсы Коле понравились. Например: № 234 «Меркурий-2», № 45-6 «Ганимед», № 7-67 «Кратер Циолковского».

Коля подошел к экрану справочной и спросил:

— Билеты на ближайший рейс к Луне остались?

— Последний к Луне ушел пятнадцать минут назад, — ответила справочная.

— А куда есть билеты? — спросил Коля.

— Простите, вопрос не понят, — сказала справочная. — Вам куда надо?

— На Уран, — ответил Коля, хотя на Уран раньше не собирался.

— С какой целью туда направляетесь? — спросила справочная.

«Хорошо еще, что автомат, а не живой человек, — подумал Коля. — Сейчас присмотрелись бы ко мне...» Поэтому он не стал отвечать на такой нетактичный вопрос и пошел дальше, чтобы выяснить, где выход на взлетное поле.

Но выходы, хоть и были, не подходили для самостоятельного

путешественника. Над одним было написано «Медицинский контроль», у других стояли контролеры, у третьих надо было опускать жетон, чтобы фотоэлемент тебя пропустил. «Что же получается, — расстраивался Коля. — Ты приехал на космодром и не то что улететь на какую-нибудь планету, даже поглядеть на то, как другие улетают, не можешь!»

Коля даже спустился на эскалаторе вниз на несколько уровней, где шли погрузочные линии и людей было совсем мало, но задерживаться там не стал: как бы не заблудиться. Коля прямо всей кожей чувствовал, как проходит время, утекает, убегает, уносится. Столько его потеряно, что о полете на Луну и мечтать не приходится. Хоть бы вблизи какой-нибудь корабль посмотреть!

Коля вышел из космодрома и решил обойти здание. Может, повезет. Должно же оно где-то кончаться. Он шел вдоль здания минут десять. Наконец Коля завернул за угол, и перед ним открылось громадное, до самого горизонта, поле.

На поле не было ни одного настоящего космического корабля, только стояли диски, похожие на те, которые метают дискоболы. Правда, эти диски были потолще, более выпуклые и каждый размером с футбольное поле. Это были космические летающие тарелочки.

Над полем стояла тишина, были слышны голоса людей вдалеке. Служебные машины, носившиеся к дискам и обратно, тоже двигались совершенно бесшумно. Пассажиров на поле не было видно. Наверно, они подъезжали к дискам в закрытых автобусах или какими-нибудь скрытыми ходами.

Тут Коля увидел, что один из дисков поднимается. Он поднимался медленно, словно ничего его не двигало, а сам он был легче воздуха. Поднявшись метров на сто, диск начал медленно наклоняться, будто им управляла рука спортсмена. И неожиданно он полетел, как выпущенный из руки, врезаясь в воздух острым краем. Коля следил за ним взглядом, пока диск не превратился в чечевичку, а потом лишь белая полоска в небе указывала, в какую сторону он улетел.

Коле очень захотелось пробраться поближе к кораблям. Он медленно и осторожно пошел вдоль стены к полю, но не прошел и двадцати шагов, как наткнулся на невидимую стенку. Что-то твердое и прозрачное не пускало дальше. Он ощупал преграду руками — она была гладкая и тянулась вверх насколько хватало рук.

Вот хитрецы, подумал Коля. Но тут же решил, что эта стенка не может быть бесконечной. Где-то сквозь нее должны проходить.

И он снова вышел на дорожку и пошел дальше от вокзала, к строениям, которые виднелись впереди.

Он думал, что, если спросят, что он делает, скажет: гуляю и смотрю на корабли. И ничего в этом нет дурного. Но никто его ни о чем не спросил.

Коля дошел до строений и остановился перед тем, которое было поменьше других. Оттуда доносились голоса.

Коля заглянул внутрь. В большой комнате с выпуклым потолком стояло несколько ребят и девочек, некоторые постарше Коли, другие как он. Они сгрудились вокруг низкого стола, на котором стояло что-то. Если ты никогда вещь не видел и она необычной формы, то лучше назвать ее «что-то», никогда не ошибешься.

Никто не заметил, как Коля вошел и присоединился к ребятам. Он стоял и смотрел, нет ли отсюда выхода на взлетное поле. Наконец он увидел дверь и хотел было незаметно пройти к ней, как невысокий подросток, очень курчавый, словно завитой, заметил Колю и спросил:

— Ты куда? Там же вакуум.

— А я думал выйти на взлетное поле, — сказал Коля.

— А зачем тебе?

— Просто так. — И, чтобы курчавый не задавал больше вопросов, он спросил: — А вы что здесь делаете?

— Разве не видишь? — удивился мальчик. — Работаем.

— Понятно, что работаете. А над чем?

— Над спутником. Разве не похоже?

— Похоже, — сказал Коля. — Модель?

— Что мы, маленькие, что ли? Обыкновенный спутник связи, по школьной программе. Разве у вас в школе не делают?

— Я в Конотопе учусь, — сказал Коля. — Я историк.

— Странно, — сказал курчавый. — Какое у вас одностороннее образование! А скажи, разве Милена Митина не из Конотопа?

Но на этот раз Коля не растерялся.

— Она из Костромы, — сказал он.

— Извини, — сказал курчавый. — А тебе наш спутник нравится?

— Да.

— Мы с одной школой в Австралии дружим. У них в школе сильные натуралисты. Выводим ягодные культуры, чтобы могли

расти в вакууме на солнечной энергии. Представляешь, как это нужно для астероидов!

— Очень нужно, — согласился Коля.

— Вот запустим, и будет у нас постоянный канал связи с Австралией. В любой момент можно будет поговорить, обменяться опытом, показать, какие у нас достижения.

— И когда запускаете?

— Ждем, когда робот-тележка приедет. Сегодня много народу на лунный фестиваль улетело, вот и задержался запуск.

— И вы на поле пойдете? — спросил Коля.

— Конечно. Надо же спутник на гравитонный толкатель установить, чтобы он его на орбиту вынес.

— А где ваш учитель?

— Он на поле ждет.

Коля понял, что ему явилась хорошая возможность пройти на поле. Но спешить было нельзя.

— Слушай, — сказал он, — а что за стенку вокруг космодрома поставили? Мне кажется, ее в прошлом году не было.

— Правильно. В прошлом году обычная была, коралловая, очень вид портила. Теперь силовое поле поставили.

— А зачем?

— Как зачем? От таких, как мы с тобой, поставили. Ты думаешь, мало на свете несмышленышей, которые хотят обязательно на Марс попасть? Ну что делать на Марсе необразованному ребенку? А ведь лезли.

— А тебе что, никогда на Марс не хотелось? — спросил Коля.

— Мне? Я тогда полечу на Марс, когда смогу принести там пользу, — сказал курчавый. — Для этого и учусь.

— Не верь ты ему, — сказал другой парень, постарше. — Он не только хотел на Марс попасть, но даже забрался в грузовой корабль. Хорошо еще, вовремя вытащили, а то бы замерз в космосе.

— Во-первых, я тогда маленький был, — обиделся курчавый, — это два с лишним года назад было. А во-вторых, я не такой дурак, чтобы в грузовую баржу лезть. Я на почтовый пробрался.

— А что, на почтовом можно на Марс слетать? — спросил Коля, потеряв осторожность.

Курчавый посмотрел на него подозрительно и спросил:

— А ты, кстати, зачем сюда пришел?

— Просто так. На спутник посмотреть. Надо будет ребятам в Конотопе рассказать.

Курчавый, видно, не поверил и готов был задавать новые нескромные вопросы, но тут стена разъехалась в стороны, и в комнате появился грузовой робот-тележка. Просто тележка, платформа, скользившая над землей. Но когда платформа подъехала к столу, из нее высунулись металлические щупальца, в одну секунду осторожно обхватили спутник и перенесли его на платформу. Тележка отправилась на поле, и все ребята поспешили за ней. И о Коле забыли. Он и вышел вслед за ними.

Коля шел за тележкой до тех пор, пока не увидел, что наперерез едет другая такая же тележка, на которой стоит красивая ваза в два человеческих роста. Ваза была покрыта полупрозрачным чехлом.

Встреча была кстати. Коля немного отстал от остальных и, когда тележка с вазой поравнялась с ним, он скрылся за ней и пошел рядом с вазой, словно ваза была его собственная и он отправлял ее в подарок бабушке на Юпитер. Никто не заметил, как Коля исчез.

Теперь нужно было подобраться поближе к какому-нибудь кораблю. Нет, в тот момент Коля не думал, что успеет домой до вечера. Но раз уж ты попал на взлетное поле, которое так тщательно охраняют от космических «зайцев», то надо хотя бы потрогать настоящий космический корабль.

Тележка с вазой повернула к стоявшему поодаль от других диску. Это Колю устраивало. Наверно, вазу надо грузить, а если грузить, то в корабль. А если в корабль, то можно будет к нему подобраться.

Так и случилось.

Глава 11

«ЗАЙЦЫ» В ВАЗЕ

Тележка осторожно затормозила перед открытым люком. Вблизи диск оказался невероятно огромным. Люк размером с футбольные ворота чернел внизу, под кромкой диска, и от него к земле вели сходни шириной с доброе шоссе, покрытые ребристым пластиком, чтобы не скользить.

У сходней тележка затормозила. Коля присел за ней на корточки, чтобы его не заметили люди, которые будут принимать груз. Но никто из корабля не вышел. Вместо этого тележка, словно получив приказ, осторожно поехала вверх по сходням, придерживая щупальцами вазу.

Упустить такой шанс было непростительно. Раз Колю до сих пор никто не заметил и не остановил, неужели он не заглянет внутрь? Ну хотя бы одним глазком, хотя бы на одну минутку. А потом — сразу домой.

Когда Коля ступил на сходни, он увидел палку на трех ножках и на ней надпись: «Москва — Марсопорт. Почтово-посылочный. № 986-2».

Коля сразу вспомнил, что говорил курчавый парнишка. Он говорил, что на почтово-посылочных можно летать, потому что там тепло. Это не значит, что Коля собирался лететь. Просто вспомнил.

Тележка взобралась по сходням и качнулась, перевалившись внутрь корабля. Навстречу ей проехала другая, пустая. Коля подумал, что, когда тележка снимет с себя вазу, он сможет вернуться на ней обратно.

Тележка остановилась в невысоком обширном, слабо освещенном зале. Только Коля хотел пойти дальше, как из тележки послышался голос. Голос был механический, скучный.

— Робот-тележка-номер-двенадцать-три-робот-тележка-сорок-четыре-куда-ставить-груз-жду-информацию.

И тут же сверху раздался ответ:

— Робот-тележка-сорок-четыре-не-имею-информации-вашем-грузе-ожидайте-указаний-втором-грузовом-отсеке.

Тележка снова отправилась в путь. Пока что Коля не видел ничего интересного. Он даже не встретил ни одного человека. Из большого зала тележка переехала в другой, поменьше, где уже стояли какие-то ящики. Освещение там было поярче, и откуда-то дул прохладный сухой ветер.

Коля огляделся. Вроде бы из любопытства, а на самом деле его глаза искали место, где бы спрятаться. И поэтому, когда глаза нашли большую темную нишу между ящиками, Колины ноги, не спросив разрешения, тут же отправились в это темное место, а Колина голова в это время делала вид, что ничего не замечает. Поэтому можно сказать, что Коля очутился в темном промежутке между ящиками совершенно не по своей воле.

Он встал там и начал спорить сам с собой. Одна половина Коли требовала, чтобы он немедленно отправился обратно, как только тележка сгрузит вазу, а другая и слышать об этом не хотела. Даже местным ребятам не удавалось пробраться на корабль, а

он пробрался. А если кому-нибудь из ребят дома рассказать, что он был на космическом корабле, который собрался отчаливать на Марс, и ушел оттуда только потому, что мама стала бы беспокоиться, то ребята лопнули бы от смеха. «Такой шанс больше не выпадет. Но ведь неизвестно, сколько лететь до Марса, — спорила первая половина. — Может, целый месяц. Так можно и от голода помереть». А вторая половина отвечала: «Ничего подобного. Как проголодаюсь, выйду отсюда, пойду на капитанский мостик и во всем признаюсь. Скажу, что я из Конотопа, хочу побывать на Марсе. Скажу, что я сирота и нет у меня никого, кто бы обо мне беспокоился. Не будут же они из-за меня целый корабль обратно поворачивать. Ну, а если повернут, то все равно я уже в космосе был. Первым из школы».

Пока Коля спорил с самим собой, он увидел удивительную картину.

Из широкого горла вазы показалась круглая человеческая голова. Голова была совершенно круглая и совершенно лысая. Голова огляделась и исчезла. Коля в первый раз за весь день испугался.

Голова появилась снова, потом толстые пальцы схватились за край вазы, и наружу с трудом выбрался человек, который был сделан из нескольких шаров. Голова — шар, пузо — шар, даже его руки были сделаны из шаров. Больше всего он был похож на перекормленного младенца. На нем был черный свитер, жёлтые штаны до колен, а на ногах крепкие башмаки.

Толстяк перевалился через край вазы и съехал на животе по ее округлому боку. Тележка чуть качнулась и спросила:

— Что-такое-что-такое?

А голос из-под потолка ответил:

— Все-в-порядке-ожидайте-указаний-жду-информацию.

Толстяк постучал костяшками пальцев в бок вазы, и тут из горшка появилась вторая голова, очень узкая, на тонкой шее и маленькая, как у первоклассника-отличника. Толстяк поднял руки и помог худенькому человеку спрыгнуть вниз.

Все это было похоже на иллюстрацию к сказке «Али-Баба и сорок разбойников». Там разбойники тоже прятались в горшках, только потом их уничтожили.

Толстый и худенький постояли немного на краю тележки, спрыгнули с нее и побежали именно к тому темному промежутку между ящиками, где прятался Коля. Коля быстро отполз назад и нашел узкую щель между ящиками и стеной. Он втиснулся туда и замер, стараясь дышать беззвучно.

Вот так влип! Пока они не вылезут, ему тоже не вылезти. И понятное дело — они тоже «зайцы» и тоже хотят улететь на Марс незаметно. Но когда так поступает человек, которому двенадцать лет, это еще можно объяснить, особенно если он из другого времени. Но когда в «зайцы» идут взрослые, это объяснить труднее. Кроме того, Коля боялся этих людей — они ему не нравились.

Сверху раздался голос:

— Робот-тележка-сорок-четыре-груз-доставлен-сюда-по-ошибке-ваза-предназначена-для-подарка-на-Плутон-вер-ни-те-груз-на-главный-склад-как-понял-прием.

— Понял-хорошо, — ответила тележка. — Груз-изменил-вес-минус-сто-девяносто-три-килограмма-шестьсот-восемь-десят-два-грамма-возможна-потеря-в-пути-прошу-проверить.

Коля представил себе, как тележка елозит щупальцами по полу и ищет, не упало ли что-нибудь, а вокруг пусто. Сто девяносто три килограмма весили «зайцы».

Совсем рядом с Колей в темноте зашевелились его соседи. Они шептались на каком-то непонятном языке, который состоял из одних согласных. Получалось примерно так:

— Кх-мшшш-фрк-пш-крр, — шептал один голос, высокий и тонкий.

— Шшшпш-впрррр-кттттт-цц, — отвечал другой, глубокий.

«Ага, — подумал Коля, — засуетились, голубчики! Сейчас вас и поймают». Он совсем забыл о себе, ему почему-то очень хотелось, чтобы тем, другим, не дали улететь на Марс.

Снаружи послышались быстрые многочисленные шаги, словно в склад вбежал целый отряд карликов. Ага, наши, подумал Коля. Толстяк и худенький замолчали, затаились.

Шаги разбежались по всему складу, и вдруг пространство между ящиками ярко осветилось. Коля осторожно выглянул в щель между верхним и нижним ящиками и увидел, как в нишу, где прятались «зайцы», вбежали маленькие многоногие и многорукие роботы. «Зайцы» отпрянули к самой стене, и толстый пытался даже втиснуться в ту щель, где прятался Коля, но ему это не удалось. Когда Коля снова выглянул, он увидел, что его соседи отчаянно бьются, пытаясь стряхнуть роботов, но те крепко вцепились в них и тянут на открытое место. Через минуту раздался механический голос тележки:

— Взвесьте-тех-кто-скрывался-сообщите-мне.

И тут Коля увидел, как маленькие роботы приподняли людей в воздух.

Один голос сказал:

— Вес-моего-человека-сто-пятьдесят-килограммов-ровно.

Третий голос сказал:

— Сумма-вместе-сто-девяносто-три-килограмма-шестьсот-восемьдесят-два-грамма.

Голос тележки сказал:

— Вес-соответствует-потере.

Голос сверху сказал:

— Задержите-людей-до-прихода-вахтенного.

На Колю никто и внимания не обращал. Он на тележках не ездил. Мелкие роботы продолжали держать толстяка и худенького над полом, как Геркулес Антея, того греческого героя, который был непобедим на земле. «Зайцы» возмущались и перекликались на своем языке: «Кхрр! Пшшпвш!»

В помещение вошел вахтенный. Он был в синем комбинезоне с кометой, вышитой на рукаве как раз над звездочкой, такой же, какая была у Коли.

— Отпустите людей, — сказал он.

Толстяк сел на пол, но худенький удержался на ногах.

— Это безобразие! — сказал толстяк. — Это даже издевательство! Какое вы имели право напускать на нас этих уродов?

— Уж лучше я вас спрошу, что вы делали в грузовом складе, — ответил вахтенный. — И как вы сюда попали?

— Мы зашли, — сказал худенький, — полюбоваться на корабль.

«Он врет!» — чуть было не крикнул Коля, но удержался. Сам-то он хорош, попал в компанию!

— И каким конкретно образом? — спросил вахтенный.

— Просто зашли, — сказал худенький.

— Я думаю, что вы приехали сюда в вазе, — сказал вахтенный.

— Ну и что в этом такого? — возмутился толстяк. — Каждый ездит, в чем хочет.

— И куда вы направляетесь?

— Позвольте вам все объяснить, — сказал худенький, — чтобы не было недоразумений. У моего друга на Плутоне живет старушка мама. Ну подтверди же!

Толстяк сразу обмяк, всхлипнул и простонал:

— Да, меня на Плутоне ждет старушка мама. У нее день рождения. Ей исполняется девяносто лет. Мама прислала мне вызов

на Плутон, потому что немыслимо справить день рождения без любимого сына.

— Вот видите, — сказал худенький, — как он переживает!

— Продолжайте, — сказал вахтенный.

«Неужели он им верит?» — удивился Коля.

— Вот мы и сели в вазу, — сказал толстый. — Потому что на вашем корабле нет мест.

— И куда, вы думаете, идет наш корабль?

— На Плутон.

— Вы ошиблись. Это почтовый корабль на Марс.

— О горе! — воскликнул толстяк. — Неужели такие ошибки еще возможны на Земле? Нас хотели отправить на Марс!

— Мы никуда не хотели вас отправить, — сказал вахтенный. — А пока что вы вообще останетесь на Земле. Неудивительно, если бы на корабль забрался какой-нибудь ребенок, но когда взрослые люди занимаются такими шутками, это по меньшей мере непонятно. Кстати, что делает на Плутоне ваша старенькая мама? Плутон — научная станция, а не санаторий.

— Его мама, — сказал худенький, — никакой не пенсионер. Она специалист по получению воды из вакуума.

— Ну, раз вы ошиблись кораблем, я сейчас попрошу роботов проводить вас до диспетчера космопорта, и он поможет вам купить билет на настоящий корабль и проследит, чтобы вы больше никого не обманывали. До свиданья. И считайте, что вам повезло: во время полета этот склад закрывается герметически, и здесь все три дня стоит температура ноль градусов.

— Ой, как мы вам благодарны за спасение! — воскликнули хором «зайцы». — Мы вовек не забудем вашей доброты. И не беспокойте роботов, им надо трудиться. Мы сами вернемся к вокзалу.

— Нет, что вы! — засмеялся вахтенный. — С роботами вы не заблудитесь. И я буду спокоен.

Коля из своего укрытия видел, как вахтенный проводил толстяка и худенького до выхода и остановился там, наблюдая, как они спускаются по сходням.

— Что там произошло? — услышал Коля другой голос.

К вахтенному подходил высокий космонавт, тот самый капитан Полосков, который подарил Коле звездочку.

— Странная история, капитан, — ответил вахтенный. — Видите, как спешат через поле два человека?

— Вон те?

— Эти люди пробрались на корабль, спрятавшись в вазу, которая по ошибке попала к нам на борт.

— По ошибке?

— Да. Ее должны были грузить на Плутон. Для Клуба отдыха ученых. И они тоже собирались на Плутон. Говорят, что у одного из них там живет старушка мама, которой исполняется девяносто лет.

— Чепуха какая-то! — сказал капитан Полосков.

— И я так думаю.

— Что-то мне в них кажется знакомым. Будто я их видел. Но не могу вспомнить где. Кстати, не попал ли к нам еще какой-нибудь «заяц»? Ты проверял трюмы?

— Не беспокойтесь, капитан. Перед отлетом я пройду по всем трюмам с биоискателем, и ни одна мышь от меня не скроется.

— Ну хорошо, — сказал капитан. — Тогда пойдем на капитанский мостик и сообщим обо всем диспетчеру.

Космонавты ушли, и Коля понял, что ему оставаться на корабле больше нельзя ни минуты. И вообще пора домой.

Он осторожно выбрался из своего укрытия и сбежал по сходням. Притаившись неподалеку под тенью диска, Коля дождался робота-тележки и, скрываясь за ней, как за щитом, быстро добрался до вокзала.

Ему снова повезло. На поле у вокзала стояла большая толпа людей, которые кого-то встречали. Играл оркестр, и над толпой развевались плакаты:

«Добро пожаловать, Милена Митина!»

Со стороны большого голубого диска подлетел пузырь, и из него вышла красивая, немного курносая женщина, и все закричали:

— Ура! Добро пожаловать!

Коля тоже кричал «ура», чтобы не выделяться.

Женщина подошла к толпе и стала здороваться со встречающими. Так она дошла до Коли и протянула руку.

На Милене Митиной было длинное, как греческая туника, платье, которое немного искрилось.

— Да здравствует наша великая певица! — крикнул кто-то в толпе.

— Тебе нравится, как я пою, мальчик? — спросила она.

— Очень, — сказал Коля. — Я приехал из вашего родного города Конотопа, чтобы встретить вас.

— Но я никогда не была в Конотопе, — удивилась Милена Митина. — Я родилась в Костроме.

— Правильно, — сказал Коля. — Я историк и очень рассеянный. Я приехал из Костромы.

Другие люди уже тянули к Милене руки.

— Дайте мне автограф, — сказал Коля, который уже совсем успокоился и был рад, что выбрался с космического корабля.

— Мне нечем писать, — сказала Милена. — Но возьми это на память.

Она протянула Коле красиво отшлифованный круглый плоский камешек.

— Этот камень я нашла на берегу океана на планете Бруск, где выступала с концертом.

— Спасибо, — сказал Коля.

Толпа подхватила Милену Митину и повлекла ее к вокзалу. Коля шел сзади, пряча в карман сувенир с планеты Бруск в неизвестном ему созвездии.

— Молодой человек, — остановила Колю взрослая девица в кимоно с журавлями, — давайте меняться. Я собираю все связанное с жизнью Милены Митиной. Что хотите за этот камень?

— Ничего, это подарок, — сказал Коля.

— Я вам дам звездные часы, коллекцию марсианских марок, живого зигла...

— Нет, — ответил Коля, — подарки мы не меняем.

Он прошел в здание вокзала и через три минуты снова оказался на стоянке пузырей.

Глава 12

ПИРАТСКИЕ НЕУДАЧИ

Если ты приехал ненадолго в чужой город, то за один день можно увидеть его улицы, даже с кем-то познакомиться, побывать в музее и так далее. Но вряд ли ты поймешь, как живут там люди, какие у них заботы, беды и радости. Поэтому можно все неправильно понять.

Это если ты приедешь в другой город. А что, если приехать совсем в другой мир, как Коля?

Коля шел и ехал по улицам, видел разные вещи, встречался с людьми и тут же расставался с ними. Кое-что он понял — не все же меняется за сто лет. Но многого Коля не увидел и не понял.

Ему казалось, что через сто лет люди будут жить беззаботно и весело. Будут делать, что им интересно, ходить на маскарады, летать на крыльях и ездить на другие планеты. Но он не увидел ни трудностей, ни сложностей в жизни будущих людей. Так уж получилось. А и сложности и трудности, конечно, были. И другие, чем у нас, и совсем такие же. Конечно, никто Колю не обманывал, не скрывал — ведь все принимали его за современника. Но за один день можно увидеть только то, что лежит сверху.

И нет ничего удивительного, что, когда Коля увидел в корабле толстяка и худенького, которые прятались за ящиками, он не понял, что это за люди. Правда, и молодой вахтенный начальник на корабле не догадался. А капитан Полосков встревожился, чуть было их не узнал, но они уже отошли далеко.

А видел их капитан Полосков всего два года назад, когда летал на корабле «Пегас» с экспедицией Московского зоопарка собирать редких зверей и птиц на других планетах. Кстати, в этой экспедиции была и девочка Алиса, которую взял с собой ее отец, директор зоопарка.

Путешественникам пришлось пережить много приключений и столкнуться с одной неприятной компанией — космическими пиратами. Да и что в этом удивительного? Раньше, когда корабли были парусными, по морям и океанам плавали морские пираты. Со временем на Земле появились телефоны, радио, быстроходные корабли и самолеты, пиратам стало негде скрываться, спасаться от погони, и на Земле они перевелись. Другое дело в космосе. Галактику можно сравнить с океаном, только она в миллионы раз больше. Как острова, по ней разбросаны планеты, как архипелаги — созвездия. А все остальное — пустыня, по которой плывут космические корабли.

Разные живут в Галактике народы. Как когда-то на Земле, здесь рядом живут и передовые народы, и отсталые, и даже дикари. Есть даже в Галактике и такие планеты, жители которых еще не представляют, как можно не воевать.

Этим и пользуются космические пираты. Им нужны деньги и драгоценности, роскошь и развлечения. Но больше всего — власть над миром. Одно время такие пираты были сущим бедствием, но в один прекрасный день Галактике это надоело. Ее жители занялись этим делом всерьез.

Все планеты Галактического союза объединили свои усилия, специально построили несколько быстроходных крейсеров, и началась война с пиратством. Через несколько месяцев почти

всех пиратов переловили, нашли их базы и даже вернули хозяевам кое-какое добро. Но несколько самых изощренных и хитрых космических разбойников затаились. И среди них были два известных бандита. Одного звали Весельчак У. Он был толст, словно сложен из жировых шаров. На первый взгляд он мог показаться добрым и разговорчивым толстяком, но это была бы роковая ошибка. Никто, даже самые близкие друзья не могли доверять Весельчаку У. Он даже родную мать продал в рабство на одну отсталую планету. Правда, это было в самом начале его карьеры, и потом, когда он разбогател, то вспомнил о маме и полетел на ту планету, чтобы выкупить ее обратно. Но оказалось, что мама к тому времени сама выкупила себя из рабства, стала королевой княжества Муравьиного Холма и встретила любимого сына так, что он и его корабль еле ноги унесли.

Весельчак У считал себя великим хитрецом. А если перехитрить было некого, то он садился сам с собой играть в карты и сам себя обыгрывал, при этом отчаянно жулил.

Совсем другим был его друг Крыс с мертвой планеты Крокрыс. Крокрысы всегда воевали, даже не знали другого занятия. Они воевали до тех пор, пока не перебили друг друга, последние из них скрываются в темных подземельях. Крысу надоело бегать по подземельям, и он ушел в пираты. Из него получился самый холодный и жестокий негодяй в Галактике.

Крыс с Крокрыса всегда в синтетической оболочке. Чаще всего он любит изображать из себя маленького, худенького, печального человека. А под этой оболочкой скрывается насекомое с мохнатыми ногами, круглым тельцем и острыми тонкими клешнями. На спине у него небольшие крылья, но летает он плохо. Крылья нужны крысам для того, чтобы жужжать и оглушать противника. Кроме того, у Крыса есть хвост с ядовитым жалом на конце. Правда, этот яд действует только на других крысов.

Когда почти всех пиратов переловили, эти два бандита объединили усилия, хотя прежде враждовали. С тех пор вот уже пять лет они вместе шастают по Галактике. Им приходится таиться. Еще недавно у них был свой корабль и несколько подручных, но, когда экспедиция на «Пегасе» с помощью трех капитанов победила их, пираты совсем обнищали. От правосудия им удалось бежать, но пришлось два года прятаться по дальним планетам. С отчаяния они бросились за поддержкой к маме Весельчака У, но той не нужен был сын-неудачник, и она их выгнала.

И надо же было так случиться, что Коля, попав в будущее на

один день, встретился именно с Весельчаком У и Крысом, хотя, конечно, и не подозревал, что у них такая бурная биография.

Пираты прилетели на Землю утром и не рассчитывали задержаться здесь надолго. Они опасались, что на Земле их сразу поймают, а им нужно было найти какой-нибудь корабль, который отвез бы их на Плутон. На Плутоне работала небольшая экспедиция, и вскоре оттуда должен был отправиться на Землю корабль, груженный золотом. Ведь известно, что на Плутоне золота больше, чем гранита.

Все им удалось, и, если бы не ошибка вычислительной машины, они улетели бы на Плутон, захватили корабль и умчались бы в космос с грузом золота. А может, им это и не удалось бы. Неизвестно. Но когда они влезли в вазу, то тележка передала ее вес на диспетчерский пункт. А вес оказался на сто девяносто три килограмма больше нормы. Диспетчерская проверила по спискам и нашла, что такой вес у одного контейнера, который должен быть отправлен на Марс, и послала тележку на марсианский корабль. Пираты не учли этой детали и проиграли.

Разоблаченные «зайцы» сумели затеряться в толпе поклонников великой певицы Милены Митиной. Они решили укрыться в городе до завтра, а потом, когда все утихнет, вернуться на космодром. Но сначала надо было замаскироваться.

Стоило им оказаться внутри здания, как Весельчак У подал условный сигнал, и пираты скрылись за рядом автоматов, выдающих леденцы для тех, кого укачивает в космосе.

Все вокруг были заняты своими делами. Пираты немного отдышались — ведь всего две минуты назад они думали, что их песенка спета, — потом Крыс достал из кармана небольшую палочку. Стоило нажать на ее конец, как из палочки вытянулась длинная, метров в тридцать, почти невидимая проволочка с коготками на хвосте. На самом деле это была не проволока, а валапасский уж — странное создание, обитающее в кустах одной безымянной планеты. Обычно этот уж лежит в подземной норе, но стоит пройти неподалеку какому-нибудь животному, как уж в мгновение ока распрямляется и, как стрела, вонзается в него. Ужу много не нужно. Он довольствуется малым — вырвет шерсти клок или перо, сам он питается комарами. Остальная добыча нужна для гнезда, в котором спит его подруга. А подруги у валапасских ужей — толстые змеи размером с анаконду, им требуется мягкая подстилка. Поэтому уж и обирает прохожих — старается для семьи. Такого ужа Крыс давно приспособил для мелких краж и всегда таскал с собой. Вот и на этот раз валапасский уж пригодился. Группа туристов окружила гида, слышался смех. И никто не заметил, как тонкая полупрозрачная нить протянулась к вещам. Сначала коготки схватили широкую тонкую голубую накидку, и она, словно скат по дну залива, умчалась к автоматам. Рассеянный доцент Спуси-ва-пус-ва-пас-ва-пос, похожий на синюю лошадь в аквариуме, который прямо со стадиона поспешил на космодром, чтобы не пропустить рейс, увидел, как по полу скользит голубая накидка. Он решил, что это не накидка, а какой-то инопланетный гость, только похожий на голубую накидку. Поэтому доцент Спуси-ва-пус-ва-пас-ва-пос извинился и подпрыгнул, чтобы не наступить на незнакомца, вода в его аквариуме заволновалась и плеснула на пол. Доцент сказал:

— Простите, я на вас брызнул.

Но накидка уже скрылась за автоматами.

— Ну вот, синяя кобыла, — обругал доцента хмурый Крыс. — Придется тебе, Весельчак У, ходить под этой накидкой. Мне нельзя, я простужусь, у меня слабые суставы.

— А мне хочется простужаться? — удивился Весельчак У. — Кроме того, мне эта накидка мала. Утащи для меня сомбреро.

Сомбреро принадлежало мексиканскому туристу, оно висело у него за спиной на тесемочках, завязанных под горлом.

Крыс снова запустил валапасского ужа, и тот вцепился в сомбреро мертвой хваткой. Крыс дернул ужа за хвост, а уж дернул туриста за шляпу. Тесемочка развязалась, турист не удержался на ногах и шлепнулся на пол. Сомбреро быстро поползло к автоматам, а в это время возвращался доцент Спуси-ва-пус-ва-пас-ва-пос. Он увидел, что на него быстро ползет какой-то другой, круглый пришелец. Он подпрыгнул, чтобы на него не наступить, обрызгал его водой из аквариума и сказал:

— Извините, я такой рассеянный!

А в ответ из-за автомата послышалось страшное проклятие на космическом жаргоне. Такое страшное, что синяя лошадь в аквариуме заткнула уши и покраснела. Доцент не знал, что пираты страшно боятся простуды.

Мексиканский турист вскочил, стал искать сомбреро, но его и след простыл. Турист заявил в бюро находок, что его сомбреро убежало. А тем временем из-за автоматов вышел толстый человек в сомбреро, надвинутом на глаза, а за ним спешил другой человек, закутанный в мокрую голубую накидку так, что наружу торчал только острый нос. Человек в накидке оглушительно чихал.

Пираты выскользнули на стоянку пузырей вскоре после Коли, быстро забрались в двойной пузырь и помчались подальше от космодрома.

— Где пересидим? — спросил Весельчак У. — Славно мы их надули! — И он расхохотался.

— Шш! — ответил Крыс. — Диспетчерская может подслушать.

— На Земле диспетчерская не подслушивает разговоров. Тем более что мы говорим на пиратском языке.

— Все равно, попрошу шепотом.

— Куда же мы теперь?

Крыс изучал надписи под кнопками. И надписей было больше ста, но все они не устраивали пиратов.

— Вот! — прошипел Крыс. — Вот сюда мы и отправимся. Может, даже какую-нибудь выгоду найдем. Там нас никто не догадается искать.

Его тонкий синтетический палец, скрывавший коготь, уперся в кнопку, под которой было написано:

«КОСМОЗО»

А в это время Коля уже летел к Москве. Он направлялся к проспекту Мира, откуда на третьем автобусе собирался вернуться к Гоголевскому бульвару и потом к Институту времени.

Все было бы хорошо, даже с Миленой Митиной познакомился, только клонило ко сну. Наверно, все еще действовало мороженое с лимонадом и бутербродами. И может, устал человек.

Путешествие было спокойное, правил движения Коля не нарушал. Он вынул из кармана камень, подаренный великой певицей. Камень красиво отсвечивал на солнце. Было тепло и уютно. Коля положил камень обратно в карман и решил, что, пока суд да дело, он закроет глаза и немного подумает о разных вещах. Он закрыл глаза, но ни о чем не успел подумать, потому что заснул.

Во сне он наклонился вперед, положил голову на руки, а локтем нечаянно нажал на кнопку с надписью «Космозо».

Глава 13

ПОСЕТИТЕЛЬ КОСМОЗО

Пузырь долетел до перекрестка, свернул на боковую улицу и помчался в сторону от проспекта Мира, к центру, туда, где в Колины времена был зоопарк. Потом зоопарк перевели на новое место, где зверям и птицам было свободно, а на месте старого

сделали сад для прогулок. Когда люди начали летать на другие планеты и привозить оттуда необыкновенных животных, решено было сделать специальный космический зверинец. И для него выбрали старое, привычное место.

Ничего этого Коля, конечно, не знал. Он мирно спал, полагая, что его путешествие близится к концу.

Но не тут-то было.

— Молодой человек! — услышал Коля громкий голос. — Первый раз вижу, чтобы пузырь использовали как спальню!

Коля сразу проснулся, вскочил и ударился головой о крышку пузыря.

— Что такое? — спросил он, забыв, где находится.

Перед пузырем стоял Электрон Степанович, враг современной техники, сторонник возвращения к природе, а по совместительству мастер по новой технике в Космическом зоопарке.

— Я ничего не сделал, — сказал Коля. — Я сейчас домой пойду.

— А я думал, что ты приехал мороженое со мной есть, — сказал Электрон Степанович.

Он успел переодеться, и теперь на нем был рабочий зеленый комбинезон с нарисованными на нем березами. И это было сделано так натурально, что казалось, что у Электрона вместо ног березовые стволы. Зрелище было необычное, Коля сидел, моргал глазами, и тогда Электрон Степанович быстро сбегал к столбику-автомату, получил две порции мороженого и принес их к пузырю.

— На, — сказал он, — съешь, и все образуется. Попробуй морковно-лимонного. Такого больше во всей Москве не сыщешь.

Коля к этому времени сообразил, что к чему, вылез из пузыря и, хотя, честно говоря, мороженого ему не хотелось, один из стаканчиков взял, чтобы не обижать пожилого человека.

Тут Коля понял, что попал не на проспект Мира. Сзади и сбоку поднимались высокие коралловые и обычные дома, а прямо перед ним были ворота в виде дикой скалы с пещерой внизу. За скалой виднелись крыши и купола каких-то строений, вершины деревьев, а в пещеру беспрерывно входили люди самого различного возраста.

— Что это? — спросил Коля, без удовольствия глотая мороженое.

— Не знаешь?

Электрон Степанович так удивился, что поперхнулся своим морковно-лимонным. Коле пришлось стать на цыпочки и как следует ударить мастера по спине.

— Я из Конотопа, — сказал Коля. — Я здесь не был.

— Не может быть! — воскликнул Электрон Степанович. — Ты первый человек на Земле, который задает такой вопрос.

— И все-таки? — Коля не опасался Электрона, который ничуть не задавался своим возрастом или жизненным опытом.

— Все-таки это Космозо.

— Чего?

— Кос-мо-зо. Космический зоопарк.

И в этот момент над скалой вспыхнули красные буквы:

«КОСМОЗО»

И погасли.

— Ну и дела! — сказал Коля и чуть не выронил мороженое.

Ехал на проспект Мира, а попал в Космический зоопарк! И если бы не случайность, так бы и отправился обратно, ничего не увидев. Нет, Коле явно везет.

— Тогда я пошел, — сказал Коля.

— Куда?

— В Космозо. Вы что думаете, я прошу себе, если уеду, не поглядев на Космозо?

— Нет, не простишь, — согласился Электрон. — Вообще-то говоря, я собирался домой пойти, но раз такое дело, погуляем вместе. Мне даже интересно посмотреть на человека, который никогда здесь не был.

— Да вы не беспокойтесь, — сказал Коля.

— Не спорь. Это будет двойной Космозо. Ты будешь смотреть на животных, а я буду смотреть на тебя, как ты смотришь на животных.

И они вместе вошли в пещеру, которая была входом в Космозо.

Вход был сделан так не случайно. Точно такую же пещеру нашли как-то в открытом космосе пилоты корабля «Стожары». Пещера неслась между звезд, и в ней, словно разноцветные светлячки, резвились самые маленькие из известных во Вселенной птиц — по полсантиметра длиной, включая хвост, но удивительных расцветок, причем нельзя отыскать ни одной птицы, похожей на другую. Пещеру, как есть, отбуксировали на Землю и поместили в Космозо. А раз птицы могли жить только в вакууме, то внутри пещеры проложили прозрачный туннель для посетителей.

В туннеле было полутемно, и Коля сначала даже не понял, что же творится за стеклянными стенами: словно тысячи разноцветных искр роились там, складывались в причудливые узоры, разлетались взрывами, выстраивались в цепочки, кольца и даже треугольники. На Земле птицы чувствовали себя хорошо и размножались в свое удовольствие. Их уже развезли по всем зоопаркам мира, а некоторые любители держали их дома в вакуумных колбах.

Полюбовавшись на птиц, Коля со своим спутником прошел дальше, на широкую площадку. Слева был большой пруд. Там плавали птицы, которые могли жить на открытом воздухе. Правда, у некоторых были подстрижены маховые перья, чтобы не улетели.

— Обрати внимание, — сказал Электрон Степанович. — Видишь серых птиц вон там, у берега?

— Утки, что ли?

— Как ты ненаблюдателен! Присмотрись.

Клюв на месте, крылья на месте, хвост на месте — ничего особенного. И вдруг одна из птиц перевернулась, и оказалось, что снизу у нее вместо ног точно такое же туловище с крыльями и головой.

— Это еще зачем? — не понял Коля.

— Очень разумная выдумка эволюции, — сказал Электрон. — Одна половина отдыхает, дышит воздухом, вторая в это время ищет в воде червяков и мальков. Потом они меняются ролями. И еще их очень выгодно разводить в прудовых хозяйствах. Мяса в них вдвое больше, чем в обычных утках, и яиц они несут вдвое больше.

Посреди пруда вынырнуло что-то большое, черное и блестящее. Потом перед этой тушей поднялась маленькая голова на змеиной шее длиной метров в десять. Это был самый настоящий ископаемый динозавр.

— Ведь они же давным-давно вымерли! — воскликнул Коля.

— Вообще-то да. Но несколько лет назад ученые нашли в вечной мерзлоте яйцо, и им удалось вывести из него бронтозаврёнка. Он вырос и стал ручным.

— А зачем же его в Космозо держат, если он земной?

— Но в обычном зоопарке его тоже трудно держать, ведь динозавры на Земле уже много миллионов лет не водятся.

— Скучно ему, наверно, у вас, — сказал Коля. — Совершенное одиночество.

— Как сказать... У Бронти есть друзья. Вот посмотри.

Коля увидел, что на дальнем берегу пруда показалась светловолосая девочка в красном комбинезоне. Она была вряд ли намного старше Коли. Девочка подняла руку и что-то крикнула.

— Как ее туда пустили? — спросил Коля.

— Это Алиса. Она старый Бронтин друг. Они познакомились, когда Бронтя был еще маленьким.

— Все равно опасно пускать, — сказал Коля, глядя, как бронтозавр тянет свою немыслимо длинную шею к девочке на берегу и она его чем-то кормит. — Он же нечаянно может ее проглотить.

— Не проглотит, — сказал Электрон Степанович. — Он ручной.

Коля, затаив дыхание, смотрел, как динозавр медленно подплыл к самому берегу, положил голову у ног девочки, а та присела на корточки и стала чесать ему там, где у зверей положено быть уху. Есть ли ухо у динозавра, Коля не знал, а издали не разглядишь.

— Пошли, пошли дальше, — сказал Электрон. — Если хочешь, я тебя потом с Алисой познакомлю.

«Алиса... Алиса», — подумал Коля. Имя было знакомо. Может, эту Алису ждали ребята на Гоголевском бульваре?

— А она в космос летала? — спросил Коля.

— Да. И не раз. Она уже более-менее известный космобиолог.

— Скажете тоже! — не поверил Коля. — Она же ребенок.

— Сам ты ребенок! Не все ли равно, сколько лет человеку, если он знает свое дело.

Раньше бы Коля сам обеими руками подписался под этими мудрыми словами. Он не раз доказывал своим родителям и даже учителям, что возраст не играет роли и взрослые не имеют права щеголять своими сединами. Но взрослые в лучшем случае посмеивались, а в худшем начинали возмущаться и считать Колю нахалом. Но сейчас в Коле взбурлило чувство противоречия. Это с ним случалось.

— Рано ей еще биологией заниматься, — проворчал он. — Вот подрастет, может, еще захочет пожарником стать. Или в куклы играть.

— Значит, не хочешь знакомиться?

— И не подумаю.

— Ну, как знаешь, — сказал Электрон. — Хочешь на говоруна посмотреть?

— Это что еще за говорун?

— Его Алиса привезла. Он запоминает все, что при нем говорят. У него исключительная память. Знает восемнадцать космических языков.

Коля пожал плечами. Вообще-то интересно, но он не хотел этого показывать, тем более что говоруна привезла Алиса. Ну и что ж такого? Если бы Коле повезло и он родился на сто лет по-

позже, он тоже привозил бы из космоса говорунов. У него все впереди. Это он будет строить те корабли, на которых полетит Алиса. Это он, когда вырастет, первым сойдет на землю далекой планеты. Было бы свободное время, ну хотя бы денька два, Коля не пожалел бы времени, отыскал самого себя. Не исключено, что он еще жив — ведь жив же его ровесник старик Павел.

— Ты о чем задумался? — спросил Электрон Степанович.

— Ни о чем, — сказал Коля. — Ну, где ваш говорун?

Говорун сидел под стеклянным колпаком высотой с дом. Дверь в колпаке была распахнута, чтобы говоруну можно было выходить наружу.

Он был похож на большого белого попугая. На голове — корона и два клюва вместо ушей, а одно ухо — вместо клюва.

Перед говоруном стояли толпой зрители и разговаривали с ним.

— Расскажи что-нибудь о трех капитанах, — попросила бабуся с маленьким внуком, который держался за ее руку и сосал длиннющий леденец.

— Будь прост с людьми, но не запанибрата, — ответил ей говорун, —

Проверенных и лучших из друзей
Приковывай стальными обручами.
Но до мозолей рук не натирай
Пожатьями со встречными...

Шекспир, «Гамлет». Слова эти принадлежат Полонию и сказаны им в назидание его сыну Лаэрту. Как вам нравится такая постановка вопроса, сударыня? Я много думал об этом последнее время.

— Нет, он сегодня не в настроении, — сказала бабуся. — Пойдем, Ванечка, покатаемся на склиссе.

— Не хочу на склиссе! — заревел вдруг малолетка, выплевывая леденец на землю. — Хочу марсианского богомола!

— Не поднимайте шума, — сказал второй клюв говоруна. — Нас могут услышать пираты.

А первый клюв другим голосом произнес:

— Кхрр, ппшш, брш, пршшврх.

Где же Коля слышал этот голос? Совсем недавно.

Второй клюв расхохотался.

Конечно же, в марсианском почтовом корабле. Так разговаривали «зайцы».

— Что это? — спросил Коля Электрона. — Кому он подражает?

— Космическим пиратам, — сказала бабуся, уводя ревущего младенца. — Я часто его слушаю.

— Нет, — возразил Электрон, — это крик кледианской совы. Я тут работаю и тоже часто слышу.

У Коли было свое мнение на этот счет, но он не стал им делиться.

Говорун задремал. Электрон повел Колю дальше.

— Может, по мороженому, а? — спросил Электрон, увидев столбики-автоматы. Мороженое было слабым местом этого в остальном вполне взрослого человека.

— Если вам хочется, поешьте, — сказал Коля. — Я сыт.

«Наверно, теперь два года не буду мороженое есть», — подумал Коля.

— Тогда садись на лавочку, подожди меня.

Коля сел на мягкий диван. Электрон начал колдовать над столбиком, выбирая какое-то экзотическое мороженое, а Коля смотрел по сторонам. Напротив него росла пальма, на ней раскачивался совершенно голубой медведь с шестью лапами. Дальше виднелся аквариум, в котором быстро плавали друг за дружкой оранжевые змеи. За спиной, в кустах, послышалось шуршание. Коля обернулся. Никого.

Вернулся Электрон и уселся рядом.

— Редчайший вид мороженого, — сказал он, — из березовых почек. Ты бы хоть понюхал.

Коля послушно понюхал. Мороженое пахло березовыми почками. Но от этого аппетит в Коле не пробудился. А когда он отодвинулся, чтобы Электрон мог заняться своим лакомством, за спиной вновь послышалось шуршание, и вдруг над Колиным плечом протянулась зеленая лохматая рука, которая схватила стаканчик с мороженым и попыталась отнять.

Тут Колины нервы не выдержали. Он вскрикнул и отпрыгнул от скамейки метра на три. Рука принадлежала хищному растению. Оказалось, ожил один из кустов за скамейкой.

Электрон спокойно отвел зеленую ветвь и, когда вслед за ней протянулась и вторая, сказал строго:

— Перестань хулиганить! Простудишься. А то все ветви оборву. А ты, Коля, возвращайся и не пугайся. Это кустики. Они совершенно безобидные, только лакомки. Их здесь, в зоопарке, избаловали. Их из космоса привезли на «Пегасе» Алиса с Полосковым. Они на своей планете от источника к источнику в засуху бродят.

Коля с некоторой опаской вернулся к скамейке. Конечно, мужчина не имеет права показывать страх даже перед кустиками, которые хотят украсть мороженое. Но все-таки...

Электрон подобрал со скамейки упавший на нее листочек от кустика и сказал Коле:

— Возьми себе на память. Будет о чем дома вспомнить.

Коля, стараясь не смотреть на кусты, которые все равно не внушали доверия, сунул листочек в карман.

— Электрон Степанович! — сказал высокий, чуть сутулый мужчина с редеющими светлыми волосами. — Я был уверен, что вы домой ушли.

— Я ушел, — сказал Электрон, — и вернулся провести экскурсию с молодым человеком, который никогда еще не был в нашем Космозо.

— Я надеюсь, ваш юный друг не обидится, если вы дойдете со мной до питательного пункта и поглядите, почему система отправила в драконий городок весь запас конопляного семени. Или теперь драконы предпочитают коноплю говядине?

— Не может быть! — воскликнул Электрон, поднимаясь на свои березовые стволы. — Я еще вчера всю систему проверял. Конопля шла в малый птичник, а говядина — к драконам. Ты подожди меня, Коля, погуляй.

— А то как-то глупо получается, — сказал мужчина. — Только что установили новую систему, отладили, я собрался сегодня со спокойным сердцем улететь на конференцию...

— Вот видите, профессор Селезнев! — сказал Электрон. — Я всегда критически отношусь к новой технике. Раздавали бы пищу, как раньше, в древние времена, с помощью роботов, никаких бы курьезов. А что, драконы едят конопляное семя?

— Проголодались и едят.

Коля хотел было поправить Электрона, сказать ему, что в древние времена зверей кормили не роботы, а живые служители, но Электрон уже продолжал:

— Ты, Коля, погуляй пока сам, а мы с директором посмотрим систему. Может, она не сломалась, а просто считает, что экономнее сделать из драконов вегетарианцев.

Электрон с профессором Селезневым пошли прочь, и Коля услышал, как директор зоопарка спросил:

— А вы Алису случайно не видели? Я с ней даже попрощаться не успел.

— Ваша дочка только что была у пруда, — ответил мастер по новой технике. — С Бронтей разговаривала...

«Интересно, на скольких планетах побывал этот профессор? — подумал Коля. — Может быть, на сотне или еще больше. Счастливый человек! Не исключено, что я стану не просто космонавтом, а космическим зоологом. Такие люди тоже будут нужны».

Как только профессор с мастером скрылись из глаз, Коля поднялся со скамейки. Сидеть одному в обществе жадных кустиков ему не хотелось.

Он постоял перед аквариумом, глядя на стайку космических окуней, которые отличались от обыкновенных только тем, что глаза у них были на хвосте и поэтому, плывя, они виляли головой. Потом вышел на зеленую поляну. На ней паслись коровы. Рядом с одной из коров стояла бабуся с младенцем. Она посадила младенца на корову, и Коле показалось странным такое развлечение. Но тут корова распустила небольшие перепончатые крылья и неуклюже полетела над самой землей. Другие коровы подняли головы, наблюдая за ней, потом отвернулись. У поляны на столбике была надпись: «Склиссы. Сумчатые парнокопытные с планеты Шешинера».

Бабуся бежала рядом с коровой и поддерживала малыша, который наконец-то рассмеялся.

Потом Коля остановился перед площадкой, на которой гуляли метровые насекомые, похожие на богомолов. Насекомые иногда встречались друг с дружкой, поднимали маленькие передние лапки и долго ощупывали встречного.

Мимо прошла девочка Алиса в красном комбинезоне. Через плечо у нее висела черная сумка. Один из богомолов, увидев ее, поднялся на задние тонкие лапы и протянул передние вверх, словно молился. Алиса помахала ему рукой, но не остановилась. Коля пошел за Алисой.

Глава 14

БЕРЕГИ МИЕЛОФОН

Если бы кто-нибудь сказал сейчас Коле, что он Алисе завидует, Коля бы возмутился. Чего там завидовать? Она просто опоздала родиться. Вот Коля родился вовремя, да еще в будущем побывал. Он как разведчик в дальнем походе. Слетал вперед, поглядел, как дела, потом вернется обратно и вместе со всеми пройдет путь пешком. Вот так-то. И все-таки он, конечно, Алисе немного завидовал. Уж очень много интересного ей довелось увидеть. И приключения у нее были не чета обыкновенным. И вообще, когда он ее разглядел поближе, она ему понравилась. Как личность. И Коля пошел вслед за Алисой. Интересно поглядеть, что она будет делать. Может, ее ждет еще один динозавр?

Но оказалось, что Алиса направляется к зданию, на котором было написано «Вычислительный центр». Но войти туда она не успела. Навстречу ей вышел директор зоопарка профессор Селезнев. Отец с дочерью встретились в десяти шагах от Коли, и поэтому он слышал каждое слово из их разговора, но, чтобы они не думали, что он подслушивает, Коля отвернулся к клетке, по которой бегал кругами мрачный рогатый волк, покрытый железной чешуей.

— Еле нашла тебя, отец, — сказала Алиса. — Все в порядке. Уезжаешь?

— Да. Через две недели вернусь.

— Если там маму увидишь, скажи, что я прочитала все книжки, которые она мне оставила. Приедет — поспорим.

— А что, не понравились?

— По-разному. Жалко тратить время на беллетристику.

— Ты знаешь, я тебе в этом не союзник, — сказал профессор Селезнев. — Я боюсь, как бы ты не выросла сухим и скучным человеком. Мне кажется, что еще года два назад ты была куда веселее и твоей любимой книжкой были «Три мушкетера».

— А также «Космическая зоология».

— Хорошо. Смотри не забывай завтракать.

— Я бы забывала, но робот Гришка никогда не позволит. А если захочу пообедать, поеду к бабушке с дедушкой. У них не поголодаешь.

— Да, кстати, ты опять брала миелофон? Ты же знаешь, что это не игрушка. А что, если заболеет кто-то из животных?

— А разве я играю?

— Алиса, пойми меня правильно. На всей Земле есть только двадцать миелофонов. Они распределены между крупнейшими институтами и медицинскими центрами. Кристалл в центре миелофона настолько редок, что за последние годы восемь экспедиций обшарили астероид Власту и нашли только двадцать шесть.

— Папа, ты решил мне лекцию читать? — удивилась Алиса. — Я это отлично знаю. И обещаю тебе: сегодня же, как только кончу опыт с пустотелом, верну его в клинику. Ты же знаешь, мое

слово твердое. А что, если все-таки пустотелы немного думают? Именно когда цветут?

— Может быть, ты права. Ну ладно, я поехал. И не забывай бабушку с дедушкой. Они же без тебя скучают.

Алиса с отцом поцеловались и разошлись.

Коля хотел было последовать за Алисой, как вдруг увидел двух человек, сидевших в тени на мягкой лавочке. Один из них как будто дремал, опустив на глаза широкополую шляпу сомбреро. Второй, вдвое меньше его ростом и втрое тоньше, закутанный в голубую накидку так, что наружу торчали только нос и глаза, почувствовал взгляд Коли и отвернулся.

Коля мог бы поклясться, что это те же люди, которые вылезли из вазы в марсианском корабле. Правда, он не был уверен на сто процентов, потому что они были замаскированы, а в марсианском корабле было довольно темно, но если это они — что они здесь делают?

Маленький толкнул большого в бок и что-то сказал. Они тут же поднялись и быстро зашагали прочь. В ту же сторону, куда ушла Алиса.

Коля подумал, что эти люди тоже слышали разговор между Алисой и ее отцом, но не это его беспокоило. Что из того, что эти люди ему не понравились? Может быть, в самом деле у толстяка есть на Плутоне мать, которая ждет его к дню рождения, а сын не смог достать билет? Может быть, говорун в самом деле подражал крику кледианской совы, а не пиратам. Думая так, Коля пошел за теми людьми, потому что они ему не нравились. Не нравились, и все тут.

Далеко впереди Коля увидел красный комбинезон Алисы. Она вошла в дверь высокого кораллового строения. А через минуту оба «зайца», в сомбреро и в накидке, тоже скрылись в этом строении.

Коля не стал раздумывать. Он поспешил к строению и вбежал внутрь.

Строение оказалось террариумом. Высокий узкий коридор вел между стеклянных стен, за которыми виднелись всякие гады. Но Коля не обращал на них внимания. Даже не отшатнулся, когда одна змея прыгнула к стеклу и попыталась его прокусить. Она ударилась в стекло рогатой блестящей мордой, сверкнула ядовитыми зубами, и мутный яд потек по стеклу.

В террариуме было пусто. Вдруг Коля замер. Впереди маячили толстяк и худенький. Коля прижался к стене, которая в этом

месте немного выдавалась в коридор. Толстяк оглянулся, но его не заметил. И оба скользнули за угол.

Впереди коридор вливался в большой зал.

Коля добежал на цыпочках до входа в зал и выглянул, прижимаясь к стене.

Зал был обширный, круглый, с куполом. Посреди зала возвышался пологий холм. То, что лежало на холме, больше всего было похоже на обрубок бетонной трубы метра в три диаметром, с толстыми стенками. Из таких труб, только потоньше, складывают газопроводы.

Снаружи труба была покрыта зеленым мхом, из которого вырастали мелкие цветочки, похожие на незабудки. Изнутри стенки были гладкие и блестящие.

Алиса стояла внутри этой трубы, черная сумка была раскрыта, из нее тянулся проводок к уху Алисы.

— Слушай, пустотел, — говорила Алиса, и ее голос отдавался в трубе, — я все равно подозреваю, что ты думаешь. Только не знаю, на какой частоте. Ну подскажи!

Алиса наклонилась к сумочке и что-то там настраивала.

Коля оглянулся, не понимая, куда девались толстяк с худеньким. Сначала он их не нашел, но потом толстяка выдал край широкой шляпы. Оказывается, они зашли за холм и затаились там.

Коля не сомневался, что Алисе грозит опасность. Он увидел, как шляпа медленно приподнимается, как второй человек на корточках побежал вокруг холма и его голова в накидке показалась в дальнем конце пустотела.

И тогда Коля не выдержал и закричал:

— Алиса! Сзади!

Голова в накидке исчезла. Толстяк, потеряв шляпу, бросился к заднему выходу из зала.

— Что такое? — спросила Алиса.

Она обернулась и никого не увидела. Она легко выпрыгнула из трубы. На полу валялось мексиканское сомбреро.

А Коля уже мчался по коридору к выходу. Главное — он их спугнул. Но ему не хотелось, чтоб Алиса его увидела и начала спрашивать, почему он кричал. Так просто. Захотелось — и крикнул.

Коля думал, что Алиса будет за ним гнаться, и поэтому в несколько прыжков пересек площадку перед террариумом и побежал по узкой аллее.

— Ты куда?

Коля попытался обойти человека, вставшего на пути, но тот крепко схватил его. Коля увидел два березовых ствола, поднял голову и узнал Электрона.

— Я тебя по всему Космозо ищу, а ты?

— Что я? Я тоже вас искал.

— Может, ты чего испугался?

— Я испугался? Просто мне домой пора.

— А еще по мороженому не хочется?

— Нет, спасибо.

— А тебе далеко домой добираться?

— Больше часа, — сказал Коля.

— Ну, давай присядем. Отдышишься. А то на тебе лица нет.

Коля не стал спорить. Он был рад старому знакомому. Только спросил:

— А сколько времени?

— Шестой час.

— С ума сойти, как время бежит! — сказал Коля.

Они сели рядышком. Коля подумал, что может кое-что узнать у Электрона.

— Как там ваша пищевая система? — спросил Коля. — Перестала драконов коноплей кормить?

Коля все время вглядывался в просвет между кустами бамбука, чтобы видеть, что происходит на площадке перед террариумом. Но там, если не считать редких прохожих, ничего не происходило. Ни толстяка с худым, ни Алисы не было видно.

— Глупейшая ошибка, — сказал Электрон. — Ни один элементарный робот такое не совершил бы, не говоря уж о человеке. Для машины что мясо, что конопля — не больше чем набор знаков. Нет, этот произвол надо ограничивать...

— А что это за машина такая — миелофон? — спросил Коля. — Тоже из новых?

— Миелофон? Нет, ее уже несколько лет как изобрели. Но, наверно, миелофоны скоро кончатся.

— Почему? Разве так бывает?

— Такой исключительный случай. Ведь сам аппарат ничего нового в технике не представляет. Просто электронный усилитель с приемником. Главное в нем — кристалл. А пока что эти кристаллы нашли только на астероиде Власта; совсем маленький, этот астероид примчался откуда-то из другой галактики миллион лет назад, попал в орбиту Солнца, вот и крутится с тех пор. И всего пока что этих кристаллов обнаружили штук двадцать или чуть

больше. Некоторые думают, что их изготовили жители той планеты, от которой когда-то откололась Власта, другие же подозревают, что эти кристаллы — живые существа, только они живут так замедленно, что требуются десятки тысяч лет, чтобы это заметить. Центр миелофона — такой кристалл. И никто не может сделать миелофонов больше, чем есть на свете кристаллов. Ясно тебе?

— Не ясно, — сказал Коля. — А для чего миелофон нужен?

— Странно, ты не слышал о миелофоне?

— Ну пропустил, — ответил Коля.

Электрон Степанович сокрушенно поглядел на Колю, вздохнул, но продолжал:

— Когда первые кристаллы привезли на Землю и стали исследовать, то один из ученых обратил внимание, что, когда близко подходят люди, в структуре кристалла что-то меняется. Стали ученые биться над этим делом и наконец поняли, что кристаллы могут улавливать волны, которые испускает мозг. Тогда догадались соединить кристаллы с усилителями, и в один прекрасный день ученые услышали мысли. Представляешь, какая началась суматоха в ученом мире!

— Да уж, наверно, — сказал Коля.

— И ты об этом не слышал?

— Может, я маленький был? Значит, миелофон может читать мысли на расстоянии?

— Конечно. О чем же я тебе толкую! Представляешь, сколько нашлось желающих получить миелофон?

— Конечно, представляю, — сказал Коля. — Все фокусники сразу сбежались.

— Кто? Фокусники? При чем тут фокусники?

— Ну, которые мысли угадывают.

Электрон поглядел на Колю как на сумасшедшего, и даже его висячие усы приподнялись на сантиметр. Но он с собой совладал и сказал:

— Конечно, не фокусники. Во-первых, врачи. Одно дело, когда больной рассказывает или диагностические машины ставят диагноз, но при некоторых болезнях, например при нервных, важно знать, что же думает человек на самом деле. Или в детских поликлиниках. Пока ребенок не научится говорить, он не может объяснить, что и где у него болит.

— А в зоопарк зачем такой прибор дали?

— Не в зоопарк, а в Космозо. У нас же космические живот-

ные, некоторые из них совершенно уникальные, и не всегда люди могут толком понять, как их кормить, какую они любят температуру и вообще какие у них бывают потребности. Вот и выдали один из двадцати миелофонов, которые есть на Земле, для нас. Но мы его бережем пуще зеницы ока.

— Конечно, бережете! — сказал Коля. — Я сам видел, как Алиса его таскала в террариум. Чуть не потеряла!

Не надо думать, что Коля по натуре доносчик. Просто он был зол на Алису, которая рисковала таким ценным прибором. Всего двадцать на всю Землю и в больницах наперечет, а она бегает по Космозо и слушает мысли какой-то трубы!

— Если таскала, — сказал Электрон, — значит, ей профессор Селезнев разрешил.

— Еще бы, — сказал Коля, — родной папаша!

— Смотрю я на тебя и время от времени удивляюсь, — сказал Электрон. — Казалось бы, ничего, кроме одежды, странного в тебе нет. Парень как парень. А иногда такое ляпнешь, словно ты какой-то выходец из Средневековья.

— А чего я сказал?

— Ты сказал, что профессор Селезнев мог рисковать ценным прибором для того, чтобы доставить удовольствие своей глупой девочке. По крайней мере, так твои слова прозвучали. Во-первых, Алиса достаточно ответственный человек, и если ей нужен миелофон, то для дела...

— Мысли какого-то пустотела подслушивать, — сказал Коля. Он не хотел сдаваться.

— Правильно. Я тоже подозреваю, что пустотел мыслящий. Тем более что он сейчас зацвел и у него могут возникнуть новые эмоции. Я был бы рад, если бы у тебя голова работала хотя бы в пять раз слабее, чем у Алисы.

— Спасибо, — сказал Коля, — за комплимент.

Само собой разумеется, что после этого он к Алисе стал относиться хуже, чем прежде. Даже возникло мстительное чувство: пускай эти гаврики утянут у нее миелофон. Вот тогда она попрыгает со всеми своими способностями.

— Добро, — сказал Электрон Степанович. — Мне пора. Рад был познакомиться. Может, еще встретимся.

По его тону понятно было, что он уже жалеет, что познакомился. Ну и пожалуйста, подумал Коля.

— А ты не идешь? — спросил Электрон.

— Нет, я посижу еще немного.

— Если что-нибудь понадобится, всегда найдешь меня здесь.

— Спасибо. Учту.

Коля остался сидеть на мягкой, словно диван, лавочке. Солнце уже спряталось за деревья, по небу ползли подкрашенные близким закатом облака. «Надо дать время Электрону уйти домой. Не хочется больше с ним встречаться. Тем более что он подозревает что-то, а если еще раз встретимся, может и догадаться — тогда неизвестно еще, когда я вернусь домой». А домой уже хотелось. Устал Коля, и не столько ноги устали, сколько голова. Она перевыполнила дневную норму. Коля вспомнил, что сегодня по телевизору показывают «Поле чудес», и подумал, что хорошо бы успеть к началу. Конечно, надо бы что-нибудь еще захватить на память, а то мало он везет с собой сувениров, но ничего сувенирного поблизости не было. Даже открыток здесь не продавали. Зря он, пожалуй, утром газету себе не взял. Вот бы ребятам показать! Но тогда он еще не думал, что этот день так скоро кончится.

Коля вытащил из кармана перочинный ножик — неплохой ножик, выменял его у Фимы Королева за две серии марок Бурунди — и решил оставить о себе память. Сиденье скамейки было мягкое, тут ничего не вырежешь, но спинка казалась деревянной. В аллее никого не было, посетители из Космозо разошлись. По большой дорожке, за кустами бамбука, проехала тележка, нагруженная кастрюлями, горшками и термосами. Видно, начали кормить животных. Как бы в пищевом центре снова не перепутали, кому чего давать. Сейчас бы тарелку супа. Вообще-то он суп не любил, кто любит суп? Только по настоянию родителей ты его и ешь. Но если ты провел день на мороженом, бубликах и лимонаде, то захочешь и супа.

Коля повернулся боком и начал вырезать на спинке скамейки свою визитную карточку. Ему уже не раз влетало в жизни за эту страсть. Однажды, когда он вырезал свои инициалы на парте, даже отца вызывали в школу. Но нельзя же уйти из будущего и не оставить никакого следа. Через сто лет надо будет обязательно сюда заглянуть и поглядеть на собственное творчество.

Спинка скамейки оказалась мягкой, резалась легко. Наверно, это не дерево, а какой-то пластик, похожий на дерево.

Коле никто не мешал. Раз мимо прошла какая-то семья, но Коля прикрыл ножик ладонью и сделал вид, что рассматривает кусты. Коля вырезал на спинке большими печатными буквами:

КОЛЯ, 6-Й КЛАСС «Б», 26-Я ШКОЛА

Все ясно, а никто не догадается. Будут искать в их 26-й школе. Электрон, наверно, ушел домой. Пора и ему. Ведь еще придется флипать через полгорода, а в восемь часов начнется «Поле чудес».

Коля сунул ножик в карман и отправился к выходу. Он миновал поляну, на которой дремали склиссы — коровы как коровы, — и повернул на главную аллею, ведущую к выходу. Он шел быстро, но осторожно, и думал, что если увидит Электрона, то поскорее нырнет в кусты. Только бы не в те, что любят мороженое. Коля поравнялся с прудом и увидел, что динозавр Бронтя вылез из воды и стоит передними лапами на берегу. А вот и Алиса. Она повесила черную сумку на ограду пруда, перепрыгнула через нее и оказалась на берегу. Бронтя, как ручной слон, подогнул передние лапы, чтобы Алисе было удобнее на него взобраться. Коля даже замер от удивления. Вот дает!

Алиса уже сидела верхом на динозавре, и тот, осторожно ступив в воду, чтобы не забрызгать свою подругу, поплыл по пруду, а утки-перевертыши, розовые гуси, птицы с иголками словно у ежей и другие странные создания расплывались, как лодки перед пассажирским теплоходом, уступая дорогу.

Друзья выплыли на середину пруда, и динозавр выгнул шею по-лебединому. Зрелище было красивое, и немногие последние посетители Космозо остановились, глядя на эту картину. Да и сам Коля так засмотрелся, что увидел бегущих по дорожке толстяка без шляпы и худенького только тогда, когда они уже приближались к выходу. Толстяк прижимал к груди черную сумку. Коле было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что это сумка с миелофоном, так легкомысленно оставленная Алисой на берегу.

— Эх, — сказал Коля вслух, — я предупреждал!

И он со всех ног побежал за ворами. Ему бы, конечно, закричать, чтобы все их ловили, а он догадался крикнуть, когда бандиты уже скрылись в пещере с искристыми микроптицами.

— Держи! — крикнул Коля, но от быстрого бега у него перехватило дыхание, и если Алиса его услышала и обернулась, то настоящих похитителей она, конечно, не видела.

Коля выскочил на опустевшую площадь перед Космозо. Воры уже подбегали к автобусу. Это был автобус номер 6 «Космозо — Сокольники». Рядом стояли еще два автобуса.

Надо сказать, что Коля бегал все-таки значительно быстрее космических пиратов. Те провели много лет в пьянстве и разгуле на космических кораблях, совсем не занимались спортом, а всю

черную работу поручали другим. Поэтому он влетел в шестой автобус почти одновременно с ворами. Ему еще повезло, потому что как раз перед пиратами шли две женщины, которые оживленно переговаривались и занимали весь проход к занавесу, за которым находились Сокольники, так что худой пират, который бежал впереди, вынужден был затормозить, а толстяк налетел на него и поднял повыше руку с сумкой, чтобы не повредить миелофон. И тут их настиг Коля.

Женщины, так и не узнавшие, что происходит сзади, скрылись за экраном.

Вслед за ними исчез и худой пират Крыс.

Толстяк обернулся и узнал Колю, которого он заметил еще в террариуме. Он выхватил какое-то оружие и угрожающе зарычал, но ничего не посмел сделать, а только поспешил к занавеске.

Бывает, что единственно правильное решение приходит в одну секунду, а если бы ты стал размышлять, никогда бы до него не додумался. Толстяк все еще держал сумку с миелофоном над головой и уже начал входить в экран, как Коля подпрыгнул и рванул сумку к себе. Толстяк этого не ожидал, и его пальцы разжались, а сам он уже был по ту сторону экрана, в Сокольниках, наверно, в двадцати километрах от Коли.

Коля схватил сумку и побежал назад, выскочил из автобуса на площадь. Площадь была большая и совершенно пустая. Как назло, ни одного человека поблизости. И Алисы нет. Что она, не слышала, что ли? Коля забыл, что, когда он побежал за пиратами, Алиса была на спине у Бронти посреди пруда. Оттуда сразу до выхода не доберешься.

Коля замер у автобуса. Он понимал, что ворам достаточно нескольких секунд, чтобы обежать автобус, снова войти в него и вернуться сюда. Что делать? Коля не посмел бежать через всю площадь к Космозо, потому что видел в руке толстяка оружие — пока он будет бежать, пираты его спокойно могут укокошить. И прости-прощай тогда «Поле чудес».

Но перед Колей стояло еще два автобуса. И на ближайшем была надпись:

№ 8 «КОСМОЗО — ПРОСПЕКТ МИРА»

Коля, не колеблясь ни секунды, прыгнул в этот автобус, пробежал через салон, пронесся стрелой сквозь экран и оказался на остановке «Проспект Мира». Там он увидел автобус:

№ 3 «ПРОСПЕКТ МИРА — ГОГОЛЕВСКИЙ БУЛЬВАР»

Как назло, туда входило сразу несколько человек. Пришлось стоять в очереди. Люди никуда не спешили, разговаривали, и Коля потерял целую минуту, пока вошел в автобус. А входя, обернулся и увидел, что из соседнего вылезает худой бандит. Крутит головой, высматривает Колю. Коля понял, что воров перехитрить не удалось: они разделились — один побежал в восьмой автобус, а другой подстерегает его где-то еще.

Коля в отчаянии проскользнул под ногами у пассажиров и пулей пролетел сквозь экран.

Он не знал, успел ли вор его заметить, но все равно решил не терять времени. Чуть не сбив с ног женщину, он побежал через площадь. Он боялся оглянуться, увидеть пиратов, услышать оклик или даже выстрел. Только когда добежал до первых деревьев и спрятался за толстый ствол клена, он перевел дух.

Наверно, ему следовало еще на проспекте Мира позвать на помощь тех людей, которые вместе с ним садились в автобус, но размышлять ведь хорошо на спокойную голову. Если за тобой гонятся преступники, тут не до размышлений. Особенно если они злы на тебя, как спущенные с цепи волки: ведь ты отнял у них ценнейшую добычу.

Стоя за деревом, Коля начал размышлять. Он решил, что не будет возвращаться в Космозо: если Алиса такая халда, что упустила миелофон, пускай теперь поплачет. Знаем мы этих умников-отличников, думал Коля. Сам-то он никогда не ходил в отличниках и не собирался им становиться. Но Коля был человеком незлым и уже придумал, как он вернет миелофон. Он отдаст его Джаваду или кому-нибудь из натуралистов на школьной станции. Они с Алисой вроде бы знакомы и смогут ей вернуть миелофон. А он уедет домой.

Коля все обдумал и хотел идти дальше. Вдруг он увидел, как из автобуса выходит толстяк. Его розовая лысина блестела под лучами заката, как воздушный шар. Толстяк оглядывался. Коля замер за кленом.

Нет, толстяку его не увидеть, решил Коля, и в этот момент тот подошел к женщине, которую Коля чуть не сбил с ног, вылетая из автобуса. Женщина стояла на краю автобусной остановки и ждала, когда подлетит свободный флип-пузырь.

Толстяк вежливо поклонился и спросил ее о чем-то... Коля слов не слышал, но нетрудно было догадаться, что он спрашивает, не пробегал ли только что мальчик. И, к своему ужасу, Коля увидел, что женщина кивнула и показала, как Коля пролетел мимо нее, и протянула руку в сторону бульвара, Коле даже показалось, что ее палец уткнулся прямо в него. Он сжался за стволом дерева. Что делать? Видно было, что толстяк достал из кармана что-то черное, наверно рацию. Вызывает друга. Нельзя тратить ни секунды.

И Коля бросился бежать.

Глава 15

БЕГОМ К МАШИНЕ ВРЕМЕНИ

Если бы Коля лучше подумал, он бы не побежал. С остановки пираты его не видели, но, как только он побежал, толстяк сразу увидел, как зашевелились и задрожали кусты, и, не дожидаясь своего сообщника, бросился за Колей. Да, на короткой дистанции Коля мог обогнать любого пирата, потому что они не занимались спортом и предавались излишествам. Но если надо бежать долго, то пираты были посильней Коли. Они давно сменили свои старые сердца на механические, тем более что сердечность им была ни к чему, а с электронными сердцами на батареях они рассчитывали прожить по тысяче лет.

Когда Коля пробежал по аллее метров сто и оглянулся, он увидел толстяка, который как раз вылез из кустов. Коля понял, что до школьной биологической станции ему не добежать, свернул с дорожки, перескочил через кусты и в два прыжка оказался на мостовой. Он решил укрыться в доме, который сам строил сегодня утром. Строителей уже не было видно. Они, к сожалению, уже ушли. Но то ли нарочно, то ли по недосмотру строителей входная дверь заросла кораллами, окна были слишком высоки, чтобы в них влезть. Да и страшно: если воры заметят, окажешься в ловушке. Коля наискосок метнулся к бульвару и помчался к биостанции. Только бы успеть к ребятам! Уж при них бандиты не посмеют на него напасть. А если и посмеют, Джавад с Аркашей спасут миелофон.

Коля выскочил на площадку, пробежал мимо клумб и полянки, где его утром кормили растительными бубликами, но и там никого не было. В бассейне спокойно плавали дельфины, и один из них, увидев Колю, подпрыгнул в воде, словно обрадовался знакомому.

— Где Джавад? — крикнул на бегу Коля.

Конечно, дельфин ничего не ответил. С дерева спрыгнула мартышка и поскакала по земле рядом.

Ни одного биолога. Ни души. Все ушли домой. Коля услышал отдаленное пыхтение.

— Стой! — донесся крик.

Его заметили!

Коля свернул с дорожки, бросился к лаборатории. Но коралловый домик закрыт.

Даже негде оставить миелофон, чтобы его не увидели бандиты.

И негде спрятаться самому.

Оставался один путь — по Сивцеву Вражку, к Институту времени.

Коля несся по улице, виляя, как заяц. Он где-то читал, что, если так бежать, тебя труднее подстрелить.

Возле скамейки, где он сидел со стариком Павлом, Коля остановился. Он понял, что больше не сможет сделать ни шагу. Неподалеку пролетел пузырь. В пузыре кто-то сидел. Коля в отчаянии замахал рукой, но человек в пузыре не понял. Он помахал рукой в ответ и полетел дальше.

Коля снова услышал проклятое пыхтение. Толстяк сворачивал на Сивцев Вражек. Пришлось снова бежать. Коля все ждал, что у него откроется второе дыхание, но никакого второго дыхания не открывалось.

Вот и Институт времени. Такой же спокойный, громадный, величественный, как и утром. И такой же пустой. Надо же было Коле прибыть в будущее именно в день праздника, когда большая часть москвичей отправилась на Лунный фестиваль или на юг к морю, отдыхать и загорать.

Коля с разбега ударился о прозрачную стену — вход в институт. Но стена не открылась, как утром, когда он выходил. В институт нельзя было входить посторонним, потому что обращаться со временем надо осторожно. Только те, кто специально учится этому, допускаются в здание.

Коля бился о прозрачную дверь, как муха о стекло. Вот она рядом, лестница на второй этаж, и там, за ней, — кабина времени, дверь в прошлое.

Вот-вот выскочат преследователи. Отчаявшись, Коля побежал вдоль стены, надеясь, что найдет какой-нибудь запасной выход, который забыли закрыть.

Не успел Коля скрыться, как перед Институтом времени показались пираты. Они издали видели, что Коля подбегал к зданию, и решили, что он уже внутри. Из-за угла Коля увидел, как они остановились перед входом. Уже начало темнеть, и место, где он спрятался, было покрыто синей глубокой тенью. Колей вдруг овладела надежда, что пираты постучатся-постучатся в дверь, а потом уйдут. Или кто-нибудь пройдет мимо и спугнет их.

Но пиратов не так легко провести. Они сразу поняли, что прозрачная преграда не поддастся их толчкам, и догадались, что мальчик, за которым они гнались, не мог туда проникнуть, раз у него нет электронного ключа. Они разделились и пошли в разные стороны вокруг здания.

Толстяк прошел на расстоянии одного шага от лежавшего в траве Коли и, если бы он сам так громко не пыхтел, наверняка бы услышал, как громко бьется у Коли сердце. У следующего угла он встретил своего сообщника, и они начали совещаться. До Коли доносились приглушенные голоса:

— Шпппш-грххх-вппр.

— Гпprр-кхж-дппнр.

Коля не понимал пиратского языка и, затаившись, следил, что они будут делать. А пираты решили, что Коля как-то пробрался внутрь.

Толстяк вытащил из-под плаща блестящую штуку, которую в автобусе Коля принял за пистолет. Худенький отступил на несколько шагов назад. Толстяк прицелился в закрытое окно первого этажа, и сверкающий луч врезался в стекло. Это стекло нельзя было разбить кулаком или камнем, но ведь никто, когда строили Институт времени, не предполагал, что против него будет применен космический бластер.

Коля услышал, как зашипело стекло, и расплавленные ручейки, красные в вечернем свете, поплыли, затвердевая, по коралловой стене.

Пираты стояли, ждали, пока коралл остынет, чтобы не обжечься.

Потом худенький бросил на подоконник голубую накидку, а толстый начал протискиваться в узкое окошко. Через минуту наружу торчали только его ноги в башмаках с загнутыми носками. Слышно было, как плюхнулась тяжелая туша, и наступила тишина.

Худенький спросил:

— Пхрфшк?

Изнутри раздалось:

— Фртт-тртф.

Худенький отошел от окна и поспешил за угол — стеречь вход, чтобы Коля не выскочил.

Самое лучшее для Коли было отлежаться в высокой траве, пока толстяк не вернется обратно и бандиты не уйдут искать счастья в другом месте. Но у Коли была теперь только одна мысль: скорее добраться до кабины времени — и домой, домой, домой...

Сосчитав до пятидесяти, он поднялся и перебежал к окну. Толстяк мог притаиться и ждать. Поэтому Коля сначала присел на корточки под окном, прислушиваясь, а когда ничего не услышал, поднялся и заглянул внутрь. Окно вело в пустую комнату, где вдоль стены стояли роботы-уборщики. Дверь в коридор была раскрыта. Коля подтянулся на руках. Подоконник доставал ему до подбородка, и забраться внутрь удалось не сразу: усталые ноги скользили по коралловой стене, руки были вялыми, как ватные. Вдруг сзади раздался тонкий голос:

— Ага, попался!

И Коля понял, что все погибло. Худенький бандит услышал, как он карабкается, и поспешил сюда. И тогда случилось совершенное чудо: ноги нашли какую-то выпуклость на стене, руки, словно стальные, подтянули тело наверх, и Коля тут же перевалился через подоконник внутрь. Бандит, правда, успел вцепиться в ногу и тянул к себе. Коля брыкался, и так сильно, что ботинок остался в руке бандита, а сам Коля свалился на пол в комнате.

Он тут же вскочил и, придерживая сумку с миелофоном, кинулся прочь из комнаты. Бандит кричал что-то и карабкался вслед.

Коля бежал по коридору, ища какую-нибудь лестницу наверх. Вот и лестница. Коля взбежал по ней и влетел в зал, посреди которого стоял толстяк, прислушиваясь к шуму.

— Стой! — крикнул он, завидев Колю.

Но Коля уже выскочил на лестничную площадку пролетел на этаж выше — вот тут-то у него и открылось второе дыхание, — сбежал снова вниз по другой лестнице и увидел приоткрытую дверь, возле которой на полу блестел пятак. Он же сам так отметил дверь, чтобы не заблудиться на обратном пути.

Коля влетел в зал, захлопнул за собой дверь, скользнул между приборами и инструментами в заднюю комнату — в такую же, как у соседа Николая Николаевича. Кабина стояла, как спасательная лодка в бурю.

Коля прислушался. Снаружи ничего не слышно. Может, погоня потеряла след.

Он глубоко вздохнул и вошел в будку.

Такая же панель, как и в той, что стояла в его времени. Только подписи под рычажками были другие. Там, в прошлом: «Промежуточная станция» и «Конечная станция». Здесь «Начальная станция» и «Конечная станция».

Коля включил систему и с удовольствием услышал знакомое жужжание. Машина работала.

Теперь надо нажать на рычаг «Вкл.». А потом? Наверно, все-таки «Начальная станция». Только бы его отправили в свое время, а не куда-нибудь к Пушкину или бронтозаврам!

Колина рука замерла над пультом.

Он услышал, что кто-то открывает дверь в комнату.

Он нажал на кнопку «Начальная станция» и перевел рычаг на «Пуск».

И тут же стал проваливаться в бесконечность, в ничто, где нет ни начала, ни конца, ни верха, ни низа — только вертящаяся пустота.

Коля несся через время.

Часть вторая

ТРИ К

Глава 1

ОНА НЕ ПОМНИТ

Молодой, но толстый и усатый Алик Борисович, дежурный врач, был самым веселым человеком в больнице. Можно подумать, что люди попадают сюда для собственного удовольствия. Ну и, конечно, для того, чтобы послушать, как Алик выловил щуку на Дону или как он подражает соловью.

В тот день он пришел в палату после обеда и сказал притворно-грустным голосом:

— Я не смогу пережить разлуку с вами. Что я буду здесь делать?

Юля Грибкова сказала:

— Скорей бы выписали. А то у нас экскурсия.

Алиса, фамилии которой никто не знал, промолчала, словно ее эти слова не касались.

— Как твой бывший аппендицит? — спросил Юлю Алик Борисович.

— Утром немножко болело, — сказала Юля.

— Я же обещал, что через неделю забудешь.

Юля хотела ему ответить, что, наверно, ему-то самому никогда не вырезали аппендицит и он не знает, что это такое, но спорить не стала.

— А как наши дела, Алиса батьковна? — спросил Алик.

— Хорошо.

— Что-нибудь новенькое нам расскажешь?

— Нет.

Юля смотрела на Алису и жалела ее. Бывает же, не повезет человеку. Несколько дней назад Алиса перебегала улицу и натолкнулась на троллейбус. Ушибла себе голову, получилось сотрясение мозга. Но это еще не самое плохое. Когда Алису привезли в больницу, оказалось, что она начисто все забыла. Алик Борисович сказал, что эта болезнь называется «амнезия», чаще всего она проходит. Но представляете себе, забыть, как твоя фамилия, где

ты живешь, где учишься, даже забыть, кто твои родители! И что самое удивительное — в тот момент Алиса была в шортах, куртке и тапочках. Ни одной бумажки, ни монетки, ничего у нее не было. А Юлькина мама Наташа сказала, как следователь из милиции, который приходил вчера расспрашивать Алису — не может же человек исчезнуть незаметно, — сказал в коридоре заведующей отделением, что милиция опросила жильцов всех окрестных домов у того места, где Алиса столкнулась с троллейбусом, но никто ничего не знает. И ни один родитель не звонил в милицию или в больницу и не разыскивал свою дочку. «Мы, — сказал следователь заведующей, — уже по детским домам ее фотографию разослали и в другие города написали». Получилось, что Алиса пропала и не пропадала, и в этом была тайна. Юля подумала, что, если бы она пропала хоть на один день, мама с бабушкой перевернули бы всю Москву вверх тормашками.

А на вид Алиса была самая обыкновенная девочка, лет двенадцати, волосы у нее были светлые, коротко подстриженные, глаза голубые, ноги длинные, все как у людей, даже немного загорелая, хотя в апреле еще рано загорать.

Юлька знала про Алису еще одну тайну, но никому об этом не сказала. Вчера вечером, хотя Алисе еще не разрешили вставать, она пыталась убежать из больницы. В больничной пижаме, когда все утихло, она тихонько поднялась с кровати и пошла к двери. В палате они с Юлей были вдвоем — третью девочку позавчера выписали. Юля еще не спала. Она спросила:

— Ты куда, Алиса?

— Сейчас вернусь.

Но Юля почувствовала неладное. И сказала:

— Тебе же вставать не велели.

— Я вернусь, — сказала Алиса.

— Слушай, — сказала Юля, которая отличается проницательностью. — Если ты решила сбежать, то обязательно простудишься. На улице дождь и почти ноль градусов.

— Я и не думаю бежать, — сказала Алиса и вышла в коридор.

Но в коридоре она сразу столкнулась с дежурной сестрой. Юля слышала, как они там разговаривают. Затем Алиса вернулась обратно и легла.

— Не удалось? — спросила Юлька.

— Не удалось.

— Я же тебе говорила. Да и куда бы ты пошла?

— Я знаю.

— Ничего ты не знаешь. У тебя память отшибло. Простудилась бы и залегла на месяц.

— Я не простужаюсь, — сказала Алиса.

— Ничего себе — Робин Гуд! — засмеялась Юлька. — Все люди, которые бегают по улицам в пижамах при ноле градусов, обязательно простужаются. Это мировой закон. А вообще-то я знала, что двери в больницу заперты, так что не очень волновалась за твое здоровье.

— Ну и спасибо, — сказала Алиса. Она была расстроена и больше ни на какие Юлькины вопросы не отвечала.

А Юлька тогда еще подумала, что с Алисой связано больше тайн, чем нужно. В самом ли деле она ничего не помнит?

Вот и сейчас, слушая, как разглагольствует доктор Алик и шевелит усами, словно добрый кот, она все время присматривалась к Алисе. Если ты лежишь в больнице и тебе под руку попадается тайна, то легче легкого стать Шерлоком Холмсом.

— Прошлым летом, — сказал Алик Борисович, — мы с приятелем поехали на Дон рыбачить. Ты, Алиса, когда-нибудь была на Дону?

— Не знаю, — сказала Алиса.

— Ну, это неважно.

Ой, хитрец, подумала Юля. Веселый-веселый, а о работе помнит. Мама говорила Юле, что в таких случаях, как у Алисы, важно найти какую-нибудь деталь, ниточку, и тогда уже распутывать.

— Значит, приехали мы в станицу, — продолжал Алик Борисович. — Недалеко от Азовского моря. Жара стоит жуткая, а арбузы еще не поспели. Остановились мы у одного казака, такой колоритный старик, с чубом, в синей фуражке...

— Милиционер? — спросила Юля.

— Нет, просто раньше у казаков такая форма была, вот старики и носят синие фуражки.

Алиса отвернулась к окну, смотрела, как по стеклу стекают капли.

— И вот старик говорит нам: отвезу я вас на Азовское море... Ты, Алиса, не была на Азовском море?

— Нет.

— Почему ты так думаешь?

— Не была, и все тут.

— А на Черном?

— На Черном была.

— А что там делала? Отдыхала?

— Нет, работала. Дельфиний словарь составляла.

Алик Борисович засмеялся и сказал:

— Видно, у нас дело пойдет на лад. А ты одна была на Черном море или с родителями?

— Не помню...

«Нет, — подумала Юлька, — врачей ты, может, и проведешь, они тебя жалеют. И вообще слишком много знают. Меня ты не проведешь. Почему-то ты хочешь показать, что помнишь меньше, чем на самом деле».

— Так вот, — сказал Алик Борисович, — садимся мы в лодку...

В этот момент в палату заглянула сестра Шурочка и сказала:

— Алик Борисович, вас к телефону.

Когда доктор ушел, Юлька спросила:

— Ты бежать раздумала?

— Раздумала.

— А почему?

— Простудиться боюсь.

— А на самом деле?

— На самом деле меня в этой пижаме тут же обратно привезут.

— Ого! Уже прогресс, — сказала Юлька. — Видишь, как полезно слушаться старших.

— Это кто старший?

— Я.

— Тебе сколько лет?

— Двенадцать.

— А мне одиннадцать, — сказала Алиса. — Я думала, что тебе тоже одиннадцать.

— Ты в каком классе? — спросила Юля.

— Трудно сказать. Ты не поймешь.

— Ничего себе — не пойму! Я в шестом, ты, наверно, в пятом. Вы что по литературе проходите?

— У нас другие классы, — сказала Алиса. — Я сейчас по прикладной генетике стажируюсь. Это тебе что-нибудь говорит?

— Говорит, — сказала Юля. — А у нас английская школа. Только я думаю, что тебе еще рано генетикой заниматься.

— Никогда не рано, — сказала Алиса. — Я буду космобиологом, как отец. А без прикладной генетики в биологии делать нечего.

— Ой! — сказала Юлька. — Послушал бы тебя Алик!

— А что?

— Да ты же ничего не помнишь! Даже как твоя фамилия. А оказывается, твой отец космобиолог.

— Это нечаянно вспомнилось...

— Ну, тогда я тебе помогу, — сказала Юлька. — Если твой отец космобиолог, то он не в Москве работает. Поэтому тебя еще не нашли. Он или на Байконуре на космодроме работает, или в Звездном городке.

— Нет, — сказала Алиса, — он в Москве работает, в Космозо...

— Где?

— В одной организации. Только он сейчас улетел на конференцию. И вернется через две недели. Вернется... а я уже почти неделю зря потратила.

— А мама твоя?

— Мама на...

И тут Алиса осеклась, как подпольщица, которая чуть было не проговорилась на допросе.

— Тоже вспомнила? — спросила Юля.

— Вспомнила и забыла.

— Ой, и трудно нам с тобой! — воскликнула Юля.

Тут в палату пришла сестра Шурочка с градусниками и лекарством для Алисы. Шурочка недавно кончила училище, готовилась поступать в медицинский институт и к медицине относилась серьезно, куда серьезнее, чем доктор Алик. А вообще-то она была добрая.

Пока Алиса принимала лекарство, Шурочка сказала:

— Ой, девчата, сегодня мне голову мало отрубить!

— Почему? — удивилась Алиса.

— Потому что я лекцию прогуляю. Что будет, что будет!..

— Наверно, вы в кино пойдете? — сказала Юля.

— В самую точку! Алик Борисович билеты взял. Даже не понимаю, почему он меня пригласил. Я думала, он меня и не замечает. Он такой ученый, девочки!

— А что смотреть? — спросила Юля, которая сейчас с удовольствием сходила бы в кино с кем угодно. Или даже одна.

— Французскую комедию, я названия не помню. Луи де Фюнес играет. Знаете, такой вот. — И Шурочка скорчила рожу, чтобы показать, какой из себя Луи де Фюнес.

— Я его знаю, — сказала Юлька. — Он смешной. Ты, Алиса, его помнишь?

— Нет, — сказала Алиса. — Никогда не видела.

— Бедная девочка! — сказала Шурочка. — Надо же так, все забыть! Даже Луи де Фюнеса. Но Алик Борисович обещал, что ты обязательно все вспомнишь.

— А она нарочно ничего не вспоминает, — сказала Юля и краем глаза поглядела на Алису. — Она хочет все старые фильмы снова посмотреть. Нам с вами, Шурочка, неинтересно, а ей теперь вдвое больше удовольствия предстоит.

— Как тебе не стыдно, Юля! — возмутилась Шурочка. — Алиса страдает, а ты шутишь! Ты представляешь, что сейчас переживают ее родители? У тебя никогда детей не было, тебе не понять...

— А у вас много было? — спросила Юлька.

— Не говори глупостей! — Шурочка покраснела, как помидор. — Рано тебе думать о таких вещах.

— Вам тоже еще рано.

Юлька Грибкова, как известно, человек упрямый и всегда хочет, чтобы последнее слово оставалось за ней.

Шурочка ушла расстроенная: она считает, что дети теперь слишком быстро растут и от этого невежливые.

— Что бы я отдала, чтобы сейчас в кино попасть! — сказала Юля.

— Что? — спросила Алиса.

— Ну, например, ужин.

— Ты и так ужин не ешь, — сказала Алиса. — У тебя еще полная тумбочка вкусных вещей осталась, которые мама принесла. И в холодильнике в коридоре лежат.

— Это все не считается, — сказала Юля. — Если тебе чего-нибудь хочется, бери. А то моя бабушка расстраивается, что тебя никто не навещает.

— Спасибо. Пирожки у твоей бабушки вкусные. Только тебе их пока нельзя.

— Через неделю мне все можно будет.

— А вот чего ты никогда не ела, — сказала Алиса, — это брамбулет.

— Такого блюда нет, — сказала Юля.

— У вас нет, а у нас есть.

— Из чего же твой брамрулет делают?

— Не брамрулет, а брамбулет. Я его сама готовить умею. Ты

берешь обыкновенный мангустин и жаришь его в петеяровом масле минут пять.

— Значит, в петеяровом?

— Именно в петеяровом.

— А если я хочу в сливочном?

— Тогда ничего не получится.

— А из чего делают петеяровое масло?

— Из ангельдинских петеяров, разве не понятно?

— Совершенно понятно. Обожаю ангельдинские петеяры. А обычные мангустины ты откуда достаешь?

— Как откуда? Из Индии.

— Так ты, оказывается, кулинар-искусник.

— Да что с тобой разговаривать, все равно не поверишь! — сказала Алиса.

— Знаешь, мне кажется, что я уже всему поверю.

Юля почувствовала, что Алиса вот-вот откроет тайну, но Алиса замолчала. Взяла одолженный у Юльки журнал «Юный натуралист», читала как ни в чем не бывало.

Приставать Юлька к ней не стала. Не хочет — не надо. Сама взяла книжку. Так они и читали, наверно, целый час. Потом Алиса вдруг отложила журнал в сторону и сказала с возмущением:

— Изверги какие-то!

— Ты это о ком?

— Тут написано про охотников. Ранили олененка и ушли.

— В журнале же рассказано, как мальчик этого олененка подобрал и выходил. Там никто таких охотников не защищает.

— Вообще все охотники изверги, — сказала Алиса. — И такие и другие. Нет никакой разницы.

— Ты чего злишься? — спросила Юлька. — Я не охотник.

— А если ты не охотник, ты хорошая, значит, и что другие делают, тебе все равно?

— Если охотники соблюдают правила и не браконьерствуют, то никто им не может запретить это делать.

— Ты в самом деле так думаешь?

— А ты не так?

Странные у Юли складывались с этой Алисой отношения. Вроде бы они и не ссорились, а все время были готовы поссориться. Какое-то между ними было непонимание.

— Я вообще не вижу разницы между тем, чтобы убить животное или убить человека, — произнесла Алиса злым голосом.

Глава 2

У НАС В КЛАССЕ ТРИ КОЛИ

Юлька делала вид, что читает, даже страницы переворачивала. Но спроси ее, о чем она прочла, не смогла бы ответить, но первой заговорить с Алисой не хотела. Прошел, наверно, целый час, и вдруг Алиса спросила:

— Так ты в шестом классе учишься?

— Да, в шестом.

— А какая буква класса?

— «Б».

— Правильно, — сказала Алиса. — В шестом «Б». Это мне и нужно. Двадцать шестая школа?

— А ты как догадалась?

— Мне очень нужно, чтобы ты училась в двадцать шестой школе. Должно же мне повезти.

— Ничего удивительного, что я из двадцать шестой. И школа моя поблизости. И больница районная. Удивительней было бы, если бы я училась в Сокольниках. А зачем тебе наша школа?

— Мне школа не нужна. Мне нужен Коля из твоего класса. Как его фамилия? Где он живет?

— Какой Коля? Их у нас в классе три. Сулима, Садовский и Наумов.

— Как так — три? Я думала, один. Это все осложняет.

— Что осложняет? Ты не человек, а сплошная загадка! И не верю я, что ты память потеряла. Притворяешься ты, а зачем, не пойму.

— Мне нужно найти мальчика Колю, который учится в шестом классе «Б». Просто правда так невероятна, что не поверишь.

— Поверю.

— Я все расскажу. Не торопи меня. Но ты должна мне помочь найти Колю.

— Как я тебе помогу? Ведь ты не знаешь его фамилии. Если тебе от него что-то нужно, приходи к нам в класс и сама спроси.

— А я его никогда не видела.

— С ума сойти! Ну, спроси всех трех по очереди.

— А вдруг он не ответит? Вернее всего, не ответит.

Открылась дверь, и вошла Юлькина мама Наташа, которая почти каждый день приезжала после работы. Пришлось прекратить разговор. Юля даже огорчилась, что мать пришла не вовремя. Наташа принесла букет цветов, новые журналы, Юльке пись-

мо из школы, от ребят из класса, а Алисе — целую пачку газет и коробку шоколадных конфет. Юльке конфет еще нельзя.

— Ты только не очень читай, тебе не велели, — сказала Наташа. — Все-таки сотрясение мозга, с этим шутить нельзя.

— Я не шучу, — сказала Алиса. — Большое спасибо.

— Я заглянула в киоск, — сказала Наташа, — и купила областных и республиканских газет. Знаешь, я подумала, что если ты жила не в Москве, то вдруг увидишь свою газету и вспомнишь...

— Нет, — сказала Алиса, — своей газеты я не увижу. Она совсем другая.

— А какая? — удивилась Наташа.

— Не помню.

Когда Наташа ушла и принесли ужин, Алиса сказала:

— У тебя мама совсем молодая и очень красивая.

— Знаю, — сказала Юлька. — Не ты одна так думаешь. А твоя мама старая?

— Нет, — сказала Алиса. — Не представляю, как ее обмануть, ну просто не представляю. Я вообще-то врать не люблю.

— А кто любит? — удивилась Юлька. — Но иногда приходится. Чтобы не огорчать. Ведь родители жутко за нас огорчаются.

Уже стемнело, заглядывал Алик Борисович, попрощался, но про кино не сказал. Потом заглянула Шурочка, тоже попрощалась и сказала:

— Ну это просто удивительно. Я так рада, девочки, так рада! Только никому ни слова.

— Клянемся! — сказали Алиса и Юлька.

Когда Шурочка убежала, они расхохотались и долго не могли остановиться.

— У взрослых бывают тайны, о которых даже думать смешно, — сказала, смеясь, Юлька.

— У так называемых взрослых, — поправила ее Алиса. — Она всего лет на шесть-семь старше нас. Пустяки.

— Пустяки, — согласилась Юлька.

— Расскажи мне про свой класс, — сказала Алиса.

— А что рассказать?

— Как вы учитесь, часто ли ходите в школу, какие специальности у вас — все расскажи.

— Я даже не знаю, с чего начать. Ведь ты и так все знаешь.

— Я все забыла. Считай, что я ничего не знаю. Ровным счетом.

— Я не знаю, когда тебе верить, а когда нет.

— Честное слово, я почти ничего не знаю о твоей школе. Не знаю, как у вас учатся, как в школу ходят.

— А сколько у нас классов, помнишь?

— Кажется, десять. Правильно?

— Видишь, вспомнила. А с каких лет в школу идут?

— С пяти?

— Ой, Алиса, с семи! Ты или великая притворщица, или на самом деле у тебя каша в голове. Постой, а может, ты не из Москвы?

— Как ты себе это представляешь? — спросила Алиса строго.

— Ну, может быть, ты туристка, приехала из-за границы вместе с родителями и потерялась.

— А разве я плохо по-русски говорю?

— Нет, хорошо.

— Совсем хорошо?

— Совсем.

— Спасибо. Значит, в школу идут только с семи лет? А что же до этого делают?

— В детский сад ходят, играют, пирожки из песка делают... Ну что малышам делать?

— Странно, — сказала Алиса. — В пять лет я уже... — И замолчала.

— Что ты в пять лет?

Кто-то шел по коридору, остановился за дверью, но не вошел, а как будто прислушивался к разговору. Дверь была застекленная, матовая, и на ней был виден силуэт человека.

— Кто это может быть? — спросила Алиса.

— Мало ли кто? А тебе не все равно? Ты кого-нибудь ждешь?

— Нет.

— И все-таки я думаю, что ждешь. Я бы на твоем месте все время дрожала от ожидания. Вдруг откроется дверь и войдет твоя мама?

— Не войдет, — вздохнула Алиса. — Я здесь одна.

— Ну, а если войдет?

— Уж лучше бы не входила.

— Она с тобой плохо обращалась? Может, ты из дому нарочно убежала? Может быть, у тебя не мама, а мачеха? Злая?

— Не говори чепухи, — ответила Алиса. — У меня чудесная, просто замечательная мама, не хуже твоей.

— А вдруг она войдет, а ты ее не узнаешь? У тебя ведь амнезия.

— Может быть, — сказала Алиса и отвернулась к стене. Может быть, заснула, а может быть, потихоньку плакала. Юля не могла сказать наверняка, хотя прислушивалась.

Глава 3

Я ТВОЙ ПАПОЧКА

Прошло часа два-три. В больнице все утихло, многие заснули. Алиса все так же лежала лицом к стене, а Юлька читала. Парниковые розы, которые принесла Наташа, стояли на тумбочке у кровати Юльки, и она чувствовала их свежий и приятный запах.

Вдруг снова в коридоре послышались шаги. Те же самые, что и раньше. Кто-то осторожно, но тяжело подошел к двери и остановился.

— Алиса, — шепнула Юлька, — смотри, снова он.

Алиса села на кровати и прижала палец к губам.

Силуэт человека постоял немного у двери и снова исчез.

— Мне это не нравится, — сказала Юлька. — Я позвоню дежурной сестре.

— Погоди, — сказала Алиса.

И тут они услышали, как в коридоре кто-то разговаривает. Несколько человек шли по коридору. Вот они остановились у двери. Дверь медленно раскрылась.

Но ничего не случилось. Вошла дежурная сестра Мария Павловна. Это была пожилая и строгая сестра, больные ее не очень любили, потому что она всегда говорила о правилах и о том, что их надо соблюдать. А кому хочется соблюдать правила, особенно если ты уже выздоравливаешь?

— Вы не спите, девочки? — спросила Мария Павловна. — Алиса, с тобой хочет поговорить Александр Борисович.

Алиса очень удивилась:

— Алик Борисович? А разве он...

Но Алик Борисович уже вошел в палату.

— Как себя чувствуете, девочки? — спросил он, как будто и не прощался с ними два или три часа назад.

Может, он уже вернулся из кино, подумала Юлька. Но что могло случиться? Поссорился с Шурочкой?

— Надеюсь, все в порядке, — сказал Алик Борисович. — А у меня для Алисочки сюрприз. Замечательный сюрприз! Я бы заставил тебя сплясать, но тебе еще вредно. Можешь собираться домой.

— Как? (Юлька увидела, как Алиса побледнела.) Не может быть!

— Может, может! — Алик так веселился, будто сам вот-вот

пустится в пляс. — Все хорошо, что хорошо кончается! За тобой приехал твой папочка. Так что можешь собираться домой.

— Мой отец не может приехать, — сказала Алиса.

— Деточка, не сопротивляйся, — сказал Алик Борисович. Потом он обернулся к Марии Павловне и сказал строго: — Попрошу вас собрать вещи девочки и подготовить выписку.

— Как же так, Александр Борисович? — удивилась Мария Павловна. — Прямо сейчас, на ночь глядя? Нет, я возражаю.

— Попрошу не возражать! — сказал Алик совсем другим голосом. Юля никогда бы не подумала, что он может разговаривать таким голосом. — Выполняйте мое указание.

— Завтра утром, — сказала Мария Павловна. — Согласно правилам. С разрешения заведующего отделением. На нарушение правил я не пойду. Тем более что вы, Александр Борисович, уже сменились с дежурства, а дежурного врача нет.

— Я не виноват, что ночной дежурный врач куда-то ушел, — сказал Алик. — Он за это ответит. Но мы не можем насильно отрывать ребенка от семьи. Ее отец специально приехал из другого города, он переживает, волнуется. Послушайте.

Алик замолчал, и все услышали, как за дверью кто-то громко сопит, а может быть, плачет.

— Вот, — сказал Алик Борисович. — Вы хотите нанести травму и ребенку, и всей семье из-за каких-то дурацких правил. Идите, приготовьте документ, я подпишусь где надо, и дело с концом. Проявите наконец человеческие чувства.

— Но ребенку еще вредно передвигаться. У нее было сотрясение мозга.

— Было и прошло, — ответил Алик. — Я ее сегодня осматривал. Ничего с ней не случится.

— Александр Борисович, я вас буквально не узнаю! — воскликнула Мария Павловна. — Вы ведете себя странно.

— Идите! — сказал Алик. — И ждите на своем рабочем месте. И если вы не сделаете то, что я вам велел, я на вас напишу жалобу.

— Что? — Мария Павловна так удивилась, что чуть в обморок не упала. — Вы... на меня... жалобу?

И тут Алик буквально вытолкнул в коридор Марию Павловну и сказал тому, кто ждал снаружи:

— Заходите, папаша. Ваша дочка ждет вас с нетерпением.

Оттолкнув Марию Павловну, в палату втиснулся мягкий, весь трясущийся от жира толстяк в темных очках и низко надвинутой

на лоб шляпе. Это был такой толстый и так странно одетый, словно замаскированный, человек, что Юля даже рот открыла от удивления.

— Где моя доченька? — сказал толстяк тонким голосом. — Где мое сокровище? — И он, широко раскрыв толстые ручищи, пошел прямо к Алисе. — Идем, идем домой, в семью, к папе и маме, — говорил толстяк, надвигаясь на Алису, как паровоз.

— Нет! — закричала вдруг Алиса. — Не смейте подходить ко мне! — Она сидела на кровати, прижавшись спиной к стене и закрывшись одеялом до самого подбородка. — Не смейте! Вы никакой мне не отец! Я вас где-то видела, но вы мне не отец!

— Стойте! — крикнула Юлька, которая сразу поверила Алисе. — А то я буду кричать, а вы еще не знаете, как я умею кричать.

— Погодите, — остановил толстяка Алик Борисович. — Не надо нервировать детишек. У вашей дочери было сотрясение мозга и травма. Она потеряла память. Она вас не узнаёт, и в этом нет ничего удивительного. И ты, девочка, не волнуйся. Сейчас мы все вместе вспомним, и ты поедешь домой, все будет хорошо. А ты, Юля, не кричи. Зачем кричать, когда в соседних палатах спят больные дети. Зачем их будить?

— Алиса, неужели ты забыла своего дорогого папочку? — сказал толстяк плаксивым голосом. — Ты забыла, как я качал тебя на ручках? Ты забыла, как мы с тобой летали на...

При этих словах доктор Алик почему-то схватил толстяка за рукав и зашипел, как змея.

— Правильно! — крикнула Юлька. — Еще надо разобраться, какой он ей отец. У него документы есть?

— Есть у меня документы, — сказал толстяк. — Все документы. — Он вытащил из кармана широченных брюк пачку каких-то бумажек и помахал ими перед носом Юли.

— Девочка, не вмешивайся в дела взрослых, — сказал Алик Юльке. — Тебя никто не приглашал. Тебя это не касается.

— Еще как касается! — сказала Юлька. — Меня абсолютно все касается. Вы даже не представляете, как много вещей меня касается.

У Юльки было такое состояние, что к ней лучше не подходить, особенно если вспомнить, что она умеет царапаться, как кошка, хотя с первого класса не пускала своего опасного оружия в ход.

— Вставай, Алиса, — сказал Алик. — Поторапливайся. Мы

убедились, что этот гражданин твой отец. Ты уедешь с ним домой и там сразу все вспомнишь и выздоровеешь.

Алик кивнул толстяку, чтобы он забирал дочку, и тот потянулся к Алисе. Но Алиса вскочила во весь рост и прижалась к стене. Руки толстяка, как клешни рака, сомкнулись в пустом месте.

— Скорей же! — крикнул Алик. — Сейчас придут!

— Они заодно! — крикнула Юлька. — Они заодно!

— Конечно, — ответила Алиса, ускользая из рук толстяка и Алика, который зашел со спинки кровати, чтобы помочь лжеотцу. — Ты посмотри на его ботинки!

— На чьи ботинки?

— Аликины.

Юлька, которая тоже стояла на кровати, посмотрела вниз и сразу поняла, в чем дело: оба ботинка Алика Борисовича были на одну ногу. На правую.

— Что такое, что такое? — спросил Алик, тоже глядя на свои ботинки.

И Юлька увидела совершенно фантастическую штуку: у нее на глазах тот правый ботинок, который был надет на левую ногу, шевельнул носком, изогнулся и превратился в обычный левый ботинок.

— Ой! — сказала Юля.

— Не обращай внимания, — сказал Алик Борисович. — Моя обычная рассеянность.

Вдруг раздался крик Алисы.

— Юлька!

Пока Юлька глядела на ботинки, толстяк ухитрился схватить Алису, и так ловко, что она оказалась прижатой к его боку и не могла сопротивляться.

Она болтала ногами, стучала кулаками по мягкому боку, но толстяк не обращал на это внимания. Он опрокинул тумбочку — цветы упали, вода разлилась по полу — и поспешил к двери.

Все погибло, подумала Юлька. И тогда она вспомнила славные древние времена, когда на даче она была вождем краснокожих и водила свое суровое племя в смелый набег на бледнолицых соседей.

Она издала боевой клич ирокезов и прыгнула, как пантера. Когтями она вцепилась в щеку толстяка.

От клича зазвенели стекла, и одно даже вылетело наружу. Все, кто спал в больнице, проснулись. Воробьи попадали с веток, во-

роны взлетели к самым облакам, один шофер въехал в кювет, потому что подумал, что его обгоняет пожарная машина. Как потом выяснилось, только дежурный ночной врач не проснулся — кто-то сделал ему укол снотворного, и он спал в подвале на куче картошки.

Нападение Юльки было таким неожиданным и сильным, что толстяк выпустил Алису и она упала на пол, замахал руками, чтобы сбросить повисшую на нем Юльку, и, когда ему удалось это сделать, помчался к двери, сорвав ее с петель. Дверь стукнулась о другую стенку коридора. Алик Борисович завопил: «Тррпррф!» — и убежал вслед за толстяком.

Юлька с Алисой сидели на полу и мотали головами, чтобы прийти в себя.

— Ну, как мы их? — спросила Юлька.

— У тебя, наверно, швы разошлись, — сказала Алиса. — И вообще ты — настоящий друг.

— Так это был не твой отец?

— Нет, никакой он мне не отец. Это космический пират, его зовут Весельчак У.

— Ты с ума сошла, Алиса! Какой еще космический пират?

— Я тебе все расскажу. Я тебе теперь полностью доверяю. Только пускай все немного успокоятся. Слышишь, сюда уже бегут.

Это бежала Мария Павловна.

— Что случилось? — воскликнула она, влетая в палату. — Девочки, почему вы сидите на полу? И еще в воде! Это совершенно запрещено правилами.

Девочки рассмеялись и встали.

Уже прибежала и другая сестра, с третьего этажа. Кто-то из ходячих больных заглянул в палату. В коридоре кто-то еще спросил:

— Где взрыв? Где был взрыв?

— Я ничего не понимаю, — сказала Мария Павловна. — Я во всем виновата. А где же Александр Борисович? И где твой отец, Алиса?

— Какой Александр Борисович? — спросила Алиса. — Какой отец?

— Которые только что были здесь!

— Никого здесь не было.

У Юльки глаза стали квадратными от удивления.

— Как же... — вмешалась она.

— Никто не приходил, — повторила Алиса таким голосом, что Юля сразу поняла: надо молчать и со всем соглашаться.

— Я собственными глазами видела... — начала Мария Павловна, но осеклась и спросила: — А кто разбил окно? Кто кричал? Кто сорвал дверь? Не пытайтесь меня дурачить, я и так ничего не понимаю.

— Такой неожиданный порыв ветра, — сказала Алиса. — Наверно, смерч разбил окно и со свистом сбросил нас с кровати, и даже дверь вылетела. Разве не понятно?

— Нет, я положительно схожу с ума! — сказала Мария Павловна. — Собственными глазами я видела Александра Борисовича и другого гражданина, такого полного, представительного. Они послали меня за историей болезни Алисы...

— Мария Павловна, — сказала Алиса, — я думаю, что лучше позвонить Алику Борисовичу по телефону. Он, наверно, уже вернулся из кино и сидит дома. И он вам скажет, что ни в какую больницу он не ходил и моего отца не видел.

— И я это сделаю, — сказала Мария Павловна строго. — И немедленно. Я этого так не оставлю! Кто-то здесь сошел с ума. Надеюсь, что не я. Только сначала принесу вам сухие пижамы и переведу вас в бокс — нельзя же ночевать в открытом помещении.

Когда Мария Павловна закрыла за девочками дверь в бокс и они улеглись на новые кровати, Юлька спросила:

— Почему ты велела ей позвонить Алику? Он же еще бежит по улице.

— Ты ничего не поняла, — сказала Алиса, — Алик здесь совершенно ни при чем. Он весь вечер гулял со своей Шурочкой. И сейчас пьет чай. Это был никакой не Алик Борисович. Я сначала не догадалась. Это был сообщник Весельчака У, тоже космический пират, Крыс с планеты Крокрыс. Они за мной гонятся. А если ты мне не веришь, то подожди, пока придет Мария Павловна и скажет, что разговаривала с Аликом.

— Не могла же я спутать Алика... и Мария Павловна его узнала.

— И я тоже сначала ошиблась. Потому что Крыс — великий гипнотизер. Вот только с ботинками ошибся. Помнишь?

— Помню, — сказала Юлька.

В дверь заглянула Мария Павловна и сказала страшным громким шепотом:

— С ума сошла только я! Александр Борисович сидит дома и пьет чай. Он надо мной... смеялся!

Глава 4

КАК ВСЕ БЫЛО

— Конечно, — сказала Алиса, когда наконец все успокоилось и в больнице наступила тишина, — ты имеешь право мне не верить. И даже не знаю, поверила бы я на твоем месте.

Шов у Юльки, конечно, побаливал — хотя завтра выписываться, все равно еще рано прыгать, как пантера. Она улеглась поудобнее и решила, что не будет перебивать Алису. Честно говоря, у Юльки появилась новая теория: Алиса — космический гость, с другой планеты. Почему бы гостям с других планет не прилетать к нам, если такие планеты есть?

— Кроме тебя, мне некому открыться, — сказала Алиса. — Ребят я здесь, кроме тебя, не знаю, а ни один взрослый мне не поверит. Даже если бы у меня были доказательства.

— Это правильно, — согласилась Юлька. — Взрослые не верят даже в самые обычные вещи. Ты с другой планеты прилетела?

— Нет, — сказала Алиса. — Я москвичка. И родилась здесь.

— Жалко. А я решила, что ты инопланетянка.

— Я все равно что инопланетянка. Я еще не родилась. Я рожусь лет через сто.

— Чего?

— Я из будущего. Из двадцать первого века.

— Ну правильно, — сказала Юлька. — А то я думала: почему ты ничего не знаешь про нашу школу, а по-русски говоришь без акцента?

— Тебя не удивило, что я из будущего?

— Конечно, удивило. Удивительней, если бы ты была из космоса. Хоть ты и не современная, все равно москвичка. Рассказывай.

— Я живу в Москве, учусь в школе. Ничего особенного...

— А ты на Луне была?

— Была. И на Марсе была, и в Глубоком космосе была.

— Счастливая! А отбор строгий? А то у нас один парень в классе, Боря Мессерер, хочет быть космонавтом, а ему сказали, что он по здоровью не пройдет. Он теперь каждое утро в школу бегает — два километра. Правда, всегда опаздывает. Может быть, его из школы выгонят раньше, чем он закалится.

— Ты меня перебиваешь. Отбор не строгий. Можешь туристом поехать, можешь на экскурсию. А один раз я летала в научную экспедицию. Я тебе расскажу, если интересно.

— Жутко интересно!

— Я же специализируюсь в биологии. Обязательно буду работать со зверями. Самое интересное. У меня папа тоже биолог, только космический. А я хочу как следует заняться разумом животных. Я считаю, что до сих пор еще мало сделано. Представляешь, люди в другие галактики летают, а с простой кошкой договориться не могут.

— А я со своей кошкой обо всем могу договориться, — сказала Юлька. — Правда, только я говорю, а она молчит.

— Вот видишь — молчит. Но я тебе о биологии не просто так рассказала. Дело в том, что у отца в зоопарке есть прибор, называется миелофон. Он улавливает волны мозга, и, если его настроить на чужой мозг, можно услышать мысли.

— И мои?

— Чьи угодно. Только этот прибор невероятно редкий и ценный. Мне отец доверил его ненадолго, и я после опыта должна была вернуть миелофон в лабораторию.

— А чьи мысли угадывала?

— Сначала дельфинов, потом пустотела и других зверей. А потом так получилось, что я пошла попрощаться с Бронтей.

— Это еще кто такой?

— Это мой любимый бронтозавр. Он живет в Космозо — в Космическом зоопарке.

— Бронтозавры вымерли много миллионов лет назад. Я читала.

— Мало ли что читала. Вывели.

— Снова?

— Не перебивай, Юлька! Так я до утра не кончу рассказывать.

— Ты сама такие вещи говоришь, а потом удивляться запрещаешь. Так только в фантастическом романе бывает. Представляешь, ты будешь жить через сто лет!

— Так вот, я пошла прощаться с Бронтей, а миелофон оставила, чтобы не намочить. Бронтя в пруду живет. И поплыла я на Бронте. Вдруг оглядываюсь, а миелофона нет. Какой-то мальчишка кричит: «Держи!» — и убегает.

— Это был Коля?

— Погоди. Значит, пока я уговорила Бронтю повернуть к берегу, пока я выскочила и добежала до ворот, их, конечно, давно уже не было. Там, на площади, стоят автобусы. Народу, правда, почти не было, но я стала всех спрашивать, не видели ли, кто выбежал из Космозо с черной сумкой в руках. И один прохожий сказал мне, что видел мальчика, который сел в автобус к про-

спекту Мира, но другой человек сказал, что видел собственными глазами, что мальчик, который вбегал в автобус, вскоре выбежал из автобуса снова и сел в другой автобус. И в руках у него была сумка. За пять минут я побывала на всех автобусных остановках. Я сначала поехала на проспект Мира, потом на другую остановку. В общем, через пять минут я объехала пол-Москвы и вернулась к зоопарку. Никого я не нашла.

— То есть как — за пять минут пол-Москвы? На автобусах?

— Конечно. На чем же еще?

— С какой скоростью у вас автобусы ездят?

— А ни с какой. Они на месте стоят... Ах, ты не понимаешь. У вас таких автобусов нет. Потом расскажу. Вернулась я в зоопарк. Расстроенная, сама понимаешь, ужасно. Что делать? Иду по Космозо, парк уже закрывается, никого нет. Думаю: может, мне все показалось, а я сумку где-то забыла, — чепуховая мысль, но хочется поверить...

— Знаю, со мной так бывало, — сказала Юлька.

— Иду я по Космозо, кручу головой, вдруг вижу — роботы-уборщики стоят возле одной скамейки и что-то обсуждают. Вообще-то роботы, сама понимаешь, народ молчаливый, их из себя трудно вывести. А тут машут руками, спорят.

Я спрашиваю, что случилось.

Роботы отвечают, что не знают, как быть. Никогда раньше такого не видели. И показывают мне скамейку, а на ее спинке ножом вырезаны слова: «Коля, 6-й класс «Б», 26-я школа». Роботы не знают, то ли унести скамейку и заменить на новую, то ли так и должно быть.

— Из нашей школы! — ахнула Юлька.

— Вот-вот, какой-то Коля из шестого класса «Б» 26-й школы побывал в зоопарке именно в тот день. Иначе бы роботы обязательно нашли его художество раньше.

— Но, может, не он взял?

— Слушай. Я когда на автобусной остановке спрашивала, какой был тот мальчик из себя, думала, что, может, кто-нибудь из знакомых подшутил — ты же знаешь, какие нравы у ребят. У них ненормальное чувство юмора.

— Уж лучше бы у ребят вообще не было чувства юмора, — согласилась Юлька.

— Мне все, кто видел мальчика, говорили, что он был странно одет, по-маскарадному, как будто изображал мальчика из двадцатого века. Я не сразу обратила внимание на эти слова. Только

когда увидела надпись, которую мог вырезать человек с древней психологией...

— А такие еще встречаются, — вздохнула Юлька.

— ...я сразу поняла, что в деле замешан пришелец из прошлого.

— Но как он мог к вам попасть? Он изобрел машину времени?

— Точно тем же путем, как и я пришла сюда.

— Значит, есть машина времени?

— Конечно, есть, а почему бы ей не быть?

— Но ведь это фантастика!

— Для тебя, может, и фантастика, а для меня самая обыкновенная жизнь. Если бы твоему дедушке самолет показали, он бы, наверно, в обморок упал.

— Не упал, — возразила Юлька. — Он был летчиком полярной авиации. Если бы он при виде самолетов падал в обморок, неизвестно, кто бы садился на льдинах.

— Ну, не самолет. Ну, космический корабль, например.

— Наверно, ты нас за дикарей считаешь, Алиса, — обиделась Юлька. — Мой дедушка теперь пенсионер и читает лекции по космонавтике.

— Ну ладно, не будем спорить, — сказала Алиса. — Факты указывали, что в мой год попал пришелец из прошлого, притом мальчишка, который совершенно не умеет себя вести и вырезает ножом надписи на спинках скамеек. Это значит, что он залез в машину времени без спросу. И представляешь себе — совершенно бесконтрольно гуляет по нашему времени! Это же страшный скандал.

— Почему?

— Но этого же нельзя делать! Никто не имеет права залезать в Институт времени и путешествовать туда и сюда. А вдруг он что-нибудь унесет в прошлое. И все нарушит. Или узнает что-нибудь, чего вам еще знать нельзя.

— Так уж и нельзя! Что мы, маленькие, что ли?

— Вот ты, конечно, маленькая. Да если открыть путешествие во времени для всех, особенно из прошлого в будущее, то все погибнет. Ты тут же сядешь в машину времени и отправишься узнать, когда ты умрешь. И узнаешь, что ты умрешь, потому что упадешь с десятого этажа. Тогда ты на тот год уедешь в деревню, где нет десятого этажа, и получится, что ты вроде бы умрешь, а вовсе и не умрешь. А если ты не умрешь, то будешь жива. А если ты будешь жива, то значит, в будущем сразу окажется две Юли Грибковы. Это такие осложнения, что лучше о них не думать.

Поэтому путешествия во времени категорически запрещаются и в прошлое могут ездить только ученые, которые к этому специально готовятся много лет. А из прошлого в будущее нельзя ездить никому, ни при каких обстоятельствах.

— Теперь я поняла, — сказала Юля. — Я даже испугалась.

— Почему?

— А если какой-нибудь бандит на этой машине поедет? Заберется в будущее, кого-нибудь ограбит, вернется обратно — и сразу в Сочи, отдыхать. А если заподозрят, что он ограбил, он скажет: ничего подобного, я в это время в Сочи отдыхал.

— Ты соображаешь. Это утешительно.

Юля не обиделась на эти слова. Но все-таки она еще не все поняла.

— А как же, — спросила она, — могло случиться, что простой парень из шестого класса взял и воспользовался машиной?

— Это для меня тайна. Машина стоит в одной квартире, при ней специальный человек, который никогда не пропустит чужого.

— И пропустил?

— Его там не было. Там никого не было.

— А где он?

— Не знаю. Лучше я тебе по порядку расскажу. На чем я остановилась?

— Как ты в зоопарке увидела надпись на скамейке и поняла, что какой-то мальчишка приехал из прошлого. А может, это просто кто-то так подшутил?

— Исключено. Неужели ты думаешь, что через сто лет можно будет найти на Земле человека, который будет резать ножом скамейку только для того, чтобы оставить свою подпись?

— Надеюсь, что нет.

— А одежда? К тому же у нас нет классов и нет букв. У нас в школе только группы по интересам.

— Наверно, я на твоем месте так же подумала бы.

— Я стояла у скамейки и думала, что мне дальше делать. Поднять тревогу? Сказать всем, что пропал ценный прибор? А кто виноват? Я виновата. В общем, я струсила.

— Струсила?

— Конечно, я ужасная трусиха. Я струсила и решила: побегу к Институту времени, перехвачу мальчишку у института, отниму миелофон, а потом уж решу, что делать дальше.

— Глупое решение. Если бы ты туда позвонила, его бы и без тебя перехватили.

— Да, глупое решение, но мне очень стыдно было, что я так себя вела: поехала кататься на бронтозавре, а миелофон на дорожке оставила. Как грудной ребенок!

— А у вас грудные дети тоже на бронтозаврах катаются?

— Это я преувеличила. Грудные дети у нас такие же, как и везде, — лежат в колыбельках и ручками машут.

— А разве у вас не акселерация?

— Это что за зверь?

— У нас в газетах пишут про акселерацию — будто раньше дети были меньше ростом и позже развивались. Вот мне двенадцать лет, а я ростом выше моей бабушки.

— Не знаю, не слышала. Моя бабушка выше меня на голову.

— Рассказывай дальше, а то скоро светать начнет.

— Тебе надоело слушать?

— Нет, что ты!

— Флипнула я к Институту времени и вижу — он заперт. Я сообразила, что праздник. Побежала вокруг — думала, есть какой-нибудь запасной вход, — вдруг вижу разбитое окно. Ну, тогда я поняла, что не ошиблась — он здесь.

— А пираты? Ложный Алик и толстяк?

— Я тогда о них не знала. Хотя надо было догадаться — ведь мальчишке стекло там не разбить. Оно расплавлено. Влезла я через окно и побежала на второй этаж. Я знала, где лаборатория прошедшего времени, — меня один знакомый в этот институт водил. Вбегаю в лабораторию и вижу — все правильно. Кабина занята, работает, на приборах показано — проходит перемещение тела на промежуточную станцию 1976 года. Он! Как только перемещение закончилось, я — сразу в кабину. Хорошо еще, что я знаю, как ею пользоваться...

— Ну, ты еще ладно, а откуда Коля знал, как ею пользоваться?

— Там все написано. Он, наверно, не спешил, прочел. Лучше у него спроси. Только я хотела начать, вижу — дверь в лабораторию открывается и кто-то входит. Я подумала, временщик, то есть тамошний сотрудник. Ну что делать? Выключить машину, вылезти наружу и сказать: мальчик унес миелофон, а я, извините, без спросу, но очень спешила... Они тут же отправили бы меня домой, а сами начали бы переодевание и подготовку — этот Коля успел бы аппарат спрятать и вообще исчезнуть. Так что — была не была, не стала я ждать, пока меня вынут из машины, — вернусь победителем, тогда пускай судят. Ты меня осуждаешь, Юлька?

— Нет. На твоем месте я бы то же самое сделала.

— Это хорошо, что ты меня понимаешь. В общем, я переместилась и очутилась в твоем году. Выхожу из кабины — пусто. Ни мальчика, ни нашего представителя — никого. Иду в другую комнату — тоже пусто. Не прибрано, кровать не застелена, ни души. Тут мне показалось, что хлопнула входная дверь, — я туда. Выбежала на площадку — никого нет. Куда он мог побежать? Вниз, на улицу?

— Ты за ним?

— Я за ним. Сбежала вниз. И не успела выйти из подъезда, как слышу, что дверь в той квартире снова открывается и кто-то кричит сверху: «Стой, девочка!»

— Из Института времени, — догадалась Юлька.

— Я тоже так подумала, что временщики. А теперь поняла, что это были пираты. Но тогда я ни о чем не думала — как дуну из подъезда и побежала по улице. Бегу и не оборачиваюсь — знаю, что за мной гонятся. Совсем потеряла контроль над собой.

— Я бы тоже одурела, — сказала Юлька.

— Пробежала я квартал или два — вроде бы он улицу переходит. Я за ним. Как грохнулась головой о троллейбус — хорошо еще, что не попала под него.

— Лоб у тебя крепкий.

— Ты не представляешь, как больно было.

— Представляю. Мне аппендицит под местным наркозом вырезали. Это похуже, чем по троллейбусам головой стучать.

— Кому как...

— А почему ты теперь думаешь, что за тобой бежали пираты?

— Сегодня, когда они к нам в палату пришли, я не сразу их узнала. А как узнала, поняла, что без них тут не обошлось. Это они сумку украли, и потому Коля кричал «держи».

— А почему он кричал?

— Увидел, что сумку утащили, вот и кричал. Пираты, видно, за мной следили.

— Зачем же пиратам за тобой следить? Ты же почти еще ребенок.

— Для кого ребенок, а для кого злейший враг. Я тебе когда-нибудь расскажу, как я с этими пиратами боролась по всей Галактике...

— Ой, Алиса, все-таки ты иногда преувеличиваешь...

— Да что с тобой разговаривать, простым вещам не веришь!

— А почему я должна всему верить? Кое-чему я верю. Я верю,

что ты из будущего, я верю про Колю, но про автобусы, которые за пять минут Москву проезжают и притом никуда не едут, в это я не верю. И в пиратов не верю. Даже в наши дни пиратов нет. А как же они через сто лет появятся? Как динозавры? Может, вы их специально вырастили, чтобы не скучно было?

— Нам и без пиратов не скучно. Они же не земные, а приходящие. Представляешь, сколько в Галактике планет, не все же цивилизованные. Разные попадаются. И никто пиратов не выводил — они сами вывелись, и с ними приходится бороться. Ты что думаешь, через сто лет будут молочные речки в кисельных берегах течь и все будут лежать под деревьями и рот раскрывать, чтобы вишни падали? Мы же все страшно занятые люди — столько работы, ты не представляешь.

— Ну ладно, убедила. Хотя, если есть пираты, твои временщики могли бы побдительнее быть. А так вот напустили в наш год пиратов — у нас свои хулиганы, не хватает еще будущих разбойников.

— Никого мы не подсовываем. Они к вам попали, потому что за Колей бежали. Он во всем виноват.

— Так ты говорила, что Коля за ними бежал...

— Коля увидел, как они мою сумку украли. Понимаешь, он хоть и недисциплинированный и первобытный, но ведь он не вор и не бандит...

— Таких у нас в классе нет.

— Вот видишь... И я думаю, что он за ними побежал и у них сумку как-то выхватил. Ведь люди на остановке его с сумкой видели.

— А почему обратно тебе не принес?

— Потому что роли поменялись. Теперь пираты за ним гнались. И он, чтобы от них избавиться, в другой автобус перепрыгнул. А куда потом спрятаться? Видно, они по пятам за ним бежали. Вот он и решил вернуться в свой год.

— А они за ним бежали?

— И не догнали. Может, даже заблудились в институте, он громадный. Это я их за собой в лабораторию привела. Вот они и увидели машину времени. И за мной погнались. Они думали, что я их к Коле выведу, что я его знаю. А я с троллейбусом столкнулась и все этим осложнила.

— А зачем пиратам миелофон? — спросила Юлька.

— Ну как ты не понимаешь? Жизнь у них трудная. Даже последний свой корабль они потеряли. Приходится скрываться, а

им нужны сокровища и удовольствия. И как только они сообразили, что у меня есть миелофон, то сразу решили его украсть. А я растяпа, пускуля.

— Кто?

— Ну, пускуля — это птенец такой, на Змороме-2 живет. Его кормить трудно, всегда мимо пищи клювом промахивается.

— Тогда я знаю, что делать, — сказала Юлька. — Надо сходить в школу и спросить у всех Коль, кто взял в будущем прибор.

— Но как я могу сходить, если я лежу здесь?

— Погоди немного, я пойду в школу и за тебя спрошу.

— Нельзя. Я и так нарушила тайну. Я преступница. А если ты начнешь спрашивать, окажется, что я притом и болтунья. Нет, я сама спрошу. Я бы и тебе ничего не рассказала, если бы пираты меня не нашли. Понимаешь, как положение осложнилось?

— Да понимаю. А ты им зачем?

— Они думают, что я знаю, как Колю найти. Выкрали бы меня и заставили вести к месту. И вообще я для них как заложница — бесценное сокровище.

— Ну, не такое уж сокровище.

— Не будем спорить. Есть вещи, которые тебе не понять.

Юлька не стала спорить. Только спросила:

— Они вернутся? Как ты думаешь?

— Не сомневаюсь.

— Зато теперь мы будем готовы и нас так просто не поймаешь.

— А ты здорово прыгать умеешь. Теперь у Весельчака У на всю жизнь шрамы останутся.

— А мне его не жалко.

— Ну, будем спать?

— Спать... С утра придумаем, что делать.

Глава 5

БОТИНКИ ДОКТОРА АЛИКА

Юльке казалось, что она не заснет. Все думала, гадала, а потом проснулась.

Оказалось, уже совсем светло. И непонятно, где же она. Потом вспомнила: в боксе. Бокс был маленький, на две кровати. За окном видна вершина дерева и на ней три вороньих гнезда. Юля повернула голову — Алиса не спала.

— Доброе утро, — сказала Алиса, увидев, что Юля проснулась. — Как спалось? Не мучили кошмары?

— Меня никогда не мучают кошмары.

— И не снились тебе космические пираты, гости из будущего и всякая фантастическая чепуха?

— Нет, не снились.

— А я уже умылась, причесалась. Пора бежать из больницы, пока еще чего-нибудь не случилось.

Юлька сразу села.

— Когда они вернутся?

— Я вообще удивляюсь, почему они до сих пор не вернулись. Может быть, не знают, где нас искать.

— Или зализывают раны.

— А знаешь, Юля, я проснулась и думаю: а вдруг ты сегодня решишь, что тебе все приснилось.

— Ну, и тогда что?

— Тогда я бы не стала с тобой спорить.

— Все это пустые разговоры. Надо что-то делать.

— Вот это достойный разговор. И ты что-нибудь придумала?

— Я во сне думать не умею. А некоторые умеют. У нас в классе Фима Королев даже задачи во сне решает. Положит учебник под подушку и решает.

— Учебник он зря кладет. Учебник здесь ни при чем. Ты сказала, что в классе три Коли. Расскажи мне о них. Кто из них мог это сделать?

— Я уже думала. Всех перебрала. Наверно, Коля Садовский.

— Почему?

— Он легкомысленный, плохо учится, выдумщик и вообще халда.

— Кто?

— Халда. Ну, растяпа, понимаешь?

— А два других вне подозрений?

— Разве можно за мальчишек ручаться?

— За некоторых можно.

— За наших я не поручусь. Еще есть Коля Наумов. Он спортсмен, закаляется, зимой на балконе в спальном мешке спит. Он с Катей Михайловой дружит, на спортивной почве.

— А третий?

— Третий Коля Сулима. Он ничего, лучше многих. Очень серьезно математикой занимается и в планетарии в научном обществе состоит. Он знаешь кем хочет стать? Конструктором кос-

мических кораблей... и в шахматы хорошо играет, лучше всех в классе. Но поручиться я за него не могу.

— А этот Коля Сулима, он, наверно, очень хотел бы посмотреть космические корабли будущего, как думаешь?

— Ой! Конечно! Я и не подумала. Нет, ни за кого не поручусь. А хочешь, я сама с ними поговорю?

— Ни в коем случае! Ты ничего не знаешь. Иди мыться. Умывальник за стеной.

Когда Юлька мылась, заглянула Мария Павловна.

— Как спалось на новом месте? — спросила она.

— Спасибо, хорошо, — сказала Алиса. — А в нашей палате окно уже вставили?

— Нет еще. Стекольщик не приходил. Ты помнишь, Грибкова, что ты сегодня выписываешься?

— Да. За мной днем бабушка придет.

— А я когда выписываюсь? — спросила Алиса.

— Вот придет доктор и скажет. Но куда ты денешься, девочка?

Мария Павловна замолчала, словно ждала, не заговорят ли девочки о ночном происшествии. Но девочки молчали. И даже не улыбались. Наконец Мария Павловна спросила:

— А вы вчера не напугались?

— Почему?

— Когда окно вылетело.

— Нет, не испугались, — сказала Алиса. — Иногда ветер бывает еще сильнее. Я читала, как ветер унес целый дом с девочкой и ее собакой и забросил за горный хребет.

— Не может быть! — воскликнула Мария Павловна.

— Я тоже читала, — сказала Юлька. Во рту у нее была зубная щетка. — Ошшеии изуоо оода.

Алиса поняла, что Юлька хотела сказать «Волшебник Изумрудного города».

В этот момент дверь широко распахнулась, и вошел доктор Алик Борисович.

— Доброе утро, погорельцы! — громко сказал он с порога. И очень удивился. Потому что при виде его Мария Павловна широко раскинула руки и, как наседка крыльями, прикрыла Алису. Алиса вскочила во весь рост на кровати и отступила к стене, а Юлька чуть не проглотила зубную щетку, и у нее изо рта пошли пузыри из зубной пасты.

— Что вы воззрились на меня, как на тень отца Гамлета? — спросил Алик Борисович.

Юлька смотрела на его ботинки — на правой ноге был левый ботинок, а на левой ноге правый.

Это был ложный Алик.

— Не смейте приближаться к детям! — сказала Мария Павловна. — С меня хватит ночного происшествия. Или я немедленно вызову милицию!

Юлька выплюнула зубную щетку, щетка упала на пол, и Юлька сказала с белыми зубами:

— Ботинки! Алиса, смотри на ботинки!

Алик тоже посмотрел на ботинки.

— Ну, дожил, — сказал он, садясь на корточки. — А я думаю, почему это мне с утра так неудобно ходить. Да пусть простят меня дамы за то, что раздеваюсь в их присутствии. Видно, из меня скоро получится великий человек. Рассеянность уже есть, таланты будут.

Алик расшнуровал ботинки, поднявшись, вылез из них, постоял в одних носках и потом довольно неловко, скрестив ноги, сунул их в правильные ботинки — правую ногу в правый, а левую в левый. Снова присел на корточки и принялся их зашнуровывать.

— Однако, — продолжал он, — моя рассеянность не основание для паники, охватившей благородное общество. Что же вас так напугало в моем облике? Неужели человек, надевший ботинки не на ту ногу, страшнее дракона?

Алиса тем временем снова села на кровать и сказала:

— Юлька, мойся дальше. А то у тебя вся физиономия в пасте.

— Но ботинки...

— Он же их переодевает. Как и положено. Понимаешь? Он настоящий.

— Как настоящий? — спросил Алик. — Я очень даже настоящий. С меня только что взяли профсоюзные взносы за три месяца. Если бы я был не я, больше чем за два месяца никогда бы не взяли. Вы как думаете?

— Вообще не взяли бы, — сказала Алиса. — А как вам кино понравилось?

— Вы и об этом информированы? Кино было скучным, но остальное великолепно. Вы это хотели узнать?

— Простите, Александр Борисович, — вмешалась Мария Павловна. — Скажите, пожалуйста, со всей откровенностью: вы вчера поздно вечером возвращались в больницу?

— Мария Павловна, вы меня об этом спрашивали вчера в половине двенадцатого ночи.

— Разумеется... но тем не менее...

— Что же случилось? Я прихожу на работу, заглядываю в палату к двум умненьким и милым девочкам — девочек нет. Будто их ветром сдуло. Стекло разбито, дверь сорвана. Разве ночью был ураган?

— Я думаю, это был шквал. Или смерч, — сказала Алиса. — Юлька так испугалась, что закричала, и мы упали с кроватей. А у Марии Павловны была галлюцинация.

— Галлюцинация? — удивился Алик. Он кончил шнуровать ботинки, выпрямился и поглядел с гордостью на дело своих рук.

— Я ни в чем не уверена, — сказала серьезно Мария Павловна. — Следует ознакомиться со специальной литературой по этому вопросу. Может быть, виной переутомление — у меня создалось впечатление, будто вы приходили вчера вечером и приводили с собой отца этой девочки. И настаивали, чтобы я немедленно выписала Алису.

— А вы согласились выписать? — спросил Алик у Марии Павловны.

— Нет, я не соглашалась, потому что подобная выписка противоречит правилам. Однако... Да что я говорю? Наверно, заснула, задремала на посту и нарушила правила. Во всем виновата только я одна, и я согласна нести ответственность.

— А где же был дежурный врач? — спросил Алик. — Кто дежурил?

— Тимофеев. А его не было. Он спал в котельной. А может, это тоже мне приснилось? — Мария Павловна громко всхлипнула и убежала из бокса.

Юлька подмигнула Алисе. Все получилось, как они хотели. Все равно никто не поверил бы правде, а началась бы такая суматоха, что о возвращении прибора нельзя и мечтать.

— Придется тебе, Юля, прощаться с Алисой, — сказал Алик. — Ты ее будешь навещать?

— Обязательно, — сказала Юлька. — А ей еще долго лежать?

— Скоро выпишется. Скоро. Еще одно усилие — и летопись окончена моя. Но много зависит от самой Алисы. Если она не вспомнит, где живет, куда мы ее выпишем?..

«Хорошо тебе рассуждать, — подумала Юлька. — Ты вспомнил, сел на троллейбус — и дома. А Алиса вспомнила, и ничего не изменилось. Хоть тысячу раз вспоминай, а легче не станет».

— Ко мне выпишите, — сказала Юлька.

Алик ушел. Нянечка привезла на тележке завтрак. В манной каше были комки, и Юлька ее есть не стала. А Алиса сказала:

— Я вообще манную кашу не люблю. И с комками и без комков. Но сейчас все буду есть — надо подкрепить силы.

— А я уже сегодня дома поем. У меня бабушка неплохо готовит, но любит, чтобы ее хвалили.

Алиса с отвращением доела кашу. Настроение у нее испортилось.

— Придется мне скрыться, — вздохнула она.

— Где?

— В каком-нибудь тайном месте. А ты мне будешь приносить еду.

— Но сейчас холодно.

— Я закаленная. И простуды не боюсь.

— Все равно. Где ты будешь жить?

— Где-нибудь в лесу.

— А я к тебе два часа буду ехать на поезде?

— Я все время забываю, как вы медленно передвигаетесь.

— Все у тебя, Алиса, «мы» — «вы». Ты уж лучше не разделяй. Может быть, я твоя бабушка. Хотя бы двоюродная. И как бабушка я тебе говорю: не позволю тебе сидеть под дождем, при заморозках в лесу.

— Не хочешь возить мне пищу — не надо. Я сама где-нибудь устроюсь. И разыщу Колю без твоей помощи.

— Ну и пожалуйста. С твоим упрямством не только Колю — памятник Юрию Долгорукому не найдешь.

— Договорились. Ты меня не знаешь, я тебя не знаю. Я тебе ничего не рассказывала. Да если ты и начнешь рассказывать, тебе никто не поверит.

— Я и не собираюсь рассказывать. Не дрожи.

Вот так они поссорились. И даже когда Юлькина бабушка Мария Михайловна пришла забирать свою внучку из больницы, Юля с Алисой друг на друга не смотрели.

— Я слышала, девочки, — сказала Мария Михайловна, — что вы ночью перепугались. А у нас никакого урагана не было. Стояла хорошая погода. Вообще в последнее время климат стал совершенно невыносимый. Я не удивлюсь, если в июне пойдет снег, а завтра жара будет градусов в тридцать. Твои вещи, Юля, остались в той палате?

— В той.

— Тогда я их принесу. А ты пока собери свои вещички здесь — зубную щетку и так далее. А почему Алиса грустная? Не хочется одной оставаться?

Алиса не ответила.

Бабушка принесла Юлькины книги, тетрадки и все добро, что осталось в той палате, и, складывая все это в чемоданчик, сказала Алисе:

— Там в холодильнике остался паштет и сырковая масса. Не забудь съесть их сегодня же, а то могут испортиться. Я договорилась с нянечкой, чтобы она тебе показала все продукты. Ты меня слышишь?

— Слышу, — сказала Алиса, не глядя на бабушку.

Мария Михайловна немного обиделась на нее, потому что, когда проявляешь к людям доброе отношение, можно ожидать, что тебе отплатят взаимностью. На этом, как она говорит, строятся человеческие отношения. Так она и Юльку учит. Мария Михайловна всегда работала инженером и даже была военной, химическим офицером, и кончала академию. Когда у нее была своя дочка, Наташа, и еще сын, она работала и была очень занята. Ей хотелось побольше внимания уделять воспитанию своих детей, но она не всегда успевала. Зато теперь, когда она вышла на пенсию, Мария Михайловна смогла уделять столько внимания Юлькиному воспитанию, сколько позволяло давление. Правда, Юля ее не всегда слушалась, но любила, и спорили они с бабушкой редко.

— Я приду к тебе завтра, — сказала Мария Михайловна, — и принесу апельсинов. И чего-нибудь легкого почитать. Наверно, это будет после обеда.

— Спасибо, не надо беспокоиться, — сказала Алиса. — Меня здесь хорошо кормят.

— Не говори глупостей, Алиса, — сказала Мария Михайловна. — Я не собираюсь заниматься благотворительностью. Но ребенку нужна забота. Пока к тебе не вернется память и тебя не заберут родители, мы с Юлей и Наташей будем тебя навещать. Это нам нетрудно. Я надеюсь, что, если бы в таком положении оказалась Юля, ты тоже пришла бы ее навестить.

— Спасибо, — сказала Алиса.

«Наверно, тебе стыдно сейчас, — подумала Юлька. — Получается, что ты обманщица, а бабушка за тебя переживает». Но Юлька это думала без злости. Она понимала, что, окажись сама

на Алисином месте, еще не известно, что бы делала. Может, разревелась бы и побежала домой.

— Я тоже приду, — сказала Юля. — Нам еще надо поговорить.

— Приходи, — согласилась Алиса, но равнодушно, словно из вежливости.

«Не верит, — поняла Юля. — Думает, что я сейчас уйду и обо всем забуду».

Когда Юлька с бабушкой уходили из бокса, Алиса попрощалась с ними за руку. Она хотела что-то сказать, но передумала. Она не плакала, но глаза у нее были мокрые.

«Ой, что я делаю! — бежали мысли в Юлькиной голове. — Разве можно так вот покидать человека, который на тебя надеется?»

— Ну, попрощалась? — спросила Мария Михайловна.

— Я вернусь, — сказала Юлька Алисе. — Ты слышишь?

— До свиданья, — сказала Алиса.

Как только бабушка с Юлькой отошли по коридору от бокса, так что их никто не мог услышать, Юлька остановилась, положила на подоконник сумку с книжками и сказала:

— Подожди, бабуля.

— Тебе тяжело? Дай, я понесу.

— Нет, мне не тяжело. Мне стыдно.

— Что еще случилось?

— Мне стыдно за меня и за тебя.

— Я не сделала ничего постыдного.

— Сделала. Вернее, не сделала и потому сделала.

— Ты можешь говорить без загадок?

— Могу. Мы оставили Алису одну.

— Неправда, я сама к ней завтра обязательно приду. А сегодня после работы Наташа собиралась забежать. Если у нее не будет коллоквиума. Ты дня два посидишь дома, а потом сама можешь к ней прийти. И даже привести с собой подруг.

— Этого мало, бабушка.

— А что ты предлагаешь?

— Взять Алису с собой.

— Куда?

— К нам домой.

— Ты совершенно сошла с ума, Юля! Ты, по-моему, забыла, что Алиса больна, у нее было сотрясение мозга и она потеряла память. Ей нужен квалифицированный медицинский уход... Бери сумку, и пошли.

Они попрощались с Аликом, Шурочкой и другими и пошли

выписываться из больницы. Пока получали Юлькино пальто, туфли и другую верхнюю одежду, открылась дверь, и вбежала Наташа, Юлькина мама.

— Как хорошо, что я вас застала! — сказала она.

— У тебя не будет неприятностей, что ты ушла с работы? — спросила Мария Михайловна.

— Нет, я договорилась. Давайте скорей, там такси ждет.

Юля была уже готова.

— Ты не хочешь уходить? — спросила Наташа.

— Она решила обязательно взять с собой Алису, — сказала бабушка. — Как будто мы распоряжаемся в больнице.

— Правильно, — сказала Наташа. — Я уже думала: как только Алиса поправится, мы ее на время возьмем к себе.

— Я не возражаю. Но ведь не сегодня же.

— Значит, можно? — обрадовалась Юля.

— Разумеется, можно, — сказала бабушка. — А теперь пойдем. Такси ждет.

— Мамочка, дорогая, у меня к тебе громадная просьба, — сказала Юлька.

— Давай.

— Зайди к Алисе. И передай ей мою записку.

— Алиса подождет до завтра, ничего с ней не случится, — сказала бабушка.

— Ты не понимаешь. Это очень важно. Мама, можно, я тебе на ухо два слова скажу?

Бабушка пожала плечами и сказала:

— Я буду ждать снаружи, у машины. Какой номер?

— Не помню. Шофер такой черненький с усами.

Юлька отвела Наташу к стене и сказала громким шепотом:

— Алисе здесь нельзя оставаться. Ей угрожает опасность.

— Юлька, ты опять фантазируешь?

— Мама, ты мне должна верить. Я вообще тебя редко обманываю.

— С моей точки зрения, так и должно быть.

— Тогда ты должна мне верить. Сейчас же иди к Алисе. Я даже не оставила ей нашего адреса и телефона. Может так случиться, что Алисе придется отсюда бежать. А куда она побежит? Так вот, я хочу, чтобы она побежала к нам. Тебе понятно?

— Мне понятно, что взаимное уважение — главная черта в отношениях детей и родителей. Пиши свою записку. Вот тебе ручка и бумага. Может, достаточно передать записку через сестру?

— Нет, не достаточно. Может, это будет вовсе не сестра.

— Ну и фантазия у тебя!

— К сожалению, это не фантазия. Еще важно, чтобы ты сама сказала Алисе, что мы ее ждем. Одно дело, если это идет от меня, другое — от тебя, ты же взрослая.

— Договорились.

— Ты молодец, мама!

— И на том спасибо.

А Юлька написала на листке из записной книжки:

«Алиса! Наш телефон 145-55-67. Адрес: переулок Островского, д. 16. От больницы троллейбус 15 до остановки «Дом ученых», кв. 29, во дворе. Жду тебя в любой момент. В школу я пойду через три дня. Пока что поговорю осторожно с девчатами, нет ли чего подозрительного в поведении одного из Коль. Я сделаю это осторожно, понимаешь? С моими стариками все улажено. Они неплохие люди. Твоя Юля. Записку сожги».

Глава 6

БЕГСТВО

После Юлькиного ухода был консилиум. Алису осматривал профессор. С ним пришли и другие доктора, которых Алиса раньше не видела. Они заглядывали в глаза, заставляли считать и задавали каверзные вопросы, но Алиса не очень старалась отвечать. В это время она думала о другом: рассматривала врачей, чтобы узнать, не затесался ли среди них пират Крыс. Алиса знала, что пираты так легко не откажутся от своих планов. Представляете, как им нужен прибор, читающий чужие мысли? Ничего от них не скроешь. Ужас какой-то! И во всем виновата Алиса.

Ни до чего не договорившись, врачи разошлись. Правда, разрешили Алисе вставать.

Пока она осталась в боксе одна. Куда-то запропастился стекольщик, и стекло в старой палате еще не вставили. Все ходячие больные и даже врачи ходили в ту палату, как на экскурсию, и удивлялись, как же это они проспали такой ураган!

В боксе было лучше. Может быть, пираты еще не разнюхали, где она лежит? Алиса достала Юлькину записку, которую принесла Наташа, и перечитала ее, чтобы запомнить телефон и адрес. Наташа оставила ей несколько монет, чтобы звонить с телефона-автомата на лестнице. Так что у Алисы появились настоя-

щие старинные деньги. Даже жалко их было тратить — один ее знакомый собирал монеты и, возможно, таких у него не было.

Потом Алиса разорвала записку на мелкие клочки.

После обеда Алиса пошла посмотреть телевизор. Ей было полезно поглядеть старинные передачи. Раз Алиса собиралась здесь задержаться, пока не отыщет Колю, надо посмотреть, как люди одеваются, ходят по улицам и так далее.

Алиса сидела в холле, смотрела телевизор. Показывали передачу «Клуб кинопутешественников». Алиса засмотрелась на фильм про Африку. Это была Африка без Большого Сахарского канала, и климат там был засушливый. Вокруг сидели ходячие больные и не отрываясь смотрели на экран. И вдруг она услышала, как сзади к ней кто-то подошел. Она быстро обернулась. Это был высокий худой мальчик с бледным лицом. Нога у него была в гипсе, и он тяжело опирался на костыль.

— Можно я тут сяду? — спросил мальчик тихо.

— Садитесь, тут свободно, — сказала Алиса.

Мальчик неловко опустился в пустое кресло и положил костыль рядом с собой. Алисе его стало жалко. Она уже знала, что в давние времена со сломанной ногой надо было лежать в больнице целый месяц, а то и больше, пока кость сама собой не срастется. И не было простых лекарств, которые сращивают кости в один день и заживляют раны за полчаса.

Мальчик неловко повернулся и поморщился.

— Больно? — спросила Алиса.

— Иногда больно, — сказал мальчик, — но не обращай внимания. Смотри.

Передача кончилась, потом пошла другая, но не очень интересная. Алиса и мальчик со сломанной ногой разговорились.

— На свободе у меня волчий аппетит, — сказал мальчик. — Быка могу съесть за один прием. Или двадцать котлет. А здесь никакого аппетита.

— А чего бы ты хотел? — спросила Алиса.

— Можно мечтать на полную катушку?

— На какую катушку?

— Ну, это выражение такое. Не знаешь, что ли?

— Не слышала.

— Съел бы я сейчас клубники. Или банан.

— Ты в какой палате? — спросила Алиса.

— В четвертой. А что?

Алиса не ответила. Она знала, что Юлька оставила в холодильнике клубнику. Но, прежде чем обещать, надо проверить.

Поэтому через некоторое время Алиса встала и пошла поглядеть в холодильнике. Наверху стояло блюдце с клубникой.

— Ты проголодалась, девочка? — спросила нянечка Дуся, увидев, что Алиса копошится в холодильнике. — Обед скоро, аппетит испортишь.

— Я только клубнику возьму.

Она вернулась к телевизору с блюдечком в руке. Но мальчика уже не было. Видно, ему тоже стало скучно и он ушел.

Тогда Алиса понесла клубнику в четвертую палату. Палата была в конце коридора, а дальше, за ней, — запасная лестница вниз.

Мальчика Алиса увидела не в палате, а там, у лестницы. Он поднял руку, подзывая ее к себе.

— Иду, — сказала Алиса. — Смотри, что я в холодильнике нашла! — Она показала ему издали блюдце.

Но мальчик вел себя странно. Он все время махал рукой, торопил ее и совсем не обращал внимания на клубнику. А когда Алиса подошла поближе, он вдруг повернул к лестнице и крикнул:

— Скорей сюда!

Что-то случилось, подумала Алиса и ускорила шаг. Она забыла о клубнике. Почти бегом она миновала четвертую палату. Дверь туда была приоткрыта, и Алиса нечаянно заглянула внутрь.

И замерла.

Мальчик с костылем как раз садился на кровать.

Она поглядела вперед.

Второй мальчик манил ее, высунувшись из-за двери на лестницу.

Алисе, конечно, надо было повернуться и бежать обратно, к нянечке, там бы ее не тронули, но ей стало жалко клубнику — бывает же такое!

Она нырнула в приоткрытую дверь мальчишеской палаты и побежала прямо к кровати мальчика с костылем.

— Вот, — сказала она быстро, ставя блюдце на простыню. — Ты хотел клубники.

— Не может быть! — воскликнул мальчик. — Ты куда?

Но Алиса уже не слышала. Она была у двери. Выглянула наружу. Коридор был пуст. Второй, поддельный мальчик с костылем исчез.

Теперь скорей!

Алиса побежала по коридору, не подумав, что ее враги успели отрезать ей путь к палате. Из-за угла коридора протянулись толстые руки...

Назад!

На лестнице дежурил мальчик с костылем. Он улыбался улыбкой Крыса и, подняв костыль, прицелился в Алису. И Алиса бросилась на пол — она знала, что костыль мог быть заряжен снотворным газом.

И она не ошиблась. Костыль со свистом выстрелил.

Газовый заряд пролетел по коридору и попал в выбежавшего из-за угла Весельчака У. Как убитый, толстяк со страшным грохотом рухнул посреди коридора.

— Фркшп! — воскликнул в отчаянии Крыс, кидаясь к своему товарищу. — Как же я тебя теперь вытащу! — продолжал он на космическом языке, которого здесь никто, кроме Алисы, не знал.

Весельчак У громко храпел, его объемистый живот колебался, а ноги подергивались, словно он продолжал бежать во сне.

Но Алиса не стала тратить время, чтобы узнать, чем все это кончится. Пока пират размышлял, что ему делать с бесчувственным Весельчаком У, она скользнула мимо него, сбежала, не оборачиваясь, на первый этаж, пробежала каким-то узким коридором, чуть не сбила тележку с обедами, которую нянечка везла к грузовому лифту, выскочила на кухню, пронеслась мимо плиты.

— Ты куда? — крикнул повар в высоком белом колпаке.

Алиса увидела впереди дверь, которая вела на склад, пронеслась мимо ящиков и мешков с крупой и оказалась в больничном саду.

Больничный сад был большой, в нем росли старые липы и дубы. Листья на них еще не распустились, но почки уже набухли. Громко гомонили вороны. День был солнечный, теплый, и Алисе, хоть она была в одной пижаме и тапочках, показалось жарко.

Сад был виден из окна бокса, поэтому Алиса знала, что бежать до ворот долго и опасно — кто-нибудь увидит, что девочка в больничной пижаме бежит по дорожке, ее обязательно поймают. Поэтому она побежала напрямик, к кирпичному забору. Она не знала, гонится кто-нибудь за ней или нет. Только спугнула двух выздоравливающих девочек, которые медленно гуляли по мокрой еще дорожке. Девочки сказали хором: «Ах!» Алиса крикнула им на бегу:

— Никому ни слова!

Девочки разбежались в стороны, и путь к забору был открыт.

Забор был старый, высокий, но кирпичи кое-где выступали, можно поставить ногу.

В три секунды Алиса была на верху забора, прыгнула вниз с двухметровой высоты и оказалась в тихом переулке.

Никто ее не видел.

За забором тоже вроде бы тихо.

И Алиса пошла вдоль забора налево, подальше от больничных ворот.

Глава 7

ТУРИСТЫ И ДРУГИЕ СПАСИТЕЛИ

Больница, в которой лежали Юлька с Алисой, была районной. Поэтому от нее до Юлькиного дома было недалеко. Если бы не районная, вряд ли могло быть такое совпадение, чтобы Юля и Коля учились в одной школе.

Пешком, переулками, от больницы до Юлькиного дома идти минут пятнадцать, не больше, но человек, который едет на троллейбусе, должен выйти на людный Новоарбатский проспект, дойти до Арбатской площади, повернуть на бульвар и только там сесть на троллейбус. Ничего этого Алиса не знала.

Она выбежала к маленькой церкви на углу проспекта и остановилась. Надо было выбрать человека, который ей все расскажет и не будет задавать лишних вопросов.

Она даже забыла, как странно одета. Хоть солнце и грело, но люди еще не доверяли теплу, и поэтому все шли в плащах, а некоторые даже в пальто.

Найти бы кого-то помоложе. Чем моложе, тем лучше. Ни в коем случае нельзя было подходить к бабушкам или взрослым женщинам. Для них ребенок в пижаме — как красный цвет для быка.

Некоторые люди оборачивались на Алису, удивлялись ее одежде, но пока никто не задавал вопросов. И тут Алиса увидела двух молодых людей с длинными волосами до плеч и в широких брюках. Они были очень бедно одеты и даже в заплатах, которые были неаккуратно нашиты на брюки и рубашки. Вот эти не будут задавать вопросов, подумала Алиса.

— Простите, — сказала она, подбежав к ним. — Где мне сесть на пятнадцатый троллейбус?

— О чем говорит этот ребенок? — обратился один из молодых людей к другому. И обратился он по-английски. Алиса, конечно, по-английски разговаривала, как по-немецки, по-немецки — как по-французски, а по-французски — как по-русски, потому что в будущем языки будут с детства вкалывать специальными уколами, чтобы не тратить времени на зубрежку.

— Где ходит пятнадцатый троллейбус? — повторила Алиса свой вопрос по-английски.

— Оу! — сказал один из молодых людей. — Как приятно слышать родную речь! Ты тоже из Англии?

— Нет, я местная, — сказала Алиса.

— Но у вас отличное лондонское произношение! Неужели вы так изучили язык в Москве?

— Разумеется, — сказала Алиса. — У нас многие так разговаривают.

Двое мальчишек, услышав разговор, остановились неподалеку. Было им на вид лет по двенадцать-тринадцать.

— Во дает! — сказал один из них про Алису.

— Пошли, — сказал второй. — Это туристы, хиппи.

— И она тоже?

— Тоже.

— Никогда не думал, что теперь у них модно в пижамах ходить!

Алиса слышала, что они говорят, и ей стало смешно.

— Никакая я не хиппи, — сказала она. — Только я заблудилась.

Английские туристы не уходили.

— Мы найдем, где ходит пятнадцатый троллейбус, — сказал один из них. — У нас есть карта Москвы.

Он стал разворачивать карту.

В это время вокруг них начали останавливаться люди. На большой улице всегда найдутся любопытные. И чем больше людей останавливалось, тем больше спешили поглядеть, что же произошло. И, конечно же, нашлась какая-то бабушка, которая закричала:

— Вы только посмотрите, как одет ребенок! Она же обязательно схватит воспаление легких! Девочка, ты где живешь? Может быть, ты больная?

Алиса попыталась уйти, но попробуй пробиться сквозь такую толпу.

— Ну вот! — сказала она тихо одному из ребят. — Что теперь делать? Меня же сейчас обратно отведут.

— Ничего не понимаю! — сказал высокий и сутулый, в очках, типичный отличник-зубрила. — Куда тебя отведут?

— Девочка, — настаивала бабушка, — сознайся, что случилось?

— Тебе надо сбежать? — спросил второй мальчик, невысокого роста, ниже Алисы, почти толстый, в блестящей куртке, на которую было нацеплено штук десять значков. У него были очень красные круглые щеки, и про себя Алиса назвала его Помидором.

— Неужели до сих пор не поняли? Мне нужно найти пятнадцатый троллейбус.

— Милиционер! — крикнула бабушка. — Где же милиционер?

— Сейчас мы тебя спасем, — сказал Помидор. Он обернулся к английским туристам, которые хлопали глазами и ничего не понимали. — Мистер, — продолжал он по-английски не очень здорово, но понятно. — Девочку надо спасать. Та бабушка — ее злая мачеха. Она хочет ее обидеть. Понятно?

— О, понятно! — ответили англичане, со страхом глядя на бабушку, которая хотела спасти девочку от простуды.

— Мы говорим, что она с вами. Ясно? А вы говорите по-английски. И пошли! Ясно?

— О да! — ответили англичане. К счастью, они оказались понятливыми, стали с двух сторон Алисы и сказали по-английски: — Извините, мы спешим.

Мальчики прикрывали тыл, и Помидор объяснил зрителям:

— Не мешайте, товарищи. Это киносъемочная группа. «Синяя птица». В рабочей одежде. Сейчас нас снимают сверху, с купола церкви.

— Где? — спросила бабушка. — Не может быть, чтобы ребенка снимали практически в голом виде.

— Да вы вверх посмотрите! — сказал Помидор. — Разве вы не видите, что сам режиссер Смирнов сидит на крыше?

Все подняли головы, чтобы увидеть знаменитого режиссера. Англичане подхватили Алису под руки и вынесли из толпы.

Так вот, все вместе, впятером, дошли до угла.

— Спасибо, — сказал толстый мальчик англичанам. — Вы нам помогли.

— А что грозило этой девочке? — спросили англичане.

— Разве вы не поняли? Она же убежала из сумасшедшего дома.

— О! — сказали англичане и отодвинулись от Алисы.

— Не верьте ему, — сказала Алиса. — Я совершенно нормальная.

— Вот видите! — сказал толстый мальчик. — Она отрицает. Они все отрицают.

— Вы отведете девочку обратно? — спросили англичане.

— Ни в коем случае, — ответил Помидор. — Мы всегда прячем девочек, которые убегают из сумасшедшего дома. Ведь ее туда упрятала злая мачеха.

Англичане поняли, что это шутка, засмеялись, подарили всем по пачке жевательной резинки, а Помидор подарил им два значка.

Ребята подошли к остановке троллейбуса. Помидор трещал без умолку. Он был доволен, что ему удалось спасти Алису.

— Ну как? — спрашивал он. — На меня можно положиться?

В тени больших домов было холодно. Алиса поежилась.

— Можно, — сказала она и улыбнулась.

Ей больше нравился второй мальчик, сутулый, в очках. Он все время молчал, видно, слушался Помидора. Но теперь, заметив, что Алисе холодно, он снял с себя куртку и протянул ей.

— Спасибо, не надо, — сказала Алиса. — Сам замерзнешь. Ты же в одной рубашке остался.

— Мне не холодно, — сказал сутулый мальчик.

— Возьми куртку, — приказал Помидор. — Это отличная маскировка. Все наши проблемы пропадут. Надо было мне раньше догадаться.

Алиса послушалась и натянула куртку.

— Я бы сам дал, — сказал Помидор, — но у меня слабые гланды. Сразу простужаюсь. Кстати, мы не познакомились. Меня зовут Ефим. Фима Королев. А это мой друг Коля Сулима.

— Очень приятно. Алиса.

— Странное имя! Тебя как в школе дразнят?

— Никак.

— Ну уж не притворяйся. Только два варианта: Алиса-крыса и Алиса-биссектриса.

— А может, лиса Алиса, — улыбнулся Коля Сулима.

Подошел троллейбус. Когда они вошли, Алиса обернулась, чтобы проверить, нет ли среди входящих замаскированного Крыса.

— Ты чего, погони опасаешься? — спросил Фима.

— Немного опасаюсь, — сказала Алиса.

Они стояли у заднего окна, и никого близко не было. Алиса достала из кармана три двухкопеечные монеты, которые ей дала

Наташа. Она знала, что в троллейбусах и автобусах надо платить деньги, но забыла спросить Юльку, сколько и как это делается. Но ее выручили мальчишки. Когда Фима увидел у нее в руке деньги, он сразу сказал:

— Ты что, миллионер? Тебе до конца ехать?

— Нет, до переулка Островского. Сходить у Дома ученых.

— Жалкие три остановки. И не думай. Деньги тебе пригодятся.

— Может, лучше заплатить? — спросил тихо Коля Сулима. — А вдруг контроль.

— Если контроль, то мы везем сбежавшую из сумасшедшего дома девушку. За это билетов не берут.

— Я все-таки заплачу, — сказала Алиса. — Если полагается платить, то нехорошо обманывать.

— Лучше подари мне эти деньги, — сказал Ефим. — Я найду им достойное применение.

Пока он говорил, Коля Сулима достал из кармана мелочь, опустил в кассу, оторвал три билета и раздал.

— Ты знаешь, что я презираю тебя, ты труслив, как заяц, — сказал Ефим Коле.

— Презирай, — сказал Коля. — Ты же перед Алисой выбрыкиваешься. А ехал бы один, заплатил бы.

— Один бы я шел пешком. Надо сбрасывать вес. Ты знаешь, Алиса, я на диете. Утром ем яблоко, днем пью стакан кефира.

— И все? — спросила Алиса.

— А вечером он два раза обедает, — сказал Коля Сулима.

— Возьми деньги, — сказала Алиса, протягивая деньги Коле. — Вы же за меня платили. Сколько нужно?

— Ого! — сказал Ефим. — Теперь у меня появилась уверенность, что спасенная нами незнакомка и в самом деле откуда-то сбежала. Она не знает, сколько стоит билет! Может, вы никогда еще не были в городе?

— Фима, не приставай, — сказал Коля Сулима. — Если захочет, она сама все расскажет.

— Спасибо, — сказала Алиса.

Она подумала, что Коля вовсе не так слушается Фиму, как ей показалось вначале.

— Тебе на следующей сходить, — сказал Фима.

— А вам?

— Нам на одну дальше. Слушай, а это нечестно: мы тебе помогли, а ты нам ничего не рассказала.

— Вам в самом деле интересно узнать, почему я убежала?

— Мы даже еще не знаем, убежала ли ты, — сказал Фима.

— Я попала в аварию, и меня привезли в больницу. Я лежала в палате вместе с подругой, а теперь подруга выписалась, и я осталась одна. Но мы договорились, что я поеду к ней после больницы. Но я не дождалась, пока меня выпишут.

— Надоело? — спросил Фима.

— Очень надоело. И я убежала. Только я не в Москве живу, поэтому пока остановлюсь у подруги.

— Я тоже один раз в больнице лежал, — сказал Фима. — Мне аденоиды удаляли. Так соскучился, ты не представляешь!

Троллейбус остановился.

— Тебе сходить, — сказал Фима.

Алиса поспешила к двери, забыв, что на ней чужая куртка. Уже в дверях вспомнила, хотела снять, но Коля сказал:

— Выходи, а то двери закроются. Я тебя провожу.

Они соскочили на тротуар, а за ними протиснулся в закрывающиеся двери Фима.

— Вы что, друзья, решили оставить меня в одиночестве? — спросил он сердито.

— Я забыла куртку отдать, — сказала Алиса, — вот Коле и пришлось слезть.

— Тебе далеко? — спросил Коля Сулима.

— Наверно, нет. Переулок Островского, дом шестнадцать.

— Пошли, — сказал Фима, — я знаю, где это.

Фима не умел ходить рядом, как все люди. Он то забегал вперед, то отставал, то появлялся сбоку. И все время говорил. Алиса даже пожалела, что он успел выскочить из троллейбуса.

— Ты в английской школе учишься? А какая была катастрофа, в которую ты попала? А ты долго в больнице пролежала? А я в том году чуть не утонул.

И еще и еще...

Алиса сначала пыталась отвечать на вопросы, но все равно не смогла вставить ни слова и перестала стараться, так как Фима был занят собственными мыслями и даже иногда сам отвечал за Алису.

Алиса переглянулась с Колей, тот только улыбнулся.

Они шли тихим, зеленым переулком. Хорошо, что ребята проводили. Неизвестно, как добралась бы Алиса без них.

— Вот ты и дома, — сказал Коля.

Дом был пятиэтажный, солидный, в глубине. Перед ним —

небольшой сад с каштанами. В садике сидели бабушки с колясками.

— Спасибо, ребята, — сказала Алиса.

— Ты здесь пока жить будешь?

— Да, здесь.

— А в школу пойдешь?

— Не знаю.

— Может, тебя до квартиры проводить?

— Спасибо, найду. Держи куртку, Коля.

Алиса попрощалась с ребятами и побежала к подъезду.

И она не слышала, как Коля сказал ей вслед:

— А из нашего класса в этом доме Юлька Грибкова живет.

— Ого! — сказал Фима. — Конечно. И она только вчера из больницы вернулась!

Глава 8

БУДЕМ УЧИТЬСЯ ВМЕСТЕ

Дверь открыла Мария Михайловна.

— Что случилось? — спросила она. — Что-нибудь в больнице? Ты в таком диком виде!

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Извините, что я пришла без приглашения.

— Проходи, — сказала Мария Михайловна. — Ты уверена, что с больницей ничего не случилось?

— Кто пришел? — спросила из комнаты Юлька. — Это Мила?

— Ты хочешь сказать, — спросила Мария Михайловна, — что в таком диком виде шла по улицам? И тебя никто не остановил? Немедленно отправляйся в ванну, прогреешься, а я пока чай поставлю.

Юлька вышла из комнаты, увидела Алису и воскликнула:

— Глазам своим не верю! Сбежала?

— Сбежала, — сказала Алиса.

— Пошли ко мне, все расскажешь.

— Юля, ты что, не видишь, в каком Алиса виде? — спросила бабушка. — Она же практически голая. И пока она не примет ванну и не переоденется, не приставай со своими разговорами.

— Я достану вещи. Мы же почти одного роста.

— Алиса, иди за мной, — сказала бабушка.

Алиса немного опасалась, что Грибковы испугаются, когда

она явится вот так, без приглашения. Позвонят в больницу, скажут: заберите беглого ребенка.

Через полчаса Алиса в Юлькином платье сидела за столом и пила горячий чай. Заодно пришлось из профилактических соображений, как велела Мария Михайловна, проглотить таблетку аспирина.

Вот тогда и состоялся серьезный разговор.

— Не знаю, что решит Наташа, когда вернется с работы, — сказала Мария Михайловна, — и что бы сказал Володя, если бы не был в экспедиции на Таймыре. Но я считаю, девочки, что надо позвонить в больницу и сообщить, что Алиса жива, здорова и ничего с ней не случилось.

— Ой, бабушка, не надо! — сказала Юлька. — Они же ее заберут!

— Какая безответственность! — сказала бабушка. — Неужели ты не понимаешь, что они в больнице с ума посходили. Пациентка, которая ничего не помнит, исчезла, и след простыл. Нет, я немедленно звоню в больницу.

— Если они заберут Алису, я уйду вместе с ней, — сказала Юлька. — Я ее одну не оставлю.

— Никто не собирается отдавать Алису обратно в больницу, — сказала бабушка. — Если она смогла убежать и добраться до нас, значит, она здорова.

— Но они потребуют...

— Пускай только попробуют потребовать! — сказала бабушка и пошла в другую комнату искать очки, чтобы позвонить в больницу.

— Ты не трусь, Алиска, — сказала Юлька. — Она тебя отстоит.

— Я не трушу.

— Тебя пираты нашли?

— Нашли. Я думала, подожду до завтра, но они прибежали.

— Опять под видом Алика и папаши?

— Нет, он изобразил из себя больного мальчика на костыле.

— Вот злодей!

Слышно было, как бабушка в той комнате говорила по телефону. Они замолчали, прислушались.

— Гарантируем... обещаем... не сомневайтесь... завтра же оформлю... на амбулаторное лечение...

Когда бабушка вернулась к девчатам, она сняла очки, сложила их в футляр и спросила обыкновенным голосом:

— Алиса, тебе налить еще чаю?

— Бабушка! — не выдержала Юлька. — Ты почему ничего не говоришь? Они разрешили?

— А почему они должны были не разрешить? — сказала бабушка.

— Ой, бабуся, какой ты у нас молодец! — воскликнула Юлька.

— Вместо воплей обещала бы лучше хорошо себя вести, по крайней мере на то время, пока Алиса будет здесь жить.

— Обещаю!

— Алису я об этом не прошу, потому что она куда серьезнее тебя. Кстати, Алиса, они согласились оставить тебя здесь только на одном условии.

— На каком?

— Ты будешь ходить в больницу на осмотр и строго соблюдать режим..

— Только не сегодня, — сказала Юлька. — Сегодня она будет отдыхать от режима.

— Я не настаиваю. Сегодня я сама ее никуда не пущу, — сказала бабушка. Потом налила себе чаю, улыбнулась и добавила: — Они были так счастливы, что Алиса нашлась, что готовы были на все согласиться. Все-таки ты, Алиса, поступила легкомысленно. Могла хотя бы оставить записку. А еще лучше — подождать до завтра.

— Ах, бабушка, — сказала Юлька, — если бы ты понимала, никогда бы так не говорила!

Алиса наступила ей под столом на ногу, а бабушка сказала с некоторой обидой:

— Разумеется, я ничего не понимаю и выжила из ума. Кстати, Юля, ты сделала уроки? Ты больна, но не в отпуске.

— Сделаю, сделаю.

— А Алисе дашь почитать какую-нибудь книгу. А может быть, ты, Алиса, поспишь?

— Я не хочу.

Когда Алиса с Юлькой остались вдвоем, Юлька сказала:

— А теперь расскажи подробно, как тебе удалось сбежать и, главное, как ты добралась до нас в пижаме. Ведь это с ума сойти — проехать по незнакомому городу в одной пижаме!

— Мне ребята помогли, — сказала Алиса. — Проводили до самого дома. И даже куртку дали.

Девочки уселись на диван в Юлькиной комнате, под картиной, изображающей гору Эверест. И Алиса рассказала о побеге.

— Давай подумаем, кем нам тебя изобразить? — сказала Юль-

ка, когда Алиса кончила рассказывать. — Может, ты будешь моя двоюродная сестра из далекого города?.. Нет, давай скажем, что твои родители уехали работать за границу и поэтому ты временно живешь у нас. Подходит?

— Мне все равно.

— Послезавтра я иду в школу. Ты можешь меня встречать из школы, и я тебе буду показывать всех ребят.

— А ты не можешь их в гости пригласить?

— Кого? Мальчишек? Да они у нас дураки. Кто их будет приглашать?

— Почему дураки? — удивилась Алиса.

— Возраст у них такой, — сказала Юлька. — Удивительно отсталые.

— Вот уж не думала, — сказала Алиса. — А у нас встречаются вполне приличные ребята.

— Еще бы! — сказала Юлька. — Ведь сто лет пройдет. Должен же быть прогресс. Наверно, они поумнеют.

— Юля! — крикнула бабушка из кухни. — Не приставай к Алисе. Ты обещала сделать уроки.

— Сейчас, бабушка, — сказала Юля.

— Я тебе помогу, — сказала Алиса.

— Боюсь, что ты только напутаешь. У вас другая программа.

— Дай учебник посмотреть.

Юлька дала ей учебник. Алиса начала его листать. Юлька достала тетрадь и ручку. Алиса не глядела на страницы.

— Ну и что? — спросила Юлька. — Вы это проходили в двадцать первом веке?

— Я о другом подумала, — сказала Алиса, откладывая книгу. — Мне мало встречать тебя после школы. Лучше прийти в класс.

— Зачем?

— Чтобы спросить их, каждого в отдельности.

— А если они не сознаются?

— Тогда я должна остаться в классе.

— Но тебя первый же учитель спросит: «Ты что здесь делаешь, девочка?» Вот и кончилась твоя экспедиция.

Так бывает: думаешь, ломаешь голову, а все проблемы решаются сами собой.

Вечером Наташа позвонила Алику Борисовичу, долго с ним беседовала по телефону, потом сказала Юльке с Алисой:

— Девчата, мы с вашим Аликом держали большой совет. И знаете, что придумали?

— Вернуть Алису в больницу, — сказала Юлька.

Юлька, конечно, шутила, но в каждой шутке есть доля правды. Хоть она и доверяла маме, нельзя забывать, что взрослые иногда из лучших побуждений делают глупости.

— Не совсем так. Мы решили попробовать новый метод лечения.

— Какой?

— Отдать Алису в школу. Все равно учебный год продолжается, незачем Алисе терять время даром.

— А пребывание в детском коллективе, — сказала Мария Михайловна, — может послужить хорошим толчком на пути к выздоровлению.

— Вот именно, — сказала Наташа. — Остается только узнать, в каком классе Алиса училась раньше, до больницы.

Юлька с Алисой сказали хором:

— В шестом.

— Откуда такая резвость?

— Мы сегодня узнали, — сказала Алиса. — Я смотрела Юлькины учебники и узнала.

— Правда, — сказала Юлька. — Совершенно точно, она училась в шестом классе.

— Вот и хорошо, что ты вспомнила. Я с утра забегу в Юлькину школу и поговорю с директором. А если будет нужно, ему позвонят из больницы. И я надеюсь, что Алису временно зачислят к Юльке в класс. Вы довольны?

— Ура! — крикнула Юлька. — Ты даже не представляешь, мама, как нас с Алисой устраивает этот вариант!

— Это тоже тайна? — спросила Наташа.

— Еще какая! — ответила Юлька.

— Надеюсь, вы ничего не взорвете и не подожжете. В наш век женское равноправие достигло слишком больших успехов, — сказала Мария Михайловна.

А поздно вечером, когда девчата улеглись спать, они слышали, как в соседней комнате тихо разговаривали Наташа с бабушкой.

— Жаль, что ты в свое время не завела себе еще одного ребенка, — сказала Мария Михайловна. — Ты обрати внимание, как Юлька тянется к Алисе.

— Я тоже довольна, что они подружились, — ответила Наташа. — Алиса хорошая девочка и...

— И с трагической судьбой, — добавила бабушка.

В этот момент что-то мелькнуло за окном, и Алиса подняла голову, приглядываясь.

— Не бойся, — прошептала Юлька. — Это голуби. Тут пятый этаж. Тем сюда не забраться.

Алиса лучше знала космических пиратов и не сомневалась, что, если бы они знали, где Алиса, забрались бы и на десятый этаж.

— Они потеряли твой след, — сказала Юлька.

— Я надеюсь.

— Здорово мама придумала, — прошептала Юлька. — Если тебе трудно будет, ты не беспокойся, я тебе помогу.

— Я не беспокоюсь, — сказала Алиса. — Главное — найти миелофон и вернуться. А если я получу плохие отметки, они не считаются, потому что я еще не родилась.

— Жалко. Я согласна, чтобы ты осталась насовсем.

Глава 9

Я ЕЕ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ

Шестому классу «Б» в то утро не хотелось трудиться из-за хорошей весенней погоды. На клумбах у школы вылезла молодая трава, асфальт высох и уже был исчерчен малышами на «классики», почки раскрывались, и от них пахло свежестью и хорошим настроением.

Фима Королев поймал двух божьих коровок и устроил на подоконнике гонки на приз стенгазеты «Наш класс». Одна божья коровка была черная с желтыми точками, вторая — красная с черными. Они все время расправляли крылья, собирались улететь, и Фима прижимал крылья карандашом, потому что, по правилам гонок, божьи коровки должны были бегать.

Ребята разделились на желтых и красных болельщиков и сильно шумели. Когда вошли Юлька с Алисой, их увидели, правда, только Катя Михайлова и Мила Руткевич. Мила, принципиальная отличница, перечитывала домашнее чтение по английскому, а Катя Михайлова, которая будет теннисисткой, читала книгу о Кубке Дэвиса.

— Девочки, познакомьтесь, — сказала Юлька, — это моя подруга Алиса, мы вместе в больнице лежали.

— Очень приятно, — сказала Руткевич.

Катя Михайлова, которая к тому же и староста класса, спросила Алису:

— Ты у нас будешь учиться или просто так пришла?

— Пока поучусь.

— А тебя в журнал внесли?

— Не знаю, — сказала Алиса.

— А как твоя фамилия?

— Алиса Селезнева.

— Селезнева, — спросила Катя Михайлова, — ты каким видом спорта заниматься будешь?

— Не знаю, — сказала Алиса.

— Отстаньте от нее, — сказала Мила Руткевич. — Человек только из больницы. Ты бы еще на нее и общественные нагрузки взвалила!

— Ты ничего не понимаешь, — сказала Катя. — И честь класса тебе не дорога. Ты сама ее не защищаешь.

— Я хорошо учусь, этим и защищаю, — сказала Мила.

— Они всегда из-за этого ссорятся, — сказала Юлька.

— Ты в волейбол играть умеешь? — спросила Катя.

— В детстве немного играла.

— Эй, ребята! — раздался дикий крик Бори Мессерера, который случайно обернулся и увидел, кто пришел. — Юлька Грибкова вернулась без существенных частей тела!

— Остряк-самоучка, — сказала Юлька.

— Он завидует, — сказала Мила Руткевич, отбрасывая назад тяжелую черную косу.

Катя Михайлова подозревала, что Мила потому не занимается спортом, что боится запутаться в собственных волосах.

Все сразу забыли о божьих коровках, окружили Юльку.

— А это что за номер? — спросил Борис Мессерер, глядя на Алису. — Вы, девушка, из Швеции по культурному обмену?

— Это Алиса Селезнева, — сказала Юлька. — Моя подруга и даже родственница. Она пока что будет у нас учиться.

— Ребята! — воскликнул Борис. — Вы слышали? Алиса будет у нас в гостях!

Фима Королев уже собрал своих божьих коровок в спичечный коробок, выпрямился, узнал Алису и сказал самым спокойным голосом:

— Привет, Алиса. Я без тебя немного соскучился.

— Здравствуй, Фима, — сказала Алиса.

— Вы знакомы? — У Юльки чуть глаза на лоб не вылезли.

Остальные тоже удивились.

— Я до некоторой степени ее спаситель, — сказал Фима.

Алиса нахмурилась, чтобы он промолчал, но Фима не понял знака.

— Я ей помог бежать в одной пижаме из сумасшедшего дома. Через забор. За нами гнались восемь санитаров со смирительной рубашкой и один профессор.

— Эх ты! — сказала Алиса и отвернулась от него.

— Трепло! — сказала Юлька.

— Я не шучу, — возмутился Фимка. — Колька Сулима может подтвердить. Там еще англичане были... А вот и Сулима. Сулима, ты Алису узнаешь?

Сулима стоял в дверях.

— Привет! — *Он подошел к своему столу, положил портфель,* потом сказал: — Здравствуй, Алиса. Здравствуй, Юлька. Я еще позавчера подумал, что ты к Грибковым едешь.

— Сулима, — вмешался Фима Королев, — подтверди, что Алиса из сумасшедшего дома сбежала.

— И не подумаю, — сказал Сулима.

— Спасибо, — сказала Алиса.

— Не за что. Зачем же меня благодарить, если я сказал, что считал нужным. Хорошо, что ты будешь у нас учиться.

Фима был так расстроен предательством друга, что его красные щеки стали малиновыми. Благородная Катя Михайлова сказала ему:

— Ты низкий человек, Ефим, я давно это за тобой замечала.

Юлька наклонилась к Алисе и прошептала на ухо:

— Значит, ты с одним Колей уже знакома?

— Я и сама не знала, — сказала Алиса.

Она села рядом с Катей Михайловой на свободное место.

— Тебя, наверно, спрашивать не будут, — сказала Катя. — У тебя и учебника нет.

Ребята со всех сторон смотрели на Алису. Всегда интересно, если в классе новый человек, а тут еще странное заявление Фимы Королева, вообще-то трепача и выдумщика, но не до такой же степени, чтобы просто так сказать про новенькую, что она сбежала из сумасшедшего дома.

Зазвенел звонок, и сразу вошла Алла Сергеевна, англичанка,

которая была и классной руководительницей. Она положила журнал на стол и сказала:

— С сегодняшнего дня в классе будет заниматься Алиса Селезнева. Где Алиса?

Алиса встала.

— Я надеюсь, что вы уже познакомились?

— Фима Королев с ней еще позавчера познакомился, — сказал Боря Мессерер. — При драматических обстоятельствах.

— Выяснение этих проблем мы оставим на свободное время, а сейчас перейдем к уроку.

На дом задавали длинный текст о Лондоне с массой новых слов, и Алла Сергеевна сразу вызвала Фиму Королева. А у Фимы голова была занята совсем другим, он начал читать, на второй фразе завяз, засох и завертел головой, надеясь услышать чью-нибудь подсказку. Но подсказывать было некому. Мила Руткевич не подсказывала принципиально. Юлька была на Фиму зла, а другие, которые могли бы подсказать, еще не включились в урок — смотрели в окно, где летали скворцы, раскрывали книжки, глазели на Алису, думали о своих делах...

— Ну что же, Королев? — спросила Алла Сергеевна ангельским голосом. — География Лондона вам мало знакома?

Сказала она это, разумеется, по-английски, и Королев, который все внимание ухлопал на то, чтобы услышать подсказку, ничего не понял и сказал «да». Он вообще считал, что с учителями лучше всего сразу соглашаться.

— Кто поможет Королеву? — спросила Алла Сергеевна.

Мила Руткевич, разумеется, подняла руку, потому что она всегда и все знала. Она была из таких отличниц, про которых говорят, что они с первого класса нацелены на золотую медаль. И учителям даже неудобно было ей ставить четверки. Ее вызывали реже всех в классе — что вызывать, если она и так все знает. Иногда учителя приберегали Милу на закуску: вот, например, попадется трудная задача или формула, никто не знает, тогда можно сказать: «Руткевич» — и Руткевич тут как тут. А если уж Руткевич не ответила, значит, можно никого и не спрашивать. Вот и сейчас — Руткевич подняла руку, но Алла ее вызывать не стала, а спросила:

— Ну, а еще кто-нибудь?

Алиса в это время сидела и читала текст без словаря, будто для собственного удовольствия, хотя, как известно, тексты в учебнике ни один человек не читает для собственного удовольствия.

— Садовский, — сказала Алла, — ты сегодня задумчивый. Может, расскажешь нам о Лондоне?

— Нет, — сказал, поднимаясь, высокий темно-рыжий парень с белым веснушчатым лицом.

Был он не то чтобы толстый, но и не тонкий, скорее мягкий. Его голубые глаза были окружены рыжими густыми ресницами. И говорил он серьезно и медленно — казалось, что он всегда секретничает, даже когда отвечает домашнее задание.

— Нет, — повторил он печально. — Я не смогу ответить. Это совершенно исключено.

— Постарайся выразить свою мысль по-английски, — попросила Алла, которая давно уже знала все штучки Садовского.

— Это он? — спросила Юлька, которая сидела за Катей Михайловой.

Алиса, не оборачиваясь, отрицательно покачала головой. Такого рыжего человека вряд ли нужно искать. Если бы он забирался в будущее, и пираты и Алиса отыскали бы его в два счета.

— Я по-английски не смогу, — сказал еще более печально Садовский. — Я не выспался.

— Почему?

— Я провел ночь в милиции, — сказал Садовский. — Я был арестован, и за дело.

— Что же ты натворил?

— Как всегда, — сказал Садовский, — я заботился о людях. Этого не поняли.

— Конкретнее, — сказала Алла. И нахмурилась.

— Я пожалел тех, кто гуляет парочками по лесу в Сокольниках. Им не на чем посидеть. Все скамейки стоят на нашем бульваре.

— Очень похвально, — сказала Алла. — Садись.

— Сейчас, только доскажу, а то вы меня неправильно поймете. Как и милиция. Я решил посвятить ночь заботе о людях. Я носил скамейки с Гоголевского бульвара в ближайшие леса. Я успел перенести девяносто три скамейки. И когда я, чтобы ускорить дело, взял сразу две скамейки, меня остановил на Смоленской площади милиционер и отвел в милицию. Остаток ночи я переносил скамейки обратно. Это очень трудно. Каждая скамейка весит около ста двадцати килограммов.

Алла покорно выслушала все и сказала:

— Вот что, Садовский. Если ты мне эту трогательную исто-

рию сможешь пересказать, хотя бы вкратце, по-английски, ты спасен. Если нет — получаешь двойку. Подумай.

Садовский думал целую минуту. Потом вздохнул и сел.

— Отказываешься? — спросила Алла, отыскивая в журнале его фамилию.

— Я забыл, как по-английски скамейка... И еще несколько слов.

Люди, которые не знали Колю Садовского, могли бы подумать при встрече с ним, что он лгун. Ничего подобного. Просто у Садовского было странное воображение. Оно его уносило в фантастические дали, и он сам не знал, где правда, а где ложь. Воображение часто ставило его в дурацкое положение, а порой приводило к неприятностям. И учился он так себе, хотя мог учиться неплохо. Иногда ему казалось, что он все уроки сделал на неделю вперед, хотя в самом деле такого с ним ни разу не случилось.

Нет, подумала Алиса, он в будущем не был. И не только потому, что он был рыжим. Он бы, наверно, решил, что будущее ему только приснилось, и всем бы рассказал о нем.

Следующей своей жертвой Алла Сергеевна выбрала Катю Михайлову. Катя хорошо учится, но на этот раз ее мысли были заняты Кубком Дэвиса по теннису, и она отвечала вяло, кое-как, а когда Алла перебила ее и спросила, что же представляет лондонский Тауэр, Катя сказала:

— Тауэр — это башня.

— Какая башня? — спросила Алла.

Катя пожала плечами. Не все ли равно, какая там башня!

— Кто дополнит? — спросила Алла.

— Тауэр — это замок, — сказала Алиса, не поднимаясь с места.

Она сказала это по-английски, и все удивились, потому что никто не ожидал, что новенькая станет отвечать.

— Встань, когда отвечаешь, — сказала Алла.

— Что? — Алиса не поняла.

— А разве у вас в школе не встают, когда отвечают урок? — спросила Алла.

— Нет, — сказала Алиса, — у нас не встают.

В классе засмеялись, но Алла сделала вид, что ее это не касается, и сказала:

— Тем не менее встань.

Алиса встала и стала рассказывать по-английски про замок Тауэр, в котором раньше жили английские короли, и про реку Темзу, которая течет у этого замка.

— Ой, — прошептала Юлька своей соседке Кате Михайловой, — она по-английски лучше говорит, чем Алла!

— Очень хорошо, — сказала Алла, когда Алиса кончила говорить. — Селезнева может служить вам примером. Ты, Алиса, изучала английский язык вне школы?

— Да, — сказала Алиса. — Языки я изучала до школы.

— Ты знаешь и другие языки?

— Я не очень способная, — сказала Алиса. — Я знаю только восемь языков.

— Какие? — спросила Алла.

В классе стояла гробовая тишина. Смысл разговора был ясен всем, даже самым отстающим.

— Немецкий, финский, чешский, французский, хинди, китайский... японский и... и еще один.

— Ух ты! — сказал Фима Королев. — Скажи нам что-нибудь по-японски.

Все зашумели, стали просить Алису... только одна Мила Руткевич была недовольна, потому что в этот момент она перестала быть первой ученицей в классе, а это неприятно.

— Садись, Селезнева, — сказала Алла, будто ничего не произошло.

— Проверьте ее, проверьте! — сказал Коля Садовский.

— Садовский, тебя мы сегодня уже слышали, — сказала Алла. — Теперь дай выступить другим.

Она вызвала Милу Руткевич, а к Алисе пришли две записки.

Первая была от Бори Мессерера.

В ней было написано: «Вы бывали в Англии, мадам?»

Вторую написала Лариса Троепольская, которая к языкам была неспособная, зато у нее были большие голубые глаза. Учителя и родители утешали себя тем, что с такими красивыми глазами Лариса и без образования как-нибудь не пропадет.

«Алиса, — было написано в записке. — Я очень хотела бы с вами познакомиться и дружить. Мы могли бы вместе заниматься по разным предметам. Ответьте мне на перемене. Лариса».

На перемене Боря Мессерер первым подошел к Алисе и сказал:

— Про Лондон это я писал.

Боря Мессерер был маленький, курчавый, напористый. Он хотел стать художником и на всех рисовал карикатуры, правда, не очень похожие.

— Ну и что? — спросила Алиса. Ей было некогда.

— Ты бывала в Лондоне или нет?

— Конечно, бывала.

— Я так и думал, — сказал Боря. — Вот тебе мой рисунок.

На карикатуре была нарисована Алиса с крылышками, над башнями. Совсем непохоже.

— Это ты в Лондоне, — сказал Боря.

— Спасибо, — сказала Алиса.

Подошла Лариса, взмахнула ресницами по полметра длиной и сказала:

— Вы не против со мной дружить?

Но Ларису оттеснил Фима Королев.

— Алиса, — сказал он на правах старого друга, — ты после школы что делаешь? Мы в кино собрались...

— Мне не хочется с тобой в кино идти.

— Слушай, не обижайся, я же пошутил.

Тут Алиса увидела Юльку.

— Ты куда задевалась? — спросила она.

— Я тобой недовольна, — сказала Юлька, отводя ее в сторону.

— Почему?

— Ты себя выдаешь. Зачем с языками вылезла? Теперь вся школа будет говорить.

— Нет, Юлька, — сказала Алиса, — я не согласна. Я считаю, если можно не врать, то лучше не врать. Я уже так завралась, на три года вперед норму перевыполнила.

— Как знаешь. Ну, что скажешь?

— Я только двоих пока знаю. Сулиму и Садовского.

— И как твое мнение?

— Я не думаю, что это Сулима, — сказала Алиса. — Он очень скромный и вообще вряд ли стал бы бегать за пиратами.

— Я тоже на него не думаю, — сказала Юлька. — А вот Садовский — это фрукт. Он что хочешь может натворить.

— Но он рыжий. Покажи мне Наумова.

— Ага, вот он идет. Позвать?

— Позови. Он все равно меня уже видел.

— Наумов! — позвала Юля. — Подойди сюда.

Наумов был самый обыкновенный парень, немного курносый, среднего роста, худой, но довольно крепкий. Алиса посмотрела на него в упор.

— Чего вам? — спросил он.

— Я хотела тебя познакомить с моей подругой. Ты раньше с ней не встречался?

Коля Наумов пожал плечами:

— Где я мог встречаться? Больше вопросов нет?

— Вопросов нет, — сказала Юлька.

— Тогда у меня вопрос, — сказал он. — Катя Михайлова говорила, что сегодня волейбол. Не забудьте, ясно?

Когда он отошел, Юлька спросила:

— Ну, он? Как ты думаешь?

— Может, и он, — сказала Алиса. — Но видишь, он не признается, что меня знает.

— На следующей перемене, — сказала Юля, — спросишь остальных. Зачем время терять?

Так Алиса и сделала.

Между вторым и третьим уроком она подошла к Коле Сулиме и спросила его:

— Коля, а мы раньше нигде не встречались? Мне твое лицо знакомо.

Коля заложил пальцем страницу учебника шахматных дебютов, посмотрел внимательно на Алису и ответил:

— Ты ошибаешься. Мы с тобой впервые встретились позавчера. У меня хорошая зрительная память.

А с Колей Садовским получилась совсем странная беседа. Он сам подошел к Юльке с Алисой после третьего урока и сказал, рассеянно глядя ей в переносицу:

— Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Я думаю, что ты к нам приехала из будущего, — сказал он. — У тебя есть машина времени, переделанная из велосипеда.

Юлька ахнула. И поспешила сказать:

— У Алисы нет велосипеда.

— Я имею в виду трехколесный, — сказал Садовский. — Ты же мне давала покататься позавчера.

— Где? — спросила Юлька.

Она была настороже. Хоть Садовский и выдумщик номер один, уж очень его выдумка была близка к правде.

— Как где? — Коля посмотрел на Юльку, как будто не узнал, и объявил: — На Курильских островах. Где же еще? Ну ладно, у меня дела. Меня могут спросить на следующем уроке, а я не знаю, что за урок.

Садовский ушел, а Юлька вцепилась Алисе в рукав.

— Что делать? — прошептала она.

— Ничего не делать. В следующий раз он скажет, что я прилетела с Луны, — сказала Алиса. — Теперь уж я ничего не понимаю.

Зазвенел звонок, надо было идти на географию. Подошла Катя и сказала Юльке:

— Грибкова, не забывай, мы сегодня с седьмым «А» играем.

— Мне сегодня еще нельзя, — сказала Юлька. — Шов разойдется.

— Ну, приходи поболеть. Не представляю, что будем делать!

— Мы все равно проиграем, — сказала Юлька. — Особенно женская команда.

Глава 10

ЗАПАСНОЙ ИГРОК

Играли в физкультурном зале, потому что на улице еще было холодно.

Когда класс ввалился в зал, там еще не кончилась встреча между шестым «А» и седьмым «Б».

Физкультурник Эдуард велел не шуметь. Он сразу обратил внимание на Алису.

— А это кто? — спросил он. — Варяг?

— Почему варяг? — удивилась Юлька. — Это моя двоюродная сестра. Она теперь у нас в классе учится.

— Беру свои слова обратно. Рост у тебя хороший. Как фамилия?

— Селезнева.

— Спортом заниматься будешь?

— Буду, — сказала Алиса.

— Ну, а что предпочитаешь?

— Я пузыристка, — сказала Алиса и осеклась: проговорилась.

— Это что еще за шутки? — спросил Эдуард строго.

Он был человек доверчивый и наивный, его легко было надуть, он это знал и к розыгрышам, шуткам и выдумкам относился подозрительно. Поэтому его еще легче было разыгрывать. Вообще-то он был борец, тяжеловес, а как бросил спорт, растолстел, облысел и совсем не был похож на спортсмена. Хотя все знали, что он удивительно сильный.

— Я оговорилась, — сказала Алиса. — Простите. Я хотела сказать — парашютистка.

— Ясно, шутки любишь, — сказал Эдуард и сразу потерял к Алисе интерес. Лучше не связываться.

Но Фима Королев, который уже разделся, чтобы играть, этот разговор подслушал.

— Ты не врешь про парашют? — спросил он.

— Не вру.

— А разве таким маленьким разрешают?

— У нас разрешают.

— Что это все — у нас да у нас? Где у вас, на Луне?

— И на Луне тоже, — сказала Алиса.

Подошел Коля Наумов, он был капитаном у мальчиков.

— Трудно нам придется, — сказал он Юльке.

— Почему? — спросила Алиса.

— А посмотри вон на того. — Он показал на парня из седьмого «А», два метра ростом.

— Не человек, а сплошная акселерация, — сказала Юлька.

Алиса посмотрела на Колю Наумова в упор и спросила:

— Как ты думаешь, в будущем все будут такие высокие?

— Что ты знаешь о будущем? — удивился Наумов. — Может, наоборот, люди снова начнут уменьшаться.

— А ты сам хотел бы посмотреть?

— Мне и здесь дел по горло, — сказал Наумов.

Эдуард достал свисток, очень маленький по сравнению с его ручищей, но свист был пронзительный.

— На разминку! Первыми играют девочки.

— Жалко, что мне нельзя, — сказала Юлька.

— Это не последняя игра.

Сначала подавала Катя Михайлова. Подавала она хорошо, на той стороне вообще мяч не смогли взять. Но вторую подачу приняли и, когда мяч прилетел обратно, Лариса Троепольская благополучно пропустила его между пальцами и удивленно посмотрела на свои руки, будто не могла поверить в такое предательство.

Дальше игра шла совсем не в пользу шестого «Б». Играть умели, в сущности, только Катя и Лена Домбазова, а Лариса только мешала. Первую партию проиграли 5:15. Семиклассники хохотали и вслух издевались, ребята из шестого «Б» огрызались, но не очень — все, в сущности, ясно. В перерыве Катя устроила Ларисе скандал:

— Лучше бы тебя вообще не было! Сама не играешь и другим мешаешь. Я бы последний мяч взяла. Говорю тебе — отойди, а ты?

— Что я? Я отошла, — сказала Лариса. Глаза ее наполнились голубыми слезами.

Даже Эдуарду стало ее жалко, и он сказал:

— Здесь мастеров нет, разница между Ларисой и тобой, Михайлова, непринципиальная.

Но тут Лариса решила, что самое время смертельно обидеться.

— Пожалуйста, — сказала она, — я не буду мешать. Играйте в свое удовольствие.

— Девчата, прекратите! — сказал Коля Наумов. — Вы же не можете впятером играть.

— Скоро вы там? — спросила капитанша команды седьмого «А».

А тот, длинный, жертва акселерации, к которому уже приходил тренер из настоящей баскетбольной команды, добавил:

— Встреча кончилась после первого раунда за явным преимуществом.

— Нет, — сказала Лариса, — я наотрез отказываюсь. У меня нога болит.

— Ты наотрез, — возмутилась Катя Михайлова, — а класс пускай проигрывает?

— Тогда или я, или ты.

Семиклассники смеялись, чуть на пол не падали от смеха.

— Сыграем без нее, — сказала Катя. — Тогда я снимаю команду с соревнований.

Юлька посмотрела на Алису и спросила тихо:

— Ты посмотрела? Может, выйдешь, а?

Алиса встала.

— Ладно, — сказала она. — Только я не в форме.

— Сейчас все сделаем, — обрадовалась Катя Михайлова. — Эдуард Петрович, у нас запасная. Только она сейчас переоденется, хорошо?

— Мы не будем ждать! — крикнула семиклассница.

— Я одну минуту, — сказала Алиса, и они с Катей побежали в раздевалку.

Когда Алиса вышла на площадку, все заметили, что она очень загорелая и стройная.

— Где успела на пляже полежать? — крикнул Садовский. — На Венере была?

— Разбегайтесь, противники! — завопил семиклассник — жертва акселерации. — Сдавайтесь, пока не поздно! Чемпион мира на площадке!

— Я стану на подачу, — сказала Катя, которая еще не доверяла Алисе. — А ты стой поближе к сетке. И старайся играть двумя руками сразу.

— Хорошо, — кивнула Алиса.

— Начали! — сказал Эдуард.

Подавали семиклассницы. Мяч приняла Катя, но он был сильный, и поэтому она отбила его далеко за площадку. Один — ноль.

Вторую подачу Катя приняла правильно, и мяч свечкой поднялся высоко над площадкой. Лена Домбазова хотела перекинуть его на ту сторону, но Алиса вдруг крикнула ей:

— Пасуй мне!

Лена осторожно подставила руки, и мяч снова взлетел вверх. Алиса подпрыгнула так высоко, словно у нее в тапочках были резиновые пружины, рука ее поднялась, пальцы только чуть коснулись мяча, и он, как ядро из пушки, под острым углом врезался в площадку семиклассниц и рикошетом отлетел к дальней стене.

— Молодец! — сказала Катя. — Так держать, Алиска!

Свои начали аплодировать, хотя думали, что это получилось случайно.

Теперь подавала Лена. Подавала она так себе. Мяч полетел высоко, принять его было легко, и семиклассницы отбили подачу. Но на этот раз Алиса не стала ждать, пока мяч придет к ней от кого-нибудь, а подпрыгнула у сетки, достала его, и он почти отвесно ударился в пол.

— Нечестно! — закричали семиклассники. — Она на нашу сторону залезла!

— Спокойствие! — перекричал всех Эдуард. — Мне виднее. Мяч засчитан.

Когда Алиса забила таким образом еще пять мячей и стало ясно, что ничего с ней семиклассницы поделать не смогут, они потребовали у судьи тайм-аут и заявили:

— Она вообще не из ихнего класса. Мы ее раньше не видели.

— Хотите, классный журнал покажем? — спросила Катя Михайлова.

— Она наша! Наша! Наша! — кричали ребята. — Се-лез-не-ва! Молодец!

Пришлось игру продолжать, а когда шестиклассницы выиграли и эту партию и третью, решающую, тот, длинный, сказал своим, но так, чтобы все слышали:

— Она переодетый парень. Я вам точно говорю. Я ее видел, она на Арбате живет.

А Алису окружили ребята из шестого «Б» и хотели качать, но Алиса сказала:

— Не надо, я совсем мокрая, давно не играла.

— Ты в спортивной школе занимаешься? — спросил Фима. — Или у вас все так играют?

— Большинство, — сказала Алиса.

— Я ломаю голову, — сказал Фима Королев. — Что это за город такой...

Алиса ничего не ответила, а пошла с девчатами в душ.

Когда они вернулись, мальчики уже проигрывали.

— Эдуард Петрович, — сказал Коля Наумов, когда счет был двенадцать — пять в пользу семиклассников. — Может один и тот же игрок в двух командах играть?

Семиклассники засвистели, загоготали, изображая полное презрение, а Эдуард Петрович ответил:

— Постыдись, мужчина!

— При чем здесь мужчина? — сказал Фима Королев, который в майке и трусах казался еще круглее и помидористей, чем в костюме. — У нас в классе полное равноправие.

Но Эдуард не разрешил Алисе снова выходить на площадку, и ребята проиграли. В общем, встреча закончилась вничью, но так как девчата выиграли 2:1, а ребята проиграли 0:2, в финал вышли все равно семиклассники.

Когда собирались домой, ждали ребят, Катя спросила:

— Чего же ты раньше, Селезнева, не созналась? Вышла бы с самого начала вместо этой хрюшки, все бы иначе сложилось.

— Это кто хрюшка? — спросила Лариса сладким голоском. — Может быть, ты уточнишь?

— И не желаю уточнять, — сказала Катя. — Что я сказала, то и слышала.

Катя человек прямой, и лучше с ней не спорить. Лариса и не стала спорить, но подумала, что ей что-то не нравится эта выскочка Алиса.

А Эдуард Петрович спросил:

— А ты легкой атлетикой занималась?

— Не специально, — сказала Алиса. — Просто в школе вместе с ребятами...

— Ясно, — сказал Эдуард. — Завтра после уроков жду тебя на

стадионе. Наша школа выступает в районных соревнованиях. Не подведешь?

— Не подведет, — ответила за Алису Катя.

Из школы Алиса с Юлькой шли не спеша. Юлька вспоминала волейбольные эпизоды. Она уже не сердилась на Алису, что та слишком показывает свои будущие способности: считала, что Алиса правильно сделала, помогая своему классу выиграть у этих гордых семиклассников.

— Я теперь предпочитаю, чтобы ты своего Колю подольше не нашла, — сказала Юлька. — Ты для нашего класса находка. Может, не будем спешить? Тем более они не сознаются.

— Не говори глупостей! Мы же с тобой не в игрушки играем.

— Так что же будем делать, Шерлок Холмс?

Они уже почти подошли к дому. Вдруг Алиса схватила Юльку за рукав и прошептала:

— Скорей!

Она втащила ее в подъезд и прижалась к стене.

— Что такое?

— Не высовывайся!

По тротуару шлепали тяжелые шаги. Сквозь стекло двери они увидели Весельчака У. Толстяк спешил, оглядывался, почти бежал.

— Он нас видел, — прошептала Алиса. — Но теперь потерял.

Шаги замерли у подъезда.

— Скорей сюда! — сказала Юлька. — У этого подъезда есть черный ход, на двор.

Они выскочили во двор, пересекли его, выбежали через ворота в другой переулок и, только когда полностью сбили пирата со следа, остановились перевести дух.

— Ну, что ты на это скажешь? — спросила Алиса.

— Ты подозреваешь, что они выследили нас у школы?

— Надеюсь, что нет. Но не сегодня-завтра выследят. Ты же забываешь, что мы имеем дело со взрослыми бандитами.

— Да, — вздохнула Юлька, — забываю. Как-то не приходилось раньше сталкиваться.

— Я бы подошла к этому проклятому Коле, — сказала Алиса, — и объяснила бы ему: лучше отдай миелофон, потому что если до тебя доберутся пираты... но он все равно не поверит.

— Конечно, не поверит, — сказала Юлька. — А вдруг поверит?

Глава 11

ЭТО БАНДИТ ИЗ БУДУЩЕГО!

Боря Мессерер увязался было за Колей и Фимой Королевым, но Коля сказал, что они идут к Фиме делать уроки. Боре была ненавистна сама мысль о том, чтобы делать уроки по доброй воле. И он тут же слинял.

— Посидим на бульваре, — сказал Коля.

— Нужно поговорить? — спросил Фима.

Они сели на скамейку. Коля огляделся, не подслушивают ли их.

— Ты чего дергаешься?

— Если бы ты знал... — И Коля замолчал.

Фима не мог молчать долго. К тому же у него голова была занята событиями последнего дня.

— Как тебе Алиса? Стоящий товарищ, а? — спросил он.

— Вот именно, — сказал Коля.

— Что?

— Она меня ищет, — сказал Коля.

— Чего?

— Ищет.

— Зачем тебя искать, если ты весь на виду.

— Я в такое попал положение, что никому не расскажешь.

— Да говори же, чего ты натворил?

— Я попал в ужасную историю.

— Прямо сейчас слезы потекут, — сказал Фима. — Смотреть на тебя грустно. При чем здесь Алиса? Она же только позавчера в наших краях появилась.

— Нет, она раньше появилась. Она сначала в больнице лежала вместе с Грибковой и всех там одурачила. Все поверили, что она обычная девчонка.

— А она необычная?

— Ты сегодня разве в школе не был? Не слышал, как она про Лондон шпарила, ты не обратил внимания, что она японский язык знает?

— Ну, про японский она приврала.

— Я ей верю.

— Значит, она языковый гений, — сказал Фима. — Но это еще ни о чем не говорит.

— А на волейболе ты был? Ты видел когда-нибудь, чтобы девчонки так в волейбол играли?

— В настоящих командах куда лучше играют.

— То в настоящих командах, а она в школьной. Она специально приехала, чтобы меня найти.

— Так что же до сих пор не нашла?

— Потому что она не знает, что я — это я. Она меня вблизи не видела.

— А зачем ты ей понадобился?

— Потому что она не наша!

— Как не наша? Она по-русски говорит, как мы с тобой.

— Ну и что? Я не это имел в виду...

— Стой! — Фима даже вскочил на скамейку. — Она с другой планеты? Как же я с самого начала не догадался! Конечно же, она разведчик с другой планеты. Они специально его в девочку переодели и устроили в обычную школу. Она выведает все наши тайны, и начнется вторжение на Землю.

— Погоди ты со своими фантазиями! Никакая она не пришелец, а самая обыкновенная.

— Тогда чего же ты огород городишь?

— А потому, что она из будущего.

— Откуда?

— Из будущего. Она живет через сто лет!

— Честное слово?

— Зачем я буду тебе врать? Я ее там собственными глазами видел.

— Где?

— В будущем, где же еще.

— Ты меня сведешь с ума! — сказал Фима Королев. Он даже вспотел от волнения, хотя было совсем не жарко. — А как ты очутился в будущем?

— Есть некоторые вещи, которые я рассказать не могу. Но это не значит, что не доверяю. Просто я столько всего натворил, что опасно тебя впутывать.

— Мне не опасно, — сказал Фима. — Как-нибудь справлюсь. Ты о себе беспокойся.

— И беспокоюсь. Но ты будешь слушать?

— Конечно. Слушаю.

— Значит, я попал в будущее... Стой!

— Что такое?

Боком, боком Коля быстро сполз со скамейки и спрятался за нее. Фима перегнулся назад через спинку и спросил:

— Ты совсем спятил?

— Не смотри на меня! Сиди, как будто ты один. Я погиб!

Тон был такой, что Фима понял — не до шуток. Он достал из

портфеля книжку, раскрыл ее, спросил, не поворачивая головы и стараясь не шевелить губами:

— Кто?

В ответ из-за скамейки послышался шепот:

— Видишь, толстый идет по аллее?

По аллее медленно шел толстяк объемом в три человека, в темных очках и длинном плаще почти до самой земли. Несмотря на толщину, он шел быстро и все время вертел головой, словно кого-то высматривал. Поравнявшись с Фимой, толстяк внимательно осмотрел его, но Колю не заметил.

Но когда толстяк уже прошел мимо, чуть все не погибло. Коля вдруг оглушительно чихнул, так что Фима от неожиданности подпрыгнул.

Толстяк остановился и обернулся.

Фима стал вытирать нос ладонью, делая вид, что это он чихнул.

— Извините, — сказал он толстяку.

Толстяк вздохнул и пошел дальше.

Наконец Коля осмелился вылезти из-под скамейки.

— Мы чуть не попались, — сказал он.

— Это мне скажи спасибо. Ты чихал, а я за тебя насморк изображал. Кто этот человек?

— Пойдем скорей. Здесь второй может быть. А я его не помню, он маленький, незаметный.

Они перескочили через ограду бульвара и вбежали в ворота какого-то дома.

— Скажи, кто они? Или это тоже тайна?

— Нет, не тайна. Но я погиб. Я думал, что только Алиса за мной охотится, а оказалось, и они тоже.

— Кто же они?

— Как кто? Бандиты из будущего. Может, вообще с другой планеты.

— Правильно, — сказал Фима. — Я в его походке почувствовал что-то неземное.

— Ничего ты не почувствовал. Если бы я не сказал, ни за что бы ты не догадался.

— Куда дальше побежим? — спросил Фима. — Много их еще за тобой гоняется?

— Не знаю. Может, еще кто-нибудь. Но тех я не видел.

— И что же им в тебе не нравится? Физиономия?

— Молчи!

— Я знаю, — сказал Фима. — Ты украл секрет вечной молодости из будущего. Вот они и хотят...

Коля осторожно выглянул из подворотни.

— Вроде чисто.

— А дальше что?

— Пойдем ко мне. Я тебе кое-что покажу. А то ведь ты не поверишь.

— Почему не поверю? — спросил Фима. — Обязательно поверю. И что ты вчера во сне на Марс летал, поверю, и что твоя бабушка живет на Гавайских островах, поверю.

Коля с ним спорить не стал. Они прошли проходным двором на Сивцев Вражек, причем Коля все время оглядывался.

Фима глядел на него с иронией. А что ему оставалось, кроме иронии? С одной стороны, интересно поверить, с другой — попробуй поверь, когда тебе говорят, что побывали в будущем, гоняли на машине времени, а теперь спасаются от людей оттуда. Да еще девчонка из их класса тоже переодетый человек из будущего.

Они поднялись на второй этаж. Коля отпер дверь.

— Никого нету. Мои старики на работе. Пошли за мной.

— Ты посмотри сначала в холодильнике, — сказал Фима, — что там есть. Я жутко голодный. Ведь я домой собирался, а там уже обед готов.

— Нет, ты не романтик, — сказал Коля, но пошел на кухню.

На столе лежала записка от Колиной мамы со всеми указаниями — что разогревать, а что варить.

— Когда я голодный, я совершенно не романтик, — сказал Фима Королев. — И вообще голодных романтиков, по-моему, не бывает.

— Ты не разбираешься в жизни, — сказал Коля. — Романтики, как правило, голодные. А тебе хоть быка скорми... Холодный суп будешь есть?

— Лучше начнем с котлет. А ты рассказывай.

Глава 12

РАССКАЗ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Пока Коля рассказывал о своем путешествии в будущее, Фима незаметно съел все котлеты — и те, что были оставлены Коле, и те, что мать поджарила себе с отцом. Но Коля не заметил опустошения, произведенного Фимой, потому что был так поглощен

своими воспоминаниями, что Фима мог бы съесть и холодильник заодно с продуктами.

Человеку всегда хочется поделиться тайной. И чем тайна удивительнее и заветней, тем больше хочется ее рассказать. Человек отлично понимает, что надо молчать — его спасение в молчании, а сам носит в себе тайну, как бомбу замедленного действия, пока не взорвется. Если бы Алиса не пришла в школу, Коля, может, и удержался бы. Но сначала Алиса, потом толстяк-бандит — слишком много для одного человека. Тут уж без наперсника не проживешь.

Фима слушал как завороженный. Он и котлеты сожрал от волнения. Ел и не замечал, что делает. Иногда только говорил: «Ну!», или: «Чего же ты!», или: «Дурак!».

— Вот тогда я выскочил из его квартиры, — закончил Коля свой рассказ. — Примчался домой, все спрятал и думал — обошлось. Ты мне веришь?

— Верю, — сказал Фима, откусывая сразу половину батона. Его красные щеки блестели, как лакированные. — Ты бы такое не придумал. Даже я не смог бы придумать.

— Если ты эту тайну выдашь...

— А я и не собирался. К тому же таких легковерных, как я, ты не найдешь.

— И что ты скажешь?

— Что я скажу? Почему ты сразу или на следующий день этот аппарат не вернул обратно? Зашел бы в машину, вышел там, положил на столик, оставил бы записку: «Простите за беспокойство». Только тебя и видели.

— Не мог, — сказал Коля. — Ключ мать взяла. Она, оказывается, в больницу звонила, спрашивала, как там сосед, а он ей передал, чтобы она ключ, кроме его друга, никому, даже мне, не давала. Видно, он вспомнил, что машина времени открыта. Вот мать куда-то и спрятала ключ. Наверно, на работу с собой носит.

— Ты бы ночью посмотрел.

— Смотрел. Не получилось.

Они помолчали. И вдруг Фима спросил:

— Где этот аппарат?

— Я тебе не только аппарат могу показать. У меня и другие доказательства есть.

— Чего же ты молчишь? Показывай.

Коля вытащил из ящика стола папиросную коробку. В ней лежали трофеи, привезенные из будущего.

— Сначала вот это. — Он достал золотую звездочку. — Знаешь, что это такое?

— Звездочка.

— Личный подарок космонавта дальнего плавания капитана Полоскова. Каждая звездочка на груди означает число звездных экспедиций. Ясно?

— Ясно.

— Теперь вот это. Высохло только, но все равно угадать можно.

— Банановая кожура.

— Ты гений, Фима. Точно, это банановая кожура. Но не сегодняшняя. Со станции юных биологов на Гоголевском бульваре.

— А что, под открытым небом растут?

— Будут расти. И обезьяны будут прыгать.

— А банан ты съел?

— Банан пришлось съесть, чтобы не сгнил.

— Кстати, если бы я побывал в будущем, хоть бананом бы своего друга угостил.

— Я боялся тайну выдать, а не от жадности.

— Всегда так, — сказал Фима. — Когда друг не нужен, о нем забывают. А когда надо спасаться — где ты, друг? Спеши на помощь!

— Ладно уж. Дальше показывать?

— Показывай.

— Держи. Узнаешь?

— Бублик. Сухой совсем.

— Это растительный бублик, скороспелый, Аркаша вывел.

— Откусить можно?

— Погоди. Ты уже батон съел. А это, как ты думаешь, что такое?

— Камень.

— Просто камень?

— Откуда я знаю. Я скажу, что просто камень, а ты скажешь, что это марсианский алмаз.

— Ты почти угадал. Великая певица Милена Митина, кстати, моя землячка, из Конотопа, привезла его из гастрольной поездки по Галактике и мне подарила.

— Погоди, Коля, ты разве из Конотопа?

— Нет, это она из Конотопа.

— А почему тогда она твоя землячка?

— Потому что там, в будущем, я был из Конотопа.

— И тебе верили?

— Не всегда.

— Ну ладно. Что еще привез?

— А недостаточно? Вот листок, сухой, с быстрорастущего бубличного дерева...

— Я тебе, конечно, верю, но что ты мне показал? Золотую звездочку с военного погона, кожуру банана, бублик, сухой лист и камень. Если кто засомневается, он тебе в два счета докажет, что ты в будущем не был, а все придумал.

— Но ведь... — Коля посмотрел на свои сокровища чужими глазами, и его в самом деле взяло сомнение. — Но ведь ты-то веришь...

— Верю, — твердо сказал Фима. — Если ты еще чего покажешь.

— Тогда поклянись страшной клятвой, что никому не скажешь.

— Тоже мне романтик! Так только в детских книжках разговаривают.

— Ладно, дай слово.

— Я уже давал.

Коля вздохнул и полез под письменный стол, где стоял ящик с инструментами, остатками переиспользованного детского конструктора, проводами, сломанными выключателями и прочими ценными вещами. Внизу лежала коробка из-под туфель. В ней под слоем мелких деталей — черная сумка с ремешком через плечо.

— Ну вот, смотри, только не сломай.

Фима посмотрел, взвесил на ладонях.

— А как работает? — спросил он.

— Просто.

Коля повесил сумку через плечо, приоткрыл крышку, достал оттуда тонкий провод с наушником на конце, вставил его в ухо и сказал:

— Можно приступать к работе.

— А откуда ты знаешь, как он действует?

— У них машины довольно простые, минимум деталей. Я видел, как Алиса работала, а дома немного испытал.

— Ну, и о чем я сейчас думаю? — спросил Фима, стараясь ни о чем не думать.

— А чего на тебя настраивать? — сказал Коля. — Ты думаешь, как бы самому попробовать.

— А точнее?

— А точнее сейчас узнаем.

Коля открыл крышку сумки, внутри — колесико. Он стал медленно поворачивать его, настраивать.

— Ага... Ты есть хочешь? Ты же все котлеты сжевал.

— Врет твой аппарат! — сказал Фима. — Я о еде и не думал.

— Значит, твои мозги за тебя думали.

— И они не думали...

— Странно...

— Очень даже странно.

— Стой! Где кот?

Коля обернулся. Фима тоже. Кот сидел в углу комнаты, облизывался и пялил мрачные желтые глазищи.

— Прости, Фима, — сказал Коля. — Накладка по моей вине. Остановился на волне кота, а у него одна мысль — пожрать бы, и никаких других желаний, хотя с утра полную тарелку трески смолотил.

— Дай лучше мне попробовать, — сказал Фима. — Если уж машина такая простая.

— Погоди.

Коля снова покрутил колесико.

— Вот, — сказал он. — Могу повторить твои мысли слово за словом. Слышно лучше, чем по телефону. И не считай в уме, меня не собьешь. «Тридцать семь, тридцать восемь... тридцать девять... Неужели он в самом деле может мысли читать?» Это я за тобой повторяю. «Вот бы на уроках использовать... Руткевич пишет контрольную, а ты списываешь, не глядя».

— Коля, стой! — закричал Фима. — Все, я верю, ты угадал! Дай теперь мне!

Коля осторожно перевесил сумку со своего плеча на Фимино. Передал ему наушник и отошел к окну, словно его это не касалось.

— Крути колесико. Если услышишь про еду — это кот Маркиз. Крути дальше, настройка тонкая, диапазон действия метров двадцать, не больше. Наверно, у каждого мозга своя волна...

Фимка покрутил колесико, замер и долго слушал, закрыв глаза. Потом вынул наушник, положил сумку на стол и сказал:

— А я все-таки думал, что ты врал. А ты ни слова...

— Трудно поверить.

Фима сел на диван, скрестил руки на животе и сказал:

— Пожалуй, я слишком много котлет у тебя съел. Совсем обедать не хочется, а бабушка у меня: «Почему у нас плохой аппе-

тит? Что болит у нашего мальчика?» Она меня совершенно распустила.

— Да ты о деле говори! — возмутился Коля. — Как можно думать о котлетах!

— А что говорить? Плохо твое дело. Ты прав.

— Почему плохо?

— Включись на мои мысли, послушай и поймешь. Зачем слова тратить?

— Ты еще русский язык, надеюсь, не забыл?

— Что тебе сказать? Натворил ты — дай бог.

— Знаю.

— И расхлебывать придется тебе.

— Но ты же мне друг!

— Друг. Иначе бы не переживал. Тебе пощады не будет.

— Уверен?

— Совершенно уверен. Ты нарушил первую заповедь путешественников во времени: нарушил его тайну.

— Но я даже не знал, что в будущее попаду.

— Соседу твоему тоже несдобровать.

— Послушай, они не такие уж жестокие. Там даже наши с тобой современники сохранились.

— Мальчишка ты! При чем тут современники? Я думаю, что тебя тайно переправят туда и ликвидируют. Чтобы уравновесить.

— Что уравновесить?

— Твой вред. Я один такой рассказ читал, американский. Там человек в прошлое попал, бабочку раздавил — и не того президента в Америке выбрали. Все связано.

— Я этого и опасался, — сказал Коля.

— А я еще читал рассказ, как один человек все изобретал фантастические проекты, за ним пришли из контрразведки будущего и убрали.

— Я ничего не изобретал.

— Ты похитил.

— Может, мне сознаться? Я уж думал подойти к Алисе и сказать: виноват, хотел как лучше. Я же не воровал, а отнял у бандитов.

— Кто тебе поверит? Факт налицо: ты унес аппарат. И, к сожалению, нет тебе пощады.

— Но что делать, Фимка? Может, старикам моим сказать?

— Нет, ты совсем рехнулся! Они тебя с полным правом тут же

потащат к психиатру. Наш мальчик переучился, и у него ум за разум зашел.

— Да, ты прав.

— Единственный выход — молчать. Даже если тебя припрут к стенке — все равно молчать. А аппарат лучше бы в Москву-реку бросить.

— Нет, этого я не сделаю. Хочешь, тебе дам на сохранение?

— Чтобы меня вместо тебя ликвидировали?

Минут пять они молчали.

— Эврика! — сказал Фима. — Есть выход.

— Какой?

— Когда твой сосед возвращается?

— Наверно, через неделю или дней через десять. Мама его навещала.

— Вот и отлично. Как только он вернется — ты к нему в гости. А аппарат с собой берешь.

— И что? Я боюсь сознаться.

— И не сознавайся. Ты скажи, что тебе надо фрегат обмерить. Пока будешь мерить, осторожненько положи аппарат ему под стол. И уходи. Ясно?

— Он найдет и подумает на меня.

— А где у него доказательства? Может, кто-нибудь из его агентов забыл.

— А если...

— Никаких «если»! Главное — не забудь стереть с него отпечатки пальцев. Не забудешь?

— Нет.

— Улажено?

— Хорошо бы... Но ты никому не скажешь?

— Чтобы оказаться твоим соучастником в преступлении века? Никогда! Мне еще жить хочется... И вообще, я пошел домой. Ты не дрейфь, обойдется.

— Погоди! Хочешь, мы его во двор возьмем, послушаем, что люди думают...

— Что-то не хочется, меня к обеду ждут. А во дворе твои толстяки и жулики могут поджидать. — Фима натянул куртку. — Ты к двери не подходи, пускай нас вместе не видят...

Но когда дверь была уже открыта, он вдруг вернулся и спросил шепотом:

— А почему Алиса наш класс нашла? Она же тебя вблизи не видела.

— Я на скамейке подписался, помнишь?

— Идиот!

— Идиот, но я тогда же не думал, что так получится...

— В будущем всегда надо думать. Ты фамилию написал?

— Только имя. И класс.

— Твое счастье, что в классе три Коли, — сообразил Фима. — Будем вести следствие по ложному пути. Завтра изложу тебе подробности.

И Фима исчез.

Глава 13

НАПОЛЕОН ПО ЗАКАЗУ

Пираты не обязательно бегают по океанам и космосу с кинжалами, пистолетами, лазерлетами. Они встречаются где угодно. Бывает, младенец только доковылял до яслей, а уже пират: спешит отобрать у другого малыша игрушку. Бывает, пират в жизни никаких законов не нарушил, никого не ограбил и не убил, а в самом деле — там мысль украл, там слово зарезал, там чувство задушил, и вреда от него больше, чем от целого брига с пиратским флагом.

Правда, сейчас это к делу не относится, потому что Весельчак У и Крыс были самыми типичными представителями пиратского племени, объединяли в себе пиратов обычных и пиратов скрытых. Если удавалось, становились грабителями, убийцами и ворами. Если их прижмешь, перебивались сплетнями, интригами, обманом и клеветой.

Рассказывают, что как-то их поймали на туманной планете Ретиспера и решили показать тамошнему главному врачу-психиатру. Можно их вылечить? Тот их обследовал три месяца, ночей не спал, сам похудел на восемь килограммов и наконец поставил диагноз: «Полная атрофия совести». Что означает: нет в них ничего похожего на совесть, непонятно им даже, что такое стыд, раскаяние и даже жалость. Они и друг друга никогда не жалели.

Главного психиатра с планеты Ретиспера спросили:

— А что теперь с ними делать? Как лечить? Ведь нет неизлечимых болезней.

И врач ответил:

— На нашей планете уже справились со всеми болезнями. Но

с этим редчайшим заболеванием справиться невозможно. Случай безнадежный. Будем думать, искать пути, лекарства...

Но пока шли эти переговоры, пираты оглушили охрану, чуть не убили врача-психиатра и убежали. Так что вопрос, как лечить людей с полной потерей совести, остался открытым.

И вот такие люди случайно оказались в Москве.

Может, даже к лучшему, что они были по горло заняты поисками миелофона и у них не было времени отвлечься на иные каверзы и пакости. Хотя и между делом они успели их натворить достаточно.

Можно бы рассказать подробно о том, как пираты, увидев Алису, вслед за ней проникли в наше время, как они ее потеряли на улице, снова нашли уже в больнице, как они старались проникнуть в больницу, чтобы заставить Алису выдать Колю.

Можно рассказать о том, как они следили за больницей, заставляли тонкого и почти невидимого валапасского ужа подслушивать разговоры врачей и сестер, как они готовили похищение Алисы с помощью лже-Алика, в которого превратился Крыс. Можно рассказать и о том, как они снова потеряли Алису и снова ее искали, все сужая и сужая круги.

Можно рассказать и о другом — как они эту неделю жили в Москве, как разыскали заколоченный дом, из которого выехали все жильцы, потому что дом должны были скоро снести, как устроили в нем логово. Можно рассказать, как они добыли себе одежду, загипнотизировав кассиршу в универмаге, и как воровали продукты, — но стоит ли тратить время на этих негодяев?

Для дальнейшего повествования нужно только рассказать, как пираты устроились на работу.

Как-то они сидели в сквере, намаявшись от ходьбы. Весельчак У сказал:

— Денег мало.

— Я тебе сколько хочешь сделаю, — сказал Крыс. — Будут как настоящие.

— Твои деньги опасные: на пять шагов отойдешь — они растают.

— Кого-нибудь ограбим.

— Нет, — сказал Весельчак У, — это тоже опасно. Я очень заметный. Меня скоро поймают. Ты-то превратишься в кого хочешь и сбежишь, а я попадусь.

— Не беспокойся, я тебя спасу, — сказал Крыс.

— Так я тебе и поверил! — сказал Весельчак У. — Если плохо придется, ты меня сразу продашь.

— Как и ты меня, — ответил Крыс. — Смотри, что это?

К скверу подъехал большой фургон с надписью «Киносъемочная». Фургон затормозил, из него выскочили молодые люди, которые вытащили прожекторы и потянули кабели. Подъехали другие машины.

Прожекторы, несмотря на яркий солнечный день, установили лучами в окна выходившего в сквер старинного особняка. Приехал автобус, полный драгун и гусар в киверах.

Юркий мужчина в громадных очках закричал в мегафон:

— Где Наполеон? Где Наполеон, я спрашиваю!

— В буфете остался, — сказала гордая красавица в платье до земли. — Наверно, на автобус опоздал.

— Ну что ты будешь делать! — воскликнул человек в очках. — Как вы прикажете мне снимать без Наполеона?

— Едет, едет! — закричали окружающие.

Подъехало такси. Из такси вышел Наполеон. Правда, пираты, по необразованности и потому, что родились на другой планете, полагали, что Наполеон — это должность.

— Иван Семенович! — воскликнул человек в больших очках. — Ты меня без ножа режешь!

Крыс насторожился. Он был коллекционером. Коллекционировал пытки.

— Никогда, — ответил Наполеон, сорвал треуголку и сел на барабан. — У меня мигрень.

— Не может быть! Но ведь ты уже приехал! — Человек в очках был возмущен, растерян, но не терял надежды.

— А я не приехал, — сказал Наполеон. — Я только предупредил тебя и поехал в поликлинику.

С этими словами Наполеон сел в такси. Его строгий профиль в окошке такси был непреклонен.

— Все, — сказал человек в очках, глядя вслед машине. — День погиб! — Он воздел к небу руки и произнес: — Полцарства за Наполеона!

— Не беспокойтесь, Ниткин, — сказала дама в длинном платье. — Не переживайте. Он не стоит вашего мизинца.

И тогда из кустов вышел Наполеон, ничем не отличавшийся от уехавшего.

— Сколько стоят ваши полцарства? — спросил он у Ниткина голосом Ивана Семеновича.

— Что такое? Что такое? — удивился Ниткин. — Как можно? Ты же только что уехал! Это что, шутка, что ли? Если шутка, то плохого тона.

— Я другой Наполеон, — сказал Крыс. — Несите полцарства.

Он сел на барабан, потому что думал, что это занятие всех Наполеонов, а вокруг собралась киногруппа, и никто ничего не мог понять.

В этот момент из кустов выплыл Весельчак У.

— Могу засвидетельствовать, — сказал он. — Мой помощник может скопировать кого угодно. У него талант.

— Не верю! — закричал Ниткин. — Не верю! Докажи, что ты не Иван Семенович, который уехал, бросив нас на произвол судьбы.

— Одну минутку, — сказал Крыс.

Он провел перед лицом ладонью и превратился в самого режиссера Ниткина.

— Убедительно, — сказал режиссер. — Какое перевоплощение! Где же я видел это неприятное лицо?

— Это вы, Ниткин, — подсказала дама в длинном платье ангельским голосом.

Остальные захихикали. Режиссер строго сказал:

— Все по местам, начинаем съемку!

— Нет, — сказал Весельчак У, — сначала о деньгах. Как платить будете?

— По ставке, — ответил режиссер. — Как за массовку.

— А это много? — спросил Крыс.

— Ну, как вам сказать...

— Тогда платите мне столько, сколько получал ваш старый Наполеон.

— Но это невозможно... Он заслуженный артист...

— Ах, невозможно? — сказал Крыс.

— Стойте! Платим. Я буду вам всю свою зарплату отдавать. Искусство важнее.

— И мне, — сказал Весельчак У.

— А вам за что? — удивился режиссер.

— Мой помощник один не работает.

— Это правда? — спросил режиссер.

— Он шутит, — ответил Крыс. — Я без него отлично работаю. А он найдет себе другую работу. У вас найдется для него работа?

— Что ж... — Режиссер посмотрел на Весельчака: — Как у вас по части силы?

— Я сильный, — скромно сказал Весельчак У. — Одной левой укладываю трех склиссов.

Режиссер не знал, конечно, кто такие склиссы, но кивнул. Режиссер должен все знать.

— Будете ставить декорации.

— И получать, как Наполеон, — сказал Весельчак.

— Ни в коем случае! — возмутился Крыс. — Он недостоин.

— Ах так! — сказал Весельчак. — Тогда я ухожу. И если сам найду, не надейся, что поделюсь.

— Товарищи артисты, — сказал Ниткин, — мы все утрясем. Не беспокойтесь!

С тех пор пираты работали в киногруппе. Крыс заменял по очереди всех заболевших актеров, а иногда ему просто показывали фотографию, и он изображал кого надо. Режиссер Ниткин отдавал ему всю зарплату, а сам брал деньги взаймы у ассистентов. Но пираты завтракали и ужинали в ресторане, пили коньяк, ездили на такси, им вечно не хватало денег, и они воровали со съемочной площадки ценные приборы. Два раза их ловили за этим делом, но прощали, потому что Крыс был великим дублером — он мог изображать Наполеона, генералов, солдат, светских красавиц, старых монахов, детей, лошадей и даже верного Гастона, любимого пса маршала Мюрата.

Крысу льстило, что все с ним носятся как с писаной торбой, зовут по имени-отчеству — Крыс Крокрысович — и приглашают в следующую картину Ниткина «Кощей Бессмертный». Он даже подумывал, не остаться ли ему в кино. Но Весельчак, который занимался физическим трудом и был работой недоволен, не давал Крысу всерьез увлекаться искусством и после съемок тащил на поиски Алисы и Коли.

С каждым днем пираты сужали круг вокруг своих жертв. Со своим опытом охоты за людьми они должны были вот-вот их найти.

Глава 14

СТРАННАЯ ДЕВОЧКА

Вечером Юлька зачем-то подошла к окну и воскликнула:

— Вот это да!

— Что там такое? — спросила Алиса.

— Ты не поверишь! Погляди.

Но Алиса не сразу подошла к окну. Она спросила еще раз:

— Все-таки скажи, Юлька, что ты там видишь.

— Да не бойся, это не пираты, — засмеялась Юлька. — Там внизу стоит Наполеон Бонапарт в треуголке. Под самым фонарем. Меня увидел и машет рукой. Вот умора!

Алиса так и не подошла к окну. Она спросила:

— А у вас что, Наполеоны часто гуляют по улицам?

— Зачем же пиратам так странно одеваться? — ответила Юлька.

— А я читала, что когда-то давно охотники в Африке одевались по-дурацки, любопытные страусы к ним бежали со всех сторон, поглядеть на чудо. Тут страусов и пристреливали из лука.

Юлька отошла от окна.

— В самом деле, зачем человеку одеваться Наполеоном и стоять под моим окном?

— Я тебе скажу зачем. Что бы я делала на месте пиратов? Стала бы проверять мои связи. Вспомнила бы, что я лежала в палате с одной девочкой, которая очень отважно вела себя, когда напали пираты. Может быть, Алиса все этой девочке рассказала. А если Алиса рассказала, может, она потом к этой девочке убежала. Как ты думаешь, логично?

— Знаешь что? Я позвоню Алику Борисовичу.

— Зачем? Твоя мама с ним уже сегодня разговаривала по телефону.

— А я спрошу, не искал ли кто-нибудь мой адрес.

— Это ничего не изменит, — сказала Алиса. — Если они тебя выследили, то скоро жди гостей. И зачем я только тебя впутала в эту историю!

— Кого впутала и в какую историю? — спросила Наташа, входя в комнату. — Вы что-то, девочки, секретничаете, а меня в свою компанию брать не хотите.

— Нет, что ты, мама! — сказала Юлька. — У нас нет никаких секретов.

— Если нет, неси чай, — сказала Наташа, — и зови бабушку.

Когда уже пили чай, Наташа вдруг вспомнила:

— Я сегодня с вашим Аликом Борисовичем разговаривала. Он сказал, что какой-то мальчик приходил в больницу, спрашивал Юлькин адрес. Когда же ты успела поклонником обзавестись?

— Нет у меня никаких поклонников! — возмутилась Юлька.

Алиса под столом наступила ей на ногу.

— Ой! — сразу поняла Юлька. — А как он выглядел?

— Я не поинтересовалась.

В дверь позвонили.

Юлька хотела вскочить, но Алиса удержала ее.

— Ну, что же вы? — спросила Наташа. — Открывайте, девочки.

— Мама, — попросила Юлька, — открой, пожалуйста, и если это Наполеон, скажи, что меня нет дома.

— Кто? — спросила бабушка. — Наполеон? Тогда я сама открою дверь: всю жизнь мечтала встретиться с Наполеоном.

— Мама, — повторила Юлька, — ты сама открой.

— Наташа, — сказала Алиса, — нас нет дома.

— Мы вообще здесь не живем, — сказала Юлька. — Понимаешь?

Звонок звонил не переставая.

— Ладно, — сказала Наташа, — попытаюсь разобраться.

— Девочки, я не понимаю суматохи... — начала Мария Михайловна.

— Тишшше!

Слышно было, как Наташа открывает дверь. Потом ее голос:

— Вам кто нужен?

И вдруг все услышали тонкий девичий голосок:

— Я к Алисочке.

— К какой?

«Молодец Наташа!» — подумала Алиса.

— Я из школы, — послышался девочкин голос. — Мне учительница велела к Юле с Алисой пойти.

— Зачем? — спросила Наташа.

— Они должны помочь готовиться к экзамену. Они обещали.

Голос у девочки был такой тоненький, словно она вот-вот заплачет.

— А к какому экзамену? — спросила Наташа.

— К какому, к какому? — Голос девочки изменился, и в нем прозвучала злость. — К самому главному экзамену.

— А ты в каком классе, девочка? — спросила Наташа.

— Не скажу.

— Боюсь, что такие маленькие девочки не сдают экзаменов, а играют в куклы. Тебя неправильно сюда послали.

— Алиса здесь живет? Вы мне не ответили, женщина.

— Это он, — прошептала Юлька.

Алиса кивнула.

— Странная девочка, — сказала бабушка, — пойду посмотрю.

— До свиданья, — сказала Наташа.

— Мы еще увидимся, — сказала девочка. — Только ты меня не узнаешь.

Хлопнула дверь.

Бабушка с Наташей вернулись в комнату.

— Странная девочка, — сказала Наташа. — Кто и зачем мог ее к нам послать?

Юлька молчала. Алиса снова села за стол и подвинула к себе чашку.

— Может, кто-нибудь хочет со мной откровенно поговорить? — спросила Наташа.

Девочки молчали.

— Ну ладно, — сказала Наташа. — Но не воображайте, что у меня плохая память.

— Мы тебе обязательно все расскажем, мама. Честное слово! — сказала Юлька.

— Только не опоздайте, — сказала Наташа.

Поздно вечером, когда девочки уже легли спать, Юлька забралась к Алисе на диван и зашептала:

— Может, ей все рассказать? Она поймет, она своя.

— Ты не понимаешь, — ответила Алиса. — Наташа хороший человек, но она в первую очередь мама. Она должна нас с тобой защищать. Ты представляешь, что она будет думать? Она же с ума от беспокойства сойдет.

— И бабушка тоже, — печально сказала Юлька.

— Теперь мы должны быть вдвойне осторожны, — сказала Алиса. — Завтра или послезавтра они доберутся до школы.

— А мы еще ничего не знаем.

Глава 15

СПРОСИ У САДОВСКОГО

На следующий день Алиса опять себя выдала на математике.

Это случилось так.

Коля Садовский бился у доски, исписав половину свободного пространства, и никак не мог выпутаться из уравнения. Правда, оно было непростое, а погода за окном стояла солнечная, и у всех, кроме Милы Руткевич, было нерабочее настроение. Наконец математичке надоело бороться с Садовским, и она спросила, кто ему поможет. Конечно, Мила протянула руку, прошла к доске, откинула за спину свою чудесную косу, стерла все, что написал Садовский, и уверенно вывела ответ: «х» у нее был равен 1,25.

И тогда Алиса с места, не вставая — никак не могла научиться, — сказала:

— Икс равен единице.

Мила вспыхнула, коса шевельнулась за спиной от негодования. Она посмотрела на математичку Нелю, а та кивнула ей и сказала:

— Селезнева не права. Садись, Руткевич. Ты правильно решила.

— Это не в волейбол играть, — сказал Фима Королев.

И пока торжествующая Руткевич шла на свое место, Неля отправилась к доске, чтобы написать примеры на дом. И тогда Алиса громко сказала:

— Икс равен единице. Я могу доказать.

— Доказать? — удивилась Неля и подняла тонкие брови.

Неля — молоденькая, завитая, как барашек, в длинном платье, очень модная, и все девочки в классе ее обожали.

— Конечно, — сказала Алиса. — Вы разрешите?

— Ну что ж, иди к доске.

Юлька шепнула:

— Алиса, ты опять?

Но Алиса только отмахнулась.

Она не стала стирать с доски решение Милы, а на свободной стороне начала быстро и мелко писать свое решение. И случилось то, чего боялась Юлька: Алиса писала совершенно невероятные значки и символы, которые, наверно, даже в десятом классе не проходят. Все в классе затаили дыхание, а Мила отвернулась к окну, словно это ее совершенно не касалось.

Неля смотрела на доску, склонив хорошенькую завитую головку, и все ждала, что будет. Если бы учительница была старая, опытная, она, наверно, сказала бы, чтобы Алиса садилась, потому что в шестом классе не изучают высшую математику. Но Неля была молодая и совсем забыла, что она в классе. Вдруг она воскликнула:

— Нет! Вот здесь ты и напутала!

Она выхватила у Алисы мел, перечеркнула последнюю строчку и стала писать свое, тоже со значками.

— Как же так? — удивилась Алиса. — А если так?

Со стороны это было похоже на теннисный матч. Соперники перекидывали через сетку мячик, не обращая внимания на зри-

телей. Обе были так заняты своим делом, что не услышали звонка, да и никто в классе не услышал звонка. Вдруг дверь раскрылась, в ней возникла физиономия из соседнего класса и спросила:

— Вы что, не слышали? Уже перемена.

Тогда соперницы оставили мел, отошли от доски, и Неля сказала:

— Тем не менее ты не права.

— Докажите, — сказала Алиса.

Мила Руткевич, собирая книжки, сказала громко, так, чтобы все слышали:

— И зачем только некоторые хвалятся своей образованностью, когда этого нет в программе!

Все окружили Алису с Нелей, а Катя Михайлова спросила:

— Ты в математической школе училась?

— Нет, — сказала Алиса.

— Молодец! — сказала Неля. — Если хочешь, оставайся после уроков, мы с тобой разберемся в этой штуке.

— Извините. Но сегодня после уроков я занята.

— Тебе надо участвовать в математической олимпиаде, — сказала Неля.

— Вряд ли, — сказала Мила Руткевич, которая подошла поближе. — Там нужно просто решать, без выкрутасов.

В коридоре Юлька накинулась на Алису:

— Зачем ты обращаешь на себя внимание? Хочешь прослыть математическим гением?

— Но ведь ответ был в самом деле неправильный. Как же я могла молчать? И вообще очень любопытный казус...

— Хорошо тебе, что через сто лет вы такие штуки будете с детства знать. Если бы я в пушкинский лицей приехала, я бы тоже стала вундеркиндом.

— В лицей тебя бы не пустили, — сказала Алиса. — Туда девочек не брали. Ты лучше посмотри, какую мне записку подкинули. В тетрадь заложили.

— Кто?

— Я не видела.

Юлька прочла: «Спроси у Садовского, чему будет равен «х» через сто лет. Доброжелатель».

— Ой! — сказала Юлька. — Это он?

— Не знаю. Ты этот почерк знаешь?

— Знакомый почерк. Я подумаю и вспомню. Знаешь, я с самого начала подозревала, что это Садовский. Он типичный аван-

тюрист. И кому-то даже рассказал, что у тебя был. Давай устроим ему допрос.

— Подожди. А может, кто-то нарочно про него написал?

— А зачем нарочно писать?

— Чтобы отвести от себя подозрение. Представь себе, что кто-то перепугался.

— Кто?

— Сулима. Или Наумов.

— И чтоб они стали вину сваливать на Садовского? Слушай, Алиска, я тебе уже говорила — нет у нас в классе таких жуликов, чтобы украсть миелофон, а еще потом на другого подозрение сваливать. Ты же сама говорила, что Коля не крал, а только хотел отнять у пиратов.

— Говорила.

— Я все-таки думаю, что кто-то из ребят узнал тайну Садовского и хочет тебе помочь.

— Хотел бы — подошел и сказал.

— А если он боится?

— Он-то кого боится? Садовского?

— Не знаю, только все это можно узнать без твоей деликатности. Коля Садовский, подойди сюда!

Коля, как нарочно, проходил неподалеку.

— Тебя можно спросить об одной вещи? — сказала Юлька.

— Спрашивай, только двоек не ставь.

— Юлька, не надо, — сказала Алиса. — Ты все испортишь..

— Так серьезно? — спросил Садовский. — Тогда не отстану, пока не узнаю, в чем дело.

— Коля, ты не брал одной ценной вещи? — спросила Юлька.

— Я?

— Да. А потом не вернул обратно.

— Какой вещи? — спросил Садовский. — Может, я взял, но не заметил?

— Заметил, заметил, не притворяйся.

— Да скажи, что за вещь? В чем ты меня подозреваешь?

— Значит, не брал?

— Я брал, я все беру и никогда не возвращаю. Кстати, я только сегодня утром взял сто рублей рублями у одной старушки, чтобы оклеить ими дверь в ванной.

— Коля, сейчас же перестань паясничать! — возмутилась Юлька. — Я тебя всерьез спрашиваю.

— Если тебе всерьез отвечать, — сказал Коля, — то я должен

на тебя обидеться. Ты меня обвинила в воровстве ценных вещей и до сих пор не извинилась. Ты не намерена это сделать сейчас же?

Алиса удивилась, как изменился голос Коли Садовского. Вот тебе рохля и выдумщик. Только что был сонным рыжим пугалом, а сейчас в глазах такая злость, словно вот-вот треснет Юльку по голове кулаком.

— Мы обе просим прощения, — быстро сказала Алиса. — Это был тест такой, не обращай внимания.

— Какой тест?

— На чувство юмора, — сказала Алиса. — Ты его не выдержал.

— Впервые в жизни, — сказал Садовский.

Непонятно, поверил или нет.

— Глупа ты, Юлька, — сказала Алиса, когда Коля отошел. — Ведь просила я тебя, не вмешивайся!

— Это уже не только твое дело, — сказала Юлька. — Это общее дело. Всего класса. Неужели ты не понимаешь?

— Я одно понимаю, — сказала Алиса, — что один из наших ребят прячет у себя миелофон. Это плохо и трусливо. К тому же он подвергается страшной опасности.

Последним уроком была география. Учительница рассказывала про климат и население Индии. Только она кончила говорить про животный мир, как Фима Королев с места сказал:

— А Селезнева в Лондоне была.

— Ну и что? — удивилась учительница. — Мы же сегодня проходим Индию.

— А может, она и в Индии была, — сказал Фима Королев.

«Чего он пристал? — подумала Алиса. — Еще его не хватало!»

— Селезнева, — спросила учительница, — ты в самом деле была в Индии?

«Сейчас ведь сознается», — подумала Юлька.

Алиса встала и сказала:

— Да, я была в Индии.

— Это очень интересно! — сказала учительница, которая уже была наслышана о новой, необыкновенной ученице. — Поделись с нами впечатлениями.

— Я там была недолго, — сказала Алиса.

— Все равно. Ты что-нибудь видела же?

— Видела.

— Какие ты видела города?

— Я видела Дели, Мадрас и Гандибад.

— Что-то я не слышала о третьем городе, — сказала учительница.

— Он назван в честь Индиры Ганди, — сказала Алиса. — Мы в нем приземлялись, когда летели в Австралию.

— Странно, — сказала учительница.

— В Австралию! — сказал Мессерер. — С ума сойти!

«Конечно, — поняла Юлька, — этого города еще нет, он только будет. Ну кто тянет Алису за язык!» И тут еще вмешался Фима Королев. Он как-то странно, вредным голосом произнес:

— Пускай она скажет, в каком году она туда летала.

Алиса сразу повернулась к Фиме:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что слышала, — сказал Фима.

— Дети, тише, — вмешалась учительница. — Садись, Алиса.

И она как ни в чем не бывало продолжала рассказ об Индии, но ее плохо слушали. Все шептались и смотрели на Алису. А она написала записку Фиме Королеву:

«Что ты имел в виду? Алиса».

Скоро пришел ответ:

«Сама знаешь».

Алиса обернулась к Юльке и сказала шепотом:

— Не спускай с него глаз.

— Сама понимаю, — ответила Юлька.

После уроков Алиса сразу пошла к Фиме, но он перепрыгнул через стол и убежал в коридор.

Юлька догнала Алису в коридоре, сделала страшные глаза и прошептала:

— А что, если там был не Коля?

— Как так?

— А что, если это Фима Королев? Он жутко хитрый. С него станется подписываться чужим именем.

— Об этом мы не подумали, — сказала Алиса. — Мне кажется, что обе сегодняшние записки написаны одним почерком!

— Это он! Может, побежим за ним? Припрем его к стенке!

— Погоди. Я все-таки думаю, что он записку о Садовском написал, чтобы меня сбить со следа.

— В любом случае он наверняка знает, у кого миелофон, — сказала Юлька. — Голову даю тебе на отсечение!

— Ты права, — сказала Алиса. — А с кем он больше дружит? С Сулимой?

— Пожалуй, да. Хотя он со всеми дружит. А потом ссорится.

— А Сулима где?

— В шахматы пошел играть. В актовом зале турнир, гроссмейстер приехал.

— Бежим туда!

Глава 16

СУПЕРГЕРЛА!

В актовом зале составили в ряд столы и поставили на них тридцать шахматных досок. Гроссмейстер был худой, загорелый и похожий на веселого курчавого разбойника. Алиса поднялась на цыпочки, высматривая Сулиму.

Боря Мессерер протолкался к ней и сказал:

— Я знаю, как тебя называть.

Ребята обернулись. Катя Михайлова спросила:

— Как?

— Алиса в волейбол играет лучше всех. Математику знает. В Лондоне была, в Австралию летала, по-английски разговаривает даже лучше меня. Она супермен.

— Чепуха какая! — возмутилась Алиса. — Смотрю я на тебя, Мессерер, и думаю, до чего ты легкомысленный!

— Поменьше думай, облысеешь, — сказал Коля Садовский.

— Супермен — это мужчина, — сказала Катя Михайлова.

— Значит, она супергерл, — сказал Коля Садовский.

— Не супергерл, а супергерла, — поправил Мессерер. — Надо знать законы русского языка.

Фимы Королева не было видно.

Алиса увидела Сулиму и старалась подойти поближе.

Вдруг Алиса оглянулась, увидела Юльку:

— Вспомнила!

— Что вспомнила? — спросила Юлька.

Алиса приблизила губы к уху Юльки и прошептала:

— Это самая страшная тайна, которую я тебе могу рассказать. Но у нас дома есть книга, которая называется «Творчество Бориса Мессерера».

— Однофамилец, — отмахнулась Юлька. — Ничего из него не получится, потому что он несерьезный.

— Садитесь, шахматные бойцы, — сказал Эдуард Петрович.

Ребята начали двигать стулья, рассаживаться. Из девчат играли только Мила Руткевич и одна девочка из восьмого класса.

— Ну, все готовы? — спросил Эдуард Петрович.

— А где Тимошкин? — спросил кто-то.

Место рядом с Колей Сулимой пустовало.

— Тимошкин заболел.

— Ну ладно, — сказал Эдуард, — начнем без Тимошкина.

— Алиса, — спросил Боря Мессерер, — может, ты и в шахматы играешь? Как у вас, у супергерлов?

— У супергерл, — поправила его Юлька.

— Эдуард Петрович, — громко сказал Боря, — Селезнева хочет играть вместо Тимошкина.

— Селезнева? — сказал Эдуард. — Да-да, конечно. Садись. Только быстрее. — И он показал на свободный стул рядом с Колей Сулимой.

— Ну, девочка, — сказал гроссмейстер и улыбнулся, — не стесняйся.

Все в зале уставились на Алису. Она быстро села рядом с Сулимой.

— Здравствуй, коллега, — сказал Коля и улыбнулся. — Если туго станет, я тебе постараюсь помочь.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Только лучше уж я самостоятельно поиграю.

Гроссмейстер пошел вдоль ряда стульев, быстро протягивая вперед руку и двигая на два поля королевскую пешку. Некоторые ребята сразу отвечали, другие начали думать. Когда гроссмейстер второй раз пошел по этому же маршруту, оказалось, что все, кроме Милы Руткевич, сделали ответный ход. Гроссмейстер, мельком взглянув на доску, делал второй ход в зависимости от того, как ответил ему противник. После четвертого хода он отошел от стола, поговорил о чем-то с Эдуардом, закурил, и никто не сделал ему замечания. Болельщики стояли за спинами самых сильных игроков и смотрели на доски. Таких игроков было человек шесть. У Сулимы было по крайней мере двадцать болельщиков.

На пятом ходу случилось несчастье на второй доске. Один пятиклассник получил детский мат, и гроссмейстер сказал: «Простите», как будто случайно наступил ему на ногу. Пятиклассник покраснел и потихоньку выполз из-за стола.

Мила Руткевич сдалась, когда за столами оставалось не меньше десяти человек, — она зевнула ладью, потому что очень переживала и боялась что-нибудь зевнуть.

Сулима надолго задумался, и гроссмейстер уже два раза проходил мимо и не делал хода, потому что фигуры Коли оставались

без движения. Вдруг Алиса, которая все время поглядывала на соседнюю доску, сказала:

— Конем на f-6. — И отвернулась.

— Ого! — сказал Коля Наумов, который внимательно следил за делами Коли. — Ты посмотри, точно на f-6! А если он ладьей, то ты дальше.

— Не подсказывайте! — сказал Коля сердито. — Теперь уж я так не пойду.

— Ну что, молодой человек, — спросил гроссмейстер, — вы готовы?

Коля молчал.

— Он хотел пойти конем на f-6, — сказал Боря, — но сомневается.

Гроссмейстер улыбнулся.

— А что же, разумный ход. Попробуйте. Могут получиться интересные осложнения.

И Коля послушно подвинул коня.

Гроссмейстер задумался. Но не стал двигать вперед ладью, как решил за него Наумов, а отступил королем.

Теперь уже почти все зрители столпились за Колиной спиной и напирали ему на спину, так что Эдуарду пришлось вмешаться и сказать:

— Ребята, не мешайте играть. Вы же опрокинете стол.

Все так переживали за Колю, что, кроме Юльки, никто не обратил внимания на то, как долго стоял гроссмейстер у Алисиной доски, потом вздохнул и сказал задумчиво самому себе:

— Нет, этой жертвы я не приму.

Двинул вперед пешку и перешел к оставшейся на конце стола доске. Но с полпути вернулся, еще раз взглянул на Алисину доску, покачал головой.

Алиса ответила на ход пешки и стала смотреть, что собирается делать Коля с помощью советчиков, которые его дружно сбивали с толку, хотя Эдуард требовал, чтобы не подсказывали.

— Ферзем, ферзем! — шептали, шипели, говорили, даже кричали за его спиной.

— Слоном! — настаивали другие.

Вот-вот могла начаться потасовка.

Коля в полной рассеянности взглянул на Алису. Она на его доску не смотрела. Одними губами сказала:

— Пешкой на h-4.

И когда гроссмейстер подошел, Коля двинул пешку на h-4.

Гроссмейстер обрадовался за Колю.

— Молодец! — сказал он. — Этого хода я боялся.

Но, видно, раз боялся, заранее придумал ответ.

— Шах, — сказал он.

— Ой! — раздалось в толпе болельщиков.

Коля схватился за голову.

— Я же говорил, — сказал Боря. — Я же предупреждал!

Тем временем гроссмейстер вернулся к Алисе, и там положение ему совсем не понравилось.

— Да, — сказал он, — я увлекся.

Юлька потянула за рукав Колю Наумова.

— Ты только погляди! — прошептала она.

— А что? — Коля и смотреть не хотел.

— Погляди же!

Наконец гроссмейстер прошел в тот конец стола, поставил мат очкастому десятикласснику. Теперь у него оставалось только два противника. Эдуард Петрович встал напротив Алисы, оценил позицию, покачал головой и сказал Юльке Грибковой заговорщическим голосом:

— Надо, чтобы она осталась у нас в школе. Если ты патриот, ты Грибкова, этого добьешься.

Тогда Юлька поняла, что Алиса может выиграть у самого гроссмейстера.

— Я бы сама мечтала, — сказала она физкультурнику.

А Алиса смотрела на доску Коли Сулимы и никак не могла придумать, как одолеть гроссмейстера. Получалось, что гроссмейстер навяжет Коле обмен ферзей, а потом добьется вечного шаха. Получится ничья.

— Сдаваться? — спросил Коля Алису.

— Ты с ума сошел!

В этот момент подошел гроссмейстер.

— Каково ваше решение? — спросил он у Сулимы.

— Можно, я еще подумаю? — спросил Сулима.

— Думайте.

Гроссмейстер вернулся к Алисе.

— Так, — сказал он, увидев ее ход. — Что ж, спасибо. Мне урок за самоуверенность. Сдаюсь. — Он пожал Алисе руку.

Алиса встала и сказала:

— Вам спасибо. На вашем месте я из тридцати партий десять бы проиграла. Это же тяжелый труд — держать в голове столько позиций.

— Нет, вы не правы, — сказал гроссмейстер. — Я держал в голове только три-четыре позиции. Остальные не вызывали у меня опасений.

Они повернулись к Коле Сулиме.

Он еще думал.

Кроме Юльки и Эдуарда Петровича, никто не заметил, что гроссмейстер проиграл Алисе. Все уставились на доску Коли Сулимы.

Коля три раза тянул руку к своему королю, все никак не мог решить, куда его отвести, хотя это уже не играло роли.

Гроссмейстер двинул вперед своего ферзя.

— Шах.

— И вилка на твоего ферзя, — сказала Мила Руткевич вслух, хотя и без нее всем это было ясно.

Коля взглянул в отчаянии на соседний стул, где должна была сидеть Алиса, но там ее не было.

— Ешь королеву, — сказал Наумов, который играл плохо и поэтому называл все фигуры по-любительски.

— Не «ешь королеву», а «возьми ферзя», — поправила его Мила.

Коля в полной тишине поставил своего ферзя на место гроссмейстерского, и тот тут же объявил ему вечный шах ладьей и конем. Три раза они повторили ходы.

— Ничья! — объявил Эдуард Петрович.

— Ничья! — закричали болельщики. — Ничья! Ура!

— Сулима с гроссмейстером вничью сыграл!

— Минуту внимания! — сказал Эдуард Петрович. — Разрешите от вашего имени поблагодарить Владимира Аркадьевича за то, что он не пожалел своего времени, приехал к нам и провел этот сеанс.

Все захлопали в ладоши.

— Общий счет сеанса, — продолжал Эдуард Петрович, — двадцать восемь с половиной на полтора в пользу гроссмейстера.

Все так и ахнули.

— А кто же еще вничью сыграл? — спросила Мила Руткевич. — Это, наверно, ошибка.

— Никакой ошибки, — сказал гроссмейстер. — Я тоже благодарен вам, ребята. Некоторые из моих сегодняшних соперников показали себя настоящими бойцами. Я даже думаю, что если бы мой последний соперник, с которым мы сыграли вничью, был

немножко решительнее и меньше слушался своих болельщиков, он мог бы выиграть у меня, как и та девочка...

— Какая девочка? — спросила Мила Руткевич.

Гроссмейстер стал искать глазами Алису.

— Так это же Алиса Селезнева! — не выдержала Юлька. — Она выиграла у гроссмейстера!

— Где Алиса? Какая Алиса?

Ребята из других классов Алису еще не знали, и поднялась суета, и громче всех был слышен голос Бори Мессерера:

— Я же вам говорил, что она супергерла! Мое открытие! Я ее первый нарисовал!

Глава 17

ЧЕРЕЗ ЗАБОР И ОБРАТНО

— Как конспиратор ты никуда не годишься, — заявила Юлька Грибкова, когда им с Алисой удалось незаметно скрыться из школы.

— Знаю, — сказала Алиса.

— «Знаю, знаю!»... — Юлька еще больше распалялась от Алисиной покорности. — Ты приехала сюда миелофон искать или демонстрацию устраивать?

— Очень трудно обманывать людей, — оправдывалась Алиса. — Если начинаешь что-нибудь делать...

— Ну ладно еще, когда по-английски заговорила. Это бывает даже с нашими ребятами. Я допускаю, что в волейбол ты могла играть. В конце концов, ты меня заменила и классу помогла. Но вся эта история с математикой...

— Я увлеклась. Уж очень интересная проблема возникла.

— Я сидела и дрожала, что тебя разоблачат. А ты думала только о проблеме. Эгоистка проклятая! И с шахматами ты что натворила? Кто тебя просил у гроссмейстера выигрывать? Ты думаешь, у нас десятиклассницы часто у гроссмейстеров выигрывают?

— У нас тоже редко. И если бы с ним один на один встретились, я никогда бы не выиграла.

— Ой, скромница! Я сейчас упаду в обморок от умиления!

Сзади по переулку стучали тяжелые шаги.

— Алиса! — Юлька оглянулась и схватила Алису за рукав. — Мы попались!

По переулку к ним бежали двое. Толстяк большого роста и ря-

дом с ним небольшой худенький человек. Они махали руками и что-то кричали.

— Скорей.

Юлька с Алисой припустили от них. И, как назло, ни одной подворотни, ни одного открытого подъезда, ни одного поворота. Не спрячешься.

— Беги зигзагами! — крикнула Алиса. — Они снотворными пулями будут стрелять.

— Стойте! — доносилось сзади. — Стойте! Остановите их!

Как назло, какой-то гражданин с портфелем и сумкой услышал крик и решил, что помогать лучше тем, кто догоняет. Он широко расставил руки — портфель и сумка загородили полпереулка, и Алиса с Юлькой разбежались к самым стенам, чтобы миновать это неожиданное препятствие. Мужчина развернулся и побежал за ними.

Вдруг у Юльки подвернулась нога, и она упала на мостовую.

Алиса услышала ее крик и остановилась.

— Беги дальше! — крикнула Юлька. — Мне они ничего не сделают! Я их задержу!

Но Алиса не слушала. Она вернулась к сидящей на асфальте Юльке и постаралась поднять ее.

— Ну, скорее, — повторила она. — Еще немножко осталось.

— Нет, я не смогу. Беги без меня.

Алиса уже подхватила Юльку под мышки и приподняла. Юлька поджала ногу, и они заковыляли вдвоем на трех ногах.

Тут их догнал мужчина с портфелем и сумкой. Он с налета обхватил их и завопил:

— Я их держу!

— Отпустите! Что, не видите, ноге больно! — рассердилась Юлька.

Остальные преследователи уже были рядом. Большой толстяк сказал мужчине, задержавшему девочек:

— Да отпустите их, что вы делаете?

Голос у толстяка был знакомый.

— Грибкова, что с тобой? Ты ногу подвернула?

Да это же Эдуард Петрович! Собственной персоной. А с ним незнакомая худенькая женщина с желтыми завитыми волосами и решительным выражением маленького, худенького личика.

Мужчина с портфелем и сумкой отошел в сторону и сказал обиженно:

— Тогда не надо на всю улицу кричать, если вы знакомые. Я думал, может, украли чего.

— Как вам не стыдно! — сказала маленькая желтоволосая женщина. — Как вы могли подумать плохо о наших девочках?

Эдуард Петрович опустился на колено, стал ощупывать лодыжку Юльки Грибковой. Юлька морщилась, но терпела.

— Ничего страшного, — сказал Эдуард. — Завтра уже забудешь. Подвернула.

— Я и без вас знаю, что подвернула! А зачем вы нас испугали?

— Мы не хотели вас пугать, — сказал Эдуард. — Вы так быстро исчезли из зала, что я не успел с вами поговорить. А Марта Скрыль специально пришла в школу, чтобы познакомиться с Алисой Селезневой. А почему вы побежали? Разве не узнали? Меня по фигуре можно за версту узнать.

— Из-за вашей фигуры мы и побежали, — сказала Юлька мрачно. Она осторожно наступила на ногу. Больно, но терпеть можно. — Спутали с другой такой же фигурой.

Эдуард не понял, решил, что шутка, улыбнулся.

— Так вот ты какая, Алиса, — сказала маленькая желтоволосая женщина. — Очень приятно. Надеюсь, мы с тобой подружимся.

— Познакомься, Селезнева, — сказал Эдуард. — Марта — тренер нашей районной спортивной школы. Я ей рассказывал о тебе.

— Мы спешим, Эдуард Петрович, — сказала Юлька. — Нас дома ждут. Извините, пожалуйста.

— Ничего, — сказала Марта Скрыль. — Мы вас проводим. Ты давно занимаешься волейболом?

— Я сообщил, что нашел в нашей школе яркий талант, — гордо сказал Эдуард Петрович. — И уж поверьте моему опыту, я такого еще не видел.

— Алиса не здесь живет, — сказала Юлька.

Она шла прихрамывая и мечтала поскорее избавиться от тренеров. А то еще Алиса опять согласится и завязнет в спортивной деятельности. А миелофон Юльке одной искать, что ли?

— Мы это обеспечим, — сказала Марта Скрыль. — Если надо, перейдешь в московскую школу. Надеюсь, родители не будут возражать.

— Ее родители будут возражать, — зарычала Юлька.

Но Марта ее не слышала.

— Кстати, ты на сколько прыгаешь в высоту? — спросила она Алису.

— Я специально этим не занималась, — сказала Алиса, — только в летнем лагере в прошлом году.

— Ну и что?

— Метр семьдесят, — сказала Алиса. — Или метр семьдесят пять.

— Что-о-о-о? — воскликнула Марта Скрыль, и ее рот стал кружочком, глаза стали кружочками.

— А я что говорил! — Эдуард Петрович был так горд, словно сам научил Алису прыгать так высоко.

— Сумасшедшая! — прошептала Юлька. — Со своей дурацкой правдивостью...

— А что, это много? — спросила Алиса наивно.

Юлька даже отвечать не стала. Чего связываться с этими будущими кривляками!

— Не можжжжжет быть! — наконец вымолвила Марта Скрыль. — Ты обманываешь меня, девочка.

— Обманываю? — Алиса этого слова совершенно не выносила. — Я вас обманываю?

Они как раз проходили мимо забора. Забор как забор, за ним — какое-то строительство.

— Сколько в этом заборе высоты?

— Ну, метр семьдесят, — сказал Эдуард Петрович неуверенно. — Может быть, больше.

— Юлька, подержи сумку.

Алиса сунула Юльке сумку, отбежала на мостовую, примерилась, разбежалась и прыгнула. Не привычно, а рыбкой, как прыгают пловцы. Над забором она пролетела так, что еще сантиметров десять запаса оставалось, подобрала ноги, сделала сальто, чтобы по ту сторону забора опуститься на ноги.

— Ах! — сказала Марта Скрыль. — Так же прыгать нельзя! Никакой школы!

За забором раздался гулкий удар, громкий вопль.

— Алиса! — крикнула Юлька. — Что с тобой?

И в тот же момент над забором снова появилась Алиса — она летела рыбкой, вытянув ноги, перевернулась в воздухе и, сложившись в комочек, опустилась на землю.

— Бежим! — крикнула она Юльке. — Как твоя нога?

— А что там?

— Там пираты. Они идут по ту сторону забора и подслушивают. Я прямо на Крыса грохнулась. Временно вывела его из строя.

— Куда же вы, девочки? — закричала Марта Скрыль. — Мы только начали беседу!

Забор зашатался, кто-то ломился сквозь него.

— Эдуард Петрович, — сказала Юлька, убегая вслед за Алисой, которая взяла обе сумки, — подержите забор, а то там один хулиган его сломать хочет. Скорее же!

Эдуард Петрович послушно прижался тяжелым животом к забору, который колыхался, как тростник в бурю. Доски разошлись, и Марте Скрыль, которая в изумлении наблюдала за этой сценой, видно было, что с другой стороны на улицу ломится не менее крупный и толстый человек, чем Эдуард Петрович.

А девочки уже убежали...

У самого дома они остановились передохнуть. У Юльки разболелась нога.

— Погоди секундочку, — сказала она. — Эдуард их задержит, он обещал.

— Весельчака он задержит, а вот Крыса нет, — ответила Алиса, но остановилась.

— Девчата! — услышали они. К ним бежал Коля Сулима. — А я вас уже минут двадцать дожидаюсь.

— Что случилось?

— Мне нужно поговорить с Алисой.

— Говори при Юльке, у меня от нее нет секретов.

— Но это чужой секрет! — сказал Коля Сулима. — Я даже не знаю...

— Говори же, — сказала Юлька. — Мы очень спешим.

— Я хотел сказать... в общем, я хотел только сказать, что знаю, что Алиса... в общем, она не из нашего города и вообще из другого места, но я думаю...

— Вот мямля! — возмутилась Юлька. У нее болела нога, и поэтому она стала нетерпеливой. — Ты можешь говорить по-человечески?

— Погоди, Юлька, — остановила ее Алиса. — Говори, Коля.

— Фима послал тебе записку, можно сказать, странную, но ты должна понять, что он защищает друга, а это можно...

Тут Сулима опять запутался в словах, а тем временем из-за угла выскочили Крыс и Весельчак У. Как-то им удалось обмануть Эдуарда, и они снова пустились в погоню за девчатами.

— Беги, — крикнула Юлька Сулиме, — чтобы они тебя с нами не видели! Ну, что ты стоишь?

Сказав так, Юлька побежала к подъезду. Алиса — за ней.

Сулима поглядел на девчат, потом на толстяка в черной шляпе, черном плаще и Наполеона Бонапарта в треуголке и, не раздумывая больше, побежал в другую сторону.

Девчата успели вбежать в подъезд, вверх по лестнице и спрятаться в квартире.

Когда щелкнул замок, Юлька закрыла дверь на цепочку, а Алиса сбросила на пол сумку и сказала:

— Какие же мы с тобой глупые! Мы должны были Сулиму взять с собой! Он готов был все рассказать.

— Ты думаешь, он знает?

— Он же начал говорить. И про записку, и про то, что он знает обо мне.

— Значит, это он?

— Наверное, он. И он — друг Королева.

— И он хотел все рассказать?

— Я так думаю. Надо бежать к нему. Ты знаешь, где он живет?

— Я у него не была. Но можно позвонить Кате Михайловой. Она все адреса знает.

— Тогда я пошла.

— Да? — спросила Юлька, снимая туфлю. Нога в лодыжке распухла. Хорошо еще, бабушка легла спать, не видит, в каком виде вернулась внучка домой. — Ты погляди в окно. Как же ты пойдешь мимо пиратов? Мы в осаде.

— Что же делать?

— Вот нога пройдет немного, я сама сбегаю к Сулиме и возьму у него миелофон.

— Если он у него.

— Если он у него. А может, как-нибудь его вызвать сюда?..

— Нет, звать его сюда — значит отдать в лапы пиратам. Им это и нужно. Давай лучше компресс тебе поставим, чтобы скорее нога прошла.

Но в тот вечер выйти из дома так и не удалось. Юлька одну Алису не выпустила, а ее нога прошла только к утру, и то не совсем.

Глава 18

ОПАСНАЯ БЕГЛЯНКА

На следующее утро события помчались, как скорый поезд.

Первым в тот день в школу шел Коля Садовский. Шел он так рано потому, что не было смысла оставаться дома, где гремел

большой скандал. Виновником скандала был, как всегда, сам Коля. Он задумался еще с вечера: как же получается в математике — плюс на плюс дает плюс, а минус на минус тоже дает плюс. Он стал рассуждать: если у тебя подушка сшита из мягкой, чистой, выглаженной материи — это плюс? А если она набита при этом мягким пухом, это плюс? А если мягким пухом набить чистую наволочку, все вместе приведет к образованию очень удобной и положительной подушки. Плюс? Плюс.

С этой мыслью Коля уснул на мягкой и положительной подушке. А проснулся и стал думать дальше. Если взять что-нибудь совершенно непригодное для набивания подушек и вложить это во что-то совершенно непригодное для создания наволочки, получится ли положительная подушка? Надо попробовать. Разумеется, Коля знал, что ничего не получится, но ему очень понравилось размышлять философски. Поэтому он пошел с утра на кухню, взял десяток яиц, две электрические лампочки и утюг, все это положил в сетку, с которой его мать ходила за картошкой, отнес в ванну, положил на пол и лег на эту подушку.

Плюса не получилось.

Коля набил шишку об утюг, измазался яйцами и обрезался осколком электрической лампочки. Его заставили мыть пол в ванной, собирать стекло, потом оставили без завтрака — и все это случилось в семь часов утра.

Вот он и ушел из дому.

А на подходе к школе его остановил очень толстый человек в длинном черном плаще и шляпе, натянутой на самые уши.

— Здравствуйте, — сказал толстяк. — Вы из шестого класса «Б»?

— А почему вы так думаете? — спросил Коля. — Неужели просвечивает?

— Что просвечивает? — спросил толстяк.

— Мой номер, — сказал Коля.

Он говорил, просто чтобы говорить, даже не задумывался. А толстяк ему не понравился. Уж очень у него было доброе лицо, словно нарочно нарисованное. Поэтому Коля попросил толстяка:

— Вы не будете любезны снять маску?

— Какую маску?

— Под которой у вас спрятаны клыки.

Толстяк даже ощупал свое лицо, словно и в самом деле опасался, не вылезают ли клыки из-под маски.

Садовский не стал ждать, пошел дальше. Он решил изобрести

способ хождения под землей. Такой способ очень выгоден, потому что можно переходить улицу где хочешь, даже на красный свет. Вот только руки будут грязные.

— Погодите, — догнал его толстяк. — Вы знаете в вашем классе Колю?

— Вам честно ответить или нечестно? — спросил Садовский.

— Честно! — сказал толстяк. — Честность — это самое лучшее человеческое качество.

— Если честно, то я Коля.

— Нет, — сказал толстяк, — ты не Коля. Или не тот Коля.

— Как точно вы заметили! — сказал Коля Садовский. — Я и сам в последнее время задумываюсь, тот ли я Коля, что был сначала. Уж очень я рыжий. Вам не кажется?

— А что, раньше ты другой был? — Толстяк внимательно разглядывал Колю.

— Раньше я был блондин, — сказал Коля. — И притом девочка.

Толстяк вздохнул.

— Еще один вопрос, — сказал он. — Ты знаешь Алису?

— Она уже кончила школу, — сказал Коля. Нет, толстяк ему положительно не нравился. Коле хотелось поскорее от него избавиться. И уж тем более он не хотел рассказывать ему об Алисе. — И улетела на Памир. Просила передать вам, чтобы вы не трогали ее любимую собачку. Больше вопросов нет?

— Ты очень невоспитанный мальчик, — сказал толстяк. — У нас таких уже нет.

— Всех истребили? — спросил Коля.

— И до тебя доберемся! — прошипел толстяк так, чтобы не слышали проходившие мимо прохожие. — Я твою рыжую физиономию запомню!

— Какое счастье! — сказал Коля, но на всякий случай отступил на шаг назад. — Поэтому, когда вас приведут ко мне, вы будете отказываться от своих слов?

— Куда приведут? — спросил толстяк.

— Ко мне в кабинет. Я же главный инспектор милиции по распутыванию особо серьезных преступлений против шестиклассников. Разве не слышали? Моя фамилия Холмс. Николай Шерлокович. Будем знакомы. А вас как зовут?

Но толстяк уже куда-то исчез. Словно сквозь землю провалился.

Коля постоял немножко, потом вздохнул и сказал:

— Он меня обогнал. Он умеет ходить под землей. Придется

изобрести что-нибудь новенькое, а то столкнешься с ним под мостовой — задавит.

Минут через пять на этом самом месте с толстяком встретилась Мила Руткевич.

Толстяк как гора встал у нее на пути.

— Простите, девочка, — сказал он, — вы из шестого «Б»?

— Да, — ответила Мила.

— Скажи на милость! — сказал толстяк. — Не дашь ли ты мне ценную информацию?

Толстяк пошел рядом с Милой. Говорил он вежливо, даже подобострастно.

— А что я могу вам рассказать? — спросила Мила.

— У меня большое личное несчастье, — сказал толстяк. — И только вы, добрая девочка, можете мне помочь.

— Но ведь я спешу в школу, — сказала Мила. — У нас первый урок английский, и мне надо повторить перевод.

— Я не займу больше двух минут твоего драгоценного времени, девочка, — сказал толстяк. — Мне нужно поговорить с тобой об Алисе.

— О какой Алисе? — насторожилась Мила.

— Я не знаю, под какой фамилией она фигурирует в вашем классе. Но, наверно, у вас одна Алиса?

— Алиса Селезнева? — спросила Мила. — А что случилось?

— Надеюсь, ничего страшного. Пока ничего страшного.

И толстяк сделал длинную, значительную паузу.

— А что может случиться? — спросила Мила, закидывая за спину черную косу. — Вы из милиции?

— В некоторой степени, — сказал толстяк. — Когда и почему Алиса появилась в вашем классе?

— Сегодня третий день, — сказала Мила. — Она живет у Юли Грибковой. Они вместе в больнице лежали.

— Та-а-а-ак, — сказал толстяк. — Все сходится.

Они проходили мимо маленького скверика, где стояла пустая скамейка.

— Если вы не возражаете, — сказал толстяк, — присядем на минутку.

Мила кивнула. Время еще было. Она была заинтригована. Особенно если учесть, что Алиса ей совсем не нравилась.

— А не замечали ли вы в ее поведении чего-нибудь странного? — спросил толстяк. — Чего-нибудь не нашего, из ряда вон выходящего?

Мила пожала плечами.

— Как сказать...

— Ясно, — сказал толстяк. — Вы не хотите говорить плохо о своей приятельнице. Это похвально, разумеется, похвально. Вы производите впечатление очень разумной девушки. Но сейчас разговор между нами такой серьезный и тайный, что придется говорить чистую правду. Нравится ли вам ее характер?

— Нет! — вырвалось у Милы помимо ее воли.

— Почему?

— Она выскочка, — сказала Мила.

Мила в самом деле так думала. Всегда она была первой отличницей в классе. Все годы. Ее ставили в пример учителя и хвалили на родительских собраниях. И вдруг пришла в класс какая-то Алиса, которая, оказывается, и английский знает лучше Милы, и географию, и математику, а уж о физкультуре и говорить нечего. Неприятно, что уж говорить.

— В самом деле? — спросил толстяк. — Это тоже сходится с нашими наблюдениями. А не показывала ли девочка Алиса каких-нибудь знаний больше, чем нужно?

— Как вам сказать... — ответила Мила. — Особенных способностей я у нее не заметила, но показать себя она умеет.

— Правильно! — воскликнул толстяк. — А в классе у вас есть некий Коля?

— Коля? У нас три Коли.

— А с каким из них дружит Алиса?

— Она ни с кем не дружит, кроме Грибковой, — сказала Мила. — Хотя я чужими делами не занимаюсь.

— Похвально, — сказал толстяк. — Теперь вы должны нам помочь.

— Кому?

— Дело в том, что я работаю главным врачом в больнице для особо опасных детей. В прошлом году к нам поступила неизлечимо испорченная девочка по имени Алиса. У нее склонность к жестокому хулиганству. Это болезнь. Она била детей и взрослых, кусалась, а потом украла в школьном музее чучело тигра, оделась в тигровую шкуру и ночью грабила прохожих. Когда Алису поймали, она искусала трех милиционеров, задушила служебную собаку, и нам пришлось Алису связать.

— Ой, какой ужас! — сказала Мила.

— Нет, не ужас. Надо пожалеть Алису. Она ведь не виновата, что заболела, — раздался мелодичный женский голос.

Мила увидела, что рядом стоит миловидная маленькая хрупкая женщина в белом халате с красным крестом на рукаве.

— Ах, познакомьтесь, — сказал толстяк. — Это доктор Иванова. Она провела сто бессонных ночей, успокаивая несчастного ребенка, давая ей лекарства и рассказывая сказки.

— Да, это так, — сказала доктор Иванова. — Но все мои усилия пошли прахом. И эта негодная девчонка убежала ночью из больницы, выломав плечом дверь и прыгнув с пятого этажа.

— И ничего? — спросила Мила.

— Ничего. Осталась только вмятина в асфальте под окном. Глубиной в полтора метра. В таком состоянии больным ничего не страшно. Мы обошли уже все школы и больницы, но она исчезла бесследно. И вдруг мы узнали, что похожая девочка была замечена в вашем классе.

— Но на вид она такая спокойная, — сказала Мила. — И так хорошо знает английский язык.

— Это ненормальность, — сказал толстяк. — У нее весь ум направлен на то, чтобы обманывать окружающих и притворяться, что она совершенно нормальная. В этом ее опасность. И ее ответы на уроках тоже ненормальность. Скажите нам, может ли нормальная девочка так много знать, как ваша Алиса?

Этот вопрос Миле очень понравился. Он сразу уничтожал все ее сомнения. Конечно же, Алиса просто ненормальная, поэтому она так хорошо все знает. Обычный человек ничего бы этого не знал. Ни один здоровый шестиклассник не может быть умнее Милы Руткевич.

И когда Мила все это поняла, раздражение против Алисы как рукой сняло. Ей даже стало жалко Алису.

— А когда ее найдете, вы что сделаете? — спросила Мила.

— Мы возьмем ее с собой.

— Погодите, — сказала Мила. — Алиса ведь так тихо себя ведет. Может быть, ей лучше в школе, с ребятами? И она у нас выздоровеет и станет хуже учиться... как все.

— А если она снова начнет буйствовать? Если она кого-нибудь укусит? Вы забыли о своих товарищах, которые подвергаются опасности.

— Ах, — сказала Мила, — я об этом не подумала. Пошли скорей к директору школы и все расскажем.

— Нет, так не годится, — сказал печально толстяк. — А если мы ошиблись? Если это не та Алиса? Представляете, какую травму мы нанесем невинному ребенку?

— Это та, та, — сказала Мила. — Она совершенно ненормально все знает.

— Но мы очень деликатные люди, — сказала хрупкая доктор Иванова. — Сначала мы заглянем в класс и убедимся, что эта наша беглянка. Ты нам должна помочь.

— А как?

— Проведи нас в школу задним ходом так, чтобы нас Алиса не видела. И покажи, где ваш класс.

— Если это нужно для медицины и для безопасности других людей, я согласна, — сказала Мила. — Только пойдемте быстрее, потому что скоро звонок.

И она провела их двором, через школьный ботанический участок. Показала, как подняться на третий этаж, и сказала:

— Только не надо ее забирать прямо из класса. Мне ее очень жалко.

— Не беспокойся, девочка, — сказала добрым голосом доктор Иванова. — Мы будем гуманные и добрые. Мы всегда такие.

Глава 19

ДВЕ АЛЛЫ

Мила попрощалась с ними и побежала наверх, к своему классу.

И у самой двери столкнулась с Алисой и Юлькой.

— Ой! — Мила уставилась на Алису дикими глазами, прижалась к стенке и ждала, пока она пройдет в класс.

— Что с ней? — спросила Юлька. — Она на нас смотрела, как на привидения.

— Не знаю, — сказала Алиса. — У меня все в порядке? И туфли на ту ногу?

— Все в порядке.

— И у тебя тоже. Чем-то Руткевич напугана.

Мила поспешила на свое место, ни на кого не глядя и не слыша, как ребята, окружив Алису, шумно вспоминали вчерашний день. Боря Мессерер подарил ей новый портрет: Алиса в шахматной короне. Портрет был непохож, но все очень смеялись.

— Где Фима? — спросила Алиса, оглядываясь.

Уже прозвенел звонок, вот-вот должна была войти Алла Сергеевна, а Фимы не было.

— С ума сойти! — испугалась Юлька. — А вдруг они и до него добрались? Мила, ты не видела Фиму Королева?

— Нет, — сказала Мила, листая учебник.

Но ее глаза ничего не видели — она ждала, что вот-вот откроется дверь и войдут доктор Иванова и директор больницы, из которой сбежала опасная Алиса.

— Алиса, — спросил Коля Садовский через весь класс, — у тебя есть знакомый толстяк?

— А что? Ты где его видел?

Мила Руткевич услышала и замерла: неужели этот Садовский подслушал?

— Ты где его видел? — повторила Алиса.

— Я его отшил, — сказал Коля, — запутал, как Иван Сусанин поляков в лесу.

Дверь в класс медленно распахнулась.

«Они! — подумала Мила. — Сейчас начнется».

Но это всего-навсего Фима Королев.

— Смертельный номер! — закричал он, бросаясь к учительскому столу. — Впервые на экране!

— Фима, ты с ума сошел! — крикнула Катя Михайлова. — Сейчас Алла придет.

— Не придет, — сказал Фима. — Она в коридоре на первом этаже с каким-то толстяком разговаривает. В нашем распоряжении пять минут. Прошу внимания!

Фима открыл портфель и вытащил обалделого котенка.

— Внимание! — продолжал Фима. — Вы видите перед собой суперкошку по имени Алиса. Она умеет считать до ста!

И тут вошла Алла Сергеевна.

Учительница остановилась у доски, не замечая Фиму, который ловил котенка, убежавшего под стол.

— Это шестой класс «Б»? — спросила Алла Сергеевна, словно это не она почти каждый день приходила сюда.

Но ничего удивительного в этом вопросе не было.

Как только Мила Руткевич провела пиратов в школу, они поспешили к учительской и встали за углом, наблюдая за учителями. Когда Алла оттуда вышла, держа в руке журнал, на котором было написано «6-й класс «Б», Весельчак У сразу же стал у нее на пути:

— Одну минутку, уважаемая учительница. Я вам должен сказать два слова исключительной важности.

А Крыс, превратившись в Аллу, поспешил на третий этаж. И чтобы не попасть впросак, первым делом спросил:

— Это шестой класс «Б»?

Настоящая Алла никогда бы не задала такого вопроса. Она сказала бы: «Королев, немедленно прекрати это безобразие!» И поэтому класс был просто поражен таким странным вопросом. Алиса сразу поняла, что дело неладно, пригнулась, спрятала лицо. А Коля Садовский, умевший шутить не вовремя, громко сказал:

— Нет, это второй класс «А».

Вдруг, ко всеобщему удивлению, Алла Сергеевна сказала:

— Не может быть! Ты опять лжешь, мальчик!

Чтобы Алла так сказала о Садовском? Это немыслимо!

Алла оглядывала класс, прямо-таки впиваясь глазами в ребят. Увидела Милу Руткевич и спросила ее:

— Где Алиса?

— Вон там, под партой, — сказала Мила послушно.

— Ага! — воскликнула Алла Сергеевна. — Значит, и он здесь!

Алла подбежала к тому столу, под которым скрылась Алиса, но при этом продолжала зыркать глазами по лицам.

— Где Коля? — спросила она у Милы.

Мила в ужасе зажмурилась. Нет, этого не может быть! Алла говорила не своим голосом, а голосом доктора Ивановой.

— Ага! — закричала Алла. — Вот ты где!

Но в этот момент за дверью раздался ужасный шум.

Дверь широко распахнулась, и все увидели, как в класс рвется другая Алла Сергеевна, а ее тянет обратно в коридор очень толстый человек в съехавшей на ухо шляпе и длинном черном плаще. А того человека обхватил физкультурник Эдуард Петрович. Все это было похоже на иллюстрацию к сказке о репке.

— Отпустите меня! — отбивалась Алла Сергеевна. — Это хулиганство!

— Я вам должен еще сказать! — кричал толстяк. — Вы меня забыли! Я ваш пропавший в детстве братишка! Вы меня качали на руках!

Эдуард Петрович, покраснев от натуги, приподнял толстяка с пола — ведь недаром он раньше занимался вольной борьбой.

Громадным усилием Эдуард оттянул назад одну из рук толстяка и провел редкий по красоте борцовский прием. Толстяк отпустил Аллу Сергеевну, взлетел в воздух и шмякнулся носом об пол.

— Ура! — закричали двадцать шесть зрителей из шестого «Б». — Ура Эдуарду Петровичу! Чистая победа!

Тут раздался громкий стук, оттого что две Аллы Сергеевны

столкнулись перед доской, обе потеряли очки и уронили классные журналы.

— Этого я не выдержу! — воскликнула настоящая Алла и упала без чувств.

Поддельная Алла перепрыгнула через нее, пролетела четыре метра головой вперед и врезалась в живот Эдуарду Петровичу. Физкультурник не ожидал нового нападения. Он потерял равновесие и сел на пол.

С невероятной для женщины силой лже-Алла подхватила лежавшего без движения толстяка за ноги и потянула его в коридор.

Через секунду их и след простыл. Лишь слышно было, как стучит по лестничным ступенькам лысая голова толстяка.

Только черная шляпа пирата да рукав, оторванный от его плаща, остались лежать посреди класса, напоминая о битве. Алла Сергеевна лежала в обмороке на полу, а Эдуард Петрович сидел, прислонившись к стене, и ничего не мог сообразить.

Ребята опомнились первыми. Одни кинулись к Алле приводить ее в чувство, другие помогали встать Эдуарду Петровичу. Только Алиса в этом не принимала участия. Она подняла с полу шляпу и рукав плаща Весельчака У, быстро подбежала к окну и выкинула эти улики на улицу.

Прошло минут пять, прежде чем все утихомирилось. Аллу отпоили водой, Эдуард Петрович встал и, покачивая головой, как ученый слон, ушел в физкультурный зал, а ребята уселись по местам.

— Садитесь, дети, садитесь, — повторяла Алла слабым голосом. — Какая-то невероятная история, и я еще ничего в ней не понимаю.

— Может, вам лучше отдохнуть? — спросил Боря Мессерер. — А мы так посидим.

Он из всех ситуаций хотел извлечь пользу. А польза заключалась в том, чтобы поменьше учиться и побольше рисовать свои картинки.

— Нет, — сказала тверже Алла Сергеевна. — Ничего особенного не случилось. Мы разберемся потом. А сейчас начнем урок...

Алиса не садилась. Она осматривала класс. Как жаль, что она спряталась под стол! А надо было бы следить, кого из Коль узнал пират. Поэтому она осматривала класс и считала:

Коля Сулима — здесь.

Фима Королев — здесь.

Коля Садовский — здесь.

Коля Наумов... Коли Наумова нет. Вон лежит его портфель... раскрытая тетрадь... а Коли нет.

— Юлька! — сказала Алиса. — Нет Наумова!

И она бросилась к окну.

— О боже мой! — воскликнула Алла Сергеевна. — Селезнева! Что еще?

Алиса успела увидеть, как по дорожке к воротам бежит Коля Наумов, а из школы выбегают пираты, Весельчак У в плаще с одним рукавом, за ним Крыс. На глазах он сбрасывал облик Аллы и превращался в Наполеона, потому что в мундире легче было бежать, чем в юбке.

— Юлька! Они гонятся за ним! — крикнула Алиса. — Я побежала!

— Кто? Кто за кем гонится? — спросила Алла. — Я этого не вынесу.

Алиса распахнула окно — никто даже ахнуть не успел, — вскочила на подоконник и прыгнула к большому дубу, который рос на школьном дворе. Ветви дуба не доставали двух-трех метров до школьного окна. На лету Алиса, как обезьяна, схватилась за толстый сук, качнулась на нем и слетела на нижнюю ветвь. Оттуда спрыгнула на землю и побежала вслед за Колей и пиратами.

Все ребята видели этот смертельный номер, потому что подбежали к окнам. Алла Сергеевна тоже видела, но не до конца: к счастью для нее, она снова упала в обморок. Такое случилось с ней раньше только один раз — когда ей было двенадцать лет и она увидела мышь. А тут — надо же! — два раза за десять минут.

Пока Алиса совершала свои прыжки, девочки ахали, а ребята подбадривали Алису криками, только одна Мила Руткевич была спокойна. И когда Алиса скрылась из глаз и девочки начали снова приводить в чувство Аллу, она громко сказала, чтобы все слышали:

— Ничего удивительного. Это от ненормальности. Я с ее лечащим врачом разговаривала. Ее вообще ищут, чтобы в специальную больницу вернуть.

— Как тебе не стыдно! — закричала Юлька. — Она нормальней и здоровей тебя. Я-то лучше знаю.

Алла пришла в себя и сказала:

— Вы уж извините, я пойду в медпункт. У меня нервы расшатались.

Мила Руткевич первой успела к ней на помощь, помогла выйти в коридор.

Остальные сразу окружили Юльку. Катя Михайлова сказала:

— Грибкова, немедленно расскажи нам все, что знаешь!

— Я ничего не знаю, — ответила Юлька. Она держала в руках свой портфель и сумку Алисы. — Пропустите меня, я пойду домой.

— Никуда мы тебя не пустим! — сказал Фима Королев. — Я тоже кое-что знаю, и, если она не расскажет, я сам расскажу.

— Рассказывай, Юля, — сказал Коля Сулима. — Ведь ребятам, наверно, надо помочь.

Глава 20

ИШУТИН НЕ ВМЕШИВАЕТСЯ

Алиса выбежала на улицу, увидела далеко впереди бегемотовую спину Весельчака У и мундир Наполеона и бросилась за ними. Она понимала, что нельзя отпускать их далеко от себя, а то потеряешь в два счета.

Ведь она плохо знала улицы и переулки, тогда как остальные были куда опытнее. Коля Наумов жил в этих местах с детства, а пираты, которые последнюю неделю ухлопали на поиски Алисы и Коли, неплохо успели изучить окрестные переулки и дворы. И даже кое в чем стали образованней Наумова.

Когда Алиса увидела, что они повернули в переулок, она буквально полетела стрелой, чуть не сшибая прохожих, и, свернув за угол, успела увидеть, что пираты предприняли такой тактический маневр. За Колей гнался только Весельчак У, а Крыс в облике Наполеона перебежал на другую сторону переулка и понесся вдоль стены так, чтобы обогнать Колю и взять его в тиски.

Коля оглянулся и увидел, что его окружают.

Справа от него был подъезд.

Если бы он продолжал бежать вперед, пираты его обязательно поймали бы, поэтому ему ничего не оставалось, как нырнуть в этот подъезд.

Хлопнула дверь. Весельчак У громко крикнул: «Ширшшфк!» — что означало: «Попался!»

Алиса поняла: у подъезда нет другого выхода. Они загнали Колю в угол.

Весельчак нырнул в подъезд вслед за Колей. Но Крыс побежал дальше, к арке, ведущей во двор.

Алиса не успела сообразить, что же ей делать дальше, как кто-то подхватил ее на бегу, и женский голос произнес:

— Тебя-то мне и надо, мое сокровище!

Алиса попыталась вывернуться, но крепкие руки легкоатлетической тренерши Марты Скрыль держали ее, как в тисках.

— Ты даже по улице бежишь, словно намерена ставить рекорды, — сказала желтоволосая тренерша. — Считай, что мне повезло. Шла к твоей школе, вдруг вижу — моя рекордсменка, надежда нашего спорта, собственной персоной. Ну что ж, самое время поговорить.

— Простите, — сказала Алиса, болтаясь в воздухе. — Я очень спешу!

— Что значит твоя сиюминутная спешка по сравнению с будущим, которое открывается перед тобой в спорте? Ты же самородок! Если нам удастся тебя переломить...

Даже в таком неудобном состоянии Алиса удивилась:

— Зачем меня переламывать?

— Как зачем? Чтобы отучить от доморощенных приемов. Кто так прыгает в высоту в наши дни?

Алиса смотрела, не появится ли кто-нибудь из подъезда или из-под арки. Но переулок словно вымер.

— А в какие дни так прыгают? — спросила Алиса. Все равно тренершу силой не одолеешь, придется брать хитростью.

— В доисторические, — сказала тренерша уверенно. — Сегодня этот прием бесперспективен.

— Ну уж нет! — возмутилась Алиса. — Вы бы знали, какую высоту взял Пулярдкин таким способом!

— Мне неважно, что там взял Пулярдкин. Я знаю только, что тебя пытались испортить. Мы всерьез займемся техникой. Ты у меня запрыгаешь.

— Тогда опустите меня на землю.

— Хорошо, только не убегай. Я сейчас запишу твои координаты. Все разговоры с родителями беру на себя.

— Вряд ли это вам удастся, — сказала Алиса, не отрывая глаз от подъезда.

— Мы и не таких родителей уговаривали.

Алиса незаметно отступила на полшага.

— Записываю, — сказала тренерша. — Неужели тебя не прельщают большие соревнования? Слава, аплодисменты, пьедестал почета и заграничные стадионы... Ты куда, девочка? Остановись! Остановись немедленно! Ты же все равно от меня никуда не скроешься! Я тебя через школу отыщу!

Алиса уже подбежала к тому самому подъезду. Тренерша трусила сзади и продолжала ее уговаривать.

Вбежав в подъезд, Алиса нырнула вниз, к двери, которая вела в подвал. Там в темноте, за углом, она остановилась и замерла. Она слышала, как хлопнула дверь, вошла тренерша и громко спросила:

— Девочка, ты где скрываешься? Зачем избегать своей перспективной судьбы? Разве ты не слышишь, как зовут фанфары?

Алиса молчала. Слышно было, как тренерша неуверенно поднимается по лестнице, потом останавливается и говорит:

— Если ты меня слышишь, то учти, что в спорте главное — настойчивость. Этой настойчивости у меня много. Я вернусь в школу и все узнаю у Эдуарда Петровича.

Послышались четкие шаги, хлопнула дверь, но Алиса не спешила вылезать из своего укрытия. Не доверяла она настойчивой тренерше. И оказалась права. Прошла минута, две, и дверь снова отворилась. На этот раз медленно, почти неслышно. Снова послышались шаги, но осторожнее, кто-то шел на цыпочках. Тренерша, а это была она, прошла к спуску в подвал, где скрывалась Алиса, и заглянула вниз. В полумраке Алисе был виден ее силуэт. Тренерша прислушивалась. Алиса затаила дыхание.

— Ты прячешься? — спросила вдруг тренерша.

Но в подвал не пошла. Может быть, боялась мышей?

Наконец тренерша тяжело вздохнула и пробормотала:

— Все равно... все равно... я найду этот самородок.

И удалилась окончательно.

Только тогда Алиса осторожно вылезла на свет. Она была расстроена. Еще бы, потеряла, наверно, минут десять, не меньше. Если это проходной подъезд, то Коля и пираты могли убежать далеко. Ищи их теперь.

Алиса огляделась. Так и есть. Вот задний ход. За лифтом. Алиса подошла к небольшой темной двери и толкнула ее. Дверь послушно открылась. Перед ней был двор, окруженный домами. Посреди него стоял заколоченный двухэтажный флигель, приготовленный на слом. Кроме арки, которая вела в переулок, из двора можно было выбраться только через другую арку, в дальнем его конце.

Двор был пуст. Только на лавочке под старым деревом сидел

молодой человек в замшевом пиджаке, замшевых туфлях и замшевых брюках. Был он модный, аккуратный и солидный. Он курил трубку и читал детективный роман.

— Здравствуйте, — сказала Алиса.

— Здравствуйте, — сказал он, закладывая пальцем страницу книжки. — Здравствуйте, если не шутите.

— Совсем не шучу, — сказала Алиса. — Здесь не пробегали мальчик и два других человека?

— Мальчик? — удивился молодой человек, закованный в замшу. — А какого возраста он был?

— Моего возраста, — сказала Алиса. — А за ним гнались двое. Один очень толстый, в рваном плаще и без шляпы. А второй не знаю в каком виде.

— Гнались, говоришь? — спросил молодой человек. — Очень странно. А зачем они гнались? Мальчик что-нибудь натворил или как?

— Нет, он ничего не натворил. Он раньше натворил, а сейчас совершенно не виноват. Это те, кто за ним бежал, во всем виноваты.

— Очень интересно, — сказал молодой человек. — Даже любопытно. А зачем тогда они за ним гнались?

— Ну, чтобы отнять одну вещь. Они преступники.

— Не может быть.

Молодой человек был очень розовым и гладким. Словно только что кончил мыться и тереть лицо жесткой щеткой. И на розовом лице, как две гусеницы, сползали вниз, к подбородку, черные усы.

— Очень странно, — настаивала Алиса. — Они должны были здесь пробежать минут десять назад, не больше.

— Если бы я увидел какое-нибудь нарушение порядка, — сказал молодой человек, — я бы немедленно сигнализировал.

— Значит, никто не пробегал?

— Ты первая здесь суетишься.

— Вы правду говорите?

— Слушай, тебе русским языком сказали: никто здесь не пробегал. Никакие мальчишки и вообще никто. Ты мне читать мешаешь! Я из-за тебя забыл, на чем остановился. У меня свободное время, надо его занять правильно, с толком. Так что топай отсюда, пока я тебя не прогнал с помощью физической силы.

С этими словами замшевый человек открыл книжку, заложенную указательным пальцем, и снова углубился в чтение.

Молодой человек врал.

Десять минут назад он видел, как во двор вбежал странный человек в одежде Наполеона Бонапарта (а молодой человек был начитанный и узнал Наполеона) и рыскнул в черный ход. Молодой человек удивился, что Наполеоны стали бегать по дворам. Он отложил книжку и принялся размышлять о сложности жизни. Может, кино снимают? Скрытой камерой? На всякий случай он вынул расчесочку и причесался. Если попадешь в кадр, должен быть в полном порядке. Увидит его на просмотре режиссер и спросит: «Кто это в кадре, такой молодой и красивый?» А ему ответят: «Это актер-доброволец, случайно оказался на съемках, зовут его Петр Ишутин, служит он в ресторане старшим поваром, очень начитанный, неглупый... Готов посвятить свою жизнь искусству». — «Он будет играть роль полководца Багратиона...»

Пока Петя Ишутин так мечтал, дверь черного хода отворилась, и его глазам предстало удивительное зрелище. Впереди шел, озираясь, Наполеон Бонапарт. За ним — невероятной толщины мужчина в рваном плаще. Мужчина нес под мышкой неподвижного мальчика.

Если это было кино, то не историческое, а приключенческое. С похищением ребенка. Петр Ишутин поднялся со скамейки, заложил пальцем детективный роман, чтобы не потерять страницу, и решил, что сейчас он остановит похитителей и скажет им решительно: «Руки вверх!»

И если этот кадр снимается в кино, то режиссер обязательно отметит решительность незнакомого молодого человека и воскликнет: «Кто этот неизвестный и решительный герой? Немедленно разыщите его и дайте ему роль следователя милиции в новом детективе!»

Пират Крыс, который шел первым, увидел движение Петра Ишутина и обернулся к нему.

— Ты чего? — спросил он.

— Я? — удивился Петр. — Я только хотел...

Тем временем толстяк прошел к заколоченному двухэтажному флигелю и отодвинул доску в окне первого этажа.

— Слушай, — сказал Крыс, сдвигая треуголку на глаза, — если ты будешь путаться у меня под ногами, я из тебя отбивную сделаю. Понял?

— Понял, — сказал Петя Ишутин. — Конечно, понял.

— Ты что видел?

— Я ничего не видел, — сказал Петр Ишутин. Лучше не вмешиваться, когда тебя не просят.

— И учти, — сказал Крыс, вынув из кармана нож, — если ты кому-нибудь пикнешь о том, что здесь видел, тебе не жить. И не бегай за милицией, и не пытайся от меня скрыться. Ты меня знаешь?

— Нет, — сказал Петр. — То есть я о вас читал очень похвальные отзывы...

— Твое счастье. Те, кто меня знал, недолго жили.

Пират приставил воображаемый нож к замшевому животу повара Ишутина и ухмыльнулся.

— Я никогда... — сказал Ишутин. Он же не мог догадаться, что нож не настоящий. Ему никто еще не приставлял нож к животу, зато в детективных романах он читал, как это делается. Правда, когда он читал детективные романы, он всегда был за следователей, чтобы они победили. Он даже воображал, что в один прекрасный день поймает особенно опасного преступника и его пригласят работать главным следователем. Но сейчас лучше всего не вмешиваться. В книжках и в кино одно, а в жизни и зарезать могут.

— И еще учти, — сказал Наполеон, — мы тебя знаем. Ты Ишутин, живешь в том доме. Так что, если пикнешь, тебе от нас не скрыться.

— Я все понял, — сказал Ишутин. — И вообще я только помочь хотел. Может, донести чего...

— Не нужна нам твоя помощь.

Тем временем толстяк с мальчиком уже скрылись из глаз.

— Так я пошел? — спросил Ишутин. — А то мне обедать пора. Должен сказать, что вы великолепно по-русски говорите.

— Погоди. Садись на лавочку.

Петр покорно сел.

— Тут сейчас одна девчонка побежит, — сказал верзила. — Она тебя, наверно, спросит, не видел ли ты нас. Что ты ей ответишь?

— Что никого не видел... Разве я не понимаю? Люди должны помогать друг другу. Все люди — братья.

— Ну и молодец! Садись. Сиди, читай и отвечай, что ничего не видел. А я за тобой смотреть буду. Если не сдержишь слова, не жить тебе. И бифштексы вместо тебя будет жарить другой повар. Ясно?

— Так точно! — сказал Петр.

И остался ждать девчонку.

Он все выполнил, как от него требовалось. Сидел, читал, ему даже понравилось, что он выполняет секретное задание. Наверно, и этот мальчишка, и его подруга — опасные преступники, решил он, потому что так думать спокойнее.

А когда Алиса, постояв в нерешительности посреди двора, пошла к дальней арке, Петр тихонько поднялся со скамейки и поспешил домой. Там он лег на диван, и у него стали дрожать руки и ноги. Потом он сказал: «В нашем деле главное — не вмешиваться». И успокоился, задремал.

Алиса поверила Ишутину и решила, что пираты и Коля убежали через следующие ворота.

Она миновала их и оказалась в другом дворе. Этот двор отличался от первого. В нем было много распускающихся кустов, под ними — скамейки, на скамейках — бабушки и молодые матери с колясками. В колясках дети. Другие дети, чуть постарше, строили крепость из песка.

Алиса подошла к ближайшей бабушке и спросила:

— Простите, здесь не пробегал мальчик?

— А он тебя обидел? — спросила бабушка.

Она с детства была уверена, что мальчики специально созданы для того, чтобы таскать девочек за косы. Поэтому она всю жизнь сторонилась мальчиков всех возрастов, от семи до семидесяти лет, не вышла замуж и теперь ходила гулять с внучкой своей сестры.

— Нет, — сказала Алиса. — Он меня не обидел. Но за ним гнались два бандита.

— Что? — Бабушка даже подскочила. — Бандиты! — закричала она.

— Где бандиты? — спросили другие бабушки и мамы, стали созывать детей и подкатывать поближе коляски.

— Не волнуйтесь, — постаралась успокоить их Алиса. — Я только спросила, не пробегал ли здесь мальчик, за которым гнались два человека, один толстый, другой тонкий, похожий на Наполеона.

— Какое варварство! — сказала другая бабушка. — Гоняться за ребенком!

— Значит, никто не пробегал? — спросила Алиса.

Она уже поняла, что никто не пробегал. Иначе бы этот тихий уголок переполошился.

— Нет, — сказала молоденькая мама в широких брюках. —

А они должны пробежать? Скажи правду, тогда я отвезу малыша домой. Детям нельзя волноваться.

— Нет, нет, никто не побежит, — сказала Алиса и поспешила обратно в первый двор.

Сзади доносились возбужденные голоса мам и бабушек. Некоторые из них стали собираться домой.

Что же получается? В первом дворе их не было. Иначе замшевый человек с книжкой их заметил бы. Во втором дворе их тоже не было — бабушки и мамы не оставили бы без внимания такое событие. Значит, остается лишь подъезд, в котором Алиса пряталась от настойчивой тренерши. Там и надо искать Колю. Но как искать? Обойти все квартиры? А что спрашивать?

Задумавшись, Алиса вышла через арку в переулок и остановилась.

И здесь ее увидели ребята из шестого «Б».

Глава 21

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Когда Юлька кончила свой рассказ, по крайней мере полкласса решили бежать на помощь Алисе и Коле. Никто толком не знал, что надо делать, все смотрели на Юльку. Ведь она Алисина подруга и, можно сказать, старшая сестра — на сто лет старше Алисы.

— Вы куда? — удивилась гардеробщица тетя Луша, когда увидела, как в середине урока с грохотом и шумом несется по лестнице шестой класс «Б», включая отличников и двоечников.

Некоторые оделись, другие бежали раздетыми — все равно день теплый, почти летний.

Пробежали до ближайшего угла и остановились. Куда дальше?

Боря Мессерер сказал:

— Давайте разделимся на отряды по три человека — каждый обыщет по переулку.

— Глупая мысль! — сказала Мила Руткевич. Она злилась на себя. Теперь она должна первой спасти Алису от пиратов — ведь она же ее предала. — Мы же не знаем, куда они убежали. Может, они сейчас уже в Марьиной Роще.

В этот момент ребята увидели, что навстречу им спешит маленькая женщина с завитой желтой челкой.

Катя Михайлова узнала ее и спросила:

— Здравствуйте, Марта Скрыль. Вы не видели девочку из нашего класса...

Договорить ей тренерша не дала.

— Эта ваша Алиса совершенно неуправляема! Я раскрыла перед ней светлые перспективы в области спорта, и знаете, что она мне ответила?

— Знаем! — хором закричали ребята.

— Нет, более того! — воскликнула тренерша. — Она потом...

— ...убежала! — хором крикнули шестиклассники.

— Вы, я вижу, отлично информированы, — обиделась тренерша. — Боюсь, что безответственные настроения овладели и вами.

— Овладели! — закричали ребята.

— А куда она убежала? — спросила вежливо Катя Михайлова.

— Вот там видите подъезд в сером доме? Я за ней была вынуждена гоняться по подъезду, но безрезультатно. Она там живет?

Но никто тренершу не слушал. Шестой класс «Б» бежал к подъезду. И вот в этот момент из ворот вышла Алиса и остановилась на тротуаре.

Шестой класс «Б» окружил ее густой толпой.

— Ну, где Коля?

— Ты их догнала?

— Они спрятались?

— Не стесняйся, мы все знаем. Нам Фима с Юлькой рассказали.

— Ты их догнала?

— Мы знаем, что ты из будущего.

— Мы тебе поможем найти машинку...

Все говорили сразу, разобрать что-нибудь было трудно, но Алиса поняла и обрадовалась.

— Спасибо, ребята! — сказала она.

Все перебивали друг друга, такой шум поднялся, что стекла зазвенели в домах. Сквозь шум пробивался серебряный голос Ларисы:

— Ой, они, наверно, Колю пытают! — Ее прекрасные голубые глаза были полны слез.

— Скорее давайте искать! — крикнул Боря Мессерер.

Сверху на втором этаже появилось круглое заспанное лицо. Оно сказало:

— Дети, устраивайте свои военные игры где-нибудь в другом

месте. Я только собрался заснуть, а вы начали кричать о пытках и проходных дворах. Стыдно!

Тут же в форточку этажом выше высунулась женщина в бигуди и поддержала заспанного человека:

— Сумасшедшие времена! В наши дни дети не думали о хулиганстве, а играли в прятки.

— Что вы понимаете! — возмутилась Юлька.

Но Катя Михайлова ее остановила.

— Не спорь. Пошли на бульвар. Там устроим совещание.

— Только надо кому-то остаться здесь, — сказала Алиса. — Они могут убежать и увести Наумова.

— Я останусь, — сказал Коля Сулима. — Кто еще?

Вторым остался дежурить Боря Мессерер. Сулима стоял в переулке. Боря прошел во двор. А остальные поспешили на бульвар, чтобы там решить, что делать. Такого события классу еще не приходилось переживать за последние шесть лет.

Во-первых, новая ученица, супергерла Алиса, оказалась никакой не супергерлой, а самой обыкновенной девочкой из будущего.

Во-вторых, Коля Наумов побывал в будущем и там набезобразил, хотя и не по злому умыслу.

В-третьих, Фима Королев об этом знал и никому не успел проговориться, кроме Коли Сулимы. А Коля Сулима хотел все рассказать Алисе, но не успел.

И, наконец, где-то рядом сидят настоящие космические пираты, а один из них умеет превращаться в разных людей.

Событий больше чем достаточно.

Алиса села на скамейку так, чтобы видеть переулок. Остальные окружили ее.

— Совещание открывается, — сказал Фима Королев. — На повестке дня два вопроса.

— Почему два? Один, — сказала Катя Михайлова.

— Нет, два. Первый — как найти и спасти Колю Наумова. Второй — как помочь Алисе вернуть миелофон и отправить ее домой.

— Это один и тот же вопрос, — сказала Юлька.

— Не перебивай! — сказал Фима Королев. — Должен быть порядок, а то мы никогда не договоримся.

— Тебя никто не выбирал в председатели! — сказала Мила.

— В решительные минуты кто-то наиболее достойный должен взять власть в свои руки. Тебе, Руткевич, я тоже не давал слова. Может быть, ты заодно с пиратами.

— Как тебе не стыдно!

Катя Михайлова положила руку на плечо Милы.

— Ты что, не знаешь Фиму с его дурацкими шутками?

— Это не шутка! — Мила вдруг заплакала. — Если бы я знала...

— Что случилось? — спросила Алиса. Она ведь не знала, что Мила провела пиратов в школу.

— Я тебе потом расскажу, — сказала Юлька. — Ничего особенного.

Мила отвернулась, чтобы никто не видел ее слез. Последний раз она плакала год назад, когда практикантка, которая не знала, что Мила круглая отличница, поставила ей четверку за сочинение.

— Слово предоставляется Алисе Селезневой, — сказал Фима. — Она нас ознакомит с состоянием дел по поискам товарища Наумова. Регламент будем устанавливать?

— Фима, не валяй дурака! — сказала строго Катя. — А то я тебя сниму с председателей. Говори, Алиса.

— А мне почти нечего сказать. Я бежала за ним до того дома, но меня поймала тренерша, и, пока я от нее спасалась, Коля вбежал в подъезд. Весельчак У — за ним.

— Кто? — не понял Коля Садовский.

— Весельчаком У зовут толстого пирата, — объяснила Юлька Грибкова.

— Крыс — это второй пират, который Аллу изображал, — побежал во двор.

— А подъезд проходной? — спросила Катя Михайлова.

— Да, проходной.

— Все ясно, — сказал Фима. — Он хотел перехватить Колю на выходе.

— Но не перехватил, — сказала Алиса. — Во дворе сидел человек и читал книжку. Он мне сказал, что никто мимо не пробегал...

— А вдруг это был не человек, а переодетый Крыс? — сказала Юлька. — Вдруг он тебя обманул, а тем временем Весельчак У убежал за Наумовым?

Алиса подумала немного и ответила:

— Нет, это был настоящий человек. Я с ним долго говорила. К тому же они не могли пробежать в следующий двор. Там было двадцать бабушек и мам.

— Ясно, — сказал Фима Королев. — Имеем рабочую гипотезу: пираты скрылись в том доме, на чердаке.

— Почему на чердаке? — удивилась Катя Михайлова. — В подъезде по крайней мере двадцать квартир. А если они одну из них заняли?

— Начнем с чердака. У меня предчувствие, что они там. А предчувствия меня никогда не обманывают, — настаивал Фима Королев.

— Конечно, — съехидничала Юлька. — Еще бы! Помнишь, как позавчера у тебя было предчувствие, что тебя по географии не спросят?

— Грибкова, — строго сказал Фима Королев, — выйди на угол переулка. Оттуда тебе будет виден Сулима. Спроси у него знаками, все ли в порядке.

— Сам сходи, — сказала Юлька. — Тебе ближе.

— Подчиняюсь грубому насилию, — сказал Фима, побежал к ограде бульвара и взмахнул рукой, тут же вернулся и сказал: — На горизонте все чисто.

— Я так переживаю, девочки! — сказала красавица Лариса. — Я умру от страха. Лучше бы я осталась в классе.

— Ну и иди домой, — сказал Фима. — От тебя все равно никакого толку.

— Фима, это последнее предупреждение, — сказала Катя Михайлова. — Если ты не перестанешь хамить, мы тебя уволим!

— Уволим! — сказали остальные.

— Я не так хотела сказать, — пожаловалась Лариса. — Я хотела сказать, что у меня от переживаний прорезается аппетит. Я даже на контрольных всегда голодаю.

— У меня где-то шоколадка была, — сказала Юлька и открыла свой портфель.

— Ладно, ребята, — снова вставил Фима, — давайте ваши конкретные предложения.

— Какие могут быть предложения? — удивился Коля Садовский. — Надо идти в тот подъезд. Это и ежу ясно.

— Есть предложение идти в тот подъезд, от квартиры к квартире. Если что-нибудь подозрительное, мы берем квартиру на заметку, — сказал Фима. — Но начинаем с чердака.

— Только я на чердак не пойду, — сказала Лариса. — Там могут быть крысы или тараканы. И я умру.

— Ладно, от чердака ты освобождаешься. Будешь сидеть внизу на лавочке. Все встают?

— Погодите, — сказала Мила Руткевич. Она уже успокоилась и взяла себя в руки. — Фима говорил, что миелофон лежит у Коли Наумова дома. В ящике под столом. Правильно?

— Правильно. Он сам мне показывал.

— А вдруг Коля сознается? Пираты пойдут к нему домой и найдут аппарат. Это ведь будет ужасно!

— Совершенно ужасно, — сказала Алиса, которая до этого почти не вмешивалась в разговор. — Тогда все наши труды пропадут даром.

— Он никогда не сознается. Даже под страшными пытками, — сказал Фима Королев. — Он мой друг, я его знаю, как себя.

— «Себя, себя!» — сказала Мила, полная презрения к Фиме. — Тебя и пытать не надо. Поглядеть на тебя строго — ты во всем и сознаешься.

— Мы все знаем, что Коля не трус, — сказала Катя Михайлова. — Но ведь пираты могут его обмануть.

— Как?

— Как? Крыс превратится в его мать и скажет: «Коля, отдай машину». Коля и послушается.

— Ой, какой ужас! — сказала Лариса.

— Что он, идиот, что ли? — сказал Фима, но не так уверенно, как прежде.

— Значит, кто-то сейчас идет к Коле Наумову домой и берет там миелофон, — сказала Мила Руткевич. — И я думаю, что лучше всего пойти Алисе с Фимой. Алиса отличит свой аппарат, а Фима может сказать родителям, что они пришли по просьбе Коли.

— А если мы найдем аппарат, — спросил Фима, — что тогда делать?

Все замолчали. Смотрели на Алису.

Алиса не поняла, почему на нее смотрят. Тогда Мила Руткевич сказала:

— Мы понимаем, что Алисе надо возвращаться домой. И как можно скорее. Как только найдете машинку, пускай Алиса идет в ту квартиру, где машина времени. Фима ей покажет.

— А она без ключа не попадет...

— Придумаешь что-нибудь, чтобы Колина мать его отдала, — сказала Катя Михайлова. — Ты же сообразительный. Употреби раз в жизни свой талант на пользу народа. Проводишь Алису — и срочно обратно...

Юлька почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Как же

так, сразу... Юлька хотела сказать, что надо бы зайти к Грибковым, попрощаться, а то Мария Михайловна будет переживать...

Лариса протянула руку и сказала:

— До свидания, Алиса. Очень приятно было познакомиться.

И тогда Алиса заговорила злым голосом:

— Вы что, с ума посходили, что ли? Вы хотите, чтобы я убежала к себе, а вы без меня Колю выручать будете? Вы что же, меня за человека не считаете? Думаете, что я схвачу миелофон и убегу, прощайте? Значит, вам можно все дела бросить и бежать мне на помощь, а я паршивая эгоистка?

У Алисы даже слезы появились на глазах. Хоть она, конечно, не плакала...

У Юльки с сердца свалился камень. Она так боялась, что Алиса послушает разумную Руткевич и уйдет насовсем... хотя она, Юлька, конечно, и слова бы не сказала.

Все молчали. Стало неловко, словно они предложили Алисе что-то нехорошее. Хотя, если так подумать, Мила рассуждала правильно. С разумной точки зрения.

Первой заговорила Катя Михайлова:

— Алиса права. Если она столько времени эту машину искала, можно и подождать. А Алиса нам нужна. Она, как спортсменка, может забраться, куда никто из нас не сможет. И она этих пиратов хорошо знает. Их ведь тоже, наверно, не стоит здесь оставлять.

— Ой, не стоит! — сказала Лариса. — Ой, не стоит! А я уж хотела с Алисой прощаться...

Юлька глубоко вздохнула и увидела, что у нее раскрыт портфель. Зачем же она его раскрыла? Ну конечно, она же хотела поискать шоколадку для этой обжоры Ларисы. Юлька запустила руку в портфель и вместо шоколадки нащупала тяжелый сверток.

— Что это такое? — спросила она, вытаскивая его.

Сверток был объемистый, словно в него была завернута буханка хлеба. Он был завернут в газету.

Юлька зашуршала газетой, разворачивая сверток.

Внутри лежала черная сумка.

— Вот это да! — сказала Алиса.

— Что? Что случилось? Что-нибудь страшное? — спросила Лариса. — Ведь это не шоколад.

— Нет, — сказала Алиса. — Это миелофон.

Глава 22

ПОИСКИ

— Из-за него ты к нам и приехала? — спросила Катя Михайлова.

— Он совсем неинтересный, — сказала Лариса.

Алиса раскрутила провод, вставила в ухо наушничек, нажала на красную кнопку на крышке. Подождала, нажала вторую кнопку и стала поворачивать колесико.

Потом вдруг засмеялась.

— Ты что? — спросила Юлька.

— Работает, — сказала Алиса. — Все в порядке.

— А почему засмеялась?

— Потому что Лариса думает, будешь ли ты искать шоколадку в сумке или забыла о ней.

— Глупости! — сказала Лариса и покраснела, как вареный рак. — Я и не думала о шоколадке. И вообще я уже не голодная. Это не аппарат, а сплошной обман.

Но все хохотали так, что Фима Королев свалился со скамейки.

Все знали, кто прав.

— А откуда же он в сумке? — спросила Мила Руткевич, подождав, пока остальные успокоятся. — Кто-то должен был его туда положить.

— Я видела, — сказала Лариса. — Но не догадалась. Еще перед уроком Коля Наумов подходил к Юлькиному столу и что-то там делал. Я его спросила: «Ты что, записку подкладываешь, влюбился?» А он мне так грубо ответил, что я сразу об этом забыла.

Аккуратная Катя Михайлова складывала газету, в которую был завернут аппарат.

— Смотрите, записка, — сказала она.

— Дай сюда, — сказала Алиса. Она взяла записку и прочитала ее вслух: — «Ты все равно уже все знаешь или скоро узнаешь. Если ты считаешь, что я виноват и заслуживаю наказания, я не буду спорить. Но даю честное слово, что я не хотел брать этот прибор, а хотел спасти его от бандитов. Извини за задержку. Жалко, что ты не можешь остаться с нами». И все, — сказала Алиса.

— А подпись? — спросила Мила.

— Нет никакой подписи.

— Это его почерк, — сказал Фима Королев, заглядывая сзади. — Я его почерк знаю.

— Вот и все, — сказала Катя Михайлова. — Можешь возвращаться домой, Алиса.

Алиса ничего не ответила.

— Что ему стоило вернуть аппарат хотя бы вчера? — вздохнула Мила Руткевич.

— Все-таки мальчишки у нас умом не отличаются, — сказала Лариса. — Прятать чужую вещь, а потом подсовывать ее в чужие сумки! Детский сад какой-то.

Алиса повесила миелофон через плечо.

— Лучше спрячь его в сумку, — сказала Юлька. — Потеряешь еще.

— Нет, — сказала Алиса. — Он нам теперь пригодится.

— Дай мне поносить, — сказал Фима Королев. — Мне бы коечьи мысли подслушать.

— Ребята, вы меня простите, — сказала Алиса, — но я никому его давать не буду. И не потому, что боюсь, что сломаете, или не доверяю, но этот прибор изобретут только через сто лет. Его еще нет.

— Жалко, — сказал Фима.

Мила поддержала Алису:

— К тому же он ей не принадлежит.

Алиса поднялась со скамейки.

— Понесешь мою сумку? — спросила она Садовского.

— Давай, — сказал Садовский.

— Какие указания? — спросил Фима, который надеялся потом, когда все утрясется, все-таки выпросить у Алисы миелофон. На одну минутку.

— Миелофон принимает человеческие мысли метров за десять, а иногда и больше, — сказала Алиса. — Если мы сейчас пройдем по квартирам того подъезда, мы услышим, нет ли там пиратов и Коли.

— Конечно! — воскликнула Юлька. — Все гениальное просто!

— Всем идти нет смысла, — сказала Катя. — Пускай часть ребят ждет здесь. Зачем толпой ходить по этажам?

Но никому не хотелось оставаться. Договорились, что четверо пойдут по квартирам, а остальные будут дежурить во дворе и на улице. Ларису и Милу Руткевич отправили домой. Сначала отправили только Ларису — чтобы она не голодала, не мучилась, поела и остальным тоже сделала бутерброды. Когда ходишь в дозоре или стоишь на посту, есть хочется. Это каждый солдат знает. Но как только Лариса ушла, всех охватило сомнение: вернется ли

она? Она известная соня. Поест, заснет, вечером спохватится. Вот тогда Мила Руткевич пожертвовала собой. Она сказала, что сделает всем бутерброды. И еще у них дома остался почти целый торт — вчера был день рождения у брата, три торта съели, а на четвертый сил не хватило.

В подъезд пошли Алиса, Фима Королев, Коля Сулима и Катя Михайлова.

Фима сказал:

— Я настаиваю — сначала на чердак. Ты, Алиса, нашу жизнь недостаточно хорошо знаешь. Должен тебе сказать, что в Гражданскую войну контрреволюционеры чаще всего укрывались на чердаках.

— Сказал тоже! — удивилась Юлька. — Это же было почти сто лет назад.

— Я читала, — сказала Алиса.

Лифт остановился на верхнем этаже. Ребята, стараясь не шуметь, вышли из него. Фима прошептал:

— Плохо без оружия.

С оружием и в самом деле было неважно. Оружия вовсе не было, если не считать свистка у Фимы Королева.

— Ничего, — сказала Алиса. — Все преступники трусы. Они же боятся, что их разоблачат.

— Ты лучше стой сзади, — прошептала Катя. — Чтобы они до миелофона не добрались.

Алиса кивнула. Катя была права. Если пираты увидят миелофон, могут схватить его и умчаться.

Ребята поднялись на один пролет и очутились перед дверью на чердак. Дверь была заперта на тяжелый замок.

— Здесь их не было, — сказала Алиса.

— Нельзя недооценивать их хитрость, — возразил Фима. — Они могли снять замок, а потом снова закрыть. Мы же не знаем всех их штучек.

Катя Михайлова подошла к двери и провела пальцем по замку. Замок был пыльный.

— Здесь никто уже несколько дней не был, — сказала Катя.

Коля Сулима улыбнулся:

— Сейчас Королев скажет тебе, что пыль они потом из хитрости насыпали. В кармане принесли.

— А что, — не сдавался Фима, — вполне может быть. Пиратам свойственна дьявольская хитрость.

Алиса, чтобы не тратить времени на пустые споры с упрямым Фимой, пошла вниз.

— Стой, — окликнул ее Фима. — Потом пожалеешь. Все-таки послушай.

— Ну ладно...

Алиса подошла к двери, включила миелофон и начала крутить колесико, настраивая на различные волны. Ведь каждый мозг излучает мысли на своей, особой волне. Как радиостанция.

— Ну что? — не вытерпел Фима.

— Ничего. Там только голуби.

— Дай послушать, — сказал Фима. — Хоть немножко.

— Нечего слушать.

— Фима, отстань от Алисы. Договорились же, — сказала Катя Михайлова.

Алиса выключила миелофон.

Они спустились этажом ниже. На этаже было три квартиры.

— Будем звонить? — спросил Коля Сулима.

— Попробуем без звонков, — сказала Алиса. — Ведь через дверь мысли проникают.

Она подошла к ближайшей двери.

— Никого нет дома, — сказала она, прислушавшись.

— Слушай, Алиска, — возмутился Фима, — может, твой аппарат не берет мыслей? Может, Наумов его сломал?

Алиса хотела огрызнуться, но Коля Сулима, стоявший у другой двери, сказал тихо:

— Ребята, я слышу, там кто-то разговаривает.

Алиса тут же перебежала к той двери.

— Ну, что слышно?

— Не мешай, Фима. Там в самом деле есть люди.

— Какие? Пираты?

— Нет. Там муж и жена. Они старые. Они поссорились и с утра не могут договориться, кому идти за молоком. Вот и сидят без молока. И кошка у них без молока.

— Бедная кошка! — сказала Катя.

— Там Коли нет, — сказала Алиса.

— Ясное дело, — сказал Фима. — Но дай-ка я проверю.

Алиса протянула Фиме наушник. Все равно не отделаешься. Тот наклонил голову, прислушался.

— Техника на грани фантастики!.. Ой, и кошку слышу!..

— А ну, хватит, — строго сказала Катя Михайлова. Ей тоже хотелось послушать мысли, но гордость не давала попросить. —

Королев, вот тебе шестнадцать копеек. Беги до угла и срочно неси сюда пакет с молоком.

— Зачем? — не понял Фима.

— Непонятно? А что кошка голодная сидит — это тебе все равно?

— Но вдруг без меня что-нибудь случится?

— Ничего, с нами Сулима. А в случае чего крикнем. Во дворе пять человек без дела маются.

— Вот им и поручу! — крикнул Фима, бросаясь вниз по лестнице.

Алиса уже перешла к следующей квартире.

— Хочешь послушать? — спросила она у Кати Михайловой.

— Спасибо, с удовольствием, — сказала Катя. — Если я не сломаю.

Алиса передала ей наушник.

В наушнике слышалось шуршание. Алиса крутила колесико настройки.

— Подними руку, когда услышишь, — сказала она.

Катя подняла руку.

В наушнике звучал далекий, бесплотный голосок:

— Ну почему же он не звонит? Ну пускай позвонит... Может, он телефон неправильно записал? Нет, я сама телефон записала. Ведь он обещал с утра позвонить... перед лекциями...

— По-моему, какая-нибудь дурочка влюбленная, — сказала Катя. — Даже неудобно подслушивать.

— Мы же не ради собственного удовольствия, — сказал Коля Сулима.

— Хочешь послушать? — спросила Алиса.

— Нет, спасибо... Как-нибудь в следующий раз.

— Все, — сказала Катя. — Он ей позвонил. Она уже вслух воркует. Бери наушник. Пиратов там нет.

Они спускались на этаж ниже, когда появился лифт, в нем Фима Королев.

— Где молоко? — спросила Катя.

— Я Садовского послал.

— Ох и мудрец!

— Он все равно от безделья мучается. Он уже придумывает, как без машины времени в будущее ходить.

— Ну и как? — спросила Алиса.

— Очень просто: издать календарь на двухтысячный год.

— И что же изменится? — не понял Коля Сулима.

— Как — что изменится? Будем жить в двухтысячном году. А как жить — наше дело.

— Гениальная идея! — сказала Катя. — Пошли вниз.

На следующем этаже две квартиры были пустые — видно, все на работе. В одной из них спала собака и видела во сне десять кошек, которые отнимали у нее кость. Мысли были не очень понятными и сбивчивыми, но Фима, который слушал этот сон, сказал, что кошки полосатые и большие, как тигры. Хотя вряд ли он уловил это миелофоном, да еще в собачьем кошмаре.

В третьей квартире сидела маленькая девочка, мама которой ушла в магазин и долго не возвращалась. Девочке было грустно, и она представляла себе всякие страшные картинки, и ей с каждой минутой все больше казалось, что мама никогда не вернется. Никакой пират не мог бы так притворяться. Только ребята собрались спуститься еще на этаж вниз, как на лестничной площадке возник запыхавшийся Садовский, волосы на его голове сверкали таким красным огнем, что о них можно было обжечься.

Он нес пакет с молоком.

— Кто здесь проголодался? — спросил он. — А то Фима сунул в руку деньги, сказал, что это срочное задание, и убежал.

— А ты как думаешь? — спросил Фима.

— Я думаю, что вы нашли Колю, совершенно обезображенного. И его первые слова были: молочка бы мне. Нет?

— Нет, не нашли мы Колю. — Катя взяла у Садовского пакет и сказала: — Спускайтесь, я сейчас вернусь.

Но никто не стал спускаться. Все слушали, что будет. А Алиса даже через миелофон.

Слышно было, как Катя нажимает звонок. Наверху открывается дверь.

— Простите, — сказала Катя, — я принесла молока вашей кошке. Она у вас совсем голодная.

— Спасибо, — сказал голос. — А то мы никак не можем договориться.

Дверь захлопнулась.

Катиных шагов даже не было слышно. Видно, она осталась стоять у двери. Она-то думала, что люди удивятся, может, даже откажутся от молока...

— Идет обратно, — сказала Алиса, которая слышала мысли хозяйки кошки.

— Зачем? — спросил Фима.

— Сейчас узнаешь, — сказала Алиса и не могла сдержать улыбку.

Снова послышался звук отворяемой двери. И тот же голос произнес:

— Хорошо, что ты не ушла, девочка. Держи шестнадцать копеек. Я тебе за молоко должна. Спасибо еще раз. Ты завтра молоко принесешь?

Смущенная Катя спустилась, держа на ладони шестнадцать копеек.

— Ну что, теперь каждый день будешь ходить? А то кошка голодная.

— Придется, — сказала Алиса. — Знаешь, что эта бабушка своему мужу сейчас говорит? «Слава богу, кошачье молоко стали по квартирам носить. Теперь нам с тобой, Ваня, ссориться ни к чему».

— А он что отвечает? — спросил Садовский.

— Он говорит: «Не беспокойся, найдем из-за чего поссориться».

— Вот и хорошо, — сказал Садовский. — А то им жить будет скучно.

Осталось еще три этажа. Ребята прошли их минут за двадцать. Алиса всем дала послушать миелофон, но ничего подозрительного не обнаружилось. За дверями квартир жили самые обыкновенные люди — ссорились, мирились, разговаривали... но никто никого не пытал, не угрожал. В подвале тоже никого не было.

Глава 23

ШУТИН ПЕРЕДУМАЛ

Во дворе ждала Мила Руткевич с промасленным пакетом.

— Перерыв на обед, — сказала Юлька. — Ничего не нашли?

— Ничего, — сказала Алиса. — В этот подъезд они все вошли, и никто из него не вышел.

— Пошли на скамеечку, — сказала Катя. — Ум хорошо, а десять лучше. Перекусим и что-нибудь придумаем.

— Обязательно придумаем, — сказал Фима Королев. — Во мне уже формируются кое-какие идеи.

— Я знаю, — сказал Садовский. — Я уже научился читать мысли без миелофона. В голове у Королева формируется идея космических полетов на воздушных шарах.

— Отстань! — сказал Фима. — С тобой совершенно невозможно серьезно разговаривать!

— А я с тобой и не намерен серьезно разговаривать, — сказал Садовский. — Если с тобой серьезно разговаривать, можно лопнуть от смеха.

Мила раздала бутерброды и половинки огурцов.

Тут, ко всеобщему удивлению, пришла и Лариса. Она шла, широко зевая, и тащила целую корзинку съестных припасов.

— Умираю — спать хочу! — сказала она. — Я даже по дороге на ходу спала.

— Лариса, ты великий человек, — сказал Коля Сулима.

— Ты так серьезно думаешь? — спросила Лариса. — Мне очень приятно.

Сулима ей нравился, потому что был серьезный, играл в шахматы и носил очки.

— Он так не думает, — сказал Фима. — И если мне не веришь, возьми миелофон и послушай его мысли.

— В жизни не слушала чужих мыслей. И не буду.

— Почему? — спросила Юлька, распаковывая ее корзинку.

— А вдруг в мыслях неприличное слово встретится?

— Где же ты набрала столько продовольствия? — спросила Юлька.

— Это мне бабушка дала, — сказала Лариса. — Я ей объяснила.

— Что ты ей объяснила? — испугалась Катя Михайлова.

— Я ей ничего лишнего не сказала, — ответила Лариса. — Я только сказала, что к нам приехала одна девочка из будущего и она проголодалась.

— А бабушка? — спросила Катя.

— А бабушка ахнула и сказала: «Ой, такой путь — и ничего не поесть!» Вот мы с ней и опустошили холодильник.

Пока ребята ели, Алиса прислушивалась к мыслям двух женщин, которые остановились посреди двора и обсуждали плохое поведение какого-то Ивана Петровича, который играет по ночам на аккордеоне и не дает никому спать. Алиса слушала их мысли, потому что надеялась, что они могли видеть пиратов или Колю.

Вдруг Алиса поднялась, спрятала проводок в сумку, подошла к женщинам, и ребята услышали, как она сказала:

— Вы правильно беспокоитесь о вашей девочке. Она уже полчаса плачет горючими слезами, потому что думает, что вы никогда уже не вернетесь. Она плачет, а вы тут обсуждаете поведение какого-то Ивана Петровича!

Сказав так, Алиса вернулась к скамейке, а женщины удивленно смотрели ей вслед. Потом одна из них сказала:

— Я и в самом деле заболталась. — И скрылась в подъезде.

Вторая посмотрела на Алису подозрительно и сказала:

— Какая невоспитанная девочка!

— Ты ей про какую девочку сказала? — спросила Юлька.

— Ее дочка дома сидит и думает, что мама никогда не вернется. А мама совсем о ней забыла. Пришлось напомнить.

— Попробуй пирога, — сказала Лариса. — Моя бабушка велела обязательно тебя угостить. Она сказала, что таких у вас не делают, потому что она унесет свой секрет с собой в могилу.

— А пускай она тебя научит, — сказала Юлька.

— Меня не научишь, — вздохнула Лариса. — Я совершенно неспособная к домашнему хозяйству.

Алиса жевала пирог и думала, что же делать дальше. Время идет, уже скоро двенадцать.

— Что будем делать? — без миелофона угадала ее мысли Юлька.

— Ясно что. — Фима жевал торт, и у него получились большие розовые усы на красных щеках. — Сейчас передохнем и пойдем дальше.

— Куда идти? — сказала Алиса. — Мы весь подъезд обошли.

— По другим домам пойдем, — сказал Фима. — Если ты устанешь, я тебя подменю.

— Зачем ходить по другим домам? — удивилась Алиса. — Ведь они отсюда не выходили.

— Постой, — сказал Садовский. — А ты уверена, что у них нет шапки-невидимки?

— Нет, — сказала Алиса, — это антинаучно.

— А почему ты так уверена, Алиса, что они не выходили из подъезда? — спросила Мила Руткевич. — А вдруг тот человек соврал?

Сулима поднялся со скамейки и сказал:

— У нас есть два варианта. Первый — обойти с миелофоном все дома в этом дворе.

— А второй вариант? — спросила Алиса.

— А второй вариант — найти того человека, который сказал, что не видел пиратов, и проверить его мысли.

— Гениально! — сказала Лариса. — Даже не нужно читать мысли. Мне достаточно посмотреть человеку в глаза, и я сразу вижу, лжет он или говорит правду.

— И все-таки надежней с миелофоном, — сказал Сулима. — Ты не помнишь, Алиса, куда он исчез?

— Я не заметила. Наверно, сюда. — И Алиса показала на дверь небольшого желтого трехэтажного дома.

И бывают же такие совпадения: в этот момент дверь открылась, и в ней показался полный, гладкий мужчина в замшевом пиджаке, замшевых брюках и замшевых ботинках.

— Это он, — прошептала Алиса, шаря рукой в сумке, чтобы найти наушничек.

Увидев Алису, человек непроизвольно сделал шаг назад. Он испугался.

Человек, наверно, целую минуту стоял в дверях, делая вид, что вспоминает, не забыл ли дома ключи. Но ключи были на месте. Затем он достал из кармана бумажник и заглянул в него.

Алиса принимала его мысли:

«Зачем эта проклятая девчонка здесь? И еще других привела. Что, *не поверила, что ли? Неужели подозревает?* Но что же я мог поделать! Я же не хочу ни во что вмешиваться. Это их дела — наверно, все они хороши, преступники... Попытаюсь прорваться. Главное — чтобы никто не подумал, что я чего-то опасаюсь...»

И Петр Ишутин, человек в замше, решительно пошел через двор к воротам.

— Он что-то знает, — сказала быстро Алиса. — Но скрывает.

— Я заговорю с ним, — сказал Фима, вскакивая со скамейки.

— У меня лучше получится, — сказал Садовский. — Это я гарантирую. А ты доедай пирог.

Садовский в несколько шагов догнал Петра Ишутина, встал у него на дороге и спросил громко, так, что все ребята слышали:

— Скажите, вы будете Наполеон Бонапарт?

— Что? — спросил Петр Ишутин. — Что такое? Какой Наполеон?..

А в его голове неслись мысли, которые отлично слышала Алиса:

«Наверно, намекает. Тот тоже был под Наполеона одет. Только ничем себя не выдать... Вот попал меж двух огней! И от этих пощады не будет, и от тех... В милицию, что ли, бежать... Но что я скажу в милиции?»

— Если вы Наполеон, — сказал Садовский, который был величайшим мастером говорить чепуху с серьезным видом, — значит, вас в любой момент могут подстрелить. Разве вы не знаете, что сезон охоты на Наполеонов уже открыт? А ваша шкура будет

замечательным украшением моей гостиной. Разрешите пощупать? А рога вы забыли дома?

Садовский протянул руку, чтобы пощупать оленью замшу.

Ишутин в страхе отпрыгнул в сторону. Он забыл, что втрое сильнее Садовского. Его мысли неслись наперегонки:

«Намекает, что мне живым отсюда не уйти. Закричать? Наверно, лучше всего закричать — сейчас день, кто-нибудь дома, меня спасут. Но сказать тоже нельзя. Тот, наверно, смотрит за мной из окна и, как только я скажу, тут же меня укокошит...»

Услышав это, Алиса поднялась со скамейки и пошла к воротам. По дороге она сказала Садовскому:

— Дай ему пройти.

— Правильно, это хулиганство, — сказал Ишутин, спеша к воротам.

Коля дорогу ему уступил, но не отстал, а шел в трех шагах сзади и задумчиво бубнил:

— Скрытность еще никогда не доводила до добра. Мой дедушка, когда собирался охотиться на Наполеонов, всегда брал с собой ведро с керосином. Он брызгал керосином Наполеону на хвост, и тот тут же сдавался в плен. Но однажды он решил полить керосином тигра...

Ишутин почти бегом влетел под арку ворот, но тут эта противная девчонка преградила ему путь и сказала тихо, словно по секрету:

— Теперь вас из окна не видно. И вы можете сказать всю правду.

— Откуда ты знаешь? — сказал Ишутин, и у него подкосились ноги, пришлось опереться спиной о стену.

— Они поймали мальчика? — спросила Алиса.

— Не знаю, не видел... — почти кричал Ишутин.

Алиса одним ухом слушала его вопли, но в другом звучали мысли замшевого человека, который никогда ни во что не вмешивается: «Конечно, они его поймали. Они его несли совершенно бесчувственного...»

Ишутин нашел в себе силы оттолкнуть Алису и выбежать на улицу. Он спешил подальше от этого страшного дома и думал:

«Никогда не вернусь! Сегодня же сяду в поезд — и в любую сторону, хоть в Магадан...»

Коля Садовский обогнал Ишутина и снова загородил ему дорогу.

— Мы же не договорили, — заявил он. — Самое интересное впереди.

Ишутину пришлось затормозить.

— Куда они понесли бесчувственного мальчика? — спросила Алиса.

«Ведьма! — думал Ишутин. — Еще издевается! Все знает и издевается. Знает же, что понесли его в заколоченный дом посреди двора».

— Все, — сказала Алиса Садовскому. — Отпускай. Он нам больше не нужен. Они унесли Колю в заколоченный дом посреди двора.

— Ты что, мысли читаешь? — спросил Ишутин с облегчением. Хорошо, что отпустили. Могло и хуже кончиться.

— Стыдно вам! — сказала Алиса. — У вас на глазах два здоровых мужика тащат мальчика, а вы от страха пытаетесь скрыть это преступление.

— Я не хотел скрывать, но меня попросили. А может, у них есть право мальчиков носить?

— Вы подлец, — сказал Коля Садовский вполне серьезно, — и не смейте возражать. И я с вами еще встречусь. Вам от меня никуда не деться.

И тогда Ишутин вдруг припустил по улице. Лишь фалды его замшевого пиджака развевались, будто сзади за Ишутиным гнались два гуся. Алиса слышала его удаляющиеся сбивчивые мысли:

«А ведь доберется... кто-нибудь до меня и доберется... Как же так — хочешь не вмешиваться, и обязательно до тебя кто-нибудь доберется... Нет, никогда! В первый же поезд — и в Магадан, в Сочи, во Львов... там устроюсь поваром... и ни во что не вмешиваться...»

— Он безнадежен, — сказала Алиса. — Его не перевоспитаешь. Таких людей лечить надо.

— Побежали обратно, — сказал Садовский.

Они повернули обратно под арку. Вдруг Алиса замерла.

— Стой, — шепнула она Садовскому.

Доски, которыми было заколочено окно на дальней от ребят стороне дома, раздвинулись. Из окна вылезла скромная маленькая горбатая старушка в белом платочке в горошек и с букетом тюльпанов. Старушка не спеша засеменила к воротам. Ребята у скамейки не обратили на нее внимания.

Старушка вышла из заколоченного дома. Алиса быстро завертела настройкой, ловя мысли старушки. И хорошо сделала, потому что никто, кроме нее самой, не понял бы ни слова в мыслях этой мирной бабушки: бабушка думала на космолингве — языке, которого в наше время никто еще и не знает.

«Скорей, — думала бабушка, — они поймали этого рохлю и труса. Он обязательно во всем сознается, как только скроется из моих глаз. Если трус продал кого-то один раз, он и других продаст. Надо догнать его и обезвредить... А почему Алиса догадалась, что он соврал? Вот и она, в воротах стоит, на меня смотрит... Что у нее торчит из уха? Не провод ли миелофона?..»

Алиса схватила Садовского за рукав, и они выбежали в переулок.

— Скорей! — крикнула Алиса. — В подъезд!

Они успели нырнуть в подъезд в тот момент, когда Крыс в образе старушки с невероятной для такого пожилого человека резвостью выскочил из ворот. Сквозь застекленную дверь подъезда они видели, как старушка подобрала юбку, из-под которой были видны наполеоновские сапоги с золотыми шпорами, и побежала по бульвару. Алиса услышала мысли пирата:

«Попались, голубчики, теперь не уйдете! Если мы ничего не добились от парня, добьемся от Алисы... Сейчас или никогда...»

— За мной! — крикнула Алиса Садовскому. — Не рассуждай!

— А я давно уже не рассуждаю, — ответил Коля, послушно выскакивая вслед за Алисой во двор через черный ход.

Увидев их, ребята поняли, что случилось что-то очень важное.

— Узнали? — спросила Юлька. — Где он?

— Коля и толстый пират вон в том заколоченном доме, — сказала Алиса. — Второй пират побежал к бульвару. Он вернется через три минуты. За три минуты мы должны освободить Колю. Окно с той стороны забито плохо, и доски отодвигаются. Как окажемся внутри дома, шумите, пугайте его! Ясно?

Заколоченный двухэтажный флигель знал, что не сегодня-завтра придут строители, его снесут, а на его месте разобьют клумбу, и печально глядел на ребят подслеповатыми забитыми окнами.

Первой в окно, которое было у самой земли, осторожно влезла Алиса, за ней Коля Сулима, Садовский, Королев, Юлька и Катя Михайлова. Остальные остались на улице под командованием

Милы Руткевич и окружили дом, чтобы никто не мог из него выскочить.

Они оказались в большой пустой комнате, оклеенной веселенькими голубыми обоями, кое-где сорванными со стены. На стенах остались темные пятна — следы стоявших раньше шкафов, комода, висевших картин и фотографий. Дверь в коридор была открыта. Алиса на цыпочках вбежала туда, и тут же в ухе зазвучали встревоженные далекие мысли Весельчака У:

«Куда задевался Крыс? Зачем он оставил меня одного? Вокруг столько здешних детей, они нас выследят. Надо бы скрыться... Почему так тихо?»

Мысли доносились откуда-то справа.

— За мной! — закричала Алиса. — Вперед!

И все закричали: кто — «ура», кто — «держи его», кто — «Коля, ты где?».

От шума дом зашатался, потому что в шестом классе «Б», если нужно покричать, найдутся, без преувеличения сказать, настоящие чемпионы по этому виду спорта.

В десять секунд ребята добежали до лестницы в подвал, и им пришлось остановиться, потому что навстречу вылетел, как бомба, обалдевший от неожиданной психической атаки толстый пират в разорванном плаще. Ничего не видя перед собой, он оглушил и без того оглушенную Алису мыслями: «Попался! Попался! Спасайся кто может!» — помчался по коридору, прыгнул головой вперед в забитое досками окно. У окна стояла Лариса, которая мирно доедала кусок торта и рассуждала вслух:

— Все-таки, когда ребята так шумят и кричат, их можно понять, но Юльку с Катей Михайловой я осуждаю.

В этот момент доски, которыми было забито окно первого этажа, разлетелись с треском, и что-то очень большое, круглое и тяжелое вылетело наружу и шмякнулось у ее ног.

Лариса чуть не подавилась куском торта, но тут же взяла себя в руки и сказала пирату, лежавшему на животе:

— Вот видите, до чего доводит такое поведение.

Пират попытался подняться. Он был в нокауте, как неудачливый боксер.

Боря Мессерер подскочил к нему и стал считать, как судья на ринге:

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Аут!

Глава 24

ПРОЩАЙ, СУПЕРГЕРЛА!

Ребята поспешили вниз, в подвал, откуда так стремительно вылетел пират.

В подвале было полутемно, и лишь одинокий лучик света, в котором плавали потревоженные пиратом пылинки, освещал лицо лежавшего на полу Коли.

Алиса наклонилась над ним.

— Коля, — сказала она, — ты меня слышишь?

Под глазом у Наумова был большой кровоподтек, и щека была расцарапана. Он с трудом открыл мутные глаза.

— И не надейтесь, — сказал он сонным, глухим голосом. — Вам все равно ничего не найти... миелофон спрятан в надежном месте... в надежном месте...

— Коля! — сказала Юлька Грибкова. — Ты нас не узнаешь? Это же мы, из шестого «Б»!

— Ой!.. — Коля постарался приподнять голову. — Ребята... вы здесь... я ничего не сказал... Они в меня чем-то выстрелили, и я заснул... Они потом меня били и говорили, что мне не выйти отсюда... но я ничего не сказал... Алиса...

— Я здесь, Коля, не беспокойся. Мы нашли миелофон...

И тут Коля вдруг заволновался.

— Скорей... — сказал он. — Я ничего не скажу, беги... они же тебя догонят... Скорей...

— Коленька, — Фима проглотил слезы, — ты у нас герой... ты...

— Я дурак, а не герой, — сказал Коля. — Алиса, беги...

— Мы ничего не боимся, — сказала Алиса. — Нас много... Они ничего с нами не сделают...

Но она ошиблась.

Сзади раздался голос:

— Попрошу не двигаться! Этот мальчик был прав, Алиса. Тебе надо было сразу бежать, а не заниматься спасением чужих людей. Никогда не заботься о других — обязательно проиграешь. Отдай миелофон, дурочка.

В дверях подвала стоял пират Крыс. На этот раз он снова был в образе Наполеона Бонапарта. В руке у него поблескивал пистолет.

— Сюда, сюда, — поманил он Алису пальцем. — Здесь никто не услышит ваших криков, непоседливые дети. Каждым выстре-

лом я могу усыпить троих. Я не жестокий... Но мне нужен миелофон. Ну! Долго я должен ждать?

— Возьми, попробуй, — сказала Алиса.

Она видела, что Коля Сулима не растерялся и осторожно, чтобы Крыс не видел, заходит сбоку.

— Возьми, — повторила Алиса, краем глаза следя, как Коля подбирается к Крысу.

— Ну! — Крыс сделал шаг вперед.

И в этот момент Коля Сулима бросился на него. Правда, не очень удачно, потому что был плохим спортсменом. Крыс успел выставить локоть. Коля ударился о него, пистолет дернулся, и выстрел пришелся в потолок.

В этот момент в бой вступила Юлька Грибкова — она-то была хорошей спортсменкой. Она подпрыгнула и повисла на рукаве Наполеона. Алиса совершила свой лучший в жизни прыжок — она взлетела, словно птица, умудрилась дотянуться до поднятого кверху пистолета и, падая, вывернула руку пирата так, что он выпустил оружие.

И тут все остальные навалились на Крыса, так что пират попросту исчез под грудой своих врагов.

— Ой! — вскрикнула вдруг Катя. — Он ускользает!

В полутьме подвала все увидели, как пират превратился в скользкий упругий шар и покатился в угол. Никто, кроме Алисы, не знал, что он принял облик перекатчиков с планеты Всик.

Ребята замерли. Но у Алисы в руке был пистолет.

— Не двигайся, Крыс с планеты Крокрыс! — сказала она. — А то я стреляю.

Шар покатился к выходу.

Алиса подняла пистолет и прицелилась.

Ее остановил голос от двери:

— Не стреляй, Алиса. Он никуда не уйдет.

На ступеньках, ведущих в подвал, стоял высокий, худой мужчина в синем костюме.

Алиса опустила руку. В голосе мужчины звучала такая уверенность, что ослушаться его было невозможно.

— Крыс, — сказал он, — прими какую-нибудь разумную форму. Никуда тебе не деться.

И в то же мгновение снова возник Наполеон Бонапарт.

— Николай Николаевич, — сказал Коля Наумов, — это я во всем виноват...

— Вы дежурный на станции времени? — спросила Алиса.

— Да, — сказал Николай Николаевич. — И виноват во всем только я один. Так что не будем сейчас искать виновных.

— Николай Николаевич, — сказала Алиса, — второй пират сбежал.

— Недалеко он сбежал, — сказал Николай Николаевич. — Он лежит посреди двора в глубоком нокауте. И его надо убрать оттуда как можно скорее, а то начали собираться соседи. Идем, гроза космических трасс, и не пытайся бежать.

— Ни в коем случае, — поспешил ответить Крыс. — Я был лишь слепым орудием в руках негодяя Весельчака У, он меня заставлял...

Все из шестого «Б», кто участвовал в операции «Космические пираты» — так назвал ее Фима Королев, — собрались у Коли Наумова.

Николай Николаевич дал ему лекарство и велел до вечера полежать на диване, не прыгать и не суетиться. Коля полулежал на подушках, вид у него был гордый и виноватый.

Николай Николаевич стоял посреди комнаты.

— Я хотел бы сказать несколько слов, — начал он. — Мы не будем искать, кто прав, а кто виноват в том, что произошло. Виноват в первую очередь я, потому что не следил за своим здоровьем и неожиданно заболел, оставив свою аппаратуру без присмотра. Виноват и Коля, которого никто не просил совать нос куда его не просят. Виновата и Алиса, которая отлично знает, что нельзя без разрешения приближаться к машине времени. В результате двое опасных преступников проникли в наше время. И хорошо еще, что они не успели натворить дел...

— Мы бы им не дали, — сказал Фима Королев, который был глубоко убежден, что это он всех спас и победил пиратов.

— Хорошо, будем считать, что многие ошибки исправил шестой класс «Б». За что ему спасибо от имени двадцать первого века.

— Пожалуйста, не стоит благодарности, — ответил за всех Коля Садовский. — В дальнейшем можете на нас рассчитывать.

— А как вы нас нашли? — спросила Мила Руткевич.

— Автоматические приборы в Институте времени зарегистрировали несколько переходов во времени, причем все без разрешения. Тогда вызвали меня. Мой пункт не отвечает. Послали сотрудника института. Он видит — меня нет. К сожалению, молодой сотрудник, который примчался меня разыскивать, растерялся и не догадался обратиться к соседям. И пока он меня оты-

скал, драгоценное время было упущено. Тем временем вычислительная машина подсчитала с точностью до миллиграмма вес и габариты нарушителей времени, и начался детектив. Временщики искали свидетелей, опросили десять тысяч человек и наконец узнали, кто же пользовался машиной. Меня срочно вылечили, сменили мне сердце, и я поспешил в ваш шестой «Б». Прибегаю, а класса нет — он убежал ловить космических пиратов. Поэтому я опоздал.

— И хорошо, что опоздали, — сказал Фима Королев, — а то бы нам не удалось самим покончить с космическим пиратством в Москве.

— Не будем спорить, — улыбнулся Николай Николаевич. — Алиса, через пять минут твоя очередь. Так что прощайся, поехали...

Николай Николаевич вышел, все обернулись к Алисе.

— Жалко, — сказала Юлька, — что ты уезжаешь. Мне всегда хотелось иметь сестру, а ты вполне для этого подходишь.

— Мне самой не хочется уезжать, — сказала Алиса. — Но надо. Я ведь уже живу в будущем. Нельзя жить сразу в двух временах.

Все замолчали.

— Ты не сердишься, Алиса? — спросил Коля Наумов.

— Нет, — сказала Алиса. — Я рада, что с вами познакомилась.

— Слушай, Алиса, — сказал Фима Королев, — мы так и не успели спросить: ты что-нибудь слышала о нас там, в будущем?

— Этого нельзя рассказывать, — сказала Мила Руткевич. — Это нарушение закона.

— Знаешь что, Алиса, — сказала Юлька Грибкова, — ты тогда придумай что-нибудь, а мы сделаем вид, что тебе верим.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Только вы мне не верьте. Хорошо?

— Ни за что не поверим, — сказала Лариса. — Обещаем. Но ты нам обязательно льсти.

— Тогда слушайте. Боря Мессерер станет знаменитым художником. Он будет работать в Большом театре и делать декорации. Только он не вырастет и останется небольшого роста.

— Я к этому готов, — сказал Борис. — Пускай. Я буду лестницу подставлять.

— А вот Коля Садовский станет знаменитым писателем, сказочником. Он будет писать удивительные фантастические сказки.

— И их не будут печатать, — сказал Фима Королев.

— Фима Королев станет инженером. Он стал бы великим инженером, если бы поменьше хвастался. Лариса будет знаменитой киноактрисой. Ее портреты будут висеть во всех кинотеатрах.

— Я же говорила, что не поверю, — сказала Лариса, покраснев от радости, и краем глаза покосилась на зеркало.

— Коля Наумов станет строителем домов.

— Спасибо, — сказал Коля. — Я даже знаю каких.

— Юлька будет детским врачом. К ней приедут лечиться со всех концов света. Катя Михайлова выиграет Уимблдонский турнир в Англии. Мила Руткевич станет учительницей, директором школы. И очень строгим...

— Странно, — перебил Алису Коля Сулима. — Все, по-твоему, должны стать знаменитыми и великими. А кому же быть обыкновенными?

— Но это же сказка, Коля, как ты не понимаешь! — воскликнула Лариса. — Я могу стать и не очень великой актрисой.

— Нет, вы не правы, — сказала Алиса, — мне лучше знать. Я из будущего. В будущем не станет обыкновенных людей. На Земле будет жить пять миллиардов исключительных, знаменитых, одаренных людей. И среди них, — тут Алиса коварно улыбнулась, — будет только один обыкновенный человек — Коля Сулима. К нему специально будут приезжать на экскурсии из других стран. Он будет самым обыкновенным в истории человечества чемпионом мира по шахматам и изобретателем машины времени. Теперь ты удовлетворен?

— Разумеется, — сказал Коля Сулима.

Вошел Николай Николаевич.

— Алиса, попрощалась? Пора в путь.

— Ой! — сказала Юлька Грибкова, и у нее в глазах появились большие слезы. — Что же я маме и бабушке скажу?

— Не беспокойся, — сказал Николай Николаевич. — Я сам сегодня зайду к вам как отец Алисы. Они мне поверят...

Юлька поцеловалась с Алисой. И Алиса успела шепнуть ей на ухо:

— Мы с тобой скоро увидимся.

— Кстати, ребята, — сказал Николай Николаевич, — я понимаю, что просить вас об этом нельзя, вы и сами все понимаете, но все-таки напомню: как только вы выйдете из этой комнаты, вы меня забудете. Вы меня никогда не видели. Никаких космических пиратов не видели, а Алиса приезжала из другого города и

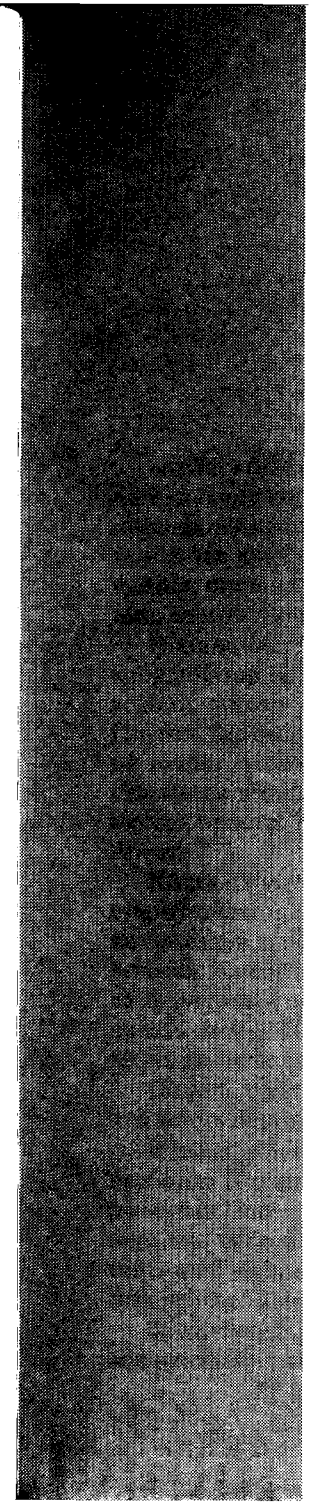
уехала. От того, насколько хорошо вы будете хранить нашу тайну, многое зависит. Это не игрушка. Это Время.

— Договорились, — сказала Катя Михайлова.

Алиса в последний раз поглядела на всех, сказала тихо: «Прощайте, ребята» — и вышла из комнаты.

Навсегда.

И что удивительно: в шестом классе «Б» учатся разные люди. Некоторым, как, например, Фиме Королеву или Ларисе, вообще никаких секретов доверять нельзя — завтра же всем разболтают. Но ни один из них никому ни разу не рассказывал о приключениях и невероятных событиях, случившихся в те апрельские дни.

ПЛЕННИКИ АСТЕРОИДА

ГЛАВА 1

«Арбат» был раньше разведботом. Два таких бота обычно бывает на борту корабля Дальней разведки. Они предназначены для посадок на планеты и для исследований внутрипланетных систем. А так как ботам приходится порой попадать в сложные ситуации, сделаны они на совесть: скоростные, крепкие, выносливые, долговечные.

Полина Метелкина, научный сотрудник Института времени, координатор Инопланетной секции, раздобыла списанный разведбот, потому что ей часто приходилось летать на Марс и на Плутон, где были базы института. А так как разведботы названий не имеют, то окрестила его «Арбатом». Это название кажется странным и непривычным лишь на первый взгляд. Все объясняется просто: Полина родилась и выросла в Москве, на улице Арбат.

Когда в июле она собиралась лететь на Плутон, ей позвонил старый знакомый, директор Московского космического зоопарка Селезнев, и попросил взять с собой его дочку Алису. Жена Селезнева, Алисина мама, архитектор, строила на астероиде Паллада культурный центр, а у Алисы были каникулы, и она хотела повидать маму. Пассажирского корабля на Палладу надо было ждать две недели, а тут подвернулась такая оказия.

Полина с удовольствием согласилась взять Алису, тем более что лететь одной куда скучнее, чем в компании.

Правда, в путешествие они отправились втроем. Вместе с разведботом Полина получила от Дальней разведки и старого робота по имени Посейдон. Посейдон отработал свое в экспедициях, теперь там работали новые роботы, куда более ловкие, сообразительные и умелые. Но для помощи на борту в обычных планетарных рейсах Посейдон еще годился.

За долгую для робота жизнь Посейдон обзавелся характером, жизненным опытом, причудами и капризами, то есть очелове-

чился. С Полиной он летал третий год, они сдружились, привыкли мириться со слабостями друг друга. И все же робот — это робот.

У Полины своих детей не было, хотя детей она любила. Так что с точки зрения Алисы заботилась она о ней даже больше, чем нужно. Но, в общем, жили они дружно, и даже жаль, что путешествие было недлинным.

ГЛАВА 2

В тот день Алиса сидела в пилотском кресле и смотрела, как на экране переднего обзора возникали и гасли звезды, — «Арбат» вошел в пояс астероидов, автопилот снизил скорость, потому что навигационная обстановка была сложной.

По экрану наискось пролетела искра, корабль вздрогнул, меняя курс, чтобы не столкнуться с метеоритом.

— Осторожнее! — крикнула из камбуза Полина. — Я суп пролью.

Слова эти относились к автопилоту, и тот их, конечно, не услышал.

Зато услышал их Посейдон, который сидел в кают-компании, положив металлические ноги на низкий столик, и читал видеокнигу.

Кают-компания на разведботе — это маленькое помещение, в котором умещаются лишь обеденный стол, три или четыре кресла, к тому же один угол ее отгорожен полукругом перегородки, за которой умещается плита и мойка-камбуз.

— Нет смысла винить автопилот, — заявил Посейдон. — В поясе астероидов — повышенная метеоритная опасность. Советую тебе, Полина, ускорить приготовление пищи, так как возможны более резкие флюктуации курса.

— Посейдон, ты пессимист, — ответила Полина. — Я ходила этим маршрутом два десятка раз, и никаких резких флюктуаций, пользуясь твоей терминологией, я не замечала.

— Еще бы, — проворчал Посейдон, который не выносил, когда ему возражали. — В те рейсы ты питалась консервами, а сейчас половину времени проводишь в камбузе. Я тебя не узнаю.

— Алисе вредно питаться консервами, — сказала Полина.

Корабль снова вздрогнул. В буфете зазвенели чашки.

— И все-таки я бы не был таким легкомысленным на твоем

месте, — сказал Посейдон, который любил, чтобы последнее слово оставалось за ним. — Помнишь, что случилось с контейнеровозом «Далия» в прошлом году? Помнишь то жуткое столкновение, из-за которого весь Юпитер и базы на Уране остались без клубники?

— А что случилось? — спросила Алиса.

— Туристы, — заявил Посейдон. — От них все беды.

— Не томи, Посейдончик, — сказала Алиса. — Расскажи.

— «Далия» столкнулся с неучтенным роем метеоритов. А при расследовании они оказались искусственными.

— Кто же их сделал?

— Туристы. Упрощенно говоря, они были содержимым помойного контейнера, который кто-то выбросил за борт. Очистки и объедки мгновенно превратились в замерзшие твердые тела, и летели они с той же скоростью, с которой когда-то летел корабль, который их выбросил. А «Далия» шел встречным курсом. Удвой скорость и представь, что получится! Какое счастье, что «Далия» оказался беспилотным автоматом!

— Но ведь выбрасывать что-нибудь в космос категорически запрещено, — сказала Алиса.

— Вот именно! Мало того, что они оставляют на Земле непогашенные костры, мало им, что они исписали своими глупыми автографами руины города Страдальцев на Марсе, они загадили даже пояс астероидов. Я бы на месте людей объявил туризм вне закона.

— Посейдон, ты преувеличиваешь, — улыбнулась Полина, накрывая на стол. — Это же редкие исключения.

— Вот столкнемся с консервной банкой, — ответил Посейдон, — тогда по-другому заговоришь. Если сможешь.

Полине не хотелось спорить со стариком, и поэтому она позвала Алису:

— Обедать!

— Посейдончик, посидишь за меня? — спросила Алиса.

Нужды в том не было — все равно корабельный компьютер быстрее реагировал на любую опасность, чем человек, но принято было, чтобы на сложных участках трассы кто-то из экипажа был у пульта управления.

— С удовольствием, — ответил Посейдон и, не выпуская книги, отправился к пилотскому креслу.

— А вот книжку придется отложить, — сказала Алиса.

Всю жизнь взрослые говорят ей: «Отложи книжку», «Пере-

стань читать за столом». И как приятно, если рядом есть кто-то, кому можно сказать взрослые слова.

— Это не книжка, — ответил миролюбиво Посейдон. — Это справочник по малым планетам. Учу его наизусть.

— Зачем? Компьютер все равно уже знает об этом.

— Во мне тоже есть компьютер, — возразил Посейдон. — К тому же мне интересно учиться. Жизнь коротка, а так хочется побольше знать! Вам, людям, хорошо. Вы можете обедать, пить чай, спать, у вас болит живот, меняется настроение, вы влюбляетесь или ссоритесь. Всего этого я лишен. Я — старая железная банка на жидких кристаллах, и единственное мое развлечение — новая информация. Скажи, например, ты знаешь диаметры хотя бы крупнейших малых планет?

— Если мне будет нужно, я загляну в справочник.

— Алиса, суп стынет! — сказала Полина.

— А представь, что у тебя не будет времени заглядывать в справочник. К примеру, диаметр Паллады, где тебя ожидает твоя мать, достигает четырехсот девяноста километров. А Веста уступает Палладе почти сто километров...

— Спасибо, — сказала Алиса, которая поняла, что очень проголодалась.

Она села за стол в кают-компании.

— Послезавтра прилетаем, — сказала Полина. — Соскучилась по маме?

— Конечно, соскучилась, — призналась Алиса. — Большинство мам сидят дома и дальше Антарктиды не улетают. А моя придумала себе занятие: космический архитектор! С ума сойти можно.

— А ты кем будешь? — спросила Полина. — Тоже в архитектурный пойдешь?

— Нет. Я биолог по призванию. Буду космобиологом, как отец.

— И будешь сидеть дома? И дальше Антарктиды ни шагу?

Алиса уловила иронию в тоне Полины, но решила не обижаться. Полина была права. Космобиологу приходится летать чаще и дальше всех остальных.

— Одно дело экспедиция, — сказала Алиса. — Два-три месяца — и домой.

Из рубки донесся громкий хохот Посейдона. Робот явно хотел обратить на себя внимание.

— Это же надо! — рокотал он. — Эрос-то! Хах-ха-ха-ха!

— Что случилось? — Полина даже поднялась из-за стола. — Какой Эрос?

— Эрос имеет форму груши! — сообщил робот. — Груша длиной в тридцать два километра. Нарочно не придумаешь.

— Ты меня испугал, — с облегчением сказала Полина. — Не надо так громко хохотать.

— Какой вставили динамик, таким и хохочу, — заявил Посейдон.

— Суп немножко недосолен, — сказала Полина.

— Нет, очень вкусно, — ответила Алиса. — А может, вы задержитесь на Палладе? А потом бы мы вместе дальше полетели. Я никогда не была на Плутоне.

— Во-первых, меня там ждут, — сказала Полина. — А во-вторых, ты тогда опоздаешь к началу занятий.

— Жалко, мне с вами нравится летать, — сказала Алиса.

— Мне тоже с тобой веселее. И Посейдон к тебе привязался.

Посейдон, конечно, все услышал. И желание возразить заставило его снова вмешаться в разговор.

— Привязчивость мне не свойственна, — категорично заявил он. — Я старая железная банка...

Тут его слова перекрыл вой сирены.

Тревога!

Полина с Алисой в мгновение ока вскочили и бросились в рубку.

— Что случилось? — спросила Полина.

Рука робота лежала на кнопке тревоги. Это он включил ее.

— Прямо по курсу неизвестный корабль, — сказал робот.

— Ну и что? Здесь же бывают корабли. Зачем было объявлять тревогу? — спросила Алиса.

— Это учебная тревога, — ответил робот. — Я проверял вашу готовность.

— В первом же порту списываю тебя на берег, — сказала Полина. Но так как она грозилась сделать это в каждом рейсе, Посейдон ее слов всерьез не принимал.

Раз уж обед был прерван, Полина опустилась во второе пилотское кресло. В любом случае встреча с кораблем в космосе — развлечение после долгих дней одиночества. Полина включила увеличение. Корабль пока еще казался яркой точкой, но посте-

пенно он вырос, и можно было разглядеть его дискообразную форму.

На дисплее компьютер начал выдавать скорость корабля, его размеры, направление движения.

— Турист, — сказал Посейдон, когда обнаружилось, что корабль невелик. — Сердце болит, чувствую, что турист.

— У тебя не сердце, а бесчувственный компьютер, — напомнила Алиса.

— Компьютер, снабженный интуицией, а это что-нибудь да значит, — сказал Посейдон.

Полина включила связь. И не успела она вызвать корабль, как в эфире послышались странные ритмичные звуки: три точки, три тире, три точки, три тире...

— SOS! — закричал Посейдон. — Турист заблудился. Так ему и надо.

— В самом деле, сигнал бедствия, — сказала Полина. — Посейдон, мы меняем курс.

— Ну, вот это лишнее, — проворчал Посейдон, хотя в самом деле так не думал. Он тут же отдал приказ компьютеру, и тот стал высчитывать новый курс.

Полина включила передатчик.

— Корабль «Арбат» на связи, — сказала она. — Что у вас случилось? Откликнитесь.

Корабль не ответил.

— Вымерли туристы, — заявил Посейдон. — А автоматика работает. Я о таком читал. «Летучий голландец» в космосе.

— Как тебе не стыдно! — возмутилась Алиса. — У людей беда, а ты все шутишь.

— К сожалению, я лишен чувства юмора. Откуда быть чувствам у железной банки, — ответил Посейдон, который отлично знал, что у него есть чувства, включая чувство юмора.

Полина продолжала вызывать неизвестный корабль. «Арбат» изменил курс и пошел на сближение.

Неожиданно, когда Полина уже отчаялась связаться с кораблем, в динамике послышался слабый высокий голос:

— У меня кончилось топливо. У меня нечего есть... я сдаюсь. Можете брать меня на абордаж.

— Он сошел с ума, — сказала Алиса. — От лишений он сошел с ума.

— Все туристы... — начал было Посейдон, но Полина прервала его.

— Приготовиться к стыковке, — приказала она.

— Я возьму стыковку на себя, — ответил Посейдон. — Здесь опасно. Астероиды.

Посейдон был прав. В пределах видимости экрана темными или светящимися точками угадывались астероиды, в большинстве случаев мелкие, как булыжники, но от этого не менее опасные.

Неизвестный корабль медленно увеличивался на экранах.

ГЛАВА 3

За время сближения и стыковки корабль, терпевший бедствие, больше на связь не выходил.

«Арбат» в умелых железных руках Посейдона послушно коснулся своего собрата. Пока захваты на борту «Арбата» притягивали чужой корабль — люк к люку, — Алиса разглядела надпись: «ШУК-24».

— Что такое ШУК? — спросила Алиса. — Ты ведь все знаешь, Посейдон.

— Кое-что я знаю, — признался робот. — Без справочника сообщаю: Регистр Солнечной системы, страница тысяча девятьсот восемьдесят. ШУК — серия из тридцати планетарных катеров, приписаны к Школе Учебного Космовождения на Марсе. Сокращенно ШУК. Еще тридцать таких же суденышек базируются на Луне, но носят на борту код ШЛК, что означает Школа Любительского Космовождения. К выходу в открытый космос не предназначены, запас топлива ограничен, скорость низка. Названий не имеют, различаются по порядковым номерам. Кстати, я всегда утверждал, что номер куда лучше, чем нелепое название.

— Посейдон, я же говорила тебе десять раз: Арбат — это улица...

— На которой ты выросла, — закончил за Полину робот. — Все равно неубедительно. Тебе просто хочется, чтобы тебе все задавали вопросы и видели притом, какая ты красивая.

— Что ты понимаешь в красоте! — сказала Полина.

— Я посетил крупнейшие музеи мира, — ответил Посейдон.

Они ощутили толчок. Произошла стыковка.

— Ну, кому идти на «ШУК-24»? — спросил Посейдон. — Полагаю, что это лучше сделать мне. Если этот турист сошел с ума и будет стрелять, то меня не жалко.

— Включите видеосвязь, — сказала Полина в микрофон. — Мы вас не видим.

— Я не знаю, как она включается, — ответил слабый голос.

— Сумасшедший турист, — уверенно заявил Посейдон. — Я иду его спасать.

— Оставайся здесь, — ответила Полина. — Бывают ситуации, когда твой ум оказывается недостаточным. Не обижайся, но я убеждена, что на борту этого катера находится несчастное существо, нуждающееся в первую очередь в ласке.

— Тысячу раз говорил, — заметил Посейдон, сделав вид, что не слышал слов Полины, — возьми на базе оружие. Мало ли что — и мы оказываемся с пустыми руками. Как сейчас помню — вышел наш капитан Мержичка на поляну, поляна была такая безобидная, нагнулся цветок сорвать — а из цветка...

Тут Посейдон понял, что Полина уже вышла из рубки. Алиса следом за ней. Посейдон обернулся к приборам и стал наблюдать переход в другой корабль на экране. Он любил поворчать, но все же оставался роботом и капитану подчинялся беспрекословно. А Полина была его капитаном.

В рубке планетарного катера Полина увидела мальчика.

Мальчику было лет десять-двенадцать, он был худ и невысок ростом. Черные глаза были чуть раскосыми, а темные волосы стояли ежиком.

При виде Полины мальчик попытался подняться с кресла, но сделать этого не смог — видно было, что он устал и ослаб.

— Я сдаюсь, — сказал он. — Вы гнались за мной от самого Марса, да? А я заблудился, потом кончилось горючее, а на связь я выходить боялся.

— Ты здесь один? — спросила Полина.

— Да, совсем один. Я думал, что не испугаюсь, но было очень страшно.

Мальчику удалось подняться. Он упрямо сжал губы, и глаза его сузились. Его шатнуло, и он, наверное, упал бы, если бы Полина не подхватила его и не подняла на руки.

Так, с мальчиком на руках, она и вернулась на свой корабль.

ГЛАВА 4

На «Арбате» была всего одна каюта и в ней две койки. Там и спали Полина с Алисой. Посейдон спать не умел, и ночами, если не дежурил в рубке, он поглощал корабельную библиотеку. На его счастье, библиотека была велика и занимала немного места, потому что состояла из микрофильмов.

Полина уложила мальчика на свою койку, сняла с него башмаки и накрыла пледом.

Тем временем Алиса принесла стакан сока.

— Пускай он выпьет, — сказала Алиса. — Здесь сплошные витамины.

Полина поднесла стакан к губам мальчика, и тот послушно выпил его мелкими жадными глотками. Это его так утомило, что он уронил голову на подушку и закрыл глаза.

— Ты давно не ел? — спросила Полина.

— Почти три дня, — сказал мальчик. — Я очень спешил и забыл взять с собой пищу.

— Давай я сделаю ему бульон, — сказала Алиса.

— Займись, — согласилась Полина, открывая медицинский шкафчик.

Алиса вышла из каюты, и тут же в дверях возник Посейдон.

— Ты турист? — сурово спросил он.

Мальчик открыл глаза и испуганно поглядел на массивного робота.

— Нет, — сказал он. — Я не турист. Я учился в школе космонавтики и потому угнал корабль. Но я не хотел развлекаться... Я должен был, понимаете, обязательно... у меня не было другого выхода...

Мальчик снова закрыл глаза и заснул.

Алиса заглянула в каюту, неся чашку разогретого бульона, но Полина приложила палец к губам и вышла навстречу.

— Пускай он поспит, — прошептала она.

Мальчик проснулся только через семь часов.

«Арбат» как раз проплывал мимо изъеденной кратерами, избороздженной трещинами планетки.

Алиса не уставала любоваться этими загадочными, мертвыми мирками, некоторые были уже обследованы, на других еще никто никогда не бывал. Алиса воображала, что они плывут по океану между рифами и коралловыми атоллами и она, юнга на мачте, все надеется, что на одном из атоллов вдруг появится ды-

мок и человеческая фигурка примется прыгать на берегу — это потерпевший крушение Робинзон или дикарь, никогда еще не видевший парусного корабля.

— Сколько их! — сказала Алиса. — Вот бы пожить на каком-нибудь.

— К настоящему моменту обнаружено и зарегистрировано, — раздался в ответ скрипучий голос Посейдона, — шесть тысяч восемьсот тридцать две малые планеты, не считая камней, учитывать которые бесполезно, все равно потеряются. Однако отметим, что общая масса астероидов в тысячу раз уступает массе Земли... Так что теории, объясняющие их происхождение гибелью планеты Фаэтон, вряд ли имеют право на существование...

Посейдон только что вернулся с осмотра планетарного катера, и потому Полина перебила его, спросив:

— Нашел там что-нибудь интересное?

— Осмотр корабля не дал ничего нового, — ответил Посейдон. — За исключением детского любительского удостоверения на вождение учебной машины, выданного на имя Юдзо Комура, место выдачи Марспополь, место постоянного проживания город Осака, Земля.

— Осака — это в Японии, — сказала Алиса. — Я так и подумала, что он японец.

— Не стоит спешить с выводами, — сказал Посейдон. — Города с таким названием могут существовать и в других странах. Кстати, на пульте в рубке мною обнаружена вот эта фотография.

Посейдон положил на стол фотографию пожилого улыбающегося человека, черноглазого и похожего на найденного мальчика. Подпись под фотографией состояла из иероглифов.

— Кто это такой? — спросила Алиса.

— Что может быть проще? — удивился Посейдон. — Здесь же черным по белому написано: профессор Такео Комура.

— Это по-японски?

— Разумеется. И надо сказать, что вам повезло — не у каждого на корабле работает робот-лингвист, талантливый и трудолюбивый полиглот. К счастью, я могу читать и писать по-японски и притом неплохо сочиняю танки.

— Что? — удивилась Алиса.

— Танки — это вид японской поэзии, краткие стихотворения, которые в парадоксальной форме раскрывают душу природы и поэта.

— Ясно, — сказала Алиса.

Полина взяла фотографию.

— Вернее всего, профессор Такео Комура — отец нашего найденыша.

— Не доказано, — возразил Посейдон. — У нас на корабле как-то было три Иванова, и ни один из них не состоял в родственных связях с остальными. Этот пожилой мужчина может оказаться дядей, соседом, однофамильцем мальчика, наконец, фотография могла остаться на борту от предыдущего пилота...

— Это мой отец, — послышался голос.

Мальчик стоял в дверях.

— Тебя зовут Юдзо Комура? — спросила Полина.

— Да. Мой отец — профессор Такео Комура. Я долго спал?

— Несколько часов. Выспался?

— Я не хотел так долго спать, — ответил Юдзо.

— Ты голодный? — спросила Алиса.

— Честно говоря, — сказал мальчик, — я хочу есть. Но кормить меня необязательно. Я заслуживаю наказания.

— Алисочка, разогрей бульон и сделай сухарики, — сказала Полина.

Робот сделал шаг вперед и остановился, разглядывая мальчика.

— Меня зовут Посейдон, — сообщил он. — Универсальный помощник.

— Я понял, робот-сан, — ответил мальчик. — Очень приятно с вами познакомиться.

— Ты нечаянно корабль угнал или нарочно? — спросила Алиса.

— Нарочно, — ответил мальчик, опустив голову. — Но у меня не было другого выхода.

Вид его был настолько несчастным, что Полина пожалела мальчика и сказала:

— Юдзо очень устал, и он еще слабый. Не приставайте к нему с расспросами. Он потом сам все нам расскажет, правда?

Мальчик кивнул.

Но Посейдон не согласился с Полиной.

— Я иногда буквально поражаюсь, — сказал он. — Ты, Полина, путаешь гуманизм с легкомыслием.

— Почему, мой дорогой? — спросила Полина.

Ласковое обращение не успокоило робота. Он упрямо продолжал:

— Потому что мы не знаем, кого пригрели на борту. Не ис-

ключено, что это опасный преступник, который бежал с Марса, потому что его разыскивает патрульная служба.

Полина вздохнула. Она не выносила ссор.

Но мальчик неожиданно поддержал робота.

— Вы правы, робот-сан, — сказал он, не поднимая головы. — Я заслужил самого строгого наказания. И, наверное, меня разыскивает патрульная служба. Я сначала решил, что вы и есть патрульная служба.

— Но почему тебя разыскивают? — спросила Алиса. — Потому что ты угнал корабль?

— Конечно. Я угнал космический корабль и чуть не загубил его. И вы правильно сделали, что погнались за мной и поймали меня.

— Мы тебя не ловили, — сказала Полина. — Мы услышали твой сигнал бедствия и поспешили тебе на помощь.

В этот момент «Арбат» дернулся, меняя курс, видно, опять на пути показался какой-то маленький астероид.

— Чуть не налетели на риф! — сообщила Алиса.

— Садись, — сказала Полина, указывая Юдзо на кресло. — Я должна тебе сказать, что лечу по делам на Плутон, а Алиса — дочь моих друзей и отправляется к маме на Палладу.

— Счастливая! — вырвалось у мальчика. — Ты знаешь, где твоя мать.

— У тебя случилось несчастье, — сказала Полина. — Иначе бы ты никогда не решился на такой безумный поступок.

— Что за разговор с малолетним преступником! — вмешался Посейдон. — Жестче, Полина, строже. У тебя совершенно нет металла в голосе.

Полина только отмахнулась от робота.

— И не пытайся заткнуть мне рот! — возмутился Посейдон. Ему хотелось ссоры.

— Еще слово, и я попрошу тебя уйти, — сказала тогда Полина.

— Молчу, — ответил Посейдон. — Молчу под угрозой неминуемой расправы. Но внутренне не сдамся.

— Не обращай на него внимания, — сказала Алиса японскому мальчику. — Он старый и нервный, хотя с роботами такого не должно случаться. Лучше расскажи нам, что же у тебя случилось.

— Мой отец, — сказал Юдзо, — геолог, профессор. После того как умерла наша мама, он увез меня на Марс, и мы там очень дружно жили. А четыре месяца назад он полетел на астероиды в экспедицию. Он полетел один на корабле «Сакура». С дороги

он присылал мне письма и космограммы. Последняя космограмма была с Весты. Он писал в ней, что полетит дальше, к малым астероидам. Но потом он исчез.

— Как так исчез? — удивилась Алиса.

— Никто ничего не знает. Его искали. И, наверное, ищут и сейчас. Но астероидов очень много.

— Здесь сам черт ногу сломит, — сказал Посейдон.

— А я очень тосковал без отца, — сказал Юдзо, и его голос дрогнул.

Он проглотил слезы и отвернулся. Все молчали, потому что понимали, что утешить мальчика нельзя. Он был очень гордый.

— Мне кажется, — продолжал мальчик, — что отцу нужна моя помощь. Ему плохо. Мне все говорили, чтобы я терпел и ждал, что отца найдут. Но они в самом деле думали, что отец погиб, и даже корабля не нашли. И наконец мне сказали, что меня отвезут на Землю, к моей тете в Осаку. Но я знаю, что отец жив! Я лучше их всех знаю! Я знаю!

— Успокойся, Юдзо, — сказала Полина, обнимая мальчика. — Мы тебя понимаем. Ты не мог улететь на Землю, улететь далеко от отца.

— И ты взял учебный катер! — воскликнула Алиса. — Молодец! Я бы на твоем месте сделала то же самое.

— И глупо, — сказал Посейдон. — Если ты воруешь корабль, то обязательно надо взять с собой побольше топлива и продовольствия.

— Мне было некогда. Я прокрался ночью на космодром. Я знал этот корабль, потому что я на нем учился в детской космической школе. Но я не мог нести с собой продукты. Я дал себе слово, что не вернусь, пока не найду отца. Но я не подумал, как далеко надо лететь и как долго надо искать. У меня кончились продукты, а потом кончилось топливо. И я уже не мог вернуться обратно. У меня была слабая рация, и на Марсе меня не слышали.

— Еще бы. Никто не думал, что учебный катер полетит так далеко. Для этого он не предназначен. Это все равно что на открытой лодочке уплыть в океан. Твое счастье, что мы тебя встретили.

— Я вам очень благодарен, робот-сан, — сказал Юдзо. — Но я не мог поступить иначе.

— Не знаю, не знаю. В любом случае ты поступил как человек. Вы, люди, очень неразумные существа.

— Если бы мы были очень разумными, Колумб бы никогда не

открыл Америку, — сказала Алиса. Ей понравился Юдзо, и она полагала, что на его месте она поступила бы точно так же.

— В данной ситуации, — сказал робот, — разумнее всего мальчику выпить еще чашку бульона, а мне выйти на связь с Марсом и сообщить, что мы подобрали мальчика Комуру. Я представляю, какая паника царит на Марсе, — пропал ребенок!

— Согрей бульон, — сказала Полина роботу.

— Ну вот, разве это занятие для Посейдона? — проворчал робот, но тут же отправился в камбуз.

— Что же ты будешь делать, когда вернешься на Марс? — спросила Алиса мальчика.

Мальчик ответил не сразу. Но потом решился и сказал уверенно:

— Я снова возьму корабль. Выпрошу, украду, если надо... и снова полечу искать отца. Только боюсь, что будет уже поздно.

— Странно, — сказала Полина, — я просто не знаю случая, чтобы бесследно пропал корабль. В Солнечной системе, где все пути исхожены, где так мало опасностей.

— Ты не права! — ответил из камбуза Посейдон. — Один пояс астероидов может похвастаться множеством жертв. За последние месяцы это, наверное, уже шестой случай. Я как раз перед вылетом просматривал сводки спасательной службы. Без вести пропали грузовые корабли «Робинзон» и «24-бис», неизвестно куда делся корабль «Громкий смех». До сих пор неизвестна судьба двух туристских кораблей. И как найдешь корабль, если он разбился на таком вот астероиде.

Посейдон, рассуждая так, вернулся в рубку и, перед тем как включить передатчик и сообщить о мальчике на Марс, поглядел на центральный экран.

На экране красовался сплющенный черный шар. Астероид не отражал света и казался черным провалом в звездном небе.

Посейдон протянул руку к передатчику и замер.

— Полина, — сказал он. — Ты ничего не чувствуешь?

— Очень странно, — отозвалась Полина. — Мне кажется, что увеличилась сила тяжести.

— Погляди на приборы. Мы меняем курс.

— Но я не давала такого приказа компьютеру, — ответила Полина. Она быстро прошла к пульту управления и включила запрос компьютеру. Черный астероид, матовый, непроницаемый, медленно увеличивался на экранах. В нем было что-то зловещее.

Полина и Посейдон прочли показания компьютера.

— Странно, — сказала Полина.

— Я с таким феноменом еще не сталкивался, — ответил Посейдон.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Поле тяготения этого астероида во много раз больше расчетного, — сказала Полина.

— Он как магнит? — спросила Алиса.

— Можно сказать и так, — согласился Посейдон.

— Ура! — крикнула Алиса. — Значит, мы сделали открытие.

— Не знаю, как насчет открытия... — Посейдон уселся в кресло пилота. — Но придется уходить от этого открытия, чтобы не разбить об него нос. Прошу пассажиров пристегнуться.

— Да, дети, — сказала Полина. — И пожалуйста, не теряйте времени.

Алиса нажала на кнопку в задней стене рубки, и из стены вывалились, раскладываясь, два кресла. Она уселась в одно и сказала Юдзо:

— Скорей же!

Они пристегнулись амортизационными ремнями.

— К ускорению готовы? — спросил Посейдон.

— Я готова, — сказала Полина.

— Мы готовы, — сказала Алиса.

— Есть ускорение, — сказал Посейдон.

В рубке было очень тихо. Чуть слышно жужжали приборы. Посейдон увеличил мощность двигателей, и «Арбат» начал бороться с силой, притягивавшей его к черному астероиду.

В первые минуты Алиса почувствовала, как ее вжимает в кресло — корабль начал вырываться из паутины. Но это продолжалось недолго. Алиса услышала мрачный голос Посейдона:

— Компьютер говорит, что нашей мощности не хватит.

— Почему? — спросила Полина.

— Сила тяготения увеличивается. Чем сильнее мы вырываемся, тем сильнее нас притягивает. Но этого быть не может, — сказал Посейдон.

— Почему? — удивилась Алиса.

— Потому что этого не может быть никогда.

Сраженные таким категорическим заявлением робота, люди замолчали.

— Что делать? — спросил после паузы Посейдон.

— Ты что предлагаешь?

— Мы с компьютером, — сказал Посейдон, — считаем, что

этот феномен лучше изучать на месте. Для этого лучше всего опуститься на астероид и выяснить, в чем же дело.

— Значит, сдаться какому-то несчастному куску камня? — спросила Алиса.

— Сдаться камню невозможно. Но чтобы тебя не обижать — вы ведь такие гордые, — предлагаю по доброй воле опуститься на астероид и его быстренько исследовать.

— Найти там генератор гравитации, — сказала Алиса, — и выключить его?

— Вот видишь, какие мы сообразительные! — согласился с Алисой робот.

— Но если пойдем на пределе двигателей? — спросила Полина.

— Только зазря потратим топливо, — ответил Посейдон. — К тому же я не позволю увеличивать нагрузки. Моя первая и важнейшая функция — охранять людей. На борту есть два молодых существа, которым такие перегрузки вредны. И если ты, капитан, прикажешь мне продолжать борьбу с астероидом, я скажу тебе: прости, Полина, я против.

Астероид занимал теперь уже весь экран. Корабль сносило к пятну посреди астероида, которое даже на фоне черноты казалось провалом.

— Там какое-то углубление, — сказал Юдзо. — Наверное, яма.

— Большая яма, — сказал Посейдон.

Полина приняла решение.

— Слушайте меня внимательно, — сказала она. — Я уменьшаю нагрузку на двигатели, и мы будем спускаться на астероид. Всем включить амортизацию кресел по аварийному расписанию. Нас будет притягивать, и мы будем падать на астероид все быстрее. Перед самой его поверхностью я включу двигатели на полную мощность, чтобы нам не разбиться. Будьте к этому готовы, и не пищать.

— Есть не пищать, капитан, — ответила Алиса и, перед тем как включить аварийную амортизацию своего кресла, включила ее на кресле мальчика.

Оба кресла выпустили из спинок упругие широкие захваты и как бы вобрали в кресла своих пассажиров. Нежно, но решительно, словно у них были живые человеческие руки.

Пол как бы ушел из-под ног — это Полина, тоже закутанная в кресло, выключила двигатели, оставив только вспомогательные тормозные моторы.

Черная стена астероида превратила экран в непроницаемо-темное пятно. В центре пятна что-то мерцало. Но Алиса не успела разглядеть, что это, потому что корабль вдруг буквально содрогнулся, поднатужился, стараясь преодолеть тяготение, которое хотело размозжить его о черные камни. Он завис в нескольких десятках метров над поверхностью астероида и потом, сдаваясь на милость астероида, опустился на каменное дно впадины.

И хоть Полина сделала все возможное, удар был сильным настолько, что «Арбат» подпрыгнул на амортизаторах, ударился вновь, накренился и замер...

Свет погас. Наступила тишина.

ГЛАВА 5

— Все живы? — раздался в темноте голос Посейдона.

Щелкнула застежка амортизационного кресла, потом второго. Кто-то застонал.

— Спокойно, — сказал Посейдон. — Сейчас подключу себя к аварийному освещению.

Тут же загорелся слабый свет под потолком рубки.

Вторая лампа загорелась во лбу Посейдона.

Люди вылезали из кресел, приводили себя в порядок. К счастью, никто сильно не пострадал. Только Юдзо оцарапал щеку — сорвался один из дисплеев и задел его. Алисино кресло покосилось, но устояло. Главный экран разбился, но вспомогательные работали.

— Это ты стонал, Юдзо? — спросил Посейдон, глядя на мальчика. По щеке его протянулась алая полоска.

— Нет, — ответил мальчик уверенно.

— Это я стонала, — призналась Полина. — Я вспомнила, что посуда в шкафу была не закреплена.

— Ой, там моя любимая чашка! — воскликнула Алиса, бросаясь в кают-компанию.

Посейдон возился с освещением. Постепенно свет становился все ярче.

— А притяжение здесь нормальное, — сказала Алиса, — как на Луне.

— Да, меньше земного, — сказал робот. — Я это уже отметил.

Загорелся свет и в кают-компании.

Алиса раскрыла шкаф, и оттуда посыпались осколки чашек и тарелок.

— Я неоднократно предупреждал, — заявил робот, услышав звон, — что корабельная посуда должна быть металлической или пластиковой. Пристрастие людей к фарфору неразумно.

— А моя чашка цела, — сказала Алиса.

Полина прошла к аптечке, достала пластырь и спирт.

— Алиса, — сказала она, — займись Юдзо. А мне надо выйти на связь с Марсом.

— Давно пора, — сказал Посейдон, оборачиваясь к рации.

Юдзо между тем подошел к иллюминатору и старался разглядеть, что творится снаружи.

Алисе пришлось потянуть его за руку, чтобы он отошел от иллюминатора и дал помыть и заклеить щеку. Спирт больно щипал, но Юдзо даже не поморщился.

— А вдруг мой отец... — начал Юдзо. — Ведь его тоже могло притянуть.

— Ну что, Посейдон? — спросила Полина. — Наладил связь?

— Придется потерпеть, — ответил Посейдон. — Рация разбита.

— Вот жалость! — сказала Полина. — И сколько тебе надо времени?

— Часа два, — ответил робот. — Я достану запасные части.

Полина очистила пульт от осколков и попробовала включить внешний прожектор.

— Погоди, — сказал Посейдон. — Не женское это дело — чинить освещение.

Он открыл кожух пульта, заменил один из блоков, и за иллюминатором стало светло — луч мощного корабельного прожектора распорол темноту.

Все подошли к иллюминатору.

— Ой! — первой воскликнула Алиса. — Что это значит?

ГЛАВА 6

Корабль «Арбат» очутился в большом круглом углублении, схожем с лунным кратером. Стены кратера были высоки и отвесны. Но удивление вызвало не это, а то, что «Арбат» оказался в кратере не одинок.

Вокруг него лежали корабли и обломки кораблей.

Некоторые, видно, разбились давно, и нельзя было угадать, какими они были раньше. Другие корабли были ободраны, словно какой-то шутник срывал с них обшивку, оставляя лишь скелеты шпангоутов. Третьи разбились при посадке. Но два или три корабля казались совершенно целыми.

Посейдон медленно вел лучом прожектора по этой странной свалке, и луч по очереди высвечивал потерпевших крушение.

Вот луч замер на золотой надписи на борту корабля.

— «Робинзон», — произнесла Алиса.

— Здравствуй, старик, — сказал Посейдон. — Когда мы виделись с тобой в последний раз? Кажется, на Ганимеде. Ты куда лучше выглядел. Вот ты где пропал, вот где закончил свой славный путь!

Луч прожектора ушел в сторону. Остановился, осветив надпись «Громкий смех».

— Какое странное название, — произнесла Полина, глядя на искореженный, ободранный корабль.

— Ты не слышала? — спросил Посейдон. — Это была странная компания. Поклонники веселой музыки. Они летали по разным планетам с концертами. Певцы и клоуны.

— Неужели они погибли?

— Если внутри астероида нет атмосферы, — сказал Посейдон, — тогда деваться некуда.

Луч тем временем полз дальше, и вдруг раздался отчаянный крик Юдзо:

— Это отец! Отец здесь! Я говорил, что найду отца!

Мальчик показывал на корабль, лежавший за «Громким смехом». На борту была надпись «Сакура». И знак геологической службы.

— Это наш корабль! — повторил Юдзо. — Пустите меня, пожалуйста, туда. Я там должен быть.

— Там его нет, — тихо сказала Полина.

Под холодным безжалостным светом прожектора видно было, что корабль пострадал при посадке, к тому же часть металлической обшивки снята.

— Но я все равно должен туда пойти, как вы не понимаете! — сказал Юдзо. — Отец мог оставить там записку. Хотя бы записку...

— Успокойся, Юдзо, — сказала Полина. — Мы обязательно пойдем туда и осмотрим корабль.

— Ты сказал, что внутри астероида может быть атмосфера? —

спросила Алиса у робота. Она спросила негромко, потому что не верила в это.

— Вряд ли, — сказал Посейдон. — Астероиды — мертвые тела. На них нет атмосферы. Она бы не смогла удержаться, потому что притяжение очень маленькое.

— Но здесь притяжение большое!

— Погляди за иллюминатор. Ясно же — здесь вакуум.

— А внутри?

— Внутри камень, — ответил Посейдон.

— А если внутри сделана полость и в ней сидят люди, у которых есть генератор гравитации?

— Ну, Алисочка, ты мне начинаешь рассказывать фантастический роман. Кто и зачем будет сидеть в мертвом астероиде?

— Космические пираты! Они специально пробрались в Солнечную систему и сделали такую ловушку. Затягивают корабли, а потом их грабят, а пассажиров берут в плен.

— Фантазерка! — решительно заявил Посейдон. — Даже если бы пираты и смогли незаметно проникнуть в Солнечную систему, зачем им грабить грузовик «Робинзон», который везет запасные части к бурильным установкам, зачем им грабить «Громкий смех», на котором летят музыканты, все богатство которых — трубы и барабаны? Зачем им грабить «Сакуру», на которой профессор Комура везет образцы горных пород?

— Посейдон, ты не понимаешь простых вещей, — сказала Полина, которая открыла стенной шкаф, чтобы достать свой скафандр. — Нельзя отнимать у людей надежду.

— Надежда — это гипотеза, не подкрепленная фактами, — возразил Посейдон.

— Пока не подкрепленная, — сказала Полина. — Но факты могут возникнуть.

— Нелогичность людей меня порой просто возмущает, — сказал Посейдон.

Юдзо подошел к шкафу со скафандрами вслед за Полиной и остановился.

— А где мой скафандр? — спросил он. — Ой, мы же его оставили на катере!

— С катером придется подождать, — произнес Посейдон.

Он перевел луч прожектора поближе, к самому «Арбату», и стало ясно, что пришвартованный к нему катер «ШУК-24» не перенес аварийной посадки.

— Не беспокойся, — сказала Полина мальчику. — Я пойду на «Сакуру», а Посейдон осмотрит катер и принесет тебе скафандр.

— Если от него что-нибудь осталось, — сказал Посейдон.

— Я возьму скафандр Алисы, — сказал Юдзо.

— Послушай, — строго сказала Полина, — ты на космическом корабле. В неизвестной ситуации. Капитан корабля — я. И сейчас все подчиняются мне беспрекословно. Тебе это понятно?

— Понятно, капитан-сан, — ответил мальчик. — Но, может, все-таки я возьму скафандр Алисы?

— Мы даже не знаем, куда мы попали, — терпеливо объясняла Полина мальчику. — Мы не знаем, что нас ждет. Вы с Алисой, что бы ни случилось, останетесь на корабле. Здесь безопаснее.

— Правильно, — поддержал Полину Посейдон. — А то придется и вас спасать. Кстати, астероида с такими параметрами в полном списке малых планет не существует. Но, может, все же к «Сакуре» тоже схожу я? В случае чего — меня даже не надо спасать. Я — старая железная банка...

— Слышали, — ответила Полина. — Ничего нового. Быстро принеси скафандр Юдзо. Он может нам понадобиться. И сразу же обратно. Ты отвечаешь за безопасность детей.

— И без твоих приказов знаю, за что отвечаю.

Посейдон был недоволен, он боялся за Полину.

Полина проверила скафандр, опустила шлем. Ее голос в динамике шлема звучал глухо, как будто сквозь подушку.

— Я попробую связаться с Марсом по рации «Сакуры», — сказала она и открыла люк в переходник.

Прежде чем люк закрылся, Посейдон успел сказать вслед:

— Ставлю сто против одного, что никакой рации там и нет.

Щелкнул запор переходника. Через полминуты Полина показалась на черной гладкой поверхности астероида.

— Проверяю связь, — донесся ее голос.

— Связь устойчива, — сказал робот.

— На случай любой неожиданности капитаном корабля остается Алиса Селезнева, — сказала Полина.

— Понятно, — сказал робот, следя лучом прожектора за Полиной.

Он не возражал, потому что по космическим правилам робот не может командовать кораблем, на котором есть люди. Даже если он умный, опытный, универсальный робот. Конечно, фактически в отсутствие Полины главным будет он, но в критической

ситуации последнее слово останется за Алисой, хоть Алисе всего одиннадцать лет.

— Я все поняла, — сказала Алиса, глядя, как на экране уменьшается блестящая фигурка Полины. Полина обходила обломки кораблей и иногда рассуждала вслух:

— Вижу корабль незнакомой конструкции — его вам не видно, он лежит за «Громким смехом». Явно не из Солнечной системы. И попал сюда давно. Значит, этот астероид не первый день притягивает корабли. Странно, что до сих пор его никто не заметил. Уже двадцать лет назад здесь работала комплексная экспедиция. Они не могли пропустить такое крупное тело. Как ты думаешь, Посейдон, каков радиус астероида?

— Чуть больше километра, — ответил Посейдон. — Но форма у него неправильная, он похож на сплюснутый шар или на чечевицу. Мы опустились на вдавленной стороне.

— Подхожу к «Сакуре», — сказала Полина.

Когда Полина остановилась возле корабля, ясно стало, что «Сакура» раз в пять выше ее. Полина вслух описывала свои действия. Так положено делать, если разведчик один вышел из корабля.

— Вижу люк, — говорила она. — Люк открыт. Крышка отсутствует. Значит, в корабле никого нет. Тем не менее я войду внутрь, осмотрю корабль и постараюсь выяснить, в каком состоянии рация. Посейдон, ты принес скафандр?

— Помню, — ответил Посейдон. — Алиса, ты остаешься на связи, знаешь, как управлять прожектором?

— Все знаю.

Посейдон пошел к переходной камере, а Алиса слушала, как Полина рассказывает о том, что видит на «Сакуре».

Юдзо разрывался между «Сакурой» и учебным кораблем. Он даже подбежал к люку, как будто хотел поторопить Посейдона, медленно ворочавшегося у люка учебного катера. Юдзо надеялся, что, как только он получит скафандр, он сможет тоже побежать к «Сакуре».

— Я внутри «Сакуры», — был слышен голос Полины. — Удивительное зрелище. Как будто здесь бушевал какой-то разбойник. Обшивка ободрана, приборы разбиты, посуда разбита, куда-то делись все вещи из каюты и кубрика. И рация... рации нет. Она вырвана и исчезла.

— А записка? — крикнул Юдзо. — Отец должен был оставить мне записку!

Полина не слышала мальчика и продолжала говорить:

— В шкафу нет скафандра. Значит, отец Юдзо успел надеть его.

Алиса подумала, что если кто-то ограбил корабль, то могли взять скафандр. Ясно, что Полина сказала последнюю фразу, чтобы успокоить Юдзо.

— Больше мне здесь делать нечего, — сказала Полина. — Придется нам искать путь внутрь астероида. Может быть, Посейдон был не прав, когда высмеивал Алисину теорию о пиратах.

— Алиса, посмотри! — раздался громкий голос Юдзо.

Алиса обернулась к иллюминатору, который смотрел на учебный катер.

Она увидела, как Посейдон подходит к кораблю, неся скафандр Юдзо.

Но мальчика взволновало не это.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Поверни прожектор правее! — попросил Юдзо. — Еще правее. Видишь?

Луч прожектора выхватывал из темноты остовы кораблей, каменные глыбы, изломанные клочья металла... И вдруг Алиса уловила движение. От стены кратера к кораблю спешили какие-то фигуры. Непонятные существа были в черном, и потому трудно было разобрать, что они собой представляют.

В этот момент открылась дверь переходника, и со скафандром в руке появился Посейдон.

— Гляди, Посейдон! — позвала его Алиса.

Тот сразу понял, в чем дело, кинул скафандр мальчику, а сам кинулся к пульту, чтобы включить увеличение на экране.

— Полина, — сказал он, вглядываясь в бегущие фигуры, — мы видим людей. Они двигаются к «Сакуре» и к нам.

— Очень хорошо, — сказала Полина, — я выхожу им навстречу. Значит, здесь работает какая-то неизвестная нам лаборатория.

— Осторожнее, Полина! — вмешалась в разговор Алиса. — Хоть Посейдон не верит, я все равно думаю, что здесь космические пираты. Неужели может быть лаборатория, которая разбивает и грабит корабли?

— Внимание, — произнес Посейдон. — Это не люди.

— А кто? — спросила Полина.

— Это пришельцы. Может быть, тебе остаться в «Сакуре»?

Но было видно, что Полине не удастся скрыться. Темные су-

щества разделились на две группы. Одна из них спешила к «Арбату», другая бросилась к «Сакуре».

— Они идут к тебе, — сказал Посейдон. — Полагаю, что они следили за нами и знают, что ты на борту «Сакуры». Я иду к тебе на помощь.

— Оставайся на корабле, — сказала Полина.

— Не могу. Ты в опасности. «Арбат» можно закрыть, и ребята продержатся в нем до моего возвращения. Ты беззащитна.

И, не тратя больше слов, Посейдон направился к переходной камере.

— Я тоже выхожу, — услышала Алиса голос Полины. — А то я себя чувствую в этой коробке, как крыса в ловушке.

— Посейдон пошел к тебе, — сказала Алиса.

Она смотрела, как Посейдон большими шагами спешит по открытому пространству. Потом они увидели и Полину. Полина вышла из «Сакуры» как раз в тот момент когда к «Сакуре» подбежали первые из черных фигур.

— Кто вы? — успела спросить Полина.

И тут же черные фигуры накинулись на Полину, словно стая волков на оленя, и повалили ее на камни.

— Посейдон... — И тут же связь оборвалась. Видно, черные существа сорвали со шлема антенну.

Посейдон несся к Полине громадными прыжками.

Но достичь ее не смог.

Несколько черных фигур встретили его, и он ударился о них, смял ближайших противников, но не выдержал тяжести остальных.

— Внимание, Алиса! — донесся до рубки его голос. — Из корабля не выходить. Я временно прекращаю сопротивление, чтобы проникнуть в астероид вслед за Полиной. Ждите меня...

На этом прекратилась и связь с Посейдоном.

В рубке царила тишина.

Алиса и Юдзо остались совсем одни.

ГЛАВА 7

Алиса заметила, что Юдзо спешит, натягивает скафандр. Она подумала, что и ей не мешает одеться. Может, придется выйти из корабля. Она побежала к шкафу, чтобы снять последний скафандр.

— Следи, чтобы они не подошли, будешь мне говорить, где они! — крикнула она Юдзо.

Добежав до шкафа, она остановилась. Нет, сначала надо запереть корабль. Она поднялась на цыпочки, чтобы включить экстренный запор. На любом корабле есть эта система электронной блокировки — когда она включена, люк не поддастся никакому ключу. Только разрезав обшивку корабля, можно в него проникнуть.

— Они идут сюда, — сказал Юдзо.

— Все?

— Нет. Почти все потащили к стене кратера Полину и Посейдона. А трое идут сюда.

— Эх, жалко, у нас нет бластера, — сказала Алиса.

— Да, — согласился Юдзо. — Сейчас бы мы их расстреляли.

— А вдруг... — Алиса задумалась, держа в руках скафандр. У нее бурное воображение, и она умеет придумывать невероятные объяснения событиям. — А вдруг этот астероид управляемый? А черные существа — местные спасатели. Только они не из нашей системы и не знают языка. Вот они и вытаскивают из кораблей всех, кто терпит крушение, чтобы спрятать их внутри астероида.

— Я не верю! — сказал Юдзо. — Спасатели не наваливаются на людей как звери.

Алиса натянула скафандр, надела шлем, но пока что не стала опускать забрало. Это можно сделать в одну секунду.

— Они подошли к кораблю, — сказал Юдзо.

— Посмотрим, что они будут делать, — ответила Алиса.

Ждать пришлось недолго. Раздался удар в люк. Потом еще один, посильнее первого.

— Козлятушки, ребятушки, — сказала Алиса, — это я пришла, молочка принесла.

— Что ты говоришь? — удивился Юдзо.

— Это детская сказка, ты ее не знаешь. Один волк переоделся козой и пришел в дом к козе, чтобы съесть ее детей.

— Я знаю такую сказку, — сказал Юдзо.

— Только нас не обманешь, — сказала Алиса.

Следующий удар был сильнее.

— Чем они стучат? — подумал вслух Юдзо. — Что у них, кулаки железные?

Удары следовали один за другим, однообразно и монотонно.

— Если они не совсем идиоты, — сказала Алиса, — то они что-нибудь придумают.

И как бы в ответ на ее слова к кораблю подошли еще несколько черных существ. Один из них притащил нечто вроде бластера, но с длинным стволом.

Узкий белый луч вырвался из бластера и коснулся люка.

— Прожгут, — сказала Алиса. — Наверняка прожгут.

— Мы будем сражаться, — сказал Юдзо.

— А какая польза? — спросила Алиса. — Если они Посейдона одолели, то ты недолго продержишься.

— А что делать? Лучше погибнуть с честью.

— Логика не для меня, — сказала Алиса. — Я еще школу не кончила. Надевай шлем.

Пока Юдзо, поглядывая в иллюминатор, за которым черные существа настойчиво сверлили обшивку «Арбата», надевал шлем, Алиса откинула угол ковра в кают-компании. Там, она знала, был небольшой люк, который вел в технический отсек «Арбата». Как-то при ней Посейдон лазил туда, чтобы проверить системы отопления.

Юдзо пролез в люк первым, затем туда же опустилась Алиса, закрыв за собой люк таким образом, чтобы, когда она его закроет, угол ковра опустился на старое место. Она не видела, удалось ей это или нет, люк захлопнулся. Было так тихо, что слышно было, как часто дышит Юдзо.

Алиса включила на минуту шлемовый фонарь.

Отсек, в котором они спрятались, был низким и тесным, хотя очень длинным. Вдоль него тянулись воздуховоды, трубы опреснителей, отопительные шланги. Алиса поманила Юдзо за собой, и они отползли подальше от люка.

— Теперь тихо, — прошептала Алиса, — молчи, что бы ни случилось.

Ждать пришлось недолго.

Минут пять.

Сначала они ощутили движение воздуха. Это значило, что черные существа, которых Алиса для себя называла бандитами, все же вскрыли люк «Арбата». Воздух сразу вылетел из корабля, как вылетает пузырь воздуха, если быстро опустить под воду кувшин. Правда, из отсека, в котором укрылись Алиса с Юдзо, воздух вылетел не так быстро — хотя он и не был герметичным, но щели и каналы, которыми он сообщался с основными помещениями корабля, были невелики, и воздуху потребовалось несколько секунд, чтобы выбраться из отсека. Скафандры ребят мгновенно приспособились к изменению давления, но Алиса

привычно ощутила переход в вакуум, подобный тому, как бывает, когда выходишь из корабля в открытый космос.

Потом послышались шаги.

Но Алиса услышала их не ушами — звуки не распространяются в вакууме. В космосе всегда царит тишина. Но вибрацию пола под тяжелыми шагами бандитов они почувствовали.

И если приложить руку в перчатке к потолку отсека, то можно угадать каждый шаг тех, кто наверху.

Бандиты довольно долго ходили по кораблю. Потом корабль начал содрогаться сильнее, рывками, и Алиса не сразу сообразила, что бандиты занялись грабежом. Они отламывают, вырывают, отвинчивают приборы и вещи и уносят с собой.

Потом внезапно появилась над головой, там, где был люк, тонкая круглая полоска света. Значит, кто-то отвернул ковер. Алиса замерла, ожидая, что сейчас бандит откроет люк.

Но этого не случилось. Вместо этого вскоре наступила тишина. Корабль опустел.

— Что делать? — спросила Алиса.

— А что? — не понял Юдзо.

— Я думаю, что они ушли, потому что унесли с корабля разные вещи. Но, вернее всего, они вернутся. И тогда обязательно залезут в этот отсек. Боюсь, что нам здесь не отсидеться.

— Тогда давай вылезем, — сказал Юдзо. — Мне тут надоело.

— У нас мало времени, — сказала Алиса и поползла к люку. — Ведь они могут работать в несколько смен. Одни уходят, другие приходят, мы не знаем, сколько их здесь всего.

Сказав так, Алиса открыла люк и, осмотревшись, быстро вылезла наружу. Следом за ней выбрался Юдзо.

На корабле никого не было. Но за те минуты, пока бандиты бесчинствовали на нем, корабль преобразился. Исчезли приборы, посуда, даже мебель, простыни и одежда, пульт управления стал скелетом пульта. Даже ковер унесли.

Алиса кинулась к иллюминатору. Прожектор теперь не горел, но ей удалось увидеть смутные тени бандитов. Они удалялись к стене кратера. Они шли цепочкой, волоча добычу. Два последних бандита несли свернутый в трубку ковер из кают-компании.

— Пошли, — сказала Алиса.

— Куда? На «Сакуру»? — спросил Юдзо. Хоть Полина и сказала, что на «Сакуре» ничего нет, он хотел туда попасть: а вдруг Полина упустила что-то важное, какое-то послание, предназначенное только для глаз Юдзо.

— Нет, — сказала Алиса. — Я думаю — лучше всего нам пойти за бандитами. Надо увидеть, как они попадают внутрь астероида.

— А если они нас увидят?

— Если боишься, иди на «Сакуру» и сиди там, жди.

— Я ничего не боюсь, — обиделся Юдзо. И первым пошел к люку.

Люк был сорван и валялся на камнях рядом с кораблем. Они вышли из корабля и быстро пошли следом за бандитами.

ГЛАВА 8

Полина не заметила, как открывается дверь внутрь астероида. Хоть и старалась это сделать. Виной тому были черные безликие существа, которые тащили ее к стене кратера, мешая друг другу, суетясь, толкаясь. Они напоминали Полине муравьев, которые тащат к муравейнику пойманного жука. Вроде бы бестолковы, но постепенно жук все же продвигается к муравейнику.

Открылся первый люк, существа остановились, ожидая, видно, когда уравновесится давление. Затем открылся второй люк. Полина поняла, что внутри астероида есть воздух.

Она оказалась в темном коридоре, и ее снова потащили вперед.

Шагов через сто впереди забрезжил слабый свет. Под потолком коридора мерцала слабая лампа. При свете ее было видно, что коридор высверлен в породе, причем сделано это не очень аккуратно и стены были не облицованы. Вдоль них тянулись кабели, провода, на всем была пыль, и Полина ощутила атмосферу запустения.

Полина старалась разглядеть своих противников, но света было мало, а фонарь в шлеме она не решилась включить, опасаясь, что его разобьют, — ведь догадались они сорвать антенну внешней связи.

Вскоре встретилась еще одна лампа. Потом Полина увидела ход, ведущий направо. Он был перегорожен невысоким барьером. И ей показалось, что из-за барьера выглядывает бледное человеческое лицо, скорее всего, лицо ребенка. Она не была уверена, видела ли она это лицо в самом деле или ей только показалось. Существа не давали ей ни секунды покоя — теребили, толкали, тянули вперед.

— Да не толкайтесь вы! — сказала Полина. — Я и так иду. Хоть бы объяснили, что вам от меня надо.

Однако ее слова не возымели никакого действия на черных существ. Они так же тянули ее вперед. Еще через несколько метров Полина почувствовала, что пол пошел вниз, она чуть не упала от резкого толчка.

Впереди открылась дверь.

За нею было полутемное помещение, куда существа и втолкнули Полину.

Дверь со скрежетом задвинулась, отрезав Полину от коридора.

Она была одна.

Единственный неяркий светильник под потолком с трудом освещал обширное помещение. Серые стены, серый пол, серый потолок. В углах свалено тряпье, разбитая чашка лежит посреди пола, кукла без руки, и почему-то у стены кучей — музыкальные инструменты: помятая, тускло сверкающая туба, флейта, скрипка с оборванными струнами и даже виолончель.

Полина ни до чего не дотрагивалась. Она медленно обошла комнату, чтобы убедиться, что она здесь одна, и выяснить, есть ли отсюда другой выход. Да, никого, кроме нее, нет. Но и выхода другого тоже нет. Стены гладкие, сплошные, лишь в одном месте над головой небольшое, забранное решеткой отверстие вентиляционного хода.

Неожиданно, как раз под этим отверстием, Полина увидела выцарапанную чем-то острым надпись: «Мы с «Громкого смеха». Люди, уничтожьте это гнездо...» Неподалеку была еще одна надпись, на этот раз черная, написанная углем или тушью: «Сегодня наша очередь. Мы знаем, что никто еще не уходил живым из когтей ледяного дракона. Прощайте...»

Полина непроизвольно обернулась, ей показалось, что кто-то заглядывает ей через плечо. Но никого нет, просто тишина, и без того зловещая, сгустилась, словно холодный кисель.

Полине стало страшно. Она бросилась к двери, принялась молотить в нее кулаками и кричать:

— Выпустите меня! Вы не имеете права! Немедленно отпустите меня!

Алиса и Юдзо не спешили. Они не хотели приближаться к бандитам.

Но те не оглядывались. Они были заняты — тащили к стене награбленное барахло.

Так, перебежками от корабля к кораблю, Алиса с Юдзо добрались почти до самой стены, но тут они чуть было не попались. В тот момент, когда бандиты скрылись в отверстии, обнаружившемся в стене, и дети вышли на открытое место, чтобы последовать за ними, дверь в стене вновь открылась и оттуда выскочили три других бандита.

К счастью, неподалеку возвышался круглый борт мертвого корабля, и Алиса, дернув за руку Юдзо, упала на камни и замерла. Юдзо сообразил и последовал ее примеру.

Видно, бандиты и не ожидали увидеть здесь кого-нибудь. Они спешили, бежали трусцой, подобно муравьям на тропе добычи.

— Ну что, будем ждать? — спросил Юдзо.

Надо было решать быстро.

— Нет, — сказала Алиса. — Мы не знаем, сколько придется ждать и когда они угомонятся. А наши там, внутри. И может быть, твой отец.

— Мой отец наверняка там, — сказал Юдзо. — Пошли?

Они подбежали к тому месту в стене, где скрылись бандиты.

Алиса на секунду включила шлемовый фонарь и увидела в его свете тонкую черную полоску в сглаженной породе — очертание большого люка. Рядом с ним — выпуклость, до которой, как она заметила, дотрагивались бандиты, приблизившись к стене.

Алиса поднесла ладонь к выпуклости, и после секундной паузы люк сдвинулся внутрь, а затем ушел в сторону.

В переходной камере, куда они попали, было темно. Алиса включила фонарь и нашла дверь, ведущую внутрь астероида. Дверь открылась, как только уравновесилось давление в переходнике и астероиде. Алиса бросила взгляд на браслет — регистратор внешних условий. На нем вспыхнула зеленая искра — воздух пригоден для дыхания, температура плюс семнадцать градусов. Но шлема она откидывать не стала, даже не подняла забрала — мало ли какие микробы могут таиться в этом воздухе.

— Иди на три шага сзади, — сказала Алиса своему спутнику. — Если со мной что-то случится, ты сможешь отпрыгнуть назад.

Через несколько шагов они дошли до поворота коридора.

Коридор был узким, стены холодными и неровными, словно он был вытесан в скале. За поворотом коридор расширялся, в стенах появились ниши и ответвления, но Алиса не рисковала пока заглядывать туда, потому что думала, что основной коридор скорее приведет их к центру астероида.

Освещен коридор был еле-еле. От светильника до следующего светильника было метров по тридцать, а горели они слабо. А так как в нишах и ответвлениях вообще света не было, то все время казалось, что там таятся какие-то существа и настороженно следят за Алисой и Юдзо.

И хоть Алиса была готова к любым неожиданностям, то, что случилось, испугало ее смертельно.

Большая тяжелая рука высунулась из черной ниши и опустилась ей на плечо.

Алиса ахнула и присела. Она даже не смогла убежать — ноги подкосились от страха.

Юдзо налетел на нее.

— Что? — спросил он сдавленным голосом.

— Тише, — ответил кто-то. Тот, чужой голос донесся откуда-то сверху, будто с потолка. — Ни звука.

И тогда из ниши вышел Посейдон.

Когда Алиса поняла, что это друг, ноги отказались ее держать, и она вынуждена была прислониться к роботу. Металл его ног был гладким и теплым.

— Посейдончик, — прошептала Алиса. — Нельзя так пугать.

— Прости, — ответил робот, — но у меня не было возможности кричать тебе издали, чтобы ты не боялась. Я с трудом справился с первой партией моих друзей и двоюродных братьев. Следующая партия может оказаться решительней.

— Что это значит? — спросил Юдзо, которого Посейдон не испугал.

— Есть глаза, гляди, — сказал Посейдон и включил в полную мощность свой шлемовый фонарь.

За поворотом в глубокой нише лежали грудой, именно грудой, другого слова не подберешь, несколько бандитов. Черные тела перепутались ногами и руками, некоторые были вообще без голов.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Ты совершил страшное преступление! Робот не может убивать человека. Что с тобой, Посейдон?

— А если они враги и убийцы? Я должен терпеть?

— Врагов и убийц должен судить суд, — сказала Алиса.

— Где суд? Покажи мне его. Куда доставить преступников? Как уговорить их, что им надо быть паиньками и идти, куда им скажут?

— Я понимаю, но все равно так не бывает.

Юдзо присел на корточки и внимательно разглядывал убитых.

— Это же не люди! — вдруг заявил он.

— Умница! — Посейдон громко захохотал, довольный тем, что провел Алису. — Как только я понял, что они — роботы, не больше как слепые машины, тут я взялся за дело по-настоящему. На открытом месте они, конечно, сильнее меня и могли бы разобрать меня на части. Но в узком коридоре я куда сильнее. А почему?

— Потому что вы умней, робот-сан, — сказал Юдзо.

— Я рад, что с тобой встретился, — сказал Посейдон. — Мне очень приятно познакомиться с таким сообразительным молодым человеком.

— А вы не видели моего отца? — спросил Юдзо.

— Когда? Я тут такой же новичок, как и вы.

— А Полина, где Полина? — спросила Алиса.

— Полину будем искать. И профессора Комуру будем искать. И всех найдем. Только сначала я хотел бы познакомиться с теми, кто натравливает бездушных роботов на честных космических путешественников. И поговорить с ними серьезно.

Робот отодвинул в сторону отломанную руку одного из бандитов, и из нее выкатилась Алисина чашка. Алиса подхватила ее.

— Удивительное дело, — сказала она. — И при посадке не разбилась, и здесь уцелела.

— Ты еще напьешься из нее чаю, — пообещал Посейдон.

В тишине подземелья послышался отдаленный топот.

— Жаль оставлять поле боя, — сказал Посейдон. — Но полагаю, что разумнее всего отступить. Война не в наших правилах.

Они поспешили вперед, где Посейдон высмотрел узкий ход в сторону. Там и затаились, выключив фонари.

Через минуту мимо них пробежали вереницей несколько черных роботов. Потом их шаги оборвались. Слышны были щелкающие короткие звуки, которыми обменивались роботы. Скрип и грохот — видно, они растаскивали груду своих собратьев, стараясь понять, что же произошло.

— Сейчас они сообразят, что у них на астероиде завелся враг, — прошептал Посейдон. — Так что нам лучше не ждать здесь. Чем будем дальше отсюда, тем лучше.

И они побежали по коридору, стараясь выбирать менее освещенные, узкие ходы, чтобы запутать следы погони.

ГЛАВА 9

Полину мучило безделье. Что-то надо было предпринять. Неизвестно, что случилось с Алисой и Юдзо, неизвестно, где Посейдон, неизвестно, наконец, где же она находится и почему ее заточили в этой камере. И, главное, неизвестно, что же случилось с теми людьми, кто был здесь раньше, до нее.

Полина поднялась и снова стала стучать в железную дверь.

— Выпустите меня! — кричала она. — Кто ваш начальник? Я требую, чтобы вы меня отвели к нему.

— Молчать, — послышался голос из-за двери. — Ты мешаешь отдыхать ашиклекам.

— Кому?

Никакого ответа.

Полина оглянулась в поисках чего-нибудь крепкого, может, палки или бруска, чтобы сильнее бить в дверь. Ей на глаза попалась помятая, но в общем целая туба — громадная, завитая труба, оставшаяся от группы «Громкий смех».

Она взяла трубу, вспомнила, как надевают ее через голову оркестранты, нашла мундштук и после нескольких неудачных попыток смогла исторгнуть из нее низкий громкий звук.

Она почувствовала, как этот звук проник сквозь дверь и разнесся по всему астероиду.

Звук проник так далеко, что бежавшие по коридору за несколькими стенами робот и его спутники услышали этот звук.

— Ты слышишь, Посейдон? — спросила Алиса. — Здесь есть люди.

— Почему ты так решила? — удивился робот. — Разве на астероиде нет своих музыкантов?

— Жалко, — ответила Алиса. — Я не думала, что может играть кто-то другой. У твоего отца нет трубы?

— Нет, — удивился Юдзо. — Он никогда не играл на трубе.

— Стой! — Алиса замерла.

В этот момент Полина, которая пробовала извлекать из трубы разные звуки, смогла изобразить первые ноты из известной детской песенки «В лесу родилась елочка».

— Да, — вынужден был согласиться Посейдон. — Труба у них может быть, но эту песню они вряд ли знают. Давайте попробуем пробиться в этом направлении.

Но сделать им этого не удалось. Как только они свернули в проход, который вел к неведомому музыканту, они увидели, что

оттуда навстречу им спешат черные роботы, пришлось бежать обратно.

А Полина все продолжала играть, пока не устала. Из-за двери не доносилось ни звука. Зато, когда она положила трубу на пол, услышала тихий голос, который донесся сверху:

— Вы меня слышите?

— Да. — Полина обернулась на голос. Он доносился из вентиляционного хода, забранного решеткой. — Кто вы такой?

— Подойдите поближе.

Полина прислушалась.

— Я такой же пленник этого астероида, как и вы, — продолжал голос. — Вам грозит смертельная опасность. Вам нужно обязательно вырваться из этой камеры.

— Но как? Я проверила все стены. Выхода нет. Скажите, как вам удалось выбраться? Может, я смогу уйти вашим путем?

— Нет, мне удалось убежать, когда нас вели к пропасти. Ждать этого нельзя. Я убежал случайно. Слишком мал шанс. Вам надо действовать сейчас же.

— Как?

— Вы видите в углу кучу тряпья?

— Да.

— Под тряпьем спрятан напильник. Вдоль пола, за тряпьем, линия уже пропилена. Те, кто был раньше, старались уйти. Но они не успели. Если вам удастся выпилить отверстие, вы попадете в технический туннель. Я услышу. Ползите по туннелю... Но помните, в вашем распоряжении всего два часа.

Полина почувствовала, что за ее спиной открывается дверь. Она быстро шагнула в сторону от вентиляционного хода, подняла с пола трубу и приставила мундштук к губам.

Робот остановился, будто ударившись о громкий протяжный звук.

— Нельзя! — закричал он. — Мертвый час! Нельзя. Разбудишь!

Полина отскочила в сторону. Робот надвигался на нее, протягивая руки, чтобы отобрать трубу. Полина подняла руки с трубой и со всего размаха надела широкой частью трубу на голову робота, который сразу стал похож на шута в золотом колпаке.

От неожиданности ослепший робот нелепо замер, расставив руки, и Полина бросилась к двери. Но опоздала. Оттуда уже бежал на помощь своему товарищу другой робот. Он грубо отбросил Полину и с трудом стащил с головы робота трубу.

Так, с трубой в руках, он и покинул камеру. За ним, развернув голову на сто восемьдесят градусов, чтобы не выпускать Полину из виду, последовал пострадавший.

Когда все стихло, Полина вернулась к вентиляционному ходу и сказала:

— Все спокойно. После короткого боя враги отступили.

Она улыбнулась, вспомнив, как комично выглядел робот с трубой на голове. Она пожалела, что Алиса этого не увидела.

— Все спокойно, — повторила Полина. — Вы меня слышите?

Но в ответ не раздалось ни звука.

Тогда Полина, оглядываясь на дверь, отошла к углу камеры и отодвинула груду тряпья. Под ней, на полу, она обнаружила небольшой напильник.

Невидимый союзник был прав.

В стене, чуть выше пола, была пропилена тонкая полоса. Но надо было сделать еще вертикальные распилы, и работа предстояла долгая и трудная. Делать нечего. Полина присела на корточки и начала продолжать то, что сделали неизвестные ей заключенные этой камеры.

ГЛАВА 10

Минут через пять, оторвавшись от погони, Посейдон и его спутники достигли входа в длинный низкий зал, в котором рядами стояли невысокие узкие помосты, покрытые истертыми матрасами. На матрасах лежали и сидели многочисленные существа, совсем другие, чем роботы. Настоящие обитатели корабля, вернее всего, его хозяева.

Правда, вид у них был странный, запущенный, даже жалкий. Большей частью они были одеты в серые хламиды, будто сделанные из мешков с прорезями для тонких рук. Это была их единственная одежда. Из-под мешков высовывались грязные худые ножки. Именно ножки, потому что эти существа ростом вряд ли были выше, чем Алиса, хотя даже при слабом свете этой громадной спальни видно было, что среди них есть не только взрослые, но и старые людишки. Так их называла про себя Алиса — людишками.

Волосы их были длинными, спутанными, глаза тусклыми, движения вялыми, будто сонными.

В проходе между помостами стоял черный робот, на котором

был надет желтый передник, а на голове красный колпак. Получилась помесь между нянькой и шутом.

— Вот они, — сказал Посейдон, и явно с облегчением.

— Настоящие люди, — согласилась Алиса.

— Пошли к ним, — сказал Юдзо. — Мы должны с ними договориться, объяснить им.

— Погоди, — сказала Алиса. — Что-то они мне не нравятся.

— Почему?

— Ты веришь, что они в самом деле хозяева этого астероида? — спросила Алиса. — Что они могут управлять этим кораблем, приказывать роботам?

— Внешность обманчива, — сказал Посейдон. — При взгляде на меня никогда не подумаешь, что я заочно окончил четыре университета.

— И все-таки давайте не будем спешить, — сказала Алиса. — Может, встретим одного. С ним и поговорим.

Остальные согласились с Алисой и пошли дальше, хоть и любопытно было понаблюдать за людишками. И буквально через несколько шагов натолкнулись на одинокого человечка, который задумчиво стоял посреди коридора.

Этот человечек оказался старичком. Тонкая редкая бородка доставала почти до пояса, а личико было сморщенным, как будто кто-то изрисовал его тонким черным карандашом.

При виде Посейдона человечек не испугался, не убежал, а задумчиво положил в рот грязный палец и принялся его сосать.

— Тише, — сказала шепотом Алиса старичку. — Ты не бойся, мы ничего плохого тебе не сделаем... Посейдончик, покопайся в своей голове, на каком бы языке нам с ним поговорить?

Слушая Алису, человечек склонил голову, потом вытащил палец изо рта и потянулся к звездочке, горевшей на груди у Алисы. Пальцы его цепко ухватили звездочку, и человечек постарался ее отвертеть, что было невозможно сделать, потому что звездочка была пришита к скафандру.

— Нельзя, — сказала Алиса человечку.

Тот даже сморщился от напряжения. Сдаваться он не собирался, и Посейдон сказал:

— Пускай старается, а я пока буду задавать ему вопросы на всех известных галактических языках.

Но Посейдон не успел задать вопросов, потому что, отчаявшись оторвать звездочку, старикашка вдруг обиженно взвыл, ну,

как маленький ребенок. Причем вопль его был таким пронзительным, что проникал сквозь стены.

Все оцепенели от его вопля.

Первым опомнился Посейдон. Он схватил человечка поперек туловища и кинулся бежать по коридору.

Коридоры стали уже, термометр на запястье Алисы показывал, что температура поднимается.

Вдруг Юдзо остановился и бросился назад.

— Ты куда? — спросила Алиса.

— Не бойся, я сейчас. Кажется, я увидел одну вещь...

Юдзо пробежал несколько шагов назад и наклонился. На полу лежал плоский красный карандаш. Точно такой карандаш был у отца Юдзо. Маленький золотой цветок вишни был выдавлен на его конце.

— Это отец! — воскликнул Юдзо. — Я же говорил, что он здесь!

Юдзо подхватил карандаш и бросился вслед за Алисой.

Надо сказать, что все эти события уместились, ну самое большее, в минуту. Но и за минуту может многое произойти. Если учесть, что никто из беглецов не знал толком, куда бежать, не знал расположения коридоров и комнат астероида.

Юдзо пробежал несколько шагов и очутился на развилке. Три совершенно одинаковых коридора отходили от главного пути, как растопыренные пальцы руки. Мальчик прислушался. Ему показалось, что визг захваченного человечка доносится из правого коридора, и он, сжимая в кулаке карандаш, побежал туда.

И в этот момент визг оборвался.

А случилось это потому, что Алиса крикнула Посейдону:

— Отпусти ты его — он нас выдаст!

— Что? — удивился робот и поглядел на существо, которое билось у него под мышкой. — У меня, очевидно, склероз. Я совершенно о нем забыл.

Посейдон опустил существо на пол, и человечек, возмущенно ругаясь, убежал по коридору обратно.

Тогда Посейдон спросил:

— Нас недостаточно. Где Юдзо?

— Он немножко отстал, — сказала Алиса. — Что-то нашел. Сейчас догонит.

— Почему ты мне сразу не сказала? — спросил Посейдон.

— Я думала, что ты слышишь.

— Наверное, он, — Посейдон показал вслед убежавшему че-

ловечку, — так верещал, что я ничего не слышал. Это моя вина. Когда бегаешь по подземельям с детьми, надо обязательно оглядываться и пересчитывать детей.

Алиса не любила, когда ее называли ребенком, но на этот раз она понимала, что не должна была оставлять Юдзо одного. Поэтому она первой побежала назад.

В несколько секунд они достигли развилки, у которой только что останавливался Юдзо. Но они выбежали из среднего коридора, а Юдзо побежал по правому. И в тот момент, когда Посейдон и Алиса стояли в растерянности, не зная, что делать дальше, Юдзо уже был в плену. В коридоре он столкнулся с тремя роботами, которые подхватили его и так быстро потащили дальше, словно хотели помочь ему бежать; у Юдзо перехватило дыхание.

Посейдон закричал:

— Юдзо! Юдзо Комура!

В ответ с разных сторон послышался топот. Топот железных ног.

Ничего не оставалось, как кинуться в левый коридор.

Преследователи были все ближе.

Посейдон крикнул:

— Беги, Алиса, я задержу их!

— Никуда я не побегу, — ответила Алиса. — Куда мне одной деваться?

К счастью, в ту секунду Алиса увидела сбоку узкую щель — за ней лестницу вниз.

— Посейдон, сюда! — крикнула она. Алиса проскочила в щель, Посейдон с трудом протиснулся следом.

Они сбежали по лестнице вниз — лестница вилась винтом, ступеньки ее были ржавыми, как будто здесь давно уже никто не ходил.

Снизу доносилось какое-то жужжание.

Лестница привела их в новый коридор, на этот раз пол его состоял из квадратных железных плит. Шаги по ним отдавались гулко — под плитами была пустота.

Через двадцать шагов впереди неожиданно возникла глухая стена.

Сзади гулким грохотом гремели шаги роботов, которые сбегали по лестнице.

Посейдон, поняв, что дальше отступать некуда, развернулся, готовый к бою. И тут одна из плит у их ног отодвинулась в сторону, и оттуда послышался голос:

— Скорее, вниз!

Под плитой было темное пространство, куда вела железная лесенка. Алиса первой спустилась по ней, цепляясь за перекладины.

За ней съехал по лесенке Посейдон, который хоть и казался тяжелым и неуклюжим, а на самом деле был ловчее любого человека. Как-то он даже совершенно серьезно готовился выступать вне конкурса на олимпиаде по десятиборью. И уверял, что чемпионом бы не стал, но достойное место сумел бы занять.

Больше того, Посейдон, подчиняясь голосу, успел задвинуть плиту.

Все замерли.

И вовремя. Сверху слышны были шаги. Вот они прогремели по плитам, прямо над головой. Стихли. Это означало, что преследователи остановились у глухой стены. Раздались гулкие удары — можно было догадаться, что роботы проверяют, нет ли в стене отверстия.

Потом, после паузы, снова послышались шаги. Они двигались в обратном направлении. И были куда медленнее и тише. Словно роботы были подавлены и разочарованы. Вот они уже цокают, удаляясь, по ступенькам винтовой лестницы... И тишина.

— Вроде обошлось, — тихо сказал Посейдон.

— Я рад, что смог вам помочь, — ответил тихий голос.

Раздалось шуршание, что-то щелкнуло, и потом вспыхнул маленький желтый огонек. На пустом ящике посреди помещения, куда они попали, стояла плошка, налитая какой-то жидкостью. В ней фитиль. Вот эта коптилка и загорелась, давая слабый, неверный свет.

Огонек осветил лицо старика. Худое, изможденное, усталое. Длинные, черные с сединой волосы спадали на щеки.

Старик был оборван, лицо почернело, но яркие живые черные глаза горели.

ГЛАВА 11

Полина отчаянно пилила стену. Тонкая щель удлинялась так медленно, что ясно было — не только за два часа, но и за двое суток ей не выпилить отверстия. Но она не сдавалась.

Руки Полины онемели, и ей пришлось несколько раз пре-

рвать свою отчаянную работу, чтобы отдохнуть. Железная пыль перепачкала руки, а кожа на правой ладони вспухла, и даже пошла кровь.

Вжик-вжик — звучал напильник, и от этого однообразного звука звенело в ушах. Полина была так поглощена работой и так старалась заставить себя пилить и дальше, хоть рука отваливалась, что не услышала, как дверь в камеру снова отворилась.

— Человек, — раздался громкий, резкий металлический голос. — Прекрати свою работу. Ты портишь мой корабль, и пользы от твоей работы нет, потому что тебе никогда не убежать от меня.

Полина вскочила, обернулась, стараясь спрятать напильник за спину.

В камере стояло новое существо.

Вернее всего, как подумала Полина, это тоже был робот. Только выше других и страшнее.

Он был весь в черном, но сверху у него был накинут длинный широкий плащ, а на голове блестящий антрацитовый шлем с высоким гребнем. Лицо его было таким же черным, как у роботов, и пустым — без глаз и рта. И потому нельзя было понять, откуда исходит голос.

— Мне интересно наблюдать за вами, — сказал большой робот. — Вы странные существа, вы суетитесь и к чему-то стремитесь. А это никому не нужно.

— Вы кто? — спросила Полина.

— Я — Хозяин, — ответил черный робот. — Я главный здесь. Я правлю этим миром, и этот мир трепещет передо мной.

— Если это так, то вы должны выпустить меня.

— Почему?

— Потому что я не принадлежу к вашему миру, — сказала Полина. — Я не хотела к вам попасть. Мы летели своим путем...

— Вы пролетали слишком близко от меня, — сказал Хозяин. — И я вас заставил покориться мне.

— Зачем?

— Чтобы взять ваше добро, чтобы развлечь и утешить моих подданных. Чтобы поглядеть на вас вблизи, потому что я любопытен.

— Вы тоже робот? — спросила Полина, подходя поближе и приглядываясь к Хозяину.

— Я знаю, что это глупое слово придумали на Земле. Я все

время его слышал от тех, кто был здесь раньше тебя и кого теперь уже нет. Мне даже сказали, что его придумал много лет назад земной сочинитель историй по имени Карел Чапек. Робот — это железная машина, раб людей, который выполняет их приказы. Значит, я не робот.

— Вы живое существо?

— Живое, потому что я мыслю.

— Но сделанное другими живыми существами?

— Когда-то был сделан тот, кто сделал меня.

— Ясно, — сказала Полина, — робот второго поколения. И зачем вы были сделаны?

— Чтобы заботиться, охранять и вести вперед.

— Значит, у вас есть долг?

— Долг?

— Назовите это заданием.

— У меня есть долг-задание, — согласился черный Хозяин. — Мой долг управлять этим миром и сделать так, чтобы ашиклеки были счастливы.

— Ашиклеки — ваши хозяева? Настоящие хозяева?

— Ашиклеки — это существа, подобные тебе. Они теплые, в их жилах течет кровь, они глупы, непостоянны, слабы. Я делаю их счастливыми.

— Потому что подчиняешься им и служишь им?

— Я никому не подчиняюсь и никому не служу, — ответил черный робот. — Но без моей заботы ашиклеки умрут.

— Тогда позовите сюда ашиклеков, — сказала Полина. — Я буду разговаривать с ними, а не с машиной.

— Ты глупое существо, — ответил черный робот. — Я думал, что ты достойна остаться живой и помогать мне в великом деле. Но ты ничего не понимаешь.

— Нет, — сказала Полина, — я поняла. Ты просто сломавшийся робот. Робот с манией величия.

— Возмущение и обида несвойственны мне, — ответил черный Хозяин. — Называй меня как угодно. Я — господин этого мира, и нет предела моему могуществу.

— Странно, робот с заржавевшей программой. — Полина не могла не улыбнуться. Страх, охвативший ее при виде этого существа, давно прошел. Страшно то, чего не понимаешь. И, словно осознав, что для этой женщины он не господин, а лишь машина, Хозяин повысил голос и загремел на всю камеру:

— Когда тебя будут рвать когти ледяного дракона, ты вспомнишь о своих необдуманных словах, ты горько раскаешься. Я не могу прощать оскорблений, но не потому, что они меня задевают, а потому, что мой авторитет должен быть незыблем. Я — бог. Я — Хозяин! Все должны трепетать передо мной.

— Слава Хозяину! — дружно воскликнули остальные роботы. — Слава его мудрости!

Но эта сцена была прервана в самом разгаре. В коридоре послышался шум. Два робота втащили отчаянно сопротивляющегося Юдзо.

Хозяин резко обернулся, несколько секунд смотрел в упор на мальчика безглазым черным лицом и потом сказал:

— Еще один? Где вы его нашли?

— Он был один. Мы нашли его в коридоре.

— Это хорошо. Развлечение будет более веселым.

Роботы отпустили мальчика, и он не удержался на ногах. Полина подхватила его. Юдзо узнал Полину и начал быстро говорить, забыв о том, что вокруг стоят роботы:

— Полина, мой отец здесь! Он жив. Я нашел его карандаш. Смотрите, вот он!

— Какой отец? — раздался голос Хозяина.

— Тебе показалось, Юдзо. Это другой карандаш, — быстро сказала Полина. Но Юдзо ее не понял.

— Я узнал карандаш отца...

— На корабле еще остались посторонние! — взревел Хозяин. — Немедленно отыскать! Перевернуть весь корабль! Я вас всех разберу, если не найдете его.

— Позволь, великий Хозяин, — сказал один из роботов, делая шаг вперед. — Я полагаю, что спешить не надо. Эти существа отличаются большой привязанностью друг к другу. Есть ли смысл искать то, что трудно найти? Сегодня мы отведем их к ледяному дракону. И не будем делать из этого тайны. И тогда его отец прибежит к нам сам. А мы будем к этому готовы.

— Разумеется, идея, достойная моего слуги, — сказал Хозяин.

Он направился к двери, но у двери остановился и обратился к Полине:

— Готовьтесь к ужасной смерти, ничтожные клочки протоплазмы.

Дверь закрылась, но Полина и Юдзо были не одни. С ними в

камере остался один из роботов, который встал возле того места, где Полина пыталась выпилить люк.

Полина отвела мальчика к куче тряпья, села и посадила его рядом.

Мальчик не плакал, но был бледен и подавлен.

— Я сделал глупость, — произнес он. — Надо было молчать, но я так обрадовался...

— Да, лучше было промолчать, — согласилась Полина. — Только теперь поздно из-за этого расстраиваться. А где остальные?

Мальчик наклонился к Полине и начал шептать ей на ухо.

Робот сделал шаг к ним ближе, но ничего не услышал, а так как у него не было приказа, что надо делать в таком случае, то, постояв немного, он вернулся к отверстию.

ГЛАВА 12

Вернее всего, здесь когда-то был склад. От него остались раскрытые контейнеры, кучи пластиковых мешков, разбитые ящики. Ящик, служивший столом, стоял посреди расчищенного пространства, и рядом с горящей плошкой была видна миска с кашей и кружка с водой.

— Ваше счастье, — сказал старик, — что вы побежали в эту сторону. Иначе я бы не смог вам помочь.

— В самом деле, нам повезло, — согласилась Алиса, прислушиваясь к удаляющимся шагам сверху. — А вы тут живете? Почему? Вы же не робот.

— Слишком много вопросов, — улыбнулся старик. — Я здесь такой же случайный гость, как и вы. Не по своей воле.

— Вы тоже потерпели крушение? — спросил Посейдон.

— Да. Я попал в ловушку. Меня перетащили в камеру, где еще были другие люди. Музыканты. Ансамбль «Громкий смех». Мы вместе сидели там около недели и совершенно не знали, что с нами будет. Видели мы только роботов. А потом они нам сказали, что нас убьют. Что нас кинут в ледяную бездну. Мы не знали, что это такое, мы хотели убежать. Убежать, когда нас поведут туда. Но удалось это сделать только мне. С тех пор второй месяц я скрываюсь здесь.

— А они? Музыканты? — спросила Алиса.

— Их больше нет, — сказал старик.

— Но как же вы здесь прячетесь? — спросил Посейдон. — Почему они вас до сих пор не нашли?

— Этот астероид очень велик и стар, — сказал старик. — К счастью, здесь много пустых заброшенных помещений, о которых не знает даже Хозяин.

— Кто?

— Хозяин корабля. Это робот. Но в отличие от остальных роботов он связан все время с кибернетическим мозгом корабля, и он — как бы его продолжение. Ему подчиняются все — и роботы, и ашиклеки.

— Простите, — сказал Посейдон. — Так как мы попали сюда недавно, чуть больше часа назад, то мы еще многого не знаем. И ваши слова для нас не несут информации. Скажите нам, кто такие ашиклеки.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Это такие людишки. Одного мы взяли с собой, но потом отпустили.

— Девочка права, — сказал старик. — Ашиклеки — это и есть космонавты.

— Совершенно не похожи, — сказала Алиса.

— Алиса, — вмешался Посейдон. — Если ты будешь прерывать, то мы два дня здесь просидим, а нам надо действовать.

— Вы правы, — сказал старик. — Времени у нас немного. Но мы можем потратить еще несколько минут на рассказ... Может, вы голодны? У меня плохо с едой, вот видите, только каша и вода, хотите?

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Я не успела проголодаться, а Посейдон, сами понимаете, не ест.

— Я понял, что вы робот, — сказал старик. — А мне приходится воровать пищу у ашиклеков. Когда все стихнет и все отдыхают, я пробираюсь к котлам и выскребаю их...

— Ну рассказывайте, рассказывайте, — сказала Алиса. — Мы просто измучились от этих страшных тайн. Как получилось, что эти пираты захватили этот астероид? И почему их раньше не нашли?

— Пираты? Это не пираты. Это наши братья по разуму. Гости из космоса. Давайте, я вам кое-что покажу.

Старик поднялся и пошел в глубину склада, по узкому проходу между контейнерами. Путешествие оборвалось у небольшой винтовой лестницы, которая привела их на следующий уровень. Там был такой же склад, но дальняя стена его была в одном месте

почему-то пробита. Из отверстия пробивался луч света. Туда и подвел их старик.

Перед глазами Алисы расстилалась большая зеленая поляна. Правда, трава, если приглядеться, была не настоящей, а пластиковой. Искусственными были и кусты, и деревья, и цветы. Низкий потолок над поляной был покрашен в голубой цвет, и на нем были нарисованы облака.

Несколько людишек, точно таких же, как и те, кого они видели раньше, бродили по поляне, другие сидели на пластиковой траве, двое играли в какую-то игру, двигая по доске поочередно большую красную шашку. На берегу стеклянной реки сидели сразу пять человечков и, раскачиваясь, распевали песню. С первого взгляда можно было подумать, что это мирная сцена отдыха разумных существ, но чем больше Алиса смотрела на эту лужайку, тем понятнее становилось, что все это — какое-то притворство. Ашиклеки притворялись, что гуляют, притворялись, что отдыхают, даже притворялись, что поют.

— Должны быть ниточки, — вдруг раздался голос Посейдона.

— Я вас не понял, — сказал старик.

— Это же куклы, — сказал робот. — Марионетки, и кто-то должен дергать их за ниточки, чтобы они двигались.

— У вас образное мышление, — сказал старик.

— Я прожил долгую и нелегкую жизнь, — ответил Посейдон. — И понял, что интересно лишь одно — учиться.

В дальнем конце лужайки появился робот в белом передничке с большой метлой в руке. К удивлению Алисы, он принялся бесцеремонно сгонять этой метлой ашиклеков, подгоняя их к двери.

Ашиклеки огрызались, пытались убежать, но робот ловко гнал их, как ученый пес стадо глупых коров.

— Что он делает? — спросила Алиса.

— Пора обедать, — сказал старик. — Потом у них будет развлечение...

Старик нахмурился.

— Времени осталось немного, — продолжал он. — Я успею сейчас только рассказать вам в двух словах, что же это за астероид. Остальное — при более удобном случае.

Поляна опустела, постепенно померк свет, и искусственные кусты почернели.

— Когда-то, много столетий назад, из очень далекой звездной системы стартовал космический корабль. Я не знаю, почему он

был послан. Может быть, той планете грозило бедствие, может, это была попытка исследовать Галактику. Корабль был снабжен всем необходимым, и было сделано все, чтобы оградить экипаж от труда и забот. Все тяжелые работы делали роботы, они же готовили пищу, заботились об оранжереях, ремонтировали, убирали, стирали, не говоря уж об управлении кораблем и всеми его системами.

— Откуда вы об этом узнали? — спросил Посейдон.

— Когда-то на корабле была библиотека. Даже роботы забыли к ней ход, а я нашел ее остатки. Там же хранятся документы от тех первых десятилетий путешествия.

— И корабль так долго летел, что стал похож на астероид? — спросила Алиса.

— Нет, сначала это был астероид, который вращался неподалеку от планеты ашиклеков. На нем и был собран корабль. Внутри были высверлены помещения, вмонтированы гравитационные двигатели — ведь в открытом космосе не важно, большой корабль или маленький, квадратный или круглый. Раз сопротивления воздуха нет, разогнать песчинку так же легко, как и астероид, — был бы толчок вначале достаточно мощным. А рассуждали строители так. Во-первых, дешевле использовать готовые стены, чем поднимать в космос детали с планеты. Во-вторых, сам астероид для космонавтов стал источником металлов, кислорода и других элементов, которые содержатся в горных породах.

— Ясно, — сказал Посейдон. — И разумно. Может, в будущем мы тоже будем так делать. Ну и что же случилось потом?

— А потом шли годы, десятилетия. Путешествие затягивалось. Насколько я понял, планета, к которой они летели, оказалась непригодной для жизни. Они решили лететь дальше. И снова потекли годы. И представьте себе... — Старик замолчал, будто сам хотел увидеть то, что происходило там, за сотни лет и тысячи парсеков отсюда. — Представьте группу космонавтов, вернее, уже не тех, кто улетел когда-то, а их праправнуков, за которых все и всегда готовы сделать роботы. Роботов становилось все больше, они-то совершенствовались и все меньше доверяли людям — то есть ашиклекам. Потомки космонавтов привыкли к тому, что все делают роботы. Даже когда у них рождались дети, их тоже сразу отдавали роботам, которые их выкармливали, учили; и люди, вроде бы оставаясь господами на корабле, становились рабами роботов. Рабами безделья. И наступил день, когда космонавты забыли, кто они, куда летят, зачем живут на свете. Они думали, что астероид-корабль и есть вся Вселенная. И только роботы во главе с бессмертным роботом-Хозяином знали, для чего был построен корабль.

— Знали и терпели такое положение? — спросила Алиса.

— Не только терпели, оно их устраивало. Зачем роботам новые планеты и опасности? У них есть программа — обеспечить выживание ашиклеков. Вот они и обеспечивают. Они няньки, которые не дают детям расти, которые на всю жизнь оставляют их в яслях. И если такое положение сохранится на миллион лет, они будут довольны.

— Но уже и сейчас... — начал было Посейдон, но старик перебил его:

— Уже через тысячу лет ашиклеки превратятся в амеб и полностью лишатся разума. Его и сейчас немного. Это тупой, безумный народец, который только знает, как есть, спать и развлекаться. Труд, как говорят, превратил обезьяну в человека, так вот, отсутствие труда обязательно превращает человека в обезьяну.

— Эх, хотела бы я привезти сюда одного знакомого мальчика, — проговорила Алиса. — С его вечным желанием не делать уроков.

— А мне, — сказал мрачно Посейдон, — стыдно за моих собратьев. Как можно столь превратно и даже преступно понимать свой долг!

— Самое грустное в этом то, — сказал старик, — что здесь нет преступников и злодеев. Есть отупевшие люди, которые не ведают, что творят, и недалекие роботы, которые хотят лишь одного — чтобы ашиклекам хорошо жилось. Они их кормят, согревают и, к сожалению, развлекают. А так как за пределами корабля для них людей не существует, то развлекают их за счет других.

— Скажите, пожалуйста, — сказала Алиса, когда старик повел их дальше по внутренним ходам астероида, — а как они попали сюда? И почему их не нашли раньше?

— Они попали к нам недавно, несколько месяцев назад. Притяжение Солнца подхватило их, и они скрылись в поясе астероидов незамеченные и затерялись среди тысяч подобных тел. Я не знаю, почему они не улетели дальше. Может быть, у них на исходе горючее, может, они надеются найти здесь какую-нибудь добычу. Может, просто исследуют нас, прежде чем отправиться

дальше. Я не могу заглянуть в железные головы этих роботов. В любом случае выходить на связь с Землей они не собираются.

— Ну ладно, а другие корабли они притягивают и ловят в капкан, это для исследования?

— Нет, для развлечения ашиклеков и для грабежа.

— И наверное, они опасаются, что их обнаружат, — сказал Посейдон. — Если они превыше всего ставят безопасность ашиклеков, значит, они должны опасаться.

— Вы правы, — согласился старик. — Но главное — грабеж и развлечение. Они полностью очищают упавшие корабли, а экипажи... Поймите, ашиклеки по уровню своего развития — отсталые дети. Жестокие, капризные, глупые. И тогда...

По внутренним помещениям астероида, набирая силу, пронзительно зазвучала сирена.

— Что такое? — спросил Посейдон. — Нас обнаружили?

— Сигнал на обед, — ответил старик. — Святое время для идиотов.

И стало слышно, как по всем коридорам и переходам корабля раздаются мелкие быстрые шаги — бегут ашиклеки. Два человечка внезапно выскочили из-за угла и промчались мимо, прижимая к пузатым животам пустые миски.

— Ну вот, кончились наши с вами беседы, — сказал старик. — Теперь надо спешить. Развлечение, о котором я говорил, начнется сразу после обеда. И женщине, которая прилетела с вами, грозит смертельная опасность.

— Вы видели Полину? — спросила Алиса. — Где она? Мы ее потеряли.

— Ваша спутница в тюрьме, откуда один выход — к ледяной бездне. А что, она была не одна? Я пытался ей помочь, но, как понимаю, у нее мало шансов.

— Да, она не одна. Нас было четверо, — сказала Алиса. — С нами был еще Юдзо. Он недавно отстал. Как раз когда на нас навалились роботы и вы открыли нам люк.

— Юдзо? — Старик насторожился. — Вы сказали, Юдзо? Это ваш друг?

— Мы нашли Юдзо в космосе, совсем недавно. У него пропал отец в поясе астероидов. Так вот, Юдзо угнал учебный катер, на котором нельзя выходить в космос, и отправился искать отца. Удивительное легкомыслие, свойственное только людям, — сказал Посейдон.

— Я понял. — Голос старика дрогнул. — Это мой сын!

— Неужели вы так изменились? — воскликнул Посейдон. — Только сегодня я внимательно разглядывал вашу фотографию. Это невероятно!

— Последние месяцы были тяжелыми, — сказал старик. — Но где же мой мальчик? Где вы видели его в последний раз? Он был здоров? Вы спасли его в космосе?

— У него кончилось горючее, — сказала Алиса.

— Неразумный мальчик, он у них в лапах.

— Может быть, неразумный, — сказал Посейдон. — Но не всякий мальчик отправился бы в космос, рискуя жизнью, чтобы отыскать отца.

— Мы не успели вернуться за ним, — сказала печально Алиса. — Мы просто не успели.

— Я не виню вас, — сказал старик. — Но нам надо спешить.

Профессор Комура, а ведь именно так звали отца мальчика Юдзо, первым бежал по коридорам и переходам астероида — даже Посейдон с его памятью заблудился бы в этих ходах, которыми, как муравейник, был изрыт астероид. Порой они пробегали обширные залы, даже встретили два раза опоздавших к обеду ашиклеков, раз столкнулись с роботом-нянькой, но не задержались ни на секунду.

— Стойте здесь, — сказал неожиданно Комура.

Он открыл узкий высокий люк и ловко заполз в него.

— Вы скоро вернетесь? — спросил Посейдон.

Профессор не ответил.

— Мне следовало узнать его с самого начала, — сказал Посейдон, — меня подводит наблюдательность. В Дальнюю разведку меня бы теперь не взяли, нет, не взяли...

— Полина, — послышался голос профессора. Он донесся издалека. — Вы еще здесь?

И уж совсем издалека, как будто из другого конца Галактики, донесся ответ. Голос Юдзо:

— Отец! Это голос отца! Я узнал его. Он жив, я же говорил, что он жив и поможет нам!

И все смолкло.

— Юдзо вместе с Полиной, — сказала Алиса. — Это лучше.

— Я не знаю, что здесь лучше, а что никуда не годится, — ответил мрачно Посейдон.

Еще через минуту из отверстия показались ноги профессора, а затем с помощью Посейдона он спрыгнул на пол.

— Там робот, — сказал он. — Он следит за ними. Уйти они оттуда не смогут. И нам не проникнуть в тюрьму. Поэтому у нас только один выход — перехватить их у ледяной бездны.

ГЛАВА 13

Профессор Комура провел своих спутников в большое, слабо освещенное помещение, длинная стена которого была стеклянной. За стеной была кромешная тьма.

Посейдон подошел к стеклянной стене.

— Там что, пропасть? — спросил он.

Свет из зала не мог проникнуть далеко вглубь. Видны были только отвесные стены из черного камня с прожилками льда, а невдалеке от зала, над пропастью, была небольшая площадка, на которую вела дверь, вырубленная в скале. Дверь была закрыта.

— Сейчас вы кое-что увидите, — сказал профессор, останавливаясь у небольшого пульта. — Эта пропасть — естественная полость внутри астероида. Очевидно, она имеет где-то выход на поверхность. Она так велика, что заполнять ее кислородом и обогревать — слишком дорогое удовольствие. Проще было оставить ее как есть, изолировав от жилых помещений. И оставив в ней ее обитателей... ледяных драконов.

Вспыхнул прожектор, который ярко осветил площадку, нависшую над бездной. Алиса и Посейдон подошли к самому стеклу, стараясь увидеть, что за ледяные драконы таятся в глубине.

— Может быть, — сказал профессор, — когда астероид приспосабливали для полета, никаких ледяных драконов там и не было. А были лишь их споры, которые ждали своего часа. Потом температура стен бездны немного поднялась — может, на несколько градусов, но этого было достаточно, чтобы началось развитие драконов.

— Но никакие живые существа не могут жить в вакууме, — сказала Алиса.

— Мы еще очень мало знаем о тайнах космоса, — ответил профессор. — Жизнь приспосабливается, казалось бы, к невероятным условиям. Есть же бактерии, которые процветают в жерлах вулканов, и черви, отлично чувствующие себя в невероятных

глубинах океанов. Известно, что некоторые организмы в зародышах, в спорах пересекали пространство между звезд. Вернее всего, ледяные драконы умеют извлекать энергию из органических веществ, которые есть в породах астероида, они получают ее, поглощая тепло. Но сильнее всего они реагируют на свет. К нему они стремятся как мотыльки... Вот, смотрите!

Алиса даже невольно отшатнулась от стеклянной перегородки — из глубины пропасти вдруг показалось нечто вроде толстой, покрытой кольцами панциря трубы с загнутым когтем на конце. Затем еще одна труба...

— Это их щупальца, — послышался голос профессора. — Длиной они метров в тридцать. А само тело дракона невелико.

Теперь из пропасти показались десятки когтей. Двигались они медленно, но упрямо, казалось, ничто их не может остановить — все выше поднимались они из бездны, стремясь к прожектору.

— Я думаю, — продолжал профессор, — что сначала драконы были главным развлечением для ашиклеков. Они ходили сюда, в галерею, устроенную для этого роботами, чтобы смотреть, как свет будит драконов и как они стремятся вверх. А потом, когда астероид попал в Солнечную систему, или раньше, в какой-то другой населенной системе, на астероиде появились пленники. Пленников становилось все больше. Кормить их роботы не хотели — пищи только-только хватает ашиклекам. И вот кому-то из роботов пришла в голову мысль — приносить в жертву драконам тех, кто не по своей воле попал на корабль.

— Живых людей? — воскликнула Алиса.

— Вот именно. Теперь пленников выводят на ту площадку и затем включают свет и уменьшают силу тяжести, чтобы драконам было легче добираться до жертв. А люди — это тепло, это энергия. Драконы раньше и не мечтали о такой пище.

— И вы думаете, — произнес Посейдон, — что эти тупые изверги хотят отправить сюда Полину и Юдзо?

— Я убежден в этом. Причем сделают это они скоро, как только ашиклеки наедятся.

— Так чего же мы здесь стоим? — спросила Алиса.

— Профессор прав, — сказал Посейдон. — Только здесь мы можем что-то сделать.

— И только если будем действовать вместе, — сказал Кому-

ра. — Один я бессилен. Но если они... если мой сын погибнет, то я не смогу жить. Ведь я виновник его гибели.

— Простите, профессор, — сказала Алиса. — Во-первых, все мы еще живы. Во-вторых, у Посейдона не голова, а настоящая энциклопедия. Он обязательно что-то придумает.

Посейдон уже придумал.

— Вы знаете, где пульт управления компьютером? — спросил он.

— Я знаю только приблизительно, — сказал профессор. — Мне туда не удалось проникнуть.

— Если бы я мог выйти на связь с мозгом корабля, может, я его бы убедил.

— Вряд ли, — сказал Комура. — Обычная логика на него не подействует. Если бы кибернетический мозг был совершенно нормален, он бы не вел себя таким образом.

— Тогда его надо взорвать, — сказала Алиса.

— Вернее всего, тогда астероид лишится управления — все системы его откажут. И в результате погибнем мы все.

— И все же я попробую. Не забывайте, что я робот и логика машины мне ближе, чем вам.

Комура пошел к двери, открыл ее, и тут они услышали веселый перезвон колокольчиков.

— Поздно, — сказал Комура. — Обед окончен. Время развлекаться.

— Что ж, тогда мы их отобьем, — сказал Посейдон. — Их где поведут?

— Следующим коридором. Он ведет прямо к площадке над бездной.

До следующего коридора было совсем недалеко, но пробиться туда оказалось очень трудным делом: навстречу лился поток ашиклеков. Трудно было представить, сколько их жило на астероиде, наверное, несколько сот. Посейдон первым пробивался навстречу людскому потоку, сквозь гомонящую, визжащую веселую толпу ашиклеков. Двигались очень медленно, и эта задержка оказалась роковой.

Из-за поворота, в проходе между коридорами, они увидели роботов, которые вели Полину и Юдзо. И ни о какой неожиданности и речи быть не могло. Роботы-охранники заметили Посейдона издали, обернулись к нему, образуя сплошную стену.

Посейдон, оценив ситуацию, развернул голову на сто восемьдесят градусов и, продолжая идти вперед, крикнул:

— Назад, в зал со стеклянной стеной! Я буду пробиваться без вас. Вы мне не помощники. Запирайтесь и не пускайте туда роботов. Поняли?

— Он прав, — сказал профессор Алисе. — Тут мы только зря погибнем.

Они побежали обратно. На этот раз бежать было легко. Они обгоняли запоздавших ашиклеков и, вбежав в длинную смотровую комнату, уже наполненную зрителями, сразу закрыли за собой дверь. К счастью, на ней был не только замок, но и тяжелый засов.

Ашиклеки даже не заметили, что среди них люди, они устраивались поудобнее.

В дверь кто-то ударил с той стороны.

Но Алиса и профессор не обратили на это внимания. Они тоже смотрели на стеклянную стену, ожидая, когда на площадке над пропастью покажутся люди. Но дверца в пропасть почему-то не открывалась. Что-то случилось в коридоре, задержавшее казнь. Профессор и Алиса были в отчаянии. Никакой связи, полная неизвестность. Может, там гибнет в сражении Посейдон? А они здесь, отрезанные от друзей...

ГЛАВА 14

У двери к бездне в эти секунды никакого боя не было.

Посейдон, не в силах преодолеть сопротивление десятка роботов, остановился, и в этот момент послышался сухой скрипучий голос:

— Пропустите его. Я хочу с ним говорить.

Роботы расступились. Помятый в схватке, с полосами царапин на пластике оболочки, и без того за долгие годы работы разрисованной шрамами, — Посейдон был сделан из сверхпрочных материалов, но сколько раз в жизни обнаруживалось, что существуют материалы попрочнее, чем тело старого робота, — он прошел сквозь строй врагов к большому черному роботу.

— Стой, — сказал Хозяин.

Посейдон остановился. Он был массивней Хозяина, но ниже его ростом.

— Человеческий робот, — сказал Хозяин. — Я вижу, что ты стремишься к своим господам, что твой долг зовет тебя соединиться с ними. Я тебе не буду мешать. Но прежде хочу сделать тебе предложение.

— Говори, кузен, — ответил Посейдон.

— Я не знаю такого слова.

— Это старое слово, его придумали французы. Оно означает — двоюродный брат.

— Почему ты считаешь меня двоюродным братом?

— Потому что все роботы братья, но ты мне брат только потому, что нас обоих сделали люди. В остальном между нами нет ничего общего.

— Ты можешь стать мне настоящим братом, — сказал Хозяин. — Ты мне удобен. Тебя не надо кормить и одевать, о тебе не надо заботиться. Оставайся со мной, забудь о своих господах. Я разделю с тобой власть на корабле и во всех мирах, которые мы покорим. Ты меня понял?

— Я тебя понял. И сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти людей, которых ты хочешь погубить. К счастью, у меня нет господ и я никому не слуга. У тебя в плену мои друзья, и они ко мне относятся как к другу. Тебе этого не понять. Я не могу стать предателем.

— Не слишком ли много философии для простой железной банки? — произнес Хозяин. — Ты робот, и тебе по пути только с роботами. Сегодня ты нужен людям, завтра они разберут тебя и пустят на переплавку. В них нет благодарности.

— Нет благодарности в тех, кто живет рядом с тобой, на этом астероиде. И ты один из виновников того, что они перестали быть настоящими людьми и превратились в животных. А что касается смерти, то смерть ждет всех. И нечего ее бояться.

Посейдон говорил не спеша, он тянул время. Он не мог бы объяснить, почему он так делает, — он уже понял, что переубедить Хозяина ему не удастся. Но все равно оставалась надежда. И в этом Посейдон был человеком.

Что бы он ни говорил Полине о логике и трезвом расчете, он все равно от долгого общения с людьми научился тому, что надежду нельзя терять, даже если нет никакой надежды.

— Глупец, — сказал Хозяин. — Иди к своим друзьям.

Дверь на площадку, ведущую к пропасти, растворилась. Посейдон увидел, что там стоят Полина и Юдзо. Полина держала

мальчика за руку. Луч прожектора поблескивал на металлических деталях скафандров.

Посейдон не смотрел больше на роботов. Он сам, решительно и спокойно, пошел к двери. Вышел на площадку. Дверь сзади закрылась.

Полина обернулась.

— Хорошо, что ты пришел, Посейдон, — сказала она. — Спасибо. Вместе нам будет легче.

— Разумеется, — сказал Посейдон. — Еще не вечер. Мы еще погуляем с тобой по Плутону.

— Вы видели моего отца, Посейдон-сан? — спросил Юдзо.

— Твой отец в безопасности, — ответил робот. — Он сейчас видит нас. Видишь это стеклянное окно, за которым множество голов ашиклеков? Там твой отец. Там Алиса. Мы с ними договорились — пока мы будем с тобой бороться против драконов, они организуют наше спасение.

Юдзо обернулся к стеклянной стене и поднял руку, надеясь, что отец его видит. В ответ поднялась рука профессора.

В этот момент были включены дополнительные прожектора.

ГЛАВА 15

В смотровом зале Комура и Алиса видели, как Посейдон вышел на площадку, видели, как обернулся к ним Юдзо и помахал рукой.

— Держись, мой мальчик, — сказал профессор печально, поднимая руку.

— Он им поможет продержаться, — сказала Алиса. — Посейдон сильный.

— Конечно, конечно, сильный, — согласился профессор.

Алисе показалось, что профессор пал духом и не видит выхода.

Но Алису охватило странное чувство. Она отлично знала, что все, что происходит, к сожалению, чистая реальность, что в самом деле Полине и мальчику грозит скорая и неизбежная гибель. И в то же время казалось, что все это — сон. Что можно ущипнуть себя — и проснешься. Что такие страшные трагедии происходят в книгах, в кино, но никогда не обрушиваются на тебя. А раз так,

то все должно обойтись. Что-то можно придумать. Надо только напрячься.

В зале гремела музыка, неприятная, пронзительная, от которой мурашки бегали по коже. Ашиклеки шумели все громче, как толпа на стадионе, когда на поле выходит футбольная команда.

Вдруг по толпе зрителей пробежала волна криков. Потом все замерли. Алиса увидела, как Полина подхватила Юдзо и прижала к себе. Посейдон покачнулся.

— Что это? — Алиса уцепилась за профессора, потому что пол ушел из-под ног, как в лифте, быстро падающем вниз.

— Они уменьшили гравитацию, — сказал профессор.

Алиса догадалась, в чем дело.

— Чтобы драконам было легче подниматься, да?

— Да.

И тут из темноты в лучах прожекторов показалось щупальце с каменным когтем на конце. Оно медленно потянулось к краю площадки.

За ним из тьмы показался еще один коготь. Он покачнулся и вцепился в каменный край площадки.

Посейдон сделал шаг вперед и ногой сбил коготь вниз.

По толпе ашиклеков пронесся вздох.

Алиса хотела приблизиться к стеклу, но под ноги попал ашиклек, который завизжал, когда Алиса наступила ему на ногу. Он даже попытался укусить ее, но его зубки, конечно, не могли прорвать ткань скафандра.

Алиса смотрела на злого ашиклека. Ей в голову пришла мысль.

Но ашиклек уже забыл об Алисе. Крики, раздававшиеся со всех сторон, говорили о том, что на площадке что-то происходит. Алиса перевела взгляд туда и увидела, что положение пленников ухудшилось. Уже не один коготь, а по крайней мере пять держались за край площадки, и Посейдон не успевал их отбрасывать. Щупальца ползли и по стене, одно нависло над Полиной, и ей пришлось отпрыгнуть в сторону.

Ашиклеки вопили от восторга.

— Так бы вас всех и убила, идиотики! — воскликнула Алиса.

Профессор в бессилии гневно бил кулаками по стеклу.

— Убила, — повторила Алиса.

Как странно — такая простая мысль, и не пришла к ней раньше. Может быть, конечно, из этого ничего не выйдет, но если она

правильно понимает психологию роботов, даже свихнувшихся роботов, то ее ход может удаться. Ведь есть принцип, ради которого роботов сделали, и они этому принципу явно подчиняются. Как жаль, что рядом нет Посейдона. Он бы, наверное, смог помочь.

Алиса обернулась. Ей нужно было что-то тяжелое.

К счастью, за спинами ашиклеков в углу зала валялись какие-то железки и даже металлический брус, длиной в два метра. Алиса бросилась туда и с трудом подняла брус. Хоть сила тяжести теперь была втрое меньше земной, брус все равно был тяжелым.

— Профессор! — закричала Алиса. — Помогите мне.

Профессор услышал ее и с удивлением посмотрел в ее сторону. Видно, он решил, что она сошла с ума.

— Что с тобой?

— Помогите мне.

— Но там... — Профессор показал рукой на стенку, за которой шел отчаянный бой.

— Скорей! — крикнула Алиса. — Может быть, получится.

Профессор подбежал к ней. Движения его были замедленными и шаги очень широкими, как всегда бывает при малом притяжении.

— Я хочу попробовать! — сказала Алиса. — Ведь это роботы, их задача опекать ашиклеков. То есть если будет опасность ашиклекам, то они испугаются.

— Какая опасность? Ты хочешь их убивать?

— Нет. Если мы сделаем вид, что хотим разбить стекло, то всем ашиклекам грозит гибель. Ну давайте же, помогите мне.

Алиса старалась говорить тихо, потому что не хотела, чтобы кибернетический мозг, управляющий кораблем, услышал ее.

— Но если мы разобьем стекло?

— Зато отомстим за наших!

Профессор колебался.

— Скорее же! — Алиса сама тащила брус к стеклу, ашиклеки, которые попадались на пути, визжали, сопротивлялись, но они были так поглощены зрелищем сражения, что даже не оборачивались.

Профессор подхватил брус, и вместе они пробились к стеклу.

Конец бруса гулко ударил по стеклу. Казалось, что этот гул пронесся по всему кораблю. Даже ашиклеки замерли и перестали вопить.

— А ну! — закричала Алиса как можно громче. — Давайте, бейте! Пускай мы погибнем, но и они погибнут вместе с нами.

Они снова ударили по стеклу. Стекло зазвенело, и Алиса испугалась, как бы не разбить его в самом деле.

Ашиклеки, видно, сообразили, что им грозит, и жалобно завыли. Это был страшный жалкий звук — несколько сот существ выли от страха за свою бессмысленную жизнь.

— Урра! — кричала Алиса. — В атаку!

Они отступили на несколько шагов, чтобы получше разбежаться.

Алиса успела поглядеть за стекло. Там положение было угрожающим. Посейдон был похож на известную древнюю скульптуру Лаокоона, который борется со змеями. Полина и Юдзо вжались в небольшую нишу в стене, и Полина старалась отталкивать когти, которые скользили уже по ее скафандру. Если сейчас кибернетический мозг не услышит, не поймет, что происходит, то будет поздно.

И тут сверху раздался голос:

— Остановитесь! Ваши действия представляют опасность для ашиклеков. Немедленно прекратить!

— И не подумаем! — радостно закричала Алиса. От облегчения, что ее идея оказалась не пустой, она готова была плясать. — И не подумаем! Пока не уничтожим все это гнездо!

В дверь начали стучать.

— А ну, еще разок! — закричал профессор, который тоже обрадовался результату.

И они еще раз ударили по стеклу так, что оно задрожало, а ашиклеки от ужаса забыли о представлении и бросились по углам.

— Если вы не перестанете угрожать моим подданным, — продолжал голос, — я вас уничтожу.

— Попробуйте, — ответила Алиса, — только попробуйте.

Над дверью вспыхнул экран. На нем возник Хозяин. Его черное безглазое лицо не выражало ничего, но он говорил быстрее обычного. И если можно отнести к роботу слово «напуган», то Алиса впервые в жизни увидела напуганного робота.

— Чего вам надо? — спросил черный Хозяин.

— Первое и немедленно, — сказал профессор, — увеличить в три раза гравитацию. Немедленно!

— Зачем? — не сразу сообразила Алиса.

— А ну, — сказал профессор Алисе. — Побежали!

Алиса послушно подхватила брус поудобнее, но ударить они не успели.

Ноги ее налились тяжестью, и брус сам выпал из рук — оказалось, что он невероятно тяжелый.

— Что вы наделали! — крикнула Алиса профессору.

— Все в порядке, — ответил тот, и не пытаясь поднять брус. — Смотри.

Алиса поглядела за стекло и сразу все поняла.

На площадке положение изменилось.

Полина и Юдзо опустились на камни, а Посейдон, стоя на краю, глядел, как опускаются в пропасть, исчезают когти и щупальца драконов.

Конечно же — тяжесть заставила драконов опуститься на дно пропасти.

— Вы гений! — Алиса бросилась к профессору и обняла его. Она готова была заплакать, но разве плачут в скафандрах? Как вытрешь слезы?

— А теперь, — сказал профессор, — немедленно выпустите моих друзей.

— И не подумаю, — ответил черный Хозяин. — Они все равно погибнут.

— Подумай, — спокойно ответил профессор. — Мы все же разобьем стекло, как только ты уменьшишь снова тяжесть. Мы разобьем стекло и в том случае, если твои роботы попытаются взрезать дверь. Я погибну. Но я старый человек и свое уже прожил. И я буду рад умереть ради спасения моего сына и моих друзей. Тебе этого не понять. Но мои друзья в скафандрах. Они останутся живы. Погибну лишь я... и все твои ашиклеки. Погляди на них. Погляди на них в последний раз.

— Я не могу этого позволить, — сказал черный Хозяин. — Тогда у меня не будет смысла в существовании.

— Я знаю, — сказал профессор. — И мне стыдно, что первой догадалась, как справиться с тобой, убийца, девочка Алиса. Это же так просто...

Ашиклеки с трудом переносили земную тяжесть. Они ползали по полу и стонали.

— Поспеши, — сказал профессор.

Хозяин ничего не ответил. Экран погас.

Но стало легче — притяжение уменьшилось. Начали подни-

маться обиженные ашиклеки. Некоторые спешили сразу к стеклу, чтобы поглядеть, как там идут дела. Но их ждало разочарование: дверь на площадку нехотя отворилась, и Посейдон, помогая Полине и мальчику, вывел их оттуда. От дверей он обернулся. Голова его, которая могла поворачиваться вокруг оси, сделала оборот — словно Посейдон хотел во всех деталях запомнить эту пропасть.

— Теперь, — сказал профессор, и Алиса с удивлением подумала, как же она могла принять его за старика — это же полный сил, уверенный в себе мужчина, — теперь убери своих слуг и пропусти моих друзей сюда.

В ответ послышался голос:

— Нет, сначала вы выйдите отсюда. Вы угрожаете моим ашиклекам.

— Ашиклеки — наша единственная гарантия того, что мы останемся живы, — ответил профессор. — Поэтому я ничего не могу обещать до тех пор, пока не увижу рядом остальных пленников.

Наступило ожидание.

Ашиклеки поняли, что представление сорвалось. Некоторые еще торчали у стеклянной стены, вглядываясь в темноту бездны, видно, думали, что попросту пропустили тот сладкий для них момент, когда жертвы скрываются в пропасти, другие толпились у двери, ожидая, когда их выпустят. Один ашиклек, совсем еще молоденький, подошел к Алисе и начал теребить ее за рукав. Он был такого же роста, как Алиса, и если бы не бледность, не остановившийся животный взгляд, не запущенность, он был бы вполне сносным подростком. И, понимая это, понимая, что ашиклек не виноват в том, что его дедушки и бабушки согласились стать господами-рабами, Алиса не стала его отгонять, а терпела, пока его любопытные пальцы щупали ткань скафандра.

В дверь постучали. Три раза. Донесся голос Посейдона:

— Пропустите наш полк. Он вернулся с передовых позиций и желает отдохнуть.

Алиса подбежала к двери, отодвинула засов, и пленники вошли внутрь. Юдзо увидел отца и кинулся к нему. Профессор обнял сына. Снова зажегся экран. На нем был Хозяин.

— Я выполнил твои условия, — сказал он. — Теперь вы должны уйти отсюда и оставить моих ашиклеков в покое.

— Я так боялся за тебя, отец, — сказал Юдзо, не обращая внимания на слова Хозяина.

— Ты вел себя как настоящий мужчина, — сказал профессор Комура.

— Я жду! — потребовал Хозяин.

— Подождешь, — ответил Комура. — Нам надо посоветоваться.

Он обернулся к Полине.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Хорошо, обо мне не беспокойтесь. Если бы не Посейдон, мы бы уже давно погибли.

— Я выполнял свой долг, — ответил робот. — Но почему нас выпустили? Что вы придумали?

— Придумала Алиса, — ответил профессор. — Это ей я должен быть благодарен всю жизнь. Она сообразила, когда я уже был в полном отчаянии, что роботов может остановить только угроза жизни ашиклеков. И мы сделали вид, что собираемся разбить стекло.

— Сделали вид? — спросил Хозяин, который слушал этот разговор.

— Не совсем так, — сказал профессор. — Если бы это не помогло, я бы разбил стекло.

— И погиб?

— Да. И погиб.

— Я бы не дала этого сделать, — сказала Алиса Полине. — И к тому же мы с профессором были правы. Он потом так здорово вел переговоры с роботами, что им пришлось сдаться.

— Мы не сдались, мы никогда не сдаемся, — ответил Хозяин.

— Помолчи, — сказал Посейдон. — Ты мешаешь людям разговаривать. Когда будет нужно, мы тебя позовем, убийца.

— А с тобой я вообще не желаю разговаривать, железная банка, — вдруг разозлился Хозяин. — Тебя я все равно убью. Отсюда ты не уйдешь.

— Вот это совершенно неизвестно. Хотя, честно говоря, я бы с удовольствием разобрал тебя на запчасти.

— Слушай, робот, — сказал профессор Комура. — Мы останемся здесь, и с нами останутся все ашиклеки до тех пор, пока твои слуги не починят один из наших кораблей и не вернут туда все, что с него украли. После этого мы улетим.

— Это невозможно, — ответил Хозяин после некоторого раз-

думья. — Вещи, взятые на ваших кораблях, приведены в негодность или использованы. Вам отсюда не улететь.

— Ты не лжешь? — спросил профессор.

— Я не могу лгать, — ответил Хозяин. — Мне нет нужды размениваться на такие человеческие глупости, как ложь.

Ашиклеки столпились вокруг, повизгивая, будто просили их отпустить.

Посейдон ухнул на них, и ашиклеки разбежались во все стороны.

— Хорошо, — сказал профессор. — Пока мы не придумаем выхода, нам придется оставаться здесь.

— Ни в коем случае! — воскликнул Хозяин. — Ашиклеки проголодаются, они нервничают, они могут заболеть. Им пора отдыхать!

— Тогда предложи выход, — сказал Комура.

— Я не могу вас содержать, — сказал Хозяин. — У меня все рассчитано. Я уничтожаю всех, кто сюда попадает, не из жестокости, а для того, чтобы не лишать ашиклеков их пищи. Вам надо улететь или погибнуть добровольно.

— Заколдованный круг, — сказал Посейдон. — Логическая неувязка. Улететь нельзя, поэтому надо улететь. Надо было проверить твои блоки памяти, кузен. Пора на ремонт.

— Я тебя убью, — повторил Хозяин. — Я могу выслушивать обидные слова от людей, но от робота — никогда!

— Я выхожу! — сказал Посейдон.

— Да погодите, вы с ума сошли! — возмутилась Полина. — Вы как дети. Разве бывают драки между роботами?

— Это будет не драка. Это будет смертельный бой, — сказал Хозяин.

— Согласен, — сказал Посейдон. — Другого мне не надо.

Он уверенно пошел к двери.

— Посейдон, я тебе приказываю оставаться! — протестовала Полина.

— Как только я укокошу этого мерзавца, все проблемы будут решены, — ответил Посейдон.

И он открыл дверь.

Все внимание было обращено на Посейдона, и потому вопрос профессора вначале услышал только Хозяин.

— А гравитационные двигатели вашего корабля, — спросил он, — работают?

— Двигатели нашего корабля в полном порядке, — ответил Хозяин, и экран погас. Хозяин пошел навстречу Посейдону.

Толпой кинулись к открытой двери ашиклеки, но Юдзо с Алисой закрыли дверь.

— Как включить экран, чтобы мы видели, что там происходит? — спросила Алиса. — Мы же ничего не узнаем.

И как бы в ответ на ее слова экран снова вспыхнул, и на нем появилось изображение перекрестка двух коридоров. С одной стороны к нему подходил Посейдон. С другой в окружении роботов — Хозяин.

— Они убьют его! — сказала Алиса.

— Пожалуй, нелегко убить старого робота-разведчика, — сказала Полина. — Он им еще покажет.

— Он прав, — сказал Юдзо. — Так поступают мужчины. Если Посейдон погибнет, я пойду вместо него.

ГЛАВА 16

Им было видно, как черный Хозяин повернулся и жестом приказал Посейдону следовать за ним. Они вошли в большой низкий зал, возможно, резервный двигательный отсек. Потолок зала поддерживали металлические колонны. Под кожухами стояли какие-то механизмы.

Хозяин остановился.

Один из роботов поднес ему трубку с утолщением на конце. Вторую такую трубку дали Посейдону. Это было оружие. Но звуки не достигали зала, в котором ждали люди и ашиклеки, и потому непонятно было, как пользоваться этим оружием. Но тут Хозяин поднял руку, и из раструба трубки вылетела светло-зеленая нить огня.

— Тип лазерного бластера, — сказал профессор Комура.

Ашиклеки засуетились. Они поняли, что все-таки им покажут развлечение.

Посейдон кивнул.

Роботы разошлись в разные концы зала и остановились за колоннами.

Зеленые лучи разрезали полутьму.

С неожиданной для случайного зрителя ловкостью и быстро-

той роботы перебегали за колоннами, прятались за агрегатами и машинами, лучи скрещивались, как длинные шпаги.

Потом на секунду оба робота пропали из виду. Потом появился Посейдон. Он осторожно выглядывал из-за колонны, стараясь увидеть врага. А в этот момент Хозяин вышел из-за агрегата сзади и прицелился.

— Посейдончик, сзади! — закричала Алиса.

Конечно, Посейдон не мог услышать ее крика, тем более утонувшего в восторженных воплях ашиклеков, но инстинкт старого разведчика заставил его мгновенно обернуться вокруг своей оси и, не глядя, всадить луч в грудь черного Хозяина.

Тот мгновенно засветился, зеленый ореол вспыхнул вокруг его черного плаща. Потом пошел дым. И черный Хозяин рухнул на пол.

Посейдон сделал шаг к нему, не опуская бластера.

Тогда Хозяин приподнял голову и сказал что-то. Отбросил свой бластер.

Поднялся.

Подошел к экрану. Вот он стоит перед экраном и глядит прямо на Алису. Только глаз у него нет.

Щелкнуло. Возник звук.

— Я проиграл, — сказал черный Хозяин. — И вынужден подчиняться. Приказывай.

— Сейчас мы проходим в узел управления корабля и запускаем гравитационные двигатели, — сказал профессор Комура. — И берем курс на Марс.

— Это невозможно, — сказал Хозяин. — Мы доставили столько неприятностей людям, что они будут мстить. Они убьют моих ашиклеков.

— Неприятности — слишком мягкое слово, — заметил Посейдон.

— Одумайтесь, — сказала Полина. — Мы не мстим тем, кто болен. А вы больны, и больны ашиклеки. Вас нужно лечить, а не наказывать.

— Мы все здоровы. Лучше мы улетим дальше и будем искать себе ненаселенную планету. Или вечно будем скитаться в космосе.

— Я провел здесь несколько месяцев, — сказал профессор Комура, — и я знаю, в каком плачевном состоянии ваш корабль и сами ашиклеки. Системы постепенно выходят из строя, ашиклеки деградируют и вымирают. Через несколько десятков лет вы вымрете.

Наступила пауза. Наконец, словно посовещавшись с кибернетическим мозгом и взвесив все аргументы, черный Хозяин произнес:

— У меня нет выхода. Я подчиняюсь при одном условии.

— При каком? — спросил Комура.

— Если ашиклеки останутся живы.

— Мы даем вам слово, — сказала Полина.

— Я даю вам слово, кузен, — сказал Посейдон. — Роботы не умеют лгать.

ГЛАВА 17

Через два дня диспетчерская на Марсе приняла изображение астероида, который на большой скорости приближался к планете.

— С ума сойти! — воскликнул дежурный диспетчер, вызывая своего напарника, который как раз пил кофе. — Сенсация! Бродячий астероид.

Его напарник забыл о кофейнике и бросился к экранам.

— Немедленно поднять патрульный крейсер! — приказал он. — Если эта сенсация ударит по Марсу, то будет ужасная катастрофа.

На Марсе началась тревога.

Компьютеры вычисляли курс астероида и возможную точку столкновения с планетой, началась срочная эвакуация детских садов и лабораторий в полярные области. Патрульные крейсеры взвились с космодрома, чтобы исследовать астероид вблизи и узнать, нельзя ли изменить его курс.

Но еще через час астероид начал снижать скорость и менять курс, словно собирался перейти на круговую орбиту вокруг Марса.

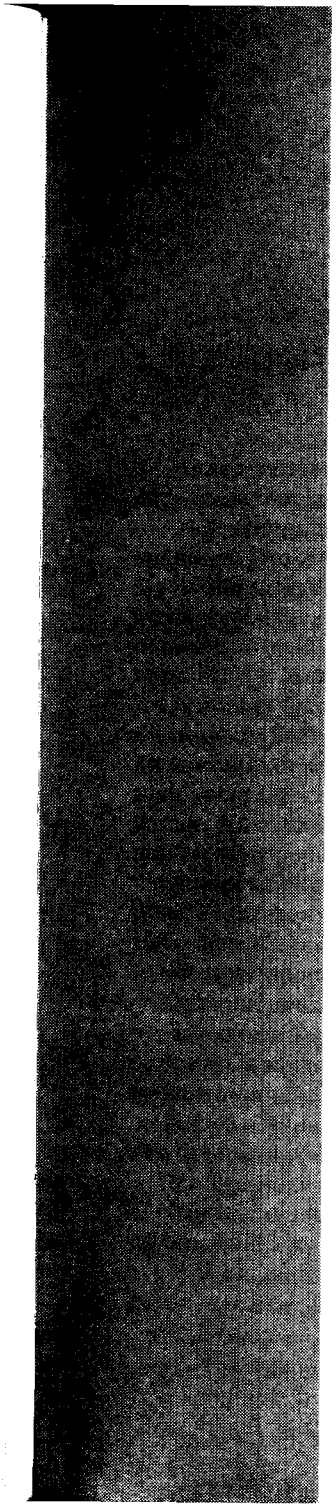
И к тому времени, когда крейсеры подлетели к бродяге, опасность уже миновала.

И картина, которую увидели люди, прилетевшие с Марса, когда высадились на астероиде, их совершенно поразила.

Они увидели Посейдона, который организовал мастерскую по ремонту и перестройке роботов, они увидели профессора Ко-

муру, который отважно опустился в ледяную бездну, чтобы вблизи исследовать драконов, они увидели Полину, которая с помощью мрачного черного Хозяина управляла кораблем, они увидели, наконец, Алису, которая мыла ашиклеков, причесывала их и учила застилать кровати и мыть посуду.

Еще через день ашиклеков перевезли на Марс, чтобы постепенно вернуть их в число разумных существ, а опустевший страшный астероид остался на орбите — там работают ученые, которым придется немало потрудиться, прежде чем они разгадают все тайны громадного космического корабля.

ЗАПОВЕДНИК СКАЗОК

Глава 1

ГНОМ В КАРМАНЕ

Алиса учила марсианский язык. Телеучительница говорила ласковым голосом:

— А теперь поднимите правую руку и загните до половины мизинец. Это и есть марсианская буква «хфы». Запомнили?

— Запомнила, — сказала Алиса. У нее уже все пальцы онемели от марсианских букв. И настроение было плохое. «Это бесчеловечно, — думала она, — задавать столько на дом в хорошую погоду. Могли бы подождать, пока начнется дождик».

А погода была великолепная. Светило солнце, цвела черемуха, порхали бабочки, стрекотали мелкие птахи, спорили: строить ли им семейные гнезда или еще погулять? Марсианский богомол, который живет у Алисы, с утра стоял на голове, просился на улицу. Как известно, марсианские богомолы, волнуясь, всегда встают на голову.

Алиса мечтала, чтобы что-нибудь произошло. Хоть что-нибудь. Тогда можно выключить телевизор. Но ничего не происходило. Уже второй час ничего.

И вдруг произошло.

Зазвонил видеофон.

Зазвонил он у отца в кабинете. Отец там писал статью, и Алисе бежать к видеофону не было никакой нужды. Но она, конечно, выключила телеучительницу и убежала.

Алиса остановилась в дверях отцовского кабинета и смотрела, как отец нажал кнопку и включил изображение на экране.

На экране был козел.

Вернее, козленок — рожки у него только прорезались, а бороды еще не было.

— Я вас слушаю, — сказал отец, потому что он не сразу сообразил, кто ему звонит.

— Б-ээээ! — сказал козленок тонким голосом.

— Это еще что такое? — спросил отец.

— Бееээээ! — отчаянно завопил козленок.

Вдруг изображение пропало. Экран погас.

— С ума сойти, — сказал отец. Он обернулся, увидел, что Алиса стоит в дверях, и спросил: — Ты видела?

— Видела, — сказала Алиса. — Тебе звонил козлик.

— Этого не может быть, — сказал отец. — Мне еще никогда не звонили козлы. Что ему от меня надо?

— Не знаю, — ответила Алиса. — Он же не умеет разговаривать.

— Наверное, кто-то пошутил, — сказал отец. — Странные шутки.

— А может, козлику нужна твоя помощь? Ты же зоолог и умеешь лечить зверей.

— Алиса, тебе уже восемь лет, — сказал отец. — Не говори глупостей. Я работаю в космическом зоопарке, изучаю животных с других планет, а это был самый обыкновенный козел... к тому же козлы не звонят по видеофону. Кстати, почему ты не учишь марсианский язык?

— Пальцы устали, — сказала Алиса.

Надо было возвращаться к себе в комнату. Алиса вздохнула, отец снова склонился к своей статье, и тут с улицы послышались крики и тяжелый топот. Словно там шел слон в сапогах.

Алиса бросилась к окну.

Прохожие останавливались, жались к стенам домов, прятались за деревья, потому что высокий сутулый мужчина в черном длинном пальто, темных очках и золотой каске с гребнем вел на веревке трехголового дракона ростом с двухэтажный дом. Дракон брел, опустив головы, чихал и кашлял, выпуская из ноздрей черный дым.

На средней шее дракона висела вывеска:

«Змей Гордыныч. Последний экземпляр. Уже нигде не водится».

На левой шее висела табличка:

«Не кормить!»

На правой шее висела табличка:

«Не дразнить!»

Странная процессия остановилась перед домом Алисы. Дракон со вздохом улегся на мостовой, а человек в золотой каске четкими шагами направился к подъезду.

«Это к нам, — решила Алиса. — Сегодня можно будет не учиться!»

— Папа, — сказала Алиса. — К тебе привели дракона.

— Этого еще не хватало, — сказал отец, — так я никогда не допишу статью.

В этот момент в дверь позвонили, и отец пошел открывать.

— Здравствуйте, — сказал старик в черном пальто, снимая золотую каску и передавая Алисе. — Вы будете профессор Селезнев?

— Здравствуйте, заходите, — сказал отец. — Я — профессор Селезнев.

— Значит, правильно пришли, — сказал старик.

Старик оказался совсем лысым, а на подбородке у него росло несколько длинных седых волосков.

— Животное у нас захворало, — сказал старик. — Уникальный экземпляр. Можете убедиться. На улице валяется. Меня к вам направили. Больше никто за него браться не желает.

— Ну что ж, — сказал отец, — посмотрим на вашего больного. Но как дракон попал в Москву? Он из космоса?

— Нет, — сказал старик. — Наш он, местный. Содержим его в заповеднике сказок, слыхали о таком?

— Как же я не догадалась! — воскликнула Алиса. — Я же у вас на экскурсии была! Мы на Змея Гордыныча издали смотрели, и он куда меньше казался. Папа, это настоящий сказочный дракон!

— Надеюсь, болезни у него не сказочные, — заметил отец. — А как же вы его на улице оставили? Без присмотра и даже, наверное, без намордника.

— Смирный он, не тронет, — сказал старик. — Дрыхнет он.

— А вы анализы ему сделали? — спросил отец.

— Первым делом, — сказал старик. — Наипервейшим делом. Вы не сомневайтесь.

Старик расстегнул пальто и достал из кармана пиджака пачку листков.

— Да вы раздевайтесь, — сказал отец. — Проходите ко мне в кабинет. Мне все равно надо будет с анализами ознакомиться. Заодно расскажете, на что жалуется животное. Простите, я не знаю, с кем имею честь...

— Зовите меня просто — Кусандра, — сказал старик. — Я состою в заповеднике помощником директора по хозяйственной части.

Отец помог старику раздеться и провел к себе в кабинет. Али-

са положила каску Кусандры на стул. Она слышала, как отец спросил:

— У вас директором Иван Иванович Царевич?

— Он самый, — ответил старик.

— Чего же он меня не предупредил? Я бы сам к вам приехал.

— На конференции наш дорогой начальник, — сказал Кусандра. — В городе Тимбукту заседает. А тут эта безмозглая скотина захворала. Если подохнет, Иван Иваныч сильно сердиться будет! Скандал!

Алиса хотела было спуститься на улицу, чтобы поглядеть на дракона вблизи, но тут увидела такое, что застыла от удивления.

Из кармана черного пальто Кусандры, висевшего на вешалке, вылез моток веревки, веревка развернулась и превратилась в длинную лесенку до самого пола. Потом из кармана показалась маленькая голова в красном колпаке, и оттуда выбрался человечек ростом с чайник для заварки. Не заметив Алису, он начал быстро спускаться по лестнице. Лестница раскачивалась, человечек судорожно цеплялся за перекладины. Алиса протянула руку и придержала лестницу, чтобы он не сорвался.

Человечек спрыгнул прямо на руку Алисе, сполз на пол, поднял голову, увидел Алису, совсем не испугался, а сказал ворчливым шепотом:

— Не нуждаюсь я в твоей помощи. Сам бы спустился.

— Вы тоже из заповедника сказок? — спросила Алиса.

— Тише ты! Сейчас этот Кусандра прибежит! Отнеси меня в тайное место, быстро!

— А где тайное место?

— Интересно, я живу в этом доме или ты живешь в этом доме? Неси, тебе говорят!

— Вы, наверное, гном, — сказала Алиса.

— Разумеется, гном. Разве я похож на крокодила? Ну, сколько раз повторять?

Алиса не стала спорить, осторожно подхватила гнома с пола и понесла к себе в комнату. Гном оказался очень теплым и тяжелым. Он вертелся в руках, тряс рыжей бородой и сердился:

— Не щекочи, а то вырвусь! Не жми, раздавишь! Ты что, гномов никогда не носила?

В комнате Алиса оглянулась, соображая, где же тут тайное место. Наконец она увидела в углу ящик со старыми игрушками. Она раздвинула кукол и мишек и поставила туда гнома.

— Ну что ж, — сказал он, — славная компания. Они живые?

— Это игрушки, — сказала Алиса. — А почему вы скрываетесь?

— Нагнись, — сказал гном. — Еще ближе! Вот так, теперь нас не подслушают. Ты Алиса?

— Да. А вы откуда знаете?

— Тебя мне рекомендовали... сказали, верный человек! А это что еще такое?

Гном показал пальцем на марсианского богомола, который от удивления при виде такого маленького человека перевернулся вверх головой и заглядывал через край ящика.

— Не бойся, это богомол, — сказала Алиса. — Он не кусается.

— Может, тебя он и не кусает, а меня перекусит с одного раза. А ну, убери его немедленно!

— Богомол, — сказала Алиса вежливо, — выйди, пожалуйста, из комнаты. Нам нужно поговорить. Видишь, тебя боятся!

Богомол охнул от обиды и, переставляя длинные ноги, медленно пошел к двери.

— Нехорошо получилось, — сказала Алиса. — Теперь он три дня ничего есть не будет. Он такой впечатлительный.

— Ничего, переживет, — сказал гном. — Вроде бы теперь остались только свои. Ты уверена, что твои игрушки не подслушивают?

— Уверена, — сказала Алиса.

— Это хорошо. Тогда слушай. Нам в заповеднике нужна твоя помощь. Понятно?

— Нет, непонятно.

— У нас творятся зловещие вещи, — сказал гном. — Теперь понятно? Может случиться большая беда. Ни один взрослый нам не поверит. Нам рассказала про тебя Красная Шапочка. Она видела фильм о тебе по телевизору. Она сказала, что ты нам поможешь.

— Но как я тебе помогу? — удивилась Алиса.

Гном не успел ответить. В коридоре послышались шаги и голос отца:

— Алиса, ты здесь?

— Оставь меня, — прошептал гном. — Иди к ним. Потом вернешься. Веди себя естественно!

Алиса выбежала в коридор.

— Я тебя жду, папа, — сказала она.

— Ты даже не спустилась вниз, к дракону? — удивился отец. — Это невероятно. Где твое любопытство?

Алиса пожала плечами. Если начнешь отвечать, придется врать. А врать, как известно, плохо. И не надо этого делать без крайней необходимости.

Глава 2

КАК ЛЕЧИЛИ ДРАКОНА

Дракон лежал, свернувшись в клубок, и сладко спал. Струйки черного дыма вырывались из ноздрей. Вокруг собралась толпа любопытных, правда, близко никто не подходил. Порой он глубоко вздыхал во сне и нервно бил хвостом по мостовой, отчего начиналось небольшое землетрясение.

— Ну вот, — сказал старик Кусандра. — Разлегся, скотина!

И, к удивлению всех окружающих, старик со всего размаха ударил дракона в бок ногой.

— Что вы делаете! — возмутилась Алиса. — Разве можно бить животных?

— Ой! Ой-ой! — закричал в ответ Кусандра, прыгая на одной ноге и схватившись руками за другой ботинок. — Я ушибся! У него брюхо железное! Ну, дай только вернемся, крокодил, проклянешь день, когда из яйца вылупился!

От этих воплей и криков дракон проснулся, поднял по очереди все свои головы, подумал и оглушительно чихнул. Кусандру ветром сбило с ног и откатило к стене дома.

— Ты что делаешь! — закричал Кусандра. — Ты кому мстишь?

— Он же нечаянно! — сказала Алиса.

— За нечаянно бьют отчаянно! — ответил старик Кусандра. — Мы о тебе, понимаешь, заботимся, а ты, понимаешь, неблагодарная скотина. Погоди, вернемся в замок, я тебе такую диету устрою...

Профессор Селезнев не слушал разозленного Кусандру. Он подошел поближе к Змею Гордынычу и сказал:

— Поднимись, пожалуйста. Мне надо тебя послушать.

— Папа, он же не понимает, — сказала Алиса.

— Понимает, все понимает, — сказал Кусандра. — А это что такое?

Старик заметил, что из его кармана свисает тонкая веревочная лестница, потянул ее, вытащил и стал разглядывать.

— А почему дракон понимает человеческую речь? — спросила Алиса, чтобы отвлечь старика. — Ведь он животное.

— Сказочное, девочка, сказочное. Все сказочные разговаривают. А где моя каска? Ты ее не украла? Без каски драконов по улицам водить нельзя, пожарная команда не разрешает. К тому же солнце мне затылок припекает.

— Ой, простите, — сказала Алиса. — Сейчас принесу.

Она бросилась наверх, вбежала в квартиру. Каска лежала в прихожей. Алиса взяла ее, потом зашла к себе в комнату поглядеть, там ли гном. Гном сидел в ящике и рассматривал старую маленькую, когда-то любимую, а теперь позабытую куклу Дашу, с желтыми волосами, розовым лицом, голубыми закрывающимися глазами, в розовом платье. Кукла за последние годы немного истрепалась, но все еще была очень красива.

Успокоившись, что гном занят, Алиса кинулась обратно. Она передала каску Кусандре, и тот сразу надвинул ее на голову.

Дракон уже сидел на мостовой, выпятив желтый сверкающий живот и высоко подняв головы, чтобы ненароком не дунуть черным дымом на доктора. Отец выслушивал его через трубочку и повторял:

— Дышите глубже. Еще глубже. Еще глубже.

Струи дыма вырывались из ноздрей Змея Гордыныча и поднимались к небу, как будто работал целый завод.

— Теперь не дышите, — сказал отец.

— Чего? — спросил дракон.

— Не дышите. Задержите дыхание.

— Понял, — сказал дракон. — Постараюсь.

Дым перестал идти из ноздрей, зато живот начал надуваться.

— Можете дышать, — сказал отец, спрятал трубочку и принялся, встав на цыпочки, выстукивать грудь дракона костяшками пальцев.

Дракон с облегчением выдохнул клуб дыма и сказал:

— Щекотно!

— Потерпите, — сказал отец. — Не маленький.

— Все равно щекотно, — сказал дракон.

Старик Кусандра обернулся к Алисе, показал ей намотанную на палец веревочную лестницу и спросил:

— Чьи шутки? Твои?

— Эта лестница мне мала, — сказала Алиса. И сказала чистую правду.

— А кто тебя знает, — сказал старик и спрятал лестницу в карман. — Не нравится мне это. Зачем лазить ко мне в карман по лестнице?

Алиса хотела было сказать, что не в карман, а из кармана, но сдержалась. Вместо этого она спросила:

— А почему у вас такое странное имя — Кусандра?

— Это не имя, — ответил старик. — Это псевдоним. Настоящее имя я скрываю. Врагов у меня много. — И Кусандра оглянулся, будто ждал, что враги уже окружили его.

— Ну что? — спросил отца Змей Гордыныч. — Я буду жить, доктор?

— Вы совершенно здоровы, — сказал отец. — Если не считать небольшого насморка.

— Неправда, — обиделся дракон. — Я полон болезнями. Скорее всего, вы плохой доктор.

— Симулянт! — воскликнул Кусандра. — Я с самого начала подозревал, что ты симулянт. Чего меня в город поволок? Умираю, умираю, спасите меня, я уникальный! Симулянт! Крокодил-переросток!

— Не надо меня оскорблять, — сказал Змей Гордыныч. — А то мы найдем на вас управу.

Кусандра занес было ногу, чтобы стукнуть дракона, но вспомнил, как ушибся недавно, и бить не стал.

— Вы мои анализы смотрели? — обернулась к Селезневу средняя, самая главная голова дракона. — Очень плохие анализы.

— Анализы приличные, — сказал профессор Селезнев. — Но если вы хотите, я пропишу вам укрепляющие уколы.

Змей Гордыныч тут же поднялся на все четыре лапы и сказал:

— Так у нас дело не пойдет. До свидания, доктор.

Он развернулся, чуть не сшибив хвостом Кусандру, и пошел прочь.

— Он ужасно боли боится, — сказал Кусандра. — Второго такого трусливого дракона я не встречал. Только этим я его и держу в руках.

И он побежал вслед за драконом, крича на бегу:

— Стой, ископаемое! Чтоб тебе пусто было!

Его каска сверкала на солнце, а черное узкое пальто делало его похожим на гусеницу, которая бежит на самых задних ногах.

— Ну что ж, — сказал отец, глядя им вслед, — пойдем работать. Странные люди. Надо будет потом поговорить с Иван Ивановичем, директором заповедника. Зачем он держит таких помощников? Ведь этот Кусандра совершенно не умеет обращаться со зверями.

— Но дракон не зверь, — сказала Алиса. — Он сказочное существо.

— Просто сказочных существ не бывает, — сказал отец. — Всему на свете есть научное объяснение. Только его не всегда сразу найдешь. Иди, Алиса, пора делать уроки. Я не хочу, чтобы моя дочь была отстающей по марсианскому языку.

И они пошли домой.

Глава 3

СВЕН И КУКЛА

Алиса вбежала к себе в комнату и сразу закрыла дверь, чтобы отец случайно не увидел, какой у нее гость.

Гном все так же сидел в ящике, держа за руку куклу Дашу, и, когда увидел, что Алиса вернулась, сказал ворчливым голосом:

— Тебя только за смертью посылать. Я с утра ничего не ел, переживаю, рискую жизнью ради товарищей, а ты совершенно обо мне забыла.

— Но я ждала, пока уйдет Кусандра.

— Знаю, знаю. Неси мне поесть, тогда все расскажу.

— А что тебе принести? — спросила Алиса.

— Чего-нибудь попроще.

— Молока?

— Ты же знаешь, что я не выношу молоко.

— Тогда котлету! Хочешь котлету с хлебом?

— Все ясно. Ты хочешь, чтобы я растолстел и умер от ожирения.

— Нет, не хочу. Но что же мне тогда принести?

— Я же сказал — чего-нибудь попроще. Соловьиных язычков. Но немного, полтарелки. И не пережарь, понимаешь?

— У нас нет соловьиных язычков.

— Так я и знал. Она пожалела для меня соловьиных язычков. Что же тогда... — Гном задумался, прикрыл глаза и начал чесать длинную бороду. — Хорошо, — сказал он наконец. — Согласен на тушеный плавник акулы. Согласен. Уговорила.

— У меня нет плавников акулы, — сказала Алиса.

Она себя чувствовала очень неловко. Все-таки у нее гость, а дома нет соловьиных язычков и плавника акулы. И никогда не было.

— Это ужасно, когда тебя никто не любит, — сказал гном. —

В этом не приходится сомневаться. Мне триста лет, а я еще не женат. Ладно, неси мне кокосовый орех. Только быстро.

— У меня нет и кокосового ореха...

— Все, — сказал гном. — Я ухожу. Помоги выбраться из этой коробки.

Расстроенная Алиса подсадила гнома, который так и не выпустил руку куклы Дарьи и выволок ее за собой из ящика.

— Мы уходим, — сказал он.

— Кто — «мы»? Ты же здесь один.

— Мы. Я и моя невеста. Если ты меня не хочешь кормить, я хоть невесту у тебя возьму. Но учти, я делаю это только в виде большого одолжения.

— Но какая же она невеста! — рассмеялась Алиса. — Это моя старая кукла Даша, она неживая и даже не новая.

— Да-ша, — сказал гном. — Очень красивое имя. Даша. Давай познакомимся. Меня зовут Свен. Это норвежское имя, потому что лучшие в мире гномы живут в Норвегии. Но ты можешь звать меня Веня. Близкие друзья зовут меня Веней.

Говоря так, гном тряс руку кукле, но Даша, конечно, не отвечала. Даже при очень большом воображении ее невозможно было представить невестой.

Алисе было смешно смотреть на эту сцену. Она расхохоталась. Гном рассердился, отпустил руку куклы, она упала на спину и сказала:

— Ма-ма.

И закрыла глаза. Это было все, что она умела делать.

— Ой! — закричал гном. — Я ее убил! Такая любовь и такая трагическая смерть! Почему мы убиваем тех, кого любим? Я этого не переживу!

Алиса подняла куклу и посадила ее на пол. Даша открыла глаза.

— Ложная тревога, — сказал гном. — Значит, тебе эта так называемая кукла не нужна?

— Неужели ты не видишь, что она неживая. Игрушка.

— Для тебя все игрушки, — сказал гном укоризненно. — Ну чего ты не несешь котлету и молоко?

— Ты же не хотел.

— А что мне остается делать, если ничего больше дома нет?

— Ты попал к нам в неудачный день. Мама в командировке, а домработник на ремонте.

— Кто?

— Домашний робот — домработник.

— Алиса, — сказал укоризненно гном Веня. — Ты думаешь, что, если твой домработник в командировке, а мама на ремонте, можно морить гостей голодом? Ты не права.

Алиса побежала на кухню, открыла холодильник. Отец услышал, что она делает, и сказал из своего кабинета:

— Алиска, потерпи немного, скоро будем обедать.

— Я только молока возьму и котлету, — сказала Алиса.

Отец ничего не ответил. Он очень спешил дописать статью.

Гном Веня, увидев, что Алиса положила на тарелку, кроме котлеты, еще половину свежего огурца, три черешни и конфету «Мишка на Севере», обрадовался.

— Молодец, — сказал он. — Я к тебе буду ходить обедать. По субботам. Или чаще.

Он принялся за еду, и удивительно было, как много в него помещается. Живот гнома раздувался на глазах, но это его совсем не беспокоило. Он ел быстро, иногда предлагал кусочек Даше, но кукла есть, разумеется, не хотела, и поэтому гном все съел сам. Наевшись и выпив полстакана молока, Веня расстегнул свой широкий пояс, приказал Алисе перенести себя на диван, улегся и сказал:

— Пришел я к тебе по делу. В заповеднике творятся страшные преступления. Если ты нам не поможешь, все погибло.

— Но что за преступления?

— Сейчас расскажу. Посади рядом со мной Дашу. Я без нее скучаю.

Алиса послушно перенесла на диван куклу. Гном обнял Дашу за плечи, и Алиса еле удержалась, чтобы не рассмеяться. Уж очень смешная получилась компания: растолстевший после обеда гном в высоком красном колпаке, синей курточке и зеленых штанах, с длинной рыжей бородой, а рядом кукла Даша, розовая, голубоглазая, желтые косы в разные стороны.

— Рассказывай дальше, — попросила Алиса.

— Сейчас, — ответил гном. — Не дергай меня. Лучше полюбуйся, какой у моей Дашеньки цвет кожи. Она ничем не болела?

— Я уж не помню, — сказала Алиса. — Вроде бы у нее была скарлатина, а может быть, свинка.

— Это не заразно?

— Я пошутила, — сказала Алиса. — Разве ты не знаешь, что куклы не болеют?

— Другие, может, и не болеют, — сказал гном, — а моя слабенькая, нежная. Непонятно, в чем душа держится.

Гном потрогал косичку Даши и добавил:

— Чудесные волосы. Моя тетя будет рада с ней познакомиться.

Алиса вздохнула. Так она никогда не дождется продолжения рассказа. А ей очень хотелось услышать, что же произошло в заповеднике сказок. Раньше она как-то не задумывалась, что заповедник сказок — место необыкновенное. Она привыкла к тому, что в Москве есть места, куда надо ходить, потому что там интересно. В Москве есть Космозо — зоопарк для космических зверей, в котором работает отец, Ботанический сад, заповедник сказок, Третьяковская галерея, кукольный театр и много всего еще. Правда, по Космозо и по Ботаническому саду можно гулять и смотреть на животных и растения вблизи, а в заповедник сказок входить нельзя, на него смотрят сверху, со специальной смотровой площадки, через подзорные трубы...

— Ты почему меня не слушаешь, ты почему отвлекаешься? — вдруг спросил строго гном Веня. — Тебе неинтересно?

— Я слушаю, — сказала Алиса.

Глава 4

ЗАГОВОР В ЗАПОВЕДНИКЕ

— В заповеднике сказок созрел заговор, — сказал гном. — Понятно?

— А зачем заговор? — спросила Алиса.

— Цели его неясны, — сказал гном. — Но, разумеется, они зловещие. Все заговоры зловещие.

— А кто же там заговаривается?

— Не заговаривается, а договаривается, — сказал гном шепотом. — Старик Кусандра договаривается, чтобы захватить заповедник. Ты видела, какой он неприятный?

— Кусандра мне не очень понравился, — сказала Алиса. — Он грубо обращается с драконом.

— Вот именно, — сказал гном. — Но это не самый главный его недостаток. А директора он опутал.

— Чем опутал? — спросила Алиса.

— Наш директор, — сказал гном, — много понимает в науке и

отлично разбирается в сказках, но ровным счетом ничего не смыслит в житейских интригах. Он гуманист.

— Он — кто? — спросила Алиса. К сожалению, слова «гуманист» она еще не слышала.

— Ясно, — сказал гном, обернувшись к Даше. — Они этого еще не проходили. Нехватка жизненного опыта.

— Я знаю много таких слов, которые тебе и не снились, — сказала Алиса.

— Допускаю. Но объясняю, — сказал гном. — Гуманист — это человек, который любит других людей.

— Правильно, — сказала Алиса. — Я слышала, но забыла. А что в этом плохого?

— Вообще-то неплохо, — сказал гном. — Но при этом надо уметь разбираться в людях.

— Ты слишком медленно рассказываешь, — сказала Алиса. — Уже полдня прошло, а ты мне ничего не рассказал.

— Рассказываю как умею. А ты меня перебиваешь. Не хочешь слушать, не слушай. Мы с Дашей уйдем.

Алиса не стала ему отвечать. Раньше она почему-то думала, что гномы добрые и работящие. Видно, ей не повезло. Ей достался очень сварливый гном.

— Иван Иваныч Царевич, — продолжал Веня, — доктор исторических и биологических наук, почетный член испанской и польской академий, а также Лондонского королевского общества, человек, который теоретически обосновал, а затем и практически нашел неизвестный раньше период в истории Земли — а именно легендарную эпоху, которая затерялась между третьим и четвертым ледниковыми периодами... Ты понимаешь, что я говорю? Или ты этого еще не проходила?

— Почти все понимаю, — сказала Алиса.

— Молодец. Так вот, этот человек, которым я горжусь, создатель первого в мире заповедника сказок, в личной жизни оказался тюфяком. И теперь никому не известно, где он, что с ним и вообще жив ли наш дорогой директор.

И вдруг гном разрыдался, борода его затряслась, из глаз покатились крупные слезы, из глубины его маленького тельца вырывались стоны.

— Ой, мы осиротели! — плакал он. — Ой, горе!

— Ну не надо так, — утешала его Алиса, — я тебе воды принесу...

— Нет, ты не понимаешь! — рыдал гном.

— Тогда я принесу компоту, — сказала Алиса.

— Компоту? Компоту можно.

Гном понемногу успокоился, а когда Алиса принесла чашку с компотом, он уже совсем перестал плакать.

Пока гном пил компот, Алиса спросила:

— Почему ты говоришь, что неизвестно, жив ли директор? Он на конференции, заседает в городе Тимбукту. Может, тебе просто забыли об этом сказать?

— А кто тебе сказал, что Иван Иванович Царевич в городе Тимбукту? — спросил гном.

— Его помощник, старик Кусандра. Уж, наверно, он лучше тебя знает.

— Именно. Он-то знает лучше меня, — сказал гном, возвращая Алисе чашку. — И он знает, что директор ни на какую конференцию не ездил. О, ужас! Его заколдовали или заточили!

— Успокойся, Веня, — сказала Алиса. — Не может быть, чтобы кто-нибудь заколдовал доктора наук и директора. Этого просто не бывает.

— А почему? Почему заколдовать можно недокторов и недиректоров, а докторов и директоров нельзя?

— Никого нельзя. Да и потом, кто будет заколдовывать? И зачем?

— Зачем? Наверное, потому, что директор наконец-то проник в планы заговорщиков и грозил им разоблачением. А кто? Я же целый час повторяю — старик Кусандра.

— Не может быть!

— Ну вот, ты опять за свое... Не может, не может! А вот может! Ты думаешь, он кто такой — твой любимец Кусандра?

— Во-первых, он вовсе не мой любимец, а во-вторых, он сам сказал, что он помощник директора по хозяйственной части.

— А тебе не приходило в голову спросить, почему этот злодей оказался в заповеднике?

— Не приходило. Я только сегодня со всеми вами познакомилась.

— Тогда я тебе расскажу, как дело было. Приходит однажды к Ивану Царевичу в кабинет этот Кусандра и говорит: «Вы принимаете экспонаты в заповедник сказок?»

— А что такое экспонат? — спросила Алиса.

— Ты и этого не знаешь? — Гном был расстроен.

— Я-то знаю, но мне хочется, чтобы Даша тоже знала, — сказала Алиса.

— Правильно. Даше надо учиться. А то она будет такая же необразованная, как ты, — согласился гном. — Экспонат — это тот, кто экспонируется. Ясно?

— Молодец, — сказала Алиса. — Объяснил непонятное непонятным.

— Ну как сказать попроще? Экспонат — это тот, кто сидит внутри. В музее экспонаты под стеклом, а в зоопарке в клетках.

— А ты экспонат? — спросила Алиса.

— Я экспо-гном, нужно понимать разницу. Ну что, будем продолжать или пойдем по домам?

— Будем продолжать.

— Так вот, Кусандра попросился в заповедник экспонатом. А Иван Иваныч спросил: «Почему я должен брать вас экспонатом, если вы производите впечатление обычного человека?» А Кусандра отвечает, что он волшебник и может абсолютно все, только не хочет, потому что боится всю Землю погубить. «Но если, — сказал Кусандра, — вы не боитесь погубить Землю, давайте начнем меня испытывать».

— И директор согласился?

— Нет, он засмеялся и спросил, а что еще Кусандра умеет делать. А Кусандра сказал, что знаком с работой Бабы-яги.

— И его взяли?

— Взяли. Дали ему ступу и метлу и велели подметать заповедник. Подметать он, конечно, не умел, а только летал.

— По-настоящему летал?

— Не очень по-настоящему. Ступа была реактивным двигателем, на киностудии взяли. К тому же он оказался лихачом и воздушным хулиганом. Директор терпел-терпел, а потом сказал: «Все у нас в заповеднике настоящее, а вместо Бабы-яги Папаяга, и пользы от него никакой. Если уж держать в заповеднике ведьму, так настоящую».

— И что?

— И Кусандру перевели на человеческую работу — помощником по хозяйственной части.

— И он за это обиделся на Ивана Царевича?

— Не это главное. Хотя зарплата помощника меньше, чем у Папы-яги.

— А зачем Кусандре зарплата?

— Он очень жадный. Он деньги копит. Уеду, говорит, к себе, куплю царство, буду всех угнетать.

— Куда к себе?

— В легендарную эпоху. Между третьим и четвертым ледниковыми периодами. Мы все подозреваем, что он злой волшебник.

— Если бы он был волшебником, — сказала Алиса, — у него ступа сама бы летала.

— Не скажи. Волшебники не все могут. Если бы волшебники все могли, житья бы от них не было, да и не вымерли бы они к настоящему времени. Нет такого волшебника, чтобы умел в ступе летать. Это ведьмино дело. А уж на метле летать они и не мечтают.

— Что же случилось потом?

— Потом пропала Курочка Ряба.

— Какая еще курочка?

— Ах, эти современные дети! Могут перечислить все спутники Юпитера, а забыли, чем знаменита Курочка Ряба.

— А, я вспомнила! Она снесла золотое яичко?

— И не одно. А потом исчезла. И директор Царевич сказал Кусандре: «Вы отвечаете за порядок. Куда делась курочка? Чтобы завтра курочка была на месте! Иначе я вас уволю!»

— А что дальше?

— Вчера ночью директор пропал. Когда утром за ним прилетела машина, вышел Кусандра и сказал, что директор ушел пешком. А это неправда. Все двери были заперты. И он не уходил. Он исчез. Теперь власть в заповеднике находится в руках страшного злодея Кусандры. И если ты нам не поможешь, мы все погибли. А может, погибнет весь город. И вся Земля!

— Может, скажем моему папе? Он взрослый...

— Взрослые не верят в сказки. Единственный взрослый, который верит в сказки, — это Иван Иванович Царевич. А он заколдован или заточен.

— Но я тоже не верю в сказки. Я верю в космические путешествия, в достижения науки, мне некогда верить в сказки. Мне, как будущему ученому, нужны доказательства.

— Ах, тебе нужны доказательства? — Гном вскочил и выпрямился на диване во весь рост. — А я что, не доказательство?

— Почему ты доказательство?

— Так я же гном! Я сказочное существо!

— А как ты докажешь...

— Хватит! — Гном был страшно разгневан. — Если бы я сказал тебе, что прилетел с планеты Паталипатра, где все жители такого роста и ходят в красных колпаках, ты бы мне поверила?

— Поверила бы, — сказала Алиса.

— А если я говорю тебе, что я гном, ты мне не веришь? Это же чепуха! Если на другой планете, значит, не противоречит науке, а если у тебя на Земле, то противоречит! О нас, гномах, написаны тысячи книг, сняты замечательные фильмы, созданы целые энциклопедии — но все равно ты веришь в нас меньше, чем в какого-то там паталипатрянина!

— Но ведь это сказочные книги и сказочные фильмы...

Гном захохотал, и Алиса подумала, что в самом деле она, наверное, выглядит странно. Стоит перед ней гном, смеется, а она твердит, что гномов не бывает.

— Но почему тебя раньше не было?

— Когда раньше? Вчера? Позавчера? Миллионы твоих бабушек и дедушек меня видели и в меня верили...

— Они и в Кощея верили. И в ведьму верили...

— Так они дураки, да? Дураки? Ты умная, а они дураки?

— Это же давно было, когда наука еще только начиналась.

— А я не говорю тебе, что сегодня гномов много. Нас очень мало. Но в легендарную эпоху, когда люди были еще первобытные, мы, сказочные существа, властвовали над Землей! И если ты чего-нибудь не видела и не знаешь, это не значит, что этого нету. Ты ведь бразильских клопов не видела, а им на это наплевать. Они все равно живут и думают, что тебя, Алиса Селезнева, на свете тоже нету.

— Сравнил тоже, меня и какого-то бразильского клопа!

— Почему не сравнить? Бразильские клопы знамениты своим упрямством. Их никакая отрава не берет! И вообще, мне надоело с тобой спорить. Я понимаю — ты просто боишься пойти со мной в заповедник, ты боишься, что тебя заколдуют.

— Ни капли не боюсь, — сказала Алиса. — Я только не понимаю: чем я могу помочь?

— А хочешь помочь?

— Очень хочу.

— Даже если не веришь в сказки?

— Я посмотрю и, может быть, поверю, — сказала Алиса.

— Полдела сделано, — сказал гном. — Я уж боялся, что ты струсила. Нам без тебя никак нельзя — пришлось бы другого героя искать. Ведь ни одно сказочное существо не может открыть дверь в заповедник. Это могут сделать только настоящие люди.

— Почему?

— Дверь в заповедник заколдована. Сам директор Царевич

заколдовал, чтобы мы не разбежались. А ты пройдешь внутрь и найдешь нашего директора. Или то, что от него осталось, — и на глаза гнома навернулись слезы.

— Я все поняла, — сказала Алиса. — Пошли, разберемся на месте. Что мне с собой брать?

— Ничего, — сказал гном. — Только сумку.

— Зачем?

— А в чем ты нас с Дашей понесешь?

— А Дашу зачем нести?

— Более отсталого ребенка, чем ты, Алиса, я еще не встречал. Даша моя невеста, без нее я ни шагу отсюда, пускай пропадает заповедник. Личное счастье мне дороже!

— Жалко мне Дашу отдавать, — сказала Алиса. — Мы с ней вместе детство провели.

— Конечно, провели, а как детство кончилось, ты ее бросила в ящик с игрушками и забыла? Погляди, у нее же лицо пыльное!

— Все равно жалко. А вдруг ей не хочется?

— То говоришь, что она неживая, то сомневаешься. Неси сумку!

Алиса достала спортивную сумку. Гном наблюдал за ней, склонив голову. А потом ехидно спросил:

— Ты в чем идти собираешься? Разоблачить нас хочешь, что ли?

— А что такого?

Алиса была в обычном комбинезоне со звездой Дальней разведки на груди, которую ей подарил космонавт Полосков.

— Когда тебя спросят, что ты делаешь в заповеднике сказок, ты что ответишь?

— Правду.

— И все погибло. В лучшем случае тебя выгонят, а меня бросят в подвал замка, в худшем — тебя заколдуют, а меня растерзают. Поняла?

— А как же мне тогда одеваться?

— Как экспонат!

— Какой экспонат?

— Как какая-нибудь бедная девочка, незаметная, скромная... И приспешники Кусандры будут введены в заблуждение.

— Ой, как ты сложно говоришь, Веня, — сказала Алиса.

— Неизбежно. Потому что я начитанный. В кого же тебя одеть?

— Может, в принцессу? — спросила Алиса.

— Ничего себе, бедная, незаметная! А у тебя дома есть принцессина одежда? У тебя под кроватью завалялась корона? Может, у тебя в коридоре свалены в кучу жемчужные ожерелья?

— Нет, — сказала Алиса, — у меня нет короны и жемчугов.

— А старое платье у тебя есть?

— Старые платья я выкидываю. Мама никогда бы не потерпела дома старых вещей.

— А может, какое-нибудь ты сохранила? Как куклу? Не нужна кукла, а валяется в ящике. Подумай!

— Ой, есть! — сказала Алиса. — У меня есть летний огородный сарафан. Я его не позволяю выкидывать.

— Доставай!

Сарафан Алисе был мал, но полез.

— Теперь снимай ботинки, — сказал гном. — Золушка, пока ей не дали хрустальных туфелек, ходила босая. Я знаю, я ее встречал.

Алиса послушно разулась.

Гном между тем спрыгнул с дивана и направился к ящику с игрушками. Он перевалился через край и начал шуровать в ящике. Из ящика вылетела игрушечная кастрюлька, игрушечные чашки и ложки, потом, поднатужившись, гном вывалил оттуда игрушечный столик, стулья и, наконец, ворох тряпок.

— Это все тебе не нужно, — сказал он, — а нам в хозяйстве пригодится. Мне перед родственниками неудобно — привел невесту, а приданого нету. Пойми меня правильно.

Глава 5

НОВЕНЬКАЯ

Алиса сказала отцу, что пойдет погулять.

— К ужину возвращайся, — сказал отец. К счастью, он так погрузился в свою статью, что забыл об обеде, не посмотрел Алисе вслед и не заметил, как она одета и что она выносит из дома полную сумку, которая подозрительно шевелится. Это гном устраивался поудобнее.

В автобусе гном вел себя безобразно. Он вертелся в сумке, сумка вздрагивала, гном спрашивал:

— Мы правильно едем? Скоро сходить? Ты не забыла, как называется остановка? Ты не заметила ничего подозрительного?

Пассажиры с удивлением оглядывались на босую девочку в

тесном застиранном сарафане, на коленях у которой лежала говорящая сумка.

Автобус летел низко, над самыми домами, и через полчаса добрался до последней остановки, которая называлась «Заповедник».

Заповедник сказок занимал заросшую лесом, окруженную искусственными горками низину, посреди которой протекала речка. Сверху заповедник был накрыт громадным прозрачным куполом, а под куполом всегда стояла хорошая погода. Рядом с куполом возвышалась многометровая мачта, похожая на ножку поганки. А шляпкой поганки была большая платформа. Туда можно было подняться на лифте, и с платформы в подзорную трубу зрители смотрели на заповедник. Так что сказочным жителям гости не мешали.

— Приехали наконец-то? — спросил гном, когда Алиса вышла из автобуса.

— Приехали, — сказала Алиса. — Теперь куда?

День клонился к закату, стало прохладно, с непривычки камешки на дорожке кололи пятки, к тому же Алиса вдруг вспомнила, что забыла пообедать. Гнома накормила, а сама забыла поесть. Поэтому она подошла к автомату на автобусной остановке и взяла порцию клубничного мороженого.

— Ты что делаешь? — спросил гном. — Ты почему никуда не идешь? Если струсила, так и скажи.

— Я ем мороженое, — сказала Алиса. — Я проголодалась.

— Значит, так, — сказал гном, — ты ешь мороженое, а Даша должна голодать. Ее и так укачало, Даша плачет, а ей не дают мороженого.

И гном громко зарыдал за Дашу.

— Ты что, мороженого хочешь? — спросила Алиса.

— Даша умоляет, чтобы ей дали мороженого, — сказал гном.

Алиса оглянулась. Вокруг было пусто. Автобус улетел, забрав последних зрителей. Рабочий день заповедника кончался. Она поставила сумку на землю и расстегнула ее. Гном выбрался наружу, поправил колпак и протянул кверху руки.

— А Даша? — спросила Алиса. — Ты ее не будешь угощать?

— Даша устала, спит, ее нельзя тревожить, — сказал сердито гном. — Как ты не понимаешь самых простых вещей!

Гном принял из Алисиных рук стаканчик, высунул длинный красный язык и начал быстро лизать мороженое.

— Куда теперь идти? — спросила Алиса.

— В дверь, — сказал гном. — В запасной выход. Я тебе покажу.

— Ты не лопнешь? — спросила Алиса. — Такое впечатление, что ты съел футбольный мяч.

— Ну, положим, не футбольный, а теннисный, — сказал гном. — Не преувеличивай. Надо уважать друзей.

Язык гнома работал со сказочной скоростью. Через минуту стаканчик был пуст.

— Жалко, — сказал гном. — Все хорошее в жизни очень быстро кончается. Может, еще по стаканчику?

— И не мечтай, — сказала Алиса. — Пошли.

— Я так и думал, — сказал гном. — А если за Дашино здоровье?

— Ты сам пойдешь или в сумку полезешь? — спросила Алиса.

— Я пойду в сумке, — сказал гном. — Меня ноги не держат. Ты меня чем-то отравила.

Алиса не стала спорить. За гномом всегда оставалось последнее слово. Она вернула его в сумку и пошла по дорожке, которая вилась вокруг купола. Стена купола поднималась вверх и, закругляясь, исчезала из глаз. Видно было, что изнутри к ней подступают холмы и деревья, а снаружи вдоль стены были посажены кусты, так что заглянуть внутрь было нельзя.

— Долго еще идти? — спросила Алиса.

— Скоро, скоро, — ответил гном плачущим голосом. — Иди скорей, но не качай сумку. Ты меня хочешь убить.

И тут Алиса увидела, что кусты расступились и за ними обнаружилась самая обыкновенная раздвижная дверь, на которой было написано:

ЗАПАСНОЙ ВЫХОД.
ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖАЩИХ ЗАПОВЕДНИКА

— А как ее открыть? — спросила Алиса.

— Подумай сама, я не знаю, — сказал гном. — Только быстрее думай!

Алиса нажала на ручку двери, и дверь легко отошла в сторону.

Она вошла внутрь.

Дверь закрылась.

— Я уже внутри, — сказала Алиса.

— Вот видишь, — сказал гном. — Хорошо вам, людям. И мороженое дают, и в заповедник пускают.

В заповеднике было тихо, куда тише, чем снаружи. И лес вокруг был темнее, чем обычный. Шум города сюда не проникал. Могучие ели сошлись тесно, с голых нижних ветвей свисали седые бороды лишайников, а земля была покрыта толстым мягким

слоем мха, из которого вылезали папоротники. Дорожка вилась между стволами и терялась в папоротниках, которые, хоть ветра не было, медленно шевелили листьями.

— Тихо как, — прошептала Алиса. Ей стало немного не по себе. Даже захотелось вернуться обратно и позвать отца.

— Не бойся, — ответил из сумки гном. — Я сам здесь боюсь один ходить. Потерпи, сейчас доберемся до моей тетки, там куда уютнее. Ты только по сторонам не гляди. Ничего не увидишь, а испугаешься. Это бывает. Здесь лес тоже необыкновенный, реликтовый...

— Какой?

— Реликтовый. Я не знаю, что значит это слово, но наверное — очень старый, может, даже сохранился с легендарной эпохи. Иди!

И Алиса пошла вперед. Первый шаг босиком было сделать всего труднее, второй удался легче, третий — совсем легко, но на четвертом шаге в ногу вонзился сучок, и Алиса подпрыгнула от боли.

— Ты что? — взвизгнул гном. — Кто тебя?

— Я сама. Это сучок...

— Нельзя ходить по лесу босиком, — раздался добрый мягкий бас. — Разве можно маленьким девочкам ходить по нашему лесу босиком?

Алиса испуганно оглянулась.

Под деревом стоял большой Серый Волк. Он улыбался.

— Ну вот, — сказал он, — вот мы и испугались. А почему испугались? Потому что решили, что Серый Волк нас съест. Правильно?

— Не знаю, — сказала Алиса.

— А я знаю. И знаю, что это неправда. Я в жизни не съел ни одной девочки. В мире и без меня много несправедливостей. Надо любить друг друга, оберегать и даже лелеять. Ты со мной не согласна, босая девочка?

— Я согласна, — сказала Алиса.

— Ну вот мы и подружились.

Алисе раньше не приходилось видеть говорящих волков, и она удивилась тому, как шевелится волчий рот, произнося слова.

Волк мягко подошел к Алисе, сел и протянул громадную теплую мохнатую лапу.

— Давай познакомимся, — сказал он. — Я очень общительный. И добрый. Имени у меня нет, называй меня просто Волком.

— Ал... — и тут Алиса осеклась. Она вспомнила, что должна быть экспонатом. — Золушка, — сказала она.

— Неужели! — обрадовался Волк и улыбнулся, показав множество белых длинных зубов. — А я думаю, почему босая? Может, сирота? У нас до сих пор не было Золушки. Я так рад, что ты будешь с нами жить. А как твои родственники? Как мачеха, сестры? Не болеют? Как папаша, не жалуется на здоровье?

— Я одна, — сказала Алиса. — Я буду у вас экспонатом.

— Молодец, — сказал Волк, — ну просто молодец, умница. А ты с Красной Шапочкой раньше не встречалась?

— Нет, — сказала Алиса.

— Вот и познакомитесь, — сказал Волк. — И надеюсь, сблизитесь. У меня с Красной Шапочкой сложились теплые дружеские отношения. Я ее провожаю домой, а иногда мы гуляем с ней по лесу.

— А вы ее не съели?

— Ну вот, еще чего не хватало, — обиделся Волк. — Я даже бабушку есть не стал. Я тебе, Золушка, открою большую тайну. Надеюсь, нас никто не подслушивает?

Волк оглянулся. В лесу было тихо.

— Я вегетарьянец, понимаешь? Это значит, что я не ем мяса. Потому что мясо в моем возрасте вредно. Морковка — вот настоящая еда для разумного мужчины. А ты любишь морковку?

— Да, — сказала Алиса.

— Тогда жду тебя в гости.

— Только мне сначала надо пройти в дирекцию заповедника, — сказала Алиса. — Я ведь новенькая.

— Правильно, — сказал Волк. — Как это правильно и разумно! Сначала в дирекцию. Наш директор — милейший человек, доктор наук, Иван Иванович, я его уважаю... А разве тебе не сказали, что он улетел на конференцию в город Тимбукту?

— Но ведь там кто-нибудь еще есть?

— Обязательно, — сказал Волк. — Там тебя ждет заместитель нашего любимого директора старик Кусандра, бывший Папаяга. Тоже милейший человек, большого ума, редкой биографии. Есть подозрения, что он бессмертный. А что у тебя в сумке? Нет ли там морковки?

Волк облизнулся.

— Нет, — сказала Алиса, прижимая сумку к боку. Она уже не боялась Волка, но все-таки не хотела подводить гнома. Неизвестно, какие у него с Волком отношения. — Там моя кукла и запасная одежда. Хотите посмотреть?

— Не стоит, — сказал Волк скучным голосом. — Я пошел. У меня масса дел, надо встретить Красную Шапочку и поработать на огороде. Так что жду тебя в гости, Золушка. Одна приходи или с принцем, как удобнее. Тебе каждый мое логово укажет, меня тут все знают... И любят.

Сказав так, Волк махнул хвостом и исчез в лесу, будто растворился среди серых стволов.

— Ох, — раздалось из сумки. — А я уж испугался, что он в сумку полезет. Плохо, что он тебя видел. Обязательно Кусандре донесет.

— Он в самом деле морковку ест? — спросила Алиса.

— Не хочу врать — не видел. Но сомневаюсь. Как это Волк с одной морковки таким гладким будет?

— Он меня в гости звал, — сказала Алиса.

— Успеешь, — сказал гном, — не спеши.

— А он правда с Красной Шапочкой дружит?

— Пока что не съел. Да и понятно — здесь мы все на учете. Если недосчитаются, большой скандал будет. Ты думаешь, как мне удалось сегодня вырваться? Я Змея Гордыныча подговорил. Все равно, говорю, тебе пройти обследование надо, что-то ты похудел за последнее время, чихаешь, а я хорошего врача знаю, специалиста по драконам. Змей Гордыныч очень боится заболеть, с утра он как начал стонать, весь замок зашатался. А Кусандра испугался, что, если дракон помрет, начнут расследовать, вопросы задавать, почему не сберегли, почему недосмотрели за уникальным экспонатом... Золотая у меня голова!

— У тебя в самом деле золотая голова, — согласилась Алиса. — Нам далеко еще идти?

— Нет. За большим дубом будет тропинка направо. И приведет она нас к родному дому.

Глава 6

В ГОСТЯХ У ТЕТИ ДАГМАРЫ

Дом гномов приютился между корнями огромной, древней сосны.

Корни покрывали его, как шалашом, так что крыши гномам не понадобилось. Они пристроили спереди стену с дверью и двумя окнами по бокам. Над дверью была вывеска:

САМЫЙ АККУРАТНЫЙ ДОМ

Дом был покрашен голубой краской, дверь была зеленой, дорожка, ведущая к дому, подметена, по сторонам ее две небольшие клумбы с маленькими анютиными глазками.

Гном высунул голову из сумки и сказал:

— Приехали. Не правда ли, чудесный дом?

— Чудесный, — сказала Алиса.

— Это только верхний этаж. Есть еще и нижний этаж, и подвал, представляешь? Лучший дом во всем заповеднике.

Алиса поставила сумку на дорожку, гном вылез оттуда и побежал к двери. Он нажал на звонок, и внутри дома мелодично отзвенели колокольчики. Дверь отворилась, и в дверях показалась гномиха — толстая, с добрым круглым лоснящимся лицом, в длинном, до земли, синем платье с кружевным передником и в колпаке, таком же, как у Вени.

— Свен! Радость моя! — воскликнула гномиха. — Я боялась, что ты уже не вернешься. Твоя невероятная смелость меня пугает!

— Я жив, тетя! — радостно закричал Свен, заключая гномиху в объятия. — Я преодолел все трудности, я победил все препятствия, я привел Алису Селезневу, я очень хочу спать, но сначала должен поделиться с тобой большой радостью. Иди сюда.

И Свен бросился к синей сумке, стоявшей на земле между клумбами.

Гном нырнул в сумку и с трудом поволок к себе куклу. Ничего у него не получилось. Кукла застряла. Тогда он крикнул Алисе:

— Ты чего мне не помогаешь? Невесту придавило столом! Если у нее будет травма, я отдам ее тебе обратно!

Алиса только улыбнулась. Она уже привыкла к гному. Она помогла ему освободить Дашу. Свен за косы вытащил ее наружу и посадил на дорожку.

— Познакомьтесь, тетя, — сказал он. — Это моя невеста Даша.

— Очень приятно, — сказала гномиха. — А разве она живая?

— Какое это имеет значение, — сказал гном, — если за ней я получил такое громадное и ценное приданое. Алиса, вытаскивай приданое! Мы сейчас потрясем мою тетю.

Алиса послушно вытащила стол, стул, посуду и платья Даши и положила их в кучку возле гномов. При виде каждой новой вещи Свен кричал:

— Ты только погляди, тетя! Ты только погляди!

Но гномиха сначала вытерла руку о передник, протянула ее Алисе и сказала:

— Простите, в суматохе мы не успели познакомиться. Меня зовут Дагмара. Спасибо, что вы нас уважили, пришли на помощь.

— Очень приятно. Меня зовут Алиса.

— Тетя, не отвлекайся, — крикнул гном. — Пощупай приданое! А где мои братья? Они лопнут от зависти.

— Не спеши, Свен, — сказала тетя, — твои братья еще на работе. Кто-то же должен в семье работать.

— Очень хорошо, пускай работают, — сказал Свен и потащил невесту за руку к дверям. — Я без всякой работы проживу своим гениальным умом. Разве у них есть такие невесты? Присматривай за приданым, как бы не утащили!

Он побежал в дом, волоча за руку куклу.

Тетя посмотрела вслед гному, покачала головой и сказала Алисе:

— Вы уж простите, он неплохой молодой человек, только у него ветер в голове.

— Ничего, — сказала Алиса, — я к нему уже привыкла.

— Простите, — сказала Дагмара, — а вы уверены, что его невеста настоящая?

— Честно говоря, — сказала Алиса, — она моя бывшая кукла. Правда, у нее открываются глаза и она умеет говорить «мама», если ее положить на спину.

— Я так и думала, — сказала Дагмара. — А я хотела, чтобы у меня были внуки.

— Я все слышал! — закричал гном, открывая окно и высовывая наружу рыжую бороду. — Но меня не разочаруешь! Зато я могу ее ругать, пилить, сверлить и упрекать сколько хочу, а она мне не сможет возразить. Разве это не замечательно?

— Мне нужна помощница по хозяйству, — сказала Дагмара.

— Научим, — сказал Свен. — А пока, Алиса, подавай сюда вещи. Чего им на улице лежать.

Алиса помогла гному спрятать приданое.

— Хотите чаю? — спросила Дагмара. — В доме вы, конечно, не поместитесь, но я наружу вынесу.

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Мне бы хотелось вернуться поскорее, а то отец будет волноваться.

— Ну конечно, конечно, — согласилась гномиха. — Мы оторвали вас от дел, от успешной учебы в школе. Мы вам так благодарны, что вы согласились нам помочь... Свен, немедленно выходи из дома, ты забыл, зачем пришла к нам Алиса?

Гном снова высунул из окна рыжую бороду.

— Ни в коем случае! Я свое дело сделал. Теперь пускай другие спасают заповедник. Надо использовать радости жизни! Все хорошее очень быстро кончается!

— Ах ты, опять философствовать принялся! — рассердилась гномиха. — Простите, Алиса, я сейчас вернусь.

Дагмара бросилась в дом, хлопнула дверью так, что домик пошатнулся, и тут же изнутри раздались жалобные крики Вени:

— Ну, тетя, ну за что? Тетя, я пошутил! Тетя, перестань, я буду жаловаться...

Тут по дорожке застучали легкие шаги, и к дому подошли два других гнома. Они были измазаны землей и покрыты пылью, вид у них был очень усталый. На плечах они несли лопаты и кирки. Увидев возле дома Алису, они остановились, сняли колпаки, поклонились ей.

— Здравствуйте, — сказала Алиса.

Гномы прислушивались к крикам, которые доносились из дома, потом один из них спросил:

— Простите, если я не ошибаюсь, тетя Дагмара наказывает нашего непутевого брата?

— Да, — сказала Алиса. — Но мне его не жалко. Он меня сюда привел, а теперь не хочет идти со мной дальше.

— Не беспокойтесь, — сказал второй гном. — Я думаю, что он скоро изменит свое решение.

И в самом деле, тут же из дома донесся голос Вени:

— Тетя, я сейчас же иду!

Дверь домика растворилась, оттуда вылетел Свен, сел на дорожку, увидел братьев и сказал им:

— Здравствуйте, как сегодня работалось?

— Спасибо, не жалуемся. А ты опять тетю не слушаешься?

— Она очень многого от меня требует. Мы с Алисой идем в холодильник, а в комнате осталась моя невеста Даша. Попрошу ее не обижать и не отнимать у меня. А то растерзаю!

— Ты нашел невесту? — удивились братья Свена.

— С приданым, — сказал Свен. — Высший сорт. Вам такая и не снилась.

В дверях показалась тетя Дагмара.

— Иди, Свен, — сказала она. — А то мне придется снова с тобой поговорить. И твои братья мне помогут.

— Поможем, — сказали гномы.

— А вы сейчас же мыться и за стол, — сказала тетя братьям.

Глава 7

ГДЕ ЖИВЕТ СНЕГУРОЧКА?

— Нет, они не гуманисты, — ворчал Веня. — Разлучили с любимой девушкой, гонят куда-то на ночь глядя...

— Знаешь что, — рассердилась Алиса. — Я к вам не напрашивалась. У меня еще марсианский язык не выучен, дома волнуются...

— Ах, Алиса, Алиса, — вздохнул Веня. — Пожалуйста, не принимай меня всерьез. За внешним хамством я скрываю нежность моей натуры. Ради дела я покинул Дашу. Иначе тетка из меня душу вытрясет, да еще братья исколотят. У тебя мало жизненного опыта, ты не знаешь, как трудно жить на свете.

— А куда мы идем? — спросила Алиса.

— Тут недалеко, — ответил Веня. — В холодильник.

— Куда?

— Тишшшше!

Гном, который быстро семенил впереди, замер и пошел, пригнувшись, прячась за папоротники и поглядывая направо, где между деревьями что-то просвечивало. Алиса увидела небольшое озеро. На берегу его пасся привязанный за колышек козлик. А рядом с ним сидел большой Кот в шляпе с пером и высоких сапогах с раструбами. Кот держал в лапах ромашку и обрывал лепестки один за другим, приговаривая:

— Любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет... Ну вот, я же говорил, что к сердцу прижмет! А мне не верили!

Козлик жалобно заблеял.

— Молчи, копытное, — сказал Кот. — Оцарапаю.

Когда деревья скрыли Свена и Алису от парочки на берегу, гном остановился и тихо сказал:

— Нельзя, чтобы он нас увидел.

— Ты о ком?

— Этот Кот в сапогах совершенно беспринципная личность, правая рука Кусандры. На все способен, на любую подлость.

— А почему он козлика пасет? Я такой сказки не знаю.

— Делать ему нечего, вот и пасет. Очень боюсь, как бы он не узнал, что у меня такая красивая невеста.

— А что он сделает?

— Они с Кусандрой ее тут же отберут. Они у нас все хорошее отбирают.

Алиса удивилась, зачем Коту кукла Даша, но она ничего говорить об этом не стала — здесь странный мир и странные нравы. Вместо этого она сказала:

— Что-то мне морда этого козлика знакома. Где-то я его недавно видела.

— Глупая, — сказал гном, — все козлики на одну морду. Кот в сапогах — это редкость, тем более что он в Спящую красавицу влюблен.

— Еще этого не хватало, — сказала Алиса.

— Он слишком влюбчивый! Он и в тебя может влюбиться. Тогда держись!

— Это не случится, — сказала Алиса.

— Ох, неспокойно у меня на сердце, — сказал гном и поспешил дальше.

«Где же я видела этого козлика? — думала Алиса. — Ну прямо сегодня видела...»

Но тут ее мысли перебил гном.

— Вот мы и пришли, — сказал он.

Они вышли на небольшую полянку, затененную могучими дубами. Под самым большим дубом стоял огромный холодильник, какие бывают в магазинах. Алиса никак не ожидала увидеть в заповеднике сказок такую машину.

Гном, раздвигая руками стебли травы, подбежал к холодильнику и постучал в дверь. Раз, потом еще раз, потом три раза подряд.

— Сейчас открою, — раздался из-за двери приглушенный голос.

Дверь холодильника приоткрылась, и оттуда высунулась окладистая белая борода, потом красный нос картошкой, потом меховая шапка. Это был Дед Мороз. А Алисе все стало ясно. Разумеется, летом Деду Морозу жарко на открытом воздухе.

Увидев гостей, Дед Мороз вылез из холодильника и сел на приступочку в дверях. За его спиной, за приоткрытой дверью, Алиса могла разглядеть белую комнату с ледяными стульями, снежным ковром и занавесками из инея. Красивая молодая девушка в расстегнутой песцовой шубке вскочила со стула и подбежала к двери.

— Здравствуйте, — сказал Дед Мороз. — Пришли все-таки.

— Здравствуйте, — сказала Снегурочка. — Ты и будешь Алиса? Мне о тебе Красная Шапочка рассказывала. Ты мне нравишься.

— Она не Алиса, — сказал гном, поднимая воротник и отходя

в сторону, чтобы не дуло из открытого холодильника. — Золушка она. Забудьте ее имя. Из соображений безопасности она будет у нас проходить под псевдонимом Золушка. Поняла?

— А что такое псевдоним? — спросила Снегурочка.

— Секретное имя, чтобы не узнали, — сказал Дед Мороз. — И помолчи немного. Я и без того от тебя устал — говоришь и говоришь. С ума сойти можно.

— Что же поделаешь, дедушка, — сказала Снегурочка. — Ты мне тоже надоел. Я теперь буду с Алисой дружить, можно? Мы будем на каток ходить.

— До зимы еще полгода.

— А я пока буду дружить с Алисой по видеофону. Алиса, ты будешь дружить со мной по видеофону?

— Конечно, — согласилась Алиса.

— Тогда я твой номер запишу.

— Нет, с ума сойти можно! — воскликнул Дед Мороз. — Прячься, а то перегреешься! Ты разве забыла, что одна Снегурочка не послушалась дедушку...

— Знаю, знаю, она влюбилась и растаяла. Но в наши дни Иван Иванович не допустит, чтобы я растаяла.

Снегурочка достала из сумочки ледяную табличку и ледяным карандашом написала на ней номер Алисиного видеофона.

Гном сказал:

— Поторапливайтесь. Не до ночи же нам здесь сидеть. У меня дела!

— И то верно, — сказал Дед Мороз. — Нечего нам время терять. В любой момент какой-нибудь шпион может появиться. — Он поглядел на Алису и спросил: — Золушка, тебе этот непутевый гном изложил ситуацию?

— Изложил, — сказала Алиса.

— Это я уговорил моих друзей, — сказал Дед Мороз, — к людям за помощью пойти. Боюсь я таких, как Кусандра. Вы, люди, думаете, что если все волшебство и сказки под колпак спрятать, то это будет только развлечение. Смотрите, детки, какие интересные зверушки внизу шевелятся! А ведь среди зверушек бывают и хищники. В легендарную эпоху, из которой мы все родом, было немало зла и подлости. Боюсь, что наш дорогой Иван Иваныч этого не учел и пострадал.

— Веня думает, что Царевича заколдовали, — сказала Алиса.

— Из заповедника он не выходил. Живым его никто не видел.

А найти мы его не можем. Может, и заколдовали, а может, и чего похуже.

— Ой-ой-ой, — сказал гном. — Какое несчастье!

— А коньки у тебя есть? — спросила Снегурочка, которой надоело слушать этот разговор.

— Внучка, не перебивай! — прикрикнул на нее Дед Мороз. — Есть у нее коньки, все у нее есть. Так вот, чтобы отыскать Царевича, надо проникнуть в замок — дирекцию.

— Ладно, — сказала Алиса. — Я схожу. Только быстро, а то скоро стемнеет.

— Ах ты, шустрая, — улыбнулся в бороду Дед Мороз. — Ты думаешь, сходила, нашла нашего директора — и домой. Нет, не так... Ты с кем имеешь дело? Со злым волшебником Кусандрой, а не с глупым гномом. — Тут Дед Мороз показал пальцем на Веню.

Гном насупился и забормотал:

— Ну ладно, чего уж... я женюсь скоро. Тогда не так заговорите.

Дед Мороз отмахнулся от Вени, серьезно поглядел на Алису и сказал:

— Рад бы я тебе дать какое-нибудь сказочное средство вроде шапки-невидимки или меча-кладенца, но, к сожалению, еще не обзавелись. Так что придется тебе полагаться лишь на себя.

— А кто меня проводит? — спросила Алиса. — Я же не знаю, как туда пройти.

— Я не провожу, — сказал гном быстро. — Мы не договаривались. Братья мою невесту отнимут.

— Без тебя обойдемся, — сказал Дед Мороз. — Я бы сам пошел, да жарко до невыносимости.

— Дедушка, миленький! — взмолилась Снегурочка. — Можно, я пойду? Я пальто сниму.

— Ты что, забыла, что май на дворе? Одна Снегурочка вышла летом на улицу...

— Ой, знаю, знаю! Но я только туда и сразу обратно.

— Сиди. У меня для Золушки другой провожатый есть.

Дед Мороз сунул два пальца в рот и свистнул, как мальчишка.

Громко затрещали кусты, и на поляну вышел Медведь. Он подошел к холодильнику, сел на задние лапы, протянул Деду Морозу лапу, потом поклонился Алисе и замер, сложив лапы на животе.

— Слушай, Михаил, — сказал Дед Мороз. — Проводишь Золушку до замка. Покажешь ей вход. И будешь ждать, пока вернется. Если что, поднимай рев на весь лес. Прибежим. Понятно?

— Угу, — сказал Медведь.

— Ну вот и договорились. Иди, Алиса, он тебе покажет дорогу.

Медведь поднялся и пошел вперед. Алиса за ним. Снегурочка крикнула:

— Я тебе позвоню по видеофону!

И слышно было, как хлопнула, закрывшись, дверь холодильника.

Глава 8

БАБУШКИНЫ ПИРОЖКИ

Солнце клонилось к закату, длинному майскому дню подошло время кончаться. Вечер уже поджидал за углом. Идти по лесу с Медведем было спокойно — никакие волки не страшны. Да и остались пустяки — зайти в дирекцию, осмотреть все комнаты и, если что неладно, позвать Медведя, Деда Мороза или тетушку Дагмару. Зато ей повезло — кто из ее друзей здесь побывал? Никто.

Поэтому Алиса оглядывалась, старалась побольше увидеть, а жители заповедника занимались своими делами, готовили ужин, возвращались домой с работы и не обращали внимания на босоногую Золушку в тесном сарафане, которая спешила куда-то вслед за Медведем.

В небольшом озерце, через которое протекала речка, плескалась самая настоящая Русалка, с зелеными длинными волосами, зеленоватой кожей и длинным хвостом.

— Иди купаться, Золушка! — крикнула она. — Вместе веселее.

— А ты откуда знаешь, что я Золушка? — спросила Алиса.

— Все уже знают, — сказала Русалка. — Волк рассказывал, что у нас новенькая.

— Мне купаться некогда, — сказала Алиса. — Мне в дирекцию надо.

— Иди и возвращайся, — сказала Русалка. — Я тебя подожду.

Чуть подальше под толстой елью лежали ступа и метла.

— Это от Папы-яги осталось? — спросила Алиса.

— Угу, — сказал Медведь.

— Даже не убрал за собой, — сказала Алиса.

— Угу, — сказал Медведь.

Дорожка пересекла тропинку, по которой шли рядышком три поросенка. Сзади семенил медвежонок и приставал к поросятам:

— Ну скажите, что у вас на ужин, ну скажите! Из вашего домика так вкусно пахнет!

— Отстань! — говорили поросята. — Нам самим мало.

Чуть дальше, на берегу речки, стоял очень большой и очень гадкий утенок.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Я о вас читала.

— Проходи, проходи, — сказал гадкий утенок. — Не задерживайся. У меня рабочий день кончился. — Он расстегнул длинную «молнию» у себя на животе, шкура гадкого утенка слезла, и под ней оказался самый настоящий прекрасный белый лебедь.

— Вот странно, — сказала Алиса, глядя, как лебедь аккуратно складывает шкуру и прячет под камень.

— Ничего странного, — сказал лебедь. — Я не виноват, если я вырос и похорошел. Приходится днем таскать это пальто.

Лебедь сошел в воду и поплыл по реке.

Алиса и Медведь пошли дальше.

— Какая встреча, — раздался знакомый голос Волка. — Как я рад вас видеть.

За кустами на склоне стоял небольшой белый дом под крутой красной крышей. Перед домом между двумя цветущими яблонями покачивался гамак, в гамаке дремала толстая девочка в красном берете, а Серый Волк-вегетарьянец, стоя на задних лапах, нежно подталкивал гамак.

На звук волчьего голоса окошко в доме растворилось, и оттуда выглянула старушка в очках и в черном платочке с розами. В руках у нее сверкали спицы. Она вязала что-то разноцветное.

— Добро пожаловать, Золушка, — сказала она. — Мы о вас наслышаны от Волка. Я бабушка Красной Шапочки. Красная Шапочка, проснись, познакомься, Алиса пришла.

— Кто? Какая Алиса? — спросил Волк. — Это не Золушка?

— Ах, маразм, маразм, — сказала бабушка, — я оговорилась. Хотя не исключено, что настоящее имя Золушки — Алиса. Ведь столько времени прошло.

Девочка в гамаке проснулась, протерла глаза и проворчала:

— Совсем спать не дают, ни секунды. Я же устала!

— Она устала, — сказал Волк.

— С чего же ты устала, внучка? — спросила бабушка. — С обеда, что ли?

— Не надо было меня перекармливать, — капризно сказала

Красная Шапочка. — Сама же заставляешь: скушай этот кусочек, скушай тот кусочек... Вот лопну, тогда заплачешь.

— Не смей так говорить, — взвыл Волк. — Ты хочешь оставить меня без работы! А за кем я буду гоняться по лесу? Кому я буду угрожать? Кого я буду, наконец, любить?

— Ничего, — сказала Красная Шапочка, — пойдешь в обыкновенный зоопарк, кусок мяса тебе всегда будет обеспечен.

— Морковки, моя дорогая, морковки! — сказал Волк.

— Ой, как ты мне надоел, — сказала Красная Шапочка, — все мне надоели.

— Пойдем, Медведь, — сказала Алиса. — Нам пора.

— Идите, идите, — сказал Волк.

— Нет, — сказала бабушка, откладывая спицы. — Я сначала тебе пирожок на дорожку дам. С вареньем. Вижу, что ты проголодалась. — И бабушка незаметно подмигнула Алисе.

— Спасибо, — сказала Алиса. Она и в самом деле была голодна. Одним мороженым сыт не будешь.

— Может, не стоит? — спросил Волк, садясь. — У нас не так уж много пирожков осталось. И мука кончается.

— Молчи, Серый, — сказала бабушка. — Тебя не спрашивают.

— Красная Шапочка! — зарычал Волк. — Куда это годится? Если я не съел твою бабушку, значит, мной можно помыкать?

— Ах, отстань, — сказала Красная Шапочка, — лучше спой мне что-нибудь. Я так утомилась!

Алиса пошла в дом, а вслед ей Серый Волк завыл занудную песню.

Алиса вошла в домик и остановилась в дверях.

Дальше идти было некуда. Большую часть комнаты занимал разноцветный ковер, сложенный в несколько раз. Именно его и вязала бабушка.

— Не стесняйся, — сказала бабушка, — проходи по краю. Пирожки на кухне, на тарелке. Бери сколько хочешь.

— А что вы делаете? — спросила Алиса.

— Вяжу, — сказала бабушка.

— А что вы вяжете?

— Занавес для детского музыкального театра, — сказала бабушка. — Я вяжу его уже полгода, а работы еще на год. К сожалению, я не могу развернуть его, чтобы тебе показать, но, когда он будет закончен, ты сможешь им полюбоваться в театре. Это лучший занавес в мире.

— Не только самый лучший, — сказала Алиса, — но наверняка самое большое вязание.

— Конечно, — сказала бабушка, — иначе зачем стараться? Да ты иди на кухню, возьми пирожков, а то Медведь волнуется, тебе пора идти.

Алиса с трудом добралась до стола и взяла пирожок. Стол, табуретки, даже холодильник — вся кухня была завалена мотками шерсти разных цветов и оттенков.

— Нашла? — спросила бабушка из комнаты.

— Спасибо, — сказала Алиса.

— Не обращай внимания на капризы Красной Шапочки. Конечно, она девочка ленивая, но сейчас она тебя нарочно не замечает, чтобы Волка одурачить. Не доверяем мы ему. Что-то много он о морковке говорит и о любви ко всему живому. Мы даже дверь стали на ночь запирать. Так сказать, берегись Волка, который говорит о любви к ближним.

— Вы думаете, что он может кого-нибудь съесть? — спросила Алиса. Пирожок оказался таким нежным и вкусным, что она попросту проглотила его, даже разжевать не успела. Пришлось взять второй.

— Почему не съесть, если зубы есть? — сказала бабушка. — И на меня он недобро поглядывает. А мне собой жертвовать никак нельзя. Кто за меня занавес довяжет?

— Странно, что вы сказочные, — сказала Алиса и взяла пятый пирожок. — Вы кажетесь самыми обыкновенными людьми!

— Что делать... Мы сюда по доброй воле приехали. Я надеялась дать образование ребенку, пускай в школу ходит... Я уж ее всюду водила, и в музеи, и в театр. Но, к сожалению, все впустую. Не хочет Красная Шапочка учиться. Только телевизор смотрит. С утра и до вечера. Как начинается программа для малышей, она приклеивается к телевизору — и конец, быками не оторвешь. Уж я сама за это время научилась читать и писать. И дала себе зарок, свяжу занавес для детского музыкального театра. Очень мне там понравилось. И для малышей полезно.

— Может, мне поговорить с Красной Шапочкой? — спросила Алиса. — Я с ней могу заниматься, помогать ей.

— Ах, не получится, моя дорогая, — сказала бабушка. — Ничего из этого не выйдет. Я уж ее к врачу водила, а врач говорит — безнадежный случай, таких детей в наше время уже нет. Все органы у нее работают нормально — ест она как все, и спит как все, и даже разговаривает как все. А вот никакие знания в голове у нее

не удерживаются. Одним словом, сказочная лентяйка. Ты кушай пирожки, кушай. Я сама пекла.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Мне пора идти.

— Возьми с собой на дорожку.

Алиса не удержалась, взяла шестой пирожок, попрощалась с доброй бабушкой и вышла на лужайку. Медведь, увидев ее, укоризненно заворчал, надоело ждать, а Волк, который поджидал у двери, спросил:

— Понравились пирожки? Что-то тебя долго не было. Сколько съела? Нам ничего не оставила?

— Оставила, — сказала бабушка из окна. — Всем хватит. А не хватит, я еще испеку.

— До свидания, — сказала Алиса.

— На обратном пути обязательно заходи, — сказала бабушка. — Я буду ждать.

— Я тоже пошел, — сказал Волк.

— А ты куда? — заныла хитрая Красная Шапочка. — Я тебе запрещаю идти. Мне так одиноко.

— Прости, дорогая, — ответил Волк. — На огород. Пора морковку полоть. Хороший намечается урожай морковки на моем огороде.

И Волк большими прыжками умчался в чащу.

Алиса с Медведем тоже пошли дальше, и скоро домик Красной Шапочки скрылся за деревьями.

Глава 9

КУСАНДРА ОБЕСПОКОЕН

Лес кончился неожиданно. Только что было темно и сыро, и вдруг Алиса с Медведем вышли на открытое место и увидели освещенный закатным светом старинный каменный замок с высокими башнями по углам, окруженный рвом с водой. Через ров были перекинуты два узких моста, которые вели к двум одинаковым, окованным железными полосами дверям. К левому мосту вела утоптанная широкая дорожка, к правому — узкая, заросшая подорожником и даже крапивой.

Над левой дверью висела большая золотая вывеска с черными буквами:

ДИРЕКЦИЯ ЗАПОВЕДНИКА СКАЗОК.
ГНОМАМ, ВЕДЬМАМ, ПРИНЦЕССАМ, ЗАЙЦАМ, СНЕГУРОЧКАМ, РУСАЛКАМ И ДРУГИМ СКАЗОЧНЫМ СУЩЕСТВАМ ВХОДИТЬ НЕЛЬЗЯ, КТО ОСЛУШАЕТСЯ, БУДЕТ ЗАКОЛДОВАН

Над правой дверью вместо вывески была прибита позолоченная корона.

— А почему две двери? — спросила Алиса у Медведя.

— У-уу, — сказал Медведь.

— Отвечайте, пожалуйста, — сказала Алиса. — Я же не знаю, что мне дальше делать.

— Угу, — сказал Медведь. Он подобрал с земли сучок, разровнял лапой песок под ногами и начал быстро писать квадратными буквами: «Иди направо».

— А разве вы глухонемой? — спросила Алиса.

— Не-е-е, — прорычал Медведь и написал, стерев прежнюю надпись: «Я молчун».

— А почему в правую дверь идти? — спросила Алиса. — Дирекция же в левой двери.

«Там Кусандра, — написал Медведь. — А справа глупый король».

Потом все стер и написал: «Я буду ждать здес».

Алиса отобрала у Медведя сучок и дописала в последней фразе мягкий знак — она не терпела, когда пишут с ошибками.

— У-у-у, — обиженно сказал Медведь, и Алисе показалось, что он покраснел. Наверное, это было не так — медведи не краснеют, у них очень толстая и мохнатая шкура. Просто на него упал красный луч заходящего солнца.

Тихо подвывая, Медведь поджал короткий хвост, ушел в кусты и залег там, накрыв морду лапами — наверное, обиделся.

Алиса не сразу пошла к замку. Замок был пуст и молчалив, он тихо подстерегал ее, заманивал, чтобы не выпустить обратно. Удивительное дело: еще сегодня утром спроси кто-нибудь у Алисы, верит ли она в сказки, Алиса рассмеялась бы в лицо тому человеку. Как можно верить в сказки в конце двадцать первого века? А сейчас она уже не стала бы спорить с гномом Веней. Если это не сон, то сказочный мир, хоть и в заповеднике, под стеклом, все-таки существует. А если он существует, значит, его можно объяснить. Но, как назло, рядом нет никого, кто бы мог объяснить. Подумать только — всего полчаса пролетишь на автобусе и вернешься домой, а там отец уже дописал статью, богомол носится по комнатам, ищет Алису, по телевизору идет восемьдесят

третья серия фантастического фильма «Сквозь тернии к звездам»... И никаких чудес. А здесь — сзади в кустах посапывает Медведь, обиженный Алисой, потому что она уличила его в неграмотности. Где-то в лесу Кот в сапогах пасет козлика, гномы сели ужинать. Дед Мороз сидит на ледяном стуле в холодильнике со Снегурочкой, Серый Волк-вегетарьянец пропалывает на огороде морковку; а злой волшебник, может быть, Кощей Бессмертный, он же бывший Папа-яга Кусандра, стоит сейчас у неосвещенного узкого окна древнего замка и поджидает, когда Алиса ступит на мост, чтобы спустить на нее тигра или привидение. Может, все-таки вернуться назад, позвонить от гномов папе, и пускай разбираются взрослые? А что скажет отец? Отец скажет: «Немедленно возвращайся домой! В сказочном заповеднике все экспонаты искусственные». Так он и скажет. А время идет...

Алиса с грустью поглядела на кусты, где похрапывал Медведь. Большой белый лебедь пролетел низко над головой и негромко крикнул:

— Не бойся, Золушка!

— Я не боюсь, — прошептала Алиса, хотя очень боялась. И направилась к замку, который строго уставился на нее черными узкими окнами.

Алиса дошла до развилки и свернула на узкую, заросшую подорожником тропинку, что вела к правой двери, над которой была прибита позолоченная корона. И тут она увидела, что слева, у двери в дирекцию, на первом этаже загорелся свет, в комнате за столом возле окна сидит волшебник Кусандра и наливает чай из самовара. «Ну и молодец Медведь, что предупредил, — подумала Алиса. — Пошла бы я в ту дверь и сразу попала бы в лапы к Кусандре».

Алиса свернула направо и быстро пробежала к подъемному мосту. Мост был узким, доски его покрыты пылью и скрипели, а цепи заржавели. Алиса подошла к двери и остановилась, думая, стучать ей к королю или к королям можно заходить без стука.

Вдруг она услышала шум шагов — обернулась и увидела, что из леса выскочил Волк. Он несется к замку. Алиса прижалась к двери и замерла. Хоть Волк ест морковку, все-таки он остается Волком. Но Волк не заметил Алису. С развилки он побежал налево к двери в дирекцию заповедника. Он остановился у освещенного окна и, поднявшись на задние лапы, принялся стучать лапой в окно. Окно со скрипом растворилось.

— Ты чего? — послышался голос Кусандры. — Я тебя не звал.

— Я с докладом, — сказал Волк. — Не нравится мне Золушка. Вызывает у меня подозрение.

— Какая еще Золушка? — спросил Кусандра. — Нет у нас Золушки.

— Я ее сегодня два раза видел. Босая, в сарафане, нахальная, — сказал Волк. — Ей бабушка все пирожки скормила. Тоже подозрительно. И привел ее в заповедник этот гном, Веня.

— Паршивец это, а не гном, — сказал Кусандра. — А что она тебе сказала? Чем объяснила появление?

— Сказала, что новенькая.

— Новенькая, говоришь? А ну-ка, погоди. Я проверю. У меня все списки населения от бывшего директора остались.

Слышно было, как Кусандра зашуршал на столе бумагами. При этом он по-стариковски кашлял и ворчал что-то себе под нос.

Волку неудобно было стоять на задних лапах, он вилял задом, перебирал ногами, потом оглянулся, посмотрел на лес и сказал:

— В любой момент они здесь могут оказаться.

— Кто они?

— Золушка эта. С Медведем.

— С молчуном?

— С ним самым, — сказал Волк. — Грубое, неприятное животное. Не понимаю, что в нем сказочного?

— А он по совместительству в нескольких сказках работает, — сказал Кусандра. — Не нравится мне, что ты рассказываешь. Сначала с гномом, а гномы — народ ненадежный, мерзкий. Потом с Медведем, а Медведь еще хуже гномов, он с Дедом Морозом в друзьях. А у этого Деда Мороза на все, видите ли, собственное мнение. Давно думаю, как бы электричество от холодильника отключить — растаяла бы вся семейка, в заповеднике спокойней стало.

— Не выйдет, — сказал Волк. — Ты же знаешь, холодильник на батареях работает. Ну как, нашел Золушку в списках?

— Так и думал, нет ее, — сказал Кусандра. — Значит, шпионка. Надо изловить и пытать. Беги, лови!

— Еще чего не хватало, — сказал Волк. — Я же не хищник. Я морковкой питаюсь. У меня репутация вегетарьянца.

— Молчать! — приказал Кусандра. — Знаем мы твою морковку. Лицемер!

— Не оскорблять! — сказал Волк и опустился со стуком на все четыре лапы. — Хоть я вегетарьянец, а держу зубы в боевой готовности. Заруби себе на носу, начальник. Я тебя слушаюсь, пока мне выгодно. А будет выгодно не слушаться, тогда на меня не рассчитывай.

— Ну ладно, ладно, — сказал Кусандра. — Не время ссорить-

ся, старик. Прошу тебя по-человечески, выйди на дорожку, стереги, когда они появятся, свистни мне, чтобы я подготовился к их приходу. Золушка, говоришь?

— Девочка, совсем ребенок, беленькая, коротко постриженная, в сарафанчике и босая.

— Беленькая, коротко остриженная? Видел я сегодня такую в одном месте, только та в комбинезоне. Ну иди, милый, иди, наблюдай за подступами к замку. Будем брать ее живьем. Чует мое сердце — не настоящая это Золушка.

— А вдруг настоящая? — спросил Волк. — Может, директор не успел сказать, что ее пригласил?

— Нет, он аккуратный, — сказал Кусандра. — Он все на бумажке записывал.

— И все-таки ты его спроси.

— Не станет он отвечать, — сказал Кусандра. — Очень он злится, что мы его заколдовали. Так бы и разорвал меня на клочки. Только не в силах он этого сделать. Хитер был директор, да мы хитрее.

Со стороны леса донеслась песня. Противный пронзительный голос распевал частушки.

Из леса появился Кот в сапогах, который тащил на веревке серого козлика. Козлик упирался, мотал головой и вдруг заблеял. Кот прервал свою песню и гневно зашипел:

— Нарочно? Да, нарочно? Я всю душу вкладываю, а ты издеваешься над артистом? Из-за тебя я пропустил аплодисменты. — И Кот потащил козлика к замку так сильно, что козлик даже захрипел.

Алиса поняла, что Кот может ее заметить, поэтому еще теснее прижалась к двери. Вдруг дверь поддалась и медленно, со скрипом отворилась внутрь. Алиса скользнула в щель. Вокруг было темно. Послышался голос Волка:

— А кто там у тебя скрипит? Твой сосед?

— Он, как всегда, спит, — сказал Кусандра. — Не обращай внимания. Он нам не помешает.

Кот с козликом подошли к мосту. Волк облизнулся, глядя на козлика, козлик вздрогнул и выставил вперед рожки.

— Ну и храбрец, — захохотал басом Волк. — Ну и храбрец! Да я тебя, если захочу, одним махом слопаю. Только не ем я козликов, понимаешь, питаюсь морковкой. Какие в козликах витамины? Нет в козликах витаминов. А морковка полна витаминами. Если бы еще морковка бегала на четырех ножках да вкусом была как мясо, я бы вообще ничем, кроме морковки, не стал питаться.

— Волк, сколько тебе говорить! — сказал Кусандра. — Скоро солнце зайдет. Пропустишь — никогда не прощу. Заколдую!

— А что случилось? — спросил Кот.

— Тут девчонка одна шляется, — сказал Кусандра. — Наверно, шпионка. Я велел Волку ее нейтрализовать. А ты мне тоже будешь нужен. Козлика запри понадежнее.

— А она красивая? — спросил Кот.

— Кто?

— Шпионка.

— Вечно ты со своими глупыми вопросами! Не видел я шпионку. Если бы видел, сразу разоблачил. Ее только Волк видел, но выпустил, старый дурак. Сомневаешься — сразу хватай, а потом уж разбирайся.

— Красивая, — сказал Волк. — Волосики золотые, глазки голубые, такая аппетитная, вкусная, всю бы съел.

— Ну вот, все бы тебе жрать и жрать, — сказал Кот. — Никакой романтики. Может, я в нее влюблюсь? Может, я с ней при луне гулять буду, песни петь буду? А ты — съем, съем... Стыдно. А еще взрослый Волк, вегетарьянец.

— Прекратить разговорчики! Следить в оба! — приказал Кусандра. — Уволю! Растерзаю!

Волк затрусил обратно к лесу, и Алиса увидела сквозь щелку в двери, как он залег в кустах. Он лежал по одну сторону дорожки, а Медведь — по другую. «Ничего страшного, — подумала Алиса, — в случае чего — Медведь сильнее».

— Пошли, козлик, пошли, маленький, — сказал Кот в сапогах. — Спать тебе пора, а нам придется опять всю ночь на страже, при деле, на работе, шпионов ловить, заповедник охранять. Раз уж директор заповедника бросил нас и уехал на конференцию в город Тимбукту. Такие вот дела, пошли, скотина.

Козленок опять жалобно заблеял, дверь в замок хлопнула, потом закрылось окно. И все стихло.

Глава 10

КОРОЛЬ НА ТРОНЕ-КРОВАТИ

Алиса прикрыла за собой дверь. В комнате, куда она попала, было почти темно — сквозь узкие щели окна попадало слишком мало света, тем более что уже начались сумерки. Алиса зажмури-

лась, чтобы глаза скорее привыкли к темноте, и тут же услышала сонный голос:

— Кто здесь? Зачем пришли? Если грабители, то ошиблись дверью. У меня брать нечего, сам с голоду помираю.

Алиса замерла. В наступившей тишине ей было слышно, как колотится собственное сердце.

— Я не грабитель, — сказала она. — Я Золушка. Мне ничего от вас не нужно.

— Сейчас, — сказал сонный голос, — свечку засветим, поглядим, кто к нам пожаловал, добрый человек или лихой разбойник.

Чиркнула спичка, еще одна, потом загорелся огонек свечи. Алиса увидела, что перед ней посреди большой комнаты стоит такой широкий королевский трон, что на нем могло бы усесться сразу пять королей. На этом троне, как на кровати, лежит пузатый человек в ночной рубашке и золотой короне, надвинутой так глубоко, что уши, заложенные ватой, торчат в разные стороны. Человек принялся сладко зевать и зевал минуты три. Алиса не удержалась и тоже зевнула. Человек отзевался, достал из-под кружевной подушки очки, расправил пышные усы и стал рассматривать Алису.

— А ну-ка, приблизься к нам, — сказал он. — Не стесняйся, мы добрые.

— Слушаюсь, ваше величество, — сказала Алиса, которая догадалась, что перед ней самый настоящий сказочный король.

Она подошла поближе, король поднял свечку повыше, внимательно осмотрел Алису с ног до головы и сказал:

— Полагаем, что ты и в самом деле Золушка. А не разбойник. Но предупреждаю, здесь тебе рассчитывать не на что. Принца у нас нет, царства тоже. Все, что есть, это половина замка, вторую мы Ивану Царевичу сдали. Даже трон-кровать не наш — достался от какого-то древнего тирана нечеловеческих размеров. Правда, это и к лучшему, можем спать, не отходя от рабочего места. — Король поправил одеяло, поглядел на Алису снова и спросил: — А зачем пожаловала? В наш замок сказочным существам вход строго воспрещен.

— Я потому и пришла сюда, что я не сказочная, — сказала Алиса. — Я обыкновенная девочка. Меня попросили помочь.

— Мы удивлены. Кто просил? О чем просил?

Алиса не знала, чей друг этот толстый усатый король. И что ему можно рассказывать, а что — нет.

— Мои знакомые попросили, — сказала она осторожно.

— Понимаю, а тебе принца за это обещали!

— Нет, не обещали.

— Зря соглашалась, — сказал король. — Я всегда чего-нибудь беру. Мы вот половину замка Ивану Царевичу отдали, замок-то старый, крыша течет, а за это выторговали кормежку и обслуживание. Только меня почему-то второй день не обслуживают. Не знаешь почему? Даже ночной горшок не выносят.

— А кто вас раньше обслуживал, ваше величество? — спросила Алиса.

— Слуга Ивана Ивановича Царевича по имени Кусандра, низкий человек, лакей. Правда, отдавал должное моему королевскому происхождению. А вот второй день не идет. Я уж его звал, грозил, в стенку стучал, а он не идет. Жаловаться надо, а я не могу пойти пожаловаться. Столько лет пролежал на троне-кровати, что ноги ходить разучились. Я все съел, что было, а сегодня уж кости обсасывал и крошки подбирал. Разве это достойно моего положения?

Король показал на столик возле трона-кровати. На нем стояла грязная посуда, а на тарелках лежали обглоданные куриные и гусиные кости.

— Отберу я у них замок, — сказал король. — И отдам кому-нибудь. Тебе замок не нужен? Хороший замок, еще крепкий, с подвалами. Можно капусту хранить, а можно врагов заточить.

— Нет, не нужен мне замок.

— Тогда скажи Ивану Царевичу, что я им недоволен!

— Не могу, — сказала Алиса. — Пропал ваш директор. Я затем и пришла, чтобы его отыскать. Только это тайна.

— Как пропал? Кто посмел? И со мной не посоветовались! В моем замке пропадает достойный человек, мой друг, а мне даже не говорят! Теперь я понимаю, почему меня кормить перестали!

— Говорят, что его заколдовали или заточили, — сказала Алиса. — Это общее мнение. И Дед Мороз так думает, и гномы в этом уверены.

— Если Дед Мороз, это очень важно. Он достойный человек. Тоже королевского происхождения. Я ему даже предлагал в моем подвале пожить. Там холодно и пусто, пока преступников я туда не посадил. Так кто же, ты думаешь, заколдовал нашего уважаемого Ивана Царевича?

— Ясно кто — Кусандра. Он же волшебник.

— То-то мне его лицо не понравилось! Сколько я видел на

своем веку волшебников — у всех удивительно неприятные лица. И у волшебниц тоже. Тебе не рассказывали, какая дикая история произошла с моим двоюродным братом? Он одну волшебницу обидел, так она ему дочку усыпила! До сих пор не могут разбудить. Принца ждут. Многие ходили, даже целовать пытались. Видно, не те. Хорошо еще, что Иван Царевич несчастную девушку к себе взял. Между прочим, он мне говорил, что собирается в ближайшие два-три дня разбудить принцессу. Нашел, говорит, средство... И вот все пропало!..

Король задумался, глаза его закрылись, и наступила тишина. В этой тишине Алиса услышала, как кто-то стучит в стену со стороны дирекции. Король вздрогнул, открыл глаза и спросил:

— Кто там? Чего надо?

— Это я, Кусандра, — послышался голос. — У вас, ваше величество, кто-то в гостях?

Послышался скрип растворяемой двери. Алиса шепнула королю:

— Не выдавайте меня! — И спряталась под трон-кровать. Там было пыльно и темно.

— Не беспокойся, — сказал король.

Слышно было, как Кусандра подходит к королю. Он нес в руках фонарик, и от света фонарика по полу тронного зала забегали длинные черные тени.

— Мне показалось, что я слышу голоса, — сказал Кусандра.

— Я сам с собой разговаривал, — сказал король. — Кстати, я рад, что ты наконец пришел. Что случилось? Почему за мной не ухаживают?

— Значит, у вас никого не было? — повторил свой вопрос Кусандра, не обращая никакого внимания на слова короля.

— Я не намерен отвечать, — сказал король королевским голосом, — пока не услышу объяснений. Где директор Царевич? Я требую, чтобы он немедленно пришел сюда и извинился. Я буквально умираю от голода! Вы слышите, от голода! У меня начался бред, я разговариваю сам с собой, а вы смеете задавать мне глупые вопросы!

— А мне показалось, что кто-то был, — сказал Кусандра, но уже не так уверенно, как вначале. В голосе короля гремели раскаты грома, с потолка посыпалась труха, и захлопала крыльями, заметалась в вышине летучая мышь. Алиса сжалась под троном, стараясь не шевелиться и ничем себя не выдать. А тут еще страшно захотелось чихнуть. Алиса начала чесать переносицу.

— Поймите, — сказал Кусандра почти виновато. — Ивана Царевича вызвали в город Тимбукту на конференцию...

— На какую такую конференцию? — спросил грозно король. — Почему он мне не доложил? Кто, в конце концов, здесь хозяин? Он или я?

— Вы, ваше величество, — сказал Кусандра. — Но он директор, и я ему подчиняюсь. Никаких указаний по поводу вашего кормления он не оставил. Забыл, наверное.

— А у тебя своя голова есть?

— Занят я был. Столько дел! Все на меня одного свалилось. Подумать только, сегодня с утра занемог дракон Змей Гордыныч, и я полдня искал по всей Москве врача, который может его вылечить. А теперь еще в заповедник пробралась какая-то шпионка, и ее надо выловить, прежде чем она чего-нибудь натворит. Я же за все в ответе перед директором и наукой.

Алиса сжалась еще больше. А вдруг король сейчас скажет: «Эта шпионка сидит за моим троном!» Ведь короли бывали очень коварные, особенно сказочные короли.

Но король Алису не выдал. Он шмыгнул носом, вздохнул и спросил:

— А почему вы вместо себя кого-нибудь из зверей не прислали?

— Никак не возможно, ваше величество. Сказочные существа в замок попасть не могут, замок заколдован.

— Не пытайтесь меня заморочить, я вам не зайчик и не гном, — сказал король и сел на троне-кровати. — Я здесь сам живу. И ты здесь живешь. И Змей Гордыныч.

— Тишше, — испуганно ответил Кусандра, — даже у стен есть уши! Вы представляете, что случится, если сказочные существа узнают, что каждый может войти в замок и что замок вовсе не заколдован? Они же любопытные, они все сюда полезут. А если кто-нибудь машину увидит? Нет, вы уж лучше потерпите. Я сам, как только стемнеет, кончу дела, нам с вами ужин соображу. Вместе посидим, вина выпьем, у меня хорошее вино есть.

«Интересно, что здесь за машина, — подумала Алиса, — которую нельзя видеть экспонатам и экспо-гномам? Все тайны и секреты. Никогда не думала, что в Москве может быть такое секретное учреждение».

— А когда вернется директор? — спросил король.

— Может быть, даже завтра, может быть, послезавтра.

— Кстати, что это за конференция в этом Тимбукту?

— По этому... — сказал Кусандра. — По этой самой, по вечной мерзлоте.

— Вы уверены? — спросил король.

— Совершенно уверен. Директор у меня даже шубу одолжил. Я пошел. Скоро вернусь.

И с этими словами Кусандра покинул тронный зал. Хлопнула дверь, потом звякнул засов.

— Трусит, — сказал король. — Совесть нечиста, и трусит. Дверь запирает. Золушка, вылезай, он не вернется.

Алиса вылезла из-под трона. И с наслаждением чихнула.

— Еле дотерпела, — сказала она. — Пыльно у вас.

— От этого еще никто не умирал, — сказал король. — Я тебе должен сообщить, что нашего директора в Тимбукту нет.

— Как вы догадались?

— Вот и видно, что ты плохо учила географию, — сказал король. — Тимбукту — это очень древний город в Африке, у самой пустыни Сахары. Ко мне лет тысячу назад оттуда посол приезжал на верблюде. Скажи, пожалуйста, зачем там устраивать конференцию по вечной мерзлоте, если там никогда снега не видали, а что такое мерзлота, судят по инею в холодильнике. И мог ли наш директор взять туда шубу?

— Не мог, — сказала Алиса. — Значит, его надо искать здесь.

— Вот именно, — сказал король. — А если на пути попадешь на кухню, захвати мне чего-нибудь поесть. Не верю я этому Кусандре. Он хочет меня уморить. Захватишь?

— Обязательно, — сказала Алиса.

— Не обманешь?

— Нет.

— Смотри, а то что-то меня стали все обманывать. Пора срочно привозить из легендарной эпохи стражу. Тогда меня все полюбят. Королей любят за суровость. Учти, девочка. Желаю тебе найти принца. Только не хватай первого попавшегося. Принцы тоже бывают разные. А то попадется жулик вроде нашего Кота, от него не только хрустальных туфелек...

— А куда мне дальше идти? — спросила Алиса.

— В конце зала дверь. Она ведет во двор. Только осторожнее, иди по стенке на цыпочках — там дракон спит, страшный, трехголовый. Репутация у него плохая. Говорят, что в свое время тысячу рыцарей растерзал.

— А мне он добрым показался, — сказала Алиса.

— Так ты его уже видела? Тогда он тебя не тронет. Как пройдешь дракона, будет лестница в подвал. Туда обязательно загляни. Подвалы у нас многоэтажные, страшные. Свечку держи, у меня запас. И спички. А я посплю, когда спишь, не так есть хочется. — И король захрапел.

Алиса прошла через тронный зал и увидела в конце его небольшую дверцу. За ней был узкий коридор, в котором хранились ящики и мешки, наверное, продукты для заповедника. А дальше еще одна дверь, которая вела во двор замка.

Глава 11

ДРАКОН И ЕГО ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА

Алисе казалось, что она провела в тронном зале всего несколько минут, но, видно, прошло куда больше времени — солнце уже село, и узкий двор, окруженный, как колодец, высокими каменными стенами замка, был погружен в синий полумрак. Почти весь двор занимал темный холм. Он мерно и редко вздымался и опадал. Вдруг над холмом поднялась драконья шея с головой, из которой вырвался клуб черного дыма. Голова откашлялась, и Алиса догадалась, что темный холм и есть Змей Горыныч. Интересно, узнает он ее или нет? Еще проглотит, не разобравшись, или позовет Кусандру. Поэтому Алиса, не выходя из двери, тихонько окликнула дракона:

— Змей Горыныч, не пугайтесь, это я, Алиса. Мы с вами уже встречались.

— Кто это? — Еще две головы взвились вверх и закачались на длинных шеях. Головы вертелись, разглядывая двор, стараясь угадать, откуда донесся голос. Потом одна из голов высмотрела Алису и потянулась к ней. Алисе захотелось спрятаться в коридор, но она заставила себя остаться на месте. Голова покачалась перед самым лицом Алисы, прищурилась, потом отвернулась от нее, выдохнула дым и сказала: — Помню, помню, меня ваш папа лечил.

— А вы еще укол тогда испугались делать, — сказала Алиса.

— А это напрасно, — сказал дракон, — это совсем лишнее. Нельзя напоминать друзьям об их слабостях. Ты же не знаешь, почему я не выношу уколов. А обвиняешь меня в трусости. Это меня-то, который победил в честном бою около тысячи рыцарей и богатырей.

— А почему вы боитесь уколов? — спросила Алиса.

— По той простой причине, что много лет назад один подлый богатырь подкрался ко мне во сне и вонзил копье под мышку. С тех пор я прихрамываю на переднюю ногу, а в плохую погоду ноет — спасу нет! Хорошо еще, что в заповеднике дождей не бывает.

— Простите, — сказала Алиса, — я не хотела вас обидеть.

— А я и не обижаюсь, — сказал Змей Гордыныч. — Я поговорить с тобой рад. Скучно мне смертельно. Никто со мной не разговаривает, никто меня не любит. Я — последний дракон на Земле. Подумай, Алиса, вдруг ты — самая последняя девочка на Земле. Представь себе это!

— Нет, не представляю, — сказала Алиса. — Я совершенно уверена, что на Земле есть еще много миллионов девочек.

— А я вот совсем один. На всей Земле один. Мы, драконы, так давно вымерли, что даже уважаемый Иван Иванович ничем мне помочь не может.

— Неужели вы совсем один?

Алисе стало очень жаль дракона. «И в самом деле, — подумала она, — осталась бы я последней девочкой на свете. И поиграть не с кем, и поговорить не с кем... живи, существуй в полном одиночестве. Нет, это ужасно...»

— Совсем один, — сказал дракон, и Алиса увидела, как из глаз самой ближней к ней головы выкатились большие, с кулак размером, слезы, по очереди шлепнулись на землю, и получились шипящие лужи, от которых поднимался едкий дым.

— Погодите, — сказала Алиса. — Еще не все потеряно! Я вспомнила!

— А что? — спросил дракон. — Есть надежда?

— Вы когда-нибудь слышали о лох-несском чудовище?

— О ком?

— Есть такая страна Шотландия. И есть в этой стране озеро, которое называется Лох-Несс, — сказала Алиса. — Я смотрела об этом передачу по телевизору. Говорят, что в этом озере живет чудовище по имени Несси.

— Не может быть! — сказал дракон. — И какое это чудовище из себя?

— Эта Несси не хочет показываться людям. Уже триста лет люди ее выслеживают, ловят, тысячу раз фотографировали и даже рисовали, но никто не смог разглядеть ее вблизи. У нее такое же, как у вас, тело, такая же шея, только вместо ног ласты, а голова одна.

— Постой-постой, а где эта Шотландия? — спросил дракон.

— Это в Англии, рядом с Францией, точнее, я не знаю, мы географию только начали проходить.

— В Англии? Никогда не слышал такого названия, — сказал дракон. — Но по твоему описанию получается, что это моя двоюродная сестра! У нее была одна голова, и она была лентяйкой, ленилась пешком ходить. И вот однажды попала она в страну, которая называлась Древняя Греция, не знаю, как уж она теперь называется.

— Теперь она называется просто Греция, — сказала Алиса, — если мы с вами имеем в виду одну и ту же страну.

— Так вот, шла она как-то по Древней Греции и вдруг видит, бежит по улице человек совсем голый и кричит: «Эврика! Эврика!», что означало на их древнем языке: «Нашел! Нашел!» Все прохожие разбегаются по сторонам, прячутся...

— Думают, что сошел с ума, — догадалась Алиса.

— Конечно, разве нормальный человек побежит в таком виде по улицам! Но только моя двоюродная сестра, забыл уж, как ее звали, не испугалась и кричит: «Погоди, древний грек, что вас так обрадовало?» А грек отвечает: «Меня зовут Архимед. Я сейчас купался в ванне, и воды в ней было по самый край. Только я залез в ванну, как вода вылилась. Вы понимаете, что это значит?» Моя двоюродная сестра отвечает: «Это со мной тоже случалось. Я вчера окунулась в одно озеро, оно вышло из берегов и затопило все окрестные деревни». — «Вот именно! — кричит голый грек Архимед. — Все купаются, но никто не догадался!» — «Что же это значит?» — спросила моя двоюродная сестра. «А это значит, что каждое тело теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода. Это закон, который я только что открыл, и думаю, что этим я обессмертил свое имя, а мой закон поместят во все учебники».

— Обязательно посмотрю, — сказала Алиса. — В каком учебнике поместили этот закон?

— Разумеется, в учебнике физики, — сказал дракон. — Хотя, может быть, в учебнике истории.

— И что случилось дальше? — спросила Алиса.

— А дальше моя двоюродная сестра сказала себе: если какой-то небольшой грек Архимед вытеснил воду из ванны и потерял в своем весе много килограммов, то, когда я буду плавать, я вытесню куда больше и столько же веса потеряю. Зачем же мне мучиться, таскать на себе весь этот лишний вес? Перехожу на водный образ жизни! После чего моя двоюродная сестра залезла в

воду и больше из нее не выходила. Вместо ног у нее отросли ласты... Так ты думаешь, что она теперь живет в Шотландии?

— А может быть, это другая Несси?

— Не может быть! Описание совпадает. Алисочка, душечка, — взмолился дракон, — запиши мне, пожалуйста, адрес моей двоюродной сестры. Ты влила в меня новую жизнь. Я обязательно найду свою двоюродную сестру, даже если для этого придется три года идти пешком.

— Но я не могу вам сейчас дать адрес, — сказала Алиса. — Он у меня дома.

— Так возвращайся скорей домой, — сказал дракон. — Чего же ты время зря теряешь? И вообще, что ты делаешь в нашем замке?

— А разве вам гном Веня не сказал?

— Ах, какой стыд! Я совсем забыл, что наш любимый директор пропал без вести. Алиса, будь другом, найди его поскорей, он мне поможет найти Несси!

— Но я не знаю, где его искать. Может, его уже и нет.

— Нет, он есть, — сказал дракон. — Даже такие мерзавцы, как Кусандра, не посмеют убить директора. Они могут заточить его, заколдовать, но убить не посмеют.

— Король мне сказал, чтобы я посмотрела в подвалах.

— Именно там, — сказал дракон. — Именно в подвалах. Я, к сожалению, с тобой пойти не смогу — мне в дверь не пролезть. К тому же я боюсь Кусандру. Стыдно мне, я ведь тысячу рыцарей в честном бою победил. С рыцарями мы бились по правилам, а Кусандра — бессовестный. Иди, Алисочка, найди мне директора, а потом принесешь мне адрес моей двоюродной сестры.

Алиса по краю обошла двор, чтобы не наступить на дракона, а Змей Гордыныч покачал головами, и все три головы по очереди повторяли:

— Ай да девочка, ай да Алисочка! Ай, порадовала старика!

Глава 12

У ХРУСТАЛЬНОГО ГРОБА

За дверью, что была как раз за хвостом Змея Гордыныча, оказалась каменная лестница, которая вела вниз. Чтобы не поскользнуться на крутых ступеньках, Алиса зажгла свечу и осторожно стала спускаться. Лестница постепенно заворачивала,

кружилась, и ступеньки были бесконечными, словно вели к центру Земли. Голые ступни Алисы заледенели, сарафан совсем не грел. Алису била дрожь и от холода и от страха.

За последней ступенькой начался коридор без дверей, вырубленный прямо в скале. Алиса отсчитала по нему сто шагов и увидела впереди слабый холодный свет. Она задула свечу и пошла дальше на цыпочках, чтобы не спугнуть тех, кто скрывался впереди. Чем дальше она шла, тем яснее звучал знакомый неприятный голос. Ну как же она раньше не догадалась! Это Кот в сапогах мяукал песню.

Алиса остановилась в конце коридора и осторожно выглянула из-за камня.

Она увидела небольшой низкий зал, посреди которого стояла каменная плита, а на ней хрустальный гроб, который излучал ровный, приятный, но холодный свет. Под крышкой хрустального гроба лежала на подушках очень красивая девушка в длинном, белом, расшитом жемчугом платье и небольшой алмазной короне. Алиса сразу догадалась, что это Спящая царевна. О ней недавно рассказывал толстый король.

Царевна в подземелье была не одна. Неподалеку от хрустального гроба стояло обтянутое бархатом кресло, и в нем, закинув ногу на ногу, сидел Кот в сапогах. Он тянул свою занудную песню. А за ножку кресла был привязан козлик, который грустно глядел на гроб и молчал.

Кот закончил пение, разгладил усы и сказал:

— Надеюсь, принцесса, ты слышала мою серенаду и можешь оценить мою любовь. В сказке не сказано, каким был принц, который тебя разбудил поцелуем. Не исключено, что тот прекрасный принц был в сапогах, в шляпе и с длинными усами. То есть я. Поэтому сейчас я тебя поцелую, и мы с тобой поженимся, договорились?

Кот встал с кресла, подошел к гробу и навалился на хрустальную крышку. Но крышка была тяжелой, и, как Кот ни тужился, ничего не получалось. Кот царапал когтями хрустальный край гроба, упирался сапогами в пол, махал хвостом и рычал, как собака.

Наконец Кот понял, что крышку ему не сдвинуть. Он перевел дух и постучал коготком по крышке.

— Царевна, — сказал он. — Царевна, проснись! Помоги мне, снизу толкни. Молодость проходит, а ты все спишь. Открой глаз-

ки, полюбуйся на меня. Давай совместными усилиями проснемся!

Принцесса вздохнула во сне и перевернулась на другой бок. Кот с досады стукнул лапой по крышке, отшиб ее и взвизгнул от боли. Зрелище было таким смешным, что даже несчастный козлик не удержался и заблеял, словно засмеялся. Вот этого делать ему не стоило.

Кот понял, на ком он может сорвать свою злость. Он оставил гроб в покое, прыгнул на козлика и начал быстро царапать его когтями по морде. Голова козлика моталась из стороны в сторону, он плакал, как ребенок, и Алиса, конечно, не выдержала такого безобразия.

— Не смей! — закричала она. — Перестань маленьких обижать!

Кот не сразу сообразил, что на него кричат. Он был так увлечен своим злодейским делом, что еще некоторое время продолжал царапать козленка, который не мог от него убежать, потому что был привязан к тяжелому креслу.

Алиса подбежала к Коту и схватила его за лапу.

— Ах! — сказал Кот, увидев Алису. — Ты чего здесь делаешь? Ты кто, привидение?

— Да, — сообразила Алиса, — я привидение, которое пришло наказать тебя за гадкое поведение! Я давно к тебе подбираюсь!

Она старалась говорить страшным голосом и сильно потянула к себе Кота — шляпа упала у него с головы, уши под шляпой были прижаты, а между ушами обнаружилась лысина — вот, оказывается, почему Кот в сапогах носит шляпу!

Козлик забился под кресло и тихо блеял.

Спящая царевна снова перевернулась в гробу, легла на бок, подложив под щеку руку, и сказала, не открывая глаз:

— Перестаньте шуметь! Спать не дают!

— Отпусти меня! — шипел Кот. — Отпусти меня сейчас же! Я на тебя пожалуюсь. Тебя драконами затравят!

Но при этом Кот весь дрожал от страха, потому что, как все мерзавцы, был труслив.

Вдруг ему удалось извернуться, упереться сапогами Алисе в коленки, оттолкнуться и вырваться. Поджав хвост, он бросился к дверям и исчез.

— Не бойся, — сказала Алиса козлику. — Он больше не будет над тобой издеваться. Если хочешь, я возьму тебя с собой, поживешь пока у гномов, пойдем, а?

Козлик тяжело вздохнул и вылез из-под кресла. Он подошел к Алисе и доверчиво прижался к ее ноге.

— Ну вот, — сказала она, — все в порядке. Не дрожи, не нервничай. Сейчас мы найдем директора Царевича, освободим его — и домой. Я сама уже волнуюсь, представляешь, что у меня дома творится! Может, ты знаешь, где они держат директора?

Козлик засуетился, заблеял, но говорить он не умел, так что Алиса только покачала головой и сказала:

— Нет, ты мне не помощник.

Она подошла к хрустальному гробу. Спящая царевна посапывала и хмурилась — видно, ей снился неприятный сон.

Алиса постучала по крышке гроба.

— Простите, — сказала она. — Вы не проснетесь на одну минуту?

Царевна продолжала спать.

Козлик потянул за веревку, потащил Алису к выходу.

— Боишься здесь оставаться? — сказала Алиса. — Мне и самой неприятно, но надо обязательно посмотреть, не скрывают ли они директора в подвалах.

Но козлик, неразумное существо, продолжал тянуть Алису к выходу.

Алиса еще раз постучала по крышке хрустального гроба.

— Спящая красавица, — сказала она, — может быть, мимо вас проводили директора? Они обязательно должны были проводить его мимо. Поймите, от вас сейчас зависит судьба всего заповедника.

Спящая царевна перевернулась на другой бок и пробурчала:

— Отстаньте, спать не дают. Не подземелье, а сумасшедший дом. Разве не понятно, что я сплю с закрытыми глазами?

— Я в вас разочарована, — сказала Алиса. — Все мне помогают или мешают. А вы единственная, кто захотел остаться в стороне. Стыдно!

Но Спящая царевна так и не открыла глаз, хоть и ответила:

— Какая же я буду Спящая царевна, если с каждым начну разговаривать? Я принца жду, не мешайте!

— Царевна, миленькая, хорошенькая, красивая! — взмолилась Алиса. — Вы же знаете, я по голосу чувствую, что знаете... Ну, сделайте над собой усилие!

Веки царевны дрогнули, будто она готова была проснуться, но тут отчаянно закричал, предупреждая Алису, козлик. Алиса обернулась, но было поздно.

Крепкая костлявая рука Кусандры опустилась на ее плечо.

— Так вот кто шпион! — сказал Кусандра. — Мы с вами уже встречались, так называемая Золушка!

Глава 13

ДОПРОС

Кусандра был просто счастлив, что поймал Алису. Правда, его глаз за темными очками не было видно, но улыбался он так широко, что все его сорок золотых зубов вылезли изо рта и блистали, как ожерелье. Он говорил сладким голосом, как будто изображал лису.

— Я думаю, кто же проник к нам в заповедник, кто нарушил строгие правила? А это дочь уважаемого человека, профессора Селезнева, уже школьница! Ай-ай-ай, что будет, когда наш папа узнает о безобразном поведении ребенка?

— Я вас не знаю, — сказала Алиса. — Я не знаю никакого папы, я Золушка, экспонат заповедника. Меня Иван Иванович Царевич пригласил сюда на работу.

— Ай-ай-ай, — расстроился Кусандра. — Это просто несчастье. Дочка профессора Селезнева оказалась лживой обманщицей. Она пришла сюда что-нибудь украсть. А может, уже украла?

— Украла, украла, — сказал Кот в сапогах, который стоял за спиной Алисы. — Она очень похожа на воровку. Я с самого начала подумал: какая красивая воровочка!

«Ну и глупая же я, — подумала Алиса. — Как можно было не догадаться, что Кот тут же побежит за Кусандрой!»

Козлик увидел, как сморщилась Алиса от боли — костлявая холодная рука Кусандры все сильнее сжимала ее кисть, и девочка еле удерживалась, чтобы не закричать. Козлик бросился было к Алисе на помощь. Он был маленький, но отважный.

— Не сметь! — разозлился Кусандра и ударил козлика ногой. — Вот отдам тебя Волку, и съест он тебя. Останутся только рожки да ножки.

Кот тут же набросился на козлика и пинками отогнал его в угол.

— Перестаньте шуметь, — сказала Спящая царевна. — Мне все мешают, так невозможно.

— Вот видишь, — сказал Кусандра, снова показывая свои золотые зубы. — Вот видишь, ты мешаешь Спящей царевне, тебя придется жестоко наказать.

При этом он продолжал сжимать руку Алисы. Алисе стало так больно, что она не выдержала и заплакала, хотя Алиса обычно никогда не плачет.

— Отправьте меня домой, я больше не могу! — взмолилась она.

— Домой — это правильно, — сказал Кусандра и немного ослабил хватку. — Сейчас же отправим тебя домой и напишем письма. Одно — твоему отцу, другое — в школу. Пускай полюбуются, каких они воспитывают избалованных, непослушных детей.

— Нельзя ее отпускать, — сказал Кот. — Она слишком много знает.

— А что она может знать? — удивился Кусандра. — Мы работаем, стараемся сохранить уникальных сказочных зверей, мы о них заботимся, мы водим их к врачу. Мы трудимся за двоих, потому что наш любимый директор уехал на конференцию в город Тимбукту, а наши враги стараются нам помешать. Мы ее немедленно отправим домой!

«Хорошо бы отправил, — подумала Алиса. — Хорошо бы. Я бы сразу вернулась вместе с отцом. Мы всю эту банду сразу разгоним».

— Нет, — возразил Кот, — живой я ее отсюда не выпущу. Несмотря на то, что она красивая девочка и я бы мог в нее влюбиться. Но нельзя, нельзя. Хочу отпустить, но, прости, Кусандра, не имею права.

— Вот видишь, что говорит наш уважаемый Котик, — сказал Кусандра. — Он на тебя обижен. Ты его напугала, ударила, выгнала из комнаты.

— Да, — сказал Кот, — она меня избила, и я на нее подам в суд. Пускай ее посадят в тюрьму. За избиение Кота при исполнении служебных обязанностей.

— Видишь, что ты натворила, — сказал Кусандра. — Если Кот подаст на тебя в суд, я не смогу тебя защитить. А ведь ты пришла без злого умысла. Ты зла не желала?

— Конечно, не желала, — сказала Алиса. — Я просто хотела посмотреть.

— Правильно, — согласился Кусандра. — И ты попросила... кого ты попросила провести тебя в заповедник?

— Я сама, — сказала Алиса.

— Вот это плохо, — сказал Кусандра и очень опечалился. — Врать плохо, врать вредно. Девочек, которые врут, мы отдаем Серому Волку. Вообще-то он кушает только морковку, но если нужно, может съесть и плохую девочку... Ай-ай-ай, такая девочка, дочь профессора Селезнева, а врет, как последняя лисица. Кто же провел тебя в заповедник?

— Я сама! — крикнула Алиса.

— А если еще подумать? Давай я тебе помогу. Тебя привел гном Ве... Ну, какой гном тебя привел в заповедник?

— Я не знаю никакого гнома! — сказала Алиса.

Кот зашипел от злости. Но Кусандра даже не поглядел в его сторону. Он говорил так же ласково, как прежде.

— Помнишь, девочка, когда я был у твоего папы, я нашел у себя в кармане веревочную лестницу? Я не сразу догадался, почему у меня в кармане веревочная лестница. А теперь я все понял. Этот вредный, испорченный гном Веня обманул мое доверие, проник в карман моего пальто и таким образом выбрался из заповедника. А потом обманом заманил сюда тебя. Наговорил тебе с три короба, какой плохой старик Кусандра...

— Оклеветал старика Кусандру! — Кот в сапогах укоризненно покачал головой. — Оклеветал нашего доброго старика!

— Видишь, что говорят те, кто любит и ценит старика Кусандру. Они считают, что гном меня оклеветал. И что же он тебе рассказал, девочка?

— Ничего он мне не рассказывал, — сказала Алиса.

— Ага, значит, приехал к тебе в моем кармане и ничего не рассказал?

— Ничего.

— Ну вот ты и выдала своего товарища, — сказал Кусандра. — Ты призналась, что он у тебя был.

— Я ни в чем не признавалась! — сказала Алиса, но она уже поняла, что проговорилась.

— Твое упрямство меня удивляет, — сказал Кусандра. — Сначала я подумал, что ты просто из любопытства пришла к нам. Но если из любопытства, то сказала бы мне: дорогой дядя Кусандра, пожалуйста, возьми меня в заповедник, я хочу нарушить правила и поглядеть на его жителей вблизи. А я бы сказал тебе — нельзя, милая девочка, нарушать правила и беспокоить наши экспонаты, они такие нервные, такие уникальные... Кот, вынь палец из носа!

— Я нечаянно, — сказал Кот в сапогах. — Я нервничаю!

— Вот видишь, до чего ты довела Котика!

— Он сам кого хочешь доведет, — сказала Алиса. — Хулиган.

— Вот ты уже и грубить начала. Еще не раскаялась, а уже грубишь. И в мою голову постепенно закрадывается сомнение. Так ли все просто?

— Нет, непросто, — сказал Кот. — Она очень опасный шпион.

— Этого-то я и боюсь, — сказал Кусандра. — Может быть, заповеднику грозит страшная опасность, может быть, они с гномом замыслили какой-нибудь план? Может, они решили погубить нашего любимого директора Ивана Ивановича?

— Нет! — сказала Алиса. — Это вы его замыслили погубить, а я его хочу спасти.

— Ну вот, сразу все ясно, — сказал Кусандра, отошел от Алисы и опустился в кресло. — Она злобный агент моих врагов. А я-то уж было подумал, что она простая девочка.

Алиса жалела, что у нее вырвались эти слова. Ну как же так получается? Ведь хочешь молчать, хочешь не выдать своих друзей, а как только этот коварный волшебник начнет говорить, сразу отвечаешь. И как только отвечаешь, говоришь лишнее. А обратно своих слов уже не взять.

— Врет она все, — сказал Кот. — Отдай мне ее, Кусандра, я ее исцарапаю, измучаю, защекочу — она мне все расскажет!

— Может быть, — сказал Кусандра, поглядев на Кота. — Может быть, и отдам...

Алиса тоже поглядела на Кота, и ей стало страшно. Усы Кота шевелились, странная зловещая улыбка играла на его тонких губах, желтые глаза горели ярким светом.

— Может быть, — задумчиво повторил Кусандра. — Я обязательно отдам тебя на растерзание Коту.

— Она такая красивенькая, такая мягонькая, — мурлыкал Кот, — она такая сладенькая... Я ее укушу.

— Не хотел бы я попасть к нему в когти, — сказал Кусандра. — Нет, не хотел бы.

Алиса очень испугалась, но решила молчать. Больше ни слова. «Лучше выдержать все пытки — они не посмеют... — думала она. — Они не посмеют». Но сама не была в этом уверена.

Кусандра замолчал и принялся золотыми зубами грызть ногти.

Кот все еще мурлыкал и ходил кругами вокруг Алисы. Спящая царевна ворочалась в хрустальном гробу, сердилась, что ей мешают спать.

— Нет, — вдруг сказал Кусандра. — Я уверен, что эта девочка

просто орудие в руках негодяев. Просто орудие. Мы не будем ее пытать. Ее используют, понимаешь, Кот, ее используют. Надо ее пожалеть, а не пугать. Она сама себя наказала. Ей холодно, она боится, что ты ее защекочешь и исцарапаешь. Ее надо пожалеть. Мне даже хочется плакать, до того обидно все получилось. Такая хорошая девочка...

— Так отдаешь мне ее? — спросил Кот сердито.

— Нет, никому я ее не отдам. Я ее посажу в подвал к мокрицам. И она будет там сидеть до тех пор, пока не расскажет о тех злодеях, которые ее запугали. А тем временем я прикажу арестовать гнома Веню и всю его родню. Хотя за их спиной стоит кто-то еще. Предчувствия меня никогда не обманывают.

— Чтобы посадить ее в подвал, нужно обвинение, — сказал Кот в сапогах. — Все должно быть по закону. Если нас спросят, мы ответим: все по закону.

— Молодец, Котик, я тоже так думаю. Но, к счастью, мы уже установили, что она воровка.

— Я? Воровка?

— Вот именно. — Кусандра расхохотался, показав сорок золотых зубов.

— А что она украла? — спросил Кот в сапогах.

— Ясное дело что.

— Директора! — догадался Кот.

— Дурак. Директор в Тимбукту на конференции. Она украла курицу Рябу, которая несла золотые яйца. Ведь курица пропала?

— Ты гений, Кусандра, — сказал Кот. — Я всегда это подозревал, но сегодня я в этом убедился. Разумеется, эта девочка украла Курочку Рябу.

— Но зачем мне ваша курочка? — удивилась Алиса.

— А затем, что она несет золотые яйца, а тебе нужно золото.

— Мне? Золото?

— Именно тебе и именно золото. Вставай, обвиняемая. Ты будешь сидеть в подвале, пока суд не вынесет тебе смертный приговор за воровство. Или пока не расскажешь все о моих врагах.

Кусандра встал с кресла, схватил Алису за руку и повел мимо гроба в темноту. Алиса попробовала было вырваться, но стало так больно, что пришлось подчиниться. Козлик побежал вслед, блея и страдая, но Кот отбросил его сапогом, достал из-за пояса большие ключи и электрический фонарик. Потом первым спустился по узкой лестнице на этаж ниже.

Три стены подвала были каменными и сырыми, по ним ползали мокрицы и тараканы, а четвертая стена была забрана толстой решеткой. Кот отпер дверь в решетке, Кусандра втолкнул Алису внутрь, и она упала на кучу гнилой соломы.

Заскрипела дверь. Алиса лежала на соломе, ей было холодно и сыро. Кот запер дверь и повесил замок.

— Все в порядке, — сказал он. — Отсюда ей не выскочить.

— Все не в порядке, — сказал Кусандра. — Мы не знаем, что и кому она успела сообщить. Опасность велика, но тебе своим кошачьим умишком ее не охватить. Мы поймали одну, а сколько их всего? Надо немедленно принимать меры.

— Какие? — спросил Кот.

— Не здесь, — ответил Кусандра. — Я не хочу рисковать.

Они пошли по коридору, пятно света от фонарика осветило лестницу и исчезло. Наступила кромешная тишина и кромешная темнота.

— Эй! — крикнула Алиса.

Крик ее ударился о каменные стены и исчез. «Здесь можно кричать сколько угодно, — поняла Алиса. — Все равно никто не услышит».

Глава 14

УЗНИЦА ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Прошло, должно быть, полчаса. Алиса сидела на соломе, поджав под себя ноги, и дрожала от холода. Тишину нарушало лишь тихое шуршание тараканов, которые бегали по подвалу. Постепенно глаза Алисы привыкли к темноте, и ей удалось увидеть высоко под потолком подвала синее пятнышко — там было окошко, которое глядело в вечернее небо. Прямо посреди синего пятнышка сияла одинокая звездочка. «Была бы у меня космическая рация, — подумала Алиса, — вышла бы я на связь с этой звездой и оттуда вызвала бы помощь. Но помощь, правда, придет только через сто лет, а я к тому времени, наверное, умру».

Но надо было что-то делать. Ведь так ее никто не найдет. Она встала и, поборов отвращение к тараканам и мокрицам, которых всегда недолюбливала (хоть и знала, что они не кусаются), подошла к стене. Стена была влажная и холодная. Алиса постучала по стене костяшками пальцев, но стука не получилось — стена была очень толстой.

Алиса подняла голову. Синий квадратик со звездой посередине был высоко и далеко — никак не доберешься.

— Эй! — крикнула Алиса, стараясь сделать так, чтобы ее крик попал прямо в квадратик окна. — Есть там кто-нибудь?

Никто не откликнулся. Интересно, куда выходит это окошко? Может быть, ко рву? Тогда, если громко кричать, услышит Медведь. Наверное, он уже беспокоится, если не заснул.

Алиса обошла всю камеру, щупая руками стены, но стены были каменными, нигде ни трещины, ни дырки. Решетка тоже оказалась крепкой. Алиса нащупала кучу соломы и села на нее. Холод был такой, что зубы сами стучали, не унять. А дома отец сейчас пьет чай, ужинает. Нет, вернее всего, он не ужинает, а звонит по всем видеофонам, разыскивая Алису по всему городу. Но кто догадается искать ее здесь? А Кусандра забудет о ней, нарочно забудет, чтобы она умерла от голода и жажды в этом подземелье. И как только Алиса подумала о голоде и жажде, ей сразу захотелось пить и есть. Как будто три дня не ела. Казалось бы, аппетит должен пропасть — как можно думать о еде, если тебе грозит смерть? Но Алиса все равно вспомнила, какие вкусные и свежие пирожки были у бабушки, которая вязала занавес для детского музыкального театра.

— Эй, Алиса! — раздался голос.

Алиса решила, что она незаметно заснула и голос ей снится. Поэтому она даже не стала отвечать — ну кто будет звать ее здесь, да еще настоящим именем?

— Алиса, отзовись! — Голос доносился сверху.

Алиса подняла голову. Звезда в синем окошке исчезла. Да и окошко само исчезло. Что-то черное закрывало его.

— Кто там? — спросила Алиса.

— Это я. Змей Гордыныч, — ответил голос.

— Как хорошо, что ты меня нашел! — сказала Алиса, вскакивая на ноги. — Я думала, что уже погибла.

— Этого не случится, — сказал дракон. — Этого я бы не допустил. Я же знал, что ты туда пошла, а обратно не вышла. Я только на вид глупый, а на самом деле соображаю.

— Я такая счастливая, — сказала Алиса. — В жизни не была еще такой счастливой. Ты не представляешь, какое это счастье, если у тебя есть друзья.

— Ну полно, Алиса, полно, — сказал дракон басом. — А то я разрыдаюсь. Мне так приятно, что я могу тебе чем-нибудь помочь.

— А как ты узнал, что меня сюда заточили?

— От козлика.

— От козлика? Но он же не умеет говорить!

— Он с веревки сорвался, выбежал во двор. Я его спросил, где Алиса. Кот с Кусандрой без нее вышли. А он принялся копытом о землю бить. Я его спрашиваю — она в подвале? А козлик головой кивает. Вот и все.

— А где козлик? — спросила Алиса.

— Его Кот поймал, в замок утащил.

— Вынь меня отсюда, — сказала Алиса. — Ты не представляешь, как я замерзла.

— Вынуть тебя я не смогу. Окошко здесь слишком маленькое. Даже голова не влезет. Но я веревку принес. Ты сможешь по веревке вылезти?

— Если другого пути нет, — сказала Алиса, — значит, надо вылезать, правда?

— Умница, как здорово рассуждаешь! — обрадовался дракон. — Сейчас кину тебе веревку. Хорошая веревка, крепкая.

На секунду темный силуэт исчез, а в окошке снова загорелась яркая звезда, потом что-то зашуршало и мягко ударилось о пол камеры, рядом с Алисой.

Алиса нащупала конец веревки. Она потянула ее к себе.

— Ты готова? — спросил дракон.

— Готова.

— Тогда держись.

Веревка поползла вверх, и Алиса обхватила ее руками и ногами, отталкиваясь коленками от стены. Было так темно, что Алиса скоро потеряла счет времени и высоте. Ей казалось, что она давным-давно ползет куда-то вверх, к самому небу, руки болели от напряжения, веревка резала ладони.

— Теперь держись, — сказал дракон. — Когда-то мне приходилось ловить рыбу удочкой для развлечения, и скажу тебе — самый рискованный момент, когда ты вытащил рыбу из воды. Не усмотрел — сорвется.

— Ну и сравнения у тебя, — сказала Алиса.

— Все из жизненного опыта, — сказал дракон. — Держись. Цель близка.

Алиса сама почувствовала, как ей в лицо повеяло теплым воздухом из окна. Змей Гордыныч тянул ее через край окна наружу, и Алиса отпустила одну руку, чтобы ухватиться за стену, но чуть не сорвалась — ноги устали держаться за веревку, а одной руки

было мало. Хорошо еще, что дракон успел ухватить ее за протянутую вперед руку и рывком вытащить наружу.

— Ой, больно! — сказала Алиса. — Я вся о камни ободралась.

— Видишь, как я точно сравнил тебя с рыбой? — сказал дракон. — Ты тоже чуть не сорвалась. А теперь говори шепотом. Нас могут услышать.

Алиса посидела немного на земле, опершись спиной о жесткий бок дракона. Земля была холодной, но по сравнению с подвалом во дворе было как на летнем курорте.

— Ну, отдохнула? — спросила одна из голов Змея Гордыныча, которая нависала над ней. Две остальные головы осматривались вокруг, чтобы их не застигли врасплох.

— Да, — сказала Алиса. — Я понимаю, надо спешить.

— В любую минуту они могут тебя хватиться.

— Глупо все получилось, — сказала Алиса. — Я пришла помочь вам найти директора Царевича, а пришлось самой спасаться.

— Бывает, — сказал дракон. — Однажды я весь день сражался с рыцарями, десятерых уничтожил, а когда думал, что я победил, они натравили на меня мышь. Я вот ничего не боюсь, а мышей опасаюсь. Пришлось мне бежать. И ты, Алиса, беги, зови на помощь своего отца. Кусандра с Котом тоже времени даром не теряют. Они готовятся.

— К чему?

— К чему — не знаю, — сказал дракон. — Но хорошего от них не жди. Беги. И не забудь достать адрес моей двоюродной сестры.

— Не забуду, спасибо, Змей Гордыныч.

Алиса скользнула в дверь, которая вела в тронный зал.

При звуке ее шагов король заворочался на троне-кровати.

— А, это ты, — сказал он. — Я уже думал, что тебя поймали. Еды принесла?

— Я не была на кухне, — сказала Алиса, — а сидела в подвале. Но как только я отсюда выберусь, я принесу вам поесть.

— Дождешься от тебя, — вздохнул король. — Директора тоже не нашла?

— Нет, — сказала Алиса. — Спасибо еще, дракон выручил. Я спешу отцу позвонить, чтобы он приехал. Одной мне не справиться. У вас тут видеофон есть?

— Мне видеофон не нужен, — сказал король. — Кому я буду звонить? А служебный видеофон в соседней комнате, где Кусандра сидит.

Алиса пробежала через тронный зал, осторожно приоткрыла

тяжелую входную дверь и оказалась на подвесном мосту. Замок поднимался сзади, такой же громадный, загадочный, как и раньше. Окно в дирекции светилось. Видно было, что Кусандра собирает чемоданы, а Кот в сапогах сидит на столе и перебирает какие-то бумажки. Алиса встала на цыпочки и увидела, что вокруг стола бегает испуганный козлик, а за ним лениво трусит Волк.

— Перестань его пугать, — сказал Кусандра, — ты мне мешаешь собираться.

— Я же его не съем, — ответил Волк. — Я физкультурой занимаюсь, тренирую животное. А когда он станет бегуном на длинные дистанции и прославится, вот тогда он скажет спасибо Волку-вегетарьянцу, который не жалел времени, чтобы сделать из козлика настоящего спортсмена.

— Ты лучше в подвал сходи, — сказал Кусандра Волку. — Погляди, все ли там в порядке.

— Не пойду, — ответил Волк. — Там темно и страшно.

— Трус, — сказал Кусандра. — Сбегай ты, Кот.

— Неохота.

— Я тебе ее поцарапать разрешу.

— В следующий раз.

Кусандра стал ругаться, а Алиса больше не стала задерживаться, чтобы узнать, чем кончится их спор.

Она побежала к кустам.

В черной тени первых деревьев она остановилась и тихо позвала:

— Медведь.

— Угу, — ответил Медведь. И медленно, еле ворочая языком, добавил: — Я волновался.

— Бежим, — сказала Алиса. — Пора звать на помощь. Бежим.

— Куда? — спросил Медведь.

— У Деда Мороза есть видеофон?

— Угу.

— Тогда бежим в холодильник! Только скорее.

Глава 15

СОБРАНИЕ

В лесу уже стемнело. Казалось, что они попали в древние времена. Но тут над куполом высоко-высоко протянулся светящийся след космического корабля, и Алиса сразу догадалась, что это

почтовый Москва — Луна. «Как странно, — подумала Алиса, — на корабле, наверное, никто не верит в сказки».

Медведь свернул с дорожки и побежал напрямик через кусты. Алиса за ним, даже под ноги не смотрела, так спешила. Через минуту они уже были на берегу реки, где жила Русалка. И тут Медведь споткнулся и чуть не упал — во все стороны разлетелись сухие ветки. Что-то белое мелькнуло под ними. Алиса, не поняв, в чем дело, наклонилась.

Под ветвями лежали четыре козлиных копытца и маленькие козлиные рожки.

— Стой, Медведь! — крикнула Алиса.

— У? — спросил Медведь, но остановился.

— Пойди сюда, — сказала она. — Только скорее.

Медведь вернулся.

— Видишь? — спросила Алиса.

— Угу, — сказал Медведь. И вроде бы совсем не удивился.

— Что вы здесь нашли? — раздался мелодичный голос.

Алиса увидела, что у самого берега из воды высунулась Русалка. Ее волосы сказочно блестели под светом вышедшей луны.

— Погляди, — сказала Алиса.

Русалка очень ловко подтянулась на руках и выбросила на берег тяжелый зеленый хвост.

— Понятно, — сказала она. — А я-то думала-гадала, что это здесь Волк ветками вчера засыпал?

— Вы понимаете, что он засыпал? — закричала Алиса. — Или не понимаете?

— Соображаю, — сказала Русалка, — небось не сегодня на свет вылупилась. Это рожки да ножки. Все, что осталось от козлика. Рожки да ножки. Я всегда подозревала, что Волк только притворяется вегетарьянцем. Даже надоел своими рассказами о морковке. А кто-нибудь видел, чтобы Волк ел морковку?

— Рррррр! — злобно зарычал Медведь.

— Понимаешь? — спросила Алиса.

— Угу, — сказал Медведь.

— Жалко козлика, — сказала Русалка.

— Сколько козликов в заповеднике? — спросила Алиса.

— Сколько? Один, — сказала Русалка. — Зачем нам другой?

— Вот именно! — сказала Алиса. — А я только что, пять минут назад, видела козлика в комнате у Кусандры. Того самого, которого сегодня пас Кот в сапогах. А скажите, зачем Коту в сапогах пасти козлика? Как я раньше не догадалась!

— Не понимаю, — сказала Русалка, наморщив зеленый лобик. — Ты говоришь загадками, Золушка. Какой еще козлик? Зачем два козлика?

— Медведь, — сказала Алиса, — ты понял, что они заколдовали в козлика директора Ивана Ивановича и держат его в комнате у Кусандры? А настоящего козлика сожрал Волк-вегетарьянец!

— Угу, — сказал Медведь.

— Я побежала обратно!

Медведь покачал головой. Он был против.

— Да пойми ты, мохнатый, — сказала Алиса, — они его в любой момент могут съесть! Я проберусь туда через королевский зал и расскажу обо всем дракону. Мы вместе постараемся освободить козлика. А ты зови на помощь всех, кого можешь. Ясно?

— Ой, какой ужас! — сказала Русалка. Она наконец-то догадалась, в чем дело. — Но ведь нас нельзя есть! Не разрешается! Сегодня они съедят козлика, потом за меня примутся! Как страшно! Я немедленно ухожу из этого опасного заповедника.

И тотчас над лесом разнесся звон. Как будто кто-то ударил железной палкой по пустому котлу.

— Это что такое? — спросила Алиса.

— Сама не знаю, — ответила Русалка. — Никогда раньше не слышала.

Над заповедником послышался радиоголос:

— Вниманию всех зверей, людей и сказочных существ. Всем приказываю собраться тут же, мгновенно, немедленно, судорожно и со сказочной быстротой на поляне замка. Если кто не придет, он будет заточен и заколдован. Повторяю: немедленно, быстро, мгновенно, молниеносно всем собраться у замка!

Немедленно...

— Я опоздала, — сказала Алиса.

— Ты спрячься, — сказала Русалка, — а когда будет удобный момент, отнимешь у них козлика.

— Угу, — сказал Медведь.

— Если только мы не испугаемся, — сказала Русалка. — Ведь мы не люди, а сказочные экспонаты, мы приехали сюда из легендарной эпохи, когда все друг друга угнетали. Ты только посмотри, как все послушно прибегут. Мы привыкли слушаться.

— Посмотрим еще, кто сильнее, — сказала Алиса. — Бежим к замку.

— А я тут поплыву, — сказала Русалка и нырнула в речку.

Глава 16

ЧТО ПРИДУМАЛ КУСАНДРА

Алиса надеялась успеть к замку прежде, чем выйдут злодеи, и предупредить дракона, что директор превращен в козлика.

Но она не успела.

Добежав до края площадки перед замком, она поняла, что поговорить с драконом ей не удастся.

Площадка перед замком изменилась — на боковых башнях горели прожектора, ярко освещая траву и кусты. На перилах моста были укреплены факелы. Их красный свет отражался в гладкой воде рва. Сбоку в стене замка растворились широкие ворота, и Алиса, спрятавшись в кустах, где еще недавно лежал Медведь-молчун, увидела, как оттуда хвостом вперед вылезает дракон и тянет за собой хрустальный гроб со Спящей красавицей. Рядом с ним крутится Кот в сапогах и визгливо покрикивает:

— Левее, левее, в ров свалишься! Береги ее, мою красавицу! Я в нее безумно влюблен! Осторожнее, ты, крокодил ископаемый!

Дракон тяжело дышал черным дымом, но отмалчивался.

По дорожке из леса выехало кресло на колесиках, в нем сидела бабушка, но не вязала, а плакала. Сзади шла Красная Шапочка и толкала кресло, а за ними семенил Серый Волк и рассуждал:

— Если бы не возраст, если бы не мои болезни, разве я разрешил бы маленькой девочке делать такую работу, толкать родную бабушку! Никогда бы не разрешил.

— Помолчи, — сказала Красная Шапочка. — Бабушка плачет. Где ее занавес? Кто его украл?

— Не крал его никто, — обиделся Волк. — Где-нибудь дома завалялся. Вы за плитой искали? Под кроватью смотрели?

— Издеваешься, что ли! — воскликнула бабушка. — Занавес — и вдруг под кроватью!

— Мне пора, — засуетился Волк, отводя глаза. — Надо торопить, подгонять, а у меня морковка не прополота!.. — И Волк скрылся в чаще.

«Странно, — подумала Алиса, — кому мог понадобиться такой громадный занавес?»

Площадка постепенно наполнялась зверями и сказочными существами. Некоторых Алиса уже видела, других еще не встречала. Выскочило целое семейство зайцев, белка с золотым орешком в лапках спрыгнула с дерева, пришел лебедь в расстегнутой

шкуре гадкого утенка, сонный и мрачный. Русалка подтянулась на руках, уселась на край мостика надо рвом — видно, ров где-то соединялся с речкой, иначе бы ей так быстро не доплыть. Неподалеку от Алисы протопали гуськом гномы — впереди шла тетя Дагмара, потом два брата-рудокопа, последним брел Веня, тащил за руку куклу Дашу. Алиса еле удержалась, чтобы не окликнуть старого знакомого, но испугалась, что он обрадуется встрече и выдаст ее. Дракон поставил хрустальный гроб на краю площадки и вытер пот по очереди с трех лбов. С шумом раздвинулись ветви — на площадку вышли Дед Мороз с мешком и Снегурочка, которая несла два раскладных стула. Она поставила их на траве, села на один, Дед Мороз — на другой. Дед Мороз вынул из кармана платок, вытер лицо и сказал:

— Ну и жарища!

«Вот уж не жарко, — подумала Алиса, — я опять закоченела».

Дед Мороз развязал мешок, вынул оттуда кусок льда, положил себе за пазуху, второй дал Снегурочке.

Алиса услышала, как Снегурочка наклонилась к дедушке, спросила шепотом:

— Она здесь?

— Должна быть, молчи, — сказал Дед Мороз. — Вот наш Медведь сидит. Видишь — нам кивает.

— Ну давай же, работай, скотина! — закричал Кот в сапогах на дракона. — Ты что, забыл?

— Иду, иду, — сказал дракон и раскрыл дверь в тронный зал. Он долго возился там, а его хвост, оставшийся снаружи, нервно бил по земле. Наконец, кое-как сдвинув с места, дракон выволок на площадку трон-кровать, на котором лежал толстый король.

Король прищурился, разглядывая собравшихся, потом громко сказал:

— Господа, у кого-нибудь есть с собой корка хлеба? Я умираю от голода.

— Отнеси королю, — сказала бабушка Красной Шапочке, доставая из-под шали кулек с пирожками. — Я его Золушке принесла, но что-то ее не видно.

«Я здесь!» — чуть было не крикнула Алиса. Она представила себе, какие вкусные у бабушки пироги, и проглотила слюну. Ну ладно, теперь осталось недолго ждать, скоро все кончится.

Красная Шапочка отнесла кулек с пирогами королю, тот развернул его и с такой скоростью начал кидать пирожки в широко

открытый рот, что на площади наступила тишина — все с изумлением глядели на короля.

— Внимание! — закричал Кот в сапогах. — Все кланяются, низко кланяются, приветствуют нашего нового повелителя, истинного директора заповедника, великого волшебника и мага, бывшего Кощея Бессмертного, знаменитого Папу-ягу, непобедимого, сурового, но справедливого, самого благородного из негодяев, властителя всего мира, его Узурпаторское величество Кусандру Первого!

Он визжал так громко, что зайцы и белки, лягушки, мышата и кроты упали на землю, гномы присели, Русалка чуть не свалилась в ров, бабушка заткнула уши, Красная Шапочка зажмурилась, дракон прижал головы к земле. Волк завел неизвестно откуда взявшийся граммофон, и под торжественный марш из дверей дирекции вышел Кусандра в золотой пожарной каске, завернутый в разноцветную тогу, такую длинную и широкую, что хвост ее скрывался в замке, хотя Кусандра уже перешел мостик. В одной руке Кусандра держал золотой жезл в драгоценных камнях, в другой — тяжелый мешок. Кот в два прыжка вернулся в замок и вытащил оттуда клетку с рябой курицей и упирающегося козлика.

На конце моста Кусандра замер и подождал, пока перестанет играть музыка. Потом поднял руку, призывая всех к тишине, хотя этого делать не надо было — все и так замолчали, пораженные необыкновенным зрелищем.

И в этой тишине раздался громкий голос бабушки.

— Что за безобразие! — воскликнула она. — Ты как посмел надеть на себя театральный занавес для детского музыкального театра, который я вяжу уже полгода? Вот, значит, кто утащил занавес?

— Не утащил, — ответил за Кусандру Волк. — Эта тога реквизирована по приказу его Узурпаторского величества Кусандры Первого. Молчать! А то растерзаю! Это великая честь для занавески! — Волк оскалил зубы и зарычал.

— Ты должна гордиться, старуха, что твоя работа так высоко оценена руководителем нашего заповедника, — сказал Кот. — Ты должна сказать «спасибо».

— Еще чего не хватало! — возмутилась бабушка. — Ноги моей здесь больше не будет.

Бабушка хотела подняться с кресла на колесиках, но Кусандра поднял золотой жезл и сказал громовым голосом:

— На место! Если будете возражать, всех превращу в лягушек! Вы забыли, с кем имеете дело?

И он так грозно произнес эти слова, что бабушка испугалась. Честно говоря, и Алисе стало не по себе. В конце концов, этот Кусандра был волшебником, иначе как бы он заколдовал директора Царевича?

— Но я тоже хочу возразить, — послышался голос толстого короля с трона-кровати. — В ваших руках находится, если я не ошибаюсь, мой королевский скипетр. Вы не имеете никакого права его носить. Верните мне его немедленно.

— Я не люблю приказывать дважды, — сказал Кусандра. — Ты, жирный студень, уже не король, я тебя увольняю с этой должности. Отныне ты простой маркиз и будешь исполнять должность чистильщика моих ботинок. Снять его с трона!

Волк с Котом подскочили к трону-кровати, дружно навалились на короля и свалили его на траву. Король лежал на траве, как рыба, вытащенная из воды, вяло шевелил толстыми ручками и никак не мог подняться.

Кот в сапогах отряхнул хвостом пыль с трона. Волк взбил на троне подушки, и Кусандра взобрался на трон.

— У кого-нибудь есть еще возражения? — спросил он.

Он обвел глазами площадку, но все испуганно отводили глаза. Алиса заметила, что даже Дед Мороз и Снегурочка, даже Медведь-молчун, даже гномиха Дагмара — все отводили глаза. Ну что им было делать? Все-таки не настоящие, а сказочные экспонаты.

— Я решил сообщить вам, что власть в заповеднике законным образом перешла ко мне. Ваш бывший директор Иван Царевич не смог больше держать бразды правления и отрекся. Он испугался ответственности и по доброй воле превратился в козлика. В таком облике он прячется до сих пор. Котик, покажи нам трусливого дезертира, пусть все видят и осуждают его.

Кот в сапогах подтащил на веревке козлика, который упирался и сопротивлялся, но Кот в сапогах был куда сильнее. К тому же ему помогал Волк, который подталкивал козлика сзади и щелкал зубами.

«Так и есть, — подумала Алиса. — Я права. Ну что мне стоило догадаться раньше! Давно бы уже убежали! Бедный козлик! Как, наверное, обидно и страшно ему, доктору наук, профессору разных университетов, уважаемому человеку и ученому, когда его привязывают к ножке трона-кровати, на котором сидит мерзавец Кусандра».

— Ваше узурпаторство, — спросила Красная Шапочка, — если это директор, то где же настоящий козлик? Я так любила с ним играть.

— Я тебе не давал разрешения задавать вопросы! — прикрикнул на Красную Шапочку Кусандра. — Мне некогда тратить время на объяснения, но в виде исключения я скажу. Я скажу, а вы все мотайте на ус, что случится с теми, кто посмеет меня ослушаться. Настоящего козлика мы наказали.

— Как наказали? — спросила тетушка Дагмара.

— А как наказывают козликов? — засмеялся Кот в сапогах. — Был козлик, остались рожки да ножки.

— Ох! — По толпе экспонатов прокатился вздох ужаса. Некоторые даже заплакали.

— Не может быть! — сказал Дед Мороз. — Такого у нас в заповеднике еще не бывало.

— Не бывало, так будет, — сказал Кусандра. — Отныне в заповеднике устанавливаются дисциплина и порядок. Кто не послушается, тот будет наказан, и это я поручаю Серому Волку.

— Так вот кто козлика съел! — сказала бабушка. — Так вот кто главный притворщик и негодяй! А я его пускала к себе в дом и кормила пирожками! Стыд и позор на мою седую голову!

— Молчи, старуха, — сказал Волк. — Прошли гуманные времена. Хватит с меня морковки.

— Но как же так? — пискнул один из зайчиков, дрожа от ужаса. — Ведь вы так любили морковку! Мы вас совсем не боялись.

— Бояться волков не надо, — сказал Волк. — Зачем меня бояться? Я был вегетарьянец и остаюсь вегетарьянцем. Все сказки хорошо кончаются. Детки должны воспитываться на хороших примерах, добро — ха-ха-ха — торжествует, порок — ха-ха-ха — наказан. Пускай детки и зайчики верят, что волки грызут морковку. Пускай они растут добренькими и нежненькими. Растут себе и растут. А потом наступит время, и их только вкуснее будет кушать. — Волк прошелся перед собравшимися, картинно шевеля хвостом и показывая всем, какие у него длинные, крепкие и острые клыки. — Нет, — продолжал он, — мы всегда и во всем остаемся гуманистами. Но у нас есть долг! Очищать леса и заповедники от ненужных вредителей. Мы — санитары леса! Мы — его честная стража! Стража порядка...

— Ну ладно, хватит, — оборвал его Кусандра. — А то ты можешь до ночи выступать. Главное ясно: все, кто встает у нас на

пути, будут наказаны до смерти. Надеюсь, все это уяснили и трепещут. Вы все трепещете?

— Трепещем, — сказали зайчики и белочки.

— Отлично, — сказал Кусандра. — Бывший король, перестань стонать. Ты нам не нужен.

— Я больше не буду, — сказал толстый король и шмыгнул носом. — Я просто еще не привык, но я обязательно привыкну.

Кусандра молча обвел черными очками площадку. Все затаили дыхание. Кусандра откашлялся, улыбнулся, показав золотые зубы, и продолжал:

— Я собрал вас здесь, мои послушные подданные, для того, чтобы сообщить вам мой новый приказ. Заповедник закрывается!

— Ой, — сказал зайчик. — А мы еще урожай не собрали! Капуста не поспела.

— Пустяки, — сказал Кусандра. — Не о капусте надо думать в такой исторический момент. Не о ка-пус-те!

— Кто здесь говорит о капусте? — спросил Волк, направляясь к зайчику.

Зайцы замерли.

— Волк, не отвлекайся, — сказал Кусандра.

— Слушайте! — закричал Кот в сапогах. — Все слушайте!

— Мы уходим, — сказал Кусандра. — Мы уходим в легендарную эпоху. Все без исключения.

— Как мудро! — воскликнул Волк.

— Как гениально! — мяукнул Кот в сапогах.

— Простите, конечно, ваше узурпаторство, — сказала тетя Дагмара, нарушив тишину, наступившую у замка. — Но зачем нам уходить? Мы по доброй воле приехали в заповедник, живем здесь в нормальных тихих условиях...

— Если, конечно, нас не начинают кушать, — сказала Русалочка.

— Если, конечно, среди нас нет бандитов и убийц, — дополнила тетя Дагмара.

Тетя Дагмара была чуть выше травы, и красный ее колпачок покачивался, словно цветок, под светом прожекторов. Но тетя Дагмара была отважной женщиной — ее не удалось запугать даже таким великанам и мерзавцам, как Кусандра и его подручные.

— Я тебе делаю предупреждение, гномиха, — сказал Кусандра. — Но не отказываюсь от ответа. Мне нужны размах и власть. Никакого размаха и власти в этой клетке я не имею.

— Не поедем мы с тобой, — сказала Дагмара. — Мы договор

подписывали с Иваном Иванычем, условия жизни у нас хорошие, соседи не обижают. Куда нам ехать?

— В древний век! — закричал Кусандра, поднимая руки кверху, его черная тень метнулась к кустам, и Алиса даже отшатнулась, чтобы тень до нее не дотянулась. — В наш славный, жестокий, низменный и привлекательный век, когда миром правили сильные, а справедливости, права, законов — всей этой галиматьи, которую придумали для слюнтяев, — еще не было! За мной, обратно в легендарную эпоху!

— Ура-а! — закричали Волк и Кот.

Остальные молчали.

— Еще раз, — сказал Кусандра, — все вместе повторяем за мной: «Уррра!»

Опять же завопили только Волк с Котом.

— Ладно, отставить, — махнул рукой Кусандра. — Вашим воспитанием я займусь позже. Лишнего с собой не брать. Слюней не распускать. Всем ясно?

— Неясно, — раздался густой бас Деда Мороза. — Совершенно неясно. Что нам там делать, в эпохе легенд, чем жить будем, кому мы там нужны, кто там нам нужен? Что нам грозит здесь, в конце концов?

— Тебе, Дед Мороз, с готовностью объясняю, — сказал Кусандра.

Алиса поняла, что Деда Мороза Кусандра немного побаивается.

— Что нам грозит здесь? — спрашиваешь ты. Нам здесь грозит прозябание и скука. Мы сидим по уголкам, на нас глядят сверху ихние культурные дети — а не стыдно ли нам, созданиям бурного прошлого, превратиться в эк-спо-на-ты? Разве мы — камни в музее? Мы с вами умчимся в далекое прошлое, в славную эпоху легенд, когда миром правили волшебники и колдуны, когда разбойники бродили по лесам, когда стаи волков пожирали одиноких путников, когда короли волшебных царств строили себе дворцы из жемчугов и алмазов. И тот, кто был сильнее всех, богаче всех, наглее всех, становился господином мира! И там господином мира буду я! Я — Кусандра Неповторимый, я — Кусандра Зловещий!

— Ура! — закричал Кот и осекся, потому что Кусандра продолжал:

— А вы будете моими придворными, моими слугами и помощниками. Каждому из вас гарантирую богатство и безнаказанность!

— Меня будут любить все красавицы! — закричал Кот в сапогах. — Всех защекочу!

— Я буду гоняться за тучными овцами и молочными телятами! — закричал Волк.

— Всем хватит! Всем!

Дед Мороз подождал, пока они откричат, и спросил:

— А на какие же доходы ты собираешься править миром? Одним волшебством не справишься.

— Это точно, — сказал толстый король, — у меня самого пять волшебников при дворе жили, а все равно меня сосед завоевал, все отобрал.

— Волшебник волшебнику рознь, — сказал Кусандра. — Я буду посильнее других волшебников. Глядите!

Кусандра поставил на землю мешок и развязал его. Мешок был полон сверкающих золотых яиц.

— Все золото мира! — кричал Кусандра и махал руками так, словно сошел с ума... — Все золото Вселенной! Сколько нужно, столько и будет! Теперь вы поняли, какой я великий?

— Поняли, — сказал Дед Мороз. — Золото у тебя есть. Хоть и ворованное. Только подохнет курочка, останешься без золота.

— К тому времени я успею покорить весь мир, — сказал Кусандра. — И сделаю это с вашей помощью. Со мной будешь ты, Дед Мороз, — значит, за меня все вьюги и метели! Со мной дракон Змей Гордыныч — берегитесь, рыцари! Он стоит целой армии. Со мной Спящая красавица! Мы будем брать по тысяче золотых монет с каждого принца, который захочет ее поцеловать! Со мной Волк и Кот — истинные мастера коварства и подлости. Со мной все вы, мои друзья! То, чего не может сделать один волшебник, всегда добьется целая банда! Я богат и непобедим!

Дед Мороз покачал головой, не понравилось ему все это, но он пока не знал, что бы еще сказать. Поэтому замолчал, сел на стул и положил за пазуху еще кусок льда.

— Дедушка, не волнуйся, — успокаивала его Снегурочка. — Здесь так жарко, а у тебя давление. Может, вернемся в холодильник? Не поедем с тобой в древние времена. В крайнем случае будешь работать мороженщиком.

Но Дед Мороз не ответил. Он глубоко задумался. «Неужели и он испугался Кусандру? — подумала Алиса. — Это было бы очень плохо. Так можно совсем остаться без союзников. Один верный друг — дракон, да и тот безнадежный трус».

— Еще вопросы будут?

— А как мы туда попадем? — спросила Белка.

— Глупая, — сказал Кусандра, отмахнувшись от нее. — Наш директор привез нас сюда на машине времени. Как приехали, так мы и уедем. Машина-то стоит, нас ждет. Все. Больше вопросов не будет. Дискуссии окончены. Всем ясно? Теперь мы будем голосовать за то, чтобы ехать в легендарную эпоху. Рук не подымать, рта не раскрывать. Кто пискнет, будет иметь дело с моими волками и котами, а они шутить не любят. Итак, кто за то, чтобы ехать в прошлое? Все молчат? Значит, все согласны. А теперь можно хлопать в ладоши и кричать «ура!». Кричите и хлопайте. Волк и Кот, следите, чтобы все кричали и хлопали.

Но так как никто не закричал и не захлопал, Коту и Волку пришлось кричать и хлопать вдвоем, что они и сделали, хоть уже оба охрипли.

— Ой! — вдруг крикнула Русалка. — Глядите, что творится!

— Что? — спросил Кусандра, оглянувшись. — Где?

Он очень нервничал, боялся, что не успеет увести всех из заповедника.

— Вода! — сказала Русалка, показывая на ров. — Вода!

Алиса из своего укрытия не видела, что там происходит, но скоро по голосам сбежавшихся ко рву животных она догадалась, что вода во рву исчезла.

— Там дырка в земле! — говорили зайцы.

— Наверное, начинается засуха! — крикнула Снегурочка. — Я вся иссыхаю.

— Пустяки, — сказал Кусандра. — Так и надо. Это предусмотрено. Не обращайте внимания. Это открылись шлюзы.

— Какие шлюзы? — спросила бабушка Красную Шапочку. — А вдруг они причинят кому-нибудь вред?

— Уже причинили! — захохотал Кот в сапогах.

— Что случилось? — Дед Мороз поднялся с места. — Что вы еще натворили, преступники?

— Ничего особенного, Мороз Тимофеевич, — сказал Кусандра. — Мы поймали человеческую шпионку, которая скрывалась среди нас под видом Золушки. Среди нас нашелся низкий предатель и провел ее в заповедник. Мы ее поймали, посадили в подвал, но случайно открылись шлюзы, и вода из рва протекла внутрь. Теперь вода затопила подвал. Мы не успели спасти эту девочку. Она утонула, бедная крошка, туда ей и дорога.

Под светом прожекторов засверкали золотые зубы Кусандры.

— Вы утопили девочку Алису? — ахнула тетушка Дагмара. — Вы совершили еще одно преступление!

— Что делать? — сказал Кусандра. — Нам приходится прибегать к решительным мерам. Я предупреждал вас, что цацкаться ни с кем не буду. Я — Кусандра Великолепный! Кусандра Злобный! Кусандра Страшный! И не становитесь на моем пути. Растерзаю! Пусть судьба той Алисы, как и судьба директора, будут вам уроком. Собирайтесь, пошли за мной!

— А вещи? — спросила Русалка. — Мы тут вещами обзавелись, сувенирами...

— Будут у вас другие вещи и другие сувениры. Ну, марш, марш!

Сказочные существа растерянно шевелились, некоторые уже начали продвигаться к мосту. Другие оставались на местах. Страшные преступления Кусандры многих напугали. Над площадкой стоял шум. Алиса услышала, как совсем рядом рыдает Снегурочка.

— Как же я теперь буду! — плакала она. — Я лишилась лучшей подруги, мы с ней собирались кататься на коньках...

— Не обращай внимания, — сказала тихо Снегурочке голова дракона, которая протянулась к ней через всю площадку. — Они пустой подвал затопили, вы уж мне поверьте. Я молчу-молчу, некоторые думают, что от страха, а я не от страха, а от осторожности и от мудрости.

— Я им не верю, — прошептал Медведь-молчун.

— Тогда их дело плохо, — сказал Дед Мороз и улыбнулся в усы.

Волк большими прыжками носился по площадке, подгоняя всех к мостику, где их уже поджидали Кусандра и Кот. Они загоняли в замок первых зайчиков и белок.

И тут послышался голос Волка:

— А это еще что такое?

Алиса увидела, что Волк наклонился над гномом Веней, который пытался скрыться в траве, волоча за руку куклу Дашу.

— Не трогай, это моя невеста! — закричал Веня.

— Кто-кто? — спросил Волк. — Невеста?

— У гнома невеста? — спросил Кусандра. — А ну-ка, дайте ее сюда!

Кот одним прыжком подскочил к гному, который прижимал к себе растрепанную и измазанную землей куклу, выхватил ее и бросил Кусандре. Кусандра поймал куклу на лету и начал вертеть в руках.

— Не наша, — сказал он. — Все сходится. Я и без того знал,

что нас предал этот презренный землекопатель. А ну, признавайся, тебе Алиса эту невесту дала?

— Ничего она мне не давала, — сказал гном, — я сам с ней познакомился.

— Значит, ты украл ее у Алисы?

— Нет, она разрешила...

Алиса закрыла лицо ладонями. Так и есть. Он проговорился!

Раздался зловещий хохот Кусандры. Ему вторили Кот с Волком.

— Ты достоин смерти за предательство! — крикнул Кусандра. — Ты провел в наш заповедник шпионку! Ты мой враг, ты хотел разоблачить меня и спасти директора Царевича. Ну что ж, давай разоблачай. Где твой Царевич? Вот он, у моих ног, на веревочке...

— Смерть, смерть злодею! — закричал Волк. — Разреши, я его прикончу вместо морковки.

— Нет, он у меня еще помучается, он еще на меня поработает. Я его прикую на цепь в алмазных шахтах вместе с его братьями и зловредной теткой Дагмарой. А сейчас... Смотрите!

Все замерли от ужаса.

Кусандра начал крутить длинной рукой, сжимая в кулаке куклу Дашу. Кукла попискивала, как живая, а гном, понимая, что опасность грозит его возлюбленной невесте, закричал:

— Только не это! Только не это! Она не переживет!

— Стой! — крикнул Дед Мороз.

Рука Кусандры крутилась, как винт самолета, и, наконец, кукла вырвалась из руки и полетела вверх, долетела до шпиля на башне замка и зацепилась платьем за его конец. И повисла там, покачиваясь, как опавший флажок.

— О, горе! — рыдал гном. — Я не переживу.

— Хватит преступлений! — воскликнул Дед Мороз. — Почему мы, честные сказочные жители, должны подчиняться кучке преступников и злодеев? Почему мы не можем их выгнать?

— Можем! — сквозь слезы пискнул гном Веня.

— Можем, — сказали его братья.

— Им все одно — что козлик, что кукла, что девочка, — сказала бабушка Красной Шапочки. — Разве я могу доверить им судьбу моего ребенка? Иди сюда, Красная Шапочка, мы остаемся. И не забудьте вернуть мне занавес детского музыкального театра!

Дед Мороз грозно надвигался на Кусандру. Кусандра начал отступать к замку. Но Кот не растерялся. Он рванул факел, прикрепленный к перилам моста, и принялся махать им в воздухе.

Сказочные экспонаты бросились врассыпную. Дракон зажмурился и присел, закрыв лапами все свои шесть глаз.

Дед Мороз на мгновение остановился.

— Дедушка! — закричала Снегурочка. — Дедушка, дорогой, хорошенький, вернись, они тебя сожгут. Тебе вредно! Ты растаешь!

Дед Мороз продолжал идти вперед, хоть Снегурочка повисла на его шубе и старалась остановить Мороза Тимофеевича. Искры сыпались вокруг старика, и от него уже шел пар — наверное, начал таять.

«Сейчас или никогда!» — поняла Алиса.

Она увидела, что никто не смотрит на козлика, так все увлечены схваткой Деда Мороза с Котом. Она выскочила из-за куста и, пригнувшись, метнулась к трону, к ножке которого был привязан заколдованный директор.

— Иван Иванович, я вас освобожу! — крикнула она.

Козлик увидел Алису, рванулся к ней навстречу, но веревка дернула его и отбросила обратно.

Алиса прыгнула вперед и, падая, дотянулась до ножки трона, толстой, как нога слона. Она дернула за узел, но узел не поддавался — козлик, дернувшись к Алисе, еще туже затянул его.

Алиса лежала на траве, дергала за этот проклятый узел и не видела, как разворачивается бой над ее головой. Она не видела, что Кусандра тоже схватил факел и вместе с Котом заставил исходящего паром Деда Мороза остановиться, закрыть лицо варежками и отступить. И они так увлеклись, так издевались над пожилым человеком, прыгая вокруг него, словно мальчишки, тыкая в него горящими факелами, что забыли про Алису. Снегурочка пыталась заступиться за деда, но ничего не могла поделать, а Медведь-молчун, который тоже боялся огня, спрятался в кусты. А между тем Дед Мороз уменьшался и таял.

— Алиса! — рядом раздался тонкий крик. — Мы здесь.

Алиса оглянулась. Из травы торчали красные колпаки братьев-гномов.

Гномы выхватили из-за поясов маленькие ножи и начали быстро пилить узел. Им потребовалось всего десять секунд, чтобы освободить козлика.

Десять секунд. Это значит, что можно было бы только досчитать до десяти... Но этих десяти секунд было достаточно, чтобы Кусандра и Кот загнали в кусты несчастного старика Мороза и увидели наконец, что Алиса, подхватив конец веревки, хочет убежать в лес с козликом.

При виде этого Волк взревел страшным голосом, а Кусандра и Кот, взяв факелы на изготовку, как ружья, кинулись к Алисе.

Все обернулись к трону и увидели, что под светом прожекторов посреди площадки, у королевского трона-кровати мечется девочка в разорванном розовом сарафане, босая и встрепанная. А к ее ногам жмется козлик-директор.

— Не может быть! — кричал Кусандра. — Ее утопили!

— Не может быть! — кричал Кот. — Ты же в подвале!

— Алиса! — кричал гном Веня. — Спаси мою невесту!

Алиса понимала, что бежать некуда, что Кусандра с приятелями ее все равно поймают. И тогда она собрала все силы и всю свою храбрость — ей очень надоело прятаться, убегать и вообще бояться этих сказочных негодяев. В конце концов, она, Алиса Селезнева, школьница конца двадцать первого века, когда люди летают на далекие звезды и не верят в волшебников, когда уже никто не обижает слабых и не грабит, не предает, не убивает и не заставляет делать подлые вещи.

— Хватит! — сказала Алиса. — А ну, спрячьте свои спички! Вам нельзя играть с огнем! Я кому говорю!

И Кусандра с Котом нерешительно остановились, заколебались. И Алиса почувствовала их неуверенность.

Все было как во сне. Сон кажется настоящим и даже страшным, но если поймешь, что это всего-навсего сон, то он кончится.

— Утопить меня решили! — сказала Алиса. — Еще чего не хватало. Вы что, забыли, что вы только экспонаты, из прошлого времени? Вы забыли, что вы здесь в гостях?

— Они забыли, — сказал король, который все еще лежал на земле. — А я помню. Их давно надо поставить на место.

— Ой, какая красивая девочка, — вдруг мяукнул Кот. — Можно, я тебя защекочу?

— Смотрите, кого вы слушаетесь, — сказала Алиса. — Это же просто сумасшедший Кот, больное животное, его на цепочке держать надо.

— Что она говорит? — закричал Кусандра. — Она не имеет права вмешиваться. Здесь я начальник!

— И это ненормальный колдун, самозванец и убийца! — сказала Алиса, показывая на Кусандру. — Наворовал мешок золотых яиц и думает, что может вами командовать. Если ты такой сильный, заколдуй меня, убей, ну, чего ты задрожал?

— Они самозванцы, — сказала тетушка Дагмара. — Я думаю, что их надо связать и посадить в подвал.

— В подвал! — сказал Медведь-молчун. — В подвал. Хватит. Я весь год молчал, но уж если я заговорю, то держитесь.

— Не сметь! — закричал Кусандра и завертелся на месте, сверкая черными очками и рыча на сказочных существ, которые сходились со всех сторон, потому что перестали его бояться.

— Да посмотрите на них, — сказала средняя голова дракона, — они же не страшные. Кого мы боялись?

— Да, кого мы боялись? — повторила Русалка. — Не нужно их бояться.

Кусандра вдруг съежился и стал пятиться к мосту, обходя Алису и козлика. Кот пятился за ним, ощетинив шерсть и поджав хвост. Шляпа у него съехала на одно ухо и закрыла правый глаз, и от этого у Кота был залихватский и веселый вид, что совершенно не соответствовало действительности.

— Дорогие сказочные существа, — сказала Алиса. — Я понимаю, что вам было страшно. Я сама испугалась, особенно когда они так нагло себя вели и мучили несчастного Деда Мороза. Но ведь если подумать, чего страшного в негодяях и хулиганах? Только то, что они нахалы. Даже поодиночке многие сильнее, чем они. Дракон Змей Гордыныч одной лапой может их разбросать. Медведь их может победить, а уж если все вместе, им вообще делать здесь нечего.

— Вообще-то победить можно, но как-то не приходило в голову, — признался Змей Гордыныч. — Я, к сожалению, не успел об этом подумать.

— Вам всем должно быть стыдно. Они обманом заколдовали директора, занавес украли, короля голодом морили, чуть не растопили Деда Мороза, куклу забросили на шпиль, а вы молчали.

— Очень стыдно, — сказала бабушка Красной Шапочки. Бабушка обернулась к Деду Морозу и спросила: — Как вы себя чувствуете?

— Ничего, — сказал Дед Мороз, — сейчас вернусь в холодильник, и все пройдет. Остужусь. Алиса права, не бояться надо было, а просто гнать их вон и не обращать на них никакого внимания.

Вдруг Русалка, сидевшая на перилах, закричала:

— Они убежали! Ловите их!

Кот, который нес клетку с Курочкой Рябой, и Кусандра, который тащил тяжелый мешок с золотыми яйцами, неслись по мосту к замку. И вот уже хлопнула окованная железными полосами дверь. Они исчезли.

— Убежали, — сказал упавшим голосом дракон. — Теперь они чего-нибудь придумают...

Волк на цыпочках начал красться к мосту, стелился по земле, думал, что никто его не заметит.

Но когда он уже добрался до моста, тяжелая лапа Змея Горыныча прижала его к доскам.

— Ты куда? — спросил дракон.

— Я? — спросил Волк. — Я хотел дверь закрыть. Дует.

— Сбежать он хотел, — сказала бабушка Красной Шапочки. — Не хочет отвечать за свои преступления.

— А у меня не преступления, — сказал быстро Волк, — у меня искренние заблуждения, вызванные слабостью моего характера. Я в самом деле люблю морковку, но я попал под плохое влияние. Думаете, я хотел кушать козлика? Я плакал, когда его кушал, я кушал и обливал его слезами.

— Но ведь кушал, — сказал дракон, не отпуская лапы.

— Мы теряем время, — сказала тетушка Дагмара. — Волк нас отвлекает, а они убегают.

— Я? — удивился Волк. — Отвлекаю? Да я сам хочу спастись. Зачем я буду о других заботиться?

Веревка, на которой Алиса все еще держала козлика, натянулась.

Козлик заблеял и потянул Алису к мосту.

— Ты знаешь, куда они побежали? — спросила Алиса.

— Беее, — сказал козлик.

— Тогда бежим.

— Я с тобой, — сказал Медведь-молчун.

— И мы, — сказали гномы.

— И я, — сказал толстый король.

Они побежали в замок.

Глава 17

КУСАНДРЫ БОЛЬШЕ НЕТ!

Алиса ворвалась в пустую комнату, где стояли чемоданы и сундуки Кусандры с награбленным добром. Козлик пробежал, цокая копытцами, по каменным плитам и остановился перед дверью в конце комнаты.

Алиса догнала его и отворила дверь.

За ней оказался обыкновенный белый коридор, как бывает в учреждениях.

Козлик знал, куда бежать дальше. Он замер перед второй дверью налево и нетерпеливо застучал копытом о пол. Он делал это очень смешно, как дрессированный, но Алиса не засмеялась, потому что нельзя смеяться над доктором наук, хоть и заколдованным.

— Ну, я им покажу! — пыхтел толстый король, догоняя Алису. — Я их всех на чистую воду выведу! Чего захотели, на что руку подняли.

Алиса толкнула дверь, она не открывалась.

— Откройте сейчас же! — сказала Алиса. Она постучала. Никакого ответа, хотя слышно, как там, внутри, кто-то возится, гремит, шуршит.

Рядом раздалось частое дыхание Медведя.

— Пусти, — сказал он.

— А ну, Мишка! — крикнул толстый король. — Навались!

Медведь нажал на дверь — козлик еле успел отскочить.

Дверь покачнулась, но не поддалась. Медведь нажал сильнее, он ревел от напряжения, даже стонал, дверь выгибалась внутрь, но не поддавалась.

— А ну-ка! — толстый король отошел назад, покачнулся на месте и изо всей силы врезался в Медведя. Медведь ухнул — дверь взвизгнула, слетела с петель, и оба они, Медведь и толстый король, упали внутрь комнаты. Послышался грохот, звон, и все стихло.

Козлик подбежал к двери и осторожно заглянул внутрь.

Король и Медведь лежали оглушенные посреди большой комнаты, заставленной приборами, среди разбитых колб, склянок, машин, амперметров и вольтметров, градусников и экранов. А в глубине комнаты стояла будка, над которой висела табличка.

ОСТОРОЖНО! НЕ ПОДХОДИТЬ: МАШИНА ВРЕМЕНИ

Дверца в машину была закрыта, внутри ее метались разноцветные искры и клубился оранжевый пар. Машина работала.

Перед машиной сидел, сняв шляпу, лысый Кот в сапогах и отчаянно рыдал, совсем как маленький ребенок.

— Ой, — сказала Алиса. — Сколько мы всего разбили!

Но козлик не слышал ее — он побежал к машине времени и остановился рядом.

— Ээээ-х, — сказал он.

Алиса, перешагивая через битое стекло, подошла поближе.

И увидела, что на двери машины времени горит экранчик. В нем надпись:

МАШИНА РАБОТАЕТ. НАПРАВЛЕНИЕ: ЛЕГЕНДАРНАЯ ЭПОХА

— Опоздали? — спросила Алиса.

Козлик печально наклонил голову.

— А меня он бросил! — сказал Кот в сапогах. — Меня он оттолкнул ногой. За верную службу и за все преступления, на которые я за него шел, — вот моя плата. — Кот поднял с пола золотое яйцо, подкинул лапой, яйцо упало на пол и разбилось. Из яйца полился желток.

— Что такое! — изумился Кот в сапогах. — Этого не может быть! Золотые яйца не бьются.

— Оно не золотое, — сказал толстый король. — Это обыкновенное, крашенное золотой краской яйцо. Кусандра и здесь тебя обманул.

— О, горе мне! — возопил Кот в сапогах. — О, горе! Я разорен и оклеветан.

— Иди отсюда, — сказал король. — Не мешайся под ногами.

— Правильно, — сказал Кот в сапогах. — Я сообщу народу, какому обманщику они подчинялись! Я первым открою всем глаза! Я еще докажу, что я не такой плохой, как кажусь.

— Нет, — сказал тоненький голос. — Не выйдет.

В дверях стоял гном Веня.

— Ты отобрал у меня невесту и отдал Кусандре.

— Я пошутил! — Кот попятился перед гномом.

— А теперь мою невесту не может достать даже дракон. Ты мне за это ответишь!

— Я? А ты знаешь, куда я шел? — спросил Кот, сладко улыбаясь. — Я спешил залезть на башню и достать нашу дорогую девочку. Пусти меня, дорогой гном, я спешу — на такой высоте кукла может простудиться.

Кот побежал из комнаты, за ним гном Веня.

— Чего же мы ждем? — спросил толстый король. — Пошли. Наша сказка кончилась. И кончилась, как положено, благополучно.

— Не совсем. — Алиса показала на плачущего козлика.

— Ах, я совсем забыл, — спохватился король. — Дорогой наш Иван Иванович, разве вы не сможете расколдоваться без помощи этого Кусандры?

Козлик покачал головой и побрел к выходу.

Медведь поднялся с пола, очумело огляделся, ухнул и тоже заковылял прочь. Последними ушли Алиса с толстым королем.

Алиса вышла на мост.

На площадке все толпились сказочные существа — никто не расходился.

— Ну как дела? — спросила Русалка, сидевшая на перилах.

— Все, — сказала Алиса. — Кусандра сбежал в легендарную эпоху.

— А Кот? — спросила Красная Шапочка.

— Кот? — Алиса посмотрела наверх. Остальные тоже подняли головы и увидели, как с высокого шпиля башни спускается Кот, царапая каблуками по черепице. И держит в лапе куклу Дашу.

Увидев, что все на него смотрят, Кот остановился и закричал:

— Вековая мечта исполнилась! Совместными усилиями нам удалось избавиться от так называемого правителя, якобы волшебника, будто бы Кощея, псевдо-Кусандры! Уррра!

— Ура! — закричал Серый Волк.

— Молчи! — прикрикнул на Волка зайчик и кинул в него морковкой.

Волк подхватил морковку и начал демонстративно жевать, хрустеть и приговаривать:

— Сказочная пища! Витамины!

— Я уже сложил радостную песню в честь освобождения от Кусандры! Слушайте, мои дорогие друзья!

Кот взмахнул лапой, забыл, что висит на крутом шпиле, выпустил куклу Дашу и полетел оттуда вниз, в ров. Грязь поднялась столбом, все засмеялись, а Змей Горыныч подхватил на лету куклу Дашу, осторожно поднял ее в громадных лапах и спросил:

— Кому невесту передать?

— Сюда, — сказала тетушка Дагмара. — Мы о ней позаботимся.

Веня схватил несчастную растрепанную куклу в объятия.

Все стали поздравлять гнома.

Началась суматоха. Только Спящая красавица посапывала в хрустальном гробу, будто ее это не касалось.

— Ах! — сказала Русалка. Раскрыв зеленый рот, она в ужасе смотрела, как из рва карабкается страшное бесформенное существо, покрытое тиной, водорослями и грязью.

— Не обращай внимания, — сказала Алиса, — это Кот в сапогах. Где же здесь видеофон?

Козлик топнул копытом, зовя за собой. Алиса прошла за ним в комнату к видеофону, набрала свой номер. Пока экран не за-

жегся, она глядела в окно. В заповедник возвращалась обычная жизнь. Вон уходит с площадки Дед Мороз, он горбится и еле переставляет ноги. Его осторожно поддерживают Снегурочка и Медведь-молчун. Красная Шапочка катит к лесу кресло на колесиках, а бабушка дремлет в нем. Сзади еле бредет Серый Волк, волочит, подхватив зубами за край, занавес детского музыкального театра...

Зажегся экран. На экране возникло взволнованное лицо отца.

— Алиса! — чуть не закричал он. — Что с тобой? Где ты? Даже зная о твоей склонности к приключениям, я удивлен! Ты здорова? Я всю Москву на ноги поднял!

— Я здорова, — сказала Алиса. — Все хорошо кончилось. Я в заповеднике сказок.

— Где? Ты знаешь, сколько сейчас времени? Что ты там делаешь?

— Папа, я никак не могла тебе раньше позвонить. Я сидела в подвальной тюрьме, а потом мы боролись со злым волшебником. Только сейчас от него отделались.

— Ох уж мне твои фантазии! — воскликнул отец. — Я сейчас за тобой лечу!

— Не надо. Я ничего не придумала. Здесь рядом со мной профессор Иван Иванович Царевич, директор заповедника, ты его, наверное, знаешь. Сегодня утром он тебе звонил, но ты не догадался, что это он. Мы вернемся домой вместе, тебе надо вылечить его от одной необыкновенной болезни.

— Но я же космический ветеринар, а не обыкновенный доктор! — сказал отец.

— Вот именно, — сказала Алиса. — Сейчас я позову его к видеофону, и ты все поймешь...

КОЗЛИК ИВАН ИВАНОВИЧ

Глава 1

КОНСИЛИУМ

Уже неделю в доме Селезневых жил заколдованный директор заповедника сказок Иван Иванович Царевич в шкуре серого козлика.

Жизнь дома была сложной и нервной.

С одной стороны, казалось бы, что такого? Одним животным в доме больше. Уже есть марсианский богомол, котенок, робот-домработник Гриша... Входит, к примеру, в квартиру гость, слышит — топ-топ по коридору острые копытца. Из дверей выбегает козлик, острые маленькие рожки, бородка еще не выросла, смотрит на гостя жалобными глазами и молчит.

— Ах, — говорит гость, — новое животное завели? А чем он питается?

— Нет, — начинает Алиса, — он совсем не то, чем кажется...

И замолкает, потому что обещала козлику не раскрывать его ужасной тайны, не рассказывать каждому встречному-поперечному, что злой и неудачливый волшебник Кусандра, стараясь захватить в заповеднике власть, подсунул директору, доктору наук и профессору Царевичу, вместо чая воды из той самой волшебной лужи. Выпьешь ее — и превратишься в козлика.

Если объяснять это каждому гостю, то гость потребует продолжения истории и, может, даже ее счастливого завершения. А сделать это нельзя — ни продолжения, ни счастливого завершения эта история пока не имела. Кусандра успел прыгнуть в машину времени и пропасть в дебрях легендарной эпохи, которая затерялась где-то между третьим и четвертым ледниковыми периодами. Он унес с собой Курочку Рябу, мешок с позолоченными яйцами и секрет спасения директора.

Расскажешь об этом гостям, начнутся пустые речи — что бы сделать, как бы придумать... а вот я знаю одного профессора... а вот я слышал, что на Альдебаране это лечат... Но, оказывается, нигде не лечат.

Доказательство тому вчерашний консилиум.

Консилиум означает собрание самых знаменитых врачей, биологов и генных инженеров, которые в кабинете Алисиного отца поставили на середину несчастного директора, глядели на него в микроскопы, телескопы и другие приборы, мерили ему давление, брали анализ крови, а потом каждый показывал, какой он знающий ученый.

— Во-первых, — сказал, опершись о трость, седой, объемистый, бородатый профессор Володин, — мы еще не установили, является ли наш пациент человеком или, простите, только козлом.

— Ой, — возмутилась Алиса, которую допустили на консилиум. — Вы же оскорбляете Ивана Ивановича! Вы думаете, что он не понимает, а он не глупее вас.

— Может быть, — сказал профессор Володин. — И тем не менее научная проверка необходима, не так ли, коллеги?

И его коллеги склонили умные головы, потому что были настоящими учеными и ничего не принимали на веру.

Козлик тоже кивнул головой, потому что даже в таком диком виде он оставался ученым.

— Как же вы это проверите? — спросил отец Алисы, Селезнев, директор космического зоопарка.

— Способ у меня простой, — сказал профессор Володин. — Но он себя оправдывал в прошлом.

Профессор Володин расстегнул свой портфель, достал оттуда капустный лист и показал всем.

— Вы видите обыкновенный лист капусты, который я заимствовал у моей жены Гуленьки специально для этого опыта.

Профессор Тягамото с островов Люкю, расположенных в Бурном океане планеты Флукс, встал со своего кресла, достал лупу и внимательно исследовал лист капусты.

— Подтверждаю, — сказал он, — что перед нами лист растения, которое именуется на Земле капустой.

— Этот лист капусты я намерен предложить нашему пациенту, — сказал профессор Володин. — Капуста, как известно, излюбленная пища всех козликов.

Остальные профессора склонили головы, соглашаясь с профессором Володиным. Они тоже знали, что капуста — излюбленная пища козликов.

— Если перед нами обыкновенный козлик, — сказал профессор Володин, — то он, без сомнения, тут же начнет жевать этот

лист капусты. Если же перед нами наш уважаемый коллега профессор Царевич, то он найдет в себе силы отказаться от листа капусты, чтобы мы поверили в то, что он — это он. Согласны ли присутствующие?

Присутствующие переглянулись, почесали бороды и лысины и согласились, что такое испытание внесет ясность.

Тогда профессор Володин обернулся к козлику, который стоял, понурившись, посреди кабинета, и спросил его:

— Уважаемый коллега, согласны ли вы с таким испытанием? Вы на нас не обидитесь?

Козлик наклонил голову и сказал коротко:

— Бе.

Профессора улыбнулись. Хоть они и считали себя обязанными провести такой опыт, им было неловко перед Царевичем, с которым они еще недавно встречались на научных конференциях и которого очень уважали.

Профессор Володин положил листок капусты на пол, и все стали смотреть на козлика.

Козлик поднял голову, обвел всех профессоров внимательным взглядом, потом поглядел на лист капусты.

Алиса вдруг испугалась. Она-то была уверена, что козлик — это директор заповедника. А вдруг он обидится на профессоров за такое недоверие и съест лист им назло?

Под открытым окном послышался шум и топот — кто-то громадный и тяжелый шел по улице. Топот прервался у самого окна.

В комнате стало темнее, потому что в окне появился очень толстый человек в синем костюме и галстуке-бабочке, к которому была пришпилена небольшая золотая корона.

— Ничего не понимаю! — воскликнул профессор Володин. — Почему вы заглядываете с улицы прямо на второй этаж?

— Здравствуйте, — сказал толстый человек, — дело в том, что я приехал верхом на драконе.

И тут же рядом с толстым человеком появилась голова дракона, разверзла пасть, усеянную длинными, как карандаши, зубами, и сказала:

— Как дела?

Профессора были так поражены, что не могли поверить собственным глазам.

— Урра! — закричала Алиса. — Это толстый король и Змей Гордыныч к нам приехали!

— Кто они такие? — спросил профессор Тягамото и взял лупу.

— Они из заповедника сказок, — сказала Алиса. — Разве непонятно? Где еще могут у нас жить драконы и короли? Дракон — мой друг, а король исполняет обязанности директора, пока мы не расколдуем Ивана Ивановича.

— Совершенно верно, — сказал король. — К вашим услугам.

Тут он заметил козлика, который радостно заблеял при виде старых знакомых, и поклонился ему:

— Как ваше самочувствие, Иван Иванович?

— Простите, — сказал тогда седой профессор Кармайкл из Оксфорда. — Это ни на что не похоже! У меня создается впечатление, что здесь хотят повлиять на наше научное мнение. Надеюсь, что мы и без помощи драконов выясним, козлик стоит перед нами или директор.

— Нам нельзя мешать, — сказал профессор Володин. — У нас консилиум.

— Я считаю, что драконам здесь делать совершенно нечего, — сказал профессор Тягамото. — У вас есть вопросы к нашему пациенту?

— Мы подождем, — сказал толстый король, — вы не беспокойтесь. Мы тут в тенечке отдохнем, пока вы беседуете. Тысяча извинений.

Король верхом на драконе отъехал от окна. Дракон остановился на другой стороне улицы под тенью большого дуба и принялся щипать одуванчики. Профессора покачали головами и вернулись к своим делам.

— Ну и каково будет ваше решение, коллега? — обратился профессор Володин к козлику.

Козлик посмотрел на него, подмигнул и подобрал с пола лист капусты. Он хрупал листом капусты, смаковал его, пережевывал, заглатывал, а профессора смотрели на него в полном изумлении. Они ждали чего угодно, только не этого.

Козлик доел лист капусты и снова поглядел на профессоров. Профессора опустили глаза.

— Неужели вы не понимаете, — воскликнула Алиса, — что Иван Иванович съел этот листок, потому что обиделся на вас?! Неужели это непонятно?

— С одной стороны, — сказал профессор Тягамото, — мы понимаем чувства Ивана Ивановича. Но с другой — опыт есть опыт. И если судить по опыту, получается, что перед нами самый обыкновенный козлик.

— Да, Иван Иванович, — сказал профессор Володин, кото-

рый был очень расстроен, — вы нас подвели. Вы нас, можно сказать, поставили в тупик.

— Бээээ, — сказал козлик, как будто засмеялся.

И никто из ученых не догадался, что Иван Иванович съел этот лист капусты просто потому, что ему захотелось капусты. Какой бы ты ни был профессор и директор, но если ты в козлиной шкуре, то любишь капусту. Вот поэтому Иван Иванович и съел этот злополучный листок.

— Что ж, — сказал наконец самый старый и самый мудрый профессор Кармайкл-младший. — Мы должны оценить чувство юмора нашего коллеги козлика Ивана Ивановича и попросить у него прощения.

Он строго посмотрел на профессора Володина, и все профессора строго посмотрели на профессора Володина, а профессор Володин смутился, достал из портфеля второй лист капусты и протянул козлику. Козлик кивнул головой, поблагодарил и съел лист.

— Теперь, когда нам ясно, что перед нами все же наш коллега, а не просто козлик, — сказал профессор Тягамото, — мы можем обсудить, как его вылечить.

Профессора спорили целый час. Козлик устал и лег спать. Они так и не достигли согласия. А их предложения были такими.

Первое предложение. Сделать козлику искусственное горло, чтобы он мог говорить. А еще лучше — руки, чтобы он мог писать свои научные труды.

Второе предложение. Заморозить козлика на то время, пока наука не научится превращать козликов в людей.

Третье предложение. Сделать искусственного человека, как две капли воды похожего на Ивана Ивановича, и посадить в него козлика, как в одежду. И все будут думать, что это Иван Иванович.

И еще двадцать три подобных предложения.

А самое последнее предложение, когда все профессора уже охрипли, сделала Алиса.

— Надо, — сказала она, — расколдовать козлика.

Разумеется, профессора зашикали на девочку, рассердились и попросили ее выйти из комнаты. Ни один из профессоров не верил в сказки и колдовство.

И правильно делали. Если бы они верили, то не были бы профессорами, а наука зашла бы в тупик.

Глава 2

ЛЕГЕНДАРНАЯ ЭПОХА

Когда профессора разъехались по домам, Алиса с козликом прошли к ней в комнату и сели на ковер.

— Ну, задал ты им работы, — сказала Алиса. — Хотя мне понравилось предложение одеть тебя в шкуру Ивана Ивановича.

Козлик отрицательно покачал головой.

— Понимаю, — сказала Алиса. — Обидно тебе. Ты хочешь все или ничего.

Козлик согласился.

— Тогда нам не на кого надеяться, кроме самих себя, — сказала Алиса.

Козлик и с этим согласился.

— А для того, чтобы расколдоваться, нам надо отправиться в легендарную эпоху, — сказала Алиса. — Найти там Кусандру и заставить его тебя расколдовать.

Козлик грустно наклонил голову. Он понимал, что это невыполнимая задача. Где его найдешь? А потом, если найдешь, как его заставишь расколдовать? А вдруг он не умеет? Известно много случаев, когда люди и волшебники могли бог знает что натворить, но совершенно не умели исправлять свои ошибки.

Тут зазвонил видеофон.

Алиса включила экран.

На экране все было белым. Белые стены, белая мебель и белое лицо в белой шапочке.

— Здравствуй, Снегурочка, — сказала Алиса. — Как дела в заповеднике?

— Все хорошо, — сказала Снегурочка, которая звонила из холодильника, где они с Дедом Морозом ждали зимы. — Все здоровы. Гномы трудятся, скоро будет свадьба Вени с твоей куклой Дашей, ждем тебя в гости, дракон написал письмо своей сестре на озеро Лох-Несс. Бабушка Красной Шапочки почти довязала занавес для детского музыкального театра, Волк сам себе сплел намордник и ест манную кашу. Кот в сапогах стирает пыль с хрустального гроба и любуется Спящей царевной...

Алиса услышала за спиной грустный вздох. Она обернулась и увидела, как из глаз козлика катятся крупные слезы.

Снегурочка тоже поняла, что расстроила своего бывшего директора.

— Ой, зачем я только говорю и говорю! — воскликнула она. —

Директор без нас соскучился, ему грустно. Но ведь я тоже не гуляю, сижу в холодильнике, жду зимы.

Козлик никак не мог утешиться, он лил слезы, и скоро на ковре образовалась небольшая лужа.

— Знаешь, Алиса, — сказала Снегурочка шепотом, приблизив губы к самому экрану. — Мне кажется, что наш директор немного влюблен в Спящую красавицу, но раньше он не смел ее поцеловать, а теперь он не сможет этого сделать. Кот этим и пользуется.

— Тогда гоните Кота от хрустального гроба, — сказала Алиса. — Не расстраивайте Ивана Ивановича.

— Я обязательно скажу об этом королю, — пообещала Снегурочка. — Алис, а Алис, почему я тебе позвонила, ты не помнишь?

— Ты мне забыла сказать.

— Ах, вспомнила! Я хотела тебя позвать на коньках кататься.

— Рано, — сказала Алиса. — До зимы долго. Лето только начинается.

— Не может быть! — сказала Снегурочка. — Но я тебе завтра позвоню. Завтра зима будет ближе?

— На один день, — сказала Алиса.

— На целый день, — ответила Снегурочка и отключилась.

Под окном раздалось тяжелое дыхание. Толстый король верхом на Змее Гордыныче подъехал к окну и заглянул в него.

— Ну как, отзаседали? — спросил он. — И что решили?

— Много всего решили, — сказала Алиса. — Но нам это не подходит.

— Так я и думал, — вздохнул король и обернулся к козлику: — Я привез вам папку, которую вы просили.

Козлик кивнул головой.

Король протянул папку в окно. Козлик не мог взять папку, Алиса сделала это за него и положила папку на диван.

— Еще будут указания? — спросил король.

Но козлик его не слушал. Он прыгнул на диван и старался копытом раскрыть папку.

— Тогда я поехал обратно, — сказал толстый король. — Бабушка с Красной Шапочкой ждут меня к завтраку.

Тут в окне показалась одна из голов дракона и сказала:

— Алиса, хочу поделиться с тобой большой радостью. Сегодня пришла открытка из Шотландии. Моя двоюродная сестра Несси откликнулась. Теперь я не одинок.

— Я поздравляю тебя, Змей Гордыныч, — сказала Алиса. — Я очень рада.

— Спасибо, — сказал дракон. — Ты добрый и чуткий ребенок. Заботься о нашем директоре. Не падайте духом. Главное — терпение!

— Поехали! — приказал толстый король, и дракон двинулся по улице.

Алиса высунулась из окна и помахала им вслед.

Потом Алиса села на диван рядом с козликом и помогла ему развязать папку.

В папке лежали нужные бумаги и документы.

И козлик почти сразу нашел самую главную бумагу, которую подвинул Алисе, чтобы она прочла.

На большом листе было напечатано:

ОПИСАНИЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ ЭПОХИ,
СДЕЛАННОЕ ПРОФЕССОРОМ И. И. ЦАРЕВИЧЕМ

— Я почитаю вслух? — сказала Алиса. — Это очень интересно.

Марсианский богомол замер на столе, домработник Гриша остановился в дверях, пролетавший по улице по своим делам павлин опустился на подоконник... Всем было интересно.

— «Когда мне выделили в Институте времени машину для исследований, — так начиналось описание, — я решил использовать ее для подтверждения моей давнишней гипотезы...»

— Что такое гипотеза? — спросила Алиса.

Все посмотрели на козлика. Козлик не смог ответить.

— Папа! — крикнула Алиса. — Что такое гипотеза?

Отец заглянул в комнату.

— Гипотеза, — сказал он, — это предположение. Еще не открытие, а только идея. Например, я изучал планету, на которой очень большое давление, горячий воздух, много вулканов, землетрясений и даже идут каменные дожди. И я предположил, что на такой планете могут выжить только существа, покрытые крепким панцирем, которые не боятся больших температур. И я даже нарисовал такое животное. И что же — моя гипотеза подтвердилась. Через два года там нашли черепаху...

— Знаю! — сказала Алиса. — И ее назвали: черепаха Селезнева.

— А что ты читаешь? — спросил отец.

— Толстый король привез нам описание легендарной эпохи.

— Которой нет, — сказал отец, — потому что ее не может быть.

— Это гипотеза, — сказала Алиса.

Отец недоверчиво пожал плечами, но не ушел, а остался в комнате послушать, что будет читать Алиса.

— «Я решил с помощью машины времени, — читала Алиса, — доказать мою давнишнюю гипотезу. Я думал так: столько есть на свете сказок, легенд, мифов и поэм про сказочные существа, и там рассказывают о них со всеми подробностями, и трудно поверить, что все это сплошная выдумка. Я предположил, что в истории было время, когда сказочные существа жили на самом деле. Ведь когда-то ученые не верили, что раньше на Земле жили бронтозавры и даже мамонты. Но наука развивается, и, в конце концов, удалось откопать из вечной мерзлоты мамонтов, найти скелеты бронтозавров. Животные на Земле много раз менялись, одни вымирали, другие появлялись, и все это оттого, что менялся климат, океаны заливали сушу, суша превращалась в пустыни, пустыни становились ледниками и снова — океанами. Но где же, задал я себе вопрос, могла прятаться легендарная эпоха и почему ее не открыли?

Наверное, подумал я, и в эту эпоху люди не умели писать. Они рассказывали о гномах, драконах и волшебниках своим внукам и правнукам, а внуки и правнуки не очень верили старикам и называли их рассказы сказками.

Но ведь что-то должно было случиться, чтобы люди остались живы, а волшебники и драконы исчезли с лица земли?

Рассудив так, я принялся изучать историю Земли и узнал, что на самой заре человечества, когда люди были еще дикими и только недавно произошли от обезьян, наступили ледниковые периоды. Периодов было несколько, и пережить их было трудно. Особенно плохо приходилось потому, что ледниковые периоды охлаждали Землю, заливали льдом долины и замораживали реки и озера. Только-только оставшиеся в живых звери приспособятся к такой трудной жизни, отрастят шерсть и научатся есть мох в тундре, ледники начинают отступать, реки и озера размораживаются, начинает печь солнце, и те звери, которые не успели сбросить шкуры, вымирают... А жизнь расцветает вновь... Но тут опять похолодание, опять снег сыплет с неба, опять нельзя купаться, опять идет ледниковый период! Таких перемен ни одному зверю, ни одному волшебнику не пережить.

Когда я все это изучил, стало ясно, что искать легендарную эпоху надо как раз между ледниковыми периодами. А следов от

нее могло не остаться, потому что их, скорее всего, слизал ледник, как корова языком.

Рассудив так, я настроил машину времени на промежуток между первым и вторым ледниковыми периодами и ничего там не нашел, кроме диких охотников, которые носились по степям и лесам за дикими и странными животными. Но я не отчаивался. Я отправился в промежуток между вторым и третьим ледниковыми периодами и тоже не нашел ничего необычайного. Тогда я отправился в промежуток между третьим и четвертым ледниковыми периодами и там тоже ничего не обнаружил. Это меня сильно удивило, потому что нарушало мою гипотезу. Я долго ломал голову. Что же произошло, не может быть, чтобы я ошибся!» — Алиса остановилась и перевела дух. Она уже устала читать.

— Вот видишь, — сказал отец, — как устаешь, когда проверяешь неправильную гипотезу, основанную не на научных данных, а на пустых фантазиях!

— Погоди, еще не все, — сказала Алиса и продолжала читать: — «Я несколько месяцев был в ужасном состоянии. Мне было горько отказываться от светлой идеи».

Богомол расстроился, спрыгнул со стола и лег на полу, вытянув во все стороны тонкие ноги. Павлин собрал хвост в длинную тряпочку, домработник Гриша смахнул фартучком набежавшую масляную слезу.

— «И вдруг однажды ночью мне пришла в голову мысль. А почему я всегда забираюсь точно в середину периода между ледниками? Ведь эти периоды очень длинные, по многу тысяч лет. А если поглядеть поближе к концу? Подумав так, я соскочил с постели и в одних оранжевых трусах побежал к машине времени, включил ее и перенесся в те годы, когда четвертый ледниковый период уже начинался. Я вышел на пустынную местность, которая располагалась в те времена на месте Москвы, на краю темного елового леса. Светила луна, дул такой пронизывающий ветер, что я сразу пожалел, что в спешке не успел одеться. По краю леса шла громадная темная тень. Я побежал туда, не зная еще, что это такое.

И представляете себе мою радость, когда оказалось, что это самый настоящий дракон с тремя головами! Я так спешил к этому дракону, что совершенно забыл об осторожности. Дракон увидел меня, зарычал и пыхнул мне в лицо огнем. Он мне потом признался, что сам очень испугался, решив, что я сказочное чу-

довище, и, может быть, очень опасное. Ведь он никогда раньше не встречал людей в оранжевых трусах.

Я убежал от дракона и через несколько метров увидел, что на склоне холмика прорезано окошко, в котором горит свет. Я опустился на корточки и заглянул внутрь. Оказалось, что я заглядываю внутрь настоящего дома гномов, которые как раз ужинали.

Это был самый счастливый момент моей жизни. Я понял, что совершил замечательное научное открытие — нашел легендарную эпоху и доказал, что волшебные существа когда-то жили рядом с людьми и они не выдумки старых бабушек, а память человечества о своем отдаленном прошлом».

Алиса перевернула страницу и сказала отцу:

— Вот видишь, а ты сомневался.

— Ученый всегда должен сомневаться, — сказал отец. — Иначе он перестанет быть ученым.

Козлик кивнул головой. Он был согласен с профессором Селезневым.

— «Но открытие легендарной эпохи, — продолжала читать Алиса, — породило новые проблемы. Во-первых, я простудился после того, как пробегал всю ночь по холодной легендарной эпохе, во-вторых, я понял, что ни один из ученых мне не поверит. Даже если я всю Академию наук отвезу в легендарную эпоху и покажу им драконов, эльфов, магов, фей, леших, гоблинов, ведьм, таракушек, глумушек, оборотней, мои дорогие коллеги все равно сочтут меня фантазером. В-третьих, непонятно было, что делать с моим открытием. Я много раз ездил в легендарную эпоху, познакомился с некоторыми ее жителями и узнал, что они очень встревожены тем, что наступает ледник. Мой новый друг Змей Гордыныч узнал, что я живу в будущем, и стал проситься к нам в теплый климат. Другие тоже просили. И я решил — сделаю в двадцать первом веке заповедник для сказочных существ. Пускай все желающие из прошлого будут спокойно жить у нас, а наши дети смогут глядеть на сказки наяву, а не в кино и не на картинках. Пускай вначале все думают, что это фокус, трюк, но постепенно привыкнут к тому, что в Москве есть заповедник сказок, и тогда я смогу убедить ученых, что легендарная эпоха — не моя выдумка. У каждого ученого есть сын, дочь, внук или внучка. И они будут верить в мой заповедник, а их отцы, мамы, бабушки и дедушки скорее прислушаются к голосу внука, чем к словам ученого. Так я и сделал. Постепенно заповедник увеличивался. Мне даже удалось перетащить в будущее дракона Змея

Гордыныча и замок толстого короля. Мне помог мой приятель волшебник Оох, который умеет уменьшать все предметы в сто раз. Теперь уже много тысяч детей видели заповедник сказок. На днях я приглашу ученых на первую экскурсию в заповедник, и посмотрим, что они скажут...» Все, — сказала Алиса. — Дальше ничего не написано. Ты не успел, козлик?

Козлик кивнул. Он не успел дописать свою статью, потому что его погубила доверчивость. Наивный директор приблизил к себе хитрого и коварного Кусандру. Кусандра отплатил злом за добро и подсунул директору воды из заколдованной лужи.

— Ну что, папа? — спросила Алиса. — Теперь ты веришь в легендарную эпоху, ты веришь, что драконы и волшебники когда-то жили на Земле?

Но оказалось, что отца нет в комнате. Он тихо ушел, пока Алиса дочитывала статью. Он вел себя как настоящий ученый: пока ему не доказали, что сказки существуют, он в них не поверит.

Очень трудно доказать ученым непроверенную чепуху. Они всегда вовремя уходят, чтобы подумать и взвесить все, что узнали, а потом забыть об этом и вернуться к своим делам.

Глава 3

АЛИСА РЕШИЛА: ЕДЕМ!

— Что же будем делать? — спросила Алиса.

Козлик молчал.

Богомол молчал, павлин распустил хвост, собрал его снова и улетел. Домработник Гриша ушел на кухню.

Наступила тишина.

— Послушай, — сказала наконец Алиса. — А если мы найдем Кусандру, мы сможем его заставить вернуть тебе прежний облик?

Козлик поднял голову и поглядел на Алису. Глаза его были влажными.

— Понимаю, — сказала Алиса. — Ты очень хочешь отправиться со мной в легендарную эпоху, но боишься, что из-за тебя я пропущу занятия в школе?

Козлик молчал.

— Но у нас же нет другого выхода, — сказала Алиса.

Козлик отрицательно покачал головой.

— Ты говоришь, что у тебя там есть знакомый волшебник Оох?

Козлик согласился.

— И если мы его попросим, он нам поможет?

Козлик не ответил. Он не знал, поможет ли ему волшебник Оох.

— Все ясно, — сказала Алиса. — Надо ехать в легендарный период. Нам вдвоем. Без меня ты там сразу погибнешь. Первый же волк тебя сожрет, не поглядит, что ты у нас профессор.

— Нет, — ответил глазами козлик. — Нельзя рисковать...

— Погоди, — сказала Алиса. — Ты знаешь кого-нибудь, кроме меня, кто верит в твои сказки? Никого. Конечно, ты можешь взять с собой короля или Красную Шапочку. Но они сказочные, значит, не совсем настоящие. Как думаешь, мы за день управимся?

— Нет, — покачал головой козлик.

— А я думаю, что управимся, — сказала Алиса.

Козлик сомневался. Ведь он был не только козликом, но и взрослым человеком, то есть чувствовал ответственность за детей. В том числе за Алису. Он, конечно, понимал, что профессора ему не помогут и, если надеяться на них, придется оставаться в козликах, что совершенно невыносимо. А Алиса, как ни горько это сознавать взрослому человеку, предлагала ему самый разумный план. Но очень опасный.

Козлик смотрел на Алису грустными глазами, стараясь передать ей все свои сомнения. И Алиса его поняла.

— Мы пойдем туда завтра с утра, — сказала она. — Завтра суббота, я скажу отцу, что поехала на дачу.

Козлик вздохнул.

— А что поделать, если без обмана не обойтись?

Козлик вздохнул еще печальнее.

— Ты не беспокойся, — сказала Алиса. — Отец у меня разумный. И он ко мне привык. У нас в семье все не совсем обыкновенные. Разве это обыкновенное занятие для моей мамы — строить дома на других планетах? Разве это обыкновенное занятие для моей бабушки — танцевать в балете в Австрии? Разве это обыкновенное занятие для моего папы — лечить инопланетных зверей? Так что я не урод в семье, а просто продолжатель рода. Понимаешь?

Козлик кивнул.

— Значит, завтра с утра мы с тобой отправляемся в легендар-

ную эпоху и постараемся к вечеру вернуться. Я не хочу, чтобы мой отец переживал. Надо беречь нервы родителей. Говорят, что нервные клетки не восстанавливаются.

Козлик вздохнул и подчинился Алисиному решению.

— А что с собой-то брать? — спросила Алиса. — Бусы для дикарей?

Глава 4

СНОВА В ЗАМКЕ

Отец с рассветом умчался в Космозо, потому что у космического спарадека было несварение желудка. Видела Алиса этого спарадека — желудок у него на спине, а сам похож на кастрюлю, куда надо кидать пищу. Пища в нем и варится, и кипит, как в кастрюле. Зрелище удивительное, перед клеткой всегда толпа посетителей, а спарадек размешивает пищу в желудке хвостом, на конце которого костяная поварешка. «Если у спарадека несварение желудка, — подумала Алиса, — значит, он себе в желудок положил что-то абсолютно неудобоваримое. Может быть, топор?»

То, что отца не было дома, Алису устраивало. Хоть, конечно, жалко — не успела попрощаться. А вдруг что-нибудь случится? А вдруг ее там, в прошлом, заколдуют? И не вернется она никогда домой. И не увидит больше отца с матерью, и домработника Гришу, и даже марсианского богомола... Алисе стало грустно, она смотрела на свои книги и игрушки, комнату, в которой все было таким родным и знакомым, что стало незаметным. Чуть не заплакала. Но тут же взяла себя в руки, прошла к отцу в кабинет и наговорила ему в диктофон послание:

— Уезжаю на дачу, на весь день. Не беспокойся и не поминай лихом. Алиса.

Козлик маялся в коридоре, он всю ночь не спал и бродил по комнате, стараясь потише стучать копытцами. Он боялся, что Алиса передумает, и в то же время понимал, что было бы правильно, если бы Алиса передумала...

Вернувшись из отцовского кабинета, Алиса собрала свою сумку. Она положила туда бутерброды, термос с апельсиновым соком, немного бус для встреч с туземцами, свитер, потому что в те края уже надвигался ледник, да и вообще к вечеру может похолодать, слиток золота, который Алисе дали в школьном геологическом музее, потому что он там лишний, аптечку, в которой был

пластырь — мгновенный заживитель, средства от головной боли и жаропонижающий антибиотик абсолютного действия, который вылечивает от всех инфекционных болезней, кроме насморка, потому что насморк — последняя болезнь, с которой медицина еще не научилась бороться.

— Поехали, — сказала она козлику.

Было так рано, что в заповеднике еще многие спали. Но все-таки они кое-кого встретили.

Неподалеку от входа по тропинке шли гуськом три гнома на работу. Впереди два брата, которые несли лопаты, кирки и маленький отбойный молоток. За ними плелся Веня.

— Вот! — крикнул он, первым узнав Алису. — Я докатился! Мне приходится колоть породу и добывать руду. Скажи, кому нужны эти традиции?

— Здравствуй, Алиса, — сказали гномы. — Здравствуйте, Иван Иванович. Мы решили воспитывать Свена. Не разрешаем ему жениться, пока не научится работать, как положено гному и отцу семейства.

— Я страдаю, — сказал Веня. — Дашенька сидит взаперти. Ты мне сочувствуешь?

— Сочувствую, — улыбнулась Алиса. — Но не очень сильно. Твоих братьев можно понять.

— Я никогда на тебя не надеялся, — сказал Веня. — Хотя на свадьбу я тебя позову. Ты будешь моей тещей.

— Кем? — удивилась Алиса.

— Дашиной мамой и моей тещей. Разве у Даши есть другая мать?

— Конечно, нет, — сказала Алиса. — У кукол вообще не бывает матерей.

— Вот и будешь ее матерью. А то меня все спрашивают — а твоя невеста из хорошей семьи? Что мне прикажешь отвечать? Что ее сделали на игрушечной фабрике? Нет, я гордый гном. Я отвечаю: моя невеста из лучшей семьи в Москве, ее мать — Селезнева. Вы знаете Селезневых? Им принадлежит дом в центре и целый зоопарк.

— Но это же неправда! — сказала Алиса. — Дом не принадлежит нам, он общий, а зоопарк государственный.

— Не разочаровывай меня! — сказал гном сердито.

Тут его братья остановились и стали звать его, а козлик, который спешил, гневно топнул ногой.

— Подчиняюсь! — пискнул гном. — Подчиняюсь грубой силе.

И убежал вслед за братьями.

На полянке за домом Красной Шапочки, из трубы которого шел дым — видно, бабушка уже готовила завтрак, — они увидели Серого Волка. Волк сидел на огороде и полол морковку. Делал он это с отвращением, но старательно.

В речке плескалось что-то большое и зеленое. Алиса догадалась, что это резвится Русалочка, но не стала ее звать — Русалочка любит поговорить, а время дорого.

Но все равно пришлось задержаться. Дверь в дирекцию была закрыта изнутри. Алиса долго стучала в нее, но никто не отзывался. Тогда она перебежала на соседний мостик и заглянула в окно к королю. Так и есть — король спит на троне-кровати, а его живот мерно поднимается и опускается.

— Король, — позвала Алиса. — Откройте. Уже утро. На работу пора.

Король и не думал просыпаться.

Сбоку со скрипом растворились ворота, и оттуда выглянула одна из голов Змея Гордыныча.

— Кто шумит, спать не дает? — спросила голова сонным голосом.

— Змеюшка! — крикнула Алиса. — Солнце уже скоро встанет.

— Ох! — сказал дракон. — Кого я вижу! Ты чего пожаловала?

— Мы с козликом решили сходить в легендарную эпоху, — призналась Алиса. — Может, найдем Кусандру и вернем директору прежний вид.

— А что? — спросил дракон. — На профессоров надежды нету?

— Мало.

— Я всегда говорил, — сказал дракон, — что медицина только и умеет, что анализы брать и уколы делать. То ли дело — колдовство. Мне в древние времена одна бабка так зубы заговорила, что до сих пор не болят.

— Как нам к машине времени пройти? — спросила Алиса. — Король спит, не открывает.

— Это мы сейчас сообразим. — Дракон просунул в окно тронной комнаты свою длинную шею и дотянулся до короля. Как раз до пятки. И легонько пощекотал ее языком.

Король вскочил, будто его ужалили.

— Что? — закричал он. — Пожар? Что случилось?

— Простите, ваше директорство, — сказал дракон. — Иван Иванович с Алисой просят аудиенции.

— Что ты со мной сделал! — закричал король, показывая дракону красную пятку. — Что он со мной сделал?

— Я лизнул, — сказал дракон, — пощекотал, можно сказать.

— Вот и щекотал бы крокодилов, — сказал король. — У тебя же на языке наждачная бумага... Ой, теперь мне не встать! Как я буду исполнять директорские обязанности?

Король так расстроился, что лег на кровать и накрылся одеялом.

— Ваше величество, — сказала Алиса, — хотя бы ключ нам дайте.

— Рад бы, — сказал король. — Только я опасно болен, у меня кожу с пятки слизали. Страдаю я.

И король жалобно застонал.

— Извините, — сказал дракон виноватым голосом. — Я хотел как лучше... Гости ведь, и даже начальство.

— Сейчас я ему помогу, — сказала Алиса. — Не бойтесь. Через окно можно влезать?

— Лезь, — сказал дракон. — Почему нельзя? Окно ничем не хуже двери.

Алиса влезла через окно в тронный зал, достала из сумки пластырь-заживитель и подошла к королю.

— Ваше величество, — сказала она, — протяните пятку, я облегчу ваши страдания.

— А хуже не будет? — спросил король, не открывая глаз.

— Нет, — сказала Алиса. — Будет лучше.

Король высунул пятку из-под одеяла, и Алиса осторожно налепила на нее пластырь.

— Все, — сказала она. — Вам уже лучше, а через минуту станет совсем хорошо.

— Верю, — сказал король, но голос его не выражал никакой радости.

— Вы недовольны? — спросила Алиса.

— А чем мне быть довольным? — сказал король. — Я же надеялся, что можно будет день-другой поболеть, не ходить на работу, а ты меня вылечила. Это очень печально сознавать.

— Но почему же? — удивилась Алиса. — Я думала, что все взрослые хотят быть здоровыми.

— А ты когда-нибудь была директором заповедника сказок? — спросил король. — Не была. Твое счастье. Я думал, что буду командовать, не слезая с трона, а оказалось, что это не работа, а сплошное мучение. Я уж не говорю, что вчера пришлось ехать в

город верхом на этом пресмыкающемся, папку вам везти. А пока нас не было, в заповеднике произошла тысяча неприятностей. Во всем мне приходится разбираться, все приходится делать самому, не могу же я положиться на моих так называемых помощников. Ты только послушай: за один лишь вчерашний день я разобрал жалобу Волка на двух молодых зайцев, которые искусали его за то, что он украл две морковки на их огороде. Я понимаю, воровать морковку нехорошо. Но ведь Волк перевоспитывается, старается, ему чем-то питаться надо, чтобы на тех же зайцев не нападать. А они сразу кусаться! Только я Волка утешил, царапины ему перевязал, твой любимый дракон лезет ко мне, чтобы я срочно прочел ему письмо, которое прислали из Шотландии со свежими сведениями о его двоюродной сестре Несси. Но за тысячу лет я совершенно забыл английский язык. Приходится звонить в бюро переводов и под их диктовку записывать перевод глупого письма, в котором нас извещают, что Несси не хочет выходить на берег, однако самочувствие у нее хорошее. А тут выясняется, что мыши забрались на склад и порвали три мешка с мукой. А мы только что постановили испечь пироги на свадьбу гнома. Как назло, мыши не волшебные, а самые обыкновенные, и я над ними не имею никакой власти. Стал я искать Кота в сапогах, чтобы он мышей разогнал. А у Кота лирическое настроение, временно он влюбился в Русалку, сидит по горло в воде и поет песни. Тут же ко мне бежит гном Веня с жалобой на своих братьев, которые его угнетают... Я вам надоел? Но это еще далеко не все! Скорей бы вы, Иван Иванович, возвращались в человеческий облик и принимали от меня этот зверинец! Я отказываюсь. Я правил целым волшебным царством тридцать лет, и это было куда проще.

— Разумеется, — сказал дракон. — Я помню. У тебя три палача трудились с утра до вечера.

— Чепуха! — обиделся король. — Только два палача, притом работали они по восемь часов в день, не больше. И в основном рубили не головы, а дрова для королевских печек.

— Не спорьте, — сказала Алиса. — Время идет, а нам пора идти в легендарную эпоху.

Король со стонами поднялся с трона, достал из-под подушки связку ключей и поплелся открывать дверь в дирекцию.

— В легендарную эпоху вам соваться смысла нет, — ворчал он, — съедят вас там без жалости. Жестокие времена, жестокие нравы, вы даже не представляете. Оставайтесь лучше здесь.

— Вы же сами сказали, — ответила Алиса, — что ждете не дождетесь, пока козлик станет снова директором.

— Это мои эгоистические желания, — сказал король. — Меня можно понять. Но к вам я отношусь хорошо, жалею. И знаю, на что вы идете.

— Ничего, — сказала Алиса. — Там тоже не все негодяи. Я по вас вижу. Вы же в основном хорошие.

— Среди королей я исключение, — сказал король и отпер дверь. — Потому что я здесь один, без лакеев, клевретов, охраны и придворных. С ними бы я сразу распустился. Обнаглел бы до безобразия. Ну, идите к своей машине. Мое дело предупредить.

Король проводил друзей до лаборатории. Там был такой же разгром, как в день исчезновения Кусандры, когда король с Медведем сломали дверь. Козлик первым прошел к машине времени и остановился перед ней. Он весь дрожал от нетерпения.

— Как управлять-то, знаешь? — спросил король.

— Я все заучила, — сказала Алиса.

— Когда вас обратно ждать?

— Сегодня к вечеру, — сказала Алиса. — Больше я там быть не могу. Сами понимаете, семья, уроки.

— Понимаю, — сказал король. — Только не верю, что управитесь. Когда спасательную экспедицию организовывать?

— Если завтра нас не будет, — сказала Алиса. — Только мне об этом думать не хочется.

Две головы дракона заглянули в окно лаборатории и сказали, перебивая одна другую:

— Я бы с вами хотел. Только мне пути обратно нет. Волшебник Оох там остался, а без него мне не уменьшиться. В случае чего, буду бить тревогу, до Академии наук дойду, но вас спасу. Отыщите там моего любимого дядю, Змея Долгожевателя. Передайте от меня привет, он все для вас сделает.

Алиса запомнила последнюю минуту в двадцать первом веке: посреди лаборатории стоит толстый король в халате и шлепанцах, печальный и даже растерянный. В окно заглядывают сразу две головы дракона, очень печальные головы, козлик уже забежал в машину времени и терпеливо ждет, пока Алиса присоединится к нему.

— Желаем счастья, — сказал толстый король.

— Счастья, — как эхо, повторила первая голова дракона.

— Счастья, — сказала вторая голова.

Две головы отодвинулись в сторону, третья заняла их место и сказала:

— Удачи!

Алиса закрыла дверь в машину времени и включила проверочное устройство. Через секунду на экранчике зажглась зеленая звездочка. Это значило, что в прошлом нет никаких помех. Можно начинать.

— Держись, козлик, — сказала Алиса.

Козлик прижался к ее ногам.

Алиса нажала нужные кнопки, и кабина заполнилась разноцветным дымом. Лаборатория исчезла. Они полетели в прошлое.

Глава 5

БОГАТЫРСКИЙ КАМЕНЬ

— Ой, — сказала Алиса. — Какой холод!

Ей захотелось спрятаться снова в машину времени.

Солнце здесь еще не вышло из-за облаков, которые лежали, прижавшись к горизонту, дремали и были сизыми, темными, скучными. Ночью был мороз, на траве лежала белая изморозь, а края лужи перед самой машиной времени были покрыты тонким ледком.

Алиса поставила сумку на пол машины времени, расстегнула ее, достала оттуда свитер и натянула поверх сарафана — она поехала в прошлое в том же самом старом розовом сарафане, в котором ходила в заповедник. Она понимала, что в прошлом ходить в комбинезоне просто неприлично. Еще она надела шерстяные носки.

— Тебе не холодно, Иван Иванович? — спросила она.

Козлик не ответил. Он выглянул из машины времени и приглядывался, принюхивался к темному еловому лесу, на опушке которого стояла машина времени.

Машина времени здесь, в легендарной эпохе, выглядела совсем не так, как в двадцать первом веке. Алиса поняла это, когда вышла наружу и оглянулась.

Машина была спрятана в дупле громадного старого дуба. Дупло, как вход в шалаш, чернело в коре. Дверь в машину времени снаружи была обшита корой. Когда они вышли и задвинули дверь, то с двух шагов уже нельзя было ни о чем догадаться.

— Дальше знаешь куда идти? — спросила Алиса, которой хотелось скорее покинуть этот мрачный молчаливый лес, где даже не пели утренние птицы.

Как плохо, подумала она, что ее козлик не может говорить.

Козлик перескакивал через корни, увертывался от свисающих с сучьев седых лишайников, огибал зеленые мшистые кочки, как будто был здесь не в первый раз. «Ну конечно же, не первый, — улыбнулась собственным мыслям Алиса. — Но почему здесь так тихо?» Словно лес следит за ними, затаив дыхание. И тут же недалеко послышался вой.

— Уууу! — неслось между деревьями. — Уууууу!

Козлик оглянулся и топнул копытом. Торопил Алису.

Она и без того не хотела отставать. Припустила за козликом, продираясь сквозь колючий подлесок.

— Уууу! — неслось сзади, будто кто-то гнался за ними.

Козлик высоко подпрыгнул, перемахнул через кучу валежника, и Алиса на несколько секунд потеряла его из виду, потому что ей пришлось эти сучья обежать вокруг.

А когда она обежала их, то увидела, что козлик стоит и ждет ее на узкой лесной дороге.

По дороге ездили редко, она заросла травой, в глубоких колеях стояла зеленая вода.

Листья орешника, большие, как лопухи, покачивались над головой. С них срывались крупные, тяжелые капли и больно били по голове и плечам.

Летучая мышь, как черная бабочка, порхала над головой. Издалека донесся жалобный стон. Будто у кого-то зуб болит так, что терпеть невозможно. Стон испугал летучую мышь. Она взмыла вверх и исчезла.

В лесу снова наступила тишина, и Алисе было обидно, что нельзя спросить козлика — кто же так страшно стонет в темном сказочном лесу?

Но внезапно деревья расступились, и дорога выкатилась на пригорок, прямо в поле.

Алиса и козлик остановились.

Воздух здесь был теплее, солнце, которое поднялось над краем сизых облаков, освещало поляну косыми утренними лучами и сушило траву. Над ней кое-где даже поднимался пар.

Козлик отряхнулся — капли полетели во все стороны, засверкали под солнцем — и пошел не спеша, весело. Алиса подумала: козлику стыдно, что он тоже испугался в лесу.

Алиса пожалела, что не догадалась надеть резиновые сапоги

или тапочки, а шерстяные носки безнадежно промокли. Она даже остановилась на минутку, достала из аптечки таблетки от простуды, одну съела сама, другую заставила съесть козлика.

Дорога взобралась на пригорок. На вершине его лежал круглый, в человеческий рост валун. На стесанном боку валуна были выбиты слова:

ПРЯМО ПОЙДЕШЬ — КОНЯ ПОТЕРЯЕШЬ.
НАЛЕВО ПОЙДЕШЬ — ЖИЗНИ ЛИШИШЬСЯ.
НАПРАВО ПОЙДЕШЬ — КОШЕЛЕК ПОТЕРЯЕШЬ

А на другой стороне камня были нацарапаны другие. Некоторые — чем-то острым, другие — мелом, третьи — краской:

«Коля и Петя были здесь. Не боюсь я ваших угрозъ. Алеша Поповичъ. Пришел, увидел, победил Дракона. Рыцарь Ланселот. На камне — не писать! Что за безобразие! Люди же старались! Помню маму. Автандил. Петя + Галя = любовь».

Остальные надписи Алиса прочесть не успела, потому что услышала шум крыльев. На камень опустилась большая неопрятная белая ворона.

— Добрый день, недобрый день! — каркнула она. — Куда вас несет на свою погибель, на свою беду? Возвращайтесь!

— Здравствуйте, птица, — сказала Алиса.

— Здравствуй, девушка, — сказала ворона. — Это что, твой братец заколдованный?

— Да, — сказала Алиса. — Как вы догадались?

— Взгляд у козлика человеческий, — каркнула белая ворона. — Плохо твое дело.

— Мне его обязательно нужно вылечить, — сказала Алиса. — Вы понимаете?

— Я все понимаю! — сказала ворона. — Я белая ворона, зовут меня Дурындой, летаю по лесам, всех пугаю, всем угрожаю, говорю, что скоро конец света.

— Зачем же вы так делаете? — спросила Алиса. — Это вам доставляет удовольствие?

— Никакого удовольствия, — сказала ворона. — Я это от скуки делаю. Я предсказываю только плохое, все меня боятся, подарки дарят.

— А сбывается?

— Иногда сбывается, иногда не сбывается, я же не проверяю! А ты просто так ищешь или кого по имени? — спросила Дурында.

— Ищу волшебника Кусандру, — сказала Алиса. — Он во всем виноват.

— Кусандру? Такого не знаю. Тут ошибка какая-то. Всех волшебников по именам знаю, а Кусандру не знаю.

— А волшебника Ооха ты знаешь? — спросила Алиса.

— Волшебника Ооха знаю, — сказала Дурында. — Только он тебя не примет. Он занят, у него совет.

— Совет?

— Совет волшебников. Съедутся волшебники со всего света, будут решать, что делать.

— А что им нужно делать?

— Ты откуда свалилась? — каркнула ворона Дурында. — Не знаешь, что ледники наступают? Скоро будет ледниковый период. Смерртельная опасность! Радость для мамонтов — горе для всего теплолюбивого!

— Об этом я слышала.

— И не боишься?

— Нет.

— Может, ты мамонт?

— Меня зовут Алисой. А как мне найти волшебника Ооха?

— Позолоти лапку, скажу.

— Хочешь, я тебе бусину дам? — спросила Алиса.

— Покажи сначала. Может, она не драгоценная?

Алиса достала из сумки розовую сверкающую бусину, ворона взяла ее когтями и начала крутить перед глазами.

— Нет, — сказала она. — Эта бусина недостаточно драгоценная.

— Ладно, — ответила Алиса. — Давай ее обратно, я тебе другую покажу.

— Чего давать обратно? — спросила Дурында.

— Бусину.

— Какую еще бусину?

Ворона поднесла лапу с бусиной ко рту, щелкнула клювом, и бусина исчезла.

— Ты же ее только что в рот положила.

— Ничего я не клала, что я, сорока какая-нибудь, чтобы бусы глотать? А ну, показывай мне бусы, не дразни.

Алиса оглянулась на козлика. Ей показалось, что козлик улыбается.

— Дать ей еще? — спросила Алиса.

Козлик отрицательно покачал головой.

— Видишь, — сказала Алиса. — Мой братец возражает.

— Чего? Да я его сейчас заклюю! Я же страшная и непобедимая белая ворона Дурында. Меня все боятся и трепещут!

— Мы не трепещем, — сказала Алиса. — Не хочешь говорить дорогу, сами найдем.

— Ищите, ищите, ничего не найдете... А может, дашь ма-аленькую бусинку? Я их очень уважаю, я их собираю, у меня замечательная коллекция бусинок. Мне все дарят. Как я кому что страшное предскажу, сразу дарят.

— Нет у нее никакой коллекции, — сказал мрачный бас.

Алиса обернулась. Как же она раньше не заметила! Совсем недалеко в густой высокой траве лежал крупного роста богатырь, надвинув на глаза высокий шлем с шишаком. Мокрая от росы кольчуга обтягивала его широкую грудь, а на ногах были серые штаны с железными наколенниками и красные сапоги с загнутыми носами. Из-под шлема торчала лохматая черная борода, и голос доносился как из бочки.

— Врет она, Дурында. Потому и Дурында, что врет. И меня обманула.

— А тебя, Сила Пудович, и обманывать не надо! — ответила Дурында. — В тебе ум никогда и не ночевал.

— Врешь, — ответил богатырь, протирая глаза. — Если бы у меня ума не было, как бы я догадался, что ты обманщица, а? — И богатырь захохотал, довольный своей сообразительностью.

Алиса увидела, что рука рыцаря медленно движется по траве, тянется к палке, что лежит рядом. Пальцы рыцаря обхватили палку и — взззик! — свистнула она в воздухе. Еле-еле Дурында успела взлететь вверх. Рыцарь продолжал хохотать.

— Хам! — крикнула белая ворона. — Коня потерял! Кому ты нужен без коня? Тебя любая ящерица победит!

— А ну, молчать! — Богатырь сел, надвинул шлем как следует и подхватил с земли меч. — В следующий раз не промахнусь.

Дурында кружилась в небе и кричала оттуда:

— Сила есть — ума не надо! Коня потерял... коня потерял!

Богатырь погрозил мечом, и ворона, каркая, улетела.

— Бывают же мерзкие птицы, — сказал Сила. — Как только ее воздух держит! А вы чего здесь стоите?

— Я помощи ищу, — сказала Алиса и показала на козлика. — Моего братца волшебник Кусандра заколдовал, в козлика превратил.

— Кусандру не знаю, — сказал богатырь. — Многих волшебников знаю, лично знаком, а вот про Кусандру не слышал. Может, он имя сменил?

— Его здесь давно не было, — сказала Алиса. — Он уезжал.

— Все равно странно, — сказал богатырь.

— А волшебника Ооха вы не знаете? — спросила Алиса.

— Такого слышал. Занят он, совещание собирает.

— Мы слышали, — сказала Алиса. — А как к нему пройти?

— Советов давать не буду, — сказал богатырь Сила. — Я сам вот послушался и пострадал. Рассказать?

Вообще-то Алиса спешила, но она понимала, что, если не слушать рыцаря, он обидится. Зачем обижать других? И она кивнула.

— Я — бродячий рыцарь, богатырь-одиночка. Скачу по степям и полям, ищу себе подвигов и славы. Мне бы дракона победить, девицу освободить, Кощея наказать — дел невпроворот. Услышал вот вчера, что здесь неподалеку дракон объявился, старый, матерый, уже двадцать рыцарей задрал. Находка для героя! Сел на коня и поскакал его уничтожать. Доскакал до этого места, вижу камень. Остановился. Куда дальше скакать? Тут прилетела эта Дурында, известная в наших краях безобразница, и говорит: «Я видела твоего дракона вон с той стороны, иди туда, только скорей, а то он с последним своим врагом расправится и спать ляжет». Я ей отвечаю: «Нельзя мне в ту сторону, если я туда пойду, коня потеряю. Богатырю легче жизнь потерять, чем коня». А Дурында мне говорит, что это устаревшая надпись, в ней опечатка. Не «потеряешь» надо читать, а «потрешь». Спину коню потрешь, потому что бой с драконом тебе предстоит очень тяжелый. Ну и поверил я ей... — Богатырь замолчал и закручинился.

— И чем все кончилось? — спросила Алиса.

— Чем кончилось? Разве ты не видишь? Где мой конь? Где мой конь, спрашиваю? Я же теперь пехота, а не богатырь. Надо мной драконы смеяться будут! Не было на камне опечатки! Правильно все было написано. Поехал я за камень верхом, а вернулся пешком. Вот и сказка вся.

С этими словами богатырь снова растянулся во весь рост на траве и надвинул на глаза шлем.

— А что же дальше будете делать? — спросила Алиса.

— Откуда мне знать? — ответил рыцарь. — Буду ждать. Вдруг чего случится. Я по части ума и вправду слабоват. Но силы во мне хоть отбавляй.

И рыцарь засопел, заснул.

— Куда же нам идти? — спросила Алиса.

Козлик подошел к камню, поглядел на него и отправился прямо. Алиса взглянула на надпись: «Прямо пойдешь, коня потеряешь».

— Ты уверен? — спросила Алиса.

Но козлик уже бежал по дорожке с холма, к перелеску. Он оглядывался на ходу, и Алиса поняла, что он ее торопит.

«Что ж, — подумала Алиса, — он правильно рассудил. Из всех зол лучше выбрать меньшее. А если у нас нет коня, то и терять нечего».

Глава 6

КОГДА ВОЛКИ ШУТЯТ

Перелесок, который надо было пересечь, оказался небольшим, светлым и мирным. Среди невысоких берез росли земляника и ландыши, пели птицы, над дорогой кружились капустницы. Алиса остановилась, сорвала кислый лепесток заячьей капусты. А когда хотела идти дальше, увидела, что козлик несется обратно. Вид у него перепуганный, ноги подкашиваются.

— Что случилось?

Козлик прижался к ногам Алисы.

И тут же она поняла почему.

Навстречу им не спеша шел Волк, ростом с того, что жил в заповеднике, но куда менее галантный на вид — пасть приоткрыта, зубы блестят, шерсть на загривке дыбом...

Алиса оглянулась — куда бежать?

А сзади стоял еще один Волк, такой же. И ухмылялся.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Вы не видели волшебника Кусандру, мы его ищем?

— Здравствуй, если не шутишь, — сказал Волк, что стоял впереди.

Другой Волк хихикнул:

— На что тебе волшебник Кусандра?

— Чтобы вылечил моего братца, — сказала Алиса, показывая на Ивана Ивановича. — Вам показалось, что это козлик?

— Показалось, — сказал передний Волк. — И даже сейчас кажется.

— Вы ошибаетесь, — сказала Алиса. — Это не козлик, а доктор наук.

Тут уж засмеялись оба волка. Они прямо катались по траве от смеха.

— Попались! — раздался вдруг с неба громкий крик.

Над ними кружилась белая ворона Дурында.

— Я прредупреждала! — крикнула она. — Теперррь не отвертитесь!

Она полетела дальше, и слышно было, как из-под облаков вырывается далекий крик:

— Они оба умерррли такими молодыми! Какая жалость!

— Не отвлекайся, девочка, — сказал Волк. — У тебя закурить не найдется?

— Я не курю, — сказала Алиса.

— А сколько времени, не скажешь? — спросил Волк сзади, делая шаг вперед.

— У меня нет часов, — сказала Алиса.

— И курить не дает, и время не говорит, — сказал передний Волк, делая шаг вперед. — Никогда не встречал такой жадной девчонки.

— И смотрит она неприятно, как будто угрожает, — сказал Волк, стоявший сзади. Он тоже сделал шаг вперед.

Алиса повернулась так, чтобы видеть обоих волков сразу, и отступила с дороги к стволу березы.

Волки медленно приближались и разговаривали между собой так, словно Алисы с козликом не было.

— А козлик упитанный, — сказал первый Волк.

— Хоть и доктор наук, — сказал второй.

— Я бы его съел, — сказал первый.

— И не думай, — сказал второй. — Он такой страшный, он сам тебя съест. С этими козликами надо ухо востро держать.

— Точно, — сказал первый Волк, — они вот-вот на нас набросятся. Хулиганы.

— Давай убежим, — сказал второй Волк.

Они говорили так серьезно, что Алиса не могла понять, шутят они или в самом деле испугались. К концу двадцать первого века на Земле не осталось хулиганов и бандитов, и не было такого места, где бы их боялись. Алиса поэтому не знала, что бандиты обожают поиздеваться над своими жертвами, если уверены в своей безнаказанности, — такая уж у них подлая натура. Поэтому она сказала:

— Вы ошибаетесь, мы не собираемся на вас нападать. И если вы нас пропустите, мы пойдем дальше.

— Она нас пожалела! — воскликнул первый Волк. — Спасибо!

— Нет! — закричал второй. — Не верь ей, посмотри, как она зубы оскалила. Как только мы отойдем, она на нас набросится и сожрет.

И тут уж волки больше не могли удержаться от хохота и буквально начали корчиться на дороге, так им было весело.

— До свидания, — сказала Алиса, погладила козлика, чтобы он не боялся, и хотела было пойти своей дорогой, но тут оба волка как по команде перестали улыбаться.

— Хватит, — сказал первый. — Прощайтесь с жизнью.

— Вы в самом деле хотите нас съесть? — спросила Алиса.

— Хотим, — сказал второй Волк. — И съедим. Мы уже пошутили, нахохотались, а теперь съедим.

Он разинул пасть и присел, чтобы прыгнуть.

Алиса подхватила козленка и метнулась за ствол. Она уже поняла, что пощады ждать нельзя, но не привыкла сдаваться, тем более каким-то сказочным волкам. К тому же Алиса занималась спортом, а волки никогда — они только и умели, что бегать за добычей, правда, если добыча была слабая, а волков много.

Волк не ожидал, что Алиса так быстро спрячется за ствол. Он прыгнул и с размаху ударился лбом о дерево, так что искры полетели во все стороны.

Второй волк не стал ждать, пока его товарищ придет в себя. Он страшно взревел и прыгнул тоже, Алиса не успела увернуться. Он ухватил зубами край ее сарафана и дернул к себе. К счастью, сарафан был старый, и его подол сразу оторвался. Волк присел на задние лапы, чтобы не упасть, а отважный козлик Иван Иванович кинулся к нему и изо всех сил вонзил в бок острые рожки.

Волк взвыл от боли, отпрыгнул в сторону и столкнулся со своим товарищем.

Алиса с козликом бросились в чащу, но перелесок был редкий, и волкам нетрудно было их догнать... Волки обязательно догнали бы и разорвали Алису с козликом, но в этот момент послышался громкий хруст веток и крик:

— Стой! Прекратите безобразие!

Алиса на бегу обернулась и увидела, что богатырь Сила Пудович схватил волков за загривки, как щенков, поднял в воздух и трясет, будто хочет вытрясти из них всю злость.

— Ой! — кричали волки. — Мы не будем! Мы не хотели! Они первые на нас напали!

— Знаю вашу натуру, — сказал богатырь Сила, — знаю вашу подлость...

Он стукнул волков лбами так, что они лишились чувств.

Потом богатырь бросил волков на землю и вытер руки.

Птица Дурында носилась по небу и кричала:

— Большой подвиг! Великое достижение! Спасение невинных детей от зубов озверевших хищников. Я сообщу всему мирррру!

Алиса почувствовала, что ее колени ослабли, и она села на траву.

— Спасибо, — сказала она. — Вы не представляете, как я перепугалась.

— Чего уж там, — сказал богатырь и даже покраснел от смущения. — Пустяки. Вы эту Дурынду благодарите. Она меня разбудила.

— Все равно спасибо, если бы вы не пришли, они бы нас съели.

— Это точно! — сказал богатырь. — Церемониться бы не стали!

— Они больше не нападут? — спросила Алиса.

— В лучшем случае через час очухаются, — сказал богатырь. — Я свою руку знаю.

Он потянулся, сладко зевнул и добавил:

— Странное дело. Как совершил подвиг, сразу спать расхотелось. Вы дальше идете?

— Дальше пойдем.

— Тогда я с вами. Мало ли какая нечисть на вас нападет. Я нечисть уничтожу, снова подвиг совершу. Мне все время хочется подвиги совершать — такая у нас, бродячих рыцарей, специальность.

— Ой, как хорошо! — сказала Алиса. — Тогда пошли!

И они пошли дальше втроем.

Глава 7

СЛАБОВОЛЬНЫЙ ВЕЛИКАН

Они шли по лесной дорожке, вокруг пели птицы, совсем как в обычном лесу, солнце уже согрело воздух, и даже трудно было представить, что где-то рядом лежат без памяти коварные волки.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Алиса у рыцаря Силы, — а как вы потеряли коня?

— Обычным образом, — сказал богатырь. — Как все теряют.

— Но я не знаю, как все теряют.

— Сейчас увидишь, — сказал богатырь. — Да ты не бойся, у тебя коня нет, а козлов он не трогает.

— Кто?

— Я, кто же еще! — ответил громовой бас.

Дорогу преграждали два толстых бревна. Да это же не бревна! Это ноги в сапогах, каждый как пароходная труба. Ноги лежат на земле поперек дороги, не давая никому ни проехать, ни пройти. Между ног лежит на земле гигантский мешок. Да это же живот! Живот был так велик, что не видно ни груди, ни шеи — сразу за ним, там, высоко, начинаются подбородки — штук пять или шесть, один толще другого, над ними рот-губошлеп, нос, как красный воздушный шар, над всем этим голубые глазки, еще выше сухие ветки желтых волос.

— Ну и великан! — воскликнула Алиса.

— Именно так меня и зовут, — сказал Великан. — Угадала.

— Это вы виноваты, что наш знакомый рыцарь остался без коня? — спросила Алиса.

Она почему-то совершенно не испугалась Великана, хотя любой осторожный человек, встретив в лесу Великана невероятной толщины, сначала бы бросился бежать, а уж потом подумал бы, знакомиться ему с таким чудищем или отложить до следующего раза.

— Да, это я виноват, — признался Великан. Его голос гудел так, что с деревьев срывались молодые листья и поднимался ветер.

— Тогда сейчас же верните коня хозяину, — сказала Алиса. — Ну, куда рыцарю без коня?

Великан почему-то засмеялся. Пришлось всем зажать уши, козлику было хуже всех — копытами уши не зажмешь. С неба упало что-то белое и лохматое. Алиса с трудом узнала белую ворону Дурынду, которая бегом бросилась в кусты.

Великан хохотал минут пять, пока весь лес вокруг него не облетел и над головой не начали скапливаться тучи. Наконец он умолк, Алиса смогла вынуть пальцы из ушей и сказала сердито:

— Вместо того чтобы пугать, лучше бы объяснили.

— Так чего объяснять? Пройди вперед да сама погляди.

Алиса послушалась. И увидела, что за сапогами Великана ле-

жит целая куча обглоданных лошадиных костей и черепов. В некоторых уже устроили гнезда ядовитые змеи.

— Так вы едите коней! — воскликнула Алиса. — Как это ужасно!

— Если бы я их не ел, я бы умер, — сказал Великан. — И никто бы не поверил тому, что написано на богатырском камне.

Богатырь Сила подошел к лошадиным костям и узнал останки своего любимого коня.

— Мой дорогой и верный друг, — произнес он, — разве я когда-нибудь мог подумать, что погибну позже тебя! Я тебя лелеял, поил ключевой водой, кормил отборным овсом и холил мягкой щеткой! Куда же мне теперь...

И он хотел уже поставить ногу на череп своего коня, откуда высунула злую головку гладко причесанная на прямой пробор ядовитая змея, но тут Великан закричал:

— Не надо лишних жертв! — и отбросил рукой богатыря. Тот упал на землю и схватился за меч: обиделся.

— Великан прав, — сказала Алиса, подбегая к богатырю. — Ты же чуть на змею не наступил.

Деревья вновь зашатались — Великан зарыдал.

— Плохо, — повторял он сквозь слезы. — Люди из-за меня страдают. Уйду... Похудею, поднимусь и уйду.

— Зачем откладывать, пошли с нами, — сказала Алиса. — Как-нибудь прокормимся.

Великан постарался подняться, но не смог, сапоги ехали по земле, оставляя в ней глубокие борозды, но живот от земли не отрывался.

— Поздно, — сказал Великан, — идите без меня. Когда-то я был худ, строен и красив. Но я ел много мяса, хлеба и картошки. Я привык обжираться. Обратного пути, как известно, нет. Я никогда бы не согласился сидеть здесь, если бы не мое обжорство. Погоди, девочка, не уходи. Я покажу тебе свой портрет в молодости.

Тяжело дыша, он достал из-за пазухи портрет стройного молодого человека.

— Не похоже?

— Нет.

— Я сам знаю. С завтрашнего дня перестаю обжираться.

— Вряд ли, — сказала Алиса. — Я знаю одного Волка, который все грозился, что будет есть морковку. Никто еще не похудел

от благих намерений. А вы мне кажетесь очень слабовольным Великаном.

— Ничего, — сказал Сила, поднимаясь с земли и утирая слезы. — Он уж вокруг всех коней сожрал. Поневоле похудеет.

— Таких дураков, как ты, еще немало осталось, — сказал Великан. — Их учат, предупреждают, камни для них ставят, надписи пишут, а они все равно лезут. Я-то еще не такой опасный. Вот на правой дороге разбойники всех грабят, а на левой дороге настоящий Людоед сидит. Казалось бы, зачем туда ходить? А ведь ходят!

Великан принялся вслух рассуждать о человеческом легкомыслии, а Алиса, козлик, богатырь Сила и птица Дурында, которая после того, как свалилась с неба, временно разучилась летать, пошли дальше.

Глава 8

НАСТОЯЩИЙ СТАРИК

За перелеском начиналось вспаханное поле, а по краю его шел старик с сохой и устало ковырял пашню. Дорога проходила неподалеку от него, старик заметил путников, приложил руку к глазам, прищурился и ждал, пока они подойдут поближе.

— Здравствуйте, — сказала ему Алиса.

— День добрый. — Старик поклонился путникам и не сказал больше ни слова. Он стоял, опершись о соху, ждал, что будет дальше.

— Ты чего остановилась? — спросил богатырь Сила. — Это же землепашец, простой человек, совершенно не сказочный, с ним каждый из нас что хочешь может сделать. Пойдем, не обращай внимания.

— Вы человек? — спросила Алиса.

— А как же? — ответил старик. — Мы крестьяне, из деревни.

— А вы не сказочный?

— Какой уж там сказочный, — ответил старик. — Не до сказок нам.

— Я думала, что здесь только сказочные живут, — сказала Алиса. — Мне очень приятно с вами встретиться. Я ведь тоже не сказочная.

Силе надоело ждать, он отошел в сторонку, за бугорок, растянулся во весь свой богатырский рост и тут же захрапел.

— А на вид сказочная, — ответил старик. — И компанию с ними водишь.

Он показал на птицу Дурынду, на козлика и на спящего богатыря.

Птица Дурында замахала крыльями и постаралась взлететь, но не получилось. Тогда она, как обыкновенная курица, пошла пешком по полю, выклевывая червяков.

— Эти двое — здешние, — сказала Алиса. — Но козлик — он мой, он вообще-то человек, только заколдованный.

— Ох, — расстроился старик, который вроде бы поверил Алисе. — Что делают! Ну что хотят, то и делают! Уже людей заколдовывать стали, и мало им друг над другом измываться! Уйду я отсюда, уйду куда-нибудь, только чтобы всю эту сказочную братию не видеть. Неладно здесь человеку! Вот у меня лошадь Великан сожрал! Казалось бы, что ему моя кляча, когда тут рыцари конные шастают, так нет, проголодался, подполз и сожрал.

— А нам говорил, что не может ходить.

— Как проголодается, сразу двигаться начинает, — сказал старик и даже сплюнул от обиды. — В том году колдун с драконом чего-то не поделили, стали огнем плеваться прямо над нашей деревней, три дома спалили. И когда только это кончится!

— Говорят, скоро, — сказала Алиса. — Уже ледниковый период надвигается. Люди его переживут, это я точно знаю, а вот сказочным существам не пережить, они только в человеческих сказках и останутся.

— Да по мне хоть ледник, только бы людям хозяевами на собственной земле остаться. Хоть и трудно будет под ледником, ох как трудно! Только-только мы пахать научились... А ты, пигалица, откуда все это знаешь? Может, сказочная, а под человека рядишься, чтобы у меня чего хитростью выманить? Так я тебе скажу — нечего у меня выманивать. Пусто у нас, недород, бедность. Признавайся, ты ихняя?

— Нет, честное слово, я человек! — сказала Алиса.

Но старик сомневался. Он глядел на козлика, который подбежал к нему и прыгал вокруг, привлекал к себе внимание. Потом метнулся к Алисе, снова к старику, словно хотел что-то сказать, да не мог.

— И козел твой странный, — сказал старик. — Иди своей дорогой, оставь меня в покое, не до тебя — солнце уже встало, а я только первую десятину расковырял. Плохо мне без лошади, хоть помирай!

— Ты чего, Иван Иванович? — спросила Алиса козлика. — Ты что-то хочешь сказать?

Козлик кивнул головой.

— Ты этого дедушку знаешь?

Козлик кивнул три раза подряд.

Старик даже испугался.

— Не знаю я твоего козла! — воскликнул он. — Отстаньте от меня!

— Но он вас знает! — сказала Алиса.

— А меня все знают, меня все грабят, — ответил старик. — Кому хлеба надо, ко мне в печку лезут, кому лошадь нужна, мою жрут, кому курятины захотелось, моих кур тащат. Все вы одинаковые!

Козлик явно с этим не соглашался. Он даже открывал и закрывал рот, так ему хотелось объясниться.

— Погодите, — взмолилась Алиса, увидев, что старик отвернулся от них и собрался дальше пахать поле. — Может, вы и в самом деле встречались, потому что мой друг Иван Иванович Царевич у вас бывал раньше. Он из будущего, он директор нашего заповедника сказок. Он у вас недавно был!

Козлик кивал головой.

— Иван Иванович Царевич, говоришь?

Тут старик оставил соху, подошел к козлику, присел перед ним на корточки и заглянул в глаза.

— Из будущего, говоришь?

Старик покачал головой и сказал:

— Трудно узнать. Приходил ко мне один хороший человек, беседовали мы с ним. Так что, говоришь, случилось?

И Алиса рассказала деду все без утайки про волшебника Кусандру. Старик выслушал, не перебивая, потом ответил:

— Значит, несчастье у чужого человека случилось, и ты себя не пожалела, побежала в наши тяжелые времена правду искать? Это только человек может, сказочные так не делают. Не знаю уж, чего у них не хватает. Ну что ж, пошли в избу, меду горяченького попьем, подумаем, как твоему горю помочь.

Козлик даже подпрыгнул от радости, что старик его признал, а старик сказал:

— А вот прыганья за тобой раньше не замечалось. Прыгать ты не привыкай, не человеческое это дело.

Козлик смутился и пошел дальше как положено, аккуратно ставя копытца след в след.

— А как же богатырь? — спросила Алиса, показывая на спящего Силу.

— Ты за него не беспокойся, он же богатырь вольный, бродячий, где лег, там ему и дом. Дурак только. Все хочет доброе дело сделать, да не знает, какое доброе, а какое — нет. За славой гонится. Пускай себе спит, пойдете обратно, подберете его.

А птица Дурында поглядела им вслед и сказала:

— Идите, идите, здесь червяков много. Пока всех не съем, не уйду!

И тоже осталась на поле.

Глава 9

КАК ПРИДУМАТЬ КОЛЕСО?

Деревня оказалась настолько бедной, что Алиса таких даже на картинках не видела. Низкие, покосившиеся, вросшие в землю бревенчатые хижины, крыши покрыты соломой, окошки маленькие, без стекол, даже труб нет. Несколько мелких кур бродили между домами, а при виде людей бросились врассыпную, попрятались. Видно, привыкли никому не доверять.

Деревня казалась вымершей — ни одна дверь не открылась при виде гостей.

— У нас народу мало, — сказал старик. — Кто в лесу грибы собирает или бересту дерет, кто помер от бедности, кто на рыбалку ушел.

Он толкнул дверь в ближайшую избу.

Внутри было темно, свет с трудом пробивался сквозь маленькие окошки. Вдоль стен шли лавки, а посреди избы из камней, обмазанных глиной, был сложен очаг. Дым от него уходил в дырку в крыше.

— Так и живем, — сказал старик. — Так и живем, ждем, когда времена изменятся. Ты уж прости нас за скудость.

— Как вам не стыдно так говорить! — даже обиделась Алиса. — Мы вам очень благодарны.

— Вставай, Герасик! — крикнул старик. — Вставай, гости пришли.

Куча тряпок на широкой скамье зашевелилась, и оттуда выглянула совсем белая мальчишеская голова на тонкой шее. Голова уставилась на Алису голубыми глазищами, поморгала, потом со скамейки свесились худые босые ноги.

— Здравствуйте, — сказал мальчишка. — Вы откуда такие?

— Люди это, не беспокойся, — сказал старик. — Ты Ивана Иваныча помнишь, в том году приходил?

Мальчик перевел взгляд с лица Алисы на козлика и вдруг улыбнулся, соскочил со скамейки и подбежал к козлику.

— Я вас узнал! — закричал он. — Хоть вы изменились, я вас все равно узнал! У вас взгляд прежний. Кто же это вас так, а?

— Теперь все в порядке, — сказал старик. — Мой Герасик такой чуткий, просто страх. Нутром все чует. Я вас вел и думал — если признает, значит, не врешь, а если не признает — иди на все четыре стороны. Да ты садись, тебя как зовут?

— Алиса.

— Рад бы тебе помочь, — сказал старик, — но не знаю как. Скажи, внучок, не слыхал ли ты: может, проходил здесь такой бандит — зовут Кусандрой, сам худой как Кощей, в длинном черном балахоне, с мешком, полным золотых яиц, и с Курочкой Рябой в клетке. Он и есть главный злодей.

Герасик сидел на лавке и гладил козлика. Он задумался, потом тихо ответил:

— Такой человек проходил. Только в нашей деревне не останавливался. Думаю я, что он в разбойный лес подался.

— Почему ты так думаешь? — спросил старик.

— Потому, что он не настоящий волшебник. Если бы настоящий, о нем бы мы обязательно слыхали. Самозванец он, а не волшебник. А если так, то возле волшебников ему делать нечего.

Мальчик говорил рассудительно, серьезно, как взрослый. Был он такой худой, заморенный, что даже кожа его отливала голубым цветом. «Наверное, чем-нибудь болен», — подумала Алиса и спросила:

— Ты не больной, Герасик? А то у меня лекарства есть с собой.

— Не больной я, — сказал мальчик. — Только голодный. Мне Иван Иванович лекарства приносил, называются витамины. Я их съел, а все равно голодный.

— Ох, грехи наши тяжкие, — вздохнул дед. — Даже ребенка досыта накормить не можем! Была корова, было молочко, да вот волки коварные сожрали ее, заманили в лес моим голосом.

— Вы обо мне не беспокойтесь, — сказал мальчик. — Сейчас нам надо Иван Иваныча спасти. Я ради этого все свои мысли отложу.

— А ты о чем мыслишь? — спросила Алиса.

— Я изобретаю. Времена трудные пошли, надо изобретать. Иначе, как совсем похолодает, плохо придется. Помрем, как драконы и богатыри.

— Он все думает у нас, все думает, — сказал старик. — Гулять не ходит, воздухом не дышит, все думает.

— А что же делать, дедушка? — сказал Герасик. — Кто-то должен думать.

Алисе мальчик понравился. Она была с ним совершенно согласна. Ей было приятно, что здесь она увидела одного из тех людей, которые будут думать и в конце концов додумаются, как строить дома, изобретут паровоз и телефон, переживут все ледниковые периоды и полетят в космос.

— А над чем ты сейчас мыслишь? — спросила Алиса.

— Я думаю, как изобрести такую штуку, чтобы грузы не таскать, а легко перевозить.

Герасик достал из-под лавки дощечку и два кружочка, вырезанные из дерева. Он приложил кружочки по бокам дощечки и сказал:

— Хочу придумать, как дощечку к этим кружкам приспособить, чтобы она не тащилась, а катилась. Мы бы сделали большую коробку, в нее клали бы тяжелые вещи и катили. Понимаешь?

— Значит, ты колесо изобретаешь! — воскликнула Алиса. — Я думала, что-нибудь серьезное. Кто же изобретает такие пустяки? Разве у вас колеса нету?

— Колесо? — повторил Герасик. Он расстроился, что колесо, оказывается, не надо изобретать, а он не знал об этом. — Наверное, где-нибудь в очень далеких землях изобрели, — сказал он. — Иначе я бы об этом уже знал.

— Да ты не обращай внимания, — сказал старик. — Ты себе изобретай. Если в заграничных землях изобрели, то нам они не скажут. А мне дрова тяжело из леса таскать...

— Ой, погодите! — сказала Алиса. — Наверное, я ошиблась. Ведь это я знаю про колесо, потому что я в будущем живу. Но я не знаю, кто его первым придумал. Может, Герасик и придумал. Хочешь, я тебе помогу, покажу, как кружочки к доске прикреплять, чтобы удобнее катить? Мы его вместе с тобой изобретем.

— Нет, — сказал тихо мальчик. — Не надо мне подсказывать. Я хочу сам. Если ты мне подскажешь, то какой я изобретатель? Ты же тысячу раз это колесо видела, тебе и думать не надо. Вспомнила, и все тут. Спасибо, без тебя изобрету.

Герасик закинул кружочки под лавку.

— Пойдем, — сказал он.

— Куда? — спросила Алиса.

— Я вас в разбойный лес провожу.

Алисе было стыдно. Расстроила изобретателя, не подумала о том, что придумать труднее, чем вспомнить.

— Извини, Герасик, — сказала она. — Ты изобретай, я больше не буду мешать. Ты нам только покажи, куда идти, а дальше нас Сила проводит.

— Нет, — сказал мальчик. — Я с вами пойду. Сила в этих местах не бывал, разбойного леса не знает.

— Ой, не ходи, Герасик, в разбойный лес, — взмолился дед. — Никто оттуда живым не возвращался. И гостей туда не зови. Пожалей их молодое здоровье.

— Мы сами пойдем, — сказала Алиса.

Но Герасик не слушал. У дверей он сунул ноги в рваные лапти, вышел наружу и остановился, поджидая остальных.

Глава 10

ЯБЛОНЯ ЗА РЕКОЙ

С поля доносился богатырский храп.

— Совсем забыла, — сказала Алиса. — Надо богатыря Силу разбудить. Он обидится, если мы его с собой не возьмем. Он подвиги любит.

— Пускай спит, — сказал мальчик. — Начнешь его будить, зашибет. Он дурной.

— Нет. — Алиса повернула к полю. — Я его сама разбужу. Он нам в лесу пригодится.

Она подошла к богатырю, который мирно спал, раскинув руки.

— Сила, — сказала она. — Пора идти.

Сила продолжал храпеть.

Козлик подбежал к богатырю и дернул его губами за рукав.

Сила продолжал храпеть.

Козлик боднул богатыря.

Никакого результата.

Алиса толкнула богатыря.

Богатырь поморщился во сне, пошевелил губами, но не проснулся.

— Си-ла! — крикнула Алиса в ухо богатырю.

Богатырь отмахнулся мощной рукой, Алиса и козлик еле успели отпрыгнуть. Герасик отбежал в сторону.

Тогда Алиса подобрала с земли сучок, вытерла о сарафан и пощекотала богатырю в носу.

Богатырь по-богатырски чихнул и проснулся.

— Кто смеет меня беспокоить? — спросил он грозно. — Раздавлю, как козявку!

— Силушка, — сказала Алиса. — Ты с нами идти собирался.

— Никуда я не собирался. Я теперь собираюсь спать тридцать лет и три года. Накоплю мощи и всех разгромлю.

— Нельзя тебе спать тридцать три года, — сказала Алиса. — Тебя ледником накроет.

— И ледник разгромлю, — сказал Сила.

— Ну, как хочешь, — сказала Алиса. — Мы тебя хотели на подвиги позвать, в разбойный лес.

— В разбойный лес? На подвиги? Так чего же раньше-то не сказала! — Богатырь поднялся с пашни и потянулся, хрустнув костями. — В разбойном лесу я еще не был. Ого-го-го! Как мы там повеселимся, как мы там побезобразничаем!

— Ты бы лучше меня слушался, — сказала Алиса. — Безобразие может все испортить.

Тут богатырь рассмеялся, ему показалось очень смешным слушаться девчонку, и так, хохоча, он и пошел вслед за мальчиком, который показывал дорогу.

«Странно, — думала Алиса, — ведь мы все это время ходим по Москве. Вернее, по земле, где потом будет Москва. Может, даже до центра ее не дошли. А если не считать нескольких избушек, вообще жилья не встретили».

Солнце поднялось уже высоко, пригревало, они миновали небольшой густой лес и остановились на берегу широкой медленной реки. «Наверное, это Москва-река», — подумала Алиса и спросила мальчика:

— Эта река у вас как называется?

— Большая, — сказал мальчик. — Мы ее Большой называем, а есть еще Маленькая, но до нее идти далеко.

— Это Москва-река? — спросила Алиса у козленка.

Козленок кивнул головой.

— Что-то он у тебя неразговорчивый, — сказал Сила. — Язык, что ли, проглотил? — И Сила засмеялся собственной шутке.

— Так он же заколдованный! — сказала Алиса.

— А, заколдованный, — вспомнил богатырь. — Тогда понятно.

Они спустились к воде. Вода в Москве-реке была хрустальной, чистой, прозрачной, в глубине резвились рыбешки, на секунду из воды показалась здоровая гигантская щука.

— Погодите тут, — сказал мальчик. — Я лодку достану.

Он отбежал к кустам, что росли у воды, и вскоре оттуда показался нос лодки, выдолбленной из большого ствола. Лодка была узкой и на вид неустойчивой, но мальчик сказал, что она всех выдержит, даже богатыря. Богатырь поглядел на лодку и сказал:

— А может, я вас здесь подожду?

— Боишься? — спросила Алиса.

— Не боюсь, я плавать не умею, — сказал богатырь. — В моей кольчуге я как топор на дно пойду. Жалко меня.

— А подвиги? — спросила Алиса. — Ты хотел подвиги совершать.

— А если я утону, — резонно ответил богатырь, — то и подвиги некому будет совершать. Пустое дело. Хотя, конечно, подвиги совершать имею желание.

В конце концов богатыря уговорили. Он поехал отдельно, после того как перевезли Алису с козликом. Он сидел в самой середине лодки, неподвижный, как железная статуя, зажмурив глаза, и так крепко держался за борта, что на том берегу всем вместе пришлось разгибать его пальцы, а в бортах остались глубокие вмятины.

Когда все поднялись на высокий дальний берег, Герасик показал на синеющий впереди лес и сказал:

— Вот это и будет разбойный лес. Дорога туда через луг, другой дороги нету.

— Спасибо тебе, Герасик, — сказала Алиса. — Возвращайся домой, дедушка будет волноваться.

— Домой я пока не пойду, — сказал маленький изобретатель, шмыгнув носом. — Торопиться мне некуда. Я здесь посижу, подумаю. У воды мысли лучше приходят.

— Ты это брось, — вдруг вмешался в разговор богатырь Сила. — Ты это брось, думать. Ты же не сказочный, а, можно сказать, обыкновенный человечек. Думают волшебники и колдуны. Твое дело землю пахать и лапти плести.

Сила уже отдышался, страх его пропал, да он и сам о нем позабыл.

— Иди, — сказала Алиса богатырю. — Иди вперед, мы тебя догоним.

Богатырь послушался и побрел вверх по откосу.

Алиса сказала:

— Если мы долго не будем возвращаться, ты нас не разыскивай. Ты в деревню возвращайся. Мало ли что — а вдруг нам придется дальше идти Кусандру искать?

— Хорошо, — сказал мальчик. — Я дотемна подожду и поеду обратно.

Сверху послышался тихий плач.

Прислушались — точно, кто-то плачет.

Они побежали наверх.

Там, над рекой на обрыве, не было ни одной живой души. Богатырь уже ушел далеко к лесу.

— Я знаю, кто плачет, — сказал Герасик.

Он показал на яблоню, усыпанную тяжелыми плодами. Ветки ее согнулись под тяжестью яблок почти до самой земли.

— Странно, — сказала Алиса. — Еще только май месяц, а яблоки уже созрели.

— Я не знаю, что там у вас, — сказал мальчик, — но у нас лето уже кончается. Только год выдался холодный, яблоки упасть не могут. Вот яблоня и плачет.

— Ясно! — сказала Алиса. — Сказочной яблоне надо помочь. И она нам когда-нибудь поможет.

— Как хочешь, — сказал Герасик. Я в эти сказочные дела не вмешиваюсь. Я сегодня яблоню потрясу, а завтра меня за это какая-нибудь ведьма заколдует.

Но Алиса подошла к плачущей яблоне и как следует потрясла ее ствол. Яблоки покатились на землю.

— Еще, — прошептала яблоня с наслаждением, расправляя ветви. — Еще, моя дорогая!

Козлик разбежался и со всего размаха ударил рожками в ствол, яблоки покатились на землю с новой силой.

— Еще, — повторяла яблоня. — Еще-оо!

Герасик тем временем собирал яблоки за пазуху.

— Дома пригодятся, — сказал он.

Алиса кончила трясти яблоню, та пошевелила ветками и проворковала:

— Спасибо. При первой же возможности отплачу.

— Не стоит благодарности, — сказала Алиса.

— Ты возьми яблочко, — сказала яблоня. — Хорошие яблоки, добрые.

Алиса подобрала яблоко и надкусила его. Яблоко было кис-

лым до невозможности. Яблоня оказалась дикой, некультурной. Но Алиса, стараясь не морщиться, съела все яблоко, чтобы не обидеть яблоню. Ни одной матери нельзя говорить, что у нее неудачные дети.

Алиса ела яблоко и смотрела на мальчика Герасика.

— Ты чего задумался? — спросила она.

— Как-то раньше в голову не приходило, — сказал мальчик. — А сейчас увидел и удивился. Почему яблоки падают на землю, а не в небо? Что их притягивает?

— Как что? — удивилась Алиса. — Земля.

— А почему?

Алиса открыла было рот, чтобы объяснить мальчику законы тяготения, но козлик сильно боднул ее в ногу.

— Ты чего? — спросила Алиса.

И поняла. Нельзя подсказывать. Если мальчик сможет, пускай сам придумает этот закон, без подсказки. А если не придумает, подождем Ньютона, английского ученого, который этот закон придумает наверняка.

И, оставив мальчика в задумчивости возле сказочной дикой яблони, Алиса с козликом побежали вслед за богатырем, который остановился на опушке леса и махал мечом, тренировался.

Глава 11

В РАЗБОЙНОМ ЛЕСУ

Разбойный лес оказался еще темнее, чем тот, в котором была спрятана в дупле машина времени.

Казалось, он хранит в себе холод зимы, холод ночи, холод страшных подземных пещер.

Подлеска в нем не было. Стволы седых елей стояли, как колонны, ветви их нависали, как своды подвала, и травы никакой в нем не росло, только на черной земле, прикрытой упавшими с елей иголками, стояли кое-где бледные поганки на тонких ножках.

Скоро они увидели развалины каменного замка. Неизвестно, кто и почему решил строить замок в таком темном и пустом лесу, и неизвестно, кто и почему покинул этот замок. Как светлячки, из черных дыр светились зеленые глаза — и тоже неизвестно, чьи глаза. Ни Алиса, ни Сила подходить поближе, чтобы узнать, не захотели.

Потом они прошли мимо круглого озера. Вода в нем была странной — она ничего не отражала. Поэтому озеро казалось просто бездонной дырой. На берегу сидела лягушка в царской короне, и, когда Алиса окликнула ее и спросила, как пройти к разбойникам, лягушка ничего не ответила, прыгнула в озеро и пропала в нем, даже кругов по воде не пошло.

Но когда путникам уже казалось, что они заблудились и не выйдут отсюда, впереди послышалась песня. Песня была скучная, грубая, и пели ее грубые и скучные голоса.

Сила остановился, подумал, потянул носом и сказал:

— Похоже, разбойники. Поют плохо.

Поляна, на которой сидели разбойники, была такой же темной, как и весь лес. Так же смыкались над ней ветви вековых елей, и если бы не большой костер из толстых бревен, который горел посреди поляны, трудно было бы разобрать, что там происходит.

Хотя, в общем, ничего особенного там не происходило.

У костра спали вповалку несколько дикого и неопрятного вида разбойников, одетых как попало в украденные и отобранные вещи. На одном — роскошный бархатный камзол и лапти с золотыми шпорами, а вместо штанов — женская шелковая юбка. Другой одет в медвежью шкуру, в железные рыцарские штаны, а пятки голые. Бороды и волосы у разбойников оказались такими спутанными и длинными, что было ясно — они с детства не причесывались и не стриглись.

Три разбойника не спали. Они сидели обнявшись, раскачивались и тянули скучную песню.

На краю поляны стояла изба на больших курьих ногах, дверь в нее была открыта, оттуда спустилась по ступенькам отвратительного вида горбатая старуха с ковшом в руке. Ковш дымился. Она подошла к разбойникам и сказала:

— Нате, чайку попейте. И идите на работу. Что-то сегодня с утра человечьим духом тянет. А вы все валяетесь!

Разбойники взяли ковш, первый отхлебнул, закашлялся, потом утерся рукавом и сказал:

— Славный у тебя чаек, старуха, крепкий, кусается!

— Сама варю, сама настаиваю, — сказала Ведьма. — Ну вставайте, идите! Всю добычу прогуляли и пропили!

— Погоди, бабка, — сказал второй разбойник и отдал ей пустой ковш. — Перерыв еще не кончился. И нету никого в лесу. Всех, кого только можно, мы уже ограбили.

— Нет в жизни счастья! — закричал третий разбойник.

Алиса обернулась к козлику и сказала шепотом:

— Кусандры не видно.

— Эй! — закричал тонкий голос над головой. — К вам гости, дорогие разбойнички!

И тут же раздался такой свист, что зашатались ели, а избушка на курьих ножках сама перевернулась спиной к поляне, чтобы не слышать ужасного свиста.

Алиса зажала уши, подняла голову и увидела, что на ветке сидит очень большой Соловей, растрепанный и грязный, как все разбойники, а на шее у него золотое кольцо с рубином, видно, снял с кого-то.

— Замолчи, разбойник! — закричала на Соловья Ведьма. — Избу испугал! Чего тебе почудилось?

— Люди! — завопил Соловей и снова засвистел.

— Откуда здесь людям быть? — засмеялся разбойник. Другие разбойники от свиста начали просыпаться, ругались, что не дают поспать. — Кто сюда сунется, кто сюда дорогу найдет?

Алиса решила, что прятаться поздно. Она велела козлику и Силе подождать ее, а сама вышла на поляну к костру и сказала:

— Я сюда сунулась. Мне поговорить с вами надо.

От изумления разбойники онемели, а Ведьма даже села на землю.

— Не бойтесь, — сказала Алиса. — Я у вас спрошу и уйду.

— Девочка, — сказал один из разбойников. — Живая.

— Дура, — сказал другой разбойник. — Мы же тебя ограбим!

— У меня нечего взять, — сказала Алиса. — Хотите, проверьте.

Разбойники повалились на землю от хохота.

— Доверяем, но проверяем, — сказал, отсмеявшись, их Атаман с черной повязкой на правом глазу. — А ну, выкладывай, с чем пришла, смелая кроха, а то скучно.

— Скучно, — повторили разбойники.

— Я ищу волшебника Кусандру, — сказала Алиса. — Вы такого не видели?

— Кого-кого?

— Кусандру. Может, он настоящий волшебник, а может, просто самозванец, но он заколдовал моего брата.

— Кусандра-то? Заколдовал? — сказала Ведьма. — Ну, ты меня рассмешила. Никакой он не волшебник, и заколдовать он никого не умеет. Это я тебе точно говорю.

— И все-таки заколдовал, — сказала Алиса. — Поглядите.

Козлик выбежал на поляну и встал рядом с Алисой.

За ним вышел богатырь Сила.

Разбойники вскочили, схватились за оружие.

— Не бойтесь, — сказала Алиса.

— Мы никого не боимся, — сказал Атаман разбойников. — Кто из них заколдованный?

— Козлик, — сказала Алиса. — Кусандра дал ему из какой-то лужи напиться.

— Ну, это еще не волшебник, — сказал Атаман, — если воду подсовывает. Не ищи ты Кусандру, не поможет он тебе.

— Но я хотела с ним поговорить, — сказала Алиса. — К тому же он украл у нас Курочку Рябу.

— Украл? Не может быть, — сказал Атаман. А остальные разбойники почему-то снова рассмеялись.

Тем временем Баба-яга подошла к Алисе, погладила ее по щеке и проскрипела:

— Ах ты, какая гладенькая да красивенькая, человечьим духом пахнешь, вкусная будешь.

— Бабка! — прикрикнул на нее Атаман разбойников. — Ты эти штучки брось! Человек к нам по делу пришел, без страха, доверился, а ты уже ее готова на лопату и в печь!

— А я чего? — Бабка сразу отпрыгнула от Алисы. — Я только сказала.

— Горе мое, горе! — послышался новый голос. — Я сплю, а тут люди. Где здесь люди?

Из кустов поднялся разбойник в два человеческих роста, заросший бородой до колен — лица не видно. Он распахнул, зевая, такой огромный рот, какого Алисе вообще видеть у людей не приходилось, да что у людей — у бегемота такого рта не бывает.

— Почему не разбудили вовремя? — спросил этот страшный человек. — Подавайте сюда людей!

— Вот видите, — сказала Ведьма, — господин Людоед тоже беспокоится.

— Садись, Людоед, успокойся, — сказал Атаман. Он, видно, и в самом деле был отважным разбойником. Не испугался Людоеда. — Ты не на работе.

— Жан! — раздался тут громкий крик богатыря Силы. — Как ты изменился! Тысячу лет тебя не видел.

Людоед оглянулся и тоже узнал богатыря.

— Сила! — воскликнул он. — Сила Пудович! Какими судьбами?

Богатырь и Людоед обнялись так, что захрустели кости, потом сели рядом у костра.

«Ну и хорошо, — подумала Алиса. — По крайней мере, этот Людоед о нас забыл. А с Ведьмой мы как-нибудь справимся. Надо отсюда поскорей убираться. Не место здесь нормальному человеку».

— Как ты? — спрашивает Людоед, хлопая Силу по колену. — Как наши? Как Илья Муромец? Как Самсон Семенович? Как Алеша? Роланд как? Как благородный Ланцелот? Зигфрида давно не видел?

— Долго рассказывать, — отвечал Сила. — Кто жив, кто погиб в честном бою, кого волшебники погубили... все по-разному. С Ильей Муромцем дня два назад встретились. Он как раз дракона свалил. Крупный был дракон, девять голов.

— А Руслан? Русланчик жив? А как Тариэль? Автандил, его дружок, как? Ты-то сам как?

— Погоди, — сказал Сила. — Про меня все ясно. Я по-прежнему подвигов ищу, слабых защищаю, принцесс освобождаю, славу добываю. А ты чего здесь делаешь? Почему в таком виде? Почему без доспехов и доброго коня? Ты же один из самых сильных был, Жан!

— Ушел я из рыцарей, — сказал Людоед. — Устал по полям и лесам гоняться. Решил отдохнуть. Считай, на пенсии я.

— Может, тебе есть нечего? Может, обеднел ты? Мы тебе всегда поможем.

— Все у меня есть... живу зажиточно, тихо... только скучаю.

Разбойники прислушивались к разговору двух силачей.

— Чем же занимаешься? Чего в гости не зовешь? — спросил Сила.

— В людоеды я подался, — сказал его старый приятель. — Людоедствуем помаленьку.

— Не понял, — сказал Сила, который большим умом не отличался.

— Камень на перекрестке видел? — спросил Людоед.

— Видал, — сказал Сила. — Лучше бы мне его и не видеть. Я в ту сторону пошел, где написано, что коня потеряешь. И потерял. Безлошадный я теперь.

— Ну вот, а пошел бы ты туда, где жизнь потеряешь, меня бы

встретил. Там у меня засада. Какой путник рискнет, пойдет по той дороге, или если неграмотный попадется. Я их и ем.

— Постой, постой. А если бы я пошел?

— Пришлось бы и тебя съесть.

— Не понимаю я тебя, Жан, — сказал Сила, — как можно меня съесть, если я твой старый друг, если мы с тобой вместе принцесс освобождали и драконов резали?

— Ну что поделаешь, — сказал Людоед. — Такая у меня работа. Да ты не отодвигайся, не бойся, сейчас я отдыхаю, сейчас я не на работе. Я с тех, кого съел, одежонку снимаю, несу к разбойникам. Им отдаю. А Бабушка-яга мне зеленого зелья дает.

— Даю, миленький, — сказала Ведьма, — как же не дать хорошему человеку.

— Но ведь это подло! — закричал тут Сила и вскочил. — Как так можно? Ты что, и прохожих лопаешь, и мирных лиц?

— Приходится, Силушка, — сказал печально Людоед. — Иногда даже жалко их, невинных. Но приходится. А так работа тихая, спокойная...

— Защищайся, подлец! — закричал тут Сила. — Я не позволю тебе позорить славное богатырское звание! Лучше погибну с тобой в честном бою!

— А вот этого делать не надо, — сказал Людоед и, отпрыгнув в сторону, спрятался за дерево.

Меч Силы, сверкнув в воздухе, вонзился в ствол.

— Погоди! — кричал из-за дерева Людоед. — Я же боевую форму потерял, я же давно боевого оружия в руки не брал! Нельзя меня убивать! Я долг исполняю! Я не хотел!..

— Нет уж, — ответил Сила, вытаскивая меч из дерева. — Мы этого уже наслушались! Нам это уже Великан-коноед говорил. Значит, если у тебя должность такая, можно подлецом быть и даже людоедом? Не выйдет! На любой должности богатырь должен богатырем оставаться!

— Пощади! — кричал Людоед, убегая от Силы. И всем было ясно, что Людоед, конечно, сильнее богатыря, но на людоедской должности он обленился, растолстел и, главное, потерял смелость, без которой против рыцаря не устоять.

Но когда Людоед понял, что ему грозит бесславная смерть, он взмолился:

— Разбойники, спасите! Остановите его! Он же отсталый, он ничего не понимает! Я же вам добро приносил, с вами водку пил!

Разбойники только улыбались в усы и в бороды, но помогать Людоеду не стали. Может быть, боялись Силу, а может быть, не жалели Людоеда.

Баба-яга тоже Людоеду не помогала, но уселась на ступеньках своей избушки и оттуда сочувствовала:

— Да что ж за напасть на тебя такая? И за что невинного труженика преследуют? И чем это его труд хуже любого другого?

Наконец, совсем перепугавшись, Людоед подпрыгнул и уцепился за толстый сук дерева. Сила догнал его и вонзил в него сзади конец меча. Страшно взвизгнув, Людоед буквально взлетел выше.

— Выкуп! — взмолился Людоед. — Любой выкуп. По закону рыцарей, если ты сдался, то можно откупиться!

— Чем же ты откупишься, живой мертвец? — закричал Сила. — Колечками, которые содрал с убитых тобою вдов и сироток?

— Нет! У меня есть вещи и получше! Только перестань меня колоть.

— Ну, показывай, — сказал Сила, отступив на шаг, но не опуская меча.

Людоед достал из кармана золотое куриное яйцо и показал Силе.

— Дай-ка, — сказал богатырь.

— Только на время. Пока оно не твое. Ты правила рыцарской чести знаешь, — сказал Людоед.

— Правила чести? Не тебе о них говорить, — сказал Сила и подкинул яйцо на руке. — Что-то легкое. Наверное, позолоченное. И ты хочешь за него свою паршивую жизнь купить?

Козлик боднул Алису в колено.

— Вижу, — сказала она. — Конечно, вижу. Неужели Людоед Кусандру съел?

Алиса подбежала к Силе и сказала:

— Отойдем на секунду. Дело есть.

— Яйцо! Яйцо не унесите! — крикнул Людоед. Сила только отмахнулся. Они отошли с Алисой к кустам на краю поляны.

— Это яйцо украл у нас негодяй Кусандра, — сказала Алиса. — Ты понимаешь?

— Нет, — сказал Сила. — Но если тебе нужно, возьми, я не жадный.

— Мне не яйцо нужно! — прошептала Алиса. — Мне нужно найти Кусандру. Он же козлика заколдовал и убежал.

— Понял, — сказал Сила. — Сейчас сделаем.

Сила повернулся и огляделся. Людоеда и след простыл.

— Где Людоед? — спросил он. — Где он прячется? Не сознаетесь, всех разгоню.

— Ты нас не пугай, — сказал Атаман. — Думаешь, первый раз богатыря видим? Сам начал драку, сам и кончай.

— Далеко ему не убежать, — сказал Сила. — Прячется...

Тут козлик побежал через поляну к избушке Бабы-яги.

Он не стал подниматься по лестнице, а заглянул под дом и громко заблеял. И тут же из-под дома показалась ножища в сапоге и брыкнула так, что козлик отлетел в сторону.

— Ах вот ты где? — разгневался Сила. — Со мной драться не хочешь, а на маленьких нападешь? Ну-ка, вылезай!

Людоед вылез из-под избы и сказал:

— Мы же с тобой квиты. Ты яйцо взял.

— Нет, яйцом ты не отделаешься, — сказал богатырь. — Ты мне скажи, откуда оно к тебе попало.

— Нашел, — сказал Людоед быстро. Так быстро, что Алиса сразу поняла, что Людоед говорит неправду. Даже Сила это понял.

— Где нашел? — спросил богатырь грозно.

— В лесу. На дороге.

— Так и лежало? — спросил Сила и начал помахивать мечом. Все ближе к бороде Людоеда.

— Лежало! Лежало! — крикнул Людоед. — Не бежало же! Конечно, лежало.

— А может, ты его в чужом кармане нашел? — спросил Сила и, ловко взмахнув мечом, отхватил клок от бороды Людоеда. — Давно ты у брадобрея не был, — сказал Сила. — Придется тебе бороду подровнять.

— Ой! — Людоед схватился за остатки бороды. — Ты с ума сошел! Меня же никто бояться не будет!

— Это даже к лучшему. Тебя не бояться нужно, а уничтожать, — сказал Сила. — Сознавайся!

— Я его не ел! — закричал Людоед. — На нем мяса ни кусочка нету.

— Он видел Кусандру! — закричала Алиса. — Он его видел!

— Никого я не видел, — сказал Людоед. — Я глаза закрыл.

— Где Кусандра? — спросил Сила, и его меч снова взвился в воздух.

— Не знаю! — сказал Людоед. — Я его отпустил. А что с ним потом было, пусть разбойники расскажут. Я его отпустил, а потом его разбойники встретили.

— Это правда? — спросил Сила у разбойников.

— Чего правда? — спросил Атаман.

— Вы видели Кусандру?

— Приходил такой, — сказал Атаман. — Предлагал нам союз и дружбу, говорил, что вместе с нами весь мир покорит. Подкупить нас хотел.

Тут разбойники, которые оказались смешливым народом, повытаскивали из карманов и из-за пазухи золотые яйца и принялись их подкидывать, крутить, катать по земле, и поляна засверкала золотыми искрами.

Ведьма прыгала на порожке избы и причитала:

— Не уроните!

— Где Кусандра?! — закричала Алиса. — Вы же знаете, где он!

Как по колдовству, все яйца тут же исчезли, смех прекратился, и разбойники обратили к Алисе совершенно серьезные физиономии.

— Вы о ком, девочка? — вежливо спросил Атаман.

— Но я сама только что видела золотые яйца.

— Она видела яйца? — удивился Атаман. — Но я не видел.

— И я не видела! — крикнула Ведьма.

— И мы не видели, — сказали разбойники.

— Сила! — взмолилась Алиса. — Подтверди.

— Они, видно, меня за дурака считают, — рассердился богатырь.

Он обернулся к разбойникам и так грозно посмотрел на них, что они стали хвататься за кинжалы и палицы и подниматься на ноги, понимая, что теперь не до шуток.

И неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы на поляну не ворвался молодой разбойник с криком:

— Скорей, скорей! Там дракон напал на купеческий караван! Он их сейчас растерзает, а добыча наша!

Разбойники тут же забыли о богатыре и Алисе.

— Добыча! — завопили они.

И толпой побежали вслед за вестником, под свист Соловья-Разбойника.

— Дракон? — сказал Сила. — А у меня нет коня! Полцарства за коня!

Но никто его не слышал.

— Эй! — сказал Сила. — Придется идти на подвиг пешком.

— Погоди, Сила, — сказала Алиса. — Мы же не нашли Кусандру.

— Ничего ты не понимаешь, — ответил богатырь. — Ты не создана для подвигов.

Богатырь с размаху кинул золотое яйцо в Людоеда. Яйцо разбилось, и по лицу Людоеда потек желток. А богатырь, ломая кусты, бросился в чащу вслед за разбойниками.

На поляне наступила тишина. Только слышались стоны Людоеда, который сидел на траве, обхватив руками мохнатую голову.

— Ну вот, Иван Иванович, — сказала Алиса. — Не надо было нам надеяться на Силу. Что теперь будем делать?

Глава 12

ВСТРЕЧА С КУСАНДРОЙ

— Девочка, а девочка, Аленушка, а Аленушка, — услышала Алиса ласковый голос. — Ты кого ищешь? Кусандру?

Рядом стояла Ведьма, один длинный зуб достает до подбородка, другой — до кончика длинного носа. Глазки маленькие, черные как уголь, платочек на голове, лицо в морщинках, как печеное яблочко. И улыбается.

— Да, бабушка, — сказала Алиса. — Мы его ищем. А вы знаете, где Кусандра?

— Знаю, милая, знаю. Позолоти мне ручку, тогда скажу.

— Вы не обманете?

— У нас все честно, как в аптеке. Неужто у тебя никаких ценностей нет?

— У меня есть бусы, — сказала Алиса, — и слиток золота. Что хотите, то и возьмите.

— Давай тогда все, — сказала Ведьма. — Все давай. И бусы и золото. Ты хорошая девочка, я тебе за это все покажу.

Алиса расстегнула сумку и достала оттуда слиток золота, который взяла в школьном музее, и пригоршню бус.

Ведьма протянула к ней костлявые руки, которые даже тряслись от жадности, схватила все вещи и засунула себе за пазуху.

— Вот и все, — сказала она. — Что было, того нету.

Она поняла, что Алиса боится, как бы ее не обманули, и добавила с улыбкой:

— Ты не бойся, у нас как в аптеке, пойдем, я тебе покажу, где твой любимый Кусандра. И козлика с собой бери, чего ему здесь на поляне ошиваться. А то еще Людоед в себя придет и скушает твоего братца.

Ведьма поднялась по широкой лестнице в избушку и поманила Алису за собой.

— Не бойся, — сказала она. — Никто тебя не съест.

— Я не боюсь, — сказала Алиса и пошла за Ведьмой.

В избе было душно, но холодно. В очаге светились угли. По стенам висели какие-то веники и пучки трав, на полке среди глиняной посуды сидела худая черная кошка, сверкая желтыми глазами, на столе стоял котел, в котором булькало какое-то варево и шел пар, хотя огня под ним не было.

— Тебе нужен Кусандра? — спросила Ведьма.

— Да.

Ведьма сразу перестала улыбаться. Она щелкнула языком, и черная кошка соскочила с полки, прыгнула к двери. Захлопнула ее и закрыла на висячий замок, а ключ кинула старухе. Та поймала его на лету и сказала:

— Лучше не рисковать. Не дрожи, девочка, не дрожи, козлик. Чего вы хотели, то и получите.

— Правильно, — раздался знакомый голос. — С ними иначе нельзя.

И, широко улыбаясь, показывая все свои сорок золотых зубов, из-за печки вышел Кусандра в черном пальто, шляпе и темных очках.

— Пришли, голубчики? — сказал он. — Присаживайтесь, не стесняйтесь. И вы, Иван Иванович, и ты, Алиса Селезнева. Здесь все свои, секретов у нас нету.

Алиса присмотрелась и увидела, что пальто Кусандры спереди разорвано, а на щеке большой синяк. «Нет, он не волшебник, — подумала Алиса. — Волшебник такого бы не допустил».

— Зачем пожаловали? — спросил Кусандра. — Зачем вы преследуете меня в моей легендарной эпохе?

— Сами знаете зачем, — сказала Алиса. — Вы унесли Курочку

Рябу и забыли расколдовать директора заповедника, который вам не сделал ничего дурного.

— И ты думаешь, что я сейчас раскаюсь? Ошибаешься, девочка, ошибаешься, крошечка, ошибаешься, несмышленыш. Нет у меня золотых яиц, нет у меня Курочки Рябы, нет у меня и колдовской силы. Я бы мог сейчас тебе наврать с три короба, но зачем? Моя сестра не даст соврать. Не повезло мне.

— Ох и не повезло моему братцу Кусандре, ох и не повезло! — воскликнула Баба-яга. — Такой он хороший, талантливый, добрый, о людях заботится, карьеру делает, а все ему мешают, палки под ноги ставят.

— Правильно, — сказал Кусандра печально. — Ставят. И этот вот, козлик, тоже ставил. Держал меня в заповеднике на мелкой должности, укорял, упрекал, чуть не погубил.

— Ай как нехорошо, — сказала Ведьма. — Ты мне отдашь его потом?

— Отдам, конечно, отдам, дорогая сестрица, — сказал Кусандра. — Всех бери. И девочку можешь взять, мне не хочется, чтобы она в свой двадцать первый век возвращалась, лживые сказки о нас с тобой рассказывала.

Ведьма очень обрадовалась. Она даже ущипнула Алису и захихикала:

— Ой какая ладная да вкусная, какая нежная да здоровая! Она у меня в судомойках послужит, кухарить будет, за скотиной ходить, а потом придумаем, какой ей конец уготовить! Сварим или поджарим.

— Я вас не боюсь, — сказала Алиса. — И не думайте, что, если мы с Иваном Ивановичем исчезнем, нас не будут искать. Еще как будут.

— Пускай ищут, — ухмыльнулся Кусандра. — Им вовек ваших косточек не отыскать.

— И не только мой отец будет искать, — сказала Алиса. — Наш друг волшебник Оох тоже будет искать.

— Пускай ищет, — сказал Кусандра. — Чайку не хотите?

— Ничего мы не хотим от вас, — ответила Алиса. — Где Курочка Ряба?

— Погибла, — вздохнул Кусандра. — Я к своей сестрице спешил, по опасной дороге пошел. Людоеда-то я обманул, одним золотым яичком от него откупился, да не знал я, что разбойники сюда перекочевали, присоединились к моей любимой сестрице.

— А мне от этого прямая выгода, — сказала сестрица. — Они мне награбленное продают, а я им зелье варю, все довольны.

— Все-то довольны, а я пострадал.

— Не надо было спешить, — сказала Ведьма. — Ночи бы дождался. А то выходит на поляну, подай, говорит, сюда Ведьму, я, говорит, знаменитый волшебник Кусандра! Дурак ты, а не волшебник. Говорили тебе: учись, учись, самый главный злой колдун согласился тебе опыт передать. А ты что делал? Баклуши бил, по лесам бегал, крестьянских девок пугал, а теперь — волшебник! Думаешь, если в Москве побывал, в двадцать первом веке пожил, так уж и волшебник! Не то важно, где живешь, а то важно, что делаешь!

— Не говори глупостей, сестра! — рассердился Кусандра. — Я там заповедником руководил, сто зверей под началом, бюджет имел, кредит, дебет и дефицит, все мое было, из города Тимбукту ко мне поклониться приезжали. Если бы не эта пигалица, сейчас бы уже здесь королем был. Ненавижу!

Кусандра протянул к Алисе свои костлявые руки, словно хотел ее задушить. Алиса отпрыгнула в сторону, чуть не опрокинув котел. Ведьма метнулась к котлу, обняла его и закричала:

— Не смей! Это же зелье алкогольное, крепостью в двести градусов, видишь, дымится? Я на него сегодня у разбойников всю их добычу выменяю!

— Ты мои золотые яйца выменяй! — сказал Кусандра. — Мне же надо царство свое основывать!

— Про яйца не знаю, — проворчала Ведьма. — Если и добуду, то себе возьму. У меня тоже расходы большие, мне тоже золотишко нужно, вот надвинется ледник, надо будет уезжать отсюда, а кому я без золота нужна? Кто меня за мою божественную красоту полюбит? Вот лет пятьсот назад, когда я была красавицей...

— Ах, какая чепуха, сестрица! — сказал Кусандра. — Ты никогда не была красавицей.

— Я? Не была?

Ведьма подковыляла к полке, взяла оттуда засиженный мухами портрет молодой женщины с длинным носом и зубами, которые не помещались во рту, а торчали наружу, и запричитала, разглядывая его:

— Какая красота несказанная! Принцы и короли у моих ног толклись, ходить трудно было: куда ни ступишь — поклонник ва-

ляется. На дуэлях дрались, в засадах друг дружку подсиживали, рыцари за меня сражались, драконов из-за меня было убито видимо-невидимо... ах, какая я была красавица!

Ведьма принялась целовать портрет и обливать его слезами.

— Не верьте ей, — сказал Кусандра. — Врет она все. Я думаю, она сама подговорила разбойников меня ограбить. Откуда им догадаться, что у меня в мешке золотые яйца?

— Людоед им сказал, — ответила Ведьма. — Людоед.

— А Курочку Рябу зачем им отдала?

— Сам дурак — начал их стращать и угрожать, они и озлились. Разбойники наши не любят, когда их стращают. Ты зачем стал курочкой хвастаться?

— Ой, и не говори! — Кусандра схватился за щеки, словно у него заболели сразу все зубы.

— А что дальше было? — спросила Алиса.

— Что? Кусандра увидел, что разбойники его не слушают, и закричал, что и без них снова разбогатеет, Курочка Ряба поможет. Разбойники схватили Курочку и сразу ее разрезали — думали, что в ней много яиц лежит, а там одно только было, обыкновенное, маленькое, не золотое. Съели они тогда Курочку, бульон из нее сделали.

Кусандра завыл от горя.

— Безобразие, — сказала Алиса. — Вы не только все испортили, но и курочку загубили. Наверное, последнюю Курочку Рабу на свете.

— Последнюю, милая, последнюю, — согласилась Ведьма. — Невезучий у меня братец. Да ладно, чего время терять, помоги мне, посадим козлика на лопату — и в печку, хороший ужин у нас будет.

— И не смейте даже так думать! — возмутилась Алиса.

— А кого мне бояться? Тебя, что ли?

— Меня. Если вы нам поможете, я из будущего вам сколько хотите золота привезу. Мы его из морской воды добываем, оно дешевле алюминия.

— Алюминия не знаю, — сказала Ведьма. — А как я тебе поверю?

— Удивительное дело, — сказала Алиса. — Почему-то все обманщики думают, что остальные тоже обманщики. А это неверно. Обманщиков совсем немного на свете. Я вам слово дам.

— Какое слово дашь?

— Честное слово. Я никогда еще честного слова не нарушала.

— Мало, — сказала Ведьма. — Я вот свое честное слово каждый день нарушаю. И хоть бы что, живу. Давай иначе договоримся. Ты козлика мне оставишь, а сама к себе пойдешь. Принесешь мне золота целый мешок, отдам тебе козлика.

— А Кусандра козлика расколдует?

— Как бы не так! Он же не волшебник. Он лужу в лесу нашел. Зовется она Козлиным Копытцем. Он из той лужи черпнул и с собой взял. А как обратно расколдовать, он и не знает. Это я вам точно говорю. Тут настоящий волшебник нужен.

— Это правда? — спросила Алиса.

— Эй... — поежился Кусандра. — Ну, в общих чертах — да. Конечно, если бы я этим хотел всерьез заняться...

— Не слушай ты его, — сказала Ведьма.

— Ты думаешь, это правда? — спросила Алиса у козлика.

Козлик печально кивнул.

— Тогда нам с вами больше делать нечего, — сказала Алиса. — Пойдем искать настоящего волшебника.

— Нет, — оскалилась Ведьма. — Ты сперва принеси золото. А твой козлик у меня поживет. Только скорей, одна нога здесь, другая там. А то не утерплю — съем.

— Без козлика я никуда не уйду, — сказала Алиса.

— Не уйдешь, оба останетесь здесь, — сказала Ведьма. — Я реалистка. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Алиса оглянулась. Бежать некуда. Окна узенькие, не протиснешься, дверь заперта, у порога сидит кошка, улыбается в усы, светит желтыми глазами, Кусандра стоит, скрестив руки на груди, радуется. Хоть плачь. А плакать нельзя — нельзя людям двадцать первого века в древней эпохе плакать.

Вдруг раздался громкий стук в дверь.

— Кто там? — спросила старуха. — Чего надо?

— Это я, Людоед, — ответил густой бас. — Мне на пост возвращаться пора.

— Ну и возвращайся, нам не мешай.

— Переволновался я, — сказал Людоед. — Подкрепиться требуется.

— А я при чем?

— Зелья зеленого дай! Ноги не держат.

— Нету у меня зелья, не перебродило еще, — сказала старуха. — Иди своей дорогой.

— Ты со мной не шути. — Голос Людоеда стал грозным. — Я твой дом одним пальцем развалю, ты меня не презирай. Думаешь, если мы со старым товарищем богатырем Силой повздорили, то каждая подколодная нечисть мне указывать будет? Не надейся. Сейчас я тебе покажу!

Тяжелый удар по двери заставил весь дом пошатнуться.

— Открой ему, дай чего-нибудь, — быстро сказал Кусандра. — Разве ты не понимаешь, что он сейчас на тебе отыграется? Так всегда с подлецами бывает. Они на слабых свою злость срывают, а перед сильными заискивают. По себе знаю.

— Сейчас, мой хорошенький, мой Людоедик, — засуетилась Баба-яга. — Рада я тебя угостить, да зелье еще не готово.

— Молчи, старуха, — сказал злобно Людоед. — Не верю я тебе. Чего крутишь, признавайся! Неужели одной кружки не найдешь?

— Кружечка бы нашлась, да за нее Атаман уже уплатил. Я Атамана опасаюсь, бессовестный он, разбойник, меня не пожалеет, если ему кружку эту не оставлю.

— Сколько он тебе заплатил, старая? — спросил Людоед.

— Немного заплатил. Всего одно золотое яичко, и то куриное.

— Это за одну-то кружку?

— За одну, милый, за одну. Другой-то нету.

— А если я тебе золотое яйцо дам? — спросил Людоед. — Ты мне эту кружку отдашь?

Старуха расплылась в улыбке — зубы наружу, перехитрила Людоеда.

— Уж и не знаю, — сказала она медовым голосом. — Уж и не знаю, как на это дело Атаман посмотрит.

— А это твое дело. Давай кружку!

— Только из жалости, из любви к тебе, драгоценный! — сказала старуха и зачерпнула кружкой из большого котла.

«Вот лживая старуха, — подумала Алиса. — Даже смотреть противно. И все за золото!»

Старуха понесла кружку к двери, достала из-за пазухи ключ, вставила в замок, ключ повернулся, старуха вынула его и передала кошке, которая встала на задние лапы.

Дверь приоткрылась. В ней виднелось красное лицо Людоеда с неровно обкромсанной бородой.

Людоед протянул руки, но старуха отдернула кружку:

— Плата вперед!

— Ах ты, выжига! — выругался Людоед, но яйцо все-таки вытащил и кинул в избу, яйцо покатилось по полу, Кусандра быстро наклонился и подхватил его.

— Ты куда? — крикнула старуха. — Не прячь!

— Давай сюда кружку! — зарычал Людоед.

— Держи, — сказала старуха, сунула ему кружку в руки, а сама кинулась обратно, к своему братцу Кусандре. — Где яйцо? Отдай немедленно! — визжала она.

— Какое яйцо? — удивился Кусандра. — Тут было яйцо?

Кошка, что стояла у двери, бросила на пол ключ, прыгнула на стол, оттуда на полку, с полки — Кусандре на голову и вцепилась в шляпу.

Ведьма рвала и терзала Кусандру, и такой поднялся шум, что Людоед зажмурился и отпрянул от избушки.

Алиса поняла: сейчас или никогда!

— Иван! — крикнула она и бросилась к двери.

Хорошо, что козлик был доктором наук и очень сообразительным человеком, он уже несся к двери. Вслед за Алисой он скатился по ступенькам на землю.

Еще через секунду они уже бежали к лесу.

Людоед допил кружку, крякнул и крикнул им вслед:

— Стойте! Вы же закуска! — И он потопал за козликом и Алисой.

А сзади уже неслись вопли Кусандры и Ведьмы:

— Где они? Держите их!

Алиса обернулась и увидала, что из избушки выскочил Кусандра, за ним кошка, а потом оттуда вылетела Ведьма верхом на метле.

Глава 13

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Козлик несся впереди, показывая дорогу через лес, Алиса за ним, а вслед гремел свист Соловья-разбойника: «Держжжи! Труляляяяяля!»

Свист заглушал топот преследователей, лишь земля немного дрожала от тяжелой поступи Людоеда.

Алиса представила себе, что бежит стометровку на первенство

школы, но стометровку бежать было трудно, потому что получался слалом с препятствиями — все время приходилось прыгать через корни деревьев да огибать стволы.

Топот Людоеда доносился все громче, свист Соловья — слабее, а лес не кончался. Где же спасительная река? Ждет ли их задумчивый Герасик или не дождался и уплыл?

Впереди показался просвет, вот и последние деревья — за ними поляна у реки. Алиса припустила во весь дух, но поняла, что до речки не добежать, потому что из-за леса вылетела Ведьма на метле и начала снижаться.

Между рекой и Алисой оставалась лишь яблоня. Когда Алиса пробегала мимо, яблоня окликнула ее:

— Скорей ко мне!

Алиса заколебалась, но козлик, который, как ученый, был куда опытнее в здешних обычаях, прыгнул к яблоне и исчез из глаз в густой листве. Алиса последовала примеру Ивана Ивановича, и ветви яблони шевельнулись, сдвигаясь, чтобы надежнее скрыть беглецов.

Алиса старалась дышать тихо и медленно, но дыхание рвалось из груди часто и громко. Рядом мелко дрожал теплый козлик. В тени яблоневой листвы было тихо и даже уютно.

Слышны были тяжелые шаги Людоеда, который топал поблизости, никак не мог сообразить, куда подевались беглецы. Потом со свистом опустилась рядом метла Ведьмы, мяукнула кошка, и сварливый голос Кусандры произнес:

— Куда они могли задеваться? Сквозь землю провалились?

— Нет, — ответила его сестрица. — Это чьи-то злые шутки. Может, они под яблоней?

Яблоня зашуршала ветвями:

— Ничего у тебя не выйдет, Ведьма.

— Так я и знала! — закричала Баба-яга, и сквозь листву Алиса увидела, что Ведьма ломится к ней. Но гибкие ветки яблони смыкались все туже, а когда Кусандра с Людоедом тоже начали пробиваться к Алисе, яблоня принялась стегать их ветвями, да так умело и больно, что они с воплями отскочили в сторону.

Три раза они пытались достать Алису и козлика, и три раза яблоня их отгоняла.

Тогда Людоед взревел:

— Надо будет ее срубить.

— Правильно! — воскликнул Кусандра. — Мы ее срубим! Давай топор.

— У меня нет топора, — сказал Людоед, — что я, дровосек, что ли?

— Сестрица, — сказал Кусандра, — слетай за топором.

Ведьма начала было ругаться, что все трудные дела достаются ей, но потом влезла верхом на метлу, кошка прыгнула сзади, и они со свистом полетели к лесу.

Людоед и Кусандра уселись возле яблони сторожить.

Яблоня вздохнула и прошелестела:

— Плохо мое дело. Срубят меня.

— Тогда нам надо бежать, — сказала Алиса.

— Поймают вас, — сказала яблоня.

— Но сидеть и ждать, пока тебя срубят, еще хуже.

И тут она услышала, как Людоед спрашивает Кусандру:

— Золотое яйцо у тебя?

— Нет у меня золотого яйца, — ответил Кусандра.

— Покажи карманы, — сказал Людоед.

— Не покажу, — сказал Кусандра. — Ты все равно уже зелье выпил.

— А я еще хочу, — сказал Людоед. — А без яйца старуха не даст. Жадная она.

— Очень жадная, — согласился Кусандра.

— Давай яйцо, — сказал Людоед.

Алиса увидела, как Людоед потянулся к Кусандре, а тот отскочил в сторону. Они пошли вокруг яблони — Людоед тянул вперед свои лапы, а старик в черном пальто и темных очках отступал и увертывался. Вот они обогнули яблоню, и дорога к реке освободилась.

— Скорей, — сказала яблоня.

Она развела ветви, козлик с Алисой выскочили и побежали к реке.

Может, они добежали бы незамеченными до воды, но вдруг сверху послышался крик:

— Какая встреча! Вы куда так быстро бежите? Нет, не успеете!

Надо же быть такому невезению! Над ними кружилась глупая белая ворона Дурында.

— Догонят вас! Обязательно догонят!

Алиса отмахнулась от глупой птицы, но было поздно.

— Убежали! — завопил Людоед. — Все из-за тебя!

И он громадными прыжками понесся за Алисой.

За ним Кусандра.

Вот близко река. Вот и лодка у берега. А в лодке стоит задумчивый Герасик.

— Герасик!

Но не добежать... слишком близко Людоед.

«Вззжжжик!» — что-то маленькое пролетело рядом с Алисой, и тут же раздался вопль Людоеда:

— Меня убили!

Людоед со всего размаха упал на спину. Кусандра налетел на него и покатился по траве.

Этой задержки было достаточно, чтобы Алиса с козликом вскочили в лодку, а мальчик оттолкнул ее от берега.

Лодка закачалась на воде, и ее подхватило течением.

— Я думала, что мы уже не убежим, — сказала Алиса, прижимая к себе дрожащего козлика. — Спасибо тебе, Герасик. Ты в самом деле убил Людоеда? Как ты это сделал?

— Я не убил, — засмеялся мальчик. — Сейчас он очухается.

— А что же ты сделал?

— Я рогатку изобрел. Бьет на расстоянии. Видишь?

На дне лодки лежала большая рогатка.

— Но как же ты ее изобрел? — спросила Алиса. — У вас нет резины.

— Я не знаю, что такое резина, — сказал Герасик. — Я вырезал оружие из гибкого дерева и привязал к нему веревку.

На берегу Людоед медленно поднялся и сел. Кусандра бегал у самой воды, махал черными рукавами и зло блестел очками.

— Ах, какое приключение! — кричала Дурында. — Это хорошо не кончится!

Людоед убрал от лица руки. На лбу его была большая шишка, которая на глазах росла. Людоед ощупал шишку и сказал:

— Хватит с меня. Так жизнь потеряешь. А она у меня одна. Лучше я буду есть беззащитных путников.

— Постой! — закричал Кусандра. — А как же они?

— Да я плавать не умею, — сказал Людоед и побрел к лесу.

Мальчик стал грести к дальнему берегу.

— Ничего не вышло? — спросил он.

— Вышло, но не совсем удачно, — сказала Алиса.

— Кусандру нашли?

— Вот он, на берегу стоит. Это и есть Кусандра.

— А почему у него глаза, как у стрекозы?

— Это очки. У Кусандры разбойники все золотые яйца отобрали, а из Курочки Рябы бульон сварили.

— Он не расколдовал козлика? — спросил мальчик.

— Он не может.

— Так я и думал, — сказал мальчик. — Теперь вам куда?

— Теперь будем искать волшебника Ооха, — сказала Алиса.

Уже был близок дальний берег. Вот-вот лодка коснется тростников. Но вдруг Герасик перестал грести.

— Погоди, — сказал он. — Видишь?

Алиса ничего не увидела. Но козлик почуял опасность. Он коротко заблеял и замолк.

А птица Дурында снизилась к кустам у берега и завопила:

— Засада! Засада!

Из кустов донеслось рычание, и к берегу выскочили два волка — пасти разинуты, глаза сверкают, слюна на траву капает.

Герасик начал быстро отгребать от берега, а волки закричали:

— Нельзя! Нельзя! Так нечестно! Мы вас поймали!

Но в воду они входить боялись, поэтому с рычанием и воем носились у самой воды.

Алиса обернулась. На том берегу поджидал Кусандра. К нему спускалась на метле Ведьма, в руке у нее поблескивал топор.

Деваться было некуда.

Течение несло лодку вниз, по одному берегу за ней гнались волки, по другому припустили Ведьма и ее братец.

Глава 14

БОЙ С ДРАКОНОМ

Мальчик правил веслами, чтобы лодка не приблизилась к берегу, а Алиса стреляла из рогатки по преследователям, но ни разу не попала. Она положила рогатку на дно лодки и сказала:

— Боюсь, мы сегодня не успеем вернуться. Что у меня дома будет — страшно представить!

— Я тоже далеко от дома ушел, — сказал мальчик. — Хотя бы живым вернуться.

— Вернемся, — сказала Алиса. — Справимся.

Хотя она совершенно не представляла, как они выпутаются из этой истории, она понимала, что Герасику хуже, чем ей.

Ведьма попыталась было подняться в воздух на метле, но Алиса подняла рогатку и прицелилась. Ведьма увидела и вернулась обратно. Волки то выбегали на берег, то исчезали в кустах, а Кусандра мерно шагал по траве над водой и грозил лодке костлявым кулаком.

— Слышишь? — спросил вдруг Герасик.

— Что?

— Впереди что-то творится.

И в самом деле, оттуда доносились шум, звон, крики.

— Осторожнее греби, — сказала Алиса. — Неизвестно, что нас там ожидает.

— Здесь все неизвестно, — ответил Герасик. — Скорей бы уж наступал ледниковый период.

Река повернула, и на том берегу, где бегали Ведьма с Кусандрой, открылось большое поле. На поле громадный огнедышащий шестиглавый дракон сражался с богатырем Силой.

По одну сторону их стояли разбойники, по другую столпились люди в длинных разноцветных халатах и целое стадо верблюдов и ослов, груженных тюками и ящиками. Это был торговый караван, на который напал дракон. Если победит дракон, разбойники смогут ограбить купцов, а если победит Сила, караван сможет продолжать свой путь. Поэтому разбойники криками и свистом поддерживали дракона, болели за него, а караванщики очень переживали за Силу.

— Нам туда! — сказала Алиса.

— Нельзя, — возразил Герасик. — Нас Кусандра с Ведьмой поймают.

— Не поймают. При разбойниках и при Силе не посмеют. Они же трусливые.

Мальчик нехотя подчинился Алисе.

— Может, все-таки дальше поплывем? — спросил он, поворачивая к берегу.

— Сколько же нам плыть? — спросила Алиса. — Три дня? Пока не устанем и не заснем? Пока лодку к берегу не прибьет — к волчьему или ведьминому?

Ведьма с Кусандрой, совсем оглупевшие от злости, поджидали их на берегу.

— Иди сюда, моя ласточка! — закричала Баба-яга, увидев, что Алиса хочет сойти на берег. — Я тебя жду.

— Погодите! — ответила строго Алиса. — Разве вы не видите, что мой друг сражается с драконом?

— Вот пока он сражается, мы вас и схватим, — сказал Кусандра.

На другом берегу завыли волки. Они жалели, что упустили добычу.

Ведьма с Кусандрой уже тянули руки к Алисе, и тогда Алиса закричала:

— Атаман! Сила! Это нечестно! Они хотят нас схватить!

— Что такое? — Сила услышал голос Алисы и повернулся к ней: — А ну, руки прочь от моих друзей!

Атаман разбойников тоже обернулся.

— Оставь девочку, — сказал он. — Это наши гости.

— А я пошутила, — засуетилась Ведьма, — я только хотела ее погладить.

— Врет, врет! — крикнула с неба птица Дурында. — Она ее съесть хотела!

Алиса, подхватив козлика, побежала вверх по склону, Герасик за ней следом.

— Погоди, Алиса! — крикнул богатырь. — Сейчас я расправлюсь с драконом и разгоню всю эту нечисть.

Ведьма и Кусандра переглянулись и тихонечко начали отступать назад.

Но богатырю дорого обошлась его забота об Алисе. Пока он смотрел на девочку, дракон подобрался к нему сзади и ударил тяжелой когтистой лапой по шлему. Богатырь ахнул и рухнул, как дерево.

— Нечестно! — закричали караванщики.

— Честно! — закричали разбойники. — Он сам отвернулся!

Богатырь Сила с трудом поднялся на ноги и отступал, отбиваясь мечом и закрываясь щитом, но всем стало ясно, что удар потряс его так, что дракон вот-вот победит.

Разбойники достали кинжалы и сабли и стали приближаться к караванщикам. Они думали, что дело сделано. Ведьма с Кусандрой потихоньку подбирались к Алисе.

Дракон выпустил огонь из всех своих ноздрей, страшно зарычал и навис над богатырем. Еще один взмах тяжелой лапы — и меч богатыря, сверкнув, отлетел в сторону.

Караванщики охнули.

Разбойники закричали:

— Вперед, дракон!

— Стойте! — крикнула тогда Алиса и бросилась прямо к дракону.

Дракон прижал богатыря лапой к земле, наставил на него пять оскаленных морд, но одну все-таки повернул к Алисе и спросил:

— Чего еще?

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Вы меня не знаете, но я вас отлично знаю. У меня к вам послание.

— Послание? — спросил дракон. — Не жду я ни от кого никакого послания.

— Не верь ей! — закричала Ведьма. — Она подружка этого Силы. Она тебя отвлекает.

— Зачем же меня отвлекать? — спросил дракон. — Я никуда не спешу. Я его хоть сейчас могу растерзать, хоть через полчаса — мне спешить некуда. Я Змей Долгожеватель, тысячу лет живу и жую.

— Конечно, — заворчал богатырь, отворачиваясь, чтобы его не обожгло из пастей дракона. — Коня моего погубили, теперь любой дракон рыцаря одолеет. Это нечестно.

— А кто тебя просил на меня нападать? Ты же не чай пить со мной хотел?

— А что делать? — спросил Сила. — Что делать, если я слышу, как ты по соседству хулиганишь? Я же должен подвиги совершать. Ты, поди, тоже караванщиков не на чай звал.

— Помолчи, — сказал дракон раздраженно. — Надоел, всю шкуру мечом исцарапал. А ты, девочка, говори мне свое послание. Только поскорее.

— Передает вам привет мой большой друг, — сказала Алиса.

— У нас с тобой общих друзей быть не может, — сказал дракон.

— Передает вам привет ваш племянник Змей Гордыныч, — сказала Алиса.

— Быть того не может, — удивился дракон. — Он же от нас уехал.

— Там, куда он уехал, я с ним и познакомилась. Просил он вам привет передать, сказал, что отыскал пропавшую без вести

вашу двоюродную племянницу Несси, которая живет в шотландском озере Лох-Несс, и племянница тоже вам передает привет.

— Быть не может! — ахнул дракон. — Какая радость!

Он повернул к Алисе все свои головы и всеми улыбался.

— И еще Змей Гордыныч сказал, что вы мне всегда поможете и, если нужно, выполните любую мою просьбу.

— Разумеется! Конечно! А как мои родственники? Как они себя чувствуют? На здоровье не жалуются?

— Они себя хорошо чувствуют. Я вам потом расскажу.

— Почему потом?

— Потому что вы сейчас заняты.

— Ах да, рассеянность! — воскликнул дракон. — Я совсем забыл. Подождите минутку, пока я растерзаю этого пешеходного богатыря.

— А попросить вас можно?

— Проси. Слово Змея Гордыныча для меня закон. Я же его на коленях качал, из соски поил — мамаша его рано скончалась, вот я и заменил ему родителей.

— Я прошу вас освободить этого рыцаря.

— Этого? Пешехода? Никогда.

— Но почему же?

— А потому, что он тебе не нужен. Кому нужен богатырь, который не смог справиться с драконом? Он же будет посмешищем!

— Неужели все богатыри с вами справлялись?

— Ни один! — гордо ответил дракон. — Иначе как бы я стал Долгожевателем?

— Значит, вы всех их растерзали?

— Ни в коем случае, — сказал дракон. — Так бы не осталось ни одного рыцаря.

— Тогда я ничего не понимаю, — призналась Алиса.

— Чего тут понимать, — ответил Змей Долгожеватель. — Все наши встречи заканчиваются вничью. Подеремся день-другой, а потом разъезжаемся. Я объявляю, что победил рыцаря, а рыцарь объявляет, что убил дракона. Мы же спортсмены, а не убийцы.

— Тогда тем более вам надо освободить рыцаря.

— Какой же он рыцарь, если без коня?

— Он не виноват. У него коня Великан съел.

— Все равно виноват. Попался мне в лапы, теперь я его растерзаю. Случай редкий, но в истории такое встречалось.

— Прав он, — сказал богатырь Сила. — Чего уж меня жалеть. Не уверен — не лезь. Без коня нам сражаться не велено. Так что я не возражаю.

Тут в разговор вмешались караванщики. Главный караван-баши, с длинной седой бородой, в полосатом шелковом халате, подошел поближе к дракону и сказал, низко поклонившись:

— Ваше сиятельство, позвольте нам слово сказать.

— Говори, — ответил дракон. — У меня настроение хорошее. Всех могу выслушать.

— Пощади рыцаря, — сказал караван-баши. — Пощади его и спасешь нас. Ведь ты первым на нас напал, а теперь вот воронье слетелось, разбойники, ведьмы, прочая нечисть, хотят нас убить, ограбить, по миру пустить. А ведь мы не просто караванщики, мы идем в замок волшебника Ооха. Везем шербет и восточные сладости на великое собрание волшебников.

— Куда вы идете, мне дела нет, — сказал дракон. — Мы, драконы, волшебникам не подчиняемся. Мы злодействуем в свое удовольствие. Если вижу караван, я на него нападаю, если вижу рыцаря, я на него нападаю, если вижу беззащитную принцессу, я беру ее в плен. Иначе какой из меня дракон?

— Но я ведь тоже прошу, — сказала Алиса. — Вы забыли?

— А это серьезнее, — сказал дракон. — Если ты настаиваешь, не могу спорить. И вообще у меня нога устала его держать. Он же дергается.

Дракон с отвращением убрал ногу и вдруг незаметно для окружающих подмигнул Алисе.

По толпе разбойников прокатился гул разочарования.

— А вы, шакалы, молчите, — сказал дракон. — А то и до вас доберусь.

Он дунул огнем, и все разбойники, Ведьма и Кусандра покатились по земле, а потом исчезли в лесу.

Караванщики начали собирать своих верблюдов, а дракон предложил Алисе проехать до замка волшебника у него на спине. И Алиса согласилась, тем более что караван-баши дал ей шелковую, шитую золотом подушечку, чтобы удобнее сидеть. Алиса ехала верхом на драконе и рассказывала о Змее Гордыныче.

За драконом тянулся караван, а в конце шел печальный рыцарь Сила и вел за руку Герасика. Герасик вел козлика.

Когда впереди показались зубцы каменных стен замка, дракон остановился и сказал:

— Дальше мне ходить не положено. Идите без меня.

Он стоял и ждал, пока все пройдут мимо. Все проходили и благодарили дракона за благородство, а дракон всем отвечал:

— Не меня благодарите, а эту отважную принцессу.

А когда с ним поравнялся рыцарь Сила, дракон наклонился к нему и сказал громким шепотом, который все услышали:

— Будем считать, что наш поединок закончился вничью. Я никому не скажу... — И дракон захохотал всеми своими шестью головами.

— Ладно уж, — сказал рыцарь Сила, который был очень гордым и не любил подарков от драконов. — Дай только обзаведусь конем, тогда снова встретимся в чистом поле.

— Давай-давай, — согласился дракон. Он стоял на пригорке до тех пор, пока караван не дошел до самых ворот замка. И уже опустился мост и стража выбежала навстречу, когда до Алисы донесся трубный голос Змея Долгожевателя: — При первой возможности пришли мне портрет Несси в полный рост. Запомнишь?

— Запомню! — крикнула в ответ Алиса.

Глава 15

В ЗАМКЕ ООХА

Когда Оох узнал, что в гости к нему приехали Алиса с Иваном Ивановичем, он сразу выбежал во двор.

Он оказался просто и скромно одетым волшебником с бородой до пояса. Ростом Оох был чуть повыше Алисы, но в его глазах и осанке было что-то такое волшебное, что Алиса сразу успокоилась: наконец-то они добрались до настоящего волшебника, который им поможет.

— Ах, — сказал чародей, увидев козлика. — Вы так изменились, Иван Иванович! Это настоящее несчастье.

Козлик понурил голову: он согласен с волшебником.

— За десять тысяч лет своей жизни я не сталкивался с таким случаем. Я слышал, правда, что одного козлика все-таки удалось расколдовать домашними средствами, но боюсь, что это неправда.

— Неужели ничего нельзя сделать? — расстроилась Алиса. — А мы так надеялись на вас.

— Ах, как грустно, — сказал волшебник. — Все, что когда-то было сделано, можно изменить. Это мировой закон. Все, что было запутано, можно распутать, все, что было завязано, можно развязать. Это тоже мировой закон. Только надо догадаться, где и как это делается.

К ним подошел караван-баши, который следил, как разгружали караван, уносили в подвалы бурдюки с прохладительными напитками, высыпали в вазы сладкое печенье, резали халву и рахат-лукум, разворачивали рулоны шелков, бархата и атласа.

— Мой уважаемый Оох-оглы, — сказал он, разглаживая свою седую бороду, которая была всего на два пальца короче, чем борода у волшебника Ооха, — мой дорогой Оох-ака, — сказал караван-баши. — Я заклинаю тебя всеми заклинаниями Востока и всеми мольбами нашей старой дружбы. Помоги моим друзьям. Если бы не благородная Алиса-джан, ты бы не увидел не только наших товаров, которые нужны, чтобы волшебники, колдуны, мудрецы, маги и заклинатели смогли совещаться в культурной обстановке, но и не увидел бы меня — твоего старого друга, великого мага Кемаля ар-Рахима.

— Я все понимаю, все понимаю, — ответил Оох. — Я сделаю все от меня зависящее, хотя ты знаешь, что даже от меня не все зависит.

Тут раздался удар колокола, который раскатился над землей, под землей и за облаками.

— Простите, — сказал тогда волшебник Оох, — я с вами заговорился и чуть не пропустил первый колокол. Собрание волшебников начинается, а я еще не переоделся.

Волшебник не успел договорить, как начали появляться его гости.

Один толстый и очень важный колдун возник прямо посреди двора, из ничего, другой прилетел в виде летучей мыши и, как только коснулся земли, превратился в молодого человека с очень старыми глазами, потом из облака, которое повисло над замком, спустились сразу три одинаковых мага, в длинных, до земли, черных балахонах, украшенных золотыми звездами, у самых ворот вдруг вырос из трещины между камней алый цветок, распустился на глазах, и из него вышла миниатюрная фея. Волшебник Оох подставил ей ладонь, и она гордо взошла на нее, подобрав шлейф белого платья. Странное превращение произошло с караван-баши Кемаль ар-Рахимом, который вдруг вырос на голову, его се-

дая борода стала иссиня-черной, а кожа приобрела загадочный зеленоватый блеск. Оказывается, он и вправду был магом!

Увидев, что Алиса смотрит на него с удивлением, караван-баши произнес:

— Не удивляйся, что я не смог справиться с драконом. Это не моя специальность. Я отличаюсь мудростью и могу вычислять судьбу по звездам. Но когда встречаюсь с драконами, приходится надеяться на богатырей да еще на девочек из будущего, таких, как ты, Алиса!

А волшебники все приходили, приезжали, прилетали, возникали и вырастали. Скоро весь двор был полон удивительными существами.

— Добро пожаловать, — сказал им Оох. — Я попрошу всех уважаемых гостей пройти в зал замка, где мы и будем заседать.

Волшебники направились внутрь замка, а Оох сказал Алисе:

— Я попрошу тебя с козликом тоже пойти на собрание. Возможно, кто-нибудь из моих гостей подскажет тебе, как спасти Ивана Ивановича.

— А мне можно пойти? — спросил Герасик.

— Ни в коем случае, — ответил волшебник Оох. — Ты же самый простой человек крестьянского происхождения.

— Он изобретатель, — сказала Алиса. — И очень способный.

— Тем более, — сказал волшебник Оох. — И пожалуйста, Алиса, не вмешивайся в обычаи нашей легендарной эпохи. И без тебя тошно.

Герасик остался во дворе замка, но он не расстраивался, потому что рассматривал верблюдов, которых раньше не видел. А богатырь Сила, как нетрудно догадаться, улегся спать у самой двери на кухню. Из-за этого всем слугам и поварам приходилось через него перешагивать, что их очень сердило.

Глава 16

ВТОРОЙ КОНСИЛИУМ

Когда Алиса вошла в высокий зал замка, ярко освещенный тысячью свечей, устланный драгоценными коврами, волшебники уже расселись на диванах, которые стояли по стенам зала. Все они были серьезны и значительны, они вежливо кивали друг друг

гу головами, здоровались и говорили вполголоса. Алиса подумала, что они похожи на московских профессоров, которые еще вчера совещались о судьбе козлика Ивана Ивановича. Волшебники были, на удивление, разного вида и размера и самых разных специальностей. И добрые, и равнодушные, и злые, и коварные, и гордые, и скромные, и всемогущие, и только мудрые... Но все это были самые настоящие волшебники, повелители легендарной эпохи.

Волшебник Оох велел Алисе сесть на стул у входа.

— Молчи, — приказал он, — без моего разрешения ни слова. Я совсем не уверен, что здесь тебе будут рады.

С этими словами он прошел в конец зала, где на возвышении стоял простой деревянный стул. И сел на него.

— Добро пожаловать, уважаемые коллеги, — сказал он. — Удобно ли вам, не дует ли, не устали ли вы с дороги и от ваших трудов?

Волшебники молча склонили головы. Им было удобно и не дуло.

Оох хлопнул в ладоши, тут же вбежали слуги, которые несли подносы с прохладительными напитками, печеньем, конфетами и восточными сладостями. Каждый поставил свой поднос перед своим волшебником, и тут же слуги исчезли, как будто растворились в воздухе.

— Вы, как и положено волшебникам, — сказал Оох, — уже догадались, зачем я вас собрал. Я собрал вас потому, что надвигается ледниковый период. К сожалению, никто из нас не сможет остановить ледник, поэтому наша легендарная эпоха завершается. Но мы не можем завершить ее просто так, словно нас и не было. Поэтому нужно решить, сможем ли мы пережить ледниковый период, а если не сможем, что сделать, чтобы память о нас осталась на земле.

Волшебники снова молча наклонили головы, точно как профессора на консилиуме.

— Я давно собирался провести такое совещание, — сказал мрачный, похожий на ворона волшебник в черном халате. — Но дела не позволяли.

— Мы все встревожены, уважаемый Мерлин, — ответил черному волшебнику Кемаль ар-Рахим. — И мы должны быть благодарны уважаемому Ооху, что он собрал нас здесь.

Волшебники налили себе по стакану прохладительного напитка и заели восточными сладостями.

— Кое-что нам известно, — сказала маленькая хрупкая Фея, которую трудно было бы разглядеть на диване, если бы не приятное голубое сияние вокруг нее. — Не зря же мы волшебники. Легендарная эпоха кончится, но в информированных кругах говорят, что люди переживут ледниковый период и в дальнейшем будут жить без нас, волшебников, сами по себе.

В зале возникло волнение и даже возмущенные голоса.

— Это клевета! — крикнул одетый в шкуры и дикий на вид лесной колдун. — Куда им без нас! А кому они подарки носить будут? Кому они зерно отдавать будут? Кто их будет наказывать? Нет уж, вымирать, так вместе!

— Люди наглеют! — воскликнул Мерлин. — Вчера один простолюдин дубиной свалил трех сказочных рыцарей. Если так дальше пойдет, закона и порядка на земле не останется. Я предлагаю всех людей извести.

— А сейчас! — воскликнул горбатый маг в медном шлеме. — Прилетаю я во двор замка и вижу человеческого мальчишку, который нагло говорит: «Бронзовый век уже кончается. Пора переходить на железные шлемы!» Это он мне говорит, который в медном шлеме уже тысячу лет ходит, и все передо мной трепещут.

«Зря, — подумала Алиса, — Герасик стал давать советы волшебнику. Волшебники не терпят советов».

— Спокойно, спокойно! — сказал волшебник Оох. — Дорогие гости, маги, волшебники и колдуны. Я понимаю ваши чувства. Но, к сожалению, историю нам не остановить. Наше время на земле истекает. Хотим мы того или нет, люди справятся без нас. И даже во многом нас превзойдут.

— Не может быть! — закричали волшебники.

— Поглядите в угол, — сказал волшебник Оох. — Видите там девочку и козлика?

Все волшебники поглядели в угол. И Алисе стало страшно. Хоть они давно уже вымерли и их нет, это были очень могущественные существа, и от их взглядов у Алисы свело руки и ноги, а козлик осел на задние ножки.

— Эта девочка, — сказал волшебник Оох, — приехала к нам из отдаленного будущего, когда люди будут летать по небу и даже добираться до звезд.

— Ха-ха-ха! — рассмеялись три одинаковых мага в балахонах

с нашитыми на них звездами. — Разве она не знает, что небо твердое, а звезды прибиты к нему гвоздями?

— Все равно мы сильнее, — проворчал колдун в шкурах. — Я видел в одном волшебном королевстве карету, которая без лошадей ездила. Такое они смогут?

— Это называется автомобиль, — сказала Алиса. — Его давно уже изобрели.

— А вот так, — пискнула Фея, — с места на место перелететь вы смогли бы? — Она блеснула и исчезла. И тут же оказалась на другом конце дивана.

— Разумеется, — сказала Алиса. — Это элементарная телепортация. Целый институт этим занимается.

— Но уж волшебного зеркальца вы не сможете придумать, — сказала красивая волшебница со злым лицом. Вместо волос у нее шевелились черные змейки. — Чтобы поглядеть в него и увидеть, что в другой земле происходит, ну и, конечно, узнать, есть ли на свете кто милее, и прекрасней, и белее...

— Нет ничего проще, — сказала Алиса. — Вы, очевидно, имеете в виду телевизор. А если два зеркальца в разных землях, это называется видеофон.

Волшебникам Алисины слова не понравились. Некоторые даже заскрежетали зубами от злости. Поэтому Оох поднял руки и сказал примирительно:

— Ну ладно, ладно, не будем спорить. Однако я даю вам слово, что эта девочка — из будущего.

— А что она здесь делает? — спросила Фея.

— Она пришла к нам за помощью.

— Зачем же ей наша помощь, если люди все сами умеют? — спросил ехидно волшебник Мерлин.

— У нее случилось несчастье. Ее другу Ивану Ивановичу известный здесь некоторым самозванец Кусандра подсунул стакан с водой из болота, называемого Козлиное Копытце. И вот Иван Иванович превратился, простите, в копытное животное.

— А он тоже из будущего? — спросил кто-то из волшебников.

— Он известный в будущем мудрец, — ответил Оох.

Алиса заметила, что Оох ни слова не сказал о заповеднике сказок. И понятно, почему молчит. Ведь волшебники сейчас злятся на людей, что они ледниковый период переживут и еще научатся к звездам летать. Для них заповедник сказок — чистой воды оскорбление.

— Чего им помогать, — сказал Мерлин. — Пускай все козликами станут, мне не жалко.

— Да на всех в болотце воды не хватит, — расхохотался дикий колдун.

— Мне стыдно вас слушать, волшебники, — сказал Кемаль ар-Рахим. — Где ваше благородство, где широта души? Я думаю, что, если мы не переживем ледниковой эпохи, туда нам и дорога. Недостойны мы идти в будущее. Эта девочка, рискуя жизнью, пошла к нам в легендарную эпоху, чтобы помочь другу. Она не испугалась дракона и Бабы-яги, чтобы спасти нас, караванщиков. А мы не хотим ей помочь. Стыдно!

— И в самом деле, не очень хорошо получается, — сказала Фея. — Ведь девочка не виновата в ледниковом периоде.

— Нас ее дела не касаются, — сказал Мерлин.

Волшебники разделились на две половины. Одним было стыдно, и они хотели Алисе помочь, другие, негодяи и эгоисты волшебного племени, хотели, чтобы Алиса ушла ни с чем. А дикий колдун даже предложил и Алису заколдовать, чтобы не лазила в чужие эпохи.

Наконец, когда принесли еще прохладительных напитков и конфет, волшебники успокоились. Оох сказал:

— Прежде чем эта девочка уйдет отсюда, предупреждаю, что ни один золотой волос не упадет с ее головы, потому что она моя гостья, и повторяю мой вопрос. Знает ли кто-нибудь из уважаемых волшебников, как расколдовать человека, который превратился в козлика, потому что выпил воды из Козлиного Копытца?

— Я рада бы помочь, но не знаю как, — сказала Фея.

— У нас в лесу давно такого не было, — сказал дикий колдун.

— Не может быть, чтобы не было средства, — сказал волшебник Оох. — Неужели мы все вместе не сможем расколдовать одного козлика?

— Я мог бы высчитать по звездам, где хранится такое средство, — сказал звездочет в синем балахоне. — Но это займет тридцать два года.

— Думайте, волшебники, думайте! — воскликнул Оох. — Сильнее думайте!

— Думаем! — ответили волшебники.

Волшебникам стало стыдно. Какие же они правители легендарной эпохи, если не могут расколдовать одного козла?

— А что, если спросить джиннов? — сказал вдруг Кемаль ар-Рахим.

— А в самом деле — если спросить джиннов? — воскликнула Фея.

— Может, и в самом деле спросить джиннов? — сказал Мерлин. — Они такие древние, что все знают. В худшем случае они заколдуют и девочку.

— А где сейчас джинны? — спросил Оох. — Как их найти?

Все волшебники обернулись к Кемалю ар-Рахиму, но тот печально почесал свою черную бороду и ответил:

— Все не так просто, друзья. Все не так просто.

— А что тут сложного? Они же в твоих краях живут, у Аравийского моря и в других таких же песчаных местах.

— Понимаете, в чем дело, — сказал Кемаль ар-Рахим. — Джинны, узнав, что надвигается ледниковый период, страшно расстроились. Они ведь теплолюбивые. И они решили обмануть судьбу. Залезли в глиняные кувшины и велели отнести себя в секретную пещеру на острове Содейда. Там их и замуровали. Они думают пролежать в глиняных кувшинах, пока не пройдет ледниковый период. А как потеплеет, вылезут наружу.

— Какое коварство! — закричали волшебники. — Какая низкая трусость! Мы думаем, волнуемся, переживаем, а они уже в кувшинах прячутся.

— Каждый спасается как может, — ответил Кемаль ар-Рахим. — У каждого своя мораль, а у джиннов, как известно, нет никакой морали.

— А джинны помогут? — спросил Оох.

— Если захотят, то помогут. У них хранятся средства от всего, в том числе от колдовства. Но в пещеру к ним знает дорогу только Синдбад-мореход. А где его найдешь?

— Это уж ее дело, — сказал Мерлин. — Мы и так потеряли два часа на пустые разговоры. Хочет спасти своего козлика, пусть едет к Аравийскому морю и сама ищет остров Содейда.

— Правильно, — согласились остальные волшебники. — Мы свое дело сделали. Мы дали совет.

Алиса поняла, что больше она здесь ничего не добьется.

Она поднялась и сказала:

— Большое спасибо за внимание. А вы не подскажете, как добраться до острова Содейда?

— Я бы рад тебе помочь, — сказал Оох, — но собрание нельзя

откладывать. Волшебники ждут. Будь дружком, выйди во двор, спроси караванщиков, они все знают и подскажут.

Алиса еще раз поблагодарила волшебников и вышла из зала.

Дело было плохо. До вечера домой не вернуться. И еще неизвестно, согласятся ли помочь джинны.

Глава 17

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРАВИЮ

Когда Алиса вышла во двор замка, солнце стояло совсем высоко в небе. Середина дня. А ничего еще не сделано. Козлик жался к ее ногам, что-то хотел сказать, но разве поймешь этого профессора?

Богатырь Сила храпел у двери на кухню и шевелил губами. Видно, ему снилось, что он обедает. Мальчик Герасик торчал в открытых дверях кузницы и, когда Алиса окликнула его, только отмахнулся, он был очень любопытным мальчиком.

А вообще-то на дворе было пусто и даже не у кого спросить дорогу в Аравию, которая, если верить учебникам географии, лежит далеко на юге. И почему здесь нет самой обыкновенной пассажирской ракеты?

— Алиса, — окликнул ее волшебник Кемаль ар-Рахим. — Чем ты расстроена?

— Я не знаю, как мне добраться до Аравии, — сказала Алиса. — И это самое главное.

— Значит, ты не отказалась от своего замысла? — спросил волшебник.

— А почему я должна отказываться?

— Но ты же устала и хочешь домой.

— Домой я, конечно, хочу, — сказала Алиса. — Но как же я вернусь с пустыми руками?

— Ты мне нравишься, девочка, — сказал старый волшебник. — И поэтому я тебе помогу. Пешком до Аравии тебе не добраться, пришлось бы полгода идти. Но есть у меня одно средство, я сам им почти не пользуюсь, потому что со здоровьем у меня неладно, насморком страдаю.

Волшебник хлопнул в ладоши, и тут же из-за угла выскочили его слуги в халатах, с кривыми саблями за поясами.

— Принесите-ка мне ковер-самолет, — сказал он, — он на моем верблюде, в правом тюке лежит.

— Настоящий ковер-самолет! — обрадовалась Алиса. — Вы мне очень помогли.

— Ковер так настроен, что привезет тебя прямо к моему дому. Стоит мой дом на берегу Аравийского моря. И живет в нем моя прекрасная дочка Шехерезада. Она тебе понравится.

— Та самая Шехерезада?

— На свете только одна Шехерезада. Объяснишь все Шехерезаде, и она придумает, как тебе добраться до острова Содейда. Она у меня образованная. Сказок знает больше тысячи, кажется, тысячу и одну.

Слуги притащили ковер и расстелили его на камнях. Ковер оказался потертым и совсем небольшим, метр на два.

— Не испугаешься? — спросил волшебник.

— Другого пути нет, — сказала Алиса. — Большое вам спасибо.

— Тогда садись.

Алиса подбежала к кузнице.

— Герасик, — сказала она. — Мы с козликом летим в Аравию, но ты на ковре-самолете не поместишься. Поэтому я хотела с тобой попрощаться.

— До свидания, — сказал Герасик. — Ты за меня не беспокойся. Меня богатырь Сила обещал до деревни проводить. А пока я на кузнецов погляжу. Я хочу изобрести что-нибудь металлическое.

— Правильно, Герасик, — сказала Алиса и пожала на прощание тонкую руку мальчика-изобретателя.

Богатыря Силу она будить не стала. Пускай отдыхает. У него был трудный день.

Потом Алиса вернулась к ковру. Села точно на середину, козлик вскочил ей на руки, и Алиса обняла его.

— Погоди, — сказал Кемаль ар-Рахим.

Он вытащил из-за пазухи красивую разноцветную кашемировую шаль и закутал в нее Алису.

— Не вертись, пока будешь лететь, — сказал он. — На небе холодно и дует. Не простудись.

Потом он щелкнул пальцами, ковер шевельнулся под Алисой, как живой, дернул кверху углами, приподнялся и упал снова.

Волшебник рассердился и топнул ногой.

Алисе это не нравилось. Ковер оказался не только старым, но и своенравным.

— А он довезет меня до места?

— Довезет, он всегда сначала кривляется. Избаловался.

Ковер поднатужился и плавно начал подниматься. Алиса помахала старику волшебнику, который быстро уменьшался. Вот уже виден сверху весь двор замка, дым идет из кузницы, раскинув руки и ноги, спит богатырь Сила, потом показались окружающие холмы, на одном из них мирно пасется дракон Змей Долгожеватель, совсем как обыкновенная корова, потом заблестела речка...

Тут они вошли в облака и взяли курс на юг.

Алиса несколько раз просила ковер лететь пониже, потому что в облаках сырость и холод, даже кашемировая шаль не спасала — зубы стучали, а козлик дрожал от холода. Но ковер оказался своенравным. Летел как хотел. Иногда даже сворачивал с пути. Один раз погнался за стаей диких гусей и чуть было не опустился вслед за ними в камыши, а потом вдруг захотел сразиться с большим орлом. Хорошо еще, что орел решил не связываться с ковром-самолетом.

Вдруг из облака прямо на ковер свалилось что-то грязное, лохматое, крикливое — ковер испугался и вздрогнул так, что чуть не выкинул седоков.

Это была птица Дурында. Тяжело дыша, она уселась на край ковра и закричала:

— Нашла! Догнала! Без меня хотели улететь? Это хорошо не кончится.

Дурында тяжело дышала и ежилась от холода.

— А ты зачем полетела? — удивилась Алиса.

— Как зачем? Вы же в Аравию? Я никогда в жизни не видела Аравию. К тому же без меня вам не обойтись. Я всегда предупрежу, подскажу, а когда погибнете, обратно прилечу, всем расскажу.

С этими словами Дурында втиснулась Алисе на руки. Она была такой мокрой и холодной, что Алиса пожалела ее.

Прошло еще часа два мучений, прежде чем ковер начал снижаться, потеплело и вдали показалась синяя гладь Аравийского моря. Потом Алиса увидела на берегу белый мраморный дворец с колоннами, окруженный благоухающим садом из роз, гиацинтов и мандариновых деревьев. Ковер быстро снизился и лег на до-

рожку у входа во дворец, а Алиса начала громко чихать, не могла остановиться. Птица Дурында тоже чихнула, козлик тоже, даже ковер три раза чихнул так, что над дорожкой поднялась пыль. Прелестная молодая девушка в длинном голубом платье, сбежавшая на шум по мраморным ступенькам в сад, при виде несчастных путешественников так расхохоталась, что долго не могла успокоиться.

Глава 18

СИНДВАД

Девушка, которую звали Шехерезадой, очень обрадовалась гостям, потому что была она общительной и веселой.

Она провела Алису и козлика в большой зал, посреди которого журчал, навевая прохладу, изящный фонтан, а по стенам висели клетки с канарейками и попугаями. Она посадила Алису и козлика на диван, заваленный пуховыми подушками, слуги принесли кувшины с лимонадом, печенье для Алисы и целую груду свежей зелени для козлика. Алиса пила лимонад и была счастлива. Птица Дурында клевала печенье и тоже была счастлива.

Отдышавшись, Алиса заметила, что вдоль одной из стен зала сидят на низких табуретках старички и старушки, что-то бормочут и напевают. Старички и старушки не обратили никакого внимания на гостей, как будто были не живыми, а механическими.

— Что они здесь делают, Шехерезада? — спросила Алиса.

— Рассказывают сказки. Это самые опытные сказители со всех арабских, иудейских, индейских и персидских земель. Каждый знает по сто сказок, а то и больше. Вот и рассказывают.

— А зачем? — удивилась Алиса.

— Ты что, не знаешь? Все знают. Со дня на день меня могут потребовать во дворец к нашему злому властелину. И придется мне рассказывать ему сказки. Тысячу и одну ночь подряд. Мой папа, чтобы меня подготовить, собрал сюда сказителей. Они рассказывают, а я слушаю и запоминаю.

— Но ведь ты не слушаешь, — сказала Алиса. — Ты с нами разговариваешь.

— Правильно, — сказала Шехерезада. — Когда меня во дворец увезут, я там не буду сказки рассказывать. Я красивая, молодая, шах и так в меня влюбится, без всяких сказок. Я буду гото-

вить ему плов и шашлык, буду играть с ним в нарды и петь песни. Мало ли какие развлечения бывают у шахов с красавицами? А сказки пускай старики рассказывают. Я только папу расстраивать не хотела. Смотрите папе не проговоритесь.

— Но что же ты тогда делаешь? — спросила Алиса.

— А ты умеешь хранить тайны?

— Умею.

— Тогда смотри.

Шехерезада хлопнула в ладоши, из-за занавеса вышел молодой человек в шароварах, сапогах с загнутыми вверх концами и белой рубашке, подвязанной широким красным поясом. На голове у него была красивая чалма.

— Познакомьтесь, — сказала Шехерезада, — мой друг Синдбад. Он пришел ко мне в гости.

— Синдбад-мореход, — поклонился молодой человек Алисе. — Я счастлив познакомиться с принцессой из северных земель.

— Я тоже, — сказала Алиса, — я о вас читала. Мне очень нравились ваши приключения. А нельзя выключить этих бабушек и дедушек? Или хотя бы сделать их потише.

Шехерезада тут же взяла блюдо со сладостями, подбежала к сказителям, дала каждому по длинной конфете и отправила их отдыхать.

— А теперь, — сказала она, вернувшись к Алисе, — рассказывайте, что вас сюда привело. Я умираю от нетерпения.

Алиса подробно рассказала о том, как заколдовали директора, о собрании волшебников в замке Ооха и о том, как Кемаль ар-Рахим посоветовал отыскать джиннов на острове Содейда.

— Это очень романтично! — воскликнула Шехерезада.

Она обернулась к Синдбаду-мореходу, который внимательно слушал всю эту удивительную историю, и нежно взяла его за руку.

— Мой дорогой друг, — сказала она. — Боюсь, что никто, кроме тебя, не сможет помочь нашим друзьям.

— Почему же? — возразил Синдбад. — Есть в наших аравийских краях немало корабельщиков, которые знают пути по морям, водят свои корабли в Индию и даже в такие далекие и недоступные страны, как Маджапахит, Шрикшетра, Фунань, Тямпа и государство Ю.

— Но нет ни одного, кто мог бы сравниться с тобой, — сказала Шехерезада. — Далеко ли плыть до острова Содейда?

— Плыть туда недалеко, — сказал Синдбад, — но дорога к острову трудная, в пути подстерегают рифы, водовороты, предательские течения, страшная рыба-кит, пираты, птица Рокх и множество других смертельных опасностей. Я бы рад помочь нашим друзьям, но боюсь, что одного моего желания мало.

— Что же нужно тебе еще, кроме желания, мой драгоценный мореход? — спросила Шехерезада и улыбнулась загадочной улыбкой.

Синдбад задумался, пригладил густые усы, поправил красивую чалму с драгоценным изумрудом и сказал:

— Кроме моего желания, хорошо бы получить твой поцелуй, драгоценная Шехерезада. Он бы вдохновил меня на подвиг.

— Ох! — возмутилась Шехерезада. — Сколько раз я тебе говорила, что ненавижу целоваться. Давай я лучше расскажу тебе сказку.

— Сказки будешь рассказывать старому шаху, — сказал Синдбад-мореход. — Я сам знаю столько сказок, что твоим сказителям и не снилось. И мои сказки настоящие. Стоит выйти за ограду твоего дворца, и они сразу начнутся.

— Прямо и не знаю, что мне делать, — сказала Шехерезада.

Хотя Алисе показалось, что не так уж она ненавидит целоваться с мореходом.

— Но если я тебя поцелую, — сказала наконец Шехерезада, — ты сразу же повезешь моих друзей на остров Содейда?

— Немедленно, — сказал мореход. — Сию же минуту. Мой корабль стоит в бухте.

— Что же делать? — Шехерезада обернулась к Алисе.

— Мне жаль, что ты не любишь целоваться, — сказала Алиса.

— А ты что думаешь, козлик? — спросила Шехерезада.

Козлик вытянул вперед губы, сложил их в трубочку и чмокнул воздух.

Шехерезада расхохоталась.

— Какой у тебя забавный зверек! — воскликнула она. — Надо будет обязательно познакомиться с ним, когда он превратится снова в человека.

Синдбад-мореход нахмурился, ему не понравились слова Шехерезады, он сердито поглядел на козлика, но тут же рассмеялся, потому что, как положено смелым и отважным мореходам, был человеком добрым и веселым.

А Шехерезада обернулась тем временем к дремавшей на диване белой вороне Дурынде и спросила ее:

— Что мне делать, мудрая птица?

Никто еще в жизни не называл Дурынду мудрой птицей. Та распушила от радости тощий хвост, заворковала по-голубиному и каркнула:

— Скорррей! Лобзай!

Шехерезада подошла к Синдбаду-мореходу, поцеловала его и сказала:

— Ах, до чего у тебя колючие усы!

Синдбад-мореход густо покраснел от счастья и ответил:

— Сегодня же сбрею.

— Не надо, — ответила Шехерезада. — Я же больше не буду с тобой целоваться.

Но Синдбад не расстроился, потому что лучше всех знал, что Шехерезада не всегда говорит то, что думает.

— Пошли, — сказал он, — пока солнце стоит высоко. Может, проскочим самые главные опасности!

И он первым направился к двери.

Шехерезада схватила с подноса целую пригоршню сладостей и дала на дорогу гостям.

— Правда, Синдбад очень красивый? — спросила она шепотом у Алисы.

— Правда, — сказала Алиса. — Только мне это все равно.

— Мне тоже, — сказала Шехерезада и вздохнула.

Глава 19

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СОДЕЙДУ

Корабль Синдбада-морехода оказался совсем небольшим. Он покачивался на мягких и теплых волнах Аравийского моря неподалеку от берега. У него была одна мачта и на ней один косой парус, который матросы подняли сразу, как только Синдбад и пассажиры, подплыв к кораблю на лодке, поднялись на борт.

На корме корабля был настил, над ним полотняный навес, чтобы кормщика не напекло солнцем. Алиса села на циновку, а Синдбад встал у рулевого весла. Как только матросы вытащили якорь, он навалился на руль, и корабль легко поплыл в море.

— Нам долго плыть? — спросила Алиса.

— Как повезет, — сказал Синдбад-мореход.

— А как мы будем защищаться от акул, китов, рифов, водоворотов и всяких опасностей? — спросила Алиса. — Они же могут нас задержать.

Синдбад-мореход вдруг рассмеялся.

— Я пошутил, — сказал он. — Если б я сказал Шехерезаде, что до острова Содейда плыть всего час по тихому морю, то она никогда б меня не поцеловала. Какой же подвиг плыть по тихому морю?

— Как хорошо, — обрадовалась Алиса, — что море тихое. Я уж была уверена, что сегодня мне домой не вернуться.

— Погоди радоваться, — сказал Синдбад-мореход. — Даже в тихом море случаются бури и появляются опасности. К тому же я совершенно не представляю, как тебе удастся добыть у джиннов лекарство для козлика. Джинны — самые жестокие, сварливые и предательские существа в нашей легендарной эпохе.

Постепенно низкий берег Аравийской земли скрылся из глаз. Вокруг расстилалось безбрежное море. Лишь на горизонте теснились облака.

Вдруг птица Дурында, которая сидела на мачте, закричала:

— Это еще что такое? Спасайся, кто может!

Она слетела с мачты вниз и спряталась в бочке, которая стояла на палубе.

Алиса подняла голову и увидела, что к кораблю приближается громадная птица.

— Горе нам! — крикнул матрос, который стоял на носу. — Птица Рокх! Смерть к нам идет!

Алиса сначала испугалась, но потом присмотрелась к птице, которая приближалась к кораблю, и поняла, что это альбатрос, который, хоть и самая большая птица в мире, на корабли не нападает, а ест только рыбу.

Она хотела сообщить об этом отважному Синдбаду-мореходу, но тот закричал:

— Всем закрыть глаза! Всем прятаться! Я сам справлюсь с чудовищной птицей!

Матросы бросились в трюм и зажмурились, а Синдбад-мореход достал из бочки большую рыбину и кинул альбатросу.

Птица на лету подхватила подарок, проглотила и тут же взмыла вверх.

— Урра! — закричал Синдбад-мореход. — Опасность миновала, я голыми руками прогнал птицу Рокх!

Матросы вылезли на палубу и начали благодарить своего отважного и непобедимого капитана.

— Вы знали, что это альбатрос, а не птица Рокх? — спросила шепотом Алиса у морехода.

— Я не знаю, как эту птицу называют в ваших краях, — ответил Синдбад. — Но у нас она зовется птица Рокх и ее все боятся. Зачем же я буду спорить с общим мнением? Лучше прославлюсь как непобедимый герой. И мне хорошо, и птице. Я специально для нее вожу с собой рыбу. Она очень любит рыбу.

— А вы знаете, что и киты на корабли не нападают?

— Знаю. Я опытный капитан. Если кита не ранить и не дразнить, он никогда не нападает на корабль. Но пускай об этом знаю только я. Хорошо?

Алиса не стала спорить с хитроумным Синдбадом-мореходом.

Вскоре они благополучно доплыли до небольшого острова Содейда, где спрятались от ледникового периода все джинны Аравии, Египта, Персии и прочих восточных земель.

Корабль бросил якорь неподалеку от острова. Синдбад, Алиса и козлик добрались до него в небольшой лодке. А птица Дурында с ними не полетела.

— Я отдохну, — сказала она. — У джиннов очень плохая репутация. Это хорошо не кончится. Я вас буду оплакивать.

— А тебя мы бы и не взяли, — сказал Дурынде Синдбад-мореход. — У тебя слишком длинный язык. И тайны, которые мы сейчас увидим, не для твоих глаз.

При слове «тайны» Дурында, конечно же, решила лететь на остров Содейда, но Синдбад поймал ее за хвост, велел матросам держать ее и не пускать на берег.

Что те и сделали, несмотря на вопли и возмущение Дурынды.

Остров был совершенно пустынен. Только камни, песок, сухая трава, а на камнях греются песчаного цвета ящерицы.

Синдбад уверенно пошел по тропинке, которая вела в гору.

— А вы точно знаете, где джинны? — спросила Алиса.

— Разумеется, — сказал Синдбад-мореход. — Кто же, кроме меня, решился бы отвезти джиннов на опасный и недосягаемый остров Содейда? Правда, джинны думают, что этот остров лежит далеко в океане. Я их специально всех напоил вином, они

прохрапели всю дорогу и поверили мне, что мы плыли больше недели.

— А зачем вам эта хитрость? — спросила Алиса.

— Как зачем? Они же мне дали целый сундук золота за такое опасное путешествие. А кто бы дал мне сундук, если бы знал, что до острова всего час пути?

Остров был невелик. Минут через десять они оказались на небольшой площадке, с трех сторон закрытой отвесными скалами. Из скалы бил тонкий ключ. Вода в нем оказалась свежей, искристой и газированной, как нарзан. В скале Алиса увидела небольшую железную дверь.

— Вот и пещера, в которой спрятались джинны, — сказал Синдбад. — Не боишься?

— Поздно отступать, — решительно сказала Алиса. — Чем скорей мы туда зайдем, тем скорей мы вернемся домой. Вы знаете, как открыть дверь?

— Какое-то слово надо сказать, — задумался Синдбад-мореход. — Как сейчас помню — очень таинственное слово. И дверь откроется.

— Забыли? — испугалась Алиса.

— Ох, забыл, — сказал хитрый мореход.

— Тогда я сама скажу, — сказала Алиса. — Я помню.

— Ну, скажи! — согласился Синдбад.

— Сезам, откройся! — воскликнула Алиса.

Но дверь не открылась.

— Разве я неправильно сказала? — спросила Алиса.

— Правильно, — ответил Синдбад. — Я даже удивился, как это ты знаешь такое секретное и тайное слово. Неужели его будут помнить столько лет?

— Все будут помнить, — сказала Алиса. — И все ваши путешествия и подвиги тоже будут помнить.

— Очень приятно, — сказал Синдбад-мореход. — Я рад.

Он подошел к двери, повернул ручку и отворил ее.

— Понимаешь, Алиса, — сказал он, отходя на шаг в сторону, чтобы Алиса могла войти внутрь. — В жизни мало сказать волшебное слово. Надо еще что-нибудь сделать. Если ты сказала «сезам», не мешает потом повернуть ручку.

Алиса уже немного разобралась в странном характере Синдбада.

— Простите, — сказала она. — А если бы я не сказала «Сезам, откройся!», вы бы смогли открыть дверь?

— Конечно, смог бы, — рассмеялся Синдбад. — Но пускай все думают, что не смог бы. И джиннам спокойнее, и мне славы больше.

Глава 20

В ПЕЩЕРЕ ДЖИННОВ

В пещере было темно. Синдбад достал взятый с собой факел и зажег его. Факел осветил низкий свод пещеры, сундуки и ящики, бочки и бутылки.

— Все в порядке, — сказал Синдбад. — Никто без нас сюда не заходил.

— Много добра вы сюда перевезли, — заметила Алиса.

— Чуть корабль не потопил, джинны ведь страшно бережливые, — сказал Синдбад. — Давай их будить. Ох и шум подымется! Сам побаиваюсь.

Синдбад прошел в дальний угол пещеры. Там в нише Алиса увидела целую армию глиняных и медных кувшинов, заткнутых пробками и залитых воском. Синдбад наклонился и стал рассматривать бутылки.

— Я ищу ибн-Хасана, — сказал он. — Ибн-Хасан — самый тихий из джиннов. Он, по крайней мере, не превратит нас сразу в пыль. Вот и он!

Синдбад поднял с пола одну из глиняных бутылей, показал Алисе.

— Вот тут, — сказал он, — скрывается один из самых могущественных джиннов древности, Хасан-ибн-Хасан. Не правда ли, удивительно? Такой большой — и в бутылке?

— Удивительно, — согласилась Алиса. — Но еще удивительнее, что их столько. Как на складе. Никогда не думала, что на свете может быть столько джиннов.

— Наше счастье, что они в основном лентяи и хвастуны.

Сказав так, Синдбад отважно вцепился зубами в пробку, вытащил ее из бутылки, бутылку быстро поставил на пол, отскочил назад. И вовремя.

Столб черного дыма вырвался из бутылки, поднимаясь до потолка. Алиса закашлялась.

Дым начал клубиться и постепенно превратился в фигуру джинна ростом в пять метров, с громадными клыками, длинным носом и клочкастой бородой. Джинн был почти голым, в одних трусах.

— Кто меня побеспокоил? — возопил джинн страшным голосом. — Кто посмел меня разбудить и открыть бутылку? Кого я сейчас растерзаю?

— Это я, Синдбад, — сказал мореход. — Не надо меня терзать. Я твой старый приятель.

Дым уже рассеялся, и джинн, близоруко прищурив глаза, разглядел Синдбада.

— Садись, — сказал Синдбад. — Твоя голова так высоко, что нам трудно с тобой разговаривать.

Бормоча непонятные проклятия, джинн сел на пол, осмотрелся вокруг, подсчитал сундуки, загибая пальцы, а когда убедился, что все добро в целости, обратил свой взгляд к Алисе с козленком и спросил:

— А это еще что такое?

— Это мои друзья, — сказал Синдбад.

— Хоть твои дети! — возмутился джинн. — Ты не имел никакого права приводить их в наше секретное убежище.

— И не привел бы, если б не крайняя необходимость, — сказал Синдбад.

Джинн немного подумал, покачал головой, и вдруг его злое и грубое лицо озарилось радостной улыбкой.

— Я понял! — зарычал он. — Ледниковый период уже кончился, и ты пришел нас освободить, чтобы мы могли властвовать над миром.

— Нет, — сказал Синдбад, — ледниковый период еще не начинался.

— Что ж тогда привело тебя сюда? — удивился джинн. — Ты меня удивляешь. Может быть, превратить тебя в песок?

— Нет, — спокойно ответил Синдбад. — Ничего такого делать не стоит. Если ты превратишь нас в песок, то некому будет закрыть пробкой твою бутылку. И ты замерзнешь, когда начнется ледниковый период.

— О, горе! — воскликнул джинн. — О, предательство! Ну говори тогда, чего ты хочешь, низкий сын человеческой женщины,

пенитель грязных луж, торговец благополучием своих благородных друзей!

— Вот это уже нормальный разговор, — сказал Синдбад-мореход. — Погляди на этого козлика, о Хасан-ибн-Хасан. Еще недавно он был уважаемым человеком, но вот ему подсунули водицы из Козлиного Копытца, и он вынужден провести остаток своих дней в таком виде. Разве это не ужасно?

— А какое нам с тобой дело до чужих несчастий? — удивился джинн. — Разве в наших джинновых обычаях делать добро людям? Разве он был королем? Или волшебником? Или хотя бы богатым купцом?

— Он был знаменитым ученым в своих землях, — сказал Синдбад.

— Пускай идет в свои земли и там лечится.

— Но совет волшебников всей Земли, который сейчас заседает в замке волшебника Ооха, решил, что такое средство есть только у джиннов.

— И ты из-за этого пустяка прервал мой сон! — Джинн был страшно разгневан. Он даже подскочил так, что ударился головой о каменный потолок, набил себе шишку, отчего еще больше расстроился.

— Значит, ты не сможешь нам помочь? — спросил Синдбад.

— Не хочу, — сказал джинн. — Пускай я останусь без бутылки и замерзну в ледниковый период, но ни за что я не опущусь до того, чтобы помогать людям.

— Прости тогда, благородный и всесильный Хасан-ибн-Хасан. Значит, мы ошиблись. Я догадался, что у тебя вовсе нет такого средства, чтобы возвращать заколдованным людям их прежний облик. Прости, мы пошли.

— Не хочу помогать! — ревел джинн. — Не хочу и не буду! Не буду!

И джинн начал расти, но тут его голова снова ткнулась в потолок пещеры. Джинн взвыл от боли, а Синдбад-мореход спокойно поднялся и сказал:

— Алиса, козлик, пошли, нам здесь делать нечего.

Алиса и козлик вышли вслед за Синдбадом из пещеры. Алиса готова была заплакать. Так все погубить! Синдбад оказался плохим дипломатом! С джинном надо было говорить вежливее, попросить его... ведь он не просто кто-нибудь, а джинн...

Алиса даже открыла рот, чтобы все это объяснить Синдбаду и уговорить его вернуться и попросить у джинна прощения, но

Синдбад строго посмотрел на нее и прижал палец к губам. Он спокойно шагал вниз по тропинке.

Алиса и козлик, понурившись, брели следом.

— Стойте! — раздался сзади громовой голос джинна. — Стойте, жалкие создания! Вернитесь!

— Вот видишь, — улыбнулся Синдбад-мореход, — а ты боялась. Я же знаю, как иметь дело с этими бандитами.

Джинн встретил их у входа в пещеру.

— Я передумал, — сказал он. — Что-то с севера тянет холодом. Идите за мной.

Джинн прошел в дальний конец пещеры, где стояли бутылки с остальными джиннами, и остановился, разглядывая их и рассуждая вслух:

— Где же аптечка? Кто ее положил рядом с собой? Ахмед? Нет, он с собою вино взял. Хусейн? Нет, он любит уют, ему эти склянки ни к чему... Ага, вспомнил.

Джинн поежился и крикнул Синдбаду:

— Прикрой дверь. Дует. Ни в чем нельзя на тебя положиться.

Синдбад прикрыл дверь, а джинн вытащил пробку на одной из бутылок и, как только оттуда пошел черный дым, наклонился к ней и крикнул:

— Не спеши, Мустафа, не вылезай, ледниковый период еще не кончился! Это я, Хасан-ибн-Хасан!

Из бутылки донесся бас:

— Так чего меня будишь?

— Мустафа, я только на минутку. У меня зуб разболелся. Дайка мне нашу волшебную аптечку.

И тут Алиса с удивлением увидела, как из тонкого горла бутылки выплыла на воздух золотая шкатулка, которую держали две громадные руки.

Хасан-ибн-Хасан подхватил шкатулку, не обращая внимания на бас, который несся из бутылки:

— Мог бы сам себе зуб заговорить! Я тебе покажу после ледникового периода, как меня беспокоить!

— Удивительно сварливый народ, — сказал Синдбад-мореход.

Джинн Хасан-ибн-Хасан тем временем открыл шкатулку, которая оказалась уставленной бутылочками, долго копался в них, нюхал, глядел на свет и наконец сказал:

— Вот она!

Он открыл бутылочку, капнул из нее несколько капель прямо на пол и сказал:

— Лижи! Скорей, пока не выдохлось.

Козлик колебался. Алиса поняла, что он не привык лизать капли с пола, и потому она крикнула:

— Скорей же, Иван Иванович!

И Синдбад закричал:

— Скорей же, тебе говорят!

Тогда козлик подбежал к лужице на полу и слизал ее.

— Все, — сказал джинн. — Дело сделано. Теперь быстро закупоривайте меня.

Он вернулся к открытой бутылке с Мустафой. Оттуда все еще торчали громадные руки и слышалось ворчание. Он отдал шкатулку. Руки исчезли, исчезла и шкатулка. Джинн заткнул бутылку пробкой и шагнул к своей бутыли. Тут же он начал клубиться, превращаться в черный дым.

Алиса обернулась к козлику.

Ничего с ним не произошло.

— Не закрывайте его! — крикнула она Синдбаду-мореходу. — Вдруг он ошибся!

Черный столб дыма втянулся в бутыль, Синдбад подошел к ней, держа в руке пробку, но не спешил закрывать, все глядел на козлика.

— Скорей же! Я замерзаю! — раздался крик из бутыли.

— Минуточку, — ответил Синдбад.

Алиса тоже смотрела на козлика.

И вдруг козлик начал расти вверх, в глазах у Алисы помутилось, она зажмурилась, а когда открыла глаза вновь, увидела, что в пещере рядом с ней стоит высокий человек в сером костюме, с серьезным и очень приятным лицом.

— Спасибо, — сказал Иван Иванович.

— Спасибо, — передал его слова Синдбад джинну и заткнул бутылку пробкой. Потом поставил бутыль на место.

Глава 21

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ШЕХЕРЕЗАДЕ

Обратное путешествие до дворца Шехерезады прошло без всяких приключений. Только птица Дурында никак не могла успокоиться.

— Чудеса! — кричала она. — Мистика! Так не бывает! Как мог такой большой человек уместиться в таком маленьком козлике! Это хорошо не кончится!

Счастливый Иван Иванович держал Алису за руку и смотрел на нее благодарными глазами.

Синдбад тоже был рад, что все хорошо кончилось.

— Молодец твоя подруга, — сказал он Ивану Ивановичу. — Шехерезада никогда бы из-за меня не пошла на такие жертвы.

— Погоди, еще не все потеряно. Станешь козликом, посмотрим, — улыбнулся Иван Иванович.

— Да ты что! — воскликнул Синдбад. — Ты с ума сошел!

— Извини, — сказал Иван Иванович. — С тобой такого не случится, потому что я сам во всем виноват. Так довериться проходимцу Кусандре! Еще раз спасибо тебе, Алиса.

Алисе тоже было приятно, что все хорошо кончилось, и она вдруг поняла, что страшно устала. Она положила голову на колени Ивану Ивановичу, заснула и проспала до тех пор, пока корабль не добрался до аравийского берега. Она не почувствовала, как Иван Иванович перенес ее в лодку, а потом во дворец.

У дверей дворца их встретила Шехерезада.

При виде Ивана Ивановича, который нес на руках Алису, она вскинула руки и закричала:

— Как замечательно! Мы победили! Несите девочку на диван!

Иван Иванович отнес Алису на диван и, поблагодарив Шехерезаду за помощь, сказал:

— Нам нужно скорей лететь обратно. Алисе пора домой.

— Сейчас полетите, — ответила Шехерезада, — но вы же не можете обидеть одинокую девушку, отказываясь от вкусного горячего чая.

Эти слова Шехерезады донеслись до Алисы будто издалека, сквозь шум моря, пение ветра, шуршание листвы. Вроде бы она и не спала, все слышала, все понимала, даже понимала, что голос Шехерезады изменился, стал совсем шелковым, нежным, вкрадчивым, особенно когда она обращалась к Ивану Ивановичу.

— Ай, выпейте чаю, — говорила Шехерезада, — не желаете ли шербету, мой драгоценный рыцарь? Вам, наверное, надоело быть в чужой шкуре! Где вы так чудесно загорели, у вас такое умное лицо... Ах, возьмите еще чаю.

Потом Алиса услышала тяжелый вздох и догадалась, что вздохнул Синдбад-мореход, который думал, что Шехерезада будет благодарна ему за то, что он помог вернуть козлику человече-

ское обличье, может, даже поцелует его еще раз, но Шехерезада буквально не замечала морехода. Профессор Иван Иванович, высокий, культурный, воспитанный и загорелый, полностью поразил ее воображение.

Алиса проспала бы еще дольше, хоть и понимала, что пора возвращаться домой, если бы не услышала, как кто-то сказал ей на ухо внятным шепотом:

— Пора домой, Алиса. Ковер-самолет ждет у подъезда.

— Сейчас, — ответила Алиса сквозь сон. — Я встаю.

— Скорей, Алиса, солнце садится. Облака густеют. Будет дождь. С ледников тянет холодом.

Тогда Алиса открыла глаза и увидела рядом печальное лицо Синдбада-морехода.

Ей стало стыдно, что она спит в такой важный момент.

— Увези его, — сказал Синдбад-мореход. — Может, он и не понимает, что в него готова влюбиться первая красавица Аравийских земель, но я уже жалею, что помогал вам в пещере джиннов.

Тогда Алиса все поняла, села на диване и сказала строгим голосом:

— Иван Иванович, вы думаете возвращаться?

Иван Иванович сделал над собой усилие и оторвал взор от прекрасных бархатных глаз Шехерезады.

Он поднялся с подушек, улыбнулся виновато и сказал:

— Мы вам очень благодарны за все, что вы для нас сделали. Но нам пора лететь.

— Зачем! — воскликнула Шехерезада. — Разве вам плохо в моем дворце, рыцарь Иван? Может, вам мешают другие люди? Тогда я их всех тут же выгоню. И этого надоедливого Синдбада, и эту девочку Алису.

— Ничего подобного, — сказал Иван Иванович. — Я возвращаюсь с моей подругой Алисой. А Синдбад останется здесь, с вами.

— Ни в коем случае! — закричала Шехерезада и побежала за директором заповедника сказок, который пошел к выходу. — Что вы будете делать в будущем?

— Мне надо возвращаться в заповедник.

— Хорошо, — сказала тогда Шехерезада. — Я поеду вместе с вами. Неужели в громадном заповеднике сказок не найдется местечка для сказочной Шехерезады, которая так изумительно умеет рассказывать сказки?

— Не умеешь, — мрачно сказал Синдбад-мореход.

— А мы с Ваней тебя не возьмем, — сказала Шехерезада, повисая на руке Ивана Ивановича. — Мы сейчас же поедем.

— Я боюсь, что вы скоро раскаетесь, — сказал Иван Иванович. — У нас жизнь тихая, заповедная, гномы и русалки...

— С тобой, мой прекрасный рыцарь, мне не будет скучно.

Синдбад-мореход заскрежетал зубами, и его загорелая рука опустилась на рукоять кинжала.

Хоть Иван Иванович и был замучен своими тяжкими приключениями, он не потерял присутствия духа перед лицом прекрасной Шехерезады. Но не надо думать, что он испугался гнева Синдбада-морехода. Он сказал просто и искренне, потому что был очень правдивым человеком:

— Дорогая Шехерезада, я признаю вашу сказочную красоту. Но я не могу полюбить такую красавицу, на которую надо беспрерывно любоваться. А в моем замке стоит хрустальный гроб с самой обыкновенной Спящей красавицей, которая как красавица значительно уступает вам. Но я все равно давно уже влюблен в нее, хотя долгое время не решался открыть крышку гроба. Видите ли, мне казалось, что это неправильно, раз я директор заповедника. Я думал, это называется использованием служебного положения в личных целях. Но после всех приключений в образе козлика я понял, что в таких вопросах стесняться нельзя.

— Конечно, нельзя, — сказала Алиса. — Будете стесняться, Кот в сапогах первым гроб откроет. Они такие, коты в сапогах. Наглые очень.

— Конечно, — согласился Иван Иванович. — Поэтому мне надо спешить. Так что, милая Шехерезада, не обижайтесь на меня, пожалуйста.

И он решительно направился к выходу в благоухающий сад.

Алиса очень обрадовалась такому решению директора, хотя Шехерезада, честно говоря, ей очень нравилась. Но еще больше нравился ей хитроумный Синдбад-мореход, и она желала ему счастья.

Алисе приятно было увидеть, как добрая улыбка появилась на мужественном лице морехода.

Но Шехерезаде все это не понравилось, потому что она была очень избалованной красавицей.

— Как так! — вскричала она. — Как ты смеешь мне противоречить, если я сама тебе объяснилась в любви! Ты не уедешь отсюда живым! Стража, изрубить его в мелкие-премелкие кусочки!

— Бегите! — крикнул Синдбад-мореход. — Она не шутит. У нее тропический темперамент.

Алиса схватила за руку Ивана Ивановича, который хотел, как настоящий профессор, уйти спокойным шагом. Алиса потянула профессора за собой, к ковру-самолету, который лежал на дорожке и дрожал углами, желая поскорее взлететь в воздух.

Когда они усаживались на ковер, Алиса увидела, как из двери рвется многочисленная стража с кривыми саблями, а Синдбад отчаянно отбивается от нее кинжалом.

— Нет, — сказал Иван Иванович. — Я должен ему помочь.

— И не мечтайте! — крикнула Алиса и добавила: — Ковер, немедленно лети!

Ковер послушался, взлетел немного, но остановился в воздухе, потому что Шехерезада закричала:

— Ковер, обратно!

— Ковер, лети! — кричала Алиса.

— Ковер, лети! — крикнул Синдбад-мореход.

— Шехерезада, прекрати немедленно! — раздался вдруг голос Дурынды. — Я все расскажу твоему отцу. Он тебя выпорет.

От неожиданности Шехерезада замолчала, а птица Дурында подлетела к ковру-самолету, вцепилась в него клювом и потянула за собой, на север. Это решило схватку. Ковер послушно набрал высоту и улетел. Дворец остался внизу, уменьшился, стал игрушечным, а в море неподалеку от берега был виден корабль Синдбада-морехода.

— До сви-да-ния, Синдбад! — крикнула Алиса. — Спасибо тебе, добрый друг!

Но Синдбад не услышал, потому что ковер поднялся высоко в небо. Всем стало холодно.

Иван Иванович обнял Алису и птицу Дурынду, чтобы не замерзли, и они помчались на север, навстречу леднику.

Глава 22

ПРОЩАНИЕ

Уже совсем стемнело, когда Алиса с Иваном Ивановичем добрались до леса, где в дупле дуба пряталась машина времени.

Они остановились на опушке.

Птица Дурында, которая уговорила Ивана Ивановича взять ее

в заповедник, опустилась ему на плечо, держа в клюве узелок со своим добром.

Богатырь Сила сидел верхом на отличном арабском жеребце, которого подарил ему благодарный волшебник Кемаль ар-Рахим.

— Я бы с вами съездил, — сказал богатырь, — но боюсь, что в вашем времени мало места для рыцарских подвигов.

— Не совсем так, — ответил ему Иван Иванович. — Место есть, но не для твоих подвигов.

— Еще бы, он сразу набросится на автобус, потому что решит, что автобус пожирает пассажиров, — сказала Алиса.

Рядом с богатырем стоял дракон Змей Долгожеватель. Он принес нацарапанное на бересте письмо для своего племянника, которое написал для него Герасик. Дракон с Силой обещали довезти его до деревни, чтобы волки не напали.

Волшебник Кемаль ар-Рахим парил неподалеку на ковре-самолете. Он был печален. Птица Дурында рассказала ему о легкомысленном поведении его дочери, и он собирался с рассветом, оставив верблюдов здесь (пускай идут своим ходом), улететь домой, чтобы навести там порядок.

Потом из воздуха возник волшебник Оох. Он держал на ладони маленькую прелестную Фею, вокруг которой распространялось золотистое сияние.

— Я очень рад, Иван, — сказал он, — что все обошлось. Прости, что не смог сам слетать с тобой в Аравию, но сам знаешь, собрание прерывать нельзя.

— О чем вы договорились? — спросил Иван Иванович.

— Как и положено в таких случаях, ни о чем, — ответил волшебник Оох. — Наше горе в том, что волшебники, маги и колдуны никогда не могут ни о чем договориться. Придется, наверное, вымирать и уступать место обыкновенным людям.

— То есть мне, — сказал мальчик Герасик. — Я согласен. — Волшебник Оох только кинул на мальчика невеселый взгляд и ничего не ответил.

— Если плохо придется, приезжайте к нам, — сказала Алиса, — для всех найдется место в заповеднике сказок.

Она поглядела на Ивана Ивановича, не возражает ли он. Иван Иванович сказал:

— Но учтите, друзья, что царствовать в будущем мы вам не сможем позволить. Другие времена, другие обычаи.

Потом все стали прощаться, прощание было грустным, как и положено быть прощанию. И вдруг с темного синего неба, от самых звезд послышался хриплый крик:

— Погодите! Остановитесь!

На опушку опустился Кусандра верхом на метле.

— Еле успел! — сказал он. — Я с вами.

— Это еще почему? — удивился Иван Иванович.

— Мне здесь делать нечего. Сестрица меня угнетает, разбойники меня ограбили, Курочку Рябу сожрали, золота у меня нет, ледник надвигается.

— Нет, — сказал Иван Иванович. — От тебя было слишком много неприятностей.

— Я заблуждался, у меня было тяжелое детство, я перевоспитаюсь. Вот видите, я метлу у сестрицы украл. Я буду ею заповедник подметать. С утра до вечера.

Иван Иванович посмотрел на Алису. Алиса посмотрела на птицу Дурынду, Дурында на волшебников, волшебники на богатыря, богатырь на дракона, и дракон за всех ответил:

— Возвращайся-ка ты, Кусандра, к своей сестрице.

— Ах так! — возмутился Кусандра. — Тогда я сам за вами в машину времени проберусь! Берегитесь!

— Не волнуйся, Иван, — сказал волшебник Оох, — мы вход в машину заколдуем так, что ни один негодяй не отыщет. А ты, Кусандра, лети отсюда, пока я тебя в гусеницу не превратил.

— Пока я тебя в комарика не превратила, — пискнула Фея.

— Пока я тебя не зарубил, — пробасил Сила.

— Пока я тебя не сжег, — закончил дракон.

Кусандра обвел всех диким, злым взглядом, вскочил на метлу и улетел туда, откуда доносился волчий вой. Там его ждали.

Алиса и Иван Иванович еще раз сказали «до свидания» и шагнули в темную чащу, где их ждала машина времени.

Глава 23

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИВАНА ИВАНОВИЧА

Когда через пять минут они вышли из машины времени в лаборатории замка, их оглушили грохот, шум и музыка. Они осторожно выглянули из лаборатории и поняли, что музыка несется из большого зала. Там на королевском троне сидели рядышком

гном Свен и кукла Даша. А остальные сказочные существа водили вокруг них хоровод. Свадьба была в самом разгаре.

— Пойдем на свадьбу? — спросила Алиса. — Нас приглашали.

— Обязательно, — сказал Иван Иванович, — только сначала я позвоню твоему папе, чтобы он не волновался.

— Это мы обязательно сделаем, — сказала Алиса. — А может быть, еще раньше мы спустимся в подвал?

И тут она увидела, как доктор наук и директор заповедника густо покраснел.

— А если завтра? — спросил он робко.

— Сейчас, — сказала Алиса, улыбаясь. — Мы не будем долго задерживаться. Мало ли что может случиться до завтра?

И они поспешили в подвал.

Как права оказалась Алиса!

Когда они вбежали в подвал, посреди которого стоял хрустальный гроб, они услышали громкое пыхтение. И увидели, как Кот в сапогах с помощью Волка большой палкой подцепил край крышки и отодвигает ее.

Крышка медленно сползает, поддается...

— Стойте! — закричала Алиса. — Не смейте!

Но опоздала. Крышка уже сама заскользила, поехала, наклонилась, коснулась углом каменного пола, раздался хруст, грохот и хрустальный звон — крышка разлетелась на тысячу кусков.

Иван Иванович с Алисой бросились к гробу, но Кот, который догадался, в чем дело, оказался проворнее. Он прыгнул в гроб, протянул свою морду к лицу Спящей красавицы и чмокнул ее прямо в губы.

Красавица проснулась.

Она открыла глаза.

— Урра! — закричал Кот. — Я победил!

Красавица медленно села в гробу, увидела перед собой кошачью морду, оглянулась. Иван Иванович как громом пораженный стоял возле гроба, понимая, что опоздал всего на минуту. Из глаз Алисы брызнули слезы. Принцесса взяла шелковую подушку, на которой только что спала, и со всего размаха запустила в Кота.

Кот взвизгнул и вывалился из гроба на пол.

— Кошек здесь развели! — сказала принцесса капризным голосом. — Прямо в кровать лезут!

Потом она посмотрела на Ивана Ивановича и сказала:

— Иван, помоги мне отсюда вылезти.

Она подала директору заповедника руку, и тот помог ей выбраться наружу.

Потом она взяла Ивана Ивановича под руку и медленно пошла с ним к выходу, не обращая внимания на Кота и Волка.

— Это нечестно! — закричал вслед Кот. — Так не по правилам! Я тебя первый поцеловал!

От самой двери принцесса обернулась и сказала:

— А у моего Вани все впереди.

И они исчезли.

За ними ушли, понурившись, Кот и Волк.

А Алиса осталась одна.

Она поняла, что директора ей не дождаться, придется ехать домой.

И она почувствовала такую усталость, что даже не захотела веселиться на свадьбе гнома Вени.

Алиса потихоньку выбралась из замка и пошла к автобусной остановке. Здесь она позвонила домой из видеофона-автомата.

— Папа, — сказала она, — я вернулась. Скоро буду дома. Не волнуйся.

— А я не волнуюсь, — сказал отец. — Только что мне звонил Иван Иванович и обо всем рассказал.

ЛИЛОВЫЙ ШАР

Глава 1

ГРОМОЗЕКА И ПАУК

Маленькое белое солнце висело прямо над головой, и поэтому тени были короткими. Под деревьями, в тени, росла густая зеленая трава, колючая, как стая ежей. Подальше, на открытых местах, из земли высовывались рыжие, утыканные иглами шары. Когда к ним подойдешь поближе, иглы вырастают и шевелятся. Лучше не подходить, а то могут выстрелить иголками.

Алиса была в скафандре, иголки отскакивали от него, но их удары Алиса чувствовала, и ей все казалось, что какая-нибудь самая острая игла может проколоть металлическую ткань.

Здесь надо быть очень осторожной. Как на войне. Алисе, правда, не приходилось бывать на войне, но и другой такой планеты, где все ополчилось против людей, она тоже не видела.

Обычное утреннее путешествие от купола до раскопок, занимавшее минут пять, не больше, могло грозить неприятными неожиданностями. Вот и сейчас: впереди идут Громозека и два археолога, сзади отец с парализующим бластером наготове.

Громозека — старый друг Алисы, гигантский археолог с планеты Чумароза, грозное чудовище, с виду похожее сразу на слона и осьминога, и добрейшее существо в душе.

— Стоп! — вдруг кричит Громозека, предупреждающе подняв три щупальца (три других заняты оружием, еще в двух он несет ящики с инструментами).

Археологи замерли. Алиса замерла. Отец Алисы, профессор Селезнев, замер...

Поглядев вперед, Алиса поняла, что насторожило Громозеку.

Посреди дорожки, которая за последние две недели исхожена тысячу раз, за ночь выросло крепкое, метров в пять ростом дерево, усыпанное желтыми цветочками. Ветерок чуть шевелил длинные нежные листья, бабочки лениво порхали над цветами. Очень красиво. Но ведь десять часов назад на этом месте никакого дерева не было.

Громозека протянул вперед длинный щуп с анализатором на конце. Кончик щупа чуть покачивался, будто принюхивался. И когда до ближайшей ветки оставалось сантиметров десять, дерево вдруг взмахнуло веткой и так рубануло по щупу, что Громозека не удержал его. Щуп упал на землю, и тут же к нему полетели иглы рыжих шаров.

Громозека рассердился.

— Мне это надоело! — вскричал он. Глаза под прозрачным шаром шлема загорелись. Он поднял бластер и ударил по дереву парализующим лучом.

Ветви дерева тут же свернулись, желтые цветочки закрылись, дерево начало проваливаться.

И на том месте, где оно росло, осталась небольшая кучка пыли, и если бы Алиса собственными глазами не видела этой сцены, она никогда бы не подумала, что такое возможно.

Археологи, за ними Громозека, потом Алиса и ее отец осторожно обошли место, куда спряталось дерево, и поднялись на невысокий холм, вершина которого была изрыта квадратными ямами. Здесь шли раскопки.

Громозека остановился на краю раскопа и тщательно пересчитал своих спутников.

— Я повторяю, — сказал он печально. — Мне это надоело. У меня еще не было такой трудной экспедиции. Я работал на восьмидесяти планетах, я встречался со всеми мыслимыми и немыслимыми обитателями нашей Галактики. Но более коварного, гадкого, трусливого и опасного места я не встречал. Где робот-копатель номер три?

Роботы и археологические машины стояли посреди площадки. В их строю зияла брешь. Одного из роботов не было.

Громозека кинулся вперед.

— Осторожнее! — крикнул ему вслед профессор Селезнев.

Но опоздал.

Громадная туша добродушного, но вспыльчивого археолога Громозеки, триста двадцать килограммов живого веса, восемь щупальцев, слоновьи лапы, облаченные в скафандр, три бластера и один меч — все это в мгновение ока исчезло из виду, потому что Громозека провалился в замаскированную ловушку, которую кто-то за прошедшую ночь выкопал посреди площадки.

Когда археологи, Алиса и Селезнев подбежали к яме, они увидели, что Громозека бьется в объятиях огромного паука, острые

зазубренные жвалы которого, источающие мутный яд, елозили по пластику шлема, стараясь его прокусить.

Селезневу пришлось потратить почти весь заряд бластера, пока наконец паук не ослабил хватку и не замер на дне ямы.

Потом минут десять с помощью роботов они вытаскивали заклинившегося в яме начальника экспедиции. Громозека был настолько расстроен и оскорблен тем, что стал добычей паука, что мрачно повторял:

— Оставьте меня в яме. Я недостоин того, чтобы снова увидеть белый свет. Засыпьте меня песком и забудьте мое имя.

— Громозека, миленький, — уговаривала его Алиса. — Каждый из нас мог сюда угодить. Даже я.

Когда Громозеку извлекли из ямы, обнаружилось, что под ним лежит изуродованный робот-копатель номер три. Наверное, паук, что затаился на площадке, сначала решил полакомиться роботом. Наесться им он, разумеется, не смог, но изломал его основательно.

Громозека уселся на краю ямы, стер яд со шлема и сказал:

— Умоляю, прости меня, мой друг Селезнев, что я заманил тебя на эту злобную планету. Я ежеминутно подвергаю опасности твою жизнь и жизнь твоей изумительной девочки. Вернее всего, никто из нас не вернется отсюда живым.

— Ничего страшного, — ответил Селезнев, который был более уравновешен, чем его старый друг. — По-моему, для биолога это очень интересная планета.

— Я согласна с папой, — сказала Алиса. — Мне тут нравится.

— С ума сойти! — вздохнул Громозека. — Вы какие-то самоубийцы.

— Если хочешь, Громозека, — сказала Алиса, — ты улетай отсюда, а мы с папой останемся еще немного.

Громозека внимательно оглядел Алису с ног до головы всеми своими глазами и вдруг широко улыбнулся, показав акульи зубищи.

— Я понял! — воскликнул он. — Вы хотите сказать, что я самый трусливый археолог во Вселенной. А это, кстати, еще надо доказать!

С этими словами он поднялся на свои толстые лапы и зарычал на всю площадку:

— Почему не начинаем работать? Немедленно приступить к раскопкам!

Правда, кричал он только для того, чтобы самого себя успо-

коить. К этому времени все его коллеги уже трудились, раскапывая погибшую когда-то крепость на удивительной планете Бродяга.

Глава 2

ПЛАНЕТА БРОДЯГА

Планета, где археолог Громозека попал в ловушку, называлась Бродягой. Разумеется, это неофициальное ее название. Во всех справочниках она называется так: ИКО-1. То есть: Искусственный космический объект № 1. Другой такой планеты нет. И вряд ли будет.

Бродягу обнаружили случайно. Могли бы обнаружить и позднее. По очень простой причине: в отличие от всех других планет у нее нет своего солнца.

А раз нет солнца, то ее не видно.

Галактика состоит из звезд, вокруг некоторых из них вращаются планеты. А если планета не вращается вокруг звезды, значит, она бездомная, у нее нет своего места в космосе и она летит сама по себе в холодном, темном пространстве, где звезды встречаются так же редко, как родники в пустыне Сахара.

Бродягу нашли, потому что она влетела в ту часть Галактики, где находится Земля. Астрономы высчитали, что Бродяга летит не напрямик, а совершает огромный круг, раз в двадцать шесть тысяч лет возвращаясь в одну и ту же точку. Она должна была пролететь сравнительно недалеко от Солнечной системы, так же, как она это сделала двадцать шесть тысяч лет назад, пятьдесят две тысячи лет назад и, может быть, семьдесят восемь тысяч лет назад...

Однажды в кабинете профессора Селезнева, директора Московского космического зоопарка, известного специалиста по инопланетным животным, раздался видеофонный звонок. Когда Селезнев включил экран, он увидел на нем круглое, многоглазое лицо своего старого друга археолога Громозеки с планеты Чумароз. Громозека открыл громадную, полную акульих зубов пасть, приложил передние щупальца к покрытой панцирем груди, в которой бились три его добрых вспыльчивых сердца, и сказал:

— Селезнев, друг мой, собирайся, ты летишь на Бродягу.

— Здравствуй, Громозека, — улыбнулся Селезнев. — Я не

знаю никакого бродяги. Но без тебя я соскучился и рад буду, если ты заглянешь к нам в гости. Алиса тоже будет рада.

— Ты ничего не понимаешь! — взревел Громозека. — Я говорю с тобой с Плутона. Мой корабль отлетает через двадцать минут. Я спешу. Если не успею на Бродягу, туда прилетят археологи со всех концов Галактики и сделают великие открытия, которые должен сделать только я.

— Но что за Бродяга? — удивился Селезнев.

— Ты даже газет не смотришь! — рассердился Громозека. — Неужели ты не слышал, что капитан Ким открыл искусственную планету, которая летит в космосе от звезды к звезде и нигде не останавливается?

— Знаешь, я только что из экспедиции, — сказал смущенно Селезнев, — и отстал от жизни.

— Тогда слушай. Ким нашел в открытом космосе бродячую планету. Оказалось, что она не притягивает к себе другие тела, а отталкивает их.

— Этого быть не может, — твердо сказал Селезнев.

— Не перебивай. У меня осталось восемь минут. Ким обнаружил, что эта планета пустая внутри и оболочка ее искусственная. Ты меня слышишь?

— Да.

— Планета оказалась вывернутой наизнанку. То, что у других планет снаружи, у нее оказалось внутри, понимаешь?

— Ничего не понимаю.

— Представь себе большой орех с маленьким ядрышком внутри. Вся трава, горы, холмы, реки, озера находятся на внутренней стороне скорлупы. А маленькое ядрышко — это тамошнее солнце. То есть, с нашей точки зрения, по этой планете можно ходить только вверх ногами.

— С точки зрения физики — глупость, — сказал Селезнев. — Все твои так называемые реки выльются внутрь, а горы тоже упадут на внутреннее солнце.

— Нет! — закричал Громозека. — Секрет в том, что оболочка планеты многослойна. Внешний ее слой — сверхпрочный сплав. Средний слой — вещество, которое ваши физики назвали гравиферрумом. Это металл, притягивающий к себе все предметы. То есть скорлупа нашего ореха как бы магнит, который притягивает к себе все, что находится на его внутренней стороне. И, соответственно, с такой же силой отталкивает все, что находится на внешней стороне скорлупы. Поэтому маленькое искусственное

солнце, что висит точно в центре пустой планеты, никуда не может деться — стены полости притягивают его одинаково, как бы держа невидимыми нитями...

— Если это так... — начал Селезнев, но Громозека его перебил.

— Некогда, — сказал он быстро. — Наше время истекло. Слушай внимательно. Никто еще не знает, когда и почему обитатели и строители этой планеты покинули ее. Там нет ни одного разумного существа, но много животных и птиц. Нам, археологам, надо раскопать ее города и узнать, что же с ней случилось. Так что я уже заказал тебе два билета на лайнер, который отлетает послезавтра с Луны к альфе Водолея. Когда вы будете пролетать поблизости от Бродяги, я вышлю навстречу свой корабль и вы пересядете на него. Ясно?

— Но как я доберусь обратно? Ведь у меня масса дел... — попробовал возразить Громозеке профессор Селезнев.

— С каждым днем это сделать все легче. Планета Бродяга летит к Солнечной системе и через несколько недель пройдет совсем близко от Земли.

— Хорошо, — почти сдался Селезнев. — Неделю я смогу уделить...

— Две недели!

— Две недели? А почему ты заказал два билета?

— Очень просто, — раздался голос от двери кабинета. Там стояла Алиса. — Громозека знал, что я полечу с тобой. У меня же зимние каникулы!

— Правильно, — сказал Громозека. И экран погас.

— Ни в коем случае, — сказал профессор Селезнев.

— Почему? — удивилась Алиса. — Разве я тебя когда-нибудь подводила? Разве мы с тобой, отец, мало путешествовали вместе?

— А что скажет мама?

— Мама скажет так: если вы обещаете...

В этот момент в кабинет вошла мама и сказала:

— Если вы обещаете мне не лезть под дождь, не купаться в глубоких местах, не открывать форточки в открытом космосе, есть суп каждый день, не ссориться, мыть руки перед едой, не дразнить драконов, ложиться спать вовремя, то я согласна отдохнуть от вас недели полторы.

— Видишь, отец, — сказала Алиса, — насколько мама мудрее тебя.

— Если бы она была мудрой, — возразил отец, — она бы никогда не вышла за меня замуж.

— И никогда бы не выбрала тебя в дочки, — согласилась мама.

Селезнев вздохнул, отложил в сторону начатую статью и позвонил в информаторий, чтобы ему срочно сообщили все данные о недавно открытой планете Бродяга.

Глава 3

СПЛОШНОЕ НЕВЕЗЕНИЕ

После того как Громозеку вытащили из ямы, он долго не мог прийти в себя. Громозека не боялся почти ничего на свете. Кроме пауков и длинных батонов. С батонами все было ясно — когда Громозека был маленьким, бабушка заставляла его ничего не оставлять на тарелке. А если он не доедал пищу, то она била его по голове длинным батоном. Это было не очень больно, но обида осталась в гордых сердцах Громозеки на долгие годы. Пауков же Громозека боялся с тех пор, как говорящий паучок на планете Персипона, где Громозека учился в аспирантуре, предсказал ему, что он получит двойку на экзамене по хронологии. Громозека получил двойку, лишился стипендии и целый семестр жил впроголодь. С тех пор он пауков боялся, потому что подозревал, что все они умеют предсказывать неприятности. Когда же он сегодня попал в лапы паука-гиганта, то не испугался, что паук его может сожрать. Он боялся одного: что паук предскажет еще какую-нибудь неприятность. Но паук погиб молча, и Громозеку это не успокоило. Он все время оглядывался, не появился ли рядом другой паук.

— Невезение — невезение — сплошное невезение, — твердил мрачно Громозека, шагая вдоль раскопа, в котором трудились роботы, а археологи за ними присматривали.

Говоря «невезение», Громозека имел в виду не только пауков и деревья с желтыми цветами. Тайна планеты Бродяга, оставленной жителями, все еще не была разгадана. Казалось бы, Громозека с его опытом должен был в первый же день ответить на простой вопрос: кто и зачем создал планету, кто здесь жил и куда делся.

Нельзя сказать, что археологи ничего не нашли. Остатки городов и поселений встречались во многих местах. Но это были какие-то ненастоящие поселения. В земле, покрывавшей изнут-

ри планету пятиметровым слоем, обнаруживались каменные плиты, куски дерева, обломки железных орудий, глиняные черепки. Но ни одной книги, ни одного произведения искусства, даже ни одной игрушки.

Профессору Селезневу и Алисе повезло больше, чем археологам. Животный мир планеты был удивительным, ни на что не похожим. Здешние четвероногие, шестиногие, многоногие обитатели были объединены одним общим качеством — злостью.

Во всей Вселенной действуют одинаковые биологические законы. Каждое живое существо старается выжить, прокормить своих детей. И если для этого лисице приходится охотиться на зайцев, а прокурулям глотать весчиков, удивляться не приходится.

Зато волк никогда не нападет на слона или шестиметрового крокодила, потому что это самоубийство, а воробей не станет охотиться на носорога, потому что это ему ни к чему.

Здесь же все было иначе. Все на всех нападали. Нужно, не нужно, все равно нападали. От этого местные животные таились друг от друга, нападали исподтишка, неожиданно и злобно. К тому же все они, даже самые травоядные из травоядных, были вооружены страшными челюстями, шипами, ядовитыми железами, иглами, чуть ли не ракетами.

— В этом нет логики, — говорил профессор Селезнев Алисе, сидя на берегу речки, что текла рядом с холмом, где шли раскопки. — Для меня такое поведение животных — нарушение законов природы. Загадка не менее странная, чем все другие загадки Бродяги.

— Я с тобой согласна, — сказала Алиса.

Всегда ходить в скафандре, хотя вокруг самый нормальный воздух, обидно и глупо. Но что поделаешь. Вот над головой вьется комарик. А еще неизвестно, что это за комарик.

И только Алиса так успела подумать, как комарик выпустил жало длиной сантиметра два и спикировал на Алису. Жало согнулось, ударившись о шлем, но Алиса, хоть и была готова к нападению, вздрогнула.

— Дурак, — сказала она комару.

Комар еще раз бросился на Алису, но промахнулся и упал на землю.

Речка была мелкой, прозрачной и неширокой. Видны были камешки на ее дне, а в самой глубине просвечивала тусклым блеском металлическая основа планеты. Алисе хотелось искупаться,

но об этом и мечтать не приходилось, потому что даже мальки в реке готовы были тут же вцепиться в любого купальщика. Алиса стояла на берегу, смотрела, как играют в воде мальки, и думала: «Вот странно, я вижу металлическое дно реки. И если бы у меня была самая сильная в мире нога, я могла бы топнуть, пробить дно и оказалась бы в черном бесконечном космосе, а вода из реки фонтаном вылетела бы наружу и круглыми каплями разлетелась бы в пространстве».

Селезнев снимал на пленку рыб, брал образцы воды, чтобы потом определить микробов, живущих в ней. Алиса его охраняла. Ведь неизвестно, в какой момент и откуда вылезет какая-нибудь тварь, чтобы попытаться отца сожрать. Это не значит, что отцу угрожает настоящая опасность, но в любом случае очень неприятно, если в разгар работы на тебя наваливается какой-нибудь ядовитый медведь. Так что Алисе приходилось вместо того, чтобы гулять по окрестностям, настороженно вглядываться в окружающие кусты, держа наготове бластер.

Впрочем, это тоже интересно: мало кому из друзей Алисы доводилось стоять, сжимая в руке усыпляющий бластер, на далекой опасной планете под искусственным солнцем.

Да не просто стоять, а пускать бластер в ход... Вот что-то блестящее мелькнуло в рыжей траве — серебристая змея стрелой метнулась к отцу. Рука Алисы опустилась, и в тот момент, когда змея приподняла голову, готовясь к прыжку, Алиса нажала на спуск — мелькнула вспышка, змея свернулась кольцом, выпрямилась и заснула.

— Ты чего стреляешь? — спросил отец, не поднимая головы.

— Добыла тебе редкий образец, — ответила Алиса.

Она поглядела на обрыв: в этом месте речка вгрызлась в склон холма, на вершине которого работали археологи. Кое-где, прицепившись корнями к откосу, там росли колючие кусты. В одном месте в тени кустов было какое-то темное пятно. Но Алиса не успела приглядеться к нему, потому что на обрыве показалась громоздкая фигура Громозеки. Он махал щупальцами.

— Нашли! — гремел над речкой и над долиной голос Громозеки. — Эврика!

— Чего нашли? — спросил профессор Селезнев.

— Не скажу, — ответил Громозека. — Это сюрприз.

Его многоногая, многорукая, многоглазая фигура исчезла.

«Удивительное дело, — подумала Алиса, глядя, как отец собирает приборы. — Сколько сотен лет люди кричат «эврика!», даже

не задумываясь, что это древнегреческое слово. Кажется, его впервые крикнул ученый Архимед. Когда залез в ванну и увидел, что вода вылилась наружу. Странные люди — великие ученые. Один лезет в ванну, другой идет в сад глядеть, как падают с яблони яблоки».

— Интересно, — сказала Алиса. — А что было потом?

— Когда? — не сразу понял отец.

— Ну, залез Архимед в ванну, понял, что его тело теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода. А потом?

— Потом? — отец задумался. — Я думаю, что потом Архимед забыл одеться и побежал в голом виде по улицам, крича «эврика!».

— Правильно, — сказала Алиса. — И первый же полицейский его арестовал за хулиганство. Я думаю, что даже в те древние времена ученые обычно не бегали голыми по улицам. Почему-то в истории остаются только первые моменты. А ведь за первыми моментами всегда идут вторые. Может, Архимеда даже арестовали...

— Правильно, — сказал отец. — Но в полицейском участке была ванна. Архимед залез в нее и доказал полицейским, что он был прав.

— Полицейские разделись и по очереди залезали в ванну.

— Пока не расплескали всю воду.

— И последний полицейский сказал, что Архимед не прав, потому что его телу нечего вытеснять...

— А вот подумай о Ньютоне, — сказал отец. — После того, как яблоко упало ему на голову...

Но продолжить рассуждения о судьбе великих ученых Селезневы не смогли, потому что в этот момент они как раз переходили вброд речку, а из песка на дне вылезли чьи-то железные челюсти, схватили Алису за ногу и не пускали, пока профессор Селезнев не вытащил Алису на берег вместе с вцепившейся в ногу мертвой хваткой совершенно непонятной тварью, состоявшей только из челюстей.

Пока отец отцеплял тварь от ботинка Алисы, она поглядела наверх, где недавно видела темное пятно. Пятно оказалось дырой в холме, может быть, даже входом в пещеру. Алиса хотела было сказать отцу, что надо будет проверить эту пещеру, в ней наверняка таится какой-нибудь хищник, но тут на обрыве снова возник Громозека, обиженный, оскорбленный, униженный по-

ведением своих ближайших друзей, которые не желают спешить, чтобы увидеть собственными глазами, какое великолепное открытие он совершил.

Глава 4

ГИПОТЕЗА АЛИСЫ

Открытие и в самом деле было важным.

Когда роботы убрали спекшийся завал посреди сгоревшей крепости, они нашли под ним останки существ, когда-то погибших в той крепости.

Пол зала был усеян костями и оружием воинов.

Существа, населявшие Бродягу, оказались похожими на людей, только поменьше ростом, поуже в плечах, с длинными, сплющенными с боков черепами. Они были вооружены короткими мечами, боевыми топорами и трубками, которые, по мнению Громозеки, стреляли отравленными стрелами.

Роботы оживленно гудели, фотографируя и очищая находки.

— Я сделал вывод, — сказал Громозека. — Эта крепость погибла во время войны. И люди сюда уже никогда не вернулись. Эта война случилась чуть более пяти тысяч лет назад.

Алиса уже не первый раз была на археологических раскопках и знала, что любой древний город состоит из слоев. Самый нижний слой — самый старый. Потом проходят годы, люди подсыпают дороги, строят новые дома на месте разрушившихся, теряют вещи и сметают во двор пыль. Город как бы все время растет ввысь. Следующий «культурный слой» относится к более позднему времени. И если город живет долго, то таких слоев бывает много. Иногда на месте покинутого города остается высокий холм, созданный не природой, а человеком, набитый, как пустой суп горохом, остатками человеческого быта.

Но крепость на холме была не такой. В ней был только один слой, к тому же довольно тонкий. Под ним — скала. Значит, люди в городе жили недолго.

А может быть, эти люди жили не здесь? А в крепости они только прятались от врагов?

Где же они тогда жили?

И тут же Алиса вспомнила о черной дыре в склоне холма, которую она видела от речки.

— Громозека, — сказала Алиса. — А что, если эти люди сюда только приходили? А жили в другом месте?

— Шутка? — спросил Громозека.

— Нет, гипотеза, — сказала Алиса.

— Но поблизости нет других поселений, — сказал Громозека.

— А если внизу? Внутри холма?

— Чепуха! — отрезал Громозека. — Ты же видишь!

Он постучал ногой по скале, которую очищали археологи.

— Ну, если чепуха... — Алиса не стала спорить.

Она решила, что обязательно заглянет в пещеру у реки. Сначала заглянет, а потом уж расскажет. Если будет о чем рассказывать. Бластер у нее есть, скафандр на ней крепкий. К тому же всегда интересно сделать то, что не догадались сделать взрослые.

Глава 5

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД

Все были увлечены находками, и Алиса рассудила, что в ее распоряжении, по крайней мере, часа два до обеда. Она сунула за пояс бластер, проверила, лежат ли в кармане скафандра очки ночного видения, и отправилась в недалекий, но рискованный поход.

Перейдя реку, Алиса остановилась, глядя вверх, на вход в пещеру. До него было метров десять, и обрыв был крутым, почти отвесным. На полпути к пещере начинались колючие кусты. Значит, метров пять придется подниматься, цепляясь за небольшие выступы и прижимаясь к камням.

Алиса оглянулась. Вроде бы никакой опасности.

Она глазами отыскала несколько выступов в стене и поставила ногу на первый. Первые метра три она поднималась уверенно, но тут везение прекратилось. Ни одного выступа, ни одной трещины. Только остролистый кустик в метре над головой.

Алиса попыталась выцарапать углубление в твердой скале, но перчатки были слишком мягкими для этого, а ничего более твердого она взять с собой не догадалась. «Наверное, придется спускаться и искать другой путь», — подумала она, хоть спускаться было жаль — до кустиков осталось совсем немного.

Тогда она вспомнила о бластере.

Осторожно, чтобы не потерять равновесия, Алиса достала

бластер из-за пояса. Конечно, луч его рассчитан только на то, чтобы усыпить жертву. И все же...

Прижавшись к скале, Алиса отвела в сторону руку с бластером и нажала на курок. Ослепительный луч коснулся скалы, подняв облачко пыли. Нет, ничего не выходит. Алиса перевела силу бластера на максимум. И тут почувствовала опасность.

Она ничего не видела, не слышала — просто поняла, что внизу — враг.

Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться — она не ошиблась: у подножия обрыва стояло чудовище, похожее на крокодила, только на высоких лапах, и раздумывало, как ему сожрать Алису. Если бы чудовище сообразило встать на задние лапы, оно могло бы без труда уцепиться Алисе за ногу и стащить ее вниз. Алиса же ничем помешать чудовищу не могла, потому что с трудом балансировала на носках, распластавшись по стене.

Заметив, как Алиса старается оторвать руку с бластером от скалы, чудовище сжалось на мгновение и, распрямившись пружиной, прыгнуло!

Этот прыжок и разрешил все Алисины трудности.

От испуга она взлетела вверх и вцепилась в кусты, росшие под входом в пещеру. Откуда взялись на это силы, она сама не поняла.

Чудовище, оскорбленно рыча, сползло на брюхе к подножию обрыва, а Алиса подтянулась, держась за кусты. Через несколько секунд она уже была в пещере.

С минуту Алиса неподвижно лежала у входа в пещеру, прислушиваясь, есть ли там кто-нибудь.

Но вокруг было совершенно тихо.

Алиса поднялась, весело помахала на прощание рукой чудовищу, которое обиженно взревело, потом опустила на глаза ночные очки и шагнула в темноту пещеры.

Пещера была пуста. Алису это расстроило. Она надеялась, что, как только попадет сюда, увидит сундуки с драгоценностями или книгами пропавшей цивилизации.

В разные стороны от входа отходили коридоры и вырубленные в камне лестницы. Алиса поднялась по одной из них, заглянула в комнату справа от коридора, потом в другую. Комнаты были пусты. Алиса остановилась и подумала: что-то неладно.

Ну конечно же! Ведь там были ступеньки! Вся эта пещера внутри сделана разумными существами! Конечно, природа мо-

жет случайно сделать прямой коридор и даже квадратный зал. Но вот лестниц природа делать так и не научилась!

Коридоров и комнат было немыслимое множество, хотя, возможно, Алисе это показалось, потому что она не привыкла ходить по пещерам.

Куда идти?

Алиса рассудила так: если сверху над ее головой была крепость и там когда-то произошло сражение, то наверняка из подземного города в крепость раньше был ход... Вот если бы его отыскать и открыть люк в тот момент, когда Громозека скажет: «Раскопки окончены! Больше ничего найти не удалось!» Тогда из-под земли выглянет Алиса и скажет: «Вы ошибаетесь! Раскопки только начинаются!»

Подумав так, Алиса выбрала коридор, ведущий кверху.

И ей повезло. Уже через несколько шагов она попала на перекресток коридоров. Там, забытый кем-то, лежал бронзовый топорик, украшенный светящимися драгоценными камнями и красивой насечкой в виде цветов и зверей. Алиса подняла топорик. Он был тяжелым, но очень удобно пришелся по руке. Будто был сделан специально для Алисы. Алиса даже пожалела, что нет зеркала, — интересно поглядеть, как она выглядит с боевым топориком в руке. А вдруг это не боевой топорик, а знак княжеской власти? Как жаль, что придется через неделю возвращаться домой, — ведь открытия только начинаются.

И тут она увидела закрытую дверь. Это была первая дверь в подземелье. Дверь была железной, с узорной чеканкой, а узоры точно такие же, как на топорике. Но никакой ручки. Только небольшое круглое отверстие посередине двери.

Алиса ее толкнула, но та не поддалась.

Ну ладно, этим займутся археологи. Надо же им оставить какую-нибудь работу.

С этой довольно самоуверенной мыслью Алиса отошла от двери и поняла, что заблудилась. Она постаралась вспомнить, по какому коридору пришла сюда, но коридоров было несколько. Сначала она не испугалась. Ну чего бояться в пустом подземелье? Но она шла и шла, коридоры изгибались, вливались друг в друга, и ей показалось, что она давным-давно кружит по этому темному лабиринту.

Лишь эхо собственных шагов отдавалось так, словно кто-то шагает следом. Дыхание начало учащаться. Алиса заставляла себя не спешить, но ноги рвались вперед. За очередным поворотом она не выдержала и побежала.

Она мчалась черными коридорами, скатывалась по желобам, лезла по лестницам, пробегала комнаты и залы. Но все были пустыми. Она успела заметить, что кое-где лежали груды оружия и металлических доспехов, в других — каменные изваяния, дальше — гора битых глиняных горшков.

Время перестало существовать — Алиса не могла бы сказать, давно ли она бежит.

Вот еще одна лестница вверх. Алиса бросилась по ней.

Она оказалась в большом зале с низко нависшим каменным потолком. Никакого выхода.

Алиса по инерции добежала до противоположной стены, споткнувшись о скелет в латах, лежавший на полу. Скелет от прикосновения превратился в пыль.

И тут Алиса поняла, что смертельно устала и никуда бежать не в силах. Она села на пол у стены.

И тут сверху кто-то постучал. Это было невероятно. Может, там живет чудовище, которое почуяло Алису и решило ее съесть?

Алиса затаила дыхание.

Раздался еще один удар. Затем страшный, леденящий сердце скрип.

И тут же в потолке образовался ослепительно светлый прямоугольник.

В нем возникла громадная уродливая тень.

Алиса поняла, что погибла. Но без сопротивления, без боя она не сдастся.

Она тщательно прицелилась из бластера и выстрелила.

Раздался короткий рев, и огромная туша тяжело свалилась в подземелье.

Алиса сделала шаг к поверженному чудовищу. Чудовище было в скафандре и шлеме. Оно спало. И Алиса поняла, что подстрелила Громозеку.

Алиса еще пыталась сообразить, как же она с перепугу приняла своего друга за чудовище, как сверху в проем спрыгнул ее отец. Профессор Селезнев сразу понял, в чем дело.

Сначала он пощупал пульс у Громозеки.

— Спит, — сказал Селезнев.

Затем вынул из походной аптечки шприц и сделал археологу укол.

— Сейчас проснется, — сказал он и только потом обернулся к

Алисе. — Как ты сюда попала? — закричал он, который всегда начинает кричать, если пугается за Алису.

— Я открыла подземный город, — скромно сказала Алиса. — И попрошу это как-нибудь отметить в книжке, которую вы о нем напишете.

— Но как... но зачем? Кто тебя просил, в конце концов! — Отец был возмущен, но Алиса на него не обиделась. У отца трудная роль — быть родителем такого беспокойного ребенка, как Алиса.

— Я выполняла свой долг перед наукой, — сказала Алиса. — У меня была гипотеза, и мне надо было ее проверить. Кто бы мне поверил без доказательств?

— И так всегда, — сказал Громозека, просыпаясь. — Идеи-то есть, но исполнение никуда не годится.

Он с трудом сел.

— А что мне было делать?

— Уговаривать меня, убеждать! Не стрелять же!

— А вы бы надо мной смеялись. Вот я и нашла самый лучший способ убеждения. Разве нет?

Глава 6

ТАЙНА ПОДЗЕМНОГО ГОРОДА

С этого момента жизнь экспедиции изменилась. Правда, отец не удержался и сказал:

— Если бы ты не полезла в пещеру, ее бы отыскали и без тебя. На полчаса позже. А ты могла и шею сломать.

— Но ведь не сломала, — ответила Алиса.

Подземный город наградил археологов множеством удивительных находок. Теперь можно было понять, как жили когда-то обитатели крепости и подземного города.

— Всего мы раскопали восемь поселений и одну крепость, — сказал Громозека, собрав экспедицию. — В поселениях мы не нашли почти ничего, кроме обломков горшков и кастрюль, ржавого оружия и следов пожара. И тогда мы поняли, что все эти поселения и крепость погибли в долгой и тяжелой войне, в которой жители планеты перебили друг друга. Сначала они воевали, стреляя из пушек и ружей, потом, когда кончились порох и железо, люди бились дубинками и стреляли из луков, резали друг друга ножами и кидали камни.

Громозека опечалился, его щупальца печально повисли.

— А звери не смогли перебить друг друга, — сказала Алиса. — Они по лесам разбежались. Но им тоже хочется убивать. И если так будет продолжаться, скоро никого на Бродяге не останется.

— А в подземном городе? — спросил профессор Селезнев.

— Все, что лежит в тайниках и на подземных складах, — это оружие, запасы на случай осады, боеприпасы, — все для войны.

Алиса оглянулась. Общая комната купола, под которым жили археологи, была буквально завалена всевозможным оружием, которое они притащили из подземелья. Но ведь это неправильно! Не может же быть, чтобы люди стали людьми, разумными существами, если они, кроме войны, ничего другого не знали и не умели.

Профессор Селезнев с утра усаживался за электронный микроскоп. Теперь ему было важнее понять, что же вызывает у всех зверей, птиц и насекомых Бродяги неукротимую злобу. Работал он так часа два, потом шел к клеткам, в которых содержались отловленные на планете звери. Он кормил их, наблюдал за ними. Потом возвращался к микроскопу и снова искал, в чем же секрет необычайной злобы. Но не находил ответа.

А за это время археологи разобрали завал в глубине подземного города и нашли там архив и библиотеку планеты.

Несколько дней Громозека не вылезал из своего кабинетика за тонкой перегородкой. Там беспрестанно жужжала переводческая машина. Она расшифровывала язык жителей Бродяги. Остальные же археологи просматривали пленки, найденные там. Это их специальность — восстанавливать по клочкам прошлое. Кувшин — по черепку, статую — по обломку, рукопись — по обрывку. И они выяснили, что же произошло на планете Бродяга.

А произошло вот что.

Когда-то, примерно тридцать тысяч лет назад, вокруг одной звезды вращалась планета. Она была похожа на Землю, и жители ее уже освоили космические полеты. Однажды они узнали, что их звезде грозит опасность. Через несколько столетий звезда, их солнце, должна взорваться.

К сожалению, хоть жители той планеты многое умели и многого достигли, улететь к другой звезде они не могли, потому что их система находилась на краю Галактики и до ближайшей звезды было много световых лет.

Тогда, чтобы спастись, они за триста лет отчаянного труда, в котором участвовали все без исключения жители планеты, созда-

ли на орбите вокруг своего мира планету искусственную. Ту самую, которую мы знаем под именем Бродяга.

Так как они соорудили внутри ее искусственное солнце и расположили все растения, воду и горы на ее внутренней оболочке, гибель звезды им была не страшна. Можно было отправляться в путешествие в поисках новой звезды. Все население обреченной планеты перебралось на Бродягу, и могучим взрывом искусственной планете был дан такой мощный толчок, что она помчалась к центру Галактики. Планета превратилась в космический корабль.

Через несколько лет после начала путешествия обитатели планеты увидели, как взорвалось их солнце, испепелив оставленную ими родину. Горько было сознавать, что погибли все их города и памятники, сгорели леса и испарились озера, — планета стала комком раскаленного газа.

Но главное — люди были спасены.

Путешествие продолжалось многие столетия. Рождались и умирали новые поколения, старая родина стала лишь далеким воспоминанием, а искусственная планета все летела и летела в поисках нового солнца.

Примерно через три тысячи лет после начала этого путешествия Бродяга приблизилась к звездной системе, у которой были свои планеты. Жители Бродяги отправили на разведку космический корабль. Он сообщил, что на одной из собственных планет этой системы есть разумные существа. Так они нашли сразу и новое солнце, и братьев по разуму.

К сожалению, этот разум оказался не таким братским, как они надеялись. Той планетой правили жестокие цари, которые вечно враждовали между собой. Когда в одно из царств спустились послы с Бродяги и рассказали, что за гость приближается к их системе, местный царь понял, что ему страшно повезло.

Он захватил корабль с послами, перебил часть экипажа, остальных заставил вести корабль к Бродяге, нагрузив собственными солдатами.

Жители Бродяги были воспитаны на убеждении, что в космосе их ждут братья. Сами они давно забыли войны и не верили, что люди могут убивать друг друга.

Поэтому, когда корабль, набитый солдатами царя Безна (его имя сохранилось в летописях. Он назывался Безном Великим и Безном-завоевателем), подлетел к Бродяге, там его ждали с цветами, надеясь, что послы принесли с собой благую весть. Поэтому, когда люки корабля раскрылись и из него начали выскакивать солдаты с огнеметами, жители Бродяги попросту не успели оказать им сопротивления. Через несколько дней вся искусственная планета, населенная мудрым и мирным народом, попала в рабство к разбойникам. Нет, не думайте, что жители Бродяги не сопротивлялись. Многие из них погибли, сражаясь за свободу. Но ведь в битвах за свободу обычно погибают самые смелые, самые умные...

Завоевав Бродягу и обратив ее жителей в рабство, царь Безн-завоеватель приказал перевести ее на орбиту вокруг собственного солнца, приготовившись покорить всех своих врагов.

Но ничего из этого не вышло. В войне, которую он вел на Бродяге, погибли почти все ученые и инженеры искусственной планеты. Именно их в первую очередь и убивали солдаты Безна, потому что деспоты не выносят ученых, инженеров и учителей — они понимают, что если верх возьмут ученые, то трудно будет удержать в руках рабов. Рабы должны быть невежественными и желательно неграмотными.

Слишком поздно Безн понял, что планам его не суждено сбыться. Пока он принимал меры и искал виноватых, его родное солнце осталось далеко позади. Так что Безн-завоеватель получил целую планету, но расправиться с собственными врагами так и не сумел. Вскоре на его родной планете все забыли о царе Безне, а Бродяга полетела дальше, совершая громадный круг по Галактике.

Заполучив планету, Безн и его вельможи не успокоились. Им хотелось перебраться на другую, более надежную и крупную планету. Они жили в ужасе от того, что в любой момент может погаснуть искусственное солнце или прохудиться тонкая оболочка Бродяги.

И вот через много тысяч лет Бродяга приблизилась к нашей Солнечной системе.

К Земле был послан последний из военных кораблей Безна, который еще мог летать в космосе. Он опустился на Землю, чтобы выяснить, можно ли завоевать нашу планету.

Корабль не мог долго задерживаться на Земле. Ведь Бродяга неслась своим курсом, и остановить ее никто не мог. Потомки солдат Безна на Земле пробыли недолго. Времени, чтобы переселиться на Землю, у них не было, да и обитатели нашей планеты им не понравились. Но они знали, что через двадцать шесть тысяч лет они снова будут пролетать неподалеку от Земли. И чтобы

к их следующему прилету Земля была подготовлена, они оставили на ней какой-то лиловый шар, который должен взорваться как раз перед подлетом Бродяги.

— Так что это за лиловый шар? — спросила Алиса. — Мы должны обязательно догадаться.

— Алиса права, — сказал профессор Селезнев. — Если верить документам, Земле грозит какая-то опасность. И на планете не осталось никого, кто мог бы рассказать нам какая.

— И где спрятан этот шар, — добавила Алиса.

— Еще и друг друга перебили, — сказал Громозека. — Тоже непонятно. Жили бы, развивались...

— Но как развиваться! — возразил Селезнев. — Ведь на Бродяге нет гор и нет настоящей земли. Из чего ты прикажешь добывать руду или нефть? Где доставать камень, чтобы строить города? Жить-то на Бродяге можно, а вот развиваться нельзя. И как только людей становится больше, их трудно прокормить. Это же хоть и очень большой, но все-таки только корабль.

— А может, они просто хвастались? — спросила Алиса. — Прилетели к нам, захотели покорить, но наши рыцари их выгнали. Им стыдно стало, они вернулись домой и говорят: мы просто не хотели. У нас в классе есть такой парень Пашка. Если у него задача не решилась, он всегда говорит, что ему не хотелось решать.

— Может, они и хвастались, — сказал Селезнев не очень уверенно. — А может, у них был какой-нибудь план.

— Кому нужен план через двадцать шесть тысяч лет? — спросила Алиса. — Мне, например, трудно планировать на два дня вперед.

— Громозека, — попросил Селезнев, — прочти слово в слово то место, где написано про шар.

Громозека достал желтый листок и прочел:

— «И оставлен в тайном месте лиловый шар. И когда в следующий раз наш мир придет в близость с той планетой, шар сделает свое дело. И планета будет готова сдаться без боя нашим победоносным воинам. И нам достанутся все их земли и горы, и будем мы хозяевами всего, и не будет у нас врагов».

Профессор Селезнев внимательно выслушал перевод.

— Знаешь, Громозека, это мне не нравится, — сказал он.

— Пустяки, — рассмеялся Громозека. — Давно уже нет никого из этих завоевателей, а Земля живет и процветает.

— И все же, — не сдавался Селезнев. — А что же это такое — лиловый шар?

— В свое время узнаем, — сказал Громозека.

— А когда будет свое время? — спросила Алиса.

— Скоро, моя девочка.

— Ты, Громозека, не обижайся, — сказала Алиса. — Но твоя планета далеко, и на ней разбойники никогда не оставляли лиловых шаров.

— Может, и оставляли, — сказал Громозека. — Но и этот шар давным-давно сгнил. Заржавел и рассыпался. Он, наверное, был каким-нибудь заколдованным пугалом, которое придумали их жрецы.

— А когда Бродяга приблизится к Земле? — спросил Селезнев.

— Дней через двести.

Селезнев поднялся. Он стоял задумавшись и немного был похож на журавля.

— Я встревожен, — сказал он.

— Но что могли эти дикие разбойники?

— У них оставались рабы с Бродяги. Остатки ученых и инженеров. А это были образованные люди. А очень образованные люди, если у них нет смелости и если они очень боятся за свою жизнь, могут изготовлять для сильных господ всякие штуки, которые те используют во вред окружающим. Так что я очень прошу тебя, Громозека, перерой их архив и постарайся узнать, что такое лиловый шар.

Глава 7

ТЮРЬМА НА ОСТРОВЕ

Хоть Громозека и посмеивался над страхами профессора Селезнева, вся экспедиция с этого момента занималась только одним — искала хоть какие-нибудь упоминания о лиловых шарах. Искала их и Алиса.

И вдруг ее посетила такая идея: мы ищем лиловый шар в подземелье, где эти разбойники жили. А если шар был опасным, тогда, может, они его держали в безопасном месте? В каком же?

В километре от холма на речке был небольшой островок, где возвышалась груда каменных плит, похожая на остатки какого-то дома. Громозека все собирался исследовать островок, но руки не доходили. И вот Алиса решила: взгляну-ка я на островок.

Воспользовавшись тем, что все археологи вместе с профессором с утра засели в архиве перебирать пленки и бумажки, она незаметно ушла с холма и спустилась вниз по речке до островка.

Вот и он, отделенный от берега узким рукавом воды.

Мирно и даже красиво. Неподвижен воздух над островком, тишина, даже речка растекалась пошире, чем у холма, и потому беззвучно катила свои неглубокие воды. Алиса вынула бластер. И пошла вброд через реку. Вода мягко обтекала скафандр.

На берегу островка Алиса остановилась, прислушалась. Вроде бы никого на острове нет. Никто на нее не собирается нападать. Она обошла островок вокруг, в длину он всего-то был шагов пятьдесят, а в ширину меньше двадцати. Никого не нашла. Даже странно, на островке не было ни птиц, ни зверей, ни даже насекомых. Какое-то неприятное место. Может быть, вернуться? Пускай Громозека сам осмотрит это место.

Алиса взобралась на груду каменных плит и увидела щель, достаточную, чтобы пролезть внутрь. Внутри темно.

Втиснуться в щель было нелегко. Особенно если не хочешь выпускать из руки оружие. Правда, перед тем как опустить ноги в темноту, Алиса кинула туда камень. Слышно было, как камень ударился о пол — не очень далеко.

Тогда Алиса все же решилась. Она опустила ноги в щель и осторожно, медленно опустилась внутрь, цепляясь за края плит.

Ноги не достали до пола. Положение было сложным. Как потом вылезешь? А вдруг до пола еще метр или два? Но и висеть на одной руке, сжимая в другой бластер, тоже бессмысленно. Ладно, будь что будет! Алиса отпустила руку и упала вниз.

Пол больно ударил по ногам, потому что оказался даже ближе, чем Алиса ожидала. Она не удержалась, опустилась на четвереньки, бластер ударился о каменный пол, что-то откатилось в сторону, что-то затрещало, лопаясь... Алиса замерла.

Прошла минута, может, больше. Алиса подняла бластер. Глаза постепенно привыкали к полутьме — сверху из щели падал луч солнечного света. Алиса откатила в сторону глиняный горшок, лежавший на каменном полу.

Она очутилась в низком зале, выбитом в скале. И прямо перед глазами была решетка, которая разделяла это помещение пополам.

Решетка была сделана из толстых железных прутьев, во-

ткнутых в пол и потолок так часто, что между ними не просунешь руку.

Глаза привыкли к полутьме, и Алисе показалось, что за решеткой что-то есть. Она осторожно сделала несколько шагов вперед и поняла, что там белеет. За решеткой лежали на полу скелеты в обрывках истлевшей одежды. Их было много, может, двадцать, может, тридцать. От каждого скелета к каменной стене тянулась толстая железная цепь. И тогда Алиса поняла, что попала в тюрьму. Эти люди были прикованы к стене, а потом, когда война сожрала всех, в том числе и их тюремщиков, они умерли от голода... Алисе захотелось уйти, скорей уйти отсюда.

Алиса подбежала к щели и подпрыгнула, чтобы достать до края плиты. Но ничего из этого не вышло. Что же делать? Ведь никто в экспедиции не догадается, что Алиса на островке. Неужели ей придется умереть здесь от голода и жажды? Светлая щель была совсем недалеко. Если встать прямо под ней, то увидишь маленькое раскаленное солнце, которое равнодушно смотрит на то, что человек оказался в мышеловке.

Алиса оглянулась. Пылинки мельтешили в луче света. Хорошо бы здесь был какой-нибудь камень, стул, чтобы подставить его и взобраться наверх. Но нет ничего — только забытый кем-то наконечник копья...

— Алисочка, — сказала она сама себе. — Только не теряй голову. В конце концов, ты человек и попадала не в такие еще переделки. И выпутывалась.

Что делать? Сначала надо спокойно осмотреться. Вряд ли тюремщики спускались сюда через щель. Наверное, был еще какой-нибудь выход, которого Алиса не заметила.

Рассудив так, Алиса отправилась вдоль стен.

Стены были каменными, холодными, кое-где с них стекали капли воды. Тихо, сумрачно...

Алиса скорее нащупала, чем увидела дверь. Дверь была железной, проржавевшей. «Только бы она не была заперта, — подумала Алиса, — и только бы за ней оказалась другая дверь — наружу».

Алиса попыталась толкнуть дверь, но она не поддалась.

Алиса потянула дверь на себя. Она не поддавалась. Алиса жутко разозлилась и наподдала по двери ногой. Башмак пробил ржавое железо, дверь буквально рассыпалась, а Алиса от неожиданности больно хлопнулась о каменный пол. На нее свалились ист-

левшие кости, ржавые латы, копья — видно, там за дверью кипел когда-то бой.

Отряхиваясь от тысячелетней пыли, Алиса поднялась на ноги. Первым ее чувством было разочарование.

За дверью было темно.

Алиса отбросила ржавый боевой шлем, отшвырнула ногой медные латы. Из кучи трухи выкатился темный шар, чуть больше теннисного, и покатился к ней. Алиса равнодушно поглядела на него. Ее даже не удивило, что шар был лиловым. Потом из-за двери выкатились еще два лиловых шара. Один из них попал под луч света, падающего сверху.

Она подошла к решетке, за которой лежали скелеты узников, и устало взялась за железный прут. Прут пошатнулся и выпал из гнезда в полу, в руке Алисы оказалось железное копье. Алиса с удивлением поглядела на копье. Оно было тяжелым...

— А что, если?.. — сказала она вслух.

Алиса поднесла прут к щели. В центре зала потолок немного провисал, прут, поставленный на пол, улегся другим концом на край щели. Алиса покачала его. Держится.

Остальное было делом техники. Ведь в двадцать первом веке вряд ли отыщешь девочку, которая не могла бы подняться два метра по шесту или палке.

Через минуту она была наверху.

Ярко светило солнце. Щель в подземелье казалась небольшой и нестрашной. Мирно журчала река. Маленькое облачко закрыло солнце. Высоко над головой пролетела стая птиц. «Неужели я только что думала, что никогда уже оттуда не выберусь?»

Алиса представила себе эту ужасную гибель и вздрогнула от такой мысли. Она сделала шаг к воде и замерла. Какая же она дура!

В следующую минуту Алиса уже шлепала по воде, спеша скорее добежать до лагеря. Ведь она нашла шар! Только так перепугалась, что не догадалась взять его с собой. И, подходя к лагерю, она замедлила шаги: как признаться Громозеке, что она — трусиха?

Алиса решила, что придет к лагерю, сделает вид, что ничего не произошло. А потом скажет, что лиловый шар, которого так опасается отец, наверное, спрятан на острове. Все начнут кричать на нее, махать руками, объяснять, что ребенок не разбирается в археологии. Она не станет спорить, гордо поднимет голову,

возьмет с собой одного робота и отправится на остров. Там заставит робота достать из тюрьмы шар, и они вернутся обратно... вот это будет триумф!

Рассуждая так, Алиса благополучно добралась до холма и вошла внутрь. Из архива доносились голоса. Громозека и археологи упорно разгребали документы и пленки.

— Как дела? — спросила Алиса, входя в архив. — Что нового?

Громозека строго поглядел на нее и произнес:

— Я недоволен тобой, Алиса. Нам сейчас нужна каждая лишняя пара глаз. А ты где-то гуляешь.

— Я? Гуляю? — Алиса сделала вид, что возмущена. Тут в коридоре послышались быстрые шаги. Она обернулась. В архив вбежал ее отец. Селезнев был взлохмачен и запыхался.

— Вы знаете! — закричал он. — Вы знаете, что я нашел!

— Лиловый шар? — удивился Громозека.

— Нет! — сказал отец. — Я выделил вирус! Вирус злобы. Вирус, который когда-то очень давно попал в кровь всех живых существ на планете и произвел необратимые изменения в нервных клетках жителей планеты. От людей до комара. Это удивительное и страшное открытие.

— А он заразный? — спросил с опаской Громозека, который очень боялся заболеть.

— Сейчас уже нет. Когда-то он был крайне заразным. Этот вирус попал в кровь людей, которые жили здесь. Ненависть друг к другу привела к войне и погубила их.

— А против вируса есть лекарство? — спросила Алиса.

— Наверное, лекарство можно найти. Против всех вирусов постепенно находят лекарства. Ведь вылечили люди и грипп, и рак, скоро, может быть, вылечат и насморк... Но это потребует многих дней труда, и не мне одному решать эту задачу.

— А ты уверен, что мы не занесем этот вирус на Землю? — спросил Громозека.

— Уверен. Он сейчас для нас уже безвреден.

— Только ты поосторожнее, Селезнев. Один ученый привил себе чуму, чтобы проверить лечение. И умер. Я сам читал. Главное, еще одна тайна планеты разгадана. Осталось узнать, что же было в лиловом шаре. Если, конечно, он не сказка.

И тогда Алиса поняла, что больше тянуть нельзя.

— Он не сказка, — произнесла она. — Я его нашла.

Глава 8

ВИРУС НЕНАВИСТИ

Все собрались в лаборатории под куполом. За толстым стеклом на металлическом столике лежал лиловый шар.

— Эти два события совпали, — заговорил профессор Селезнев. И Алиса перестала думать, чтобы не пропустить ни слова. — То, что я обнаружил следы ужасного вируса, и то, что Алиса отыскала лабораторию, где сидевшие за решеткой рабы-ученые создали страшное биологическое оружие. Вирус вражды. Вот он, мирно дремлет в лиловом шаре и ждет момента, чтобы вырваться на свободу. Поглядите, что этот вирус делает с животными.

Отец нажал кнопку, и в отсеке за стеклом открылась задвижка, выпустив на стол двух мирных морских свинок, которых привезли с Земли для опытов.

— Селезнев, — спросил Громозека, — а как ты догадался, что в лиловом шаре именно этот вирус?

— А какая еще смертельная угроза целой планете может поместиться в таком шарике?

Морские свинки встретились, одна из них стала облизывать свою подругу. Отец Алисы манипулировал захватами.

Над столиком повисли металлические руки, одна из них тяжело опустилась на лиловый шар и разбила его.

Свинки этого не заметили. Минуту, может, больше они продолжали нежиться. Вдруг одна из них оскалила длинные зубы и укусила другую. Та отпрыгнула в сторону, удивленная неожиданным нападением, но тут вирус вражды проник и ей в кровь. Она остервенело бросилась на подругу и начала ее терзать. Толстенькие свинки сплелись в один яростный клубок, шерсть летела клочьями во все стороны. Полилась кровь.

— Папа, останови! — закричала Алиса. — Выключи!

— К сожалению, противоядия этому вирусу еще нет. Они будут драться, пока одна из них не погибнет.

Алиса отвернулась. Хорошо еще, что сквозь стекло не проникал звук. Она услышала голос Громозеки:

— Значит, такой же лиловый шар они спрятали на Земле?

— Да. Я уверен в том, что двадцать шесть тысяч лет назад, когда у них не было времени оставаться на Земле долго, они рассудили, что лиловый шар станет бомбой замедленного действия. Когда их планета снова приблизится к Земле, они высадятся на ней. К тому времени откроется лиловый шар, и на Земле начнет-

ся страшная война — все против всех. Люди перебьют друг друга, разбойникам с Бродяги достанется пустая планета. На ней сохранится все — заводы, дома, рудники, школы, детские сады, поля. Не будет только людей. Некому будет ее защищать.

— Но что же случилось? — спросил Громозека. — Что случилось с ними самими?

Алиса заставила себя взглянуть на стеклянную перегородку. Одна из морских свинок безжизненно лежала на боку. Вторая стояла, оскалившись, над ее телом. Она была изранена так, что вот-вот упадет...

— Поднявший меч от меча и погибнет, — сказал отец. — Слышал о такой поговорке?

— У нас на Чумарозе есть схожая, — ответил Громозека. — Ты хочешь сказать, что один из их шаров разбился?

— Не думаю, что это случилось нечаянно. Со временем вы, археологи, сможете это точно установить. Эти разбойники, поработив жителей планеты, стали бороться за власть на Бродяге уже между собой. Я думаю, что кто-то нарочно разбил шар. Потом началась страшная война, в которой не было победителей. Она продолжалась до того дня, пока на планете оставался последний ее житель.

— И они не смогли придумать противоядия, — сказал один из археологов.

— Они не успели его придумать. Они убивали друг друга.

— Тогда садись и работай, — сказал Громозека. — Ты должен срочно его придумать.

— К сожалению, я не могу этого сделать, — сказал Селезнев. — Для того чтобы решить эту задачу, нужна настоящая лаборатория, может быть, несколько лабораторий.

— Ты что говоришь! — возмутился Громозека. — Ты что, забыл, что на Земле лежит смертельная для всей планеты бомба замедленного действия?

«Какая я дура, — подумала Алиса. — Я даже пихала эти шары ногами. Чудом не разбила. И тогда бы... страшно подумать! Я бы старалась сейчас убить моего дорогого Громозеку, а он бы уже убил моего папу! Нет, это невозможно представить!»

Но, к сожалению, представить это было можно. Вторая свинка свалилась рядом с первой.

— Давай надеяться, что механизм лилового шара не сработает. Ведь прошло столько лет, — сказал отец. Но в голосе его не

было никакой убежденности. И глаза были печальны. И он тоже смотрел на мертвых морских свинок.

— Папа, — сказала Алиса, — мы должны срочно лететь на Землю.

— Знаю, — сказал отец.

— Я лечу с вами, — сказал Громозека.

Глава 9

ЭПОХА ЛЕГЕНД

Сборы были сумасшедшими. Большую часть оборудования и находок пришлось оставить на Бродяге. Все надеялись, что экспедиции удастся вернуться. Главную и самую опасную ценность отец не доверял никому. В специальном металлическом контейнере, устланном мягкой губкой, лежали три лиловых шара, которые Селезнев вез земным биологам.

Через три часа после смерти морских свинок экспедиционный корабль поднялся над Бродягой и взял курс к Земле. По дороге он непрерывно старался связаться с Землей, но так как скорость его была выше световой, связь наладить не удавалось — приходилось ждать того момента, когда корабль войдет в Солнечную систему. А пока решался другой вопрос: как найти на Земле оставленный двадцать шесть тысяч лет назад лиловый шар?

Шары, которые вез Селезнев, были керамическими, никаким детектором не уловишь. Тем более что попробуй угадай, где именно двадцать шесть тысяч лет назад на Земле приземлялся корабль с Бродяги. Никаких документов об этом не осталось — ведь в те времена ни телеграфа, ни фотоаппаратов еще не изобрели.

— Даже колеса еще не изобрели, — сказал Громозека.

Он был печален. С утра выпил флакончик валерьянки, но это не улучшило его настроения.

Вдруг он поднял два щупальца, постучал ими себя по лбу и воскликнул:

— Есть выход!

— Какой? — спросил Селезнев.

— Срочно делать скафандры. Всем жителям Земли. Вирус будет бессилен.

Селезнев даже не стал ему отвечать. И Алиса поняла, что пять

миллиардов скафандров изготовить сразу невозможно. Даже если все фабрики и заводы Земли будут делать только скафандры.

— Не беспокойтесь, Громозека, — сказала Алиса. — Мы найдем лиловый шар.

— Как?

— Пойдем в Институт времени, попросим дать нам машину времени и полетим в прошлое, на двадцать шесть тысяч лет назад. Там поглядим, куда они спустились, отнимем шар и его разоружим.

— Если бы все было так просто... — сказал профессор Селезнев.

— Конечно, непросто! — согласился с ним Громозека. — Мы не знаем, в какой точке Земли они опускались... К тому же в те времена на Земле вообще еще людей почти не было. Одни чудовища. Такое путешествие очень опасно, и неизвестно еще, успеем ли мы отыскать шар, прежде чем он взорвется в нашем времени.

— Придется рискнуть, — сказал Селезнев.

— Я пойду в прошлое, — твердо сказала Алиса.

— Это не детское развлечение, мое сокровище, — сказал Громозека. — Ты полагаешь, что это игра, а на самом деле от путешествия в прошлое зависит судьба всего человечества.

— Дорогой мой Громозека! — Алиса говорила совершенно серьезно. Она даже встала, чтобы быть побольше ростом. — Чья гипотеза о планете Бродяга оказалась самой верной?

— Твоя, — согласился Громозека.

— Кто нашел лиловый шар?

— Ты, но совершенно случайно.

— И я еще раз его найду.

— Алиса! — сказал Селезнев.

— Только не Алиса! — взревел Громозека. — Ее сожрут чудовища!

— Именно я, — сказала Алиса. — Я там уже была. У меня там связи.

— Какие связи? — захохотал Громозека. — С мамонтами?

— Не только, — ответила Алиса. — У меня связи с драконами, богатырями, волшебниками, Синдбадом-мореходом, Шехерезадой и даже первобытным мальчиком Герасиком.

— Что-о-о? — Громозека даже сощурил от удивления все свои глаза. — Девочка больна?

— Я совершенно здорова, — сказала Алиса. — Но должна тебе официально сказать, что ты плохо знаешь историю Земли.

— Так просвети меня, маленькое существо, открой мне глаза!

Так Алиса и сделала. Она рассказала Громозеке, что совсем недавно, когда ученые открыли путешествие во времени и смогли побывать в древних эпохах, обнаружилось, что в истории Земли была эпоха, о которой раньше никто не подозревал. Хотя следы ее остались и поныне и даже существа, которые тогда жили, известны любому трехлетнему ребенку.

В промежутке между третьим и последним ледниковыми периодами ученые нашли странную эпоху легенд. Оказывается, тогда на Земле водились самые настоящие драконы, волшебники, джинны, ведьмы, гномы, говорящие звери, деды-морозы — все те существа, которых мы теперь называем сказочными и в которых взрослые не верят.

Потом похолодало, стал наступать лед, замерзли реки. Волшебники и гномы вымерли или спрятались в пещеры, под землю и в самые тайные места. Пережили последний ледниковый период только люди. Люди в эпоху легенд были совершенно первобытными и только-только научились разводить огонь и пахать землю. Конечно, жили они тихо, незаметно, боялись драконов и богатырей. Но у первобытных людей было одно великое преимущество: они умели работать. Ведь сказочные существа, какими бы умными они ни были, работать не умели. Все их сказочные замки, ковры-самолеты и прочие чудеса были сделаны волшебным способом и, конечно, как только похолодало, никакой пользы принести уже не смогли. Знаете, как бывает с волшебниками? Они могут построить дворец или даже замок. Все в нем как в настоящем, даже железные ворота. Но вот как сделать отопление в замке, волшебники не знают, они даже не подозревают, как законопатить окна, чтобы не дуло. Молоко они берут в молочных реках, кисель черпают в кисельных берегах, а вот доить коров или делать сахар из сахарной свеклы они не научились и научиться не смогли — ведь они волшебные. Первобытные же люди отлично знали, как доить коров, как сделать плуг, как законопатить окна или сложить очаг в хижине. Хоть им и трудно пришлось во время долгого ледникового периода, кое-как они его протерпели и дождались, когда льды начали отступать и снова появилась трава. Тут они и спохватились: где же прошлые хозяева планеты? Где волшебники, колдуны, джинны и драконы?

Оказалось, их нет. Придется жить на Земле самим и никого уже не бояться.

Так и случилось. А о волшебниках и драконах осталась только память. Эта память со временем становилась все более туманной, взрослые люди вообще не верят в эпоху легенд. Взрослые думают, что сказки — сплошная выдумка. Дети же, наоборот, знают, что сказки — чистая правда. Только правда не сегодняшнего дня, а далеких-далеких времен.

— С трудом могу поверить, — сказал Громозека. — Правда, у нас на планете не было ледниковых периодов...

— А сказки у вас есть?

— Нет, в детстве нам всегда рассказывали правдивые исторические повести про подвиги и путешествия наших воинов и о прекрасных дамах, которые, сложив щупальца, веками ждали, пока рыцарь вернется из похода.

— Мне тебя жаль, Громозека, — сказала Алиса, — если бы ты там со мной побывал, ты бы не пожалел.

— И ты хочешь сказать, что была там?

— Она была там, — подтвердил Селезнев. — И чудом осталась жива.

— Но почему? Кто тебя пустил? — спросил Громозека.

— Я туда попала через заповедник сказок, — заявила Алиса. — Там стоит машина времени.

— Час от часу не легче, — сказал Громозека. — Это еще что за заповедник?

— Как только ученые убедились, что эпоха легенд кончится тем, что все волшебные существа вымрут, решено было занести их в Красную книгу.

— Куда?

— В Красную книгу. Это специальная книга, куда записывают всех редких животных, которым почему-нибудь грозит гибель. И на Земле сделали специальный заповедник для тех жителей эпохи легенд, которые захотели переехать в наше время. Там они живут под стеклянным куполом.

Громозека снова обернулся к Селезневу за поддержкой — в самом ли деле Алиса говорит правду?

— Она права, — сказал Селезнев. — И директор заповедника сказок Иван Иванович — добрый друг Алисы. Она ему в свое время кое в чем смогла помочь.

— Все верно, — сказала Алиса.

Глава 10

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Бесконечно тянулись дни полета. Наконец корабль Громозеки, гася скорость, начал тормозить в районе орбиты Земли. Пока Громозека готовил корабль к посадке, Селезнев начал вызывать Землю.

— Земля, слушайте, — повторял он. — Говорит космический корабль «Чумароз». Мы подлетаем к Земле. Скоро начинаем посадку. У меня важные вести. Прошу подготовить нам посадочную площадку вне очереди в стороне от пассажирских причалов.

— Что случилось? — донесся наконец далекий, еле слышный голос космического диспетчера. — Почему археологический корабль требует внеочередной посадки? У нас перегружен космодром...

— Земле грозит опасность, — начал говорить Селезнев. — Нам удалось открыть на планете Бродяга смертельно опасный вирус. Против нас ведут биологическую войну.

— Кто? — не понял диспетчер.

— Вызывайте все биологические лаборатории Земли, пускай они будут готовы к работе. На космодроме прошу встретить меня в герметически закрытой «Скорой помощи». Везу опасный груз.

— Я не понимаю! — крикнул диспетчер.

— На Земле кораблем с Бродяги оставлен опасный вирус.

— В каком месте?

— Неизвестно.

— Когда?

— Двадцать шесть тысяч лет назад.

Диспетчер закашлялся. И замолчал.

— Космодром! — вызывал профессор Селезнев. — Космодром, вы меня слышите?

— Слышу, слышу, — ответил диспетчер. — Скажите, есть ли кто-нибудь на корабле, кроме вас?

— Начальник экспедиции Громозека, — ответил отец.

— Пускай подойдет к микрофону.

— Я слушаю, — сказал Громозека.

— Уважаемый Громозека, — раздалось в микрофоне. — Скажите, профессор Селезнев, который только что с нами разговаривал, нормален?

— В каком смысле? — спросил грозно Громозека.

— В самом обыкновенном. Может быть, он переутомился? Или вдруг у него поднялась температура?

— Да поймите же, тупой человек! — зарычал в микрофон Громозека. — Селезнев нормальнее нас с вами! Земле действительно угрожает смертельная опасность! Это случилось...

— Двадцать шесть тысяч лет назад? — иронически спросил диспетчер.

— Я вас увольняю! — закричал Громозека и со всего размаха ударил когтем по панели связи. Раздался треск, во все стороны посыпались осколки кристаллов и схем. Замигали тревожные лампочки. Связь прервалась.

— Что ты наделал! — воскликнул профессор Селезнев. — Все погибло! Мы лишились связи!

— Зато я ему показал! — смущенно прорычал Громозека, который не любит признаваться в собственных ошибках.

— Я так надеялся их убедить, что мы не сошли с ума. Еще каких-нибудь полчаса, и мы убедили бы диспетчера. А теперь что делать?

— То же самое, — сказал Громозека. — Лететь на Землю и убеждать.

— Но как? Вдруг те часы, которые мы потеряли, окажутся роковыми?

— Этого мы не знаем, — философски заметил Громозека.

— У меня есть план, — сказала Алиса.

— Какой?

— Пока ты вызываешь своих коллег, я несусь в заповедник сказок. Там есть машина времени. Я переношусь в эпоху легенд...

— Ни в коем случае! — закричал Селезнев.

— Ни в коем случае! — закричал Громозека.

— Почему? — мягко спросила Алиса.

— Потому что это опасно! — в один голос ответили отец с Громозекой.

— Скажите, пожалуйста, опасно, — ответила Алиса. — А разве не опасно, если я стану такой же воинственной, как подопытная морская свинка, и брошусь с ножом на моего любимого папочку?

— Мы найдем взрослого специалиста, — сказал Селезнев.

— Разумеется, только не в первый день. К тому же этот человек совершенно не представляет, что такое эпоха легенд, и никогда не был на Бродяге.

— Бред какой-то, — сказал Громозека и поглядел на профессора Селезнева. Тот развел руками.

Алиса больше не стала спорить. Она понимала, что, кроме нее, в эпоху легенд отправиться некому. Так что споры пустые. Надо немного потерпеть. Пока корабль доберется до Земли. Алиса уселась в кресло.

Глава 11

СХВАТКА НА КОСМОДРОМЕ

После того как связь с кораблем «Чумароза» прервалась, на космодроме поднялась тревога. Посудите сами: к Земле приближается корабль, неизвестно почему примчавшийся без предупреждения. Корабль выходит на связь, и нервный голос сообщает, что Земле грозит смертельная опасность, а потом начинает нести чепуху о двадцати шести тысячах лет и космических пришельцах. После чего связь вообще прерывается.

Поэтому приборы диспетчерской службы начали искать корабль, а когда засекли его в районе Луны, тут же взяли его в гравитационную сеть, отключили его двигатели и осторожно повели к посадочной площадке на пустынном атолле посреди Тихого океана.

Когда корабль появился на экранах диспетчерской, он казался совершенно нормальным. Никаких следов повреждений. Но его рация продолжала загадочно молчать.

Корабль послушно опустился на бетонное поле космодрома.

К месту посадки подлетели все спасательные машины, которые были на космодроме. «Скорые помощи» замерли у люка, пожарные машины нацелили на корабль наконечники шлангов, радиационные контролеры закружились вокруг. А в самой большой машине вместе с диспетчером космодрома прилетел профессор Смит, крупнейший в мире специалист по космическим психозам. Его вызвали из Австралии.

Ждать пришлось недолго.

Как только люк открылся, из него выскочили: высокий, худой, взлохмаченный мужчина средних лет с металлическим контейнером в руке; невероятное существо, похожее сразу на слона и осьминога, с множеством глаз и акульими зубами; девочка лет десяти в красном комбинезоне.

Все трое кинулись к диспетчеру и профессору Смиту, которые только-только успели вылезти из своей машины.

— Скорей! — закричал первый из космонавтов, то есть профессор Селезнев. — Где биологи и медики? Я привез контейнер с самым страшным вирусом, который когда-либо знала Вселенная.

— Что же вы медлите! — зарычало существо, похожее на слона и осьминога. Это был милейший археолог Громозека.

Лишь девочка Алиса ничего не сказала.

— Спокойно! — заявил главный диспетчер. — Без паники! Сначала вас всех осмотрит профессор Смит, потом пройдете карантин. А потом уже расскажете все по порядку.

— Некогда, — ответил профессор Селезнев. — Сначала вы пустите меня к видеофону, а потом будете исследовать, сколько вздумается.

Он было бросился к диспетчерской, но космороботы преградили ему дорогу.

— Тупицы! — закричал Громозека. — Самоубийцы! Беги, Селезнев. Я их задержу.

Он принялся разбрасывать в разные стороны роботов, которые не ожидали такого нападения, да и вообще не знали, что делать с разумным существом, которое дерется.

Диспетчер и психиатр Смит бросились к своей машине и спрятались в ней. Оттуда донесся голос диспетчера:

— Теперь уже, к сожалению, нет сомнения в том, что экипаж «Чумароза» сошел с ума.

— Вы правы, — откликнулся профессор Смит. — Мои первые наблюдения это подтверждают. Придется их изолировать.

Диспетчер нажал кнопку на пульте своей машины, и летающие роботы сверху мгновенно опустили тонкую сеть, которая начала опускаться на Селезнева.

— В сторону! — воскликнула Алиса.

Но было поздно. Сеть уже окутала их как паутиной.

— А сейчас, дорогие друзья, — сказал осмелевший профессор Смит, — вас отвезут ко мне в клинику. Вы не волнуйтесь. Вас обследуют, дадут успокаивающие средства...

— А Земля между тем погибнет? — спросил Громозека грозно. — И вы поднимете меч на свою жену? И ваша теща задушит ваших детей?

Он начал рваться в паутине, но она держала его крепко.

— Очень сложный случай, — сказал профессор Смит и поче-

сал переносицу. — Честно говоря, я никогда еще не сталкивался с таким острым психозом. А ну-ка... — Он серьезно поглядел на Алису и спросил: — Девочка, ты тоже думаешь, что Земле угрожает смертельная опасность?

Алиса на секунду задумалась. Что ему ответить? Если сказать, что отец и Громозека правы, то ее тоже сочтут больной. А если сказать, что они больные, то ее отпустят, но отца с Громозекой наверняка упекут в больницу. А может, пока отец с Громозекой будут в больнице, она успеет прорваться в эпоху легенд и найти этот проклятый лиловый шар?..

— Так что же ты молчишь, девочка?

Алиса не успела ответить. Громозека, которому надоело бороться с неподатливой сетью, выхватил бластер и начал палить из него в небо. Сеть, не рассчитанная на это, затрещала и лопнула. Воздушные роботы — врассыпную. Громозека, как страшный рыцарь, скинул с плеч остатки сети и воскликнул громовым голосом:

— Руки вверх, оппортунисты и маловеры!

Растерявшийся диспетчер поднял руки. Профессор Смит, который, несмотря на свой почтенный возраст и хрупкое сложение, привык иметь дело с больными людьми, рук поднимать не стал, а, склонив голову, наблюдал за Громозекой, словно смотрел интересное кино.

— Теперь — все в машину! — приказал Громозека.

В машину вместились с трудом. Три четверти места в ней занял Громозека, который в трех щупальцах держал по бластеру. Так и доехали до диспетчерской.

Сзади тянулась процессия пожарных, санитарных машин, радиационных установок и прочих служебных машин.

По дороге диспетчер возмущался:

— Это вам даром не пройдет! Чего вы добились? Через несколько минут поднимется общая тревога, и тогда уже вы попадете в больницу надолго. Это я вам гарантирую.

Помимо прочего, диспетчер был очень оскорблен тем, что его на собственном же космодроме взяли в плен и теперь заставляют делать то, что ему не хочется. К тому же он боялся, что этот сумасшедший слон-осьминог может пристрелить его и профессора. Ведь явный маньяк!

Селезнев обернулся к Смиту.

— Коллега, — сказал он. — Я заверяю вас, что мы совершенно нормальны. Почему вы не хотите в это поверить?

— Нормальные люди не несут чепухи и не стреляют из бластеров на космодроме, — ответил тихо профессор Смит.

— Но допустите, что Земле и в самом деле грозит смертельная опасность.

— Правильно, — сразу согласился профессор Смит. — У меня на излечении в Мельбурне лежит один больной бухгалтер, который утверждает, что пришельцы из космоса запустили на Землю микробы, которые способны превратить людей в рабов. Во мне, по его убеждению, тоже есть такой микроб. Он утверждает также, что идет завоевание Земли, о котором мы и не подозреваем.

— Но он же больной! — сказал Селезнев. — А мы — здоровые.

— Кроме того, он собирает фантики от конфет. А вы что-нибудь собираете?

— Не трать ты на них слов, — послышался голос Громозеки, который нависал над остальными пассажирами в машине. — Ничем ты их не убедишь.

Машина остановилась перед высокой башней диспетчерской.

Громозека следил за тем, чтобы пленники не придумали какой-нибудь хитрости.

— Шагайте, шагайте, — сказал он им мрачно, выгоняя из машины.

Профессор Смит и диспетчер покорно вошли в диспетчерскую.

Второй диспетчер сидел, встревоженный, у пульта, потому что никак не мог понять, что творится у таинственного корабля.

— Руки! — сказал Громозека.

Тот растерянно поднял руки.

— Что дальше? — спросил Селезнев.

— Дальше все ясно, — сказала Алиса, которая вошла в диспетчерский зал последней. — Я бегу в эпоху легенд, а отец с Громозекой пытаются всех убедить, что мы не сумасшедшие. Только для этого мне нужен воздушный катер.

— План разумен, — ответил Громозека. — Но не совсем. Для того чтобы кого-то убеждать, я не гожусь. У меня слишком слабые нервы и слишком впечатлительные сердца. К тому же Алисе в эпохе легенд потребуется помощь и защита. Значит, так: я оставляю тебе, Селезнев, один бластер. Мы связываем всех маловеров и циников, включая этого никуда не годного психиатра.

— Это почему же никуда не годного? — обиделся профессор Смит, выставив вперед седую бородку.

— Да потому, что настоящий психиатр давно бы уже разобрался, кто здесь сумасшедший, а кто нет, и не путал бы знаменитых ученых с бухгалтером, который собирает фантики. Фантики! Понимаешь, Алиса, до чего он докатился? Он хочет нас унизить. К тому же надо посмотреть: скорее всего, тот бухгалтер совсем не сумасшедший и кто-то в самом деле распространяет эти микробы. Да сам этот психиатр, наверное, агент пришельцев.

— Это слишком! — закричал мистер Смит. — Я не позволю! Вы типичный маньяк с убийственными наклонностями.

— Молчать! — зарычал Громозека.

Он начал быстро связывать пленников проводами. Сделать ему это было легче, чем человеку, потому что у Громозеки не две руки, а куда больше. Диспетчеры хоть и ругались, но сопротивляться не смели. Профессор же Смит, глубоко оскорбленный Громозекой, все время грозил ему.

Через две минуты пленники были связаны. Громозека оставил Селезневу один из бластеров и сказал:

— Звони в Академию наук, ищи своих друзей и вообще нормальных людей. Поднимай тревогу. А когда твои коллеги прибудут, немедленно начинай разгадывать тайну вируса. А мы с Алисой полетели в эпоху легенд. Где тут у вас воздушные катера?

Диспетчеры не ответили. Главный диспетчер покачал головой, он сидел на стуле, руки и ноги были связаны.

Он не собирался сдаваться каким-то сумасшедшим.

— Придется нам, Алиса, обойтись без его помощи, — сказал Громозека. — Ты здесь справишься, Селезнев?

— Только вы будьте осторожнее, — сказал отец. — Сам понимаешь, волшебники, людоеды...

— И драконы, — сказала Алиса. — Я их не боюсь.

С этими словами она побежала к выходу, оставив отца наедине с тремя пленниками, которые смотрели на него со страхом и даже ненавистью. Ну как они могли предположить, что в конце двадцать первого века их будут привязывать к стульям?

Через три минуты Алиса и Громозека добежали до стоявшего у диспетчерской воздушного катера — быстрого корабля, который должен был за час донести их в Москву, в заповедник сказок.

Глава 12

В ЗАПОВЕДНИКЕ СКАЗОК

Громадный прозрачный купол над участком девственного леса, где скрывается сказочный мир, привезенный из далекого прошлого, каплей воды поблескивал на окраине Москвы. Воздушный катер послушно вошел в глубокий вираж и стремительно, так что сердце подкатывало к горлу, снизился у служебного входа в заповедник сказок.

Алиса бросилась к замку, где находится его управление. Она боялась, что директора заповедника Ивана Ивановича может не быть на месте. Но директор уже ждал гостей у подъемного моста.

— Здравствуйте! — крикнул он, увидев, что к нему бежит Алиса, а за ней подобно слону переваливается Громозека. — Отец только что звонил и просил меня включить машину времени. Все готово.

С этими словами Иван Иванович побежал внутрь замка.

— Как дела у папы? — спросила на бегу Алиса.

— У него трудности, — ответил Иван Иванович. — А почему такая спешка? Он позвонил мне десять минут назад и сказал, что для спасения всей Земли я должен срочно дать Алисе и ее другу Громозеке машину времени. Потом сказал, что у него трудности, и отключился. Что за трудности?

— Ничего особенного, — ответил Громозека. — Селезнев взял в плен двух диспетчеров и одного профессора-психиатра, а теперь старается доказать всему человечеству, что он не сошел с ума.

— А это было необходимо? — спросил Иван Иванович.

— Совершенно необходимо! — закричала в ответ Алиса.

Они выбежали во внутренний двор замка. Громозека ахнул и замер в дверях. И было чему удивиться: свернувшись кольцом и заняв весь двор, под лучами солнца нежился громадный дракон с тремя головами.

— Алиса! — закричал Громозека.

Но Алиса уже радостно бежала к средней голове дракона, которую озарила драконья улыбка.

— Змей Гордыныч! — закричала она. — Как я по тебе соскучилась!

— Вот счастье-то, — ответил дракон.

Вдруг вторая голова заметила, что Громозека тащит из-за пояса бластер, и закричала на него:

— Ты что, с ума, что ли, сошел? Это же заповедник! Стрелять вздумал!

Иван Иванович обернулся и бросился к Громозеке, грудью закрывая от него дракона. Он хоть и производил впечатление кабинетного ученого, отличался отвагой, смелым сердцем и любовью к своим питомцам. Алиса тоже поняла, что Громозека был готов поднять стрельбу.

— Громозека! — сказала она твердо. — Если ты не оставишь свой бластер у Ивана Ивановича, ты вообще ни в какую эпоху легенд не полетишь. Там на каждом шагу драконы, и, если ты хоть раз выстрелишь, нам с тобой несдобровать!

— Ну что я могу с собой поделать, — сокрушенно ответил Громозека, который уже понял, что дракон — старый приятель Алисы. — Я ведь обещал твоему отцу охранять ребенка.

— Сколько раз нужно повторять одно и то же, — сказала Алиса. — Меня охранять не нужно! От тебя больше опасности, чем охраны. Отдай бластер.

— Ни в коем случае, — ответил Громозека. — Здесь мы с тобой в заповеднике, и я приношу свои извинения директору и дракону. Но в эпохе легенд заповедников еще не могло быть.

— Все, — сказала Алиса твердо. — Иван Иванович, этот археолог в прошлое не летит.

— Разумное решение, — согласился Иван Иванович.

— Простите, простите, — сказал Громозека и протянул бластер директору заповедника.

— Вообще-то ему надо остаться здесь, — сказал дракон. — Такое чудовище в эпохе легенд всех перепугает.

Дракон был трусоват, и вид бластера вывел его из равновесия. А так как мы не любим тех, кто нас пугает, то дракону Громозека вообще не понравился.

— Без меня, — сказал Громозека решительно, — Алиса ни в какую эпоху не летит.

— И пускай Земля погибнет? — спросила Алиса.

— Мне важнее твоя безопасность, чем судьба всей Земли, — ответил упрямый археолог.

Тогда Алиса махнула рукой. Она понимала, что в прошлом ей придется натерпеться от такого ненадежного спутника, но что поделаешь?

— Поехали, — сказала она.

Они поспешили дальше.

— Алиса! — крикнул вслед дракон. — Передавай привет моему дяде.

— Обязательно, Змей Гордыныч, — ответила Алиса.

Они уже готовы были скрыться во внутренних помещениях замка, но тут снова раздался голос дракона.

— Алиса, — сказал он, — мне кажется, что в заднем кармане твоего невоспитанного друга лежит еще один бластер. Проверь, будь добра.

— Не может быть. — Алиса остановилась. — Громозека, неужели ты опустился до жалкой лжи?

Громозека почернел. Он не мог покраснеть, он мог только чернеть от стыда.

— Ах, — сказал он смущенно, — я совсем забыл.

Потом он вытащил из заднего кармана бластер и отдал его Ивану Ивановичу.

Теперь у Ивана Ивановича был совсем грозный вид — по бластеру в каждой руке.

В низком подземелье, где стояла машина времени, их ждал толстый волшебный король заповедника сказок. Король сидел на скамеечке и раскладывал пасьянс.

— Ты что здесь делаешь? — удивился Иван Иванович. — Ведь тебе уж пять минут назад надо было начать аудиенцию. В тронном зале собрались все кролики, гномы и другие существа твоего царства. Они ждут, чтобы ты обсудил с ними важные вопросы.

— Не хочу, — сказал король. — Я знаю, что у них за вопросы. Опять все будут жаловаться на Красную Шапочку, что она плохо учится, прогуливает школу и дразнит Волка. А что я могу поделать? У нее же есть собственная бабушка. Пускай этим и занимается.

Тут король узнал Алису и даже подскочил.

— Девочка моя! — воскликнул он. — Сколько лет, сколько зим... Что за чудище ты с собой привезла? Неужели новенький в мое царство?

— Нет, ваше величество, — ответила Алиса. — Мы с моим другом археологом Громозекой спешим в эпоху легенд. У нас там срочное и важное дело.

Иван Иванович подошел к машине времени, похожей на будку телефона-автомата, и начал настраивать ее на эпоху легенд.

— Вам какой год? — спросил он.

— Двадцать шесть тысяч лет, три месяца и два дня назад, — сказал Громозека.

— Не рекомендую, — сказал король. — Я до сих пор счастлив, что оттуда выбрался.

— Почему? — спросил Громозека.

— Климат. Жуткий климат. Снег даже в июне, ветры с севера, разгул чудовищ и колдунов. Алиса, ты что, собираешься в этом виде туда бежать? В одном комбинезончике?

«Ох, — подумала Алиса, — вот теперь и директор Иван Иванович смотрит на меня, как на преступницу. Да и в глазах Громозеки блеск появился. Откуда у взрослых постоянное нездоровое желание одевать детей? Как будто дети сами не знают, как им одеваться! Дай этим взрослым волю, они бы сейчас надели на тебя три шубы и плащ сверху, а уж зонтик дали бы обязательно. Это постоянное бедствие. Ребенок собирается идти гулять, на улице светит солнце, поют птички. Только ты открыла дверь, как сзади уже крик бабушки, или дедушки, или мамы, или папы, или просто приходящего дяди: «Ты почему не оделась?!»

— Скорей, — сказала Алиса как можно строже. — Мы, кажется, забываем, что речь идет не о насморке, а о судьбе всей планеты.

В этот момент в зал, хлопая крыльями, крича, как недорезанный поросенок, влетела растрепанная и грязная белая ворона.

— Вы куда? — закричала она. — Вы с ума сошли! Ребенок раздет! Это хорошо не кончится.

— Дурында! — сказала Алиса. — Здравствуй и не отвлекай нас.

— Вы решили, что поедете без меня? — спросила белая ворона, садясь на крышу машины времени. — Не тут-то было. Вы все погибнете, вы пропадете без меня!

— Это еще что за создание кошмарного сна? — спросил Громозека.

— От создания и слышу, — нагло ответила ворона. — Не тебе меня учить, мальчишка. Инопланетный, что ли?

— Я профессор Громозека с планеты Чумароза, — ответил археолог.

— Будем знакомы. Я белая мудрая ворона Дурында из эпохи легенд. Временно проживаю в заповеднике сказок, но страшно соскучилась по родине. Поэтому лечу с вами.

— Послушай, Дурында. Ты нам всем в заповеднике страшно надоела, — сказал Иван Иванович. — Если ты вернешься в эпоху легенд, откуда тебя, кстати, никто не приглашал, мы будем только счастливы.

— Но пускай сначала вернет украденную серебряную ложку, — сказал толстый король.

— Меня, — возопила ворона, — меня обвиняют? Больше моего крыла здесь не будет! Я всем расскажу, какие жалкие клеветники собрались в этом так называемом заповеднике.

С этими словами ворона сделала круг под потолком и вылетела из зала.

— Типичная истеричка, — сказал толстый король. — Со склонностью к клептомании. Клинический случай.

Тем временем Иван Иванович уже настроил машину.

— Сколько вы весите? — спросил он у Громозеки.

— Восемь с половиной вырлей, — вежливо ответил Громозека. — Это не очень много.

Алиса поняла, что ее друг испугался, что сейчас ему объявят: машина вас не возьмет. И начал по-детски хитрить. Взрослые чаще, чем дети, хитрят по-детски.

— А в килограммах? — так же вежливо спросил Иван Иванович.

— Чуть больше ста, — ответил Громозека. — Но я могу снять башмаки. И оставить здесь авторучку.

— А точнее? — вежливо спросил Иван Иванович.

— Забыл.

— Еще точнее?

— Сто восемьдесят три килограмма, — вздохнул Громозека. — Это слишком много, да?

— Порядочно, — сказал Иван Иванович.

— Но я вас предупреждаю: Алису одну в эпоху легенд я не отпущу.

— Ох уж эти перегрузки, — сказал толстый король. — Я сам еле-еле сюда попал. Чуть не промахнулся. Еще бы мгновение, и пришлось бы мне остаться в девятнадцатом веке. Познакомился бы с Наполеоном...

— Может, и к лучшему, — сказал мрачно Иван Иванович. Иногда он жалел, что затеял всю эту историю с заповедником сказок. Сказочные существа хороши в книжках. В жизни же от них масса неприятностей. Вот и король. Порой с ним можно договориться, поладить, а иногда становится невыносимым, хочет кого-нибудь угнетать, травить, казнить и миловать. Такая уж у короля генетика. Пришлось закупить ему два полка оловянных солдатиков. С помощью простого колдовства он сделал их двигающимися, и теперь они маршируют по тронному залу. Ну а ес-

ли какой-то солдатик спутает ногу или выйдет из строя — тут же ему не миновать телесного наказания. Иван Иванович как-то подглядел, как король обращается с ними, и подумал, что даже оловянные солдатики могут в один прекрасный день взбунтоваться.

— Входите, — сказал Иван Иванович. — Лететь вам придется в тесноте.

— Спасибо, — с чувством сказала Громозека. Он был уже почти уверен, что его в прошлое не возьмут, и готовился к грандиозному скандалу. — Вы настоящий ученый и человек. Когда все кончится, я напишу о вас в нашей чумарозской газете.

С этими словами Громозека втиснулся во временную кабину, а потом с трудом втянул туда живот, чтобы Алисе тоже было где поместиться. «И в самом деле тесно, — подумала Алиса. — Хоть и мягко».

— Готово, — сказала она. — Можно отправляться. Позвоните папе, ему может понадобиться ваша помощь, когда его будут забирать в сумасшедший дом, — сказала она Ивану Ивановичу.

— Никогда в это не поверю, — сказал директор заповедника.

Он хотел закрыть дверь в кабину, но в зал вновь влетела птица Дурында. В клюве она волокла объемистый узел.

— Ты куда? — закричал толстый король.

— Ты куда? — закричал Иван Иванович.

Они догадались, что ворона все же решила сгонять в прошлое.

Но вороне ловко удалось избежать их вытянутых рук, кинуть свой узел в узкую щель между головой Громозеки и потолком кабины, а затем нырнуть туда самой.

— Вылезай немедленно! — рассердился директор заповедника.

Но Дурынду уже не было видно. Только ее пронзительный голос звучал откуда-то из-за ушей Громозеки:

— Не смейте ничего предпринимать! Я свободная птица, я буду сопротивляться! Заповедник не тюрьма, а убежище. Иначе я потеряю к вам уважение.

— У нее полный узел барахла! — кричал толстый король. — Там моя серебряная ложка. Верните добро!

— Нам что, вылезать? — спросил Громозека.

— Не надо, — сказала Алиса. — Еще не хватало драться с Дурындой. Включайте машину, Иван Иванович.

И директор подчинился Алисе.

Дверь закрылась. На пультах замигали огоньки. Раздалось жужжание. И все пропало.

Почти все, потому что в темноте, которая охватила путешественников во времени, в бесконечном полете, верчении и падении Алиса все время чувствовала, что ей в затылок вцепились когти перепуганной Дурынды, которая вопила, каркала, скрипела и требовала, чтобы ее немедленно выпустили наружу и не губили.

Она продолжала вопить и тогда, когда путешествие кончилось.

Глава 13

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД

Алиса с трудом открыла дверь временной кабины, что спрятана в громадном дупле старого дуба на опушке непроходимого волшебного леса. Хоть путешествие заняло несколько минут, у нее все тело затекло от неудобной позы, волосы растрепались, щека расцарапана — следы когтей Дурынды.

Затем из кабины вывалился Громозека. Он был оглушен и не очень соображал, что же произошло.

Алиса обернулась. На дно кабины кучкой грязных белых перьев упала Дурында. Рядом валялся узел с ее добром. Алиса спросила:

— Ты жива, Дурында?

— Нет, — ответила птица тихо. — Меня раздавили.

— Но ведь ты же сидела у меня на голове.

— Вот ты меня головой и убила, — сказала птица.

— Что же делать?

— Заплати мне золотую монету, тогда я, может, оживу.

— Ох как нехорошо получилось, — сказал Громозека, залезая в карман. — Как назло, у меня нет золотых монет. Но разве это поможет?

— Поможет, — сказала ворона.

— А куда надо приложить золотую монету, чтобы вам стало лучше? — спросил доверчивый Громозека.

— В клюв, — сказала ворона и широко открыла клюв.

— Погоди, Громозека, — сказала Алиса. — Не верь воронам, даже когда они убиты. Я сейчас ее оживлю.

— Как? — спросила ворона подозрительно.

— Я просто скажу тебе, что через две секунды дверь кабины автоматически закроется и ты вернешься в двадцать первый век.

— Неправда! — закричала ворона, вскочила на ноги, схватила в клюв свой узел, с трудом вылетела наружу, долетела до нижней ветки и уселась на ней. У нее был скорбный вид.

— Пошли, Громозека, — сказала Алиса. — Нам надо поскорей добраться до избушки.

— До какой избушки?

— В ледниковые времена жили первобытные люди. Один из них — мальчик Герасик, великий изобретатель, он изобрел колесо и догадался, почему яблоки падают на землю. Если корабль пришельцев с Бродяги здесь побывал, Герасик об этом знает. Он подозревает, что со временем люди научатся летать по воздуху без помощи волшебников. Он думает, что помощь волшебников унижает человеческое достоинство.

Громозека недоверчиво хмыкнул. Алиса понимала почему. В волшебников, экстрасенсов, невидимость, ведьм, гадалок и колдунов он не верил. Он был самым обыкновенным ученым со щупальцами, восемью глазами и ногами, как у слона. И полагал, что так и надо. «И если бы он жил сто лет назад, — подумала Алиса, — он бы ни за что не поверил в инопланетных пришельцев».

Времени терять было нельзя. Поэтому Алиса сразу пустилась в путь. Громозека, разочарованно похлопывая себя по карману, где раньше лежал бластер, шагал следом.

Некоторое время они шли молча. Начал накрапывать холодный дождик. Лето в эпохе легенд было прохладным — ледниковый период надвинулся совсем близко.

Они остановились перед большим серым валуном. На валуне были грубо вырезаны слова: «Прямо пойдешь — коня потеряешь. Налево пойдешь — жизни лишишься. Направо пойдешь — кошелек потеряешь».

— Нам прямо, — сказала Алиса.

Громозека постоял — сомневался. Алиса ушла вперед.

— Почему?! — крикнул он вслед Алисе.

— Потому что у нас нет коней! — откликнулась Алиса.

— Разумно, — сказал Громозека. Он увидел большой сухой сук на старом дубе, подпрыгнул и отломил его. В щупальцах Громозеки оказалась огромная дубина.

— Ну что, теперь тебе легче? — спросила Алиса.

Она подумала, что Громозека растревожил шумом все сказочное королевство. Наверное, никак не могут понять, то ли столкнулись два богатыря, то ли рухнул расколдованный замок.

— Вот тут, — сказала Алиса, — мы должны были потерять коня.

Дорога в том месте была вытоптана так, что получилась широкая площадка, заваленная лошадиными костями, остатками сбруи и даже оглоблями. В сторонке стояли сани.

— Что здесь было? — удивился Громозека. — Ужасное сражение?

— Велика-а-ан! — позвала Алиса. — Велика-ан, где ты?

Только эхо отозвалось из леса.

— Странно, — сказала Алиса. — Здесь должен сидеть Великан, который пожирает всех коней.

— Нет больше Великана, — раздался тихий голосок.

Голосок донесся снизу.

Алиса увидела, что на небольшом камне сидит гном в красном колпачке и вырезает что-то на лошадином зубе.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Я давно здесь не была. Вы не скажете, что случилось с Великаном-коноедом?

— Ушел, — сказал гном. — Холода замучили, радикулит, да и лошадей уже не осталось. На юг он ушел, в теплые края, надеется там переждать ледниковый период.

— А Людоед, который на второй дороге сидел, людей пожирал?

— Нанялся к Ведьме в охранники. Но не по доброй воле. Его довел до отчаяния человеческий детеныш по имени Герасик.

— Как же это случилось? — спросила Алиса.

— Много народу Людоед истребил, и не только людей, но и всех кого ни попадя, даже разбойника сожрал с голодухи. А гномов поел — не счесть. Вот и решил этот мальчик Герасик выгнать Людоеда из этих краев. Пошел он к деревенскому кузнецу и выковал из железа маленькую девочку, Красную Шапочку, раскрасил ее как настоящую, в платьице одел, дал в руку корзинку, будто она по грибы идет, подобрался ночью поближе к Людоеду и поставил девочку на дорогу. Людоед голодный был страшно — давно уж все его логово обходили. Проснулся, увидел девочку, не разобрался, что к чему, и цапнул ее зубами. Да и остался без зубов. А без зубов какой Людоед?

— Вот молодец Герасик! — обрадовалась Алиса.

— Молодец-то молодец, да без толку, — проворчал гном. — Разве со злом так борются? Людоеда надо было либо убивать, либо не трогать.

— Почему?

— Беззубый Людоед хуже зубастого. Тот хоть на месте сидел, как бы при деле. Не хочешь, чтобы тебя кушали, — не суйся к не-

му, останешься живой. А беззубому Людоеду пришлось уйти к Ведьме. На пару с ней они с тех пор и безобразят. Ведьма все грозится ему железные зубы сделать, но не очень-то спешит. Знаешь почему? Потому что он вернется на старое место. А пока что он за ней как тень ходит. Руки у него здоровые, ноги быстрые — ну прямо палач. К тому же раньше у него только своя голова была, можно сказать, пустая. А теперь он указания выполняет. Ведь Ведьме в уме не откажешь?

— Ой, не откажешь, — согласилась Алиса. — А где теперь Герасик?

— С Герасиком дело плохо, — сказал гном. — Пришлось ему скрыться. Людоед первым делом Ведьму попросил — помоги мне избавиться от человеческого детеныша. Вдвоем они напали на деревню, где Герасик жил. Герасик в лес сбежал. С тех пор скрывается. А дед его, старый землепашец, скрыться не успел. Растерзали его Ведьма с Людоедом.

— До смерти?

— А то как же? В них жалости нету.

Над головами захлопали крылья. Низко, чуть не задевая за вершины деревьев, пролетела белая птица с узлом в клюве.

— Никак Дурында вернулась? — удивился гном. — Давно ее не было. Говорили, где-то устроилась.

— Что же теперь делать? — подумала вслух Алиса. — Где Герасика искать?

— А что тебе от него нужно?

— А я с ним раньше дружила, — сказала Алиса. — Когда в прошлый раз приезжала.

Громозека, слушая этот разговор, уселся неподалеку на землю и, достав перочинный ножик, стал обстругивать свою дубину.

— А чего вам здесь нужно? — спросил тихонько гном, косясь на Громозеку. Археолога с планеты Чумароза он побаивался.

— Уважаемый господин, — сказал Громозека, — у нас есть сведения, что совсем недавно на Землю опустился с неба космический корабль.

— Что такое? — спросил гном. Он ничего не понял.

— Ко-сми-ческий ко-рабль! С другой планеты.

— Я разве моряк? — удивился гном. — Я в кораблях не понимаю.

— Космический корабль! Воздушный!

— Тогда у волшебников спрашивайте, — сказал гном.

— Разумеется, вам, уважаемый гном, — сказала Алиса, — это

не очень понятно. Но может быть, в последние дни или ночи вы видели падающую звезду?

— Ночью я сплю. Я порядочный гном, — ответил их собеседник. — Пускай на звезды совы и колдуны смотрят.

— Тогда, может быть, днем?

— Днем, моя дорогая, звезд не бывает, — ответил гном. — И если больше нет вопросов, я вас покину. У меня обед стынет.

С этими словами гном зашагал к дереву, завернул за толстый корень и исчез с глаз.

— Вот и первая неудача, — сказал Громозека. — А вдруг корабль еще не прилетал?

— Ты же сам считал, — сказала Алиса. — Если ты не уверен, надо было выбирать другое время.

— Я-то считал, — ответил Громозека. — Но ведь мы не знаем, вдруг они прилетали чуть позже...

— Погоди, — сказала Алиса. — Гномы — ненадежные свидетели. Они слишком маленькие и вообще не любят смотреть на небо.

— Тогда давай искать других свидетелей.

Алиса и Громозека побрели дальше. Вскоре они дошли до избушки. Крыша ее провалилась, дорожки заросли лопухами и крапивой.

Пустота, пыль, запустение. Посреди избушки открытый очаг — печек в те времена люди еще не знали, — над ним в крыше дыра, чтобы уходил дым. Окошко без стекла. А на столе у окошка осталось памятью о Герасике деревянное колесико, насаженное на палочку. Когда-то Герасик изобретал телегу.

— Эх, Герасик, Герасик, — вздохнула Алиса.

Она взяла колесико на память и вышла из избушки. Громозека ждал ее снаружи.

— Никого? — спросил он.

Алиса даже не стала отвечать. И так все было ясно.

— Пошли дальше, — сказала она. — Доберемся до реки, а там на чем-нибудь спустимся к замку волшебника Ооха. Он нам поможет.

До реки они дошли быстро. Их подгоняло нетерпение. Нетрудно было представить, что именно сейчас трескается, как яйцо, в котором вырос птенец, лиловый шар и зловещий вирус несется над Землей, среди ничего не подозревающих людей, которые спешат на работу, садятся во флаеры, толпятся на космодромах.

— Интересно, — сказала Алиса, спеша по тропинке, что вела

вниз. — Смог ли отец убедить ученых в том, что нам грозит опасность?

— Я надеюсь, — ответил Громозека. — Он обладает даром убеждения.

— Осторожно! — крикнула Алиса.

В кустах мелькнула серая морда — волк!

Громозека обернулся. Волк высунул морду наружу, принюхался. Оскалил зубы. Но Громозеку это не испугало. И хоть волк был велик, вдвое больше обыкновенного, Громозека просто снял с плеча свою дубину и показал ее волку. Волк склонил голову набок, зажмурился... и мгновенно испарился.

— Знаешь, Громозека, — сказала Алиса. — От тебя есть польза. Если бы я тебя не взяла с собой...

— То тебя бы съел волк, — сказал Громозека. — И твой папа очень бы расстроился.

— Мягко сказано, — ответила Алиса.

Река, к которой они спустились, была широка и полноводна. Вода в ней казалась серой, потому что серым было небо, у берега вздрагивали тростники, им было очень холодно стоять по колено в воде.

Из тростников торчал нос долбленой лодки. В ней лежало весло.

— Нам вниз по реке, — сказала Алиса. — И чем дальше мы от этих мест отплывем, тем лучше.

Алиса смотрела, как Громозека забирается в лодку. Лодка сразу глубоко осела, борта ее почти сровнялись с водой.

— Не шевелись, — сказала ему Алиса. — А то перевернемся.

Она оттолкнула лодку, прыгнула на корму и взяла весло. Громозека сидел не шелохнувшись, растопырив для равновесия щупальца.

Лодка вышла на чистую воду. И сразу же берег, который они покинули, ожил. Из тростника высунулись волчьи морды. Волки оскалились, рычали, один из них хрипло сказал:

— Мы еще до вас доберемся, поросяточки!

— Меньше всего я похож на поросенка, — обиделся Громозека.

Другой берег был пуст.

— А там кто живет? — спросил Громозека.

— Ничего интересного. Отрицательные персонажи, — сказала Алиса. — Ведьма, о которой ты уже слышал, у нее в услужении черная кошка да теперь еще беззубый, но злобный Людоед. Кроме того, там разбойники, очень испорченные бездельем и легкой

жизнью, пьяницы и хулиганы. Правда, не безнадежные. Попались бы они мне в руки, я бы их перевоспитала.

Река быстро несла лодку вниз по течению, Алиса только иногда окунала весло в воду, чтобы удерживать лодку подальше от берегов. Тростники справа время от времени шевелились — видно, волки следили за путешественниками. Но левый берег был по-прежнему пуст.

— Нам еще долго плыть? — спросил Громозека, поеживаясь. Ему было холодно.

— Думаю, через полчаса сможем пристать к берегу, — сказала Алиса.

Вдруг она чуть приподнялась. Далеко впереди на левом берегу она заметила бегущие фигуры. Там что-то происходило.

Глава 14

ГЕРАСИК

Вскоре лодка приблизилась к группе немытых и нестриженых людей, которые окружили высокий, коренастый дуб, росший на берегу. Они размахивали кинжалами, саблями, топорами, некоторые пытались влезть на дерево, но это у них не получалось. А над вершиной дерева крутилось странное сооружение, похожее на цилиндр. Из цилиндра высовывалась встрепанная голова с крючковатым носом и длинные жилистые руки. Руки держали метлу и норовили достать ею до того, кто прятался в листве.

— Ну вот, — сказала Алиса. — Громозека, можешь познакомиться с другими обитателями эпохи легенд. Вокруг дерева прыгают разбойники. Вся банда во главе с Атаманом. А над деревом летает в ступе Ведьма.

— А что у нее в руках? — спросил Громозека.

— Метла, что же еще. Она у нее вместо руля.

— Очень любопытно, — сказал Громозека. — А по какому принципу действует эта так называемая ступа? Антигравитация?

— Вовсе не так, Громозека, — сказала Алиса. — Она действует по принципу колдовства. В эпоху легенд действовали особенные физические законы.

— Чепуха, — сказал Громозека. — Во все времена и на всех планетах действуют совершенно одинаковые физические законы. И если кажется, что они другие, значит, мы просто их плохо изучили.

Алиса не стала спорить — лодка уже приблизилась к дубу. Алиса всматривалась в листву, чтобы разглядеть, кто там прячется. Вдруг из листвы высунулась мальчишеская физиономия.

— Герасик! — узнала мальчика Алиса. — А мы к тебе приехали. Ты что здесь делаешь?

— Алиса! — обрадовался Герасик. — Меня, по-моему, собираются убить.

— С них станется, — согласилась Алиса. — Это все из-за Людоеда?

— Конечно! — крикнул мальчик.

— Тогда прыгай в воду — мы тебя подберем.

— Я плохо плаваю, — сказал мальчик.

— Но наша лодка такая перегруженная, — крикнула Алиса, — что я не смогу ее подогнать к берегу.

— Кыш отсюда! — завопила Ведьма сверху. — А то утоплю.

Мальчик Герасик решил, что ему нечего терять. Он выполз на нависший над водой сук и спрыгнул в воду.

Разбойники кинулись за ним, но мальчик быстро, по-собачьи, поплыл вслед за лодкой, которую несло течением вниз. Алиса стала притормаживать веслом.

Разбойники бежали по берегу вслед и дико кричали, возмущаясь тем, что потеряли свою добычу. Ведьма спустилась почти к самой воде и норовила ударить мальчика по голове ручкой метлы.

— Уважаемая старуха! — громовым голосом произнес Громозека. — Я вас попрошу не безобразничать. Вы разве не видите, что перед вами ребенок?

— Кому ребенок, а кому первый бандит! — ответила Ведьма. — И вообще, молчи, урод. Таких мы еще не видели. Во сне приснишься — умрешь со страху.

— Не обращай ты на нее внимания, — сказала Алиса, почувствовав, что Громозека обиделся и может потерять присутствие духа. (А если Громозека теряет присутствие духа, то обязательно совершит необдуманный поступок.)

Но она опоздала. Громозека вспыхнул, как бенгальский огонь. Ведьма раньше не сталкивалась с археологами с планеты Чумароз и потому не знала, какие у них длинные и подвижные щупальца. Громозека распрямил одно из щупальцев — то взметнулось вверх, схватило когтем конец метлы и дернуло вниз. Ведьма не успела выпустить метлу, ступа резко накренилась, и Ведьма вывалилась в реку. Ступа без пассажира облегченно взлетела

вверх и понеслась, подгоняемая ветром, к лесу. Но это приключение плохо кончилось и для самого Громозеки. Он тоже не удержался в лодке и вывалился в воду. Разумеется, Алиса последовала за ним. А Герасик так и не успел влезть в лодку.

К перевернутой лодке, которая была похожа на спину небольшого кита, со всех сторон потянулись руки. Алиса, уцепившись за нее, увидела, что Громозека, не умевший плавать, обхватил лодку сразу всеми щупальцами, Ведьма, крича от ужаса, схватилась за нее с другой стороны, а Герасик достал пальцами до кормы. А так как из всей этой компании хорошо плавать умела только Алиса, она и смогла оценить весь юмор этой картинки, хоть для остальных ничего смешного здесь не было.

Алиса подплыла к лодке с кормы и крикнула Герасику:

— Толкай вперед!

Они начали толкать лодку к небольшому островку, который торчал холмиком посреди реки. Вода была страшно холодной, лодка неслась быстро, и Алиса увидела, что разбойники с воплями бежали вдоль берега, надеясь, что лодку прибьет к ним.

— Держись, старушка! — кричали они Ведьме. — Не сдавайся!

Вдруг Алиса почувствовала толчок — нос лодки ударился в мель у островка. Колени ее коснулись дна. Она увидела, как посиневший Громозека поднимается во весь свой рост и спешит на сухое место. За ним, с трудом отцепив руки от лодки, бежит Ведьма.

Алиса с Герасиком задержались у берега, стараясь перевернуть лодку.

— Все равно весла нет, — сказал Герасик.

Островок был невелик. Посреди него росли кустики. Берег, на котором их поджидали разбойники, был рядом, но, к счастью, речная протока была быстрой и глубокой.

Громозека и Ведьма подпрыгивали посреди островка, стараясь согреться. Громозека потерял свою дубину. Мокрые серые волосы Ведьмы прилипли к голове, юбка обтягивала костлявые ноги.

— Это тебе даром не пройдет, — сказала она Алисе, лязгая зубами.

— А мне и не надо, — ответила Алиса. — Вы зачем за Герасиком гонялись?

Герасик подпрыгивал на одной ноге, чтобы вытряхнуть воду из уха.

— Я до него все равно доберусь! — Ведьма погрозила костлявым кулаком. — Я все человеческое семя со света сживу.

Громозека переступал с ножищи на ножищу, чтобы согреться.

— Теперь я понял, — сказал он. — Этим чудовищам и в самом деле пора вымирать.

— Не вымру, не надейся, — сказала старуха. — Всех переживу. В темных лесах скроюсь, под колодами буду скрываться, в чащобах согреваться, по кустам скитаться, детишками питаться. И не вымру.

— Ведьма-а-а! — донесся крик с берега. Это кричал Атаман разбойников. — Чего нам делать-то? Как помочь?

— Зови Людоеда! — закричала в ответ Ведьма. — Пускай сюда перебирается, всех передушит.

— Ну, монстры, прямо монстры, — сказал Громозека, — такое впечатление, что цивилизация до них не добралась.

— Жили без нее и дальше проживем, — сказала Ведьма.

— Почему ты на этом дереве оказался? — обратилась Алиса к Герасику.

Герасик поманил Алису в сторону. Он наклонился к ее уху и прошептал:

— Не хочу, чтобы Ведьма услышала. Меня гномы прятали под землей. Тесно, темно, неудобно. Я неделю попрятался, потом решил — лучше уйду в пустынные земли. А они, оказывается, меня выслеживали. Вот и выследили. Хорошо еще, что вы здесь оказались.

— В этом преимущество сказочной эпохи, — сказала Алиса. — Здесь всегда можно рассчитывать на совпадения и счастливые неожиданности. Скажи, Герасик, ты не видел, чтобы в последние дни с неба падала звезда?

— Когда?

— Точно не знаю — несколько дней назад, а может, вчера.

— Вообще-то с неба звезды часто падают, — сказал Герасик. — Иногда по несколько штук за ночь упадут. Видно, состарилось небо, плохо держит.

— Как держит? — удивилась Алиса. Но тут же вспомнила, что для Герасика небо твердое — в школу он не ходил, про Коперника не слышал. Откуда ему знать про космос?

— А что тебе эта звезда? — спросил Герасик. — Ты за ней приехала?

— Мне надо ее найти, — сказала Алиса.

— Наверное, она упала, пока я в земле у гномов сидел.

— Жаль. Я на тебя надеялась.

Ведьма и Громозека стояли поодаль друг от друга, оба дрожали, никак не могли согреться. Ведьма не сводила глаз с берега, видно, ждала, когда придет помощь.

— Что же дальше? — спросил Громозека. — Весла у нас нет.

— Да и лодка не выдержит, — сказал Герасик.

Но Алиса сейчас думала только о лиловом шаре.

— Бабушка, — обернулась она к Ведьме. — Если вы нам поможете, мы вас домой отпустим.

— Чего? — удивилась Ведьма. — Я-то думала, ты о пощаде молить будешь! Сейчас приведут мои ребятки Людоеда, вот вам и конец.

— Придут или не придут, дело второе, — сказала Алиса. — А может, вы видели, как недавно с неба упала звезда?

— Ты меня режь, ты меня казни, — ответила старуха сурово. — Но из меня ни слова не выжмешь. И про звезду тебе не сознаюсь.

— Значит, была звезда?

— Режь, — сказала старуха решительно. — Начинай.

— Ай-ай-ай! — раздался с неба пронзительный крик. — Я же предупреждала, что это хорошо не кончится.

К острову летела птица Дурында. Уже без узла в клюве. За ней следом летела другая птица, поменьше, сизая горлица.

Птицы опустились на ветки кустов посреди острова.

— Беда, — сказала Дурында. — Так я и знала. Без средств к передвижению, без руля и ветрил, на произвол судьбы и злых разбойников! О, Алиса! О, моя несчастная девочка!

— Дурында, — сказала Алиса. — Перестань паниковать. У нас все в порядке. Мы отдыхаем.

— Такие мокрые — и отдыхают! — ахнула Дурында. — Типичное воспаление легких. Это я вам гарантирую.

— Дурында, — сказала Алиса, — ты что-нибудь узнала о падающей звезде?

— Я только этим и занималась, — ответила бедная ворона. — Все свободное время. Посетила родственников, передала им гостинцы — и сразу за дело. Говори, горлица.

Горлица повела вокруг изящной головкой и сказала:

— Как я есть заколдованная красавица, то провожу все ночи в ожидании рыцаря, который меня спасет. И поэтому смотрю на небо.

Горлица замолчала и стала смотреть в землю.

— Говори, родная, говори, — сказала Дурында.

Но горлица молчала.

— Придется позолотить клювик, — сказала Дурында. — Чем мы располагаем?

— Я буду тебе должна, — улыбнулась Алиса.

— Смотри не забудь. Продолжай, моя заколдованная.

— Вчера под утро с неба упало что-то большое, — произнесла горлица. — Я решила было, что это мой суженый, который спешит меня расколдовать.

— А на самом деле?

— На самом деле он ко мне не пришел...

В этот момент на берегу раздались крики, и Алиса увидела, что к реке толпой бегут разбойники, окружив неопрятного волосатого огромного Людоеда. Костюм его был сшит из медвежьих шкур, а щеки замотаны грязной тряпкой, чтобы не так болели обломанные зубы.

— Где он? — ревел Людоед. — Дайте только мне до него добраться!

— Я его задержу, — сказал тихо Громозека. — А ты попытайся выбраться с острова.

— Горлица! — закричала Дурында. — У нас ни минуты свободной. Где твой принц упал?

Разбойники подбежали к воде и остановились на берегу, а Людоед, придерживая ручищей щеку, вошел в воду.

— Ах, — сказала горлица, — вон там за лесом. Я туда летала утром, но никакой звезды не нашла. Там лежит некрасивое яйцо с дом величиной. Мой принц никогда бы на таком не прилетел.

— Все правильно, — сказала Алиса. — Космический корабль.

— Алиса, плыви! — сказал Громозека. — За меня не беспокойся.

— Я же не могу оставить Герасика! — воскликнула Алиса.

— Пускай он оседлает перевернутую лодку, а ты плыви сзади и толкай. Поняла?

— Спасибо, Громозека, ты умница! — сказала Алиса. — Герасик, ко мне!

Они вдвоем столкнули лодку в воду. Герасик сел верхом на перевернутую лодку, а Алиса поплыла за лодкой, толкая ее перед собой. Вода казалась уже не такой холодной, как раньше, — ко всему привыкаешь. Течение подхватило лодку и понесло вниз. Герасик пытался помогать Алисе, подгребая руками. Алиса обернулась. На островке кипел бой.

Людоед выбрался на берег, и у самой воды его встретил могучий Громозека, который, хоть и был вдвое ниже Людоеда, знал приемы самбо и карате, о чем Людоед не имел представления. Правда, Громозеке сильно мешала Ведьма, которая вцепилась в него сзади и колотила ногами и руками. О беглецах все забыли. Кроме птицы Дурынды, которая летела сверху и сочувствовала.

— Нет, — говорила она пронзительным голосом, — не доплыть вам, не доплыть! Ни за что не доплыть. Сейчас или волкам на зуб попадете, или какая-нибудь акула вас подхватит. Вот увидите. А жалко. Такие приятные молодые люди...

Алиса не верила в то, что в такой холодной речке могут водиться акулы, а сказочные волки не умеют плавать.

В последний раз Алиса обернулась. Она переживала за Громозеку. Вот старуха подставила археологу ножку, и Громозека рухнул на траву. Людоед навалился на него... Но даже если бы Алиса сейчас захотела вернуться, она не смогла бы повернуть лодку против течения. Еще секунда, и остров скрылся за поворотом.

Глава 15

ОШИБКА

— Сюда! — закричала горлица, которая летела вслед за Дурындой. — Отсюда дорожка ведет к тому яйцу, которое вы ищете.

Алиса изо всей силы стала работать ногами, чтобы повернуть лодку к берегу. Как только лодка ткнулась в берег, Алиса побежала по дорожке вверх. Герасик за ней.

Алиса совершенно не представляла, что будет делать, когда увидит корабль пришельцев. Вряд ли разумно подбегать к космическим бандитам и кричать им: «Мы вас раскусили!» С перепугу они могут что-нибудь натворить. К тому же Алису все время терзала мысль, что она оставила Громозеку на произвол судьбы. Ведь хоть разбойники и людоеды давным-давно вымерли, Громозека попал в лапы к негодяям, которые умеют и убивать.

— А что за звезда? — услышала Алиса голос Герасика, который бежал сзади. — На что она тебе понадобилась?

— Как тебе объяснить? В общем, это летающий корабль. В нем прилетели очень плохие люди. Они хотят нас всех заразить смертельным вирусом вражды.

— Заразить? Вирусом?

— Я все время забываю, что ты первобытный! — сказала Алиса. — Они хотят наслать на нас болезнь.

— На вас или на нас? — спросил Герасик.

— На нас. На тех, кто будет жить здесь потом.

— Если потом, то чего же сразу к вам не прилетели? — удивился Герасик.

Объяснить Алиса не смогла. Кусты смородины расступились, и они выбежали на широкую поляну. Огромное темное яйцо лежало посреди поляны.

Алиса замерла на опушке и схватила за руку Герасика, чтобы он не выбежал на открытое место.

Потом прислушалась. Тихо. Это означало, что космонавты либо еще не вылезли из корабля — проводили анализы, разведывали. Или, наоборот, уже ушли и сейчас где-нибудь по соседству закапывают ужасный лиловый шар.

— Как ты думаешь, Герасик, — сказала Алиса, — они там, внутри?

— Кто?

— Пришельцы.

— Это не корабль, — сказал Герасик уверенно. — Это яйцо. У корабля мачты и парус. Или весла.

— Ох, Герасик, тебе еще учиться и учиться! Ты совершенно не представляешь себе, каких высот достигнет со временем цивилизация. Неужели ты не понимаешь, что яйца такими не бывают?

— А кто их знает, какие бывают? — удивился Герасик, который в сказочном мире привык к любым неожиданностям.

— Некогда спорить по пустякам, — сказала Алиса. — Все-таки скажи, они вылезали наружу?

— Да никто из этого яйца не вылезал, — сказал Герасик. — Сама видишь, ни одна травинка вокруг не помята.

Алиса успокоилась. Она доверяла удивительному зрению Герасика.

— Будем ждать, когда вылупится? — спросил Герасик.

— Они должны скоро выйти, — сказала Алиса. — Их планета проносится сейчас мимо Солнечной системы. У них каждый час на счету. Погоди.

— Тогда надо послушать, — сказал Герасик.

— Что послушать?

— Пойти к яйцу и послушать. Если там птенец вылупиться хочет, он наверняка будет стучать.

Алиса вздохнула — первобытный мальчик оказался страшно упрямым.

Алиса сделала шаг вперед, кочка под ногой спружинила, захлюпала вода.

— Погоди, — сказал Герасик и поглядел наверх. Там, в вышине, кружилась птица Дурында, за ней летала горлица. — Эй, Дурында! — крикнул он. — Погляди, кто там в яйце, не хочет проклевываться?

— А почему я? Почему я? — удивилась Дурында. — Это риск. Меня могут поймать и заточить.

— Да потому, что ты птица и лучше в этом разбираешься.

— А что я буду иметь? — спросила Дурында.

— Вернемся в заповедник, рассчитаемся, — сказала Алиса. — Дурындочка, миленькая, послушай, что они там делают.

— Любое мое желание в заповеднике выполнишь, понимаешь? — каркнула белая ворона.

— Только скорей, Дурындочка.

Птица нехотя подлетела к яйцеобразному космическому кораблю. Перед тем как опуститься на его округлую вершину, она сделала несколько кругов, как бы прислушиваясь. Но, видно, ничего не услышала. Она далеко вытянула вниз ноги и опустилась, отчаянно хлопая крыльями так, чтобы только когти касались вершины корабля с Бродяги. Словно боялась обжечься. Потом она все же встала на вершину корабля и склонила голову, прислушиваясь.

Потом вдруг отчаянно закричала:

— Стучит! Стучит! Сейчас выскочит!

Взлетела в воздух и полетела к лесу. Горлица за ней.

Алиса с Герасиком, которые уже было вышли на открытое место, замерли. Вслушались.

Космический корабль был неподвижен, и никаких звуков они уловить не могли.

— Ну и здоровый птенец должен быть, — прошептал Герасик.

«Если бы птенец, — подумала Алиса. — Если бы птенец. Но птенцы, которые скоро выйдут из этого корабля, будут вооружены пистолетами и одержимы злодейскими планами».

Вдруг до Алисы донесся глухой удар. Сомнений не было: в корабле готовились к высадке. Второй удар последовал через минуту. Алиса присела за куст и потянула за руку Герасика, чтобы он тоже спрятался. Она лихорадочно придумывала, что ей делать. Ведь пришельцы не сразу спрячут лиловый шар. Сначала они захотят осмотреться. У них, наверное, есть летательные машины

или вездеходы. Как уследить за ними? Придется бежать к волшебнику Ооху, поднимать всех колдунов, просить о помощи.

Еще один удар раздался изнутри корабля.

Корабль покачнулся.

Еще один удар.

Небольшая трещина показалась в теле корабля. От следующего удара она побежала, ломаясь, по всему боку. Алиса застыла от изумления. Удары следовали один за другим. После десятого, а может, двенадцатого космический корабль буквально развалился. Осколки его скорлупы упали на траву, и среди этих развалин обнаружился громадный, совершенно голый, лишь с хохолком на голове, тонкошеий птенец.

Птенец широко раскрыл желтый клюв, в котором могла бы поместиться телефонная будка, и пискнул так, что облетели листья с деревьев.

— Что это? — прошептала в ужасе Алиса.

— А что? — совсем не удивился Герасик. — Птенчик. Я же говорил тебе. А ты все: пришельцы, пришельцы...

— Но что же будет, когда он вырастет?

— Будет птица Рокх. Разве тебе Синдбад-мореход не рассказывал?

— Там другая была... Тогда что же мы с тобой время теряем? Бежим!

— Куда?

— Обратно к Громозеке. Мы должны его спасти!

— Его, наверное, съели, — сказал удрученно Герасик. — Они всех, кто в лапы попадет, едят.

— Во-первых, еще неизвестно, попал ли Громозека им в лапы. А во-вторых, им его не съесть... Он же несъедобный.

Алиса поднялась.

В этот момент птенец увидел их, вытащил из обломков скорлупы красную ножищу, неуверенно оперся на нее, сделав первый в жизни шаг, подтащил вторую ногу и сделал второй шаг. Его глазищи открылись, в них возник осмысленный огонь. Третий шаг ему дался куда легче. Ковыляя, птенец побежал к Алисе.

— Ты посмотри, какой смешной, — сказала Алиса.

— Чего ждешь? Он же тебя склюет, как козявку! — Герасик потянул Алису за руку.

И они помчались сквозь кусты обратно к реке. Сзади раздался оглушительный писк птенца, который гнался за своей первой в жизни добычей. Вдруг сразу потемнело. Алиса взглянула наверх.

Небо закрыли крылья мамаши Рокх. Она снижалась к своему новорожденному детищу.

К счастью, человеческих козявок птица Рокх не заметила, а птенец, завидев мать, закрякал, приветствуя ее.

Со всех ног Алиса с Герасиком побежали вверх по берегу.

Они совсем запыхались, пока добежали до того места, где напротив островка стоял дуб, с которого прыгнул в воду Герасик.

Островок был пуст. Ни Ведьмы, ни Громозеки, ни Людоеда.

Алиса присела под деревом, чтобы перевести дух.

— Вообще-то, Герасик, — сказала она, — теперь наши дела хуже, чем были с самого начала. Час назад я не знала, где космический корабль с Бродяги. Теперь не знаю, где корабль, зато и не знаю, где Громозека.

Глава 16

ДРАКОН ДОЛГОЖЕВАТЕЛЬ

Положение в самом деле было отвратительное. Корабля пришельцев никто не видел. Значит, он, если приземлился, мог сделать это очень далеко, например, в пустынной Аравии. И тогда нужна помощь волшебников или Синдбада-морехода, который, как известно, живет на знойном берегу Аравийского моря. Но нельзя же мчаться за полмира, не узнав, что произошло с Громозекой.

— Теперь куда? — спросил Герасик. Он был почти совсем раздет, босиком, еще не высох после купания в реке, но не жаловался. У него было правило: если твоему другу надо помочь, то можно забыть о холоде и голоде.

Они встали и пошли наверх, к лесу, к избушке Ведьмы. Герасик шел впереди и внимательно смотрел под ноги — он был великим мастером читать следы.

— Они его тащили, — сказал Герасик. — Видно, связали и тащили. Он сопротивлялся. Видишь, кустики травы вырваны.

— Если бы он в наше время каким-нибудь несознательным мальчишкам встретился, — сказала Алиса, — они бы от его вида просто умерли. А здесь все ко всему привыкли. Даже к тому, что из космических кораблей птенцы вылупляются.

Ей было немного стыдно, что она спутала яйцо с космическим кораблем.

— А теперь ты здесь постой, — сказал Герасик. — А я сбегаю разведаю.

— Мне страшно тебя одного отпускать.

— Наоборот, — сказал Герасик. — Ты не умеешь по лесу, как тень, скользить. Они тебя услышат. А я туда и обратно промчусь, погляжу и вернусь. Так и быстрее, и спокойнее будет. Ты пока посиди под деревом, только не вылезай наружу и не кашляй. Мало ли какая нечисть тебя унюхает. Я быстро.

И с этими словами Герасик умчался в чащу.

Алиса осталась одна. Теперь бы самое время подумать, что делать дальше. Но мысли приходили в голову совсем другие. Как там отец? А вдруг они ему не поверили и посадили в сумасшедший дом? А как там лиловый шар? Лежит, не двигается? А вдруг он уже взорвался? Давно? Например, когда была война с фашистами. Может быть, он был спрятан где-нибудь в Германии, потом взорвался? А в тот момент рядом Гитлер проходил. А потом и на гитлеровских друзей и соратников зараза распространилась. А потом на всех эсэсовцев и всю его армию.

— Алисочка, — послышался сверху знакомый глухой бас. — Ты меня ищешь?

Алиса так устала, что не смогла испугаться, когда подняла голову и увидела, что над ней покачиваются головы шестиглавого дракона, дяди Змея Гордыныча, который живет в заповеднике сказок.

— Здравствуйте, Долгожеватель, — сказала Алиса. — Нет, я не вас ищу, а злодеев.

— Значит, не меня. А жалко.

— Почему жалко?

— Ты же обещала мне привезти из будущего портрет моей внучатой племянницы Лох-Несси, которая обитает в Шотландии.

— Ах, извините, — сказала Алиса. — Но оказалось, что ваша внучатая племянница наотрез отказывается фотографироваться. Уже много лет люди стараются ее сфотографировать. А она, как завидит фотоаппарат, сразу ныряет в воду.

— Узнаю мою племянницу, — сказал дракон. — Она всегда была очень стеснительной. Ну, что же тебя сюда привело, Алиса? Чем могу быть тебе полезен? Может, надо кого растерзать?

— Скажи, дракоша, — спросила Алиса, — ты не видел, чтобы с неба падали какие-нибудь звезды?

— Когда?

— В последние дни.

— Как назло, в последние дни, моя девочка, небо было затянуто облаками. Даже ночью. И хоть я по старости лет почти не сплю и люблю глазеть на звезды, ни одной звезды я не видел.

— Жалко. Никто не видел. А она должна была упасть!

— А что, в ваши времена звезды уже не падают?

— Это особенная звезда.

Тут Алиса увидела, что из леса бежит Герасик.

Завидев Алису, над которой навис громадный дракон, мальчик отважно подхватил с земли камень и пошел к дракону, намереваясь запустить в чудовище этим камнем.

— Ну-ну, — сказал дракон. — Попрошу без баловства. В меня один человеческий мальчишка лет сто назад кинул камнем, до сих пор шрам под глазом на самой правой голове.

— Нет, на левой, — сказала самая левая голова, которая, видно, очень завидовала самой правой. — Можешь потрогать.

— Герасик, не надо! — крикнула Алиса. — Это мой знакомый дракон.

— Они все такие. Сначала знакомые, а потом кусаются, — сказал Герасик. Но все-таки опустил камень.

— Ну что там? — спросила Алиса.

— Ничего особенного, — сказал Герасик. — Твой Громозека сидит запертый в избушке — скрутили его.

— Ему больно?

— Не очень. Он в кости играет с Людоедом. И ругается. Только не по-нашему.

— А что они хотят с ним сделать?

— Мне они не рассказали. Может, к ужину его приготовят. Я думаю, все будет зависеть от того, насколько они будут голодными. Если не голодными, то и до утра оставят. На завтрак. Так что у нас время есть.

— Тогда побежали к волшебнику Ооху. Он, наверное, знает, где опустился проклятый корабль.

— Не добежим, — сказал Герасик. — Далеко. Что-нибудь изобрести надо. Я вот думаю, если взять бычий пузырь, подержать его над костром, чтобы дыму побольше набралось, он ведь вверх полетит?

— Герасик, немедленно прекрати изобретать воздушный транспорт! — сказала Алиса. — Человечество для этого еще не созрело.

— Ага, — согласился Герасик, задумчиво глядя на дракона. —

С бычьим пузырем я уже пробовал. Только бычий пузырь маленький, человека не поднимет. А что, если...

— Почему ты на меня смотришь? — спросил дракон.

— А у драконов, — продолжал Герасик, будто и не слышал, — у драконов пузырь должен быть великого размера. Если взять драконий пузырь да надуть его дымом...

— Алиса, хоть он и твой друг, — сказал тут дракон, — я должен его немедленно испепелить и уничтожить. Из чувства самосохранения. Драконов на свете считаные единицы, а он хочет из меня вынуть пузырь.

Дракон начал надуваться, и из ноздрей всех его голов пошел дым.

— Мальчики, мальчики! — закричала Алиса. — Перестаньте ссориться. Немедленно! Нам нужно спешить к волшебнику Ооху. От этого зависит судьба Земли. Дракоша, приляг, пожалуйста, мы влезем тебе на спину, и ты отвезешь нас к волшебнику.

— Тебя — пожалуйста, — сказал дракон. — А этого человеческого бандита, урода, который хочет истребить драконов только для того, чтобы летать по воздуху... нет, никогда!

— Ящерица, — сказал Герасик, — ты ничего не понимаешь в изобретательстве.

— Понимаю, понимаю, — сказал дракон. — Только когда меня для этого не режут на кусочки.

— Но ведь я это так, абстрактно, — сказал Герасик. — Зато когда ты вымрешь, я обязательно воспользуюсь твоим пузырем.

— Герасик, я тебе складной воздушный шар пришлю, шелковый, — сказала Алиса. — Только забудь на время о своих идеях.

— Что за времена, что за нравы! — вздохнул дракон, но так как он был, в сущности, незлым животным, то прилег на землю, чтобы людишки могли взобраться ему на спину.

Спина была неровной, в острых пластинках, скользких и давно не мытых. Пришлось сесть верхом на гребень, держась за шип и облокачиваясь на другой, словно между двумя горбами каменного верблюда.

Дракон поднялся и спросил, обернув одну из голов:

— Устроились?

— Спасибо, удобно.

— Подушек не держим, — сказал дракон. — Так что терпите. И вообще мы не верховые.

— Надо подумать, — сказал Герасик. — Может, и приручим. Если не вымрешь.

— Я тебе приручу! — рявкнул дракон. — С ним по-человечески, а он...

— Я по-человечески.

— Вот именно, — сказал дракон, пускаясь в путь. — Нет, не жить нам с людьми бок о бок. Очень уж они эгоисты.

Дракон трусил по берегу. Алисе сверху было видно, как его чешуйчатая лапища выдвигается вперед, когти вдавливаются в траву. Спина чуть покачивалась, как палуба корабля. Алиса поняла, что она голодна — сейчас бы даже супа съела.

— Кстати, — сказал вдруг дракон, — у меня такое впечатление, что волшебник Оох улетел в Аравию по делам.

— Что же ты раньше не сказал! — воскликнула Алиса. — Ты уверен?

— Я вчера встретил богатыря Силу Пудовича, он мне сказал, что Оох нанял его сторожить замок, пока будет в отлучке.

— Тогда иди скорей! Может, он еще не уехал!

Дракон покачал одной из голов.

— Бегать, — сказала эта голова, — мы не любим.

— Я думаю, — сказал Герасик, — что когда мы приручим драконов для верховой езды и перевозки всяких тяжестей, то надо будет сделать острые крюки, чтобы колоть их в спину. И если как следует колоть, то драконы будут бегать.

— Все, — взревел дракон, — терпения моего больше нет. Слезайте. И ты, убийца и угнетатель, и ты, его подруга. Лучше я обойдусь без фотографии моей внучатой племянницы Несси, но останусь свободным волшебным животным.

Дракон опустился на живот и, наверное, закинул бы пассажиров в кусты, если бы Алиса вдруг не закричала:

— Смотри! Они летят!

Дракон вскинул все головы.

Через небо протянулась горящая полоса. Она протянулась за ослепительной звездой, которая неслась прямо на Алису. Даже дракон, известный своим бесстрашием, спрятал головы под мышки, и те толкались там, стараясь скрыться от ужасного зрелища. Звезда превратилась в раскаленный шар и исчезла за вершинами деревьев. И только через несколько секунд на Алису обрушился грохот, будто кто-то начал молотить по натянутой громадной простыне, и ветер, налетевший от леса, заставил склониться вершины деревьев, ударил по дракону так, что его повалило на бок, а Алиса и Герасик покатились по траве в волне обломанных сучьев, листвы и орехов.

Алиса перевела дух, поднялась. Дракон все еще лежал. Герасик сел, поглядел на Алису.

— Это и есть твоя звезда? — спросил он.

— Да. Вряд ли что еще.

— Ну и звезда... Боюсь, что в небе такая дырка получилась, страшно подумать.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Пускай будет дырка. Сквозь нее они и улетят дальше.

— Это идея! — воскликнул Герасик, вскакивая. — Конечно же, теперь я погляжу ночью в дырку и узнаю, что же за небом. Я всегда этим интересовался.

— Дракон, вставай, поехали, — сказала Алиса. — Они за лесом.

— И не подумаю, — сказал дракон Долгожеватель. — Один хочет мой пузырь вынуть, другой гонит меня в самое пекло. Живите как хотите, а я отдохну. Мне ваши человеческие развлечения ни к чему. Дайте мне мирно дожить в сказочной эпохе.

— Побежали без него, — сказал Герасик. — Эта ящерица-переросток труслива, как червяк.

— Я тебе покажу червяка! — рявкнул дракон, но не встал с земли.

Глава 17

КОРАБЛЬ С БРОДЯГИ

Корабль, на этот раз настоящий, оказался тоже похож на яйцо. Только срезанное сверху и снизу. К счастью, он упал на открытое место, где за лесом начиналась болотистая пустошь, покрытая камнями и поросшая мхом. Пустошь тянулась до самого горизонта и скрывалась в тумане.

— Опять ждать будем? — тихо спросил Герасик, когда они остановились за большим камнем шагах в ста от корабля.

— Конечно, они же сейчас выйдут.

— Жаль, Дурынды нет, — сказал Герасик. — Улетела, бедная, струсила. А то бы мы узнали, скоро ли он будет вылупляться.

— Да я же тебе говорю — там нет птенца, там космические пришельцы.

— Конечно, — согласился Герасик. — Ты уже в прошлый раз это говорила.

— Но там оказалось яйцо!

— Вот именно, — сказал Герасик.

— А сейчас — космический корабль.

— Я про то и говорю, — ответил Герасик, и Алиса поняла, что ни в чем не убедила первобытного мальчика.

Их разговор прервался, потому что в корпусе корабля медленно открылся круглый люк. От него к земле спустился трап.

— Видишь, — прошептала Алиса, которая уж начала сомневаться.

— Вижу, — сказал Герасик удивленно. — Никогда раньше не видел, чтобы так вылуплялись.

Еще через несколько секунд в отверстии люка показался житель Бродяги, похожий на человека, только очень узкий, худой, будто сплющенный с боков. Он был в металлическом шлеме и темно-сером скафандре, подпоясанном золотым поясом, на котором висел длинный меч. Пришелец осмотрелся, прислушался. Потом обернулся и что-то крикнул внутрь.

А сам начал спускаться по трапу, держа в руке большой пистолет. Он нервничал, вертел головой, дуло пистолета совершало округлые движения, будто пришелец ожидал нападения с любой стороны.

Но он все-таки никак не ожидал нападения оттуда, откуда оно последовало.

Со свистом и клекотом на корабль спикировала громадная птица Рокх. Она опустилась рядом с кораблем, который только-только доставал ей до брюха, и со всего маха ударила клювом по его крыше.

«Ой, — сообразила Алиса, — она же, эта птица, как и Герасик, уверена, что это ее собственное потерянное яйцо. Она хочет помочь птенцу вылезти наружу».

Металл оказался слишком крепок для клюва птицы, что привело ее в бешенство. Она принялась молотить по кораблю с удвоенной силой. Перепуганный пришелец бросился в люк, отчаянно паля в птицу из пистолета. Если птице это и было неприятно, она не подала виду. Материнский инстинкт, который требовал, чтобы она помогла птенцу, был сильнее боли.

Люк захлопнулся.

Тут же из стен корабля начало выдвигаться орудие. Оно развернулось вверх.

— Птица, улетай! — крикнула Алиса.

Но как птице Рокх, привыкшей к тому, что она самое большое и сильное существо на Земле, испугаться какой-то мелкой

пушки? Она ударила клювом по кораблю так, что он покачнулся и чуть не опрокинулся. Из пушки вылетел белый столб огня. Птица содрогнулась и рухнула вниз, на секунду скрыв своими крыльями космический корабль.

Она казалась большим рваным одеялом. Громадный желтый клюв приоткрылся и с треском защелкнулся. Птица погибла.

— Как же они ее! — прошептал в ужасе Герасик. — Такую редкую птицу!

— Теперь ты понимаешь, как они опасны, — сказала Алиса. — Тут никакой волшебник не поможет.

— А что же делать?

— Они улетят. Они скоро улетят, — сказала Алиса. — Надо только сделать так, чтобы они не успели навредить ни сегодня, ни в будущем.

Пришелец снова выглянул наружу. Выстрелил из пистолета в голову птице, опасаясь, видно, что ее только ранили, а не убили. Потом спустился на землю и подошел к ней. Ударил носком сапога по кончику клюва. Желтый клюв был метра три в длину. Другие пришельцы столпились в люке и что-то кричали оттуда, смеялись. Потом из люка выбрался бандит с черным ящиком, наверное, фотоаппаратом, потому что он направил ящик на того, кто стоял рядом с птицей, и начал щелкать. Затем и остальные пришельцы выбрались наружу.

Они смеялись, хлопали друг друга по плечам, а погодя выстроились возле убитой птицы и сфотографировались.

Последним из корабля вылез пришелец в золотом шлеме и черном матовом скафандре. Он подошел к остальным, и все сфотографировались в последний раз: начальник в золотом шлеме посредине, остальные шеренгой на шаг сзади.

— Слушай меня, Герасик, внимательно, — сказала Алиса. — Возможно, от тебя зависит судьба всей Земли. Эти существа притащили на Землю очень опасную вещь, отраву, хуже, чем мухомор, которой можно отравить всех жителей нашей планеты. Они сейчас будут осматривать нашу Землю, решат вернуться на нее потом. И чтобы к их приходу все было готово, они оставят у нас лиловый шар. Мы должны увидеть, куда они его спрячут. И когда они улетят, найти этот шар.

— А когда они этот шар спрячут?

— Этого я не знаю. Мне очень хочется, чтобы они это сделали сразу. Потому что чем скорее мы его найдем, тем лучше.

— За Громозеку боишься?

— И за Громозеку тоже, — сказала Алиса.

Черная тень мелькнула над ними. К кораблю, возле которого все еще фотографировались пришельцы, подлетела Дурында. Издали она сообразила, что случилось что-то ужасное с птицей Рокх, и завопила:

— Скандал! Убийство! Бедная мать! Бедные дети!

Пришелец в золотом шлеме взмахнул рукой, и по его команде остальные начали палить по птице. Они, конечно, не знали, кто она такая, и не подозревали, что в сказочные времена даже самые глупые звери могли разговаривать, правда, умнее от этого они не становились.

Ну как им сообразить, кто из жителей планеты Земля разумен? Птицы? Или муравьи? Ведь пришельцы привыкли сначала стрелять, а уж потом разбираться.

Дурында в ужасе от выстрелов взмыла вверх.

— Разбойники! — закричала она. — Я буду жаловаться!

Белое перо полетело, кружась, на землю.

Дурында скрылась в низких облаках. Пришельцы смеялись. Почему-то Алиса раньше думала, что они будут очень мрачными, суровыми существами, которые сразу начнут делать пробы воздуха и почвы, а затем начнут закапывать лиловый шар. Ничего подобного.

Пришельцы явно не спешили. Они с удовольствием разминались у корабля, двое даже начали бороться. Другие старались вытащить из птицы Рокх перо — на память, что ли? Главному пришельцу (Алиса про себя называла его капитаном) вынесли кресло с высокой спинкой, и он уселся в него, закинув ногу за ногу.

Затем из корабля выгнали наружу трех изможденных, плохо одетых людей. Люди моргали, попав на яркий свет, жмурились, и Алиса подумала, что они долго сидели в темноте. Эти люди отличались от пришельцев с корабля. Они были пониже ростом, потоньше, и Алиса догадалась, что это порабощенные жители Бродяги. При виде птицы Рокх пленники замерли, испугались, но воины толкали их в спины, били, гнали к капитану.

Тот рассмеялся, увидев, какими несчастными и жалкими кажутся пленники при свете дня, и махнул рукой, давая приказ.

Тут Алиса увидела, что к пленникам подошли два воина. Один из них держал в руке поднос, на котором были свалены трава, дикие яблоки, листья липы, улитки, даже вроде бы — с такого расстояния не разглядишь — камешки. Второй воин остановился, держа в руке блокнот.

— Они что, голодные? — спросил Герасик.

Начальник повысил голос, прикрикнул на дрожащих рабов, и стражи подтолкнули их поближе к подносу. Первый из пленников трясущейся рукой взял с подноса травинку и начал жевать. Он сморщился и сплюнул. Стражник тут же наотмашь ударил его по лицу.

Пленник покорно принялся дожевывать траву. Остальные внимательно глядели на него. Ждали.

— Теперь понимаешь? — спросила Алиса.

— Нет еще, — признался Герасик.

— Проще простого, — сказала Алиса. — У них приборов не хватает. Вот и привезли с собой живые лаборатории.

— Чего?

— Испытателей. Проверить, годится ли наша трава или наши плоды в пищу. Если годятся, то можно нас завоевать.

— А если не годятся?

— Тогда пленники сейчас умрут или начнут мучиться.

— Жалко их, — сказал Герасик.

— Ты только подумай, что произойдет, если они захватят власть на Земле!

Рабы покорно поедали по очереди все, что было на подносе, а пришельцы с любопытством наблюдали за ними и все время задавали вопросы. После некоторых ответов они начинали хохотать, наверное, спрашивали, вкусно ли.

Из-за кустов ивняка, росшего на холме среди болота, вышел еще один пришелец. Он нес пленникам на пробу новую добычу.

— Ой! — не смогла удержать восклицания Алиса.

Держа за ноги, пришелец нес двух толстеньких бородатых гномов.

Остальные увидели добычу пришельца и загоготали.

— Они их жевать будут, как ты думаешь? — спросил Герасик.

— Не знаю, что и делать. Я понимаю, что мы должны таиться, — сказала Алиса. — Я все понимаю. Судьба Земли и так далее. Но ведь гномам больно!

— Если сунешься, тебе еще больнее будет, — сказал мудрый Герасик. — Изобрести что-нибудь надо.

— Ну, что тут изобретешь? — Алиса смотрела, как гномов кинули на поднос. Капитан наклонился к подносу, снял с головы гнома колпачок, покрутил, надел на указательный палец.

«Сейчас он догадается, — подумала Алиса, — что гномы разумные. Ведь только разумные существа делают себе колпаки и шляпы. И пришельцам станет стыдно».

Капитан выкинул колпачок в траву. Отдал приказание. Один из его солдат быстро кинулся в корабль.

Краем уха Алиса услышала шорох кустов, оглянулась. Герасик исчез. Испугался, что ли? Вроде бы он бесстрашный парень.

Пришелец вытащил из корабля треногу с подвешенной к ней плошкой. В плошке лежало что-то белое. Он поставил треногу перед капитаном, и тот сам вытащил из-за пояса короткую трубку, поднес к белому веществу в плошке. Загорелся голубоватый огонь. Тогда один из воинов подхватил большими щипцами гнома, поднес его к огню. Алиса увидела, как гном извивается от боли. Его тоненький визг понесся над болотом. От гномовой боли склонились, зашептались травинки, а лягушки спрятались в лужи. Одна лягушка с маленькой золотой короной на голове громко заквакала, будто возмущалась.

Алиса приподнялась, чтобы броситься на помощь гномам, — а там уж будь что будет. Бывают же такие моменты в жизни, когда забываешь даже о своем долге, только бы спасти слабого.

Но в этот момент что-то темное просвистело в воздухе.

Небольшой камень угодил прямо в нос капитану. Тот завопил и свалился с кресла в лужу.

Алиса быстро обернулась и поняла, что стрелял ее друг Герасик. Он отыскал на опушке гибкое, упругое дерево, привязал к расходящимся сучьям веревку, которой был подпоясан, и натянул веревку, далеко отогнув на себя дерево. Получилась первая в мире катапульта.

— Ложись! — крикнула Алиса.

Герасик послушался ее и нырнул за кочку. И вовремя. Все пришельцы принялись палить в ту сторону. Пули летели к дереву, поднимая столбики воды и комья грязи. Закипала вода в лужах. Алиса вжалась всем телом в мокрую землю.

Гномы, пользуясь смятением, спрятались в траве. А когда стрельба прекратилась, Алиса увидела, что мимо нее, пригибаясь, трусят один за другим гномы. Лысенькие, грязные, растрепанные.

Наступила тишина. Алиса осторожно приподняла голову.

Пришельцы не осмеливались отойти далеко от корабля. Они стояли полукругом, целясь во все стороны. Капитан скрывался за спинами своих солдат, прикладывая к носу окровавленный платок.

А совсем недалеко от Алисы в луже плавала вверх белым животом мертвая лягушка с золотой короной на голове.

Эх, если бы сейчас у Алисы был пулемет, она разогнала бы всех этих бессердечных бандитов. Конечно, отец или Громозека рассердились бы на нее за такое самоуправство. Но что будешь делать, если ты совсем одна, а перед тобой существа, которые хотят убивать и покорять других. И которые не знают, что такое жалость. А если кто-то и знает, то боится показать.

Неужели ни один волшебник не догадался, что здесь творится?

Глава 18

В ПОГОНЮ ЗА ШАРОМ

И как бы в ответ на свои мысли, Алиса увидела, что по вечернему небу медленно плывет не очень новый разноцветный ковер. Его углы чуть колыхались, и был он похож на морского ската.

Ковер-самолет! Значит, прилетел волшебник. Ага, вон там, повыше, под самыми облаками вьется ворона Дурында. Значит, она отыскала кого-то из волшебников и рассказала ему о смерти птицы Рокх.

Пришельцы не сразу заметили ковер-самолет, и только когда его тень упала на капитана, тот задрал голову, перепугался, прижался к борту корабля и завопил.

Все поглядели наверх. Сначала не поняли, что это такое. Наверное, подумали, что новая птица. А так как нервы у пришельцев пошаливали, они тут же начали палить по ковру, который дернулся несколько раз, потом заскользил вниз, к земле, стараясь избежать пуль, резко пошел вниз и хлопнулся на кочки.

Два воина подбежали к нему и стали расстреливать ковер в упор. Потом, решив, что убили его, подняли за края и потащили к капитану.

— Жалко, они пулями все дерево испортили, — прошептал Герасик, подползая к Алисе. — Видела, как я его?

— Гномы тебе должны памятник поставить, — сказала Алиса. — А кто на ковре был?

— Разве с этими волшебниками разберешься? У них ковров много. И восточные летают, аравийские, и наши. Думаю, какой-нибудь местный.

Птица Дурында вилась под облаком, и ее крик еле слышно доносился с высоты:

— Какое преступление! На кого подняли руку...

Вдруг Алиса увидела, как тельце мертвой Царевны-лягушки поднялось над водой и поплыло по воздуху. Потом медленно опустилось на траву, в ложбину, где скрывалась Алиса.

Алиса сразу догадалась, что это волшебник в шапке-невидимке держит в руке погибшую лягушку. Поэтому она спросила:

— Вас не ранили?

— Нет, — ответил тихий значительный голос.

— Это вы, волшебник Оох? — спросила Алиса.

— Да, моя девочка, — сказал волшебник. — Ковер жалко, они его весь продырявили. А новых ковров уже не делают. Разучились. Ты из-за этих бандитов к нам приехала?

— Да, — сказала Алиса. — Вы как догадались?

Странно было разговаривать с воздухом. Ей хотелось протянуть руку, потрогать волшебника, чтобы убедиться, существует ли он на самом деле.

Волшебник Оох, старый мудрец, видно, догадался об этом, и Алиса почувствовала, как теплая сухая ладонь опустилась ей на плечо.

Над головой взвизгнула пуля. Один из пришельцев на всякий случай выстрелил в их сторону.

— Сначала, — сказал волшебник, — мне бы хотелось оживить Царевну-лягушку. Большая беда, если она погибнет. Это ведь милейшая девушка, работящая, заботливая, она должна жить. Иначе погибнет целая сказка.

Тельце лягушки приподнялось в воздухе, и Алиса услышала глубокий вздох — волшебник, вероятно, поднес лягушку ко рту и старался вдохнуть в нее жизнь. Лягушка пошевелилась, подтянула длинные ножки и уселась в воздухе прямо перед лицом Алисы. Потом поправила передними лапками корону.

— Спасибо, волшебник, — сказала она. — Так мучительно погибать!

— Прячься в воду, — сказал невидимый волшебник. — И сиди там, пока они не улетят.

— Опасно, — капризно сказала Царевна-лягушка. — Я буду сидеть в воде и вдруг прогляжу свое счастье?

— Не беспокойся, — сказал Герасик. — В случае чего я подрасту, тогда к тебе приду.

— А когда? — спросила Царевна-лягушка, которая, конечно же, не умела считать.

— Скоро, — сказал Герасик. — Ты же видишь, я почти вырос.

— Ладно, — согласилась лягушка. — Только не смотри на меня, я совсем не одета.

И с этими словами лягушка прыгнула с руки и исчезла в луже.

— А птицу Рокх вы не сможете оживить? — спросила Алиса.

— Дыхания всех волшебников не хватило бы, — печально сказал Оох. — Лучше расскажи, Алиса, в чем дело. Я хоть и из сказочной эпохи, но человек неглупый, недаром в народе меня любовно зовут мудрецом.

— Это правда, — согласился Герасик. — Из волшебников он получше других. Совсем не хулиганит.

Волшебник промолчал. И если он улыбнулся на эти слова Герасика, то Алиса этого не увидела.

Алиса шепотом рассказала про лиловый шар.

— Надо быть особенно осторожными. Как только они его закопают, мне надо вернуться в будущее. Если они его разобьют здесь, то вы все погибнете... И наверное, даже будущего вовсе не будет.

— Ты ошибаешься, Алиса, — сказал волшебник. — Ведь ты родилась на свет, и целый мир в твоем времени существует. А значит, в наше время они шар не разобьют.

— И все равно, — сказала Алиса, — надо быть осторожными.

— Они изуродовали мой любимый ковер, — сказал волшебник Оох, — который мне подарил мой друг волшебник Кемаль ар-Рахим. Только потому, что я не был достаточно осторожным.

— Дайте мне шапку-невидимку, — сказала Алиса. — Я проберусь на корабль, найду там лиловый шар и унесу его.

— Ты-то будешь невидимой, — сказал волшебник. — Но шар-то останется видимым. Тогда тебя и схватят. Надо что-то еще придумать. Может, подождем, пока они лягут спать?

Незаметно солнце подобралось к горизонту. Начинались серые дождливые сумерки.

— Я знаю, что делать, — сказал Герасик. — Сам надену шапку и подберусь к ним. Потом найду этот шар, выйду к двери и кину его в болото.

— Подожди, Герасик, — сказала Алиса. — Здесь волшебник Оох. Он лучше знает, как достать шар. Он, наверное, может их заколдовать.

— Исключено, Алиса, — сказал волшебник. — Я даже тебя заколдовать не могу. Заколдовать можно только тех, кто принадлежит к эпохе легенд. Да и вообще мы, волшебники, не колдуны,

мы существа солидные, и все эти колдуны, ведьмы, экстрасенсы, телепаты — для нас обыкновенное суеверие.

— А я читала...

— Погоди, я слушаю, — сказал волшебник.

— Чего?

— Слушаю, о чем это они совещаются.

— Но ведь вы их языка не знаете.

— Разве это так важно? Я любой язык понимаю. И людей, и нечисти, и зверей, и птиц — иначе какой я волшебник?

В этот момент рядом с Алисой возник старый человек в длинном синем халате, лысый и бородатый. В руке он держал маленькую, шитую бисером шапочку.

— Удивилась? — сказал он и хитро улыбнулся.

Он высунул голову из-за куста, повернулся ухом к кораблю, от которого чуть слышно долетал гомон голосов, откинул длинные седые волосы, что свисали на уши, и тут же ухо его, к удивлению Алисы, начало быстро расти, пока не стало похожим на большой кочан капусты.

— Звукоуловитель, — сказал волшебник. — Понимаешь принцип?

— Понимаю, — сказала Алиса.

— Тогда слушай, я буду сейчас слово за словом переводить, а ты уж понимай.

Волшебник закрыл глаза, и лицо его приняло рассеянное выражение. Он начал быстро говорить, переводя речь капитана.

«Конечно, мы можем сейчас всех их истребить. — Алиса увидела, как капитан пришельцев приложил к разбитому носу платок. — Они другой участи и не заслуживают».

«Точно! Точно, мудрый капитан!» — зашумели пришельцы.

«Но чего мы этим добьемся? — спросил капитан. — Бомба у нас всего одна. Остальные эти мерзавцы приготовить не смогли».

Видно, он имел в виду покоренных ученых с Бродяги.

«Значит, нам ее надо использовать с максимальной пользой. Если мы ее сейчас взорвем, что будет?»

«Они перебьют друг дружку, — ответил один из пришельцев. — И в следующий виток мы прилетим сюда на пустую и чистую от всяких тварей планету».

«А если кто-то останется? За двадцать шесть тысяч лет, прежде чем наши потомки снова сюда прилетят, они снова наплодят себе подобных. Сильные выживут. И мы столкнемся с новыми

врагами, почище, чем эта птица», — капитан показал на птицу Рокх.

«Так что же делать, капитан?»

«Выход один, — сказал он. — Надо надежно спрятать лиловый шар и завести в нем атомные часы. Шар расколется через двадцать шесть тысяч лет. Тогда-то они и перебьют друг друга, как раз к нашему прилету. А если за двадцать шесть тысяч лет они построят города и заводы, все это достанется нам задаром».

«Ура, наш мудрый вождь!» — закричали пришельцы.

— Все, — сказал волшебник, и ухо его стало уменьшаться. — Они замолчали.

— Теперь надо ждать, — сказала Алиса задумчиво. — Как там Громозека? Жаль, что его нет.

— Кого нет? — спросил волшебник. Его ухо медленно продолжало уменьшаться и наконец стало обыкновенным.

— Друг у нее, — сказал мальчик Герасик. — К Ведьме в лапы попал. Может, съедят его, а может, обойдется. Хотя он здоровый, страшный, похуже джинна.

— Вы мне поможете его выручить? — спросила Алиса Ооха.

— Чтобы я общался с Ведьмой? Никогда, — гордо ответил волшебник. — Я с ней триста лет не разговариваю.

— Но нашему другу грозит опасность.

— Прости, но это не моя специальность.

— Они всегда так, — сказал Герасик. — Ограниченные, можно сказать, ненастоящие.

— Почему это мы ненастоящие? — спросил строго волшебник.

— Как будто заколдованные. Любой человек на твоем месте побежал бы помочь.

— Я не человек, это правильно, — согласился волшебник. — Если в пределах моей специальности, я с удовольствием помогу. А где нельзя, там нельзя.

Алиса не отрываясь глядела на люк корабля. Сейчас там покажется пришелец с лиловым шаром. Они закопают его и улетят. Скорей найти этот шар.

В люке появился пришелец. Алиса даже привстала, и Герасик довольно больно стукнул ее по макушке, чтобы легла обратно.

Руки пришельца были пусты.

Он поклонился капитану и что-то сказал ему.

— Что он говорит? — спросила Алиса у волшебника.

— Одну минутку, — сказал тот, и его ухо снова начало увеличиваться.

— Эх, — махнула рукой Алиса, — поздно. Они уже договорились. Но до чего?

Капитан поднялся с кресла, и по его приказу усталые и перепуганные пленники, один из которых держался за живот, подняли кресло и унесли на корабль. Ковер-самолет остался лежать у корабля.

Остальные также собирались к кораблю. В вечернем свете они казались черными тенями. Каждый что-то тащил внутрь. Двое секирами отрубали голову птице Рокх, хотели взять с собой трофей.

— Ну, что они говорят? — спросила Алиса, глядя на громадное ухо волшебника.

— Улетают, — сказал волшебник.

— А как же шар?

— Чего не знаю, того не знаю.

— Но что они говорят?

— Капитан говорит о безопасном месте.

— А где безопасное место?

— Они лучше знают.

— Неужели вы не понимаете? — почти закричала Алиса. — Они же улетят, а мы не знаем куда.

— Мы птицу Дурынду за ними пошлем. Где она? — сказал Герасик.

— Летает где-то, — сказал волшебник.

— Она за ними не угонится, — сказала Алиса.

— Мне на ковре тоже не угнаться. К тому же он простреленный.

Последние пришельцы входили в люк.

Алиса приняла решение.

Она выхватила из руки волшебника шапку-невидимку и сказала быстро:

— Оох, постарайтесь меня найти. А ты, Герасик, беги к Ведьме и освободи Громозеку.

— Ты куда? — закричал волшебник, забыв, что близко пришельцы. — Тебе нельзя, ты же человек. Тебе не положено в шапке-невидимке ходить.

Он протянул костлявые руки, чтобы поймать Алису, но ведь она уже была невидима, и потому он ее не поймал.

И Алиса бросилась к кораблю, чтобы успеть, пока не закроется люк.

Глава 19

ПОЛЕТ

Алиса успела еле-еле. Люк уже закрывался.

По ту сторону стоял пришелец, который закрывал люк. Алиса так спешила, что ударилась о его локоть, ушиблась и отлетела к стене.

Пришелец охнул, оглянулся, но ничего не увидел.

Он закричал, кто-то откликнулся. Но Алиса не смотрела вокруг, она постаралась спрятаться в безопасное место.

Она оказалась в низком круглом помещении, из которого в разные стороны вели открытые люки, крутая лестница наверх, откуда доносился гул, будто там работала какая-то машина. Помещение было пустым и каким-то нежилым, неуютным. То ли из-за темного цвета стен и потолка, то ли из-за того, что в нем не было ни одного предмета, на котором мог бы остановиться глаз.

Алиса видела, как пришельцы быстро разносят трофеи по соседним помещениям, трое тащили, надрываясь, голову птицы Рокх. Один из них открыл, откинул большой люк в полу, и они свалили голову туда. Потом Алиса увидела, как стоявшие у стены пленники также двинулись вперед и подошли к этому люку. Пришелец толкнул одного за другим, и они покорно свалились вниз.

Капитан корабля поднялся по лестнице наверх. Алиса подумала, остаться ли ей здесь, неподалеку от входа, или пойти за капитаном. Лучше рискнуть и подняться за капитаном. С капитанского мостика она увидит, куда они летят. Алиса бросилась по лестнице наверх и оказалась в довольно тесном и мрачном капитанском отсеке. Капитан уже сидел в кресле перед пультом, по сторонам два пилота. В отсеке стояло еще два кресла. В одном сидел солдат, другое, на счастье, оказалось пустым.

Алиса кинулась туда, упала в кресло. Видно, солдат, сидевший рядом, услышал шаги и подозрительный шум и с удивлением поглядел в ее сторону. Если солдат и заподозрил неладное, он все равно не успел ничего сказать, потому что жужжание двигателей усилилось и корабль резко пошел наверх. Алису вдавило в кресло. Хорошо, что Алиса привыкла летать в космосе и знала, что это такое.

Перегрузки длились недолго.

Капитан включил экран. На нем была видна Земля с высоты примерно ста километров. Она медленно плыла под кораблем.

Алиса тут же поняла, что они направляются к юго-востоку. Вот внизу проплыло Черное море. А Каспийское море оказалось куда больше, чем в XXI веке. Алиса его с трудом угадала. Затем под кораблем пошла пустыня. «Каракумы», — поняла Алиса.

Алиса встала позади капитана и старалась не дышать.

Под кораблем потянулись горы. Минуты текли медленно, Алиса устала стоять неподвижно, она отошла назад, нечаянно натолкнулась на солдата, который тоже встал со своего кресла. Алиса о нем совсем забыла.

Солдат охнул и что-то воскликнул.

Капитан обернулся. Обернулись и пилоты.

Солдат начал быстро говорить. Алиса метнулась в сторону. Она боялась, что пришельцы начнут обшаривать корабль. Но они, видно, никогда не слышали о шапках-невидимках и поэтому только расхохотались в ответ на жалобы солдата.

Алиса успокоилась. Снова взглянула на экран. Горы становились все выше, вершины их были покрыты снегом.

«Куда меня занесло, — подумала Алиса. — Это же Гималаи! Может быть, мы пролетим дальше и опустимся в Древней Индии? Там, по крайней мере, тепло. Ведь если мы опустимся на Гималаях, я попросту умру от холода! Ну тяни дальше, — мысленно уговаривала Алиса капитана. — Не спеши опускаться».

Надеждам ее не суждено было сбыться. Капитан отдал приказание, и корабль пошел на снижение. Алиса еле успела нырнуть в кресло.

Глава 20

В ГОРАХ

Когда корабль замер, Алиса первой успела выбежать из капитанского отсека, сбежать по лестнице и встать неподалеку от люка. Так что, когда капитан подошел к люку, она уже была готова выскочить наружу.

Откуда-то выскочил солдат с целой охапкой меховых одежд. Капитан натянул на себя шубу, его примеру последовали пилоты. «Ох, сейчас бы схватить одну из шуб», — подумала Алиса. Но неизвестно еще, станет ли шуба невидимой. Наверное, станет. Ведь ее скафандр невидим!

Алиса потянула к себе последнюю шубу, которую держал воин.

Тот удивился, но шубу не отдал, а потянул на себя.

Алиса потянула сильнее. Солдат не сдавался. Тогда Алиса поняла, что побороть солдата она не сможет, а если и сможет, то наверняка будет разоблачена. Она с сожалением отпустила шубу, и солдат от неожиданности отлетел к стене.

Капитан рассердился и закричал на него.

Солдат стал оправдываться, но тут открылся еще один боковой люк, и оттуда показался пришелец, который осторожно держал в руке прозрачную сумку, в которой покачивался лиловый шар.

Алиса не могла оторвать от него глаз.

Конечно же, она помнила, что пробралась на корабль пришельцев специально для того, чтобы найти этот шар. Но все равно появление его было таким неожиданным, словно шара в самом деле не существовало.

Но капитан и остальные пришельцы отнеслись к этому шару совершенно спокойно. Капитан потрогал шар. Проверил.

Появился еще один пришелец, он нес длинный, заостренный на конце аппарат.

Капитан оглядел всех, убедился, что все в порядке, и отдал приказание.

Солдат откинул запор люка и отодвинул его в сторону. Морозный звездный вечер царил над площадкой, притулившейся к склону громадной снежной горы. Ветер нес редкие снежинки, и струя его, ворвавшаяся в корабль, была такой жгучей, что солдаты буквально отшатнулись в сторону. Алисе стало страшно при мысли, что сейчас придется выходить на такой мороз. Может быть, поглядеть, где они спрячут шар, и потом вернуться на корабль? Она даже улыбнулась собственной глупости: вернее всего, корабль сразу же полетит обратно к Бродяге, и тогда ей предстоит провести остаток своей жизни жалкой пленницей на разбойничьей планете.

Капитан прикрикнул на своих подчиненных. Они нехотя двинулись наружу. Оружие они держали наготове.

Капитан сошел сразу за пришельцем, который нес сумку с лиловым шаром.

Наконец выскочила и Алиса. И вовремя, потому что оставшиеся в корабле пришельцы поспешили закрыть дверь, чтобы не выстудить корабль.

Алиса остановилась возле корабля. Как теперь идти? Она же будет оставлять следы в снегу! Значит, надо идти так, чтобы попадать в следы пришельцев. Правда, сделать это оказалось не

очень легко, потому что они были вдвое выше Алисы и шагали широко. Пришлось прыгать от следа к следу. От этого Алиса даже согрелась.

Пришельцы не стали отходить далеко от корабля. Они взобрались на невысокую плоскую скалу, которая возвышалась над снегом. Капитан указал на центр скалы, и человек с длинной машиной в руках включил ее — она оказалась буром. Посыпались осколки камня. Алиса переминалась с ноги на ногу — холод проникал до костей.

В скале образовалось углубление. Тем временем другие пришельцы тащили со всех сторон камни.

Капитан сам медленно и аккуратно положил шар в углубление, потом они начали осторожно класть сверху камни, пока не образовалась небольшая каменная пирамидка.

«Что ж, они не дураки, — подумала Алиса. — Пройдут тысячелетия, многое изменится в долинах. Но здесь, на вершине мира, горы будут неподвижно и безмолвно охранять тайну лилового шара...»

Капитан поглядел на пирамидку и первым поспешил обратно к кораблю. Он дрожал от холода.

Остальные побежали следом за ним.

Алиса тоже было поспешила к кораблю, вернее, ее ноги поспешили к кораблю, потому что ее тело хотело спрятаться в тепле. Но голова сказала ногам: терпите. Никуда ты, Алиса, отсюда не побежишь.

Один за другим пришельцы вскакивали в люк. Потом люк закрылся.

Алиса осталась.

«Надо терпеть, — повторяла она. — Надо терпеть».

Корабль вдруг покачнулся. Поднялся снежный вихрь. И, набирая высоту, корабль помчался в вечернее небо, пока не превратился в маленькую звездочку.

Сумерки на вершине Гималаев подходили к концу. Небо было зеленым там, где опускалось солнце, а с другой стороны оно стало уже темно-синим. Алиса сняла шапку-невидимку, спрятала в карман. А то еще свои же не найдут.

Алиса, чтобы не закоченеть, пошла к пирамидке.

Она стала оттаскивать камни. Ну почему она даже не надела перчаток! Руки тут же окоченели.

Камни были тяжелыми, Алиса задыхалась — сюда, на такую высоту, только альпинисты забираются.

Но Алиса знала, что останавливаться нельзя. Мороз только и ждет, чтобы она сдалась.

Наконец показался шар. Алиса взяла его в руки.

Он успел остыть. Он был тяжелым и скользким.

Надо спускаться вниз. Правда, конца этим горам не видно. Руки закоченели, холод подбирается к самому сердцу. Поднялся ветер. Он стегал по лицу снегом.

Алисе очень хотелось сесть на снег и немножко поспать. Она понимала, что делать этого ни в коем случае нельзя, но ведь на минутку-то можно?

Она присела...

И тут услышала, как сквозь сон, что неподалеку кто-то развел костер. Потрескивают дрова, пахнет дымком. Алиса понимала, что это сон, но сон был приятным.

— Так нельзя, — донесся издалека голос. — Так и замерзнуть можно.

Сильные руки подняли ее.

Алиса с трудом раскрыла глаза.

Нет, это был не сон. Ее держал на руках молодой человек с короткой русой бородой, одетый в овчинный тулуп и высокую меховую шапку. На ногах — валенки.

А за его спиной на снегу спокойно стояла самая обыкновенная русская печь с трубой. Из трубы валил дым.

Молодой человек посадил Алису на печь, открыл дверцу, взял пару полешек, положил в печь, пламя загудело веселее. Потом он взобрался на печку и сказал:

— Поехали домой, старая!

Печка качнулась, приподнялась и медленно поплыла над снегом, направляясь вниз по склону.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Еще немного, и я замерзла бы.

— Это точно, — сказал молодой человек. — От смерти тебя отделяли минуты. Тебя забыли или нарочно бросили?

— Я сама.

— Не захотела, значит. А я гляжу — что-то с неба опустилось. Ну, решил, это от Мороза Тимофеевича за мной. Затаился. А потом гляжу — улетает. Поехал посмотреть. А тут ты сидишь, замерзаешь.

— Я знаю, кто вы такой! — закричала Алиса. — Вы Иванушка-дурачок, который на печи ездил и на принцессе женился. Я про вас в детстве читала.

— Зови меня просто Ваней, — ответил молодой человек. — Все ты правильно угадала, только про принцессу ошиблась.

Печка тем временем спустилась по склону в неширокую долину и остановилась возле входа в пещеру.

— Пригнись, — сказал Ваня. Печка въехала внутрь пещеры и затормозила у стены большого зала. Дрова в ней загорелись сильнее и осветили небогатую обстановку зала. Там стоял стол, скамейки, полки с утварью, на полу шкуры. На шкурах сидели два мальчика, которые с удивлением уставились на Алису.

Красивая молодая женщина в длинном, отделанном мехом и позументом голубом платье вышла из темноты и сказала:

— Добро пожаловать, девочка. Не от моего ли дедушки весточку принесла?

— Я вашего дедушку не знаю, — сказала Алиса. — Я не сказочная, я из будущего. А вы принцесса?

— Сказано тебе, принцесс не держим, — ответил Ваня, спрыгивая с печки. — Жена моя, Снегурочка.

— Очень приятно познакомиться. Я встречалась с вашей сестрой. В холодильнике, — ответила Алиса, зная, что ей надо слезть с печки. Но глаза сами закрылись, тепло сморило ее, и она не заметила, как заснула.

Глава 21

КАК ОТДЕЛАТЬСЯ ОТ ШАРА

Когда Алиса открыла глаза, ей сначала показалось, что она дома и что пора идти в школу. Но тут же она услышала, как булькает каша в горшке на печи, детский смех и звон ложек. Снегурочка накрывала на стол.

— Доброе утро! — сказала Алиса.

— Проснулась? — спросила Снегурочка. — Позавтракай с нами.

Снегурочка поставила перед Алисой горшок с кашей.

— У нас небогато, — сказала она. — Ты уж не обижайся.

— Спасибо, — сказала Алиса. — А вы уже поели?

— Ребятишки поели, а я горячего не употребляю.

— А почему вы здесь живете? — спросила Алиса.

— Из-за любви, — ответила Снегурочка. — Иванушка как встретил меня, так полюбил, даже принцессу не стал искать. Но мой дедушка Мороз Тимофеевич очень возражал против нашей любви. Тем более весна надвигалась, пора было нам уходить,

чтобы не растаять. Тогда Иванушка посадил меня на самоходную печку и повез сюда, на Гималайские горы. Здесь никогда тепло не бывает. И дедушка до нас со своим гневом не доберется.

— Хотите, я с вашим дедушкой поговорю? Он ко мне хорошо относится.

— Не надо. Мы живем тихо, никому не мешаем. А дедушке только расстройство.

— Скучно, наверное, — сказала Алиса.

— Что значит скучно? — ответила вопросом Снегурочка. Она села за стол рядом с Алисой, подперлась прекрасной белой ручкой и улыбнулась алыми губами. — Ради меня Иванушка от всего отказался, хоть и не сознается, а очень тоскует по лесу и речкам. А ведь не кинет меня. Счастливы мы с ним. И ребятишки у нас растут, хозяйство хоть небольшое, но забот много. Ему на охоту надо ходить, да еще вниз, в долину, за дровами и овощами для детей. Скучать некогда... А теперь ты расскажи, почему тебя в горах бросили? Кому ты не угодила?

— У меня было очень важное дело... — начала Алиса и спохватилась: где лиловый шар? Она начала шарить руками вокруг, потом вскочила, кинулась к печке. — Тут был шар, — говорила она. — Вы его не брали?

— Нам чужого не нужно, — ответила Снегурочка. — Может, ребятишки взяли поиграть? У них игрушек мало, вот и берут. Да не бойся, поиграют, отдадут.

— Это очень опасно! — воскликнула Алиса и бросилась из пещеры.

Ярко сверкал снег, на темном небе светило солнце. По снегу, неподалеку от пещеры, бегали дети Снегурочки и играли в футбол лиловым шаром.

— Отдайте немедленно! — закричала Алиса, ежась от холода.

Мальчики засмеялись. Когда Алиса подбежала к ним, они стали перекидывать мяч, чтобы она его не схватила. Алиса с ужасом представляла себе, как шар упадет, ударится о камень и разобьется.

Навстречу ей поднимался по склону Иванушка. Он нес на плече большое бревно.

— Остановите их! — кричала Алиса. — Это опасно!

— Ничего, — улыбнулся Иванушка, — они у меня шустрые, не разобьются.

— Вы ничего не понимаете. — У Алисы слезы брызнули из глаз. — Вы ничего не понимаете!

Слезы застилали глаза, поэтому Алисе сначала показалось, что в глаз попала соринка.

Но это была не соринка — в синем небе возникла черная точка, которая постепенно приближалась. И еще через минуту уже можно было различить ковер-самолет, который летел неровно, проваливался в воздушные ямы. На нем тесной кучкой сидели друзья Алисы.

— Волшебник! — закричала Алиса. — Скорее!

Иванушка тоже увидел гостей.

— За тобой, говоришь? — спросил он. — А то, если от Мороза Тимофеевича, придется мне бежать.

— Не бойтесь, им до вас дела нет, — сказала Алиса, подбегая к приземлившемуся ковру.

Громозека выпрямился на своих слоновьих лапах и тут же увидел лиловый шар в руках у мальчика.

— Алиса, — сказал он укоризненно. — Я же тебя предупреждал, с шаром играть нельзя. Ну как тебе можно было доверить ответственное дело!

Он требовательно протянул вперед щупальце, и перепуганный мальчик тут же отдал ему шар. Громозека сунул шар в карман.

— Сколько всего навидался, — сказал дрогнувшим голосом Иванушка, — но такого страшилища еще не встречал.

Он положил бревно на снег и обнял своих сынишек.

— Не бойтесь, — сказала Алиса, хоть и была обижена на Громозеку: можно подумать, это он рисковал жизнью в горах, доставая шар. — Они все мои друзья.

— Друзья, говоришь? Тогда пускай заходят в дом. Мы гостям всегда рады, — сказал Иванушка.

Через три минуты основательно продрогшие путешественники оказались в пещере. Ворона Дурында залезла на печку и громко кричала, что у нее начинается бронхит.

У Иванушки и Снегурочки припасов было в обрез, так что волшебник Оох велел Снегурочке принести тарелки и ложки, а он уже обеспечит остальное. Можно себе представить, какие кушанья оказались на столе в пещере!

Герасик, конечно, принялся за еду так, что за ушами трещало. Мальчишки от него не отставали.

Но Громозека, который обычно отличался хорошим аппетитом, на этот раз ничего не ел. Он думал.

— Главное, — сказал он наконец, — то, о чем мы в суматохе не догадались.

— Что? — спросила Алиса.

— Как же нам от него избавиться?

— Мы возьмем шар с собой, — сказала Алиса. — И папа его обезвредит.

— Чепуха, — ответил Громозека. — Шар может взорваться в любой момент. Там, в далеком будущем.

— Может, закопать... — сказала Алиса и осеклась. Как его закопаешь? Он же все равно взорвется, и вирусы вылезут наружу.

— А если его выкинуть? — спросил волшебник Оох.

— Куда выкинуть? — не понял Громозека.

— На Луну, — сказал Оох, улыбаясь в бороду.

— Только абсолютной неграмотностью можно объяснить такое предложение, — вздохнул Громозека. — Вы не представляете, сколько километров до Луны.

— К тому же ваш шар ударится о небо и упадет обратно, — сказал Герасик.

— Расстояние — не проблема, — сказал волшебник. — Я както пробовал закинуть туда одного джинна. Почти докинул. А ведь ваш шарик полегче будет.

— Докинет! — закричала с печи Дурында. — Он же не силой, а колдовством кидает.

— Ну знаете! — Громозека развел щупальца во все стороны. — Мне эти сказки немного надоели.

— Если Оох сказал, значит, может, — ответила Алиса. Она-то верила в сказки.

Поблагодарив хозяйку, они вышли наружу.

— А где Луна? — спросил Герасик. — Не вижу Луны. Ночи надо ждать.

— Это несущественно, — ответил волшебник. — Пока шар долетит, Луна придет в расчетную точку.

Алиса с удивлением глядела на волшебника. Он явно знал больше, чем положено обыкновенному волшебнику.

Волшебник взял шар, закатал рукав синего, расшитого звездами халата и замахнулся было старческой тонкой рукой, но тут его остановил крик Алисы:

— Там же люди! Там колонии, экспедиции, Луноград.

— Не бойся, — ответил Громозека. — Там все в скафандрах.

— А если случайно вирус проникнет в город?

— Решайте, — произнес волшебник, хлюпнув носом, — а то у меня насморк начинается.

— Не знаю, что и делать, — сказала Алиса.

— Вообще-то говоря, — сказал волшебник, — если посильнее замахнуться, я и дальше могу закинуть.

И прежде чем кто-нибудь успел возразить, волшебник сильно размахнулся и метнул шар вверх.

Набирая скорость, шар поднимался все выше, потом исчез из глаз, и только белый след, как от реактивного самолета, остался в синем небе.

— Что вы наделали! — ахнула Алиса.

— Ничего страшного, — ответил Оох, — ведь Солнце раскалено так, что ни один вирус там не выживет.

— Вы его закинули на Солнце?

— Есть еще порох в пороховницах, — скромно ответил волшебник.

— Что такое порох? — спросил мальчик Герасик.

— Порох, молодой человек, — сказал волшебник Оох, — еще не изобрели.

— Значит, изобрету, — сказал мальчик.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕВОЧКА, С КОТОРОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ. *Рассказы*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ 7
Я НАБИРАЮ НОМЕР 8
БРОНТЯ 9
ТУТЕКСЫ 13
ЗАСТЕНЧИВЫЙ ШУША 16
ОБ ОДНОМ ПРИВИДЕНИИ 20
ПРОПАВШИЕ ГОСТИ 24
СВОЙ ЧЕЛОВЕК В ПРОШЛОМ 28

РЖАВЫЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ. *Повесть* 31
ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ. *Повесть* 93
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АЛИСЫ. *Повесть* 259
СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД. *Роман* 325
ПЛЕННИКИ АСТЕРОИДА. *Повесть* 549
ЗАПОВЕДНИК СКАЗОК. *Повесть* 617
КОЗЛИК ИВАН ИВАНОВИЧ. *Повесть*. 703
ЛИЛОВЫЙ ШАР. *Повесть* 803

Литературно-художественное издание

Кир Булычев

СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Г. Москаленко*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *В. Савватеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 21.11.2006.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 47,04.
Тираж 6100 экз. Заказ № 5630.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.